Открыта подписка на „Русскій Архивъ“ 1880 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879. 9.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина.
1879.

„ОГОНЕКЪ",

съ безплатными художественными приложеніями.

52 нумера въ годъ.

ПРОГРАММА «ОГОНЬКА»:

1. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводные (съ рисунками къ нимъ).
2. Историческіе очерки, бытовыя картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
3. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портрет.).
4. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: естествознанія, археологіи, географіи, медицины, механики и т. д., и искусствъ: скульптуры, живописи, архитектуры, музыки и т. д. Библіографія и замѣчательные процессы (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній).
5. Смѣсь, анекдоты, афоризмы и т. п.
6. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
7. Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ.
8. Частныя объявленія

Громадный успѣхъ «ОГОНЬКА» (22 тысячи подписчиковъ) въ первый же годъ изданія, дѣлаетъ лишними всякія пышныя обѣщанія. Успѣху этому «ОГОНЕКЪ» обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большимъ литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ **вчетверо**. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ прошломъ году въ «ОГОНЬКѢ» принимали участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: **В. Г. Авсѣенко, К. Алексѣевъ, К. П. Галлеръ, Д-ръ Е. Д. Гончаровъ, Г. М. Данилевскій, В. В. Крестовскій, В Корніевскій,** (псевд.), **К. Орловскій, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, П. Полевой, Гр. Е. А. Саліасъ, К. К. Случевскій, Д. И. Садовниковъ, А. Фетъ,** и др.

При томъ же составѣ редакціи, при стремленіи къ улучшенію журнала съ каждымъ номеромъ въ 1880 г. съ первыхъ нумеровъ редакція начнетъ печатать «**Масоны**», романъ въ 5 част. **А. Ѳ. Писемскаго,** и **Лихо,** историческую повѣсть **Д. В. Аверкіева.**

Годовая цѣна „Огонька": безъ доставки 4 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города Россіи 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала „ОГОНЕКЪ", въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, № 16.

Для удобства своихъ подписчиковъ Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.

Редакторъ журнала „ОГОНЕКЪ"
Н. П. Аловертъ.

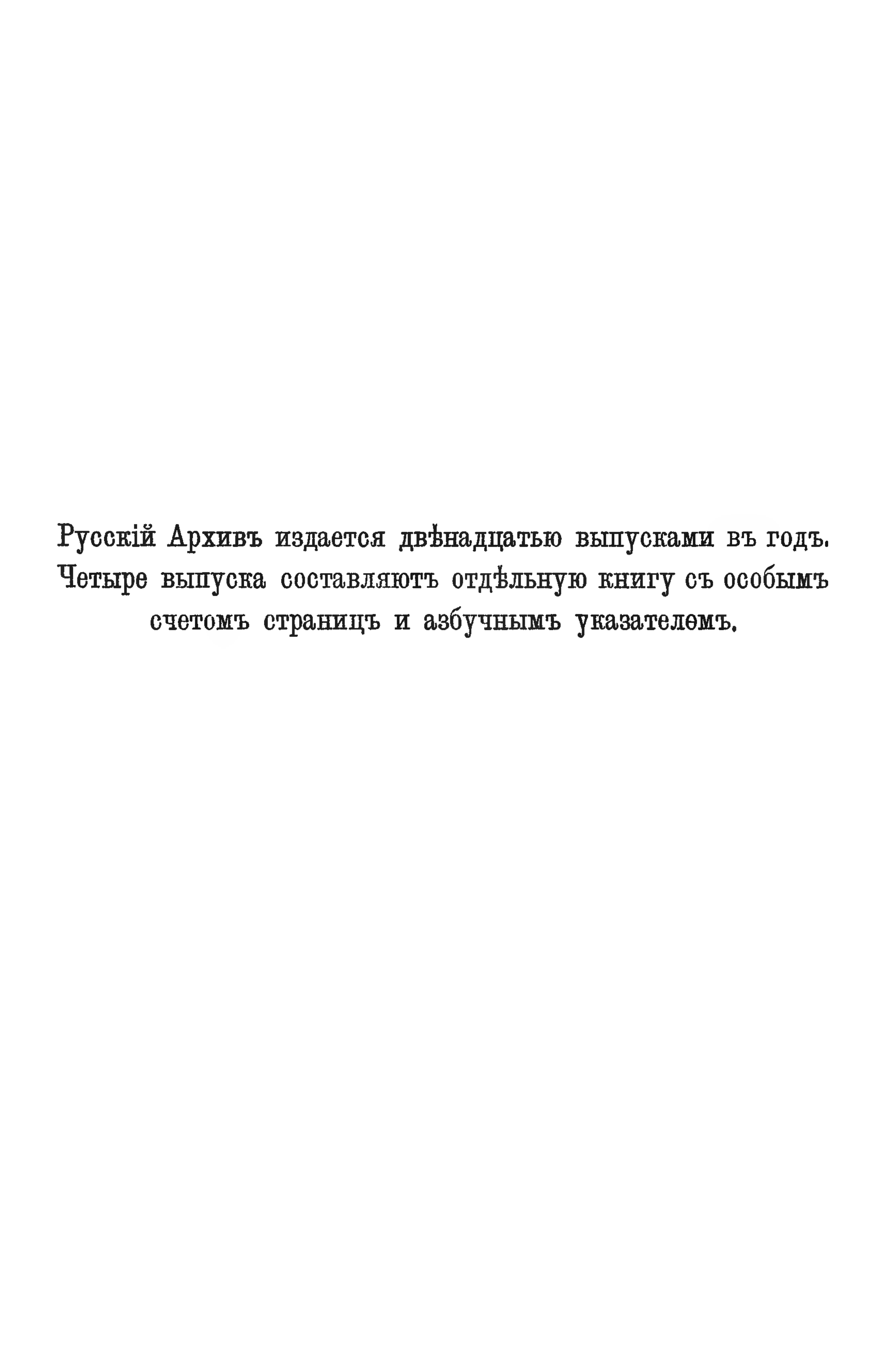
Издатель журнала „ОГОНЕКЪ"
Германъ Дмитр. Гоппе.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1879.

3.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

1879.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, въ Газетномъ переулкѣ, домъ Корзинкина
1879.

Галицкое наслѣдство *)

Миръ и внутренняя тишина, наставшія въ Червонной Руси при Ярославѣ Осмомыслѣ, были нарушены только его семейными раздорами. При этомъ впервыя обнаружилась та сила и то значеніе, которыя успѣло пріобрѣсти Галицкое боярство по отношенію къ своему князю и къ землѣ. Ранняя обособленность Галицкаго княженія отъ остальной Руси, а также единовластіе и преемство стола отъ отца къ сыну, утвердившіяся здѣсь прежде другихъ Русскихъ областей, много способствовали усиленію Галицкаго боярства: вмѣстѣ съ княжимъ родомъ и бояре его пріобрѣли прочную осѣдлость и сдѣлались богатыми землевладѣльцами. Въ каждой другой области глава княжаго рода держалъ землю посредствомъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, которымъ раздавалъ города и волости въ кормленіе (что̀ означало вмѣстѣ управленіе, судъ и сборъ доходовъ). Въ Галицкой, землѣ, со временъ Владимирка, при изгнаніи или устраненіи его братьевъ и племянниковъ, княжій родъ сосредоточился въ одномъ лицѣ, и вмѣсто младшихъ родичей князь долженъ былъ всю свою землю держать посредствомъ бояръ, такъ что они исключительно являются и воеводами его рати, и намѣстниками его городовъ. Притомъ самое водвореніе единовластія совершилось и поддерживалось съ помощью старшей дружины или бояръ, и князь необходимо долженъ былъ ласкать дружину, награждать ее, вообще дорожить ея расположеніемъ. Такимъ образомъ боярство Галицкое получило всѣ способы образовать изъ себя не только военную, но и земскую аристократію и выдѣлить нѣкоторые роды, наиболѣе богатые и вліятельные. Ихъ сословнымъ притязаніямъ не мало способствовали примѣры западныхъ сосѣдей, т. е. Польши и Венгріи, гдѣ аристократическое сословіе пользовалось особымъ значеніемъ, владѣло большою поземельною собственностію и ограничивало королевскую власть.

Ярославъ дурно жилъ съ своею законною супругою Ольгою, дочерью Юрія Долгорукаго, и любилъ другую женщину, именно Анастасію, принадлежавшую къ роду какого-то Чагра. Родственники ея получили при княжемъ дворѣ большую силу, чѣмъ возбудили

*) Изъ второй части „Исторіи Россіи".

неудовольствіе въ другихъ знатныхъ боярахъ. Къ тому же Осмомыслъ незаконному сыну отъ Анастасіи, Олегу, оказывалъ явное предпочтеніе передъ Владиміромъ, законнымъ сыномъ отъ Ольги Юрьевны. Семейный раздоръ дошелъ до того, что въ 1172 году Ольга съ своимъ сыномъ убѣжала въ Польшу. За нею послѣдовали и нѣкоторые недовольные бояре, съ воеводою Коснятиномъ Сѣрославичемъ во главѣ. Въ Польшѣ они пробыли около осьми мѣсяцевъ и отсюда завели сношенія съ партіей Галицкихъ единомышленниковъ. Желая быть къ нимъ поближе, Владиміръ выпросилъ себѣ у одного изъ Волынскихъ князей городъ Червень. Между тѣмъ недовольнымъ боярамъ удалось произвести переворотъ въ Галичѣ. Они возмутили жителей, избили Чагрову родню, схватили Анастасью и живою сожгли на кострѣ; сына ея заточили, а князя заставили присягнуть на томъ, что онъ будетъ хорошо жить съ своей законной женой. Хотя и совершенная подъ знаменемъ семейной законности, эта варварская самовольная расправа послужила пагубнымъ примѣромъ для дальнѣйшихъ отношеній боярства къ княжеской власти.

Ольга и Владиміръ воротились въ Галичъ, но домашнее согласіе не было возстановлено. Уже въ слѣдующемъ году княгиня и сынъ ея принуждены были снова бѣжать изъ Галича. Послѣ нѣкоторыхъ скитаній она удалилась въ родной Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ нашла пріютъ у брата своего великаго князя Всеволода III-го и, лѣтъ шесть спустя, скончалась тамъ, постригшись въ монахини подъ именемъ Ефросиніи. Между тѣмъ Владиміръ искалъ убѣжища у разныхъ князей: у Романа Волынскаго, у князя Туровскаго, у Давыда Смоленскаго, у дяди своего Всеволода III. Не желая ссориться съ сильнымъ Галицкимъ владѣтелемъ, князья отсылали отъ себя изгнанника. Только знаменитый Игорь Сѣверскій *), женатый на родной сестрѣ Владиміра, пріютилъ его въ Путивлѣ. Затѣмъ Владиміръ снова помирился съ отцомъ и воротился въ Галичъ, но полнаго примиренія не было. Выросшій посреди семейныхъ раздоровъ и скитаній, Владиміръ обнаруживалъ порочныя наклонности и непокорство, а потому не съумѣлъ пріобрѣсти отцовское расположеніе. Ярославъ Осмомыслъ продолжалъ отдавать предпочтеніе Олегу, котораго освободилъ изъ заточенія и держалъ при себѣ. Очевидно, ему удалось на время смирить партію недовольныхъ бояръ и возстановить свою власть. Когда же онъ тяжко заболѣлъ и почувствовалъ приближеніе кончины, тогда, по словамъ лѣтописи, этотъ мудрый, велерѣчивый, богобоязненный и нищелюбивый князь созвалъ дружину, гражданъ, духовенство, и сказалъ имъ: «Отцы, и братья, и сыновья! Вотъ я уже отхожу свѣта сего суетнаго, а согрѣшилъ паче всѣхъ людей. Отцы

*) Герой „Слова о Полку Игоревѣ". И. Б.

и братья! Простите и отдайте». Три дня продолжалось собраніе; въ эти дни слуги княжіе раздавали его имѣніе монастырямъ и нищимъ, и будто бы не могли раздать: такъ велики были богатства, накопленныя княземъ. Впрочемъ настоящею цѣлью созваннаго Ярославомъ земскаго вѣча, какъ оказывается, было не умилительное раскаяніе въ своихъ грѣхахъ, а задуманная перемѣна престолонаслѣдія. Онъ объявилъ, что главный столъ, т. е. отній Галичъ, оставляетъ меньшему сыну Олегу, а старшему Владиміру приказываетъ дѣдній Перемышль. Отсюда ясно, какъ еще слабо развиты были въ тѣ времена понятія о государствѣ: Ярославъ не дорожитъ единствомъ своей земли, въ жертву которому онъ и отецъ его принесли всѣхъ братьевъ и племянниковъ; чтобы доставить престолъ незаконному, но любимому сыну, онъ возобновляетъ удѣльный порядокъ въ Галиціи. Соборъ или земское вѣче не посмѣлъ ослушаться еще живаго князя и присягнулъ на основаніи его завѣщанія; присягнулъ на томъ же и самъ Владиміръ. Но присяга эта не послужила ни къ чему.

1 Октября 1187 года Ярославъ скончался, и на другой день погребли его въ соборной церкви Богородицы. Тотчасъ поднялась сильная боярская партія противъ сына Анастасіи, изгнала Олега и посадила на Галицкій столъ Владиміра. Такимъ образомъ, при всемъ умѣ и правительственномъ искусствѣ, Ярославъ Осмомыслъ своими семейными отношеніями самъ положилъ начало послѣдующимъ Галицкимъ неурядицамъ.

Владиміръ Ярославичъ имѣлъ совсѣмъ не такія свойства, чтобы поддержать миръ и тишину въ Галицкой землѣ. Онъ былъ преданъ пьянству, разврату и обнаруживалъ большую наклонность къ самовластію. Еще при жизни отца онъ далеко превзошелъ его семейною распущенностію: взялъ жену у одного попа и прижилъ съ нею двухъ сыновей. Теперь, не довольствуясь такимъ соблазномъ, если нравилась ему чья жена или дочь, онъ бралъ ее насильно. Съ боярами своими не любилъ онъ совѣтоваться о дѣлахъ. Естественно, бояре начали проявлять сильное неудовольствіе. Этимъ обстоятельствомъ спѣшилъ воспользоваться предпріимчивый, честолюбивый сосѣдъ, т. е. Романъ Волынскій. Видя неустройства, начавшіяся въ Червонной Руси, онъ возъимѣлъ намѣреніе овладѣть богатою землею. Подговоренные Романомъ, нѣкоторые Галицкіе бояре уже въ слѣдующемъ 1188 году произвели въ столицѣ вооруженное возстаніе. Не смѣя напасть на князя, у котораго было много пріятелей, мятежники послали сказать ему, что они возстали собственно противъ попадьи, которой не хотятъ кланяться, и требовали ея выдачи. Они хорошо знали, что князь скорѣе убѣжитъ, чѣмъ согласится на это требованіе. Такъ и случилось. Владиміръ, вспомнивъ участь Анастасіи, испугался за свою любезную: захвативъ съ собой сколько было возможно золота и серебра, онъ съ попадьей,

двумя ея сыновьями и вѣрною частью дружины бѣжалъ къ Угорскому королю Белѣ III. Мятежники послали за Романомъ Волынскимъ, и тотъ поспѣшилъ прибыть въ Галичъ. Однако онъ оставался здѣсь очень не долго. Король Угорскій не только пріютилъ Владимира, но и присягнулъ воротить ему Галичъ, и дѣйствительно выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ. Когда Романъ услыхалъ о приближеніи Угровъ, онъ и жена его поспѣшили удалиться, забравъ съ собой то, что̀ оставалось отъ княжей казны, а также бывшихъ на ихъ сторонѣ Галицкихъ бояръ и боярынь. Но оказалось, что Угорскій король хлопоталъ совсѣмъ не для Владимира: онъ также хотѣлъ воспользоваться неустройствами богатаго сосѣдняго края, чтобы завладѣть имъ. Нарушивъ присягу, Бела посадилъ здѣсь своего сына Андрея, а Владимира схватилъ, отнялъ у него всю казну и плѣнникомъ отослалъ обратно въ Венгрію, гдѣ его вмѣстѣ съ попадьей заключили въ башню. Такъ начались продолжительное вмѣшательство Угровъ въ Галицкія дѣла и ихъ притязанія на господство въ этой коренной Русской землѣ.

Галичане однако не думали помириться съ иноземнымъ владычествомъ. Они вспомнили, что на Руси есть еще отрасль ихъ княжаго рода, именно Ростиславъ, сынъ несчастнаго Ивана Берладника. Онъ въ то время проживалъ у Давыда Ростиславича въ Смоленскѣ. По призыву нѣкоторыхъ бояръ Ростиславъ съ небольшою дружиною поспѣшилъ въ Галицію, взялъ два пограничные города и пошелъ на Галичъ. Но тутъ обстоятельства оказались для него неблагопріятны: Бела не задолго прислалъ Андрею сильное подкрѣпленіе; сыновья и братья многихъ мужей Галицкихъ находились заложниками у короля, и мужи эти боялись открыто выступить за Ростислава. Андрей потребовалъ отъ Галичанъ новой присяги на вѣрность, и никто не посмѣлъ ослушаться. Ростиславъ явился подъ столицею, полагаясь на обѣщаніе бояръ, которые ему клялись, что при первой встрѣчѣ съ Уграми Галичане перейдутъ на его сторону. Окружавшіе князя чуяли измѣну и совѣтовали ему уйти назадъ. «Братья, отвѣчалъ князь, вы знаете, на чемъ они цѣловали мнѣ крестъ; если ищутъ моей головы, то Богъ имъ судья; а я не хочу болѣе скитаться по чужимъ землямъ: лучше голову положу въ своей отчинѣ». Онъ храбро ударилъ на Угро-Галицкую рать, но былъ окруженъ, сбитъ съ коня, и тяжело раненный взятъ въ плѣнъ. Когда его принесли въ городъ, Галичане устыдились своей измѣны и хотѣли добыть его изъ рукъ Угровъ; но тѣ поспѣшили приложить къ ранамъ какое-то зелье, отъ чего онъ и умеръ. Надменные легкимъ успѣхомъ, Угры (христіане по имени, но все еще полудикій народъ) предались разнымъ неистовствамъ: отнимали у гражданъ женъ и дочерей, ставили своихъ коней въ православныхъ храмахъ, производили грабежи. Тогда угнетенные Галичане встужились по своемъ прирожденномъ князѣ Владимирѣ и стали раскаяваться въ его изгнаніи.

Случилось такъ, что въ это именно время Владимиръ спасся изъ своего заключенія. На каменной башнѣ, въ которой онъ содержался, былъ поставленъ для него полотняный шатеръ. Князь изрѣзалъ его, свилъ изъ полотна веревки и по нимъ спустился на землю. Двое подкупленныхъ сторожей помогли его бѣгству и проводили въ Нѣмецкую землю, гдѣ онъ явился къ императору Фридриху Барбаруссѣ. Сей послѣдній находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Всеволодомъ III Большое Гнѣздо и, узнавъ, что Владимиръ былъ племянникомъ Суздальскому князю, принялъ его съ почетомъ и даже помогъ ему воротить княженіе. Впрочемъ, какъ истый Нѣмецъ, онъ сдѣлалъ этъ не даромъ, а обязалъ Владимира платить императору по 2000 гривенъ серебра въ годъ, слѣдовательно признать себя какъ бы вассаломъ Германской имперіи. Но такое обязательство повидимому не было исполнено за скорою кончиною Барбаруссы. Занятый приготовленіями къ Крестовому походу, императоръ далъ Владимиру нѣсколько рыцарей и отправилъ его къ Казимиру Краковскому, которому поручилъ изгнать Угровъ изъ Галича. Надобно замѣтить, что раздробленіе Польши и междоусобія сыновей Болеслава Кривоустаго подали Фридриху поводъ вмѣшаться въ дѣла Польскихъ князей и привести ихъ въ ленную отъ себя зависимость. Казимиръ далъ Владимиру войско съ лучшимъ своимъ воеводою Николаемъ.

Едва князь вступилъ въ родную землю, какъ Галичане возстали противъ Угровъ, прогнали королевича Андрея и съ радостію встрѣтили своего законнаго государя. Это происходило въ 1190 году. Чтобы обезопасить себя отъ сосѣдей, Владимиръ прибѣгъ подъ покровительство дяди своего Всеволода Суздальскаго; а тотъ отправилъ посольства къ Települ Уграмъ, Ляхамъ и южнорусскимъ князьямъ и взялъ съ нихъ обѣщаніе не искать Галича подъ его племянникомъ. Претерпѣнныя въ изгнаніи страданія, повидимому, исправили нѣсколько князя, такъ что остальное время его правленія протекло въ мирѣ, и Галицкая земля немного отдохнула отъ прошлыхъ тревогъ, но только для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ испытать еще горшія смуты. Поводомъ къ нимъ послужилъ все тотъ же вопросъ о престолонаслѣдіи. Владимирко и Ярославъ Осмомыслъ слишкомъ усердно позаботились объ истребленіи своихъ родственниковъ (хотя бы съ благою цѣлью доставить единство и спокойствіе Червонной Руси). Когда около 1200 года Владимиръ скончался, родъ Галицкихъ Ростиславичей пресѣкся (за исключеніемъ двухъ незаконныхъ сыновей отъ попадьи), открылось широкое поле для разныхъ соискателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ для всякихъ смутъ и мятежей.

Романъ Волынскій давно ожидалъ этой кончины, хорошо зная положеніе дѣлъ въ Галичѣ. Едва онъ получилъ извѣстіе о смерти Владимира, какъ двинулъ свои полки. Но, чтобы вѣрнѣе обезпечить за собой Галицію со стороны Угровъ, онъ предварительно поѣхалъ

въ Польшу, гдѣ у него были родственныя и дружескія связи. По матери своей Романъ былъ внукомъ короля Болеслава Кривоустаго и въ юности живалъ при Краковскомъ дворѣ. Въ послѣдней четверти XII вѣка на старшемъ Польскомъ столѣ сидѣлъ младшій сынъ Кривоустаго, постоянный союзникъ Романа, Казимиръ Справедливый, родной братъ Романовой матери и его крестный отецъ; къ тому же и самъ Казимиръ женился на Волынской княжнѣ, Еленѣ Всеволодовнѣ, племянницѣ Романа. Этотъ князь по смерти Казимира (1194) защищалъ его малолѣтнаго сына Лешка Бѣлаго противъ дяди, Мечислава Стараго, но потерпѣлъ пораженіе, при чемъ былъ тяжело раненъ. Затѣмъ извѣстно, какъ Романъ разсорился съ своимъ тестемъ Рюрикомъ, великимъ княземъ Кіевскимъ, изъ-за Поросья. Отославъ свою супругу къ ея отцу, онъ вступилъ во второй бракъ съ Польскою княжною, племянницею Лешка Бѣлаго, и черезъ это еще болѣе породнился съ Пястовичами. Сюда-то, въ Краковъ, обратился онъ теперь за помощью для своего водворенія въ Галичѣ. И дѣйствительно, Польскіе полки, подъ начальствомъ того же воеводы Николая и самого юнаго Лешка, соединились съ полками Волынскими и явились подъ Галичемъ. Въ то время король Угорскій также шелъ къ Галичу; вѣроятно, часть бояръ, зная характеръ Волынскаго князя, предпочитала Угровъ и призывала ихъ въ свою землю. Видя, что Романъ предупредилъ его, король воротился назадъ. Галичане отворили Роману ворота и посадили его на свой столъ.

Наступило непродолжительное, но достопамятное княженіе Романа въ Галичѣ. Со всею неукротимою энергіей своего пылкаго нрава, онъ обрушился на противную себѣ партію Галицкихъ бояръ, уже привыкшихъ къ крамоламъ и самоволію, не уважавшихъ княжеской власти. Нѣкоторые изъ нихъ поплатились жизнію, другіе спаслись бѣгствомъ. «Не раздавивъ пчелъ, меду не ѣсть»—было любимою поговоркою князя. Современный ему Польскій лѣтописецъ (Кадлубекъ) разсказываетъ, будто онъ зарывалъ живыхъ людей въ землю или разсѣкалъ ихъ на части; но несомнѣнно, что онъ обнаруживалъ чрезвычайную свирѣпость противъ бояръ, озлобленный ихъ попытками помѣшать его водворенію въ Галичѣ. Смиривъ внутреннихъ враговъ, Романъ тѣмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ обратился къ внѣшнимъ предпріятіямъ, располагая теперь силами земель Волынской и Галицкой. Около того времени Дунайскіе Болгары, свергшіе съ себя Византійское владычество, призвали на помощь Половцевъ, вмѣстѣ съ ними начали опустошать Ѳракію и забирать жителей въ неволю; кочевые наѣздники простерли свои набѣги до самаго Царяграда. На императорскомъ престолѣ сидѣлъ тогда робкій Алексѣй III, изъ фамиліи Ангеловъ. При посредствѣ митрополита Кіевскаго онъ просилъ помощи у Романа. Русскіе—«христіаннѣйшій народъ», по выраженію Византійскаго повѣствователя—вступились за Ромеевъ (Ви-

зантійцевъ). Зимою 1202 года Романъ пошелъ въ степь на Половецкія вежи, разгромилъ ихъ и освободилъ множество христіанскихъ плѣнниковъ, чѣмъ принудилъ Половцевъ покинуть Ѳракію и спѣшить для защиты собственныхъ жилищъ. Послѣ того, какъ извѣстно, онъ дважды изгонялъ изъ Кіева своего бывшаго тестя Рюрика Ростиславича и распоряжался великимъ Кіевскимъ столомъ. Могущество Романа достигло высшей степени, такъ что лѣтописецъ Волынскій величаетъ его самодержцемъ всей Русской земли.

Къ тому же времени, вѣроятно, относится посольство папы Иннокентія III. Римская курія не пропускала ни одного удобнаго случая, чтобы осуществить свою завѣтную мысль о подчиненіи Русской церкви. Въ этомъ отношеніи она находила всегда дѣятельную помощь со стороны Польскаго католическаго духовенства. Но сіе послѣднее въ то время имѣло много хлопотъ и въ собственной землѣ, именно въ областяхъ Краковской, Судомирской и Люблинской, гдѣ не только жило Русское православное населеніе, но и между самими Поляками сохранялись значительные остатки Грекославянскаго обряда. Подобные же остатки сохранялись еще и въ сосѣдней Чехо-Моравской землѣ. Любопытно, что около половины XII вѣка, для окончательнаго искорененія этого обряда у Западныхъ Славянъ, а преимущественно для борьбы съ Русскою церковью, епископъ Краковскій Матвѣй призывалъ самаго знаменитаго католическаго проповѣдника своего времени, аббата Клервосскаго Бернарда. «Россія это какъ бы особый міръ», писалъ Матвѣй. «Русскій народъ, безчисленный какъ звѣзды небесныя», будто бы «только именемъ исповѣдуетъ Христа, а дѣлами отвергаетъ Его»; только одинъ Клервосскій аббатъ можетъ своею проповѣдью, какъ «обоюдуострымъ мечемъ», сокрушить заблужденіе этого народа и привлечь его въ католичество, ибо «внѣ католической церкви нѣтъ истиннаго святаго таинства». Неизвѣстно, что̀ помѣшало краснорѣчивому аббату исполнить просьбу и отправиться къ Славянскимъ народамъ. Тѣмъ не менѣе, попытки папства противъ Руси продолжались и особенно усилились въ началѣ XIII вѣка, когда съ одной стороны Нѣмецкіе крестоносцы начали успѣшное покореніе Балтійскаго края, а съ другой Французскіе крестоносцы завоевали самую Византію, средоточіе Православія, и водворили тамъ Латинскую имперію въ 1204 г. Сидѣвшій въ то время на папскомъ престолѣ, столь знаменитый Иннокентій III отправилъ посольство къ Роману Галицкому съ предложеніемъ королевскаго вѣнца, если тотъ приметъ Латинскую вѣру, и съ обѣщаніемъ помочь ему мечемъ апостола Петра пріобрѣсти новыя земли. Въ отвѣтъ на это Романъ, какъ разсказываютъ, обнажилъ свой мечъ и гордо спросилъ: «Таковъ ли у папы? Доколѣ онъ при бедрѣ моемъ, не имѣю нужды покупать себѣ города иначе какъ

кровью, по примѣру нашихъ отцовъ и дѣдовъ, умножившихъ землю Русскую». Можетъ быть, раздраженное тѣмъ Латинское духовенство не мало способствовало послѣдующей вскорѣ гибели Романа, возбудивъ сильную вражду между нимъ и Поляками.

По смерти Мечислава Стараго сынъ его Владиславъ Тонконогій оспаривалъ старшій Польскій столъ, т. е. Краковъ, у своего двоюроднаго брата Лешка Бѣлаго. Романъ вмѣшался въ эту распрю, принявъ сторону Лешка. Кажется, онъ имѣлъ намѣреніе воспользоваться Польскими неустройствами, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ Люблинскую область или Русь Надвислянскую. Но когда онъ выступилъ съ большимъ войскомъ на помощь Лешку и началъ опустошать пограничную Польскую землю, двоюродные братья примирились и послали ему сказать, чтобъ онъ удалился во свояси. Романъ потребовалъ денежнаго вознагражденія за свой походъ или уступки Люблинской волости. Польскіе князья вступили съ нимъ въ мирные переговоры, а между тѣмъ собрали большія силы. Романъ стоялъ таборомъ на лѣвомъ берегу Вислы подъ Завихостомъ, и, обманутый этими переговорами, не соблюдалъ должной воинской осторожности. Однажды съ небольшой дружиной онъ отъѣхалъ отъ своего табора для охоты, и тутъ неожиданно напалъ на него сильный непріятельскій отрядъ. Князь не смутился и началъ мужественно обороняться. Услыхавъ о нападеніи на князя, войско поспѣшило къ нему на помощь; но кто-то изъ враговъ уже успѣлъ копьемъ нанести ему смертельную рану. Галичане могли только выручить трупъ Романа, который отвезли въ Галичъ и похоронили въ соборномъ храмѣ Богородицы (1205). Гибель такого опаснаго сосѣда какъ Романъ произвела большую радость между Ляхами. Лешко съ младшимъ братомъ своимъ Конрадомъ воздвигли въ Краковскомъ соборѣ особый алтарь свв. мученикамъ Гервасію и Протасію: въ день ихъ памяти былъ убитъ Романъ. Объ этомъ днѣ сложились потомъ у Поляковъ цѣлыя легенды, которыя небольшую стычку превратили въ большое сраженіе. Историкъ Польскій (Длугошъ) между прочимъ разсказываетъ, будто въ ночь передъ битвою Романъ видѣлъ страчный сонъ: со стороны Судомира прилетала стая щеглятъ и пожрала большую стаю воробьевъ; будто молодые бояре князя толковали сонъ въ хорошую для него сторону, а старые наоборотъ.

Такъ погибъ этотъ знаменитый князь, можетъ быть слишкомъ увлеченный своею неукротимою энергіей, пылкимъ нравомъ и властолюбіемъ. Самая наружность его и свойства были замѣчательны: средняго роста, широкоплечій, черноволосый, съ красноватымъ цвѣтомъ лица, черными глазами и крупнымъ горбатымъ носомъ, онъ отличался большою физическою силою и личною храбростію; былъ косноязыченъ и въ припадкахъ гнѣва долго не могъ выговорить слова; любилъ веселиться съ дружиною, но пилъ умѣренно; любилъ женщинъ, но ни одной не подчинялся.

Ранняя смерть Романа имѣла великія послѣдствія для Червонной Руси. Онъ слишкомъ недолго владѣлъ Галицкимъ столомъ, чтобы утвердить его за своимъ родомъ, и слишкомъ былъ жестокъ съ боярами, чтобы привлечь ихъ на сторону своихъ дѣтей. Вторая супруга Романа осталась послѣ него съ двумя сыновьями: четырехлѣтнимъ Даніиломъ и двухлѣтнимъ Василькомъ. Ихъ малолѣтство давало полный просторъ стремленіямъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Отсюда мы видимъ продолжительный рядъ безпрерывныхъ смутъ, сопровождавшихся постояннымъ вмѣшательствомъ сосѣднихъ государей, Угорскаго и Польскаго. Если Галицкая земля уже въ то время не сдѣлалась добычею кого либо изъ нихъ, то этому помѣшали съ одной стороны существованіе еще довольно сильныхъ князей Кіевскихъ и Черниговскихъ, а съ другой раздробленіе Польши и неустройства въ самой Венгріи.

Сдѣлаемъ краткій обзоръ дальнѣйшихъ, отличающихся немалою запутанностію, Галицкихъ событій и переворотовъ до появленія Татаръ.

Рюрикъ Ростиславичъ, сбросивъ съ себя монашескую одежду и занявъ опять Кіевскій столъ, соединился съ Черниговскими Ольговичами и пошелъ съ ними на Галичъ, чтобы отнять его у дѣтей своего врага. Очевидно, они разсчитывали на предательство бояръ, которые питали нелюбовь къ семейству своего грознаго гонителя. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ вдова Романа обратилась съ просьбою о помощи къ Угорскому королю Андрею II, тому самому, который нѣкоторое время сидѣлъ на Галицкомъ столѣ. По смерти своего отца Белы III, онъ вступилъ въ борьбу съ старшимъ братомъ Эммерихомъ за королевскій тронъ и тогда сблизился съ Романомъ Галицкимъ: они заключили союзъ съ условіемъ взаимно поддерживать другъ друга. По смерти Эммериха Андрей добился цѣли своихъ усилій и овладѣлъ короною. Онъ остался вѣренъ своему союзу съ покойнымъ княземъ: пріѣхалъ на свиданіе съ княгинею въ городъ Санокъ, обласкалъ маленькаго Даніила и помогъ войскомъ. Угры успѣли на время ввести свою залогу (гарнизонъ) въ Галичъ и не допустили крамольныхъ бояръ передаться Рюрику. Сей послѣдній и его союзники ушли назадъ, но въ слѣдующемъ году они явились снова, захвативъ съ собой и Черныхъ Клобуковъ. Лешко Бѣлый, великій князь Краковскій, также двинулся на Галичъ. Вдова Романа опять обратилась къ Угорскому королю; но прежде нежели онъ подоспѣлъ, народный мятежъ заставилъ ее уѣхать изъ Галича съ дѣтьми въ ихъ наслѣдственную волость, Владиміръ Волынскій. Прибытіе Угорскаго короля съ сильными полками остановило движеніе Лешка и Рюрика; однако, связанный въ своихъ дѣйствіяхъ смутами въ собственномъ королевствѣ, Андрей ушелъ назадъ, не устроивъ дѣлъ Галицкихъ.

Въ это время изъ среды туземныхъ бояръ выдвигается какой-то Владиславъ съ своимъ братомъ. Лѣтопись называетъ его «Кормиличичъ» (можетъ быть сынъ княжей кормилицы, а еще вѣроятнѣе княжаго *кормильца*, т. е. боярина-дядьки). Онъ былъ изгнанъ Романомъ за свою невѣрность, а теперь, пользуясь обстоятельствами, воротился и сталъ играть видную роль въ Галичѣ. Владиславъ началъ выхвалять достоинства Игоревичей, т. е. сыновей знаменитаго Игоря Сѣверскаго, которые по матери своей приходились внуками Ярославу Осмомыслу и слѣдовательно имѣли нѣкоторыя права на его наслѣдіе, за прекращеніемъ мужеской линіи. Они участвовали въ походѣ Рюрика и находились на обратномъ пути, когда къ нимъ пригнали гонцы отъ бояръ, единомышленниковъ Владислава, съ предложеніемъ Галицкаго княженія. Игоревичи поспѣшили на ихъ призывъ. Старшій изъ Сѣверскихъ князей Владиміръ (когда-то Половецкій плѣнникъ, женившійся на дочери Кончака) сѣлъ въ Галичѣ, а братъ его Романъ въ Звенигородѣ. Но одного Галицкаго княженія имъ показалось мало: они послали во Владиміръ Волынскій уговаривать гражданъ, чтобы тѣ выдали имъ малолѣтныхъ Романовичей и приняли къ себѣ на столъ третьяго или младшаго Игоревича, Святослава; въ противномъ случаѣ грозили жестоко наказать ихъ городъ. Владимірцы, отличавшіеся приверженностію къ своему княжему роду, такъ были возмущены этимъ требованіемъ, что едва не убили священника, правившаго посольство отъ Галичанъ; однако и здѣсь нашлись бояре, которые не только заступались за посла, но и начали склонять гражданъ на сторону его предложенія. Видя со всѣхъ сторонъ грозившую измѣну, княгиня въ туже ночь бѣжала изъ Владиміра съ дѣтьми; бѣглецы пролѣзли сквозь какое-то отверстіе въ городской стѣнѣ; Даніила несъ на рукахъ его дядька Міроcлавъ, а Василька священникъ Юрій съ кормилицею. Во Владимірѣ дѣйствительно сѣлъ младшій Игоревичъ, Святославъ. Но судьба жестоко посмѣялась надъ честолюбіемъ этихъ братьевъ: они дорого заплатили за свое кратковременное обладаніе Галицко-Волынскою землею.

Не зная, куда преклонить голову, вдовая княгиня рѣшилась искать убѣжища въ Польской землѣ, у своего родственника Лешка Бѣлаго. Хотя Ляхи погубили Романа и все еще находились во враждѣ съ его родомъ, однако добродушный Лешко принялъ княгиню ласково и сжалился надъ участью сыновей князя, когда-то бывшаго его вѣрнымъ союзникомъ и покровителемъ. Оставивъ у себя княгиню и Василька, онъ отправилъ Даніила къ Угорскому королю и предложилъ ему сообща воротить Романовичамъ отцовское наслѣдіе. Игоревичи поспѣшили богатыми дарами смягчить обоихъ сосѣдей, Андрея и Лешка, и на нѣкоторое время отклонить отъ себя грозу. Но они сами вскорѣ разсорились между собою. Второй изъ нихъ, Романъ, съ помощью Угорскаго короля, отнялъ Галичъ у старшаго брата

Владимира и принудилъ его бѣжать въ свой Путивль. Вслѣдъ за тѣмъ и Святославъ былъ изгнанъ изъ Владимира Волынскаго Лешкомъ Бѣлымъ, который отдалъ этотъ городъ своему шурину Александру Всеволодовичу Бельзскому. Такимъ образомъ иноплеменное вмѣшательство раздѣлилось: между тѣмъ какъ Угорскій король держалъ у себя маленькаго Даніила и подчинилъ своему вліянію Галицкую землю, Лешко Польскій далъ удѣлъ на Волыни младшему Романовичу Васильку, и вообще сталъ распоряжаться судьбою Волынской земли.

Галицкіе бояре, измѣнивъ старшему Игоревичу, Владиміру, не долго ладили съ Романомъ и обратились за помощью противъ него къ Уграмъ. Андрей прислалъ войско подъ начальствомъ своего воеводы Бенедикта Бора. Романъ до того былъ безпеченъ, что Угры, конечно благодаря измѣнѣ, захватили его моющимся въ банѣ. Бенедиктъ началъ управлять страною отъ имени своего короля, при чемъ, какъ истый Мадьяръ, предался разнымъ неистовствамъ: онъ мучилъ и бояръ, и простыхъ гражданъ, отнималъ у нихъ женъ, не щадилъ и самыхъ черницъ. Лѣтопись называетъ его «томителемъ» и «антихристомъ». Выведенные изъ терпѣнія его насиліями, Галичане уже сожалѣли о Сѣверскихъ Игоревичахъ и снова звали ихъ къ себѣ на княженіе. Тѣ явились съ сильною ратью, и Бенедиктъ бѣжалъ въ Угрію. Владиміръ сѣлъ опять въ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ, а Святославъ въ Перемышлѣ. Совсѣмъ не обладая умомъ и энергіей Романа Волынскаго, братья на этотъ разъ вздумали слѣдовать его примѣру, чтобы обезпечить за собою Галицкую землю, т. е. принялись гнать и истреблять крамольную боярскую партію. Они казнили нѣсколько знатныхъ людей и до пятисотъ ихъ сторонниковъ изъ туземнаго дружиннаго сословія и тѣмъ, разумѣется, навлекли на себя ожесточенную ненависть этого сословія. Галичане вспомнили о сыновьяхъ своего покойнаго князя Романа. Нѣкоторые убѣжавшіе въ Венгрію бояре, въ томъ числѣ Владиславъ Кормиличичъ, просили Андрея, чтобы онъ отпустилъ къ нимъ на княженіе малолѣтняго Даніила Романовича. Андрей послушалъ ихъ и послалъ съ ними Даніила, давъ ему вспомогательное войско; на пути присоединились еще отряды Польскіе и Волынскіе. Жители крѣпкаго Перемышля склонились на коварныя рѣчи Владислава Кормиличича и выдали Уграмъ Святослава Игоревича. Звенигородцы начали было оборонять своего князя Романа, но онъ самъ покинулъ городъ и на дорогѣ былъ захваченъ въ плѣнъ. Послѣ того Владиміръ не сталъ ожидать непріятельской рати и бѣжалъ изъ Галича. Такимъ образомъ Даніилъ безпрепятственно вступилъ въ этотъ городъ. Онъ торжественно посаженъ на отцовскій столъ въ соборномъ храмѣ Богородицы. Но его побѣда была запятнана неслыханнымъ на Руси событіемъ: бояре Галицкіе, озлобленные противъ Игоревичей за истребленіе многихъ

своихъ родственниковъ и подручниковъ, воспользовались случаемъ для мести. Великими дарами они склонили Угорскихъ воеводъ выдать имъ двухъ плѣнныхъ князей, Романа и Святослава, и предали ихъ самой позорной казни, т. е. повѣсили. Это черное дѣло совершилось въ Сентябрѣ 1211 года.

Десятилѣтній Даніилъ, конечно, не могъ воспрепятствовать такому злодѣйству. Онъ не имѣлъ силы защищать и собственную мать. Княгиня пріѣхала въ Галичъ, чтобы помочь сыну въ управленіи; но бояре этого не желали и принудили ее удалиться. Когда она собралась въ путь, Даніилъ плакалъ и не хотѣлъ съ нею разстаться. Одинъ изъ бояръ, Александръ, тивунъ Шумавинскій, схватилъ за поводъ его коня, чтобы отвести отъ матери. Маленькій князь обнажилъ свой мечъ и хотѣлъ ударить боярина, но не попалъ и ранилъ его коня. Мать поспѣшила взять мечъ изъ рукъ сына, уговорила его остаться въ Галичѣ и сама уѣхала сначала въ Бельзъ къ Васильку, а потомъ къ Угорскому королю. Она вооружила Андрея противъ боярина Владислава, его братьевъ и пріятелей, которые забрали теперь въ свои руки все управленіе Галицкою землею. Андрей велѣлъ схватить Владислава и подвергъ его заключенію. Мать Даніила воротилась было въ Галичъ, но скоро опять, вслѣдствіе новаго мятежа, принуждена была вмѣстѣ съ сыномъ искать убѣжища въ Венгріи, а потомъ въ Краковѣ. Между тѣмъ хитрый бояринъ Владиславъ не только успѣлъ помириться съ королемъ, но и вошелъ съ нимъ въ согласіе о присоединеніи Галича къ Угорскому королевству. Андрей отпустилъ Владислава съ товарищами напередъ, конечно для того, чтобы приготовить все къ новому перевороту, а самъ съ главнымъ войскомъ слѣдовалъ за ними. Онъ уже дошелъ до Лелесова монастыря, какъ вдругъ получилъ извѣстіе о страшныхъ событіяхъ въ его собственной землѣ.

Вельможи Угорскіе, всегда отличавшіеся непокорнымъ, мятежнымъ духомъ, получили особую силу во времена расточительнаго, непослѣдовательнаго Андрея II. Супруга его Гертруда, родомъ Нѣмецкая принцесса, женщина рѣшительнаго характера, возбуждала своего мужа къ строгимъ мѣрамъ противъ своевольныхъ. Подъ ея покровительствомъ, въ Венгріи появились многочисленные Нѣмецкіе выходцы, которые получили мѣста въ войскѣ и при дворѣ королевскомъ. По совѣту Гертруды и съ помощью Нѣмецкихъ отрядовъ, король разрушилъ нѣкоторые замки мятежныхъ вельможъ. Все это навлекло на королеву сильную ненависть со стороны Угорскихъ магнатовъ. Особенно озлобляло ихъ дерзкое поведеніе ея любимаго брата Бертольда, котораго король не только не укрощалъ, но и осыпалъ милостями. Нѣсколько знатнѣйшихъ магнатовъ составили заговоръ противъ королевы и Нѣмцевъ и, пользуясь походомъ Андрея въ Галицію, привели въ исполненіе свой умыселъ. Они подняли возстаніе,

умертвили многихъ Нѣмцевъ, въ томъ числѣ и самоё королеву. Бертольдъ однако успѣлъ бѣжать. Король воротился съ похода и въ крови мятежниковъ потушилъ возстаніе (1214).

Между тѣмъ въ Галичѣ произошло второе неслыханное на Руси событіе: бояринъ сѣлъ на княжемъ столѣ. Владиславъ Кормиличичъ воспользовался затрудненіями Андрея и самъ вокняжился въ Галичѣ. Онъ держался здѣсь съ помощью наемныхъ Угровъ и Чеховъ и конечно признавалъ себя вассаломъ Угорскаго короля. Но такой соблазнъ не могъ долго продолжаться. Въ Галицкія дѣла снова вмѣшался Лешко Бѣлый. Онъ послалъ сказать Андрею Угорскому: «не лѣпо боярину сидѣть на княжемъ столѣ; лучше возьми дочь мою за твоего сына Коломана и посади ихъ въ Галичѣ». Предложеніе было принято. Пятилѣтній Коломанъ обрученъ съ трехлѣтнею княжною Саломеей и сталъ княжить въ Галичѣ, подъ опекою отцовскихъ вельможъ и подъ защитою Угорской залоги. Владиславъ былъ снова схваченъ и заточенъ въ Угріи, гдѣ и умеръ. Лѣтопись прибавляетъ, что впослѣдствіи никто изъ Русскихъ князей не хотѣлъ призрѣть дѣтей этого боярина за его дерзкую попытку присвоить себѣ княжеское достоинство. По просьбѣ Андрея папа Иннокентій III поручилъ одному архіепископу вѣнчать Коломана королевскою короною въ Галичѣ; разумѣется, при этомъ папа взялъ обѣщаніе подчинить Галицкую церковь Римскому престолу. Однако не вся Галицкая земля досталась Коломану; надобно было подѣлиться и съ Польскими союзниками: Лешко взялъ себѣ область Перемышльскую, а воевода Судомирскій Пакославъ, въ переговорахъ служившій главнымъ посредникомъ, получилъ Любачевскій округъ. Пакославъ почему-то благопріятствовалъ сыновьямъ Романа Волынскаго; по его совѣту Лешко Бѣлый отнялъ у Александра Бельзскаго Владиміръ Волынскій и отдалъ его Романовичамъ, которые такимъ образомъ снова водворились въ старой отцовской волости.

Повидимому, все было улажено, и Галицкая земля, подѣленная между иноплеменниками, уже навсегда отторгнута отъ остальной Руси. Однако ея превратности еще не кончились. Коломанъ и Саломея спокойно княжили въ Галичѣ четыре года. Но сами союзники, наконецъ, перессорились изъ-за добычи. Андрею не нравился раздѣлъ Галицкой земли; онъ желалъ, чтобы сынъ его владѣлъ ею сполна. Въ 1218 году король воротился изъ своего крестоваго похода на Востокъ; вскорѣ потомъ онъ изгналъ Ляховъ изъ Перемышля и Любачева, что̀ въ свою очередь дало толчекъ къ новымъ переворотамъ. Оскорбленный Лешко, будучи не въ силахъ бороться съ Уграми, обратился къ самому предпріимчивому изъ Русскихъ князей, къ Мстиславу Мстиславичу Удалому, тогда князю Новгородскому и звалъ его на Галицкій столъ.

Мстиславъ принялъ приглашеніе и, дѣйствительно, съ помощью Поляковъ легко изгналъ Угровъ изъ Галича; конечно, ему помогли и сами Галичане, наскучившіе владычествомъ иноплеменниковъ, особенно духовенство, видѣвшее происки папистовъ. Часть Галичанъ въ это время уже возлагала надежды на молодаго Даніила Романовича какъ на своего законнаго государя; чтобы обезопасить себя съ этой стороны, Мстиславъ заключилъ союзъ съ Даніиломъ и выдалъ за него свою дочь Марію. Приходя въ возрастъ, Даніилъ сталъ обнаруживать мужественныя, воинственныя наклонности; онъ началъ съ того, что отнялъ у Лешка захваченные имъ нѣкоторые Волынскіе города. Сей послѣдній тогда разссорился съ тестемъ Даніила Мстиславомъ и снова пригласилъ Андрея Угорскаго посадить въ Галичѣ Коломана и Саломею. Король поспѣшилъ воспользоваться ихъ раздоромъ и двинулъ многочисленное войско. Послѣ кратковременной борьбы Мстиславъ покинулъ Галичъ, и тамъ опять водворились Угры съ Коломаномъ. Въ этой борьбѣ Даніилъ явился на помощь Мстиславу и отличился ратными подвигами; тесть похвалилъ его мужество, подарилъ ему своего любимаго сиваго коня и отпустилъ его во Владиміръ, а самъ отправился къ Половцамъ. Отсюда въ слѣдующемъ 1221 году онъ пришелъ съ наемными отрядами, чтобы вновь добывать Галичъ.212Уграми начальствовалъ воевода Фильній, человѣкъ гордый, съ презрѣніемъ относившійся къ Русскимъ. «И одинъ камень много перебьетъ горшковъ», говаривалъ онъ о нихъ въ насмѣшку, или похвалялся такимъ словомъ: «острый мечъ, борзый конь — много Руси!» Однако, когда дѣло опять дошло до битвы съ Мстиславомъ подъ самымъ Галичемъ, Угры, въ соединеніи съ Ляхами, были разбиты на голову, и самъ Фильній попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ Галицкими боярами, державшими ихъ сторону. Мстиславъ вломился въ Нижній городъ; затѣмъ овладѣлъ и Верхнимъ или княжимъ за̀мкомъ, гдѣ находилась Угорская залога съ королевичемъ Коломаномъ, его супругою и женами Угорскихъ начальниковъ. Отсюда Коломанъ съ остаткомъ Угровъ спасся было въ соборный храмъ Богородицы, который Фильніемъ былъ заранѣе соединенъ съ княжимъ за̀мкомъ и приспособленъ къ оборонѣ. Осажденные бросали стрѣлы и камни съ верховъ храма и держались еще нѣсколько дней; наконецъ жажда и голодъ принудили ихъ сдаться. Коломанъ отправленъ въ Торческъ, гдѣ и содержался, пока отецъ не выкупилъ его изъ плѣна.

Съ утвержденіемъ Мстислава Удалаго въ Галичѣ, казалось бы, Червонная Русь могла, наконецъ, отдохнуть отъ своихъ переворотовъ. Но не таковъ былъ этотъ знаменитый князь, чтобы силою характера и дальновидною политикою водворить спокойствіе на столь нетвердой почвѣ.

Д. Иловайскій.

Изъ бумагъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.

I.

Собственноручная записка князя Потемкина къ Екатеринѣ Великой.

Протопопъ Преображенскаго собора умеръ. На мѣсто его есть при посольствѣ въ Парижѣ священникъ отличный поведеніемъ и ученостію. Переводъ его на Французскій языкъ богословіи Платоновой доказываетъ, что онъ сей языкъ совершенно знаетъ. Онъ годенъ будетъ къ употребленію для школы бомбардирской. Да благоволите, Ваше Величество, его опредѣлить.

II.

Письмо князя Потемкина къ архіепископу Евгенію Херсонскому.

Преосвященнѣйшій владыко,

Милостивый мой архипастырь!

Я препоручаю въ любовь вашу Англійскаго дворянина г. Полкера, любителя наукъ и знающаго оныя, особливо Греческій языкъ.

Какъ вы соединяете въ себѣ знанія разныхъ вѣковъ, то вы нашъ Исіодъ, Страбонъ и Златоустъ. Возьмите же трудъ сдѣлать описаніе историческаго нашего края, что̀ онъ былъ въ древности, гдѣ искони были славные мужи и обилующіе грады: Ольвія, Мелитополь, острова Ахиллесова пути и прочая. Разройте покрывающую дѣянія древность и покажите, какъ тутъ цвѣли общества и какъ разрушили оный войны или нашествія народовъ дикихъ, гдѣ проходилъ Джингисъ-ханъ съ лютыми полками.

Ворисѳенъ, носящій на себѣ флоты Россовъ древнихъ, не даромъ тако наименованъ; брега же его напоминаютъ свѣтлый путь Первозваннаго Андрея, проповѣдавшаго спасеніе отцамъ нашимъ.

Такой трудъ достоинъ вашего имени, и вы чрезъ сіе обяжете того, который съ отмѣннѣйшимъ почтеніемъ есть навсегда вашего преосвященства покорнѣйшій слуга князь Потемкинъ-Таврическій.

Примѣчаніе М. И. Ковалинскаго: „Сіе письмо доказываетъ знанія, вкусъ и отличные таланты князя Потемкина".

III.

Письмо князя Потемкина къ Московскому архіепископу Платону.

Преосвященнѣйшій владыко,
Милостивый мой архипастырь.

Много благодарствую за писанія ваши. Что же не отвѣчалъ прежде, въ томъ извинить меня изволишь. Вы вѣдаете и недосугъ мой, и душу мою, любезнѣйшій отецъ! Угодно было всемогущему Богу возвысить меня такъ, какъ мнѣ въ умъ не приходило. Я крѣпко уповаю, что Онъ со мною и днесь и впредъ будетъ и дастъ мнѣ силу служить Его святой церкви. Сіе правило началось во мнѣ со младенчествомъ и кончится съ жизнію [1]). Аще Богъ по насъ, кто на ны? Пріѣзжай, батюшко, къ намъ и вѣрь, что я непоколебимо и пр.

IV.

Собственноручныя письма митрополита Платона къ князю Потемкину.

1.

Превосходительный господинъ генералъ адъютантъ Григорій Александровичъ, милостивый государь мой.

Любовь ваша и въ отсутствіи также мнѣ живо представляется, какъ бы я и на ваше пріятнѣйшее лице взиралъ, и тѣмъ больше ею себя увеселяю, тѣмъ меньше сумнюся о продолженіи ея къ себѣ. Я пріѣхалъ въ Тверь сего Марта 16 числа, слава Богу, благополучно. Начинаю дѣла разбирать, коихъ гораздо число немалое, а особливо хочется поправлять духовенство, которое извѣстно, что не въ такомъ состояніи, въ какомъ бы ему быть надлежало. Я знаю, что тебѣ, любителю благочинія, сіе мое упражненіе будетъ пріятно, а между тѣмъ распоряжаю въ мысли тѣ обряды, которые на Страстной и Свѣтлой недѣлѣ, по святительскому чину, будутъ совершаемы. Тебѣ же, любезнѣйшему моему государю пріятелю, да даруетъ Богъ всегда наслаждаться благодатью Его и священнѣйшія Помазанницы Его. О продолженіи вашей любви не прошу, ибо о томъ не сомнѣваюсь, а довольно для меня оной надежно себя поручить, ἔῤῥωσο μοὶ φίλτατε. Вашего превосходительства милостиваго государя моего усерднѣйшій слуга и богомолецъ Платонъ архіепископъ Тверской.

1774 г. Марта 18 дня.
Тверь

---

[1]) Существуетъ „Канонъ Спасителю“, составленный княземъ Потемкинымъ въ 1791 году, не задолго до кончины. П. Б.

Государю моему Николаю Борисовичу и Александру Николаевичу [2]) прошу поклониться и объявить мое грѣшное благословеніе.

2.

Превосходительнѣйшій господинъ генералъ-адъютантъ и лейбъ-гвардіи Преображенскій подполковникъ Григорій Александровичъ, милостивый государь мой [3]).

Новая ко мнѣ прилетѣла вѣсть, вѣсть для онаго радостная, который въ вашемъ счастіи не меньше беретъ участія, какъ въ собственномъ своемъ: вы пожалованы подполковникомъ гвардіи. Симъ награждаетъ Богъ вашу добродѣтель, которую вы и въ своемъ девизѣ носите. Повѣрьте, государь мой, что сія вѣсть оросила меня слезами радостными. Дозвольте же мнѣ при семъ вамъ сказать пословицу Латинскую: Non minor est virtus acquirere, quam pacta tueri. Прославьте Бога вамъ благодѣтельствующаго обращеніемъ Его даровъ въ пользу общую. И сего сердечно вамъ желая, не престану о васъ вопіяти ко Господу.

Τῆς σοῦ ἐξοχόλιτος
Προθυμότατος δοῦλος καὶ συγχέθης (sic)
Πλάτων ἀρχιεπίσκοπος Τφερίας

1774 Марта 25 д.
Тверь.

P. S. Николая Борисовича поздравляю съ его превосходительствомъ. Сколько же я радъ о его пожалованіи! Спаси тебя Богъ, что ты старика печальнаго обрадовалъ.

3.

Поздравлялъ я ваше превосходительство съ чиномъ г. генералъ-адъютанта, потомъ подполковника гвардіи, нынѣ поздравляю съ полученіемъ орденовъ Польскихъ; а какъ на сихъ дняхъ извѣстился я, что вы получили орденъ С. Александра, то и съ симъ паки поздравляю. И какъ Монарша и Божія милость течетъ вамъ одна по другой струею изобильною и непрерывною, то и можете въ радости душевной съ Давидомъ пѣть: «благовѣстите день отъ дне спасеніе Бога нашего». А я, имѣя участіе въ вашемъ счастіи, съ вами буду припѣвать сей стихъ: «мнѣ же зѣло честни быша друзи твои, Боже». Что же сія моя радость есть нелицемѣрна, то я, уже храня чрезъ нѣсколько лѣтъ къ вамъ свое почтеніе и усердіе ненарушимо, нѣсколько доказать могъ.

---

[2]) Самойловымъ, отцу и сыну.

[3]) Дальше обычныя начала писемъ опускаются. Н. Б.

Весьма много обрадованъ я писаніемъ вашимъ, особливо пріятнѣйшею вѣстью о пожалованіи брату моему носить крестъ на голубой лентѣ. Сія милость Е. И. В. дражайшія нашея Матери Отечества къ брату моему и ко мнѣ есть несказанна. И какъ я не сумнюсь, чтобъ вы тому не споспѣшествовали, то прошу принять отъ меня и отъ брата моего искреннѣйшую мою благодарность. Я посылаю при семъ три письма къ Августѣйшей Императрицѣ. Первое отъ меня благодарительное за пожалованіе брата; 2-е отъ брата въ томъ же; 3-е отъ меня же съ учителями благодарительное за пожалованіе суммы на содержаніе Семинаріи Тверской. Прошу принять, государь мой, трудъ оныя письма вручить Е. И. В. и притомъ своею изустною, по данному вамъ отъ Бога у Монарша престола дерзновенію, дополнить рекомендаціею и предстательствомъ; ибо я столь восхищенъ милостію монаршей къ брату моему, что его нѣкоторымъ образомъ почитаю счастливѣе себя. Я, чрезъ одинадцать лѣтъ находяся при дворѣ, въ должности для меня почтеннѣйшей и чрезъ то отъ другихъ былъ отличенъ, но такого отличнаго знака получить не удостоился, какимъ по милости монаршей отличенъ братъ мой. Но да будетъ во всемъ благословенъ Богъ! Сердце царево въ рукѣ Божіей. Болѣе васъ не утруждаю. А какъ при отъѣздѣ моемъ вы изволили отзываться, чтобъ мнѣ скучать вамъ своими письмами, то я теперь прошу васъ своими дражайшими письмами не оставлять меня.

В. пр. м. государя моего усерднѣйшій слуга и богомолецъ смиренный Платонъ архіепископъ Тверской.

1774. Апрѣля 29 д.
Тверь.

4.

Нашего оберъ-прокурора постигло несчастіе. Что̀ сей случай во мнѣ долженъ произвести, сами в. пр. совершенно вообразить можете, такъ какъ и я могу понимать, что̀ тотъ же случай въ мысляхъ произвелъ вашихъ. Жаль его по человѣчеству. Но истинну сказать надобно, что многихъ онъ обезпокоилъ; въ томъ числѣ и я имѣлъ участіе. Но по христіанской любви желаю ему отъ Бога и Помазанницы Его милосердаго снисхожденія. Когда-бъ Богъ даровалъ намъ на мѣсто его человѣка не токмо честностію, но притомъ и благочестіемъ отличнаго! Въ семъ не я, но церковь Божія умоляетъ тя. Употреби ходатайство къ благочестивѣйшей Монархинѣ, церкви и православія Покровительницѣ. Ни на что столь богоугодно не можешь употребить нынѣшнихъ благословенныхъ для тебя обстоятельствъ, какъ на сіе; да и не дозволяютъ намъ нимало въ томъ сумниться

твоя къ Богу и церкви Его горячесть и къ намъ, да и ко всему духовенству любовь, о человѣче Божій и муже желанный! [4])

1774. Мая 16 д.
Тверь.

5.

Я неоднократно по вашей ко мнѣ любви принималъ смѣлость безпокоить васъ своими письмами, но въ отвѣтъ что-либо получить счастья не имѣлъ. Не дивлюся. Знаю, сколько Богъ теперь возложилъ на васъ трудовъ и попеченій. Но я имѣю чувствительное сорадованіе въ счастіи вашемъ и, всегда будучи надеженъ на благосклонность в. пр., не оставляю и не оставлю своими строками вамъ докучать. Прошу, м. г., приказать кому нибудь меня увѣдомить, что письма мои посланныя до высочайшаго лица Е. И. В. имѣли ли счастіе быть вручены Е. В. Притомъ просилъ в. пр. о принятіи въ Преображенскій полкъ племянника моего, протопопа Успенскаго сына, да и о записаніи въ службу въ Преображенскій полкъ здѣшняго Тверскаго воеводы Лукина малолѣтняго сына. Прошу в. пр. о томъ паки или по крайней мѣрѣ вывести меня изъ безпокойства, не прогнѣвалъ ли я тѣмъ любезную мнѣ особу вашу. Впрочемъ я здѣсь упражняюся въ дѣлахъ должности моей и стараюсь, чтобъ не безполезенъ былъ Церкви и Отечеству на всякомъ мѣстѣ владычества Божія. Вамъ же Господь Богъ да споспѣшитъ во всѣхъ вашихъ намѣреніяхъ и дѣлахъ

1774. Іюля 25 д.
Тверь.

6.

На сихъ дняхъ удостоился получить чрезъ г. Самойлова отъ Е. И. В. собственною рукою писанное письмо, исполненное всемилостивѣйшаго ко мнѣ рабу своему благоволенія и притомъ возвѣщающее о заключеніи славнаго для имперіи мира. Я не могу изъяснить, сколько я симъ обрадованъ. И какъ я таковаго моего счастія почитаю быть причиною вашу ко мнѣ любовь, то и приношу за оное чувствительнѣйшую мою благодарность. Простите моему малодушію, что я въ недавно посланномъ къ в. пр. письмѣ изъяснялся, прося увѣдомленія, что вручены ли мои письма Е. В. Теперь вижу, сколько ваша ко мнѣ любовь непремѣнна и на оную всегда надежно полагаюсь. Прошу, м. г., вручить мое письмо Е. И. В., содержащее мою всеподданнѣйшую благодарность, также и Его И. Высочеству. А я что̀ тебѣ воздамъ? Развѣ что буду всегда стараться быть достойнымъ любви вашей.

1774. Іюля 29 д.
Тверь.

---

[4]) Оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ Сергій Васильевичъ Акчуринъ, на мѣсто П. П. Чебышова. П. Б.

7.

Мантію бархатную для ношенія на моихъ грѣшныхъ раменахъ, яко отмѣнный знакъ всемилостивѣйшаго Е. И. В. о мнѣ нижайшемъ благоволенія, я получилъ. Чтò воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми? Чтò воздамъ и священнѣйшей Его Помазанницѣ, тако о мнѣ благоволившей? Буду ли недостойныя мои о дражайшемъ здравіи ея приносить Богу молитвы? Но и безъ того и долгомъ моимъ, и чувствованіемъ безпримѣрныхъ ея ко мнѣ благодѣяній столь себя обязаннымъ признаю, что силъ моихъ и жизни моей достать на то не можетъ. О счастливъ я тогда буду, если исправленіемъ должности моей хотя мало спасительнымъ ея намѣреніямъ соотвѣтствовать возмогу! Ибо она, яко попечительнѣйшая Отечества Матерь, сею единственною жертвою благоугождается. Тебѣ же, благодѣтельнѣйшій мужъ и церкви Божіей усерднѣйшій рачитель, да подастъ Господь вся благая въ праведное возмездіе твоего къ Церкви святой усердія, и монаршая милость, которую твои добродѣтели заслуживаютъ, паче и паче къ тебѣ да умножится. Съ таковымъ моимъ усердіемъ и почтеніемъ нелицемѣрнымъ пребуду навсегда Платонъ архіепископъ Московскій.

1775. Марта 1 дня [5])

V.

Письма Петербургскаго митрополита Гавріила.

1.

Получивъ сегодня въ десятомъ часу пополудни съ почты донесеніе по секрету отъ преосвященнаго Астраханскаго, я его пріобщаю при семъ и покорно в. пр. прошу принять трудъ его прочесть и, если оно по вашему разсужденію окажется важно, доложить Е. И. В. Если и не такой важности, дать мнѣ наставленіе, какое намъ въ Синодѣ по нему опредѣленіе сдѣлать. Я съ отмѣннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и усердіемъ и пр.

1774. Мая 7. Спб.

2.

Превосходительный господинъ Григорій Александровичь, м. мой г.

Сего числа получено предложеніе отъ князя А. А. Вяземскаго объ опредѣленіи въ Синодъ въ должность оберъ-прокурора г. Акчюрина. Онъ, будучи извѣстенъ по честности его, премного обрадовался, обнадеживая себя грядущимъ спокойствіемъ. Я не могу довольно изобразить радости и благодарности, съ каковою насъ всѣхъ обязываетъ въ семъ случаѣ всемилостивѣйшая Государыня. Милости-

[5]) Сличи замѣтки митрополита Платона въ Мѣсяцесловѣ 1775 года, въ Р. Архивѣ 1877 года III, 331.

вое ея на насъ призрѣніе да привлечетъ всѣ милости отъ источника всѣхъ благъ Бога. Мантію по приказанію в. пр. посылаю теперь и съ особливымъ моимъ къ вамъ усердіемъ и почтеніемъ имѣю честь пребыть навсегда в. пр. всеусердный слуга и богомолецъ Гавріилъ архіепископъ С.-Петербургскій.

1774. Мая 13.

VI.

Письмо Псковскаго архіепископа Иннокентія.

Высокопревосходительный господинъ Григорій Александровичъ,
Милостивый государь мой,

Мы за особливую милость Божію почитаемъ, что имѣемъ нынѣ въ вашемъ высокопревосходительствѣ благонадежнаго предстателя къ высокомонаршему лицу.

Сіе подаетъ мнѣ смѣлость трудить ваше высокопревосходительство о томъ, о чемъ я прежде никого не утруждалъ.

Я, получая по высочайшей Е. И. В. милости жалованія въ годъ по штату архіерейскому 2200 рублей, да изъ Синода 1500 (съ нѣкоторою прибавкою), изъ сего содержу столъ для меня, для всѣхъ дому моего монашествующихъ и для находящихся при мнѣ пѣвчихъ и прочихъ служителей; также лошадей, для выѣзда экипажъ и прочее нужное исправляю.

Но какъ въ Санктпетербургѣ и во Псковѣ все должно получать превосходною отъ прочихъ мѣстъ цѣною, почему, наблюдая благопристойность, содержаніе мое недостаточно. Сіе-то понудило меня в. высокопр. съ покорностію моею просить, дабы въ разсужденіе сего благоволили употребить благосклонное и милостивое къ Е. И. В. о мнѣ стараніе, что̀ усугубитъ мое къ вамъ обязанность и почтеніе, съ каковымъ я пребуду навсегда, в. в., м. г. моего, покорный слуга Иннокентій архіепископъ Псковскій.

1774 года, Октября дня.

VII.

Письмо фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго.

Милостивый государь мой князь Григорій Александровичъ.

Всякій случай, послѣдовавшій въ мою пользу, я обыкъ относить вашему, мой милостивый князь, пособію, и нынѣ узнаю, что въ опредѣленіи моего сына министромъ въ Франкфуртъ на Майнѣ вы же участвовали по милостивой вашей ко мнѣ благосклонности, за которую позвольте мнѣ изъявить вамъ наипризнательнѣйшую мою благодарность и притомъ васъ увѣрить о непреложномъ моемъ къ вамъ усердіи и душевной преданности, съ каковыми навсегда пре-

буду вашей свѣтлости всепокорнѣйшій и всепослушный слуга (собственноручно) Г. Румянцовъ-Задунайскій.

28 Сентября 1781 года
Гомель.

VIII.

Письма А. П. Сумарокова къ князю Потемкину.

1.

Милостивый государь.

Уже и отъѣздъ Е. В. приближается, а я опасаюся, чтобъ мнѣ не ввергаться въ отчаяніе и въ неисходимое злополучіе отъ моей бѣдности. Я, уповая на предстательство в. высокопр., не писалъ въ Москву; какимъ же образомъ мнѣ помощью моего дома отселѣ вырваться? Помилуйте меня и доложивъ подпишите посланное. Мнѣ и бездѣльникомъ, живучи всегда честно, жить не хочется; ибо мнѣ, не расплатився со многими, кои терпѣть не могутъ, отселѣ и выйти нельзя. Описалъ бы я вамъ мою бѣдность и разстройку; mais tous (sic) les raisons sont faibles si v. e. ne veut pas faire ce que je vous demande. Помилуйте меня. Покорнѣйшій и ищущій съ стенаніемъ вашего вспоможенія слуга А. Сумароковъ.

1774 г. Ноября 22.

23 числа есть день Александра Невскаго; такъ утѣшьте душу мою. Государыня передъ днемъ восшествія своего[6]) воспомнитъ всегдашнее мое къ ея освященной особѣ усердіе. Она изволитъ вѣдать то, что она во всѣ времена моя надежда, и вы о моемъ почтеніи къ себѣ давно же вѣдать изволите. Неужели меня кто у васъ повредилъ? Sans votre protection et résolution je passerai mal le jour de mon patron, c. à d. de S-t Alexandre et sans la protection de mon patron de qui le père a porté le même nom et m'aimait beaucoup. Сдѣлайте мнѣ милость: я это заслужу.

2.

Помилуйте меня, м. г., ради самого Бога и ради всего, что̀ вы на свѣтѣ любите и почитаете. Я не о новости прошу, ибо я жалованіе каждый годъ напередъ отъ 1-го дня Мая получаю. Я не прошу, чтобы мнѣ было выдано сіе жалованіе теперь; но чтобы только сообщено было, чтобы когда наступитъ Май, выдано мнѣ было жалованіе по прежнему напередъ: мнѣ купецъ съ тѣмъ и обѣщаетъ дать до Мая деньги и какъ скоро подписано и сообщено будетъ, такъ скоро я деньги отъ него и получу. Отъѣздъ Е. В. приближается и празд-

---

[6]) Сумароковъ хотѣлъ сказать: нынинчь.

ники. Всѣ разъѣзжаются; а я, не имѣя здѣсь никакого дѣла, проживаюсь, ходя почти по міру и провождая многіе дни почти безъ пищи. Заложилъ то все, что̀ со мною привезено было. Вообразите мое состояніе, ибо мнѣ болѣе ничего не осталося, какъ себя умертвить; а время къ сысканію денегъ уже пропущено. Ваше высокопревосходительство со слезами васъ просящій всепокорный слуга (собственноручно) А. Сумароковъ.

13 Декабря 1774 г.

IX.

Письмо М. М. Хераскова

М. г. Григорій Александровичъ!

Принужденъ будучи для слабаго моего здоровія и ради домашнихъ обстоятельствъ утруждать Е. И. В. о увольненіи меня отъ службы, осмѣливаюсь при семъ случаѣ нижайше просить в. высокопр., дабы употребили стараніе ваше въ разсужденіе моихъ недостатковъ о исходатайствованіи мнѣ такого годоваго до конца моей жизни дохода, какого по материнскимъ Е. В. щедротамъ и по моей тридцатилѣтней заслугѣ достойнымъ оказаться могу. Долженъ бы я былъ по формѣ просить чрезъ Сенатъ о моей отставкѣ, но Сенатъ въ силѣ законовъ можетъ меня представить къ награжденію только чиномъ, который при неимуществѣ моемъ будетъ мнѣ въ тягость; а какъ мое увольненіе ничто иное быть можетъ, какъ новый родъ моей службы Е. В., потому что я все то, что̀ мнѣ повелѣно будетъ касающееся до моихъ небольшихъ способностей, исполнять готовымъ буду: то всемилостивѣйшее мнѣ ежегодное жалованіе, котораго нынѣ 1875 рублей получаю, и въ уединеніи моемъ заслуживать надѣюсь. Удостойте, м. г., вашего покровительства и вашей помощи такого человѣка, который, принявъ отъ васъ благодѣяніе, заключитъ вѣчную къ вамъ благодарность и преданность въ своемъ сердцѣ и который всѣ силы употребитъ доказывать свѣту, что люди, служащіе безпорочно и посвящающіе остатокъ жизни наукамъ и Музамъ во дни Великой Екатерины, по вашему предстательству наслаждались величайшими ея щедротами и материнскимъ ея милосердіемъ ободрены были. В. высокопр., м. г., всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Михайла Херасковъ.

1774 года Іюль.

Письмо М. М. Хераскова къ Екатеринѣ Великой.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (род. 1733, ум. 1807 г.), по выпускѣ, въ 1751 г., изъ Шляхетнаго Корпуса, гдѣ онъ воспитывался (также какъ и писатель Сумароковъ), служилъ сперва въ военной, а потомъ въ гражданской службѣ въ Москвѣ при университетѣ и въ Петербургѣ.

Въ 1775 г., вышелъ онъ въ отставку и проживалъ въ Москвѣ до 1778 г. Въ этотъ-то періодъ времени, для него важный тѣмъ, что онъ успѣлъ сдѣлаться ревностнымъ масономъ, въ самый годъ своей отставки, онъ обращался, напечатаннымъ ниже письмомъ, къ императрицѣ Екатеринѣ II, прося о принятіи его вновь на службу. Просьба эта осталась, однакожъ, безъ уваженія въ числѣ многихъ, находящихся нынѣ въ дѣлахъ князя Потемкина. Могло быть, что оставленіе безъ вниманія сей просьбы послужило къ тому, что Херасковъ, бывъ связанъ съ знатными фамиліями родствомъ и уже довольно извѣстенъ въ современномъ ему образованномъ мірѣ, задѣтый въ своемъ честолюбіи, попалъ въ общество масоновъ.

Григорій Александровъ.

Всемилостивѣйшая Государыня.

По всеподданнѣйшему моему прошенію, сего 1775 года Іюля 10 дня, уволенъ я нижайшій, за слабостью моего здоровья, отъ службы вашего императорскаго величества; а нынѣ, получа отъ моихъ болѣзней совершенное освобожденіе, имѣю всеподданическую ревность паки вступить въ службу вашего величества. По моему особливому усердію, желалъ бы я опредѣленъ быть при которой нибудь коллегіи, или при другомъ мѣстѣ въ С.-Петербургѣ, гдѣ бы услуги мои вашему величеству яснѣе видимы быть могли и предустановленные отъ васъ начальники о моей къ исправленію порученныхъ мнѣ дѣлъ ревности вѣрнѣе свидѣтельствовать вашему величеству случаи имѣли. Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, всеподданѣйшій рабъ Михайла Херасковъ.

(Моск. отд. Общ. Арх. Гл. Шт. оп. 194, св. 6, № 1).

Разсказы о Херасковѣ.

Херасковъ обыкновенно очень мало завтракалъ: кусокъ редиса, нѣсколько масла и сыра — вотъ его завтракъ. Послѣ трудовъ своихъ, въ назначенный часъ, садился онъ у окна въ большихъ креслахъ, призывалъ къ себѣ трехлѣтнюю дѣвочку (дочь одного изъ домашнихъ служителей своихъ, которая была его любимицею) и разговаривалъ съ нею о прохожихъ. Конференціи сіи продолжались въ шутливомъ тонѣ; здѣсь между прочимъ разгадывалъ онъ ей намѣренія проходящихъ, обращалъ ея вниманіе на ихъ физіономіи и такимъ образомъ съ удовольствіемъ проводилъ время.

Княгиня Надежда Ивановна, племянница Хераскову по мужу своему, и отмѣнно имъ любимая, сообщила мнѣ слѣдующій анекдотъ. Покойный Михайло Матвѣевичъ, вознамѣрившись внуку своему, сыну означенной княгини, подарить значительное имѣніе въ Костромской губерніи, отправился для сего въ Кострому вмѣстѣ съ своею супру-

гою, съ княгинею и любимымъ внукомъ своимъ, въ большомъ лѣтнемъ экипажѣ. Пріѣхавъ въ Ярославль, они принуждены были остановиться на берегу Волги, потому что перевощики отказывались перевезти ихъ на другую сторону за сильнымъ вѣтромъ; съ трудомъ можно было перевозить и малые экипажи. Михайло Матвѣевичъ, не смотря на просьбы своей супруги, непремѣнно хотѣлъ ѣхать и дѣйствительно поѣхалъ; между тѣмъ жена его, оставшись по сю сторону рѣки, плакала, видя опасность, которой мужъ ея добровольно подвергался; Херасковъ и здѣсь не оставилъ своихъ странностей: въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ, т. е. въ байковомъ старомъ сертукѣ съ косыми карманами, въ колпакѣ и базарныхъ сапогахъ (на заказъ онъ не любилъ ихъ дѣлать, считая сіе дорогимъ и излишнею прихотью), онъ сидѣлъ покойно въ каретѣ, стоявшей на паромѣ, и въ ту сторону, гдѣ стояла его жена, безпрестанно открывалъ и опускалъ стекло, высовывая голову изъ кареты, какъ будто тѣмъ утѣшалъ оставленную на берегу свою супругу. Сія пантомимная игра во всякое другое время была бы довольно забавною, но она тогда, конечно, всего менѣе могла нравиться Елисаветѣ Васильевнѣ, которая по переѣздѣ своемъ на тотъ берегъ дѣлала мужу своему строгой выговоръ; а онъ увѣрялъ ее, что не было никакой опасности и что боязнь ея кажется для него немалою странностію.

Херасковъ родился въ Переяславлѣ (въ Полтавской губерніи). Онъ отмѣнно былъ любезенъ въ кругу своего семейства, и когда находился въ короткомъ для себя обществѣ, то шутки его всегда были весьма занимательны своею замысловатостію и остротою. Когда бывало разговорится, то никто не хотѣлъ съ нимъ разстаться. Но если въ сіе искреннее общество входило новое лицо для него неизвѣстное, то Херасковъ становился молчаливымъ и даже угрюмымъ. Въ карты онъ не игралъ и не могъ ихъ терпѣть; иногда однакоже игрывалъ въ дураки и въ тентере, и если по несчастію проигрывалъ, то чрезвычайно сердился, и даже готовъ былъ на грубости.

Княгиня разсказывала, что до 22 лѣтъ Хераскова считали человѣкомъ простенькимъ и ни къ чему большему не способнымъ; но когда онъ написалъ трагедію «Венеціанская Монахиня», которая есть первое его твореніе, то обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и съ тѣхъ поръ стали многаго ожидать отъ Хераскова, чего прежде въ немъ не предполагали.

Княгиня Варвара Александровна Трубецкая неразлучно жила съ супругою Хераскова около 20 лѣтъ въ одномъ домѣ, чему покойная императрица Екатерина крайне удивлялась и говаривала публично: «Не удивляюсь, что братья между собою дружны, но вотъ что для меня удивительно, какъ бабы столь долгое время въ одномъ домѣ уживаются между собою».

Пріятели, въ разныя времена составлявшіе общество Хераскова, были: покойный свѣтлѣйшій Михайло Ларіоновичъ Кутузовъ, Василій Ивановичъ Левашевъ, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, Василій Ивановичъ Майковъ, Александръ Васильевичъ Храповицкій, Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, извѣстный Сумароковъ, Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ, Николай Михайловичъ Карамзинъ, графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ и прочіе. Сей послѣдній ни одного сочиненія своего не издавалъ въ свѣтъ, не прочитавши его напередъ Хераскову и не спрося объ ономъ его мнѣнія.

Обѣ княгини [7]) разсказывали мнѣ объ одномъ важномъ приключеніи въ жизни Хераскова, о которомъ онъ самъ и нѣкоторые изъ его современниковъ княгинямъ лично разсказывали. Нянька Хераскова, когда онъ былъ еще младенцемъ, посадила его однажды на окно, обращенное на дворъ, и тамъ оставила его одного. Вдругъ является нищій, подходитъ къ окну, схватываетъ ребенка и кладетъ его въ мѣшокъ; къ счастію, ребенокъ заплакалъ среди двора, и люди тотчасъ схватили нищаго. Сіи негодяи въ то время имѣли обыкновеніе красть дѣтей и ломали имъ руки и ноги, дабы послѣ возбуждать чрезъ нихъ жалость въ проходящихъ и чрезъ сіе скаредное средство набивать свои карманы.

(Изъ Записокъ Ю. Н. Бартенева).

---

[7]) Трубецкія.

Письмо фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго къ Екатеринѣ Великой.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Подъ бременемъ несносныя старости, когда уже жизнь ближе къ концу, нежели къ началу, удостоился принять драгоцѣннѣйшій мечъ, не по заслугамъ, но яко даръ Монархини благотворительствующей во множествѣ. Сколько не оживляюсь и не чувствую благъ монаршихъ, но, всемилостивѣйшая государыня, совокупно отягченъ и скорбію, что буря въ жизни и слабость въ душѣ привели въ несостояніе обнажить сего сверкающаго острія въ славу и хвалу государыни, въ страхъ непріятелей. Въ нѣдрахъ владычества вашего, всемилостивѣйшая государыня, есть людей сего отличія достойнѣйшіе въ изобильной Россіи, въ дѣяніяхъ неутомимые, во исполненіи помышленій совершенные Воззрятъ гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ и удивятся, что я, сидѣвшій въ Молдавской хижинѣ, подъ кровлею отъ зноя и ненастія временъ, безъ дара предвѣдѣнія и духа, сравненъ въ щедротахъ монаршихъ. Но я бы имъ, всемилостивѣйшая государыня, осмѣлился сказать, что они отъ единаго монаршаго воззрѣнія достигнули въ храмъ великолѣпной славы: мои же малыя дѣла недостойны оправдать сего труднаго пути, но сближаюсь къ тому времени, въ которое полезенъ гробъ паче иныхъ украшеній. Да будутъ, всемилостивѣйшая государыня, торжествуемые днесь лавры неувядаемы, спокойствіе непрерывно, долгота же дней вашихъ во вѣки! Грядущія времена засвидѣтельствуютъ о великости монаршихъ дѣлъ; а можетъ быть и приведутъ нѣкогда на память, что одинъ изъ слабыхъ бранноносцевъ имѣлъ удачу быть государынѣ полезенъ вмалѣ, награжденъ же по велицѣй милости. В. г., в. в. и пр. гр. Румянцовъ-Задунайскій.

1794 г. Октябрь.

Судящій попъ Иванъ Андреевъ Сокольскій.

23 Ноября 1759 года, Юрьевецъ-Повольскаго уѣзда дворцовой Рыбновской волости сотскій, Никифоръ Фроловъ, съ крестьянами, подалъ къ Березницкимъ «управительскимъ дѣламъ» доношеніе, въ которомъ объяснилъ, что 15 Ноября 1759 года, Юрьевецкаго Духовнаго Правленія Повольскаго, судящій попъ Иванъ Андреевъ Сокольскій, со множествомъ разныхъ церквей церковниковъ, вооруженныхъ оружіемъ и дрекольями, пріѣхалъ къ нимъ въ показанную Рыбновскую волость и, собравъ по разнымъ деревнямъ понятыхъ, якобы для взятія по нѣкоторому дѣлу крестьянина той волости, починка Бурашнаго, Якова Емельянова, да записнаго раскольника того же починка Лаврентья Леонтьева, съ прочими незаписными раскольниками, поѣхалъ въ ту деревню-починокъ Бурашный, а пріѣхавъ туда, остановившись въ домѣ помянутаго записнаго раскольника Леонтьева, потребовалъ отъ него для себя лошадей съ великимъ пристрастіемъ и разной провизіи. Леонтьевъ, убоясь попа Сокольскаго, принужденъ былъ всячески ему услуживать; но попъ Сокольскій, не удовольствуясь тѣми его услугами, незнаемо съ какого умыслу или по какой злобѣ, началъ его Леонтьева бить плетьми смертельно и весьма необычно. Во время этого наказанія попъ Сокольскій распрашивалъ Леонтьева о раскольничьихъ кельяхъ и при томъ грозилъ ему, что если онъ, Леонтьевъ, тѣхъ келій не покажетъ, то тѣми побоями будетъ замученъ и до смерти. Видя же онъ, сотскій, отъ того попа Сокольскаго необычные тому раскольнику Леонтьеву смертельные и самые мучительные побои, ужасеся и многократно его, попа, въ томъ уговаривалъ; но онъ, попъ, его не слушалъ и билъ Леонтьева до тѣхъ поръ, пока спина и все тѣло его облились кровію.

Затѣмъ попъ Сокольскій со всѣмъ при немъ многособраннымъ народомъ поѣхалъ той же Рыбновской волости въ деревню-починокъ Шубный и, взявъ въ томъ починкѣ дворцовую дѣвку, записную раскольницу Маѳу Васильеву, билъ и мучилъ ее плетьми весьма необычно, мучительски и билъ до великой крови, распрашивая ее, также какъ и Леонтьева, о раскольничьихъ кельяхъ. Но какъ раскольникъ Леонтьевъ, такъ и дѣвка Васильева

отозвались попу Сокольскому, что они, за незнаніемъ тѣхъ келій, указать ему ихъ не могутъ. Тогда Сокольскій, оставивъ дѣвку Марѳу Васильеву подъ карауломъ, со всѣми находящимися при немъ людьми, поѣхалъ въ Чернораменскіе лѣса и, встрѣтивъ на дорогѣ идущую, неизвѣстную ему сотскому по имени, дѣвку, поймалъ ее, распрашивалъ о раскольничьихъ кельяхъ, потомъ велѣлъ посадить въ сани и везти въ тѣ лѣса за собою. Когда же пріѣхалъ къ указаннымъ тою дѣвкою кельямъ, то взялъ изъ оныхъ пришлыхъ изъ разныхъ уѣздовъ незнаемыхъ людей, мужеска и женска пола, до шестнадцати человѣкъ, и привезъ ихъ оттуда той же Рыбновской волости въ деревню Каменное, гдѣ, собравъ разныхъ деревень Рыбновской волости крестьянъ для караула тѣхъ раскольниковъ, повелѣлъ въ той деревнѣ раскласть необычные и великіе огни, отъ чего всѣ жители той деревни ужаслися и пришли въ крайній страхъ и робость; и ежелибъ-де въ то время могъ быть вѣтръ, то-бъ совершенно та деревня Каменное отъ пожарнаго случая не могла спастися. Почему онъ, попъ Сокольскій, тѣми непорядочными и весьма необычными поступки и стрѣляніемъ изъ ружей, дворцовымъ крестьянамъ учинилъ великія обиды и изнуреніе. По многимъ же-де онъ, попъ, въ той деревнѣ Каменной, необычнымъ поступкамъ, взялъ съ собою вышеписанной деревни-починка Бурашнаго многомучительски имъ попомъ битаго крестьянина записнаго раскольника Леонтьева и прочихъ незнаемыхъ людей и отвезъ ихъ въ Юрьевецкое Духовное Правленіе.

Сотскій съ крестьянами просили о вышеписанныхъ попа Сокольскаго непорядочныхъ и необычныхъ поступкахъ, наглыхъ обидахъ и изнуреніяхъ, куда надлежитъ, сообщить письменно.

Въ это же самое время явилась къ тѣмъ же Березницкимъ «управительскимъ дѣламъ» и битая попомъ Сокольскимъ дѣвка Марѳа Васильева и съ нею еще три дѣвки, тоже записныя раскольницы, которыя всѣ и были при «тѣхъ дѣлахъ» допрошены, а при допросѣ показали. Марѳа Васильева: «отъ роду ей 70 лѣтъ, природная она означенной Рыбновской волости, а жительство имѣетъ при деревнѣ Шлюпинѣ Большомъ, въ своей кельѣ, и какъ въ прежнюю, такожъ и въ бывшую вторую ревизію написана она съ прочими раскольники на ряду и положенныя по окладу раскольническія деньги платитъ повсягодно, бездоимочно и безъ всякаго напраснаго мученія и гоненія». Далѣе Марѳа Васильева повторила все, что̀ выше доносилъ про нее сотскій, прибавивъ, что въ Каменномъ лютый попъ приказалъ истопить баню, обмыть кровь ея и парить крестьянской женкѣ, приставя въ караулъ двухъ церковниковъ. Остальныя три дѣвки: Агаѳья Маркова, 80 лѣтъ, Прасковья Захарова 65 лѣтъ и

Дарья Васильева 80 лѣтъ, показали, что онѣ, убоясь мучительскихъ побоевъ попа Сокольскаго и наглыхъ его озарничествъ, бѣжали изъ своихъ келій и пришли просить защиты, дабы отъ него, попа, и совершенно не могли принять вящаго мученія.

По произведенному дѣвкѣ Маронѣ Васильевой осмотру оказалось: «явилось на ней битыхъ, и весьма необычно, на спинѣ синихъ и багровыхъ мѣстъ многое число; да на правомъ паху пробита великая рана, отъ которой она и къ жизни своей безнадежна».

«Управительскія дѣла», 8 Декабря того же 1759 года, представивъ подлинное дѣло о попѣ Сокольскомъ въ домовую преосвященнѣйшаго Антонія, архіепископа Владимирскаго и Яропольскаго, Духовную Консисторію, просили разсмотрѣть оное и положить указную резолюцію; но, не получая на представленіе свое никакого увѣдомленія, 8 Февраля 1760 года донесли о всемъ Главной Дворцовой Канцеляріи, присовокупивъ, что крестьянинъ Лаврентій Леонтьевъ содержится въ Юрьевецкомъ Духовномъ Правленіи подъ карауломъ безъ выпуску, и отъ долговременнаго держанія у этого раскольника и домъ запустѣлъ, а потому «управительскія дѣла» просили, дабы соблаговолено было о всемъ вышеписанномъ сообщить, куда надлежитъ, письменно: понеже ему, попу Сокольскому, велѣно вновь отвратившихся отъ святой церкви и заблудшихъ суевѣровъ, а незаписныхъ раскольниковъ, увѣщевать и паки приводить ко святой церкви словеснымъ же отъ книгъ Божественнаго Писанія увѣщаніемъ, а не такъ, какъ онъ, попъ, яко розыскомъ, тѣхъ записныхъ раскольниковъ мучить, которыхъ бы ему и брать не слѣдовало. Такожъ и впредь опасно, дабы отъ него попа показаннымъ дворцовымъ крестьянамъ не могло послѣдовать наивящшихъ обидъ и разореній.

Главная Дворцовая Канцелярія 11 Февраля 1760 года опредѣлила: въ Духовную преосвященнаго Антонія Консисторію послать промеморію и требовать, чтобы соблаговолено было объ учиненныхъ судящимъ попомъ Иваномъ Сокольскимъ поступкахъ накрѣпко изслѣдовать и учинить съ нимъ по правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ и по указамъ, безъ упущенія. Въ раскольническую же контору, въ вѣдомствѣ которой состоятъ всѣ записные раскольники, отнестись съ требованіемъ, чтобы она о нечиненіи записнымъ раскольникамъ напрасныхъ обидъ сообщила отъ себя въ помянутую Консисторію.

Это опредѣленіе Главной Дворцовой Канцеляріи было приведено въ исполненіе 23 того же Февраля.

Но вся переписка привела лишь къ тому, что Юрьевецкое Духовное Правленіе, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1760 года, выслало къ «управительскимъ дѣламъ» Лаврентья Леонтьева, въ великой и тяжкой болѣзни, отъ которой чаятельно было, что онъ и жиз-

ни своей лишится. Поступки же попа Сокольскаго, какъ надо полагать, оставлены были безъ всякихъ послѣдствій, ибо этотъ судящій попъ не переставалъ дѣлать набѣги.

Такъ въ лѣтніе мѣсяцы 1760 года онъ пріѣзжалъ въ Коряковскую волость; въ деревнѣ «Воскресеніе Христово, что при озерѣ Нѣжатинѣ», онъ забралъ окладныхъ и неокладныхъ 63 иконы, принадлежащія разныхъ деревень приходскимъ дворцовымъ крестьянамъ *), увезъ съ собою и куда оныя дѣвалъ неизвѣстно. Церковный староста нарочно пріѣзжалъ за иконами въ городъ Юрьевецъ Повольскій, но попъ Сокольскій объявилъ ему, что если онъ дастъ ему 5 рублей, то оныя иконы отдадутъ ему обратно, а если не дастъ, то онѣ будутъ представлены во Владимирскую Духовную Консисторію; староста тѣхъ денегъ ему попу не далъ, за что попъ и держалъ его въ черномъ приказѣ подъ карауломъ болѣе пяти часовъ, а потомъ велѣлъ приставамъ его освободить.

«Управительскія дѣла» просили Дворцовую Контору принять мѣры къ защищенію отъ попа Сокольскаго, присовокупивъ, что если попъ Сокольскій и впредь останется при своей должности, то записные, состоящіе въ одномъ окладѣ, раскольщики совершенно могутъ разбѣжаться безъ остатка; ибо многіе уже и разбѣжались и собирать раскольничьихъ денегъ не съ кого.

Это опасеніе имѣло основаніе: въ то время въ Юрьевецъ-Повольскомъ уѣздѣ, въ дворцовой Рыбновской волости, состояло записныхъ раскольниковъ мужеска и женска пола 467 душъ, изъ коихъ мужескій полъ, какъ дворцовые доходы, такъ подушныя и раскольничьи деньги платили бездоимочно.

4 Октября 1761 года Владимирская Консисторія увѣдомила Дворцовую Контору, что она никакого распоряженія сдѣлать не можетъ, а проситъ Дворцовую Контору объявить крестьянамъ, чтобы они о нанесенной имъ попомъ Сокольскимъ обидѣ, яко партикулярной, по силѣ состоявшихся 5 Ноября 1723 года и 3 Мая 1725 г. указовъ, вѣдались съ нимъ судомъ. Что же касается до отрѣшенія попа Сокольскаго отъ правленія духовныхъ дѣлъ, то Консисторія присовокупила, что если попъ Сокольскій окажется по суду виновнымъ, то объ ономъ разсмотрѣніе сю учинено будетъ неупускно; а прежде того суда за виновнаго его почесть нельзя, и къ отрѣшенію его отъ правленія духовныхъ дѣлъ приступить не можетъ.

Этимъ и заканчивается это дѣло, найденное нами въ архивѣ Московской Оружейной Палаты.

Николай Дубровскій.

---

*) У нашихъ крестьянъ и до сихъ поръ еще ведется обычай чтимыя ими иконы держать не на дому, а въ церкви и оказывать имъ предпочтеніе передъ другими иконами. Такъ напр. въ воскресные и другіе праздничные дни, они преимущественно ставятъ свѣчи своимъ, а не церковнымъ иконамъ.

Изъ воспоминаній Николая Максимовича Распопова *).

До десяти лѣтъ я прожилъ въ деревнѣ, подъ крыломъ матери. Въ 1802 году покойный родитель мой повезъ меня въ Петербургъ для опредѣленія въ какое-либо учебное заведеніе. По пріѣздѣ, мы получили письмо, въ коемъ насъ извѣщали, что нѣжная моя мать, огорченная ложными слухами о нашей погибели, случившейся будто бы при переправѣ черезъ Волгу, скоропостижно умерла. Это горестное извѣстіе заставило отца возвратиться къ себѣ деревню и оставить меня на рукахъ своего земляка, не оправдавшаго довѣрія добросердечнаго пріятеля: оставленный безъ должнаго надзора, я провелъ почти цѣлый годъ безъ ученія и, помню, часто плакалъ о потерѣ матери. Въ 1803 году меня помѣстили во 2-й кадетскій корпусъ, откуда черезъ четыре года я былъ выпущенъ подпоручикомъ въ артиллерію. Получивъ родительское благословеніе, я отправился къ своей ротѣ, которая шла къ дѣйствующей арміи. Мнѣ только что минуло 16 лѣтъ. Съ готовностью на отважные подвиги, съ какимъ-то невѣроятнымъ самонадѣяніемъ, я переправился черезъ р. Прутъ. Первый предметъ удивленія—чужеземная страна. Мнѣ казалось, что самый цвѣтъ чужой земли долженъ разнствовать отъ нашей, по крайней мѣрѣ столько же, сколько Азіатскія физіономіи отъ Европейскихъ.

Желая раздѣлять труды съ солдатами, я шелъ нѣсколько переходовъ пѣшкомъ и не прежде садился на орудіе, пока какой нибудь заслуженный бомбардиръ или фейерверкеръ, просилъ позволенія отдохнуть. Видя необходимость облегченія въ походѣ, я купилъ у одного изъ своихъ товарищей лошадь. Вскорѣ послѣ того, проигравъ своимъ сослуживцамъ въ карты вещи, полученныя изъ дому, я вздумалъ наказать самого себя: совершить кампанію пѣшкомъ. Исполненіе этого намѣренія произошло слѣдующимъ образомъ: въ м. Фокшанахъ, гдѣ была днёвка, ко мнѣ явился Еврей съ разными золотыми вещицами; ему я отдалъ лошадь за печать съ музыкою, за два колечка съ цвѣтными камешками и дамскій гребешокъ, который я отослалъ сестрѣ взамѣнъ данныхъ ею мнѣ вещей. За эту сдѣлку съ Евреемъ я под-

*) Н. М. Распоповъ родился въ 1792-мъ, скончался въ 1836 году. Воспоминанія эти писаны въ 1832—1834 годахъ. Они сообщены въ Р. Архивъ изъ Оренбурга сыномъ его Павломъ Николаевичемъ Распоповымъ. П. Б.

вергнулся колкимъ насмѣшкамъ суроваго ко мнѣ начальника и товарищей. Нечего было дѣлать; надо было терпѣть всю тяжесть неблагоразумнаго поступка, но въ походѣ все скоро забывается.

Чтобы скорѣе избавиться отъ моихъ Жидовскихъ пріобрѣтеній, я рѣшился сбыть ихъ черезъ игру въ бостонъ; мнѣ посчастливилось: общій наличный офицерскій капиталъ перешелъ ко мнѣ, и теперь только сослуживцы удостовѣрились, что имѣютъ во мнѣ добраго товарища, продовольствовавшаго нѣкоторыхъ изъ нихъ до прибытія въ Бухарестъ.

До 1810-го года, подъ командою различныхъ начальниковъ, мы долго стояли на бивуакахъ въ совершенномъ бездѣйствіи; напослѣдокъ взяли штурмомъ Шумлу. Въ семъ сраженіи я находился въ каре ген. Маркова, при Куринскомъ пѣхотномъ полку. Солдаты и ихъ начальники полюбили меня за охоту на всякую опасность. Каждый выстрѣлъ изъ ввѣренныхъ мнѣ орудій приводилъ ихъ въ восторгъ; они безпрестанно кричали «ура!» и послѣ сраженія качали меня на рукахъ, прося, чтобы я всегда находился при ихъ полку. На третій день послѣ сраженія меня откомандировали къ Московскому гренадерскому, но Куринцы пристали къ ген. Маркову съ просьбою отослать меня къ нимъ, и сей исходатайствовалъ у начальника артилеріи позволеніе назначить меня къ нимъ съ орудіемъ. Когда, въ ожиданіи непріятельскаго нападенія, ударили тревогу и началась уже перестрѣлка, бригадный адъютантъ Павловъ даетъ мнѣ знать, чтобы я немедленно отправился къ Куринскому полку. Не имѣя лошади, я пѣшкомъ побѣжалъ къ признательнымъ товарищамъ прямою дорогою, т. е. полемъ, по которому свистѣли уже непріятельскія ядра. Куринцы встрѣтили меня громкимъ «ура! вотъ нашъ маленькій храбрецъ! *)». Ген. Марковъ улыбнулся, а я прослезился отъ радости...

Въ исходѣ 1811 года, часть арміи, дѣйствовавшей противъ Турокъ, перешла обратно Днѣстръ и въ началѣ слѣдующаго года расположилась на зимнія квартиры въ Каменецъ-Подольскѣ и губ. Черниговской и Кіевской. Въ это время меня откомандировали калибровать ружья въ четырехъ дивизіяхъ. Объѣзжая разные полки, я прибылъ наконецъ къ егерскому, въ г. Васильковъ, наканунѣ Крещенія. Полковой командиръ и всѣ офицеры этого полка были коротко мнѣ знакомы: съ ними я часто проводилъ цѣлыя ночи во время кампаніи, на бивуакахъ. Командовавшій полкомъ, въ самый день моего пріѣзда, получилъ повелѣніе быть въ готовности къ походу и три конверта со вложеніемъ наградъ за разбитіе визиря; въ числѣ наградъ находился высочайшій рескриптъ на мое имя. Полковникъ, будучи со мной очень друженъ, прислалъ мнѣ сказать, чтобы я поспѣшилъ

*) Н. М. Распоповъ былъ небольшаго роста.

къ нему для принятія монаршей милости. Радость моя была такъ неумѣренна, что я, не взирая на крещенскій морозъ, побѣжалъ, какъ былъ, въ шлафрокѣ, въ туфляхъ и безъ галстука, къ пріятелю-полковнику, получившему одинаковое со мной награжденіе: Владимірскій крестъ съ бантомъ. Мы съ восторгомъ читали присланные рескрипты и, тронутые до слезъ милостію государя, цѣловали царскую печать. Проторжествовавъ радостный день по военному обычаю и окончивъ порученность, на четвертый день послѣ Крещенія я выѣхалъ къ ротѣ, квартировавшей въ Таращѣ, Кіевской губерніи. По причисленіи нашей бригады къ составу 2-й западной арміи, мы получили приказаніе выступить къ Могилеву.

Всѣ наши усилія упредить непріятеля были тщетны; онъ былъ уже въ городѣ и занялъ дефилеи въ дер. Даниловой и Салтановкѣ, откуда ген. Раевскій многократно покушался прогнать его, но самыя отчаянныя попытки съ нашей стороны не удавались: однажды мы потеряли убитыми и ранеными болѣе 7000 человѣкъ; наша рота сильно пострадала. Храбрый капитанъ Мажаровъ, бывшій со мною въ ссорѣ, получилъ двѣ смертельныя раны. Бригадный командиръ поручилъ мнѣ отправить Мажарова на баркѣ въ Старый Быховъ. Исполняя это, я поскакалъ въ городъ верхомъ, упросилъ священника принять попеченіе о раненомъ и пріискалъ Мажарову приличное помѣщеніе. Отъ Могилева насъ повели къ Смоленску. Мы шли усиленными маршами, отъ которыхъ было много усталыхъ; ибо, не взирая на сильные дожди и песчаную дорогу, мы дѣлали въ сутки около 50 верстъ, а иногда и болѣе. Нѣкоторые солдаты падали на походѣ полумертвыми; для такихъ оставляли надсмотрщиковъ.

Барклай де Толли былъ нашъ главный начальникъ. Повсемѣстная ретирада нашихъ войскъ ожесточила всѣхъ противъ главнокомандующаго; на него наклепывали измѣну, неблагоразумное распоряженіе, неумѣніе командовать Русскими. Нѣкоторые генералы простирали дерзость свою до того, что, собираясь въ кружокъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ сего достойнаго вождя, называли его измѣнникомъ столь громко, что Барклай де Толли, слыша о себѣ обидный толкъ, посылалъ просить генеральство быть поскромнѣе. На походѣ къ Бородину встрѣтилъ насъ Кутузовъ и снялъ командованіе съ Барклая де Толли.

24 Августа Бонапарте увидѣлъ готовность Русскихъ встрѣтить его по-русски. Сего числа началась перепалка и кончилась потерею съ нашей стороны одного редута. Рота, въ которой я служилъ, потеряла при семъ случаѣ два орудія; къ счастію моему я находился съ моимъ отдѣленіемъ на открытой высотѣ лѣваго фланга: иначе навѣрное погибъ-бы отъ свойственной тогдашнимъ моимъ лѣтамъ горячности. Судьба готовила для меня другую участь. 25-го Августа съ обѣихъ сторонъ былъ роздыхъ. 26-е Августа, полагаю,

что въ 12-мъ часу утра, роковая граната вертѣлась у моего орудія; солдаты, приверженные ко мнѣ, указывая на нее, умоляли меня нагнуться. «Теперь не время нагибаться», отвѣчалъ я. Въ отвѣтъ на мои слова, гранату разорвало: я и нѣсколько человѣкъ изъ моего отряда были ранены. Я упалъ на землю и думалъ, что скажу моимъ товарищамъ послѣднее прости..... Когда начали свозить артиллерійскія орудія, солдаты моего отдѣленія вспомнили обо мнѣ и на своихъ рукахъ вынесли изъ среды окружавшихъ меня труповъ. Каково было мнѣ видѣть въ числѣ моихъ попечителей двухъ фейерверкеровъ, Бѣлокопытова и Денисова, разжалованныхъ по моему рапорту. Они могли оставить меня утопать въ крови и предоставить неминуемой погибели отъ непріятельскаго штыка; я взглянулъ на нихъ глазами благодарности и неизъяснимаго восторга, видя ихъ усердіе и приверженность: Русскій солдатъ неспособенъ мстить за справедливое наказаніе. Меня положили въ лазаретную коляску; молодой д-ръ Ланге осмотрѣлъ рану и сдѣлалъ перевязку. Онъ нашелъ, что осколокъ гранаты, раздробивъ бедренную кость лѣвой ноги близко паху, остановился въ мясистыхъ частяхъ. Ланге пригласилъ одного изъ своихъ товарищей на совѣтъ, что̀ дѣлать съ моей ногой. Отнять не рѣшились, потому что слѣдовало отрѣзать всю ногу: такую операцію рѣдко выдерживаютъ; рѣшили вырѣзать осколокъ. Командовавшій ротой капитанъ Винслеръ и товарищи подошли ко мнѣ, совѣтовали покориться опредѣленію хирурговъ и поднесли для куражу рюмку рому. Я взялъ рюмку изъ рукъ товарищей, опрокинулъ ее горломъ внизъ и сказалъ, что не нуждаюсь въ возбужденіи душевной твердости. Сослуживцы мои были свидѣтелями, что я мужественно перенесъ операцію.

Два дня везли меня при ротѣ, а на третій день отправили въ Москву. Моя раздробленная нога давала мнѣ чувствовать малѣйшую неровность дороги. Въ Москвѣ хозяинъ дома, гдѣ складывали раненыхъ офицеровъ, тотчасъ по моемъ прибытіи, приказалъ дать мнѣ супу и послалъ за докторомъ. Вблизи меня лежалъ смертельно раненый пѣхотный офицеръ, а смежно со мною, легко раненый пулею въ руку, мой товарищъ, котораго при началѣ сраженія я шпагою заставилъ подняться съ земли: онъ прилегъ подъ предлогомъ, что ищетъ цѣли для выстрѣла. Вскорѣ ему представился случай отмстить мнѣ. О смертельно-раненомъ неумѣстно-откровенный врачъ объявилъ хозяину, что къ вечеру онъ долженъ умереть; осмотрѣвъ моего товарища, докторъ сказалъ, что рана не опасна. Объясняясь на Нѣмецкомъ языкѣ, лекарь полагалъ, что раненые не понимаютъ этого языка; снявъ перевязку съ моей ноги, онъ объявилъ хозяину дома, что я нахожусь въ преддверіи лучшаго міра. Я отвѣчалъ понѣмецки, что смерть для всѣхъ неизбѣжна; но слѣдуетъ облегчать страданія, ей предшествующія. Онъ пожалъ плечами и сдѣлалъ пере-

вязку. Каждое утро онъ спрашивалъ у надзиравшихъ за мною: умеръ или нѣтъ? Получая отрицательный отвѣтъ, съ каждымъ разомъ онъ оказывалъ все болѣе небрежности въ перевязкѣ.

Насталъ день вторженія Французовъ въ Москву. Поутру пріѣхалъ къ хозяину дома чей-то адъютантъ, имѣвшій порученіе вывезти раненыхъ офицеровъ изъ города, исключая тѣхъ, къ излеченію которыхъ нѣтъ никакой надежды. Жестокое приказаніе! Хозяинъ дома, кажется, не хотѣлъ сообщить мнѣ причины, по коей вывозятъ раненыхъ; объ этомъ я узналъ отъ негодяя - сослуживца, когда онъ, ходя по комнатѣ, велѣлъ служителю выносить свой багажъ. Я умолялъ товарища взять меня съ собою, но вотъ отвѣтъ его: «теперь каждый долженъ о себѣ заботиться». Отъ такого отвѣта и отъ движенія, сдѣланнаго мною, пошла изъ моей раны кровь; она, казалось мнѣ, текла и изъ моихъ глазъ. Я собралъ послѣднія силы и закричалъ удалявшемуся мерзавцу: «Варваръ, еслибъ въ рукахъ моихъ была сабля, я съумѣлъ бы иступить ее о твое сердце!» Но онъ смѣялся надъ моими словами и уходя проворчалъ: «прощай, братъ!» Голова моя склонилась на грудь; я мучился жизнью и жаждалъ смерти. Зала опустѣла; всѣхъ раненыхъ вынесли, я остался одинъ, невдалекѣ отъ умершаго офицера. Къ неожиданному моему спасенію, вошелъ хозяинъ съ служанками, отдавая приказаніе укладывать зеркала. Я сталъ просить его о смерти или отправленіи меня въ армію. Этотъ незнакомый мнѣ человѣкъ почувствовалъ ко мнѣ состраданіе. По его приказанію меня уложили въ повозку, прикрыли шинелью и дали подушку подъ голову... Молодому ямщику я велѣлъ ѣхать по Калужской дорогѣ. Пока ѣхали мы городомъ, я видѣлъ разныя безчинства черни, оставшейся для грабежа. Въ моихъ глазахъ была разбита чья-то лавка подъ домомъ. Выбѣжавшіе изъ нея съ различною добычею грабители набросали ко мнѣ въ повозку всякой всячины: орѣховъ, пряниковъ и пр. Мимошедшая старушка, увидѣвъ такую щедрость грабителей и вѣроятно принявъ меня за солдата, подошла къ повозкѣ и, бросивъ мѣдную монету на покрывавшую меня шинель, отошла крестясь и шевеля губами, какъ бы творя молитву за упокой моей души. Московскіе жители бѣжали вслѣдъ за арміею въ экипажахъ, верхомъ, а бѣдные пѣшкомъ, спасая, казалось, не столько себя, сколько дѣтей своихъ. Дождь кропилъ невольныхъ путешественниковъ, за которыми тащился и я, почувствовавшій нѣкоторое облегченіе, когда прекратилась мостовая. Къ вечеру дотащили меня до арміи. Почти у самой дороги я увидѣлъ артилерію, и сердце мое забилось отъ радости... Я велѣлъ подъѣхать къ палаткѣ командира и узналъ въ немъ стараго знакомаго, полковника Богуславскаго. Когда онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ о моемъ имени, то слезы невольно покатились изъ моихъ глазъ.... Не прошло двухъ недѣль какъ мы видѣлись, и онъ спра-

шиваетъ «какъ васъ зовутъ?» Услышавъ мою фамилію, онъ ахнулъ, тотчасъ же отдалъ приказаніе сдѣлать надо мною покрышку отъ дождя, далъ выпить рюмку мадеры и послѣ чаю, когда я согрѣлся, отправилъ меня въ роту, къ моимъ сослуживцамъ. Заботливый командиръ, кап. Винслеръ приказалъ переложить меня въ лазаретную коляску; д-ръ Ланге, снова принявъ меня подъ свой надзоръ, дѣлалъ перевязки на открытомъ воздухѣ, не облегчая страданій. Нѣсколько дней я таскался за арміей; наконецъ, отправили меня черезъ Калугу въ Орелъ, давъ мнѣ цирульника, двухъ человѣкъ солдатъ и фурлейта для лошадей. Самая дурная погода сопровождала мой переѣздъ.

25-го Сентября около двухъ часовъ пополудни ввезли меня въ Орелъ; я былъ первый раненый, прибывшій въ этотъ городъ; народъ толпился около моей коляски; всѣ проходившіе и проѣзжавшіе обращали на меня вниманіе. Родитель славнаго генерала Ермолова, мимо дома котораго я проѣзжалъ, немедленно распорядился объ отводѣ мнѣ квартиры неподалеку отъ своего дома. Не успѣли меня ввести въ комнату и положить на приготовленную постель, какъ сей почтенный мужъ, не взирая на свои лѣта, посѣтилъ меня. На вопросъ его: «въ чемъ нуждаетесь»—я отвѣчалъ: въ помощи доктора и хорошей пищѣ. Черезъ часъ принесли мнѣ вкусный обѣдъ и бутылку рейнвейну. Скоро явился ко мнѣ и молодой хирургъ, Нѣмецъ, со всѣми принадлежностями нужными для раненаго; онъ худо объяснялся порусски, а потому весьма обрадовался моему знанію Нѣмецкаго языка. Прозонтируя рану, онъ вынулъ нѣсколько кусковъ кости и удивлялся небрежности, какой до сего времени я былъ предоставленъ, и комплекціи, помогшей перенести страданія. Увязавъ ногу въ лубки и уложивъ ее въ холстяную колыбель, онъ приподнялъ ее вверхъ посредствомъ блока. Это трудное положеніе казалось мнѣ самымъ легкимъ. Вечеромъ неутомимый докторъ снова явился ко мнѣ и обѣщалъ на другой день сдѣлать въ ляжкѣ прорѣзъ для выхода накопившейся матеріи.... Утромъ онъ не думалъ найти меня въ живыхъ, и когда вошелъ ко мнѣ, то увидѣлъ, что предполагаемый мертвецъ куритъ трубку и расположенъ шутить. Онъ обрадовался и принялся за дѣло. Имѣя ланцетъ въ рукахъ, онъ обратился ко мнѣ съ словами: «вы должны быть нечувствительны къ боли?»—«Можете рѣзать меня, какъ вамъ угодно», отвѣчалъ я. По окончаніи операціи, увязавъ ногу въ лубки по примѣру первой перевязки, онъ началъ распрашивать, сплю-ли я, имѣю-ли апетитъ и проч.—«Сплю крѣпко, ѣмъ хорошо и, въ упованіи на ваше искусство, надѣюсь умереть не на постелѣ».... Онъ покачалъ головою и сказалъ: «man muss ein Geduld haben *).—«О я имѣю довольно!» Мы

*) Надо имѣть терпѣніе.

распрощались до вечера. Въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ моего отчаяннаго положенія, внимательный врачъ смѣло и часто рѣзалъ мою раненую ногу, очищалъ ее отъ отдѣлившихся костей и напослѣдокъ сталъ увѣрять меня, что кость начинаетъ сростаться, и что съ наступленіемъ весны я буду уже на костыляхъ, но что раны еще не закроются. Зная откровенность лечившаго меня медика, я не сомнѣвался въ вѣроятности столь счастливаго для меня исхода болѣзни.

Зимою дворянство съѣхалось въ городъ и навѣщало меня ежедневно... Когда мертвенная блѣдность стала исчезать съ моего лица, мнѣ предложили перемѣнить квартиру, такъ какъ настоящая была очень сыра. Предсѣдатель Уголовной Палаты Филиповъ отыскалъ для меня помѣщеніе противъ своего дома. На новоселье съѣхалось ко мнѣ множество гостей; меня сильно радовало посѣщеніе дамъ, старавшихся утѣшить меня надеждами на лучшую будущность и совѣтовавшихъ уповать на Промыслъ Божій. Дамы обѣщали часто навѣщать меня и снабжать книгами, если это не будетъ въ тягость мнѣ; я благодарилъ ихъ. «Посѣщенія ваши, говорилъ я, сильнѣе другихъ средствъ способны вызвать меня къ жизни». Такимъ образомъ я познакомился съ лучшимъ обществомъ города; замужнія и дѣвицы навѣщали меня цѣлыми компаніями и приносили мнѣ корпію и книги. Скоро прошла для меня зима; насталъ день Воскресенія Христова. Солнце полнымъ блескомъ освѣтило радостное утро торжественнаго дня. Я видѣлъ, какъ народъ съ пасхами торопился къ своимъ семействамъ разговѣться. Мысль, что я не имѣю кого обнять и поздравить съ праздникомъ, навела грусть на мою душу... «Чего мнѣ ожидать въ моей мрачной будущности, думалъ я?... Безъ пріюта, въ маленькомъ чинѣ, безъ силъ къ продолженію службы».... Обильныя слезы потекли по лицу.... «Свѣтлое Воскресеніе, а моимъ глазамъ темно». Солнечные лучи, играя въ моихъ слезахъ разными огнями, безпокоили меня; я закрылся платкомъ и скоро заснулъ. Вскорѣ слуга мой разбудилъ меня возгласомъ: «проснитесь, сударь, гости идутъ!» Проснувшись, я увидѣлъ уставленный яствами столъ. «Обо мнѣ пекутся, какъ объ родномъ», подумалъ я. За порогомъ моей спальни послышалось радостное восклицаніе «Христосъ воскресе!» Съ глубокимъ чувствомъ благодарности я цаловалъ друзей моихъ. Филиповъ, виновникъ моей радости, пригласилъ разговѣться; всѣ подошли къ столу, первый кусокъ каждаго кушанья дамы откладывали для меня и сами подносили. Распорядитель празднества, Филиповъ наполнялъ рюмки, не прежде опорожнявшіяся, какъ по изъявленіи мнѣ желанія возстать отъ одра болѣзни въ день Воскресенія Христова. На любезныя привѣтствія я не могъ ничего отвѣчать: такъ былъ взволнованъ радостью; но глаза мои выражали всю полноту благодарнаго

удовольствія. Къ довершенію благополучія, въ этотъ день докторъ позволилъ мнѣ начать кататься по городу въ коляскѣ.

Въ Августѣ, въ день Успенія, я въ первый разъ всталъ на костыли безъ посторонней помощи и даже могъ пройти по комнатѣ. Свѣжій воздухъ и моціонъ скоро укрѣпили меня; дамы и мущины стали еще чаще посѣщать меня; знакомство дѣлалось день ото дня короче... Чувствуя возобновленіе силъ, я рѣшился ѣхать на богомолье въ Кіевъ и, пробывъ тамъ двѣ недѣли, вернулся въ Орелъ съ попутчицами изъ Брянска, съ которыми не столько намолился, сколько нагрѣшили. Мои Орловскіе сосѣди и сосѣдки обрадовались моему пріѣзду, какъ радуются родственнику, пріѣхавшему за полученіемъ наслѣдства, и я увидѣлъ, что лучше всего распроститься навсегда съ людьми, сдѣлавшими мнѣ столько добра.... Получивъ монаршее пособіе на проѣздъ къ Кавказскимъ водамъ, я выѣхалъ изъ Орла въ Февралѣ 1814 года. Десять недѣль я мокъ въ сѣрныхъ ваннахъ и, наконецъ, наскучивъ безполезнымъ для меня леченіемъ, отправился въ Кисловодскъ для пользованія холодными ваннами; но и здѣсь я пробылъ недолго: надо было ѣхать въ Петербургъ для пріисканія пристанища.

По пріѣздѣ въ столицу, просилъ я комитетъ раненыхъ о дарованіи мнѣ способовъ существованія и получилъ.... много обѣщаній, которыя по истеченіи трехъ мѣсяцевъ вывели меня изъ терпѣнія, и я подалъ военному министру рапортъ объ отправленіи меня въ дѣйствующую армію, хотя я не могъ двигаться безъ костылей. Министръ кн. Горчаковъ благосклонно принялъ мой рапортъ и немедленно предписалъ выдать мнѣ прогонныя деньги и подорожную до мѣста пребыванія моей роты. Черезъ три дня по полученіи подорожной, поскакалъ я къ ротѣ и, къ моему несчастію, нашелъ ее безъ орудій, въ Волынской губерніи. Вскорѣ послѣдовалъ манифестъ о мирѣ. При ротѣ я прослужилъ на костыляхъ два года, командуя своимъ отдѣленіемъ. Когда я былъ въ Кіевѣ, въ командировкѣ за порохомъ, туда ожидали Государя Императора для осмотра корпуса ген. Раевскаго. Желая воспользоваться симъ случаемъ, я явился къ корпусному командиру, напомнилъ мою службу подъ его начальствомъ и получилъ утѣшительный совѣтъ: «Останьтесь въ Кіевѣ до прибытія Государя; я васъ представлю, и великодушный Монархъ, конечно, облегчитъ вашу участь». Въ день прибытія Государя, мнѣ дано было знать, чтобы послѣ развода я находился въ залѣ представленія. Толпа генералитета сопровождала возлюбленнаго Монарха; зала была наполнена военными чинами, но изъ оберъ-офицеровъ былъ только одинъ я. Государь, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «Я отправлю васъ въ корпусъ графа Воронцова и подамъ возможныя средства къ вашему облегченію». Когда Государь ушелъ, генералы подходили ко мнѣ и спрашивали о предметѣ разговора Императора со мной. Не

прошло часа времени, какъ флигель-адъютантъ потребовалъ меня къ князю Волконскому. Князь объявилъ, что Государь единовременно жалуетъ мнѣ 1000 р. сер. и 1500 р. на прогоны, а по прибытіи въ корпусъ Воронцова по 20 франковъ столовыхъ денегъ.

Черезъ мѣсяцъ я прибылъ въ Мобёжъ, въ корпусную квартиру гр. Воронцова, который принялъ меня ласково и оставилъ обѣдать. Арендтъ, извѣстный операторъ, находился при немъ и взялъ на себя трудъ пользовать меня. Не видя возможности отнять у меня ногу, онъ рѣшился отправить меня въ Парижъ. Прибывъ въ развѣнчанную столицу Европы, я былъ порученъ попеченію извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ д-ра Перси. Перси былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и не могъ дѣлать самъ операцій; онъ приглашалъ для дѣйствія ланцетомъ молодаго хирурга Клерка. Первый совѣтовалъ и наставлялъ, второй рѣзалъ съ точностію по приказанію ментора. Большой отломокъ кости былъ ими переломанъ на двое и вынутъ въ отверстія двухъ ранъ. Семь мѣсяцовъ сряду рѣзали меня каждое Воскресенье и вынимали куски костей, уже потемнѣвшіе; въ концѣ курса леченія я могъ прогуливаться безъ костылей. До 1819 года я прожилъ въ Парижѣ; въ семъ году нашъ корпусъ былъ отозванъ въ Россію, и я предпочелъ за лучшее возвратиться въ отечество, нежели оставаться въ чужомъ государствѣ, чтобы пользоваться большимъ денежнымъ содержаніемъ.....

Записка Г. Н. Кольчугина.

Григорій Никитичъ Кольчугинъ (1779—1835) былъ сынъ Черниговскаго крестьянина Никиты Григорьевича (1753–1827), который съ раннихъ лѣтъ занимался въ Москвѣ торговыми дѣлами, и между прочимъ велъ книжную торговлю въ компаніи съ извѣстнымъ Н. И. Новиковымъ, за что и потерпѣлъ въ послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія. Умный, дѣловитый простолюдинъ съумѣлъ дать своему сыну отличное по тому времени образованіе. Григорій Никитичъ воспитывался вмѣстѣ съ дѣтьми сенатора Обрѣзкова и выучился нѣсколькимъ языкамъ, такъ что впослѣдствіи онъ могъ, помогая отцу въ дѣлахъ, въ тоже время свободное время посвящать на переводы книгъ преимущественно мистическаго содержанія. Изъ сдѣланныхъ имъ переводовъ была отдѣльно напечатана въ 1801 году: «Авелева смерть», поэма Геснера. Она посвящена переводчикомъ князю Лопухину. Гнѣвъ графа Растопчина постигъ его наравнѣ съ другими тогдашними Московскими мистиками; только тѣ подверглись оному до занятія Москвы Французами, а Кольчугинъ по возвращеніи графа Ростопчина въ столицу.

Г. Н. Кольчугинъ до и послѣ 1812 г. занималъ должность гофъ-маклера въ Коммерческомъ Банкѣ. Къ нему обращались за совѣтами по крупнымъ юридическимъ дѣламъ. Умеръ онъ 24 Марта 1835 года, оставивъ послѣ себя одиннадцать человѣкъ дѣтей и нѣсколько разстроенное состояніе вслѣдствіе потерь въ дѣлахъ съ извѣстнымъ поставщикомъ военнаго министерства В. В. Варгинымъ. Одинъ изъ его сыновей, Иванъ Григорьевичъ, памятенъ Москвѣ своею книжною многолѣтнею торговлею, обширными библіографическими познаніями, находчивостью рѣчи и живымъ остроуміемъ. Его сыну, Московскому книгопродавцу Ивану Ивановичу Кольчугину, Русскій Архивъ симъ свидѣтельствуетъ свою благодарность за доставленіе нижеслѣдующей записки. П. Б.

Записка о 1812 годѣ Московскаго гофмаклера Г. Н. Кольчугина.

Милостивый государь, почтенный другъ!

Вы требуете увѣдомленія моего, какія причины могли удержать меня въ Москвѣ предъ нашествіемъ непріятеля и не выѣхать, когда тѣмъ многіе воспользовались и по возможности вывезли имѣнія свои; а я, потерявъ все, навлекъ на себя въ послѣдствіи столь важныя для честнаго человѣка, каковымъ почитаете меня, непріятности.

Благодарю васъ, милостивый государь, препокорнѣйше за доброе ваше обо мнѣ мнѣніе, что вы, не основавшись на молвѣ народной,

вѣтромъ наносимой и развѣваемой, желаете знать истину происшествій отъ самого меня и рѣшиться во мнѣніи своемъ.

Соотвѣтствуя откровенности и довѣренности вашей, честь имѣю вамъ донести, что правила родителя моего, воспитаніе, выше состоянія его имъ мнѣ данное, какъ и заслуженная нами въ обществѣ и у начальства довѣренность и полученные знаки отличія вамъ извѣстны. Изъ сего самаго, какъ я полагаю, имѣли мы и завистниковъ, которые, превратясь во враговъ, воспользовались несчастнымъ положеніемъ, обнесли меня у начальника *), коего сердце отверсто къ подозрѣніямъ: съ трудомъ вѣритъ онъ доброму, а съ жадностью хватается даже за видъ преступленія.

Подлые враги мои, тѣмъ ободренные, дерзнули обвинять меня даже въ хищеніи; но какъ сего не было, клевета обнаружилась, и благодареніе Богу, Государю и законамъ, я совершенно оправданъ, невинность моя открыта, хотя оная и не всѣмъ извѣстна. Прочее предоставимъ времени.

Причины, воспрепятствовавшія выѣзду нашему изъ Москвы, суть слѣдующія. Первая, увѣренія начальства чрезъ издаваемыя печатныя афиши, что непріятелю въ Москвѣ не бывать, силы его отъ разныхъ пораженій ослабѣли, наши превосходятъ, подтверждая сіе увѣреніе и самыми сѣдинами покойнаго князя Кутузова-Смоленскаго. Вторая, пачпорты на выѣздъ изъ Москвы, кромѣ женамъ и дѣтямъ, давать было запрещено. Третія, родитель мой въ то время былъ боленъ, котораго въ такомъ положеніи оставить сыновняя любовь и обязанность не позволяли. Четвертая, у родителя моего имѣлось въ комиссіи казеннаго товару, принадлежащаго Александровскимъ заводамъ, въ наличности болѣе нежели на пятьдесятъ тысячъ рублей, въ коемъ вѣсу составляло до двухъ тысячъ пудовъ; а у меня, по должности гофмаклера, ввѣренныхъ отъ разныхъ особъ документовъ на знатныя суммы, конторскія многихъ годовъ книги и собственное наше имѣніе все находилось въ Москвѣ, что̀ требовало заблаговременнаго приготовленія, уборки и отправленія и куда—опредѣлительно знать было не можно. Но какъ, выше означено, увѣренія начальства въ свое время отъ того удержали; а въ послѣдствіи и возможности выѣхать уже не было. По тогдашнимъ цѣнамъ провоза требовалось какъ для казеннаго товара, такъ собственнаго нашего имѣнія, дѣлъ и (какъ вамъ извѣстно) немалаго семейства, отъ 15 до 20 тысячъ рублей. Безъ сомнѣнія повѣрите, что таковой суммы въ наличности у насъ нѐ было. А потому и принуждены мы были оставаться въ Москвѣ, питая себя надеждою, что непріятель, войсками нашими, которыя отовсюду стекались, до Москвы допущенъ не будетъ, или таковаго варварства, каково̀ отъ него произведено, не послѣдуетъ.

*) Т. е. у графа Ростопчина. П. Б.

Но, сверхъ ожиданія нашего, вышло тому противное. Начальство Московское и полиція, съ 1-го на 2-е число Сентября въ ночи все выбыло изъ города, оставя насъ на произволъ судьбы. Непріятель 2-го числа послѣ полудня вступилъ, а со вступленіемъ его начались и бѣдствія наши. Вечеромъ въ Китаѣ-городѣ начался пожаръ, а въ послѣдовавшіе за тѣмъ дни пожары и грабежи вообще.

Начально остановились у насъ квартирою трое унтеръ-офицеровъ съ однимъ рядовымъ, конныхъ. Мы принуждены были просить ихъ, для спасенія жизни нашей, квартировать у насъ и быть нашими защитниками; но они отозвались, что имъ назначенъ походъ. Приготовленъ имъ столъ, водка, вино и пиво, которыми они были довольны, въ соотвѣтственность чего, пріѣхавшимъ другой партіи сказано ими, что квартира въ домѣ нашемъ занята для ихъ генерала; но пріѣхавшіе требовали хлѣба, который получа и уѣхали; а наши постояльцы, переночевавши, отправились. Послѣ ихъ остановился у насъ одинъ капитанъ и при немъ двое рядовыхъ. На просьбу нашу о защитѣ обнадежилъ онъ, что при немъ никто обезпокоить насъ не осмѣлится, и приходящихъ при немъ грабителей выгонялъ, а сверхъ сего, по просьбѣ нашей, также и у сосѣда нашего, купца Андронова, на то время отъ кладовой грабителей отогналъ; но по случаю усилившагося возлѣ дома нашего пожара (отъ котораго и нашъ не только въ крайней былъ опасности, даже и загорался, но нами былъ потушенъ) онъ отъ насъ выѣхалъ. Потомъ поставлены къ намъ однимъ полковникомъ гвардейскіе рядовые. Убѣдительныя просьбы наши къ сему чиновнику, постояльцамъ хорошій столъ и подарки склонили ихъ также въ пользу нашу беречь насъ и даже наше имущество. Сіе сосѣдямъ нашимъ, въ томъ числѣ и князя Трубецкаго людямъ, оставленнымъ въ домѣ его, было извѣстно. *) Посему въ одно время, пришедъ къ намъ, дворникъ его объявилъ, что кладовую у нихъ отбиваютъ, и просилъ, не можно ли постояльцамъ нашимъ защитить оную? Постояльцы были на веселѣ, по просьбѣ нашей отъ кладовой ихъ грабителей отогнали, сказавъ при томъ, что они насъ и домъ нашъ по приказу полковника и за ласку нашу хранить будутъ, но другихъ не могутъ; а потому та кладовая съ людскимъ имуществомъ въ послѣдствіи разграблена.

А между тѣмъ пожары, ежедневно усиливаясь, наводили дому нашему и сосѣднимъ всегдашнюю опасность, изъ коихъ смежный съ нами купца Андронова былъ въ неминуемой опасности; но нами съ домашними и нанятыми за 25 рублей людьми избавленъ. Купецъ Андроновъ отданныя нами показанныя деньги, возвратяся

---

*) Домъ Кольчугина былъ на Покровкѣ, въ приходѣ церкви Рождества въ Барашахъ, близъ дома князя Трубецкаго или нынѣшней четвертой мужской гимназіи. П. Б.

въ домъ свой, при благодарности своей, принесши намъ, отдалъ. Послѣ того пожары безпрерывно продолжались, изъ коихъ одинъ распространился отъ Ивановскаго монастыря къ домамъ, близъ нашего находящимся, какъ-то: Иностранной Коллегіи, Межевой Конторы и къ близъ лежащимъ Покровскимъ воротамъ, отъ котораго настояла неминуемая опасность отъ деревянныхъ двухъ корпусовъ домамъ Яминской, купцовъ Аверичевыхъ, Андронова и Нарышкина; а отъ нихъ всѣмъ домамъ и лавкамъ, прилегающимъ къ Покровскимъ воротамъ. Мы съ имѣющимися у насъ людьми, упрося и постороннихъ, оные два корпуса отстояли, а чрезъ то спасли не менѣе 30-ти значущихъ домовъ и нѣсколько лавокъ. Послѣ того загорѣлся главный корпусъ Покровскихъ казармъ и прилегающая часть дома г-на Нарышкина, а съ нею сосѣда нашего Андронова и наши службы, какъ-то: погреба съ амбарами, каретнымъ сараемъ и конюшнями. Мы, сочтя, что нѣтъ уже и всему дому нашему спасенія, оставя оный со всѣмъ имѣніемъ на произволъ Божій, съ семействомъ и прочими погорѣльцами и ограбленными (принятыми нами изъ сострраданія въ домъ нашъ) изъ онаго перешли въ погорѣвшій уже родственника нашего купца Грачева подвалъ, гдѣ были не только одежды, обуви, а нѣкоторые и рубахъ лишены. Но за всѣмъ тѣмъ, благодареніе Богу, въ домѣ нашемъ однѣ только службы со всѣми въ нихъ запасами, экипажами и прочимъ выгорѣли, а жилыя остались цѣлы, потому что были за вѣтромъ и отъ службъ отдѣлены брантмауерами.

На другой день поутру мы послали изъ людей двоихъ навѣдаться о домѣ; но посланные Французами задержаны и употреблены были носить изъ собственныхъ кладовыхъ нашихъ расхищаемое имѣніе, куда непріятели имъ приказывали. На другой день вечеромъ, ушедъ, пришли они и сказали намъ, что жилые покои остались цѣлы, но изъ нихъ и изъ кладовыхъ имѣніе наше грабятъ, которое и они въ разныя квартиры ихъ носили. Мы, узнавъ, въ оный перешли обратно; но нашли, что движимое имѣніе наше изъ онаго и кладовыхъ разграблено и грабится. Первое стараніе наше было спасти казенные товары, ввѣренные документы и конторскія книги, кои были только еще перебиты и развалены. Съ опасностію жизни оные спасли; если же и пограблено изъ казенныхъ товаровъ до перехода нашего, то небольшое число. Попеченіе наше состояло, чтобъ, для охраненія жизни, казеннаго товара и мелкихъ остатковъ отъ расхищеннаго имущества гвардіи полковника, который прежде пожара поставилъ къ намъ постой, просить о таковомъ же; но какъ полкъ его назначенъ былъ въ походъ, то намъ въ томъ и отказано. Но къ нему въ то время привезенъ былъ раненый капитанъ со знакомъ отличія, котораго онъ къ намъ и назначилъ постоемъ. Мы оговаривались, что г-ну капитану не можемъ служить приличнымъ

столомъ, потому что всѣ запасы и провизія у насъ сгорѣли; но капитанъ, вслушиваясь, сказалъ, что ему, по болѣзни, нуженъ покой и одинъ супъ. Съ двумя лошадьми и двоими рядовыми онъ къ намъ переѣхалъ и стоялъ дней десять или двѣ недѣли, а чрезъ посредство его мы отъ дальнѣйшаго грабежа и были избавлены.

А между тѣмъ Французскимъ начальствомъ, чрезъ печатные листы, объявлено, что грабежъ прекращается, и если кто изъ Французовъ или Русскихъ въ томъ изобличенъ будетъ, таковому положена смертная казнь. Въ сихъ объявленіяхъ напечатано было и о учрежденіи временнаго городскаго правленія или муниципалитета и полиціи. На первый возложено попеченіе возстановить въ церквахъ богослуженіе, и чтобъ оное было уважаемо, продовольствіе оставшимся въ городѣ жителямъ съѣстными припасами и прочее; а на послѣднюю—возстановленіе спокойствія, тишины и очищеніе города отъ мертвыхъ тѣлъ человѣческихъ и скотскихъ, лежащихъ по улицамъ. Въ первомъ назначенъ интендантомъ Французъ Лессепсъ, а въ послѣдней комендантомъ таковой же, но имя его намъ неизвѣстно. Приказано ими, чтобъ Русскіе избрали изъ себя въ муниципалитетъ голову съ четырьмя помощниками и двадцать человѣкъ въ товарищи или члены, а въ полицію комисаровъ. Выборъ сей происходилъ мимо насъ, слѣдовательно мы и были покойны. Но въ одинъ день пришелъ въ домъ нашъ Французскій офицеръ съ двумя рядовыми, по запискѣ у него имѣвшейся, спросилъ меня и приказалъ идти съ собою къ интенданту Лессепсу.

Я, родитель мой и семейство наше приведены были симъ взятіемъ въ чрезвычайный ужасъ, полагая, что кромѣ смерти моей ожидать не можно. Родитель мой послалъ со мною человѣка, если можно, принести извѣстіе о послѣдствіи. Представили меня Лессепсу, который объявилъ мнѣ, что я избранъ въ муниципалитетъ и занялъ бы свое мѣсто. Я, выслушавши приказаніе, просилъ его объ увольненіи, представя ему, что имѣю престарѣлыхъ родителей, жену и осмерыхъ дѣтей малолѣтныхъ и что домъ нашъ частію выгорѣлъ и весь разграбленъ. Лессепсъ сказалъ мнѣ, что онъ отмѣнить меня не можетъ, потому что выбранъ я не имъ, а «вашими Русскими и собственно для васъ Русскихъ». Я сталъ усиливаться просьбою; онъ, долго слушавъ и осердясь, сказалъ: «Чтожъ вы много разговорились? Развѣ хочете, чтобъ я объ васъ, какъ объ упрямцѣ, донесъ моему императору, который въ примѣръ другимъ прикажетъ васъ разстрѣлять?» Послѣ сего я не нашелся и не осмѣлился сказать уже ни слова. Лессепсъ, походя по комнатѣ, приказалъ мнѣ идти за собою, ввелъ въ одну отдѣленную изъ комнатъ, гдѣ уже голова съ прочими муниципальными засѣдали, приказалъ имъ, чтобъ показали мнѣ мѣсто, а мнѣ оное занять, что я и принужденъ былъ исполнить. Перевязали мнѣ на лѣвой рукѣ алую ленточку въ знакъ, что я муни-

ципалъ, о каковыхъ знакахъ припечатано было и въ объявленіяхъ. Я, вышедъ, посланнаго со мною отправилъ успокоить родителей моихъ и жену и сказать, что скоро буду. Тутъ сказано мнѣ особенно головою, въ извиненіе выбора моего, что я, по знанію моему Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, могу быть вѣрнымъ переводчикомъ; а на иностранцевъ, хотя оные и въ подданствѣ, не во всемъ полагались. Онъ приказалъ мнѣ замѣчать изъ разговоровъ ихъ о дѣлахъ и движеніяхъ непріятельскихъ.

Въ муниципалитетѣ тогда было первое присутствіе, въ которомъ имѣли сужденіе: кому какую часть назначить и ею заниматься. Мнѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ назначено возстановить въ церквахъ богослуженіе, и чтобъ оное было уважаемо, и имѣть надзоръ за больными. Сей только одинъ журналъ мною и подписанъ. Окончивши присутствіе, взявши себѣ одинъ экземпляръ печатнаго о муниципалитетѣ и полиціи постановленія, пришедъ въ домъ, разсмотря оные, посовѣтовавшись съ родителемъ: положили избѣгать присутствія, чтобъ никакихъ журналовъ не подписывать, а чтобъ являться передъ присутствіемъ или послѣ онаго и давать о себѣ знать, что пошелъ въ такой-то приходъ или въ такую-то часть къ больнымъ или былъ тамъ-то, чего однакожъ въ самомъ дѣлѣ выполнить было не можно, потому что церкви были разграблены и осквернены, а больныхъ совокупно нигдѣ не было, что̀ и оставалось безъ исполненія; но предлогъ продолжался по нашему расположенію.

За недѣлю же, или около того, до выхода Французовъ, по требованію Лессепса, муниципалитетъ назначилъ меня въ командировку переводчикомъ при конвоѣ, который Французы намѣрены были отправить для закупки хлѣба или фуражировки по селеніямъ, около Москвы находящимся. Одинъ, хорошо мнѣ знакомый изъ муниципаловъ, зашедъ къ намъ въ домъ, о семъ назначеніи предувѣдомилъ. Первый ужасъ представился намъ: если сей конвой повстрѣчается съ Русскимъ, то должно произойти сраженіе; а пули и картечи не разбираютъ, что Русскій по волѣ или по неволѣ взятъ. Второй ужасъ: участвовать въ продовольствіи непріятеля было бы противъ присяги Государю, Отечеству и совѣсти. Уйти, если бы и нашелся случай: представлялось оставленное семейство, которому мстить могутъ.

А потому я въ необходимости нашелся обвязать себѣ голову платкомъ, намочивъ оный уксусомъ, лечь въ постель и не жалѣть теплой воды, дабы, сдѣлавъ испарину, показаться больнымъ. Лицо мое по безкровію вамъ извѣстно; оно послужило удостовѣреніемъ. Мы ожидали ежеминутно присылки, которою и не умедлили. Присланный нашелъ меня въ таковомъ состояніи; просьба родителей, жены и представленныхъ восьми человѣкъ малолѣтныхъ дѣтей, убѣдили офицера отрапортовать, что я боленъ и ѣхать не могу. Дня черезъ три

мы узнали, что посылка сего конвоя отмѣнена; непріятели, какъ видно, узнавъ о пораженіи ихъ корпусовъ, пришли въ примѣтное движеніе. Городское правленіе уже не собиралось, и каждый изъ Русскихъ трепеталъ о своей участи, о могущихъ произойти при выходѣ неистовствахъ.

Октября 6-го непріятель, собравъ войска свои въ Кремлѣ, шумный имъ дѣлалъ смотръ, послѣ котораго войска пошли въ занимаемыя ими квартиры. Переночевавъ, 7 го числа поутру они вышли тихо, оставя однакоже по словамъ ихъ 6000 человѣкъ, которые и вошли въ Кремль, а пикеты расположились только въ одномъ Китаѣ-городѣ. 7-е и 8-е число протекли покойно, кромѣ продолжавшихся въ разныхъ мѣстахъ пушечныхъ, а на пикетахъ ружейныхъ, сигнальныхъ выстрѣловъ. 9-го вошла въ Москву небольшая партія казаковъ до Красныхъ воротъ и далѣе, и бродящихъ по разнымъ мѣстамъ Французовъ нѣсколько захватили и перекололи и, какъ видно, казаки дошли близко къ Китаю-городу: то и послѣдовало изъ Кремля отъ 10-ти до 15-ти пушечныхъ выстрѣловъ ядрами, отъ коихъ вѣроятно казаки выѣхали обратно, а непріятели сдѣлались робчѣе. Во всю ночь слышны были изъ четырехъ мѣстъ поминутно пушечные сигнальные выстрѣлы. 10-го числа оные также были, но рѣже, такъ какъ чрезъ часъ. А пикеты, усиля, разставили по Бѣлый городъ у каждыхъ воротъ, то есть по Пречистенскіе, Арбатскіе, Тверскіе, Покровскіе и у прочихъ, съ приказаніемъ подозрительныхъ людей стрѣлять, потому что и жители съ казаками участвовали. Но вечеромъ всѣ пикеты сняли и воротились въ Кремль. Примѣтно было движеніе: награбленное имѣніе укладывали въ фуры и на воза. Въ 10 часовъ выбрались и изъ Кремля, а оставленные ими зажгли дворецъ и, подорвавъ придѣльную часть къ Ивановской башнѣ, арсеналъ, нѣкоторыя башни и въ разныхъ мѣстахъ Кремлевскую стѣну, изъ Москвы выступили.

По выходѣ непріятелей, стали вступать Россійскія войска, казаки, гусары и Московскій эскадронъ. Начальникъ онаго г-нъ Гельманъ, по данному ему предписанію, принялъ на себя должность временнаго оберъ или просто полицеймейстера; а между тѣмъ казаки, объѣзжая вездѣ по городу, спрашивали у обывателей: не осталось-ли въ которомъ домѣ Французовъ и, буде гдѣ находили, брали плѣнными. Господиномъ Гельманомъ поставленъ на всѣхъ заставахъ караулъ, чтобъ изъ города никаковаго имѣнія и товаровъ не выпускать; потому что изъ ближнихъ къ Москвѣ селеній крестьяне, со вступленія Французовъ въ Кремль, оставшееся въ домахъ, лавкахъ и гостиныхъ дворахъ, гдѣ бы что ни было, все увозили. Потомъ г-нъ Гельманъ, собравъ всѣхъ, составлявшихъ муниципалитетъ и полицію, взявъ отъ каждаго допросъ или показаніе, обязавъ подписками о невыѣздѣ изъ Москвы, сдѣлалъ свободными.

Въ послѣдствіи пріѣхалъ господинъ оберъ-полицеймейстеръ Ивашкинъ. Вступя въ должность, онъ приказалъ собрать всѣхъ показанныхъ бывшихъ временными чиновниками и оставилъ подъ стражею. Потомъ прибылъ главнокомандующій и донесъ о семъ Государю Императору, на каковое донесеніе его и послѣдовало высочайшее повелѣніе, которымъ утверждена слѣдственная комиссія. Назначены въ оную главнокомандующій и сенаторы: Модерахъ и Болотниковъ. По пріѣздѣ сихъ послѣднихъ открыто присутствіе, въ которое приводимы подсудимые, допрашиваны, разсматривано существо дѣла, кто какія исправлялъ должности или препорученія, а между тѣмъ кто какого напредъ сего поведенія былъ. Собраны повальные обыски, а о купцахъ сверхъ оныхъ истребовано отъ дому градскаго общества свѣдѣніе, на которое, по предписанію градскаго головы, собрано было Московское купеческое сословіе. Оно приговоромъ своимъ, въ честной и похвальной жизни и поведеніи, и меня одобрило. Комиссія, сдѣлавъ свое заключеніе, при закрытіи своемъ, многихъ приказала освободить съ роспискою, въ томъ числѣ и меня, а нѣкоторыхъ оставила подъ арестомъ. Сенаторы по таковой же комиссіи отправились въ Смоленскъ.

За симъ неокончившимся несчастіемъ послѣдовало новое, черное для чести моей и дому, убійственное, о которомъ по порядку начать долженъ.

Вамъ извѣстно, милостивый государь, что домъ нашъ состоитъ въ смежности съ домомъ князя Трубецкаго, который съ прочими сосѣдними выгорѣлъ. Люди, княземъ при домѣ оставленные, заваливъ ворота или подъѣзды съ Покровки, жили въ прилегающихъ къ самому дому нашему подвалахъ; а чрезъ сосѣдніе погорѣлые и черезъ садъ нашъ проложили входъ и выходъ изъ онаго, чего по тогдашнему времени и воспретить было не можно. Соединясь съ Французами, они производили грабежи. По выходѣ нашемъ изъ дому грабили въ ономъ и изъ кладовыхъ нашихъ что̀ было можно, выносили изъ города въ Подмосковную князя *), о чемъ, когда мы возвратились въ домъ, намъ сказано. По прекращеніи грабежа, когда по несчастію былъ я избранъ въ муниципалитетъ, пришедъ къ нимъ въ подвалы, я пересмотрѣлъ у нихъ находящееся и нашелъ собственное платье и дѣтей моихъ, не менѣе какъ на 600 рублей, чего, какъ видно, изъ Москвы вынесть не успѣли. Поговоря съ ними рѣзкимъ образомъ, я оное отъ нихъ отобралъ. Послѣ люди сіи неизвѣстно откуда привезли двѣ бочки вина, завели продажу и пьянство. Число ихъ, съ приходящими изъ деревни, въ домѣ проживало болѣе пятидесяти человѣкъ. Сдѣлалось къ нимъ таковаго же сорту многолюдное стеченіе. Мы, опасаясь таковой буйной и шумной

*) Село Знаменское или Вицы за Царицынымъ, нынѣ принадлежащее М. Н. Каткову. П. Б.

шайки, начально говорили имъ дружескимъ образомъ, что они то дѣлаютъ неприлично времени и чтобъ продажу вина и пьянство прекратили; но они сего не сдѣлали. Послѣ замѣчены и наши люди участвующими въ пьянствѣ, что̀ вывело уже насъ изъ терпѣнія и заставило сдѣлать съ ними сильную размолвку, съ тѣмъ что, если не прекратятъ торгу сего, то будемъ просить бывшаго тогда Французскаго коменданта, объявивъ о дурномъ ихъ поведеніи и грабежахъ. Это на нихъ и подѣйствовало. Но изъ сего и изъ вышеописаннаго произошла къ намъ злоба, а къ мщенію и открылся имъ случай. Передъ выходомъ непріятеля пришли въ домъ нашъ два Французскіе чиновника, не такъ какъ грабители, не вооруженно, а только съ тростями и въ сертукахъ, да и грабежа тогда уже не было. На вопросъ нашъ, что̀ имъ угодно? они объявили, что приказано имъ осмотрѣть домъ нашъ. Мы думали, что они намѣрены занять оный постоемъ, что̀ имъ и предоставлено. Обошедъ всѣ комнаты, спросили: чей домъ? Нами отвѣтствовано: купецкой. Послѣ спросили: который же домъ князя Трубецкаго? Мы сказали, что оный возлѣ насъ. Они приказали мнѣ, чтобъ я шелъ съ ними для перевода требованій ихъ, объявя мнѣ, что у принца Невшательскаго покрадены вещи, о которыхъ сказано, что оныя унесены въ домъ князя Трубецкаго. Я просилъ, чтобы они уволили меня и осмотрѣли одни; но они приказывали повелительно и грозили, почему и принужденъ я былъ идти съ ними и быть при нихъ въ родѣ переводчика. Вошедъ на дворъ князя, они приказали сыскать дворника, которому приказано сказать о причинѣ прихода ихъ и осмотра. Дворникъ отвѣчалъ, что у нихъ покраденныхъ вещей никакихъ нѣтъ, да и самое имѣніе ихъ сгорѣло и разграблено; а чтобъ въ томъ удостовѣрить, повелъ ихъ въ кладовыя, которыя обгорѣли и разграблены. Чиновники, изъявивъ неудовольствіе, приказали дворнику сказать, что они присланы не пустыя кладовыя осматривать, а искать покраденныхъ у принца вещей и увѣрить, что они кромѣ покраденныхъ вещей ничего изъ имѣнія, какое бы у нихъ ни было, не возмутъ, что̀ все мною и было переведено и сказано, чтобъ они ничего не опасались и показали бы, что̀ у нихъ есть изъ оставшейся рухляди. Дворникъ ввелъ ихъ въ занимаемые ими подвалы, гдѣ было накладено у нихъ, кромѣ вынесеннаго въ Подмосковную, довольное количество въ сундукахъ, ларцахъ, мѣшкахъ и кучахъ. Чиновники приказали, чтобъ они изъ первыхъ выкладывали, а послѣднія переложили; но сами ни за что̀ не взялись, пересматривали все, сказали, что тутъ покраденныхъ вещей нѣтъ, и велѣли спросить, нѣтъ ли гдѣ еще. Дворникъ и прочіе удостовѣрили, что нѣтъ. Выведши изъ подваловъ, они показывали на все строеніе, которое дѣйствительно выгорѣло. Чиновники, ничего не взявъ изъ имѣнія, которое пересматривали, изъ дома вышли и меня отпустили.

Происшествіе сіе, по всей справедливости, тѣмъ и должно было бы кончиться; но нѣкоторые изъ людей, какъ выше сего сказано, имѣя на насъ злобу и притомъ будучи въ поведеніи своемъ виновны, чтобъ избѣгнуть наказанія, по выходѣ непріятелей донесли пріѣхавшему князю, который, узнавъ поведеніе ихъ, дѣлая разборъ и нашедъ, что они дѣйствительно, соединясь съ Французами, производили грабежи, пять человѣкъ изъ нихъ при прошеніи своемъ представилъ Губернскому Правленію для удаленія на поселеніе или въ крѣпостныя работы. Слѣдовало бы отдать и самыхъ доносителей, яко участвовавшихъ въ грабежахъ; но они, во избѣжаніе сего, представили князю въ выслугу, что кладовую его спасли отъ разграбленія; а по злости къ намъ донесли, что я приходилъ съ двумя Французскими чиновниками и яко бы спрашивалъ о кладовой. Князь Трубецкой по уму и характеру своему, думаю, вамъ извѣстенъ. Оставя сихъ бездѣльниковъ въ разныхъ мѣстахъ, онъ поносилъ имя мое. Нѣкоторые изъ благомыслящихъ людей представляли князю: можетъ ли быть сіе справедливо, и чтобъ онъ на людей своихъ не во всемъ полагался; но князь былъ въ такомъ положеніи, что сего не уважилъ. А потому я нужнымъ почелъ съ княземъ, какъ съ сосѣдомъ и знакомымъ человѣкомъ, лично объясниться, для чего и пошелъ къ нему; но онъ не только не вошелъ со мною ни въ каковое объясненіе, но съ ругательствомъ отъ себя выслалъ. Дѣлать было нечего какъ терпѣть и предоставить на произволъ Божій и что время невинность мою откроетъ. Князь, понося меня вездѣ, бывши у г. главнокомандующаго, не оставилъ и ему сказать о семъ дѣлѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ ему разсудилось. Главнокомандующій приказалъ князю подать къ себѣ прошеніе. Тотъ въ Январѣ мѣсяцѣ 1813 года, въ поданномъ къ нему письмѣ, написалъ, что, по пріѣздѣ его въ Москву, увѣдомился онъ, что я, въ бытность непріятелей въ Москвѣ, приходилъ въ домъ его съ непріятельскими офицерами и яко-бы объявилъ о себѣ людямъ его, что я въ службѣ Французской и долженъ знать, гдѣ находится его, князя, кладовая, принуждая ихъ угрозами и будто бы, повторяя требованіе мое, объявилъ я имъ, что въ противномъ случаѣ приведу довольное число непріятельскихъ солдатъ, которые ихъ разстрѣляютъ, какъ ослушниковъ воли моего начальства. Каковыя наглости и неистовства доводя до свѣдѣнія его, главнокомандующаго, князь просилъ дѣло сіе изслѣдовать и предавалъ оное на благоусмотрѣніе его.

Того же числа, какъ выше сказано, князь Трубецкой, изъ людей своихъ, остававшихся въ домѣ его пять человѣкъ, при прошеніи своемъ, представилъ Московскому Губернскому Правленію, прописавъ въ ономъ: что они обращались во всегдашнемъ пьянствѣ, буянствѣ, дѣлая ему многія грубости и непослушаніе; во время нашествія непріятелей, вмѣстѣ съ ними сообщась, чинили многія граби-

тельства, а по выходѣ, что Французами не было найдено въ домѣ его изъ оставшагося имущества, принадлежащаго какъ ему, князю, такъ и людямъ его разграбили и прочихъ людей къ таковымъ же предосудительнымъ поступкамъ соглашали, похваляясь быть независимыми. Князь даже подозрѣвалъ ихъ въ зажигательствѣ его и сосѣдственныхъ домовъ. Не желая болѣе имѣть ихъ у себя въ домѣ, приложа принадлежащія на одежду, обувь и кормовыя деньги, онъ просилъ за таковые ихъ законопротивные поступки, куда правительство разсудитъ, удалить въ дальнія губерніи для употребленія въ работу. Оставя дѣло сіе законному теченію, онъ обратился къ слѣдствію о доносѣ на меня учиненномъ.

Главнокомандующій оберъ-полицеймейстеру далъ свое предписаніе. Въ немъ сказано, что подалъ къ нему князь Трубецкой письмо, въ коемъ изъясняетъ: что во время бытія Французовъ въ Москвѣ, по сосѣдству живущій съ ними Московскій купецъ Григорій Кольчугинъ приходилъ къ нему съ непріятельскою партіею въ домъ, дѣлалъ разныя угроженія людямъ, чтобъ побудить ихъ къ показанію кладовыхъ и производилъ разныя тому подобныя наглости, князь Трубецкой проситъ его, чтобъ съ купцомъ Кольчугинымъ поступлено было по законамъ. Главнокомандующій, препровождая письмо князя оберъ-полицеймейстеру, рекомендовалъ ему приступить къ точнѣйшему изслѣдованію описанныхъ княземъ обстоятельствъ, и буде по слѣдствію окажется, что купецъ Кольчугинъ дѣйствительно участникомъ былъ въ таковыхъ законопротивныхъ поступкахъ, представить оное разсмотрѣнію, куда слѣдовать будетъ для строжайшаго поступленія съ виновнымъ по законамъ. Для удобнѣйшаго же въ семъ дѣлѣ изысканія истины, велѣно не оставить спросить людей князя, бывшихъ свидѣтелями поступка Кольчугина, и по показаніямъ ихъ вести дальнѣйшее изслѣдованіе, о которомъ его, главнокомандующаго, въ свое время обстоятельно рапортовать.

Г-нъ оберъ-полицеймейстеръ препоручилъ Яузской части произвести слѣдствіе. Призваны князя Трубецкаго люди, изъ которыхъ Иванъ Токаревъ въ допросѣ показалъ, что 1812 года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, то-есть по вступленіи въ Москву непріятеля, спустя нѣсколько дней, приходилъ Кольчугинъ въ домъ господина его съ двумя Французскими офицерами, спрашивалъ его и другихъ здѣсь бывшихъ дворовыхъ людей: Дмитрія Яковлева, Никиту Андреева и Тимоѳея Никифорова (который помре), гдѣ кладовая, и что ему, какъ начальнику и служащему во Французской службѣ, нужно знать. Для сбереженія оной, и хотя кладовая господина его съ вещами была цѣла, но они, по усердію ихъ, объ оной умолчали, а показали кладовыя, уже Французами разломанныя. Они утверждали, что болѣе оныхъ другой нѣтъ никакой, и яко бы я сказалъ имъ, что не можетъ быть, чтобъ еще не было закладенной, дѣлалъ имъ угрозы,

что если не покажутъ, то завтра прибудутъ человѣкъ сорокъ и болѣе Французовъ, найдутъ кладовую, а ихъ за утайку станутъ стрѣлять и колоть; однакожъ они не показали и кладовая осталась въ цѣлости, а я, съ тѣми Французами, походя по комнатамъ и осмотря ихъ вещи, не взявъ изъ оныхъ ничего, вышелъ и болѣе не былъ. Означенные люди, какъ изъ дѣла видно, допрашиваны вмѣстѣ, потому что на Токарева допросѣ всѣ подписались и о вышеписанномъ показали во всемъ сходно.

1813 года Февраля 9 слѣдствіе представлено г-ну оберъ-полицеймейстеру, къ которому призванъ и я. Взято отъ меня письменное показаніе, состоящее въ самой справедливости и въ томъ, что не въ Сентябрѣ, какъ люди показываютъ, по вступленіи дней нѣсколько спустя, а въ Октябрѣ 1 или 2 числа, слѣдовательно приходили передъ выходомъ непріятелей, когда грабежъ былъ уже прекращенъ и, какъ выше показано, искали покраденныхъ у принца Невшательскаго вещей, а о кладовой не только не знали, не спрашивали, но и не думали.

Потомъ сдѣлана мнѣ съ доносителями у него, г-на оберъ-полицеймейстера, очная ставка, на которой, будучи мною уличены, они признались, что я съ Французскими офицерами приходилъ уже передъ выходомъ изъ Москвы, когда грабежа уже не было и искали покраденныхъ вещей у принца Невшательскаго; но они остались при показаніи, что о кладовой спрашивалъ, дополня противъ перваго своего въ Части допроса, что я ихъ успокоивалъ, чтобъ они ничего не опасались, потому что офицеры ничего у нихъ не возмутъ и никакой обиды имъ не сдѣлаютъ, и что, пересмотря имѣніе ихъ, дѣйствительно ничего не взяли, не били ихъ и не устращивали.

Г-нъ оберъ-полицеймейстеръ, отпустя меня въ домъ, препроводилъ дѣло въ Управу Благочинія, а главнокомандующему донесъ рапортомъ, который, не основавшись на рапортѣ его, изъ Управы Благочинія вытребовалъ дѣло къ себѣ и, разсмотря оное, отослалъ оное обратно и того жъ Февраля 23 далъ предложеніе взять меня подъ арестъ, что̀ и исполнено, а дѣло препровождено къ сужденію Магистрата въ 1-й Департаментъ.

Родитель мой рѣшился просить г-на главнокомандующаго отъ себя письмомъ, прописавъ въ ономъ невинность мою, свидѣтельствовался въ поведеніи какъ своемъ, такъ и моемъ всѣми, кто только насъ знаетъ и самою полиціею; потому что въ одной Части болѣе 25-ти лѣтъ живемъ своимъ домомъ, въ теченіе которыхъ, какъ прежде, такъ во время нашествія непріятелей и по выходѣ оныхъ, на насъ и домъ нашъ не только просьбъ и жалобъ, но ниже подозрѣнія ни отъ кого не было: просилъ для успокоенія жены моей и осмерыхъ малолѣтныхъ дѣтей отпустить меня на роспиcку его. Но просьба осталась безъ всякаго уваженія.

Вамъ извѣстно, милостивый государь, что я по выбору и атестатамъ знатнѣйшаго Московскаго купечества бывшею Комерцъ-Коллегіею опредѣленъ и отправлялъ въ Москвѣ должность гофмаклера и въ Учетной Конторѣ. По поводу сего управляющій Московскимъ Отдѣленіемъ Банка и Учетною Конторою, г-нъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Попковъ, вошелъ съ представленіемъ къ главнокомандующему, коимъ изъяснялъ, что я къ должности не являюсь, а, по дошедшимъ до него слухамъ, содержусь подъ стражею; не бывъ. онъ, управляющій, извѣстенъ по каковому случаю и за что именно, просилъ его сіятельство не оставить его по предмету сему увѣдомленіемъ. Главнокомандующій изъ сего отношенія усмотрѣлъ, что о семъ происшествіи г-нъ Попковъ обязанъ сдѣлать свое доношеніе высшему начальству и отвѣтствовалъ, что содержусь подъ стражею за приходъ съ непріятельскими офицерами въ домъ князя Трубецкаго для грабежа кладовыхъ, и дѣло обо мнѣ представлено законному разсмотрѣнію; но въ предосторожность свою, не остановясь на семъ, онъ отнесся къ г-ну министру финансовъ, въ которомъ отношеніи написалъ, что Московской Учетной Конторы маклеръ Кольчугинъ, по образу поведенія своего и сильному подозрѣнію въ нѣкоторыхъ законопротивныхъ дѣйствіяхъ при нашествіи непріятельскомъ, не можетъ быть терпимъ въ настоящей должности его. Господинъ министръ финансовъ, основавшись на таковомъ отношеніи его, предложилъ правленію Банка на мѣсто мое опредѣлить въ Учетную Контору маклеромъ другаго, а меня изъ вѣдомства ея исключить и въ штатѣ своемъ болѣе не числить; а вслѣдъ за онымъ, согласно отношенію главнокомандующаго, г-нъ министръ предложилъ департаменту внѣшней торговли, по причинамъ выше сего отъ главнокомандующаго представленнымъ, объ удаленіи меня и отъ должности гофмаклера, о чемъ департаментъ и сообщилъ Московскому Губернскому Правленію, съ тѣмъ, чтобъ данные мнѣ отъ бывшей Комерцъ-Колегіи на исправленіе должности указы, отъ меня отобрать и доставить въ тотъ департаментъ.

Первый департаментъ Магистрата, разсматривая дѣло, изъ обстоятельствъ усмотрѣлъ, что какъ самъ князь Трубецкой въ поданномъ главнокомандующему письмѣ, такъ и люди его между собою показываютъ разнообразно; а потому за силою приведенныхъ имъ законовъ на таковомъ доносѣ и утвердиться не могъ, тѣмъ паче, что кладовая осталась въ цѣлости. Къ тому же я повальнымъ обыскомъ въ поведеніи моемъ и Московскимъ купеческимъ обществомъ одобренъ, почему и наказанія мнѣ за оное положить никаковаго не могъ. Въ заключеніи же сказано: но прежде, когда оное Уголовной Палаты первымъ департаментомъ утвердится, отдать меня на вѣрное поручительство, о чемъ, вслѣдствіе полученнаго отъ главнокомандующаго предложенія, испрашивать отъ губернскаго прокурора повелѣнія, для

чего изъ дѣла сочинить записку. Но я и послѣ сего опредѣленія остался подъ арестомъ *).

Дѣло внесено въ Палату Уголовнаго Суда на ревизію, гдѣ я въ подтвержденіе прежнихъ допросовъ, какъ и прежде при увѣщаніи священника, спрашиванъ и показалъ, что̀ было по самой справедливости, утверждаясь во всемъ на прежде учиненныхъ показаніяхъ. А между тѣмъ усмотрѣно мною, что показанія людей князя Трубецкаго, бывшаго у оберъ-полицеймейстера на очныхъ ставкахъ, въ дѣлѣ нѣтъ; а вмѣсто онаго на прежнемъ допросѣ имъ подписано, что они подтвердили тоже, или согласно допросамъ, и на очныхъ ставкахъ показали. Я просилъ Палату къ усмотрѣнію справедливости съ означенными по дѣлу князя людьми произвести въ присутствіи ея очную ставку, поелику оной въ судебномъ мѣстѣ, кромѣ какъ только при дѣлахъ оберъ-полицеймейстера, не было.

Люди князя Трубецкаго Палатою чрезъ Управу Благочинія были вытребованы и въ присутствіи на очной ставкѣ отступили, какъ и у оберъ-полицеймейстера, отъ прежняго въ Части допроса, хотя и разнообразно, потому что спрашиваны, по примѣру суда святаго Даніила о Сусаннѣ, порознь. Но къ существу справедливости они ближе и болѣе нежели у оберъ-полицеймейстера показали, что Французы одѣты были въ сертукахъ безъ всякаго оружія, когда грабежа уже не было, и я имъ сказывалъ, что Французы ищутъ покраденныхъ вещей у принца Невшательскаго, а не я своихъ, уговаривалъ и ободрялъ ихъ, чтобъ они ничего не боялись и были покойны, ибо офицеры ничего сторонняго и принадлежащаго имъ не возмутъ, и что все имущество ихъ пересмотря, не взяли, и отъ приходившихъ со мною офицеровъ побоевъ и ничего сему подобнаго никому чинено не было и въ домъ господина ихъ уже не приходили. Два человѣка невооруженные въ домъ (гдѣ, по показанію самихъ доносителей, находилось до сорока человѣкъ) войти бы не отважились. Грабители, какъ извѣстно, ходили партіями вооруженные, могли бы кладовую отыскать сами или людей принудить показать ее безъ посторонняго; да и въ то время, какъ всѣ вообще показываютъ, грабежъ былъ уже прекращенъ и запрещенъ подъ смертною казнію; люди и кладовая остались въ цѣлости. А потому Палата въ рѣшительномъ опредѣленіи своемъ заключила: что о Кольчугинѣ, по основанію воинскихъ процессовъ 2-й части 1-й главы 2-го пункта и указовъ 1763-го Февраля 10-го и 1801-го годовъ Сентября 27-го числа, виновнымъ почесть и къ каковому либо сужденію приговорить не можно, тѣмъ болѣе, что оный Кольчугинъ въ поведеніи своемъ повальнымъ обыскомъ одобренъ, и сіе самое подтверждается выборомъ и аттестатами, сдѣланными ему

*) Главнокомандующій предложеніями, данными всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, предписалъ ни одного подсудимаго изъ подъ стражи безъ согласія прокурора не освобождать; а ему прокурору предварительно относиться къ нему главнокомандующему.

отъ здѣшняго градскаго головы и знатнѣйшаго купечества, по коимъ начально былъ онъ съ 1799-го гофмаклерскимъ помощникомъ, а съ 1803-го года настоящимъ гофмаклеромъ, въ которомъ званіи утвержденъ высочайшимъ повелѣніемъ; сверхъ сего находился онъ при Московской Учетной Конторѣ маклеромъ и пожалованъ за усердную и безпорочную службу золотою медалью съ надписью за усердіе, для ношенія на шеѣ на Владимірской лентѣ. И для того, по всѣмъ выше значущимся обстоятельствамъ, означеннаго Кольчугина отъ суда и слѣдствія освободить. Что же онъ находился въ службѣ Французской, то уже объ ономъ разсматривано было въ особо учрежденной по высочайшему повелѣнію комиссіи, и онъ за оное сужденію не преданъ; слѣдовательно Палатѣ въ каковое либо объ ономъ сужденіе и входить не можно, о чемъ Магистрата 1-му департаменту съ обращеніемъ дѣла и дать знать указомъ. Во исполненіе-жъ указа 1803-го года Маія отъ 4-го дня сіе рѣшеніе обще съ дѣломъ представить на утвержденіе къ его сіятельству г-ну генералу отъ инфантеріи, оберъ-камергеру, сенатору, главнокомандующему въ Москвѣ и въ губерніи начальствующему по гражданской части, главному начальнику Комиссіи для строенія въ Москвѣ, орденовъ святаго Андрея Первозваннаго и разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ кавалеру, графу Ѳедору Васильевичу Ростопчину. По полученіи же отъ его сіятельства согласнаго предложенія, съ возвращеніемъ сего рѣшенія и дѣла, учинить исполненіе Сентября 22 дня 1813 года. Рѣшеніе и дѣло того же Сентября на утвержденіе главнокомандующаго внесено; но арестъ мой продолжался по 23 Декабря, въ которое освобожденъ по приказанію главнокомандующаго. И тѣмъ десятимѣсячное страданіе мое кончилось.

Дѣло по службѣ муниципалитета слѣдственною комиссіею по высочайшему повелѣнію внесено было въ Правительствующій Сенатъ, а изъ онаго поступило въ Государственный Совѣтъ, потомъ въ Комитетъ Министровъ.

А между тѣмъ Августа въ 30-й день 1814 года воспослѣдовалъ всемилостивѣйшаго Государя Императора высочайшій манифестъ, которымъ всѣ во время нашествія непріятелей подпавшіе преступленіямъ прощены, слѣдовательно и мы полагали себя въ томъ же числѣ; но, сверхъ ожиданія нашего, благодареніе Богу, всемилостивѣйшему Государю, законамъ его и высшимъ правительствамъ, они дали намъ новую жизнь, возстановили честь домовъ нашихъ, предписали Московскому Губернскому Правленію отъ сего 1815 года указомъ, виновныхъ поимянно всѣхъ по манифесту простить, а непризнанныхъ виновными отъ суда и слѣдствія освободить, въ числѣ послѣднихъ и меня, который указъ Московскимъ Губернскимъ Правленіемъ чрезъ Управу Благочинія намъ и объявленъ, и должности гофмаклера и по Учетной Конторѣ, которыя до сего несчастнаго случая я занималъ, мнѣ возвращены.

Вотъ, милостивый государь, происшествія, случившіяся со мною въ подлинномъ ихъ видѣ, за справедливость которыхъ я отвѣтствую всѣмъ, что̀ есть свято.

*

Приложенія.

I.

Письмо Г. Н. Кольчугина къ министру юстиціи Д. П. Трощинскому.

Ваше высокопревосходительство

Милостивый государь.

Государь Императоръ, пекущійся о благѣ ввѣренной ему Россіи, избралъ ваше высокопревосходительство быть царевымъ окомъ. Сей выборъ оживилъ сердца всѣхъ благомыслящихъ Россіянъ. Мужъ, знаменитый заслугами, правотою и маститою опытностію, входитъ въ святилище правосудія, и бѣдный несчастливецъ, гонимый злобою и случаемъ, находитъ себѣ защитника невинности и утѣшителя. Сіи доблести, украшающія особу вашего высокопревосходительства, даютъ и мнѣ надежду, что вы склоните взоръ свой къ жалобнымъ воплямъ страдальца.

Въ 1812 году, когда непріятель занесъ свое оружіе внутрь Россіи и въ самую Москву, тогда и я, не бывъ предувѣдомленъ ни отъ кого, подпалъ общей участи быть ограбленнымъ и лишеннымъ всего. Объятая пламенемъ Москва и тысячи сверкающихъ мечей и штыковъ были устремлены противъ невинныхъ и беззащитныхъ гражданъ. Ужасы и голодная смерть зіяли предо мною: казалось, самый адъ разверзъ пасть свою, дабы поглотить вселенную. И среди-то сихъ самыхъ ужасовъ я пребылъ твердъ и даже безстрашенъ. Потерю имѣнія довольно значительнаго я считалъ нужною жертвою и данью всегда любезному Отечеству; смерть—обыкновеннымъ человѣческимъ удѣломъ. Но я мужъ женѣ и отецъ дѣтямъ; упругая душа моя, видя ихъ слезы, вопли и стоны, смягчилась. Простите симъ, самою природою вдохновеннымъ, чувствамъ; для спасенія жены и дѣтей отъ страха и угрозъ въ сей крайности, и будучи еще плѣнникомъ, принужденъ быть въ учрежденномъ отечественномъ правленіи. Прочитавъ правила и не находя въ нихъ ни нарушенія присяги къ Престолу и Отечеству, ни вреда, ни даже отступленія отъ правилъ чести, всегда мною чтимыхъ, я не уклонился отъ способовъ облегчить по возможности горькую участь оставшихся въ Москвѣ жителей: ибо, спасая ихъ, я спасалъ себя, жену и дѣтей моихъ Но сіи благія намѣренія, сіе чувство сострадательности къ человѣчеству были обращены не въ ту сторону, очернены и—страшно выговорить—почтены измѣною, какъ думаю: поелику я страдалъ, и надо мною совершились всѣ жестокости, какъ надъ преступникомъ. По доносу его сіятельства графа Ростопчина учреждена была въ Москвѣ слѣдственная комиссія, которая, не на-

ходя никакого преступленія, вскорѣ и освободила меня съ прочими, и еслибъ не былъ въ ней графъ Ростопчинъ предсѣдателемъ, она бы тогда вмѣсто сужденія, видя насъ голодныхъ, блѣдныхъ, изнуренныхъ, въ рубищахъ и полунагихъ, смѣшала бы свои слезы съ слезами нашими, и все бы было кончено; но онъ положилъ начало, и три года почти не рѣшена наша участь. Такъ жестоко игралъ онъ судьбою несчастливцевъ. Ничего онъ не уважалъ: ни времени, ни случая, ни мѣстнаго тогда положенія. 30 тысячъ, по собственнымъ нашимъ донесеніямъ, убитыхъ въ Москвѣ рукою гражданъ непріятельскихъ солдатъ сильны увѣрить не въ измѣнѣ, но въ любви и ревности ко благу Отечества. Каждый за безчестіе святыни и за себя старался обмыть руки свои въ крови враговъ. Вотъ дѣянія оставшихся жителей. Я Русскій: сего уже довольно, чтобы не быть измѣнникомъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ я боленъ и могъ бы кончить дни мои съ позоромъ и оставить дѣтямъ въ наслѣдство укоризну, толико безчестную имени честнаго человѣка.

Ваше высокопревосходительство, содѣлавшись блюстителемъ правосудія, исполняя святость законовъ, много облегчили неповинную нашу участь разрѣшеніемъ выѣзда куда кто пожелаетъ; но сія милость ваша—позвольте сказать—мало коснулась меня, поелику мнѣ, по нахожденію моему въ службѣ безъ жалованья при Измайловскомъ звѣринцѣ, за неокончаніемъ дѣла, и отпуска не даютъ; а бѣдное мое положеніе, болѣзнь и пребываніе моего семейства въ С.-Петербургѣ нудятъ меня послѣ долгой разлуки видѣть его и, можетъ быть, умереть на рукахъ его. Въ семъ положеніи къ кому я прибѣгну, какъ не къ сострадательной и правосудной особѣ вашей? Умоляю ваше высокопревосходительство силою дарованной вамъ власти разрѣшить страдальческую участь мою или по крайней мѣрѣ позвольте мнѣ пріѣхать въ С.-Петербургъ къ моему семейству, а также и къ начальству моему. Сіе благодѣяніе ваше осчастливитъ дни, отретъ горькія слезы мои, утѣшитъ семейство мое и сопричтетъ меня къ числу многихъ вами облагодѣтельствованныхъ.

*

II.

ВЫПИСКА ИЗЪ РѢШЕНІЯ.

Бывшій въ званіи товарища головы, купеческій сынъ Крокъ подписалъ токмо три засѣданія муниципалитета, относящіяся къ возстановленію въ городѣ порядка. Бывшіе въ званіи членовъ надворные совѣтники: 7-й Конюховъ, 8-й Кульманъ, 9-й отставной ротмистръ Брюнъ; титулярные совѣтники: 10-й Донаровичъ, 11-й Сущовъ; купцы: 12-й Бородинъ, 13-й Кольчугинъ, 14-й Коняевъ,

15-й купеческій сынъ Павелъ Находкинъ; иностранцы: 16-й Келлеръ, 17-й Мерманъ подписали одно только засѣданіе, въ коемъ постановлено было о раздѣленіи муниципалитета на шесть отдѣленій.

Признанныхъ недоказанными въ добровольномъ и усердномъ исправленіи возложенныхъ отъ непріятеля должностей по Москвѣ: купца Петра Находкина, именитаго гражданина Ѳедора Фракмана, купцовъ Петра Коробова, Козлова, Переплетчикова купеческаго сына Крока; надворныхъ совѣтниковъ: Конюхова, Кульмана, отставнаго ротмистра Брюна; титулярныхъ совѣтниковъ: Донаровича, Сущова; купцовъ: Бородина, Кольчугина, Коняева; купеческаго сына Павла Находкина; иностранцевъ: Келлера, Мермана; купцовъ: Христіана Фе, Крупицкаго, купеческаго сына Павла Коробова, коллежскаго регистратора Мерсана, иностранцевъ: Дво, Лассана, Борно, Чернича, отставнаго ротмистра Баскова, капитана Галданова, титулярныхъ совѣтниковъ: Нечаева, Залетова, коллежскаго секретаря Щокотова, вольно-отпущеннаго Ермолаева, князя Сибирскаго дворовaго человѣка Ушакова, коллежскаго секретаря Граве, иностранцевъ: Ивана Жерома, Карла Русло, Прево, Дире, согласно прежнему своему объ нихъ положенію, оставить отъ суда и слѣдствія свободными.

Осмотръ Н. А. Бекетовымъ Смоленскихъ училищъ по нашествіи Наполеона.

Нашествіе Наполеона и пожаръ Москвы въ 1812 г. лишили нашъ университетъ большей части принадлежавшихъ ему зданій, архива, библіотеки, части ученыхъ кабинетовъ и музеевъ, разогнали служившихъ въ немъ по другимъ городамъ Россіи, остановили преподаваніе въ большей части губерній его округа и лишили ихъ на нѣкоторое время центральнаго управленія. Только 30 Декабря 1812 года попечитель П. И. Голенищевъ-Кутузовъ предложилъ ректору И. А. Гейму, согласно предписанію министра народнаго просвѣщенія отъ 19 Декабря, учредить временную комиссію изъ четырехъ старшихъ профессоровъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, для управленія текущими дѣлами университета и его учебнаго округа «на время, пока университетъ соберется въ одно мѣсто и всѣ онаго части примутъ свое дѣйствіе». Комиссія эта, открывшая свои дѣйствія 7 Января 1813 года, состояла первоначально изъ профессоровъ: В. М. Рихтера, М. М. Снегирева, А. Ѳ. Мерзлякова и М. Т. Каченовскаго; секретаремъ ея былъ профессоръ И. А. Двигубскій. Она во многихъ случаяхъ замѣняла собою Совѣтъ, пользуясь его правами и властью. Прежде всего она рѣшилась привести въ извѣстность состояніе училищъ въ округѣ.

Всего болѣе заботъ требовала отъ начальства учебнаго округа, а стало быть и отъ комиссіи, Смоленская губернія, подвергшаяся сильному раззоренію во время Наполеоновскаго нашествія. Немедленно по открытіи комиссіи посланъ былъ, по предложенію попечителя, въ качествѣ визитатора училищъ Смоленской губерніи, докторъ словесныхъ наукъ и философіи Н. А. Бекетовъ*) «для освѣдомленія какъ о губернской гимназіи, такъ и о другихъ училищахъ той губерніи, о которыхъ со времени нашествія непріятеля университетъ никакихъ извѣстій не имѣлъ». Прежде обозрѣнія Смоленской губерніи

*) Род. 22 Мая 1790 г., умеръ 8 Авг. 1829 г.; былъ впослѣдствіи профессоромъ исторіи, политической экономіи и статистики; извѣстенъ какъ переводчикъ „Исторіи медицины въ Россіи“ Рихтера, „Исторіи Петра Великаго“ Вольтера, „Мессіады“ Клопштока, какъ авторъ нѣсколькихъ рѣчей, произнесенныхъ на университетскихъ актахъ; былъ членомъ Обществъ: Историческаго, Физико-медицинскаго и Россійской Словесности.

Н. А. Бекетовъ долженъ былъ заѣхать въ Калужскую съ специальною цѣлію изслѣдовать положеніе Боровскаго уѣзднаго училища.

Исполнивъ это порученіе, Бекетовъ съ замѣчательнымъ усердіемъ и видимымъ любопытствомъ осмотрѣлъ почти всѣ Смоленскія школы. Результатомъ его поѣздки были: обширное донесеніе Училищному Комитету, составленное въ видѣ путеваго журнала, нѣкоторыя перемѣны въ устройствѣ осмотрѣнныхъ училищъ и переписка его самого съ разными мѣстными властями. Журналъ, веденный Н. А. Бекетовымъ во время его визитаціи, полонъ интересныхъ сообщеній и изложенъ такъ живо, что мы не обременимъ вниманія читателей, изложивъ его содержаніе возможно подробнѣе и даже въ извлеченіяхъ.

Вотъ какъ онъ описываетъ свой путь въ Смоленскіе предѣлы изъ Калуги, которую онъ оставилъ 12 Февраля 1813 года: «Дорога вездѣ испортилась: на каждомъ шагу сдѣлались рытвины, на каждомъ шагу чемоданъ съ саньми купались въ водѣ, и изнуренныя лошади съ трудомъ тащили мою повозку. Снѣгъ, дождь, изморозь задерживали меня ежеминутно. Рѣки разлились,—мосты снесло всѣ; паромы еще не приготовлены, и я принужденъ былъ или ждать заготовленія перевозу нѣсколько дней или пускаться чрезъ неизвѣстную и сомнительную переправу. Отъѣхавъ отъ Калуги только 12 верстъ, я не могъ въ тотъ день продолжать путь. Угра-рѣка, почти равная съ нашею Москвою-рѣкою,—быстрая въ теченіи своемъ, — принудила меня ночевать; транспорты казенные и курьеры остановились, и мы вмѣстѣ провели ночь на сыромъ воздухѣ между небомъ и землею. Сырость отъ волнующейся рѣки, дождливая погода, воздухъ крайне зараженный отъ гніющихъ труповъ, кои оттепель вскрыла, все это ужасно вредило едва начинавшему укрѣпляться моему здоровью. На станціяхъ вездѣ задержки,—нѣтъ нигдѣ почтовыхъ лошадей. Съ терпѣніемъ стоишь по нѣскольку часовъ и получаешь худыя дровни съ упряжкою трехъ, едва передвигающихъ ноги обывательскихъ лошадей. Ночью вовсе нельзя ѣхать: нѣсколько человѣкъ тонуло вмѣстѣ съ экипажами своими въ волнахъ какой-нибудь рѣчки. Наступаютъ сумерки, и самая почта не дерзаетъ отправляться въ путь».

«Такимъ образомъ отъ Калуги до перваго города Смоленской губерніи Юхнова я принужденъ былъ ѣхать два дни, переѣзжая въ день только по 40 верстъ. Трудно вообразить всѣ неудобства, кои долженъ былъ я испытать на пути! Сырой воздухъ, всегдашняя мокрота, по дорогѣ нѣтъ пристанища теплаго, надежнаго отъ прилипчивыхъ болѣзней. По всѣмъ деревнямъ избы укладены больными, коихъ бѣдное состояніе лишаетъ всѣхъ способовъ пользоваться здоровою пищею, и повсемѣстное истощеніе всѣхъ отраслей умѣреннаго дохода поселянъ вмѣстѣ съ тѣснотою по сожженіи деревень непріятелемъ лишаетъ бѣднаго путешественника теплаго и покойнаго убѣжища. Часто, получивши тройку лошадей, оставишь или въ водѣ или от-

пряжешь за усталостію пару и кое-какъ тащишься на одной лошади почти половину станціи. Можно скорѣе дойти пѣшкомъ, нежели доѣхать такъ, какъ мнѣ пришлось слѣдовать отъ Климовскаго завода до Ковеньдюховской станціи».

Пріѣхавъ въ небольшой уѣздный городокъ Юхновъ, гдѣ не было никакого училища, Бекетовъ замѣтилъ, что по бѣдности жителей и малому пространству города едва ли можетъ быть заведено кромѣ малаго народнаго. Не имѣя, стало быть, чѣмъ заняться въ этомъ городѣ, онъ отправился далѣе и на другой день, т. е. 14 числа прибылъ на станцію въ село Лоцмено. «Находясь еще въ Ковендюховѣ, говоритъ онъ, я узналъ, что станція находится въ домѣ священника тамошняго села, пожертвованномъ имъ прежде для училища. Съ трудомъ и великими неудобствами, наконецъ, удалось мнѣ прибыть въ Лоцмено. Меня подвозятъ къ станціонному дому, прописываютъ подорожную, запрягаютъ лошадей, и я готовъ уже сѣсть на дровни, но вдругъ ко мнѣ является старецъ-хозяинъ этого дома и священникъ тамошняго села. По должности обозрителя Смоленскихъ училищъ мнѣ надобно выслушать желаніе сего священника. Между прочимъ онъ упомянулъ мнѣ, что заведеніе его осталось безо всякаго вниманія и награды отъ начальства. Многіе сельскіе священники, множество тамошнихъ дворянъ совсѣмъ уже собирались открывать приходскія по селамъ училища и ожидали, удостоится ли сіе первое въ уѣздѣ училище одобренія отъ высшаго начальства? Опытъ показалъ противное, и полезнѣйшее намѣреніе Лоцменскаго священника сдѣлалось предметомъ посмѣянія отъ товарищей и отъ помѣщиковъ. Іерей нанималъ дьякона для обученія началамъ, но не видя покровительства отъ начальства и по бѣдному своему состоянію онъ принужденъ былъ ему отказать, и училище, будучи еще нѣсколько поддержано стараніями директора Смоленскихъ училищъ Льва Ѳеодоровича Людоговскаго, напослѣдокъ еще до нашествія Французовъ въ Вяземскій уѣздъ, стало упадать. Всеобщее оскудѣніе, а пуще всего истребленіе огнемъ всѣхъ деревень окрестныхъ препятствуетъ сему училищу принять скоро прежній свой видъ. Въ городѣ Юхновѣ нѣтъ даже училища приходскаго. Лоцменское заведеніе учебное можетъ возбудить жителей Юхнова къ устроенію малаго народнаго, можетъ возбудить дворянство того уѣзда къ пожертвованіямъ, можетъ даже служить разсадникомъ для училищъ уѣзднаго Вяземскаго и предполагаемаго Юхновскаго малаго народнаго. Оно теперь не существуетъ, но при ободреніи правительства ученіе начато быть можетъ съ будущаго Сентября. Переговоривъ съ священникомъ, который просилъ меня принять отъ своего имени прошеніе къ его превосходительству г. попечителю, я отправился въ Вязьму, куда и прибылъ того же числа поздно вечеромъ».

Въ Вязьмѣ Н. А. Бекетовъ прежде всего старался отыскать смотрителя и учителей бывшаго уѣзднаго училища, но старанія его оказались напрасными: смотритель Жаркевичъ уѣхалъ изъ Вязьмы за двѣ недѣли до прибытія Бекетова, а учителей давно не было въ городѣ, и никто не зналъ о мѣстѣ ихъ пребыванія. Состояніе же самаго училища визитаторъ описываетъ такъ: «Домъ, занимаемый училищемъ, сгорѣлъ, и какъ онъ не есть училищная собственность, то потому не нужно мнѣ было дѣлать ему подробную опись. Стѣны дома не повредились; и когда онъ обстроится, то и училище тамъ заведено быть можетъ. Во время приближенія непріятеля имущество училищное отвезено было г. смотрителемъ и учителями въ Москву въ Училищный Комитетъ, гдѣ оно и оставлено ими. Сожженіе города и убожество жителей, крайне раззоренныхъ непріятелемъ, препятствуютъ скорому возобновленію училища. Смотритель въ почтеніи у цѣлаго города, и учители пользуются доброю репутаціею. Можно предположить, что съ будущаго курса учебнаго нужно будетъ завести малое училище народное. Ни я, ни директоръ не получали рапортовъ о числѣ оставленнаго учебнаго имущества въ Москвѣ... Граждане Вяземскіе, сколько мнѣ позволило узнать краткое мое пребываніе въ семъ городѣ, исправившись нѣсколько отъ своего раззоренія и обстроивши училище, могутъ по времени усердствовать благотворительнымъ видамъ просвѣщенія. Здѣсь нѣтъ совсѣмъ раскольниковъ, и слѣдовательно нѣтъ препятствій къ публичному ученію. Сказать короче, по всѣмъ до меня дошедшимъ извѣстіямъ, дѣла учебныя въ Вязьмѣ шли успѣшно и число учениковъ ежегодно увеличивалось, къ чему способствовало знатное количество бѣднаго дворянства, живущаго въ Вяземскомъ уѣздѣ. Они, не имѣя достатка содержать особенныхъ въ дому своемъ учителей отъ бѣдности, принуждены записывать дѣтей своихъ въ уѣздныя училища, препоручая въ присмотръ собрату своему Жаркевичу».

Оставивъ Вязьму 17 Февраля въ ночь, Н. А. Бекетовъ отправился чрезъ Ельну въ Рославль. Путь, предстоявшій ему, носилъ слѣды недавней войны, и вотъ какъ Бекетовъ говоритъ о томъ: «Цѣлый день на станціяхъ принужденъ былъ ожидать лошадей; нанимаются вольные ямщики, но цѣна, требуемая ими, превыше моей возможности. Гвардейскіе офицеры, слѣдующіе въ армію, платили по 12 коп. съ версты на каждую лошадь. Сумма, комиссіею назначенная мнѣ для пути, претила слѣдовать ихъ примѣру. Къ тому же 400 рублевое мое жалованье совсѣмъ изгладило изъ ума желаніе летѣть быстро по раззоренной дорогѣ. И такъ принужденъ былъ терпѣливо и хладнокровно ожидать пріѣзда измученныхъ лошадей. Иногда давали мнѣ лошадей, которыя только лишь привезли проѣзжающихъ. И потому съ усталыми конями я едва успѣвалъ переѣзжать въ 5 часовъ 20 верстъ. Къ тому же станціонные смотрители

уже очень привыкли получать плату за скорое отправленіе, а я не имѣлъ къ тому никакихъ способовъ. Самыя подлѣйшія работы исправлять долженъ былъ самъ, напр. ходить на рынокъ, мести полъ и проч. Сторожъ, назначаемый его высокородіемъ г. ректоромъ, просилъ шапки съ ушами, носковъ теплыхъ, кенегъ и тулупа, что все стоило болѣе 30 рублей. Ежедневное прокормленіе его по раззоренныкъ селамъ и городамъ, гдѣ одинъ хлѣбъ со спицами 12 коп. фунтъ, въ мѣстахъ, гдѣ обстоятельства и самое правительство, въ предохраненіе отъ прилипчивыхъ болѣзней, рекомендуютъ умѣренное употребленіе горячихъ напитковъ и съѣстной пищи, тамъ прокормленіе его мнѣ стоило-бы вѣрно около 1 р. Мнѣ, едва оправившемуся отъ болѣзни, нужна была пища не столь грубая, даже нужны были нѣкоторые самые пустые медикаменты, и потому, щадя здоровье, принужденъ былъ покупать нѣкоторые припасы не слишкомъ умѣренною цѣною. Хотя путь нѣсколько поправился и снѣгъ облегчилъ изморенныкъ лошадямъ нашимъ дорогу; но все еще были рытвины полныя воды,—чемоданъ въ худыхъ дровняхъ ежеминутно купался. Но всего было страшнѣе отваживаться ѣхать въ худыхъ дровняхъ безъ кибитки. Оттепель вскрыла множество труповъ непріятельскихъ, лежащихъ по проселочнымъ дорогамъ. Волки цѣлыми стаями, въ глазахъ моихъ, съ жадностію вырывая ихъ изъ земли, раздирали по частямъ и алчно пожирали. Цѣлые десятки яростно грызлись за трупъ и преграждали мнѣ дорогу. Благодареніе Богу, мертвечина лучше имъ нравилась, нежели свѣжее мясо насъ троихъ. Атаковавъ нѣсколько разъ съ должнымъ порядкомъ меня въ густыхъ лѣсахъ Рославльскихъ и Бѣльскихъ почти непроходимыхъ, они только стращали уже моихъ лошадей и ямщику едва не отгрызли ногъ!—Страшное оскудѣніе лишило поселянъ всѣхъ способовъ и бѣдно содержать свое семейство. Непріятели расхитили все ихъ имущество, взяли весь скотъ, а у многихъ даже и сожгли убогія хижины. До сихъ поръ (т. е. до Генваря 1813 года) нѣтъ помощи отъ соотечественниковъ, до сихъ поръ цѣлыя толпы бѣдныхъ крестьянъ бродятъ по лѣсамъ и испрашиваютъ себѣ дневное пропитаніе у проѣзжающихъ. Слишкомъ обширная полоса опустошеній заставляетъ ихъ разсѣеваться по разнымъ сосѣдственнымъ губерніямъ; самыя близкія—Калужская и Тверская—едва ли въ состояніи при нынѣшнемъ положеніи прокормить себя и стоявшее внутри ихъ войско. Ружья, пистолеты, сабли и все оружіе побѣжденныхъ непріятелей разсыпано по дорогамъ и лѣсамъ. Изъ одной Смоленской губерніи отправлено до 40.000 штукъ годнаго къ употребленію оружія. Голодъ и убожество вооружили мирныхъ прежде поселянъ отнятымъ у врага мечемъ для сниссканія себѣ нужнаго пропитанія къ нападеніямъ на беззащитныхъ путешественниковъ. Часто устрашенный повѣствованіями о грабежахъ, разсказанными къ пущему не-

счастію бѣдными самовидцами, я принужденъ былъ оставаться засвѣтло ночевать на квартирѣ. Ужасъ возросъ до того, что правительство рѣшилось принять дѣйствительнѣйшія мѣры для удержанія въ страхѣ потрясенныхъ бѣдствіями земледѣльцевъ. Оно назначило цѣну за каждое орудіе, награждаетъ особенно тѣхъ, кои принесутъ болѣе противъ другихъ штукъ. Нельзя надивиться, что добрый нашъ крестьянинъ, столь незнакомый ни съ чѣмъ кромѣ плуга, въ два мѣсяца потерялъ робость и огнестрѣльнымъ оружіемъ дѣйствовалъ едва ли хуже воина, пріученнаго ко всегдашнимъ побѣдамъ. При дѣятельныхъ мѣрахъ правительства и обильной жатвѣ наступающаго лѣта предполагать можно, что всѣ бѣдствія нѣсколько уменьшатся, и они, обезоруженные, оставя гнусное средство снискивать беззаконно пропитаніе, обратятся къ сельскимъ своимъ работамъ; построивъ хижины, они останутся вѣрно на своемъ мѣстѣ безъ всякой перемѣны жилища. Ничто такъ не можетъ скоро образовать нѣкоего общества, какъ опредѣленная всегдашняя осѣдлость или постоянное мѣстопребываніе. Къ чести поселянъ Смоленскихъ сказать можно, что они во время пребыванія враговъ, среди общаго ужаса, выѣзжая изъ дремучихъ лѣсовъ, ихъ укрывавшихъ, въ глухую полночь сѣяли хлѣбъ и все нужное».

О городѣ Ельнѣ Бекетовъ замѣтилъ: «Городъ, едва мало различающійся отъ села,—славный можетъ быть только переходомъ нашихъ войскъ въ преслѣдованіи непріятеля при бѣгствѣ его изъ Москвы,—не представлялъ для меня ничего занимательнаго. Тамъ нѣтъ даже приходскаго училища. Случай привелъ меня познакомиться съ городничимъ, въ домѣ почтоваго экспедитора. Вступивъ съ нимъ въ разговоръ, я старался узнать, наклонны-ли жители къ просвѣщенію; но онъ прямо отвѣчалъ мнѣ, что объ этомъ грѣшно и думать до тѣхъ поръ, пока городъ не выстроится снова и жители не поправятъ своего состоянія. Недостаточное купечество и мѣщанство теперь крайне раззорено, дворянство лишилось почти всѣхъ доходовъ своихъ, служащіе съ трудомъ снискиваютъ себѣ дневное пропитаніе; и потому общая бѣдность, по словамъ его, истребляетъ всю охоту и усердіе къ просвѣщенію въ гражданахъ. Перемѣнивъ лошадей, въ тотъ же день ввечеру я отправился въ Рославль».

Въ Рославлѣ Н. А. Бекетову пришлось много хлопотать для возстановленія занятій въ мѣстномъ училищѣ. Хотя были на лицо и служащіе, и учащіеся, хотя за училищемъ и считался одинъ изъ лучшихъ домовъ въ городѣ, и даже сохранилась значительная часть училищнаго имущества, но ученія все-таки не было. Изъ переписки Н. А. Бекетова съ различными мѣстными властями, а также изъ сношеній между ними, приложенныхъ въ копіи къ визитаторскому отчету его, такое положеніе учебнаго дѣла въ Рославлѣ объясняет-

ся слѣдующимъ образомъ. Въ донесеніи смотрителя училищъ Алексѣя Лукича Подолѣцкаго, поданномъ визитатору 22 Февраля, сказано: «Во время приближенія непріятеля къ здѣшнему городу я обязанностію почелъ употребить всевозможныя средства сохранить казенное имущество, принадлежащее Рославльскому Уѣздному Училищу, а равно и книги, присланныя на продажу изъ Главнаго Училищъ Правленія. Почему, испрося пособіе отъ Нижняго Земскаго Суда, отправился съ казеннымъ имуществомъ въ городъ Мосальскъ вмѣстѣ съ учителями второклассньмъ Ляшкѣвичемъ и первоклассньмъ Четыркинымъ, гдѣ находясь мѣсяцъ, гг. учители отправились обратно въ Рославль. Но какъ въ сіе время былъ уже Рославль занятъ непріятельскими войсками, то они, не доѣзжая до упомянутаго города, принужденными нашлись слѣдовать въ городъ Брянскъ и прожили въ немъ до того времени, доколѣ миновала опасность возвратиться къ своей должности, куда и прибыли 5 Ноября. Я же, имѣя всегдашнее попеченіе о сбереженіи казенныхъ вещей, послѣдовалъ изъ Мосальска въ Орелъ, откуда, получа отъ г. Орловскаго гражданскаго губернатора законное пособіе, явился къ своей должности къ 25 Декабря. Въ теченіи пяти мѣсяцевъ, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое и имѣя еще притомъ ту обязанность, что я долженъ былъ сберегать и казенныя вещи, весьма чувствительно какъ я, такъ гг. учители разстроились и не только, что платили высокою цѣною за самое умѣренное продовольствіе, но сверхъ того необходимость заставляла продавать, для необходимаго поддержанія себя, и нужныя собственныя вещи за самую низкую цѣну; а притомъ гг. учители Ляшкѣвичъ и Четыркинъ съ самаго своего опредѣленія въ настоящую должность не получаютъ полнаго по штату положеннаго жалованья по 25 р. И какъ означенные гг. учители, находясь въ помянутыхъ должностяхъ пять лѣтъ, отправляютъ ихъ съ дѣятельнѣйшею ревностію и прилежаніемъ и не имѣютъ гражданскихъ чиновъ, соотвѣтствующихъ классньмъ; то долгомъ поставляю покорнѣйше просить ваше высокоблагородіе о исходатайствованіи имъ гражданскихъ званій. А какъ я продолжаю службу въ чинѣ губернскаго секретаря шестой годъ безъ всякаго по выслуженіи лѣтъ законнаго повышенія; то и пріемлю смѣлость утрудить вашего высокоблагородія о исходатайствованіи производства меня въ титулярные совѣтники: ибо я прожилъ въ Грузіи годъ и 7 мѣсяцевъ и въ чинѣ 9 класса четвертый годъ. Почему и уповаю, что высшее начальство уважитъ мою просьбу, сравня меня съ сверстниками моими, кои давно награждены чинами титулярныхъ совѣтниковъ; то и всепокорнѣйше прошу вашего высокоблагородія удостоить нижайшее мое представленіе какъ о произведеніи гг. учителямъ полнаго жалованья и о награжденіи ихъ чинами, отвѣтствующими ихъ классамъ, такъ и меня не оставить вашимъ ходатай-

ствомъ о представленіи въ титулярные совѣтники и о воззрѣніи на мое разстроенное состояніе: ибо я единственно понесъ убытокъ отъ сбереженія казеннаго интереса и вещей, принадлежащихъ училищу».

Между тѣмъ, во время отсутствія изъ Рославля смотрителя Подолѣцкаго, еще въ началѣ Декабря 1812 года, домъ, принадлежавшій уѣздному училищу, отданъ былъ для помѣщенія въ немъ раненыхъ, накопившихся въ Русской арміи во время преслѣдованія Наполеоновскихъ войскъ. Дивизіонный докторъ коллежскій ассессоръ Зубовъ обратился 3 Декабря къ Рославльскому городничему, надворному совѣтнику Михаилу Ивановичу Митрофанову съ такимъ требованіемъ: «На основаніи даннаго мнѣ предписанія отъ г. главнаго медицинскаго инспектора, осматривая въ поѣздки мои чрезъ городъ Рославль здѣшній лазаретъ, нашелъ я крайнее затрудненіе въ размѣщеніи больныхъ по немалому ихъ количеству. Раненые лежатъ тѣсно съ трудно-больными на кроватяхъ и на полу, безъ всякаго порядка. Премногіе подъ видомъ слабыхъ трудные, за неимѣніемъ мѣста въ лазаретѣ, разставлены по квартирамъ обще съ обывателями. Собственное на всѣхъ бѣлье въ величайшей неопрятности. Воздухъ въ комнатахъ запертъ и отъ многолюдства несносенъ. Почитая неустройство сіе главною причиною къ угнетенію больныхъ и даже распространенію горячекъ между жителями, я долгомъ ставлю обратиться къ вашему высокоблагородію, какъ градоначальнику, и покорнѣйше просить для отвращенія предбудущихъ вредныхъ послѣдствій отъ согражданъ и страждущихъ воинскихъ чиновъ: приказать очистить городъ отъ мертвыхъ непріятельскихъ труповъ, отвести подъ лазаретъ три особыхъ обывательскихъ или казенныхъ дома: каменное зданіе для присутственныхъ мѣстъ, деревянное народное училище и домъ тит. сов. Флорова. Въ нихъ могло бы мѣститься до 300 человѣкъ больныхъ; въ оныхъ построить для скорѣйшей надобности нары и лишнее число больныхъ отъ обывателей въ оные перевесть для пользованія за соблюденіемъ въ семъ должнаго порядка по внутренности лазарета. Приказать смотрѣть особенному чиновнику или подтвердить строже опредѣленному смотрителю. Я съ моей стороны, по прибытіи въ городъ Орелъ, не умедлю отрядить нужное количество госпитальныхъ вещей, коихъ вовсе здѣсь не имѣется. Какіе же будутъ на сей разъ отведены подъ лазаретъ домы, и кто изъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ находится здѣсь за ранами и болѣзнями, покорнѣйше прошу почтить меня отвѣтомъ». По свѣдѣніямъ городничаго, всѣхъ раненыхъ и больныхъ, привезенныхъ въ Рославль послѣ сраженій подъ городомъ Краснымъ, считалось 570, изъ коихъ только 140 помѣщены были въ устроенной отъ города больницѣ, остальные же размѣщены по обывательскимъ домамъ. Опасаясь распространенія болѣзней между самими жителями, Митрофа-

новъ согласился съ докторомъ Зубовымъ въ необходимости занять подъ особыя больницы казенное зданіе присутственныхъ мѣстъ, домъ уѣзднаго училища и при немъ отдѣльный домикъ дворянскаго и городскаго приходскихъ училищъ, тѣмъ болѣе, что ни присутствія не производилось въ казенномъ зданіи за неприбытіемъ архива, ни ученія за неприбытіемъ смотрителя училищъ съ книгами. Размѣстивъ присутственныя мѣста на время по домамъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и у себя, и распорядившись починкою зданія присутственныхъ мѣстъ, нѣсколько пострадавшихъ отъ непріятельскаго раззоренія, а домъ Фролова, оказавшійся крайне ветхимъ, предоставивъ училищу, Митрофановъ просилъ согласія на свои распоряженія отъ мѣстнаго предводителя дворянства, подполковника Бородавицына, который съ своей стороны призналъ всѣ эти распоряженія правильными и обѣщалъ донести о нихъ Смоленскому губернатору барону Казимиру Ивановичу Ашу. Пока происходили всѣ эти сношенія, докторъ Зубовъ, спѣша устроить лазареты въ назначенныхъ домахъ, приступилъ къ тому безъ всякихъ сношеній съ властями тѣхъ заведеній, которыя прежде занимали эти дома. Такъ онъ поступилъ и съ училищными зданіями, не извѣстивъ предварительно уже находившихся въ городѣ преподавателей уѣзднаго училища Ивана Ляшкѣвича и Александра Четыркина, и учителей приходскихъ училищъ Дмитрія Комлева и Гаврила Дроздова. А у первыхъ было уже предписаніе смотрителя Подолѣцкаго, отправленное изъ Орла 15 Ноября, въ которомъ предусмотрительный начальникъ давалъ имъ такія наставленія: «Такъ какъ вы почти уже два мѣсяца находитесь въ Рославлѣ со времени отбытія вашего изъ Мосальска, то и желательно мнѣ знать отъ васъ, имѣете ли вы классическія занятія или нѣтъ, и могутъ ли при теперешнихъ обстоятельствахъ училищныя дѣла паки воспріять свое начало. Если вы имѣете въ виду несомнительную надежду, что въ теченіе учебнаго курса не воспослѣдуетъ никакихъ препятствій, то рекомендую вамъ продолжать классическіе предметы ученикамъ и меня о семъ увѣдомить. И какъ теперь въ Орлѣ взяли гимназическій домъ подъ лазаретъ, а вмѣсто онаго отвели два частные дома, одинъ для гимназіи, а другой для уѣзднаго училища отъ общества, то вы и можете руководствоваться симъ же примѣромъ, и требовать въ замѣнъ училищнаго дома (если оной сверхъ чаянія занятъ) способный домъ для училища, или въ дворянскомъ приходскомъ училищѣ помѣститься, а приходскія училища вмѣстѣ свести въ одно, о чемъ и рекомендую вамъ увѣдомить меня о всемъ подробно съ первою почтою въ Орловскую губернскую гимназію». Когда Подолѣцкій возвратился въ Рославль, Ляшкѣвичъ и Четыркинъ поспѣшили извѣстить его о своихъ дѣйствіяхъ въ его отсутствіи: «Мы, прибывъ къ своей должности, старались начать ученіе и, не

имѣя училищной суммы на наемъ сторожа и отапливаніе училища, просили пособія отъ здѣшняго гражданскаго начальства, но, получа въ семъ отказъ, употребляли на сіе послѣднія свои деньги и сколько возможно собрали было учениковъ. А какъ вскорѣ послѣ сего господинъ городничій, не давъ намъ знать, занялъ училищный домъ больными; то хотя и просили мы господъ здѣшнихъ предводителя, городничаго и градскаго главу по крайней мѣрѣ дать квартиру для училища, но и въ семъ получили отказъ».

Освѣдомившись о такомъ положеніи учебнаго дѣла въ Рославлѣ, Н. А. Бекетовъ послалъ отношеніе къ городничему, въ которомъ жаловался на «самовольное занятіе казеннаго дома, собственно министерству просвѣщенія принадлежащаго, происшедшее въ то время, когда уже ученіе начиналось, учители съѣхались и когда правительство публично вызывало всѣхъ чиновниковъ къ отправленію прежнихъ должностей». Упомянувъ затѣмъ, что попечитель Московскаго округа, тайный совѣтникъ, сенаторъ, Главнаго Училищнаго Правленія членъ и кавалеръ П. И. Голенищевъ-Кутузовъ поручилъ ему требовать отъ мѣстныхъ властей или очищенія училищныхъ зданій отъ временнаго занятія для военныхъ надобностей, или отведенія взамѣнъ ихъ приличныхъ домовъ на счетъ городскихъ обществъ, визитаторъ внушалъ городничему: «Смоленская гимназія, потерпѣвъ раззореніе отъ непріятеля, едва ли можетъ своими деньгами скоро поправиться; слѣдовательно домъ, занятый вами и взятый на свою отвѣтственность, въ случаѣ порчи какой стѣнъ, половъ, оконъ, кровли и проч., долженъ заимствовать и для поправки своей изъ суммы, въ вашемъ распоряженіи находящейся; а университетъ для поправки училищъ отъ лазаретовъ суммъ не имѣетъ, и слѣдовательно оная должна зависѣть отъ васъ». Затѣмъ онъ просилъ или вывесть лазаретъ, очистить и поправить училищный домъ и возвратить его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ взятъ отъ учителей, или отвести приличный домъ, достаточный для помѣщенія уѣзднаго и приходскаго училищъ. Митрофановъ отвѣчалъ на другой же день, что вывести лазаретъ изъ училищнаго дома не въ его власти, что если домъ Фролова не помѣщаетъ въ себѣ всѣхъ классовъ, то учитель Четыркинъ могъ бы помѣстить первый классъ въ своемъ домѣ; ибо при теперешнихъ обстоятельствахъ и фельдмаршала, и попа домы по нуждѣ военной должны по необходимости помѣщать военно-служащихъ и дать имъ отъ столь великихъ трудовъ успокоеніе, чего требуетъ Государь Императоръ, а я имѣю отъ начальства предписанія; и тѣ домы взяты для помѣщенія больныхъ г. докторомъ Зубовымъ, имѣвшимъ на то открытое предписаніе, и нынѣ оные состоятъ въ вѣдѣніи коммиссаріатскаго чиновника, въ случаѣ какой-либо въ оныхъ порчи обязана исправить казна; а въ вѣдѣніи моемъ, словомъ сказать, никакихъ суммъ не

имѣется. Почему, милостивый государь, покорнѣйше прошу повелѣть гг. смотрителю и учителямъ заняться своею должностію въ отведенныхъ домахъ; ибо, по свѣдѣнію моему, медленность открытія училища произошла отъ отлучки въ уѣздъ г. смотрителя». Бекетовъ потребовалъ отъ Подолѣцкаго свѣдѣній о томъ, что̀ препятствовало ему возстановить ученіе въ отведенномъ для училищъ домѣ Фролова и заняться съ учителями отправленіемъ своихъ должностей; предписалъ ему никуда не уѣзжать изъ города и частыми отлучками въ уѣздъ не прерывать ученія, а училищному дому, взятому подъ лазаретъ, вмѣстѣ съ находившимися въ немъ вещами, составить подробную опись въ трехъ экземплярахъ, которые за подписями визитатора, смотрителя и учителей и будутъ храниться въ университетскомъ Училищномъ Комитетѣ, въ архивѣ Рославльскаго училища и у городничаго, чтобы послѣдній не могъ отзываться, что онъ ничего не знаетъ о прежнемъ положеніи училищнаго дома. Подолѣцкій, представляя опись дома и училищныхъ вещей, въ тотъ же день доносилъ Бекетову: «Со стороны моей не опущено было ни одного вида, который не клонился бы къ цѣли возставленія въ первобытное приведеніе училищныхъ заведеній. Въ совершенное оправданіе могу себѣ представить, что я еще изъ Орла предписалъ гг. учителямъ, дабы они паки по прежнему занялися классическими преподаваніями въ училищѣ, что̀ ими уже и было начато. А хотя я по пріѣздѣ своемъ къ должности и нашелъ училища занятыя лазаретами, но и тогда не терялъ надежды успѣть и возстановить училища; почему и отнесся въ Рославльскую Градскую Полицію отъ 2 Генваря о томъ, дабы или вывели лазареты изъ училищей, или отвели на сей предметъ приличный домъ. Но г. городничій, не сдѣлавъ никакого вниманія на мое отношеніе, лично мнѣ сказалъ, чтобъ я его впредь не обременялъ таковыми предвареніями, почему и осталося мое предположеніе безъ всякаго успѣха. По полученіи же предписанія отъ г. директора Смоленскихъ училищъ Людоговскаго, я вторично просилъ г. городничаго, чтобъ отвели домъ. По усильной моей просьбѣ назначилъ г. городничій помѣстить училище въ домѣ титулярнаго совѣтника Фролова; я, осмотрѣвъ означенный домъ, нашелъ оный никакъ неспособнымъ для помѣщенія училищъ по той причинѣ, что онъ ветхъ и старъ, такъ что и самъ г. Фроловъ не могъ въ ономъ жить, ни въ наемъ отдать. Изъ чего и можете заключить ваше высокоблагородіе, что я лишенъ былъ всѣхъ возможностей выполнить въ достодолжномъ видѣ свою обязанность. Необходимость заставила меня утруждать васъ съ наиубѣдительнѣйшею просьбою осмотрѣть ветхій домъ Фролова и заключить свое мнѣніе: могъ ли я помѣстить въ худомъ домѣ училище, когда въ нынѣшнюю зиму свирѣпствовали морозы не менѣе 20 градусовъ? Есть ли бы я занялъ сей домъ, то неминуемо подвергся бы строгому суду началь-

ства, ибо какъ гг. учители, такъ и ученики, могли бы отъ несноснаго угара умереть. Касательно же того, что г. городничій вашему высокоблагородію даетъ за извѣстіе, что училище никѣмъ не было занято, то вы изволите усмотрѣть изъ рапорта, который я прилагаю въ подлинномъ поданномъ мнѣ отъ гг. учителей, что ученіе въ классахъ было производимо. А какъ г. городничій вамъ изъясняетъ, что медленность открытія училища произошла отъ отлучки моей въ уѣздъ, то я оправдываюсь предъ вами тѣмъ, что какъ ваше высокоблагородіе, такъ и г. Смоленскихъ училищъ директоръ Людоговскій изволили сдѣлать въ нынѣшнемъ годѣ нечаянныя обозрѣнія и при томъ въ праздничные дни, но всегда меня находили при своей должности. Впрочемъ, я г. городничему никогда и ни въ какое время не обязанъ отдавать отчету, когда бы и вздумалъ отъѣхать въ уѣздъ; ибо и уставомъ учебнаго заведенія сказано, что какъ гг. директоры по своей губерніи, такъ и смотрители по уѣздамъ могутъ отлучаться по предвидѣннымъ для нихъ надобностямъ, давъ только знать о томъ за свѣдѣніе своему высшему начальству, а не городничимъ. Изъ представленной при этомъ описи училищнаго дома и принадлежавшей ему мебели визитаторъ могъ видѣть, что самый домъ подвергся значительной порчѣ, а вещи, вынесенныя на дворъ, всѣ почти попортились, а многія и сожжены. Что̀ касается учебныхъ пособій, которыя Подолѣцкій вывозилъ съ собой въ Мосальскъ и Орелъ, то изъ нихъ отъ торопливости и поспѣшности, съ какою производился на первыхъ порахъ отъѣздъ изъ Рославля, угрожаемаго непріятелемъ, утрачено было нѣсколько книгъ, стоимостью на 35 р.».

Митрофановъ писалъ Бекетову, что прибылъ въ Рославль изъ главной арміи новый ревизоръ гошпиталей, дивизіонный докторъ Горянскій, съ инструкціей занимать для размѣщенія больныхъ и раненыхъ удобные дома, не взирая ни на какое лицо и мѣсто, и что за цѣлость училищнаго дома долженъ отвѣтствовать комиссаріатскій чиновникъ, имъ завѣдующій, а не онъ городничій.

Пробывъ цѣлую недѣлю въ Рославлѣ, Бекетовъ писалъ въ донесеніи о своихъ неудавшихся хлопотахъ: «Здѣшнее училище уѣздное, какъ извѣстно комиссіи, соединено вмѣстѣ съ двумя приходскими, дворянскимъ и городскимъ. Учредителемъ сихъ двухъ послѣднихъ училищъ былъ г. смотритель Подолѣцкій. Онъ умѣлъ употребить въ пользу просвѣщенія благородное желаніе дворянъ Рославльскаго уѣзда помогать бѣднымъ своимъ собратамъ сдѣлаться годными на службу отечества. Подъ его присмотромъ устроено дворянское училище и даже стараніемъ его ускорено открытіе его.—Многіе здѣшніе дворяне просили меня представить начальству о ускореніи открытія училища. Они теперь совсѣмъ лишены способовъ воспитывать пристойно родственниковъ и дѣтей, опасаются ввѣрять дѣтей своихъ иностранцамъ, а приватныхъ Русскихъ

учителей совсѣмъ нѣтъ въ томъ краю. Содержателей пансіоновъ въ Москвѣ крайне боятся; начальство учебное вѣроятно воспользуется таковымъ расположеніемъ дворянства и усилитъ свои мѣры для доставленія сему училищу всѣхъ пособій и покровительства. Чрезъ сіе число учениковъ нарочито увеличится, а особливо если по просьбѣ дворянства, при переходѣ въ уѣздное училище благородные воспитанники будутъ отдѣлены отъ простолюдиновъ. Тогда одни только успѣхи могутъ давать мѣсто сыну приказнаго, мѣщанина, солдата между сынами убогаго, но заслуженнаго дворянина, кровію предковъ своихъ запечатлѣвшаго свое первенство надъ ними. Самое помѣщеніе разночинцевъ между дворянствомъ послужитъ нѣкоторымъ знакомъ отличія и вѣроятно возбудитъ соревнованіе между разночинцами-учениками.—По склонности своей къ военному званію многіе предлагали мнѣ новый планъ сему училищу, по мнѣнію ихъ болѣе сообразный съ назначеніемъ и цѣлію каждаго дворянина и съ нынѣшними обстоятельствами. Но я всегда имъ отвѣчалъ, что училища сіи болѣе устроены для пріуготовленій къ гражданской службѣ, и что для военнаго званія по высочайшей волѣ учреждены особенныя учебныя заведенія. Но дворянство, не знаю почему, очень худо расположено къ находящемуся въ Смоленскѣ военному училищу, и рѣдкіе ввѣряютъ дѣтей своихъ туда на воспитаніе, будучи совершенно въ ложномъ опасеніи, будто ихъ дѣти проведутъ время въ безполезномъ ученіи экзерцицій военныхъ, будто собственно-учебная приготовительная часть къ званію воина тамъ въ крайнемъ небреженіи. Таковое расположеніе дворянства Рославльскаго подкрѣпляется добрымъ его мнѣніемъ о бывшемъ нашемъ благородномъ пансіонѣ. Тамъ,—утверждали они,—воспитанникъ готовъ ко всѣмъ званіямъ, тамъ обучаютъ наукамъ, нужнымъ гражданину мирному, и образуютъ по всѣмъ частямъ, необходимымъ для воина, артилериста и инженера. Мнѣнія свои доказываютъ многими опытами.—Для Рославльскихъ училищъ избранъ въ почетные смотрители нѣкто г. Булычевъ, съ похвалою три выбора отправлявшій званіе уѣзднаго предводителя здѣшняго дворянства. Человѣкъ отмѣнно добрый и, повидимому, усердствующій просвѣщенію, щедрый, но не весьма богатый. По связямъ своимъ съ лучшими дворянами въ уѣздѣ, онъ можетъ во многихъ отношеніяхъ быть весьма полезнымъ Рославльскимъ училищамъ. Уваженіе къ нему цѣлаго города и уѣзднаго дворянства можетъ доставить учителямъ общее довѣріе, а училищу—большое число учениковъ. Дворянство сей губерніи хотя и недостаточно, но весьма расположено къ просвѣщенію. Такой почетный смотритель имѣетъ всѣ способы распространить училище, совершенно не заимствуя изъ казны, и при всемъ своемъ недостаткѣ можетъ даже пожертвовать для пристройки къ дому лѣсомъ своимъ, а вліяніемъ своимъ вѣрно доставитъ, для распространенія училища и для сего нужныхъ издер-

жекъ,—достаточныхъ благотворителей. Для пользъ сего училища комиссія, вѣроятно, благоволитъ приложить всѣ усилія для утвержденія сего почтеннаго человѣка въ званіи почетнаго смотрителя.—Городничій, по всему видно, не весьма расположенъ къ училищу, не извѣстно по личной-ли непріязни своей къ г. смотрителю или по какимъ-нибудь тайнымъ причинамъ. Подтвержденіемъ сему служить можетъ то, что онъ занялъ подъ лазареты домы училищные тогда, когда еще во многихъ частныхъ домахъ никакихъ постоевъ не находилось. Исполняя инструкцію, я нѣсколько разъ былъ у него и просилъ отвести для училища пристойный домъ.—Смотритель пользуется довѣріемъ жителей города, но личная къ нему вражда г. городничаго заставляетъ его просить начальство свое или о перемѣщеніи его въ другой городъ Московскаго округа, или объ отпущеніи вовсе изъ ученой службы. Въ чинѣ губернскаго секретаря онъ состоитъ уже пять лѣтъ, между тѣмъ какъ его товарищи, всѣ почти студенты педагогическаго института, при самомъ вступленіи въ должность сего класса, т. е. въ гимназическіе учители, получаютъ соотвѣтственный классному гражданскій чинъ; кажется, и г. смотритель Алексѣй Подолѣцкій имѣетъ на то неоспоримое право, состоя и по должности своей въ 9 классѣ. Учители—второклассный Иванъ Ляшкѣвичъ также съ 1808 г. и Четыркинъ первоклассный съ того же года состоятъ въ 12 классѣ, но не получаютъ соотвѣтственныхъ ихъ класснымъ гражданскихъ чиновъ. Гг. членамъ комиссіи, столь опытнымъ въ обозрѣніи училищъ, столь справедливо щедрымъ въ наградахъ, извѣстно, какъ важенъ гражданскій чинъ въ провинціи и какъ превратно разсуждаютъ тамъ объ нашихъ классныхъ достоинствахъ, не взирая на то, что, по благодѣтельному начальническому предписанію его сіятельства г. министра, мы всѣ должны пользоваться преимуществами и привиллегіями тѣхъ классовъ, въ коихъ состоимъ по ученой службѣ. Въ случаѣ если г. смотритель оставитъ сей городъ или службу, то должность его никому не можетъ съ большимъ довѣріемъ быть поручена, какъ г. первоклассному учителю г. Четыркину. Онъ тамошній уроженецъ, имѣетъ порядочные два домика въ Рославлѣ и поведеніемъ своимъ поддерживаетъ доброе мнѣніе гражданъ объ училищѣ, съ дворянствомъ и купечествомъ имѣетъ хорошія связи, нѣсколько дворянъ ввѣряютъ ему дѣтей для особеннаго домашняго обученія. Поведеніе и стараніе г. Ляшкѣвича второкласснаго учителя также заслуживаетъ общую похвалу. Но онъ не имѣетъ той оборотливости, того навыка къ хорошему обращенію, располагающаго многихъ въ свою пользу, какіе нужны для г. смотрителя—такъ какъ человѣка въ городѣ виднаго и почтеннаго. Число учащихся въ Рославльскихъ училищахъ почти всегда простиралось болѣе ста слишкомъ человѣкъ. Навѣрное утвердить можно, что оно почти вдвое при стараніи г. почетнаго смотрителя и учителей въ послѣдствіи времени

увеличится. Домъ, прежде занимаемый училищемъ, достаточенъ для помѣщенія».

Изъ Рославля Н. А. Бекетовъ отправился вмѣстѣ съ Л. Ѳ. Людоговскимъ, который выѣхалъ на встрѣчу къ визитатору изъ своего Духовщинскаго имѣнія, гдѣ онъ проживалъ со времени раззоренія Смоленска. 26 Февраля отправились они въ путь и на другой день вечеромъ прибыли въ Смоленскъ. Въ городѣ всюду были замѣтны живые слѣды войны. «Мое положеніе было ужасно, замѣчаетъ Н. А. Бекетовъ: полицеймейстеръ прямо отказалъ мнѣ и директору въ квартирѣ. Нѣтъ никого знакомыхъ. Наступаетъ темный зимній вечеръ, морозъ усугубляется,—и мы тщетно ѣздили по городу изъ дома въ домъ, сыскивая квартиру. Напослѣдокъ, на самомъ концѣ города, сжалился надъ нами и за предорогую цѣну пустилъ насъ ночевать одинъ человѣкъ, предувѣдомляя, что въ двухъ комнатахъ должно помѣститься 14 человѣкъ. Должно было рѣшиться и на это, встрѣчая повсюду одни печи; въ остальныхъ отъ пожару домахъ безпрерывные отказы по большой тѣснотѣ или по причинѣ зараженныхъ новою прилипчивою болѣзнію. Съѣстные припасы въ цѣнѣ соразмѣрны съ наймомъ квартиръ. Самыя простыя и умѣренныя къ столу потребности принужденъ былъ я покупать тройною цѣною противу Москвы».

Согласно инструкціи, полученной отъ П. И. Голенищева-Кутузова, Бекетовъ на другой же день, т. е. 28 Февраля, былъ вмѣстѣ съ Людоговскимъ у временно управлявшаго на военномъ положеніи Смоленскою губерніей, бывшаго также и Калужскимъ губернаторомъ, сенатора Каверина *), у гражданскаго губернатора барона Аша и вице-губернатора Алымова. Передавъ Каверину отношеніе Голенищева-Кутузова, Бекетовъ просилъ его о благосклонномъ содѣйствіи къ возстановленію ученія во ввѣренной ему губерніи и особенно о выводѣ лазаретовъ изъ Рославльскаго училищнаго дома. «Ласковый его пріемъ и вниманіе ко мнѣ, писалъ потомъ Бекетовъ, тотчасъ оправдались опытомъ: въ туже минуту приказалъ своему правителю дѣлъ предписать циркулярно городничимъ тѣхъ городовъ, въ коихъ находятся училища, дабы они не занимали домовъ, гдѣ помѣщаются учебныя заведенія, до тѣхъ поръ, пока займутъ всѣ домы у частныхъ людей, и чтобы, усердствуя просвѣщенію, старались закрывать приватныя училища, подъ надзоромъ старухъ и дѣвокъ существующія».

Осмотрѣвъ гимназію, уѣздное и приходское училища, Бекетовъ нашелъ, что каменный домъ, въ которомъ помѣщались два первыя заведенія, хотя «и уцѣлѣлъ отъ огня, но въ немъ ничего болѣе не осталось кромѣ стѣнъ и кровли. Ни въ верхнемъ, ни въ нижнемъ этажѣ ни одного нѣтъ цѣлаго окна, и стекла въ испорченныхъ рамахъ перебиты. Въ верхнемъ этажѣ въ двухъ классныхъ комнатахъ

*) См. его донесенія о тамошнемъ краѣ за то время въ Р. Архивѣ 1871 года.

и въ большой залѣ, въ нижнемъ—въ комнатахъ директорскихъ, печи выломаны, заборъ деревянный весь разобранъ, внутри дóма всѣ покои, по причинѣ бывшаго въ нихъ Французскаго лазарета, наполнены перетлѣвшею соломою и всякими отъ больныхъ нечистотами, испускающими нестерпимый смрадъ, и по сей-то самой причинѣ нельзя было узнать, цѣлы ли полы... За цѣлость домашнихъ гимназическихъ вещей, открытыхъ со всѣхъ сторонъ, нельзя теперь отвѣчать, и принадлежности домашнія, какъ то стекла, желѣзо и изразцы, ежедневно убываютъ. Въ намѣреніи домъ сей сдѣлать какъ можно скорѣе обитаемымъ, мы предлагали вмѣстѣ съ директоромъ нѣкоторымъ изъ бѣдныхъ Смоленскихъ приказныхъ, честныхъ людей (потому что учители, находящіеся въ городѣ, напередъ отказались) занять на нѣкоторое извѣстное время въ нижнемъ этажѣ нѣсколько комнатъ. Согласіе ихъ спасло бы домъ гимназическій отъ дальнихъ расхищеній и предуготовило бы хотя въ нижнемъ этажѣ нѣкоторое помѣщеніе для имѣющаго открыться по предположеніямъ нашимъ уѣзднаго училища. Никто не могъ принять таковаго предложенія, хотя впрочемъ и выгоднаго по случаю ужасной тѣсноты въ помѣщеніи». Въ примѣръ тѣсноты, какую терпѣли Смоленскіе жители, Бекетовъ разсказываетъ, что сенаторъ Каверинъ со всею своею канцеляріею и архіепископъ Ѳеофилактъ съ своимъ причтомъ помѣщались въ одномъ домѣ.

Оставалось собрать свѣдѣнія о капиталахъ и имуществѣ, принадлежавшихъ учебнымъ заведеніямъ Смоленска. Свѣдѣнія объ этомъ доставилъ самъ Людоговскій въ особомъ рапортѣ. Оказалось, что директоръ, получивъ 5 Іюля 1812 г. отпускъ на вакаціонное время для поправленія своего здоровья въ деревнѣ, сдалъ по описи все находившееся въ гимназическомъ домѣ училищное имущество, какъ то библіотеку, физическій и натуральный кабинеты, а равно и запасное книгохранилище, старшему по себѣ учителю математики, физики и коммерческихъ наукъ, доктору философіи Николаю Ефремову съ предписаніемъ, чтобы онъ прилагалъ всевозможное попеченіе о сбереженіи того имущества. Билеты же Сохранной Казны Московскаго Опекунскаго Совѣта, росписки въ полученныхъ нѣкоторыми учителями деньгахъ, а также наличныя деньги запечатавъ въ присутствіи учителей въ особый деревянный ящикъ и положивъ его въ желѣзный сундукъ вмѣстѣ съ архивомъ, Людоговскій отправилъ ихъ 5-го же Іюля въ мѣстное уѣздное казначейство для храненія. По отъѣздѣ его Ефремовъ вытребовалъ ящикъ изъ казначейства и, вынувъ изъ него 125 р., возвратилъ назадъ. По возвращеніи въ Смоленскъ, гдѣ уже возстановлены были Русскія власти, Людоговскій нашелъ всѣ деньги въ Казенной Палатѣ въ цѣлости, за исключеніемъ взятыхъ Ефремовымъ въ счетъ жалованья; но архивъ и остальное имущество погибли. О судьбѣ же самого Ефремова извѣстно было, что онъ на-

ходился подъ стражей за поступленіе будто бы во Французскую службу, былъ отосланъ въ Москву для сужденія, но на возвратномъ пути въ Смоленскъ умеръ. После него осталось только показаніе, данное на допросѣ 20 Января 1813 года, слѣдующаго содержанія: «На запросъ, послѣдовавшій ко мнѣ отъ командира внутренней стражи Смоленскаго гарнизоннаго батальона, господина подполковника и кавалера Устьянцева, симъ объясняюсь, что переданному мнѣ директоромъ Людоговскимъ гимназическаго имущества къ сбереженію его по невозможности не могъ я предпринять никакихъ мѣръ, потому что онъ г. директоръ обѣщалъ прибыть въ Смоленскъ послѣ передачи мнѣ того имущества черезъ три дни, и кому оное досталося въ добычу, о томъ я неизвѣстенъ». Изъ вѣдомостей, поданныхъ Людоговскимъ, видно, что билетовъ Сохранной Казны у разныхъ училищъ Смоленской дирекціи было на 35,275 р., въ томъ числѣ 20,275 р. принадлежали гимназіи; наличныхъ денегъ къ Марту оказалось 2237 р. съ копѣйками. Служащихъ считалось: въ гимназіи кромѣ директора семь учителей, въ пяти уѣздныхъ училищахъ—тринадцать смотрителей и учителей, въ трехъ народныхъ и четырехъ приходскихъ училищахъ—по одному учителю въ каждомъ. Только служащіе въ Рославлѣ, Порѣчьѣ, Дорогобужѣ, Бѣлой и Сычевкахъ были при мѣстѣ служенія; изъ остальныхъ большинство разъѣхалось отчасти по уѣздамъ Смоленской и Калужской губерній, не тронутымъ нашествіемъ непріятеля, а также въ Осташковъ, Кострому и Петербургъ; мѣстонахожденіе пятерыхъ было совершенно неизвѣстно. Бекетовъ нашелъ, что храненіе денегъ Людоговскимъ, по полученіи ихъ изъ Казенной Палаты, въ собственной Духовщинской деревнѣ было вызвано обстоятельствами и содѣйствовало цѣлости капиталовъ.

Изъ Смоленска Бекетовъ вмѣстѣ съ Людоговскимъ отправился въ Порѣчье, куда и прибылъ 3 Марта. Въ дневникѣ его сохранились слѣдующія воспоминанія объ этомъ городѣ и его уѣздномъ училищѣ: «Судя по тому, что въ семъ училищѣ и прежде не слишкомъ много обучалося, также пріемля во уваженіе сожженіе почти лучшей половины города Французами, можно думать, что жители Порѣчья теперь узнали цѣну просвѣщенія. Почти возможно увѣрить, что число учениковъ по устроеніи города нарочито увеличится. Къ чему отмѣнно содѣйствуетъ благомыслящій городничій Порѣчскій г. Амболевскій. Ласкою и увѣщаніемъ склонилъ онъ многихъ гражданъ почувствовать пользу ученія публичнаго, и многіе уже намѣреваются при лучшемъ размѣщеніи училища, которое отчасти стѣснено въ домѣ г. Жилкина, отдать своихъ дѣтей. Связи между городничимъ, г. смотрителемъ и учителемъ отмѣнно выгодны для училища и обѣщаютъ училищу уваженіе отъ гражданъ и большее противъ прежняго число учениковъ, а учитель и городничій складываются на выписку журналовъ и получаютъ вмѣстѣ. Короче сказать, сіе училище при луч-

шихъ обстоятельствахъ приметъ лучшій учебный видъ, сообразный своей цѣли. Быстрое и нечаянное появленіе нашихъ войскъ предъ Порѣчьемъ и за симъ скорое нашествіе непріятеля лишило смотрителя способовъ спасти все казенное имущество отъ утраты. Порѣчье окружено было со всѣхъ сторонъ непріятельскими отрядами. Смотритель съ потерею всего своего имущества едва успѣлъ сохранить нѣкоторую часть книгъ и учебныхъ принадлежностей. Въ ночи съ 17 на 18 день Іюля главнокомандовавшій 1-ю западною арміею далъ повелѣніе жителямъ выбираться какъ можно скорѣе изъ города. Всѣ почти лошади обывательскія употреблены были для арміи. Смотритель, не находя способнаго выхода, скрывался по лѣсамъ и хижинамъ.... Почетнымъ смотрителемъ Порѣчскаго уѣзднаго училища избранъ графъ Каховскій, котораго помѣстья отстоятъ отъ города не болѣе 5 верстъ. Съ превосходнымъ воспитаніемъ, полученнымъ отъ почтеннаго родителя своего, онъ заслужилъ себѣ общее уваженіе въ городѣ. Званіе почетнаго смотрителя вѣроятно украситъ онъ новыми подвигами, усердіемъ къ просвѣщенію и ободренію учащихъ и учащихся. Порѣчское учебное заведеніе, находясь подъ надзоромъ сего почтеннаго мужа, скоро достигнетъ прямой цѣли своей. Съ постройкою новаго зданія, которое обѣщалъ гр. Каховскій, можно полагать навѣрное, что число учащихся увеличится, что не одни токмо мѣщане, служащіе и прочіе разночинцы ввѣрятъ дѣтей своихъ, но и дворянство не постыдится препоручать сыновъ и родственниковъ подъ присмотръ столь почтеннаго мужа. Два почти года ожидаетъ онъ утвержденія въ новомъ семъ званіи отъ его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія и даже, не надѣясь получить оное въ скоромъ времени, думаетъ не принять сего чина. Порѣчское училище много потеряетъ, лишившись такого благомыслящаго начальника, знающаго цѣну просвѣщенію, образованнаго основательно. Всѣ о г. смотрителѣ и учителѣ перваго класса Медвѣдковѣ отзываются очень хорошо».

Изъ Порѣчья Бекетовъ выѣхалъ, по приглашенію Людоговскаго, въ помѣстье его Кротово, находившееся въ Духовщинскомъ уѣздѣ. О самой Духовщинѣ, гдѣ и до нашествія непріятеля не было никакого училища, Бекетовъ замѣтилъ въ своемъ журналѣ, что «теперь и думать нельзя объ открытіи въ немъ училища: городъ почти весь выжженъ, и жители крайне раззорились». Отдыхая въ Кротовѣ въ теченіи трехъ дней, визитаторъ и директоръ занимались свидѣтельствованіемъ ломбардныхъ билетовъ и денежныхъ суммъ, принадлежавшихъ Смоленской дирекціи и хранившихся у Людоговскаго во время войны. Простившись съ гостепріимнымъ директоромъ, Н. А. Бекетовъ отправился въ городъ Бѣлый, куда и прибылъ 8 Марта. Свои наблюденія надъ состояніемъ народнаго просвѣщенія въ этомъ городѣ онъ передалъ въ такихъ словахъ: «Бѣлый едва-ли не лучшій

теперь городъ по всей Смоленской губерніи. Рѣка Обша, протекающая чрезъ него, судоходна. Судя по обширности сего города, можно бы предполагать, что здѣсь должно существовать уѣздное училище. Но со всѣмъ тѣмъ въ городѣ учреждено только малое народное училище, въ коемъ учитель г. Орловъ, достойный по всѣмъ отношеніямъ лучшаго жребія. При большомъ семействѣ получаетъ онъ только 150 рубл., что едва-ли достаетъ ему на хлѣбъ. Со слезами просилъ онъ меня представить начальству о прибавкѣ жалованья, или о выпускѣ его вовсе изъ ученой службы. Г. директоръ также говорилъ мнѣ, что онъ можетъ сдѣлать прибавку изъ суммъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, кои ежегодно отпускаются для училищъ, ежели только начальство благоволитъ утвердить его представленіе. Жители Бѣльскіе довольны стараніемъ и поведеніемъ г. Орлова. Городничій, городской голова особенно похваляютъ его передъ другими. Отъ перваго я имѣю отношеніе, въ коемъ онъ, одобряя попеченіе г. Орлова къ учащимся, проситъ меня также объ исходатайствованіи прибавки ему жалованья. Касательно пропавшихъ книгъ я разспрашивалъ его, прилагалъ-ли г. Орловъ стараніе спасти казенное ввѣренное ему имущество, и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что, не взирая на всѣ усилія г. Орлова спасти казенныя вещи, исправникъ не могъ дать ему лошадей, потому что всѣ обывательскія лошади употреблены были для перевозу муниціи и провіанта, по ордеру его высокопревосходительства генералъ-интенданта Ланскаго, и что сей учитель, потерявъ все свое убогое имущество, успѣлъ вывезть жену и дѣтей своихъ на телѣгѣ, которую изъ жалости далъ ему онъ; а самъ г. Орловъ, не имѣя никакихъ пособій забрать всѣ училищныя книги и вещи, оставилъ ихъ въ домѣ, занимаемомъ училищемъ. По возвращеніи же своемъ въ городъ Бѣлый, нашелъ онъ на лицо 10 экземпляровъ букварей, 3 сокращенныхъ катихизисовъ и 5 экз. правилъ для учащихся.... На постояломъ дворѣ я самъ свидѣтелемъ былъ потаеннаго обученія. Нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ, собравшихся въ одну комнату, учились подъ присмотромъ какаго-то инвалида. Не прерывая ученія ихъ, тотчасъ я увѣдомилъ городничаго о таковой школѣ, противной уставу объ училищахъ и слѣдственно препятствующей публичному ученію, и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ закроетъ сей лицей и впредъ будетъ стараться объ уничтоженіи оныхъ. Въ Бѣломъ предполагаемо было нѣкогда открыть уѣздное училище. Граждане пожертвовали для сего сумму до 2000 р., чрезъ посредство г. городничаго; но мнѣ неизвѣстно, получены ли оныя деньги отъ гражданъ и у кого хранятся, также по какимъ причинамъ гг. члены училищнаго комитета отложили открытіе уѣзднаго училища? Городничій и директоръ не сообщили мнѣ о семъ никакихъ свѣдѣній. Въ послѣдствіи времени, когда все приметъ свой порядокъ, вѣроятно, на-

чальство обратитъ вниманіе на сей коммерческій городъ, который промышленностію жителей и богатствомъ не изъ послѣднихъ торговыхъ Русскихъ уѣздныхъ городовъ. Бѣльское училище помѣщается въ деревянномъ домѣ, за непоправкою коего и по причинѣ общаго безпокойства оно не могло ранѣе 15 Февраля сего года воспріять свои дѣйствія. Въ теченіе сего времени до 8 Марта туда поступило уже 17 учениковъ. Ученики изрядно отвѣчали на мои вопросы, судя по малому времени ихъ занятія».

Несравненно печальнѣе было состояніе городовъ Сычевокъ и Гжатска. Особенно пораженъ былъ Бекетовъ нищетою учителя Сычевскаго малаго народнаго училища. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу въ своемъ журналѣ: «Болѣе получаса искалъ я училища и нашелъ его на самомъ краю города. Учитель Солнцевъ помѣщаетъ его на своей квартирѣ. Бѣдное его состояніе крайне меня тронуло. Онъ явился въ платьѣ изорванномъ, въ худыхъ сапогахъ,— однимъ словомъ, можно было почесть его самымъ негоднымъ и какимъ либо развратнымъ человѣкомъ, ежели бы о поведеніи его не ручались городничій и почетнѣйшіе въ городѣ люди. Бѣдная супруга его со слезами умоляла меня представить нашему начальству о ихъ горестномъ положеніи,—ужасны нищета и крайность ихъ. Они все уже съ себя продали, все заложили; очередь приходитъ къ вещамъ, почти необходимымъ въ общежитіи. Удалившись во время опасности въ Зубцовъ съ казенными вещами, г. Солнцевъ на наемъ подводы истратилъ всѣ какія ни были у него деньги. Живучи они съ женою въ Зубцовѣ, скорыми шагами приближались къ голодной смерти. Благотворительность нѣкоторыхъ добрыхъ людей продлила еще на нѣсколько времени ихъ существованіе, но состояніе ихъ, и прежде убогое, теперь совершенно разстроилось. Передъ пріѣздомъ моимъ они думали заложить сюртукъ и салопъ—самую нарядную одежду свою, но я привезъ имъ отъ директора третное жалованье, т. е. 50 р. и они нѣсколько успокоились. Ученики успѣли порядочно, пріемля во уваженіе недавнее открытіе училища. Потеря въ вещахъ незначительна. Г. Солнцевъ представленъ директоромъ къ прибавкѣ жалованья и повидимому достоинъ сей награды». Усердіе Солнцева выражалось и въ томъ, что училище въ Сычевкахъ закрыто было только съ 16 Августа до конца Октября 1812 года, когда занятія возобновились, и къ пріѣзду визитатора считалось уже 15 учениковъ.

Такой же печальный видъ представлялъ, по отзыву Бекетова, и Гжатскъ: «Городъ весь выжженъ до основанія. Разграбленные граждане уже сходятся. Но едвали можно надѣяться скорой поправки зданій. Ни одинъ городъ не пострадалъ подобно Гжатску. По улицамъ и по большой дорогѣ слышны только звуки колокольчика отъ проѣзжающихъ. Нѣтъ никакой надежды къ скорому возстановленію ученія. Ужасная бѣдность и разоренье не скоро внушатъ пострадавшимъ мысль о просвѣщеніи и образованіи дѣтей. Особеннымъ

долгомъ при семъ случаѣ поставляю донести коммиссіи о подвигѣ первокласснаго учителя бывшаго здѣсь уѣзднаго училища, Прокопія Корейши. Во время нашествія непріятеля, въ то время, когда поспѣшное отступленіе войскъ нашихъ, перевозъ муницій и продовольствія лишилъ бѣдныхъ жителей, не имѣющихъ своихъ лошадей, всѣхъ способовъ спасти лучшую часть имуществъ своихъ, въ то время, говорю, когда всякой, оставляя въ ужасѣ все нужное, забиралъ бездѣлки,—въ сіе время г. Корейша, выкопавъ зарытое подъ поломъ училища все учебное имущество, за отказомъ лошадей почти уже обреченное въ жертву непріятелю и огню, взялъ его по описи къ себѣ на собственную свою лошадь и, оставивъ въ Гжатскѣ все свое имущество, исхитилъ его изъ рукъ вражескихъ. Таковое пожертвованіе вовсе разстроило его состояніе. Онъ совершенно разграбленъ. Домъ, гдѣ спрятано его имущество, сгорѣлъ до основанія, и г. Корейша остался въ чемъ вышелъ изъ города. Убѣгая непріятеля, странствовалъ почти 4 мѣсяца пѣшкомъ, охраняя казенное имущество, которое никому другому не хотѣлъ ввѣрить».

Только Дорогобужа, посѣщеніе котораго предписывалось Бекетову его инструкціей, онъ не могъ видѣть, ибо дорога изъ этого города въ Смоленскъ представляла еще свѣжіе слѣды раззоренія и правильныхъ сообщеній по ней не было возстановлено. Бекетовъ ограничился помѣщеніемъ въ своемъ журналѣ краткаго извлеченія изъ донесенія Дорогобужскаго учителя Андрея Щировскаго Смоленскому директору. Изъ этого донесенія было ясно, что не только прекратило свое существованіе тамошнее народное училище, но и не предвидѣлось возможности возстановить его: «Комнаты, занимаемыя училищемъ, теперь заняты караульнею. Жители города очень раззорены, городъ почти совсѣмъ выжженъ, и потому нѣтъ никакой возможности возобновить тамъ прежнее малое народное училище. Г. учитель въ донесеніи къ директору ничего не упомянулъ ни о числѣ книгъ, спасенныхъ или утраченныхъ, ни о мѣстѣ, гдѣ онъ укрывался во время нашествія непріятеля на Смоленскую губернію. Директоръ Смоленскихъ училищъ предполагаетъ, что едвали скоро будетъ надобность учредить тамъ малое училище, и думаетъ съ дозволенія начальства перевести г. Щировскаго въ Вязьму, гдѣ вѣроятно по населенію его скорѣе будетъ нужно учредить малое народное училище, нежели въ Дорогобужѣ крайне раззоренномъ». Наконецъ городъ Красный, въ конецъ разоренный вслѣдствіе битвъ, кругомъ его происходившихъ, даже и не упоминается Бекетовымъ.

Прежде чѣмъ перейти къ общимъ замѣчаніямъ визитатора объ учебной части въ Смоленской губерніи, остановимся на тѣхъ данныхъ, которыя можно извлечь, въ дополненіе къ его донесенію, изъ рапортовъ мѣстныхъ учителей. Прежде всего скажемъ о составѣ учащихся. Такъ, въ Порѣчьѣ приходское училище имѣло 25 учениковъ, возрастомъ отъ 6 до 13 лѣтъ. Ранѣе другихъ начавшій учиться въ учи-

лицѣ принятъ былъ 10 Іюня 1810 года, позднѣйшій пріемъ былъ 12 Февраля 1813 г. Изъ общаго числа учившихся: трое было изъ дворянъ, одинъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, двое изъ приказно-служительскихъ, три купца, девять мѣщанъ, одинъ изъ дворовыхъ и четверо изъ солдатскихъ дѣтей. Изъ восьми учениковъ I класса въ уѣздномъ училищѣ одинъ былъ изъ купцовъ, другой изъ приказно-служительскихъ дѣтей, остальные изъ мѣщанъ; оба ученика II класса были изъ солдатскихъ дѣтей. Возрастъ учениковъ уѣзднаго училища колебался отъ 10 до 14 лѣтъ. Между учениками малаго народнаго училища въ Сычевкахъ, возрастомъ отъ 6 до 11 лѣтъ, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не поступилъ ранѣе Января 1812 года, двое было изъ дворянъ, далѣе сынъ лѣкаря, сынъ сержанта, сынъ коллежскаго регистратора, два купца, два мѣщанина и шестеро изъ солдатскихъ дѣтей; кромѣ того была одна ученица, дворянка Анна Огарева, два брата которой находились въ числѣ учениковъ. Въ Бѣльскомъ народномъ училищѣ между учениками считалось 9 дворянъ, между ними трое Адамовичей, 7 мѣщанъ и 1 дворовый человѣкъ. По остальнымъ училищамъ свѣдѣній о составѣ учащихся не было. Что̀ касается учебныхъ пособій, то они вездѣ дѣлились на два разряда: одни составляли собственность училища, другія присланы были изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія или изъ Училищнаго Комитета при университетѣ для продажи какъ ученикамъ, такъ и стороннимъ лицамъ. Въ библіотекахъ училищъ почти вездѣ имѣлись до непріятельскаго нашествія: небесный и земной глобусы, ящикъ съ геометрическими инструментами, насосы и другіе воздушные приборы, электрическая машина съ принадлежностями. Затѣмъ шли книги, между которыми первое мѣсто занимали: Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, Московскія ученыя вѣдомости, Журналъ полезныхъ изобрѣтеній, Лицей, Распускающійся Цвѣтокъ, Уставъ народныхъ училищъ, Руководство учителямъ, Книга о правахъ и должностяхъ человѣческихъ, Церковный Словарь, Зрѣлище Свѣта, Исторія Россійскаго Государства Стриттера, Записки касательно Россійской Исторіи въ 6 частяхъ, Историческія сочиненія Шрекка и Милота, Исторія о торговлѣ и мореплаваніи древнихъ, Руководство къ коммерческой наукѣ, карты главныхъ частей свѣта, Атласъ Россійскаго Государства изъ 52 картъ, стоившій 105 рубл., Польза Европейскихъ народовъ въ торговлѣ, Руководство къ коммерческой наукѣ, Главное начертаніе изящныхъ наукъ, Нравственная философія Фергюзона, Правила словесности Батте, Сочиненія Ломоносова, Курсъ математическихъ наукъ Безу, Сочиненія Двигубскаго по физикѣ, технологіи и естественной исторіи, Сочиненія Зябловскаго, Опытъ городскихъ и сельскихъ строеній, наконецъ Объясненіе о воспитаніи въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ. Это книги, считавшіяся какъ бы обязательными для каждаго училища. Но иногда въ описяхъ попадаются сочиненія, не имѣвшія никакого отношенія

къ воспитанію и очевидно пожертвованныя какимъ либо мѣстнымъ любителемъ просвѣщенія, а изъ учебныхъ встрѣчаются даже на иностранныхъ языкахъ; такъ въ Рославльскомъ училищѣ была одна Итальянская книга—описаніе четвероногихъ Инн, Алекс. и Петра Скаталліа, съ рисунками, въ четырехъ томахъ. Отдѣлъ книгъ, назначавшихся къ продажѣ, состоялъ главнымъ образомъ изъ краткихъ руководствъ; между ними на первомъ мѣстѣ показывались Правила для учащихся.

Въ странствованіяхъ по Смоленской губерніи и въ осмотрѣ ея училищъ Н. А. Бекетовъ провелъ цѣлый мѣсяцъ и, представляя отчетъ о своихъ наблюденіяхъ, счелъ необходимымъ дать такое общее заключеніе о состояніи учебнаго дѣла въ пострадавшей губерніи: «Въ Смоленскѣ, двоекратно раззоренномъ непріятелемъ, едва ли скоро можно съ пользою завести гимназію. Ужасная бѣдность, тѣснота въ жилищахъ, небольшое стеченіе народа, недостатокъ въ ученикахъ, могущихъ съ успѣхомъ учиться въ классахъ гимназіи: вотъ причины, препятствующія скорому устроенію ея въ семъ городѣ. Съ будущаго учебнаго курса можно завести уѣздное училище съ приходскими и по времени, когда ученики придутъ въ состояніе, продолжать науки свои въ гимназіи, когда и городъ нѣсколько обстроится, а граждане поправятъ свои убытки, дворянство нѣсколько забудетъ свои бѣдствія; при новомъ возрожденіи Смоленской гимназіи, можетъ быть, комиссія увидитъ примѣтно увеличившееся число учащихся. Дворянство, вразумленное бѣдствіями, Промысломъ ниспосланными, почувствуетъ всю цѣну образованія прочнаго, публичнаго; скоро, можетъ быть, не устыдится оно посылать дѣтей своихъ туда, гдѣ не происхожденіе, не знатность предковъ даютъ первенство, но труды и успѣхи. Нигдѣ съ большею пользою для дворянства не могли существовать училища, какъ въ Смоленской губерніи. Дворянство недостаточное, купечество небогатое и вообще служащіе весьма расположены къ просвѣщенію. Гимназія изъ своихъ учащихся доставила хорошихъ студентовъ въ университетъ нашъ, Медико-хирургическую Академію и довольно ученыхъ офицеровъ въ артиллерію и пѣхотные полки. При самомъ вторженіи непріятеля въ предѣлы Россіи лучшіе ученики по законному испытанію принимаемы были въ полки офицерами, къ чему отмѣнно способствовалъ опытный и благоразумный директоръ Смоленскихъ училищъ Левъ Ѳедоровичъ Людоговскій съ энциклопедическимъ понятіемъ о всѣхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ гимназіи. Онъ особенно старается о надлежащемъ, ясномъ и точномъ преподаваніи наставленій и соединяетъ всѣ почти качества, нужныя опытному любимцу Музъ и директору. Онъ изъ лучшихъ питомцевъ университета; по увѣренію г. гражданскаго губернатора Смоленской губерніи барона Аша, никто лучше не любимъ и не уважаемъ всею губерніею, слѣдовательно никто не можетъ скорѣе и способнѣе возстановить над-

лежащаго дѣйствія ученія, какъ г. Людоговскій. Одно только Рославльское уѣздное училище доставляло въ гимназію хорошихъ учениковъ: съ одной стороны недостаточное дворянство, служащіе въ городѣ, съ другой—и достаточные, лишенные средствъ препоручать образованіе дѣтей своихъ содержателямъ пансіоновъ, поддерживали и поддержатъ и впредъ сіе учебное заведеніе. Прекращеніе ученія внушило всѣмъ какую-то нерѣшительность. Многіе ожидаютъ, думаютъ, надѣются, что всѣ учебныя заведенія нынѣ приближатся къ надлежащей цѣли своей. Смоленскія училища до сихъ поръ еще не имѣютъ почетныхъ смотрителей. Комиссіи извѣстны всѣ выгоды, кои могутъ получать училища, ввѣренныя надзору извѣстнаго въ цѣломъ городѣ и уѣздѣ человѣка, расположеннаго къ просвѣщенію. Онъ всегдашній ходатай, покровитель ввѣреннаго ему заведенія. Тамъ, гдѣ обыкновенный смотритель лишается возможности сдѣлать что нибудь въ пользу училища или пожертвованіями, или вліяніемъ своимъ на лучшихъ гражданъ, тамъ почетный имѣетъ вполнѣ всѣ способы удовлетворить всѣмъ могущимъ случиться училищнымъ нуждамъ и внушить своею ревностію довѣріе къ гг. учителямъ. Смоленская губернія, при благоразумныхъ распоряженіяхъ г. директора, еще не столько потерпѣла, сколько можно было ожидать отъ внезапнаго нашествія Французовъ. Явившись предъ Порѣчьемъ, они исчезли совершенно изъ Смоленской губерніи. Между тѣмъ въ Смоленскѣ всѣ успокоились, граждане стали возвращаться въ свои дома, и все пошло своимъ порядкомъ. Самые даже главнокомандующіе арміями вызывали испуганныхъ обитателей,—вообще всѣ полагали, что непріятель останется на нѣкоторое время въ Бѣлоруссіи; но дѣла пошли иначе. 4 Августа непріятель явился предъ Краснымъ, и 6 Августа онъ былъ уже въ Смоленскѣ. Правившій должность директора соблазненъ былъ лестными обѣщаніями Французовъ и вступилъ въ службу къ нимъ въ качествѣ генералъ-секретаря. Директоръ увѣряетъ, что никакъ не можно было подозрѣвать Ефремова въ сей измѣнѣ. Онъ усердно отправлялъ свою должность и велъ себя довольно хорошо. Къ несчастію своему подъ конецъ былъ подверженъ періодически пьянству, которое вмѣстѣ съ его безпокойнымъ характеромъ дѣлало совершенно нетерпимымъ въ обществахъ. Г. директоръ узналъ о семъ послѣ и полагаетъ, что сей порокъ былъ причиною его измѣны и смерти. И такъ, комиссія благоволитъ усмотрѣть, что въ Смоленской губерніи одно уѣздное и малыхъ два училища уже существуютъ, Рославльское также скоро возъимѣетъ свое дѣйствіе, но уѣздныя училища Вяземское и Гжатское едва ли скоро могутъ имѣть свое начало. Въ Гжатскѣ съ трудомъ отдѣлали для Градской Думы домъ, въ которомъ прежде помѣщалось училище. Судебныя мѣста, почтовая контора находятся на фабрикѣ, версты за двѣ отъ города, и потому нѣтъ никакой возможности до времени завести уѣздное училище. Сохранившіяся

вещи Гжатскаго училища нужны будутъ для Смоленскаго уѣзднаго училища и даже будутъ служить началомъ для библіотеки гимназической». Далѣе слѣдовали перечисленіе уже состоявшихся назначеній бывшихъ учителей Смоленской дирекціи на другія мѣста и предположенія о томъ, какъ наивыгоднѣе для казны могъ бы воспользоваться университетъ наличнымъ составомъ Смоленскихъ педагоговъ.

Слѣдствія поѣздки Н. А. Бекетова и его донесенія обнаружились вскорѣ. Еще въ Маѣ утверждены были въ званіи почетныхъ смотрителей Рославльскаго и Порѣчскаго избранные мѣстными дворянами въ эти должности Булычевъ и графъ Каховскій. Гжатскому учителю Прокопію Корейшѣ выдано было, съ разрѣшенія комитета министровъ, въ Сентябрѣ, 100 рубл. за спасеніе во время нашествія непріятеля училищнаго имущества съ потерею собственнаго. Бѣльскому учителю Ивану Орлову и Сычевскому Солнцеву прибавлено по 50 р. къ годовому жалованью. Бывшая библіотека Гжатскаго училища передана въ Смоленскую гимназію. Корейша, учитель Смоленской гимназіи Василій Еленевъ, Рославльскіе учители Иванъ Ляшкѣвичъ и Александръ Четыркинъ и Порѣчскій Павелъ Еленевъ представлены были къ награжденію слѣдующими чинами. Подолѣцкій переведенъ на службу въ Варшавское герцогство; Дорогобужскій учитель Щировскій въ Вязьму; а Корейша чрезъ три года назначенъ былъ въ штатные смотрители Гжатскаго училища. Предписано было Людоговскому немедленно открыть приходскія училища въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ, а Бѣльское народное преобразовать въ уѣздное. Преподаваніе въ Смоленскомъ училищѣ открылось въ Сентябрѣ съ 11 учащимися, а въ гимназіи въ Октябрѣ съ 18 учащимися въ трехъ классахъ, изъ коихъ въ двухъ высшихъ было только по два ученика. Но лишь въ слѣдовавшее за тѣмъ пятилѣтіе окончательно отстроены были гимназическое зданіе и дома нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищъ и мало по малу возстановлено ученіе во всей его полнотѣ. Директоръ Л. Ѳ. Людоговскій, пользуясь довѣріемъ училищнаго комитета при университетѣ и попечителя учебнаго округа, неоднократно испрашивалъ большія суммы на перестройку училищныхъ зданій въ своей губерніи. Самъ онъ, будучи извѣстенъ университету еще съ 1790 г., какъ секретарь при главномъ кураторѣ его, И. И. Шуваловѣ, прослужилъ въ должности Смоленскаго директора всего 35 лѣтъ, былъ членомъ общества исторіи и древностей Россійскихъ и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника *).

*) См. „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета“ (М., 1855), т. I, стр. 416.

Нилъ Поповъ.

Первый Русскій провинціальный журналъ „Уединенный Пошехонецъ“.

Русская провинціальная журналистика, поставленная въ условія, которыя заставляютъ желать еще многаго лучшаго, а потому почти не имѣющая вліянія на разумное и прочное развитіе мѣстнаго общества, вовсе не существовала у насъ до послѣднихъ годовъ Екатерининскаго вѣка. Городъ Ярославль справедливо гордится тѣмъ, что въ стѣнахъ его основанъ былъ первый Русскій театръ, и можетъ похвалиться основаніемъ перваго провинціальнаго изданія. Это былъ ежемѣсячный литературный журналъ «Уединенный Пошехонецъ». Теперь онъ составляетъ библіографическую рѣдкость, мало извѣстную даже и знатокамъ старины. Правда, они упоминаютъ, при случаѣ, объ Ярославскомъ журналѣ, но кратко, въ общихъ выраженіяхъ, не касаясь подробностей. Такъ, напримѣръ, редакторъ «Русской Старины» М. И. Семевскій повторилъ буквально со словъ другаго (туземнаго) автора, что въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» помѣщено «довольно много статей замѣчательныхъ и любопытныхъ» [1]). П. И. Бартеневъ полагалъ, не безъ основанія, что Ярославскій журналъ представлялъ собою подражаніе Императрицѣ-писательницѣ, съ участіемъ которой издавался Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова, и замѣтилъ, что «конечно, въ Уединенномъ «Пошехонцѣ много было пустой траты словъ, но благородныя «забавы намѣстниковъ не остались безъ благаго вліянія на распро«страненіе людскости и просвѣщенія по глухимъ мѣстамъ нашего «отечества» [2]). На сколько могло быть сильно это вліяніе, читатели увидятъ далѣе изъ предлагаемой статьи: въ ней мы разсмотримъ «Уединенный Пошехонецъ» съ достаточной подробностью, конечно, не ради его литературнаго значенія, болѣе чѣмъ сомнительнаго, а единственно съ цѣлью вывести изъ забвенія «дѣдушку» Русской провинціальной прессы....

---

[1]) Русск. Вѣсти., 1860, т. XXVIII, кн. 2, стр. 418. Свидѣтельствуя о литературныхъ достоинствахъ „Уедин. Пошехонца“, г. Семевскій упоминаетъ, что въ немъ участвовалъ Ярославскій архіепископъ Арсеній, „мысль-же изданія и руководство его принадлежали знаменитому А. П. Мельгунову“. Едва ли нужно напоминать, что Пошехонье—городокъ Ярославской губ. П. Б.—[2]) Р. Архивъ, 1865, стр. 934.

Приведенный выше отзывъ Бартенева справедливъ въ томъ отношеніи, что Ярославскій журналъ вызванъ былъ, дѣйствительно, не живою потребностью самого общества, а только забавою, такъ сказать, литературной прихотью Ярославскаго намѣстника Алексѣя Петровича Мельгунова. Живя во времена меценатства, когда на возникавшую Русскую словесность смотрѣли по-барски, свысока, Мельгуновъ, и самъ кое-что писавшій [3]), не могъ отказаться отъ удовольствія имѣть у себя, подъ рукою, въ управляемомъ имъ Ярославлѣ, господъ, которые безъ особеннаго гражданскаго мужества восхваляли печатно его дѣянія. Подобно другимъ вельможамъ добраго стараго времени, Ярославскій намѣстникъ былъ сильно избалованъ хвалителями. Вспомнимъ, что Державинъ, въ благодарность Мельгунову за хорошіе пикники на Елагинскомъ острову, воспѣвалъ своего амфитріона [4]). Назовемъ, кстати, и другаго извѣстнаго сочинителя, Михаила Ивановича Веревкина. Этотъ плодовитый драматургъ, въ свою очередь, стараясь задобрить Мельгунова, просилъ «взыскать его милостью» [5]). Нѣтъ сомнѣнія, что такъ оно и было, что Мельгуновъ «взыскивалъ милостью» многихъ писателей, болѣе угодливыхъ, нежели даровитыхъ. Наконецъ, при ближайшемъ содѣйствіи его, въ 1786 году, Ярославцы получили возможность читать свой «журналъ».

Сіе послѣднее слово не имѣло еще того значенія, въ какомъ оно употребляется теперь. Первый Русскій журналистъ Миллеръ называлъ свое изданіе просто «Ежемѣсячными сочиненіями». Тоже самое названіе было принято и Ярославскимъ журналомъ съ прибавленіемъ словъ: «Уединенный Пошехонецъ». Но уже на второй (1787) годъ это названіе было отброшено, и заглавная страница гласила просто: «Ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое въ Ярославлѣ» [6]). Шесть книжекъ (въ 8 д. л). составляли часть. Кни-

---

3) Извѣстно, что Мельгуновъ переводилъ изъ Французской „Энциклопедіи“. (Тамъ же стр. 933).

4) По словамъ Державина, гости Мельгунова, „человѣка извѣстнаго государственными заслугами“, положили: „законы равенства хранить, богатствомъ, властью и чинами отнюдь себя не возносить“. (Соч. Державина, т. II, стр. 96).

5) Изъ бумагъ Ярославскаго Статистическаго Комитета.—Веревкинъ „нижайше“ просилъ „взыскать его милостью, по праву давней и самыя усерднѣйшія приверженности“. Замѣчательно, что автографъ Веревкина, на который мы ссылаемся, отличается безграмотностью. Сочинитель комедій: „Такъ и должно“ и „Точь-въ-точь“ (1785) ни сколько не заботился о Русскомъ правописаніи; да и Мельгуновъ былъ далеко не безгрѣшенъ въ этомъ отношеніи; по-французски-же и по-нѣмецки онъ писалъ гораздо лучше, чѣмъ по русски, почти безъ ошибокъ.

6) Почтенный нашъ библіографъ А. Н. Неустроевъ въ своемъ уважаемомъ трудѣ („Историческое розысканіе о Русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703 — 1802 годъ“) разсматриваетъ „Ежемѣсячное сочиненіе“ какъ самостоятельный журналъ, что не вполнѣ вѣрно; при чемъ г. Неустроевъ удостовѣряетъ, что журнала этого ни въ одной библіографіи не значится, и что онъ (Неустроевъ) не нашелъ его ни въ одной изъ Петербургскихъ библіотекъ. Свѣдѣнія, значущіяся у г. Неустроева, были доставлены ему пишущимъ эти строки.

жечки были очень тощія и печатались разгонисто на сѣрой бумагѣ съ множествомъ типографскихъ «оплошностей». Коректурная работа, какъ видно, была камнемъ преткновенія для нашихъ прадѣдовъ, Ярославскихъ сочинителей, и редакція «Уединеннаго Пошехонца» не обращала на нее должнаго вниманія.

Изъ кого-же состояла эта редакція? По неимѣнію прямыхъ указаній въ самомъ журналѣ и вслѣдствіе безуспѣшности нашихъ изслѣдованій въ мѣстныхъ архивахъ, этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь приблизительно - вѣрно. Кажется, что редакторомъ былъ секретарь Ярославскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія Василій Демьяновичъ Санковскій. Принявъ во вниманіе, что Санковскій раньше уже подвизался на журнальномъ поприщѣ, издавая въ Москвѣ «Доброе Намѣреніе», и въ виду сотрудничества его въ «Уединенномъ Пошехонцѣ»,—догадка наша получаетъ значеніе вѣроятности. Типографія, печатавшая «Уединеннаго Пошехонца», съ указнаго дозволенія, т. е. съ разрѣшенія Мельгунова, была основана въ 1785 году [7]) тремя лицами. Это были: статскій совѣтникъ Николай Ѳедоровичъ Уваровъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Николаевичъ Хомутовъ (впослѣдствіи директоръ училищъ Ярославской губерніи) и надворный совѣтникъ Николай Ивановичъ Коковцевъ. Они принадлежали къ числу просвѣщенныхъ людей своего времени и, можетъ быть, кое-что писали и переводили въ «Уединенномъ Пошехонцѣ». Образовавъ товарищество для устройства типографіи, они воспользовались либеральнымъ закономъ 13 Января 1783 года, который разрѣшалъ всѣмъ частнымъ лицамъ заводить типографіи. Но Мельгуновъ принялъ во вниманіе, что у нихъ могутъ иногда печататься книги, «до закона и дѣлъ духовныхъ касательныя», и потому обратился къ архіепископу Арсенію (одному изъ сотрудниковъ «Уединеннаго Пошехонца»), прося его опредѣлить «особу духовную, ученую», для исполненія обязанностей цензора, «дабы безъ него никакая вышеозначенная книга не выходила» [8]). Такимъ образомъ и Ярославскій журналъ, печатавшій богословскія статейки, долженъ былъ находиться, болѣе или менѣе, подъ вліяніемъ архіепископа Арсенія.

Очень далекій отъ сатирическаго направленія и, стало быть, не имѣя ничего общаго съ лучшими журналами Екатерининскаго времени, «Уединенный Пошехонецъ» усердно слагалъ оды, хвалилъ «добродѣтельныхъ мужей», яснѣе сказать—Мельгунова, и вообще имѣлъ направленіе крайне-безобидное. Въ первомъ-же номерѣ, въ статьѣ: «Размышленія Уединеннаго Пошехонца», редакція объяснила

[7]) „Путеводитель по Яросл. губерніи“, Яр., 1859, стр. 149. Впрочемъ, тамъ-же (стр. 87) указывается и на 1783-й годъ. Первое извѣстіе вѣрнѣе и подтверждается архивными документами Ярославскаго Губ. Правленія.

[8]) Изъ бумагъ Яросл. Губ. Правленія: „Исходящій регистръ 1785 года“.

свою задачу вполнѣ ясно. Задача эта состояла преимущественно въ томъ, чтобы описывать «благотворныя дѣянія, чинимыя въ здѣшней странѣ, къ достославному подражанію добродѣтельнымъ душамъ». Даже и типографія, печатавшая «Уединеннаго Пошехонца», была устроена, по увѣренію редакціи, не ради житейскихъ выгодъ, не съ какою нибудь меркантильною цѣлью, а затѣмъ, «чтобы неизгладимыми буквами напечатлѣть кроткое и человѣколюбивое монаршее сердцерасположеніе». Далѣе, редакція сознается въ своей слабости и неумѣніи достойно восхвалить великую Государыню: «Но чтобы взойтить подробно къ величію неизсчетныхъ щедротъ чадолюбивыя Матери Отечества и обнять толико славы, проразумѣть премудрость ея законоположеній, проникнуть тончайшую прозорливость политики, коей благоразуміе преклонило подъ ея державу болѣе областей [9]), нежели сила оружія, и наконецъ исчислить процвѣтаніе торговли и художествъ, всѣ сіи истинные знаки сіянія Имперіи,—таковое предположеніе выходило-бы за предѣлы и самыхъ высочайшихъ умовъ. Оно обширнѣе, нежели смыслъ; ибо все парящее витійство многовѣщателей безсильно изъявить повсемѣстность (?) [10]) удивленія и ревности пылающихъ къ высокой своей Помазанницѣ сердецъ.... А паче сельская простота (!?) ощущаетъ свое благоденствіе, не по знакамъ словеснаго мудрованія, но по внутреннему удостовѣренію ниспосылаемыхъ отъ высокой ея державы неизсчетныхъ благъ. А ты, содѣтельница оныхъ, великая душа премудрыя Екатерины, тебѣ-ль единой невѣдома пребудетъ радость посреди блаженства народовъ, тобою облагодѣтельствованныхъ?», и т. д.

Къ сожалѣнію, редакція допустила въ этой передовой статьѣ существенную ошибку. Дѣйствуя по-европейски, т. е. издавая журналъ, Ярославскіе писатели XVIII вѣка, очень гуманные на бумагѣ, трудно разставались съ чисто Азіатскимъ самоуправствомъ. «На брегахъ величественной Волги», куда притекли «Музы», житейская проза была весьма печальнаго свойства. Въ подробной біографіи Мельгунова (которая будетъ напечатана въ одномъ изъ журналовъ, посвященныхъ Русской исторіи) мы подробно изложимъ бытовыя черты тогдашняго Ярославскаго общества; теперь-же замѣтимъ, что сотрудники «Уединеннаго Пошехонца» принадлежали къ разнымъ ступенямъ общественной лѣстницы: были въ числѣ ихъ и дворяне, были и важныя духовныя особы, и семинаристы, и чиновники-писатели, въ родѣ Санковскаго. Довольно обширная, но не удачно исполненная программа Ярославскаго журнала давала всѣмъ имъ возможность показать свои таланты. Въ программу эту входили:

---

9) Намёкъ на способъ пріобрѣтенія Крыма въ 1783 г. П. Б.

10) Напечатано: „повсемственность". Какъ уже замѣчено, нашъ журналъ изобиловалъ опечатками; изъ нихъ оговорены только немногія. Во избѣжаніе пестроты, мы не считаемъ нужнымъ строго придерживаться оригинальныхъ особенностей орѳографіи „Уединеннаго Пошехонца".

1) Разныя извѣстія о достопамятныхъ происшествіяхъ, «случившихся въ здѣшней странѣ издревлѣ и нынѣ».

2) Благотворительныя и человѣколюбивыя дѣянія, оказанныя частными людьми къ общественной пользѣ.

3) Наконецъ, «разныя духовныя, философическія, нравоучительныя, историческія до нашего Отечества и до иныхъ государствъ относящіяся, такъ и до естественной исторіи, домоводства и до наукъ принадлежащія, сочиненія».

Программа, повторяемъ, широкая, которой могутъ позавидовать даже и современныя изданія, разумѣется, не столичныя. Но «Уединенный Пошехонецъ» много обѣщалъ и, къ сожалѣнію, мало исполнилъ.

Выше сдѣлано предположеніе, что редакторомъ Ярославскаго журнала былъ Василій Демьяновичъ Санковскій. О жизни его, на основаніи печатныхъ свѣдѣній и архивныхъ документовъ, можемъ сообщить слѣдующія подробности.

Годъ рожденія Василья Демьяновича Санковскаго въ точности намъ неизвѣстенъ; но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, онъ родился въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка. Санковскій былъ Малороссъ и получилъ твердое классическое образованіе, сначала въ Кіевской, потомъ въ Московской академіяхъ, затѣмъ обучался «разнымъ наукамъ и языкамъ» въ Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ свое образованіе (съ золотою медалью) въ 1763 году. Склонность къ сочинительству появилась въ немъ очень рано. Будучи еще университетскимъ студентомъ, онъ явился однимъ изъ главныхъ вкладчиковъ статей въ журналѣ М. М. Хераскова: «Полезное Увеселеніе» (1760—1762), потомъ былъ сотрудникомъ журнала: «Свободные Часы» (1763) и, наконецъ, самъ издавалъ, въ 1764 году, ежемѣсячный журналъ «Доброе Намѣреніе», гдѣ напечаталъ множество элегій, сатиръ и эпиграммъ, переводилъ также Энеиду черезъ-чуръ дубоватыми виршами, за что̀ и удостоился злой насмѣшки: Новиковъ въ «Трутнѣ» безъ церемоніи назвалъ его «рыгающимъ» писателемъ:

„Въ смущеніи творецъ труды свои читаетъ
И, зря что̀ самъ писалъ, того не понимаетъ,
Блѣднѣетъ, сердится, судьбу свою кленетъ
И, губы окусавъ, сивуху съ горя пьетъ;
Потомъ, какъ злой Зевесъ, беретъ гремящи стрѣлы;
Онъ, въ гнѣвѣ взявъ перо, разрушитъ всѣ предѣлы,
Начавъ съ Россійскимъ здѣсь Виргиліемъ рыгать...“
и проч. [11]).

Въ 1765 году журнальная дѣятельность Санковскаго, на время, прекратилась. Изъ университетскихъ студентовъ онъ назначенъ былъ

[11]) „Трутень“, изд. 3-е СПБ., 1865, стр. 301.

«съ оберъ-офицерскимъ чиномъ» въ Камеръ-Коллегію переводчикомъ, гдѣ, «сверхъ сего званія, исправлялъ протоколистскую, а потомъ и секретарскую должности». Въ 1779 году, по открытіи А. П. Мельгуновымъ Ярославскаго намѣстничества, Санковскій занялъ здѣсь должность секретаря Приказа Общественнаго Призрѣнія; въ томъ-же году награжденъ, «за урядъ», чиномъ губернскаго секретаря, а въ 1783 году дослужился и до титулярнаго совѣтника. Мельгуновъ ему покровительствовалъ. Это видно изъ того, что при жизни Мельгунова Василій Демьяновичъ твердо сидѣлъ на секретарскомъ стулѣ, но не прошло и мѣсяца по смерти его патрона (скончавшагося въ 1788 году) какъ уже Санковскій подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку, «имѣя въ своемъ здоровьѣ, а наипаче въ зрѣніи, крайнюю слабость». Впрочемъ, неудачи не помѣшали ему проситься на должность расправнаго судьи въ Угличскую нижнюю земскую расправу. Гдѣ и когда онъ кончилъ свою труженическую, скромную жизнь—въ Ярославлѣ или въ Угличѣ—намъ неизвѣстно. Кромѣ секретарства, онъ занимался педагогіей: училъ ребятъ въ главной Ярославской народной школѣ, «преподавалъ имъ законъ Божій и исторію Россійскую, а также всеобщую» [12].

Вотъ все, что мы знаемъ о жизни Сакновскаго.—«Словарь» Новикова упоминаетъ о немъ кратко, называя его «весьма не худымъ» писателемъ, стихотворенія котораго, благодаря невзыскательности тогдашней публики, «нравились и вообще довольно похвалялись» [13].

Какъ уже сказано, «Доброе Намѣреніе» издавалось Санковскимъ въ 1764 году, въ Москвѣ. Нынѣ этотъ журналъ составляетъ, подобно «Уединенному Пошехонцу», библіографическую рѣдкость [14]. Заручившись сотрудничествомъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, своихъ товарищей по университету, между прочимъ сотрудничествомъ Павла Ивановича Фонъ-Визина, брата автора «Недоросля», Санковскій принялся неутомимо «бесѣдовать съ Музами». Онъ былъ человѣкъ не храбраго десятка и убоялся редакторскихъ обязанностей, о чемъ иронически повѣствуетъ въ слѣдующихъ виршахъ:

„Какъ воинъ молодой, услышавъ трубны звуки,
Блѣднѣетъ, и дрожитъ, и опускаетъ руки,
Но какъ уже начнутъ противники скакать,
Онъ тщится стрѣлы ихъ стрѣлами разсѣкать.
Услышавъ голосъ Музъ, равно и я боялся:
Дрожали члены всѣ, и гласъ перерывался;
Потомъ-же отвѣчалъ: я, истину любя,
Пишу противу всѣхъ и самъ противъ себя.

---

[12]) Изъ бумагъ Ярославскаго Прик. Обществ. Призрѣнія.

[13]) Матер. для исторіи Рус. литературы, изд. П. А. Ефремова, СПБ., 1867, стр. 90.

[14]) Мы пользовались экземпляромъ, принадлежащимъ Е. И. Якушкину, которому и приносимъ нашу благодарность.

Охоту къ симъ трудамъ вы подали мнѣ сами,
Такъ чѣмъ я виноватъ, о Музы, передъ вами?
Вамъ должно иль во мнѣ охоту истребить,
Иль, какъ я васъ люблю, равно меня любить.
Вдругъ, послѣ сихъ рѣчей, услышалъ рѣчи новы:
Трудись! Мы помогать тебѣ всегда готовы...“ [15]).

Въ этихъ виршахъ Санковскій желалъ представить себя, хотя и въ шутливой формѣ, какимъ-то любителемъ истины, готовымъ бороться со всѣми за правое дѣло, обличая «пороки». Но въ сущности, онъ былъ однимъ изъ смиреннѣйшихъ стихо-кропателей, никого не оскорблялъ своимъ перомъ, воспѣвалъ Клименъ и относился къ политическимъ событіямъ съ крайней осторожностью: что̀ можно было порицать безнаказанно—порицалъ, что̀ выгодно было хвалить—восхвалялъ усердно. Гражданское мужество Новикова и откровенная сатира Фонвизина не вызвали съ его стороны даже слабаго подражанія, какое встрѣчаемъ у другихъ второстепенныхъ писателей Новиковско-Фонвизинскаго періода. Охуждать павшее величество и умиляться предъ новымъ, существующимъ режимомъ—таково было правило нашего піиты. Въ послѣднемъ отношеніи любопытны стихи, напечатанные имъ два года послѣ восшествія на престолъ Екатерины II, которая, по выраженію Санковскаго, «спасла Вѣру и Законъ», вступивъ на престолъ.

...„Всевѣдущій Господь что̀ хощетъ, то творитъ:
За добродѣтели престолы Онъ даритъ,
За беззаконія престолы Онъ отъемлетъ,
И злѣ-ведущихъ жизнь моленіямъ не внемлетъ..
По неизбѣжному и вѣчному совѣту
Сквозь ужасъ онъ провелъ на тронъ Елисавету;
Но въ скорости для насъ ея прервавшись вѣкъ,
Блаженство нашихъ дней въ концѣ было пресѣкъ“.

Далѣе, поэтъ говоритъ, что, когда умерла императрица Елисавета, Русскіе толковали: «За многіе грѣхи Господь насъ наказалъ»...

...„Конечно, за грѣхи: Господь грѣхи отмщаетъ,
А добродѣтели стократно награждаетъ;
Онъ щедро милуетъ прибѣгнувшихъ къ Нему,
И то для нихъ творитъ, не можно быть чему.
Сердца земныхъ царей во власти Онъ имѣетъ,
Чрезъ нихъ народъ казнитъ, чрезъ нихъ народъ жалѣетъ.
Какъ Фараонову Онъ грудь ожесточилъ,
Любовь къ Себѣ имѣть чрезъ то людей училъ.
Признаться долженъ всякъ, мы въ томъ виновны сами,
Что огорченія несносны жили съ нами...“ [16]).

---

[15]) „Доброе Намѣреніе“, стр. 6.
[16]) Тамъ-же, стр. 244.

Даже и не слишкомъ догадливые читатели могли прочитать въ этомъ стихотвореніи кое-что между строчками. Но, къ чести Санковскаго, нужно замѣтить, что онъ все-таки разумно сочувствовалъ лучшимъ дѣяніямъ Екатерины II. Она заботилась о воспитаніи женщинъ, и Санковскій, въ плохихъ, но глубоко прочувствованныхъ стихахъ, выразилъ свою радость такъ:

„...Стократно ты блаженъ, блаженъ Россійскій родъ!..
Ты въ скоромъ времени плоды увидишь новы,
Къ произращенью тѣхъ ужъ сѣмена готовы;
Незнанья мрачный вѣкъ въ конецъ уже минётъ,
И просвѣщеніе въ Россіи возрастетъ.
Хотя довольныя и днесь мѣста имѣемъ,
Въ которыхъ будучи разсудкомъ богатѣемъ,
Но мужескій лишь полъ то можетъ получать;
Не должно-ль и дѣвицъ подобно обучать?
Монархиня о томъ старанье приложила
И къ обученью дѣвъ мѣста опредѣлила". [17]).

Но тотъ же Санковскій, сочувствовавшій женскому образованію, восхищался и безграмотными пастушками, которыя только и дѣлали, что лобзались съ пастухами, да водили барашковъ на розовыхъ ленточкахъ. Это—піитическая вольность, вызванная требованіемъ времени. Не могъ-же бездарный, хотя и трудолюбивый Санковскій опередить свой, воспитанный на сентиментальной поэзіи, вѣкъ. Кромѣ пастушекъ, онъ любилъ въ молодости наряды, танцы и карточную игру. Что за Васильемъ Демьяновичемъ водились эти маленькіе грѣшки, видно изъ его-же стихотворенія «Охъ!», напечатаннаго въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» и особенно важнаго для насъ, какъ автобіографическая исповѣдь, къ которой придется еще обратиться въ своемъ мѣстѣ.

Самыя слабыя произведенія Санковскаго—это безчисленные его мадригалы и элегіи.—«Ахъ!» «охъ!» «увы!» «о, горе!» Однимъ словомъ, всѣ междометія, выражающія сердечное страданіе, не сходили съ пера влюбчиваго поэта. Онъ плакалъ и стоналъ почти въ каждомъ номерѣ своего журнала. Написать въ годъ нѣсколько дюжинъ элегій не составляло для него большой трудности. Напримѣръ, Клариса измѣнила,—и Санковскій пишетъ:

Будь счастлива другимъ и продолжай свой путь;
На свѣтѣ счастливъ тотъ, кто могъ тебя тронуть!

Таже, а можетъ быть и другая, Кларпса умираетъ: отличный предлогъ сочинить слезную элегію. Оплакивая покойницу, милую «часть свою», поэтъ клянется, что онъ убьетъ себя, или ужъ по крайней мѣрѣ во вѣки вѣковъ не отдастъ сердца иной особѣ, ибо

---

[17]) Тамъ-же, стр. 247.

возлюбленная его «сокрылась въ подземныя мѣста», куда и Василій Демьяновичъ изъявляетъ непремѣнное желаніе отправиться, но—остается здравъ и невредимъ. Затѣмъ «кончаетъ животъ» красавица, по имени Климена: новая утрата и новая элегія, и т. д. Не будемъ, однако, смѣяться надъ Ярославскимъ піитой. Вспомнимъ время, когда онъ писалъ свои элегіи, подражая въ нихъ Сумарокову. Болѣе столѣтія отдѣляетъ насъ отъ этого добраго стараго времени; при томъ-же, говоря безпристрастно, Муза Санковскаго едвали хуже Музы Сумарокова. Мы пришли къ этому заключенію, сравнивъ вирши названныхъ писателей, понятно, не ради эстетическихъ побужденій, а единственно по обязанности библіографа.

Санковскій, какъ и Сумароковъ, испытывалъ свои авторскія силы также и въ сатирѣ. Конечно, и сатирическія стихотворенія его не имѣютъ достоинства. Выше замѣчено, что Василій Демьяновичъ былъ человѣкъ добрый, человѣкъ робкій, запуганный, неспособный къ обличенію рѣзкому и твердому: однако сатирическія или, вѣрнѣе сказать, юмористическія вирши его читаются гораздо легче тѣхъ, въ которыхъ онъ описываетъ свои душевныя терзанія. Въ «Добромъ Намѣреніи» напечатано Санковскимъ нѣсколько «увеселительныхъ» стихотвореній, напримѣръ: Злая Жена, Ученый и Преученый, Славная жизнь Гноримонова, Апрѣля первый день и проч.

Представляемъ выдержки изъ нѣкоторыхъ названныхъ стихотвореній. Въ первомъ говорится, что

Аретъ имѣлъ жену; вы спросите: какую?
Несчастливый Аретъ имѣлъ жену презлую,
Которая была подобна сатанѣ,
Иль, лучше такъ сказать, Сократовой женѣ.
Она ругала всѣхъ, о домѣ не радѣла,
И мужемъ и людьми равно она владѣла,
Безъ крику не могла ни пить, ни съѣсть куска.
Арета бѣднаго измучила тоска.

Аретъ взываетъ къ небесамъ, прося у нихъ спасенія отъ злой жены, съ которой онъ охотно готовъ развестись или покинуть ее. Послѣднее исполнено. Бѣдный мужъ убѣжалъ на корабль, удалявшійся въ далекія страны; но злая баба тутъ-какъ-тутъ, догнала мужа и давай ругать его. Вдругъ корабль отвалилъ отъ берега, и супруги остались опять вмѣстѣ, къ ужасу Арета, который

„Драгую спутницу имѣя предъ глазами,
Отвѣтствуетъ на крикъ вздыханьемъ и слезами,
И только вопіетъ: „О жизнь! О времена!
Не скроюсь отъ тебя, проклятая жена!“

Ему хотѣлось удалиться на берегъ, но вѣтеръ былъ «способный», и корабль плылъ быстро. Вдругъ—мель. Судно остановилось. Корм-

щикъ, «въ отчаяніи весь разумъ погубя», требуетъ, чтобы всѣ скорѣе бросили въ морскую пучину самые тяжелые предметы. Пассажиры исполняютъ требованіе.

Безъ замедленія бросаютъ въ воды яры
Кто злато, кто сребро, кто камни и товары.
Аретъ схватилъ жену и бросилъ, не стеня,
Сказавъ: она всего тяжелѣ для меня.
Пошелъ потомъ корабль. Пловцы возвеселились,
И всѣ Аретовы напасти прекратились [18]).

Кажется, самъ поэтъ платилъ лишь дань времени и не придавалъ серьезнаго значенія своимъ элегіямъ. Въ стихотвореніи: Ученый и Преученый Санковскій смѣется надъ любовными пѣсенками и говоритъ про себя:

Ахъ! сколько написалъ я пѣсенокъ любовныхъ,
Мученья, вздоховъ, слезъ и горести виновныхъ.
Великое число элегій написалъ,
Надъ коими потѣлъ и голову чесалъ [19]).

Въ стихотвореніи: Славная жизнь Гноримонова изображенъ господинъ, напоминающій Митрофанушку Простакова. Этотъ Русскій баринъ, описанный Санковскимъ можетъ быть съ натуры, явился на Божій свѣтъ «въ столичномъ градѣ». «Вотъ, замѣчаетъ иронически поэтъ, начало славныхъ дѣяній Гноримонова: онъ пришелъ изъ небытія въ бытіе!» Остальные его подвиги столь-же славны:

Уже нашъ Гноримонъ пятнадцать лѣтъ имѣетъ,
А Русской азбукѣ доселѣ не умѣетъ...
Живетъ нашъ юноша, имѣя двадцать лѣтъ,
Въ головушкѣ ума ни на полушку нѣтъ...
Уже нашъ Гноримонъ въ тридцатый годъ ступилъ
И новыя себѣ деревни прикупилъ,
Женился, и уже на тридцатьпятомъ лѣтѣ
Не стало нашего разумника на свѣтѣ!
Всѣхъ дѣлъ его нельзя въ сихъ помѣстить листкахъ;
Но я, для краткости, вмѣщу ихъ въ двухъ строкахъ:
Родился Гноримонъ, спалъ, ѣлъ, пилъ, забавлялся,
Женился, наконецъ въ невѣжествѣ скончался [20]).

Въ заключеніе, Санковскій обращается къ юношамъ съ моралью· «не будьте похожи на Гноримона!»

---

[18]) Доброе Намѣреніе, стр. 55—57.
[19]) Тамъ-же, стр. 61.
[20]) Тамъ-же, стр. 112.

Юноши, окружавшіе Василья Демьяновича, дѣйствительно не имѣли ничего общаго съ этимъ господиномъ: они были (для своего времени) люди образованные, вышедшіе изъ толпы безъ барскихъ замашекъ, по большей части студенты, однокашники Санковскаго. Благодаря ихъ безкорыстной охотѣ къ литературному труду, журналъ нашего писателя наполнялся болѣе или менѣе удачными переводами съ Латинскаго, Нѣмецкаго, Французскаго и Англійскаго. Назвавъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ «Добраго Намѣренія», мы узнаемъ, съ какимъ литературнымъ кружкомъ успѣлъ сблизиться Санковскій, живя въ Москвѣ, до того времени, когда онъ сдѣлался провинціальнымъ (Ярославскимъ) журналистомъ.

1) Михаилъ Пермскій. Въ первые мѣсяцы изданія означеннаго журнала онъ былъ единственнымъ сотрудникомъ его. Пермскій, родомъ изъ Петербурга, обучался въ Александро-Невской семинаріи, потомъ уѣхалъ въ Англію на должность дьячка при домовой церкви Русскаго посланника. Усвоивъ себѣ отлично Англійскій языкъ, Пермскій возвратился въ Россію, въ 1760 году, и поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ, гдѣ сблизился съ Санковскимъ. Онъ перевелъ для его журнала нѣсколько статей изъ «Спектатора». Умеръ въ 1770 году, занимая въ послѣдніе годы своей жизни должность учителя Англійскаго языка въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Не упоминая объ участіи его въ журналѣ Санковскаго, Новиковъ говоритъ, что сей писатель «много перевелъ съ Англійскаго на Россійскій языкъ полезныхъ сочиненій».

2) Алексѣй Вершницкій, бывшій студентъ Московскаго университета, а потомъ священникъ Архангельскаго собора въ Москвѣ, по увѣренію Новикова, сочинялъ разные случайные стихи, которые и напечатаны въ ежемѣсячномъ сочиненіи: «Доброе Намѣреніе». Это не совсѣмъ такъ: Вершницкій не писалъ стиховъ, по крайней мѣрѣ ихъ нѣтъ въ названномъ журналѣ за его подписью; тамъ встрѣчаются только прозаическіе переводы его съ Латинскаго.

3) Семенъ Никифоровичъ Веницѣевъ, студентъ того же университета. О немъ хотя и упоминаетъ Новиковъ, но ошибается, говоря, что печатныхъ сочиненій Веницѣева нѣтъ. (См. «Добр. Нам.», стр. 237—239) [21]).

4) Иванъ Слатвинскій и 5) Василій Пустовойтовъ, переводчики съ Латинскаго и Нѣмецкаго, не попавшіе въ «Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ». Изъ подписей подъ статьями видно, что они были студенты, но университета или духовной академіи, навѣрное сказать не можемъ.

---

[21]) Не тотъ ли это Веницѣевъ который былъ въ 1787 правителемъ канцеляріи у Тульскаго намѣстника Кречетникова? (Москвитянинъ 1842, II, 475—488). П. Б.

6) Василій Григорьевичъ Рубанъ, извѣстный въ свое время сочинитель «надписей». Надпись его къ памятнику Петра Великаго, если не ошибаемся, еще очень недавно красовалась въ разныхъ пресловутыхъ хрестоматіяхъ. Рубанъ издавалъ также безтолковые журналы: «Ни то, ни сё» и «Трудолюбивый Муравей», гдѣ наивно объясняетъ, что если-де и не хорошъ будетъ листокъ его, то «между множествомъ ословъ и мы вислоухими быть не покраснѣемъ». Въ «Добромъ Намѣреніи» напечатаны переводы Рубана съ Нѣмецкаго.

7) Василій Петровичъ Петровъ (тоже литературная, давно забытая знаменитость Екатерининскаго вѣка) началъ печатать свои произведенія въ «Добромъ Намѣреніи», будучи еще студентомъ Московской духовной академіи. Приводимъ названія его стихотвореній, затерявшихся для Русскихъ библіографовъ на малоизвѣстныхъ страницахъ журнала В. Д. Санковскаго: Описаніе ненастья (стр. 531 и 532) и Преложеніе псалма 85-го (стр. 539). Едвали не Петрову принадлежатъ также стихотворенія: Уединенная Клариса (стр. 535 и 536), Ошибка (стр. 537) и нѣсколько эпиграммъ, изъ которыхъ выписываемъ одну, довольно забавную:

Кай въ митологіи искусенъ безъ примѣра,
Понеже испыталъ чтò Бахусъ, чтò Венера.

8) Александръ Ивановичъ Перепечинъ, «поручикъ при императорскомъ Московскомъ университетѣ». По свѣдѣніямъ Новиковскаго «Словаря», Перепечинъ писалъ торжественныя оды. Четыре стихотворенія его, напечатанныя въ «Добромъ Намѣреніи», всѣ религіознаго содержанія.

9) Павелъ Ивановичъ Фонвизинъ не жалѣлъ для журнала Санковскаго элегій, мадригаловъ, загадокъ и эпиграммъ. Пріятельская короткость, существовавшая между нимъ и Санковскимъ, доказывается между прочимъ стихотворными шалостями (Добр. Нам., стр. 399 и 400), въ которыхъ молодые поэты добродушно острили другъ надъ другомъ...

Но вотъ миновала пора студенчества и печатныхъ шалостей; для нашего журналиста наступило тяжелое время: онъ долженъ былъ прервать свои литературныя связи и поселиться въ Ярославлѣ. Фантастическія Хлои и Климены уступили мѣсто житейской прозѣ—въ особѣ почтенной законной супруги, народившей Санковскому кучу ребятишекъ. Поэтъ, обращенный въ секретаря Приказа Общественнаго Призрѣнія, не переставалъ, однако, бесѣдовать съ Музами и въ Ярославлѣ. Здѣсь онъ вспомнилъ свою молодость, своихъ пастушекъ, и сердце піиты наполнялось, какъ и прежде, теплымъ чувствомъ любви. Въ длинномъ стихотвореніи: «Охъ!» Василій Демьяновичъ, упрекая себя за эту нѣжную слабость, именуется старымъ вралемъ:

Ну, полно, старый, врать! Твоя-ль пора влюбляться?
Ужъ волосы твои сѣдыми становятся,
Морщины возлѣ глазъ лицо твое пестрятъ,
Съ трудомъ—насущный хлѣбъ, полна изба ребятъ...

Дѣти Санковскаго учились въ Ярославской главной народной школѣ [22]). Отецъ ихъ, какъ и всѣ пожилые люди, съ удовольствіемъ обращается къ прошедшей молодости, когда онъ писалъ въ матушкѣ-Москвѣ безчисленныя элегіи:

Прошедши времена пріятно вспоминать.
Про молодость свою мнѣ хочется сказать.
Въ то время, какъ я былъ лѣтъ двадцати мальчишка,
Любовью тронуто мое было сердчишко,
Я тщился часто зрѣть предметъ моихъ очей
И новыя вкушать пріятности рѣчей.
Съ возлюбленной простясь, ввергаясь въ грусть и муку,
Я годомъ почиталъ недолгую разлуку;
Любя, любимъ я былъ... Чего-жъ еще желать?
Но ахъ! случалося мнѣ часто воздыхать.
Свидѣтели тому—элегіи любовны,
Плоды нѣжнѣйшихъ чувствъ... О строки жаркокровны,
Которы въ мѣсячныхъ я книжкахъ издавалъ
И всѣ вчернѣ на судъ Кларисѣ отдавалъ.

Дни юности поэта текли въ Москвѣ счастливо, но счастіе миновалось, когда, по выраженію Санковскаго, вслѣдствіе «различныхъ обстоятельствъ, не требующихъ здѣсь ни малыхъ доказательствъ», онъ вступилъ въ законный бракъ, съ кѣмъ именно—объ этомъ поэтъ-автобіографъ не говоритъ, архивные-же наши поиски по этому вопросу остались безуспѣшны. Не смотря на вниманіе и покровительство Мельгунова, домашнія дѣла Санковскаго устроились плохо. Жалованье онъ получалъ маленькое, «доходами»—полагаемъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ—брезговалъ, какъ честный человѣкъ, а потому жилъ такъ и сякъ, вошелъ въ долги. Его постоянно преслѣдовали кредиторы (мясники, портные, сапожники) и, можетъ быть, принявъ на себя редакцію Ярославскаго журнала, онъ хотѣлъ поправить свои стѣсненныя обстоятельства. Санковскаго, повторяемъ, не соблазняли взятки; но—увы!—въ немъ постоянно «страсти боролись съ разсудкомъ».

Мы чувства, страсти, умъ имѣемъ, человѣки!
И сихъ трехъ общій бунтъ пребудетъ въ насъ вовѣки.
Разсудокъ говоритъ: любовна страсть есть вредъ,
А чувство напротивъ: любовна страсть есть медъ.

---

[22]) Изъ бумагъ Ярославск. Приказа Общ. Призрѣнія, нынѣ хранящихся въ Ярославской Губ. Земск. Управѣ.

Устарѣвшій поэтъ замѣчаетъ, что безкорыстная любовь исчезла съ бѣлаго свѣта, вмѣстѣ съ пастушками, которыхъ онъ самъ воспѣвалъ когда-то, въ лучшіе дни:

А вѣдь любовь хитра и къ деньгамъ лакомита,
Безъ денегъ не глядитъ Хавронья, ни Улита.
Однимъ лишь пастухамъ при токахъ чистыхъ струй
Пастушки за цвѣтки дарили поцѣлуй,
А нынѣ ужъ и имъ не нравится вѣночикъ:
Купи имъ ленточку, колечко иль платочикъ [23]).

Такъ грустно, на старости лѣтъ, шутилъ Василій Демьяновичъ, такъ горевалъ онъ, пока не приходило время настраивать лиру ex officio на торжественный ладъ, для чего представлялись ему благопріятные случаи. Напримѣръ, въ 1786 году, самымъ крупнымъ событіемъ въ Ярославлѣ было основаніе сиротскаго дома. Филантропическія идеи намѣстника Мельгунова осуществились на этотъ разъ съ блестящимъ успѣхомъ: открытъ былъ сиротскій домъ—вѣковѣчный памятникъ, который онъ оставилъ послѣ себя. Вопросъ объ устройствѣ пріюта для дѣтей-сиротъ и неимущихъ стариковъ Мельгуновъ поднялъ еще въ началѣ 1785 года, написалъ уставъ и отправилъ его къ Императрицѣ, на утвержденіе. Отвѣтъ Екатерины II не замедлилъ. Она утвердила уставъ безъ измѣненій, высказавъ при томъ непремѣнную свою волю, чтобы юношество получало воспитаніе «согласно съ законами Божьими и государственными, и чтобы все колобродное, обманомъ и невѣжествомъ выдуманное, было удалено».

Торжественное открытіе сиротскаго дома послѣдовало 21 Апрѣля. «Ко благотворенію расположенныя души не могли избрать знаменитѣйшаго и болѣе приличнаго времени, какъ день рожденія ея императорскаго величества», сказано въ «Уединенномъ Пошехонцѣ».—Приводимъ выдержки изъ стихотворенія Санковскаго, сочиненнаго имъ по сему случаю и замѣчательнаго по необыкновенной откровенности: авторъ сознается, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ потерѣ... смысла!

Монархиню воспѣть всѣ силы собираю,
Чѣмъ больше силюся, тѣмъ больше смыслъ теряю.
Прибѣгну съ просьбою къ Всевышнему Уму:
О, Боже! просвѣти недоумѣнья тьму...
...О мать Отечества, Екатерина-мать!
Великихъ дѣлъ твоихъ не можно понимать,
Не можно понимать, не можно ихъ исчислить;—
Я съ удивленіемъ объ нихъ лишь буду мыслить
И только повторю, что̀ возвѣстилъ народъ
Во градахъ, среди сёлъ, среди полей и водъ;

---

[23]) Уедин. Пошех., Сентябрь, стр. 568—577.

Я повторю сіе кратчайшими словами:
Велика именемъ, великая дѣлами!..
Довольно для меня, а больше замолчу...

Но—не замолчалъ. Далѣе, онъ разсуждаетъ о милосердіи, считая его главной добродѣтелью Екатерины II. Не говоря уже о православныхъ Грекахъ и Грузинахъ, всѣ, даже Турки, испытали, по словамъ поэта, милосердіе безграничное.

На Всходѣ, Западѣ, на Сѣверѣ и Югѣ
Разглашено о семъ въ земномъ пространномъ кругѣ.
Когда уже о томъ извѣстенъ цѣлый свѣтъ,
То въ повтореніяхъ стократныхъ нужды нѣтъ.
Всякъ за себя гласи! А мы запечатлѣли
Въ сердцахъ тѣ милости, что̀ отъ нея имѣли;
Благодареніе, по мѣрѣ нашихъ силъ,
И сердцемъ, и усты ей каждый приносилъ.

Обратившись къ событію, вызвавшему похвальное слово, Санковскій справедливо сказалъ, что въ Ярославлѣ ничего подобнаго не существовало, и дополнилъ,—далеко не пророчески, по крайней мѣрѣ относительно Мельгунова, что «начальники благаго дѣла вкусятъ зрѣлые плоды своихъ трудовъ»: (Мельгуновъ умеръ вскорѣ, не насладившись означенными «плодами»).

...Но се зримъ новое о насъ благоволенье:
Несчастныхъ отроковъ и бѣдныхъ дѣвъ призрѣнье,
Чего не видывалъ сей городъ искони.
Златыя времена! Благополучны дни!
Спѣшите, отроки, стремитеся, дѣвицы,
Повергнути сердца у ногъ Императрицы,
Которая о васъ, какъ мать, благоволитъ,
Одежду вамъ, покровъ и пищу дать велитъ.
Хотя вы ни чему еще неизученны,
Но, бывъ естественнымъ закономъ освящены,
И сердцемъ, и усты, и мыслію своей,
Отъ радости слезя, благодарите ей...
...А вы, начальники сего благаго дѣла,
Которо вамъ начать Монархиня велѣла,
Потщитесь приложить къ трудамъ еще труды,
Чтобъ отъ сѣмянъ вкусить созрѣлые плоды.
Благотворители! Сіе желанье ваше—
Дать помощь ближнему—всего на свѣтѣ краше.
Получитъ вѣчное себѣ призрѣнье тотъ,
Кто домъ соорудилъ къ призрѣнію сиротъ;
Оно похвально вамъ, согражданамъ полезно,
Пріятно обществу, Монархинѣ любезно,
Которая на всѣхъ свои щедроты льетъ.
Живи, Монархиня! Цвѣти до позднихъ лѣтъ [21])!

---

[21]) Уедин. Пошех., стр. 349—351.

Это одно изъ послѣднихъ произведеній Санковскаго, который былъ забытъ въ Ярославлѣ своими литературными друзьями, хотя въ числѣ ихъ находились особы очень вліятельные, напримѣръ Павелъ Ивановичъ Фонвизинъ. Потомки Санковскаго, какъ намъ извѣстно, здравствовали нѣсколько лѣтъ назадъ; но сохранились-ли у нихъ семейныя преданія и бумаги, касающіяся перваго, по времени, провинціальнаго журналиста, о томъ мы не знаемъ; если же бумаги до сихъ поръ не уничтожены, то по всей вѣроятности, онѣ пригодились-бы для Русскихъ библіографовъ, такъ-какъ Санковскій, до переселенія въ Ярославль, имѣлъ ближайшія отношенія къ журналистамъ Екатерининскаго времени.

Обращаемся теперь къ сотоварищу Санковскаго по журналу, архіепископу Арсенію Верещагину. Арсеній (въ мірянахъ Василій) родился въ Кашинѣ 27-го Января 1736 г.; слѣдовательно ему было ровно полстолѣтія, когда онъ принялъ участіе въ «Уединенномъ Пошехонцѣ». Эти 50 лѣтъ прошли для Арсенія небезплодно: онъ пріобрѣлъ вѣсъ и значеніе въ кругу духовныхъ властей и, какъ опытный проповѣдникъ, успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ Императрицѣ. Екатерина Вторая, отлично понимая людей, знала, что этотъ архипастырь имѣлъ съ другимъ Арсеніемъ (Мацѣевичемъ) только одно общее—имя. Въ характерахъ-же двухъ Арсеніевъ не было ничего родственнаго, сходнаго... По окончаніи семинарскаго курса, Василій Верещагинъ поступилъ въ Московскую духовную академію и вскорѣ принялъ неважную должность учителя риторики въ Тверской семинаріи, но, бросивъ суету мірскую, сдѣлался монахомъ. На 32-мъ году онъ уже достигъ сана архимандрита въ Отрочь-монастырѣ. 1773-й годъ составилъ эпоху въ жизни Арсенія: ему была дана епископская каѳедра (въ Архангельскѣ). При посвященіи его находилась Императрица. Молодой владыка сказалъ ей рѣчь: изобразилъ щедроты Государыни, на него возліянныя, и свое недостоинство [25]). Прощаясь съ Арсеніемъ, Екатерина пожаловала ему на дорожные расходы 2,000 рублей. Только одинъ годъ пробылъ онъ въ Архангельскѣ: его перевели въ Тверь. Во время управленія Тверскою епархіей, Арсеній не рѣдко имѣлъ случай видѣть Императрицу, и при каждой встрѣчѣ ея, а также на проводахъ, говорилъ вѣрноподданническія рѣчи. По случаю перемѣщенія Ростовскаго архіерея Самуила въ Кіевъ, Арсеній занялъ его мѣсто въ 1783 году. При немъ совершилось важное, въ церковномъ отношеніи, событіе—перенесеніе каѳедры изъ Ростова въ Ярославль, въ 1786 году, т. е. одновременно съ другимъ событіемъ, ничтожнымъ для Русской исторіи, но замѣчательнымъ для Русской библіографіи, именно съ основаніемъ «Уединеннаго Пошехонца», гдѣ напечатаны двѣ проповѣди Арсенія. Есть, однако,

---

25) Лѣтопись о Ростовскихъ и Ярославскихъ іерархахъ.

поводъ предполагать, что имъ же сочинено (или переведено) для Ярославскаго журнала много статей богословскаго содержанія, и что онъ своимъ вліяніемъ привлекъ къ сотрудничеству въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» семинаристовъ піитъ, игравшихъ вообще видную роль въ Русской періодической печати XVIII столѣтія, если не по дарованіямъ, то по своей численности.

Первая книжка «Уединеннаго Пошехонца» сообщила читателямъ «Слово о Божіей славѣ, къ почтеннолюбезной паствѣ своей говоренное преосвященнымъ Арсеніемъ, архіепископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, Генваря 1-го дня 1786 года». Духовный ораторъ начинаетъ свою рѣчь тезисомъ, что всѣ твари должны славить Бога, «уподобляясь Ему своими совершенствами». Человѣкъ обязанъ и любить, и бояться Творца.

«Страхъ и любовь хотя кажутся между собою противными, однако, въ нѣкоторомъ разсужденіи, вмѣстѣ быть могутъ, и одно производятъ дѣйствіе и конецъ. Страхъ вообще есть опасность, чтобы не сдѣлать чего противнаго тому, отъ котораго зависитъ воли [26]). Сія опасность происходитъ или отъ любви къ любимому, или отъ воображенія казни. Въ первомъ разсужденіи страхъ сыновній, а въ послѣднемъ рабскій называется. Гдѣ Священное Писаніе похваляетъ страхъ Господень, тамъ разумѣется страхъ не рабскій, но сыновній... Впрочемъ, и страхъ рабскій не совсѣмъ безплоденъ для человѣка, а особливо, когда опасность казни отводитъ его отъ грѣха, виновнаго казни, и поставляетъ на пути къ добродѣтели, и чрезъ то располагаетъ страху сыновнему»...

Это приступъ. Затѣмъ слѣдуетъ главная часть рѣчи. Ораторъ самъ удивляется и другихъ, своихъ слушателей, обязываетъ удивляться Екатеринѣ Второй, «премудрой Отечества нашего матери и законодательницѣ».

Плохой, но расточительный на льстивыя, чтобы не сказать болѣе, выраженія, нашъ витія пріискиваетъ для Государыни разные хвалебные эпитеты и, наконецъ, не стѣсняется назвать ее... святою! Едвали кто-либо другой изъ Русскихъ архипастырей дозволялъ себѣ подобныя выраженія, рѣшительно не соотвѣтствовавшія Государынѣ, умной и великой, но имѣвшей свои слабости, весьма отдалявшія ее отъ святости, на которую сама Екатерина, философически настроенная, не имѣла ни малѣйшей претензіи. Впрочемъ, архіепископъ Арсеній поспѣшилъ оговориться, утверждая, что «она (Екатерина) всѣ свои святыя и великія намѣренія и дѣла, весь свѣтъ удивляющія, не къ своей собственной славѣ, — хотя всякая слава

---

[26]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что всѣ цитируемыя изъ „Уединеннаго Пошехонца" мѣста приведены нами съ буквальною точностью; но орографія, по необходимости, измѣнена; вѣроятно, надо: „зависишь".

и честь достойно и праведно ей, яко дань и жертва, подобаетъ, — но къ славѣ Божіей относитъ, и во всѣхъ своихъ начинаніяхъ смиренно молитъ Царя царствующихъ о всесильной Его помощи. Истину сію не ясно-ли мы видимъ, когда развернемъ ея книги: наказы, учрежденія, манифесты, граматы и разные уставы, блаженство наше совершающіе и всю матернюю ея любовь къ намъ, отъ самаго сердца ея, мудростію и человѣколюбіемъ преисполненнаго, изливающіе?»

Приведя затѣмъ слова нѣкоторыхъ государственныхъ актовъ, именно «Наказа комиссіи о составленіи проэкта новаго уложенія» и «Учрежденія для губерній Всероссійской имперіи», архіепископъ Арсеній взываетъ къ Ярославской паствѣ, чтобы она угодила предъ Господомъ,—«начиная и свершая сей и послѣдующіе годы къ славѣ пресвятаго имени Его, къ радости и удовольствію всемилостивѣйшія Монархини нашея и августѣйшаго ея наслѣдія, къ пользѣ и благосостоянію Церкви и Отечества, при взаимномъ мирѣ, любви и согласіи» [27]).

Кажется страннымъ, что такія заурядныя «слова» производили большое впечатлѣніе на Ярославцевъ; но, не избалованные дѣйствительно-отличными духовными витіями, мѣстные граждане считали архіепископа Арсенія крупнымъ ораторомъ, называли его «Ярославскимъ Златоустомъ»...

Другая рѣчь Арсенія, напечатанная въ Іюньской книжкѣ «Уединеннаго Пошехонца», была сказана по случаю открытія въ Ярославлѣ сиротскаго дома. «Всерадостный сей день, вѣчнаго торжествованія достойный, угодно было ознаменовать человѣколюбнымъ дѣяніемъ»... «Друзья человѣчества радостными взираютъ очами на сей домъ, человѣколюбно и для общественной пользы устроенный. И что-жъ въ немъ видятъ? — Видятъ однихъ пріятнѣйшимъ чувствіемъ благотворенія, а другихъ благодаренія преисполненныхъ. — О, коль радостный предметъ, предметъ небесамъ пріятный, всемилостивѣйшей Отечества нашего матери благоугодный, для Россіи славный, для Ярославля достохвальный!»

Вслѣдъ затѣмъ архіепископъ Арсеній сказалъ, что Россія всегда, съ древнихъ временъ, отличалась подобною благотворительностію; послѣдняя, впрочемъ, особенно увеличилась при Екатеринѣ II. Съ этимъ мнѣніемъ, конечно, слѣдуетъ согласиться, зная о томъ вліяніи, какое имѣли масонскія ложи на развитіе гуманизма въ Русскомъ обществѣ. Одна изъ такихъ ложъ существовала и въ Ярославлѣ, подъ защитою Мельгунова. Въ этомъ фактѣ, намъ кажется, и слѣдуетъ искать причину событія, давшаго архіепископу Арсенію

---

[27]) Уедин. Пошех., Январь, стр. 12—29.

поводъ сказать, что «человѣколюбіе наипаче открылось во времена, въ златыя подлинно, времена великія, премудрыя и человѣколюбивѣйшія Екатерины Второй!»—Ораторъ патетически спрашиваетъ слушателей: «Что̀ бо есть ея царствованіе? Удивленіе свѣта, слава же, радость и благоденствіе всея Россіи. И что̀ всегда пріятнѣйшимъ высокому уму и матернему сердцу ея упражненіемъ? Изобрѣтеніе наилучшихъ средствъ и способовъ къ просвѣщенію и къ всевозможнѣйшему благосостоянію обширнѣйшія въ свѣтѣ имперіи. Нѣтъ, воистину, чина, нѣтъ возраста и пола, нѣтъ и состоянія, до котораго-бы не простиралось ея матернее попеченіе, усердіе и благопризрѣніе. Все сіе премудрыя и человѣколюбивѣйшія священными ея перстами начертанныя великія и святыя (опять, замѣтьте святыя!) ея намѣренія и дѣла сколь ясно доказываютъ, столь сильно и обязываютъ всѣхъ и каждаго къ чувствительнѣйшей привязанности и къ точному исполненію благонамѣренныхъ ея учрежденіевъ. Точное и ревностное сихъ исполненіе составляетъ сущую благодарность и пріятнѣйшую жертву премудрой законодательницѣ и всего блаженства Россійскаго виновницѣ.—Истинный Отечества сынъ отречется-ли, по возможности своей, благотворить требующимъ призрѣнія соестественникамъ и соотечественникамъ своимъ, когда его къ тому не столько закономъ, сколько благотворительнымъ своимъ примѣромъ высочайшая воля обязываетъ, располагаетъ и руководствуетъ?—Слава и благодареніе Богу, что таковыхъ Отечества сыновъ Россія имѣетъ довольное число. Симъ счастіемъ достойно и праведно можетъ похваляться и Ярославль.—Домъ сей будетъ вѣчнымъ и достохвальнымъ памятникомъ человѣколюбія благотворительныхъ особъ, согласившихъ свои мысли и сердца жертвовать своимъ покровительствомъ [28]), имѣніемъ и попеченіемъ о приличномъ воспитаніи и ученіи сиротъ, о призрѣніи увѣчныхъ и престарѣлыхъ, не имущихъ пропитанія людей».

Упомянувъ еще разъ «о благопохвальномъ ревнованіи Ярославскаго дворянства», архіепископъ Арсеній замѣтилъ, что «сердце царево, по писанію, въ руцѣ Божіей. Слѣдовательно, когда Монархинѣ благоугодна жертва благотворителей, благоугодна она-жъ и самому Богу». Къ Мельгунову-же и другимъ «знаменитымъ особамъ» ораторъ взывалъ такъ: «Главный благотворитель и покровитель дому «сему!.. Чистое души вашей зеркало ясно и въ дѣйствительнѣйшемъ «видѣ представляетъ вамъ благонамѣренныхъ вашихъ предметовъ «изображеніе и желаемое событіе. Симъ внутреннимъ и неизглади«мымъ чувствіемъ услаждайтесь отнынѣ и до вѣка. Радуйтеся и ве-

---

[28]) Тонкій намекъ на А. П. Мельгунова: онъ-то и былъ „оффиціальный покровитель“ сиротскаго дома.

селитеся, яко имена ваши написаны въ книгахъ вѣчности!» Дѣтямъ поставлено въ обязанность благодарить Бога и священнѣйшую его Помазанницу, проливая «теплѣйшія» молитвы о здравіи и благоденствіи какъ Екатерины II, такъ и Павла Петровича, «августѣйшаго ея наслѣдія».—«Младыя дѣти! предвижу я ваше счастіе, и увѣряю васъ»... Слѣдуетъ увѣреніе, что сироты будутъ счастливы, и что за нихъ будетъ молиться онъ самъ, архіерей [29]).

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что рѣчи Арсенія написаны тяжело, словно по заранѣе составленному шаблону, безъ малѣйшаго признака истиннаго чувства, которое одушевляетъ оратора, если онъ говоритъ не по приказу, не въ силу своего оффиціальнаго положенія. Однако, какъ уже замѣчено, современники считали Арсенія «искуснымъ витіей». Читатели «Уединеннаго Пошехонца» также не были избалованы хотя сколько нибудь порядочной прозой, близкой къ разговорному языку, мучились надъ Латинской конструкціей и мирились съ проповѣдями Арсенія, тѣмъ охотнѣе и легче, что Ярославскіе стихотворцы, отъ Санковскаго до семинариста Васильевскаго, пѣли также черезъ-чуръ не сладкогласно.

Переходъ отъ проповѣдей къ стихотвореніямъ, напечатаннымъ въ «Уединенномъ Пошехонцѣ», не будетъ слишкомъ рѣзокъ, такъ-какъ почти вся поэзія Ярославскаго журнала проникнута религіознымъ характеромъ. Таковы стихотворенія: Послѣдній Судъ, Христіанинъ, торжествующій при смерти, Трое друзей, Стихи, писанные Стефаномъ Яворскимъ, предъ смертью, къ библіотекѣ своей, и другія. Всѣ эти вирши напечатаны безъ подписей сочинителей.

Неизвѣстный авторъ оды: Послѣдній Судъ» имѣлъ въ виду произвести ужасающее впечатлѣніе на своихъ читателей, рисуя предъ ними картину страшнаго суда. По обычаю всѣхъ слагателей одъ, онъ воспаряетъ къ небесамъ и зритъ Божій тронъ. Около сего трона рѣшается судьба милліоновъ людей: «кому идти въ прекрасный эдемъ», кому «во мракъ ужасныхъ безднъ». Поэтъ видитъ нѣчто удивительно страшное:

О Боже! Чтò я это зрю?
Природа видъ свой премѣняетъ,
Мгновенно все преображаетъ
Вездѣ, куда взоръ ни простру.

Падаютъ съ неба звѣзды. «Порядка, красоты ужъ нѣтъ...» Міръ объятъ непроницаемою тьмой, въ которой, однако, маленькій Ярославскій Державинъ зритъ огненную рѣку; она клокочетъ,

---

[29]) Уедин. Пошех. 1786, Іюнь, стр. 341—343.

исторгаетъ съ корнемъ дубы, «и камни, и металлы жретъ». Высокія горы летятъ къ небесамъ; моря обращены въ «ничто». Однимъ словомъ—свѣтопреставленіе!—Упомянутый огненный потокъ

... Колеблетъ и палитъ эфиръ;
Какъ градъ, всѣ птицы ужъ валятся,
Въ погибели стихіи зрятся...
Ахъ! гибнетъ весь прекрасный міръ...
О, міръ! Такъ ты огнемъ сгараешь?
Ужъ красоты твоей не зрѣть?
Ты стрѣлы въ грудь мою бросаешь,
Она ужъ стала леденѣть.

Катастрофа усиливается. Подземная вода, смѣшанная съ грязью, рдѣетъ какъ огнедышащая гора Этна.

. . . Шарами въ бурномъ шумѣ рвется,
На эфиръ вдругъ, крутясь, несется
И дѣлаетъ ужасный трескъ,
Мгновенно огнь съ огнемъ спираетъ,
Удары всюду разметаетъ,
Пускаетъ молній страшный блескъ.

Снова вопросъ: «Но, Боже, что̀ я созерцаю?» Оказывается, что спрашивающій созерцаетъ ангеловъ. Они летятъ съ небесъ и трубятъ, «и оный трубный гласъ потрясаетъ бездну», его страшатся «Востокъ, Югъ, Западъ весь». Но о Сѣверѣ не упомянуто, вѣроятно по той причинѣ, что слово «Сѣверъ» не укладывалось въ стихъ, а не потому, что тамъ живутъ все люди высоконравственные и добродѣтельные... Земля выбрасываетъ изъ себя сгнившіе человѣческіе останки, возвращая имъ «прежнюю живность и краснѣйшій видъ»; Крезы толпятся съ Ирами; «трепещетъ сильный Геркулесъ». Наконецъ, является правосудный Судія; добрые получаютъ награду, «вѣнцы и лавры», а «опаленные» гнѣвнымъ пламенемъ грѣшники падаютъ въ челюсти ада, помѣшавшись, или, какъ говоритъ творецъ оды, *изумѣвъ* отъ страха.

Они, отъ страха изумѣвъ,
Себя на землю повергаютъ,
Его (то-есть судьи) рѣшенья ожидаютъ.
Отъ ужаса вдругъ омертвѣвъ...
И—ахъ! разверзлась вѣчна бездна
И тотчасъ въ видѣ блеска звѣздна
Духовъ всѣхъ злѣйшихъ пожрала,
И съ ними грѣшныхъ похищаетъ,
И въ челюсти свои взимаетъ,
Всѣхъ вдругъ въ разверстія взяла.

Кажется, этого было бы довольно. Но поэтъ считаетъ нужнымъ грозно обратиться къ читателю-Ярославцу, подозрѣвая его въ волтеріанствѣ.

Внимай, какъ лира здѣсь воспѣла,
Чтобъ вольнодумцевъ устрашать 30).

Цѣль оды указана ясно: задать острастку туземнымъ безбожникамъ. Къ сожалѣнію, трудно рѣшить, какое вліяніе имѣла эта ода на подобныхъ продерзностныхъ людей. Думаемъ, что если они и оказывались тогда въ Ярославлѣ, то противъ нихъ употреблялись другія мѣры, не имѣющія ничего общаго съ обличеніемъ посредствомъ благочестивыхъ виршей. Такъ, напримѣръ, одинъ молодой корнетъ оказалъ «продерзость» противъ религіи. Его постигла законная кара, о чемъ Мельгуновъ и увѣдомилъ архіепископа Арсенія; а тотъ, въ отвѣтъ, написалъ ему, что «полагаемое наказаніе, по мѣрѣ преступленія, находитъ довольнымъ; ибо опытъ доказываетъ, что всѣ продерзости рождаются болѣе отъ ненаказанія преступленій, нежели отъ умѣренности наказаній» 31). Впрочемъ, можетъ-быть, это отдѣльный случай. Въ сущности же, какъ генералъ-губернаторъ, такъ и архіерей, были люди снисходительные и, какъ дѣятели либеральной эпохи (ибо тогда Екатерина II не совершила еще рѣзкаго поворота въ своей внутренней политикѣ), остерегались прибѣгать къ особенно крутымъ мѣрамъ противъ «вольнодумцевъ», которыхъ карала и пугала лира неизвѣстнаго піиты.

Стихотвореніе: «Христіанинъ, торжествующій при смерти» вступленіемъ своимъ напоминаетъ оды. Вирши эти написаны если не самимъ архіепископомъ Арсеніемъ, то, смѣло можно ручаться, человѣкомъ глубоко-религіознымъ: въ нихъ нѣтъ ни одной строчки, отъ которой могъ бы отказаться любой духовный витія-стихотворецъ, конечно при условіи—нисколько не дорожить поэзіей истинной, а не напыщенной до послѣдней крайности, при чемъ напыщенность доходила до безсмысленности, о чемъ можно судить по слѣдующему вступленію.

„О, духъ мой, вѣчностью плѣненный,
Священна искра ты огня
Что въ вѣчности собой вожженный,
Повсюду божество явя,
Въ превыспреннихъ мѣстахъ блистаетъ,
Вселенну мигомъ освѣщаетъ,“ и т. д.

Несомнѣнно, что авторъ сего стихотворенія и авторъ оды «Послѣдній Судъ» — одно и тоже лицо: въ обоихъ виршахъ видны оди-

30) Уедин. Пошех., 1786, Мартъ, стр. 141—149.
31) Изъ архивныхъ бумагъ Яросл. Губ. Правленія.

наковые пріемы, одинаковый стихъ, плохой даже для «Уединеннаго Пошехонца» и преизобилующій словами: *ужъ*, *се*, и проч.

„Се ангели, душа, взываютъ:
Поди, любезная сестра!
Тебя съ восторгомъ приглашаютъ:
Се—преблаженная страна!
И ахъ! всѣ чувства ужъ слабѣютъ,
Во мнѣ всѣ жилы леденѣютъ,
Летитъ, летитъ изъ тѣла духъ;
Се тѣло бренно умираетъ
И живность всю свою теряетъ,
Узрѣлъ блаженну вѣчность вдругъ... и т. д. [32])

Гораздо интереснѣе, хотя и не съ поэтической стороны, названные выше стихи Стефана Яворскаго (1658—1722). Кромѣ «Уединеннаго Пошехонца» Елегія къ библіотекѣ напечатана Славянскими буквами въ собраніи проповѣдей Яворскаго (Москва, 1804 г., 3 ч.). Архіепископъ Евгеній Булгаръ (1716—1806), перевелъ ее съ Латинскаго на Греческій; Латинскій же подлинникъ напечатанъ въ книгѣ Ѳеофана Прокоповича (врага Яворскаго), изданной въ Бреславлѣ подъ названіемъ: Miscellanea sacra (1745, въ 8 д. л.). Архіепископъ Евгеній называетъ эту элегію «прекрасною» [33]). И дѣйствительно, въ ней много глубоко-прочувствованныхъ выраженій, которыя сохранились даже въ нескладномъ переводѣ «Уединеннаго Пошехонца». Вотъ этотъ переводъ:

Простите, книги, рукъ чистѣйше упражненье!
Простите, вы мой свѣтъ, моя краса, почтенье!
Счастливый путь уже! Другихъ умы питайте
И ваши сладости другимъ днесь изливайте.
Ахъ, жаль, что принужденъ мой съ вами глазъ разстаться,
И тѣмъ мой болѣе не могъ умъ насыщаться.
Вы сладость мнѣ, вы медъ, питье вы райско были.
И съ вами дни мои пріятно проходили;
Богатство вы мое, моя велика слава;
Вы рай мой, вы любовь, вы были мнѣ забава.
О, книги! я почтенъ, я сталъ прославленъ вами,
Чрезъ васъ я былъ любимъ большими господами;
Днесь съ вами рокъ претитъ,—о тяжко скорбей бремя.
Вести пріятное и безпечально время.
Уже лучъ глазъ моихъ ночь вѣчна уничтожитъ,
И васъ моя рука во вѣкъ не потревожитъ.
Я книгу вѣчную зрю мыслію моею,
Разгнется оная грядущимъ Судіею,

---

32) Тамъ же стр. 150 и слѣд.

33) Словарь истор. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духов. чина, Спб., 1818, ч. 2, стр. 640 и 641.

Явятся въ оной всѣхъ дѣла и рѣчи взгляду,
И приметъ по дѣламъ достойну всякъ награду.
Лежаще предъ судомъ, о страшное писанье,
Всѣмъ обнажающе злодѣйское дѣянье!
Въ ту книгу вѣчную какъ мысль моя взираетъ,
Трепещутъ члены всѣ, и сердце замираетъ.
О, Боже, Отче мой, любови всей пучина,
Источникъ благости, доброта ты едина!
Ты море, землю Ты и небо управляешь,
Надменныхъ ярость водъ десницей укрощаешь,
Премудростью мѣста Ты правишь, свѣтоносный!
Молю Тя азъ—тщета, ничто и червь поносный:
Возри, да въ книги я животны напишуся,
Христовой кровію Христомъ, живу, спасуся...
Ты жъ, рукопись, прощай,—и книги всѣ съ домами!
Прощай, собранье книгъ, что̀ я снискалъ трудами!
Прости, старикъ и братъ, и всякъ—до землердѣльца,
И ты, драгая мать-земля, прости пришельца!
Прошу тебя, прими мой трупъ въ свою утробу,
Духъ—небу, твоему жъ предастся тѣло гробу [34]).

Въ притчѣ «Трое друзей» мораль потребовала много витіеватыхъ строкъ. Содержаніе притчи заключается въ томъ, что у нѣкоего человѣка было трое друзей. Какъ-то разъ, въ неурочное время, приказываютъ сему человѣку явиться на грозныя царскія очи:

„Однажды, утренню увидѣвъ онъ зарю,
Вдругъ слышитъ, что зовутъ его во дворъ къ царю;
Онъ, страхомъ пораженъ и будучи въ смятеньи,
Пріятелей своихъ просилъ о вспоможеньи..."

Первый изъ друзей обѣщалъ ему экипажъ съ прислугой; второй выразилъ желаніе проводить его до порога царскаго дворца, объяснивъ, что тамъ у него нѣтъ знакомыхъ.

Но третій, кой ему былъ искреннѣйшій другъ,
        Удостовѣрилъ вдругъ,
Что проведетъ его во внутренній дворецъ,
        А наконецъ
Того, чьи милости онъ носитъ—
И самаго царя попроситъ...

Кто же эти друзья? спрашиваетъ авторъ притчи, и, чтобы «пресѣчь сомнѣнье», отвѣчаетъ, что ненадежны и самолюбивы всѣ наши друзья, кромѣ одного—святой добродѣтели:

---

34) Уедин. Пошех., 1786 г., Май стр. 329–331.

„Та и по смерти насъ прославитъ
И въ самой гибели однихъ насъ не оставитъ;
Она проводитъ насъ въ прекраснѣйшій чертогъ,
Въ небесно царствіе, гдѣ обитаетъ Богъ“, и т. д. [35])

Басня Пороки и наказаніе, по сравненію съ другими стихотвореніями« Уединеннаго Пошехонца», оказывается лучшею. Авторомъ ея считаемъ В. Д. Санковскаго.

„Пороки вздумали пройти обширный свѣтъ.
Пороковъ легче нѣтъ:
Они, какъ вѣтры, въ путь далекій поспѣшаютъ
И многія мѣста собою заражаютъ,
Земной пространенъ кругъ.
Случилось вдругъ
Порокамъ оглянуться;
Они глядятъ, смѣются,
Издалека
Увидѣвъ старика
Гораздо древнихъ лѣтъ.
За ними старичокъ тихохонько идетъ
И будто какъ ползетъ,
Держа костыль рукою,
Иль, попросту сказать, старикъ сей шелъ съ клюкою.
Имѣя рты широки,
Вскричали тутъ пороки:
„Ты. что, старикъ, за нами
Таскаешься всегда усталыми ногами,
Нескорыми шагами?
Какъ птицы, можемъ мы летѣть,
За нашимъ шествіемъ тебѣ ль, старикъ, поспѣть?
Но хочется узнать,
Какъ намъ тебя назвать?“
Старикъ сказалъ: „Мое открыто вамъ названье,
Я называюсь—Наказанье!
Какъ скоро землю вы не мѣрьте,
Хотя бѣгите,
Хотя летите,
Но только вѣрьте,
Что старости моея бремя
Постигнетъ васъ въ назначенное время:
Въ опредѣленный часъ.
Коснуся васъ!“ [36])

Изъ приведенныхъ выдержекъ оказывается, что цѣль, которую преслѣдовали Ярославскіе стихотворцы, была похвальная; по содержанію, вирши вполнѣ нравственны, но, къ сожалѣнію, однообразны

[35]) Тамъ же, Октябрь, стр. 618.
[36]) Уедин. Пошех. 1786, Іюль, стр. 430—431.

и скучны. Языческіе боги (Фебы и проч.) являются здѣсь только «для красоты слога», ни мало не вредя религіознымъ взглядамъ Ярославскихъ стихотворцевъ. Рѣдко рѣдко, оставивъ надутый слогъ, шутили и смѣялись наши піиты-резонеры, предлагавшіе читателю отгадать, что̀ это за предметъ, сидящій посреди двухъ свѣтилъ, надъ ямою, куда онъ, сей загадочный предметъ, не боится упасть?

„Въ почтеньи у людей великомъ нахожусь,
И тѣмъ лишь веселюсь,
Что князи и цари меня не презираютъ
И сами у меня покой всѣ вычищаютъ [37]).

Кто не могъ разгадать, тотъ оставался «съ носомъ!» Или вотъ еще загадка:

Витія безъ меня какъ воинъ безъ ружья;
Меня съ сестрою чтятъ приказный и судья;
Съ природы хоть бѣлы, но насъ чернятъ и рѣжутъ,
Дерутъ безъ памяти, а иногда и нѣжатъ:
Всего несноснѣе подъячіе для насъ:
Иной отъ ижицы не отличаетъ азъ,
Не дюжинами насъ губитъ, уничтожаетъ ..
Вотъ крючкотворецъ какъ несчастныхъ уважаетъ! [38]).

Разгадка—также въ стихахъ—перья, а бѣлая ихъ «сестрица, которую чернятъ крючкотворцы,—писчая бумага. Сочинителемъ этихъ невиннѣйшихъ бездѣлушекъ мы считаемъ, и, кажется, не безъ основанія, также Санковскаго, который печаталъ подобные ребусы и прежде, въ «Добромъ Намѣреніи». Но даже и въ этихъ ребусахъ Ярославскій журналистъ, вѣрный своему богословскому направленію, любилъ заниматься священными, библейскими событіями.—Просимъ отгадать, вотъ, хоть-бы эту загадку.

„Покрыта навсегда я влагою густой.
Слабѣетъ (?) Фебъ моей поверхности коснуться,
Разсѣклася вдругъ мгла; я зрѣла лучъ златой,
Но ввѣкъ должна была тутъ мгла опять сомкнуться“.

Намъ, правнукамъ читателей «Уединеннаго Пошехонца», не легко достаются сіи хитроумные ребусы... Ласково улыбаясь, смотрятъ на насъ съ портретовъ старички, можетъ быть, ломавшіе свои напудренныя головы надъ тою же загадкой, и словно говорятъ: «А! вы, нынѣшніе, нутка!» Мы же лучше развернемъ увеселявшую ихъ книжечку и найдемъ тамъ разгадку:

---

[37]) Ежемѣс. Сочин., изд. въ Я—лѣ 1787, Августъ, стр. 392 и слѣд.
[38]) Тамъ же, стр. 398 и слѣд.

„Хоть странно, чтобы Фебъ, морскихъ упругость водъ
Проникнувъ, самыхъ безднъ лучемъ своимъ касался;
Но, слѣдуя вождю, Израильскій народъ,
Когда отъ тяжестей Египетскихъ спасался
И черезъ чермныя струи безвредно текъ,—
Ту землю согрѣвалъ онъ въ первый разъ, питая,
Гдѣ Моисей жезломъ Понтъ бурный пересѣкъ,
И лишь прешли, къ Творцу любовью тая,
Покрылъ вдругъ вѣчный мракъ и хладная роса,
Не узрятъ кою вѣкъ ни Фебъ, ни небеса".

Вообще стихотворный отдѣлъ «Уединеннаго Пошехонца» жалокъ до крайности. Ярославскіе піиты не могли даже толково объяснить себѣ, что̀ такое риѳма. Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи Счастье и Сонъ есть удивительный, въ своемъ родѣ, куплетецъ:

Одинъ женихъ
Пріятенъ
Знаменъ (вмѣсто знаменитъ)
Пригожъ и тихъ [39]).

Длиннѣйшая басня Два ташеншпиллера переведена кѣмъ-то съ Нѣмецкаго очень неискусно, что̀ видно изъ самаго ея названія [40]). Авторъ стиховъ «О пренебреженіи времени» сильно бранитъ тѣхъ,

Кото́ры не хотятъ радѣть своимъ домамъ,
Уподобляяся вертящимся умамъ,
Считая для себя пріятнѣйшей отвагой,
Когда не дома онъ, но гдѣ въ гостяхъ бродягой [41]).

Не хорошо ходить въ гости, лучше сидѣть дома—вотъ и вся мораль этихъ виршей, къ счастью коротенькихъ. Въ стихотвореніи «Исторія роскоши» [42]) нѣтъ даже и таковой грошовой морали, которую сильно любили Ярославскіе поэты. «Роскошь», оказывается, родилась отъ «Изобилія». «Во младенчествѣ она кричала и рѣзвилась, а въ лѣтахъ юности распутной очутилась» и убила своего родителя, сирѣчь «Изобиліе».—Замѣчательно, что, вопреки требованій своего времени, наши стихотворцы были скупы на любовные вирши. Въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» напечатанъ только одинъ «Мадригалъ», разсказывающій о Купидонѣ и какой-то туземной Клименѣ...

---

[39]) Уед. Пошех., 1786, Іюль, стр. 428.
[40]) Тамъ-же, Октябрь, стр. 621—627.
[41]) Тамъ-же, Январь, стр. 73 и 74.
[42]) Тамъ-же, Августъ, стр. 481—482.

Приведенными стихотвореніями исчерпывается вся поэзія «Уединеннаго Пошехонца», за исключеніемъ одъ, о которыхъ нужно сказать далѣе. Теперь же обратимся къ другимъ отдѣламъ нашего журнала, слѣдуя программѣ, обѣщавшей между прочимъ разсказы о достопамятныхъ происшествіяхъ «въ здѣшней странѣ», о благотвореніяхъ, и проч.

Торжество, происходившее 21-го Апрѣля 1786 года, по случаю открытія сиротскаго дома, сопровождалось, какъ мы видѣли, стихами Санковскаго. Другое торжество совершилось спустя пять мѣсяцевъ, 22-го Сентября, по случаю основанія въ Ярославлѣ главнаго народнаго училища. Правитель намѣстничества, генералъ-маіоръ Иванъ Ивановичъ Голохвастовъ, члены судебныхъ мѣстъ, губернскій и уѣздный предводители дворянства и «знатное число» дворянъ и гражданъ собрались рано утромъ, въ 8 часовъ, въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Оттуда всѣ отправились въ соборъ къ слушанію литургіи, которую совершалъ архіепископъ Арсеній. За литургіей послѣдовалъ молебенъ, съ колѣнопреклоненіемъ, о здравіи Императрицы, при чемъ прогремѣлъ 51 пушечный выстрѣлъ. Намѣстникъ съ благороднымъ дворянствомъ, сопровождаемый гражданами, послѣдовалъ въ приготовленный для училища домъ, куда, вслѣдъ за нимъ, явился архіерей. Отслуживъ молебенъ, онъ привѣтствовалъ учениковъ рѣчью. «Невозможно, говоритъ «Уединенный Пошехонецъ», изобразить зрѣлища, толико трогающаго, ни видовъ восхищенныхъ благодарностью и удивленіемъ ко всемилостивѣйшей и попечительной Матери Отечества, коя озаряющейся просвѣщеніемъ Россіи доставляетъ новые и удобнѣйшіе способы къ усовершенствованію души и образованію сердца» [43]). Торжество заключено было рѣчью учителя высшаго класса, Михайла Розина.—Милостиво выслушавъ ее, благородное общество, по приглашенію А. П. Мельгунова, отправилось къ нему въ домъ, «гдѣ угощаемо было обѣденнымъ столомъ; при питіи за высочайшія здравія производилась пушечная пальба, а вечеромъ продолжался консертъ» [44]).

Одновременно съ Ярославскимъ было открыто и Вологодское главное народное училище. Вологжане, ради сего случая, «ликовали» подобно Ярославцамъ, «слѣдуя той-же самой программѣ съ немногими измѣненіями, именно: наши Ярославскіе предки явились къ генералъ-губернатору, какъ выше сказано, въ 8 часовъ утра, а Вологжане прибыли въ домъ своего губернатора Петра Ѳедоровича Мезенцова еще раньше часомъ. Въ Ярославлѣ одно только дворянство было угощено хлѣбосоломъ-намѣстникомъ; напротивъ того,

[43]) Уед. Пошех., 1786, Ноябрь, стр. 658.
[44]) Тамъ-же, стр. 657.

8*

Вологодское гостепріимство простиралось и на знатное купечество. Въ Ярославлѣ, вечеромъ 22-го Сентября 1786 года, данъ былъ концертъ; Вологжане увеселялись маскарадомъ. Все остальное, повторяемъ, было сходно до такой степени, что и Ярославскій лѣтописецъ, и корреспондентъ изъ Вологды, описывая означенныя торжества, употребляли одни и тѣже выраженія. Напримѣръ, Ярославскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что «невозможно изобразить зрѣлища, толико трогательнаго», и проч.,—а Вологжанинъ повторяетъ: «невозможно-же изобразить, колико всѣ пріемлющіе съ благодарностію сію высочайшую матери Отечества милость объяты были толь восхитительнымъ зрѣлищемъ». Невольно заподозришь, что обѣ статейки сочинены въ генералъ-губернаторскомъ кабинетѣ. Какъ бы то ни было, Вологжане фактически доказали свое сочувствіе къ новой школѣ, а Ярославцы хотя и пришли въ сердечное умиленіе, но денегъ въ пользу своего училища дали очень мало. «Вологодское купечество (читаемъ въ «Уединенномъ Пошехонцѣ») столько тронуто было матернимъ благоволеніемъ, что тотъ-же самый часъ, набравъ состоящую изъ 1150-ти рублей сумму, составляющую годовое для учителей жалованье, въ знакъ искреннѣйшаго усердія къ пользѣ установленнаго училища, поднесли его превосходительству». Можетъ быть, въ этомъ очень значительномъ, по времени, пожертвованіи и слѣдуетъ искать причину, почему Вологодская демократія была приглашена на обѣдъ!— Рѣчь Вологодскаго учителя, Іоны Фортунатова, также перещеголяла витійство Ярославскаго педагога Михаила Розина. Не рѣшимся утверждать, что и въ этой рѣчи имѣлось нѣчто такое, что̀ отличало-бы ее отъ тысячи другихъ хвалебныхъ словъ, писанныхъ для извѣстной цѣли и скроенныхъ по заранѣе указанной начальствомъ мѣркѣ; но относительно-гладкій, правильный языкъ рѣчи Фортунатова далеко оставляетъ за собою неуклюжія выраженія Ярославскаго оратора, который клеилъ длиннѣйшія фразы, слѣдуя Латинской конструкціи.

Іона Ѳедоровичъ Фортунатовъ получилъ первоначальное воспитаніе въ Владимірской семинаріи, потомъ продолжалъ свое образованіе въ Московской духовной академіи и, наконецъ, въ Петербургской учительской гимназіи, откуда и поступилъ наставникомъ въ Вологодское главное народное училище. Фортунатовъ (личность почтенная и какъ человѣкъ, и какъ педагогъ) былъ хорошо извѣстенъ губернатору П. Ѳ. Мезенцову, который любилъ посѣщать его и бесѣдовать съ нимъ о научныхъ предметахъ. Такое сближеніе съ учителемъ, конечно, служитъ къ чести Мезенцова, если принять во вниманіе то время, когда учителя не пользовались еще большимъ почетомъ. Объ нихъ тогда говорилось: «Званіе убо велико, чести-же никаковыя» [45].

---

[45]) Русскій Архивъ, 1865 г. стр. 1482, статья Ѳ. Н. Фортунатова.

Начало рѣчи Фортунатова состоитъ, по обыкновенію, изъ восклицаній, свидѣтельствующихъ о радости Россіянъ, что они живутъ въ царствованіе Екатерины Великой. Ораторъ замѣчаетъ, что Императрица въ 25 лѣтъ «вознесла Россію до такой степени славы, до которой знаменитѣйшія государства чрезъ многія столѣтія едва ли могли достигнуть». Мудрые законы, цвѣтущая торговля, возникшіе изъ ничего прекрасные грады, непроходимыя пустыни, обращенныя въ плодоносныя земли—все это дѣло рукъ Государыни.« Кажется, теперь всякій подумаетъ, что она, устроивши такимъ образомъ государство, будетъ только при спокойномъ удовольствіи взирать матернимъ своимъ окомъ на веселящихся сыновъ Отечества? Нѣтъ! Рожденная единственно къ трудамъ и благотворенію человѣчества, она открываетъ путь къ наукамъ, обогащающимъ нашъ разумъ. Затѣмъ, доказавъ пользу наукъ тѣмъ, что посредствомъ ихъ «исправляются нравы, познается цѣна добродѣтели и гнусность пороковъ», Фортунатовъ обратился съ воззваніемъ къ именитымъ особамъ: Ярославецъ Розинъ назвалъ ихъ «блюстителями законовъ», а Вологжанинъ-Фортунатовъ «ревностными хранителями законовъ». Первый совѣтывалъ дѣтямъ быть достойными милостей Государыни; второй даетъ такой-же совѣтъ. «А вы, любезныя дѣти, пользуясь щедротами всеобщей попечительной матери, неослабно упражняйтесь въ наукахъ и оными возвѣстивъ (?) вашъ разумъ, возвѣстите съ благодарностію позднимъ потомкамъ великія дѣла премудрыя Екатерины» [46].

Отсюда видно, что обѣ рѣчи, Ярославская и Вологодская, составлены были по одному и тому-же образцу. Къ счастію для Мельгунова, ему не пришлось испытать тѣхъ затрудненій, какія испыталъ въ этотъ самый день (22 Сентября 1786 года) Тамбовскій губернаторъ Г. Р. Державинъ, которому пришлось самому написать рѣчь на открытіе въ Тамбовѣ народнаго училища [47].

Открытіе сиротскаго дома и народнаго училища также было воспѣто неизвѣстнымъ господиномъ въ Январьской книжкѣ «Уединеннаго Пошехонца» 1787 года. Господинъ сей, назвавшій себя Нѣкоторымъ Проѣзжающимъ чрезъ Ярославль, не былъ-де здѣсь «четыре года»; когда-же онъ возвратился въ резиденцію Мельгунова, то удивился: какая перемѣна! какъ похорошѣлъ Ярославль! «Куда свой взоръ ни обращаю, повсюду нахожу восхищающіе и новые для меня предметы. Тамъ вижу великолѣпныя и пышныя зданія, гдѣ хранятся законы правосудія и мудрости; въ иной странѣ являются мнѣ домы, воздвигнутые человѣколюбіемъ и попеченіемъ для несчастныхъ и бѣдныхъ сиротъ. Тамъ усердіе и любовь къ на-

[46]) Уедин. Пошех., 1786, Ноябрь, стр. 655—670.

[47]) Записки Державина.

укамъ основали храмы для просвѣщенія юношей, дабы они нѣкогда содѣлались полезными и усердными сынами своему Отечеству. Наконецъ узрѣлъ я, что и Музы, на мѣсто Парнасской Ипокрены, притекли къ брегамъ Волги»...

Здѣсь сочинитель разумѣетъ поэтовъ «Уединеннаго Пошехонца» и совѣтуетъ имъ воспѣть Ярославль: «О, Музы! вамъ должно воспѣть сей градъ. Вы найдете въ немъ довольно предметовъ, достойныхъ вашихъ пѣсней». Для насъ любопытно знать: какіе-же предметы вдохновляли туземныхъ пѣвцовъ?—Во-первыхъ, «тишина и благонравіе жителей»; во-вторыхъ, «исполненіе должностей, ввѣренныхъ начальству»; въ третьихъ, «судебные вѣсы въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оставила ихъ Ѳемида», и т. д. Послѣдняя фраза употреблена Проѣзжающимъ единственно для красоты слога. Офиціальная переписка Мельгунова съ разными лицами доказываетъ, что идеалы, созданные досужею фантазіею Ярославскихъ стихотворцевъ, нисколько не походили на живыхъ людей, засѣдавшихъ въ тогдашнихъ судахъ и канцеляріяхъ. Чиновничество съ трудомъ отвыкало отъ преданій, сложившихся еще во времена воеводъ и, вопреки мирной своей профессіи, было жестоко и кровожадно. Благонравіе жителей Ярославско-Вологодскаго намѣстничества также подлежитъ сильному сомнѣнію. Такъ, напримѣръ, Даниловцы собирались въ своемъ Магистратѣ не для поклоненія означеннымъ вѣсамъ богини Ѳемиды, а для жертвоприношенія другому богу—Бахусу. Говоря проще, они «пьянствовали тамъ всенародно» [48]). Конечно, «Уединенный Пошехонецъ» не дерзалъ заикаться объ этихъ темныхъ сторонахъ общественной жизни: у него была другая цѣль, онъ обязанъ былъ видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ и восхвалять намѣстника. Одинъ изъ самыхъ, можно сказать, уродливыхъ панегириковъ находимъ въ статейкѣ Проѣзжающаго, который представляетъ городъ Ярославль стоящимъ на колѣняхъ и поющимъ слѣдующіе стихи:

Тебѣ, Монархиня, колѣни преклоняю,
Тебѣ устами всѣхъ сыновъ моихъ вѣщаю:
Ты счастья моего виновница одна,
Твоею славою вселенная полна;
Народовъ разные гласятъ тебѣ языки:
Твои дѣянія и славны, и велики!
Ты мудрость съ кротостью являеши въ себѣ;
Доволенъ тотъ судьбой, подвластенъ кто тебѣ.
Ты, царствіе свое на сферы (на губерніи?) раздѣляя,
И образъ свой въ лицѣ намѣстниковъ являя,
Рекла: „Вы истину во вѣкъ должны хранить,
Да злато и сребро не можетъ васъ прельстить,

[48]) Архивныя дѣла Яросл. Губ. Правленія.

Да склонится вашъ слухъ и внемлетъ гласъ несчастныхъ;
И бѣдный да не льетъ предъ вами слезъ напрасныхъ.
Отрите плачъ (sic!) вдовицъ, сиротъ прервите стонъ:
То будетъ справедливъ мой выборъ и законъ!“

*

Рекла къ намѣстникамъ, и гласъ они сей внемлютъ,
Исполнить ревностно законъ ея пріемлютъ.
Пріяли!.. И успѣхъ во подвигахъ ихъ зримъ:
Въ градахъ, куда свой взоръ, куда ни обратимъ,
Повсюду видимъ мы союзъ, порядокъ, стройность,
Священну истину, вездѣ благопристойность,
И пышны зданія, красящія града,
Тебѣ, Монархиня, являютъ плодъ труда.

*

Но что я вижу здѣсь?—Для сирыхъ домъ воздвигнутъ
И къ благотворности духъ каждаго подвигнутъ,
Гдѣ каждый гражданинъ на пользу бѣдныхъ сихъ
Спѣшитъ добро творить по мѣрѣ силъ своихъ.
О вы, что̀ въ сей странѣ оставльшіяся чада,
Престаньте вы скорбѣть: вамъ жизнь здѣсь и отрада!“ и проч. [49]).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ статеекъ, «Уединенный Пошехонецъ» не помѣстилъ ничего другаго, что̀ относилось-бы къ отдѣлу «благотворительныхъ дѣяній». Нельзя не упрекнуть за это редакцію Ярославскаго журнала. Положимъ, что въ означенныхъ статейкахъ встрѣчается множество фразъ, которыя своей излишней восторженностью не могутъ произвести на современнаго читателя особенно-выгоднаго впечатлѣнія; но фактическая сторона разсказа имѣла-бы и теперь важное историческое значеніе, характеризуя если не все туземное общество, то по крайней мѣрѣ ту или другую личность, выдѣлившуюся изъ общественной колеи своимъ гуманизмомъ. Въ Ярославлѣ были люди высоко-честные и добрые, проникнутые гуманизмомъ ради самаго дѣла, а не ради подражанія именитымъ персонамъ. Напримѣръ, купецъ Кучумовъ жертвовалъ десятки тысячъ съ филантропическою цѣлью и назначилъ своимъ душеприкащикомъ генералъ-губернатора Мельгунова, который принадлежалъ къ масонской Ярославской ложѣ и покровительствовалъ ей. Наслѣдники Кучумова, какъ выразился «Уединенный Пошехонецъ», «не только не вознегодовали на завѣщателя, но увеличили еще его даръ»,—а они, слѣдуетъ замѣтить, были люди далеко небогатые. Повторяемъ сожалѣніе, что Ярославскій журналъ, вопреки своей программѣ, слишкомъ мало сообщилъ фактовъ о добрыхъ поступкахъ нашихъ предковъ и, напротивъ, слишкомъ много слагалъ дикихъ одъ.—Такъ, въ первомъ же номерѣ, онъ преподнесъ своимъ читателямъ Оду на новый 1786 годъ. Нельзя безъ веселаго смѣха читать эти вирши,

[49]) Уедин. Пошехон., стр. 56—61.

написанныя студентомъ богословіи Васильевскимъ. Піита начинаетъ весьма торжественно:

Пріятнымъ чувствомъ упоснный,
Духъ новы зритъ нынь чудеса:
Се—Феба во слѣды священны,
Парящаго на небеса,
Летитъ быстротекуще Время,
Неся на крылахъ тварей бремя
И, въ двери вѣчности входя,
Все въ море оный погружаетъ,
Отъ зрака смертныхъ удаляетъ,
Ко храму Вѣчнаго Царя.

Ярославскій семинаристъ поражается, зря быстроту времени, которое «вливаетъ въ его душу священный ужасъ». Піита придаетъ времени весьма странные эпитеты: называетъ его «сыномъ непостижимой бездны», полнымъ (?!) царемъ» и проч.

Ты сынъ непостижимой бездны,
Тебѣ сопутствуетъ кругъ звѣздный,
Тебѣ покорствуетъ вся тварь,
Твоимъ мгновеніямъ внимая,
По онымъ свято поступая,—
Ты всей природы полный царь! [50]).

Не ограничиваясь этой одою, «Уединенный Пошехонецъ» напечаталъ другую также на 1786-й годъ. Имя автора неизвѣстно, но въ примѣчаніи къ одѣ сказано, что она доставлена изъ Мышкинскаго уѣзда».—Мышкинскій поэтъ обращается къ Монархинѣ съ просьбою позволить ему воспѣть «на молчащей (!) лирѣ все то, что̀ «огнь возженный въ груди старается соплесть». Лира издала звуки, которые понеслись далеко-далеко, «во всѣ концы земнаго міра, превыше свѣтлыхъ эфирныхъ мѣстъ». Самъ поэтъ, увлекаемый вдохновеніемъ, стремится на небо и слышитъ тамъ гласъ:

Я, царь царей, въ святѣйшей волѣ
Судилъ на Русскомъ быть престолѣ
Екатеринѣ: бысть заразъ!

«Ахъ! что̀ я зрю?» спрашиваетъ Мышкинецъ,—и отвѣчаетъ, что онъ зритъ мужа, который идетъ по небу, бросая взоры на Россійскій тронъ. Се Петръ Великій. Онъ гласитъ Екатеринѣ II-й:

Пріяла всю мою державу
Моя, моя дражайша дщерь,
Во всю облекшись царску славу,
Отверзла Россамъ райску дверь,

[50]) Уедин. Пошех., 1786 г., Январь, стр. 7 и слѣд.

Да всякъ въ ея эдемъ втекаетъ,
Блаженство на землѣ вкушаетъ...
Какой для васъ дражайшій даръ!
Моя рука что начертала,
Она то дѣломъ увѣнчала,
Чтобъ въ васъ горѣлъ любовный (sic) жаръ.

Такъ разсуждалъ «высокій кедръ» — эпитетъ, необходимый для плохой риѳмы «Петръ». Екатерина II названа «Астреею и Палладою, сердецъ отрадою», и поэтъ умоляетъ ее:

„Во вѣкъ, о мать, ты съ нами будь!"

«Одинъ взоръ твой (продолжаетъ сочинитель оды) смиряетъ ярыхъ враговъ, а гласъ, какъ громъ, поражаетъ ихъ. — Самъ Богъ раздѣляетъ съ тобою управленіе Россіею, о Монархиня!... Кого мы предпочтемъ тебѣ? Съ кѣмъ сравнимъ тебя, несравненная? — Съ Александромъ Македонскимъ, или съ Августомъ, нѣтъ!»

Я Александра здѣсь не ставлю,
Ни Августовыхъ дѣлъ не славлю:
Твои, Монархиня, пою!
Ихъ я не лестью ублажаю,
Съ Петромъ тебя соображаю,
Съ его сравняю мысль твою.

Характеристика великаго императора состоитъ въ слѣдующемъ: онъ «премѣнилъ въ Россахъ души»; онъ «утолилъ бури браней»; онъ смягчилъ злодѣйскія сердца»; онъ, «всюду простирая руки, учредилъ порядокъ»; онъ былъ «препоной ужаса» (?), «другомъ Музъ и Аполлона». Неизвѣстно, какихъ Музъ разумѣлъ Мышкинскій стихотворецъ. Уважая науку, сознавая силу ея, великій преобразователь Россіи не имѣлъ ни особенной охоты, ни времени заводить въ своемъ государствѣ «Музъ»: онѣ явились у насъ въ болѣе позднее время. Наплывъ Музъ былъ до того великъ, что онѣ оказались, какъ видитъ читатель, даже въ Мышкинскомъ уѣздѣ, который, сколько намъ извѣстно, не произвелъ уже затѣмъ съ 1786 года ни одного поэта, хотя-бы и маленькаго, микроскопическаго. Единственный Мышкинскій поэтъ, воспаривши на небеса, «гдѣ вѣтръ всегда бунтуя, дышетъ, въ отверстія (?) огонь гдѣ пышетъ», увидѣлъ Петра Великаго, т. е. вѣрнѣе сказать узрѣлъ его «тѣнь», которая и обратилась, наконецъ, съ рѣчью къ своему правнуку, Павлу. Замѣтимъ кстати, что о Павлѣ Петровичѣ въ «Уединенномъ Пошехонцѣ упоминается очень рѣдко, ибо Мельгуновъ (впрочемъ, бывшій съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ) и его кліенты-сочинители знали хорошо положеніе придворныхъ дѣлъ. Заставляя великую тѣнь говорить, Мышкинскій стихотворецъ слѣдовалъ примѣру многихъ одописателей своего времени, съ тою разницею, что у нихъ тѣни выражаются

языкомъ болѣе правильнымъ, болѣе поэтическимъ, недоступнымъ для литературныхъ новичковъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и сочинитель Мышкинской оды. У него Петръ Великій пророчествовалъ о Павлѣ I-мъ такъ:

„Съ небесъ онъ (Петръ), духомъ простираясь,
На плодъ вѣщаетъ твой (Екатерины) драгій,
Въ надеждѣ къ Павлу обращаясь:
„Наслѣдіе мое береги!
Во слѣдъ дѣлъ матернихъ вступая,
Ее во всемъ изображая,
Россійскимъ свѣтомъ въ вѣки чти,
Причиной славы и спокойства,
Порядка, общаго устройства,
И въ свѣтѣ свѣта не ищи (?).
Наслѣдіе Россійска трона
Веди для всѣхъ на поздни дни,
Чтобы небеснаго Сіона
Вкусили радости они.
Чрезъ мать собою утѣшая,
Доброты много обѣщая,
Тебя да знаютъ всѣ отцомъ
Живущаго днесь... Подъ рукою
Всевышняго, для нихъ судьбою
Ты будешь вознесенъ Творцемъ.. [51]).

Послѣ приведеннаго, къ несчастью, далеко не оправдавшагося, пророчества, тѣнь снова обращается къ Екатеринѣ... Но довольно.. Не выписываемъ слѣдующихъ строфъ, потому что онѣ рѣшительно неудобопонятны: безсмысленнымъ наборомъ словъ Мышкинскій сочинитель рѣшительно перещеголялъ всѣхъ остальныхъ своихъ коллегъ. Между прочимъ, онъ сравнилъ Россію съ «храмомъ блаженства», гдѣ «курится ѳиміамъ и откуда истекаетъ мѵро»...

Обращаемся къ прозѣ «Уединеннаго Пошехонца». За нѣкоторыми исключеніями, она все-таки лучше стиховъ, лучше въ томъ отношеніи, что славянизмы встрѣчаются въ ней рѣже: уже наступала великая эпоха преобразованія Русскаго литературнаго языка, эпоха Карамзина, когда у насъ, вмѣстѣ съ лучшей обработкой языка, водворялась излишняя сантиментальность взамѣнъ сатирическаго направленія Екатерининской литературы.

Впрочемъ, въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» была и сатира; только она нисколько не походила на ту меткую и злую сатиру, которая блистательно выразилась въ Трутнѣ и Живописцѣ. Хотя матеріаловъ для сатиры было множество, хотя «уединенные Пошехонцы» и другіе обитатели Ярославскаго намѣстничества, представляли въ своемъ частномъ и общественномъ быту неисчерпаемый источникъ

[51]) Уедин. Пошех., 1786, Февраль, стр. 112—121.

для обличительнаго слова, но мѣстный журналъ, понятно, не дерзалъ слѣдовать примѣру незабвеннаго Новикова. Только въ одной статейкѣ «Надгробная надпись Ивану и Марьѣ» довольно-вѣрно представлена туземная дѣйствительность:

«Иванъ Празднолюбецъ и Марья Лѣнивица шестьдесятъ одинъ годъ вертѣлись... около нашего шару (?), мало заботясь о дѣлахъ сего свѣта. Хорошо-ли они шли, или худо, что Европейскія государства опровержены были или возстановлены, — солнце при восхожденіи своемъ и захожденіи всегда находило таковыхъ-же. Они ѣли, а потомъ прогуливались; опять ѣли и прогуливались, потомъ спали всю ночь, а во весь день ничего не дѣлали. Они имѣли четверыхъ дѣтей, но къ произведенію новыхъ не хотѣли приложить больше старанія» [52]).

Впрочемъ эта картинка изображена слишкомъ розовыми красками: на ней представлены какіе-то Нѣмецкіе бюргеры, или двойники Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Быть можетъ, и они водились въ Ярославскомъ намѣстничествѣ, какъ продуктъ бездѣятельной деревенской жизни. Но та-же самая жизнь выработывала и другіе типы, нисколько не похожіе на милыхъ, патріархальныхъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Рядомъ съ ними благоденствовали Скотинины, Митрофанушки и госпожи Простаковы. О нихъ-то и не заикался «Уединенный Пошехонецъ». Правда, онъ обличалъ; только кого и какимъ образомъ? Обличалъ изподтишка «Жемановъ», «Слабосердовъ», «Вѣтроумовъ» и другихъ, въ сущности, невинныхъ особъ...

Такъ, напримѣръ, въ статейкѣ: Сила любовныя страсти [53]) нашъ журналъ глумился надъ пылкими любовниками, которые, по его словамъ, умирали отъ красавицъ-василисковъ, ибо онѣ «мещутъ изъ своихъ глазъ на нѣжныя сердца убивающій ядъ». О всѣхъ таковыхъ мертвецахъ «Уединенный Пошехонецъ» сдѣлалъ «обстоятельную роспись» и представилъ ее своимъ читателямъ, «желая искренно, чтобы оная послужила имъ къ замѣчанію различныхъ случаевъ, гдѣ наиболѣе видима опасность и хитрое умышленіе противъ невиннаго сердца». Вотъ эта роспись — замѣчательный образчикъ провинціальной сатиры.

«Жеманъ, увидя Вѣтроуму, выходящую изъ кареты, былъ уязвленъ моднымъ цвѣтомъ ея платья.

Слабосердъ во время оперы превратился въ ничто, по причинѣ пущеннаго взора на сидящаго возлѣ него сосѣда.

Безумъ испустилъ послѣдній вздохъ на балѣ.

Красовидъ умерщвленъ ударомъ вѣера по лѣвому плечу въ то самое время, когда онъ сидѣлъ съ Миленою на софѣ и разговаривалъ о разныхъ вещахъ.

---

[52]) Ежемѣс. сочиненіе, издаваемое въ Ярославлѣ, 1787, Мартъ, стр. 141.

[53]) Уед. Пошех., 1786, Февраль, стр. 97—101.

Вѣтроуму пронзила грудь Прелеста, когда начала около своей шеи оправлять кружево.

Мягкосерда прострѣлилъ пущенный безъ намѣренія взглядъ.

Легкомыслъ пораженъ смертельно на гуляньѣ перваго Мая.

Обольщенъ возчувствовалъ мучительныя стрѣлы, пролетѣвшія сквозь вѣеръ.

Безстыдъ получилъ ударъ въ самое сердце отъ ожерелья алмазнаго.

Господа: Странноумъ, Распутъ, Вертопрахъ и Миленъ, всѣ четверо, при взорѣ на нихъ Прелѣпы, упали полумертвы.

Самолюбъ, выходя изъ комедіи, наступилъ нечаянно на платье одной госпожи, коея гнѣвный видъ повергъ его въ безпамятство.

Пустомыслъ убитъ прелестію лѣвой щеки Миловиды, на коей примѣтилъ ямку.

Усердъ, подавая Обольщенѣ перчатки, кои она уронила, умеръ отъ радости, услыша отъ нея нѣсколько ласковыхъ словъ.

Миловидъ, будучи тронутъ парою голубыхъ глазъ, хотѣлъ только спасаться отъ нихъ бѣгствомъ, но вдругъ пріятной улыбкой былъ остановленъ.

Верхоглядъ лишился жизни, примѣтивъ нисходящій на него взоръ Любимы, когда онъ сидѣлъ въ партерахъ.

Неугомонъ, при бѣганіи по улицамъ, сраженъ былъ видомъ одной шестнадцати-лѣтней дѣвицы, которая, опустивъ у кареты стекло, захотѣла на него посмотрѣть.

Недогадовъ утопился въ потокѣ слезъ госпожи Непостоянны.

Трупъ на семьдесятъ одномъ году возраста отправленъ былъ дѣвицею Притворою въ ту сторону, отъ коей никогда не возвращаются».

Могла-ли подобная сатира кого-нибудь безпокоить?—Нѣтъ, она нисколько не тревожила, не смущала старыхъ, «Труповъ», которые вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, получивъ увольненіе отъ дѣлъ, отправлялись на покой, по большей части въ Москву — пріютъ тогдашней тупой и бездѣятельной оппозиціи, или въ свои деревни, въ какой-нибудь заброшенный уголокъ, гдѣ могли читать, между прочимъ, «Уединенный Пошехонецъ», такъ добродушно относившійся къ ихъ старческимъ слабостямъ и проказамъ. Внуки «Труповъ», гг. «Легкомыслы» и «Вертопрахи», въ свою очередь, не имѣли уважительныхъ причинъ злобствовать на благонамѣренный журналъ. Въ немъ хотя и попадаются статейки, относящіяся къ молодому поколѣнію, въ насмѣшливомъ тонѣ, но дѣло въ томъ, что онѣ бичуютъ сатирою не Русскую молодежь, а... Французскую! Напримѣръ, въ статейкѣ: Смѣшное ослѣпленіе одной матери къ по-

рокамъ своего сына [54]), изображенъ нѣкій господинъ Дешіеръ, молодой петиметръ. Это былъ матушкинъ сынокъ, нѣчто въ родѣ Митрофана Простакова и Иванушки, бригадирскаго чада, взятыхъ вмѣстѣ. Мать такъ избаловала его, что онъ сдѣлался «движущейся статуею». Жестоко онъ надоѣдалъ своимъ знакомымъ. Явится въ чужой домъ и болтаетъ, какъ ученая сорока: «Государь мой! Какъ вы своею персоною возглашаете свою природу! И вашъ умъ гремитъ вездѣ болѣе грому. Вашъ урочный (?) видъ есть второй коллосъ Родосскій; ваше знаніе проникаетъ до глубины океана; ваша добродѣтель сладчаѣ самаго нектара, а мое невѣжество кислѣе лимоннаго соку. Итакъ, милостивый государь, я прибылъ къ вамъ, какъ вторая царица Савская къ другому королю Римскому, премудрому Соломону, чтобы вытащить изъ его колодца наукъ большой бассейнъ диковинныхъ вещей...» Между прочими слабостями, за нимъ водилась страсть разсказывать разные пикантные анекдоты, въ родѣ того, что любимая собачка его матери испортила прекрасное одѣяло, привезенное изъ Дамаска. Въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» неблаговидный поступокъ собачки обозначенъ яснѣе. Названная статейка переведена довольно сносно, чего нельзя сказать о большинствѣ переводовъ «Уединеннаго Пошехонца».

Въ статьѣ: Питоки [55]), вѣроятно также переведенной съ Французскаго, повѣствуется о нѣкоторыхъ знаменитыхъ пьяницахъ; къ числу ихъ отнесенъ Амуратъ IV, Турецкій султанъ. Однажды уличный гуляка, по имени Бекри-Мустафа, толкнулъ нечаянно его султанское величество. Тотъ оскорбился и произнесъ: «Несчастный! знаешь-ли ты, что я твой султанъ?»—«О!... ты султанъ, а я Бекри-Мустафа. Хочешь-ли ты мнѣ продать свой Константинополь? Я у тебя куплю». Амуратъ, не знавшій дѣйствія вина, самъ не пившій до того времени ни капли, велѣлъ притащить пьяницу во дворецъ, далъ ему хорошенько выспаться и потомъ напомнилъ Бекри-Мустафѣ, что онъ хотѣлъ купить всю столицу. Бѣднякъ, «зная свойство Амурата, почитаетъ себя уже посаженнымъ на колъ». Его спасла, однако, выдумка: онъ вздумалъ напоить самого повелителя правовѣрныхъ и далъ ему бутылку, сказавши, что въ ней-то и хранится сокровище, превосходящее своею цѣнностію всѣ престолы вселенной. Султанъ хлебнулъ—понравилось. «Восхитясь симъ открытіемъ, возжелалъ онъ уже и всякій день съ Бекри-Мустафою напиваться...» Далѣе сатирическая статейка упоминаетъ объ уваженіи, которымъ пользуются пьяницы въ Германіи и Швейцаріи, гдѣ «свойство питока уважается еще и донынѣ». Одинъ посланникъ, оставляя Швейцарію, сдернулъ съ себя сапогъ и, наполнивъ его виномъ, выпилъ

---

[54]) Ежемѣс. сочиненіе, издаваемое въ Ярославлѣ, 1787, Іюнь, стр. 270.

[55]) Уед. Пошех., 1786, Январь, стр. 67 и слѣд.

залпомъ. «Швейцарцы были восхищены зрѣніемъ сего содѣйствія (sic!), навсегда достопамятнаго».—Пожалуй, многіе изъ читателей «Уединеннаго Пошехонца» не имѣли вовсе повода удивляться такому чуду. Сохранилось преданіе, что Любимскій помѣщикъ Ершевскій, угощая въ своей усадьбѣ А. П. Мельгунова, попросилъ дорогаго гостя разуться. Тотъ, конечно, не сразу исполнилъ странное желаніе, но, узнавъ въ чемъ дѣло (а дѣло было въ большомъ пари), снялъ сапоги. Ершевскій наполнилъ ихъ какимъ-то виномъ и выпилъ, не поморщившись. Анекдотъ любопытный, если онъ справедливъ. Не узналъ-ли Ершевскій изъ «Уединеннаго Пошехонца», что можно употреблять въ дружескихъ попойкахъ не только стаканы, но и сапоги?... Впрочемъ, эти сапоги были съ губернаторскихъ ногъ, а Ершевскій занималъ какую-то должность и находился въ зависимости отъ Мельгунова, который и самъ былъ не прочь выпить лишній стаканъ Бургонскаго. Въ XVIII вѣкѣ любили жить на широкую ногу, разгульно, весело,—а Мельгуновъ былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка, со всѣми хорошими и дурными чертами его...

Если въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» имѣется очень мало сатирическихъ статей, то недостатокъ этотъ въ полной мѣрѣ, и даже съ излишествомъ, вознагражденъ статьями правоучительными. Онѣ встрѣчаются почти въ каждомъ номерѣ. Конечно, Французская литература, съ которою были знакомы сотрудники Ярославскаго журнала, могла-бы доставить имъ, вмѣстѣ съ литературою Нѣмецкою, отличный выборъ такихъ статей, но при внимательномъ чтеніи переводовъ, напечатанныхъ въ «Уединенномъ Пошехонцѣ», оказывается, что переводчики заимствовали изъ богатаго матеріала едва-ли не самое худшее. Большинство правоучительныхъ статей проникнуто нелѣпымъ китаизмомъ [56]). Что хорошаго, напримѣръ, въ этихъ наставленіяхъ: «Въ пирахъ берите себѣ кушанье послѣ всѣхъ; не говорите, не будучи вопрошаемы; ежели вамъ случится идти изъ дому, держитесь въ сторонѣ, уступайте мѣсто, и т. д». Рекомендовалось побіеніе дѣтей, съ цѣлію исправлять ихъ недостатки. Одна почтенная родительница разсердилась на своего шалуна-сына, «ударила его обломкомъ дерева и ранила руку. Съ того времени сынъ совсѣмъ перемѣнился и, оставивши прежнія забавы, принялся за науки, и столь великое въ оныхъ употребилъ прилежаніе, что въ короткое время выучась, достигъ до большихъ чиновъ... Видя онъ себя въ такомъ благополучіи, вспомнилъ съ благодарными чувствованіями попеченіе о немъ его матери, прославлялъ ея имя съ почтеніемъ, знакъ отъ раны часто лобызалъ», и проч. [57]). Идеаломъ благово-

---

[56]) См. Февральскій № Ежемѣс. Сочиненія, издаваемаго въ Ярославлѣ, весь наполненный „Китайскими правоученіями“, и др. №№.

[57]) Уед. Пошех., 1786, стр. 133—134, въ статейкѣ: „Строгость иногда бываетъ полезна“.

спитаннаго юноши представленъ въ другой статейкѣ какой-то узкоглазый Китаецъ, заслуги котораго состояли единственно въ томъ, что «онъ махалъ своею полою постелю отца своего, для прохлажденія отъ зноя, обмахивалъ его спящаго отъ мухъ, а зимою ложился прежде на постелю, чтобы ее нагрѣть для отца». Узналъ объ этихъ подвигахъ Китайскій императоръ — и сдѣлалъ его мандариномъ! Мораль «Уединеннаго Пошехонца» не шла далѣе правила: будь почтителенъ, и благо тебѣ будетъ на сей землѣ, и получишь крупный чинъ! Въ такъ-называемыхъ «духовныхъ и философскихъ» статьяхъ проглядываетъ таже мысль о великой пользѣ самоуниженія, отрицанія человѣческаго достоинства; но изъ боязни утомить читателя мы не рѣшаемся дѣлать выписки изъ этихъ статей, построенныхъ на одной темѣ: человѣкъ слабъ, знанія его ничтожны, ergo— покоряйся, о слабый смертный, волѣ судьбы! Нужно замѣтить, что нѣкоторыя изъ «философическихъ упражненій» (напримѣръ: «Твердь» [58]) переведены очень недурно, для своего времени, разумѣется. Имена переводчиковъ неизвѣстны; можетъ быть, въ числѣ ихъ находился и архіепископъ Арсеній.

Насколько эти переводы были полезны для распространенія между Ярославцами здравыхъ понятій, можно судить по статьѣ о Жидахъ, напечатанной подъ заглавіемъ: Обряды и дѣла Жидовскія, совершаемыя въ каждомъ мѣсяцѣ. Авторъ ея, злѣйшій врагъ бѣдныхъ сыновъ Израиля, возводитъ на нихъ самыя ужасныя преступленія. Нѣтъ злодѣйства, въ которомъ бы онъ не обвинялъ Евреевъ. Прочитавъ эти бредни, наши добродушные предки Ярославцы, вѣровавшіе въ печатное слово, какъ въ непреложную истину, разумѣется, убѣждались въ томъ, что Евреи первые изверги въ свѣтѣ, и благословляли судьбу за то, что живя, въ одной изъ внутреннихъ губерній, они (Ярославцы) застрахованы правительствомъ отъ нашествія сихъ изверговъ, пьющихъ кровь христіанскую. По увѣренію автора названной статьи, Евреи, во второй день Апрѣля мѣсяца, обязательно должны мучить христіанскаго отрока и проливать его кровь; хотя они дѣлаютъ это тайнымъ образомъ, «и даже смѣются, когда услышатъ объ ономъ отъ насъ, но всякъ удобно можетъ удостовѣриться въ дѣйствительности онаго, взявъ только Талмудъ...» Зачѣмъ же нужна Евреямъ христіанская кровь?—Сочинитель отвѣчаетъ такъ:

«Причины же, ради которыхъ кровь сія почитается тутъ полезною и нужною, слѣдующія: 1) На чарованіе христіанъ, для пріобрѣтенія у нихъ благоволенія и добраго успѣха во всѣхъ дѣлахъ, кои они имѣть съ ними будутъ. 2) Для употребленія при бракахъ: всту-

---

[58]) См. выше, прим. 56-е.

пившіе въ супружественное состояніе, употребляя въ снѣдь поднесенное имъ отъ раввина яйцо, съ кровью сею смѣшанное, были благонадежны въ сисканіи себѣ счастія у христіанъ. 3) Ради Евреевъ, на смертномъ одрѣ лежащихъ, коихъ раввины во время исхода (души) помазывать имѣютъ кровію сею, смѣшанною съ яичнымъ бѣлкомъ», и т. д.

Приведены еще три причины, столько же нелѣпыя, какъ и первыя. Заключеніе статьи также замѣчательно: ссылаясь на крещеныхъ Жидовъ, авторъ утверждаетъ, что два раза въ годъ, именно 4-го Января, предъ восхожденіемъ солнца, и 21 Октября, въ самый полдень, ниспадаетъ въ Іудейскія кушанья и питія кровь, весьма вредная для Жидовъ, но христіане могутъ употреблять туже самую пищу безъ всякаго вреда для себя [59]).

Статей по предмету отечественной исторіи, обѣщанныхъ редакціей «Уединеннаго Пошехонца», не напечатано ни одной; а «статьи, до иныхъ государствъ относящіяся», рѣдки и малозначительны какъ по объему, такъ и по содержанію. Не смотря на это, онѣ все-таки были гораздо полезнѣе вышеприведенныхъ разсказовъ о Жидахъ, ибо знакомили малопросвѣщенныхъ читателей съ нѣкоторыми историческими личностями древнихъ и среднихъ вѣковъ, съ ихъ нравами, обычаями и религіей. Перечислимъ эти статьи: 1) О древнихъ чтецахъ Греческихъ и Римскихъ. 2) О древности обычая поздравлять при чиханіи. (Здѣсь, между прочимъ, приведено мнѣніе Аристотеля: если возбужденіе къ чиханію начнется въ правой ноздрѣ—знакъ добрый и счастливый; напротивъ, лѣвая сторона носа предвѣщала всякія бѣды и злоключенія). 3) Письмо Овидія, писанное имъ въ заключеніи своемъ къ пріятелю. 4) Суевѣрныя примѣчанія нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей. (Анекдоты объ Августѣ, Юліѣ Цезарѣ и астрономѣ Тихобрагѣ. Послѣдній возвращался каждый разъ домой, если ему попадалась на встрѣчу старая баба; онъ боялся также зайцевъ). 5) Историческія достопамятности. (Карлъ Великій не умѣлъ писать. Во дворцѣ сына его, Людовика, не было и чернильницы. Въ X и XI вѣкахъ прощали многихъ преступниковъ, если они оказывались грамотными, и проч.). 6) Великодушіе Люцилія. 7) Повѣсть о женщинахъ Мининскихъ. 8) Жизнь частныхъ людей древняго Рима. 9) Образъ жизни знаменитыхъ людей въ древности. (Обѣ статейки любопытны были бы даже и теперь, на страницахъ современныхъ журналовъ; переводъ читается довольно легко). 10) Понятія Грековъ о первоначальныхъ причинахъ во время прибытія переселенцевъ изъ Египта и другихъ

[59]) Уедин. Пошех. (ежем. соч., изд. въ Яр—влѣ), 1787 г., Іюль, стр. 307—334.

мѣстъ. Въ слѣдующемъ (1787) году «Уединенный Пошехонецъ» напечаталъ: 1) Мистеріи Елевзинскія. 2) О житіи и ученіи перваго такъ называемаго философа Пиѳагора, біографія весьма недурная. 3) Очерки жизни нѣкоторыхъ Французскихъ государей, именно: Пепина Короткаго, Карла Великаго, Людовика Кроткаго, Карла Плѣшиваго и Роберта. 4) Дѣйствіе человѣколюбія и благодѣянія (восхваляются дѣянія Генриха IV и другихъ государей).

Медицина и хозяйство или, какъ говорили въ старину, «домоводство», входившія въ програму «Уединеннаго Пошехонца», заняли въ немъ не много мѣста. Изъ относящихся къ этимъ предметамъ статей едвали можно указать хоть на одну, которая была бы полезна и примѣнима къ той мѣстности, гдѣ здравствовали и хозяйничали читатели Ярославскаго журнала. Такъ, имъ сообщалось, въ видѣ примѣра, достойнаго подражанія, что во Франціи держатъ овецъ, зимой, на открытомъ воздухѣ, и что онѣ плодятся тамъ и чудесно сохраняются на снѣгу. Шерсть бѣдныхъ животныхъ, получившихъ такое Спартанское воспитаніе, имѣла, будто бы, превосходное качество [60]). Въ Апрѣльскомъ номерѣ «Уединеннаго Пошехонца» 1786 года напечатанъ Способъ къ приготовленію всякихъ садовыхъ сѣмянъ. Здѣсь дается хозяевамъ такой совѣтъ: «за день или за два до (по)сѣву, должно обмочить сѣмена въ воду, въ которой распущена печная сажа. Маловажность сего способа (безтолково говоритъ авторъ названной статейки, подписанной буквами *Н. С.*) довольно удостовѣряетъ въ «справедливости онаго».

Заботясь о здравіи своихъ читателей, «Уединенный Пошехонецъ» предложилъ имъ рецептъ для составленія удивительнаго лекарства, въ родѣ Донкихотовскаго бальзама, который, какъ извѣстно, избавлялъ отъ всевозможныхъ недуговъ. Означенное лекарство уничтожало «какъ внутреннія, такъ и наружныя боли». Правда, трудновато было достать нѣкоторыя снадобья: миртъ, алоэ, канифоль; но Ярославскій мужикъ, умѣвшій запастись ими и выпросившій, положимъ, у сельскаго дьячка три унціи лучшаго ладона, съ покупкою на винномъ заводѣ бутылки спирту, могъ навсегда обезпечить свое здоровье. Нужно замѣтить, что «Уединенный Пошехонецъ» въ числѣ своихъ читателей предполагалъ и такихъ субъектовъ, у которыхъ голова была въ безпорядкѣ, а потому надлежало имъ «утвердить свой мозгъ...» Стоило только «одну или двѣ капли обоняніемъ притянуть во внутренность носа», и чудо совершалось: читатель дѣлался на столько разумнымъ, что могъ восхищаться красотами на-

---

60) Впрочемъ, подобная статья не могла значительно повредить мѣстнымъ Ярославскимъ хозяевамъ, мало занимавшимся скотоводствомъ.

шего добродушнаго журнала. Не меньшія чудеса творилъ и симпатическій порошокъ. Всего удивительнѣе, что больной чувствовалъ облегченіе каждый разъ, когда при его глазахъ «мочили тряпицу въ таинственномъ лекарствѣ... Весьма трудно объяснить такую вещь!» [61]). Дѣйствительно, трудно; но блаженъ кто вѣруетъ, а читателей «Уединеннаго Пошехонца» никакъ нельзя упрекнуть въ безвѣріи.

Въ статьѣ: О времени столь чудеснаго препущанія крови [62]) разсказанъ весьма «дерзновенный способъ перепущать отъ здороваго и молодаго животнаго кровь въ тѣло человѣка, у коего соки, по усмотрѣнію лекарей, были испорчены». Этотъ способъ изобрѣтенъ Оксфордскимъ профессоромъ Ловеромъ, за нимъ послѣдовалъ ученый Кингъ. «Сіи оба и привели оное къ вящему совершенству». Опыты надъ скотомъ удались вполнѣ. «Одряхлѣвшія старостію и потерявшія слухъ животныя, какъ скоро ощущали новую кровь въ ихъ (то-есть, въ своихъ) жилахъ, становились бодрѣе и здоровѣе и облегчались отъ самой глухоты». Такимъ же образомъ лечили въ Парижѣ и людей. Особенно славился «перепущаніемъ крови» медикъ Денисъ (Дени?). Но «двое больныхъ, одинъ въ Парижѣ, а другой въ Римѣ, по несчастію, умерли и чрезъ то пресѣкли вдругъ сію едва возвращающуюся (?) науку, отъ коей можно бы ожидать полезныхъ дѣйствій». Замѣчательно, что фактъ перелитія крови здоровыхъ людей въ кровь больныхъ—фактъ, повторяемый нынѣ довольно часто и, кажется, съ успѣхомъ, впервые былъ опубликованъ въ Ярославскомъ журналѣ; но, разумѣется, Ярославскіе эскулапы не прибѣгали къ означенному способу леченія, хотя искусство «перепущать кровь» все-таки процвѣтало у насъ во времена Мельгунова, до такой степени, что патронъ «Уединеннаго Пошехонца» нерѣдко долженъ былъ прибѣгать къ строжайшимъ мѣрамъ, назначая опекуновъ надъ имѣніями особъ, которыя черезъ чуръ старательно упражнялись въ этомъ искусствѣ надъ своими крестьянами.

При всемъ томъ, если вѣрить «Уединенному Пошехонцу», въ цѣломъ мірѣ не оказывалось созданія, которое было бы счастливѣе Ярославскаго крѣпостнаго человѣка. Ложный, приторно-сладкій взглядъ туземныхъ господъ-писателей на положеніе народа особенно ярко выразился въ статьѣ: Размышленіе спокойнаго поселянина, торжествующаго посреди роскошествующія весною природы [63]).

---

[61]) 1786, Мартъ, стр. 199—201.

[62]) Тамъ же, Декабрь, стр. 763.

[63]) Уед. Пошех., 1785 г., Апрѣль, стр. 221 и слѣд.

Наступила весна. Мужикъ идетъ въ поле—не на страдную работу, а за тѣмъ, чтобы возблагодарить Творца при видѣ «роскошествующей» природы. Не переводя духа, онъ говоритъ (на 17-ти страницахъ) о такихъ языческихъ богахъ и богиняхъ, какіе и во снѣ не снились Русскому простолюдину-Пошехонцу. (Въ названіи журнала — «Уединенный Пошехонецъ» чувствуется острота, всѣмъ извѣстная, надъ неразвитостью Пошехонскаго крестьянства,—острота, ставшая нынѣ пошлымъ анахронизмомъ). «Спокойный поселянинъ упоминаетъ о «прелестныхъ очарованіяхъ Морфея, владычествующаго надъ чувствами, не забываетъ «багряную Аврору», «божественную Флору» и «Феба, горящаго огнемъ неугасаемымъ». Въ его «размышленіяхъ» дается также приличное мѣсто «бунтующимъ иногда Бореямъ»; Эвтерпа восклицаетъ въ Пошехонскихъ лѣсахъ»; Церера «увѣнчена миртами и ароматами» и т. д. Сочинитель (надо полагать, семинаристъ) восклицаетъ: «Всѣ древа растущія (sic!) распустили свои нѣжныя вѣтви, украсившися зелеными листьями, колеблются кроткимъ дыханіемъ зефира, производятъ восхитительный шумъ, дѣлаютъ (!) нѣжныя лобзанія». Поцѣлуи Пошехонскихъ елей и сосенъ окончательно умиляютъ «поселянина», и онъ томно, отрывисто, съ множествомъ точекъ, восклицаетъ: «О предметы!.. Эдемскія красоты!.. Взоры восхищенные!.. Грудь! грудь, питающаяся небесными амврозіями»!... И вдругъ—представьте себѣ—поселянинъ зритъ... не барина, который, какъ поется въ пѣснѣ, «ѣдетъ съ поля, двѣ собачки впереди, два лакея позади»; нѣтъ, ему, поселянину, попадаются навстрѣчу три граціи, «прекрасныя дщери огнеобразнаго Феба». Большой знатокъ миѳологіи, Пошехонскій крестьянинъ задаетъ себѣ вопросъ: «Что же онѣ посреди сего ѳеатра дѣлаютъ»? Оказывается, что граціи рвутъ цвѣточки, а именно «шипки», то-есть шиповникъ. Это единственная черта, вѣрная Пошехонской природѣ, ибо шиповникъ растетъ въ тамошнихъ лѣсахъ, а лилій и розъ не оказывается... Но, вотъ, крестьянинъ идетъ далѣе. Новая встрѣча: предъ нимъ «благословенная чета, жаркою любовью и непоколебимою вѣрностію на вѣки сопряженная». Чета сія садится «на пуховую постель»... Читатель, конечно, цѣломудренно смущается по сему случаю,—и совершенно напрасно; ибо дѣло объясняется очень просто и скромно: любящій высокопарныя фразы поселянинъ называетъ «пуховою постелью» зеленую лужайку. Слѣдуетъ замѣтить, что отъ «сопряженной четы» далеки мірскія наслажденія. Скромный Пошехонскій парень говоритъ не менѣе его скромной дѣвкѣ:

«Видишь ли, возлюбленная, какъ пріятно, какъ мирно протекаютъ сіи кристальныя воды? Надобно и намъ постараться, чтобы всѣ дни нашея жизни во взаимной вѣрности, мирности, спокойствіи, удовольствіи протекали. Видишь ли, какъ чудно щедрая природа стоя-

щія при сихъ играющихъ струяхъ древеса оживила, украсила, сплела нѣжнѣйшимъ союзомъ ихъ колеблющіяся вѣтви? Надобно и намъ постараться, чтобы искренняя любовь, одушевляющая наше счастіе, покой, сердце, жизнь,—таковая, говорю, любовь увѣнчала наши главы небесною діадемою добродѣтелей, соединила воедино наши нѣжныя сердца неразрывнымъ союзомъ вѣрности, возвысила наше блаженство благими и человѣколюбивыми дѣяніями, начертающими имена смертныхъ въ златой книгѣ вѣчной памяти, для чтенія остающимся по нихъ потомкамъ!» и т. д.

Наконецъ, оставивъ ритора-парня съ его красавицей, поселянинъ возвращается домой въ свою убогую хижину, говоря:

«Простите убо, простите, дражайшія мои увеселенія! Я съ вами разлучаюсь!... Разлучаюсь, но не позабуду во вѣки сладчайшихъ вашихъ внушеній. Ахъ, сколь горестно, сколь несносно сіе разлученіе! Но, духъ мой, еще не поражайся вдругъ печалію... Можетъ-быть я еще тогда получу счастіе внити въ священный храмъ природы, когда она для любителей своихъ приготовитъ гораздо великолѣпнѣйшій пиръ»...

Другими словами, поселянинъ мечтаетъ о смерти и желаетъ, чтобы «крылатыя минуты, мѣрящія время, скорѣе летѣли». Тоже самое желаніе высказываетъ какой-то несчастный Флоридъ въ разсказѣ подъ этимъ названіемъ. Весь разсказъ [64]), подобно первому, сейчасъ цитированному, состоитъ изъ голой семинарской риторики и замѣчателенъ обиліемъ восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ. Только прочитавъ его сполна, можно убѣдиться, до чего простиралась наивность редакціи «Уединеннаго Пошехонца»... Адъ кипитъ въ груди Флорида, вопіющаго:

«Отчаяніе! О, лютый тигръ, приближись, расторгни душу мою! Ахъ! что̀ дѣлаю? я хочу жертвовать собою отчаянію? смерти?.. Какое злодѣяіе! Божественная добродѣтель! Колико я тебя оскорбилъ, прогнѣвалъ! Силы мои, останки (sic) разсѣяннаго разсудка! Соберитеся! помогите мнѣ возвратить погибшее великодушіе!. На свѣтѣ для меня ничего нѣтъ. На что жъ мнѣ свѣтъ? Жизнь! несносная жизнь! Я тебя оставлю. Ядъ! Желѣзо! прекратите мои послѣдніе вздохи!».

Этотъ сумбуръ, какъ говорили въ старину, тянется—повѣритъ ли читатель? — на 17-ти страницахъ! Видно, что Ярославскіе Флориды страдали жестоко, а отчего именно, Богъ знаетъ. Мало того, что они заставляли печатать, при жизни своей, сочиненный ими вздоръ,— еще и бальзамировать себя повелѣвали послѣ смерти. «Бальзамируйте тѣло мое, говоритъ Флоридъ, и оставьте позднѣйшимъ потом-

64) Уедин. Пошех., 1786, Мартъ, стр. 204 и слѣд.

камъ для оплакиванія съ симъ печальнымъ надписаніемъ: «прахъ несчастнаго Флорида», покинувшаго «свѣтъ и друговъ», то-есть друзей. — Имя сочинителя этой удивительной, въ своемъ родѣ, повѣсти не сохранилось для потомковъ. Вѣроятно, и прахъ Флорида , вопреки его желанію, давно истлѣлъ. Редакція, помѣщая разсказъ его въ № 3-мъ «Уединеннаго Пошехонца», объяснила въ примѣчаніи: «Сіе сочиненіе сообщено отъ неизвѣстнаго, для помѣщеніе (я) въ мѣсяцѣ Мартѣ».

По вышеприведеннымъ выдержкамъ можно получить ясное понятіе о томъ, какова была «изящная словесность» Уединеннаго Пошехонца. Наивная до крайности, она, эта словесность, любопытна въ томъ отношеніи, что представляетъ собою первые опыты Ярославскихъ писателей-беллетристовъ,—опыты, не заимствованные изъ иностранныхъ литературъ. Что касается переводныхъ разсказовъ и повѣстей, то выборъ ихъ былъ также неудаченъ. Переводы сдѣланы ученическою рукою; во всякомъ случаѣ они не могутъ принадлежать самой редакціи «Уединеннаго Пошехонца», если вѣрно наше предположеніе, что она заключалась въ особѣ Санковскаго, хорошаго знатока иностранныхъ языковъ. Почему онъ допускалъ плохой выборъ въ переводныхъ статьяхъ, почему не уничтожалъ безчисленныхъ галлицизмовъ и германизмовъ—это другой, неразрѣшимый для насъ вопросъ.

Двухъ-трехъ примѣровъ будетъ вполнѣ достаточно, чтобы познакомиться съ переводными разсказами «Уединеннаго Пошехонца».

Восточная повѣсть: Завѣщаніе [63]) обличаетъ ложныхъ друзей. Нѣкто Гассанъ-Бенъ-Ліудъ, человѣкъ богатый, «чувствуя себя неизлечимою болѣзнію объемлемаго и близкою кончиной угрожаемаго», выразилъ желаніе послать за судьей (кадіемъ), для передачи ему своей послѣдней воли. Одинъ изъ друзей умиравшаго, по имени Агибъ, укорилъ его за такое намѣреніе, говоря, что оно преждевременно, а между тѣмъ прежде всѣхъ отправился къ судьѣ, хитро замѣтивъ о необходимости передать имѣніе въ хорошія руки; «по сихъ словахъ вышелъ онъ, отирая глаза, на коихъ не было слезъ». Когда явился кадій, Гассанъ вручилъ ему завѣщаніе и сказалъ: «... Коль скоро ангелъ смерти разрѣшитъ душу мою отъ темницы ея, благоволи открыть сіе завѣщаніе въ присутствіи сродниковъ и друзей моихъ, а особливо въ присутствіи друга моего Агиба». Спустя нѣсколько дней, больной умеръ. Судья, «показавъ собравшимся печать цѣлу и неповрежденну, самъ оную снялъ», и Агибъ, надѣявшійся получить наслѣдство, не получилъ ничего, кромѣ насмѣшливаго совѣта: «впредь лучше избирай предметы обмановъ твоихъ»... Вотъ и вся повѣсть!..

---

63) Уедин. Пошех., 1786, Май, стр. 315 и слѣд.

Другое оригинальное завѣщаніе графа де-Бемброка (?) по крайней мѣрѣ могло достаточно посмѣшить читателей «Уединеннаго Пошехонца» [66]. Въ этой духовной встрѣчаются такія фразы: «Для души моей (?) признаюсь, что часто слыхалъ разговоры о душѣ, но что есть душа, и какое ей опредѣленіе — Богъ знаетъ, а я объ этомъ ничего не вѣдаю. Теперь говорятъ мнѣ о другомъ свѣтѣ, гдѣ я никогда не бывалъ, и не знаю ни на ладонь земли, которая бы туда проводила...» Статейка эта, пропитанная Англійскимъ юморомъ, оканчивается загадочными словами: «Я отказываю душу»... Но кому?— этого не объяснено переводчикомъ, быть-можетъ, вслѣдствіе цензурныхъ условій. Подлинное завѣщаніе свѣрялъ какой-то Наѳаилъ Бриндъ, но вмѣсто слова: «оригиналъ» напечатано: аринигіалій. Это образчикъ плохой корректуры.

Отдѣлъ по естественнымъ наукамъ не богатъ. Тѣмъ не менѣе, заключающіяся въ немъ переводныя статьи изъ «Естественной Исторіи» Боннета [67] должны были интересовать тѣхъ Ярославцевъ, которые не знали Французскаго подлинника этой «Исторіи», переведенной, впрочемъ, вполнѣ на Русскій языкъ въ восьмидесятыхъ годахъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о статьяхъ «Уединеннаго Пошехонца», мало интересныхъ для библіографа, но за то имѣющихъ значеніе, какъ мѣстный историческо-статистическій матеріалъ. Мы разумѣемъ описаніе городовъ и уѣздовъ Ярославской губерніи.

Несмотря на краткость, описанія эти заключаютъ въ себѣ любопытныя данныя объ Ярославскомъ краѣ. Если не ошибаемся, этотъ трудъ принадлежитъ одному лицу, что̀ доказывается частымъ повтореніемъ нѣкоторыхъ выраженій во всѣхъ отдѣльныхъ статьяхъ и единствомъ программы. Въ программу входили: обозначеніе астрономическаго положенія каждаго города, описаніе его герба, исчисленіе фабрикъ, заводовъ, домовъ, церквей, монастырей, цифра городскаго населенія, замѣтки о торговлѣ, ярмаркахъ, качествѣ почвы въ уѣздахъ и проч. Въ статьѣ «О городѣ Ярославлѣ» первый разъ упоминается легендарная борьба великаго князя Ярослава Владимировича съ медвѣдицей. Въ примѣчаніи (стр. 163 и 164) сказано: «Гербъ издревле данъ в. к. Ярославомъ во время шествованія его въ Ростовъ по проливу изъ Которости въ Волгу, по причинѣ, что онъ, нашедъ на медвѣдя, онаго съ помощію людей своея свиты убилъ; проливъ же тотъ именовался Медвѣдицей».

Кончая настоящій очеркъ, мы остаемся при высказанномъ уже раньше убѣжденіи, что Ярославскій журналъ былъ плохъ, даже для своего времени, не очень требовательнаго въ литературномъ отно-

---

[66]) „Ежем. Соч., изд. въ Яр—лѣ", 1787, Іюнь, стр. 335.

[67]) „Ежем. Соч., изд. въ Яр—лѣ", 1787, Августъ, стр. 377 и др.

шеніи. Изъ такой оцѣнки, основанной на справедливости, не слѣдуетъ однако заключать, что составитель «Очерка» желалъ только посмѣяться надъ литературною попыткою Русскихъ провинціаловъ XVIII столѣтія и намѣренно выставлялъ однѣ лишь слабыя стороны этой «попытки». Во всякомъ случаѣ «Уединенный Пошехонецъ» не долженъ оставаться безъ вниманія со стороны Русской библіографіи, какъ первый провинціальный журналъ. Его наивныя статейки въ прозѣ и стихахъ могутъ быть сравнены съ лепетомъ ребенка, который, со временемъ, сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, измѣнитъ свою неправильную рѣчь на болѣе твердую и разумную, чего и слѣдуетъ ожидать (въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ) отъ нашей провинціальной печати. Итакъ, пожелавъ ей хорошихъ свѣтлыхъ дней, взглянемъ съ любовью на сѣрые листочки «Уединеннаго Пошехонца». Литературные памятники старины интересны, какъ и памятники вещественные. Никому въ голову не приходитъ, напримѣръ, смотрѣть на ботикъ Петра Великаго со стороны современнаго развитія корабельнаго искусства, но «Дѣдушка Русскаго флота» все-таки пользуется общимъ уваженіемъ. Нашъ «Уединенный Пошехонецъ» въ своемъ родѣ тоже почтенный «Дѣдушка», и вскорѣ провинціальная Русская печать будетъ имѣть право почтить, такъ или иначе, его столѣтній юбилей.

Л. Трефолевъ.

Анекдотъ о Пушкинѣ.

Сколько извѣстно до сихъ поръ [1]), Пушкинъ былъ въ Екатеринославѣ всего разъ, но пробылъ въ этомъ городѣ около двухъ недѣль. Это случилось въ Маѣ 1820 года. Пребываніе поэта въ Екатеринославѣ продолжалось со дня пріѣзда его въ этотъ городъ, на службу къ И. Н. Инзову, до дня отъѣзда его на Кавказъ съ семействомъ Раевскихъ; точно опредѣлить числа, когда случилось то и другое событіе, пока нельзя. Невольный житель Екатеринослава, Пушкинъ скучалъ въ этомъ городѣ; къ скукѣ присоединилась болѣзнь, жестокая простуда, происшедшая отъ ранняго купанья въ Днѣпрѣ. Жилъ нашъ поэтъ въ какой-то избенкѣ, въ обстановкѣ самой непривлекательной, какъ объ этомъ можно судить по сценѣ, описанной докторомъ Рудыковскимъ, сопровождавшимъ Раевскихъ и навѣстившимъ больнаго поэта. Генералу И. Н. Инзову въ это время было не до Пушкина: онъ былъ занятъ переводомъ попечительства о колонистахъ южнаго края изъ Екатеринослава въ Кишиневъ, куда вскорѣ и самъ отправился. Жизнь въ глухомъ и бѣдномъ городкѣ, при такихъ обстоятельствахъ, не могла прельщать поэта, только что покинувшаго сѣверную столицу и, повидимому, всѣми покину-

---

1) См. Сочиненія „Пушкина", изданіе П. В. Анненкова, т. 1, а также „Пушкинъ въ Южной Россіи", соч. П. И. Бартенева.

таго и забытаго. Но, оказалось, и въ пустынномъ тогда Екатеринославѣ уже знали Пушкина, какъ знаменитаго поэта, и пребываніе его въ городѣ не только огласилось, но и стало событіемъ для людей, восторженно къ нему относившихся. Однимъ изъ тѣхъ людей былъ тогдашній профессоръ Екатеринославской духовной семинаріи, Андрей Степановичъ Понятовскій, Кіевскій уроженецъ и воспитанникъ С.-Петербургской духовной академіи, кандидатъ III выпуска 1819 г. [2]). Понятовскій былъ горячій любитель словесности, отличный знатокъ ея и изъ тѣхъ преподавателей этого предмета, которые такъ рѣдко встрѣчались и встрѣчаются. Ему было въ это время всего 26 лѣтъ. Для пылкаго юноши-педагога ничего не значило отыскать еще юнѣйшаго поэта и представиться ему въ качествѣ горячаго поклонника его таланта. И вотъ Андрей Степановичъ, въ сопровожденіи богатаго Екатеринославскаго помѣщика Клевцова (Сергѣя Серг.), надобно думать, такаго же энтузіаста, отправляется его отыскивать. Находятъ. Входятъ въ лачужку, занимаемую поэтомъ, который, какъ замѣтно, былъ тогда въ раздраженномъ состояніи. Пушкинъ встрѣтилъ гостей, держа въ зубахъ булку съ икрою, а въ рукахъ стаканъ краснаго вина.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ вошедшихъ.

И когда послѣдніе сказали, что желали имѣть честь видѣть славнаго писателя; то славный писатель отчеканилъ имъ слѣдующую фразу:

— Ну, теперь видѣли?.. До свиданья!

Этотъ анекдотъ сообщилъ намъ одинъ изъ учениковъ [3]) Понятовскаго по Екатеринославской гимназіи (1830—1831 гг.), до сихъ поръ благоговѣйно къ нему относящійся, какъ къ превосходнѣйшему учителю словесности. А. С. Понятовскій, по словамъ его, разсказывалъ этотъ анекдотъ «съ неподражаемымъ, достолюбезнымъ Малороссійскимъ юморомъ, котораго у него до самой смерти былъ неистощимый запасъ». Но если такъ, то позволительно предположить, что Понятовскій не все передалъ о Пушкинѣ: зная добродушіе нашего великаго поэта, позволительно думать, что онъ, если не при этомъ свиданіи, то потомъ загладилъ свою рѣзкую выходку передъ людьми, почтившими его такимъ привѣтствіемъ.

М. Де-Пуле.

28 Сентября 1879 г.
Тамбовъ.

---

[2]) Некрологъ его былъ напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1833 г. Онъ окончилъ свою службу старшимъ учителемъ Екатеринославской гимназіи, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и репутаціей отличнѣйшаго педагога.

[3]) Н. С. Рындовскій, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ педагоговъ, бывшій потомъ инспекторомъ училищъ Харьковскаго Учебнаго Округа и главнымъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879.

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1879 года изъ двѣнадцати книжекъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ доставкою на домъ, равно и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію **10** рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію **12** рублей.

Адресъ: Въ Москву, на Садовую, противъ церкви святителя Ермолая, въ домъ Баженовой, № 606, въ Главную Контору Русскаго Архива.

*

Тамъ же можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1877 и 1878 годовъ; остальные годы вышли изъ продажи.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанномъ мѣстѣ.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

„Русскій Архивъ" будетъ выходить въ 1880 году отдѣльными книгами.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879. 10.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина
1879.

КРУГОЗОРЪ,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, КРИТИЧЕСКІЙ, НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Съ 1 Января 1880 года будетъ выходить въ Москвѣ еженедѣльно, по Субботамъ, выпусками въ два печатные листа. Цѣль его способствовать развитію эстетическаго вкуса и давать толковый отчетъ обо всемъ, что̀ появляется интереснаго въ литературѣ, искусствѣ и наукѣ у насъ въ Россіи и за границей. Мы хотимъ, чтобы человѣкъ, не имѣющій времени, средствъ, да иногда и охоты изучать спеціальныя сочиненія, знакомиться на мѣстѣ съ работами художниковъ, но интересующійся однако современною умственною жизнію, могъ слѣдить за всѣми ея выдающимися явленіями. Указывая на нихъ, мы будемъ стараться вникнуть въ ихъ смыслъ, выяснить внутреннюю связь между ними, опредѣлить ихъ относительное достоинство. Другими словами, въ нашемъ журналѣ на ряду съ изящною литературою, съ научными изслѣдованіями, съ библіографіей, съ театральною хроникой, съ извѣщеніями о замѣчательныхъ произведеніяхъ архитектуры, ваянія, живописи и музыки, займетъ значительное мѣсто критика, въ истинномъ значеніи этого слова. Отыскивать существенное въ случайномъ, общее въ частномъ, привлекать вниманіе на положительную сторону жизни, а не на отрицательную ея сторону—вотъ наше направленіе; другаго у *Кругозора* не будетъ.

Редакція и контора въ Москвѣ, на Малой Никитской, въ домѣ Полуэктова, открыта ежедневно отъ 2 до 5 часовъ пополудни, а по Субботамъ отъ 8 до 12 часовъ утра.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой.		Безъ доставки и пересылки.	
На годъ	7 р.	На годъ	6 р.
» 6 мѣсяцевъ	4 »	» 6 мѣсяцевъ	3 »
» 4 мѣсяца	3 »	» 4 мѣсяца	2 »

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи; у книгопродавцевъ: Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, Глазунова, Готье и Ланга на Кузнецкомъ Мосту.

Издатель-редакторъ *Ипполитъ Павловъ.*

Кучукъ-Кайнарджиский миръ.

БУМАГИ ОТНОСЯЩІЯСЯ ДО ЗАКЛЮЧЕНІЯ ЭТОГО МИРА.

(Съ 17 Января по 19 Іюня 1775 года).

Благодаря особому снисхожденію и предупредительности покойнаго князя Михаила Андреевича Оболенскаго, мнѣ удалось, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, сдѣлать многочисленныя выписки изъ разныхъ дѣлъ, находящихся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, для приготовлявшейся тогда диссертаціи на степень магистра международнаго права, на тему: «Кучукъ-Кайнарджиский трактатъ 10 Іюля 1774 года», съ предварительными до него переговорами и ближайшими къ нему послѣдствіями.

Многія причины воспрепятствовали мнѣ въ то время докончить начатый трудъ, который преимущественно долженъ былъ опираться на неизданные документы, хранящіеся въ вышеозначенномъ архивѣ, а также въ Петербургской Публичной Библіотекѣ. Въ послѣдующее за тѣмъ время, нѣкоторыя, сдѣланныя мною, выписки затерялись, другія утратили въ настоящее время значеніе, а остальныя, по предложенію П. И. Бартенева, доставляются здѣсь для напечатанія въ Русскомъ Архивѣ.

Приводимые ниже документы по формѣ и подробностямъ не отвѣчаютъ вполнѣ подлиннымъ, такъ какъ имѣлось въ виду заимствовать только пригодный для диссертаціи матеріалъ; а потому они не имѣютъ употреблявшихся въ письмахъ, рескриптахъ и донесеніяхъ заголовковъ и заключительныхъ словъ, а также нѣтъ въ нихъ полной послѣдовательности и непрерывности содержанія. Но все главное, касающееся до переговоровъ предъ заключеніемъ трактата и послѣ объ исполненіи его, выписано, какъ изъ подлинныхъ документовъ, такъ и офиціальныхъ копій, вполнѣ правильно. Однако и въ такомъ видѣ представляемыя выписки изъ Архива Иностранныхъ Дѣлъ по своему содержанію и направленію весьма важны и для нынѣшняго времени, хотя съ тѣхъ поръ протекло уже болѣе ста лѣтъ и говорится въ нихъ о предметахъ, давно разрѣшенныхъ. Отчасти касаются онѣ и такихъ сторонъ дѣла, которыя и теперь еще не получили окончательнаго разрѣшенія.

Первымъ документомъ печатается здѣсь копія бумаги, отъ 17 Января 1774 года, въ которой императрица Екатерина обратилась къ фельдмаршалу Румянцову съ требованіемъ, чтобы подъ его начальствомъ находящаяся армія перенесла наступательныя дѣйствія на супротивный берегъ Дуная въ увѣренности, что такой переходъ черезъ Дунай сдѣлаетъ

скорой конецъ войны. Слова эти незабвенной Екатерины оказались пророческими, и не болѣе какъ въ полгода армія наша достигла пораженіями неприятеля въ самыхъ Балканахъ, въ 40 верстахъ за Шумлою, и Румянцовъ имѣлъ счастіе силою оружія одержать миръ, какого никто не ожидалъ, да и ожидать не могъ. Этотъ документъ указываетъ, что планъ перехода арміи черезъ Дунай принадлежалъ Екатеринѣ, а осуществленіе его Румянцову, и въ настоящее время онъ не потерялъ значенія, какъ видно изъ послѣднихъ дѣйствій Русской арміи, успѣвшей принудить Турокъ къ миру только за Балканскими горами.

Всѣ другіе, до заключенія Кучукъ-Кайнарджискаго трактата, документы подтверждаютъ, что войну съ Турціею зажгли злоба и происки взаимныхъ нашихъ ненавистниковъ, и онѣ бывали продолжительными, потому что постороннія ненавистники славы имперіи нашей имѣютъ большую въ Туркахъ инфлюенцію, а въ переговорахъ для заключенія мира политика Турецкая всегда на себя походитъ, и визирь готовится тянуть негоціаціи, чтобы томить наше терпѣніе и тѣмъ выторговать лутчія условія. Не то-ли самое мы видѣли въ послѣдніе годы, когда былъ возбужденъ и на время разрѣшенъ восточный вопросъ?

Изъ послѣдующихъ документовъ, трактующихъ объ исполненіи Кучукъ-Кайнарджискаго трактата, выясняется, что почти тотчасъ по заключеніи мира Порта оказалась несклонною къ точному исполненію условій, стала откладывать ратификацію ихъ, пока не изъяснены будутъ пункты, которые могутъ быть истолкованы въ предосужденіе ея и по внушеніямъ и интригамъ, кои раждаетъ зависть и собственные интересы державъ постороннихъ: она обратилась къ Прусскому королю о заступленіи. Другая сторона, равносодѣйствующая, Австрія чрезвычайно недовольна была заключеніемъ трактата и, спустя три мѣсяца по заключеніи мира между Россіею и Турціею, заняла своими войсками часть Молдавіи подъ предлогомъ, что когда-то она принадлежала Польшѣ.

Къ счастію для Россіи, переговоры объ исполненіи трактата велись самимъ Румянцовымъ, и на упорство Турокъ и интриги Австріи и Пруссіи онъ отвѣчалъ знаменательными и поучительными словами визирю: перемѣна договоровъ вслѣдъ за постановленіемъ оныхъ была бы предосудительна достоинству и славѣ дворовъ, а Петерсону, повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, дозволилъ обѣщать до 300,000 рублей тому, кто въ состояніи преломить всѣ происки недоброжелательствующихъ и чтобы ратификація на трактатъ была послана и всѣ бы артикулы были выполнены. На угрозы войною Румянцовъ писалъ Прусскому посланнику въ Константинополѣ Цегелину такъ: Si la guerre doit recommencer, je crois que nous la ferons avec beaucoup plus d'avantage *). На захватъ Австріею части Молдавіи, Румянцовъ

*) Если война возобновится, я думаю, что мы поведемъ ее съ значительно большимъ успѣхомъ.

указывалъ Екатеринѣ, что нужно намъ выйти изъ Молдавіи, и Турки, вшедши здѣсь въ положеніе безпосредственное съ Австрійцами, скорѣе между собою могутъ сцѣпиться и имѣть дѣло желательнымъ образомъ.

Взглядъ и энергія Румянцова, не испугавшагося козней завистливыхъ державъ и даже возобновленія войны съ Турціею, усвоены были правительствомъ Екатерины и довели дѣло объ исполненіи трактата до конца, послѣ чего значеніе Россіи въ широкихъ размѣрахъ усилилось, и радикально измѣнились отношенія ея къ Турціи; да и не остались прежнія къ другимъ государствамъ, которыя и тогда уже враждовали съ нею, правда съ замѣтною робостію, но все-таки неуклонно стараясь въ мутной водѣ рыбу ловить.

Не повтореніе-ли всего нами указаннаго видѣли мы въ послѣдней войнѣ съ Турціею, когда враждебныя державы интриговали противъ насъ въ Константинополѣ, а дружественная къ намъ Австрія успѣла захватить уже не малую часть Молдавіи, а цѣлыя Славянскія страны, подъ инымъ предлогомъ, благодаря преимущественно тому, что узелъ переговоровъ находился не въ рукахъ энергическаго патріота, государственнаго мужа, фельдмаршала Румянцова?

Шаховской.

I.

17 Января 1774 года.

Екатерина пишетъ графу Румянцову.

Достиженіе мира на честныхъ и полезныхъ Отечеству условіяхъ есть единый предметъ желаній нашихъ. Въ политическихъ негоціаціяхъ какъ равно счастливаго конца, сколько и неудачи ожидать должно, то и слѣдуетъ намъ приготовить сильнѣйшія средства къ вынужденію сего драгоцѣннаго блага силою оружія. Могутъ-ли успѣхи его, по существу своему, чувствительнѣй быть какъ въ той сторонѣ, гдѣ есть середина непріятеля, ведущая до самой его столицы? Вслѣдствіе сего признаемъ за необходимое, чтобы ваша армія перенесла наступательныя свои дѣйствія на супротивный берегъ Дуная, какъ для наведенія страха въ Цареградскихъ жителяхъ, такъ и для содержанія здѣшняго нашего сосѣда въ респектѣ, мнѣніемъ, что переходъ черезъ Дунай сдѣлаетъ скорый конецъ войны. Овладѣніе Варны и прогнаніе визиря изъ Шумлы могутъ представляться вамъ первыми стезями къ приближенію мира. Ожидаемъ мы счастливыхъ успѣховъ, коимъ не предѣлъ Балканскія горы.

II.

14 Февраля 1774 года.

Рескриптъ къ графу Румянцову.

Вамъ извѣстно о смерти султана Турецкаго и что его братъ Абдулъ-Гаметъ возведенъ на мѣсто умершаго черезъ два часа. А какъ, по примѣрамъ прежнихъ временъ, можно помышлять, что та-

кая важная перемѣна произведетъ сколько ни есть внутреннее въ сералѣ волненіе и нѣкоторую потому разстройку въ общихъ политическихъ ея системы и военныхъ мѣрахъ Порты, то и требуетъ взаимно отъ насъ благоразумная прозорливость поставить себя въ готовое состояніе воспользоваться наилучшимъ образомъ могущею быть оплошностію непріятеля нашего, послѣдующею изъ новой въ правленіи перемѣны. Патріотеческое ваше усердіе къ службѣ и славѣ нашей не дозволяетъ намъ сумнѣваться, чтобы вы не воспользовались всѣми тѣми удобностями, которыя вамъ впредь настоять будутъ, по случаю сей султанской смерти, и восхотѣли мы поспѣшествовать истинной пользѣ Имперіи, то-есть скорѣйшему доставленію ей драгоцѣннаго мира, препоручивъ вамъ устроить безъ всякой огласки достаточный корпусъ войскъ, чтобъ оной по первому вашему приказу могъ перенестись на супротивный берегъ Дуная и ударить на Силистрію и Варну въ такомъ случаѣ, когда бы между непріятельскими войсками начали являться оплошность и разстройство отъ перемѣны въ Константинополѣ верховнаго правительства. Такая экспедиція можетъ намъ безъ знатнаго урона отдать въ руки и Варну, и Силистрію, слѣдовательно и послужитъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ вынужденію отъ Турковъ мира; ибо наше соизволеніе есть, чтобы, сколь скоро оба сіи мѣста или же и одно изъ нихъ войсками нашими схвачены были, вы, не упуская перваго въ непріятелѣ ужаса, предложили отъ себя верховному визирю возобновленіе мирной негоціаціи, но съ тѣмъ, чтобы оную, для выигранія времени и сокращенія всякихъ затрудненій, производить уже между вами обоими.

Даруй Боже, чтобы сей кратчайшій и счастливый путь скоро отверстъ быть могъ. Что̀ касается до существа мира, въ томъ достаточное преподадутъ вамъ руководство какъ послѣднія наши тайному совѣтнику Обрѣзкову во время Бухарестскаго конгресса данныя повелѣнія, такъ и персональныя его вамъ изъясненія.

III

10 Апрѣля 1774 года.

Рескриптъ графу Румянцову.

Всѣ Константинопольскія извѣстія гласятъ, что новый султанъ, взявъ себѣ въ примѣръ время правленія султана Махмуда, предалъ неограниченно всю власть свою верховному визирю. Нынѣ отъ дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго мы имѣемъ сильнѣйшія обнадеживанія, что взаимные ихъ при Портѣ министры, общими силами, стараться будутъ о исходатайствованіи того, чтобъ и заключеніе самаго мира оставлено было въ полную диспозицію визиря. А какъ извѣстная сего министра склонность къ прекращенію войны должна усугубляться надобностію самоличнаго въ Царѣградѣ присутствія

къ учрежденію въ сералѣ интригъ, гдѣ черные евнухи тщатся держать султана въ заперти и въ совершенномъ отъ дѣла удаленіи; то и можно думать, что онъ охотно сдѣлаетъ первое предложеніе о безпосредственной между вами негоціаціи, или же съ радостію ухватится за всякій поводъ, который вы ему преподадите. Мы въ семъ предположеніи наипаче утверждаемся потому, что Вѣнскій дворъ для вящаго побужденія Порты велѣлъ ей, по требованію нашему, объявить чрезъ Тугута, что онъ, видя упорность Порты противу всѣхъ нашихъ кондицій, принужденнымъ себя нашелъ возвратить намъ полученное отъ насъ слово о княжествахъ Молдавскомъ и Волоскомъ, слѣдовательно и оставить ихъ отнынѣ единому жребію оружія. Когда дѣло дойдетъ до дѣйствительнаго трактованія мирной негоціаціи, короче всего будетъ пойтить съ пункта, гдѣ Бухарестскій конгрессъ остановился, утвердя напередъ всѣ статьи, кои на ономъ уже подписаны или въ существѣ своемъ одержаны были согласіемъ рейсъ-эфендія. Подписанные артикулы: 1) о возстановленіи вѣчнаго мира и амнистіи взаимныхъ подданныхъ, 2) о Грузіи и уничтоженіи Портою навсегда дани христіанскими мальчиками и дѣвочками, 3) о Кабардахъ съ предоставленіемъ хану Крымскому согласиться на уступку оныхъ Россіи, 4) о выдачѣ бѣглецовъ взаимныхъ, 5) о будущихъ министрахъ Россійскихъ въ Константинополѣ, какъ съ ними поступать въ разныхъ случаяхъ, 6) о совершенной по прежнему свободѣ въ посѣщеніи святыхъ мѣстъ, 7) о содержаніи впредь нашимъ дворамъ при Портѣ министра 2-го ранга и объ опредѣленіи ему въ церемоніалѣ мѣста послѣ Римскаго императорскаго интернунція, 8) о переводчикахъ, въ службѣ Россійскаго двора находящихся, 9) о неограниченной на обѣ стороны свободѣ заводить и строить въ своей сторонѣ новыя селенія и крѣпости, 10) о взаимномъ освобожденіи всѣхъ плѣнныхъ, и Грузинцовъ, и Поляковъ. Соглашенные пункты: 1) объ уступкѣ Россіи Азова съ прежнимъ его уѣздомъ, 2) о политической и гражданской вольности Крымскихъ и другихъ Татаръ съ предохраненіемъ правъ Магометанскаго закона, 3) о дозволеніи воздвигнуть и имѣть въ Царѣградѣ Россійскую церковь подъ покровительствомъ нашего двора и его будущихъ при Портѣ министровъ, 4) о допущеніи Россійскаго кораблеплаванія и торговли въ Бѣломъ морѣ со всѣми преимуществами, которыя тамъ другія дружественныя великія державы имѣютъ, 5) о употребленіи при Африканскихъ варварскихъ правительствахъ, для обезпеченія и облегченія Россійскаго мореплаванія, тѣхъ средствъ, которыхъ употребляетъ у нихъ Порта въ пользу другихъ народовъ, а особливо, 6) о присвоеніи впредь намъ свойственнаго на Турецкомъ языкѣ титула «падишахъ», который по сю пору одни короли Французскіе у Порты одержать могли. Изъ сего явствуетъ, что вся трудность замиренія стала только на двухъ пунктахъ, то-есть на уступкѣ Рос-

сіи на Крымскомъ полуостровѣ Керчи и Яни-Кале съ ихъ уѣздами, да на безпрепятственной свободѣ всякаго кораблеплаванія по Черному морю.

Познавъ довольно, что Турецкая претительность въ сихъ обоихъ пунктахъ непреодолима (ибо Порта поставляетъ ихъ для самаго бытія своего крайне предосудительными и опасными), соглашаемся на ограниченіе кораблеплаванія по Черному морю и на оставленіе Татарамъ Керчи и Яни-Кале, если Порта согласится доставить имъ въ полную власть и владѣніе всѣ крѣпости въ Крыму, на Таманѣ и въ Кубани со всею землею отъ рѣки Буга по Днѣстръ, которая бы могла служить живою границею, если она въ тоже время признаетъ для Россіи качество постановленнаго уже съ Татарами ручательства въ пользу ихъ гражданской и политической вольности и независимости съ принятіемъ на себя, буде похочетъ, равнаго обязательства, и если уступитъ она намъ въ замѣну всѣхъ нашихъ толь великихъ и важныхъ уступокъ городъ Очаковъ, да замокъ Кинбурнскій съ ихъ окружностями и степью по Бугъ. Вотъ послѣдніе предѣлы уступокъ. Хотя одержаніе ручательства и доставило бы намъ отъ Порты самое ясное право вступиться послѣ за Татаръ и ихъ вольность, когда бы Турки на оную покушаться стали, но мы не сдѣлаемъ затрудненія жертвовать онымъ доставленію мира; ибо право наше въ семъ случаѣ будетъ tacitement *) утверждено мирнымъ трактатомъ, слѣдовательно и будемъ мы отъ онаго имѣть справедливое право почитать всякую попытку вопреки Татарской вольности и политическаго ихъ бытія за безпосредственное нарушеніе самаго мира. Сверхъ того остается еще предъ нами во всей своей силѣ собственное обязательство Татаръ, а по симъ обоимъ резонамъ и позволяемъ мы вамъ оставить въ молчаніи требованіе наше о признаніи Портою нашего ручательства, когда вы въ теченіи негоціаціи увѣритесь, что оное успѣху и совершенію ея препятствовать и вредить можетъ. Въ случаѣ нужды требовать только испражненія и раззоренія Очакова, а въ случаѣ крайней и такой уже необходимости, которая бы окончаніе мирной негоціаціи или новый ея разрывъ дѣлала отъ себя зависимою, оставить оной и Туркамъ съ выговореніемъ для себя при Кинбурнѣ съ округомъ степи по Бугъ.

Считаемъ нужнымъ войти отчасти и въ раздробленіе тѣхъ резоновъ, которые къ удостовѣренію Порты въ истинныхъ нашихъ намѣреніяхъ служить могутъ. Всѣ наши по сю пору войны происходили, по большей части, за Татаръ и отъ Татаръ. Порта неоднократно признавалась двору нашему, что не въ силахъ обуздать хищность и своевольство сего легкомысленнаго народа. До-

---

*) Безмолвно.

колѣ продолжался миръ, не дозволяли мы себѣ къ обезпеченію и огражденію границъ нашихъ другихъ средствъ, кромѣ дружескихъ представленій Портѣ. Тутъ при каждомъ почти случаѣ принуждены были довольствоваться одними извиненіями и тщетными для переду обѣтами Турецкихъ министровъ; но какъ война разрушила всю прежнюю политическую связь, заставила насъ стараться о изысканіи для переду совсѣмъ новаго образа и основанія будущему миру, дабы сохраненіе его сдѣлать совсѣмъ независимымъ отъ своевольства и дерзости наглыхъ Татаръ. Благословеніе Всевышняго открыло намъ къ тому два пути: одинъ совершеннымъ истребленіемъ Татаръ силою оружія, которые по овладѣніи Крыма и состояли уже въ нашей волѣ, а другой чрезъ превращеніе бытія Татаръ до такой степени, чтобы сдѣлать изъ нихъ, вмѣсто народа хищнаго, народъ къ тихому и порядочному общежитію способный, слѣдовательно и не меньше другихъ интересованный въ сохраненіи общаго мира. Человѣколюбіе наше предъизбрало безъ всякаго размышленія тотъ путь, который сооружаетъ, а не разрушаетъ блаженство цѣлаго народа, и для того рѣшились мы даровать всѣмъ Крымскимъ и Нагайскимъ Татарамъ вольность и постановить ихъ посреди обѣихъ имперій баріерою, которая бы цѣлостію своею и ту, и другую интересовала. Въ семъ-то намѣреніи требовавъ отъ Порты подобнаго нашему признанія Татаръ націею вольною и независимою, не сдѣлали мы затрудненія дозволить султану всѣ духовныя права, кои ему по Магометанскому закону принадлежатъ, яко калифу и главѣ онаго. Въ нѣкоторое уравненіе толь важной поверхности султана надъ Татарами, слѣдовательно въ прочное навсегда утвержденіе ихъ гражданской и политической вольности и наипаче въ пріобрѣтеніе пункта, отъ котораго бы взаимная торговля могла процвѣтать, а со временемъ и составить изъ себя для подданныхъ обѣихъ имперій новый узелъ пользы ихъ и тѣмъ сдѣлать сохраненіе мира и покоя больше важнымъ и нужнымъ, желали мы имѣть на полуостровѣ Керчь и Яни-Кале съ небольшою къ симъ окружностію земли, дабы тамъ учредить штапель торговли и имѣть въ близости готовую для Татаръ отпору, еслибы покусилась когда ни есть Порта на ихъ вольность, подобно какъ она на случай отъ насъ опасенія имѣла бы въ своихъ рукахъ крѣпость Очаковскую. Керчь и Яни-Кале могли бы еще и къ тому сначала служить, чтобы самыхъ Татаръ обуздывать, ежели бы они до совершенной своей привычки къ вольности и къ новому образу житія въ корпусѣ независимой и соціальной націи попустились, слѣдуя прежнимъ своимъ дикимъ нравамъ, на развратъ добраго сосѣдства въ границахъ нашихъ или Порты: ибо мы безопасность и цѣлость оныхъ стали бы въ новомъ мирномъ положеніи постановлять наравнѣ съ безопасностію и цѣлостію нашихъ. Не удаляемся мы жертвовать нашимъ требованіемъ о Керчи и Яни-Кале,

буде Порта взаимно согласится уступить намъ на вышесказанномъ основаніи Очаковъ и Кинбурнъ съ землею по Бугу. Уступка эта можетъ принесть интересамъ Порты истинную пользу чрезъ совершенное удаленіе взаимныхъ границъ отъ безпосредственнаго сосѣдства, которое бываетъ часто причиною непріятныхъ на обѣ стороны хлопотъ, а иногда самаго разрыва. Если не согласятся Турки, то съ уступкою намъ Кинбурна, требуя раззоренія Очаковской крѣпости, можете вы приводить имъ въ обличеніе, что оставленіе маловажнаго города не можетъ равновѣсить иждивенію и опасности и одной кампаніи. Мы желаемъ, чтобы вы на сей чертѣ сколько можно долѣе держались до истощенія всѣхъ другихъ средствъ къ одержанію мира. Напослѣдокъ, оставьте Туркамъ Очаковъ, а для Россіи Кинбурнъ съ нѣкоторою окружностію и со всею по Бугъ землею. Главнѣйшій резонъ тотъ, что обѣ стороны будутъ имѣть равные ключи къ надзиранію за Татарами и къ заведенію торговли. Сіи суть послѣдніе и отнюдь непреступаемые предѣлы нашихъ намѣреній.

IV.

10 Апрѣля 1774 г.

Рескриптъ графу Румянцову.

Возвѣщаете вы намъ вновь полученное отъ верховнаго визиря письменное приглашеніе къ возобновленію мирной негоціаціи. Достигнуто для насъ одержаніе сего поступка не общимъ еще домогательствомъ посредствующихъ дворовъ, Вѣнскаго и Берлинскаго, на коемъ мы въ разсужденіяхъ нашихъ основывали здѣсь возможность и вѣроятность послѣдовавшаго нынѣ визирскаго отзыва, а по однимъ только сему общему ихъ домогательству предшествовавшимъ внушеніямъ и совѣтамъ короля Прускаго, яко взаимнаго обѣимъ имперіямъ друга; но сіе самое долженствуетъ усугублять надежду нашу въ желаемомъ успѣхѣ. Для споспѣшествованія оному желаемъ мы, чтобы вы возъимѣли стараніе учредить съ находящимися въ Царѣградѣ министрами Вѣнскимъ и Прускимъ корреспонденцію, для облегченія и изъятія изъ среды повстрѣчающихся препонъ, а наипаче для благовременнаго и надежнаго въ настоящую пору свѣдѣнія истинныхъ мнѣній и резолюцій Порты при каждомъ особливомъ случаѣ... Мы увѣрены, что вы тутъ ни денегъ, ни труда не пожалѣете къ изысканію порядочныхъ и вѣрныхъ каналовъ, независимо отъ той способности, которую иногда отъ визиря взаимствовать можно будетъ чрезъ употребленіе сего посредства для пересылки вашихъ писемъ къ Тугуту и Зегелину, яко министрамъ двухъ дружескихъ и обѣимъ сторонамъ добрыми своими офиціями равносодѣйствующихъ дворовъ, а особливо, есть ли бы вы теперь, при началѣ негоціаціи, могли доставить симъ министрамъ отъ себя съ довольною безопасностію нарочной цифирной ключъ...

Вашъ отвѣтъ визирю лутче быть не могъ, такъ какъ не оставилъ Туркамъ мѣста къ возмечтанію, будто мы въ желаніи мира ихъ упреждаемъ по какой либо необходимой надобности, и что потому имъ кондиціи свои еще болѣе прежняго напрягать можно....

Хотимъ мы индиковать тотъ извѣстный способъ, которой съ Турками предъ симъ часто сильнѣе и дѣйствительнѣе другихъ бывалъ. Мы разумѣемъ тутъ употребленіе знатной суммы денегъ, хотя до ста тысячъ рублей, къ пріобрѣтенію въ самой ставкѣ верховнаго визиря такого канала, которой бы взялся за совершеніе мира на опредѣленныхъ отъ насъ новыхъ основаніяхъ оному; мы уполномочиваемъ васъ на испытаніе онаго способа. Авось откроется нынѣ чрезъ деньги такая способность....

Напишите верховному визирю, что для учиненія начала въ мирной негоціаціи возобновляете ему въ памяти прежде отъ насъ положенныя будущему миру основанія, кои состоятъ: 1) въ уменьшеніи способности впредь къ разрыву постановляемаго трактата вѣчнаго мира и вѣчной дружбы, 2) въ доставленіи намъ справедливаго удовлетворенія за убытки войны, коего бы Порта конечно съ резономъ отъ насъ требовать могла и стала при счастливыхъ успѣхахъ оружія ея, 3) въ освобожденіи отъ порабощенія торговли и мореплаванія безпосредственною связію между поданными обѣихъ имперій для вящей ихъ пользы и взаимнаго блаженства, дабы оными сохраненіе мира учинить тѣмъ полезнѣйшимъ и важнѣйшимъ для обѣихъ народовъ, слѣдовательно же вяще драгоцѣннѣйшимъ для управляющихъ дѣлами ихъ.... и вы ожидаете, что онъ согласится признать и употребить ихъ къ учрежденію возобновляющихся негоціацій, ибо они въ существѣ своемъ доказываютъ искренность и святость намѣреній нашихъ утвердить и обезпечить будущій нашъ миръ на общеполезныхъ и непоколебимыхъ правилахъ; что вы, для сокращенія взаимныхъ вашихъ трудовъ, слѣдовательно и для выигранія драгоцѣннаго времени, предлагаете ему принять за благо и рѣшительно подтвердить всѣ тѣ артикулы, кои на Бухарестскомъ конгресѣ взаимными полномочными отчасти дѣйствительно подписаны, а отчасти соглашены были, тѣмъ наипаче яко оный конгресъ не разрушенъ, а обстоятельствами прерванъ, въ чемъ свидѣтельство преподаетъ при разъѣздѣ пословъ ими заключенная, а вами обоими ратификованная конвенція; что какъ нѣкоторыя предложенія наши по непринятію Порты сдѣлались причиною безплоднаго до времени пословъ разъѣзда съ сборнаго мѣста, а другія совсѣмъ почти безъ разсмотрѣнія и отвѣта оставлены были: то вы просите его сообщить вамъ съ искренностію и довѣренностію какъ примѣчанія его на тѣ пункты, кои не успѣли еще на конгресѣ совсѣмъ очищены и опредѣлены быть, такъ и дозволяемыя нынѣ отъ Порты модификаціи вмѣсто непринятыхъ и теченіе негоціаціи прервавшихъ статей; ибо сама Пор-

та давно признала справедливость требуемаго нами удовлетворенія.

Сей отзывъ вашъ откроетъ намъ истинный образъ мыслей верховнаго визиря во всемъ его пространствѣ или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой его части, чего для васъ довольно быть можетъ для опредѣленія, сколь далеко взаимная ваша откровенность простираться долженствуетъ, и какими опять, въ продолженіе переговоровъ, нисходить степенями въ дозволенныхъ вамъ облегченіяхъ, примѣняясь къ большей или меньшей податливости верховнаго визиря, дабы у него сколько можно болѣе выторговать, не истощая однако втунѣ до конца персональной его къ миру склонности. Для сего весьма бы полезно было благовременное и надежное познаніе тѣхъ предѣловъ, до которыхъ онъ относительно къ нашему удовлетворенію, къ Татарской вольности и къ мореплаванію по Черному морю идти собою рѣшился, или же отъ Порты уполномоченъ. Пріобрѣтеніе такого знанія заслуживаетъ и дорогою цѣною куплено быть, почему мы васъ уполномочиваемъ жертвовать знатною суммою денегъ.

V.

6 Мая 1774 г.

Рескриптъ къ генералу графу Алексѣю Орлову *).

Во все теченіе настоящей войны нашей съ Турками, одержанныя нами побѣды и выгоды надъ симъ непріятелемъ, сколь ни существенно долженствовали вселять въ него искреннее желаніе къ прекращенію войны, но посторонніе ненавистники славы Имперіи нашей, имѣя большую въ немъ инфлюенцію по его невѣжеству... обольщаютъ его мечтою, что или таковое упорство его въ продолженіи войны приведетъ насъ до препорученія интересовъ нашихъ ихъ медіаціи, или же, что они разными своими собственными вооруженіями разстроятъ всѣ наши мѣры... При таковыхъ сильныхъ и безпрестанныхъ внушеніяхъ отъ враждующихъ намъ внутренно державъ, непріятель оказалъ нынѣ желаніе къ возобновленію мирныхъ договоровъ чрезъ переписку между верховнымъ визиремъ и генералъ-фельдмаршаломъ; то, по сему нѣжному и критическому положенію дѣлъ между войны и мира, политическій резонъ требуетъ, чтобъ намъ нималѣйше не показать себя непріятелю въ сокращенной предъ прежнимъ военной позитурѣ. Главнѣйшее стараніе ваше долженствуетъ простираться на пресѣченіе торговли и мореплаванія собственныхъ непріятельскихъ поданныхъ, воспрещать входу непріятельскихъ кораблей въ Архипелагъ и стараться побивать изъ нихъ тѣхъ, кои бы показываться стали. А какъ симъ средствомъ непріятелю пресѣчете вы способы къ собиранію съ Архипелагскихъ острововъ обыкновенной

*) Находившемуся въ Ливурнѣ.

подати, то и слѣдуетъ изъ сего право наше обращать тѣ самыя подати въ пользу флота нашего.

VI.

25 Мая 1774 г.

Нота верховнаго визиря къ графу Румянцову.

... Вамъ извѣстно, что артикулъ объ умѣренномъ удовлетвореніи, прежде сего отъ насъ представленный, утверждался на слѣдующихъ кондиціяхъ: чтобъ постановлена была вольность Татаръ во всей силѣ сходственно съ закономъ Магометанскимъ, не требуя ни гарантіи, ни ручательства, ни равности, и чтобъ исключая Азова всѣ прочія крѣпости и границы оставлены и со всѣмъ въ прежнемъ ихъ образѣ отданы и вручены были Портѣ. А какъ Порта, по причинѣ предосужденій относящихся къ владѣніямъ и закону ея, не приняла артикуловъ, которые и теперь вновь заключенію мира препятствуютъ, то и прекращены конференціи.

VII.

9 (20) Juin 1774.

Copie de la lettre du feld-maréchal comte Roumanzow à m. de Zegelin, ministre de s. m. le roi de Prusse à la Porte Ottomane.

Ma cour était sur le point de faire le sacrifice de toutes ses conquêtes, si la Porte ne se refuserait point de nous céder Oczakow avec le forts de Kinbourn et de Hadzybei pour la sûreté future de nos frontières. Dans l'état où les deux puissances belligérantes se trouvent on ne pouvait pousser plus loin la modération.

J'offrais de me désister, par rapport à la Crimée, de tout ce qui pourrait être contraire à la réligion mahometane, à laquelle on prétendait que notre arrangement proposé portait atteinte, et auquel on disait ne pouvoir point donner la main en qualité de calife. Le vizir vient de me faire entendre que la situation de nos affaires en Crimée avoit totalement changée. Les préliminaires de la paix que je proposais sont justes et équitables. On refuse de les accepter. Le grand-vizir a le choix de la paix ou de la guerre entre ses mains. De la manière qu'on en agit avec nous, la gloire de notre Empire y devient de plus en plus intéressée; j'ose même avancer que déjà pour le moment, je ne serais plus d'avis de leur accorder la paix aux mêmes conditions. Si je comte encore sur quelque chose, c'est sur vos bonnes offices. Peut-être sauriez vous prévenir les suites d'une présomption mal entendue.

9 (20) Іюня 1774.

Копія съ письма фельдмаршала графа Румянцова къ г-ну Цегелину, министру его величества Прусскаго короля при Оттоманской Портѣ.

Дворъ мой готовъ былъ пожертвовать всѣми своими побѣдами, если бы Порта не отказалась уступить намъ Очаковъ съ укрѣпленіями Кинбурномъ и Гаджи-

беемъ для будущей безопасности нашихъ границъ. Нельзя было простирать дальше умѣренности въ виду положенія, въ коемъ находятся обѣ воюющія державы.

Относительно Крыма я готовъ былъ отказаться ото всего, что̀ могло быть противно Магометанской вѣрѣ, на которую ссылались, не принимая предложеннаго нами соглашенія и утверждая, что султанъ, въ качествѣ калифа, не можетъ допустить его. Визирь далъ мнѣ знать, что положеніе нашихъ дѣлъ въ Крыму совершенно перемѣнилось. Прелиминаріи мира, которые предлагалъ я, справедливы и правомѣрны. Ихъ не соглашаются принять. Великій визирь можетъ свободно выбирать между миромъ и войною. Слава нашей имперіи все болѣе сопрягается съ тѣмъ, какъ съ нами обращаются; смѣю даже заявить, что въ настоящее время я не согласенъ буду идти на миръ при условіяхъ прежнихъ. Я разсчитываю единственно на ваши добрыя услуги. Быть можетъ, вы съумѣете предотвратить послѣдствія неразумной притязательности.

VIII

23 Мая 1774 г.

Отвѣтная нота визирю отъ графа Румянцова.

...На 27 конференціи на Бухарестскомъ конгрессѣ, 4-го Февраля, посолъ нашего двора объявилъ, что дворъ нашъ тогда уступитъ Портѣ всѣ прочія свои завоеванія и откажется отъ наисправедливѣйшаго удовлетворенія за чрезмѣрные убытки, причиненные ему настоящею войною, ежели Порта признаетъ Татаръ независимыми, если уступитъ Яникулъ, Керчь и Кинбурнъ Россіи, разоритъ Очаковъ и признаетъ баріерою все пространство земли, между Бугомъ и Днѣстромъ лежащее, если уступитъ Татарамъ всѣ города, земли въ Крыму и на Кубанѣ, такъ какъ оные уступлены имъ отъ Россіи и если согласится на мореплаваніе вольное съ комерціею для всякаго рода судовъ во всѣхъ моряхъ владѣнія своего. Въ требованіи кораблеплаванія въ Черномъ морѣ и на всѣхъ водахъ, омывающихъ берега Порты, дворъ мой имѣетъ возвести тѣмъ торговлю и процвѣтаніемъ оной, яко новымъ и наисильнѣйшимъ узломъ, обѣихъ сторонъ подданныхъ связать навсегда: ибо Россія и земли Порты имѣютъ въ себѣ великое изобиліе такихъ товаровъ, мануфактуръ и произращеній, кои обоимъ сторонамъ на промѣнъ надобны и весьма удобны къ обогащенію взаимныхъ подданныхъ, а тѣмъ самымъ и къ составленію толь драгоцѣннаго залога, который важностію можетъ лутче ограждать миръ, а съ нимъ и общее благоденствіе; но теперь вся торговля обращается единственно въ пользу постороннихъ народовъ. Четыре артикула, прежде отъ васъ ко мнѣ присланные, должны изражены быть такъ 1) О Татарахъ: всѣ Татарскіе народы безъ изъятія отъ обѣихъ имперій имѣютъ быть признаны вольными и совершенно независимыми

отъ всякой посторонней власти, но пребывающими подъ самодержавною властію хана Чингискаго поколѣнія, всѣмъ Татарскимъ обществомъ избраннаго и возведеннаго, не отдавая отчета ни въ чемъ никакой посторонней державѣ; и для того ни Россійскій дворъ, ни Порта не имѣютъ вступаться, какъ въ избраніе хана, такъ и въ домашнія, политическія, гражданскія и внутреннія ихъ дѣла ни подъ какимъ видомъ, но признавать и почитать Татарскую націю въ политическомъ и гражданскомъ состояніи, по примѣру другихъ державъ, ни отъ кого кромѣ Бога независящею. Въ духовныхъ обрядахъ имѣютъ сообразоваться правиламъ, закономъ ихъ предписаннымъ, безъ предосужденія ихъ политической и гражданской вольности. Россія оставитъ сей націи всѣ города, крѣпости, селенія и земли, въ Крыму и на Кубанѣ оружіемъ ея пріобрѣтенныя, землю, лежащую между рѣками Бердою, Конскими Водами и Днѣпромъ и землю лежащую по лѣвую сторону Днѣстра, по линію простирающуюся отъ перваго залива отъ Гаджибея къ сторонѣ Акермана до пункта трехъ границъ Россійской, Польской и Татарской, и обѣщается по размѣнѣ трактата всѣ свои войска вывесть изъ ихъ владѣнія. А Порта обязывается уступить, какъ Россійскій дворъ, въ полное и независимое ихъ владѣніе и наиторжественнѣйшимъ образомъ обязывается въ помянутые крѣпости, города и земли своихъ людей военныхъ не вводить и тамъ не содержать, а оставить всѣхъ Татаръ въ той независимости, въ какой Россійская имперія ихъ оставляетъ. 2) Уступить Россіи Очаковъ-городъ да замокъ Гаджибейской по первой заливъ къ сторонѣ Акермана, впадающій въ Черное море, и отъ вершины онаго прямою линіею до пункта, гдѣ сходятся три границы Россійская, Польская и Татарская, такъ и замокъ Кинбурнской съ округомъ и остатокъ земли на лѣвомъ берегу Буга лежащій. 3) Россійскій дворъ не будетъ имѣть на Черномъ морѣ военныхъ кораблей и другихъ въ войнахъ употребляемыхъ судовъ, а только купеческіе по обрядамъ всѣхъ Европейскихъ державъ, которые суда купеческіе имѣютъ плавать по Черному морю, рѣкѣ Дунаю, въ каналахъ и входить во всѣ порты включительно и Константинопольской, и комерція повсюду и на всѣхъ водахъ имѣетъ учреждена быть по примѣру другихъ Европейскихъ державъ. 4) Азовъ со всѣмъ его древнимъ уѣздомъ имѣетъ остаться Россійской державѣ, а въ замѣну трехъ обширныхъ провинцій, каковы Валахія, Молдавія и Бесарабія, со всѣми ихъ городами и селеніями, шестью крѣпостьми, въ Грузіи трехъ крѣпостей и сорока четыре Архипелагскихъ острововъ, уступаетъ Порта Россійской имперіи городъ Очаковъ съ замками Кинбурномъ и Гаджибеемъ и съ землею. Уступка ихъ можетъ принесть Туркамъ истинную пользу чрезъ совершенное удаленіе границъ отъ безпосредственнаго сосѣдства, которое бываетъ часто причиною непріятныхъ на обѣ стороны хлопотъ, а иногда и самаго разрыва.

Ваше сіятельство примѣтили мнѣ въ своемъ письмѣ, яко будущее и прошедшее не есть настоящее. Конечно всякъ имѣетъ упованіе о счастіи оружія на промыслъ Всевышняго; но разсудительнымъ образомъ нельзя не признавать преимущества и всѣхъ тѣхъ выгодъ локальной позиціи, въ которыхъ мы находимся. Здравомыслящіе не оспариваютъ и того, что состояніе вещей будущихъ зависитъ много отъ состоянія настоящихъ.

IX.

22 Іюня 1774 года.

Письмо графа Н. И. Панина къ графу Румянцову.

Естественное положеніе замка Кинбурна можетъ Туркамъ представляемо быть лучшимъ средствомъ, когда оной въ нашихъ рукахъ будетъ, къ приведенію въ дѣйство перваго и главнаго будущему нашему миру предполагаемаго основанія, чтобы уменьшить или по собственнымъ словамъ визирской записки изъять изъ среды и уничтожить причины, могущія разрушить возстановляемую дружбу: ибо мы желаемъ пріобрѣтенія Кинбурна единственно для учрежденія тамъ, по способности теченія Днѣпра изъ внутреннихъ провинцій государства, стапеля полезной торговли, въ которой для Россіи предпочтительно всему тотъ ничѣмъ другимъ незамѣняемой прибытокъ, чтобы чрезъ связаніе по комерціи частнаго интереса поданныхъ обѣихъ имперій сдѣлать сохраненіе между ими дружбы и мира предметомъ попеченія взаимныхъ правительствъ, слѣдовательно и поставить оное выше тѣхъ мелкихъ и временныхъ раздоровъ, кои донынѣ, при совершенномъ недостаткѣ таковой связи, были.

Съ Бухарестскаго конгреса примѣчаю я, что Порта уклоняется присовокуплять къ слову вольности слово независимости Татаръ; почему я прошу во всѣхъ вашихъ во время негоціаціи отзывахъ вездѣ соединять оба слова вольности и независимости, такъ и при сочиненіи и подписаніи трактата. Изъ переписки вашей съ верховнымъ визиремъ оказывается, что политика Турецкая всегда на себя походитъ, и что визирь готовится тянуть негоціацію, чтобы томить наше терпѣніе и тѣмъ выторговать для Порты лучшія условія... Отечеству нашему миръ весьма нуженъ, и мы потому онаго съ алчностію желать и добиваться должны. Визирь и всѣ министры Порты весьма ошибаются, если они подаютъ вѣру въ томъ, будто у насъ государственныя наши пособія въ конецъ истощены; напротивъ, къ настоящей кампаніи вездѣ и всѣ приготовленія изобильно сдѣланы. Правда, что чѣмъ больше мы впредь оружіе наше подвигаемъ, тѣмъ вяще удаляемся отъ своихъ границъ, слѣдовательно и отъ центра ресурсовъ нашихъ, вопреки чему визиря армія пропорціонально къ своимъ приближается; но съ другой стороны толь глубокое наше вступленіе въ самую внутренность Порты можетъ

для Константинополя гораздо предосудительно быть и оставить по себѣ на долгое время слѣды непріятельскаго нашествія, которое для сихъ земель тѣмъ пагубнѣе будетъ, чѣмъ менѣе мы будемъ находить возможности установить въ нихъ твердую ногу: ибо въ семъ случаѣ военный резонъ принудитъ насъ опустошать въ конецъ всѣ тѣ мѣста и селенія, кои бы сколько нибудь въ пользу Турецкихъ войскъ служить могли. Сверхъ того Порта, доколѣ война продолжится, будетъ терять всѣ доходы отъ подвластныхъ оружію нашему княжествъ и земель и въ Царѣградѣ претерпѣвать чувствительное утѣсненіе отъ морскихъ нашихъ въ Архипелагѣ силъ. Татарская нація сама довольно отъ Порты отдѣлилась, и въ разсужденіи ея Порта чрезъ миръ выиграетъ; ибо возвратятся султану духовныя преимущества съ торжественнымъ ихъ чрезъ трактатъ навсегда утвержденіемъ, которыхъ онъ теперь лишаться долженствуетъ. Чрезъ продолженіе времени Татары могутъ не дознавать сихъ преимуществъ, слѣдовательно и поставлять ихъ себѣ не только ненужными, но паче и вредными, въ чемъ натурально статской нашъ интересъ ихъ всѣми возможными средствами подкрѣплять будетъ. Уставши производить съ нашей стороны войну наступательную, есть способъ превратить ее въ оборонительную; но прежде всѣ занятыя нами Турецкія многочисленныя и толь важныя крѣпости до подошвы подорвать и истребить, города и селенія въ конецъ опровергнуть и опустошить, а жителей всѣхъ безъ изъятія и со всѣмъ ихъ имуществомъ отвесть въ Россію, гдѣ еще находится въ пустѣ довольно мѣстъ и земель къ обитанію способныхъ. Такое до послѣдней головы переселеніе жителей Бесарабіи и княжествъ Молдавскаго и Волошскаго будетъ весьма достаточно къ награжденію всѣхъ нашихъ въ войнѣ понесенныхъ убытковъ и долженствуетъ обратиться для Порты въ самый чувствительный и никогда непоправляемой ударъ, чрезъ конечное ея лишеніе провинцій, кои Царюграду знатную часть содержанія его преподаютъ и чрезъ совершенное обнаженіе отъ всякой обороны внутреннихъ ея земель. Употребленіе сей крайней и послѣдней мѣры къ облегченію для насъ военнаго бремени находится совершенно и во всякое время въ рукахъ нашихъ. Нашъ дворъ усматриваетъ и почитаетъ существованіе и цѣлость Порты, которая, чрезъ естественное связаніе взаимныхъ интересовъ можетъ для Россіи столько же полезною быть, сколько и ей Россія. Порта теперь въ разсужденіи насъ отнюдь упускать не долженствуетъ, чтобы не подвигнуть насъ на резолюцію крайности. Когда она исполнена будетъ, война, такъ сказать, сама собою пресѣчется: ибо толь великое пространство опустошаемыхъ посреди земель, кои теперь во владѣніи нашемъ находятся, сдѣлаютъ для насъ Порту физически совсѣмъ почти несуществующею съ той стороны, гдѣ теперь театръ войны происходитъ и съ которой одной мы отъ нея атакованы быть

можемъ, и тогда Туркамъ къ произведенію войны одна перспектива будетъ—въ возвращеніи подъ власть свою Крымскаго полуострова и всѣхъ Татаръ. Кто разсмотритъ положеніе Крыма, близость онаго къ нашимъ границамъ для полученія всякой помочи и взятую нами въ ономъ твердую ногу, тотъ долженъ признаться, что изгнаніе насъ оттуда силою оружія есть дѣло невозможное, когда сухой путь къ нашествію совершенно запертъ, а остается только свобода съ моря, и то оспаривается нашими судами. По сему она (Порта) скорѣе устать и истощиться можетъ, безъ всякаго пріобрѣтенія отъ мира поздно или рано заключаемаго: ибо обладаемыя нынѣ оружіемъ нашимъ провинціи ея въ конецъ обнажены и опустошены будутъ. Доколѣ война продолжится, будемъ мы оставаться во владѣніи Керчи и Яникале, кои она почитаетъ ключемъ Константинопольской безопасности, и морскія наши силы въ Черномъ морѣ повсягодно возрастать будутъ отъ тѣхъ пособій, кои для сего Крымскій полуостровъ въ изобиліи представляетъ. Порта на дѣлѣ испытала, что послѣ того, какъ намъ послѣднимъ мирнымъ трактатомъ всякое плаваніе по Черному морю возбранено было, не опоздали мы при самомъ началѣ войны явиться на ономъ съ построенными внутри Россіи судами и въ довольныхъ силахъ. Перомъ моимъ при начертаніи таковыхъ разсужденій водилъ долгъ званія, на истинномъ къ службѣ Отечества усердіи основывающійся.

X.

20 Іюня 1774.

Изъ письма великаго визиря къ Румянцову:

Настоитъ уже время, въ которомъ удаляются всѣ препятствующія миру причины; старайтесь прислать вѣрную и знатную особу, дабы договориться съ оной о мирѣ.

XI.

23 Іюня 1774.

Изъ отвѣта графа Румянцова:

Предоставляю я вамъ прислать теперь въ мой станъ особу, съ которою бы я составилъ прелиминарные пункты примиренія.

XII.

24 Іюня 1774.

Письмо визиря къ графу Румянцову изъ лагеря при Шумлѣ.

Нашъ уполномоченный имѣетъ отправленнымъ быть къ Рущуку; по прибытіи его мѣсто конгресса назначено будетъ по согласію на острову прилежащемъ между Журжевою и Рущукомъ, и какъ подобные конгрессы водятся во время войны, то изъ того явствуетъ, что поспѣшность дѣла требуетъ, чтобы уложить на малое время удержаніе оружія, какъ-то заблагоразсудится съ обѣихъ сторонъ.

XIII.

28 Іюня 1774.

Изъ письма графа Румянцова къ визирю.

Я не въ Журжѣ, а Рущукъ обложенъ и стѣсненъ нашими войсками, и ради того пришлите своихъ полномочныхъ чрезъ генерала Каменскаго, которой ко мнѣ ихъ препроводитъ. О конгрессѣ, а еще менѣе о перемиріи, я не могу и не хочу слышать. Вы знаете нашу послѣднюю волю. Если хотите мира, то пришлите полномочныхъ, чтобъ заключить миръ, а не трактовать главнѣйшіе артикулы. И доколѣ сіи главнѣйшіе артикулы не утверждены будутъ, дѣйствія оружія никакъ не престанутъ. Предаю уваженію вашему: что̀ легко̀ можно въ одно время совершить, того въ другое вовсе неудобно сдѣлать, и самая умѣренность, какъ бы ни велика была, истощится.

XIV.

11 Іюля 1774 г.

Письмо графа Румянцова къ Екатеринѣ, изъ лагеря въ Болгаріи, при Кучукъ-Кайнарджи.

Имѣлъ я счастіе силою оружія одержать и миръ нынѣ. Отъ верховнаго визиря я не принялъ предложеній ни о перемиріи, ни о возобновленіи конгресса, но требовалъ, чтобы онъ прислалъ уже ко мнѣ полномочныхъ особъ принять и утвердить точно кондиціи къ тому. А между тѣмъ армія больше и больше успѣхъ расширяла въ крайнее утѣсненіе непріятелю и достигла уже пораженіями и въ самыхъ Балканахъ къ сороку верстахъ за Шумлою. Посему визирь 5 Іюля прислалъ ко мнѣ въ главный станъ въ искательствѣ мира уполномоченныхъ, чтобы постановить и заключить миръ. Отъ меня взяты были къ одержанію того кратчайшіе способы, сходствуя положенію оружія. Генералъ-поручикъ князь Репнинъ былъ отъ меня уполномоченъ къ взаимному постановленію и подписанію пунктовъ мира съ полномочными Турецкими. Въ 10-й день сего мѣсяца трактатъ вѣчнаго мира подъ моими очима взаимными полномочными заключенъ и подписанъ въ здѣшнемъ лагерѣ. Обязалась Порта заплатить за убытки Россіи 4 милліона 500 тысячъ рублей. Десять артикуловъ, подписанныхъ на Бухарестскомъ конгрессѣ, утверждены, и другіе почти всѣ приняты въ ихъ силѣ.

XV.

17 Іюля 1774 г.

Реляція графа Румянцова, изъ лагеря въ Болгаріи, при деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи.

Я, предувѣдомленъ бывъ отъ визиря объ отправленіи уполномоченныхъ, перешелъ съ двумя полками пѣхотными и пятью эскадронами кавалеріи къ деревнѣ Кучюкъ-Кайнарджѣ, лежащей на дорогѣ Шумлинской, дая тѣмъ удостовѣреніе, что я самъ иду соединиться съ

корпусомъ генерала-порутчика Каменскаго, подъ Шумлою дѣйствовавшимъ. Уполномоченные прибыли 4 Іюля въ деревню Буюкъ-Кайнарджи и, узнавъ о моемъ движеніи, нетерпѣливо домогались меня увидѣть, коихъ 5 Іюля я допустилъ къ себѣ въ лагерь. Искалъ визирь самъ, такъ и они убѣждали меня чѣмъ наискорѣе приступить къ дѣлу, тѣмъ паче я отговаривался, по мѣрѣ обнаженія ихъ истинныхъ намѣреній, моимъ предпріятіемъ, что оное не дозволяетъ мнѣ ни дня тутъ мѣшкать, и понудилъ ихъ согласиться съ кн. Репнинымъ заключить безъ отлагательства вѣчной миръ. Нужные переговоры, объясненія и сочиненіе трактата продолжались чрезъ 5 дней. Я былъ тутъ во все время неотлученъ и вседневно преподавалъ имъ способы къ окончанію, чтò и совершилось 10 Іюля. Чтò касается до обряда, коимъ было трактовано сіе дѣло, безъ всякихъ обрядовъ министеріальныхъ, а единственно скорою ухваткою военною, соотвѣтствуя положенію оружія съ одной стороны превозмогающаго, а съ другой до крайности утѣсненнаго, я не имѣлъ другихъ свѣдущихъ, кромѣ князя Репнина, практикованнаго въ дѣлахъ сего рода. Пунктъ мореплаванія и при нынѣшнемъ трактованіи весьма безпокоилъ полномочныхъ Турецкихъ. Я, примѣтя ихъ подозрѣніе и недовѣрство, въ образѣ страха и предосужденія для существенной безопасности ихъ имперіи, о чемъ они наибольше говорили и на прежнихъ конгрессахъ, обратился къ руководству инструкціи, данной посламъ на конгрессѣ Фокшанскомъ. Въ артикулѣ о томъ не именовано ни число пушекъ, ни ограничено вооруженіе купеческихъ кораблей, но присвоивъ капитуляцію комерціи Англичанъ и Французовъ, доставлена тѣмъ намъ свобода въ сооруженіи кораблей, каковы тѣ націи употребляютъ въ Бѣломъ и другихъ моряхъ, чтò самое служитъ нашему кораблеплаванію и на Черномъ морѣ, какъ равно и умолчаніе въ трактатѣ о сооруженіи флота на семъ морѣ даетъ право неограниченное къ построенію намъ онаго. Отъ времени послѣдняго моего донесенія до дня заключенія мира военныя дѣйствія всѣ были во вредъ непріятелю. Заключенный миръ есть плодъ счастливой войны, существомъ своимъ полезенъ Отечеству.

XVI.

1 Августа 1774 г.

Рескриптъ къ графу Румянцову.

....Вамъ одолжена Россія за миръ, каковаго по извѣстному упорству Порты никто не ожидалъ, да и ожидать не могъ. Турки, лишившись Крыма и всѣхъ Татарскихъ ордъ, лишились впредь на время военное и знатнаго числа войскъ, которыя содержаніемъ своимъ ей тогда ничего не стоили бы; а доставленіе намъ трехъ пристаней на Черномъ морѣ можетъ впредь служить къ вящей намъ способности вредить Портѣ въ самыхъ для нея чувствительныхъ мѣстахъ, естли-

бы она когда либо покусилась вновь на войну съ нами въ угодность постороннимъ проискамъ, или же на возвращеніе подъ власть свою Крыма и Татаръ. Теченіе времени покажетъ скоро произрастающія выгоды отъ мира во всей ихъ важности.

XVII.

19 Août 1774.

Copie de lettre de m-r de Zegelin, ministre de Prusse à la Porte, au feld-maréchal comte Roumianzow.

J'ai appris que le vizir proposera à v. e. de nommer Ghika prince de Valachie et le draguoman de la Porte ici Costasky—pour la Moldavie, et j'ai voulu avertir v. e. à fin qu'elle puisse, selon les circonstances, prendre ses mesures là-dessus. Je ne remarque pas beaucoup de bonne volonté du ministère d'ici pour Ghika; et il y a sept ou huit compétants qui sollicitent à la Porte ces principautés. Mais puisque nous avons commencés une fois cette affaire, nous ne la laissons pas tomber, et si vous insistez, la Porte ne peut pas refuser à se prêter en faveur du prince Ghika pour la Moldavie. Quoique le peuple en général paraisse assez content que la paix est conclue, le ministère et surtout les oulemas, ne le sont pas des conditions. Ils n'auraient jamais pu supposer qu'avec une armée aussi nombreuse ils seraient reduits à cette extrêmité. Je vous embrasse de bon coeur d'avoir humilié un peu „den ottomanischen Stolz". Vizir me conseille que la Porte ne pensait pas de nommer dans sept ou huit mois des princes en Moldavie et en Valachie, car pour le présent il serait bien-inutile de nommer quelqu'un, puisque selon le traité de paix ces pays ne devaient rien payer pendant deux ans. Yakowaky Rizo, beau-père de Ghika, conseille à Ghika d'engager les boyards de Moldavie d'écrire à la Porte et de le demander pour leur prince. Mais pour détromper encore la Porte sur la recommandation de v. e., le s-r Yacowaky m'a suggéré de la prier de vouloir bien aussi écrire à la Porte un mot et recommander les pachas prisonniers à fin que la Porte lui. donne un bon gouvernement, pour faire comprendre à la Porte que la Cour de Russie agit tant pour ces pachas que pour Ghika, par un pur mouvement de compassion.—La Porte prétend avoir reçue hier la nouvelle de la Crimée, que la flotille russe a été obligée de se retirer à Asow; que là-dessus les trouppes turques, ayant fait une descente, s'étaient d'abord emparées de Caffa, avaient battu deux fois le prince Dolgorouky, que le chan de la Crimée avait livré aux Turques le consul russien qui résidait auprès du chan; que les Tartares, mécontents des Russes, en avaient fait un carnage terrible partout où ils les trouvaient. La Porte paraît être fachée, que cet événement n'est pas arrivé un mois plutôt, qui aurait pu changer ses affaires.

19 Августа 1774.

Копія съ письма г-на Цегелина, Прусскаго министра при Портѣ, къ фельдмаршалу графу Румянцову.

Я узналъ, что визирь предложитъ вашему сіятельству назначить Валашскимъ господаремъ князя Гику, а Молдавскимъ Костацкаго, здѣшняго драгомана Порты, и я хотѣлъ извѣстить о томъ ваше сіятельство, чтобы вы могли относительно этого, по обстоятельствамъ, принять надлежащія мѣры. Въ здѣшнемъ министерствѣ я не замѣчаю особеннаго расположенія къ Гикѣ. Отъ семи до восьми человѣкъ ищутъ себѣ у Порты этихъ княжествъ. Но однажды начавъ это дѣло, мы его не покинули, и при вашемъ настояніи Порта не откажетъ князю Гикѣ въ Молдавіи. Народъ вообще повидимому довольно радъ заключенію мира, но министерство и особенно улемы порицаютъ условія онаго. Они не могли себѣ представить, чтобы съ войскомъ, столь многочисленнымъ, можно было очутиться въ такой крайности. Чистосердечно обнимаю васъ и поздравляю, что вы посократили Оттоманскую гордыню. Визирь мнѣ говоритъ, что Порта не думаетъ въ теченіи семи или восьми мѣсяцевъ назначать господарей въ Молдавію и Валахію, такъ какъ теперь было бы безполезно чье либо назначеніе, въ виду того, что по мирному договору эти страны два года сряду ничего не должны платить. Яковаки Ризо, тесть Гики, совѣтуетъ ему склонять Молдавскихъ бояръ къ подачѣ прошенія Портѣ о его назначеніи господаремъ; но чтобы обмануть Порту относительно рекомендаціи вашего сіятельства, г-нъ Яковаки внушилъ мнѣ попросить васъ написать словечко Портѣ и рекомендовать плѣнныхъ пашей, дабы Порта дала Молдавіи хорошее управленіе. Пусть Порта пойметъ, что Русскій дворъ заступается за этихъ пашей, какъ и за Гику, единственно по чувству сострадания.

Порта увѣряетъ, будто вчера ею получено извѣстіе изъ Крыма о томъ, что Русская флотилія принуждена была уплыть назадъ въ Азовъ, что послѣ того Турецкія войска произвели высадку, овладѣли Кафою, два раза разбили князя Долгорукаго, что Крымскій ханъ выдалъ Туркамъ Русскаго консула при немъ находившагося, что Татары, недовольные Русскими, учиняли надъ ними страшную рѣзню вездѣ, гдѣ они имъ встрѣчались. Повидимому Порта сожалѣетъ о томъ, что событіе это не произошло мѣсяцемъ ранѣе: тогда отъ него могли бы измѣниться ея обстоятельства.

XVIII.

1774 г., послѣ Августа.

Екатерина пишетъ графу Румянцову.

Доношенія Репнина представляютъ Порту несклонною къ точному исполненію по условіямъ трактата, касающимся до Татаръ и ихъ независимости. Мы не ожидаемъ никакой полезной перемѣны въ образѣ мыслей и расположеній Порты въ семъ критическомъ пунктѣ. Но если ничто Порту не отвратитъ отъ властительскаго участвованія въ народахъ Татарскихъ, и сіи народы въ множайшемъ числѣ пребудутъ ей приверженными, тогда нужно будетъ приняться

за мѣры отъ насъ зависимыя къ постановленію ихъ въ состояніе, въ какомъ они по трактату находиться имѣютъ.

XIX

1774 г. 2 Октября.

Рапортъ къ графу Румянцову отъ полковника Петерсона изъ Константинополя.

Прусскій посланникъ совѣтовалъ мнѣ всевозможную употреблять нѣжность въ представленіяхъ, могущихъ быть отъ меня Портѣ, и въ требованіяхъ касательно исполненія мирныхъ договоровъ, изъ которыхъ иные, а болѣе установленіе Крымскихъ дѣлъ, чрезвычайно тронули здѣшнее духовенство, и противъ коихъ неудовольствіе настоящаго правленія возрасло уже до того, что просила Порта Прусскаго короля о заступленіи, посредствомъ котораго надѣется получить отъ нашего двора онымъ смягченіе, какъ то чтобы посылаема была отъ султана къ хану сабля. Объявилъ еще мнѣ Прусскій посланникъ, что имѣетъ достовѣрныя извѣстія, что Вѣнскій дворъ чрезвычайно недоволенъ былъ заключеніемъ съ Портою трактата. Я требовалъ, чтобы сочинена была форма ратификаціи Порты и отдана мнѣ для доставленія вамъ.

Извѣстіе о вступленіи Цесарскихъ войскъ въ Молдавію тревожитъ здѣшнее правленіе. Татары пишутъ къ Портѣ, что у Порты съ Россіею договоры въ конецъ опровергающіе всю святость Магометанскаго закона, оставляя ихъ безъ всякаго защищенія въ рукахъ Россіи, отъ которой имъ всякихъ напастей ожидать должно; поелику сія держава, имѣя Яникале, Керчу и Кинбурнъ, окружаетъ ихъ отовсюду войсками своими, а Порта отдаляется отъ нихъ совсѣмъ, не оставляя сама себѣ ни малѣйшаго въ землѣ ихъ мѣста, чтобы въ случаѣ нужды подать имъ должное по единовѣрію пособіе, и требуютъ поправленія сему. Рейсъ-эфенди говорилъ: «Татаре, съ нами единовѣрные, зовутъ насъ на страшный судъ Божій и требуютъ, есть ли иного не можно для нихъ сдѣлать, то бы показала имъ Порта какую-нибудь пустую землю, куда бы они перейти и укрыться отъ предстоящихъ напастей могли. Пишетъ къ намъ Сагиба-Гирей, что Татаре говорятъ: еслибы, какъ въ прежнихъ конгрессахъ о томъ говорено было, остался Портѣ Тамань, то бы еще имъ оставалась какая-нибудь надежда, а теперь они до такого отчаянія приведены, что лутче желаютъ умереть, нежели въ такомъ состояніи остаться. Порта отвѣчала на это, что безопасность Татарской вольности ограждаетъ святость трактата, котораго нарушить одна сторона не можетъ, не подавъ права обстоять за оной другой сторонѣ, а цѣлость закона Магометанска довольно соблюдена». А переводчикъ Порты сказалъ, что лутче бы было, есть ли можно поставить артикулъ о законѣ Магометанскомъ, такъ какъ оной во время Букарестскаго кон-

гресса въ ультиматумѣ Абдулъ-Разака-эфендія былъ представленъ. Дѣлаются жалобы министрами Турецкими на нѣкоторыя выраженія въ мирномъ трактатѣ, кои, говорятъ, противны достоинству Порты, и сіе относится до артикула о Татарахъ. Порта по сіе время ни въ своихъ земляхъ не публиковала мирнаго трактата, и никому изъ чужеземныхъ министровъ о заключеніи онаго не объявила. Я требовалъ, чтобы снабдѣнъ былъ ферманомъ какой-нибудь чиновной отъ Порты для отысканія скрываемыхъ партикулярными людьми въ домахъ своихъ Россійскихъ плѣнниковъ и чтобы публикованъ былъ во всѣхъ мѣстахъ имперіи указъ съ угроженіемъ казнію преступникамъ онаго, чтò все и учинено. Депутаты обоихъ княжествъ, Волоскаго и Молдавскаго, прибыли въ Константинополь, препровождаемые подпорутчикомъ Ширяемъ, съ представленіемъ объ избраніи князя. Здѣсь произведенной князь и переводчикъ Порты стараются, чтобы правленіе смотрѣло на сихъ депутатовъ, какъ на своихъ подданныхъ. Я представлять долженъ былъ, что они суть люди подъ защитою народнаго права состоящіе. Всѣ затрудненія происходятъ отъ Грековъ, которые имѣютъ интересъ, чтобы господари Молдавкіе и Волоскіе попрежнему отъ Порты жалованы были. Мы имѣемъ право требовать отъ себя, чтобъ, во исполненіе кондицій, на которыхъ возвращена Портѣ Молдавія и Валахія, даны были симъ княжествамъ привилегіи заключающія въ себѣ оныя. Я просилъ рейсъ-эфендія, чтобъ, во время бытности депутатовъ въ Константинополѣ, не были бы они ни къ чему принуждаемы. Онъ далъ мнѣ знать, что Волоскіе депутаты просятся идти къ своему, а депутаты дали мнѣ знать, что подговариваютъ ихъ итить къ князю и отрещись отъ требованія избирать своихъ князей. Происходили частыя сношенія духовныхъ съ депутатами отъ Татаръ, такожде и принадлежащихъ Французскому двору людей съ тѣми депутатами. Верховный визирь хочетъ писать и просить, чтобы вы предохранили бы достоинство Порты. Явная претительность начала оказываться подъ видомъ, что Порта опасается ратификовать трактатъ до того времени, пока не изъяснены будутъ тѣ пункты въономъ, которые могутъ быть истолкованы въ предосужденіе Порты, какъ напр. въ 3 артикулѣ о Магометанскомъ законѣ и вольности Татаръ; но сей пассажъ терпитъ съ предосужденіемъ Магометанскаго закона толкованіе. Если точное не будетъ положено значеніе оному, причинитъ раздоры сперва между Портою и Татарами, а потомъ остуду между двумя имперіями; ибо нельзя увѣриться, чтобъ со стороны Татаръ исполненіе закона было всегда равное, какъ по причинѣ извѣстнаго той націи непостоянства, ея междуусобій, такъ и при всякомъ избраніи новаго хана. И въ 16 артикулѣ гласитъ: дозволить княжествамъ пользоваться выгодами во время султана Мегмета IV. Рейсъ-эфендій говоритъ, что во время Мегемета IV ничего вѣрнаго

въ правленіи двухъ княжествъ не было. Есть еще другія подобныя въ трактатѣ слова, изъ которыхъ одни требуютъ объясненія, а другія предосудительны достоинству Порты; почему, не объяснивъ всего помянутаго, нельзя сочинить формы ратификаціи. Я отвѣчалъ, что намѣреніе ваше было оградить Татарскую вольность безъ малѣйшаго закона Магометанскаго нарушенія и избавить провинціи Молдавію и Валахію отъ бремени податей и злоупотребленій мѣру терпѣнія превосходящихъ, безъ предосужденія прямыхъ интересовъ и правъ господства надъ ними Порты. Я предложилъ, чтобы визирь сообщилъ бы вамъ форму ратификаціи и ежели заблагоразсудитъ и форму привилегіи, которую намѣрена дать Порта двумъ княжествамъ. Рейсъ-эфенди сказалъ, что ни объ отъѣздѣ посла Порты, ни о полученіи ратификаціи ничего вѣрнаго сказать не можно; потому что всѣ дѣла сообщаются здѣсь духовнымъ, и они превращаютъ все то, что̀ съ великимъ трудомъ ни постановляется: ибо муфти всегда противны были заключенію мира, и нашъ недоброжелатель, Французскій посолъ, далъ чувствовать духовнымъ и правленію, что теперь есть прямое время получить отъ Россіи Портѣ все то, что̀ ни желаетъ, удерживаясь только ратификовать трактатъ. Невѣроятно, до какой степени интриги сей націи здѣсь доходятъ. Всѣ чины при Портѣ что-нибудь значущіе до пріѣзду нашего перемѣнены и заняты людьми напоенными ихъ максимами. Нація войны, конечно, желать не можетъ и настоящій султанъ есть человѣкъ миролюбивый. Можно бы сыскать способъ говорить о дѣлахъ фаворитамъ настоящаго государя, между которыми Языджи-эфенди имѣетъ первый чинъ. Можно бы сыскать къ нему приступъ, но покуситься на сіе я безъ повелѣнія не предпринялъ смѣлости.

XX.

4 Octobre 1774.

La lettre de m-r Zegelin au comte Roumianzoff.

La Porte m'a chargé d'écrire à vous que par mégarde de plenipotentiaires ottomans, il a été stipulé, que la Porte doit se desister de l'isle de Taman... Elle se flatte que vous voudrez bien redresser ce point à la satisfactîon de la Porte... Les conditions stipulées dans le traité de paix étaient contraires aux usages de souverains, puisqu'il paraît que la Moldavie et la Valachie ne seraient plus sous la domination ottomane. Ainsi la Porte espère que vous voudrez bien lui adoucir en quelque chose ces conditions. Le plus dur paraît être, que les princes y seront la vie durante; si c'était pour un terme de 6 ou 10 ans, la Porte seroit contente et ensuite de ne pouvoir rien rétirer pendant deux ans lui paraît aussi d'une difficile digestion. La Porte convient que le vizir défunt ayant été forcé par les circonstances

de souscrire aux conditions de paix, que vous a dictées, la Porte doit les ratifier; elle le fera aussi. Mais elle se flatte, que si la cour de Russie désire une paix durable, qu'elle adoucira quelques articles trop onéreux pour la Porte, et elle s'est adressée pour cet sujet au roi mon maître, pour intercéder auprès de l'impératrice Cathérine de se rélacher par générosité en quelque chose.

4 Октября 1774.

Письмо г-на Цегелина къ графу Румянцову. Порта поручила мнѣ написать къ вамъ, что по неосмотрительности Оттоманскихъ уполномоченныхъ допущено условіе, чтобы Порта отказалась отъ острова Тамани... Она надѣется, что вы благоволите исправить эту статью къ ея удовольствію... Условія мирнаго договора составлены были вопреки обычаямъ, существующимъ между государями, такъ какъ повидимому Молдавія и Валахія не будутъ болѣе находиться подъ Оттоманскою властію. Поэтому Порта надѣется, что вы благоволите нѣсколько смягчить для нея эти условія. Повидимому, самое тяжкое то, что тамъ будутъ пожизненные господари; если бы держать ихъ на срокъ отъ 6 до 10 лѣтъ, то Порта была бы довольна. Потомъ она не можетъ переварить мысли о томъ, что не будетъ получать съ нихъ ничего въ продолженіи двухъ лѣтъ. Порта соглашается, что ей слѣдуетъ ратификовать мирныя условія, которыя покойный визирь вынужденъ былъ подписать подъ вашу диктовку, и она ихъ ратификуетъ; но она надѣется, что если Русскому двору желателенъ миръ прочный, то нѣкоторыя слишкомъ тяжкія для Порты статьи будутъ смягчены, и для того она обратилась по этому предмету къ королю моему государю, дабы онъ своимъ посредничествомъ исходатайствовалъ у императрицы Екатерины великодушнаго послабленія.

XXI.

9 Октября 1774 г.

Ордеръ графа Румянцова къ командующему войсками Россійскими въ Крыму.

Я нашелъ предложить вамъ о томъ, чего требуетъ настоящее положеніе мирнаго дѣла съ Турками. Верховный визирь и князь Долгоруковъ сообщали, что Татары не хотятъ дарованной имъ вольности. Порта покусилась просить у насъ, чтобы оставить по прежнему крѣпость Тамань въ рукахъ Турецкихъ. Я учинилъ насильнѣйшія объясненія вопреки визирскихъ, чтобы войска ихъ со всѣхъ мѣстъ до послѣдняго человѣка изъ Крыма, Кубани и изъ острова Тамани были немедленно выведены. Не меньше отказалъ я, что объ уступкѣ Таманя и мыслить не должно. Обстоятельства, которыя я тутъ изражаю, требуютъ, чтобы вы въ настоящее время значительнымъ количествомъ усилили наши гарнизоны въ Яникулѣ и Керчѣ, поруча команду надъ оными весьма благоразумному начальнику. Я полагаю на сіе время потребнымъ, чтобы состояніе нашихъ тамошнихъ гарнизоновъ приводило въ почтеніе къ себѣ Татаръ, которые

инако, по слабости оныхъ въ свойственномъ имъ варварствѣ, ничѣмъ не будутъ обузданы, а наипаче въ настоящемъ новомъ своемъ положеніи. Доколѣ Али-паша не выѣдетъ изъ Крыму съ послѣднимъ войскомъ, и вамъ оставаться въ Перекопѣ, и въ случаѣ домогательства отъ Татаръ о вашемъ выступленіи оттуда, отвѣчайте, что сіе чинить принуждены, пока Турецкія войска не очистятъ земель, уступленныхъ Татарамъ. Можете сказать о себѣ, какъ говоритъ паша Турецкій, что, отправя большую часть войска, сами остались съ малымъ числомъ, служащимъ для вашего только конвоя, чтобы въ одно время съ нимъ отъѣхать изъ Крыма. Буде паша выѣдетъ изъ Крыма, то и вы бы выступили оттуда, дабы не подать причины къ нареканію за несоблюденіе договоровъ.

XXII.

10 Октября 1774 г.

Графъ Румянцовъ пишетъ Екатеринѣ.

Верховный визирь, говоря о стараніи своемъ вывести войска изъ областей Татарскихъ, примѣшиваетъ къ тому свое предвидѣніе, что послѣдовать можетъ отъ того въ народѣ замѣшательство и, наконецъ, усиленно проситъ о перемѣнѣ артикула въ мирномъ трактатѣ относящагося на городъ Тамани, и чтобъ оной по прежнему оставить во владѣніе Порты. Прусскій министръ Цегелинъ говоритъ, что Порта адресовалась къ королю Прусскому, ища чрезъ его посредство облегчить, по мнѣнію ея, тяжкія кондиціи, мирнымъ трактатомъ предписанныя. Отзывъ въ семъ случаѣ къ королю Прусскому непремѣнно учиненъ по внушеніямъ и интригамъ, кои раждаетъ зависть и собственные интересы державъ постороннихъ. Примѣчая изъ письма визирскаго, что Порта прикрываетъ лучшими обнадеживаніями свои виды, чтобы не вдругъ вывесть свои войска изъ земель Татарскихъ и открывается покушеніе ея на островъ Тамань, то я предписалъ, чтобы гарнизоны Еникульской и Керчинской знатно усилить. Что̀ лежитъ до свойствъ расположенія Татарскихъ народовъ, то едва ли и надѣяться возможно въ скоромъ времени видѣть ихъ спокойными и прямо пользующимися жребіемъ вольности и независимости. А мое гаданіе на томъ основано, что ведшій съ ними негоціаціи генералъ-порутчикъ Щербининъ, резидентъ Веселицкій и князь Долгоруковъ единогласно и на всякое время описывали, что Татары вообще исполнены крайняго отвращенія ко всѣмъ имъ сдѣланнымъ благодѣяніямъ со стороны вашего величества и никогда не преставали хотѣть раболѣпствовать по прежнему Портѣ; а нынѣ того и формально ищутъ, о чемъ визирь въ своемъ письмѣ упоминаетъ, да и князь Долгоруковъ писалъ, что они затѣмъ и депутатовъ своихъ отправили къ Портѣ. Настоящій ханъ Сегибъ-Гирей показалъ себя явно нарушителемъ правъ народныхъ и священныхъ

обязательствъ, самимъ имъ учиненныхъ, бывъ общникъ и глава въ ополченіи на войска вашего величества, при вступленіи Турковъ въ Крымъ. Не нахожу, чтобы хуже что-либо могло произойти. Если бы могъ быть ханомъ Девлетъ ли Гирей или иной, только бы Татары цѣлымъ обществомъ его избрали и возвели въ сходствіе власти имъ на то предоставленной въ трактатѣ, и лишь бы Турки удалены были отъ всякаго въ томъ участія, которое бы могло знаменовать принужденіе или виды властительства съ ихъ стороны. Еще болѣе уповать можно, что другаго хана, какъ благоразумнѣйшаго предъ настоящимъ, чрезъ внушенія, каковы въ семъ случаѣ употребилъ генералъ-порутчикъ Щербининъ, можно обратить въ познаніе тѣхъ истинныхъ благъ, которыя отъ руки вашего величества принялъ сей народъ неблагодарный. Въ десятый день сего мѣсяца отданы были всѣ по-Дунайскія крѣпости. Впрочемъ, пребываніе наше въ Молдавіи не отыметъ еще способовъ брать потребныя мѣры, ежели бы паче чаянія Порта затѣяла что-нибудь во остановку выполненія трактата; да Бендеры и Хотинъ залогомъ въ нашихъ рукахъ останутся, доколѣ не отдастся намъ Кинбурнъ.

XXIII.

1774, 11 (22) Octobre.

La lettre de m-r Zegelin au comte Roumianzow, de Constantinople.

La Porte paraît d'un jour à l'autre plus difficile sur les points pour lesquels Péterson a été envoyé ici; car ce qu'il arrange aujourd'hui avec le reiss-effendi est renversé le lendemain par le divan; des intrigues étrangères y ont beaucoup de part, et qu'on travaille d'empêcher l'exécution du traité de paix. La Porte semble ne demander mieux que de gagner du tems, à fin que l'hyver se passe, pour voir si vers le printemps il n'arrive pas quelqu'événement en Europe dont elle pourrait profiter. La Porte demande que ce qui regarde la liberté des Tartares et le califat pour le sultan, y soit exprimé avec plus de force, que le chan des Tartares lui a fait demander sa confirmation avec la pelisse, le sabre et le calpaky. La Porte veut accorder des privilèges aux Valaques et Moldaves, mais sans vouloir rien donner par écrit là-dessus sous prétexte que les sujets de la Porte doivent se contenter de sa parole.

11 (22) Октября 1774.

Письмо г-на Цегелина къ графу Румянцову изъ Константинополя.

Повидимому Порта съ каждымъ днемъ все болѣе представляетъ затрудненій по статьямъ, для которыхъ сюда присланъ Петерсонъ, такъ какъ улаженное имъ съ рейсъ-эфендіемъ на другой же день опровергается диваномъ. Тутъ много дѣйствуютъ иностранные происки. Стараются помѣшать исполненію мирнаго договора. Кажется, что Портѣ хочется выиграть время, дабы по исходѣ зимы посмотрѣть, не произойдетъ ли къ веснѣ чего либо такого въ Европѣ, чѣмъ

бы ей воспользоваться. Порта требуетъ, чтобы сильнѣе было выражено то что относится до вольности Татаръ, до калифатства султана и чтобы Татарскій ханъ испрашивалъ у нея утвержденіе присылкою шубы, сабли и колпака. Порта хочетъ дать льготы Валахамъ и Молдаванамъ, но отнюдь не на письмѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ея подданные должны довольствоваться ея словеснымъ обѣщаніемъ.

XXIV.

1188 г. 28 Резана мѣсяца.

Письмо отъ верховнаго визиря къ графу Румянцову.

Во время заключенія мира дано знать Портѣ, что Крымскіе жители не желаютъ быть свободными и независимыми, и по таковымъ обстоятельствамъ, ежели дать повелѣніе о выступленіи изъ Крыму оставшихся тамъ войскъ, то можетъ послѣдовать смятеніе во мнѣніи, что сіе постановленіе для Магометанскаго закона весьма противно, и теперь прилагаемъ стараніе вывесть оныя искуснымъ образомъ. Хотя въ договорахъ и положено, чтобы городъ Тамань оставить Татарамъ, однако послѣ явилось усердное ваше обѣщаніе, что сіе можно послѣ исправить. Ежели останется сей городъ во владѣніи Порты, то весьма обрадуете насъ. Отдавать Татарамъ крѣпость Тамань, находящуюся подъ владѣніемъ Порты, есть вещь противная ея чести; ибо извѣстное правило между державами, чтобы защищать всякой взаимно свою честь. Я надѣюсь твердо, что вы подтвердите остаться крѣпости подъ владѣніемъ Порты. День и ночь съ нетерпѣливостію ожидаю въ защиту чести Порты исполненія того, что можетъ утвердить всегдашнюю дружбу и доброе согласіе.

XXV.

1774 г. 22 Октября. Копія.

Письмо графа Румянцова къ князю В. М. Долгорукову.

До внутренняго смятенія Татаръ ни намъ, ни Туркамъ дѣла нѣтъ, яко составляютъ нынѣ націю вольную и ни отъ кого независимую.

Въ трактатѣ выговорено, отдать Кинбурнъ съ довольнымъ округомъ. И такъ отъ проворства нашего комиссара зависѣть будетъ расширить къ наилучшимъ нашимъ выгодамъ предѣлы сего округа и наблюдать непремѣнно, чтобы окружность сія простиралась гораздо выше устья Буга, впадающаго въ Днѣпръ, къ наудобнѣйшему сообщенію оной съ землею, что между Днѣпра и Буга намъ отдастся. На случай несоглашенія или упорства Турецкаго комиссара долженъ нашъ всемѣрно преклонять его, употребляя къ тому способы, заемлемые отъ благоразумія собственнаго и поманить иногда обѣщаніями въ приватную его пользу, выполненію коихъ бы отвѣчали довольно одержанныя чрезъ то, въ нашу сторону, выгоды.

XXVI.

1774 г. 24 Октября.

Ордеръ графа Румянцова къ Петерсону *).

Нельзя дать вамъ наставленія по поводу тѣхъ разглашеній, которыя въ Царѣградѣ происходятъ о возобновленіи войны. Въ предъидущихъ письмахъ Цегелинъ описывалъ ко мнѣ военное состояніе Порты истощеннымъ до того, что она поднять уже головы не можетъ. Онъ, лишенъ бывъ всякаго участія въ заключеніи мира, ищетъ теперь всемѣрно способовъ учиниться при исполненіи онаго потребнымъ и нужнымъ. Ежели эфендій или кто другой откажутся чинить ратификацію отъ слова до слова въ точность трактата, коей иначе и быть нельзя, то дайте имъ съ пристойностію почувствовать, что такой ихъ поступокъ можетъ остановить испражненіе Молдавіи и оставшихъ у насъ крѣпостей, гдѣ еще мы имѣемъ всю армію. Какъ опытъ насъ учитъ, что въ своихъ дѣлахъ политическихъ Турки поступаютъ не безъ ухищренія, то-есть они посла своего отправятъ, да ратификацію вручатъ оному не въ содержаніи точныхъ словъ трактата, не велятъ оному предъявлять ея, кромѣ своего мѣста: въ такомъ случаѣ вы высказать можете, что такое посольство принято быть не можетъ, ежели ратификація не будетъ содержать въ себѣ отъ слова до слова мирный трактатъ, такъ какъ оный заключенъ между уполномоченными. Я вамъ предаю слѣдующее въ тайну на высшей степени и которую вы должны сохранить отъ проницанія всѣхъ другихъ. Откройте Портѣ, что Австрійское занятіе подвластныхъ ей земель есть для насъ дѣломъ совсѣмъ постороннимъ и столько индеферентнымъ, что мы отнюдь не имѣемъ и никогда не возмемъ ни малѣйшаго участія; ибо по счастливомъ развязаніи безъ чужаго пособія бѣдственной войны, которую зажгли между Россіею и Турціею злоба и происки взаимныхъ нашихъ ненавистниковъ, поставилъ дворъ нашъ навсегда за непремѣнное государственное правило пребывать съ нею въ мирѣ и дружбѣ непоколебимыхъ, независимо отъ чужихъ дѣлъ и интересовъ, кои насъ по сю пору смущали. Таково свое внушеніе старайтесь учинить безпосредственно самому верховному визирю или же чрезъ какой весьма значущій и надежный каналъ, да и то еще съ истребованіемъ отъ визиря, или того конфидента, тайны непроницательной, ободряя Порту твердымъ двора нашего неутралитетомъ къ видамъ и дѣламъ двора Вѣнскаго. Положеніе въ семъ случаѣ двора нашего есть весьма деликатное, по мѣрѣ коего должно беречься, дабы не компрометироваться ни съ Вѣнскимъ дворомъ,

---

*) 15 Іюля 1774 г. Петерсонъ былъ отправленъ Румянцовымъ въ Константинополь повѣреннымъ въ дѣлахъ для того, чтобы могъ о взаимныхъ дѣлахъ съ равною на обѣ стороны пользою употребляться.

ни съ Портою, поданіемъ и малѣйшаго вида первому въ томъ, что намѣренію его хотятъ опорствовать, а послѣднему въ соглашеніи, или снисхожденіи двора нашего на оное. Но желательно только, чтобы Порта прямо увѣрилась въ истинѣ той, что мы въ сіе дѣло никоимъ образомъ не мѣшаемся, и не сочла насъ скрытно Вѣнскому двору содѣйствующимъ. Услугу наибольшую вы тѣмъ окажете, ежели вы можете открыть способы къ сношенію по дѣламъ съ фаворитами, могущими у самого государя. Я васъ аутаризую моимъ словомъ обѣщать 100 и 200 тысячъ рублей тому, кто въ состояніи преломить всѣ происки недоброжелательствующихъ, и довести, чтобы ратификація на трактатъ въ точномъ содержаніи онаго была послана и всѣ бы артикулы онаго были выполнены. Если же цѣны сей недовлѣло бы къ преклоненію полезныхъ людей въ свою сторону, а вы бы навѣрно узнали, что прибавкою оной все желаемое одержать можно, въ такомъ случаѣ уполномочиваю васъ распространить свои обѣщанія и до 300 тысячъ рублей. Убѣждайте визиря отдать намъ Кинбурнъ.

XXVII.

1774 года 26 Октября.

Графъ Румянцовъ пишетъ Екатеринѣ.

Порта имѣетъ въ мысли, чтобы посолъ ея задержался на пути подъ разными предлогами въ ожиданіи успѣховъ отъ тѣхъ пособій, которыя внушили ей интерцессіи отъ дворовъ союзныхъ къ вашему величеству о смягченіи артикуловъ мирныхъ, изъ коихъ Татарской и объемлющій выгоды возвращенныхъ провинцій Молдавіи и Валахіи лежатъ наипаче на сердцахъ недовольныхъ миромъ министровъ Порты. Затрудненія, кои встрѣчаются выполненію мирнаго трактата, суть дѣла рвенія и зависти постороннихъ державъ, коихъ инсинуаціею и доселѣ не престаетъ Порта руководствоваться. Удивило меня содержаніе послѣдняго письма Цегелина и какъ нагло сей министръ противорѣчитъ предъидущимъ собственнымъ же увѣдомленіямъ. Тутъ онъ властно какъ страхъ въ насъ вложить хочетъ къ силамъ Порты съ намѣреніемъ возобновить войну. Какъ онъ, такъ и другіе, лишены бывъ всякаго участія въ заключеніи мира, ищутъ всячески втереться въ настоящее положеніе дѣлъ нашихъ съ Портою и учинить себя по онымъ нужнымъ. Я осмѣлился уполномочить Петерсона на издержку до 300,000 рублей для преклоненія въ нашу сторону значущихъ фаворитовъ у султана.

Я передалъ мое разсужденіе ген. -поручику Щербинину, чтобы онъ всемѣрно остерегался не показать нашу сторону участвующею въ дѣйствіяхъ Калги-Салтана или Джанъ-Мамъ-Бемъ-бея, дабы Турки не покусились взаимно на непріятныя каковыя дѣйствія, сочтя, что мы вмѣшиваемся во внутреннія Турецкія дѣла. Вдругъ преломитъ сердца народа дикаго едва ли возможно, а исподоволь и часъ отъ

часу время само откроетъ имъ очи познать свое блаженство, отъ коего столь отвращаетъ ихъ нынѣ врожденное безуміе.

Австрійцы заняли часть Молдавіи, и Порта спрашивала Петерсона, что̀ бы значилъ такой поступокъ Австрійцевъ. Австрійскій командиръ отвѣтилъ, что сіи земли дворъ Австрійскій обнялъ по праву присвоящему оныя къ Покуціи. Позиція, которую берутъ Австрійцы въ сихъ земляхъ и тотъ видъ на себя пріемлетъ, чтобы мѣшать и нашимъ войскамъ при ихъ обращеніи, и быть можетъ, что дворъ Австрійскій поступилъ на завладѣніе сею частью Молдавіи, польстивъ Туркамъ удостовѣреніемъ своимъ, чтобы за то исходатайствовать у вашего величества облегченіе кондиціямъ мирнаго трактата, увеличивая въ глазахъ Турецкихъ предразсужденія о тягости оныхъ.

XXVIII.

1774 года, 6 Ноября.

Письмо графа Румянцова къ верховному визирю.

Скрыть я не хочу моего крайняго удивленія, коимъ объятъ я былъ, увидя содержаніе сихъ писемъ и приложенной ноты. Ваши желанія стремятся вопреки святости торжественнаго содѣянія, дружбы и чистосердечія. Ни одинъ пунктъ въ трактатѣ не можетъ быть безъ того нарушенъ, чтобы тѣмъ не нарушать и всѣхъ артикуловъ онаго и самыхъ первыхъ тому основаній, т. е. искренности и доброй вѣры. Такова перемѣна договоровъ вслѣдъ за постановленіемъ оныхъ была бы предосудительна достоинству и славѣ дворовъ; слѣдовательно все, что̀ постановлено въ трактатѣ, должно обоимъ сторонамъ выполнить по ихъ на то обязательствамъ.

Татарскіе народы въ состояніи своемъ вольномъ и независимомъ ни къ чему не принуждаются противному Магометанскому закону. Жалобы и просьбы Татаръ, хотя бы они и подлинно сами ихъ устроили, не даютъ права, ни той, ни другой державѣ вступаться въ разборъ оныхъ. Россія и Порта между собою о такомъ ихъ вѣчномъ состояніи имѣютъ свои обязательства независимо отъ ихъ желаній, и сіи должно исполнять. Крѣпости Еникале и Керчь и замокъ Кинбурнъ Россія получаетъ, ища своимъ границамъ безопасности и дабы воздвигнуть комерцію для пользы взаимной обоихъ народовъ. Ежели бы намѣреніе было посягать на утѣсненіе Татаръ, то въ нашихъ рукахъ были всѣ ихъ крѣпости, теперь имъ возвращенныя. И такъ Порта имѣетъ полный отвѣтъ, чтобы дать оной Татарамъ, т. е. указать на артикулъ, запрещающій обоимъ державамъ въ ихъ дѣла вступаться. Не почитаю за нужнымъ упоминать о тѣхъ просьбахъ, которыя, отложась отъ Порты, дѣлали Татаре Россіи въ исканіи покровительства не партикулярнымъ и не принужденнымъ, но общимъ и торжественнымъ образомъ. При возвращеніи Молдавіи и Валахіи Россія никакихъ требованій не чинитъ на предосужденіе правъ

господствованія Порты надъ сими княженіями. Отъ дружественныхъ державъ, въ видѣ добрыхъ услугъ, были разныя предложенія къ миру, и два конгресса для того были; но по таковымъ ничего не сбылось, слѣдовательно и ссылаться на оные нѣтъ права. Не способомъ, но оружіемъ одержанъ миръ, и вамъ извѣстно, въ коемъ положеніи войска наши и ваши находились при заключеніи онаго. Я ожидаю на сіе вашего отвѣта, будучи со всею арміею въ Молдавіи. Нѣтъ приличія одной сторонѣ продолжать исполненіе своихъ обязательствъ, когда другая равнаго тому дѣлать еще не начинаетъ.

XXIX.

8 Ноября 1774 г. Подлинникъ.

Графъ Румянцовъ пишетъ Екатеринѣ.

Дабы не дать больше мѣста подобнымъ отзывамъ въ письмахъ верховнаго визиря и нотѣ Васифъ-эфендія, учреждаемымъ происками недоброжелателей, я отвѣчалъ визирю, что въ трактатѣ ни одного артикула нельзя перемѣнить. На словахъ я внушалъ Васифъ-эфендію, что ни которой пунктъ трактата не заключаетъ въ себѣ иныхъ видовъ, кромѣ взаимной пользы къ утвержденію вѣчной дружбы. Полагать можно, что Порта по моему настоящему отказу должна либо обнажить прямыя свои намѣренія, или приступить совершеннымъ образомъ къ выполненію трактата. Я наказалъ Петерсону, что̀ лежитъ до освобожденія плѣнницъ-Грузинокъ, находящихся въ гаремахъ знатныхъ Турокъ и ихъ министерства, какъ сіи пункты весьма ихъ трогаютъ, въ настоящее время, доколѣ ратификаціи на трактатъ не будутъ размѣнены, не настоять съ полнымъ жаромъ.

XXX.

8 Декабря 1774 г. Подлинникъ.

Графъ Румянцовъ пишетъ Екатеринѣ.

Намъ нужно выйти изъ Молдавіи, и Турки, вшедши здѣсь въ положеніе безпосредственное съ Австрійцами, скорѣе между собою могутъ сцѣпиться и имѣть дѣло желательнымъ образомъ. Сей способъ я предвижу ближайшимъ и наудобнѣйшимъ, чтобы взаимно ихъ стравить, нежели всѣ другія заочныя внушенія. Въ противномъ случаѣ припишутъ нашей винѣ, что Турокъ лишили способовъ защитить захваченную землю Австрійцами. Отъ подписанія мирнаго трактата вся провинція Молдавія учинилась уже принадлежащею обладанію Порты. Такъ буду отвѣчать визирю, слѣдовательно нѣтъ больше никому права, какъ одной Портѣ почитать занятіе Австрійцами собственно до нея касающимся. Въ письмѣ визирь клонитъ свою рѣчь, что намъ якобы должно стоять по обязательству возвращенія всего княженія Молдавіи. Войска Австрійскія помѣщеніе свое въ Молдавіи отъ часу больше распространяютъ, а генералъ ихъ Барко обольщаетъ всѣми образы бояръ предаться въ ихъ сторону.

XXXI.

1775 г. 19 Іюня. Подлинникъ.

Петерсонъ пишетъ графу Румянцову.

Никогда Порта не воображала не только оспаривать силою отнятое у нея, но не осмѣливалась вступить съ Австрійцами въ переговоры, въ увѣреніи, что дворъ нашъ послѣ окончанія дѣлъ своихъ съ нею интересуется въ возвращеніи ей захваченныхъ земель; но съ нашей стороны никогда не сказано было Портѣ, что Россія возметъ ея сторону, и она увидѣла, что увѣренія отъ насъ получаемыя происходятъ отъ недоброжелательства къ Австрійцамъ, возбужденнаго въ насъ поведеніемъ ихъ во время трактованія послѣдняго мира. Татарскіе депутаты, 200, въ Константинополѣ не хотятъ быть вольными, избирать себѣ хановъ, а чтобы Порта по прежнему оныхъ поставляла; требуютъ, чтобы все въ трактатѣ о Крымѣ было перемѣнено или Порта отвела бы землю для переселенія. Я отвѣтилъ Портѣ, что безконечнымъ жалобамъ Татаръ причиною сама Порта, потому что этого не было бы, когда бъ съ самаго начала Татары увѣрены были получить отказъ. Порта желаетъ, чтобъ султанъ хановъ жаловалъ, чтобы установить въ Крыму наслѣдственный порядокъ, чтобы на ханское достоинство возводимъ былъ всегда старшій лѣтами изъ Чингизцовъ. Одинъ изъ духовныхъ сказалъ рейсъ-эфендію, что Татары имѣютъ всѣ причины жаловаться на Россію и что по закону не можетъ Порта отказать имъ пособлять. Наконецъ, Татарамъ отвѣтили, что они сами причиною своей вольности, что крѣпости, принадлежащія Портѣ, она могла уступить, кому хочетъ и не знаетъ, гдѣ имъ дать земли для переселенія. Татары говорятъ, что въ настоящее время весьма способна Порта имъ помочь, для того что и Кабардинцы равное съ ними имѣютъ желаніе и что бунты въ Россіи вновь начались. Съ начала до окончанія я не переставалъ видѣть въ Туркахъ страхъ и уныніе отъ Австрійцевъ. Здравая часть публики явно признавала несостояніе свое силою противостоять Австрійцамъ, а правленіе и негоцировать съ ними боялось. Долго прошло времени, пока рѣшились спросить у Вѣнскаго министра о причинѣ вступленія Австрійцевъ въ Молдавію. Всѣ наши внушенія, что Вѣнской дворъ уступитъ, когда усмотритъ твердость со стороны Порты, что предпринято сіе отъ императора, у котораго не во власти миръ и война, что Австрійцы внутренно терпятъ отъ мятежниковъ Богемскихъ безпокойствіе, не могли придать смѣлости правленію. Когда Турки оправятся, скорѣе рѣшатся объявить войну Россіи по дѣламъ Татарскимъ и кораблеплаванію, нежели Австрійцамъ, хотя бы они и вдвое отъ Молдавіи или Валахіи земли отхватили. Турки уже объ Австрійцахъ забыли, а объ Россіи и понынѣ думаютъ, что она послѣднимъ миромъ положила

только первую степень на счетъ ихъ великости своей, и не сомнѣваются, что чрезъ нѣсколько лѣтъ Крымъ будетъ совсѣмъ России принадлежащимъ. Никогда сія мысль не искоренится у Турокъ, и ничто не потупитъ устремленнаго зрѣнія ихъ въ Черное море, какъ уваженія достойное положеніе тутъ России.

Фельдмаршалъ графъ Румянцовъ.

Кончина Екатерины II-й только однимъ мѣсяцемъ упредила кончину фельдмаршала и произвела на него глубокое впечатлѣніе. Монархиня признала его достоинство, открыла ему поприще для дѣйствія, осыпала его милостями и удостоила своего уваженія и довѣрія *). Ея кончина была обыкновеннымъ предметомъ его послѣднихъ бесѣдъ. Вотъ что говорилъ онъ, между прочимъ, генералъ-лейтенанту Апраксину, пріѣхавшему его навѣстить.

«Не знаю, могъ ли бы я вынести ужасное зрѣлище,—видѣть умирающую Екатерину, мою государыню и благодѣтельницу! Зрѣлище это было бы для меня тѣмъ ужаснѣе, что я никогда вблизи не видалъ мертвыхъ. На полѣ битвы взоръ мой быстро скользилъ по трупамъ убитыхъ, которыми оно было усѣяно; я думалъ видѣть на ихъ лицахъ улыбку самодовольствія отъ того, что они умерли славною смертью. Когда тѣло императрицы Елисаветы было выставлено на парадномъ катафалкѣ, и мой долгъ и правила этикета призвали меня туда вмѣстѣ съ другими, — глаза мои потемнѣли и наполнились слезами, сердце сжалось отъ горести, и я уже не помню, какъ въ этомъ ужасномъ волненіи я успѣлъ выбраться за двери».

За нѣсколько недѣль до смерти Румянцовъ сказалъ тому же генералу: «Всего болѣе боюсь я пережить себя. На случай, если со мною будетъ ударъ, я приказываю, чтобы меня оставили умереть спокойно и не подавали мнѣ помощи. Продолженіе дней моихъ только ухудшитъ мое положеніе, если я останусь немощнымъ и разбитымъ, въ тягость себѣ и другимъ. Прошу васъ въ такомъ случаѣ приказать, чтобы меня не мучили безполезно».

Румянцовъ, казалось, имѣлъ предчувствіе того, что̀ скоро съ нимъ должно было случиться. Къ нему пріѣхалъ курьеръ съ письмомъ отъ Императора. Онъ провелъ часть ночи и часть утра слѣдующаго дня, занимаясь составленіемъ отвѣта, который ему не суждено было окончить.

---

*) Герой Кагульскій цѣлые годы оставался въ бездѣйствіи, и лишь въ 1794 году Екатерина вновь поручила ему начальство надъ войсками. См. выше, стр. 31, письмо его по случаю вступленія въ дѣятельность. П. Б.

Въ то время, когда онъ отдыхалъ у своего бюро, оперпись головою на лѣвую руку, апоплексическій ударъ отнялъ у него всю правую сторону; онъ лишился языка, но сохранилъ зрѣніе. Секретарь его, который только что его оставилъ, войдя, ничего не замѣтилъ и сѣлъ подлѣ него на свое мѣсто; но спустя нѣсколько времени, видя, что тотъ не двигается и не говоритъ,—угадалъ причину и крикнулъ о помощи.

Цѣлыхъ четырнадцать часовъ оставался фельдмаршалъ на своемъ мѣстѣ, давая знать лѣвою рукою и глазами, чтобы ему не оказывали никакаго пособія и не переносили его на постель; казалось, онъ ожидалъ смерти тамъ, гдѣ она нанесла ему свой первый ударъ. Наконецъ, когда силы его оставили, пришлось перенести его на постель. Взгляды и движенія его показывали, что онъ еще не совсѣмъ лишился чувствъ и памяти. На другой день его причастили Святыхъ Таинъ. Онъ принялъ ихъ съ благоговѣніемъ, слезы текли изъ его полупомеркшихъ глазъ, обращенныхъ къ небу. Вмѣсто отвѣта онъ дружески пожалъ руку тому, кто первый предложилъ ему исполнить этотъ христіанскій долгъ.

Такимъ образомъ тихо и спокойно, не выражая ни жалости, ни нетерпѣнія, провелъ онъ три дня на одрѣ смерти, или лучше сказать, на одрѣ покоя, и скончался на четвертый день, въ присутствіи многихъ лицъ, утромъ 3 Декабря 1796 года, на 72 году отъ рожденія.

Такъ умеръ Румянцовъ, образецъ героевъ, краса и слава своего народа, уважаемый своими государями, предметъ удивленія современниковъ, почитаемый даже своими врагами. Наскучивъ свѣтомъ, который въ глазахъ философа скоро становится презрительнымъ, онъ во время удалился со сцены, прежде чѣмъ могли его къ тому понудить необходимость или преклонность лѣтъ. Онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ помѣстье Ташань, въ окрестностяхъ Кіева; тамъ онъ построилъ себѣ дворецъ, чтобы провести въ немъ остатокъ своихъ дней въ спокойствіи. Онъ отвелъ въ немъ для себя только двѣ комнаты, откуда, какъ съ высоты маяка, мирный зритель, онъ созерцалъ превратности и опасности бурнаго житейскаго моря. Свита и прислуга его состояли изъ небольшаго числа лицъ, даже и въ то время, когда въ 1794 году, онъ снова взялъ жезлъ и обязанности фельдмаршала.

Привыкнувъ къ уединеннымъ занятіямъ и сознавая свое величіе, онъ заперъ дверь свою для нескромой толпы, а слухъ свой для голоса льстецовъ; но онъ всегда принималъ съ предупредительною вѣжливостью ту дань уваженія, которую внушалъ людямъ достойнымъ*). Не смотря на отдаленность разстоянія, отовсюду пріѣзжали же-

---

*) Генералъ-маіоръ князь Дашковъ, съ давняго времени его другъ и собесѣдникъ, пользовался его полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ.

лавшіе его увидать; даже иностранцы отправлялись изъ Петербурга въ Украйну, чтобы узнать великаго человѣка, соединявшаго философскія добродѣтели Сократа съ доблестями Цезаря, и сознавались по возвращеніи, что видѣнное превосходило ихъ ожиданія. Скромность его была такъ велика, что онъ приписывалъ свои многочисленныя побѣды болѣе счастливому стеченію обстоятельствъ, чѣмъ своимъ воинскимъ дарованіямъ. Видъ его былъ исполненъ достоинства, обращеніе просто, рѣчи дышали умомъ и благородствомъ, улыбка его была пріятна, взглядъ спокоенъ и кротокъ. Все въ немъ показывало великаго мужа, который уже около полвѣка пользовался справедливымъ уваженіемъ Европы.

Науки были всегда любимымъ его занятіемъ; до конца дней своихъ онъ посвящалъ имъ большую часть своего времени, все что̀ оставалось ему отъ исполненія обязанностей. Говорятъ, что онъ многіе годы трудился надъ сочиненіемъ, которое должно было возбудить всеобщее любопытство и имѣть значеніе для потомства, надъ исторіей своего времени.

Дѣлами своими онъ большею частью занимался самъ, безъ помощи секретаря; самъ распечатывалъ и читалъ всѣ нужныя письма и бумаги, ему присылаемыя. Обыкновенно, онъ ничего не подписывалъ въ присутствіи своего секретаря, чтобы на досугѣ съ спокойнымъ духомъ перечесть написанное. Великій мужъ бралъ на себя этотъ трудъ, потому что не хотѣлъ быть слишкомъ довѣрчивымъ, зная, какъ легко и опасно быть обманутымъ.

Графъ (теперь князь) Безбородко, великій государственный министръ, на которомъ уже лежитъ столько лѣтъ бремя дѣлъ имперіи, былъ его питомцемъ..

Въ послѣднюю Турецкую войну, онъ получилъ лестное доказательство уваженія и страха, который онъ внушалъ врагамъ Отечества: непріятель послалъ шпіона, единственно за тѣмъ, чтобы убѣдиться, живъ ли еще Румянцовъ.

Въ послѣдній годъ своей жизни онъ мало говорилъ о войнѣ; изрѣдка впрочемъ онъ разсуждалъ о событіяхъ и объ успѣхахъ послѣднихъ Французскихъ кампаній. Онъ задолго впередъ предвидѣлъ и предсказалъ пораженіе генерала Вурмсера Бонапартомъ. Переходъ эрцгерцога Карла черезъ Дунай онъ называлъ искуснымъ маневромъ, послѣдствіемъ котораго было бѣгство Французовъ къ Рейну. Но болѣе всего онъ удивлялся прекрасному отступленію генерала Моро, окруженнаго со всѣхъ сторонъ и лишеннаго средствъ къ спасенію.

Онъ всегда избѣгалъ говоритъ о князѣ Потемкинѣ, но любилъ бесѣдовать о своемъ другѣ Суворовѣ, отдавая справедливость его воинскому генію, патріотизму и его блестящимъ успѣхамъ; онъ прибавлялъ, что всегда питалъ къ нему личную привязанность.

Когда открыли кабинетъ Румянцова, то нашли въ его бумагахъ запечатанный конвертъ, съ надписью: относящееся лично до меня. Думали, что это его завѣщаніе, но раскрывъ увидѣли два письма, содержаніе которыхъ при его жизни никому не было извѣстно. Въ первомъ изъ нихъ, писанномъ рукою Императрицы, она въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ предлагала ему санъ гетмана Малороссійскаго; второе письмо заключало его скромный отказъ и просьбу замѣнить это достоинство званіемъ мѣстнаго генералъ-губернатора. Какое можетъ быть больше доказательство пренебреженія этого великаго человѣка къ чинамъ и титуламъ! Истинною заслугою считалъ онъ то, чтобы не полагать своей чести въ суетной славѣ.

Многіе напрасно обвиняли его въ любви къ деньгамъ и въ излишней разсчетливости. Частыя жалобы, которыя онъ подавалъ на своихъ арендаторовъ, не платившихъ ему, могли служить поводомъ къ такому мнѣнію; но кто можетъ сказать, что эти жалобы были неосновательны? Послѣ его смерти были найдены многочисленныя доказательства его благотворительности и щедрости. Пансіоны, которые онъ платилъ втайнѣ неимущимъ семействамъ, доходили до 20,000 въ годъ, и толпа бѣдныхъ и несчастныхъ, оросившихъ гробъ его слезами, неопровержимо свидѣтельствуетъ въ его пользу и доказываетъ, что бѣдные лишились въ немъ благодѣтеля, покровителя и отца.

На генералъ-лейтенанта Апраксина возложено было отдать послѣднія погребальныя почести останкамъ героя. Онъ сопровождалъ тѣло его изъ Ташани въ Кіевъ, со всею воинскою пышностію, употребляемою въ такихъ случаяхъ и со всѣми отличіями, подобающими фельдмаршалу. Въ Кіевѣ оно было выставлено въ продолженіи восьми дней, и потомъ въ сопровожденіи многочисленнаго отряда войскъ подъ командою князя Дашкова и генерала Вигеля, похоронено въ церкви Кіевской Лавры.

Изъ Французскаго Альманаха на 1798 годъ, книжки безъ заглавнаго листа, въ родѣ Альманаха Готы, изданной гдѣ нибудь въ Германіи. Въ первой половинѣ заключается статья: Cathérine II ou essai historique de sa vie en neuf tableaux, съ картинками изъ жизни Екатерины, видами Петербурга и снимками Екатерининскихъ медалей; въ другой половинѣ: Naissances et alliances de rois, reines et princes et princesses de l'Europe, начиная съ Прусскаго царствующаго дома. При статьѣ о графѣ Румянцовѣ означено, что ее доставилъ «адъютантъ арміи Ф. А.» Кто это лицо, намъ неизвѣстно. *И. Х.*

Изъ воспоминаній Николая Ивановича Андреева.

(Род. въ 1792, сконч. въ 1870 году).

Воспоминанія эти доставлены въ Рускій Архивъ сыномъ Н. И. Андреева, редакторомъ художественнаго изданія «Картинныя галереи Европы», инженеръ-дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Александромъ Николаевичемъ Андреевымъ, которому выражаемъ за то нашу признательность. На подлинной рукописи значится: «Милымъ моимъ дѣтямъ на досугѣ писанная быль со мною. Для нихъ, быть можетъ, будетъ любопытна жизнь ихъ отца. Хотя не витіевато, но все справедливо. 1844 года, Марта 28 числа». Этими строками вполнѣ опредѣляется значеніе нижеслѣдующихъ разсказовъ. Безъискуственная простота и живая искренность въ описаніи великихъ событій придаютъ особенную цѣну Воспоминаніямъ Н. И. Андреева. О 1812 годѣ расказываетъ, безъ всякой мысли о печати, простой офицеръ, очевидецъ и участникъ тогдашнихъ бѣдствій. *П. Б.*

Отецъ мой, служившій во времена Великой Екатерины въ драгунскомъ полку, оставилъ службу съ чиномъ подпоручика и по отставкѣ опредѣлился въ статскую службу въ городѣ Псковѣ, гдѣ былъ любимъ бывшими намѣстниками г. Беклешовымъ, Ламсдорфомъ и Пилемъ. Женился онъ въ 1784 году Іюня 17-го на дочери дворянина Мягкова, Еленѣ Васильевнѣ, которой тогда не болѣе было 14 лѣтъ. Позднѣе отецъ мой перешелъ на службу той же губерніи въ уѣздный городъ Порховъ, гдѣ купилъ себѣ домъ на берегу рѣки Шелони и гдѣ я родился въ 1792 году Апрѣля 5-го числа.

Въ 1798 году старшій мой братъ Василій былъ опредѣленъ въ Военно-Сиротскій домъ или Корпусъ, который былъ учрежденъ императоромъ Павломъ. Заведеніе сіе было любимымъ у Государя. Въ немъ былъ комплектъ двухъ сотъ и сверхъ комплектныхъ до 300 человѣкъ. При семъ же заведеніи были солдатская рота и отдѣленіе дѣвицъ около ста. Директоромъ былъ назначенъ любимецъ Государя, бывшій въ Гатчинѣ маіоромъ, что въ послѣдствіи генералъ маіоръ, кавалеръ и командиръ, Петръ Евстафьевичъ Веймарнъ. Корпусными офицерами были дѣти Веймарна, Александръ, Владиміръ и Иванъ Петровичи; солдатскаго же отдѣленія прежде капитанъ Нолькенъ, а въ послѣдствіи маіоръ Книперъ. Директри-

сою у дѣвицъ жена директора. Слѣдовательно вся власть была у одного лица.

Вотъ насталъ и мой часъ. Въ Декабрѣ 1802 года, нарядивъ меня и брата Нила въ зеленые сертуки съ стеклянными пуговицами, въ срединѣ коихъ были изъ фольги звѣздочки и въ тафтянныя высокія стеганыя шапки на ватѣ, въ концѣ коихъ находились большія пуговицы, обернули насъ въ заячьи шубы, крытыя нанкою. Сборы въ дорогу въ старину были большія: за полгода говорили, что нужно ѣхать къ Рождеству, за нѣсколько недѣль сосѣди прощались, сбирали экипажи, служили молебны, повозки были за недѣлю у крыльца. Люди, Матвѣй и Минка, ходили взадъ и впередъ въ длинныхъ сертукахъ, подпоясанные кушаками. За три дня изготовили дорожныя кушанья. Насталъ, наконецъ, часъ разлуки; дворня всѣ до единаго, не исключая малолѣтныхъ у матерей на рукахъ, собралась; плачь и рыданіе сопровождали нашъ поѣздъ. Не буду описывать дорогу; помню только, что мы вездѣ останавливались въ крестьянскихъ избахъ для ночлега и покормки лошадей. Тогда харчевенъ или постоялыхъ дворовъ было мало.

По пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, мы остановились на квартирѣ на Пескахъ, близъ Рождества, у кофишенка Щербаева. Праздникъ Рождества Христова прошелъ, насталъ новый 1803-й годъ; помню, что отецъ мой, по знакомству съ старикомъ Брызгаловымъ, служившимъ въ Михайловскомъ замкѣ (что нынѣ Инженерное Училище) имѣлъ случай видѣть изъ онаго замка великолѣпный фейерверкъ, данный на Царицыномъ лугу въ столѣтіе С.-Петербурга. Зрѣлище было великолѣпно; но я, по молодости лѣтъ, ничего не могъ замѣтить особеннаго.

Меня съ братомъ Ниломъ отвезли вскорѣ въ Корпусъ, тотъ же, гдѣ былъ старшій нашъ братъ, и родители наши вскорѣ уѣхали въ свою деревню. Первое время въ Корпусѣ мнѣ было чрезвычайно скучно и единообразно. Насъ приняли сверхъ комплекту, надѣли толстые солдатскіе мундиры; но по просьбѣ родителей нашихъ мы спали съ комплектными, у которыхъ какъ мундиры, такъ и все содержаніе было гораздо лучше сверхъ-комплектныхъ, у коихъ было все солдатское.

Обмундировка наша была слѣдующая: поярковая треугольная шляпа съ шерстянымъ кордончикомъ, мундиръ довольно длинной, зеленой съ краснымъ высокимъ воротникомъ, голова напудрена, сзади заплетены съ боковъ маленькія косички въ три прядка, а посрединѣ коса съ подкосникомъ, обернутая черной лентой, бѣлая протупея застегнутая поперекъ портами, спереди оной мѣдная пряжка, бѣлые суконные исподницы, башмаки тупоносые съ мѣдной пуговицей. Насъ помѣстили въ 1-й классъ, потому что мы знали только читать по-русски и болѣе ничего. Какъ теперь помню, что въ

классѣ нашемъ были два брата Ганибалы, Ѳедоръ и Иванъ, весьма черные лицомъ и тѣломъ, съ курчавыми черными волосами и большими бѣлыми глазами и зубами. Съ нами были и солдатскія дѣти въ одномъ же классѣ. Учителями нашими были солдатскіе воспитанники изъ музыкантовъ.

Директоръ нашъ любилъ удовольствія; для своихъ дѣтей, кадетовъ и дѣвицъ, онъ учредилъ домашній театръ у себя на дому на чердакѣ, въ коемъ играли кадеты и его сыновья, они же и женскія роли; изъ нихъ былъ недуренъ кадетъ въ женской роли Ляминъ, который впослѣдствіи взятъ Цесаревичемъ въ конную-гвардію юнкеромъ. Костюмы доставались изъ малаго театра племянникомъ начальника театра Казаса, Албертомъ. Иногда сбирались танцовать у директора, и кадеты играли въ биліардъ. Могли вездѣ кадеты быть въ партикулярномъ платьѣ и всегда по просьбѣ были отпускаемы домой, часто и не въ праздникъ; дѣвицамъ тоже былъ отпускъ изъ Корпуса съ родственниками, а часто и съ знакомыми.... Со мной были въ одной спальнѣ племянники директора Александръ, Ѳедоръ и Петръ; послѣдній нынѣ начальникъ главнаго штаба и генералъ-адъютантъ. Учители наши были неважные, и на успѣхи кадетъ никто не обращалъ вниманія до того, что нѣкоторые были въ классахъ, а другіе играли на дворѣ въ мячъ и шехарду. Въ 1805 году вышелъ въ отставку нашъ директоръ съ сыновьями, купивъ себѣ хорошее имѣніе въ Ямбурскомъ уѣздѣ. По увольненіи директора Веймарна многіе очень сожалѣли, что лишились отца: такъ его называли кадеты. Послѣ него переобразовался совершенно Корпусъ; отдѣленіе дѣвицъ переведено въ другой домъ, солдатская рота въ Рамбовъ, уничтожены сверхъ-комплектные, всѣ были раздѣлены на двѣ роты. Директоромъ назначенъ полковникъ Генъ, офицеры даны изъ арміи и гренадеровъ. Ротными командирами назначили двухъ капитановъ Эбергарда и Свѣчина; они оба были строги до чрезвычайности. Эбергардъ, чахоточный, сухощавый и никогда не улыбался, сѣкъ кадетъ безъ пощады и, кажется, самъ наслаждался, до того что многихъ полумертвыхъ выносили въ лазаретъ, а г-нъ Свѣчинъ не уступалъ злостью и варварствомъ Эбергарду. Они изобрѣли, чтобы и самыя розги были по формѣ, размачивались и парились въ горячей водѣ. Сѣкли ими на скамейкахъ солдаты, и нерѣдко давали до 700 розогъ и. болѣе. Жестокость сихъ варваровъ извѣстна была многимъ. Дали лучшихъ учителей, перестроили домъ, и Корпусъ принялъ одинъ видъ съ прочими корпусами.

Я забылъ сказать, что 1805 года уничтожили на головѣ пудру и косу, а 1807 года дали кивера и портупею чрезъ плечо. Въ семъ же году взяли отъ насъ лучшихъ офицеровъ Клугина и Галченкова въ лейбъ-милицію; но она, возвратясь изъ Прусскаго похода, переформирована въ Финляндскій полкъ. Въ семъ же году сформированъ

лейбъ-уланскій полкъ, изъ баталіона гвардейскихъ егерей сформированъ лейбъ-егерскій полкъ. Директоръ нашъ Өедоръ Ивановичъ Гепъ приказомъ по Корпусу установилъ, чтобы отпускаемые въ праздникъ кадеты никакъ бы не ходили къ параду, что̀ бывалъ у дворца каждое Воскресенье; но какъ обыкновенно всякое приказаніе въ послѣдствіи времени забывается, также и сіе. Я былъ отпускаемъ со двора къ почтеннѣйшему семейству Станицевыхъ, куда каждый праздникъ, по милости, можно назвать, сихъ благодѣтелей, я съ братомъ ходилъ; насъ любили и ласкали какъ ближайшихъ родныхъ. Я утромъ вышелъ погулять и, встрѣтясь съ кадетомъ нашего корпуса Зѣничемъ, условились идти въ Эрмитажъ, куда свободно насъ пускали по билетамъ, которые легко можно было достать и, проходя мимо дворца, видимъ разводъ и Государя. Какъ же пройти и не взглянуть? Мы остановились, но что же? Не прошло пяти минутъ, какъ подошелъ къ намъ директоръ, спросилъ наши фамиліи и велѣлъ идти въ Корпусъ; всякій можетъ вообразить, какимъ страхомъ мы были поражены. И, отойдя отъ дворца, не разсудили мы вернуться въ Корпусъ, а пошли каждый по своимъ квартирамъ и явились въ Корпусъ къ вечеру со всѣми вмѣстѣ. На другой день въ обѣдъ нашъ пришелъ директоръ и спросилъ насъ; мы встали, извиняясь, что ненарочно, но проходя мимо остановились. На сіе не получили никакого возраженія, а вечеромъ фельдфебель Ходовскій показалъ намъ письменный приказъ директора, въ коемъ было сказано: «кадеты 2-й роты Андреевъ и Зѣничъ ослушались приказа и были на парадѣ найдены г. директоромъ, за каковое ослушаніе при собраніи всей роты наказать ихъ розгами». Я сознаюсь, ночь всю провелъ безъ сна. Въ 9 часовъ пошли въ классы. Куда тутъ науки и уроки! Меня не помню что̀ спросили, я не отвѣчалъ, хотя по обыкновенію кадеты мнѣ подсказывали и давали знать знаками; но я былъ растерянъ и за сіе поставленъ среди классовъ на колѣни. Въ это время входитъ инспекторъ Шумахеръ. Увидя меня, повернулся и сказалъ: «Экой болванъ!» Но я былъ равнодушенъ и думалъ, что меня будутъ терзать. Пришла пора, вышли изъ класса, построили роту, повели обѣдать. Разумѣется, я до обѣда не дотрогивался; кончился обѣдъ, начали выносить лишніе столы (ибо залы у насъ не было, потому что домъ перестроивался нашъ, а мы жили въ наемномъ у купца Кочерова, комнаты были малы, рота помѣститься не могла), привели всю роту, поставили скамью длинную, явились палачи-солдаты съ ужасно-длинными мокрыми розгами, и за ними не замедлилъ придти главный капитанъ Свѣчинъ; вызвавъ меня и Зѣнича на средину, велѣлъ прочитать указъ. Куря сигарку, онъ мигнулъ намъ, и я первый повалился на скамью. Не помню что̀ я чувствовалъ, пожаръ, огонь, боль, но къ счастію оробѣвъ, я мало подавалъ голосу; меня кончили и сняли. Но ужасъ былъ Зѣничу; несчастный кричалъ во всю глотку,

и его, какъ имѣющаго хорошій голосъ, по словамъ капитана сѣкли безъ пощады; считавшіе по обыкновенію удары прочіе кадеты сказали, что мнѣ 80, а Зѣпичу 533 ударовъ были наградою за любопытство развода.

Мнѣ шелъ уже 17 годъ, но успѣхи по наукамъ очень слабы: я былъ еще во 2-мъ классѣ. Я думалъ: что̀ дѣлать? Офицеромъ буду не скоро, и очень не скоро, развѣ чрезъ 5 или 6 лѣтъ. Какъ быть? Блеснула мнѣ мысль: буду проситься изъ Корпуса въ отставку. Рѣшилъ и написалъ батюшкѣ о моей болѣзни и прочее, выдумалъ многое. Отецъ мой разсудилъ и разрѣшилъ мнѣ выдти, написавъ благодѣтелю моему Станищеву, чтобы употребилъ всѣ средства меня освободить; а тотъ адресовался къ знакомому ему адъютанту старшему Цесаревича Лагодѣ, и я чрезъ недѣлю оставилъ ненавистный мнѣ Корпусъ, гдѣ я провелъ семь лѣтъ.

Вотъ я на свободѣ и нимало не помышляю, что̀ я буду и какую теперь разыгрываю роль. Нанялъ я недорого подводу и пріѣхалъ къ отцу. Первое его слово: что̀ ты, и чѣмъ будешь заниматься? Куда думаешь вступить въ службу? Я еще ничего не обдумалъ, но отвѣчалъ: «Какъ вамъ будетъ угодно!»—«Хорошо, живи дома и что̀ изъ тебя выйдетъ».—Я же съ перваго шагу такъ соскучился, что не зналъ что̀ дѣлать; и наконецъ блеснула мысль благая: я прошу отца отпустить меня въ Петербургъ, гдѣ я самъ опредѣлюсь въ дворянскій полкъ, называемый тогда волонтернымъ, изъ дворянъ устроенный 1807 года, въ коемъ были дѣти, старики и отцы съ сыновьями. Онъ состоялъ при 2 мъ Кадетскомъ Корпусѣ. Отецъ мой одобрилъ мой выборъ, благословилъ и къ новому 1810 году отправилъ меня, давъ въ дорогу 50 рублей ассигнаціями. Я былъ Крезъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, имѣя свидѣтельство о дворянствѣ губернскаго предводителя, я чрезъ недѣлю былъ принятъ въ Корпусъ волонтеромъ во 2-й батальонъ. Явясь къ баталіонному командиру Энгельгарду, я сознался ему, что былъ въ Корпусѣ Военно-сиротскомъ, оттуда вышелъ по болѣзни, и учился математикѣ, знаю читать и писать пофранцузски и понѣмецки, географіи хорошо (это я не прибавилъ, потому что любилъ сію науку), исторію, рисовать, ну словомъ, что меня учили. Я былъ принятъ милостиво и окруженъ какъ воспитанный хорошо. Буду офицеромъ чрезъ 6 мѣсяцевъ! Я занялся фронтомъ, въ классы не ходилъ, потому что учились только тѣ, кто не зналъ читать и писать порусски и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики. Я уже былъ въ общемъ мнѣніи профессоръ, хотя правду сказать только то и зналъ, чему учили другихъ. Фронтъ я понялъ скоро и дожидался выпуску, но увы тщетны наши надежды! Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, узнавъ, что гг. батальонные командиры берутъ деньги съ кадетъ и выпускаютъ ихъ чрезъ два мѣсяца, имѣя ихъ своими пансіонерами и на своемъ столѣ, берутъ

съ нихъ по 1200 рублей и болѣе, запретилъ всѣхъ прежде года не выпускать офицерами. Я долженъ былъ оставаться на годъ, но меня произвели унтеръ-офицеромъ. Въ это время опредѣлены были въ одинъ со мной Корпусъ и меньшіе мои братья Александръ и Петръ. Житье мнѣ было превосходное противъ Военно-сиротскаго: свобода и безъ классовъ, столъ изрядный. Въ Іюнѣ пошли кадеты, въ томъ числѣ и нашъ полкъ, въ Петергофъ на практическій походъ. Довольно было пріятно, мы были на маневрахъ съ гвардіей, нашъ баталіонъ помѣстили въ Аглицкомъ саду во дворцѣ. Ученье, частые смотры императора Александра и разводы каждый день. Цесаревичъ любилъ нашъ Корпусъ. Вскорѣ баталіонные командиры были подполковники и полковники съ орденами на шеѣ Св. Анны и Владиміра; награды частыя и щедрыя сыпались имъ. Дали полковаго командира, полковника изъ свиты, Куруту, который былъ только во фронтѣ командиръ, а всегда былъ при Цесаревичѣ, а внутренно распоряжались баталіонные командиры. Послѣ похода Цесаревичъ представилъ 8-мь человѣкъ въ гвардію, подпоручиками фельдфебелей и прапорщиками унтеръ-офицеровъ; конечно послѣдніе были пансіонеры баталіонныхъ начальниковъ. Нашей 5-й роты фельдфебель А. Арбузовъ былъ выпущенъ въ лейбъ-егерской полкъ подпоручикомъ, а пансіонеръ Михайло Александровичъ Корсаковъ въ Преображенскій прапорщикомъ. Первый теперь командиръ гвардейскаго корпуса и генералъ-адъютантъ.

Приближалась осень. Въ Сентябрѣ вызывали желающихъ въ кавалерію. Разумѣется, я, пробывъ 8 лѣтъ въ Корпусѣ, объявилъ желаніе, которое вскорѣ назначеніе перемѣнилось. Изъ прежнихъ охотниковъ въ кавалерію спросили желающихъ въ пѣхоту въ ново-формированную дивизію 27-ю. Я отъ того непрочь. Чрезъ недѣлю свели насъ охотниковъ къ Цесаревичу въ Мраморный дворецъ, а онъ къ Государю въ Зимній, во Владимірскую залу. Царь насъ поздравилъ и велѣлъ немедля экипировать, что̀ исполнено было съ величайшею скоростію на казенный счетъ; но какъ? нитяные кутасы, шарфъ и темлякъ, эполеты мѣдные и сукно кадетское, но и за то слава Богу и Царю! Я не имѣлъ ни гроша, изъ дому получить не надѣялся, что̀ послѣ оказалось справедливо. Я былъ назначенъ въ 50-й егерскій полкъ 27-й дивизіи. Описывать ли восторгъ и чувство стараго кадета, когда я надѣвалъ шпагу? Изъ разныхъ корпусовъ 100 человѣкъ представлены мы были къ Государю, который, осмотря насъ, просилъ служить хорошо, и на другой же день насъ выслали изъ Петербурга, выдавъ прогоны въ Москву. Я, не получа отпуска (ибо никого не отпускали), самовольно заѣхалъ къ батюшкѣ и, пробывъ у него дня три, поѣхалъ съ нимъ къ дядѣ Беклешову проститься съ сестрами. Черезъ два дня я былъ уже въ дорогѣ къ Москвѣ. Батюшка далъ мнѣ 150, а дядя 250 рублей на шарфъ серебряный, какъ онъ мнѣ

тогда сказалъ. Я имѣлъ 400 рублей ассигнаціями. Вотъ все мое богатство было: жить до трети года. Нужно было сшить платье получше. Но все Богъ справилъ.

По пріѣздѣ въ Москву, явился я къ шефу полка (они тогда въ каждомъ полку были) полковнику Николаю Гавриловичу Назимову, который обласкалъ меня, сдѣлалъ батальоннымъ адьютантомъ и велѣлъ всегда у него обѣдать и пить чай. Съ сего времени до отставки моей изъ службы сей добрѣйшій человѣкъ мнѣ былъ вмѣсто отца и былъ моимъ благодѣтелемъ во многихъ случаяхъ. Упокой Господь его душу! Онъ умеръ генералъ-лейтенантомъ въ 1828 году, въ Тобольскѣ комендантомъ. Я выпущенъ былъ 1811 года, въ Октябрѣ. Мнѣ отвели квартиру въ Спасскихъ казармахъ близъ Сухаревой башни, гдѣ и полкъ нашъ былъ расположенъ. Я первой изъ офицеровъ явился, послѣ меня изъ корпусныхъ 2-го Постниковъ и нашего Девянинъ явились. Формировка полка началась изъ 3-хъ ротъ Московскаго гарнизоннаго полка. Люди были не хуже гвардейскихъ солдатъ, иные и лучше; но офицеровъ нѣсколько, Боже упаси, которые въ послѣдствіи всѣ изъ полка вышли. Въ нашъ полкъ пришла еще гарнизона Уральскаго рота съ маіоромъ Тихановскимъ и тремя офицерами. Маіоръ сей служилъ 1812 годъ у насъ, былъ доброй человѣкъ. Послѣ поступили рекруты, и мы къ новому 1812 году были сформированы.

Москвы я описывать не намѣренъ; да по молодости и вѣтренности моей замѣчаній не дѣлалъ, и занятія мои по службѣ во весь день того не дозволяли. Я имѣлъ свободный одинъ вечеръ; обыкновенно занимался ежедневно: утромъ изъ ротъ соберутъ къ разводу, я разсчитаю, командую разводомъ, въ 11 часовъ ѣду за паролемъ и приказаніемъ къ коменданту въ Кремль, оттуда возвратясь занимаюсь у полковника, у него же и обѣдаю, въ пять часовъ; вечеръ же мой. Знакомыхъ я никого не имѣлъ, выключая почти всей дивизіи офицеровъ, гдѣ мы часто встрѣчались въ кофейной у Грека или на бѣгу, что̀ я очень любилъ смотрѣть. Вечеромъ были въ своей компаніи или катались по городу. Словомъ, жизнь моя въ Москвѣ была очень единообразна. Дивизія наша была готова. Командовалъ ею генералъ Невѣровской, почтеннѣйшій, добрѣйшій и храбрѣйшій; бригадные наши были 1-й Ставицкой, флигель-адъютантъ, полковникъ, 2-й Александръ Яковлевичъ Княжнинъ, полковникъ, и нашей 3-й флигель-адъютантъ полковникъ Воейковъ. Дивизія одѣта была превосходно, люди отличные, корпусъ офицеровъ прекрасной. Государь прислалъ осмотрѣть и по донесеніи инспектора полковника Семеновскаго полка Лихарева дивизіонной начальникъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1812 года мы выступили изъ Москвы вся дивизія и расположились въ ближнихъ городахъ Московской губерніи.

Полкъ нашъ назначенъ квартировать въ Звенигородѣ, а нашъ баталіонъ въ Воскресенскѣ, заштатномъ городѣ, въ коемъ храмъ, построенный патріархомъ Никономъ по модели Іерусалимскаго. Квартиры были для насъ и солдатъ очень хорошія, примѣчательнаго тамъ кромѣ храма ничего не было; я говѣлъ въ немъ и встрѣчалъ первый день Пасхи. Храмъ великолѣпной, въ немъ было еще при мнѣ 28 придѣловъ, одинъ главной большой на срединѣ и съ боковъ, стѣны круглыя, похоже на театръ, съ тою разницею, что галереи внутри храма и за ними придѣлы. Въ срединѣ главной церкви большая часовня, раздѣлена на два отдѣленія; въ послѣднемъ стоитъ плащаница и освѣщена свѣчами и лампадами, съ боку другой стороны еще часовня, гораздо меньше, въ ней деревянное изображеніе Христа Спасителя во весь ростъ въ терновомъ вѣнкѣ, сидящаго на камнѣ въ темницѣ. Галереи въ церкви около придѣловъ въ три яруса; въ главномъ придѣлѣ съ правой стороны гора Голгоѳа, на ней ежегодно бываетъ напоминовеніе снятія со креста. Съ одной изъ галерей съ правой стороны есть входъ на колокольню, которая довольно обширна. Оттуда видна деревня Іуды и Виѳлеемъ, находящійся отъ монастыря въ $^1/_4$ версты; дорога къ нему обсажена березками. Въ Виѳлеемѣ небольшая церковь поставлена на пригоркѣ, строеніе каменное, еще цѣлъ небольшой домъ патріарха Никона очень простой работы, безъ всякихъ украшеній. Въ монастырѣ тогда было неболѣе четырехъ іеромонаховъ и всей братіи съ прислугою до 20 человѣкъ; при мнѣ даже не было архимандрита, только одинъ строитель. Монастырь очень не богатъ, и видно, что мало бываетъ посѣтителей и пожертвованій, хотя оной недалеко отъ столицы, въ 63 верстахъ, которая издревле славилась подаяніями и приношеніями въ церкви. Тамъ мощей никакихъ нѣтъ. Жаль очень, что если сіе великолѣпное зданіе и священное для христіанъ упадетъ; не знаю, въ какомъ оно теперь видѣ. Монастырь сей построенъ въ 1 верстѣ отъ заштатнаго городка, нынѣ мѣстечка Воскресенска, въ коемъ строеніе деревянное, одна церковь, жители купцы и мѣщане. Въ окружности онаго деревни экономическія очень богатыя, крестьяне всѣ старовѣры разныхъ сектъ.

Апрѣля 11-го дали намъ приказъ изъ полковаго штаба, чтобы сбираться къ полку въ Звенигородъ, оттуда неизвѣстно куда походъ. Вотъ полкъ собрался въ Звенигородъ. Сей городокъ мѣстомъ положенія очень пріятенъ, со множествомъ горъ и холмовъ. Городничій старикъ весельчакъ и проказникъ, къ тому же хлѣбосолъ и псовой охотникъ. Недолго пробыли мы въ штабѣ, выстроился полкъ, отслужили молебенъ, и намъ объявили походъ въ Гродненскую губернію, въ городъ Новогрудокъ, на постоянныя квартиры. Я постичь не могу, какъ мало знали мы и начальники наши, которые имѣли въ Москвѣ и Петербургѣ родство и связи; но никто изъ нихъ и мы

тоже не знали, что идемъ на кровавую брань, тогда какъ объявили походъ, намъ на постоянныя квартиры. Наполеонъ, собравъ полки всей Европы, былъ уже въ Дрезденѣ, окруженный всѣми монархами Европы, исключая нашего, Англійскаго, Шведскаго и Турецкаго, и уже шелъ противъ Россіи!

Полковникъ, подозвавъ меня, спросилъ, имѣю ли я лошадь, какъ необходимость адъютанта. Я ему сказалъ, что лошади нѣтъ, да и денегъ одна полтина серебромъ; онъ тотчасъ далъ мнѣ свою лошадь съ сѣдломъ и сто рублей въ счетъ будущаго жалованія. Вотъ я снаряженъ совсѣмъ, и полкъ выступилъ. Что это были за полки нашей дивизіи, то такихъ теперь не выберешь изъ цѣлаго корпуса гренадеровъ. Мы проходили Можайскъ, Гжатскую пристань, Вязьму, Смоленскъ и частью Минской губерніи, не воображая, что чрезъ два мѣсяца будемъ на сей кровавой дорогѣ, устланой трупами человѣковъ! Походъ былъ единообразной, довольно пріятной. Когда вступили въ Бѣлорусію и Литву, все для меня было ново, все занимало, и наконецъ достигли мы мѣста назначенія, Новогрудка. По прибытіи туда отправили квартирьеровъ занять квартиры для двухъ баталіоновъ, 3-й же баталіонъ на походѣ въ Могилевской губерніи былъ отдѣленъ отъ насъ, отошелъ съ обозомъ, сданъ былъ маіору на законномъ основаніи и пошелъ въ крѣпость Бобруйскъ, какъ намъ сказали будто для работы; а при полку были 1-й и 3-й батальоны. Въ ночь прихода нашего пріѣхалъ курьеръ отъ князя Петра Ивановича Багратіона съ предписаніемъ, чтобы полки наши къ утру были готовы присоединиться къ его арміи, и тогда мы узнали, что у насъ война съ Французами. До того времени никто не зналъ. Въ ночь послали верховыхъ на обозныхъ лошадяхъ вернуть квартирьеровъ, и утромъ мы были въ дѣйствующей арміи. Шли очень скоро, потому что непріятель шелъ за нами въ 10 верстахъ. Какъ снѣгъ на голову было для всѣхъ насъ.

Мы присоединились къ арміи подъ названіемъ второй. Полки сіи большею частію были вышедшіе изъ Турціи, гдѣ недавно Кутузовъ заключилъ миръ съ Турками. Были 12-я, 24-я и и 2-я гренадерскія дивизіи. Сія послѣдняя была отличная, старые солдаты-усачи, ихъ можно сравнить съ гвардіей 1805 и 1807 годовъ; уже послѣ я по сіе время подобныхъ полковъ не видалъ ни одной роты и въ гвардіи. Были у насъ Ахтырской гусарской, Александровской, Литовской уланской. Первымъ командовалъ Ларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, а послѣднимъ Тутолминъ, и Владимірской уланской, весьма дурной полкъ. Мы шли такъ скоро, что нерѣдко дѣлали 70 верстъ въ сутки, не имѣя времени сварить кашицы солдатамъ, часто навѣшивали котлы, разводили огни и въ мгновеніе варку сію убирали, выливали на земь и продолжали ретироваться. Было начало Іюня, жаръ нестерпимой. Мы нѣсколько разъ пере-

правлялись черезъ Нѣманъ въ Могилевской губерніи. Въ большихъ лѣсахъ бывали пожары, зрѣлище ужасное, для насъ трудное и опасное для артилеріи. По дорогѣ обѣ стороны были въ огнѣ. Какъ насъ Богъ пронесъ, это непостижимо. Ретирада наша была изнурительная, но за тѣмъ отсталыми нашими не пользовались непріятели. Всякой спасалъ себя и не отставалъ. Я, частный офицеръ, не зная плана похода, не могъ видѣть, по чему мы одну и туже рѣку Нѣманъ переходили на понтонныхъ мостахъ довольно часто и иногда съ трудомъ, но о семъ извѣстно было князю, нашему главнокомандующему. Подъ мѣстечкомъ Міромъ была первая свалка у кавалеристовъ; начали казаки и кончили Александровской и Ахтырской гусарскіе полки, гдѣ послѣдній отличился храбростью. Послѣ сего мы почти бѣжали, получа извѣстіе, что наши дерутся въ Могилевѣ на Днѣпрѣ: корпусъ генерала отъ кавалеріи Николая Николаевича Раевскаго, гдѣ отличился дивизіонный начальникъ генералъ-маіоръ Паскевичъ (нынѣ фельдмаршалъ князь Эриванской). Мы, хотя и прошли 70 верстъ въ сутки и, подходя къ Могилеву, слышали близко выстрѣлы, но они уже были послѣдніе, и мы не поспѣли въ дѣло [1]). Мы или армія наша была отрѣзана отъ первой Барклая-де-Толи, сильнѣйшимъ противу насъ непріятелемъ; но геній ученика Суворова, незабвеннаго князя Петра Ивановича Багратіона вывелъ насъ изъ бѣды и, по трудной ретирадѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ, онъ вывелъ армію свою и соединился подъ Смоленскомъ съ первой арміей. Хвала тебѣ, герой безсмертный!

Полкъ нашъ расположился у стѣнъ Смоленска. Первая армія была близъ города, на той сторонѣ Днѣпра. Пробывъ три дня, обѣ арміи пошли за Днѣпромъ, и наша дивизія назначена въ отдѣльный отрядъ къ городу Красному, куда и пришли на другой день и расположились около онаго биваками; съ нами былъ Харьковскій драгунскій полкъ и два полка казаковъ, Грекова и Комисарова. Драгунами командовалъ полковникъ Юзефовичъ. Нашъ одинъ Виленскій полкъ изъ дивизіи остался въ Смоленскѣ для занятія карауловъ, то у насъ было только 5 полковъ пѣхоты. На другой день утромъ генералъ Невѣровской получилъ извѣщеніе чрезъ казаковъ, что непріятель показывается въ сильныхъ массахъ. Это было въ 9 часовъ утра Августа мѣсяца. Насъ поставили на мѣста, предъ городомъ раз-

[1]) Въ 1839 году я служилъ исправникомъ въ Новоржевскомъ уѣздѣ, и при проѣздѣ фельдмаршала князя Эриванскаго чрезъ нашъ уѣздъ его встрѣтилъ и рапортовалъ. Онъ предъ станціей Ашевой шелъ пѣшкомъ. Увидя у меня медаль 1812 года, онъ спросилъ, гдѣ я служилъ. Отвѣтъ былъ мой скоръ: „Я служилъ у храбраго генерала Невѣровскаго въ 27-й дивизіи“.—„А знаю! жаль добраго моего друга, сказалъ князь; а помните ли вы, какъ я подъ Смоленскомъ васъ выручилъ?“—„Ваша свѣтлость, отвѣчалъ я, вы не помнили зла, что дивизія наша не выручила васъ подъ Могилевымъ“.—„Да это правда, что не выручила, сказалъ онъ; но какъ могли вы выручить, пройдя и безъ того неимовѣрно, около 80 верстъ въ сутки? Жаль мнѣ и теперь вашего храбраго и добраго Дмитрія Петровича Невѣровскаго!“

сыпали стрѣлковъ, весь 49-й егерьскій полкъ; нашъ 3-й баталіонъ въ улицахъ города, поротно. Я былъ при 3-й гренадерской ротѣ, на большой улицѣ, у входа въ городъ; при насъ было два орудія тяжелой батареи, прочія орудія сей роты были также по улицамъ, прикрываемыя нашими егерями. Въ отрядѣ нашемъ только и была одна рота артилеріи, 8 орудій; три полка пѣхоты оставались за городомъ въ особыхъ колонахъ, въ полѣ; нашего полка 1-й баталіонъ съ шефомъ нашимъ и дивизіоннымъ генераломъ былъ въ резервѣ, на двѣ версты отъ города. Мы приготовились встрѣтить непріятеля. Я не буду описывать кампаніи: мнѣ неизвѣстна политика, да и что̀ можетъ знать фрунтовой офицеръ? Я пишу о себѣ. Меня баталіонный начальникъ послалъ сдѣлать мостъ какъ можно скорѣе. Изъ города было на прямую линію болото, а дорога круто поворачивала направо. Я, взявъ барабанщиковъ и флейтщиковъ, разломалъ ближнія старыя строенія и будки и накинулъ живой мостъ для егерей. Въ 10-ть часовъ утра показались передовые казаки и сказали, что ужасная валитъ сила конницы непріятельской. Мы полагали, что они преувеличили, но вышло справедливо. Я съ прочими офицерами пошли на колокольню, откуда увидѣли изъ лѣсу въ верстѣ выходящаго по большой дорогѣ отъ мѣстечка Лядовъ непріятеля, съ множествомъ кавалерійскихъ колонъ, и по выходѣ изъ лѣса стали раздаваться по полю вправо и лѣво; другіе шли по дорогѣ къ городу. Вотъ проскакали мимо насъ всѣ казаки и драгуны, егеря 49-го полка сдѣлали выстрѣловъ нѣсколько, и какъ у непріятеля пѣхоты не было, то они ретировались и пробѣжали мимо насъ бѣгомъ. Едва непріятель сталъ вступать въ городъ, то былъ привѣтствованъ картечью изъ орудій и батальнымъ огнемъ нашихъ егерей. Я былъ на большой дорогѣ и видѣлъ, какъ нѣсколько непріятельскихъ колонъ были опрокинуты. Но они смекнули, для чего терять людей, и пошли въ обходъ города. Что̀ намъ дѣлать было какъ не ретироваться изъ города? Стрѣлки побѣжали, орудія за ними, и при самомъ выѣздѣ изъ города на полѣ мы лишились всей нашей артилеріи. Вотъ какое было войско непріятеля. Наполеонъ, оставя наши обѣ арміи за Днѣпромъ, пошелъ прямо со всѣми своими полками прямо на Смоленскъ чрезъ Красной, и весь его авангардъ кавалеріи, 38 полковъ, подъ командою короля Неаполитанскаго Мюрата, былъ посланъ на рысяхъ занять скорѣе Смоленскъ. Это былъ первый для насъ сюрпризъ. Къ счастью нашему, что съ ними не было пѣхоты и ни одного орудія артилеріи: такъ они спѣшили. Я не могу сказать чувства мои. Бывъ въ первый разъ въ сраженіи, я, кажется, ничего тогда не думалъ, но робѣлъ меньше гораздо, какъ въ другихъ сраженіяхъ.

Вотъ разбѣжавшіеся изъ города егеря, нашъ батальонъ и 49-й полкъ, по полю разсыпанные, стали сбѣгаться къ колонамъ пѣхоты,

и тѣ также соединились въ одну массу. Я, бывъ верхомъ и видя драгунъ, въ разсыпномъ строѣ скачущихъ по полю съ казаками, вздумалъ было спасаться тоже съ ними; но усмотрѣвъ, что кавалерія непріятельская преслѣдуетъ ихъ и рубитъ безъ пощады, повернулъ моего коня обратно къ нашей кучѣ пѣхоты (тогда точно можно было назвать кучею сію команду; ибо, сбѣгаясь въ одно мѣсто, никто не думалъ устроить порядокъ; колону или каре). Я, возвратясь въ толпу, ѣхалъ въ срединѣ людей и, видя безопасность отъ наѣздниковъ Польскихъ и Французскихъ, иногда любовался ихъ строемъ. Они одѣты были превосходно, лошади отличные, а лучшіе у Поляковъ, которые болѣе всѣхъ дѣлали на насъ атакъ; но какъ ни упорны были ихъ атаки, но ничего съ нами сдѣлать не могли. Наша толпа похожа была на стадо овецъ, которое всегда сжимается въ кучу и при нападеніи непріятеля, съ которой ни есть стороны, батальнымъ огнемъ отстрѣливалась и штыками не допускала до себя. Поле было широко и ровно; было гдѣ разгуляться. Одна наша бѣда была, что непріятель не допускалъ насъ выдти на дорогу, которая съ царствованія Екатерины Великой обсажена въ два ряда по сторонамъ густо березами, что̀ мѣшало бы болѣе кавалеріи близко къ намъ доѣзжать. Взятыми у насъ орудіями они пускали въ насъ нѣсколько ядеръ и картечъ и то сперва, но послѣ, какъ прислуга и сбруя были ими перерублены, то и не могли тащить орудій, кои и остались на мѣстѣ.

Выстрѣлы ихъ отняли у насъ до 40 человѣкъ, иныхъ ранили, и одному возлѣ меня мушкатеру оторвало руку, но онъ другою съ горяча несъ еще ружье. Одинъ Польскій штабъ офицеръ на отличномъ караковомъ конѣ четыре раза одинъ подъѣзжалъ къ намъ, когда мы бѣжали; онъ преспокойно галопировалъ возлѣ насъ и уговаривалъ солдатъ сдаться, показывая ихъ многочисленность и что мы себя напрасно утомляемъ, что всѣ будемъ въ плѣну. Но онъ напрасно храбрился: нашей роты унтеръ-офицеръ Колмачевской приложился на бѣгу, и храбреца не стало. Конь его понесся къ фунту. Жаль покойника! Смѣльчакъ былъ! Атаки продолжались, но мы отстрѣливались. И сказать коротко, что мы были на бѣгу и въ сраженіи отъ 10 часовъ утра до 8 полудня, пробѣжали 25 верстъ и каждый шагъ впередъ оспаривали дракой. Въ 8-мъ часу попали мы на дорогу. Показался вдали лѣсъ, а передъ нимъ высокая и длинная гора, паралельно протянута предъ нами, на которой нашъ дивизіонный начальникъ резервъ свой, бывшій изъ одного баталіона нашего полка, выстроилъ въ одну шеренгу егерей и остановленныхъ имъ драгунъ и казаковъ съ Донскими двумя орудіями, кои съ высоты по непріятелю сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Французы, полагая, что резервъ великъ, пѣхота и артилерія, и видя сзади лѣсъ и уже близко вечеръ, остановились, и мы, пробѣжавъ мимо

своихъ, начали выстроиваться по полкамъ, пришли въ порядокъ и пошли лѣсомъ къ Смоленску, отъ котораго были только въ 15 верстахъ.

Я въ Красномъ купилъ у казаковъ Французскую лошадь убитаго офицера съ чемоданомъ за 55 рублей, которую у человѣка моего Ивана, взятаго изъ дому (сына конюха) со всѣмъ моимъ имуществомъ отбили. Онъ былъ сзади меня; но какъ это случилось, я у него не могъ допроситься, а думаю, онъ струсилъ, увидя непріятеля и ускакалъ на другой моей лошади, купленной у казаковъ, Донской рыжей, а заводную вѣрно бросилъ, и я остался съ тѣмъ что̀ было на мнѣ: одинъ только сертукъ. Такова судьба войны!

Потеря нашей пѣхоты была до 200 человѣкъ, артилерія вся взята въ плѣнъ, и драгунъ нѣсколько порублено. И по дѣломъ имъ. Зачѣмъ они бѣжали мимо пѣхоты и не присоединились къ ней; тогда было имъ лучше, а непріятелю послѣ каждой ретирады хуже, ибо они могли бы ихъ рубить. Но что̀ дѣлать? Такъ случилось. Сраженіе наше есть необыкновенное: безъ приваловъ и порядка, не слушаясь начальниковъ (да и кого же слушать?), толпа наша была смѣшана изъ разныхъ полковъ, и сами безъ команды отбивались и бѣжали. Всего насъ было 9-ть баталіоновъ, а ихъ, ужасъ! 38 полковъ отличной кавалеріи и начальникъ ихъ Мюратъ.... Ура! 27-я дивизія не поддалась. Голубчики не струсили и не дали непріятелю торжествовать. За то, какъ послѣ узнали, какъ взбѣшенъ былъ Наполеонъ на Мюрата! Первое сраженіе, дивизія молодая, рекруты, но отдѣлались. Хвала и Невѣровскому: онъ остановилъ стремленіе непріятеля и обезсмертилъ свое имя симъ сраженіемъ, выведя свою дивизію, можно сказать, невредимою.

Вечеромъ, въ часъ, 1-го Августа, пришли мы къ Смоленску Между тѣмъ генералъ нашъ Невѣровскій отъ Краснаго далъ знать въ армію, что непріятель въ большихъ силахъ войска свои сосредоточилъ къ Смоленску и битвѣ. Во 2-мъ часу генералъ послалъ меня за три версты отъ Смоленска узнать объ одной помѣщичьей дачѣ, занята ли она непріятелемъ. Мнѣ указали тропинку. Лошадь моя не ѣла и была измучена до чрезвычайности. Спасибо, полковникъ нашъ далъ мнѣ свою. Думаю: какъ ѣхать? Ночь, лѣсомъ мелкимъ, гдѣ много тропинокъ, какъ я одинъ пущусь? Но въ службѣ отговорокъ нѣтъ. Пустился я и, когда проѣхалъ кустарниками двѣ версты, меня останавливаетъ уланъ въ бѣлой шапкѣ, потомъ другой и третій. Я приготовился шпагу свою отдать, думая, что Поляки; но меня спросили, куда я ѣду и зачѣмъ. Я зналъ, что у насъ улановъ нѣтъ, и цѣлый день насмотрѣлся на Польскихъ; но я отвѣчалъ, что ѣду на дачу, посланъ генераломъ. Они меня пропустили. Тогда и я въ свою очередь спросилъ ихъ, котораго они полка, Русскіе или Поляки? Они сказали, что Поляки, но служатъ въ Россіи, Литовскаго улан-

скаго полка. Я ободрился, какъ гора съ плечь! Они мнѣ показали пикетъ, гдѣ былъ офицеръ, у котораго я узналъ только, что впереди его казаки и они знаютъ о дачѣ нужной мнѣ, и былъ такъ добръ, что далъ мнѣ по просьбѣ моей двухъ уланъ для конвоя и показать дорогу. Едва я проѣхалъ нѣсколько шаговъ, на пригоркѣ увидѣлъ всей Французской арміи биваки. Они были освѣщены огнемъ для варки пищи, и такъ близко, что можно было разсматривать, какъ они сидятъ у огня или лежатъ. Дача была занята казаками, но въ нѣскольких шагахъ и аванпосты Французскіе. Я обернулъ лошадь и вскорѣ былъ снова у генерала въ Смоленскѣ, донесъ ему, что дача занимается казаками и непріятель оттуда недалеко. Генералъ приказалъ мнѣ немедля взять двѣ роты нашего полка 3-го баталіона подъ командою маіора Бѣлявскаго и отвести на мызу въ авангардъ; но не успѣли мы пройти версту, какъ на разсвѣтѣ увидѣли отступающихъ къ городу уланъ, послѣ и казаковъ. Тогда и мы вернулись къ полку.

Смоленская битва.

Я уже сказалъ, что генералъ Невѣровской далъ знать отъ Краснаго главнокомандующему, что непріятель идетъ къ Смоленску. Посему немедленно былъ посланъ корпусъ Раевскаго и пришелъ къ свѣту въ Смоленскъ, а часть кавалеріи ночью; оттого я и видѣлъ Литовскій уланскій полкъ. Раевскій принялъ и насъ въ команду, самъ остановился у Малаховскихъ воротъ и поставилъ на возвышенности батарею. Непріятель съ разсвѣтомъ дня сдѣлалъ сильный натискъ на городъ множествомъ стрѣлковъ; прежде сего пустилъ въ городъ множество ядеръ, бомбъ и гранатъ, такъ что городъ во многихъ мѣстахъ загорѣлся. Дѣло сіе было на разсвѣтѣ. Нашъ 1-й баталіонъ, бывшій подъ Краснымъ и въ ретирадѣ отъ онаго въ резервѣ, поставленъ въ огороды, въ стрѣлки; но какъ непріятельскихъ стрѣлковъ было гораздо болѣе, то нашъ несчастный баталіонъ изъ тысячи человѣкъ въ теченіи ¼ часа вышелъ едва ли съ 300 человѣками: остальные были переранены, такъ что и одной роты нельзя было набрать. Онъ и оставался гдѣ-то въ городѣ оба дня сраженія. Непріятель обложилъ весь городъ по Днѣпръ. Наша первая армія стояла на горѣ за Днѣпромъ, а вторая билась два дни упорно, такъ что изъ первой арміи данъ былъ сикурсъ: 3-я дивизія Коновницына и лейбъ-егерской полкъ. Это угодно было Цесаревичу, который самъ былъ при первой арміи. Съ начала сраженія нашъ баталіонъ отправился на правый флангъ города или за городъ къ кладбищу. Мы были весь день въ стрѣлкахъ по мелкимъ кустамъ

Я былъ посланъ къ генералу Раевскому просить помощи, ибо мы съ 4-хъ до 10 часовъ утра были одни и потеряли значительно людей,

къ тому же по обширности мѣста удержать непріятеля не могли. Генералъ приказалъ изъ дивизіи принца Виртембергскаго полку Кіевскому идти со мною, а послѣ полудни была не только наша дивизія, да и много пѣхотныхъ полковъ на пунктѣ томъ, гдѣ мы нѣсколько часовъ держались съ баталіономъ. Отрядомъ нашимъ командовалъ генералъ Оленинъ. Хотя я постоянно не былъ въ стрѣлкахъ, но по обязанности адъютанта водилъ по очереди изъ резерва роты въ стрѣлки, что еще хуже. я былъ на лошади и въ не высокихъ кустахъ могъ быть вѣрною цѣлью. Весь день сражались неимовѣрно стойко, но къ вечеру не могли вынести сильнаго напору и ретировались въ городъ. Тогда генералъ Оленинъ остановилъ бѣгущихъ, велѣвъ вывести орудіе на улицу. Люди остановились и прогнали непріятеля, а драгуны послѣ докончили, и па ночь городъ остался за нами. Съ разсвѣтомъ на другой день таже потѣха возобновилась, но насъ посылали только четыре раза въ стрѣлки; баталіонъ убавился болѣе половины. Два ротные командира наповалъ были убиты; одинъ изъ нихъ убитъ возлѣ своего дома, поручикъ Кунцевичъ, двое тяжело ранены, а прочихъ офицеровъ со мною на лицо изъ 21-го оставалось 8.

Мы отдыхали на валу городскомъ и смотрѣли, какъ сильно колоны подвигаются во множествѣ къ городу; ибо намъ и кусты всѣ были видны съ возвышенія, какъ на тарелкѣ. Утромъ, часовъ въ 11-ть, командиръ Одесскаго полка полковникъ Потуловъ, увидя меня сидящаго съ офицерами на землѣ, пригласилъ къ себѣ закусить. Мы выпили водки и съѣли хорошей ветчины и телятины. Онъ очень былъ грустенъ, сказалъ, что вчерашній день у Малаховскихъ воротъ убили его любимую лошадь и, взявъ меня и адъютанта своего Аксентьева за руки, пошелъ ближе къ валу, гдѣ у насъ стояли пушки, посмотрѣть, какъ смѣло подымаются на гору Французы; но едва успѣли мы подойди къ концу горы, какъ несчастный полковникъ былъ убитъ наповалъ, держа насъ за руки. Пуля прошла въ грудь на вылетъ въ сердце, и онъ не сказалъ ни слова. Степанъ Степановичъ Потуловъ служилъ прежде капитаномъ въ Преображенскомъ полку, полковникомъ произведенъ тамъ же и назначенъ шефомъ Одесскаго полка, былъ уменъ и необыкновенной доброты. Весь полкъ о немъ плакалъ; объ офицерахъ и говорить нечего: онъ ихъ баловалъ и былъ отцомъ для нихъ. Тутъ же его и похоронили у стѣны Смоленска. Вѣрно, родные въ послѣдствіи сдѣлали ему памятникъ, но память о немъ долго оставалась и по преданію въ полку.

Сраженіе продолжалось до поздней ночи два дни, равно упорное, и удивительно, какъ могла наша вторая армія, изъ 6 дивизій съ небольшимъ, держаться такъ долго въ стѣнахъ Смоленска. Городъ не былъ укрѣпленъ, кромѣ что имѣетъ каменную стѣну почти такую же, какъ въ Псковѣ. Первый день приступа непріятели по большой

части всѣ были Поляки и Итальянцы; но на второй всѣхъ племенъ. Зрѣлище ужасное! Городъ горитъ, людей бьютъ, крикъ, стонъ, стукотня и трескотня съ пожаромъ, и это до того присмотрѣлось, что мы могли ѣсть и спать, не думая ни о чемъ. Подъ вечеръ вынесли изъ собора образъ Смоленской Божіей Матери, которая и была при арміи не знаю долго ли, но предъ сраженіемъ Бородинскимъ 25-го Августа ее носили по рядамъ солдатъ обѣихъ армій. Ночь съ 5-го на 6-е Августа все было тихо, баталіонъ нашъ былъ въ передовой цѣпи на томъ же мѣстѣ, по-ротно. Я не спалъ и вздумалъ проѣхать вдоль рѣки къ мосту. Не знаю что̀ меня завлекало видѣть руины и узнать, будетъ ли или есть ли первая армія въ Смоленскѣ; ибо мы всѣ роптали, что армія за городомъ хладнокровно смотритъ на бой, а намъ ху̀до держаться. Подъѣзжая къ мосту, вижу, что проходитъ войско. Я подъѣхалъ на мостъ, и штабъ-офицеръ свиты его величества спрашиваетъ у меня, нѣтъ ли тамъ войска, откуда я пріѣхалъ? Я сказалъ, что другихъ не знаю, а есть нашъ баталіонъ въ цѣпи на правомъ флангѣ. Онъ просилъ меня скакать и велѣть баталіону немедля бѣгомъ прибыть сюда, ибо армія выходитъ изъ города и что онъ сей часъ зажигаетъ мостъ прежде чѣмъ будетъ разсвѣтать, чтобы мостъ былъ уничтоженъ. Я прискакавъ объявилъ нашему маіору Антонову, который долго не рѣшался оставить безъ приказа своихъ начальниковъ свой постъ; но по убѣжденію моему велѣлъ подвигаться. Чрезъ четверть часа прискакалъ адъютантъ нашъ на встрѣчу съ приказаніемъ идти бѣгомъ, что мостъ сожгутъ, и едва мы перебѣжали оной, какъ его взорвали; но бывшій предъ нами взводъ Одесскаго полка, которому не дано было знать и быть можетъ и еще подобные, остались: такъ и взяты въ плѣнъ. Тамъ былъ мой знакомый поручикъ Крутовъ; но я не зналъ тогда, и было каждому до себя. И такъ по случаю, что мнѣ вздумалось проѣхаться, нашъ баталіонъ и я спаслись отъ плѣна. То было Провидѣніе Всевышняго. Я, проводя послѣдній день въ стрѣлкахъ, былъ удивленъ по возвращеніи на мѣсто къ баталіону: опустя руку въ карманъ и вынувъ табакерку, замѣтилъ, что она разбита въ дребезги, надъ карманомъ пробито. Осмотрѣлъ лошадь и нашелъ сзади въ сѣдлѣ пулю, завязшую въ обручѣ желѣзномъ, а у казенной моей лошади въ первый день сраженія отбило копыто, когда я ее велъ въ поводу, указывая мѣсто 8-й ротѣ, гдѣ наши стрѣлки. Сраженіе каждое есть велико для того, кто участвуетъ въ немъ, потому что и однимъ выстрѣломъ можетъ повалить, какъ говорятъ, виноватаго. Не умолчу объ одномъ случаѣ и вѣрю, что есть предчувствіе. У поручика 8-й роты нашего баталіона была тетка, и у нея на форштатѣ свой домъ. Послѣ сраженія стрѣлки смѣняются для отдыха довольно часто; тетка его приносила ему и намъ завтраки, и онъ болѣе 15-ти разъ въ два дни былъ въ стрѣлкахъ съ удовольствіемъ, бралъ плѣнныхъ, былъ примѣрной храбрости офицеръ,

въ послѣдній же разъ около вечера пришла его очередь, онъ пошелъ къ маіору и убѣждалъ его не посылать. Маіоръ спросилъ, не боленъ ли онъ?—«Что-жъ, Иванъ Дмитріевичъ, я совершенно здоровъ; но тоска ужасная, идти не хочу, робость напала». Тотъ его убѣждалъ и просилъ идти, сказывая, что ему будетъ стыдно и что онъ его за храбрость подъ Краснымъ и въ Смоленскѣ представитъ къ Владиміру съ бантомъ. Пошелъ Кунцевичъ и противъ обыкновенія простился со всѣми нами, но едва разсыпались его стрѣлки, какъ былъ пораженъ пулей на повалъ. Я велѣлъ послѣ его искать, чтобы похоронить, и что же? Его вечеромъ принесли всего ограбленнаго: сапоги, сертукъ и все сняли Французы. Мы его похоронили на дворѣ его дома. Несчастная тетка его, бѣдная женщина, была неутѣшна и съ нами вышла изъ города, а послѣ мы ее потеряли изъ виду. Еще такой же былъ случай съ прапорщикомъ, и тотъ убитъ!

Мы пошли изъ Смоленска, и на разсвѣтѣ уже непріятели заняли городъ и отыскивали переправы; кажется, что они простояли въ немъ дня два.

Вышедъ изъ Смоленска, мы шли по дорогѣ въ Петербургъ; хотя небольшіе переходы, но дня три. Обозы наши были на Московской дорогѣ, и мы продовольствія никакого не имѣли. Я ходилъ просить въ полки нашей дивизіи, но ни у кого не было хлѣба; досталъ у иныхъ крупъ, у другихъ мяса, сварили кащицу, но хлѣба ни сухаря не было ни у кого. Послѣ мы повернули на Московскую дорогу, гдѣ отыскали наши обозы и послѣ 3-хъ дней очень рады были солдатскому сухарю. Не доходя Вязьмы, я узналъ, что меня произвели въ подпоручики, но не за отличіе, а по линіи, и я въ этомъ чинѣ въ военное время болѣе 4-хъ лѣтъ служилъ. Меня представили къ орденамъ, за Красное къ св. Аннѣ, на шпагу, а за Смоленскъ къ Владиміру 4-й степени; но не знаю, какъ это устроилось, что за оба сіи сраженія не дали нашей арміи ни одному человѣку, даже генераламъ, ничего. Многіе сказывали причину, но я думаю, что она недостовѣрна: будто бы князь Багратіонъ не могъ самъ утверждать наградъ, а долженъ былъ представлять объ оныхъ къ Барклаю-де-Толи, чего онъ не хотѣлъ. Но какъ бы то ни было, а сіе осталось нерѣшеннымъ, почему намъ ничего не дали, хотя нашего Невѣровскаго за Красное дѣло обезсмертили. Но ни онъ, ни мы никто не былъ награжденъ, а за Смоленскъ слѣдовало бы. И представленія наши умерли вмѣстѣ съ княземъ. Подъ Вязьмою дали намъ рекрутъ изъ Вяземскаго депо. Тутъ я видѣлся съ братомъ Васильемъ. Въ Вязьмѣ мы запаслись провизіей даромъ. Жители всѣ оставили городъ; насъ или полкъ нашъ назначили въ арьергардъ, что̀ при ретирадѣ означало сзади всѣхъ и всегда въ виду непріятеля, въ цѣпи стрѣлковъ.

Нашимъ арьергардомъ командовалъ графъ Сиверсъ, а первой арміи генералъ Коновницынъ. Придя въ Царево-Займище, мы узнали, что

нашъ общій главнокомандующій Кутузовъ. Много было пустыхъ толковъ; да когда же ихъ и гдѣ нѣтъ? Говорили, что Барклай Нѣмецъ, измѣняетъ, ведетъ Француза въ Москву, мало дерется, отдаетъ города даромъ. Всѣ подобныя глупости безпрестанно повторялись, и очень рады были Михайлу Иларіоновичу Кутузову.

Армія наша, кромѣ двухъ дней послѣ Смоленска, вездѣ имѣла продовольствіе отличное: хлѣба, мяса и вина всегда было довольно, даже съ избыткомъ. Спасибо командирамъ-отцамъ, мы были сыты вдоволь. Поговаривали, что Кутузовъ, принявъ армію, дастъ потѣшиться нашимъ и остановитъ Француза; но впослѣдствіи оказалось, что Наполеонъ очень желалъ чаще сраженій и бѣсился, что мы отступаемъ безъ боя, полагая своимъ множествомъ народа уничтожить нашу небольшую армію. Ошибся голубчикъ въ расчетѣ, самъ себя скорѣе уничтожилъ. Кутузовъ и подлинно хотѣлъ дать сраженіе въ Царевомъ Займищѣ, но нашелъ, что позиція невыгодна и отступилъ до Бородина, близъ города Можайска въ 9 верстахъ, а отъ Москвы въ 90-та.

Я былъ посланъ въ обозъ привезти патронные ящики и продовольствіе провіанта, когда, возвращаясь обратно съ ящиками и фурами и проѣзжая по дорогѣ мимо Бородина, увидѣлъ множество возлѣ харчевни генераловъ и офицеровъ. Я былъ позванъ къ Кутузову, который сидѣлъ въ сѣняхъ на скамеечкѣ, окруженный большой свитой. Нарядъ мой былъ щегольской: шапка безъ козырька, старый изодранный сюртукъ, подпоясанный шарфомъ безъ кистей, чрезъ плечо на ремнѣ нагайка казацкая, сабля у бедра и на тощемъ большомъ рыжакѣ. Я походилъ на рыцаря печальнаго образа. Въ заключеніе сей экипировки была на плечахъ обгорѣлая на бивакахъ байковая желтая бурка; я соскочилъ съ рыжака, отдалъ его держать фурлейту, а самъ подошелъ къ главнокомандующему. Почтенный старикъ спросилъ меня, котораго я полка, куда везу ящики и гдѣ нашъ полкъ? Я отвѣчалъ, что 50-го егерскаго полка, везу для бригады порохъ и хлѣбъ, что полкъ нашъ въ аріергардѣ второй арміи. Онъ мнѣ сказалъ, чтобы я ѣхалъ съ его адъютантомъ, который покажетъ мнѣ, гдѣ я долженъ остановиться и дожидать своего полка, не трогаясь съ мѣста. Меня повели, и я разсматривалъ мѣсто и войска. Возлѣ главнокомандующаго, помню, былъ 1-й лейбъ-егерской полкъ, дальше гвардія въ колонахъ, за ней первая армія, а послѣ и наша вторая. Мѣстоположеніе было первой арміи очень возвышенное, внизу оврагъ и рѣчка съ кустами; а наше гораздо ниже и лѣсъ съ боку и предъ нами. На мѣстѣ, гдѣ я былъ остановленъ, была батарея называемая Раевскаго; мѣсто возвышенное, и тутъ я нашелъ уже полкъ нашъ отдыхающимъ. Привезенный провіантъ и вино были разобраны, но много вина еще оставалось, какъ непріятель началъ посылать къ намъ изъ орудій большіе круглые гостинцы. Вино при-

возили обыватели, которые плакали, чтобы я ихъ отпустилъ скорѣе и при каждомъ выстрѣлѣ наклоняли головы свои. Я спросилъ у полковника, куда дѣвать вино, его много. Онъ велѣлъ дать по другой чаркѣ людямъ, а остальныя бочки разбить, чтобы не перепились люди. Я исполнилъ и велѣлъ обручи рубить. Вино потекло, полилось, какъ 26-го числа кровь людей. Крестьяне, бросивъ телѣги, а другіе лошадей своихъ, бросились бѣжать.

Это было 24 Августа въ 2 часа пополудни. Не успѣли люди еще поѣсть, какъ приказано баталіону идти въ стрѣлки.

БОРОДИНСКАЯ РѢЗНЯ.

Описывать битву сію незапамятную въ исторіи хотя бы я могъ, узнавъ подробности ея послѣ и читая описанія многихъ очевидцевъ; но это будетъ лишнее: я пишу о себѣ, слѣдовательно и довольствуюсь тѣмъ, гдѣ я былъ и что̀ самъ видѣлъ.

24-го числа, какъ я сказалъ, въ 2 часа, не успѣли наши закусить, какъ баталіонъ нашъ пошелъ въ стрѣлки; а 3-я гренадерская рота подвинулась отъ полка впередъ, но стали возлѣ опушки лѣса, гдѣ и я былъ. Стрѣлки наши были въ лѣсу часа три. Тогда непріятели, правѣе насъ, стали показываться колонами на полѣ. Нашей дивизіи Тарнопольской полкъ пошелъ колоной въ атаку съ музыкой и пѣснями (что̀ я въ первый и послѣдній разъ видѣлъ). Онъ послѣ бросился въ штыки въ глазахъ моихъ. Рѣзня недолго была, и полковаго ихъ командира ранили въ заднюю часть тѣла на вылетъ пулею. Его понесли, и полкъ началъ колебаться. Его мѣсто заступили, полкъ остановили, и онъ опять бросился въ штыки и славно работалъ. Послѣ остановились, прогнавъ непріятеля, и насъ смѣнили. Не знаю что̀ было послѣ; но опять подошли къ Раевскаго батареѣ, что̀ было на концѣ лѣваго фланга всей арміи. Тогда ходили еще въ атаку Александрійской и Ахтырской гусарскіе полки и храбро дрались въ виду насъ. На ночь мы опять пошли въ стрѣлки и стояли смирно, а 25 числа утромъ смѣнены были 49-мъ егерскимъ полкомъ, но не надолго. Послѣ весь полкъ былъ нѣсколько разъ въ стрѣлкахъ и много потерялъ, а 49-й еще и болѣе насъ: у нихъ потеря была очень велика. Во всей арміи 25-е число было тихо кромѣ насъ. На лѣвомъ флангѣ стрѣлковъ никто не замѣчалъ, а у насъ въ бригадѣ едва ли осталось по 30 человѣкъ въ ротѣ.

Съ 25-го на 26-е въ ночь, близко насъ, у непріятеля пѣли пѣсни, били барабаны, музыка гремѣла, и на разсвѣтѣ увидали мы вырубленъ лѣсъ и противъ насъ, гдѣ былъ лѣсъ, явилась огромная батарея. Лишь только была заря, то зрѣлище открылось необыкновенное: стукъ орудій до того, что не слышно было до полудня ружейнаго выстрѣла, все сплошной огонь пушекъ. Говорятъ, что небо горѣло;

но врядъ ли кто видѣлъ небо за безпрестаннымъ дымомъ. Егеря наши мало были въ дѣлѣ, но дѣло вездѣ было артилерійское, съ утра противъ Нея, Мюрата и Даву корпусовъ. Наша дивизія была уничтожена. Меня опять послали за порохомъ, и я, проѣзжая верхомъ, не могъ не только по дорогѣ, но и полемъ проѣхать отъ раненыхъ и изувѣченныхъ людей и лошадей, бѣжавшихъ въ ужаснѣйшемъ видѣ. Ужасы сіи я описывать не въ силахъ; да и теперь вспомнить не могу ужаснѣйшаго зрѣлища. А стукъ отъ орудій былъ таковъ, что за пять верстъ оглушало, и сіе было безпрерывно. Много о томъ писали и всѣмъ извѣстно. Тутъ перо мое не можетъ начертать всей картины. Проѣзжая поле, я увидѣлъ лошадей нашего полковника и спросилъ у музыканта Максимова, гдѣ полковникъ, не убитъ ли? Къ счастію тотъ показалъ, что тутъ лежитъ, живъ; онъ не сказалъ, а показалъ пальцемъ. Я подошелъ къ нему, и онъ съ горестію сказалъ, что полка нашего не существуетъ. Это было въ 7-мь часовъ вечера. Я отослалъ ящики назадъ, а самъ поѣхалъ впередъ къ деревнѣ Семеновской, которая пылала въ огнѣ. На полѣ встрѣтилъ я нашего маіора Бурмина, у котораго было 40 человѣкъ. Это былъ нашъ полкъ. Онъ велѣлъ сихъ людей вести въ стрѣлки. Я пошелъ, и они мнѣ сказали: «ваше благородіе, нашъ полкъ весь тутъ; ведите насъ послѣднихъ добивать». И подлинно, взойдя въ лѣсъ, мнѣ встрѣтилась картина ужаснѣйшая и невиданная. Пѣхота разныхъ полковъ, кавалерія спѣшившая безъ лошадей, артилеристы безъ орудій. Всякій дрался чѣмъ могъ, кто тесакомъ, саблей, дубиной, кто кулаками. Боже, что за ужасъ! Мои егеря разсыпались по лѣсу, и я ихъ болѣе не видалъ, и поѣхалъ къ деревнѣ Семеновской. Былъ уже 10-й часъ, пальба пушекъ не переставала съ той же силою. На дорогѣ я видѣлъ колоны Русскихъ и Французовъ, какъ въ игрушкахъ согнутыя карты, повалены дуновеніемъ вѣтра или пальцемъ. Картина ужасная. Но сердце замерло: ни одной слезы о несчастныхъ! Наткнулся я на брата, который сказалъ, что онъ раненъ въ ногу. Я подѣлился съ нимъ кускомъ баранины, доставшейся мнѣ отъ казначея Толовикова, когда я ѣздилъ за патронами. Возлѣ деревни встрѣтилъ я дивизіоннаго начальника, который мнѣ велѣлъ, гдѣ увижу, собирать къ деревнѣ Шевардину его дивизію 27-ю.

Въ 11 часовъ была дивизія собрана, всего до 700 человѣкъ. Въ Одесскомъ командовалъ поручикъ, въ Тарнопольскомъ фельдфебель, и такъ далѣе; въ нашемъ полковникъ и три офицера со мною.

Въ полдень 26-го я съ капитаномъ нашимъ Шубинымъ поѣхалъ на пригорокъ, гдѣ слышался необыкновенный шумъ, и что же? Мы видимъ: два кирасирскіе полка, Новороссійской и Малороссійской, подъ командою генералъ-лейтенанта Дуки, пошли на непріятельскую батарею. Картина была великолѣпная! Кирасиры показали свою храбрость: какъ картечь ихъ ни валила, но хотя половиною силы, они

достигли своей цѣли, и батарея была ихъ. Но что за огонь они вытерпѣли, то былъ адъ! За любопытство наше, капитану Шубину оторвали правую руку, но впрочемъ на все судьба: это могло бы и не трогаясь съ мѣста быть; отъ сего отдѣлаться нельзя. Мы видѣли, какъ Семеновской полкъ, нѣсколько часовъ стоя на позиціи, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, былъ ядрами уничтожаемъ. Я видѣлъ, когда сняли незабвеннаго нашего князя Багратіона съ лошади раненаго въ ногу и какъ онъ былъ терпѣливъ и хладнокровенъ: слѣзалъ съ коня въ послѣдній разъ и поощрялъ солдатъ отмстить за себя. Помощникъ Суворова, бывшій съ нимъ въ Италіи и Швейцаріи, командовалъ всегда авангардомъ и, наконецъ, бывши главнокомандующимъ, не берегъ себя и по привычкѣ былъ въ сильномъ огнѣ. Онъ не вынесъ раны и вскорѣ умеръ. Царство ему небесное! Армія много въ этотъ день потеряла хорошихъ генераловъ: утромъ убило Тучкова, въ полдень Кутайсова, начальника артилеріи, и многихъ очень. Графъ Милорадовичъ поспѣлъ на веселый пиръ. Онъ предъ сраженіемъ привелъ резервы. Графъ Воронцовъ командовалъ возлѣ насъ сводными гренадерскими ротами двухъ баталіоновъ; въ числѣ сихъ были и нашего полка. Ночь прекратила побоище неслыханное въ лѣтописяхъ, и мы пошли къ Можайску. Да и непріятель отступилъ. Скелеты полковъ нашей дивизіи поступили къ графу Милорадовичу въ арьергардъ.

За Бородино дали мнѣ на шпагу св. Анны 3-й степени, и два еще капитану и прапорщику. Вотъ наши и всѣ награды за всю Русскую кампанію. Полку серебряныя трубы, полковнику св. Анны и Владимира 3-й степени на шею.

Я забылъ сказать, что 26 число Московское ополченіе стояло въ колонѣ сзади насъ на горѣ; ихъ било ядрами исправно, и даромъ. Главнокомандующій сдѣлалъ славное изъ нихъ употребленіе: поставилъ ихъ цѣпью сзади войска, чтобы здоровые люди не выносили раненыхъ, а убирали бы ополченцы. Сдѣлано славно, но безбожники грабили раненыхъ, что̀ я самъ видѣлъ, везя патроны въ полкъ, и тремъ саблею отъ меня досталось по спинамъ плашмя. Этими молодцами послѣ сраженія укомплектовали дивизію нашу, съ оружіемъ, Богъ знаетъ какимъ: кто имѣлъ пику, кто бердышъ, у иного ружье, пистолетъ и ножъ, а кто былъ съ дубиной. Къ намъ дали ихъ офицера въ треугольной шляпѣ, который вскорѣ и бѣжалъ. Да и войско его дошло съ нами только до Москвы, а послѣ и десятой части ихъ не осталось: всѣ разбрелись, дружки.

Отъ Можайска до Москвы мы не дрались, только иногда кавалерія, всегда сзади насъ шедшая, перевѣдывалась по маленьку. Мы подошли къ Москвѣ, остановились на Воробьевыхъ горахъ. Видъ чудесной! Вся старушка-Москва подъ ногами. Я, бывъ въ Москвѣ зимой, не былъ на горахъ сихъ и въ первый разъ любовался мѣстоположеніемъ

прелестнымъ. Пробывъ тамъ почти сутки, я былъ посланъ по дорогѣ Владимирской отыскать обозы нашъ и 49-го полка, взять фуры и, нагрузивъ ихъ въ магазинѣ въ Москвѣ, доставить въ полки. Верстъ за 20-ть отъ Москвы нашелъ я обозъ и на разсвѣтѣ былъ въ Москвѣ. Тамъ ожидало меня новое зрѣлище. Магазинъ былъ запертъ, караула нѣтъ, арміи я не нашелъ; куда пошла, мнѣ неизвѣстно, да и кто знаетъ, куда ведутъ начальники? Ломать печати и замки бѣда, безъ хлѣба ѣхать еще хуже. Я рѣшился однако нагрузить фуры и поѣхалъ за толпою народа, который вѣроятно выѣзжалъ и выходилъ туда, куда пошла армія, къ городу Подольску. Вообразить себѣ можно, какая давка и тѣснота была въ Москвѣ на выѣздахъ.

Жители были до того времени покойны и не выѣзжали, пока армія оставила Москву. Я видѣлъ сію тревогу и съ 10 часовъ утра до 7-ми вечера съ трудомъ съ 8-ю фурами выѣхалъ за заставу. Отъѣхавъ съ версту, вижу, что за мною выѣхала наша арьергардная кавалерія, въ томъ числѣ были гвардейскій, гусарскій, уланскій и драгунскій полки съ пиками (гусаровъ я еще первыхъ увидѣлъ съ пиками); полки сіи были очень не велики. Вскорѣ раздался залпъ изъ орудій непріятельскихъ; это означало ихъ вступленіе въ нашу столицу, но для чего, я не зналъ: войска нашего тамъ не было. Графъ Милорадовичъ сдѣлалъ договоръ съ Мюратомъ выпустить наши остальныя войска изъ Москвы. Я продолжалъ путь и, отъѣхавъ 15 верстъ, уже ночью, увидѣлъ сильное зарево въ Москвѣ; бѣлокаменная запылала. Но огонь ея очистилъ Россію отъ Французовъ скоро: нѣтъ худа безъ добра. Къ свѣту настигъ я на привалѣ свой полкъ. На другой день шли къ Подольску и повернули послѣ круто на Калугу. Мы еще были въ арьергардѣ, но остановившись у села Воронова (Растопчина графа), мы уже были въ авангардѣ: ибо ретироваться съ сего пункта перестали. Графъ Растопчинъ, истинно-Русскій, сжегъ самъ свое село, чтобы нога непріятеля не ступила въ его строеніе.

Дивизіонный нашъ Невѣровской просилъ графа Милорадовича, чтобы смѣнилъ дивизію его, разбитую до невозможности, сказавъ, что, она безъ обуви, не имѣетъ времени починиться, да и силами ослабѣла, всегда подъ выстрѣлами отъ Смоленска. «Знаю, ваше превосходительство, что дивизія ваша ослабѣла силами; но за то тверда духомъ!» отвѣчалъ графъ, и Невѣровскому не оставалось болѣе какъ благодарить за честь, которую ему дѣлаетъ графъ. Церемонія кончилась, а мы всѣ остались въ авангардѣ. Мы были еще въ дракѣ у рѣки Красной Пахры, и сія была уже для насъ послѣдняя. Подойдя къ Тарутинскому лагерю, полки наши дошли до совершеннаго ничтожества: въ нашемъ оставалось до 300 человѣкъ и 6 офицеровъ. Главнокомандующій уменьшилъ дивизію: изъ шести полковъ по два послалъ формироваться. Изъ нашей дивизіи назначили Тарнапольской и нашъ 50-й егерскій. Людей мы сдали въ 49-й, оставя только 40 че-

ловѣкъ и полковой штабъ. У насъ было музыкантовъ съ барабанщиками вдвое чѣмъ весь полкъ. Нашъ бригадный Воейковъ просилъ меня идти къ нему въ адъютанты, ибо его адъютанта произвели въ маіоры. Я посовѣтовался съ полковникомъ, который мнѣ не присовѣтывалъ, а взялъ съ собою. Не знаешь, гдѣ найти и гдѣ потерять. Хорошо, что я не пошелъ къ нему: онъ былъ бригадный одного полка и вскорѣ по болѣзни уѣхалъ въ Петербургъ, и мы болѣе о немъ не слыхали: пропалъ безъ вѣсти! По названію у насъ все былъ полкъ, хотя 40 человѣкъ, но штабъ былъ полка на лицо.

Мы прошли Тулу и пошли въ Нижегородскую губернію въ исходѣ Сентября. Въ каждомъ городѣ мы шли церемоніально съ музыкой, и когда проходили, то жители всегда спрашивали, гдѣ же полкъ? и мы показывали на наши остатки. Насъ принимали вездѣ, какъ родныхъ; распросовъ, разговоровъ не было конца. Стало уже холодно, и мы въ Ноябрѣ пришли формироваться въ городъ Ардатовъ, а главнокомандующій нашъ, генералъ отъ инфантеріи князь Лобановъ-Ростовскій, жилъ въ Арзамасѣ; и кавалерійскій же генералъ Кологривовъ въ Орлѣ. Житье намъ было въ Ардатовѣ! Скитавшись отъ Апрѣля до 15-го Октября подъ открытымъ небомъ возлѣ костровъ бивачныхъ и бывъ безпрестанно въ это время въ опасности, можно вообразить, каково намъ было! Городничій, судья, исправникъ, соляной приставъ и откупщикъ Анцовъ, всѣ люди богатые. У послѣдняго была моя квартира, прекраснѣйшая, лучшая въ городѣ. Пиры безпрестанные, разгулье молодецкое, и еще узнали, что Француза погнали по старой разоренной дорожкѣ. То-то была гульба! Раненые солдаты и офицеры къ намъ прибывали. Рекрутъ намъ дали молодцовъ Нижегородскихъ. И мы съ 15-го Октября до 1-го Декабря почти сформировали полкъ. Много прибывало и раненыхъ, офицеровъ же не было половины комплекта. Мнѣ дали 3-ю гренадерскую роту. Формировка продолжается сама по себѣ, а вечерами гульба ужасная. Вотъ, что было у насъ, пили на пропалую. Музыканты отказывались отъ Цымлянскаго и выморозковъ. Очень я доволенъ былъ, что избавился отъ адъютантской должности: на мѣстѣ все бы ничего, а походомъ каторга; было время, что самъ не раздѣвался и лошадь не разсѣдлывалъ по два мѣсяца. Полковой адъютантъ въ канцеляріи и баталіонной, по приходѣ на мѣсто, нарядить долженъ команды за дровами и водой съ офицеромъ, послѣ ѣхать въ дивизіонную квартиру за приказаніемъ, а нерѣдко и въ корпусную. Поди, отыщи и тамъ дожидайся, пока приказы будутъ. Ихъ нужно выписать и отвезти къ начальству, къ бригадному и полковому, послѣ собрать фельдфебелей, отдать приказаніе, а глядишь уже свѣтъ и въ походъ. Спалъ я часто верхомъ, и съ боку солдаты придерживали; хуже не было въ полку должности моей.

Хозяинъ мой Ардатовскій былъ большой хлѣбосолъ, гости и офицеры у него безвыходно были; я ему былъ какъ братъ и стар-

шій. Ѣзжали къ нему часто сосѣди, живущіе въ трехъ верстахъ отъ города, семейство Бухваловыхъ, состоящее изъ старой вдовы, ея сына и двухъ дочерей. Сынъ пошелъ въ ополченіе, но я его еще засталъ дома. Меньшая дочь, Марья Ѳедоровна, очень мнѣ понравилась. Я, поотдохнувъ, забылъ про бѣду и влюбился. Дѣвица хороша, думаю я, за нею 60 прекрасныхъ душъ. Мнѣ, правда, ровесница, 21-го года; что̀ же жениться не худо, ежели пойдетъ. Сказано и сдѣлано. Я объяснился съ моимъ хозяиномъ (большимъ другомъ семейства Бухваловыхъ), онъ одобрилъ. Я чрезъ два дни посваталъ и имѣлъ полный успѣхъ. Вотъ я и женихъ, меня любятъ, ласкаютъ, и я какъ сыръ въ маслѣ. Что же? Узнаётъ мой добрый полковникъ; залучилъ меня въ свой кабинетъ и началъ журить поотечески. Онъ мнѣ сказалъ: «Что̀ ты, братъ Николай Ивановичъ, задумалъ? Ужели ты вѣкъ прожилъ; какого ты чина? Какое теперь у насъ обстоятельство? Правда, дѣвица хороша, но что же дальше? Ты очень еще молодъ, поспѣешь жениться; а теперь что же будетъ? Отставки тебѣ въ военное время не дадутъ; но хотя бы и дали оную, какую ты играть будешь роль въ 20 лѣтъ въ отставкѣ? Подпоручикъ, имѣющій св. Анны на шпагѣ и медаль. И тебя выберутъ въ засѣдатели въ земскій судъ, привяжешь колокольчикъ къ дугѣ, и вотъ блестящая твоя карьера. Того ли ожидаетъ отъ тебя твой отецъ? Вотъ послужилъ сынъ его Отечеству ровно годъ! Ты молодъ, не понимаешь, что̀ будетъ. За нею дадутъ хорошо 60 душъ; подумай, у тебя будутъ дѣти, можетъ быть и много; ты размножишь слободу однодворцевъ; ты отъ скуки захочешь служить, состояніе небольшое, жену оставишь дома. Самъ влюбишься опять въ другую: вотъ твоя першпектива! Словомъ, я тебѣ никакъ не позволяю сдѣлать такую наивеличайшую глупость; выкинь изъ головы, займись лучше ротой, а частыя твои поѣздки прекрати. Поди съ Богомъ, я твоихъ возраженій и слушать не хочу; естьли же не перестанешь ѣздить, то я поѣду къ нимъ самъ и скажу, что мнѣ отцомъ препорученъ, и я, какъ отецъ и какъ начальникъ твой, тебѣ строго запрещаю жениться». Что̀ было мнѣ дѣлать! Говорить—хуже: я знаю горячій нравъ его; бѣда, что̀ надѣлаетъ! Богъ знаетъ, лучше молчать, а свое дѣлать. Представится случай, мое не уйдетъ. Теперь Рождественскій постъ; вотъ какъ кончится, хозяинъ мой поможетъ, сдѣлаемъ свадьбу въ тихомолку, у насъ священникъ добрый, и Ардатовскій дьяконъ, лихой игрокъ въ карты, въ биліардъ и пойдетъ куда угодно! Ему знакомы другіе попы, онъ устроитъ; часто онъ ночи просиживалъ до обѣдни, идетъ въ церковь въ мелу замаранъ, проигравши. Ему тихонько покажешь карту съ угломъ: онъ доволенъ, полагая отыграться! Человѣкъ располагаетъ, а Богъ управляетъ. Я не медля же поѣхалъ къ Бухваловымъ. Когда же возвратился отъ нихъ, мнѣ сказали, что полковникъ за мною три раза присылалъ. Я иду. Вижу его серьезную мину. Онъ мнѣ сказалъ: «Вотъ, любез-

нѣйшій, всему конецъ. Полно тебѣ дурачиться: поздравляю тебя съ походомъ: мы идемъ послѣ завтра въ Орелъ. А тебѣ вотъ предписаніе: поѣзжай сейчасъ въ слободу, отсюда за 60 верстъ; тамъ найдешь 120 рекрутъ Житомірской губерніи, прими ихъ и артельныя деньги, и выходи ко мнѣ на встрѣчу: тебѣ не далѣ будетъ 15-ти верстъ по тракту къ городу Темникову Рязанской губерніи. Возьми съ собою трехъ старыхъ солдатъ твоей роты; унтеръ офицеровъ не бери. Прощай, поспѣши: я буду дневать чрезъ два дни и туда явишься». Взялъ я бумагу и думаю: прощай, быть можетъ и на вѣкъ! Иду я къ хозяину, сказываю мою бѣду; онъ спросилъ: «Что̀ же вы намѣрены дѣлать?»—«Жениться послѣ праздника непремѣнно, а тамъ что̀ Богъ дастъ!» Вотъ я дѣлаюсь противъ службы первый разъ преступникомъ! Прошу хозяина завтра съѣздить къ невѣстѣ и увѣрить ее, что я скоро буду. Забралъ въ дорогу харчей и чаю; лошади готовы, вотъ я и въ дорогѣ.

Зима стояла прежестокая, доходило выше 30 градусовъ. Лошади были подставныя, по предписанію исправника. Я до свѣта долетѣлъ до мѣстечка, вижусь съ гарнизоннымъ офицеромъ, принимаю команду, все идетъ скоро, деньги до 1500 рублей принялъ, пишу списки и въ день и ночь все готово; прошу офицера довести команду 15 верстъ до полку. Онъ сказалъ, что ему нужно еще 300 человѣкъ вести въ полкъ Тираспольской. Вотъ задача! Что̀ я буду дѣлать! Послать съ солдатами команду—худо, а сказаться больнымъ все пропало! Думалъ я много, и тутъ нечистый искусилъ. Я вздумалъ команду вести въ городъ Ардатовъ. Это вышло назадъ 50 верстъ, да оттуда, сдавъ гарнизонному офицеру, самому остаться больнымъ и еще бѣднымъ рекрутамъ догонять полкъ 60 верстъ, что̀ составило вмѣсто 15-ти—110 верстъ въ такую стужу. Стоило бы подумать, что я буду солдатъ за такую продѣлку. Молодость все прощаетъ, былъ вѣтренъ и хотѣлъ поставить на своемъ. По лучше бы отправить со старыми солдатами, хотя они и были всѣ пьяницы; но деньги я могъ отправить по почтѣ. Дѣло прошлое, согрѣшилъ и повелъ въ Ардатовъ команду, а самъ съ половины дороги уѣхалъ одинъ въ городъ. Пріѣзжаю, спрашиваю человѣка, ушелъ ли полкъ нашъ. Ушелъ, онъ отвѣчалъ. Вхожу въ гостинную. Въ гостинной сидѣлъ мой хозяинъ съ полковникомъ. Я не помню что̀ со мною было. Это Бородинское жаркое дѣло! Первый вопросъ полковника, почему я людей не принялъ? Я отвѣчалъ, что принялъ. Какъ я могъ отправить команду безъ себя? Вѣрно я бѣжалъ? Я сказалъ, что команда идетъ сюда. «Подайте мнѣ вашу шпагу!»—«Ея нѣтъ со мною: она въ обозѣ».—«Покажите мнѣ людей, которыхъ вы приняли?»—«Ихъ нѣтъ, они еще на половинѣ дороги».—«Вы солдатъ!» сказалъ онъ, прибавя: «я знаю вашу хитрость. Приказываю: когда придутъ люди, не медля выдти изъ города и догонять полкъ». Онъ былъ взбѣшенъ, какъ я его никогда

не видѣлъ. И было отъ чего. Самъ онъ ушелъ не медля. Послѣ ухода его хозяинъ, добрый мой, обнявъ меня, заплакалъ и сказалъ, что полкъ нашъ вчерашній день ушелъ, а полковникъ остался за разсчетомъ, а завтра въ 11 часовъ утра ѣдетъ за полкомъ на дневку, куда всѣ городскіе пріятели его провожаютъ. Первое мое дѣло было броситься къ исправнику и просить, чтобы близъ города отвелъ квартиры моимъ рекрутамъ и далъ бы имъ въ 6 часовъ больше подводъ съ тулупами, да и впереди бы заготовилъ смѣну. Онъ добрякъ обѣщалъ, пожалѣлъ обо мнѣ, и мы до свиданья разстались съ нимъ. Я бросился къ хозяину и съ нимъ уѣхалъ къ Бухваловымъ, приказавъ, когда партія придетъ въ городъ, то проходили бы мимо за версту въ большую деревню ночевать. Полковникъ вечеромъ послалъ узнать, пришла ли партія; ему сказали, что прошла чрезъ городъ догонять полкъ. Его ужасно это разсердило; онъ говорилъ со мною сгоряча и думалъ, что я все исполнилъ, а я преспокойно всю ночь прощался и обѣщалъ изъ Орла пріѣхать. Мнѣ надавали почти годовую провизію, слезы были прощаніемъ. Они полагали, что я буду солдатъ. Простившись и прося писать,я поѣхалъ въ деревню; въ 6 часовъ по пріѣздѣ нашелъ ужасное количество подводъ, такъ что на двѣ лошади по два человѣка и два тулупа. Повѣрилъ команду; они всѣ здоровы и цѣлы! Я поскакалъ догонять полкъ и въ 3 часа по полудни нагналъ. Я послалъ рапортъ къ маіору о прибытіи моемъ и о томъ, что команда моя вся здорова и сыта, также деньги и шпагу. Полковникъ въ городѣ замѣшкалъ до 12 часовъ на проводахъ и выѣхалъ со всѣми знакомыми городскими чиновниками, кои его проводили. Дорогою онъ скучалъ, что нигдѣ не можетъ обогнать партіи, и по пріѣздѣ на дневну узналъ, что партія пришла и всѣ здоровы. Ѣхали на лошадяхъ и въ шубахъ. Знакомые городскіе всѣ меня посѣтили, также и мой хозяинъ и привезъ мнѣ поклонъ отъ невѣсты. Шпага мнѣ была возвращена того же дни, но я долго не показывался полковнику, который въ Темниковѣ со мною нечаянно встрѣтился и увелъ меня къ себѣ обѣдать. Вотъ и конецъ дѣлу, но я этой моей вѣтренности и теперь удивляюсь.

Мы шли походомъ до Орла безъ всякихъ приключеній и дошли благополучно. Не доходя до онаго за день, получили повелѣніе въ Орлѣ только имѣть дневку и по маршруту идти всѣмъ и кавалеріи въ герцогство Варшавское (что нынѣ царство Польское), въ мѣстечко Закрочинъ блокировать крѣпость Модлинъ, близъ Варшавы, въ 6 миляхъ. Вотъ мои и планы на женитьбу рушились. Я писалъ много писемъ къ невѣстѣ, ея матери и брату, но отвѣта ни одного не получилъ. Такъ и кончилось *).

Наступилъ 1813-й годъ Непріятеля не было не только въ Россіи, но и въ Польшѣ. Мы достигли своего мѣстоназначенія, гдѣ по при-

*) Въ 1826 году Н. И. Андреевъ женился на Надеждѣ Николаевнѣ Чихачевой.

ходѣ немедля послали въ армію нашего полка баталіонъ съ маіоромъ Антоновымъ, а я какъ ни просился, но полковникъ н отпустилъ. Мы квартировали у обывателей. Крѣпость Модлинъ укрѣплена очень хорошо, мы ходили по очереди въ цѣпь. Со стороны сухопутной вылазокъ не было.

Армію формировалъ князь же Лобановъ-Ростовскій; корпусъ нашъ былъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Клейнмихеля, отца главноуправляющаго путей сообщенія. У него были въ командѣ баталіоны формирующейся гвардіи, гренадеръ и армейскіе. Кавалерія стояла въ Плоцкѣ. Хотя солдатъ было и довольно въ гвардіи, но офицеровъ мало, и потому требовали изъ арміи. Изъ нашего баталіона командированъ былъ я. Гвардія была расположена по рѣкѣ Вислѣ у колонистовъ, близъ крѣпости, около мѣстечка Новый Дворъ, гдѣ рѣка Нарева впадаетъ въ Вислу, противъ крѣпости. Я явился къ дивизіонному начальнику 2-й гвардейской дивизіи, подполковнику изъ нашей дивизіи, моему пріятелю Константину Михайловичу Колошинскому. Обѣими дивизіями баталіоновъ командовалъ Преображенскаго полка полковникъ Стрѣкаловъ. Я былъ назначенъ адъютантомъ 2-й гвардейской дивизіи, мѣсяца три исправлялъ я сію должность. Въ это время было ужаснѣйшее наводненіе рѣки Вислы, на берегу коей мы стояли, а противъ насъ за рѣкой былъ корпусъ гренадеровъ, подъ командою Паскевича. Рѣка разлилась и потопила даже большіе дома колонистовъ, такъ что мы дѣлали плоты и плыли семь верстъ на высоту и тамъ жили недѣлю на бивакахъ. Сорвало въ Варшавѣ мостъ и несло его мимо насъ съ людьми, тамъ случившимися, въ крѣпость. Зрѣлище было необыкновенное; на мосту была торговка и разнаго рода люди и собаки; но какъ они были Поляки, то въ крѣпости имъ дали убѣжище. Вода у насъ была какъ море, и мы съ трудомъ переправились. Такъ скоро прибывала, что утромъ показалась на улицѣ, а къ полудню уже затопила избы на верху. Я послѣ назначенъ былъ въ лейбъ-Финляндскій баталіонъ, и тамъ встрѣтилъ знакомаго начальника, капитана Жижневскаго, который былъ ротнымъ командиромъ, гдѣ я былъ въ Дворянскомъ полку въ 5-й ротѣ. Меня онъ назначилъ адъютантомъ, казначеемъ и квартермистромъ, а послѣ пріѣхалъ этого же полка капитанъ Байковъ и принялъ баталіонъ. Онъ меня полюбилъ очень и послѣ далъ роту, хотя и были гвардейскіе офицеры. Однажды, какъ я былъ въ караулѣ съ ротой въ Новомъ Дворѣ противъ крѣпости (насъ только рѣка раздѣляла) непріятель вздумалъ, устроя флотилію изъ большихъ лодокъ, ночью посѣтить насъ, чтобъ истребить нашъ баталіонъ; но ему эта шутка не удалась. Мы, подпустя ихъ ближе, пустили на нихъ батальный огонь, и они, правда, отвѣчали и 9 человѣкъ нашихъ убили наповалъ, а 15 ранили порядочно; за то они, думаю, не досчитались у себя много, а одна лодка изъ орудія большаго

калибра была въ щепки разбита, и люди ихъ всѣ перетонули. Но мы были очень осторожны, съ трудомъ ходили за водой; они изъ крѣпости, не жалѣя снарядовъ, стрѣляли изъ пушекъ и по одному человѣку. Наконецъ, наскучило мнѣ быть у чужихъ, работать, учить чужую команду; я началъ проситься въ свой баталіонъ. Байковъ меня просилъ остаться съ тѣмъ, что, когда будетъ миръ, то онъ упроситъ Великаго Князя меня перевести въ гвардію, а какъ состояніе мое не позволяло тамъ служить, къ тому же я слышалъ, что изъ арміи нашей каждаго баталіона идутъ за границу въ дѣйствующую армію по двѣ роты, то и думалъ туда отправиться. Но вышло не то. Вскорѣ, 1814 года въ Мартѣ, былъ миръ. Бонапарта прогнали на Эльбу. Крѣпость сдалась еще прежде, и мы пошли за Варшаву, гдѣ квартиры были чудесныя, 25 миль около Кракова. Гостепріимство вездѣ отличное, и можно сказать, что я пожилъ въ Польшѣ весело.

Въ исходѣ 1814-го года пошли мы въ Гродненскую губернію, куда изъ Парижа пришла и дивизія наша. Къ прискорбію нашему не вернулся нашъ добрѣйшій дивизіонный Невѣровской: его тяжело ранили подъ Лейпцигомъ въ ногу, и онъ отъ раны вскорѣ умеръ. Дивизія вся его оплакивала, да и я впослѣдствіи никогда не имѣлъ такого начальника.

Въ Гродненской губерніи, бѣдной противъ Варшавской, я однако жилъ весело. Полкъ нашъ квартировалъ въ Зельвѣ, я съ ротой въ мѣстечкѣ Кременицѣ, въ уѣздѣ Волковискомъ, въ имѣніи бригитокъ-монашенокъ. Экономъ былъ добрый человѣкъ, а дочь его Маша милашка. Я имѣлъ квартиру прекрасную, жилъ какъ хорошій обзаведенный офицеръ, имѣлъ три лошади своихъ, у меня бывали вечера, а у хозяина Избицкаго балы. Часто полковая музыка у насъ гремѣла, провіанту я не давалъ ни гарнцу, всегда квитанція готова. Артели солдатъ прибавлялись значительно, я продавалъ ихъ муку и деньги отдавалъ имъ въ артель. Мука была 25 рублей, а крупа 32 рубля за куль. Солдатамъ хорошо, да и я жилъ весело. Что за жизнь была въ Польшѣ, и теперь съ восторгомъ вспоминаю. Хорошо было молодежи, не такъ какъ въ Россіи, кромѣ Ардатова, и то въ какое время!

Наступилъ 1815 годъ. Наполеонъ вздумалъ бѣжать, и насъ потребовали. Шли мы скоро до Калиша, а тамъ въ Шлезію, Саксонію. Что за край! Подобнаго нѣтъ въ Европѣ. Проходили много герцогствъ, княжествъ, Баварію, Богемію и подошли къ Рейну въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Я не живописецъ и не піитъ, не могу изобразить прелестной картины возлѣ Рейна, гдѣ мы простояли пять часовъ, дожидаясь эрцъ-герцога Карла, брата императора Австрійскаго. Предъ нами крѣпость Майнцъ, лѣвѣе Рейнъ, въ него впадаетъ рѣка Майнцъ. За рѣкой городъ Майнцъ, на горѣ довольно большой и красивой; по правую сторону горы съ виноградниками, по лѣвую по рѣкѣ Рейну

даль верстъ на двадцать съ деревнями каменнаго строенія и церквами. Сзади насъ въ двухъ верстахъ на горѣ городъ Гохеймъ. Можно смотрѣть и восхищаться! Когда проѣхалъ мимо насъ принцъ Карлъ, ему кричали у р а. Мы перешли Рейнъ и выпили прекраснаго вина Гохеймскаго. Изъ полку по четыре офицера и по двое штабсъ-офицеровъ были приглашены на завтракъ къ принцу Карлу; я былъ въ числѣ избранныхъ. Завтракъ былъ неважный, но зеленаго салату много и вино хорошее, по двѣ рюмки; принцъ одѣтъ былъ въ сѣромъ сюртукѣ и шляпа съ широкимъ позументомъ.

Я забылъ сказать, что меня въ Гроднѣ въ 1814 году произвели въ порутчики, а при переходѣ чрезъ Рейнъ 1815 года въ штабсъ-капитаны. Когда мы перешли Рейнъ, война кончилась. Англичане и Прусаки разбили при Ватерло Французовъ, и Наполеонъ великій бѣжалъ, и послѣ отдался Англичанамъ, кои отправили его на островъ Св. Елены. Крѣпости же Мецъ и Вердюнъ не сдавались, и много у нихъ было партизановъ. Къ послѣдней насъ послали блокировать ее; мы шесть недѣль содержали ее въ блокадѣ, и она сдалась. Тогда я ѣздилъ въ Люневиль, извѣстный миромъ въ 1801 году. Городъ очень хорошъ, въ немъ ружейная фабрика и пистолеты превосходные. Насъ отъ границы Польши и во Франціи продовольствовали вездѣ очень хорошо, особливо Прусаки и Саксонцы, и у Французовъ было недурно. Полкъ нашъ послѣ квартировалъ въ городѣ Бельмонтѣ, а я съ ротою въ деревнѣ Клермонтѣ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ Императоръ собралъ всю нашу армію и гренадеровъ на Шалонскія поля близъ Вертю, отъ Парижа очень не далеко. Онъ дѣлалъ арміи смотръ и самъ представлялъ монархамъ Австрійскому, Прусскому, Баварскому, и много было владѣтельныхъ, а фельдмаршалы нашъ и Англійскій Велингтонъ. Изъ Парижа множество было маршаловъ, принцевъ, генераловъ и даже дамъ. Маневръ сей для зрителей былъ прелестный. Когда армія собралась къ Вертю въ Шампаніи, въ три часа утромъ, войска были поставлены въ три линіи. Въ первыхъ двухъ пѣхота съ артилеріею, въ интервалахъ между дивизій, въ третьей кавалерія. Въ десять часовъ пріѣхали монархи въ городъ Вертю, который построенъ на высокой горѣ, и оттуда необозримая равнина. Такого каре, думаю, никто и никогда не видалъ. Когда построились въ каре, государи объѣхали оное, что̀ составляло до пятнадцати верстъ кругомъ, и за ними вся свита и дамы. Большая кавалькада!

Мы стали въ дивизіонныя колонны, а послѣ въ баталіонныя, и такъ пошли церемоніальнымъ маршемъ кругомъ десять верстъ. Нашъ императоръ Александръ ѣхалъ впереди предъ гренадерами; гвардіи тогда во Франціи не было. Мы очень устали и утомились, пыль, жаръ, въ Августѣ 29-го. Мы ночью пришли, не ѣли ничего, жаръ, воды нѣтъ, вездѣ песчаная степь. Мы платили по рублю серебромъ за стаканъ воды и рюмку водки. Сія продѣлка была повто-

ряема три дня сряду: первый день репитиція, вторый смотръ монарховъ, а 30 Августа церковной парадъ въ сей же арміи и на томъ же мѣстѣ. Я былъ послѣднимъ въ арміи, проходилъ мимо царей, потому что дивизія 24-я была послѣдняя въ арміи, полкъ нашъ послѣдній въ дивизіи, рота моя, 9-я, послѣдняя въ полку; сзади меня шла кавалерія. Можно вообразить, что по песку въ жаръ какая была пыль. Еслибы на мнѣ былъ красный мундиръ, и тотъ бы былъ бѣлъ. Слава Богу, все прошло, и молодость вынесла всѣ труды.

Мы тотчасъ пошли въ Шато-Тьери, городокъ хорошій, на рѣкѣ Сенѣ, близъ Парижа. Корпусъ нашъ былъ 8-й, командовалъ имъ Сабанѣевъ, и насъ оставляли во Франціи на пять лѣтъ; я пока и не думалъ ѣхать въ Парижъ, полагая, что успѣю еще, да и нуженъ былъ товарищъ, кто бы зналъ языкъ Французскій. Въ ожиданіи поѣздки, получили повелѣніе не медля выходить въ Россію, а вмѣсто насъ оставили корпусъ графа Воронцова. Вотъ мои планы рушились. Я былъ въ Римѣ и папы не видалъ, то-есть былъ возлѣ Парижа, а тамъ не былъ. Потомство сказало бы, что я Вандалъ: но обстоятельства все перемѣняютъ, а притомъ же безъ денегъ тамъ скучно. Я имѣлъ 40 червонцевъ; думаю: сберегу и, придя въ Россію, съѣзжу провѣдать батюшку, котораго давно не видалъ. Я такъ и сдѣлалъ: еще во Франціи подалъ въ отпускъ, и по возвращеніи въ Россію, когда мы квартировали на Волынѣ въ Житомірской губерніи, я получилъ отпускъ....

Чрезъ короткое время, въ Ноябрѣ, произвели нашего полковника Назимова въ генералы, а шефы въ арміи еще во Франціи уничтожены. Къ намъ дали полковаго командира Яковлева, служившаго въ арміи графа Витгенштейна съ 1812-го подпоручикомъ, а въ 1815 году былъ онъ полковникъ. Я не хотѣлъ служить въ пѣхотѣ, хотѣлъ въ кавалерію; но трудно перейти; а изъ отставки можно было проситься въ любой полкъ. Вотъ что̀ меня понудило оставить военную службу 26-ти лѣтъ. Я подалъ въ отставку и недолго ждалъ: меня уволили тѣмъ же чиномъ, потому что я не дослужилъ года въ штабсъ-капитанскомъ чинѣ. Дивизію нашу еще при мнѣ назначили въ Литовской корпусъ, подъ начальство цесаревича Константина Павловича. Я, прощаясь съ службой, не думалъ, что на вѣкъ не надѣну военнаго мундира. Когда дали мнѣ отставку, то въ приказахъ сказана Высочайшая воля, чтобъ отставныхъ офицеровъ не принимать въ другіе полки, какъ въ тѣже, гдѣ они служили. Вотъ я оставилъ службу военную на вѣкъ. Послѣ идти въ тотъ же полкъ нельзя, потому, что кто у меня былъ въ командѣ, у того я бы долженъ быть, и товарищи мои чрезъ два года были маіоры всѣ. Къ тому же батюшкѣ угодно было, чтобъ я остался при немъ: изъ пяти сыновей ни одного при немъ не было. Что̀ дѣлать мнѣ было иначе? Я вышелъ въ отставку 1816 года, дома прожилъ до 1819-го, послѣ выбрали меня въ засѣдатели въ Порховскій Земскій Судъ....

Яицкое войско до появленія Пугачева.

ГЛАВА VII *).

Торговля Яицкаго войска, въ началѣ прошлаго столѣтія, по преимуществу имѣла мѣновой характеръ. Такъ какъ въ это время Яицкіе казаки хлѣбопашествомъ почти не занимались, фабрикъ и заводовъ тоже не имѣли: то необходимо было доставать хлѣбъ и прочіе необходимые предметы изъ другихъ ближайшихъ мѣстъ. Бывая еще раньше на берегахъ Волги, казаки хорошо познакомились съ Самарой и Сызраномъ, какъ хлѣбными рынками; сюда-то они и ѣздили за хлѣбомъ, вымѣнивая его на рыбу, клей, икру и другія произведенія своей страны. Хлѣбъ, разумѣется, постоянно былъ нуженъ, какъ первѣйшая необходимость въ жизни, а между тѣмъ, подвоза его на Яикъ изъ внутреннихъ поселеній Россіи и съ береговъ Волги не было: земледѣльцы и хлѣботорговцы боялись попасть въ руки Каракалпаковъ и Киргизовъ, которые рыскали въ Приуральскихъ и Самарскихъ степяхъ по всѣмъ направленіямъ и, за совершеннымъ отсутствіемъ населенія въ этихъ мѣстахъ, не давали проходу ни конному, ни пѣшему безъ поддержки военнаго конвоя. Вслѣдствіе этого, Яицкое войско вынуждено было отправлять на Волгу особыя *станицы* или партіи казаковъ, подъ прикрытіемъ вооруженнаго отряда, находившагося подъ начальствомъ войсковаго старшины и есаула или *станичнаго атамана* и его помощника. Казачьи станицы преимущественно отправлялись съ Яика весною и въ началѣ осени. Прибывъ на Волгу, они располагались въ Самарѣ, Сызранѣ, на Батрацкой ярмаркѣ, въ пригородахъ Сергіевскѣ и Алексѣевскѣ [1]) и оставались здѣсь все время, пока обозъ весь не распродавался и не нагружался мукою и другими товарами, которыхъ нельзя было достать на Яикѣ; затѣмъ станичники снова отправлялись на берега родной рѣки. Случалось, что иногда съ казачьими обоза-

*) Первыя главы этого изслѣдованія помѣщены въ Русскомъ Архивѣ сего года: I, 273 и 401 и II, 377.

[1]) Въ означенныхъ мѣстахъ казаки платили въ казну десятую рыбу изъ привезенной какъ соленой, такъ и мерзлой рыбы; эта пошлина сохранилась и доселѣ, въ видѣ солянаго откупа, который отданъ былъ на откупъ Яицкому войску въ 1759 г. (а не въ 1744 г., какъ показано въ Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 30, 8). См. П. С. З. т. XIV, № 10,800.

ми, подъ прикрытіемъ станицы, отправлялись и Приволжскіе жители для закупки рыбы и ея продуктовъ у остававшихся на Яикѣ казаковъ и вымѣна соли у Калмыковъ; эти добровольцы въ торговлѣ, безъ сомнѣнія, также везли на своихъ подводахъ разные товары, на которые вымѣнивали соль, сушеную и соленую рыбу и т. п. Не смотря на вооруженный отрядъ казаковъ, всегда сопровождавшій эти станицы, случалось, что иногда станичники не доѣзжали до Яика, попадая въ руки Киргизовъ и другихъ хищниковъ. Такъ, напримѣръ, изъ доношенія казака Савелья Иванова Асадкова въ Военную Коллегію [2]) видно, что въ 1725 г. Киргизы и Каракалпаки, въ числѣ 150 человѣкъ, напали на 30 человѣкъ Яицкихъ казаковъ, возвращавшихся изъ Самары съ хлѣбомъ, многихъ изъ нихъ «порубили, а иныхъ въ полонъ взяли и въ томъ числѣ»,—говоритъ Асадковъ,—«и я нижайшій взятъ былъ оными непріятельскими людьми въ полонъ и былъ въ томъ полону семь лѣтъ, претерпѣвалъ всякія несносныя работы, и всякій трудъ и голодъ и, изъ того полону ушедъ, пришелъ на Яикъ въ нынѣшнемъ 731 году, а напредъ сего нашей братьи давано за полонное терпѣніе Ея Императорскаго Величества жалованье, а мнѣ нижайшему не выдано» [3]). Въ Декабрѣ 1731 г. Яицкій казакъ Өедоръ Марковъ доносилъ въ Военную Коллегію: «Въ прошлыхъ годѣхъ, тому лѣтъ съ осьмнадцать, отправлены мы были, нижайшіе, для покупки на свое пропитаніе хлѣба на Сызранъ въ станицѣ и по возвращеніи съ Сызрана, не доѣзжая Яику, при урочищѣ Головой рѣчкѣ, напали на насъ непріятельскіе люди Каракалпаки и Киркизъ-Кайсаки съ восемьсотъ человѣкъ, и ту нашу станицу разбили и многихъ побили до смерти, а другихъ взяли въ полонъ, въ томъ числѣ и я нижайшій въ томъ плѣну былъ же пятнадцать лѣтъ и претерпѣвалъ всякое мученіе и голодъ, чтобъ въ ихъ бусурманскую вѣру обратился, а въ 1727 г. изъ того полону освободился» [4]) и проч. Въ заключеніе Марковъ также проситъ В. Коллегію о выдачѣ ему жалованья за «полонное терпѣніе», по примѣру прошлыхъ лѣтъ.—Изъ этого доношенія Маркова видно, что шайки Киркизовъ и Каракалпаковъ, нападавшихъ на казачьи станицы, бывали довольно многочисленны, такъ что станичники не могли иногда справиться съ хищниками одними своими силами и средствами; въ такихъ случаяхъ подавалась казакамъ помощь изъ Яицкаго городка, если только въ послѣднемъ узнавали о нападеніи на станицы Киргизовъ. Такъ въ 1713 г., войсковой атаманъ Өедоръ Сѣменниковъ, узнавъ о несчастномъ положеніи станицы, въ которой

---

[2]) Отъ 28 Ноября 1731 г. Асадковъ просилъ выдать ему жалованье „за ту его въ плѣну бытность противу его братьи".

[3]) Смотри Урал. В. Вѣд. 1869 г., № 30.

[4]) Урал. В. Вѣд. 1869 г., № 30, стр. 6 и 7.

находился Марковъ, послалъ на помощь станичнымъ казакамъ старшину Григорья Меркурьева съ 200 челов., съ ружьями и пушками. Завидѣвъ отрядъ Меркурьева, непріятель поспѣшилъ удалиться, захвативъ однакожъ съ собою и плѣнныхъ казаковъ; Меркурьевъ почему-то не счелъ нужнымъ преслѣдовать Киргизовъ, чтобы отбить плѣнныхъ [5]), чѣмъ казаки впослѣдствіи, какъ мы видѣли, не преминули воспользоваться въ своихъ обвиненіяхъ противъ Меркурьева, когда послѣдній занялъ мѣсто войсковаго атамана, вопреки желанію народа, по назначенію правительства.—Не мало терпѣли Яицкіе казаки, какъ мы знаемъ, и отъ кочевавшихъ близъ Яика Калмыковъ.

Понятно, что эта взаимная вражда долгое время препятствовала развитію мѣновой торговли казаковъ съ сосѣдними обитателями степей и среднеазіатскими купцами.

Въ лѣтнее время Киргизы нерѣдко располагались по самому берегу Урала и по лѣвымъ его притокамъ; сюда являлись среднеазіатскіе купцы и на бумажныя ткани вымѣнивали у Киргизовъ лошадей и барановъ, которыхъ потомъ съ прибылью продавали въ Хивѣ и другихъ мѣстахъ [6]). Случалось, что Хивинскіе и Бухарскіе купцы пріѣзжали съ товарами къ самому учугу Урала; но тутъ-то и были неизбѣжны столкновенія съ Яицкими казаками.

Въ 1734 г., 28 Ноября, Хивинскій купецъ Достъ-Магометъ-Абаза и Бухарецъ Абдуль-Джабаръ подали въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ прошеніе о разграбленіи ихъ каравана Яицкими казаками [7]). Изъ этого прошенія, между прочимъ, видно, что Хивинскіе и Бухарскіе купцы, прибывши въ Апрѣлѣ 1732 года съ караваномъ на учугъ р. Яика, должны были за разлитіемъ рѣки простоять здѣсь 10 дней. Комендантъ учуга объявилъ имъ, что Калмыки, къ которымъ они ѣхали, откочевали далеко въ степь, что найти ихъ трудно и потому приказалъ имъ ѣхать въ Яицкій городокъ. Къ вечеру на десятый день пути караванъ прибылъ къ мѣсту отводнаго караула на рыбной ловлѣ Яицкихъ казаковъ; послѣдніе, объявивъ проводникамъ-Киргизамъ, что атаманъ ихъ находится впереди, арестовали караванныхъ старшинъ и повезли ихъ къ своему атаману. Съ наступленіемъ ночи, караванъ былъ разграбленъ; 15 чел. изъ охранявшихъ караванъ были убиты, остальные перекованы; казаки захватили 558 Бухарскихъ червонцевъ [8]) и на 4705 р. 90 коп. разнаго товару, такъ что вся добыча казаковъ равнялась почти шести тысячамъ рублей [9]). Между тѣмъ, караванные старшины, увезенные отъ своихъ спутниковъ,

5) Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 30, стр. 8.
6) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. ч. I, стр. 317.
7) См. въ Ур. в. арх., № 31. Выписка изъ кн. каз. пов. № 9, 386.
8) Каждый червонецъ заключалъ въ себѣ 2 р. 20 коп.
9) Именно: 5933 р. 56 коп.

только на слѣдующее утро увидѣли атамана рыболовства, который имъ объявилъ, что караванъ ихъ разграбленъ и что разграбленіе его произошло по ошибкѣ, такъ-какъ казаки приняли ихъ за Каракалпаковъ. Выражая сожалѣніе объ убитыхъ Хивинцахъ и Бухарцахъ, атаманъ, однакожъ, объявилъ купцамъ, что казаки не соглашаются возвратить отнятыхъ у нихъ товаровъ, и не лучше-ли имъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, отправиться въ свои мѣста жительства, при чемъ предлагалъ имъ на дорогу четыре верблюда и на шесть дней провіанту. Купцы, чтобы только вырваться изъ рукъ соболѣзновавшихъ о нихъ казаковъ, согласились на предложеніе атамана; но выѣхавъ въ степь, они раздѣлились: одни дѣйствительно отправились въ свои мѣста, а другіе явились на учугъ и объявили коменданту о произведенномъ казаками грабежѣ. Получивъ отъ коменданта совѣтъ обратиться съ жалобою къ Астраханскому губернатору, обиженные купцы наняли судно и отправились въ Астрахань. Губернаторъ, давъ имъ въ предосторожность конвой солдатъ, приказалъ отправиться въ Яицкій городокъ и приказалъ, если казаки возвратятъ имъ отнятый товаръ и деньги, довести до его свѣдѣнія; въ случаѣ же упорства казаковъ, губернаторъ обѣщался донести о случившемся самой Императрицѣ, согласно распоряженію которой и будетъ поступлено. По прибытіи купцовъ въ Яицкій городокъ, атаманъ три раза собиралъ казачій кругъ и, по истеченіи трехъ дней, объявилъ купцамъ, что казаки не отдадутъ имъ товаровъ и денегъ до тѣхъ поръ, пока они не получатъ на то указа изъ Петербурга отъ имени самой Императрицы, но что товары и деньги ихъ цѣлы. Сообщивъ объ этомъ Астраханскому губернатору, Хивинскій купецъ Достъ-Магометъ-Абаза и Бухарскій—Абдулъ-Джабаръ обратились съ жалобой въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, явившись для того лично въ Петербургъ, гдѣ въ то время находился и сынъ атамана Меркурьева Иванъ Григорьевъ, участвовавшій въ грабежѣ каравана. Между тѣмъ, Астраханскій губернаторъ отправилъ на мѣсто грабежа, для производства слѣдствія, капитана Ивана Порѣцкаго, который составилъ особый слѣдственный экстрактъ, препровожденный потомъ въ Военную Коллегію. При слѣдствіи, какъ видно изъ дѣла, казаки «во взятьѣ червонцевъ и многаго числа товаровъ» заперлись. Они показали, что, во время нахожденія ихъ на рыболовствѣ, на отводный караулъ напали Хивинцы и Бухарцы съ Киргизами и Каракалпаками, вслѣдствіе чего завязалась драка; вскорѣ на выручку караульныхъ прибылъ новый отрядъ казаковъ. Хивинцы, Бухарцы и ихъ сообщники, Киргизы и Каракалпаки, были разбиты, при чемъ дѣйствительно у нихъ были отняты нѣкоторыя вещи; но далеко не на такую сумму, какъ показываютъ сами купцы, и что эти вещи «по ихъ казачьему обыкновенію» тотчасъ же и были раздѣлены. Коллегія,

принявъ прошеніе Абазы и Джабара, затребовала свѣдѣнія отъ Астраханскаго губернатора, который отвѣчалъ, что слѣдствіе уже произведено и экстрактъ о томъ препровожденъ въ Военную Коллегію. Между тѣмъ, В. Коллегія, не найдя казаковъ виновными, представила въ Иностранную Коллегію копію съ экстракта капитана Порѣцкаго и промеморію, въ которой просила навести справку: «не было-ль отъ оныхъ ордъ въ то время Россійскимъ подданнымъ какого раззоренія или взятья въ плѣнъ, понеже у нихъ найдены нѣкоторыя солдатскія амуничныя вещи, а какъ извѣстно, что Бухарцы въ прошлыхъ годахъ пограбили и полковника Гарбера съ караваномъ». Намъ неизвѣстно, какое было рѣшеніе Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; но едвали купцы достигли своей цѣли, такъ-какъ въ грабежѣ ихъ товаровъ замѣшанъ былъ и сынъ войсковаго Яицкаго атамана, Григорья Меркурьева, Иванъ Меркурьевъ. Какъ-бы то ни было, только такія «д у в а н н ы я» отношенія Яицкихъ казаковъ къ среднеазіатскимъ Киргизамъ, безъ сомнѣнія, должны были охладить стремленія послѣднихъ съ торговыми цѣлями на Яикъ. Хотя и послѣ этого среднеазіатскіе народы желали войти въ торговыя сношенія съ Россіей; но это желаніе осуществилось не раньше того, какъ основанъ былъ Оренбургъ и усмирены волновавшіеся Башкирцы, а Яикъ покрылся крѣпостями, форпостами и редутами, благодаря дѣятельности Неплюева.—Впрочемъ, Яицкіе казаки, не смотря на такія враждебныя отношенія къ среднеазіатскимъ народамъ, имѣли торговыя сношенія съ Хивою и Бухарою и раньше основанія Оренбурга. Извѣстно, напримѣръ, что Яицкій казакъ Иванъ Сидоровъ Лобикъ бывалъ и самъ въ Хивѣ, посылалъ въ Хиву и своего прикащика, Татарина Мамбетя Мергенева, который былъ родомъ изъ Татарской слободы города Тобольска, откуда Мергеневъ, еще въ малолѣтствѣ, вывезенъ отцемъ въ улусы Доржи-Назарова, на Яикъ, и, еще раньше поступленія въ прикащики къ Лобику, неоднократно бывалъ въ Хивѣ, Бухарѣ и другихъ городахъ съ торговыми цѣлями. Въ 1732 году Мергеневъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Тотлобеемъ и четырьмя работниками изъ Татаръ, отправился въ Хиву для продажи шестидесяти лошадей и четырнадцати верблюдовъ, подъ прикрытіемъ Калмыковъ Доржи-Назарова и торговыхъ Трухменцевъ, всего—въ числѣ 150 человѣкъ. Прибывъ въ Хиву, Мергеневъ оставался здѣсь цѣлый мѣсяцъ; въ это-то время Мергеневъ видѣлся и съ Русскими плѣнными, томившимися въ Хивѣ со времени несчастной экспедиціи Бековича Черкасскаго. Бывши еще раньше въ Хивѣ, Мергеневъ выкупилъ изъ плѣна князя Никиту Вяземскаго за 500 р. [10]), Яицкаго казака Михаила Бородина [11])

---

10) См. Урал. Войск. Вѣд. 1869, № 29, 8.

11) Тамъ же № 32, стр. 4.

за 150 руб. и Самарскаго жителя Степана Попова. Зная это, и теперь одинъ изъ плѣнниковъ, капитанъ Чагинъ, просилъ Мергенева о выкупѣ его изъ плѣна; но Мергеневъ заявилъ, что онъ и за прежде выкупленныхъ не получилъ ни гроша и отказалъ Чагину. Предъ самымъ выѣздомъ Мергенева изъ Хивы, къ нему явился Яицкій казакъ Борисъ Кожевниковъ съ запечатаннымъ письмомъ, которое и просилъ передать по адресу; на письмѣ былъ слѣдующій адресъ: «Къ отданію надлежитъ сіе писаніе на Яикѣ въ казачьемъ городкѣ господину атаману и старшинамъ, въ станичной избѣ и всему войскому. Изъ Хивы, Іюля 8 дня». Мамбеть Мергеневъ, ничего не подозрѣвая, взялъ письмо и, по прибытіи на Яикъ, доставилъ его по назначенію.

Вскрывъ письмо, атаманъ и старшины прочитали слѣдующее: «Господину атаману и старшинамъ и всему войскому. Въ милости Божіей здравствуй и со всѣми, которые обрѣтаются при милости вашей, на лѣта многа. А про насъ изволите памятовать, и мы еще въ стараніи своемъ по сіе письмо еще едва въ живыхъ обрѣтаемся, далъ Богъ, все въ добромъ здравіи. Да вѣдомо вамъ чинимъ, что приходятъ изъ Калмыкъ послы и торговые люди, а именно: Калмыки, и Куринцы, и Машловскіе (Мангишлакскіе) Трухмены и привозятъ воровски государевыхъ людей и продаютъ въ Ургеншевскомъ и Хивинскомъ юрту, а именно Даржина владѣнья и дѣтей его, Лобжина улуса Аитмамбеть, Мергеневъ сынъ, да улуса Калмыки Даличинъ да Кечиль; а прежде этого они, вышеозначенные Калмыки, государевыхъ людей не привозили и не продавали. И въ томъ ваше, господинъ атаманъ и старшины и все войское, какъ разсмотрѣніе будетъ? А письмо писалъ отъ морскаго флота капитанъ Василій Михайловъ сынъ Чагинъ и ваши Яицкіе казаки Борисъ Семеновъ, Степанъ Ивановъ и всѣ ваши покорные раби, слезно кланяемся и премного челомъ бьемъ. Изъ Хивы, Іюля 8 дня» [13]).

По прочтеніи письма Мергеневъ тотчасъ же былъ арестованъ и въ первой же зимовой станицѣ отправленъ въ Петербургъ, какъ обвиняемый «въ воровскомъ сбытѣ государевыхъ людей» въ Ургень и Хиву. Въ Петербургѣ Мергеневъ былъ представленъ въ Военную Коллегію, гдѣ и былъ допрашиваемъ, при помощи Яицкаго казака Ивана Якимова, который переводилъ показанія Мергенева порусски, такъ какъ самъ обвиняемый давалъ ихъ на своемъ языкѣ. Послѣ обыкновенныхъ показаній о своемъ происхожденіи, занятіи и т. п., Мергеневъ между прочимъ заявилъ, что, бывши въ Хивѣ для торгу, онъ дѣйствительно видѣлъ много Русскихъ людей; но самъ не продавалъ ихъ, и кто именно продавалъ «государевыхъ людей» въ Хиву, о томъ тоже не знаетъ. Стараясь увѣрить Военную Коллегію, что онъ,

---

[12]) Письмо было получено на Яикѣ 3 Августа 1732 года. См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 29, 7.

бывши въ Хивѣ, никого не продавалъ, Мергеневъ сослался на Яицкаго казака Петра Маштакова и Армянина Сергѣя Никитина, находившихся въ это время въ Петербургѣ и сопровождавшихъ Мергенева изъ Хивы въ Яицкій городокъ. Въ заключеніе допросовъ, обвиняемый сказалъ, что «оный комиссаръ (капитанъ Чагинъ) писалъ на него напрасно по злобѣ, что онъ его изъ плѣна не выкупилъ; къ тому же у него, Мамбетя, имѣются родственники на Яикѣ и многіе о немъ знаютъ, что никогда Россійскихъ людей не продавалъ и сіе сказалъ по закону своему сущую правду, а буде что ложно, и за то-бъ учинить ему смертную казнь» [13]). Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Чагинъ, озлобленный на Мергенева, дѣйствительно могъ наклеветать на него, тѣмъ болѣе, что Мергеневъ раньше, какъ мы видѣли, поступилъ совершенно вопреки обвинительному письму,—онъ выкупилъ троихъ плѣнныхъ: князя Вяземскаго, Бородина и Попова. Военная Коллегія, оправдавъ Мамбетя, отпустила его на Яикъ, гдѣ онъ снова предался торговлѣ, нанявшись въ прикащики къ Яицкому казаку Ивану Сидорову Лобику, у котораго, вѣроятно, онъ служилъ и раньше [14]), хотя на допросахъ объ этомъ и умолчалъ. Хозяинъ Мергенева, Ив. Лобикъ бывалъ въ Хивѣ, какъ мы замѣтили выше, и самъ лично, покупая Хивинскіе халаты [15]) и Бухарскія ткани и выкупая своихъ земляковъ за деньги или на товаръ. Такъ, въ 1735 году, находясь въ Хивѣ, Лобикъ выкупилъ изъ плѣна четверыхъ казаковъ [16]) за 690 рубл. Въ Январѣ 1736 года, выкупленные Лобикомъ казаки, находясь въ Петербургѣ въ зимовой станицѣ, между прочимъ доносили Военной Коллегіи: «И увѣдавъ мы, нижеименованные, что пріѣхалъ въ Хиву съ торгомъ Яицкій нашъ казакъ, Иванъ Сидоровъ сынъ Лобикъ, просили его слезно, чтобъ онъ изъ неволи насъ, нижеименованныхъ, выкупилъ, и оной казакъ Лобикъ у означенныхъ [17]) Хивинцевъ, Татаръ насъ выкупилъ, а именно: за меня, Семена Гурьевца, далъ сто девяносто пять рубл., а за меня Романа Якимова, двѣсти двадцать рубл., а за меня, Максима Бердышева, двѣсти рубл., а за меня, Клима Забродина, далъ товаромъ на семьдесятъ на пять рублей. И въ тѣхъ деньгахъ дали мы ему, Лобику, на себя письма, и оной казакъ, Иванъ Сидоровъ, изъ неволи привезъ насъ на Яикъ, и просили мы нижайшіе всего Яицкаго войска, чтобъ мы

---

[13]) Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 29.

[14]) Михаилъ Бородинъ, донося Военной Коллегіи о своемъ выкупѣ изъ плѣна, называетъ Мергенева прикащикомъ Лобика; но очень можетъ быть, что Мергеневъ, выкупая Бородина, не служилъ еще у Лобика, а потомъ, когда Бородинъ доносилъ В. Коллегіи о своемъ освобожденіи изъ плѣна, Мергеневъ уже былъ прикащикомъ Лобика.

[15]) Уральскіе казаки и теперь большіе охотники до халатовъ, особенно форпостные.

[16]) Эти четыре казака были изъ отряда Бековича Черкасскаго.

[17]) Кутлы-есаулъ, Ишметъ-Аталынъ, Чюрюгилди Миросхоръ и Ишметь-мулла.

для прошенія у всемилостивѣйшей Государыни отпущены были съ Яику въ С.-Петербургъ, понеже намъ за бѣдностію такихъ денегъ взять негдѣ, чего для мы, всенижайшіе, и отпущены, такоже и помянутой нашъ откупщикъ обрѣтается нынѣ въ С-Петербургѣ» [18]). Дальше казаки просятъ, по обыкновенію, о награжденіи ихъ «за полонную въ Хивѣ бытность» жалованьемъ и о выдачѣ Лобику уплаченныхъ за нихъ денегъ [19]). Намъ неизвѣстно, получилъ-ли этотъ предпріимчивый казакъ деньги; но жалобъ со стороны его на неудовлетвореніе мы нигдѣ не встрѣчали.

Кромѣ Лобика, бывали въ Хивѣ и другіе казаки; такъ, напримѣръ, Мергеневъ показалъ, что онъ ѣхалъ изъ Хивы вмѣстѣ съ Яицкимъ казакомъ, Петромъ Трофимовымъ Маштаковымъ. Посѣщалъ Хиву и Яицкій казакъ Иванъ Аѳанасьевъ, который, бывши въ Хивѣ, выкупилъ за 120 р. своего земляка Парѳена Игнатьева [20]); изъ показаній Ревки было видно, что въ двадцатыхъ годахъ XVIII ст. былъ въ Хивѣ Яицкій казакъ Иванъ Кулага, уличавшій своихъ земляковъ Зѣвакина и Силишнина въ продажѣ въ Хиву двухъ дѣвицъ изъ казачекъ. Но для насъ непонятенъ тотъ индеферентизмъ Яицкаго войска, которымъ оно отличалось по отношенію къ Хивинскимъ плѣнникамъ изъ своей же среды. Зная, что нѣкоторые изъ казаковъ бываютъ въ самой Хивѣ и видятся съ плѣнными, а сострадательные освобождаютъ ихъ изъ неволи на свои деньги, войско, для выкупа послѣднихъ, какъ говорится, не послало ломанаго гроша изъ общихъ войсковыхъ доходовъ или изъ своего скарба; по крайней мѣрѣ, мы не встрѣчали объ этомъ никакого свидѣтельства; тоже замѣчаетъ и полковникъ Курилинъ [21]), издатель матеріаловъ къ исторіи Уральскаго войска. Предпріимчивый и сострадательный Лобикъ и сердобольный Иванъ Аѳанасьевъ не нашли себѣ подражателей въ этомъ случаѣ и стоятъ одиноко въ исторіи Яицкаго войска. Но если несчастные плѣнники были забыты своими собратьями по оружію, то ихъ печальная участь трогала другихъ частныхъ лицъ, даже неединовѣрныхъ имъ Мусульманъ: Мергеневъ, какъ мы уже знаемъ, выкупилъ въ числѣ плѣнныхъ и Яицкаго казака Бородина; Астраханскій Татаринъ Кульдишъ выкупилъ Яицкаго казака Никиту Бородина за 500 рублей [22]). Несчастная участь Русскихъ плѣнниковъ трогала иногда даже самихъ Хивинцевъ; такъ, напримѣръ, Хивинскій купецъ Абдулъ-Гасы-Бекъ выкупилъ изъ плѣна Яицкаго казака

---

18) См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 30.
19) Тамъ же.
20) Тамъ же № 35, стр. 4.
21) Тамъ же № 30, 7.
22) Тамъ же № 31, 7.

Ивана Акимова [23]). Кромѣ вышеозначенныхъ десяти лицъ [24]), изъ Хивинскаго плѣна вышли: есаулъ Григорій Ивановъ въ 1723 году; прапорщикъ Михаилъ Степановъ—въ томъ же году; Яицкіе казаки: Степанъ Петровъ въ 1722 году, Василій Кирпишниковъ въ 1729 г., Андрей Ивановъ и Петръ Петровъ въ 1731 году [25]). Три казака спаслись бѣгствомъ, вскорѣ по смерти Бековича, именно: Ѳедоръ Емельяновъ, Михаилъ Бѣлотѣлкинъ и Даніилъ Галактіоновъ; но послѣдній казакъ, пробывъ три года въ Хивинскомъ плѣну, попалъ потомъ въ плѣнъ къ Киргизамъ, гдѣ томился семь лѣтъ; затѣмъ шесть лѣтъ находился въ плѣну у черныхъ Киргизовъ, откуда былъ освобожденъ маіоромъ Леонтьемъ Угрюмовымъ и привезенъ въ Сибирь, а изъ Сибири пришелъ уже на Яикъ въ 1733 году [26]). По бумагамъ Уральскаго Войсковаго Архива видно также, что изъ Хивинскаго плѣна вышли еще казаки: Василій Ивановъ, Осипъ Павловъ и Романъ Шпыревъ, которымъ, на основаніи указа императрицы Анны 1732 г., велѣно было выдать изъ Штатсъ-Конторы, за полонное ихъ въ Хивѣ терпѣніе каждому по 10 рублей [27]). Видно также, что положеніе Русскихъ плѣнныхъ въ Хивѣ дѣйствительно было нелегко: большинство ихъ легли тамъ костьми, а нѣкоторые погибли въ степи, во время бѣгства изъ плѣна на родину. Такъ, напримѣръ, казакъ Степанъ Сластинъ, возвращаясь на Яикъ, умеръ на пути; не смотря на это, правительство приказало выдать «за его полонное терпѣніе» жалованья 10 р. его дѣтямъ [28]).

Иногда казаки, вышедшіе изъ Хивинскаго плѣна, погибали въ виду своей родной земли. Разсказовъ объ этомъ сохранилось среди казаковъ не мало, а вотъ и пѣсня, указывающая на плѣнника, вырвавшагося изъ Хивы, и потонувшаго въ волнахъ быстраго Урала.

„Какъ шли двое невольниковъ
Изъ неволи,
Изъ той орды изъ проклятой,
Изъ Хивинской;

---

23) Тамъ же № 35, стр. 4.

24) Князь Вяземскій, М. Бородинъ, Поповъ, Семенъ Гурьевецъ, Романъ Якимовъ, Максимъ Бердышевъ, Климъ Забродинъ, Парѳенъ Игнатьевъ, Никита Бородинъ и Ив. Якимовъ.

25) См. доношеніе „въ Государственную Военную Коллегію войска Яицкаго казаковъ: Ивана Екимова, Парѳена Игнатьева, Петра Петрова и Василія Кирпишникова, отъ 28-го Ноября 1731 г., напеч. въ Урал. Войск. Вѣд. 1869 г., № 35, 4

26) См. его доношеніе въ Военную Коллегію въ Январѣ 1736 года въ Урал. Войск. Вѣд. 1869 г, № 30, стр. 5 и 6.

27) Выходившимъ изъ плѣна при Петрѣ Великомъ выдавали по два портища сукна (отдирокъ на кафтанъ). См. тамъ же № 35, 4.

28) Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 32, 5.

Пришли они ко быстрой рѣкѣ
Ко Уралу.
На ту пору Уралъ рѣка
Возмутилась;
Съ пескомъ она да (съ) желтенькимъ
Посмѣшалась;
Ледкомъ она тоненькимъ
Сомыкалась;
Снѣжкомъ она да бѣленькимъ
Покрывалась.
Одинъ изъ нихъ пустился въ путь
Черезъ рѣчку;
Онъ правой своей ножкой въ снѣгъ
Становился,
И только что успѣлъ онъ въ ледъ
Упереться,
Какъ бѣленькій снѣжочикъ вдругъ
Распахнулся,
А тоненькій ледочекъ вкругъ
Обломился:
Удалый добрый молодецъ сталъ
Тонути;
Товарищу онъ взгаркнулъ тутъ
Благимъ матомъ:
„Ты гой еси, товарищъ-другъ,
Братъ названый,
Не дай ты мнѣ въ мои года
Жалко сгибнуть;
Бѣги да протяни скорѣй
Праву руку!...
—„И радъ бы я тебѣ
Протянути,
Да ручка-то теперь моя
Коротенька,
А быстра Уралъ рѣчушка
Глубоконька“.

Такимъ образомъ, изъ несчастной экспедиціи Бековича Черкасскаго, кромѣ двоихъ или троихъ казаковъ, упоминаемыхъ въ журналѣ Петра Великаго, спаслись и нѣкоторые другіе, имена и фамиліи которыхъ мы привели выше [29]).

Со времени основанія Оренбурга и открытія въ немъ ярмарки, Яицкіе казаки стали являться сюда съ различными произведеніями своей страны, какъ-то: съ рыбой, икрой, клеемъ, вязигой и т. п. Съ низовьевъ Яика везли въ Оренбургъ кабаньи туши и клыки, сайгачьи кожи и рога, а также корсачьи, лисьи, волчьи и другіе мѣха, лебяжьи

[29]) Всего у насъ значится 22 чел., но изъ нихъ исключены кн. Вяземскій и Самарскій житель Поповъ, какъ не принадлежавшіе къ Яицкому войску, и Михаилъ Бородинъ, попавшій въ плѣнъ послѣ экспедиціи Бековича, именно въ битвѣ съ Киргизами при Утвѣ.

шкурки и т. п.; а нѣкоторые изъ казаковъ живьемъ ловили беркутовъ и ястребовъ и промѣнивали на медъ и скотъ Башкирамъ и Киргизамъ, которые старались запасаться птицами для охоты на волковъ, лисицъ и корсаковъ [30]). Со времени открытія мѣновой торговли въ Оренбургѣ, Яицкіе казаки научились понимать дѣйствительную стоимость мѣховъ и звѣриныхъ шкуръ, въ замѣнъ которыхъ они могли теперь получать различные предметы, необходимые въ ихъ жизни; поэтому охота ва звѣрей и птицъ сдѣлалась любимымъ и наиболѣе распространеннымъ промысломъ между казаками, послѣ рыболовства.

Съ развитіемъ и улучшеніемъ торговли, стали развиваться и промыслы. Промышленная дѣятельность Яицкаго войска, помимо «дуванныхъ» промысловъ [31]), была главнымъ образомъ обращена на природныя богатства края: казаки косили сѣно, ловили звѣрей и птицъ, разводили домашній скотъ, рубили лѣсъ, гнали смолу, ловили рыбу и т. п. Рыболовство, какъ и нынѣ, составляло тогда одинъ изъ важнѣйшихъ промысловъ Яицкаго войска. «Все оное войско,— писалъ Неплюевъ въ Военную Коллегію,—содержаніе и пропитаніе имѣетъ и къ службѣ Ея Императорскаго Величества надлежащую справу получаетъ отъ рыбной въ Яикѣ рѣкѣ ловли, и для этого изъ города въ годъ по трижды отъѣзжаетъ» [32]). Весною, въ Апрѣлѣ и Маѣ, Яицкіе казаки производили, какъ и теперь, весеннее севрюжное рыболовство, которое иногда продолжалось по Іюль мѣсяцъ. Съ перваго Октября у казаковъ начиналось осеннее рыболовство, извѣстное и доселѣ подъ названіемъ «плавни», и продолжалось недѣли четыре. Съ конца Ноября казаки принимались за неводное рыболовство и вели его въ теченіе трехъ недѣль, а съ началомъ зимы (особенно въ Январѣ) обращались къ самому важному изъ рыболовствъ, такъ-называемому «багренью», которое продолжалось до Марта. Между багреньемъ и весеннимъ рыболовствомъ, а также между послѣднимъ и плавней, казаки отправлялись за хлѣбомъ въ Самару, Сызранъ и другіе города, такъ какъ у нихъ, по замѣчанію Неплюева, «при Яицкомъ городкѣ пашенъ не бывало и нѣтъ, да и быть едва возможно-ль, ибо земля весьма сухая, глинная или песчаная и къ пашнѣ, видится, неудобная» [33]).

Неводное рыболовство, какъ и теперь, производилось по одиночкѣ, кто гдѣ желалъ; прочія же рыболовства начинались около Яицкаго

---

[30]) Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. ч. I, 330; ч. II, 155; см. также въ I-й ч. стр. 285, 289, 292, 302 и 305.

[31]) Т.-е. грабежи казаками Киргизъ и другихъ народовъ, что казаки называли также „военнымъ промысломъ“.

[32]) Смотри въ Ур. в. арх. (по описи № 3, стр. 8) „Изъясненіе сомнѣніямъ къ учрежденію о Яицкомъ войскѣ“. Извлечено изъ Арх. В. Коллегіи, Каз. пов. кн. № 141, стр.4—35.

[33]) Тамъ же.

городка и шли вплоть до Гурьева, на протяженіи 500 верстъ [34]); въ нихъ должно было участвовать все войско, за исключеніемъ 300 казаковъ, остававшихся въ городѣ для карауловъ и предосторожности отъ нападенія Киргизовъ. Не должна была участвовать въ этихъ рыболовствахъ и такъ-называемая «домосѣдная команда», т.-е. люди, завѣдывавшіе въ войскѣ административною и письменною частью, а также православное и магометанское духовенство. Изъ указа отъ 15 Декабря 1765 г. [35]) видно, что къ домосѣдной командѣ принадлежали: войсковой атаманъ, присутствовавшіе въ Войсковой Канцеляріи старшины и состоявшіе при нихъ: писаря, сотники, толмачи, повѣренные, канониры, кузнецы и сторожа; сюда же принадлежали отставные, малолѣтніе, священники, церковники, Татарскіе муллы и пономари; вообще такихъ лицъ насчитывалось въ войскѣ отъ 60 до 70 человѣкъ. Всѣ эти лица получали изъ войсковыхъ сборовъ «домосѣдныя деньги» или «денежное награжденіе» съ обязательствомъ никуда не отлучаться отъ своихъ мѣстъ, во все время нахожденія войска на рыболовствѣ. Но это обязательство не всегда соблюдалось членами домосѣдной команды, что, какъ увидимъ, вызвало недовольство народной партіи въ отношеніи къ войсковому атаману Бородину.

Занимаясь рыболовствомъ, Яицкіе казаки выработали очень сложныя, но безпристрастныя правила рыболовста, разсчитанныя на то, чтобы каждый казакъ имѣлъ одинаковую возможность пріобрѣтать средства къ жизни и царской службѣ отъ рыбныхъ промысловъ. Неплюевъ, желавшій переустройства и улучшенія Яицкаго войска почти во всѣхъ его частяхъ, относительно рыболовства замѣчаетъ въ своемъ проэктѣ: «Что до рыбнаго промысла принадлежитъ, то оный у нихъ основанъ на довольной эксперименціи, такъ что въ томъ никакого особеннаго учрежденія, кромѣ ихъ стараго обыкновенія, видится, не потребно; толь наипаче, что все то войско, бывая притомъ въ назначенныя имъ времена, находится оружейно, слѣдственно не только безопасны, но и къ содержанію форпостовъ не мало тогда способствуютъ. Итакъ все сіе оставляется на разсужденіе войсковаго атамана и старшинъ, которые, совѣтуясь между собою, и въ томъ, яко общенародномъ, ихъ дѣлѣ, собирая войсковые ихъ круги, могутъ поступать по ихъ свѣ-

---

[34]) Въ настоящее время существуютъ для всякаго рыболовства по р. Уралу извѣстные рубежи или предѣлы, дальше которыхъ рыболовство не производится, напр. багренье начинается отъ Уральска и идетъ до Калмыковской крѣпости; весенняя плавня начинается ниже Уральска верстъ на 230, близъ Антоновскаго или Кругловскаго форпоста, и идетъ до моря; осенняя плавня начинается съ Каленовскаго форпоста, верстъ на 200 ниже Уральска и т. п.

[35]) См. въ Ур. в. арх. по описи № 67 стр. 2 и далѣе.

дѣнію и искусству. На учужную забойку и на будары потребный лѣсъ, ежель онаго въ назначенныхъ имъ мѣстахъ доставать будетъ невозможно, то со временемъ позволять изъ Сакмары рѣки доставать; токмо для береженья, чтобы Оренбургъ лѣсомъ не оскудить, смотрѣть, дабы оные на другія потребы излишняго тамъ не могли рубить» [36]). Такимъ образомъ Неплюевъ, принимая во вниманіе «эксперименцію» рыболовства Яицкаго войска, оставилъ его въ полной неприкосновенности. Дозволеніе рубить лѣсъ по рѣкѣ Сакмарѣ повело впослѣдствіи, какъ увидимъ, къ столкновенію казаковъ съ своимъ умнымъ и уважаемымъ начальникомъ.

Первоначально Яицкое войско занималось рыболовствомъ исключительно по рѣкѣ Яику, въ которомъ рыбы было, по выраженію самихъ казаковъ, «какъ сору», такъ что, въ случаѣ неурожая травъ, казаки иногда кормили рыбою даже и свой скотъ; но впослѣдствіи Яикъ-Горынычъ сталъ оскудѣвать: устье его стало засариваться пескомъ, иломъ и ракушей; глубокіе рукава, которыми онъ соединялся съ моремъ, начали пересыхать, и потому устье Яика сдѣлалось уже не такимъ богатымъ проводникомъ рыбы изъ моря, какъ прежде. Между тѣмъ народонаселеніе въ войскѣ умножалось, нужды и потребности казаковъ возрастали, песчаная или солонцевато-глинистая почва не могла пропитать и трети всего населенія.

Отправляясь на севрюжное рыболовство, казакъ долженъ былъ, какъ и нынѣ, имѣть сѣть и будару съ необходимыми принадлежностями (веслами, нашестями и т. п.), по крайней мѣрѣ, два ручныхъ багра, подбагренникъ (маленькій багоръ), лошадь съ упряжкой и повозкой для провіанта, лошадь для перевозки будары и рыболовныхъ принадлежностей; для надсмотра за лошадьми нанять работника, а въ помощь себѣ весельщика [37]). Осенняя плавня требовала отъ казака, кромѣ лошадей и работниковъ, съ ихъ содержаніемъ и будары съ весельщикомъ, нѣсколько паръ ярыгъ [38]), кожаныхъ запоновъ, завоекъ, голицъ и т. п. Къ багренью нужно было припасти нѣсколько багровъ, подбагренниковъ, пѣшню, лопату, багренные сапоги съ онучами; нужно заготовить на три или четыре недѣли содержанія для двухъ лошадей и двухъ работниковъ и т. п. Безъ сомнѣнія, всѣ эти расходы требовали денегъ; а иногда случалось, что несчастный казакъ, находясь въ водѣ 3 или 4 недѣли, не покры-

---

[36]) См. въ Ур. в. арх. № 3, стр. 35 и 36, § 16: „О рыбныхъ и прочихъ войсковыхъ промыслахъ“.

[37]) Весельщикомъ называется казакъ, котораго хозяинъ рыболовства нанимаетъ въ гребцы. Если въ одной бударѣ два гребца, то они называются „двойчатки“; одинъ гребецъ— одинецъ; отсюда и выраженіе: „онъ нанялся въ двойчатки, въ одинцы“. Одинцы берутъ отъ 70 до 100 рублей за все время рыболовства.

[38]) Особаго рода сѣть на подобіе мѣшка.

валъ и расходовъ, сдѣланныхъ имъ по снаряженію на рыболовство [39]). Но особенно непріятно было Яицкому войску существованіе Гурьевскихъ учуговъ, затруднявшихъ проходъ рыбы изъ моря въ р. Яикъ. Не мало досаждали Яицкимъ казакамъ и Астраханскіе рыбопромышленники. Вотъ эти-то обстоятельства и были причиною того, что Яицкое войско обратило вниманіе на устье Яика, чтобы забрать его въ свои руки, и на прибрежье Каспійскаго моря, гдѣ впослѣдствіи развилось Аханное и Курхайское рыболовства [40]).

Намъ уже извѣстно, что заселеніе Нижне-Яицкой линіи было начато при Неплюевѣ, благодаря заботамъ котораго возникла и вся линія форпостовъ отъ Уральска до Гурьева. Но заселеніе нижняго Урала не было для казаковъ расширеніемъ ихъ владѣній, которое бы они считали своею выгодою, а скорѣе это расширеніе было наложенною обязанностію, хотя и принятою ими добровольно, во избѣжаніе бо́льшаго зла, чтобы низовья ихъ кормильца Яика не перешли въ чужія руки. Вслѣдствіе этого Яицкіе казаки долгое время должны были смотрѣть на свои низовые форпосты, какъ на колоніи, и ревностно слѣдить за тѣмъ, чтобы эти колоніи не могли повредить ихъ метрополіи, ихъ коренному гнѣздышку — Яицкому городку. Отсюда вытекали и протесты Яицкихъ казаковъ противъ развитія независимаго отъ нихъ низоваго рыболовства, особенно же морскаго. Неплюевъ, какъ мы знаемъ, настоялъ на томъ, чтобы Гурьевскіе учуги были отворены для Яицкихъ казаковъ на 8 саженъ съ каждаго берега; но Гурьевцы, изъ корыстныхъ расчетовъ, не хотѣли въ точности исполнить этого опредѣленія Сената [41]). Въ Февралѣ 1750 г. Яицкое войско узнало, что въ Гурьевскихъ учугахъ не существуетъ того отлома, какой предписывался указомъ 18 Марта 1743. Для изслѣдованія дѣла отъ войска былъ отправленъ старшина Михаилъ Бородинъ, который, при содѣйствіи походнаго атамана Зѣвакина, нашелъ, что одна сторона учуга была выведена почти на берегъ, а съ другой проходъ оставленъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ глубина была не болѣе двухъ четвертей. Яицкое войско довело объ этомъ до свѣдѣнія В. Коллегіи, которая вновь предписала отворить учугъ «изъ настоящаго теченія Яика рѣки по 8 саж. съ каждой стороны». Но Неплюевъ понималъ всѣ невыгоды, какія испытывали Яицкіе казаки отъ того, что Гурьевскіе учуги находились не въ ихъ рукахъ, и еще

---

39) Каждое рыболовство стоитъ казаку свыше 100 р. если принять во вниманіе всѣ расходы.

40) Съ 1823 г., съ дозволенія высшаго начальства, казаки стали заниматься рыболовствомъ въ озерѣ Чаркалѣ (Чаркальское рыболовство), находящемся въ Киргизской степи, въ 80-ти верстахъ отъ Уральска. Чаркальское рыболовство производится два мѣсяца; для него казаки складываются человѣкъ по 10 и по 12-ти, такъ-какъ расходы по этому рыболовству весьма значительны.

41) П. С. З. т. XIII, № 9689.

болѣе, разумѣется, сознавали это сами казаки, такъ какъ рыболовство составляло тогда главный и почти единственный промыселъ казаковъ, дававшій имъ средства къ жизни и службѣ царской. Вслѣдствіе этого Неплюевъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ тому, чтобы Гурьевскіе учуги вовсе были уничтожены и рѣка-Яикъ перешла въ исключительное пользованіе Яицкаго войска. Не дремали и сами казаки.

Неплюевъ вошелъ въ сношеніе съ В. Коллегіей,—не угодно ли ей сдѣлать представленіе въ Сенатъ объ отдачѣ Гурьевскихъ учуговъ на откупъ Яицкому войску за 4655 р. 91 коп., а бывшую въ Гурьевѣ таможню и кабакъ Неплюевъ предлагалъ передать въ вѣдомство Оренбургской Губернской Канцеляріи. Военная Коллегія сообщила о томъ Сенату, который, затребовавъ обстоятельныя свѣдѣнія на этотъ счетъ отъ Неплюева, объявилъ торги на Гурьевскіе учуги въ Москвѣ и другихъ городахъ.

Яицкое войско отправило на торги старшину Андрея Глазунова, а Неплюевъ въ тоже время представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе относительно отдачи Гурьевскихъ учуговъ на откупъ Яицкому войску, въ которомъ такъ основательно доказалъ всѣ выгоды отъ этой отдачи, что Сенатъ не могъ не согласиться съ его доводами. Въ половинѣ Сентября 1752 г., въ Камеръ-Коллегіи былъ заключенъ съ Яицкимъ войскомъ контрактъ, по которому войско имѣло право уничтожить Гурьевскіе учуги [42]. Въ контрактѣ не говорится, почему именно положено уничтожить Гурьевскіе учуги; но, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, можно предполагать, что это болѣе соотвѣтствовало интересамъ казаковъ, чѣмъ непосредственное пользованіе Гурьевскими учугами, тѣмъ болѣе, что близъ Яицкаго городка существовалъ особый учугъ, не допускавшій прохода рыбы къ Илецкимъ казакамъ [43].

Согласно съ мнѣніемъ Камеръ-Коллегіи, Яицкое войско обязалось уплачивать за учуги и рыбныя ловли по 4692 р. 69⅓ к. ежегодно, а за таможенный и кабацкій сборы по 754 р. 10 коп., всего же 5446 р. 79⅓ к. [44]. Кромѣ того, на войско налагались и другія обязанности:

---

[42]) Память о Гурьевскихъ учугахъ доселѣ сохранилась въ названіи „Учукъ-кала", которымъ величаютъ Гурьевъ Киргизы: Учукъ кала значитъ городъ учуговъ. См. Уральцы, ч. 2, 67.

[43]) Г. Данилевскій въ „Ист. Уральскаго рыболовства" замѣчаетъ, что впослѣдствіи (т. е. послѣ 1752 г.) учугъ былъ перенесенъ къ Уральску, но что онъ ничего не могъ узнать о времени перенесенія учуга къ Уральску ни изъ документовъ, ни изъ устныхъ преданій; между тѣмъ какъ учугъ чрезъ Яикъ, при Яицкомъ городкѣ, существовалъ уже въ 1748 г., какъ это видно изъ доношенія Неплюева въ В. Коллегію отъ 8 Ноября 1748 г. См. Ур. в. арх. № 3, ст. 8 на об.

[44]) Въ настоящее время Уральское войско ежегодно вноситъ въ казну за рыболовство по р. Уралу 1340 р. 77 к. сер. или 4662 р. 69½ коп. на ассигнаціи.

1) если въ Гурьевѣ или близъ него есть мѣста, удобныя для ловли рыбы, то въ тѣхъ мѣстахъ какъ самимъ казакамъ, такъ и партикулярнымъ промышленникамъ, ни подъ какимъ видомъ противъ Гурьева городка и прочихъ урочищъ нигдѣ рыбы не ловить; 2) рыбу, икру, вязигу и прочіе рыбные продукты въ этихъ мѣстахъ не приготовлять и къ лову не только «Россійскихъ людей, но и Калмыковъ не допускать»; 3) не доставлять въ Астрахань ни рыбы, ни рыбныхъ продуктовъ на смѣну и продажу, подъ угрозою за неисполненіе взысканія штрафа безъ отговорокъ; 4) если бы допущенными злоупотребленіями былъ нанесенъ казнѣ ущербъ по таможенному и винному сбору въ Астрахани, то весь происшедшій при этомъ недоборъ въ доходахъ падалъ на Яицкое войско; 5) вино войско обязано было покупать на Великороссійскихъ винныхъ заводахъ по добровольному договору съ заводчиками и о томъ, съ кѣмъ оно войдетъ на этотъ счетъ въ соглашеніе, объявлять въ Оренбургской Губернской или Симбирской [45]) Провинціальной Канцеляріи и сверхъ того количества, на какое будетъ заключенъ подрядъ, вина и водокъ въ войско отнюдь не привозить; 6) вино и водку продавать по Астраханской цѣнѣ, съ тѣми же прикладными деньгами, сверхъ откупа, и отдавать послѣднія въ казну сполна; въ Астраханскую губернію и въ урочища изъ Гурьева-городка винà и водокъ не продавать подъ страхомъ взысканія по указамъ; 7) если, по какимъ либо соображеніямъ, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ разрѣшитъ нѣсколькимъ Калмыцкимъ кибиткамъ кочевать при р. Яикѣ у Гурьева-городка, то дозволить имъ ловъ рыбы для собственнаго пропитанія, а не для продажи, въ мѣстахъ, указанныхъ имъ войскомъ; 8) съ вывозимой изъ войска въ Великороссійскіе города соленой красной рыбы и икры взыскивать, вмѣсто прежней десятой доли, одну пятую долю [46]).

Получивъ устье р. Яика въ свое распоряженіе, Яицкое войско уничтожило здѣсь учугъ, затруднявшій проходъ рыбы изъ моря и старалось какъ можно лучше содержать учугъ подъ Яицкимъ городкомъ, заботясь всячески о томъ, чтобы рыба не могла идти дальше и попадать въ руки Илецкихъ казаковъ. Для запора этого учуга, какъ мы видѣли, Неплюевъ дозволилъ казакамъ, въ случаѣ надобности, рубить лѣсъ по р. Сакмарѣ; но въ 1750 годахъ, желая удовлетворить существеннымъ нуждамъ мѣстныхъ жителей, Неплюевъ запретилъ въ означенныхъ мѣстахъ казакамъ рубить лѣсъ. Вслѣдствіе этого возникаетъ долгая переписка между войскомъ, Военной Коллегіей и Неплюевымъ. Неплюевъ въ данномъ случаѣ отстоялъ свое мнѣніе, склонивъ на свою сторону и Военную Кол-

---

[45]) Прежде, по указу имп. Анны Ивановны, Яицкое войско получало вино съ Симбирскихъ казенныхъ заводовъ, ежегодно по сту ведеръ.

[46]) П. С. З., т. XIII, №№ 9689 и 9988 и сличи Ур. В. Вѣд. за 1872 г. № 31.

легію, что̀, разумѣется, не могло нравиться казакамъ, хотя Неплюевъ много и постоянно о нихъ заботился.

Не подлежитъ также сомнѣнію и то, что Яицкіе казаки при Неплюевѣ владѣли уже и морскимъ рыболовствомъ, хотя оно и утверждено за ними окончательно только въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Неплюеву не разъ приходилось мирить казаковъ съ Астраханскими рыбопромышленниками, которые постоянно отстаивали свои права на рыбныя ватаги и учуги. Въ Астрахани въ это время было до 23-хъ ватажниковъ, и у инаго купца, на его ватагѣ, промышляло до 1500 рабочихъ: таковы были Тихонъ Лашкаревъ и Ѳедоръ Кобятовъ. Здѣсь также были и богатыя рыбныя ловли, принадлежавшія Астраханскому Спасскому монастырю [47]). Правительство, съ цѣлію умноженія доходовъ, устроило въ 1743 г. даже особое управленіе казенными рыбными промыслами на низовьяхъ Волги и Яика [48]); главнымъ командиромъ Астраханской рыбной конторы былъ назначенъ вице-президентъ Раевскій, подъ вѣдѣніемъ котораго находились начальники Саратовской и Гурьевской рыбныхъ конторъ; въ товарищи Раевскому былъ назначенъ Московскій купецъ Мыльниковъ на пять лѣтъ, впредъ до усмотрѣнія; на увеличеніе и размноженіе промысловъ ассигновано было 55 т. р., и Мыльниковъ обязался доставлять казнѣ ежегодной прибыли не менѣе 50 т. р.

Вблизи Гурьева-городка въ описываемое время находились рыболовныя ватаги Астраханскаго купца Петра Туркина и Красноярскаго—Якова Вакурова [49]), взятыя ими на три года [50]) въ аренду отъ Астраханской рыбной конторы, которая и выдала имъ «памяти» или свидѣтельства.

Яицкіе казаки узнали о существованіи этихъ ватагъ въ 1755 г., во время севрюжьяго рыболовства, отъ атамана сотенной команды Ив. Акутина, который, однакожъ, не могъ съ точностію опредѣлить мѣсто нахожденія купеческихъ ватагъ. Старшина Андрей Мироновъ, бывшій походнымъ атаманомъ на севрюжномъ рыболовствѣ, предполагая, что «отъ оной ватаги войску Яицкому не безъ препятствій», немедленно донесъ о томъ войсковому атаману, Андрею Бородину. Сей послѣдній, предписавъ выбрать въ кругу «настоящихъ и знающихъ» людей, приказалъ произвести слѣдствіе. Войско избрало въ слѣдственную комиссію войсковыхъ старшинъ Осипа Уфимцева и Якова Колпакова и есауловъ Максима Пачколина и Михаила Се-

---

47) Поповъ. „Татищевъ и его время", стр. 361.

48) П. С. З., № 8730. Сличи „Исторія Россія" Соловьева т. XXI, стр. 250, а также Ж. М. В. Дѣлъ 1858 г., ч. 28, 115.

49) Въ Уральскихъ В. Вѣдомостяхъ (1873 г. № 21-й) Вакуровъ названъ ошибочно Сокуровымъ.

50) Съ 1754 по 1757 г.

врюгина, которые, исполнивъ возложенное на нихъ порученіе, донесли, что по прибытіи ихъ въ Гурьевъ-городокъ, они попросили бывшаго тамъ комендантомъ капитана Рогова дать имъ 4-хъ казаковъ изъ мѣстной команды; въ сопровожденіи этихъ казаковъ и Астраханца Ивана Григорьева Шарова, они отправились въ небольшой лодкѣ и, по указанію Шарова, на рѣчкѣ Черной [51]), противъ слюдныхъ горъ, верстахъ въ 8 отъ Гурьева, дѣйствительно нашли ватагу, на мѣстѣ которой были выстроены сосновый амбаръ и лабазъ, покрытые и обнесенные камышомъ. По осмотру, произведенному слѣдователями, въ этихъ строеніяхъ, кромѣ сѣтей и другихъ рыболовныхъ снарядовъ, оказались запасы соли и посуды для соленія рыбы. Одинъ изъ рабочихъ, находившійся на ватагѣ, заявилъ слѣдователямъ, что хозяинъ ватаги—Астраханскій купецъ Петръ Туркинъ, который въ настоящее время отправился съ рыбой въ Астрахань. Отъ найденной слѣдователями ватаги къ устью Яика текли четыре ерика: Калмыцкій, Подстепный, Стрѣлецкій и Прорва, а самая ватага находилась отъ устья Яика верстъ на 7 или 8-мь. Кромѣ того, въ это же время было обнаружено, что въ самомъ Уралѣ производятъ ловъ рыбы солдаты Гурьевскаго гарнизона, о чемъ тогда же и было доведено до свѣдѣнія Гурьевскаго коменданта Рогова. Мѣсто нахожденія второй ватаги слѣдователи показали приблизительно въ 20 верст. отъ Гурьева, гдѣ не подалеку впадали въ море вышепоказанные ерики, а въ 10 верстахъ протекалъ Баксайскій ерикъ. Такъ какъ вблизи этихъ ватагъ, кромѣ ильменей съ стоячею водою, другихъ рыболовныхъ мѣстъ не было, то слѣдователи заключили, что Туркинъ и Вакуровъ производятъ ловъ рыбы въ поименованныхъ ерикахъ. Во время переѣздовъ по ватагамъ, слѣдователи имѣли при себѣ, въ качествѣ посторонняго свидѣтеля, кондуктора Петра Протопопова. Выборные препроводили къ войсковому атаману и копіи съ «памятей», выданныхъ хозяевамъ ватагъ, которыя нарочито были ими вытребованы изъ Астраханской рыбной конторы. На сколько можно судить по этимъ «памятямъ», условія, заключенныя ватажниками съ конторой, весьма были стѣснительны для рыбопромышленниковъ; такъ напримѣръ, весь клей, добытый ими изъ наловленной рыбы, они обязывались обработывать только однимъ опредѣленнымъ образомъ [52]), по тѣмъ образчикамъ, которые выдавались имъ изъ конторы; кромѣ того, не имѣли права продавать его на сторону, а весь безъ утайки и безденежно должны были сдавать въ казну; икру позволялось дѣлать только зернистую и ни въ какомъ другомъ видѣ этотъ продуктъ въ продажу не велѣно выпускать,

---

[51]) Рѣчка Черная соединяла тогда рѣку Уралъ съ Каспійскимъ моремъ и, имѣя до трехъ саж. глубины, отличалась быстрымъ теченіемъ воды, какъ доносили объ этомъ слѣдователи.

[52]) Такъ называемымъ „скончатымъ" образомъ.

подъ угрозою строгой отвѣтственности, Подобныя стѣсненія рыбопромышленниковъ повели къ тому, что открылась контрабандная продажа клея и икры и, какъ думаютъ нѣкоторые [53]), въ немалыхъ размѣрахъ. Такъ въ Іюлѣ 1755 г., верстахъ въ 25-ти отъ Яицкаго городка, въ Чаганскихъ вершинахъ, было задержано 10 подводъ съ рыбьимъ клеемъ, по 25 пудовъ на каждой, слѣдовательно 250 пудовъ [54]). Принимая за основаніе показанія вощиковъ, можно предположить съ достовѣрностію, что клей этотъ былъ отправленъ съ вышепомянутыхъ ватагъ Туркина и Вакурова.

Войсковой атаманъ донесъ обо всемъ В. Коллегіи, приложивъ при этомъ и копіи съ «памятей» и съ показаній вощиковъ, задержанныхъ съ клеемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, атаманъ не упустилъ благопріятнаго случая заявить В. Коллегіи, что «въ этотъ годъ на весеннемъ рыболовствѣ былъ въ рыбѣ великій недоловъ, отъ чего войску Яицкому причинилось крайнее раззореніе и недостатки», и что плату за Гурьевскіе учуги оно было вынуждено сбирать «по себѣ и платить съ пуста» и что В. Коллегіи «довольно извѣстно, что войско Яицкое только отъ рыбной ловли все свое содержаніе имѣетъ и на томъ весь корпусъ содержится, а иныхъ никакихъ промысловъ не имѣетъ». Въ заключеніе атаманъ просилъ отъ лица всего войска, чтобы о ватагахъ произведено было слѣдствіе Оренбургской и Астраханской Губернской Канцеляріей, ватаги уничтожить, «а нанесенные войску чрезъ недоловъ рыбы и напрасную плату за Гурьевскіе учуги, убытки, съ кого будетъ слѣдовать, взыскать». Военная Коллегія заподозрила въ выдачѣ «памятей» на эти ватаги подлогъ, такъ какъ дозволеніе Астраханской рыбной конторы завести въ означенныхъ мѣстахъ частныя ватаги прямо противорѣчило 19 пункту контракта, заключеннаго съ Яицкимъ войскомъ; дѣло было передано въ Камеръ-Коллегію. Астраханской и Оренбургской Канцеляріямъ было предписано произвести наистрожайшее слѣдствіе, при чемъ отъ войска должны были присутствовать старшина и особый депутатъ, и, по изслѣдованіи, «нанесенные войску Яицкому убытки, съ кого надлежитъ, взыскать, войско немедленно удовлетворить и съ виновными поступить по указамъ, безъ всякаго упущенія». Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, чтобы въ означенныхъ мѣстахъ ватагъ, а равно и рыбной ловли, не было.

Причины столкновеній Яицкихъ казаковъ съ Астраханскими рыбопромышленниками, очевидно, заключались въ томъ, что правительство, отдавая Яицкому войску на откупъ рыбныя ловли, не обозначило точнымъ образомъ, какой кругъ дѣйствій должны имѣть Саратовская и Астраханская рыбныя конторы; опредѣленной грани

---

53) Смотри Ур. В. Вѣд. 1873 г., № 21.

54) См. Уральскія Войсковыя Вѣдомости за 1873 г № 21; сличи Рябининъ ч. 1, 187.

между водами тѣхъ и другихъ не было. Чтобы положить конецъ подобнымъ столкновеніямъ на будущее время, Неплюевъ, въ силу предписанія В. Коллегіи, вошелъ въ сношеніе съ Астраханской Губернской Канцеляріей о производствѣ слѣдствія касательно ватагъ Туркина и Вакурова. Астраханская Канцелярія назначила отъ себя адъютанта Носкова, а Оренбургская—капитана Толстова, которые, вмѣстѣ съ войсковымъ старшиною Мироновымъ, и должны были произвести слѣдствіе. Толстовъ и Носковъ, по прибытіи на мѣсто ватагъ, заявили, что ватаги, заведенныя купцами Туркинымъ и Вакуровымъ, могутъ быть оставлены подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы ватажники производили ловъ только въ морѣ, противъ Маячнаго бугра, не уклоняясь на лѣво къ Черной рѣчкѣ и на право къ Баксаю, такъ какъ это могло бы помѣшать проходу рыбы упомянутыми рѣчками въ Яикъ. Но Неплюевъ не согласился съ этимъ, находя за лучшее, чтобы вовсе не было ватагъ на этомъ мѣстѣ, такъ какъ существованіе ихъ въ означенныхъ мѣстахъ противорѣчило контракту, заключенному съ войскомъ и могло снова повести къ спорамъ и разбирательствамъ Астраханскихъ рыбопромышленниковъ и казаковъ. Неплюевъ сообщилъ свое мнѣніе въ Камеръ-Коллегію 11 Іюля 1756 г., чрезъ Оренбургскую Губернскую Канцелярію, препроводивъ при этомъ и ландкарту, присланную изъ Астраханской канцеляріи Толстову и полученную отъ него Неплюевымъ; на этой ландкартѣ были нанесены какъ рѣчка Яикъ, и всѣ впадающія въ него и истекающія рѣки, ерики проточные и глухіе, заросшіе камышомъ. Камеръ-Коллегія нашла эту ландкарту невѣрною и потому, 19 Іюля 1757 г., предписала Оренбургской и Астраханской Канцеляріи назначить новую слѣдственную комиссію, составивъ ее изъ товарища Астраханскаго губернатора, одного изъ надежныхъ штабъ-офицеровъ отъ Оренбургской Губернской Канцеляріи и депутата изъ старшинъ Яицкаго войска. Эта новая комиссія, при участіи постороннихъ свидѣтелей изъ Гурьевскихъ жителей, должна была составить вѣрный планъ всѣхъ вышеозначенныхъ мѣстъ и особую ландкарту, обозначивъ, «какіе изъ р. Яика имѣются протоки, ерики и рѣчки, и всѣ-ль они проточные, или изъ нихъ есть глухіе и заросшіе камышомъ», не имѣется ли на этихъ мѣстахъ еще другихъ ватагъ, кромѣ упомянутыхъ, за кѣмъ и на какихъ оброкахъ онѣ состоятъ, въ какомъ разстояніи находятся эти ватаги отъ Гурьева и Яицкаго городка. Таже комиссія обязана была опредѣлить съ точностію, «по какія именно урочища на морѣ» можно было отдавать воды въ оброкъ Астраханской рыбной конторѣ, дабы войску Яицкому «никакаго уже помѣшательства въ ловлѣ рыбы произойти не могло». О своихъ результатахъ комиссія должна была сообщить въ Оренбургскую и Астраханскую Канцелярію, которыя, снесясь между собою, обязаны были о всемъ довести до свѣдѣнія

Камеръ-Коллегіи и, до разсмотрѣнія и окончательнаго рѣшенія этого дѣла, къ лову рыбы въ означенныхъ спорныхъ мѣстахъ никого не допускать.

Неплюевъ назначилъ для производства слѣдствія секундъ-маіора ландмилицкаго Билярскаго полка Останкова, а изъ Астраханской Губернской Канцеляріи отправился Гнѣвашевъ, товарищъ Астраханскаго губернатора. Останкову былъ данъ въ распоряженіе геодезистъ Весельковъ, съ которымъ онъ и долженъ былъ отправиться въ Гурьевъ на войсковой счетъ и, заѣхавъ по дорогѣ въ Яицкій городокъ, взять съ собою депутата отъ войска. Во избѣжаніе невѣрностей при составленіи новой ландкарты, Останкову была вручена копія съ ландкарты, бывшей у Толстова, которая могла бы служить нагляднымъ доказательствомъ несостоятельности и недостатковъ предшествовавшаго слѣдствія, произведеннаго Толстовымъ, Носковымъ и Мироновымъ. Новую ландкарту велѣно было составить въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ предназначался для Астраханской, а другой для Оренбургской Губернской Канцеляріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ препроводилъ къ Яицкому войску указъ о назначеніи въ слѣдователи секундъ-маіора Останкова, а въ Гурьевскую канцелярію посланъ былъ приказъ «о недопущеніи къ лову рыбы въ спорныхъ мѣстахъ Туркина и Вакурова». Останковъ, получивъ подробную инструкцію и указъ изъ Камеръ-Коллегіи, отправился въ Гурьевъ, въ сопровожденіи Веселькова и депутата изъ казаковъ, старшины Синицына. Къ началу Сентября того же года работы были закончены, а 11 Сентября Останковъ уже доносилъ, что «хотя Баксай сверху изъ р. Яика въ море нынѣ теченія не имѣетъ; но весною во время полой воды изъ р. Яика къ морю теченіе бываетъ»; «поэтому, дабы впредь отъ Яицкаго войска никакихъ въ помѣшательствѣ затрудненій не происходило, по общему ихъ разсужденію, назначено внѣ р. Баксая къ Астрахани въ 12-ти верстахъ межой урочище, чрезъ называемый Богатый Култукъ, по взморью при концѣ перваго Пороховаго бугра, гдѣ находится Крутой яръ, а по лѣвую сторону при устьѣ р. Соколка на Гранномъ бугрѣ». Первая грань къ Астрахани отъ устья Урала проходила чрезъ урочища Маячный и Турыжниковъ бугры, Баксайскую косу и Богатый Култукъ до Пороховаго бугра, занимая разстояніе въ 67 верстъ и 200 саженъ [55]); а лѣвая сторона, до устья рѣки Соколка отъ устья Урала, равнялась 43-мъ верстамъ и 430 саж., такъ что вся длина рыболовной морской линіи каза-

---

[55]) Въ 1817 году здѣсь, по указанію войсковыхъ депутатовъ полковника Буренина и есаула Чегнахаева, найдена и освидѣтельствована межевая яма съ камнями и угольями, доказывающая старинную границу морскихъ владѣній Уральскаго войска.

ковъ обнимала собою почти $111\frac{1}{2}$ верстъ, именно 111 верстъ и 230 саженъ [56]).

Такимъ образомъ, границы морскихъ водъ Яицкаго войска были съ точностью опредѣлены еще при Неплюевѣ, и если впослѣдствіи снова возникалъ изъ-за этихъ границъ споръ, то это обусловливалось не тѣмъ единственно, что точныхъ границъ правой или западной стороны не было, какъ думаетъ объ этомъ г. Данилевскій [57]). Эти споры, равно и споръ князя Юсупова, зависѣли также, и едва ли не больше, отъ своевольства и насильственныхъ захватовъ казачьихъ водъ частными рыбопромышленниками, которые не хотѣли даже и узнавать о существованіи дѣйствительныхъ границъ между своими и казачьими водами; но границы эти были. Во второй половинѣ XVIII в. Яицкое войско, благодаря заботамъ Неплюева, получило въ свое владѣніе всѣ воды рѣки Яика и его устье и, выигравъ процессъ съ княземъ Юсуповымъ, окончательно вступило въ свои права, которыми пользуется и доселѣ.

Кромѣ рыболовства, Яицкіе казаки занимались также звѣроловствомъ. Гурьевскіе камыши, въ устьѣ р. Яика и по берегамъ ериковъ, изобиловали кабанами, порѣшнами (выдрами) и волками; въ Киргизской степи, по склонамъ Общаго Сырта, по берегамъ степныхъ рѣчекъ Чижей, Деркула и др., а также въ барханахъ [58]), между низовьями Волги и теперешняго Урала, разгуливали цѣлые табуны сайгаковъ (antilopa saiga, cervus pygargus), или покиргизски кіиккъ. Здѣсь также не мало было лисицъ, корсуковъ, волковъ и другихъ звѣрей; рѣчки, озера и ильмени были покрыты разной птицей. Иногда суровая зима, глубокій и обледенѣвшій сверху снѣгъ сгонялъ цѣлыя стада сайгаковъ со степи въ луга, къ берегамъ Яика, Илека и другихъ рѣкъ. Въ это время казаки, пользуясь глубиной снѣга и безсиліемъ еле двигавшихся отъ безкормицы сайгаковъ, били ихъ дубинами, загоняли на лошадяхъ, кололи пиками, травили собаками и ловили капканами; но собственно охота за сайгаками производилась преимущественно лѣтомъ, въ самую духоту, когда сайгаки, по выраженію казаковъ, кобятся. Во время лѣта на спинѣ у сайгаковъ (подъ кожей) заводятся черные черви, извѣстные между казаками подъ названіемъ угрей. Въ это время сайгакъ дѣлается какъ бѣшеный, бѣгаетъ, что̀ есть силы, по степи, наконецъ какъ бы одурѣваетъ и, остановясь на одномъ мѣстѣ, безпрестанно мотаетъ головой, роетъ копытомъ землю и выбиваетъ

---

56) См. въ Ур. В. Архивѣ: спорное дѣло Уральскихъ казаковъ съ княземъ Юсуповымъ изъ-за права на владѣніе Богатокултукскими водами, начатое въ 1803 и конченное, въ пользу войска, въ 1826 году (по описи № 15).

57) Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи, т. III, стр. 30.

58) Песчаные наносные холмы. Теперь сайгаки водятся только за Ураломъ, въ Киргизской степи.

подъ собой «к о б л о» (яму). Не зная, что̀ дѣлать отъ страшнаго зуда, производимаго угрями, сайгакъ то ляжетъ и уткнетъ морду въ кобло, то снова вскочитъ и забарабанитъ ногами: это, по выраженію казаковъ, «с а й г а к ъ к о б и т с я». (См. Уральцы И. Желѣзнова, ч. I, стр. 180). Вотъ въ это-то время, когда иному человѣку и въ тѣни невыносимо душно, казакъ-сайгачникъ обнаруживалъ свой талантъ, сметку, удаль, проворство и терпѣнье. Изъ лѣтнихъ сайгачьихъ шкуръ казаки шили себѣ архалуки и дохи [59]), зимнія [60]) же кожи у сайгаковъ до того плохи, что, по большей части, бросались, какъ ни на что негодныя. Сайгачье мясо, похожее вкусомъ на баранье, казаки употребляли въ пищу, вымочивъ его предварительно въ водѣ, чтобы чрезъ то уничтожить ду̀рной запахъ; студенистая же и огромная (сравнительно съ ростомъ сайгака) морда этого животнаго была самымъ лакомымъ блюдомъ на столѣ сайгачника [61]); а сайгачьи рога шли въ продажу отъ 50 коп. и до рубля за пару [62]). Но самой прибыльной, или такъ называемой капитальной охотой была охота за кабанами, волками [63]), лисицами, выдрами и другими пушными звѣрями. Казаки, занимающіеся этой охотой, назывались г у л е б щ и к а м и, въ отличіе отъ сайгачниковъ, стрѣлковъ [64]) и собачниковъ [65]). Названіе «г у л е б щ и к ъ»—было почетнымъ и уважаемымъ между казаками [66]).

Въ описываемое время помимо одиночной охоты, казаки, въ видахъ предосторожности, нерѣдко отправлялись на звѣроловство многочисленными, человѣкъ по пятисотъ, партіями, особенно если охота производилась на Бухарской сторонѣ или въ Киргизской степи.

Желая предотвратить столкновенія казаковъ, отправлявшихся на охоту въ степь, съ Киргизами, Неплюевъ вмѣнилъ войсковому атаману въ обязанность смотрѣть «неослабно» за тѣмъ, чтобы охотники отправлялись въ степь тогда, когда отъ Киргизцевъ опасности нѣтъ, чтобы будущимъ въ звѣроловствѣ отъ нихъ вреда не было, а кромѣ того приказывать, чтобы они по той степи отъ нечаянныхъ и воров-

---

59) Родъ шубы шерстью вверхъ (яргакъ).

60) Т. е. кожа, снятая съ сайгака, пойманнаго зимой, когда шерсть на сайгакѣ бываетъ урослая и весьма грубая.

61) Уральцы, ч. I, стр. 177.

62) Тамъ же, стр. 192.

63) Волковъ и теперь много въ предѣлахъ войсковыхъ земель, что̀ не мало вредитъ скотоводству.

64) Оружейный охотникъ за гусями, утками и другой птицей.

65) Охотникъ, занимающійся травлей звѣрей собаками. Этотъ родъ охоты въ старину, какъ и теперь, не уважался простыми казаками, которые сложили про него такую поговорку: „Бѣжитъ копѣйка (это заяцъ), гонитъ с т о р у б л е й (лошадь охотника), а сидитъ или правитъ т ы с я ч а“ (голова самого охотника).

66) Нынѣ слово „г у л е б щ и к ъ“ употребляется между казаками весьма рѣдко и то въ видѣ ироніи надъ плохимъ охотникомъ. См. Уральцы ч. I, 130 стр.

скихъ ихъ набѣговъ имѣли ежечасную осторожность и были-бы компаніями; буде же повстрѣчаются гдѣ съ находящимися въ степи за своими нуждами Киргизъ-кайсаками, чтобъ имъ никакихъ обидъ не чинили, и для воровства и отгону лошадей подъ улусы отнюдь и подъ опасеніемъ жесточайшаго штрафа не ходили-бы; а кто на оное дерзнетъ, таковыхъ сажать въ тюрьму и доносить объ нихъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію» [67]). Яицкіе казаки, признавъ надъ собою власть Московскаго государя, долго еще послѣ того руководились своими принципами въ отношеніи къ сосѣднимъ кочевымъ народамъ. Не разъ летучіе казачьи отряды появлялись за Ураломъ между Ордынцами, не разъ громили они Киргизовъ и Хивинцевъ, въ отмщеніе за Русскихъ плѣнныхъ и безчеловѣчное обращеніе съ ними въ Киргизской степи и Хивѣ. Озлобленіе казаковъ иногда доходило до того, что они безжалостно поднимали на пику маленькихъ Киргизятъ, руководясь въ этомъ случаѣ тѣмъ же соображеніемъ, какъ и извѣстный своею печальною судьбою Струняшевъ, который, поступая такъ, говаривалъ: «Ужъ если щуку бить, зубовъ не надо оставлять: выростутъ, проклятые и укусятъ» [68]). Само собою понятно, что Киргизы при всякомъ удобномъ случаѣ также старались не остаться въ долгу и иногда весьма ловко заманивали самонадѣянныхъ сыновъ Яика въ хитропоставленныя сѣти [69]). Взаимная ненависть и столкновенія казаковъ съ Киргизами повели къ тому, что казакамъ строго запрещено было преслѣдовать шайки грабившихъ ихъ Киргизъ, лишь только послѣднія перебирались на лѣвый берегъ Урала [70]). Такое постановленіе, безъ сомнѣнія, было очень стѣснительно и не выгодно для казаковъ: пользуясь имъ, Киргизы вольничали и разбойничали еще сильнѣе, оставаясь нерѣдко безнаказанными; тѣмъ не менѣе, распоряженіе это имѣло свою обязательную силу до 1823 г., когда оно было отмѣнено Оренбургскимъ губернаторомъ Эссеномъ, вслѣдствіе особаго представленія Войсковой Канцеляріи [71]).

Извлекая выгоды изъ звѣриной и рыбной ловли для своего существованія, Яицкое войско дѣлилось избытками этихъ промысловъ и съ другими, въ видѣ продажи, мѣны или подарковъ. Извѣстно, что въ Уральскомъ войскѣ и понынѣ существуетъ обычай отпра-

---

[67]) Ур. В. Архивъ, № 3, стр. 36.

[68]) См. Уральцы, ч. 2, стр. 297.

[69]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать „Очерки быта Уральскихъ казаковъ“ I. Желѣзнова, особенно его историческую повѣсть: „В. Струняшевъ“.

[70]) См. тамъ же, стр. 104 и далѣе.

[71]) Однакожъ Эссеномъ было постановлено, чтобы казачья команда, въ какомъ бы составѣ она ни была, если только начальникомъ ея будетъ не офицеръ, не преслѣдовала Киргизовъ въ степи, дальше 10 верстъ отъ Урала; офицеру же позволено было пускаться въ погоню за ворами на цѣлые сутки ѣзды. Тамъ же стр. 113.

влять къ Высочайшему Двору главныя произведенія своей страны, именно свѣжую рыбу и икру. При наступленіи зимы, какъ только Уралъ покроется прочнымъ льдомъ, городскіе и форпостные казаки, запасшись необходимыми принадлежностями багреннаго рыболовства, отправляются въ извѣстный день на особую ятовь [72]), назначенную для царскаго или «презентнаго» багренья. Мѣстомъ для этого багренья, по большей части, избирается самая лучшая ятовь или около самаго Уральска, подлѣ такъ-называемаго Жемчужнаго Яра, или верстъ на семь, на восемь ниже по теченію рѣки,—вообще не подалеку отъ города. Прибывъ на сборное мѣсто, казаки оставляютъ лошадей на правомъ (болѣе возвышенномъ) берегу Урала, сами выходятъ на ледъ и здѣсь, раздѣлившись на три или четыре части, нетерпѣливо ожидаютъ сигнала изъ пушки, оставляя середину рѣки свободною. Но вотъ появился на льду войсковой атаманъ, грянули изъ пушки; казаки быстро и съ шумомъ бѣгутъ на средину рѣки и, составивъ одну сплошную массу, приступаютъ къ дѣлу. Левшинъ справедливо замѣчаетъ, что картина, представляющаяся въ это время для зрителей съ береговъ Урала, обворожительна. Скорость, съ какою казаки обгоняютъ другъ друга, всеобщее движеніе, въ которое все приходитъ тотчасъ по пріѣздѣ на мѣсто ловли атамана, и почти мгновенно возрастающій на льду цѣлый лѣсъ багровъ,—все это поражаетъ зрителя необыкновеннымъ образомъ. Не проходитъ и пяти минутъ, какъ весь ледъ обращается какъ бы въ рѣшето отъ множества прорубей, сквозь которыя вода будто сама выбрасываетъ рыбу; еще нѣсколько минутъ и на льду вездѣ уже видны трепещущіе осетры, бѣлуги, севрюги [73]) и проч. Лучшая красная рыба тутъ же накладывается на сани, запряженныя тройками, и подвозится къ особо устроенному амбару или лабазу, гдѣ изъ икряныхъ осетровъ тотчасъ вынимаютъ икру и тутъ же ее приготовляютъ [74]), накладываютъ въ заранѣе приготовленныя бочата и, нагрузивъ нѣсколько возовъ этою икрою и яловыми (безъ икры) осетрами, отправляютъ ко Двору.

---

72) А не „етовъ", какъ значится у Левшина (въ соч. Пушкина 1855 г. т. VI, стр. 218).

73) Для царскаго багренья, какъ мы замѣтили, всегда избирается самая лучшая ятовь, и если, во время багренья, поймаютъ рыбы болѣе, чѣмъ нужно, то остальную продаютъ, впрочемъ, не тотчасъ, а спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ отправленъ презентъ, такъ чтобы оставшаяся рыба не могла быть привезена въ Петербургъ раньше посланной отъ войска. Если же наловятъ рыбы меньше, чѣмъ нужно (что бываетъ весьма рѣдко), то недостающее количество рыбы покупаютъ на сумму Войсковой Канцеляріи.

74) Икра приготовляется очень быстро и просто. Для этого устроены большія корыта, снабженныя веревочной сѣткой на верху; на эту сѣтку кладется икра и пропускается въ корыто, такъ что плены остаются на верху, а икряныя зерна проходятъ чрезъ сѣтку въ корыто въ чистомъ видѣ; изъ этихъ корытъ икра тутъ же накладывается въ заготовленныя бочата, которыхъ бываетъ до 600.

Этотъ то обычай, сохранившійся и доселѣ, существовалъ въ Яицкомъ войскѣ издавна и назывался, какъ и теперь, презентомъ или «первымъ кусомъ», «царскимъ кусомъ»; но по чьей инициативѣ и когда именно возникъ этотъ обычай, опредѣленно сказать, по неимѣнію данныхъ, мы не можемъ. Изъ архивныхъ бумагъ, находящихся у насъ подъ руками, видно только, что обычай этотъ очень древній; едва ли начало его не относится къ первой четверти XVII столѣтія, когда Яицкое войско добровольно подчинилось власти Московскаго государя. Признавъ за Яицкими казаками право на владѣніе рѣкою Яикомъ и укрѣпивъ за ними это право формально особою грамотою, Московское правительство могло и само обязать ихъ, какъ членовъ государевой вотчины, доставлять ко Двору въ опредѣленные сроки извѣстное количество рыбы [75]), икры и другихъ произведеній страны; впослѣдствіи же эта натуральная повинность или подать могла утратить свой обязательный характеръ и перейти въ потомство, какъ стародавній обычай, служащій выраженіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ и уваженія Яицкаго войска къ своимъ монархамъ Между тѣмъ, правительство могло поддерживать этотъ обычай, руководясь и чисто политическими соображеніями: нужно же было какъ-нибудь отучать казаковъ отъ разгульной, вольной, патріархальной жизни и пріучать ихъ къ формамъ жизни гражданственной.

Бывая въ Москвѣ и Петербургѣ, Яицкіе казаки, безъ сомнѣнія, знакомились съ новыми формами Европейско-Русской жизни и волей-неволей вносили что-либо изъ этой жизни въ среду своего общества.

Партіи казаковъ, отправлявшіяся ко Двору съ презентомъ, назывались станицами. Въ описываемое время Яицкое войско ежегодно отправляло ко Двору четыре станицы: одну, такъ-называемую, зимовую и три легкія, т.-е. такія, которыя отправлялись въ столицу, тотчасъ послѣ лова рыбы, на перемѣнныхъ подводахъ, съ легкимъ, небольшимъ грузомъ икры и рыбы; другія же станицы тянулись на долгихъ, извозомъ, съ большимъ грузомъ.

Въ зимовой станицѣ полагалось отъ 15 до 20 казаковъ, а въ легкихъ не болѣе 10 человѣкъ [76]). Каждая станица находилась подъ начальствомъ особаго войсковаго старшины, называвшагося станичнымъ атаманомъ, при которомъ, въ качествѣ помощниковъ, находились есаулъ и старшина. Иногда во главѣ зимовой станицы, вмѣсто войсковаго старшины, отправлялся самъ войсковой атаманъ.

75) Указомъ 14 Декабря 1753 г. Яицкое войско обязывалось доставлять каждогодно въ Дворцовую Канцелярію до 800 осетровъ и бѣлугъ и извѣстное количество свѣжей и просоленой икры. См. Ур. В. Арх. № 16, стр. 8 и 9.

76) Иногда бывало и больше, но лишнимъ казакамъ жалованья, какъ увидимъ, не давалось.

По прибытіи въ столицу, станичный атаманъ и прочіе станичные являлись къ Государю съ поклономъ отъ всего Яицкаго войска и приносили подарки отъ избытка произведеній своей страны, изъявляя безусловную покорность и готовность «служить государеву службу по ихъ казацкому обыкновенію до послѣдняго издыханія». Русскіе монархи радушно и ласково принимали Яицкихъ гостей и, въ свою очередь, въ видахъ поощренія къ службѣ, отдаривали или жаловали ихъ ковшами, кубками, сукнами, тафтами, порохомъ, свинцомъ, огнестрѣльнымъ оружіемъ, саблями и деньгами. Со времени подчиненія Яицкаго войска вѣдомству Военной Коллегіи, отъ правительства назначена была на этотъ предметъ особая сумма, въ количествѣ 2638 р. 30 к., которая ежегодно и отпускалась изъ Главнаго Коммиссаріата въ счетъ суммъ на содержаніе иррегулярныхъ войскъ. Изъ этихъ суммъ станичный атаманъ получалъ 50 р. жалованья, 16 р. 50 к. на ковши и 30 р. на сабли; есаулъ и старшина по 28 р. жалованья и по 15 р. на сабли; рядовые по 27 р. жалованья и по 9 р. на сабли каждый. Съ 15 Февраля 1743 г., станичники, вслѣдствіе особаго распоряженія Военной Коллегіи, стали получать и прогонныя деньги отъ Самары до Петербурга и обратно: атаманъ на три подводы, есаулъ на двѣ, а казаки каждый на одну, полагая по 15 р. 11 к. на подводу. Неплюевъ, въ виду увеличенія окладнаго жалованья казаковъ, уничтожилъ легкія станицы и оставилъ одну зимовую, назначивъ на нее сумму въ 1217 р. 41½ к.; да, сверхъ того, на чрезвычайные расходы, т.-е. на ковши, сабли, знамена и т. п. 100 р., а всего 1317 р. 41½ к. Сумма эта была распредѣлена такъ: «атаману 80 р., а буде пріѣдетъ войсковой, то 100 р., при немъ есаулу 60 р., старшинѣ—50 р., рядовымъ 17-ти человѣкамъ—каждому по 35 р.», остальные 512 р. 41½ к. или 532 р. 41½ к. [77]) шли на расходы по поѣздкѣ и на награды. Но это распоряженіе Неплюева впослѣдствіи было отмѣнено: 17-го Февраля 1773 г. В. Коллегія предписала Яицкому войску, чтобы оно ежегодно отправляло по прежнему четыре станицы: одну зимовую и три легкія [78]). Первая станица или партія казаковъ отправлялась въ Петербургъ, какъ и нынѣ, въ концѣ Декабря; станичный атаманъ оставался обыкновенно съ небольшою частью станичниковъ въ Петербургѣ, а прочіе, вплоть до Марта, жили въ Москвѣ, пользуясь казеннымъ содержаніемъ. Въ станичники выбирались лица, оказавшія какія-либо особыя услуги войску, или отличившіяся въ борьбѣ съ непріятелями; если же такихъ лицъ не было, то при назначеніи соблюдалась извѣстная очередь. Кромѣ Яицкихъ казаковъ, въ число станичниковъ выбирался одинъ и изъ

[77]) Когда станичнымъ атаманомъ бывалъ самъ войсковой атаманъ.

[78]) См. указъ изъ В. Кол. отъ 12 Дек. 1774 г. въ Ур. В. Арх. по опис. № 39. Выписки изъ книгъ каз. пов. № 141.

Илецкихъ казаковъ. Въ Ноябрѣ 1756 г., войсковой атаманъ Андрей Бородинъ, между прочимъ, писалъ Илецкому атаману Василію Тамбовцеву и старшинамъ Илецкой станицы: «Понеже напредъ сего отъ вашей Илецкой станицы повсегодно по одному человѣку опредѣлялись въ зимовыя станицы въ Москву, а нынѣ находящійся въ С.-Петербургѣ вашей станицы казакъ Александръ Твороговъ, для исходайствованія по вашимъ дѣламъ, въ нынѣшнюю легкую станицу опредѣленъ: того ради въ будущую зимовую станицу уже сюда одного человѣка вамъ не досылать для того, что оный Твороговъ отъ насъ въ легкой станицѣ опредѣленъ, и атаману Тамбовцеву съ старшинами и всей Илецкой станицѣ въ томъ вѣдать» [79]. Яицкимъ казакамъ самимъ хотѣлось получать награды деньгами, саблями и ковшами, и оттого войсковые атаманы и были такъ внимательны къ дѣлу назначенія станичниковъ.

Въ настоящее время отправляется съ Урала только свѣжая рыба и икра; въ старину же возили и соленую икру [80]) и, кромѣ того, кабановъ. Войсковой старшина и походный атаманъ Колпаковъ, находясь на нижней дистанціи, 20 Ноября 1775 г. получилъ слѣдующій ордеръ: «Какъ вы уже извѣстны, что въ скорости зимовая станица отправляется ко Двору Ея Императорскаго Величества съ презентомъ, то потребны, противу прежнихъ примѣровъ, дикіе кабаны; того ради, чрезъ сіе рекомендую вамъ послать для престрѣлянія оныхъ кабановъ нарочныхъ казаковъ и, какъ скоро застрѣлены будутъ, прислать чрезъ почту не замедля» [81]. Иногда съ этою цѣлію командировались особыя и довольно значительныя партіи казаковъ. Въ бумагахъ Уральскаго Войсковаго Архива намъ попался одинъ полуистлѣвшій, полуизорванный документъ, изъ котораго видно, что Оренбургскій губернаторъ Аѳанасій Романовичъ Давыдовъ требовалъ отъ Яицкой Войсковой Канцеляріи, чтобы «для битья дикихъ кабановъ, которыхъ слѣдуетъ отсылать ко Двору Ея Императорскаго Величества», командировано было внизъ по р. Яику и въ Гурьевъ отъ 30 до 40 казаковъ, подъ начальствомъ надежнаго старшины. Вслѣдствіе этого, Войсковая Канцелярія, нарядивъ означенное число казаковъ, строго запретила охоту на кабановъ частнымъ лицамъ до того времени, пока не будетъ набито достаточное количество кабановъ ко Двору [82]. Оренбургскій губернаторъ, князь Аврамъ Путятинъ, 2 Ноября 1766 г., писалъ атаману Илецкой станицы Портнову: «Извѣстно вамъ, что отсель почти ежегодно къ Высочайшему Двору Ея Императорскаго Величества отправляются, съ колотыми барашками и пти-

[79]) См. въ Ур. В. Арх. № 66.

[80]) См. въ Ур. В. Арх. № 16, стр. 8 и 9

[81]) Тамъ же № 62. Ордеръ подписалъ Иванъ Акутинъ.

[82]) Тамъ же № 64. Углы и годъ документа оторваны

цами, и кабаны; а какъ оные, по удобностямъ мѣстъ, предъ симъ доставаны были войска Яицкаго и вашей станицы казаками: того ради, поручаю вамъ и нынѣ тѣхъ кабановъ чрезъ казаковъ станицы вашей, сколько будетъ возможно, достать». Далѣе князь Путятинъ даетъ и наставленіе, какъ лучше сберечь кабанье мясо. «Какъ скоро гдѣ кабаны попадутся и убиты будутъ, того жъ момента кишки, печени, сердца, легкія и сало, все, что есть внутри у нихъ, выбирать, чтобъ внутри было чисто, да и кишки-бъ выбраны были бережно, дабы ничто въ кабана попасть не могло; также бы у борововъ и ядра, ни минуты не мѣшкавъ, прочь отняты были. И сколько тѣхъ кабановъ достато будетъ, оныхъ съ нарочнымъ сюда для отправленія, не упуская перваго числа будущаго Декабря мѣсяца, съ крайнимъ будучи въ пути отъ собакъ береженіемъ, прислать» [83]).

Такимъ образомъ, Яицкое войско не только отъ себя отправляло ко Двору кабановъ, но и получало «ордеры» отъ своихъ ближайшихъ начальниковъ «перестрѣливать кабановъ сколько возможно», и отправлять ихъ въ Оренбургъ для «Оренбургскаго презента, какъ бы въ дополненіе къ барашкамъ и птицамъ». Отправленіе ко Двору кабановъ, вѣроятно, продолжалось до тѣхъ поръ, покуда они не перевелись на Яикѣ. По крайней мѣрѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія обычай этотъ еще существовалъ. Походный атаманъ на нижнихъ форпостахъ, старшина Бородинъ 21 Декабря 1783 г. получилъ слѣдующій ордеръ изъ Войсковой Канцеляріи: «Вамъ извѣстно, что въ зимовыхъ станицахъ обыкновенно ежегодно въ презентъ ко Двору Ея Императорскаго Величества съ рыбою и икрою отправлялись и дикіе кабаны, слѣдовательно и нынѣ весьма потребны быть долженствуютъ». Далѣе предписывается настрѣлять кабановъ и немедленно доставить ихъ на подводахъ въ Яицкій городъ, за что охотникамъ обѣщается даже награда [84]).

Кромѣ «царскаго куса» или «презента ко Двору» отъ всего войска, въ это время существовало еще множество частныхъ презентовъ отъ войсковыхъ властей къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, жившимъ въ Москвѣ и Петербургѣ, покровительствомъ которыхъ казаки дорожили и пользовались, въ видахъ собственныхъ выгодъ. Эти частные презенты не ограничивались красной рыбой и дикими кабанами. «Вліятельныя и знатныя персоны» не пренебрегали и лошадьми съ кибитками, и Калмычатами съ тулупами, какъ это видно изъ указа Екатерины II на имя Яицкаго войска 15 Декабря 1765 г.; въ пунктѣ 13 этого указа говорится: «Въ презентъ, кромѣ Двора нашего Императорскаго Величества, партикулярно отъ войска рыбы и икры, какъ

[83]) Смот. подлинный ордеръ Путятина въ Ур. В. Арх., № 60.

[84]) Тамъ же № 61.

до сего происходило и по слѣдствію оказалось, что̀ посыланы были къ разнымъ персонамъ, сверхъ рыбы и икры, Калмычата, кибитки, лошади, тулупы и прочее, не отправлять и тѣмъ обществу убытка не чинить и нарочныхъ, кромѣ обыкновенныхъ станицъ, не посылать, подъ взысканіемъ всего того на начальникахъ» [85]). Не отказывали хлѣбосольные казаки въ лакомомъ кусочкѣ и своему ближайшему начальству, свѣтскому и духовному, Оренбургскому губернатору съ его свитой и епархіальному Казанскому архіерею съ его консисторіей и служками, особенно когда приходилось сыскать предлогъ, чтобы побывать у этихъ властей и попросить ихъ, о чемъ было нужно.

Къ числу природныхъ богатствъ Уральскаго войска, кромѣ изобилующаго рыбой Урала и сѣнныхъ покосовъ, должно отнести и соляныя озера, находящіяся на войсковой землѣ. Эти озера разбросаны по дистанціямъ: Чижинской, Средней и Нижней, по внутренней линіи, на Зауральской сторонѣ и въ предѣлахъ внутренней Киргизской орды [86]). Всѣхъ соляныхъ озеръ, изъ которыхъ казаки пользуются солью, считается въ настоящее время 47; изъ нихъ—32 находятся собственно на войсковой землѣ и преимущественно на Нижней дистанціи [87]). Всѣ эти озера, по словамъ г. Азовскаго, который осматривалъ ихъ по распоряженію войсковаго начальства, можно раздѣлить на три категоріи: 1) озера съ постоянной или, такъ называемой, «материковой» солью (материкъ соли образуется лѣтомъ и остается весь годъ); 2) озера съ непостоянной солью, извѣстной у казаковъ подъ именемъ «новосадка» (новосадокъ образуется въ сильныя жары и пропадаетъ при дождѣ) и 3) озера заключающія въ себѣ горько-соленую воду или «тузулукъ» (тузулукъ образуется послѣ дождей и скоро пропадаетъ). Озера послѣдней категоріи, или «солончаки», находятся преимущественно въ предѣлахъ внутренней линіи и Чижинской дистанціи. Берега нѣкоторыхъ изъ соляныхъ озеръ круты и даже обрывисты; у солончаковыхъ же озеръ, расположенныхъ, по большей части, въ пескахъ, совершенно плоскіе. На иныхъ озерахъ находятся маленькіе островочки. Цвѣтъ соли на нѣкоторыхъ озерахъ бѣлый, на другихъ—сѣроватый, а иногда красноватый [88]); на вкусъ соль въ большей

---

85) См. въ Урал. Войск. Арх. № 67, стр. 12.

86) Здѣсь находится 13 озеръ съ непостоянною солью; но годная къ употребленію соль содержится только въ двухъ озерахъ Аю, изъ которыхъ берутъ соль жители Гурьевской дистанціи.

87) Всего на нижней дистанціи 14 озеръ, но изъ нихъ почти никто не беретъ соли, по ея плохому качеству, хотя озера Чала-Мула и Акъ-Соръ имѣютъ материковую соль.

88) Красноватый цвѣтъ соли встрѣчается особенно въ солончаковыхъ озерахъ и особенно въ тѣхъ изъ нихъ, которыя покрыты травой, извѣстной у казаковъ подъ Киргизскимъ названіемъ „суранъ“; этимъ именемъ Уральскіе казаки называютъ, по свидѣтельству

части озеръ отзывается горечью. Окружность соляныхъ озеръ неодинакова, отъ одной и до 42 $^1/_2$ верстъ [89]); толщина осадка также различна, начиная отъ 3-хъ дюймовъ и до 2 саженъ, на срединѣ обыкновенно толще, а къ берегамъ—тоньше. Въ нѣкоторыхъ озерахъ, подъ верхнимъ слоемъ чистой и бѣлой соли, находится соль, смѣшанная съ грязнымъ иломъ.

Эти озера издавна служили мѣстомъ добыванія соли для Яицкихъ казаковъ какъ на домашнее употребленіе, такъ и на соленіе мяса, рыбы и икры; но особенно вывозилось и вывозится много соли съ Индерскаго озера. Палласъ, посѣтившій землю Яицкихъ казаковъ въ началѣ второй половины XVIII в., замѣчаетъ: «Яицкіе казаки имѣютъ вольность сами солью запасаться и, кромѣ домашняго расхода, употребляютъ ежегодно много [90]) тысячъ пудовъ на соленіе развозимой по Россіи рыбы и икры. Степи вдоль Яика симъ добромъ отъ натуры столь богато снабжены, что тамошніе жители никогда не будутъ имѣть въ томъ недостатка. Знатнѣйшія мѣста, откуда Яицкіе казаки берутъ готовую поваренную соль, суть два озера, въ Киргизской степи находящіяся, изъ которыхъ одно называется Грязное, а другое—Индерское» [91]). Это послѣднее озеро, которое Палласъ называетъ «чудомъ натуры», находится на лѣвой или Бухарской сторонѣ Урала, въ 12 верстахъ отъ Горской крѣпости и въ 17 отъ Гребенщикова форпоста. Оно имѣетъ въ окружности, по свидѣтельству Азовскаго, 31 версту, въ длину 11 верстъ и въ ширину $8^1/_2$. Площадь его равняется 38,922,000 кв. саж. Форма Индерскаго озера, по замѣчанію Палласа, представляетъ «кругловатую фигуру со множествомъ малыхъ заливовъ». Если принять среднюю толщину осадка Индерскаго озера въ двѣ сажени (а это очень мало, замѣчаетъ Азовскій), «то изъ него можно приблизительно добыть 774,325,440 возовъ соли, а если принять возъ въ 30 пудовъ, то получится 23,229,763,200 пудовъ соли. Если предположить, что ежегодный вывозъ соли съ Индерскаго озера равняется 15 тысячамъ возовъ, то соли изъ этого озера могло бы достать на 50 тысячъ лѣтъ, допустивъ даже, что ежегоднаго осадка соли не будетъ [92]).

покойнаго Карелина, всѣ растенія изъ семейства солянокъ (Salsolaceae). Суранъ, во время цвѣта, краснѣетъ, и цвѣточная пыль, падая, покрываетъ (особенно въ тихое время) почти все озеро, отъ чего, можетъ быть, соль и получаетъ розовый или красноватый отливъ. См. Уральск. В. Вѣд. 1868 г., № 10, стр. 6, и № 13, стр. 6.

[89]) Есть даже такія озера, которыя въ окружности не имѣютъ и версты, какъ напр. Кармагатанское (225 с.), Саразбайское (440 с.) и Динь-Зылъ-Чагылъ (475 с.); самое же большое въ окружности озеро—Большой Сакрылъ.

[90]) Въ настоящее время выходитъ въ войскѣ на рыбосоленіе до 300,000 пудовъ соли и 100,000 пудовъ на домашнее употребленіе. Смотр. Ур. В. Вѣд. 1868 г., № 13.

[91]) Путешествіе по разнымъ провинціямъ Росс. Имперіи, ч. 1. стр. 443.

[92]) Уральск. В. Вѣд. 1868 г., № 14.

Грязное озеро расположено противъ Граннаго бугра, въ 60 верстахъ отъ Гурьева на Востокъ [93]). Берега озера отлогіе; въ окружности имѣетъ 22 в., въ длину 7 в., въ ширину отъ 50 до 300 саж.; площадь его равняется 111-ти десятинамъ. Осадокъ соли въ этомъ озерѣ материковый, никогда не уничтожающійся, твердый. Лѣтомъ въ Грязномъ озерѣ бываетъ и образованіе «новосадка», цвѣтъ котораго отличается чрезвычайною бѣлизною, въ сравненіи съ цвѣтомъ его материковой соли. Средняя толщина осадка соли въ этомъ озерѣ равняется $3\frac{1}{2}$ футовъ, а при такой толщинѣ осадка озеро можетъ дать болѣе 3-хъ милл. возовъ, или 90 милл. пудовъ соли. Соль Грязнаго озера хотя и употребляется на рыбосоленіе, преимущественно Гурьевскими казаками [94]), но посоленные ею продукты бываютъ не такъ хороши, какъ тѣ, въ засолку которыхъ идетъ Индерская соль [95]).

Такимъ образомъ, Индерское озеро какъ по естественнымъ качествамъ соли, такъ и по ея богатству, есть лучшее изъ всѣхъ соляныхъ озеръ Яицкаго войска. Индерская соль составляетъ богатство того края, удовлетворяя казаковъ и иногороднихъ жителей теперешней Уральской области. Состояніе рыболовства на Уралѣ, безъ сомнѣнія, находится въ самой тѣсной связи съ существующимъ способомъ свободнаго, неограниченнаго и безакцизнаго пользованія солью; но за предѣлы войска соль въ чистомъ видѣ вывозить запрещено. Что касается способовъ добыванія соли, которое употребляютъ казаки, то они и теперь, и въ прежнее время, очень просты. На нѣкоторыхъ озерахъ, какъ только образуется осадокъ соли, казаки собираютъ соль руками, или же предварительно сметаютъ ее въ кучки вѣниками; а иногда для этой цѣли, вмѣсто вѣниковъ, употребляются грабли, у которыхъ зубья замѣнены дощечками. Въ тѣхъ

---

93) А не на Западъ, какъ значится въ Уральскихъ В. Вѣдомостяхъ (1868 г., № 14 и приложеніе къ № 14).

94) Жители Гурьевской дистанціи въ настоящее время вывозятъ до 540 возовъ этой соли ежегодно, или 16,200 пуд. Ур. В. Вѣд. 1868 г. № 14.

95) Химическій анализъ Индерской и Грязной соли въ лабораторіи Горнаго Департамента далъ слѣдующіе результаты:

Въ 100 частяхъ Индерской соли:		Въ 100 ч. Грязноозерской соли:	
Хлористаго натрія	96,26%	Хлорист. натрія	90,95%
Хлористаго магнія	0,10%	Хлористаго магнія	1,63%
Хлористаго кальція	0,18%	Сѣрно-кислаго натра	0,54%
Сѣрно-кислой извести	0,20%	Сѣрно-кислой извести	0,22%
Песку	0,06%	Песку	0,06%
Воды	2,20%	Воды	6,60%
	100,00%		100,00%

См. Ур. В. Вѣд. 1868 г., № 14, стр. 4 и 5.

озерахъ, гдѣ бываетъ неудобно доѣхать до мѣста нахожденія соли на лошади, казаки прибѣгаютъ къ такому способу: одинъ идетъ на средину озера (гдѣ всегда больше соли), таща за собою привязанное веревкою корыто (какъ-бы лодку) и насыпаетъ въ него соль; другой-же, остающійся подлѣ телѣги, какъ только корыто наполнено солью, подтаскиваетъ его на веревкѣ, прикрѣпленной къ другому концу корыта, къ себѣ и высыпаетъ соль въ телѣгу; далѣе повторяется тоже самое, покуда не нагрузятъ воза [96]). Паллась о способѣ добыванія казаками Индерской соли говоритъ слѣдующее: «Казаки больше берутъ сію соль потому, что оную легче добывать, притомъ же она мелка и къ соленію способна. На самомъ озерѣ грузятъ они соль въ телѣги, и для очищенія отъ примѣшавшагося ила поливаютъ тузлукомъ, т. е. разсоломъ, не выѣзжая изъ озера, чрезъ что сѣрый цвѣтъ у нея пропадаетъ» [97]).

Яицкое войско издавна пользовалось безпошлиннымъ добываніемъ соли. Первый указъ на безпошлинное пользованіе солью данъ войску 25 Мая 1688 въ правленіе царевны Софіи, по челобитью Яицкаго атамана Якова Васильева и всего Яицкаго войска [98]). Этимъ указомъ запрещалось брать съ казаковъ «десятую рыбу» изъ привозимой ими соленой рыбы въ Самару и другія Приволжскія мѣста. Впослѣдствіи, не смотря на этотъ указъ, десятая рыба снова стала взыскиваться съ казаковъ въ Самарѣ, Сызранѣ, Алексѣевскѣ и на Батрацкой ярмаркѣ. Казаки обратились съ челобитьемъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, которая 17 Марта 1720 г. снеслась по этому вопросу съ Камеръ-Коллегіей; 31 Мая того же года изъ Камеръ-Коллегіи посланъ былъ приговоръ въ Казань и 13 Іюня—грамота на Яикъ, а 30 Іюля Сенатъ препроводилъ о томъ указъ въ Камеръ-Коллегію [99]); наконецъ, въ Августѣ того же года, состоялся высочайшій указъ о томъ, чтобы Яицкіе казаки добываемую ими изъ Индерскаго озера соль, кромѣ казны, никуда и никому не продавали. Изъ этого указа видно, что до 1717 г. Яицкіе казаки половину всей вывозимой ими съ Индерскаго озера соли продавали въ Самарѣ, Сызранѣ и другихъ Приволжскихъ городахъ, при чемъ, вмѣсто пошлины, взималась съ казаковъ $^1/_{10}$ всей цѣны проданной соли натурою. Когда начался процессъ по дѣлу Карташева, вывозъ

---

[96]) Такъ, напримѣръ, добывается соль изъ озера около могилы Аю, во Внутренней Ордѣ, находящагося въ 30 верстахъ отъ Ново-Богатинскаго форпоста.

[97]) См. его „Путешеств. по р. пров. Р. Имп.“, ч. 1.

[98]) П. С. З., № 1077-й.

[99]) Смотри въ Уральск. В. Арх. копію съ описи дѣлъ Яицкаго повытья 1719—1721 г., вершенныхъ въ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, съ опредѣленіемъ послѣдней объ отсылкѣ тѣхъ дѣлъ въ В. Коллегію. Эта копія списана, по распоряженію войсковаго начальства, во время тяжбы Яицкихъ казаковъ съ Киргизами Внутренней Орды о поземельныхъ участкахъ и ихъ угодьяхъ.

соли съ Яика, равно какъ и прiѣздъ на Яикъ жителей Самары, Сызрана и другихъ городовъ за солью, былъ воспрещенъ. Вслѣдствіе этого, Яицкое войско отправило въ Петербургъ троихъ казаковъ: Ѳедора Рукавишникова, Трофима Филипова и Макара Андреева съ челобитьемъ, чтобы «въ прибавку къ жалованью тою солью кормиться по прежнему, и ту-бъ соль въ городахъ и уѣздахъ войску Яицкому продавать позволено было». Изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ челобитчики были препровождены въ Камеръ-Коллегію; послѣдняя должна была разсмотрѣть челобитную казаковъ и дать по ней свое заключеніе. Въ Камеръ-Колегіи челобитчики заявили, что Яицкое войско желало бы доставлять Индерскую соль въ казну, въ количествѣ четырехъ тысячъ пудовъ ежегодно, «а ежели въ которомъ годѣ въ пути отъ Каракалпаковъ помѣшательства не учинится, то и со излишествомъ»; но за вывозъ соли въ Самару, Сызрань и другія мѣста войско просило по три алтына и по двѣ деньги за пудъ, а также—освобожденія отъ всякой пошлины: «десятой доли и другихъ канцелярскихъ сборовъ (говорили челобитчики) съ насъ, войска Яицкаго, не имѣть, и та соль принималась бы на объявленные вѣсы». Камеръ Колегія, положительно и строго запрещая всякій тайный вывозъ, мѣну и продажу соли, рѣшила: «Ежели у кого соль явится мимо казны Великаго Государя въ продажѣ, оную брать въ казну безденежно и имать штрафъ и чинить наказаніе по указамъ Великаго Государя», о чемъ и дано было знать въ Астрахань губернатору и комиссарамъ, въ Саратовъ — коменданту и надзирателямъ, въ Самару и Сызрань—бургомистрамъ; и всѣмъ велѣно «того смотрѣть накрѣпко». На основаніи такого рѣшенія Камеръ-Колегіи, Яицкому войску и данъ былъ особый высочайшій указъ, въ Августѣ 1720 г., въ которомъ сказано: «Когда вы, Яицкіе казаки, на Самару и на Сызрань, и въ Алексѣевское соль съ озеръ изъ степи будете вывозить и отдавать въ казну, и ту-бъ соль у васъ въ тѣхъ городахъ принимали въ казну на вѣсъ, и за оную соль деньги выдавать изъ нашей Великаго Государя казны по двадцати алтынъ по четыре деньги за пудъ, не взирая на то, что оная вами привозимая соль противъ Астраханскаго бузуну цѣною будетъ съ излишествомъ, для того, чтобъ вы той соли тайно никуда не возили и кромѣ нашей Государя казны не отдавали, и не продавали, и не мѣняли. И въ томъ вамъ сказывать нашего Великаго Государя указы подъ страхомъ смертнаго истязанія, и выставить тотъ листъ, чтобъ никто невѣдѣніемъ не отговаривался» [100]).

Такимъ образомъ Яицкіе казаки нѣкогда пользовались правомъ вывоза соли за предѣлы войска и въ чистомъ видѣ; впослѣдствіи же

---

[100]) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 32.

этотъ вывозъ строго былъ воспрещенъ, и право вывозить соленые рыбные продукты: рыбу, икру и т. п. предоставлено казакамъ, подъ условіемъ взиманія съ нихъ особой пошлины. Въ началѣ эта пошлина состояла, какъ мы видѣли, изъ «десятой» рыбы; потомъ, вмѣсто рыбы, брали деньги; въ царствованіе Елисаветы Петровны состоялся указъ, которымъ снова предписывалось: за безденежное пользованіе солью, взыскивать съ казаковъ десятую долю съ вывозимой изъ войска соленой рыбы и икры—натурою [101]). Вслѣдъ за тѣмъ, вмѣсто пошлины натурою, сново положено взыскивать пошлину деньгами, по указной цѣнѣ, именно $^1/_{10}$ цѣнности соленыхъ продуктовъ [102]).

Въ Сентябрѣ 1752 года, въ Камеръ-Колегіи, какъ мы уже знаемъ, заключенъ былъ съ Яицкимъ войскомъ контрактъ, по которому войско получило право уничтоженія Гурьевскихъ учуговъ. Въ числѣ обязательствъ, принятыхъ на себя Яицкимъ войскомъ по этому случаю, было, между прочимъ, и то, что съ вывозимой изъ войска соленой красной рыбы и икры войско должно было, вмѣсто прежней $^1/_{10}$, платить $^1/_5$ долю стоимости всей рыбы. Пошлина съ соленой рыбы и икры увеличена вмѣсто пошлины на соль, «которую бы (замѣчено въ указѣ) имъ на то соленіе покупать отъ казны было должно»; на мелкую же и мерзлую рыбу пошлина оставлена прежняя—$^1/_{10}$. Для сбора пошлинныхъ денегъ велѣно было въ удобныхъ мѣстахъ назначить сборщиковъ, снабдить ихъ строжайшими инструкціями и смотрѣть за ними «неослабно»; по истеченіи года Яицкое войско было обязано представлять въ Сенатъ подробныя свѣдѣнія о пошлинныхъ доходахъ, полученныхъ за соль, соленую рыбу, икру и прочіе припасы; этотъ сборъ причислялся къ общей суммѣ пошлинныхъ доходовъ въ имперіи [103]). Такъ какъ пошлина бралась съ цѣны продаваемой рыбы, а цѣна опредѣлялась, большею частію, со словъ продавца или покупателя: то понятно, что при такой системѣ взиманія пошлины, сборщикамъ, или солянымъ приставамъ, открывался самый широкій путь къ злоупотребленіямъ. Поэтому, не смотря на указъ 20 Декабря 1753 г., которымъ повелѣвалось взимать десятую долю только съ соленой рыбы и ея продуктовъ, сборщики брали десятую долю съ мерзлой рыбы и малосольной икры. Вслѣдствіе этого войсковой атаманъ Меркульевъ въ 1754 г. обратился съ жалобой въ Камеръ-Колегію. Въ икру лѣтняго засола, говоритъ онъ, употребляется на 25 пудовъ икры отъ 5 до 6 пудовъ соли, а на такое же количество икры, приготовляемой изъ мерзлой рыбы, не болѣе какъ отъ 30 до 40 фунтовъ, и однакожъ съ нея, по разцѣнкѣ Самарскихъ

101) П. С. З., т. XIV № 10,333 и № 10,334.

102) П. С. З., т. XIII, №№ 9689 и 9988.

103) П. С. З. т. XIV, № 10,334.

и Сызранскихъ сборщиковъ, берется съ воза въ 25 пудовъ около полутора рубля десятаго сбора, тогда какъ съ зимней икры, гораздо меньше требующей соли, съ бочки въ 25 пудовъ солянаго десятаго сбора берется 4 рубл. 50 коп. Камеръ-Колегія въ Декабрѣ того же года представила на рѣшеніе Сената, не угодно ли будетъ ему назначить, для провѣрки показаній атамана Меркульева, Неплюева, чтобы послѣдній «учинилъ дѣйствительную и справедливую правду», сколько именно выходитъ соли на икру зимней засолки изъ мерзлой рыбы на бочку въ 25 пудовъ, и съ того количества соли, какое окажется въ дѣйствительности необходимымъ для засола икры, и брать соляную пошлину [104]). Сенатъ, вполнѣ раздѣляя мнѣніе Камеръ-Колегіи, препроводилъ къ Оренбургскому губернатору особый указъ. Неплюевъ отправилъ въ Яицкій городокъ маіора Пазухина, который вмѣстѣ съ войсковыми старшинами и долженъ былъ произвести слѣдствіе. По изслѣдованію Пазухина, какъ это видно изъ донесснія Неплюева въ Сенатъ [105]), оказалось, что въ сложности всѣхъ багреней на каждую бочку среднимъ числомъ приходится дерева 2 пуда $28^1/_2$ фунтовъ, въ каждой бочкѣ икры 25 пуд. 18 фун., соли $39^1/_4$ и 22 золотника; по указанной цѣнѣ соли расходилось «на $34^1/_8$ коп. и шестью на десять», или на $35^1/_{10}$ коп. Замѣчательно по этому поводу представленіе самого Неплюева. Сообщая въ Сенатъ о результатахъ изслѣдованія Пазухина, Неплюевъ говоритъ, что такъ какъ кладка икры и соли при всякомъ багреньѣ бываетъ неодинакова, да и самыя бочки бываютъ различной величины, то, если положить сборъ со всѣхъ бочекъ равный, Яицкіе казаки, равно какъ и пріѣзжіе купцы, могутъ дѣлать бочки подъ икру тоньше и болѣе настоящихъ, въ которыя и икры и соли потребуется уже болѣе. Вслѣдствіе этого, Неплюевъ находитъ болѣе удобнымъ сбирать пошлину съ малосольной икры такимъ образомъ: съ бочки въ 25 пуд., включая сюда и вѣсъ самаго дерева, по 40 коп., «а которыя бочки,—продолжаетъ онъ,—будутъ вѣсомъ въ деревѣ съ икрою болѣе или менѣе, то съ пуда, также и въ мелкихъ посудахъ, какъ-то въ лукошкахъ и туясахъ, считая по 2 коп. съ пуда по вѣсу и съ деревомъ, а съ тѣхъ, которые менѣе пуда, то противъ того располагая по пропорціямъ». Такой сборъ,—замѣчаетъ Неплюевъ,—«какъ Яицкому войску, такъ и купцамъ, пріѣзжающимъ для покупки малосольной икры, противъ прежде чиненнаго отяготителенъ быть не можетъ, а въ интересѣ Ея Императорскаго Величества упущенія не воспослѣдуютъ» [106]).

Въ предотвращеніе того, чтобы зимнею порою не вывозили, вмѣ-

[104]) П. С. З., XIV № 10,334.
[105]) Отъ 5-го Іюня 1755 года.
[106]) П. С. З. т. XIV, № 10,419

стѣ съ зимнею малосольною икрою, и икру, оставшуюся отъ лѣтняго засола, Неплюевъ распорядился, чтобы Самарская и Сызранская воеводская канцеляріи немедленно устроили въ своихъ вѣдомствахъ заставы и строго смотрѣли за провозимою икрою. Но предусмотрительный губернаторъ, наблюдая интересы казны, не упускалъ изъ виду и частныхъ выгодъ промышленнаго класса, заботливо охраняя его личныя права и преимущества. Онъ строго приказалъ слѣдить, чтобы рыбопромышленникамъ «обидъ и напрасныхъ приметокъ не чинили, и не принуждали бъ купцовъ выкладывать икру изъ бочекъ и изъ мелкихъ судовъ или обручей снимать; но можно, замѣчаетъ Неплюевъ, напоріе малое учинить, и тѣмъ каждое судно пробовать до дна, на подобіе того, какъ муку въ куляхъ пробуютъ, отъ чего купцамъ тягости и въ икрѣ траты не будетъ, токмо бы за тѣмъ купцамъ простою (задержки) и волокитъ чинено не было.

Сенатъ утвердилъ представленіе Неплюева и, согласно съ мнѣніемъ Камеръ-Колегіи и Главной Соляной Конторы, постановилъ: «имѣющійся въ городахъ Самарѣ и Сызрани, на Батрацкой ярмаркѣ и въ пригородахъ Сергіевскѣ и Алексѣевскѣ, съ привозной съ Яику соленой рыбы и ея соленыхъ же припасовъ и икры, вмѣсто соли, десятый сборъ, для приращенія интереса, отдать на откупъ Сызранскому бургомистру Кандалаеву срокомъ на 4 года, начиная съ 1755 года [107]). Кандалаевъ обязался вносить въ казну ежегодно, сверхъ прежде бывшаго сбора, равнявшагося 3716 р. 68½ коп., еще наддачи 313 р. 31½ коп., а всего 4030 р., заплативъ при этомъ въ Камеръ-Колегію крѣпостныхъ и прочихъ пошлинъ за четыре года 942 р. 20 коп. Такимъ образомъ, казна получила отъ этого откупа 2195 рубл. 46 коп. чистаго барыша. Между тѣмъ Кандалаевъ обязался по контракту сбирать пошлину только съ того числа малосольной икры, сколько будетъ на нее издержано соли. Въ Оренбургѣ и приписныхъ къ нему крѣпостяхъ пошлинный сборъ съ малосольной икры былъ порученъ вѣдомству и разбору Оренбургской Губернской Канцеляріи, которая собранныя деньги должна была представлять въ Главную Соляную Контору.

Но Яицкіе казаки, чтобы вознаградить себя за пошлинный сборъ въ учрежденныхъ заставахъ, стали вывозить немало свѣжей и соленой рыбы съ Большаго и Малаго Узеней въ Симбирскій и другіе уѣзды, жители которыхъ и сами пріѣзжали на Узени большими партіями за рыбой. Сенатъ, узнавъ о томъ изъ донесенія полковники Казаринова, указомъ отъ 30 Апрѣля 1756 г. запретилъ «съ отысканныхъ Симбирскимъ купцомъ Кашинцевымъ соляныхъ Узенскихъ озеръ» какъ Яицкимъ казакамъ, такъ и другимъ брать соль

107) Тамъ же, № 10, 696-й.

и тузлукъ, о чемъ и было сообщено въ Камеръ-Колегію и Главную Соляную Контору, для принятія надлежащихъ мѣръ предосторожности [108]).

Желая окончательно утвердить развитіе рыболовства и оградить свои выгоды, Яицкіе казаки стали хлопотать о томъ, чтобы соляной сборъ уступленъ былъ казною войску; благодаря ходатайству Неплюева, Сенатъ уважилъ просьбу войска и указомъ отъ 18 Февраля 1758 г. опредѣлилъ: отдать войску Яицкому съ 1 Января 1759 г. въ откупное содержаніе сборъ, производимый съ соленой рыбы и ея припасовъ въ Самарѣ, Сызранѣ, на Батрацкой ярмаркѣ, въ пригородахъ Сергіевскѣ и Алексѣевскѣ, безъ торговъ по существовавшему тогда откупному окладу, за 4588 р. 17½ к., приложивъ только къ этой суммѣ цѣнность той соленой рыбы и икры, которыя будутъ собраны въ Оренбургѣ и Оренбургскихъ крѣпостяхъ, куда казаки также возили рыбу и икру [109]). Этотъ послѣдній сборъ составилъ 415 р. 67 коп., такъ-что всего вышло 5003 р. 84½ коп., что по настоящему курсу на серебро равняется 1429 р. 67 коп. Эту сумму до сихъ поръ Уральское войско вноситъ въ Государственное Казначейство, получая само, въ пользу войсковаго капитала, съ откупа, на который оно отдаетъ сборъ, 46,800 рубл. въ годъ [110]).

Въ видѣ опыта, войско рѣшилось поручить этотъ сборъ на годъ своему атаману Андрею Бородину и нѣкоторымъ изъ старшинъ, съ условіемъ, чтобы они, по истеченіи означеннаго срока, представили войску отчетъ; убытки казаки принимали на свой счетъ, а барыши уступали сборщикамъ [111]). Но атаманъ и старшины не сумѣли должнымъ образомъ оцѣнить довѣріе къ нимъ всего войска. Пользуясь безграмотностью большей части казаковъ, они брали съ казаковъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, и, вопреки условію, удерживали за собою право сбора въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и не отдавали никакого отчета въ собранной ими суммѣ, не смотря на самыя настойчивыя требованія войска, а энергичныхъ поборниковъ общественныхъ интересовъ брали подъ арестъ и наказывали по своему усмотрѣнію. Недовольство народной партіи съ каждымъ годомъ возрастало все болѣе и болѣе; наконецъ, въ 1762 г., во главѣ народной партіи является старшина Сакмарской станицы Логиновъ [112]), который предложилъ сборщикамъ принять и его къ себѣ въ товарищество, но

---

108) П. С. З. т. XIV, № 10,545.

109) П. С. З. т. XIV, № 10,800.

110) Данилевскій, т. III-й, стр. 31.

111) Выписка изъ Оренб. секретной комисіи. Чт. Общ. Истор. и Древн. Росс., 1859 г., кн. 3, стр. 108.

112) Бывшій предъ тѣмъ атаманомъ Сакмарской станицы.

Логинову было отказано. Тогда озлобленный на старшинъ Логиновъ [113]) перешелъ на сторону народной партіи, заявивъ войску, что старшины и атаманъ ведутъ дѣло нечестно и потому не хотятъ принять его въ товарищество по сбору войсковыхъ денегъ. Войско, подъ вліяніемъ совѣтовъ Логинова, рѣшило не платить пошлинныхъ денегъ до тѣхъ поръ, пока сборщики не дадутъ отчета въ собранной ими суммѣ за все время. Атаманъ и старшины, вопреки желанію войска, не хотѣли давать никакого отчета и стали удерживать у казаковъ за неплатежъ пошлины жалованье, донеся въ Военную Колегію, что казаки бунтуютъ; послѣдніе также не замедлили подать жалобу, въ которой подробно исчислили всѣ обиды и незаконные поборы такъ называемой старшинской партіи. Для изслѣдованія дѣла о проступкахъ Бородина и старшинъ, въ Яицкомъ городкѣ была учреждена особая слѣдственная комиссія, состоявшая вначалѣ изъ штабъ-офицеровъ; но вскорѣ изъ Военной Колегіи командированъ былъ въ Яицкій городокъ генералъ-маіоръ Потаповъ [114]), съ дѣйствіями котораго, равно какъ и его преемниковъ, познакомимся изъ слѣдующей главы.

---

113) Г. Анучинъ называетъ Логинова казакомъ, а отца его старшиною; между тѣмъ въ указахъ Логиновъ постоянно называется старшиною. (См. указъ 15 Дек. 1765 г., въ Ур. В. Арх., № 67). Расположивъ къ себѣ войско, Логиновъ заручился общественнымъ одобрительнымъ приговоромъ и, побывавъ лично въ В. Колегіи, исхлопоталъ себѣ старшинское достоинство, вопреки желанію прочихъ старшинъ. Чт. Общ. Ист. и Др. 1859 г. III, 109.

114) С. М. Соловьевъ говоритъ, что комисія была учреждена, подъ дирекціей генералъ-маіора Брахвельда (Истор. Россіи, т. 25, стр. 296); но изъ лѣтописи Рычкова „Осада Оренбурга“ видно, что раньше Брахвельда въ комиссіи были генералы: Потаповъ и Череповъ. См. Соч. Пушкина, Спб. 1855 г., т. VI, 340, § 4.

Къ бумагамъ графа В. А. Перовскаго.

(Р. Архивъ 1879, II, 442).

I.

Приказъ, отданный В. А. Перовскимъ по войскамъ Оренбургскаго корпуса, предъ выступленіемъ въ Хивинскій походъ 1839 года.

«По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, я иду съ частію ввѣренныхъ мнѣ войскъ на Хиву».

«Долго уже Хива искушала долготерпѣніе сильной и великодушной державы и заслужила наконецъ вѣроломными, непріязненными поступками своими грозу, которую сама на себя накликала. Честь и слава всѣмъ, кому Богъ привелъ идти, по повелѣнію Государя, на выручку братьевъ, томящихся въ неволѣ».

«Товарищи! Насъ ожидаютъ стужа и бураны и всѣ неизбѣжныя трудности дальняго, степнаго и зимняго похода; но забота обо всемъ необходимомъ, по возможности, предупредила крайности и недостатки, а рвеніе ваше, усердіе и мужество довершатъ успѣхъ и побѣду. Войска Оренбургскаго корпуса въ первый разъ выступаютъ, въ значительномъ составѣ, противъ непріятеля; Россія въ первый разъ караетъ Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку. Черезъ два мѣсяца, дастъ Богъ, будемъ въ Хивѣ, и въ первый разъ въ столицѣ ханства, предъ Крестомъ и Евангеліемъ, Русскіе будутъ приносить теплыя и громкія молитвы за Царя и Отечество».

«Обращаюсь къ той части войскъ, которая останется для охраненія Оренбургскаго пограничнаго края и родины своей. Вамъ не судило счастіе дѣлить съ нами труды и опасности; но вы не менѣе того заслужите добрую славу и милостивое вниманіе Государя Императора: всякій чинъ, малый и великій, простившись съ ушедшими въ походъ товарищами, будетъ свято помнить долгъ и присягу, будетъ нести службу за себя и за походныхъ и, въ свое время, радостнымъ, братскимъ привѣтствіемъ встрѣтитъ возвратившихся изъ дальняго и труднаго странствія сослуживцевъ своихъ».

II.

Замѣтка на письма графа В. А. Перовскаго.

Письмо къ неизвѣстному лицу (Р. Архивъ 1879, II, 456), несомнѣнно, было писано къ генералъ-лейтенанту Николаю Васильевичу Балкашину, исправлявшему, въ отсутствіе Перовскаго, обязанности генералъ-губернатора. Это явствуетъ и изъ словъ Пе-

ровскаго (стр. 458) по отношенію къ Фонтону и сравненію обязанностей корпуснаго командира и генералъ-губернатора. Балкашинъ былъ за это время самымъ приближеннымъ и близкимъ лицомъ къ Перовскому. Отношенія къ нему Перовскаго и къ семейству Оренбургскихъ Мансуровыхъ, къ коему принадлежала жена Балкашина, Варвара Александровна, рожденная Мансурова, установились во время первоначальнаго управленія краемъ Перовскаго, когда Балкашинъ, еще въ молодыхъ годахъ, состоялъ при немъ. Братъ В. А. Балкашиной, генералъ-маіоръ Николай Александровичъ Мансуровъ сопутствовалъ Перовскому въ Хивинскомъ походѣ (см. Русскую Родословную книгу, изд. Р. Старины, I, 224). Упоминаемый въ письмѣ Перовскаго Эверсманъ—Эдуардъ Александровичъ, профессоръ Казанскаго университета, извѣстный зоологъ и также медикъ-гомеопатъ, женатый на другой сестрѣ Мансуровой. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ и любовью. Названный въ письмѣ «Николаемъ»—старшій сынъ профессора Эверсмана сопровождалъ Перовскаго въ качествѣ медика. Теперь онъ д. ст. сов., мировой судья въ г. Уфѣ.—Ханыковъ, упоминаемый въ томъ же письмѣ,—Яковъ Владиміровичъ былъ тогда Оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ и жилъ въ Уфѣ.

Письмо, помѣщенное въ приложеніи, надо полагать или В. В. Григорьева, или же Вл. Вл. Вельяминова-Зернова (двоюроднаго брата Ханыкова), состоявшаго при Перовскомъ по дипломатической части и сопровождавшаго его, совмѣстно съ Григорьевымъ, въ походѣ подъ Акъ-Мечеть.

(Сообщено М. Н. Галкинымъ-Враскимъ).

П. Н. Броневскій.—Братья Муравьевы.

Біографическія замѣтки.

Въ нынѣшнемъ году вышла книга, несомнѣнно нашедшая себѣ множество читателей. Мы говоримъ о сочиненіи А. Л. Зиссермана, «Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ», которое печаталось прежде на страницахъ «Русскаго Вѣстника» (1876—1879). Достоинство сочиненія г. Зиссермана заключается въ мастерствѣ литературнаго изложенія, въ живыхъ этнографическихъ очеркахъ и въ бойкихъ характеристикахъ лицъ, съ которыми сходился авторъ и изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ исторіи недавняго прошлаго и безусловно всѣ—исторіи Кавказа. Нѣкоторыя изъ лицъ, о которыхъ говоритъ авторъ, еще

и теперь здравствуютъ и еще не сходили съ общественнаго поприща, другія давно покинули его, предпочтя ему деревенскую или уѣздную глушь, большинство же покоится въ могилѣ. Г. Зиссерманъ—повѣствователь добросовѣстный: онъ не тревожитъ сна покойниковъ; онъ обозначаетъ инициалами тѣхъ, характеристики которыхъ выходятъ у него черезчуръ мрачными. Но, и при такомъ свойствѣ повѣствованія, симпатіи и антипатіи автора рѣзко обозначаются,—и въ этомъ заключается слабая сторона его книги. Г. Зиссерманъ горячо сочувствуетъ такимъ лицамъ, какъ князья М. С. Воронцовъ и А. И. Барятинскій; подобныхъ лицъ онъ рисуетъ въ самомъ свѣтломъ, привлекательномъ видѣ. Но ему антипатичны такія фигуры, такіе характеры, какъ Н. Н. Муравьевъ, покоритель Карса въ 1855 г. Мы указали на самыхъ крупныхъ Кавказскихъ дѣятелей; но у г. Зиссермана есть характеристики и второстепенныхъ дѣятелей, принадлежащія къ одной изъ его біографическихъ категорій,—лицъ свѣтлыхъ и лицъ мрачныхъ. Такой способъ біографическаго изображенія, хотя самъ по себѣ естественный, весьма часто грѣшитъ противъ исторической достовѣрности, для которой еще недостаточно однихъ симпатій и антипатій. Но вопросъ о свѣтлыхъ и мрачныхъ личностяхъ, о привлекательныхъ и угрюмыхъ характерахъ, самъ по себѣ, очень любопытенъ и имѣетъ большое значеніе въ нашей Русской жизни и въ нашей исторіографіи.

Читатели книги А. Л. Зиссермана, конечно, не забыли характеристики П. Н. Броневскаго, командира Дагестанскаго полка, въ которомъ служилъ, помнится, не малое время авторъ воспоминаній. Эта характеристика принадлежитъ къ тому же разряду, какъ и изображеніе Н. Н. Муравьева, т. е. авторъ рисуетъ фигуру ему антипатичную. Спѣшимъ замѣтить, что г. Зиссерманъ относится къ полковнику Броневскому не только уважительно, но и благодарственно, какъ къ своему бывшему начальнику. Онъ отдаетъ справедливость его образованію, прямотѣ его характера и трудолюбію; но, тѣмъ не менѣе, подъ перомъ нашего автора полковникъ Броневскій является сухимъ педантомъ, штабъ его—монастыремъ, а самъ онъ—суровымъ игуменомъ, наводящимъ страхъ и трепетъ на всѣхъ къ нему приближающихся. Атмосфера, окружающая педанта-полковника, до такой степени давитъ и душитъ, что читатель радуется за тѣхъ, кому удается бѣжать на просторъ болѣе свѣжаго воздуха, какъ удалось это и нашему автору. Въ послѣдній разъ въ своихъ воспоминаніяхъ выводитъ г. Зиссерманъ П. Н. Броневскаго рядомъ съ Н. Н. Муравьевымъ, въ новомъ его званіи оберъ-квартирмейстера Кавказской арміи,—сопоставленіе, конечно, неумышленное, но вызывающее на нѣкоторыя размышленія.

Павла Николаевича Броневскаго мы отлично знали и вскользь уже говорили о немъ, какъ о директорѣ Воронежскаго Кадетскаго Корпуса, на страницахъ «Русскаго Архива» (1877 г. II, 443). Имя его, дѣйствительно, тѣсно связывается съ именемъ Муравьева Карскаго и, пожалуй, въ характеристикѣ ихъ обоихъ можно найдти нѣкоторыя параллели. Взятіе Карса, какъ извѣстно, было единственнымъ отраднымъ событіемъ въ несчастную Крымскую войну; а потому нечего удивляться, что неудача перваго приступа къ этой крѣпости

была забыта и что покоритель Карса, Н. Н. Муравьевъ, пріобрѣлъ большую, хотя, быть можетъ, и преувеличенную, популярность. Если самъ Муравьевъ, вскорѣ затѣмъ, окончательно сошелъ со сцены, то сподвижники его не замедлили выдвинуться впередъ, и нѣкоторые изъ нихъ, состоя только въ чинѣ полковника при взятіи Карса, достигли потомъ высшихъ степеней въ военной и вообще въ государственной іерархіи. П. Н. Броневскій, какъ оберъ-квартирмейстеръ, былъ ближайшимъ помощникомъ Муравьева. При взятіи Карса, ему оторвало лѣвую руку, которая потомъ была совсѣмъ вылущена. Онъ оставилъ Кавказъ въ чинѣ генералъ-маіора и Анненскаго кавалера и со всѣми правами героя на отличія и на блестящую карьеру; но, восхищенный милостивымъ вниманіемъ къ нему Государя Императора, онъ предпочелъ всему скромное педагогическое поприще,—мѣсто директора Кадетскаго Корпуса, бывшее тогда (1856 г.) вакантнымъ. Не столько тяжелая рана, сколько особенный складъ характера были причиною этого предпочтенія. Прямой, гордый, рыцарски-честный характеръ Кавказскаго героя былъ, въ самомъ дѣлѣ, неудобенъ и тяжелъ въ служебныхъ и во всякихъ иныхъ сферахъ Петербурга, что̀ и не замедлило тотчасъ же обнаружиться. Его крѣпко не взлюбилъ Я. И. Ростовцовъ, тогдашній начальникъ главнаго штаба военно-учебныхъ заведеній, привыкнувшій къ панибратскому обращенію съ своими подчиненными, къ легкому переходу съ вы на ты, уснащаемому разными дополненіями, какъ «мой любезный» (для младшихъ) и «другъ мой Александръ Дмитріевичъ, или Петръ Ивановичъ» (для директоровъ корпусовъ). Генералъ Броневскій не счелъ нужнымъ не только заручиться расположеніемъ своего новаго избалованнаго начальника; но, какъ говорили, уѣхалъ изъ Петербурга въ Воронежъ, даже не повидавшись съ нимъ, послѣ того, какъ Ростовцовъ, будучи дома, не принялъ его при первомъ визитѣ. Стройный, высокаго роста, красивый собою блондинъ, съ блѣднымъ, нѣсколько болѣзненнымъ лицомъ (что̀ объяснялъ пристегнутый къ таліи мундира пустой лѣвый рукавъ), еще молодой, съ небольшимъ развѣ въ 40 лѣтъ, генералъ П. Н. Броневскій на первый взглядъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Взоръ его если и выражалъ твердость характера, но въ немъ ничего не было сухаго и холоднаго, тѣмъ менѣе—мрачнаго; напротивъ, это блѣдное лицо иногда озарялось улыбкою открытыхъ добрыхъ глазъ. Но на первыхъ порахъ новый директоръ никому не понравился,—ни служащимъ въ Корпусѣ, ни кадетамъ: его упрекали въ «Кавказскихъ замашкахъ», въ неровности, что̀ и было на самомъ дѣлѣ въ первое время управленія имъ Кадетскимъ Корпусомъ, пока онъ не осмотрѣлся. Но не прошло и года, какъ это мнѣніе рѣзко измѣнилось: Корпусъ раздѣлился на двѣ партіи, изъ которыхъ большая и лучшая стала глубоко сочувствовать новому директору, за то меньшая въ такой же степени его не взлюбила. Что̀ касается до воспитанниковъ, то они почти всѣ восторженно полюбили его, что̀ рѣзко обнаружилось потомъ при ихъ прощаніи съ П. Н. Броневскимъ. Вообще все, что̀ въ Корпусѣ было живаго, молодаго и трудящагося, все это восторженно относилось къ генералу Броневскому, называя его «рыцаремъ долга и чести». Онъ былъ, конечно, игуменомъ монастыря, называвшагося Кадетскимъ Корпусомъ,

гдѣ монашествовали учители и воспитатели; но этотъ игуменъ былъ горячо преданъ своему дѣлу и умѣлъ возбудить къ нему рвеніе въ другихъ; онъ жилъ въ своей семьѣ и въ Корпусѣ, а остальной губернскій міръ для него, дѣйствительно, какъ бы не существовалъ. Онъ страстно предался даже такому роду дѣятельности, которую онъ, въ своемъ положеніи директора, легко могъ бы оставить въ покоѣ: говоримъ о его дѣятельности педагогической, о его ознакомленіи не съ одними курсовыми учебниками, но и съ сочиненіями научнаго характера, относящимися къ предметамъ, преподававшимся тогда въ кадетскихъ корпусахъ. Опытный администраторъ, честный распорядитель и хозяинъ казеннаго добра, бывшій Кавказскій герой сѣлъ за книги и—учился! Вѣчно трудящійся, энергическій, онъ требовалъ того же отъ всѣхъ, потому и нажилъ себѣ враговъ. Сіи послѣдніе воспользовались его отношеніями къ Ростовцову; возникли исторіи, мелкія служебныя непріятности, легко поправляемыя другими, но генералъ Броневскій не хотѣлъ идти путемъ сдѣлокъ и—вышелъ въ отставку. Ему стоило поѣхать въ Петербургъ, напомнить о себѣ, перемѣнить служебное вѣдомство, и безъ сомнѣнія онъ могъ бы не отстать отъ тѣхъ, которые еще недавно были ниже его по служебному положенію. Но онъ не сдѣлалъ этого и удалился въ свою Орловскую деревушку, гдѣ, какъ мы слышали, былъ потомъ мировымъ посредникомъ. И не выведи г. Зиссерманъ въ своихъ воспоминаніяхъ эту честную, благородную личность, такъ бы она и осталась во всеобщемъ забвеніи, въ своемъ покоѣ «на днѣ Русской рѣки». Не болѣзненность раздраженія, не щепетильность самолюбія, а независимость и благородство характера заставили генерала Броневскаго предпочесть всему такой покой. Какъ бы ни относились къ такимъ характерамъ, нельзя не сознаться, что они очень рѣдки, что отъ умноженія числа подобныхъ людей всякое общество было бы въ положительномъ выигрышѣ, а наше—тѣмъ болѣе. «Тяжелыми и угловатыми» называются подобные характеры; но когда преизбыточествуютъ всякаго рода легкость, лоскъ и безличность, подобные характеры очень цѣнны, а люди, обладающіе ими, достойны нашего глубокаго уваженія. Если люди подобнаго закала неудобны на такомъ посту, какъ рѣзко выдающійся отъ другихъ постъ Кавказскаго намѣстника; то во всѣхъ иныхъ сферахъ государственной дѣятельности они были бы драгоцѣнною находкою, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ былъ для Петра князь Яковъ Долгоруковъ.

Въ концѣ своихъ воспоминаній А. Л. Зиссерманъ выводитъ другаго Муравьева, Виленскаго. М. Н. Муравьевъ, говоритъ онъ, «по своей наружности и манерамъ гораздо болѣе несимпатиченъ, чѣмъ его братъ Николай Николаевичъ». Такимъ образомъ Муравьевъ Виленскій выходитъ какимъ-то монстромъ, хотя г. Зиссерманъ отдаетъ справедливость его «высокому уму и обширному образованію». Но, сличая характеристики обоихъ братьевъ, читатель скажетъ, вмѣстѣ съ Чацкимъ: «Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!» При составленіи характеристикъ, конечно, нельзя наложить узды на авторскую свободу: вмѣсто характеристики, авторъ можетъ нарисовать каррикатуру, чего нигдѣ не дѣлаетъ г. Зиссерманъ, но что̀ сдѣлалъ съ М. Н. Муравьевымъ Н. В. Бергъ, сочинитель Исторіи послѣдняго Польскаго возстанія.

Г. Бергъ прежде всего смотритъ на фотографическую карточку Муравьева и въ физіономіи его видитъ большое сходство съ бульдогомъ; онъ указываетъ на Англійскую газету «Times», помѣстившую большой политипажъ Муравьева, съ цѣлію ознакомить просвѣщенную Европу съ этимъ чудомъ-юдомъ. Все, что̀ «говоритъ нашъ историкъ на страницахъ «Русской Старины» (1879 г., кн. VII, стр. 519—521) о Муравьевѣ, неопровержимо доказываетъ, что читателю представляютъ (или желали представить, судя по многоточіямъ, очевидно, сдѣланнымъ редакціей, представить въ яркомъ свѣтѣ) монстра, бульдога въ человѣческомъ образѣ. Г. Бергъ сообщаетъ (будто изъ офиціальныхъ свѣдѣній), что по приговорамъ, утвержденнымъ Муравьевымъ, казнено всѣхъ лицъ 240,—цифра ужасная; но чего же хотѣть отъ бульдога!...

М. Н. Муравьева лично мы не знали и при подавленіи мятежа въ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ, къ счастію, не были; но мы жили въ Вильнѣ (1866—1868) и имѣли возможность слѣдить за Муравьевымъ, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ. Да, не мягкими мѣрами усмирилъ онъ мятежъ!... Но мятежъ подобнаго рода, то-есть не открыто дѣйствующій среди бѣлаго дня въ честномъ бою, а прятавшійся, поражавшій изъ-за угла кинжалами и ядами, надобно было давить, надобно было задушить сразу, — и Муравьевъ съ нимъ не поцеремонился, а подавилъ и задушилъ его. Клинъ выбивается клиномъ; поднявшіе мечъ мечомъ и погибнутъ. Еще бы «Times» сочувствовалъ Муравьеву! Въ интересѣ Англичанъ, напротивъ, сочувствовать такимъ взглядамъ, по которымъ Польскій революціонный терроръ оказывается шалостію Славянской «ребятежи», еще не уразумѣвшей своего родства съ «Русскою молодежью». Справедливо говоритъ г. Бергъ объ увлеченіи Муравьевымъ: въ Вильнѣ мы застали культъ его, апоѳеозу, чрезмѣрное прославленіе его даже съ церковной каѳедры, что̀, однакоже, возмущало многихъ. Казни, совершавшіяся въ Вильнѣ, по его конфирмаціямъ, наводили, по словамъ очевидцевъ, ужасъ, долго угнетавшій людей съ самыми крѣпкими нервами; но тѣже самые очевидцы, при томъ не Русскіе, потомъ, по возстановленіи въ краѣ спокойствія, къ тому же Муравьеву относились благодарственно. И понятно почему: онъ освободилъ и ихъ отъ революціоннаго террора; однимъ ударомъ меча (или ланцета) онъ отсѣкъ больное мѣсто, а не травилъ его разными специіями, отъ которыхъ распространяется жгучая боль по всему организму. Не знаемъ, съ какою цѣлію приводитъ г. Бергъ слѣдующія слова Муравьева: «я не позволю устраивать имъ «Кавказа» въ западныхъ губерніяхъ». Намъ эти слова кажутся актомъ государственной мудрости и политической гуманности; это значитъ: «я не позволю длить безъ конца усмиреніе, потому что это— мучительная операція, быть-можетъ, и выгодная для нѣкоторыхъ». Какое намъ дѣло до Муравьева-министра, до его крѣпостническихъ убѣжденій? Въ исторію онъ войдетъ не въ качествѣ министра и защитника крѣпостнаго права, а въ качествѣ подавителя дерзкаго и оскорбительнаго для нашей народной чести возстанія, въ качествѣ умнаго администратора и организатора обширнаго края, взбудораженнаго мятежомъ. Очень можетъ быть, что и Ростовцовъ, защитникъ нашего стараго режима, до 1857 года вовсе не сочув-

ствовалъ освобожденію крестьянъ; но это обстоятельство не помѣшаетъ ему занять самую почетную страницу въ исторіи уничтоженія крѣпостнаго права. Такъ и Муравьевъ: его крѣпостническое направленіе не помѣшало ему быть главнымъ руководителемъ въ дѣлѣ освобожденія Русскихъ и Литовскихъ крестьянъ отъ Польскихъ помѣщиковъ. Въ данномъ случаѣ можно, конечно, подивиться капризу судьбы и колеблемости убѣжденій Русскаго человѣка; но отсюда еще далеко до исторической каррикатуры. М. Н. Муравьевъ обладалъ умомъ государственнымъ, большимъ практическимъ умомъ, не терпящимъ иллюзій. Сѣверо-Западный край, его новѣйшую исторію, бытовыя и имущественныя отношенія онъ зналъ отлично, зналъ на практикѣ, а не по слуху, не по газетнымъ кореспонденціямъ; а потому онъ дѣлалъ только то, что̀ можно и не увлекался творчествомъ изъ ничего. Приводимъ слѣдующее мѣстное острословіе, любопытное для характеристики Виленскихъ генералъ-губернато̀ровъ, приписываемое Евреямъ; имена генералъ-губернаторовъ обозначаемъ Латинскими буквами:

А—ничего не говорилъ и ничего не дѣлалъ;
В—много говорилъ, мало дѣлалъ;
С—одно говорилъ, другое дѣлалъ;
Д—мало говорилъ, много дѣлалъ.

Мы умышленно спутали хронологическій порядокъ; но читатели, безъ сомнѣнія, догадаются, къ кому относится послѣдняя строчка. Да, онъ очень много дѣлалъ и былъ врагомъ фразы, пустаго говоренія, фантастическихъ экспериментовъ. Все это въ Сѣверо-Западномъ краѣ настало послѣ него: насталъ періодъ говоренія. Говореніе безъ дѣла, или при маломъ дѣлѣ, при фантастическихъ порывахъ, не только не производитъ ничего добраго, но порождаетъ смуту въ умахъ и въ людскихъ отношеніяхъ. Муравьевъ любилъ крутыя мѣры, удары мечомъ, когда нужно, подобно тому, какъ опытный хирургъ предпочитаетъ удары своего ланцета глотанію микстуръ; но ему противны были всякаго рода растравленія и пилящія операціи, а словами, какъ извѣстно, можно долго и мучительно пилить и терзать. Укажемъ на одинъ примѣръ, немыслимый при Муравьевѣ,—на взаимное недовѣріе и вражду самихъ Русскихъ людей, изъ-за которыхъ забывалось о самомъ дѣлѣ. Всѣхъ обуяла манія ополяченія, за которою гонялись повсюду и которую находили другъ въ другѣ и непремѣнно, конечно, въ своемъ соперникѣ,—ополяченія, отъ котораго были свободны только люди, вчера вышедшіе изъ вагоновъ на Виленскомъ вокзалѣ. Подобнаго сумасбродства, повторяемъ, при Муравьевѣ не могло возникнуть.

М. Де-Пуле.

Тамбовъ
27 Сентября 1879 г.

Разсказы изъ недавней старины *).

*

Оберъ-полицмейстеръ ежедневно представлялъ императору Павлу списокъ всѣхъ пріѣхавшихъ въ столицу. Разъ читаетъ онъ «Бухаринъ» и дѣлаетъ надпись: «въ 24 часа выѣхать». Это не Бухаровъ, а Бухаринъ», замѣчаетъ докладчикъ. «Ахъ я спуталъ!» сказалъ съ досадою Императоръ и зачеркнулъ надпись. Повторилось это однако и во второй разъ и въ третій разъ, что̀ случилось въ самый день переѣзда Императора въ новый Михайловскій дворецъ. «Не прикажете ли, Ваше Величество», спросилъ докладчикъ», «въ избѣжаніе ошибки, присоединить къ его фамиліи Михайловскій?»—«Ахъ, хорошо!» сказалъ Императоръ, и съ того времени Бухаринъ сталъ именоваться Бухаринъ-Михайловскій [1])

*

Когда императоръ Александръ Благословенный былъ въ Пермской губерніи, онъ посѣтилъ проѣздомъ городъ Оханскъ.

Разсказу о пребываніи тамъ Императора кстати предпослать нѣкоторое знакомство съ тогдашнимъ Оханскомъ. Городъ этотъ состоялъ изъ одной улицы и имѣлъ одну церковь. Когда, по смерти моего дѣда, отцу моему пришлось года два-три оставаться въ Пермской губерніи, чтобъ устроиться съ дѣлами и имѣніемъ, онъ избралъ службу въ Оханскѣ, какъ ближайшемъ къ Перми городѣ, куда и былъ назначенъ уѣзднымъ судьею и предводителемъ (по недостатку дворянъ эти должности были соединяемы). Ни одного человѣка положительно не оказалось въ городѣ, съ кѣмъ бы можно было поговорить. Мать моя открыла у себя странно-пріимный домъ: всѣ богомольцы, идущіе изъ Сибири къ Троицѣ, въ Кіевъ, Воронежъ, Саровъ и обратно, пользовались ея евангельскимъ гостепріимствомъ. Слухи о томъ дошли до одного старика, жившаго верстахъ въ полутарастахъ или болѣе отъ Оханска и принимавшаго также у себя странниковъ. Онъ, подобно царицѣ Южской, желавшей видѣть Соломона, прибылъ въ Оханскъ, чтобы видѣть благодѣтельную

---

*) См. Р. Архивъ 1878, III, 507 и слѣд.

[1]) Отъ самого Бухарина.

особу. Увидѣвъ мать мою, старикъ палъ ей въ ноги. Матушку это смутило, и она просила его встать. «Не только мнѣ валяться въ твоихъ ногахъ, отвѣчалъ старикъ, а цаловать ступни твои: я одною ногою стою въ гробу, мнѣ нельзя не думать о душѣ, а ты жизнь свою начинаешь съ такого христіанскаго подвига!» Матери моей было восемнадцать лѣтъ.

Въ то время очень много пересылалось въ Сибирь по политическимъ преступленіямъ. Отецъ, посѣщая каждую партію ссыльныхъ, знакомился съ людьми образованными иногда очень хорошихъ фамилій, и они, по желанію отца, отмѣчались больными и оставлялись до слѣдующей партіи, иногда на мѣсяцъ и болѣе. Весь день они проводили у отца, а вечеромъ возвращались въ острогъ. Не было примѣра злоупотребленія довѣріемъ. Очень часто отецъ мой получалъ отъ этихъ несчастныхъ и ихъ родителей письма. Какою теплотою чувствъ согрѣты были эти письма! Въ какихъ горячихъ выраженіяхъ высказывалась благодарность этими несчастными за дорогое перепутье въ ихъ тягостномъ шествіи! Нерѣдко случалось, что тѣмъ, которые оказывались невинными, была возвращаема свобода. Какая радостная бывала встрѣча!

И вотъ въ этотъ-то Оханскъ, гдѣ, благодаря только его географическому положенію, или точнѣе значенію пересылочнаго острога, можно было не забыть человѣческой рѣчи, прибылъ Императоръ. Онъ проѣхалъ прямо въ церковь. У крыльца церкви обратилъ на себя его вниманіе грудной хорошенькій мальчикъ на рукахъ кормилицы. Группа эта рѣзко выдѣлялась изъ окружающей толпы. Государь спросилъ: «чей это ребенокъ?» Развязно отвѣчала ему бойкая кормилица. Государь взялъ мальчика за обѣ щеки и поцѣловалъ. Это былъ мой старшій братъ.

Въ Оханскѣ Государь имѣлъ обѣдъ. Въ открытыя окна низенькаго дома Оханской публикѣ удобно было видѣть обожаемаго Монарха, равно и ему легко было познакомиться съ Оханскою публикою. Несомнѣнно, вслѣдствіе такого знакомства, Императоръ приказалъ камеръ-лакею вынести пирожное Оханскимъ дамамъ. Надо отдать симъ послѣднимъ долгъ справедливости: расправа съ пирожнымъ произведена была съ полною энергіею. Оханскія дамы не носили перчатокъ, почему не представлялось для нихъ особенныхъ затрудненій завладѣть и прозрачнымъ желе: чрезъ минуту только мокрыя ладони напоминали о вкусномъ царскомъ блюдѣ. Нападеніе на желе было передъ глазами Государя [2]).

Близъ одного селенія Государь вышелъ изъ экипажа и пошелъ пѣшкомъ. Подойдя къ первой избѣ, онъ спросилъ женщину, подмывавшую крыльцо: «развѣ завтра праздникъ, что ты моешь полы?»

---

[2]) Отъ матери моей Софіи Степановны Листовской.

«Нѣтъ, служивый, отвѣчала баба, земскіе велѣли мыть; говорятъ: «Царь будетъ ѣхать; вздумаетъ зайти, такъ чтобы было чисто. Ну, гдѣ же онъ зайдетъ?!»—«А хотѣлось бы тебѣ Царя видѣть?»—«Какъ бы не хотѣлось!»—«А если я Царь?» — «Вотъ еще что выдумалъ!» замѣтила съ усмѣшкою баба. Между тѣмъ Государь вошелъ въ избу и спросилъ молока. Баба одѣлась, подала кринку и, встряхнувъ передъ Государемъ свой поясъ, сказала, шутя: «А вотъ, коли ты Царь, такъ я для тебя и нарядилась». Въ это время подъѣхалъ экипажъ Государя, а когда нѣсколько особъ свиты его вошли въ избу, баба стала кричать: «караулъ, караулъ!»—Что ты, что ты? Съ чего тебѣ вздумалось кричать караулъ? Кто тебя грабитъ?» спросилъ Государь. «Батюшка, Ваше Царское Величество!» отвѣчала растерявшаяся баба, «земскіе велѣли» [3]).

Въ одномъ селеніи, гдѣ Государь долженъ былъ имѣть ночлегъ, приготовили для него помѣщеніе у одного богатаго мужичка. Передъ пріѣздомъ Государя полиція, повздоривъ съ мужичкомъ, отвела ночлегъ у брата мужичка, менѣе зажиточнаго. Государь вошелъ въ комнату и спросилъ меду. «Меду нѣтъ, Ваше Императорское Величество», отвѣчалъ уныло хозяинъ. «Ну, дай молока», сказалъ Государь. «Ваше Императорское Величество, у меня есть медъ», сказалъ обиженный полиціею мужичокъ, стоя у дверей. «Ну, угости», сказалъ Государь. «Ваше Императорское Величество, вѣдь квартира-то у меня отведена была; да, вишь ты, земскіе поспорили и перемѣнили».—«Я ужъ въ этомъ не виноватъ», замѣтилъ Государь. «Ваше Императорское Величество!» продолжалъ неотвязный мужичокъ, низко кланяясь Государю, «осчастливьте!»—«Да какъ же, мой милый, вѣдь и лошади отпряжены». — «Нѣтъ, Ваше Императорское Величество, лошадей еще не отпрягали». А въ это время жена мужичка слезно упрашивала лейбъ-кучера Государя повременить отпряжкою лошадей. «Да и на дворѣ сыро», сказалъ Государь.— «Сверху-то ничего», замѣтилъ мужичокъ. «Ну, что съ тобою дѣлать!» сказалъ, вставая добродушный Монархъ. «Велите подавать лошадей».

Уходя изъ дома, Государь пожаловалъ хозяину сторублевую бумажку.

Государь сѣлъ въ коляску, жена осчастливленнаго мужичка бѣжала уже къ дому, тогда какъ ея мужъ, прицѣпившись къ заднимъ рессорамъ царскаго экипажа, слѣдовалъ къ своему дому, такъ сказать, непосредственно съ Царемъ.

Войдя въ просторный домъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ комнатъ, роскошно для мужика меблированныхъ, Государь обратилъ вниманіе на портреты свой и Императрицы, писанные масляными краска-

---

[3]) Отъ нея же.

ми, красовавшіеся надъ диваномъ, и улыбнулся, глядя на нихъ. У Государыни шея была нарисована лебединая. Уѣзжая, Государь благодарилъ хозяина за хорошій ночлегъ и радушіе, ни ничего не пожаловалъ, а съ первой станціи прислалъ ему сторублевую бумажку. Мужичокъ запрягъ лошадей и поскакалъ благодарить Государя. Онъ догналъ его въ Вятской губерніи, гдѣ былъ допущенъ къ Государю, что̀ и не представляло затрудненій, и благодарилъ за дорогой гостинецъ. Эту бумажку отецъ мой видѣлъ у мужичка въ золоченой рамѣ за стекломъ. Мужичокъ, разсказывая ему о пребываніи у него Государя, присовокупилъ: «Завѣщалъ я дѣтямъ и внукамъ, какую бы ни терпѣли нужду, эту бумажку не трогать и сохранять изъ рода въ родъ на память о добромъ Батюшкѣ-Царѣ [4]).

А вотъ случай находчивости мужичка. Въ Перми хлѣбъ былъ ни по чемъ, 6 или 9 копѣекъ ассигнаціями пудъ, и въ это время воспрещена была вольная продажа водки, на которую наложенъ акцизъ, что̀, при дешевизнѣ хлѣба, возвысило цѣну водки въ нѣсколько разъ. Въ это-то время дѣдъ мой [5]) исправлялъ должность губернатора въ Перми. Ѣхалъ разъ онъ по улицѣ, по обычаю того времени, четверкою цугомъ. Съ базарной площади мужичокъ съ тремя порожними подводами, разогнавъ лошадей, попалъ прямо въ цугъ. «Поди сюда», крикнулъ ему дѣдъ. «Это что ты надѣлалъ?»—«Да что батюшка, съ горя», отвѣчалъ мужичокъ, почесывая затылокъ. «Какое у тебя горе?» спросилъ дѣдъ. «Да какъ же, привезъ три воза хлѣба на базаръ, хлѣбъ продалъ, деньги пропилъ, а все не пьянъ». Дѣдъ разсмѣялся и отпустилъ мужичка съ миромъ.

Въ Стародубѣ было приготовлено для Государя помѣщеніе въ домѣ губернскаго предводителя Ширая. Входя въ залъ, чтобъ имѣть счастіе представиться Государю, Ширай зацѣпился шпагою за ручку замка. «Осе Московска выдумка, только цѣпляесся!» ворчалъ онъ. Ширай не замѣчалъ, что въ залѣ стоялъ Императоръ и смѣялся, глядя на колоссальную фигуру Шрая, котораго тщедушная шпажонка не пропускала въ дверь.

Государь сказалъ Шираю, что на время его пребыванія назначаетъ его комендантомъ своей квартиры. Ширай былъ въ восторгѣ; онъ всю ночь ходилъ вокругъ дома, дабы ничто не нарушало покоя дорогаго гостя. На другой день, уѣзжая, онъ благодарилъ Шрая за прекрасный ночлегъ и сказалъ: «Я напишу Императрицѣ, чтобъ остановилась у тебя» [6]).

---

[4]) Отъ нея же.

[5]) Андрей Степановичъ Листовскій, д. с. с.

[6]) Отъ генералъ-маіора Е. Я. Долинскаго, женатаго на дочери Шрая, Марьѣ Степановнѣ.

Кстати сказать о Шираѣ. Это былъ человѣкъ оригинальный по уму, манерамъ и привычкамъ. «Ваше превосходительство», докладываетъ ему прикащикъ, «у насъ въ хуторѣ валится пуня» (сарай). «Ну, подопри», равнодушно отвѣчаетъ Ширай. Предваряютъ его, что у него прикащикъ воруетъ, что онъ выстроилъ въ Стародубѣ уже домъ, совѣтуютъ перемѣнить. «А онъ домъ-то ужъ выстроилъ?» спрашиваетъ Ширай. «Выстроилъ», отвѣчаютъ ему. «А другаго возьму, ему еще строить надо будетъ», замѣчаетъ хладнокровно Ширай. Иной разъ онъ, узнавъ о воровствѣ кого-либо изъ прикащиковъ, велитъ ему зашить карманы и позвать къ себѣ. «Суй руки въ карманъ». Прикащикъ суетъ руки, но карманы оказываются зашитыми. «Куда, ворюга, будешь ворованное класть?» спрашиваетъ Ширай. «А что стыдно? Ахъ ворюга, ворюга. Пошелъ!»

Замѣчательно, что у Ширая не было тѣлеснаго наказанія и былъ крестьянскій судъ изъ стариковъ. Рѣшеніе суда предъявлялось ему на утвержденіе. Онъ смягчалъ или усиливалъ наказаніе. Лѣтомъ судъ собирался передъ окнами или балкономъ барскаго дома, въ присутствіи самого Ширая. Сибирью, для ссылки, былъ какой-то хуторъ въ Новозыбковскомъ уѣздѣ. Иногда за малую кражу онъ не взыскивалъ, но приказывалъ воришкѣ бѣжать, а за нимъ метлами заметать слѣдъ [7]).

Проѣзжая черезъ Мглинъ, Государь замѣтилъ, что церковь каменная не достраивается и, узнавъ, что не имѣется средствъ къ окончанію, пожаловалъ двадцать тысячъ рублей.

Извѣстно, что Государь Александръ Павловичъ былъ самымъ строгимъ блюстителемъ закона и почиталъ это необходимымъ для прочности государственнаго строя. На проѣздѣ Государя черезъ Бѣлоруссію, Могилевская помѣщица Викторія Ивановна Крушевская, представивъ ему двухъ малолѣтнихъ дочерей, просила о замѣщеніи ихъ на казенный счетъ въ институтъ. Государь поцаловалъ руку у Крушевской, дѣвочекъ поцѣловалъ въ лобъ и спросилъ ее, гдѣ служилъ ея мужъ? «Нигдѣ», отвѣчала Крушевская. «Хорошо ли вы знаете, что не служилъ?» спросилъ Государь. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ съ особенною какою-то заботливостію сдѣлалъ вопросъ: «Да кѣмъ-нибудь не служилъ ли? Хоть какимъ-нибудь подкоморіемъ?»—«Нѣтъ, Ваше Величество», отвѣчала Крушевская; «я очень хорошо знаю, что никогда и никакой должности мой мужъ не имѣлъ».—«Очень жаль», сказалъ Императоръ: «если вашъ мужъ нигдѣ не служилъ, я не могу исполнить вашей просьбы, такъ какъ по закону принимаются на казенный счетъ только тѣ дѣти, коихъ

---

[7]) Отъ казака Алексѣя Хмѣлевскаго, бывшаго его арендатора.

отцы состояли на государственной службѣ; отступать же отъ закона я не могу. Вотъ все, что̀ могу вамъ сдѣлать», прибавилъ онъ и тутъ же приказалъ изъ собственныхъ суммъ выдать ей три тысячи рублей [8]).

Въ Острѣ (Черниговской губерніи) губернаторъ представлялъ Государю всѣхъ чиновниковъ. Въ уѣздѣ этомъ преобладала фамилія Солонина. Въ эту пору, какъ нарочно, въ чиновномъ мірѣ уѣзда, представлявшемся Императору, и не было почти другой фамиліи: предводитель Солонина, уѣздный судья Солонина, непремѣнный засѣдатель Солонина. Государь, выходя изъ зала, замѣтилъ губернатору: «Ты меня такъ сегодня угостилъ солониной, что я обопьюсь» [9]).

Къ императору Александру необыкновенное имѣлъ сочувствіе бывшій епископъ Уфимскій, а потомъ архіепископъ Ярославскій Августинъ. Вотъ два замѣчательныхъ случая. Ночью на 19 Марта 1814 года Августинъ въ Уфѣ разбудилъ своего послушника и приказалъ въ соборѣ къ утрени звонить въ большой колоколъ и духовенству собраться къ молебну, который будетъ служить самъ онъ соборнѣ. Вставали въ это время всѣ рано, и губернаторы тоже. Губернаторомъ былъ Наврозовъ. Услыхавъ звонъ въ большой колоколъ, справившись съ святцами и табелью и не найдя никакого въ этотъ день праздника, онъ послалъ узнать о причинѣ звона въ праздничный колоколъ. Ему объяснили, что звонили по приказанію преосвященнаго, который самъ соборнѣ будетъ служить благодарственный молебенъ; но по какому случаю — никто не знаетъ. Государь въ это время, какъ извѣстно, былъ съ арміей за границею, и потому Наврозовъ пришелъ къ такому предположенію, что не получилъ ли архіерей извѣщенія черезъ Синодъ о какомъ нибудь событіи ранѣе его; онъ прибылъ въ соборъ къ молебну и, прикладываясь къ кресту, спросилъ архіерея, по какому случаю молебенъ?—«Сегодняшній день Государь Императоръ съ воинствомъ изволилъ вступить въ Парижъ», отвѣчалъ преосвященный.—«Ваше преосвященство! Нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь ошибки?» спросилъ изумленный Наврозовъ.—«Я не ошибаюсь», отвѣчалъ спокойно Августинъ, «и ваше превосходительство, какъ вѣрноподданнаго, имѣю честь поздравить съ симъ счастливымъ событіемъ».

Чрезъ нѣсколько недѣль всѣ узнали, что Августинъ дѣйствительно не ошибся [10]).

---

[8]) Отъ дочери г-жи Крушевской, Екатерины Антоновны.

[9]) Отъ Александра Михайловича Исленьева.

[10]) Отъ протоіерея Ив. Ант. Бреева, бывшаго при Августинѣ книгодержцемъ, то-есть онъ въ служеніи держалъ предъ Августиномъ служебникъ.

19 Ноября 1825 года, то-есть въ день кончины императора Александра I, Августинъ въ Ярославлѣ служилъ соборнѣ панихиду о рабѣ Божіемъ Александрѣ [11]).

Кстати сказать объ Августинѣ. Въ своихъ разсказахъ «Мелочи архіерейской жизни» г. Лѣсковъ упоминаетъ, между прочимъ, что покойный митрополитъ Кіевскій Филаретъ, бывъ ректоромъ Уфимской семинаріи, переносилъ гоненія отъ Августина. Я полагаю здѣсь ошибку. Митрополитъ Филаретъ былъ въ Уфѣ при Амвросіи. Мнѣ помнится, я гдѣ-то читалъ переписку Амвросія съ Филаретомъ, уже членомъ Синода. Амвросій просилъ не памятовать ему зла. Въ отвѣтѣ Филарета была легкая укоризна за предположеніе, что онъ можетъ памятовать о злѣ, еслибъ и было ему оно дѣлаемо, и что все дѣлается ко благу человѣка.

Августинъ пріѣхалъ въ Уфу франтомъ, ходилъ въ бархатныхъ рясахъ, въ разговорахъ съ дамами любилъ пересыпать свою рѣчь Французскими фразами. Но вдругъ въ немъ произошла рѣзкая перемѣна: онъ сталъ ходить въ крашенинной рясѣ, ѣздилъ въ соборъ на служеніе въ кибиткѣ на парѣ лошадей, по епархіи въ кибиткѣ на тройкѣ; рядомъ сажалъ протоіерея, на кòзла протодіакона, а на облучокъ посошника (онъ же и послушникъ его). Съ шести часовъ утра онъ былъ въ Консисторіи, и ни одно прошеніе, ни одна бумажка не миновала его рукъ: сейчасъ же наводилась справка, клалась резолюція и исполнялась. Взяточничество, разумѣется, при такихъ порядкахъ, было немыслимо. Но содержаніе консисторскихъ чиновниковъ было столь скудно, что существовать безъ постороннихъ источниковъ не представлялось возможнымъ. Зная это хорошо, архипастырь ограничилъ до крайности собственные расходы, раздѣляя весь остатокъ отъ своего содержанія и прогоновъ на консисторскую братію [12]). Такого образа жизни держался Августинъ и въ Ярославлѣ, чтò казалось страннымъ, и за эти странности, какъ говорилъ А. Н. Муравьевъ, кажется, онъ и уволенъ былъ на покой.

На Муравьева Августинъ не произвелъ хорошаго впечатлѣнія. Онъ пришелъ къ Андрею Николаевичу въ Ростовѣ, гдѣ жилъ на покоѣ, ночью, когда сему послѣднему, быть можетъ, желалось отдохнуть, говорилъ скоро, ходилъ по комнатѣ, курчавые волосы его имѣли видъ взъерошенныхъ. Онъ показался Андрею Николаевичу какъ бы помѣшаннымъ [13]).

Образъ жизни велъ онъ въ Ростовѣ отшельническій, прислуги у него не было. Когда Уфимская помѣщица Лазарева зашла къ нему въ Ростовѣ, онъ очень обрадóвался, самъ поставилъ самоваръ, на-

---

[11]) Отъ кол. сов. Вас. Вас. Завьялова.

[12]) Отъ надв. сов. Сидорова, Уфимскаго старожила.

[13]) Отъ А. Н. Муравьева.

поилъ ее чаемъ. При ней же онъ, нагнувшись, мѣшалъ кочергою въ печи и закрылъ трубу [14])

Августинъ былъ очень расположенъ къ потомственному почетному гражданину И. Плѣшанову. Плѣшановъ считалъ его мужемъ боговдохновеннымъ и говорилъ, что всѣ случаи его жизни были ему задолго предсказаны Августиномъ [15]).

*

Въ 1812 году главнокомандующимъ резервною арміею былъ князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій. Онъ былъ очень небольшаго роста, человѣкъ горячій до забывчивости. Главная квартира находилась въ гор. Бѣлицѣ, Могилевской губерніи (нынѣ заштатный городъ близъ Гомеля). Получивъ Высочайшее повелѣніе доставить на подводахъ къ Калишу 17 тысячъ войска, князь Лобановъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы собрать нужное количество подводъ, и отправилъ Императору своего адъютанта Мансурова съ донесеніемъ, что воля Его Величества будетъ немедленно исполнена. На другой день является къ нему исправникъ, докладывая, что Добрянка [16]) отказалась поставить подводы. Князь Лобановъ пришелъ въ ярость, затопалъ ногами, замахалъ кулаками, раскричался, и въ пылу гнѣва крикнулъ [17]) «сжечь Добрянку!» — «Слушаю,» отвѣчалъ исправникъ и удалился. Прошло два-три дня, дѣло уладилось, войско отправлено. Является исправникъ. Князь Лобановъ вспомнилъ о своей вспышкѣ и уже боялся услыхать объ исполненіи безумнаго приказанія. «Ваше сіятельство!» сказалъ исправникъ, «я долженъ просить у васъ прощенія: я не могъ исполнить вашего приказанія, потому что не понялъ хорошенько, какъ угодно в. с—тву сжечь Добрянку, съ жителями или безъ жителей?»—«Молодецъ ты!» сказалъ князь Лобановъ, довольный находчивостью исправника. Исправникъ же, благодаря этому случаю, пользовался всегда особымъ расположеніемъ князя.

Съ какимъ трепетомъ прежнее духовенство встрѣчало своего архіерея, дастъ понятіе слѣдующій забавный случай. Въ Перми былъ архіерей, старичокъ слабый. Духовенство вспоминало о немъ только во время церковной молитвы. По кончинѣ его (въ 1823 г.) назначенъ

[14]) Отъ А. И. Лазаревой.

[15]) Отъ вдовы Плѣшанова, Глафиры Козминишны.

[16]) Раскольничья слобода. Такими случаями пользовалась полиція, налагая не по силамъ повинность, пока слобода не ублаготворитъ алчущихъ. Тутъ, быть можетъ, былъ только протестъ со стороны Добрянки противъ притѣсненій полиціи.

[17]) Отъ Александра Михайловича Исленьева, бывшаго адъютантомъ князя Лобанова въ то время.

былъ Діонисій. Слухъ пронесся, что Діонисій строгъ, дѣятеленъ, ѣздить любитъ скоро. Это было вскорѣ по смерти моего дѣда, а потому мать моя и бабушка были въ глубокомъ траурѣ, то-есть въ сукнѣ и крепѣ. Такъ какъ архіерей долженъ былъ остановиться въ с. Мотовилихѣ (въ шести верстахъ отъ города) и тамъ слушать литургію, родные мои, желая встрѣтить архіерея, поѣхали туда. Поѣхали они въ голубой каретѣ, четверкою вороныхъ цугомъ. На бѣду соборнаго духовенства, такого же цвѣта карета и на вороныхъ лошадяхъ была отправлена за архіереемъ. Роднымъ моимъ встрѣтился на дорогѣ мужичокъ; онъ объяснилъ, что обѣдня отошла, и архіерей сейчасъ выѣзжаетъ, почему онѣ вернулись въ городъ. Лишь только карета ихъ показалась на горѣ, на соборной колокольнѣ начался трезвонъ. Родные, полагая, что за ними ѣдетъ архіерей, велѣли гнать лошадей, чтобы предупредить его пріѣздъ. А между тѣмъ это самое еще болѣе укрѣпило соборянъ въ увѣренности, что ѣдетъ архіерей. Соборяне засуетились, вышли, для встрѣчи архіерея, къ воротамъ соборной ограды съ крестнымъ ходомъ, съ рипидами, свѣтильниками, къ дверцамъ кареты бросили орла, что̀ не дозволяло моей бабушкѣ сойти со ступеньки кареты,—а въ это время діаконы ей кадятъ, а протодіаконъ при этомъ баситъ «Достойно есть яко воистину». Наконецъ, кто-то изъ публики попросилъ образумиться и дать возможность дамамъ выйти изъ кареты. Можно представить досаду духовенства, при существовавшемъ предразсудкѣ, что подобная ошибка представляетъ дурное предзнаменованіе.

Однажды покойный Филаретъ, митрополитъ Кіевскій, говорилъ проповѣдь во время обѣдни. Бывшій тогда генералъ-губернаторомъ Бибиковъ позволилъ себѣ въ это время разговаривать съ какимъ-то генераломъ. Филаретъ, сдѣлавъ поворотъ къ нему, замѣтилъ ему: «Или вы говорите, а я васъ буду слушать, или вы молчите, а я буду говорить». А затѣмъ, возвратясь къ аналою, сталъ продолжать прерванное поученіе [18]).

Тотъ же разскащикъ былъ свидѣтелемъ одного забавнаго случая при произнесеніи проповѣди. Въ 1826 году 30 Ноября, въ храмовой праздникъ въ Андреевской церкви въ Кіевѣ, служилъ митрополитъ. Мѣстный протоіерей долженъ былъ говорить поученіе. Онъ вошелъ на каѳедру, митрополитъ сѣлъ передъ иконостасомъ на своемъ креслѣ противъ проповѣдника. «Иду рыбу ловити», началъ проповѣдникъ. Старички-богомольцы, стоявшіе возлѣ каѳедры, предполагая, что батюшка собирается на Днѣпръ и, почитая долгомъ напутствовать его добрымъ пожеланіемъ, съ низкимъ поклономъ, сказали ему:

[18]) Отъ ст. сов. Павла Семеновича Балабухи.

«помогай, Боже, батюшка». Священникъ до того растерялся, что не могъ произнести ни одного слова. Видя замѣшательство проповѣдника, митрополитъ, вставъ, далъ знакъ пѣвчимъ; они пропѣли «буди имя Господне», и служеніе окончилось безъ проповѣди.

*

Императоръ Николай, бывъ въ 1837 году въ Казани, которую называлъ уголкомъ столицы, остался отмѣнно доволенъ университетомъ и попечителемъ учебнаго округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ. Замѣтно, ему было пріятно, что вездѣ встрѣчала его толпа студентовъ. Всходя на второй этажъ къ церкви, Государь замѣтилъ, что рѣшетка пестра. Рѣшетка была окрашена зеленою краскою съ красными и желтыми цвѣтами, чисто въ Азіатскомъ вкусѣ. Церковь очень понравилась Государю, и онъ объявилъ желаніе на другой день быть у обѣдни. На другой день рѣшетка оказалась чугуннаго цвѣта, и Государь милостиво далъ понять Мусину-Пушкину, что онъ замѣтилъ эту перемѣну [19].

*

Въ одинъ изъ проѣздовъ Государя въ Кіевъ его ожидали въ лаврѣ. Но потомъ прислано сказать митрополиту, что Государь проѣдетъ прямо въ домъ генералъ-губернатора. Чрезъ нѣкоторое время прислали сказать снова митрополиту, что Государь сейчасъ будетъ. Все засуетилось: кто застилаетъ ковры, кто облачается, кто зажигаетъ свѣчи. Императоръ входитъ въ храмъ, старикъ-монахъ зажигаетъ паникадило. Государь, взявъ старика за локоть, сказалъ: «оставь, не надо». Монахъ, не оборачиваясь и полагая, что ему говоритъ кто-нибудь изъ послушниковъ, не слыхавшихъ послѣдняго извѣщенія о намѣреніи Государя, толкнулъ локтемъ, проговоривъ: «тебя никто не питае, иды прочь, самъ знаю що треба». Государь улыбнулся и пошелъ далѣе. Старикъ пришелъ въ ужасъ, когда ему сказали, что отвѣтъ его былъ обращенъ къ Царю [20].

*

Однажды императоръ Николай, назначивъ свой выѣздъ въ Царское Село, повелѣлъ, чтобы никакихъ встрѣчъ ему не дѣлалось. Желѣзной дороги не было, шоссе еще не было открыто для публики, почему нѣкоторые мосты были заложены. Подъѣхавъ къ одному мосту, Государь замѣтилъ чиновника, суетившагося возлѣ моста. Подозвавъ его къ себѣ и узнавъ, что это былъ исправникъ, Государь спросилъ: «какимъ образомъ ты здѣсь, когда я приказалъ, чтобы не было мнѣ никакихъ встрѣчъ?»—«По личному усердію,

19) Отъ д. ст. сов. А. Х. Глущикова.

20) Отъ намѣстника лавры, архимандрита Варлаама.

Ваше Величество».—«За личное усердіе на недѣлю на гауптвахту», сказалъ Государь [21]).

*

На маневрахъ флота подъ Кронштатомъ, въ присутствіи императора Николая, одинъ корветъ наткнулся на другой. «Подъ судъ командира», грозно сказалъ Императоръ. Адмиралъ Белингсгаузенъ, стоя возлѣ него, началъ ворчать: «за всякую малость подъ судъ!».. Государь сдѣлалъ видъ, что его слушаетъ. «Молодой офицеръ», продолжаетъ Белингсгаузенъ, «желалъ отличиться въ присутствіи Государя, не размѣрилъ разстоянія и наткнулся: не велика бѣда! Если за это подъ судъ, у насъ и флота не будетъ». Государь, обратясь къ Белингсгаузену, сказалъ: «Спасибо, старикъ; ты сказалъ правду! Но все таки надо разслѣдовать».—«Это будетъ сдѣлано», продолжалъ тѣмъ же ворчливымъ тономъ Белингсгаузенъ, «и съ виновнаго взыщется, но не судомъ».—«Правда, правда», подтвердилъ Государь, «спасибо»! [22]).

Интересно, что въ Россіи служили три родные брата Белингсгаузены: первый адмиралъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ, второй генералъ Иванъ Ивановичъ, третій дѣйств. ст. сов. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, а отца ихъ звали Карломъ. Конечно, это можетъ случиться только въ Россіи и случилось слѣдующимъ образомъ: Ѳаддей воспитывался въ Морскомъ Корпусѣ. «Какъ тебя зовутъ»? спрашиваютъ его, при пріемѣ. «Ѳаддеемъ».—«А по отцѣ?» Белингсгузенъ, не говоря порусски, не понялъ вопроса. Онъ подумалъ и повторилъ опять «Ѳаддей». Пишите Ѳаддей Ѳаддеевичъ». И записали такъ. Иванъ опредѣленъ былъ въ первый Кадетскій корпусъ. Совершенно также его возвеличали Ивановымъ, а третьяго Ѳедоровымъ. Такъ записаны были они въ корпусахъ, такъ выпущены на службу, служили и умерли самозванцами [23]).

*

Императоръ Николай въ 1848-мъ, кажется, году, проѣзжая чрезъ Черниговъ, остановился у собора, прошелъ въ склепъ теплаго собора, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи святителя Ѳеодосія Углицкаго, поклонился угоднику, потомъ прошелъ въ холодный соборъ, гдѣ отслужилъ молебенъ и затѣмъ сѣлъ въ коляску, при крикахъ ура! Лошади рванули, постромки пристяжныхъ лопнули. Государя, разумѣется, это раздосадовало; а народъ все не переставалъ кричать ура! «Оставьте», крикнулъ Императоръ, и вся многотысячная толпа смолкла мгновенно [24]).

---

21) Отъ генералъ-адъютанта Дм. Серг. Мордвинова.

22) Отъ д. с. с. Ник. Викент. Куницкаго, бывшаго моряка, лично слышавшаго отъ адмирала Белингсгаузена.

23) Отъ него же, Куницкаго.

24) Отъ священника И. Д. Бакуревича.

Въ Брестѣ-Литовскомъ, при встрѣчѣ Государя Николая Павловича, управляющій Комисаріатской Комисіей, д. ст. сов. Нейгардтъ рапортуетъ Его Величеству о состояніи склада: «Имѣю счастіе Вашему Императорскому Величеству доложить, что въ складахъ Брестской Комисаріатской Комисіи по настоящее число имѣется на лицо: холста подкладочнаго 38,453 арш., холста рубашечнаго 182,208 арш., сукна чернаго мундирнаго 16,586 арш., сукна сѣраго»... и т. д. Произнося это, Нейгардтъ все косится на свою правую руку, которою сдѣлалъ подъ козырекъ. Нейгардтъ былъ колоссальнаго роста и имѣлъ огромную руку. Не надѣясь на свою память, онъ всѣ эти цифры написалъ на пальцахъ своей перчатки съ внутренней стороны. Государь замѣтилъ эту продѣлку, но не далъ этого понять, а по окончаніи рапорта, сказалъ: «Спасибо Нейгардтъ! Дай мнѣ свою перчатку на память», и взялъ перчатку.

Случай этотъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій для Нейгардта [25]).

*

Нѣсколько словъ о графѣ Клейнмихелѣ. Графъ Клейнмихель, отправляясь съ докладомъ къ императору Николаю, всегда былъ въ волненіи; онъ какъ-то судорожно перебиралъ пуговицы на мундирѣ, повѣряя, всѣ ли онѣ застегнуты [26]). Разъ, по возвращеніи его отъ Императора, Безносиковъ вошелъ къ нему въ кабинетъ и нашелъ его лежащимъ на диванѣ лицомъ къ стѣнѣ. Портфель лежалъ на столѣ: «Ваше с—во! Пришелъ Безносиковъ», доложилъ послѣдній. Отвѣта нѣтъ. «Ваше с—во! Не будетъ-ли приказаній?» Нѣтъ отвѣта. «Ваше с—во! Прикажете взять портфель?»—«Ваше с—во! Я ухожу». Клейнмихель, сдѣлавъ быстрый оборотъ головы, крикнулъ съ досадою: «ищите, кто меня умнѣе; я—поглупѣлъ!!» [27]).

Нелегкая бы была и задача: графъ Клейнмихель, какъ отозвался о немъ Безносиковъ и другое почтенное лицо, знавшее лично всѣхъ министровъ путей сообщеній, былъ человѣкъ государственнаго ума. Вотъ образчикъ его необыкновенныхъ способностей. Былъ комитетъ по сооруженію какого-то громаднаго моста. Составилось болѣе двухъ сотъ мнѣній по разнымъ частямъ этой постройки. Не мало стоило труда начальнику отдѣленія разобрать эти всѣ мнѣнія по группамъ. Въ Субботу онъ представилъ все Клейнмихелю, который велѣлъ въ Понедѣльникъ въ 9-ть часовъ утра придти за ними. Въ Понедѣльникъ утромъ начальникъ отдѣленія получилъ отъ Клейнмихеля всѣ мнѣнія, при чемъ изъ нихъ по каждой части сооруженій выбраны были самыя вѣрнѣйшія [28]).

25) Отъ генералъ-маіора А. В. Листовскаго.

26) Отъ генералъ-маіора Конст. Ст. Безносикова.

27) Отъ него же.

28) Отъ генералъ-лейтенанта П. П. Зуева.

Дошло до свѣдѣнія графа Клейнмихеля, чрезъ начальника III-го отдѣленія, о злоупотребленіяхъ полковника Я... Командированъ былъ Безносиковъ произвести удостовѣреніе. Я... жилъ въ губернскомъ городѣ открыто, еженедѣльно у него были балы, онъ имѣлъ лучшій домъ въ городѣ, лучшій выѣздъ. По пріѣздѣ Безносикова, Я... далъ обѣдъ на славу и потомъ балъ. Безносиковъ, возвратясь въ Петербургъ, явился къ Клейнмихелю. «Что Я...?» спрашиваетъ Клейнмихель. «Я долженъ доложить вашему с—ву, положа руку на сердце ..»—Я васъ не спрашиваю о томъ, что̀ вы, положа руку на сердце, можете сказать; а я спрашиваю у васъ фактовъ».—«Никакихъ не могъ открыть». — «Ну, значитъ, онъ умный человѣкъ», замѣтилъ Клейнмихель и ограничился переводомъ Я... въ другой округъ [29]).

Разъ Клейнмихель возвратился отъ Государя разстроеннымъ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ Безносикова, бывшаго чиновникомъ порученій его, и сказалъ ему, чтобы онъ одинъ докладывалъ ему по всѣмъ дѣламъ, успокоивая при томъ Безносикова, что не займетъ этимъ у него особенно много времени. Оказалось, что у Безносикова для обѣда, чая и сна было всего шесть часовъ. Передъ докладомъ, онъ долженъ былъ познакомиться съ каждымъ дѣломъ; а послѣ доклада, передать по отдѣленіямъ всѣ приказанія главноуправляющаго, потомъ вскрыть пакеты, телеграммы, потребовать для поясненія ихъ дѣла, подложить, ознакомиться, доложить. Словомъ, работа была такая, что черезъ три мѣсяца на Безносикова сталъ находить столбнякъ; онъ опасался, чтобы не помѣшаться въ умѣ. Докладывая разъ по какому-то дѣлу, онъ объяснилъ Клейнмихелю, что не имѣлъ даже физической возможности прочесть его: минуты свободной не было. «А?! Такъ васъ тяготитъ эта обязанность? Что же, вы можете быть отъ нея освобождены». Въ тотъ же день Безносиковъ получилъ командировку, и въ теченіи двухъ лѣтъ ему не случалось оставаться въ Петербургѣ болѣе сутокъ.

*

Упомяну здѣсь нѣсколько курьезовъ изъ служебной сферы, какъ характеризующихъ извѣстную эпоху.

Въ началѣ 40-хъ годовъ былъ въ Уфѣ губернаторомъ Ив. Дм. Талызинъ, человѣкъ очень умный, дѣльный, живой и горячій. Былъ онъ недоволенъ городскимъ головою Н... Призвавъ его и распушивъ, какъ водилось, онъ между прочимъ замѣтилъ: «ты сегодня у меня голова, а я завтра изъ тебя сдѣлаю пѣшку и кровь выпущу!»

Въ Могилевѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, былъ губернаторомъ

---

[29]) Отъ генералъ-маіора К. С. Безносикова.

Гамалея. Правитель канцеляріи Бѣловъ приноситъ ему развернутымъ томъ Свода Законовъ и объясняетъ, что приказаніе его не можетъ быть исполнено: законъ не допускаетъ этого. При этомъ указываетъ на статью. Гамалея вырвалъ томъ, быстро положилъ его подъ себя на стулъ и, указавъ пальцемъ на свою грудь, крикнулъ: «вотъ вамъ законъ» [30]).

Въ Суражѣ, Черниговской губерніи (это было въ пятидесятыхъ годахъ) пріѣхалъ на ревизію губернаторъ Шабельскій. Въ Ратушѣ кипитъ работа, журналы за цѣлый мѣсяцъ переписаны, ратманы вытрезвлены, посажены за присутственнымъ столомъ, чиновники почистились; у кого не доставало форменныхъ пуговицъ, таковыя перенесены съ фалдъ на грудь; секретарь сидитъ за столомъ, скрѣпляетъ журналы и, скрѣпивъ, подвигаетъ ихъ ратманамъ; тѣ выводятъ евангельскими буквами, перекрестясь, свои фамиліи, если не съ чувствомъ и толкомъ, то, по крайней мѣрѣ, съ разстановкою. Дѣло кончено. Но—о ужасъ! всѣ журналы ратманами подписаны такъ, какъ подвигалъ ихъ къ нимъ секретарь, т. е. вверхъ ногами. Между тѣмъ является губернаторъ, ревизуетъ, замѣчаетъ медленность и дѣлаетъ секретарю выговоръ. «Помилуйте, в. п-во, отвѣчаетъ секретарь, невозможно успѣть: я одинъ, ратманы неграмотные. Вотъ не угодно-ли взглянуть на журналы? А вѣдь это журналы за цѣлый мѣсяцъ, и ихъ нужно переписывать». Шабельскій взглянулъ на журналы, взглянулъ на мудрецовъ, засмѣялся, махнулъ рукою и, взявъ назадъ свое замѣчаніе, оставилъ Ратушу [31]).

Замѣчательно, что, по разъясненію министра юстиціи, должность ратмана даетъ право на избраніе въ мировые судьи. Одинъ изъ такихъ судей въ г. М. поцѣловалъ было руку у прокурора Судебной Палаты, еслибъ тотъ не отдернулъ ся во время.

*

Вотъ случай, характеризующій покойнаго графа Михаила Николаевича Муравьева. Братъ мой [32]), вскорѣ, по окончаніи курса въ университетѣ, былъ назначенъ исправляющимъ должность совѣтника Самарской Палаты Государственныхъ Имуществъ. По чину онъ еще не могъ получить утвержденія въ этой должности. Пріѣхалъ въ Самару министръ государственныхъ имуществъ, Муравьевъ. Сидитъ онъ въ присутственной камерѣ съ полнымъ составомъ Палаты и ревизуетъ отдѣленіе моего брата. «Медленность большая».— «Ваше в. п—во, я два мѣсяца только управляю отдѣленіемъ» — «Надо больше заниматься», говоритъ вяло Муравьевъ. «Я зани-

---

30) Отъ ст. сов. О. А. Самуцевича.

31) Отъ кол. сов. М. П. де-Жоржъ.

32) Д ст. сов. А. С. Листовскій. 1877.

маюсь восемнадцать часовъ въ сутки, болѣе не могу».—«Ну, можно и въ праздникъ заняться», тѣмъ же тономъ продолжаетъ Муравьевъ.—«У меня праздниковъ нѣтъ!» Муравьевъ замолчалъ, а по возвращеніи своемъ въ столицу произвелъ моего брата въ слѣдующій чинъ и утвердилъ въ должности.

*

Разъ Набоковъ, Иванъ Александровичъ, корпусный командиръ, во время развода, желая что-то сказать начальнику дивизіи, Гартунгу, крикнулъ ему: «Николай Ивановичъ!» Гартунгъ поспѣшилъ на этотъ зовъ. Въ тоже самое время съ гауптвахты караульный офицеръ, сдѣлавъ на караулъ, а потомъ вложивъ шпагу въ ножны, скорымъ маршемъ отправился чрезъ плацъ по направленію къ Набокову. «Что̀ прикажете, в. в—п-во?» спросилъ Гартунгъ, подойдя къ нему. «Позвольте, батюшка, позвольте», отвѣчалъ Набоковъ, «на гауптвахтѣ что-то случилось: дежурный офицеръ идетъ сюда». Между тѣмъ дежурный офицеръ подошелъ и сдѣлалъ честь. «Что̀ такое, батюшка, случилось?» спросилъ его Набоковъ. — «Ваше в. п — во изволили меня звать», отвѣчаетъ офицеръ. — «Когда, батюшка?»—«В. в.—п-во изволили кричать: Николай Ивановичъ!»—«А—а! такъ васъ зовутъ Николай Ивановичъ? Очень пріятно познакомиться. А меня зовутъ Иванъ Александровичъ», прибавилъ онъ, протягивая руку растерявшемуся офицеру, который разомъ познакомился и со всею группою офицеровъ, окружавшихъ командира [33]). (Офицеръ былъ Турово).

*

Въ 1851 году пріѣзжалъ на ревизію Палаты Государственныхъ Имуществъ въ Уфу директоръ департамента, Ганъ. Управляющимъ Палатою былъ Л. О. Строковскій, человѣкъ очень умный, честный и дѣльный, но большой чудакъ. При пріемѣ лѣсныхъ офицеровъ, Ганъ обратился къ нимъ приблизительно съ слѣдующею рѣчью. «Я удивляюсь, господа, какъ вы не живете въ лѣсу? Что̀ можетъ быть пріятнѣе этой жизни? Какъ, напримѣръ, въ Германіи: лѣсной офицеръ встаетъ утромъ рано, беретъ своего вѣрнаго друга-собаку, на плечо ружье и отправляется по участку, вдыхаетъ благорастворенный ароматическій воздухъ, набиваетъ дичи и, незамѣтно обойдя свой участокъ, возвращается съ добычею къ обѣду къ дорогой своей семьѣ!»—«Позвольте спросить в. п-во», обратился къ Гану Строковскій», какъ можетъ нашъ лѣсной офицеръ съ своимъ вѣрнымъ другомъ-собакою обойти до обѣда свой участокъ, имѣющій въ окружности четыреста верстъ?!»

---

[33]) Отъ генералъ-маіора Зах. Григ. Гудимы.

Повидимому Строковскій не убѣдилъ Гана, потому что былъ уволенъ отъ должности, хотя Палата при немъ была въ отличномъ состояніи.

*

По введеніи положенія 19 Февраля, въ С.... уѣздѣ было двое старчиковъ мировыми посредниками, коимъ право на эту должность давала прежняя служба въ земскомъ и уѣздномъ судахъ. Канцелярія губернатора любила щеголять иностранными словами въ бумагахъ. Читаетъ одинъ изъ посредниковъ въ отношеніи губернатора слово «иниціатива».—«Ѳ. И—чъ! А гдѣ это говорится объ иниціативѣ?» спрашиваетъ онъ коллегу. «Шукайте въ положеніи о выкупѣ», послѣ нѣкотораго размышленія, отвѣчалъ послѣдній.

Мировой Съѣздъ тому же посреднику поручилъ утвердить границы крестьянскаго надѣла. Онъ пріѣхалъ въ селеніе, созвалъ сходъ, взошелъ на самое возвышенное мѣсто дачи и, простерши руки и оборачиваясь на всѣ четыре стороны, торжественно произнесъ: «утверждаю! утверждаю! утверждаю! утверждаю!» Съ недоумѣніемъ смотрѣла толпа на своего посредника, который юридическому акту утвержденія границъ далъ значеніе какого-то священнодѣйствія.

Невѣроятно? Но было такъ.

И. Листовскій.

XI г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1880 г.

На иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни НИВА

выходящій еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ (болѣе 2000 рисунковъ и чертежей и 2000 столбцовъ текста) съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ

„Парижскія моды“ и другими преміями: на 1880 г. двѣ больш. акварели М. Зичи.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Конторѣ Редакціи, по Большой Морской № 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“ съ правомъ на полученіе всѣхъ безплатныхъ премій въ теченіи 1880 г.:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . 4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ И. Г. Соловьева, А. Ланга и П. Н. Шапошникова . . . . 5 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . 5 р.	Съ доставкою въ Москвѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ Имперіи . 6 р.

Для Гг. служащихъ, какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

Сочувствіе и довѣріе, которымъ „Нива“ пользуется, выразилось въ небываломъ до сего въ Русской журналистикѣ количествѣ подписчиковъ. „Нива“ имѣла въ 1879 г. 45,000 подписчиковъ. Это совершенно понятно, если припомнить весьма низкую цѣну, массу разнообразнѣйшаго чтенія и богатыя преміи; программа расширяется и преміи каждогодно улучшаются въ такой степени, въ какой это возможно только при такомъ состояніи дѣла. Болѣе 2000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и при этомъ 2000 столбцовъ текста представляютъ годовой матеріалъ журнала, т. е. болѣе 15 томовъ обыкновеннаго формата книгъ для чтенія цѣною не менѣе 20 рублей.

„НИВА“ даетъ чтеніе: историческія повѣсти, преимущественно изъ Русской исторіи, разсказы, романы, біографіи при портретахъ замѣчательныхъ лицъ, статьи по естествознанію (особенно зоологіи) гигіенѣ (ученіи о здоровьѣ) этнографіи, путешествіямъ, технологіи, астрономіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, свѣденія изъ внутренней жизни страны, еженедѣльное политическое обозрѣніе, смѣсь, хозяйственные совѣты, шашечныя, шахматныя и математическія задачи, загадки и проч. Большая часть статей сопровождается художественно исполненными гравюрами.

Сверхъ сего при „НИВѢ“ выдается для удовлетворенія потребностей каждой семьи (въ приготовленіи платья и бѣлья) особое безплатное ежемѣсячное прибавленіе „Парижскія моды“ и въ немъ до 500 модныхъ гравюръ въ годъ, до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, до 300 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ и до 400 разнообразныхъ рисунковъ буквъ, вензелей и т. п. дла мѣтки—словомъ полный модный журналъ

Для помѣщенія въ „НИВѢ“ въ будущемъ 1880 году мы имѣемъ, кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ, уже цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній какъ-то: Большой романъ изъ современной жизни въ 2 частяхъ „Купленное счастье“ Н. Морскаго, (автора романа „Аристократія Гостиннаго двора“) — „Иванъ да Марья“ большая повѣсть извѣстнаго А. А. Потѣхина—„Лѣсникъ“ большая повѣсть въ 2 ч. Б. Маркевича,— „Кара-Джигитъ“ разсказъ Н. Н. Каразина съ большими рисунками самого автора,—„Королевичъ Владиславъ“ и „Зарница“ двѣ истор. повѣсти В. Политковскаго,—„Ночь“ разсказъ Н. Морскаго,—Четыре разсказа Н. Боева: „Божья воля“, „Близь желѣзной дороги“, „Три тысячи“, „На крайнемъ Востокѣ“. — Какъ преміи на будущій 1880 годъ мы дадимъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря 1880 г.) двѣ превосходныя, исключительно для „НИВЫ“ исполненныя, большія акварели знаменитаго М. Зичи, придворнаго художника Е. И. Величества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго, фантастическаго „Демона“ Лермонтова, къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: 1) Пляска Тамары и 2) Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными. Достоинства блестящаго таланта М. Зичи слишкомъ извѣстны. Прелесть лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ. Такимъ образомъ „НИВА“ и въ будущемъ 1880 г. будетъ стараться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Самый распространенный и самый дешевый журналъ въ Россіи. Огромное количество статей, рисунковъ и преміи.

Желающихъ подписаться на будущій 1880 г. „НИВЫ“ просятъ заблаговременно обращаться въ Главную Контору редакціи журнала „Нива“ (помѣщается въ Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9).

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ
1879.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1879 года изъ двѣнадцати книжекъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ доставкою на домъ, равно и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Ермолаевскую Садовую, въ домъ Баженовой, въ Главную Контору Русскаго Архива.

*

Тамъ же можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1877 и 1878 годовъ; остальные годы вышли изъ продажи.

Долговременный опытъ доказалъ намъ, что ежемѣсячная срочность изданія не легко совмѣстима съ строгою выдержкою, необходимою въ работахъ исторіографіи, которая требуетъ продолжительныхъ сличеній, сопоставленій, справокъ и подтвержденій. Кромѣ того, въ настоящее время въ рукописныхъ запасахъ Русскаго Архива накопилось нѣсколько большихъ статей, изслѣдованій, записокъ и другихъ историческихъ бумагъ, обнародовать которыя раздробительными тетрадями было бы неудобно.

Поэтому, въ 1880 году издатель предпочитаетъ печатать Русскій Архивъ не ежемѣсячными выпусками, а цѣлыми книгами, которыя будутъ выходить безсрочно и продаваться каждая отдѣльно.

Лица, выславшія деньги на 1880 или желающія внести прежнюю годовую плату (8 р.) получатъ новыя книги Русскаго Архива въ томъ же объемѣ какъ и въ прежніе годы.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1880 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879. 11.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложенъ портретъ А. С. Хомякова (гравюра академика И. П. Пожалостина).

МОСКВА.
Типографія А. Гатцука, Кузнецкій мостъ, въ домѣ Торлецкаго.
1879.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„РУССКАЯ ПРАВДА"

1880 года.

«Русская Правда» въ 1880 году будетъ выходить съ 1-го Марта, какъ и въ настоящемъ году, ежедневно, — листами *большаго* формата. – Во всѣхъ отдѣлахъ будутъ произведены новыя дополненія и улучшенія.

РУССКАЯ ПРАВДА, С.-Петербургъ, Колокольная, 6.

РУССКАЯ ПРАВДА, С.-Петербургъ, Колокольная, 6.

РУССКАЯ ПРАВДА, С.-Петербургъ, Колокольная, 6.

РУССКАЯ ПРАВДА, С.-Петербургъ, Колокольная, 6.

РУССКАЯ ПРАВДА, С.-Петербургъ, Колокольная, 6.

Подписная цѣна въ Россіи:

	Безъ доставки.		Съ доставкою.		Съ пересылкою.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.
На 10 мѣсяцевъ (съ 1-го марта). .	13	—	14	—	15	—
„ 9 „ . .	11	—	12	—	14	—
„ 8 „ . .	10	—	11	—	13	—
„ 7 „ . .	9	—	10	—	12	—
„ 6 „ . .	8	—	9	—	10	—
„ 5 „ . .	7	—	8	—	9	—
„ 4 „ . .	5	50	6	—	7	50
„ 3 „ . .	4	50	5	—	6	—
„ 2 „ . .	3	—	3	50	4	—
„ 1 „ . .	1	50	1	80	2	—

За-границу, съ пересылкою.

	Въ Европу и Египетъ.
На 10 мѣсяцевъ (съ 1-го марта)	23 руб.
„ 6 „	14 „
„ 3 „	8 „
„ 1 „	3 „

Подписка нынѣ же открыта въ Петербургѣ, въ Главной Конторѣ газеты (Колокольная, 6). Иногородные адресуютъ письма и деньги: **С.-Петербургъ газетѣ „Русская Правда"**. Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку газеты лишь передъ тѣми лицами, которыя подпишутся по этому адресу. — Просятъ *заблаговременно* подписываться; поздняя подписка можетъ быть причиною несвоевременной высылки газеты. — Гг. подписчики приглашаются писать четко свой адресъ *и адресовать газету на ближайшія почтовыя учрежденія, выдающія газетную карреспонденцію.* — Подписываться можно не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца. — Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ, за десятимѣсячный экземпляръ, по слѣдующему разсчету: съ пересылкою иногороднымъ — при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ мая 5 р. и въ концѣ августа 3 р.; съ доставкою въ Петербургѣ: — при самой подпискѣ 5 р., въ концѣ мая 5 р. и въ концѣ августа 4 р. — Разсроска допускается лишь для лицъ подписавшихся до 1-го февраля 1880 г.

Платнымъ подписчикамъ „Русской Правды" 1879 г., недополучившимъ газеты въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, по случаю временной ея пріостановки, по распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, предоставляется зачесть это время въ счетъ подписной суммы на 1880 годъ, выславъ — вмѣсто десяти — семимѣсячную плату по росписанію Такіе подписчики, при высылки денегъ, приглашаются сообщить № бандероли 1879 года.

Редакторъ-издатель **Дмитрій Гирсъ**.

Грав. Ив. Пожалостинъ 1879. С.П.Бургъ.

Мои воспоминанія

объ А. С. Хомяковѣ.

Первое мое знакомство съ А. С. Хомяковымъ было въ 1823 году, въ Москвѣ, въ домѣ Веневитиновыхъ. Короче другъ съ другомъ мы сошлись въ Петербургѣ, въ Мартѣ 1827 года, во время предсмертной болѣзни Дмитрія Веневитинова. Братъ Хомякова Ѳедоръ ухаживалъ за больнымъ, какъ нѣжнѣйшая мать или сестра; а насъ (своего брата Алексѣя и меня) онъ почти не впускалъ къ больному, находя, что мы очень неловки и только его тревожили своимъ уходомъ. Во время этихъ нѣсколькихъ сутокъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, въ третьей комнатѣ отъ больнаго, среди тревогъ и страховъ, мы много толковали и спорили о философіи вообще и о Шеллингѣ въ особенности, о Христіанствѣ, и о другихъ жизненныхъ вопросахъ, и вслѣдствіе того очень сблизились. За тѣмъ, во время моего пребыванія въ Петербургѣ съ 1827 по 1831-й годъ, А. С. Хомяковъ часто живалъ тамъ, и тогда, почти ежедневно мы видѣлись или у князя Одоевскаго, или у К. А. Карамзиной, или другъ у друга. Хомяковъ всегда былъ строгимъ и глубоковѣрующимъ Православнымъ Христіаниномъ, а я—заклятымъ Шеллингистомъ, и у насъ были споры безконечные. Никогда не забуду одного спора, окончившагося самымъ комическимъ образомъ. Проводили мы вечеръ у князя Одоевскаго, спорили втроемъ о конечности и безконечности міра, и незамѣтно бесѣда наша продлилась до трехъ часовъ ночи. Тогда хозяинъ дома намъ напомнилъ, что уже поздно и что лучше продолжить споръ у него же на слѣдующій день. Мы встали, начали сходить съ лѣстницы, продолжая споръ; сѣли на дрожки и все таки его не прерывали; я завезъ Хомякова на его квартиру; онъ слѣзъ, я оставался на дрожкахъ, а споръ шелъ своимъ чередомъ. Вдругъ какая-то Нѣмка, жившая надъ воротами, у которыхъ мы стали, открываетъ форточку въ своемъ окнѣ и довольно громко говоритъ: Mein Gott und Herr, was ist denn das? *). Мы расхохотались, и тѣмъ окончился нашъ споръ.

Въ Петербургѣ, у князя Одоевскаго, мы часто встрѣчали профессора Веланскаго, графа М. Ю. Віельгорскаго и другихъ умныхъ и ученыхъ людей. Въ нашихъ бесѣдахъ принималъ живое участіе прі-

*) Боже мой, Господи, что же это такое?

ѣхавшій изъ Москвы нашъ пріятель В. П. Титовъ. Вечера и обѣды у князя Одоевскаго все болѣе и болѣе скрѣпляли нашу дружбу и сильно содѣйствовали къ нашему умственному и нравственному развитію. У К. А. Карамзиной мы видали часто Блудова, Жуковскаго, П. А. Муханова и другихъ; а изъ женщинъ особенно насъ очаровывала и красотою, и умомъ дѣвица Россети, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Н. М. Смирнова. Хомякову она внушила стихи: «Иностранкѣ»; но когда она ихъ узнала отъ П. А. Муханова, то осталась ими очень недовольною и нѣкоторое время относилась къ Хомякову весьма холодно. Въ Карамзинской гостиной предметомъ разговоровъ были не философскіе предметы, но и не Петербургскія пустыя сплетни и росказни. Литературы, Русская и иностранныя, важныя событія у насъ и въ Европѣ, особенно дѣйствія тогдашнихъ великихъ государственныхъ людей Англіи Каннинга и Гускиссона составляли всего чаще содержаніе нашихъ оживленныхъ бесѣдъ. Эти вечера, продолжавшіеся до позднихъ часовъ ночи, освѣжали и питали наши души и умы, что̀, въ тогдашней Петербургской душной атмосферѣ, было для насъ особенно полезно. Хозяйка дома умѣла всегда направлять разговоры на предметы интересные.

Такъ прожили мы до Іюня 1831 года, когда я, больной, отправился за границу. Свидѣлся я опять съ Хомяковымъ въ Москвѣ, въ началѣ 1833 года. Съ этого времени мы зимою постоянно живали въ Москвѣ, очень часто видались и у него, и у меня и особенно у И. В. Кирѣевскаго. Послѣдній жилъ у Красныхъ воротъ, съ своею матерью А. П. Елагиною, которую мы всѣ горячо любили и глубоко уважали. Тутъ бывали нескончаемые разговоры и споры, начинавшіеся вечеромъ и кончавшіеся въ 3, 4, даже въ 5 и 6-мъ часу ночи или утра. Тутъ вырабатывалось и развивалось то направленіе Православно-Русское, котораго душою и главнымъ двигателемъ былъ Хомяковъ.

Многіе изъ насъ въ началѣ были ярыми Западниками, и Хомяковъ почти одинъ отстаивалъ необходимость для каждаго народа самобытнаго развитія, значеніе вѣры въ человѣческомъ душевномъ и нравственномъ быту и превосходство нашей Церкви надъ ученіями Католичества и Протестантства. Впослѣдствіи, большинство изъ насъ перешло, по искреннему убѣжденію, къ этому направленію; но нѣкоторые изъ нашихъ пріятелей и собесѣдниковъ остались при своихъ съ Запада полученныхъ мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ и прозвали насъ Славянофилами, хотя расположеніе и любовь къ Славянамъ никогда не составляли самаго существеннаго основанія нашихъ убѣжденій.

Въ нашихъ бесѣдахъ читались разныя статьи, которыя, за строгостью и безсмысленностью цензуры, не могли быть переданы печати. Хотя вѣра и философія были преимущественными предметами этихъ бесѣдъ; однако часто возбуждались и политическіе вопросы, и въ особенности вопросъ о прекращеніи крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ лю-

дей. На счетъ способовъ и времени совершенія этой реформы были между нами разногласія: Кирѣевскіе, какъ Иванъ, такъ и Петръ, опасались радикальныхъ и спѣшныхъ по сему предмету мѣръ; а Хомяковъ и я мы крѣпко отстаивали полное освобожденіе крестьянъ посредствомъ одновременнаго выкупа по всей Россіи. Но всѣ мы были согласны въ томъ, что крестьяне должны быть надѣлены землею, и что птичья свобода для крестьянъ была-бы не добромъ, а величайшимъ бѣдствіемъ, не шагомъ впередъ, а страшнымъ шагомъ назадъ. Бытъ народа Русскаго и его воззрѣнія, какъ вѣроисповѣдныя, такъ и общественныя, были самою любимою темою нашихъ разговоровъ. На вечерахъ у Елагиной, Кирѣевскихъ, Свербеевыхъ и у насъ бывали Чаадаевъ, Герценъ, Грановскій и другіе сторонники противныхъ мнѣній. Явились туда также молодые люди К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, Поповъ, Валуевъ, В. Елагинъ и другіе, которые не замедлили вполнѣ присоединиться къ Православно-Русскому направленію и подчиниться благому вліянію Хомякова. Эти вечера много принесли пользы какъ лицамъ въ нихъ участвовавшимъ, развивая и уясняя ихъ убѣжденія, такъ и самому дѣлу, т. е. выработкѣ тѣхъ двухъ направленій, такъ называемыхъ Славянофильскаго и Западнаго, которыя ярко выказались въ нашей литературѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Такъ протекли многіе годы, и только война съ Турціею въ союзѣ почти со всею Европою, своими тяжкими ударами, нѣсколько измѣнила характеръ этихъ бесѣдъ. Уже не Церковь съ своими догматами и учрежденіями, не философія Нѣмецкая, не община съ своими обычаями и установленіями, занимали насъ преимущественно. Грозныя событія 1854 и 1855 годовъ приковали къ себѣ все наше вниманіе. Мы всѣ чувствовали, что бѣдствія, которыя испытывала Россія, ею вполнѣ заслужены, и по этому поводу Хомяковъ съ особеннымъ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ о томъ, что безнаказанно нельзя ни стѣснять и подавлять духъ человѣческій, ни допускать его стѣсненіе и подавленіе. Вскорѣ начавшееся новое царствованіе подало намъ надежды на лучшее будущее. Утомленные гнетомъ только окончившагося тридцатилѣтняго царствованія, мы радостно собрались у меня вечеромъ въ самый день присяги Государю, весело выпили за Его здоровье и отъ души пожелали, чтобы, въ Его царствованіе, совершилось великое дѣло освобожденія крестьянъ, и Русскій человѣкъ могъ ожить умомъ и духомъ.

Вскорѣ послѣ того мы задумали издавать журналъ, но препятствій къ тому оказалось много. Въ сотрудникахъ, и весьма даровитыхъ, у насъ не было недостатка; но многіе изъ нихъ, Хомяковъ, И. Кирѣевскій, К. Аксаковъ и нѣкоторые другіе были подъ цензурною опалою, т. е. всѣ ихъ статьи должны были цензуроваться не въ Москвѣ, а исключительно въ Петербургѣ. Такое распоряженіе было сдѣлано вслѣдствіе статей, ими представленныхъ къ напечатанію во 2-й книгѣ Мо-

сковскаго Сборника. Я былъ нѣсколько разъ у попечителя университета В. И. Назимова, ѣздилъ въ Петербургъ къ А. С. Норову, тогдашнему министру народнаго просвѣщенія (въ то время, цензура еще не была передана въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ); отправлялся туда и Хомяковъ. Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ и разнаго рода разъясненій, особенно при горячемъ содѣйствіи В. И. Назимова, я получилъ разрѣшеніе издавать журналъ подъ именемъ: „Русская Бесѣда". Съ особеннымъ жаромъ посвятилъ себя этому изданію А. С. Хомяковъ и вѣрно исполнилъ данное имъ мнѣ слово: не отказываться ни отъ какой работы, которую я, какъ издатель и редакторъ, на него наложу. Въ Бесѣдѣ онъ напечаталъ много стихотвореній и статей; послѣднія появлялись то съ подписью его имени, то отъ имени Бесѣды. Онѣ всѣ вошли въ 1-й томъ Полнаго Собранія его сочиненій, напечатаннаго въ Москвѣ. Къ удовлетворительному ходу Русской Бесѣды особенно много содѣйствовалъ Хомяковъ не только помѣщеніемъ въ ней своихъ сочиненій, но и тѣмъ, что онъ умиротворялъ возникавшія въ средѣ ея сотрудниковъ разногласія. Всѣхъ требовательнѣе и настойчивѣе былъ К. Аксаковъ, и тутъ мнѣ не разъ случалось обращаться къ Хомякову для укрощенія порывовъ его исключительности. Впрочемъ дѣло шло у насъ ладно, и въ теченіи пяти лѣтъ не было напечатано въ Русской Бесѣдѣ ни одной статьи, которая бы возбудила неудовольствіе кого либо изъ сотрудниковъ.

Не могу не упомянуть объ одномъ случаѣ, бывшемъ при изданіи Бесѣды и окончившемся особенно счастливо, по милости Хомякова. Напечатана была въ 1858 году статья: „Возрожденіе Болгаръ", гдѣ Греко-Фанаріоты выставлены были въ настоящемъ ихъ видѣ, и гдѣ обстоятельно описывалось угнетеніе Болгаръ Цареградскимъ патріархатомъ. Эта статья, пропущенная цензурою, вызвала замѣчанія тогдашняго об.-прокурора Св. Синода, графа Александра Петровича Толстаго, и въ Цензурномъ Комитетѣ получена была бумага, которою требовалось отъ редакціи Русской Бесѣды разъясненія и дѣлались ей разныя внушенія. Я тотчасъ же отправилъ эту бумагу въ копіи по эстафетѣ въ деревню къ Хомякову, который черезъ два дня доставилъ мнѣ великолѣпный отвѣтъ на всѣ предъявленныя мнѣ замѣчанія и внушенія. Я велѣлъ этотъ отвѣтъ переписать, подписалъ и отправилъ его въ Цензурный Комитетъ. Отвѣтъ былъ таковъ, что уже болѣе мы не получали никакихъ замѣчаній и внушеній, хотя и продолжали писать и печатать статьи въ томъ же смыслѣ. Прилагаю ниже этотъ отвѣтъ.

Опубликованіе Высочайшаго рескрипта на имя Виленскаго генералъ-губернатора несказанно обрадовало Хомякова, и онъ всею душею предался разъясненію въ бесѣдахъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Онъ слѣдилъ съ самымъ живымъ участіемъ за ходомъ этого дѣла, какъ въ Губернскихъ Комитетахъ, такъ и въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, учрежденныхъ въ Петербургѣ. Онъ вообще не одобрялъ

дѣйствій ни тѣхъ, ни другихъ, находя, что первые руководствовались узкими сословными интересами, а вторые не обращали надлежащаго вниманія на требованія въ этомъ дѣлѣ народнаго духа и быта. Онъ особенно не одобрялъ предположеній, касавшихся переходнаго девятилѣтняго положенія для крестьянъ, устройства волостнаго суда и управленія и тѣхъ статей, которыя, по его мнѣнію, подкапывали Русскую общину. Это свое неодобреніе переходнаго состоянія и свои мысли на счетъ выкупа онъ ясно и рѣзко высказалъ въ письмѣ къ І. И. Ростовцову. Въ этомъ письмѣ, коего черновый подлинникъ сохранился въ бумагахъ покойнаго, онъ пространно и обстоятельно доказывалъ несостоятельность девятилѣтняго переходнаго положенія и необходимость одновременнаго обязательнаго выкупа *). Самъ онъ не дожилъ до окончательнаго рѣшенія этого дѣла. Онъ скончался отъ холеры 23 Сентября 1860 года, въ своей деревнѣ, въ с. Ивановскомъ, Донковскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

Имѣвъ счастіе много лѣтъ пользоваться дружбою А. С. Хомякова и быть съ нимъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, я могу сказать, что въ моей жизни мнѣ не случилось встрѣтить человѣка болѣе постояннаго въ своихъ убѣжденіяхъ и въ сношеніяхъ съ людьми. Я зналъ Хомякова 37 лѣтъ, и основныя его убѣжденія 1823 года остались тѣже и въ 1860 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ нельзя было упрекать его въ косности. Напротивъ, онъ постоянно шелъ впередъ въ развитіи своихъ мыслей, тщательно всматривался въ событія и сопровождавшія ихъ обстоятельства, угадывалъ очень удачно ихъ внутренній смыслъ и соображалъ свои мнѣнія съ ихъ требованіями. Многіе упрекали его въ любви къ софизмамъ и спорамъ, и увѣряли, что онъ противурѣчилъ часто самъ себѣ, защищая сего дня то, что̀ онъ опровергалъ наканунѣ. Такой упрекъ показываетъ лишь одно, что люди, позволявшіе его себѣ не вникали въ глубокій смыслъ его словъ. Дѣйствительно, онъ иногда какъ будто противурѣчилъ себѣ: такъ въ бесѣдѣ съ иными людьми, онъ словно отдѣлялся отъ Православной Церкви, нападая на нѣкоторые ея обряды, на ея служителей и на подчиненное ея положеніе гражданской власти, и дозволяя себѣ все это даже осмѣивать; въ бесѣдѣ же съ другими лицами, онъ крѣпко отстаивалъ необходимость соблюденія церковныхъ обрядовъ и строго порицалъ тѣхъ, которые, самовольно или изъ пренебреженія, или изъ личной гордости, позволяли себѣ становиться выше Церкви и не исполнять ея установленій. Въ такихъ его рѣчахъ было только видимое, а вовсе не дѣй-

*) Письмо къ Ростовцову о способѣ увольненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости нынѣ вошло во второе изданіе перваго тома Сочиненій А. С. Хомякова (М. 1879, стр. 639). Письмо это до такой степени замѣчательно, что І. Я. Ростовцовъ, какъ мы слышали отъ лицъ къ нему близкихъ, выражалъ намѣреніе пригласить Хомякова къ участію въ трудахъ Редакціонныхъ Комисій; но приглашеніе это почему-то не состоялось. *П. Б.*

ствительное противорѣчіе. Для Хомякова дороже всего была жизнь, правда, какъ въ Церкви, такъ и въ человѣкѣ. Когда онъ видѣлъ передъ собою людей, для которыхъ обрядность составляла суть Церкви, то считалъ долгомъ разить эту обрядность; когда же, напротивъ того, онъ встрѣчалъ людей, которые, соглашаясь съ главными догматами Церкви, съ ея идеальною стороною, считали обряды принадлежностью толпы, а не развитой части исповѣдниковъ, то онъ защищалъ обряды, будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что мы, какъ люди, должны имѣть и опредѣленныя, осязательныя формы для выраженія нашихъ чувствъ и убѣжденій, что мы обязаны дорожить связью съ народомъ, отнюдь себя изъ него не исключать и быть съ нимъ въ возможно-полномъ единствѣ. Онъ былъ душею преданъ свободѣ, всегда имѣлъ ее въ виду и крѣпко за нее ратовалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отстаивалъ самодержавіе. Многимъ казались такія его рѣчи софизмами; а между тѣмъ, тутъ, въ его понятіяхъ, не было ничего противурѣчащаго. Хомяковъ пуще всего ненавидѣлъ ложь, а именно такою представлялась ему всякая Западно-Европейская конституція, переложенная на нашу почву. Онъ глубоко былъ убѣжденъ, что система противувѣсовъ (système des contre-poids), господствующая на Западѣ, была произведеніемъ ложнаго, внѣшними обстоятельствами обусловленнаго развитія тамошняго просвѣщенія и тамошней жизни; что она совершенно непримѣнима къ Россіи; что у насъ должна быть иная, болѣе полная, болѣе человѣчная свобода, и иная болѣе сильная, болѣе дѣйствительная власть; и что мы съумѣемъ согласовать самодержавіе съ широкою гласностью и со всенароднымъ представительствомъ. Онъ могъ ошибаться, но никогда и ни въ какомъ случаѣ онъ не позволялъ себѣ говорить противъ своихъ убѣжденій, а убѣжденія его были такъ тверды и постоянны, какъ едва ли въ комъ либо изъ Русскихъ. Случалось мнѣ его упрекать въ томъ, что онъ излагалъ свои мнѣнія въ видѣ софизмовъ, и я получалъ отъ него въ отвѣтъ: „Наше общество такъ апатично, такъ сонливо, и понятія его покоятся подъ такою толстою корою, что необходимо ошеломлять людей и молотомъ пробивать кору ихъ умственнаго бездѣйствія и безмыслія“.

Во все продолженіе нашей дружбы, т. е. слишкомъ тридцати лѣтъ, ни разу Хомяковъ на меня не сердился, и никогда, ни на одинъ день, не было между нами холодности. Случалось мнѣ на него сердиться и даже его бранить; но, своею дѣтскою кротостью, онъ тотчасъ меня обезоруживалъ, и никогда мы съ нимъ не расходились съ дурнымъ чувствомъ другъ противъ друга. Какъ онъ способенъ былъ сильно любить, такъ и сильно ненавидѣть; но онъ ненавидѣлъ не людей, даже не представителей какихъ либо мнѣній, а развратниковъ и существа бездушныя, употреблявшія насиліе къ достиженію своихъ цѣлей. Пуще всего онъ ненавидѣлъ насиліе, въ какомъ бы видѣ оно ни являлось. Благотворенія, путемъ насилія, возбуждали особенное его негодованіе,

и онъ безпощадно разилъ либераловъ, которые желали быть благодѣтелями народа, вопреки его желаніямъ. Онъ былъ не скоръ на осужденія, старался переноситься въ положеніе тѣхъ, кого въ чемъ либо обвиняли, и позволялъ себѣ порицаніе даже жесткое, но не иначе какъ по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и по оцѣнкѣ тѣхъ побужденій, которыми обвиняемый могъ руководствоваться. Вообще же онъ былъ чрезвычайно благодушенъ къ людямъ, и только въ крайнемъ случаѣ онъ позволялъ себѣ показывать къ человѣку неуваженіе. Особенно кротокъ онъ былъ къ людямъ глупымъ и увѣрялъ, что онъ еще въ жизни не встрѣчалъ ни одного дурака, и что въ глупѣйшемъ человѣкѣ есть сторона, въ которой онъ уменъ.

Простота его обхожденія была очаровательна. Онъ себя цѣнилъ очень не высоко, даже черезъ чуръ не высоко, никогда и никому не давалъ почувствовать свое надъ нимъ превосходство и ко всѣмъ относился какъ къ существамъ вполнѣ ему равнымъ.

Хомяковъ интересовался всѣмъ, имѣлъ обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ человѣческаго знанія, и не было предмета, который былъ бы ему чуждъ или въ которомъ бы онъ не принималъ участія. Помню, однажды отправились мы на вечеръ къ Свербеевымъ, куда насъ пригласили для бесѣды съ однимъ Русскимъ, возвратившимся съ Алеутскихъ острововъ. Шутя, я говорю ему: „Ну, другъ Хомяковъ, придется тебѣ нынче послушать и помолчать". Въ началѣ вечера, дѣйствительно Хомяковъ долго слушалъ этого заѣзжаго Русскаго, распрашивалъ его подробно насчетъ Алеутскихъ острововъ, но подъ конецъ высказалъ ему по этому предмету такія свѣдѣнія и соображенія, что путешественнику почти приходилось обратить оглобли и ѣхать откуда пріѣхалъ, для окончательнаго ознакомленія съ мѣстами, гдѣ онъ пробылъ уже нѣсколько лѣтъ.

Память и способность скорочтенія были въ Хомяковѣ изумительныя. Помню однажды, въ спорѣ богословскомъ съ И. Кирѣевскимъ, онъ сослался на одно мѣсто въ твореніяхъ одного св. отца, которыя онъ читалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ библіотекѣ Троицкой Лавры и которыя только тамъ и имѣлись. Кирѣевскій усумнился въ вѣрности цитаты и сказалъ Хомякову въ шутку: „Ты любишь ссылаться на такія книги, по которымъ тебя нельзя повѣрить". Хомяковъ указалъ почти страницу, 11 или 13, и мѣсто на этой страницѣ (въ серединѣ), гдѣ находится сдѣланный имъ цитатъ. По учиненной справкѣ, ссылка его оказалась совершенно вѣрною. (Это было рѣдкое изданіе твореній св. Кирилла Іерусалимскаго).—Однажды онъ увидѣлъ у меня на столѣ три-четыре книги, только что купленныя и взялъ ихъ у меня на одну ночь. На слѣдующее утро книги были мнѣ возвращены; и когда послѣ, мѣсяцъ спустя, я ихъ прочелъ и вздумалъ экзаменовать моего скорочтеца, то убѣдился, что онъ въ одну ночь внимательнѣе ихъ прочелъ, чѣмъ я въ теченіи цѣлаго мѣсяца.

Хомяковъ сочинялъ свои статьи нескоро: онъ долго ихъ обдумывалъ и обработывалъ въ головѣ; но когда онъ начиналъ ихъ писать, то онѣ выливались у него на бумагу быстро, и онъ мало ихъ исправлялъ. Стихотворенія свои онъ почти никогда самъ не передавалъ бумагѣ; по большей части ихъ записывали тѣ, кому онъ ихъ сообщалъ. Когда случалось упрекать Хомякова въ томъ, что онъ слишкомъ мало пишетъ и слишкомъ много говоритъ, то онъ отвѣчалъ: „изустное слово плодотворнѣе писаннаго; оно живитъ слушающаго и еще болѣе говорящаго; чувствую, что въ разговорѣ съ людьми я и умнѣе, и сильнѣе, чѣмъ за столомъ и съ перомъ въ рукахъ. Слова произнесенныя и слышанныя кореннѣе словъ писанныхъ и читанныхъ".

Обряды церковные, и въ особенности посты, онъ соблюдалъ строго, никогда при томъ не осуждая тѣхъ, которые, въ этомъ отношеніи, дѣйствовали иначе. Даже въ Парижѣ, гдѣ въ первый разъ онъ былъ въ ранней молодости, онъ съумѣлъ во весь великій постъ ни разу не оскоромиться. Онъ говорилъ, что содержитъ посты потому, что Церковь ихъ установила, что не считаетъ себя вправѣ становиться выше ея и что дорожитъ этою связью съ народомъ. Въ церковь онъ ходилъ очень прилежно, и хотя имѣлъ привычку вставать по утрамъ поздно, часу въ 12-мъ, однако по праздникамъ не пропускалъ обѣдни и часто ходилъ даже къ заутрени. Молился онъ много и усердно, но старался этого не показывать и даже это скрывать. Никто и никогда не могъ упрекнуть его въ святошествѣ. Для Хомякова вѣра Христова была не доктриною и не какимъ либо установленіемъ; для него она была жизнью, всецѣло обхватывавшею все его существо. Когда онъ говорилъ о Христѣ и его ученіи, о различныхъ вѣроисповѣданіяхъ и церквахъ, и о судьбѣ Христіанства въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ,—тогда въ словахъ его была какая-то сила необычайная, возбуждавшая въ слушателяхъ понятіе о дѣятельности апостольской. И жизнь его подкрѣпляла силу его словъ.

Въ заключеніе не могу не упомянуть о рѣдкой способности Хомякова привлекать къ себѣ и привязывать и стариковъ, и сверстниковъ своихъ, и молодежъ. Онъ становился средоточіемъ вездѣ, гдѣ находился и въ Москвѣ, и въ каждой гостиной, куда онъ пріѣзжалъ. Этимъ онъ былъ обязанъ конечно своему обширному, глубокому и своеобразному уму и своей всегда живой и завлекательной рѣчи, но еще болѣе кротости и безобидности своей бесѣды. Молодежъ, особенно *свирѣпая*, какъ онъ ее называлъ, расположенная къ тому, что впослѣдствіи названо было нигилизмомъ, была предметомъ его особенной заботливости. Онъ любилъ бесѣдовать съ этими юношами, которые были къ нему чрезвычайно хорошо расположены, и онъ на нихъ дѣйствовалъ благодѣтельнѣе всякихъ проповѣдей и другихъ внушеній.

Да! Жизнь этого человѣка была постояннымъ подвигомъ на благо ближняго, подвигомъ, который достойно оцѣнится развѣ потомствомъ.

28 Февраля
1873. *А. Кошелевъ.*

Приложенія

I. *Министерство Народнаго Просвѣщенія. Московскій Цензурный Комитетъ. въ Москвѣ, 5 Іюля 1858 года № 3.*

Въ Редакцію журнала „Русская Бесѣда".

Г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода сообщилъ г. министру народнаго просвѣщенія о глубоко горестномъ впечатлѣніи, произведенномъ на святѣйшаго патріарха Константинопольскаго и тамошній Сѵнодъ статьею, допущенною Московскою цензурою въ духѣ самомъ враждебномъ противъ Греческой церкви, какой никогда еще въ Россіи не появлялось, и помѣщенною въ Русской Бесѣдѣ (кн. 2). Нельзя и представить себѣ, пишетъ графъ Толстой *), чтобы Православный Христіанинъ могъ рѣшиться писать въ семъ духѣ, но должно скорѣе предположить, что статья эта есть плодъ внушеній заграничной пропаганды. Съ перваго разу можно уже видѣть въ ней явное оскорбленіе главной іерархіи Восточной Православной Церкви и что она нестолько ведетъ къ возбужденію сочувствія нуждамъ Болгаръ (которое можно возбуждать и не оскорбляя іерархіи), сколько къ тому, чтобы поселить въ Русскомъ народѣ ненависть къ единовѣрному Греческому народу и къ Константинопольской церкви, отъ которой отечество наше получило свѣтъ вѣры Христовой. Вслѣдствіе сего, г. министръ народнаго просвѣщенія предлагаетъ Московскому Цензурному Комитету истребовать отъ редактора журнала „Русская Бесѣда", поповоду вышеозначенной статьи, надлежащее объясненіе, и Комитетъ имѣетъ честь сообщить о семъ въ редакцію журнала, покорнѣйше прося доставить въ оный требуемое г. министромъ объясненіе.

Членъ Комитета **Н. Фонъ-Крузе.**

II. *Въ Московскій Цензурный Комитетъ*

Отъ издателя «Русской Бесѣды».

Отношеніе г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода къ г. министру народнаго просвѣщенія, изъясненное въ предложеніи его высокопре-

---

*) Просимъ читателя припомнить, что въ то время, двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ, прискорбныя отношенія между Греческимъ чернымъ духовенствомъ и его паствою Славянскаго происхожденія были еще новостью для Россіи. Позднѣе, самъ гр. Александръ Петр. Толстой узналъ о настоящемъ положеніи дѣлъ на Востокѣ. *П. Б.*

восходительства Московскому Цензурному Комитету объ истребованіи отъ меня объясненія по поводу помѣщенія въ Русской Бесѣдѣ статьи г. Даскалова подъ заглавіемъ „Возрожденіе Болгаръ", меня глубоко огорчило и налагаетъ обязанность представить подробно причины, побудившія меня къ напечатанію упомянутой статьи.

Съ самаго основанія своего, Русская Бесѣда поставила себѣ прямою и первою обязанностію, по мѣрѣ силъ, трудиться не только въ пользу просвѣщенія вообще, но по преимуществу въ смыслѣ просвѣщенія истиннаго, истекающаго изъ началъ верховной правды Богомъ откровенной, т. е. Вѣры Православной. Съ другой стороны, Русская Бесѣда считаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать постоянно пользѣ отечества и всѣхъ народовъ единокровныхъ, а особенно единовѣрныхъ Россіи. Этимъ двумъ стремленіямъ она была и будетъ всегда вѣрною.

Между тѣмъ на Востокѣ возникло и ежедневно усиливается самое печальное и пагубное явленіе—раздоръ между Православными Славянами и ихъ духовными пастырями: Греческимъ духовенствомъ Константинопольской патріаршей епархіи. Этотъ раздоръ, самъ по себѣ уже весьма печальный, грозитъ разрывомъ между паствою и пастырями и отторженіемъ всего племени Болгарскаго и значительной части Сербскаго, т. е. слишкомъ семи миліоновъ людей отъ Православія, слѣдовательно грозитъ величайшимъ бѣдствіемъ для Церкви и не только духовною, но и общественною гибелью двухъ народовъ, намъ единокровныхъ и единовѣрныхъ. Ни одинъ Русскій, ни одинъ Православный не долженъ и не можетъ оставаться равнодушнымъ при такомъ важномъ вопросѣ, не обличая въ себѣ въ тоже время полнаго равнодушія къ отечеству земному и къ отечеству небесному.

Раздоръ и грозящій разрывъ истекаютъ очевидно не изъ иновѣрной пропаганды (хотя она, безпорно, старается его усилить и имъ воспользоваться) и не изъ склонности къ иновѣрію въ Болгарахъ и Сербахъ, нѣкогда много содѣйствовавшихъ Греціи въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія Россіи и всегда остававшихся твердыми въ Православіи, не смотря на всѣ искушенія власти Мусульманской или Латынствующей (въ Австріи) и не смотря на всѣ страданія мученической исторіи въ продолженіи четырехъ вѣковъ. Бѣдственное явленіе, намъ современное, истекаетъ единственно изъ разноплеменности народа—Славянскаго и высшаго духовенства Греко-Фанаріотскаго, котораго своекорыстіе служитъ орудіемъ, отчасти безсознательнымъ, власти Турокъ и происковъ иноземныхъ державъ. Угнетеніе приходскаго духовенства и самыхъ Православныхъ обителей Славянскихъ служитъ тому лучшимъ и неоспоримымъ доказательствомъ.

При такихъ обстоятельствахъ была очевидная необходимость познакомить съ ними людей благомыслящихъ и истинно-просвѣщенныхъ въ Россіи. Странно и стыдно бы было намъ оставаться въ неизвѣстности по вопросу, который долженъ быть такъ близокъ сердцу вся-

каго Православнаго и Русскаго тогда, когда онъ сдѣлался уже предметомъ изученія и разговора во всей Европѣ. Понятно, что журналы, издаваемые духовнымъ вѣдомствомъ, не могли говорить объ немъ; ихъ слова въ такомъ дѣлѣ носили бы уже на себѣ характеръ суда одной эпархіальной іерархіи надъ іерархіею другой эпархіи. Такихъ препонъ не было для журнала свѣтскаго. Русская Бесѣда сочла своею обязанностію обратить вниманіе читателей на вопросъ о духовной будущности и о современныхъ страданіяхъ Болгаріи.

Офиціальныхъ данныхъ не было и быть не могло, ибо всѣ онѣ въ рукахъ Турецкой власти и Греко-Фанаріотскаго начальства; иностранныя свидѣтельства крайне ненадежны и неполны. Оставалось только одно: обратиться къ показаніямъ самаго народа, отстраняя, елико возможно, то раздраженіе, которое по необходимости истекаетъ изъ долгихъ страданій и постоянной неправды. Русская Бесѣда просила свѣдѣній у молодыхъ уроженцевъ Болгаріи, воспитывающихся въ Россіи, т. е. у такихъ людей, которые самимъ выборомъ мѣста, въ которомъ они желали получить образованіе, доказываютъ свою вѣрность духовнымъ и народнымъ началамъ своей родины, и предпочитаютъ видимую скудость средствъ научныхъ въ землѣ единовѣрной и единокровной богатству научному на Западѣ, къ которому уже устремились многіе изъ ихъ соотечественниковъ. Изъ молодыхъ Болгаръ статью доставилъ г. Даскаловъ, человѣкъ не только даровитый, но искренно преданный своему народу, и въ тоже время вполнѣ убѣжденный, что всѣ надежды Болгаріи на лучшую будущность связаны неразрывно съ ея неизмѣнною твердостію въ Вѣрѣ Православной.

Статья не могла и не должна была быть холодною: стыдно было бы Болгарину говорить безъ глубокаго и горячаго негодованія о постоянномъ угнетеніи своихъ единоплеменниковъ, о постоянномъ и хитромъ насиліи Греко-Фанаріотовъ надъ Славянскими народностями, о постоянномъ ихъ стремленіи искоренить всякую умственную жизнь, мѣстную, не покорную или лучше сказать не рабствующую передъ своекорыстіемъ Греческаго Фанара. Но съ другой стороны, ни одно слово въ цѣлой статьѣ не обращено не только противъ Вѣры Православной, но даже и противъ законовъ церковной іерархіи. Еще болѣе: обличая поступки Фанаріотовъ, авторъ ограничивается только тѣми, которые прямо враждебны духовной жизни Болгарскаго народа или разорительны для его вещественнаго благосостоянія, и не касается многихъ и слишкомъ плачевныхъ явленій въ Цареградской іерархіи, которыя извѣстны, къ несчастію, всѣмъ видѣвшимъ ее вблизи, но не прямо падаютъ на страдальческія головы Задунайскихъ Славянъ. Въ этомъ уже видно самое ясное доказательство, что перомъ его водила не вражда, не невѣріе, не непочтеніе къ закону іерархическому, но единственно тяжелая необходимость исполнить священный долгъ заступничества за истомленныхъ братій.

Таково направленіе статьи, и въ такомъ смыслѣ была она принята Русскою Бесѣдою. Безспорно, въ ней могутъ заключаться нѣкоторыя показанія невѣрныя, ибо офиціальныя данныя недоступны, и Русская Бесѣда всегда съ радостію приметъ свѣдѣнія, исправляющія такія невольныя ошибки. Многое основано на устномъ преданіи, на разсказахъ народныхъ, даже на свидѣтельствѣ народной пѣсни; но это-то самое и важно. Для людей благонамѣренныхъ, для Христіанъ искреннихъ и искренно стремящихся къ излѣченію глубокой раны церковной и къ примиренію Болгарской паствы съ ея начальствомъ нужно знать не только что̀ было дѣйствительно, но и то, какъ оно казалось глазамъ народа и дѣйствовало на его душу. Безъ этого знанія невозможно никакое полезное дѣйствіе, особенно тамъ, гдѣ съ одной стороны является бѣдный, страдающій и почти безграмотный народъ, а съ другой, спорящее съ нимъ и угнетающее его начальство просвѣщенное, богатое и издавна искусившееся во всѣхъ хитростяхъ многосложнаго закона политическаго и дѣятельности придворной.

Не въ духѣ вражды или невѣрія, а въ духѣ глубокой скорби и душевной болѣзни была писана и напечатана статья г. Даскалова. Она должна была познакомить Русскихъ съ вопросомъ близкимъ сердцу каждаго изъ насъ; она должна быть полезною Славянамъ, которымъ покажетъ, что мы неравнодушны къ ихъ бѣдствіямъ; она можетъ быть наконецъ полезна самимъ Фанаріотамъ какъ предостереженіе, какъ доказательство, что сочувствіе Россіи будетъ не съ ними, а съ бѣднымъ народомъ, гонимымъ ихъ слѣпымъ своекорыстіемъ изъ нѣдръ истинной Церкви въ лоно обманчивыхъ, но гостепріимныхъ ересей.

Іезуитская Австрія запретила нетолько перепечатывать, но даже и пропускать въ изданіяхъ заграничныхъ жалобы Славянъ на Греческое духовенство: она желаетъ заглушеніемъ жалобъ довести Православный народъ до отчаянія и отпаденія. Такое дѣйствіе Австріи служитъ намъ назидательнымъ урокомъ. То, о чемъ она старается, не можетъ быть полезно для Россіи; то чему ее учатъ духовные ея наставники Іезуиты, не можетъ имѣть другихъ цѣлей, кромѣ цѣлей гибельныхъ для Вѣры Православной.

Вотъ соображенія, на основаніи коихъ мною помѣщена статья г. Даскалова въ № 2 Русской Бесѣды. Я остаюсь вполнѣ увѣреннымъ, что просвѣщенное начальство оцѣнитъ по справедливости дѣйствіе добросовѣстное, предпринятое въ видахъ общей пользы Православной Церкви, Россіи и соплеменныхъ ей единовѣрцевъ.

Письма А. С. Хомякова къ А. И. Кошелеву.

Съ грустью передаю печати нѣсколько уцѣлѣвшихъ у меня писемъ А. С. Хомякова. Самыми интересными для постороннихъ читателей были бы тѣ, которыя онъ писалъ ко мнѣ въ то время, когда мы были еще различныхъ

мнѣній и когда я только переходилъ отъ прежнихъ своихъ убѣжденій къ нынѣшнимъ и нуждался въ его разъясненіяхъ и указаніяхъ. Эти письма послѣднихъ сороковыхъ и первыхъ пятидесятыхъ годовъ было чрезвычайно хороши и интересны и сообщались мною пріятелямъ, которые ихъ читали, даже переписывали и по большей части зачитывали. Къ сожалѣнію, изъ этихъ писемъ сохранилась у меня только два, изъ которыхъ первое, самое важное, даже безъ начала. Интересны также письма, предшествовавшія изданію Руской Бесѣды а равно и тѣ, которыя писаны были ко мнѣ Хомяковымъ во время выхода въ свѣтъ книгъ этаго журнала. Читатель съ удовольствіемъ познакомится и съ мыслями А. С. Хомякова на счетъ трудовъ Редакціонныхъ Комисій по крестьянскому дѣлу. Всѣ эти письма, имѣющія общее значеніе, мы рѣшаемся передать печати; думаемъ, что многіе скажутъ намъ за это спасибо. Остаются письма дружескія, безцѣнныя для меня, но не интересныя для публики. Ихъ мы считаемъ не подлежащими опубликованію. Желательно, чтобы другія, бывшія въ сношеніяхъ съ А. С. Хомяковымъ лица послѣдовали моему примѣру, сообщили свои воспоминанія объ этомъ замѣчательнѣйшемъ человѣкѣ нашего времени, и передали печати уцѣлѣвшія у нихъ его письма.

А. Кошелевъ.

I. *)

Есть свѣтлые дни въ Церкви современной. Хорошо дѣлаютъ тѣ, которые радуются ихъ свѣту; но путеводнымъ свѣтиломъ избирать не должно никого, а слова и смыслъ дѣлъ каждаго повѣрять собственнымъ судомъ. Святой не безъ ошибки и не безъ грѣха. Въ немъ это небольшая тѣнь; а того и смотри, я, не имѣя его святости, приму именно его ошибку или грѣхъ, и во мнѣ родится великое заблужденіе или сильный порокъ. Аксаковъ К. С. прекрасно сказалъ про легенду объ Исакіѣ Печерскомъ: „Онъ тѣмъ былъ виноватъ, что повѣрилъ образу Христа, не свѣривъ его словъ съ ученіемъ Христа". Изучать можно живаго, какъ и мертваго: проникаться его духомъ и теплотою его любви, если мы чувствуемъ въ немъ духъ благодати и любви; но *вѣрить* не должно никому. Какъ же быть Православнымъ? То, что̀ вся Церковь высказала, тому вѣровать безусловно; знать что все, что̀ она когда нибудь выскажетъ будетъ безусловно истинно; но что̀ она еще не высказала, того за нее не высказывать авторитативно, а стараться самому уразумѣть, со смиреніемъ и искренностью, не признавая впрочемъ надъ собою ничьего суда, покуда Церковь своего суда не изрѣкла. Скажи, не просто ли и не удовлетворительно ли это?

Но ты спрашиваешь еще: „Столько вѣковъ прошло со времени соборовъ; неужели Церковь онѣмѣла?. А такъ кажется, если заключить все Православіе въ Востокѣ". Прими въ соображеніе ея бурную жизнь,

*) Начало этого письма утратилось. Оно писано въ 1854 году.

т. е. тѣхъ обществъ, которыя ее составляли, необходимость борьбы внутри, мученичество многовѣковое Православныхъ народовъ, покоренныхъ иновѣрцами. Развѣ этотъ внутренній подвигъ самоохраненія можно назвать нѣмотою? Но прибавь еще завоеваніе во Христа всего Сѣвера, а теперь прибавь неожиданное и свѣтлое пробужденіе лучшаго сознанія на Востокѣ, которому мы были свидѣтелями (я говорю о патріаршемъ опредѣленіи, не уступающемъ по важности соборнымъ). Этого развѣ мало?*) Впрочемъ все церковное слово вызывается только необходимостью остановить заблужденіе въ самой Церкви. Такой необходимости не было, и все церковное слово молчало. Въ наше время явился было въ силѣ полу-Римскій іерархизмъ, и вотъ церковное слово сокрушило его навсегда, за что истинно и душевно благодарю Бога; ибо я опасность видѣлъ давно и не смѣлъ надѣяться на отпоръ, не видя, откуда ему быть.

Лучше выразиться и болѣе Христіанское понятіе имѣть о Церкви нельзя, чѣмъ ты выразился въ концѣ перваго письма своего: „Церковь не Академія; она обхватываетъ всего внутренняго человѣка и стремится все тайное въ немъ проявить въ мірѣ для Божіей славы. Важнѣйшее въ человѣкѣ не чувство, не знаніе, но дѣло—т. е. крестное исповѣданіе Христа“.

Объ словѣ чувство нужна бы, можетъ быть, оговорка; но мысль ясна совершенно, и потому я не затѣваю спора, который былъ бы безполезенъ и вполнѣ соглашаюсь, или лучше сказать благодарю. Но на этомъ весьма справедливомъ и святомъ основаніи ты возводишь (позволь сказать), зданіе сомнѣній несправедливыхъ на счетъ права Церкви Восточной считать себя единственно Православною. Что̀, если бы въ третьемъ, виноватъ, въ четвертомъ вѣкѣ, человѣкъ, побывавъ въ Китаѣ, не нашелъ бы въ Римскомъ мірѣ многаго добраго, которое онъ видѣлъ у Конфуціанистовъ; или, въ VIII-мъ, нашелъ у Мусульманъ множество прекрасныхъ учрежденій и явленій общественныхъ, которыхъ не было у Христіанъ (а это дѣйствительно было), что̀ тогда? Отказалъ ли бы Христіанскому міру въ правѣ называться единственно Христіанскимъ? Нѣтъ. Не тоже ли и тутъ? Едва ли ты меня оподозришь въ пристрастіи къ достоинству частной или общественной нравственности въ мірѣ Востока, и я совершенно готовъ допустить и допускаю во многомъ огромное превосходство Запада, особенно Протестантскаго, надъ нами; но ты видишь, что приведенные мною примѣры совершенно паралельны, и если бы ты былъ правъ теперь, то былъ бы неправъ, отказывая въ Христіанствѣ Китайцамъ

*) Здѣсь Хомяковъ разумѣетъ: „Окружное посланіе единой святой, соборной и апостольской Церкви ко всѣмъ Православнымъ Христіанамъ“, изданное св. Синодомъ въ переводѣ съ Греческаго, Спб. въ 1850 году. Это посланіе служитъ отвѣтомъ на окружное посланіе Пія IX отъ 6 Января 1848 г. и содержитъ въ себѣ предостереженіе противъ притязаній Римскаго папства.

въ IV-мъ и Аравитянамъ въ VIII-мъ вѣкѣ. Что Магометане содѣйствовали многому доброму на Западѣ, нѣтъ сомнѣнія; что тому же содѣйствовали язычники-Римляне и язычники-Германцы наслѣдствомъ своихъ законовъ и обычаевъ, также нѣтъ сомнѣнія; но что же изъ этого? Получаютъ ли они право на соперничество съ Христіанами въ Христіанствѣ самомъ. Равноправны ли они съ ними исторически? Нѣтъ. И мы получимъ многое и прекрасное отъ Римско-протестантскаго міра; но изъ этого не истекаетъ для него ни равноправства, ни даже права на соперничество. Правда, ты скажешь, какъ и сказалъ въ письмѣ, что „къ осуществленію Царства Божіяго многое содѣйствуетъ посредственно и безъ сознанія, но что разницу составляетъ исповѣданіе Христа душею, словомъ и дѣломъ“. Поэтому Аравитяне, Китайцы и язычники не были Христіанами, хотя содѣйствовали къ улучшенію Христіанъ. Поэтому же самому неправо исповѣдающіе, хотя отчасти и исповѣдающіе Христа, не могутъ вполнѣ назваться Христіанами, т. е. Православными, хотя они Православныхъ учатъ добру. Временное превосходство нравственное міра Мусульманскаго ничего не доказывало противъ исключительнаго Христіанства Европы. Временное превосходство Запада ничего не доказываетъ противъ исключительнаго Православія Православныхъ народовъ.

Трудно грубой природѣ человѣческой возвыситься до образца Бого-человѣкомъ даннаго; болѣе еще трудно его понять; болѣе еще трудно свое пониманіе сколько нибудь освободить отъ данныхъ міра историческаго, постоянно его затемняющихъ. Поэтому міръ церковный, т. е. тотъ историческій міръ, въ который облечена Церковь, можетъ и казаться и быть долго не только не совершеннымъ, но и вполнѣ дряннымъ, не смотря на совершенство заключаемой въ немъ святыни. Всѣ начàла нравственныя и духовныя могутъ быть вѣрными (хотя и это для человѣка отдѣльнаго уже невозможно), а проявленія могутъ всѣ быть ложными отъ ложнаго пониманія факта, т. е. данной, въ которой начàло должно проявиться. Это очень разительно въ исторіи Св. Амвросія и Θеодосія Великаго по случаю бунта въ Салоникѣ. Оба путали страшнымъ образомъ, а оба дѣйствовали подъ вліяніемъ самыхъ Христіанскихъ началъ; и изъ этого вышло съ одной стороны великое преступленіе, съ другой поступокъ противузаконный въ смыслѣ церковномъ. Церковь видитъ мерзости и не протестуетъ просто потому, что ей не дано пониманія факта; она можетъ учить началу и не можетъ учить приложенію; и поэтому болѣе совершенное проявленіе добраго начала можетъ встрѣтиться въ религіи менѣе совершенной вслѣдствіе лучшаго пониманія факта.

«Дѣло всего человѣчества было бы уже кончено», говоришь ты, «если бы явилась на землѣ вполнѣ Православная Церковь, и поэтому притязаніе какой бы ни было церкви на это названіе должно отвергнуть

и допустить только возможность помѣстнаго проявленія началъ Христіанскихъ въ разныхъ церквахъ и будущее ихъ примиреніе или взаимное пополненіе». Я готовъ съ тобою согласиться и соглашаюсь въ первомъ положеніи; но остальное совершенно произвольно: ибо Церковь, будучи облечена въ видимое и, такъ сказать, матеріальное тѣло народовъ признающихъ ее, еще не проявлена, покуда не подчинитъ себѣ всей своей оболочки; а до этого еще очень далеко. Она живое начало, и, въ духовномъ смыслѣ и общеніи, она даже живое тѣло; но только въ духовномъ смыслѣ. Фактическихъ же явленій жизни земной она не подчинила себѣ, а такое подчиненіе нужно для истиннаго проявленія. Поэтому нѣтъ никакой необходимости предполагать въ ней дробленія на разныя части; ибо если они всѣ содержатъ въ себѣ *начала* неполныя, Церковь была бы уже не органическое тѣло, а аггрегатъ взаимно несогласныхъ тѣлъ: если бы хоть одна часть содержала въ себѣ полное начало, она одна и была бы Церковью.

Ни одинъ народъ, какая бы ни была его религія, не лишенъ совершенно добрыхъ началъ; но они восходятъ по лѣстницѣ къ большему и большему разумѣнію истины и къ большей возможности ея жизненныхъ проявленій. Язычникамъ доступна правда, какъ говоритъ св. Апостолъ, о Самаритянахъ же какъ свидѣтельствуетъ Спаситель? „Вы поклоняетесь Богу, Котораго не знаете; мы же (т. е. Іудеи) поклоняемся Богу, Котораго знаемъ". Замѣть, не другому, а только болѣе познаваемому. Если таково отношеніе религій весьма низкихъ къ весьма высокимъ и даже къ высшей, то и подавно таково отношеніе отщепенцевъ Православія, т. е. Католиковъ и Протестантовъ, къ Православію. Поэтому, не смотря на страшную примѣсь лжи, въ нихъ можетъ безпрестанно, и въ частной, и въ общественной жизни, проявляться чисто-Православное, ими самими не вполнѣ сознаваемое начало. Разумѣется, все таки полнѣйшее возможно только Православію совершенному, но оно возможно при свободномъ пониманіи жизненныхъ фактовъ, а это зависитъ во многихъ отношеніяхъ отъ историческаго развитія народовъ, въ которомъ Православные могутъ весьма долго уступать не-Православнымъ.

Я сказалъ, что Западныя ученія, т. е. церкви, безусловно ложны; но, кажется, ты моимъ словамъ далъ не совсѣмъ вѣрное толкованіе, ибо спрашиваешь, какъ столько прекраснаго и добраго могло бы возникнуть изъ безусловной лжи? Безусловно-ложное ученіе значитъ по моему система ложная въ ея общемъ объемѣ и строѣ, а не такая система вѣрованія, въ которой всѣ части ложны. Магометанство, признавая единство Божіе, уже не ложно въ этомъ смыслѣ; но въ тоже время ученіе, наиближайшее къ истинѣ, уже безусловно ложно въ своемъ общемъ объемѣ, если оно допускаетъ хотя малѣйшую ложь на правахъ истины. Поэтому я и говорю, что всѣ общины Христіанскія должны къ намъ прійти съ смиреннымъ покаяніемъ, не какъ равныя

къ равнымъ, а какъ владѣльцы частныхъ истинъ, которыхъ они ни связать между собою, ни вполнѣ за собою утвердить не могутъ, должны прійти къ тѣмъ, которые, будучи свободны отъ лжи, могутъ имъ доставить полную гармонію и безстрашное владѣніе тѣми истинами, которыя теперь отъ нихъ безпрестанно ускользаютъ и—не будь насъ—отъ нихъ бы непремѣнно ускользнули. Православіе не есть спасеніе человѣка, но спасеніе человѣчества.

Не даромъ, говоришь ты, допущено Богомъ отдѣленіе Запада отъ Востока, и ты совершенно правъ по моему убѣжденію, хотя Кирѣевскій этого не допускаетъ. Католицизмъ и Протестанство своими односторонними взглядами и взаимною ихъ борьбою послужили, по волѣ Провидѣнія, къ уясненію общей гармоніи нами дѣтски сохраненной. Я даже на этотъ счетъ говорилъ Кирѣевскому слѣдующую притчу. Учитель, уходя, сказалъ тремъ ученикамъ: «помните, что три угла треугольника равны двумъ прямымъ». Старшій остался при этомъ; второй чрезъ нѣсколько времени разными ложными доказательствами увѣрилъ себя, что они болѣе двухъ прямыхъ; меньшой также ложными доводами увѣрилъ себя, что они меньше. Старшій все повторялъ добродушно слово учителя: „равны". Меньшіе спорили и взаимно опровергали другъ друга, уличая и доводя другъ друга до нелѣпости. Тогда старшій, вслушавшись, уличилъ обоихъ, доказавъ имъ съ помощію ихъ же доводовъ, что они ошибались и что правъ былъ только учитель. Пришелъ и учитель самъ, ни на кого не гнѣвный и сказалъ меньшимъ: „благодарите старшаго, безъ него вы не сохранили бы переданной мною истины"; а старшему: „благодари меньшихъ, безъ нихъ ты не уразумѣлъ бы переданной мною истины". А все таки, разумѣется, старшій болѣе сдѣлалъ, и меньшіе къ нему же возвратились.

Чтò прибавлю еще? А вотъ что. Не чувствуешь ли ты, что самый нашъ полуспоръ (ибо споромъ назвать его нельзя) возможенъ только у насъ. А развѣ въ немъ нѣтъ важности? Нѣтъ ручательства за будущее? Мы и мы одни Православны; но увы, когда-то съумѣемъ мы быть Православными и понять свою собственную жизнь!

Вотъ, любезный другъ, отвѣтъ на твое письмо, долго замедленный; удовлетворительный ли и во сколько удовлетворительный, самъ суди. А все время у меня расположилось не по моимъ расчетамъ и желаніямъ. Два раза ѣздилъ въ Донковъ, два раза ѣхалъ оттуда къ тебѣ, да ни разу не удалось поѣхать вправду. Матушка у меня все больна ревматизмомъ въ спинѣ (подозрѣваю нѣчто въ родѣ удара), отпуститъ меня, да и торопитъ возвратомъ; а къ несчастію въ обѣ мои поѣздки, особенно послѣднюю, дороги сильнò разгрязнились, и поэтому для пути въ Сапожокъ потребовалось бы болѣе времени, чѣмъ въ сухую погоду, а времени у меня было не то, что въ обрѣзъ, а еще меньше. Такъ я у тебя и не былъ, а какъ хотѣлось! Мнѣ давно, давно хочется

побывать въ Песочномъ, взглянуть и на Песочное, и на тебя въ немъ; да вотъ въ руки не дается. Разумѣется, по твоему назначенію, въ Лебедяни буду къ сроку; но къ Черкаскому писать куда, не знаю. Поэтому не пеняй, что не пишу. Ты расхозяйничался, я тоже, и между прочимъ къ будущему году долженъ разжиться машинами сѣяльными (думаю Гренвицкаго), да конною сѣнотрускою и загребальною, которыя ты привезъ изъ Англіи. Въ Смоленскѣ у меня съ будущаго года все хозяйство наймомъ; тутъ машины особенно нужны, онѣ составляютъ чистую экономію. Похвалишь ли сѣнотруску и загребальницу? Ихъ, кажется, всѣ одобряютъ. У меня всѣ луга сѣянные, и слѣдовательно удобны для машинъ. А меня совершенно заѣдаетъ мой сахарный заводъ; все заманиваетъ на новыя выдумки, которыхъ успѣхъ plus quam сомнителенъ. Всю вымочку устроилъ я на новый ладъ; но дѣйствительно изобрѣлъ я великолѣпную цѣдилку, процѣживающую нажимомъ; ее навѣрное примутъ всѣ сахаровары, ибо она и въ сравненіе не идетъ съ прежними. А теперь новый червякъ засѣлъ мнѣ въ голову: дефекація [1]) безъ огня. Вожусь съ нею теперь уже цѣлый мѣсяцъ; плохо ладится, да затѣя-то сильно заманчива. Если бы она удалась, вѣдь былъ бы переворотъ въ сахаровареньи, и какъ на смѣхъ, иногда опытъ выходитъ совершенно удовлетворителенъ, а повторишь его, кажется, точь въ точь—не выходитъ ничего. Ужасно досадно!

Газетъ я почти не смотрю. Чтò въ нихъ? Разъ прочелъ, что мы, выступая изъ Валахіи и Югозападной Молдавіи, оставили своихъ больныхъ и раненыхъ на попеченіе Турокъ, и довольно съ меня. Чего же лучше? Послѣ этого что еще читать? Ты замѣтилъ ли это? Оно сказано въ прокламаціи Селима-паши и у насъ перепечатано безъ примѣчаній. Теперь слухъ идетъ о пораженіи Англичанъ на берегу Крыма, да плохо вѣрю: столько идетъ пустыхъ слуховъ, что скучно ихъ и слушать. Впрочемъ они распространяются не безъ разсчета: по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

Прощай, любезный Кошелевъ. До свиданія въ Лебедяни. Надѣюсь къ тому времени кончить мою Французскую статью и прочесть ее тебѣ. Потолкуемъ; жаль только, что Самарина нѣтъ. Письмо это я кончилъ въ Боучаровѣ, начавъ въ Ивановскомъ [2]). Прощай еще разъ.

II.

(1854).

Если ты еще отъ Аксакова не получалъ или письма моего [3]), или отчета объ немъ, то я на всякій случай скажу тебѣ нѣсколько словъ

---

[1]) Боучарово или Богучарово—помѣстье Хомякова не доѣзжая Тулы (изъ Москвы). Тамъ онъ жилъ большую часть года. Ивановское—близъ города Донкова; тамъ онъ скончался 23 Сентября 1860 г.

[2]) Дефекаціею называется въ химіи очищеніе влаги отъ постороннихъ примѣсей.

[3]) „О значеніи страданія и молитвы“. Напечатано во 2-мъ томѣ Полнаго Собранія сочиненій Хомякова, стр. 284 и слѣд.

объ Аксаковскомъ письмѣ. Я далеко не такъ съ нимъ несогласенъ, какъ ты. Не значитъ однако, чтобы я былъ съ нимъ согласенъ: нѣтъ. Онъ ударилъ въ крайность, но крайность эта вызвана другою крайностью, въ которую вообще всѣ люди религіозные, и даже самые Святые Отцы, нерѣдко впадаютъ. Вопросъ о горѣ, объ его значеніи въ жизни, объ молитвѣ и ея дѣйствіи и проч. входитъ очевидно въ широкій разрядъ вопросовъ, возникающихъ изъ сопоставленія Божіяго Провидѣнія и человѣческой свободы, или (болѣе общимъ выраженіемъ) изъ сопоставленія законовъ міровыхъ, логически развивающихся и законовъ или явленій повидимому исключительныхъ. Изъ этого, не вполнѣ для насъ разрѣшимаго, противорѣчія возникаютъ два взгляда или двѣ системы: одна вездѣ признающая только законъ міровой и называющая всякое нарушеніе его чудомъ, т. е. явленіемъ рѣдко и почти никогда недопускаемымъ приверженцами этой системы,—и другая, вездѣ признающая только частный законъ каждаго отдѣльнаго явленія, прямо возводимаго къ волѣ Божіей. Если можно шутить, говоря о такихъ предметахъ (а впрочемъ почему и не шутить? шутка падаетъ не на предметъ, а на нашу слѣпоту), то можно бы сказать, что одни видятъ въ мірѣ только управленіе коренными законами, а другіе только сепаратные указы. Аксаковъ, по своему характеру и по привычкамъ ума своего, долженъ непремѣнно принадлежать къ первой системѣ, и безъ сомнѣнія, онъ долженъ крайне стѣснять вліяніе воли человѣческой и слѣдовательно молитвы на жизненныя явленія. Это ошибка, и ошибка великая, въ которой есть нелогическая сторона (именно та, что допускается партикуляризмъ въ области нравственной и отрицается въ области явленій видимыхъ); но признаюсь, я этой ошибкѣ у насъ готовъ радоваться потому, что противуположная ошибка преобладаетъ безмѣрно, какъ ты можешь видѣть въ людяхъ даже великаго ума, но съ направленіемъ И. В. Кирѣевскаго. Богомъ данныя силы разума оставляются въ какомъ-то преступномъ пренебреженіи отъ вѣчнаго ожиданія чудесъ. Это—наша болѣзнь. Удержать настоящую середину трудно и едва ли вполнѣ возможно человѣку, каковъ бы ни былъ его разумъ и какова бы ни была чистота воли, освѣщенной Божіею милостію и благодатію. Тутъ даже споръ и невозможенъ, и остается только каждому смиренно сознавать, что, не слишкомъ строго строя свою систему, онъ долженъ повиноваться въ случаяхъ исключительныхъ простымъ требованіямъ сердца, а вообще напрягать всѣ Богомъ данныя силы, не требуя отъ Него чудесъ и исключеній изъ общихъ законовъ. Ты видишь, что я, не оправдывая мнѣній Ивана Сергѣевича, не могу и обвинять ихъ строго: какой-то стоицизмъ положимъ, и не совсѣмъ Христіанскій, даетъ имъ въ моихъ глазахъ особенное достоинство при теперешнихъ обстоятельствахъ. Излишекъ же стоическаго равнодушія къ жизни, ея радостямъ и горестямъ исправится самъ собою. Вообще стоицизма болѣе въ молодости, чѣмъ въ послѣдующее время. Письмо

Аксакова много мнѣ напоминало меня самого тому лѣтъ за двадцать съ небольшимъ. Быть можетъ, въ этомъ настроеніи духа есть и примѣсь безсознательной гордости; но не только чужая (какъ говоритъ пословица) и своя-то душа—потемки. Это отчасти, кажется, выражаетъ Апостолъ, говоря: „совѣсть моя меня не обвиняетъ, но Богъ больше моей совѣсти".

Сколько заботъ и хлопотъ, сколько безпрестанныхъ переѣздовъ накликалъ я на себя затѣею сахароваренія! Я бы готовъ былъ себя бранить; но такъ какъ я предпринялъ заводъ съ видами эманципаціи, полагаю, что я правъ и что скуку хлопотливаго лѣта, отчасти опредѣленнаго на переѣзды изъ Тулы въ Донковъ и обратно, я долженъ переносить не только безъ досады, но даже и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ [1]).

Что это Турецкія дѣла! Punch весь наполненъ насмѣшками надъ нами. Картины и половина текста вырѣзаны и выскоблены, а все таки бездна еще проскакиваетъ самыхъ оскорбительныхъ шутокъ. Рекрутство не для войны, но по случаю страшной убыли войска отъ холеры на маневрахъ. Такъ говорятъ.—Не люблю Американцевъ; но спасибо имъ, что они Австрію такъ осрамили въ дѣлѣ Косты и другаго бѣглеца. Всего милѣе то хладнокровіе, съ которымъ Американцы въ этомъ дѣлѣ поступили.

III.

Какъ мнѣ тяжело было въ Смоленской деревнѣ! Она вся была мною устроена для нея, и ея любимое мѣсто [2]). Но за то, какъ я видѣлъ, что съ собою не справлюсь, такъ я и налегъ на работу: далъ большую статью Аксакову въ отвѣтъ Кирѣевскому, много работалъ для своей постоянной работы, а теперь еще пишу статью для напечатанія гдѣ можно, т. е. за границею, въ отвѣтъ на книгу Laurentie, которая сама есть отвѣтъ извѣстной статьѣ Тютчева [3]). Кое-какъ съ собою справляюсь. Я почти все съ дѣтьми и иногда самъ себѣ удивляюсь. Дѣйствительно, я иногда чувствую себя почти столько же матерью, сколько отцемъ, и даже боюсь, чтобы это не дало отношеніямъ моимъ къ дѣтямъ какой-то изнѣженности, которая никуда бы не годилась.

Съ Царьградомъ дѣла еще не уладились, а въ Греціи глупое возстаніе было къ несчастію соединено съ раздоромъ церковнымъ и шло отъ мелкаго духовенства. Жалко, что дѣла духовныя смѣшаны съ политикою.

---

[1]) На сахарномъ заводѣ въ Донковской деревнѣ Хомяковъ употреблялъ исключительно трудъ вольнонаемный, что въ то время было рѣдкостью.

[2]) Хомяковъ говоритъ о женѣ своей, Екатеринѣ Михайловнѣ (сестрѣ поэта Языкова), скончавшейся 26 Января 1852 г.

[3]) Напечатанной за границею отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: La Russie et la Révolution. См. Р. Архивъ 1874, II, 42.

IV.

(1855).

Печально письмо твое, любезный Кошелевъ, и видно, у тебя очень невесело на душѣ. Авось Крымскія вѣсти не поправятъ ли этого настроенія; авось не ободрятъ ли народа? Хозяйственный годъ тебѣ также тяжелъ, какъ и мнѣ, съ тою однако большою разницею, что у тебя и средствъ больше и главное, все имѣніе свободно; но я увѣренъ, что въ тебѣ уныніе не отъ хозяйственныхъ неудачъ. Ты пережилъ на свой вѣкъ неудачи и заботы покрупнѣе этихъ и никогда не унывалъ Тебя гнететъ еще неосвѣжившійся воздухъ, неизвѣстность общаго будущаго, современное страданіе народное и неувѣренность, чтобы болѣзнь была къ росту. Многіе, чуть чуть не всѣ, повѣсили носы. Я одинъ еще бодрюсь, и ко мнѣ приходили за утѣшеніями. Мои обѣщанія сбываются покуда только въ Крыму, и за это меня уже пріѣзжалъ благодарить Бахметевъ (Алексѣй Николаевичъ). Увидите, сбудутся всѣ; но намъ подобаетъ подвизаться. На насъ всѣхъ теперь великая отвѣтственность.

Н—въ еще ничего не сдѣлалъ и вѣроятно ничего не сдѣлаетъ, но по крайней мѣрѣ очень милъ. Говоритъ, что непремѣнно исполнитъ мое порученіе (не называетъ прошеніемъ), но я все не вѣрю. Если наше дѣло пойдетъ и будетъ журналъ, Поповъ обѣщаетъ непремѣнно, кромѣ своихъ работъ къ каждому номеру по шести листовъ изъ Петербурга перваго сорта отъ лучшихъ сотрудниковъ. Это было бы важно. Теперь о себѣ. Нынче получилъ изъ Питера письмо, по которому предполагаю, что моя вторая брошюрка вышла; впрочемъ это еще не вѣрно. А вѣрно то, что ея у меня потребовалъ или пожалуй попросилъ официально Олсуфьевъ отъ имени Государыни. Я послалъ весьма некрасивый списокъ (другаго не было) и извинился поспѣшностію. Въ письмѣ Олсуфьева Государыня поручаетъ мнѣ сказать, что покойный Императоръ былъ первою очень доволенъ [1]). Я въ отвѣтъ сказалъ, что это мнѣ потому особенно дорого (разумѣется, слова другія), что смертію своею Государь доказалъ искренность своихъ убѣжденій. Вѣдь это должно было сказать. Изъ другаго источника знаю я и слова покойнаго, очень замѣчательныя. Dans ce qu'il dit de l'Eglise il est très-libéral; mais dans ce qu'il dit de ses rapports avec l'autorité temporelle, il a parfaitement raison, et je suis de son avis [2]). Многіе тутъ хотятъ видѣть лицемѣріе, но изъ чего и для кого? Всѣ мы, и духовные и свѣтскіе, виноваты въ его ошибкахъ.... Я думаю, онъ,

---

1) Говорится о богословскихъ книжкахъ, нынѣ вошедшихъ во второй томъ сочиненій А. С. Хомякова.

2) Въ томъ что̀ онъ говоритъ о Церкви, онъ очень свободолюбивъ; но въ томъ, что̀ онъ говоритъ объ ея отношеніяхъ къ свѣтской власти, онъ совершенно правъ, и я его мнѣнія.

по крайнему разумѣнію, желалъ правды. Иные его бранятъ, иные имъ гордятся безъ смысла...

V.

(1855).

Рѣшительно дѣйствуешь ты, любезный Кошелевъ, и можетъ быть такъ и лучше. Молодцы Западные не дремлютъ; дремать не слѣдуетъ и намъ. Но какова слѣпота! А едва ли насъ допустятъ къ соучастію въ журналѣ. Впрочемъ знай, что все, что̀ ты по этому дѣлу дѣлаешь, мною напередъ уже подписано и объ моемъ согласіи не безпокойся. Всячески постараюсь быть въ Москву, либо къ 10-му, либо къ 12-му. Ранѣе не могу. Пишу къ тебѣ только нѣсколько строкъ потому, что вчера утомилъ глаза такъ, что боюсь писать, какъ бы не разболѣлись.

Я очень радъ назначенію Вяземскаго *).

VI.

(1855).

Правда твоя, любезный Кошелевъ, что тебѣ теперь ѣхать въ Питеръ, кажется, не для чего; но я не вижу, зачѣмъ и мнѣ-то ѣхать? Что̀ я буду дѣлать? Или, лучше сказать (потому что дѣлать кое-что можно), о чемъ буду просить? Снова о разрѣшеніи печатать? Да вѣдь разъ уже прошено: вторичная просьба нѣсколько унизительна и едва ли полезна. * или прямо упрется, или, что̀ еще вѣроятнѣе, отзовется, что запрещеніе шло не отъ него, и слѣдовательно разрѣшать онъ до пріѣзда Государева ничего не можетъ. Узкій лобъ этого сановника очевидно туго набитъ какимъ-то глупымъ предубѣжденіемъ или можетъ быть страхомъ передъ Д. Онъ А. прямо сказалъ, что мы всѣ люди опасные и между прочимъ, что его статья о родовомъ бытѣ совершенно злонамѣренная. Конечно въ ней столько же злонамѣренности, сколько и въ Cuisinière bourgeoise; но именно потому-то и оправданіе невозможно, что обвиненіе совершенно безсмысленно. Даже и не придумаешь что̀ сказать. Главный, я думаю, порокъ нашъ въ глазахъ Н—ва то, что мы не мямли, какъ онъ самъ. Скажи, что̀ же я сдѣлаю въ Питерѣ? Дать, скажешь ты, ходъ общественному вліянію? Прекрасно. Но это вліяніе какъ соломенный пылъ, яркъ да коротокъ. Будь Царь въ Питерѣ, можно бы желѣзо разогрѣть, да и наковальню; а то разогрѣешь, да оно пять разъ успѣетъ простыть до царскаго пріѣзда, а замѣть, что рѣшеніе нашего дѣла непремѣнно отложатъ до этого времени. Выходитъ ли изъ того, что я не долженъ или не хочу ѣхать? Совсѣмъ нѣтъ: я и долженъ, и хочу (хоть и не хотѣлось бы); но мнѣ кажется, лучше нѣсколько повременить. Одно твое замѣчаніе неопровержимо: это на

*) Въ товарищи министра народнаго просвѣщенія.

счетъ Царскосельской жизни; но всѣ другія обстоятельства противъ лишней поспѣшности, а оно одно едва ли достаточно, чтобы перетянуть всѣ остальныя. Видишь ли мое соображеніе, о которомъ я впрочемъ тебѣ уже, кажется, говорилъ? Величайшая, какъ мнѣ кажется, выгода была бы, еслибъ я могъ пріѣхать въ Питеръ какъ бы за другимъ дѣломъ, а по этому дѣлу уже дѣйствовать не какъ проситель, а какъ обвинитель. На это у меня есть надежда, и не отдаленная. Ружье, о которомъ я тебѣ говорилъ, на дняхъ будетъ въ пробѣ. Начальство заводское, т. е. тѣ, которые особенно завѣдываютъ частью механическою, наконецъ само сильно заинтересовалось. Безъ всякой моей просьбы назначены лучшіе мастера и отдѣлены даже на время отъ казенныхъ работъ. Ожидаютъ любопытныхъ результатовъ. Явиться мнѣ въ Питеръ (если только дѣйствительно ружье оправдаетъ мои надежды) подъ прикрытіемъ этого батарейнаго орудія, очень было бы выгодно. Кругъ вопросовъ, лицъ, интересовъ былъ бы разомъ затронутъ большій (замѣть, что я еще хочу предложить устройство металлическихъ казематовъ и просить опыта своей Московки для винтовыхъ пароходовъ), и подъ шумокъ дѣло это можетъ обдѣлаться скоро и почти незамѣтно. Вотъ мое мнѣніе, но рѣшеніе предоставляю тебѣ; ибо дѣло общее, а какъ охоты къ поѣздкѣ во мнѣ вовсе нѣтъ, то я, можетъ быть, самъ себя нѣсколько надуваю, чтобы только не спѣшить скучною обязанностью. Какъ бы мнѣ мало были благодарны мои Петербургскіе благопріятели, если бы знали, какова мнѣ пилюля ѣхать въ Питеръ. Говорятъ, и этому отчасти можно вѣрить и радоваться, что * съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ, выражаетъ туже нелюбовь къ этому болоту.

Что скажешь ты о томъ, что нашъ авангардъ весь подъ командою Поляковъ? Можетъ быть, это случайность; но если не случайность, то весьма хитрая штука. Это можетъ быть замѣчено Европою и, при счастіи, можетъ заинтересовать Поляковъ. Не мѣшало бы и на Прутѣ и на Австрійской границѣ имѣть начальниковъ Сербовъ, Кроатовъ, Чеховъ и др. Этимъ можно бы было держать розгу надъ спиною Австріи. А впрочемъ ты видишь, что я, кажется, былъ правъ, сомнѣваясь въ движеніи Пелисье впередъ. По видимому, онъ хочетъ дотянуть до зимы. Жаль и не жаль Самарина: ему нужно было освѣжиться, а до пуль авось не дойдетъ. Онъ самъ теперь пишетъ: „странно, когда могъ писать и былъ свободенъ, казалось не о чемъ и не для чего и не хотѣлось; а теперь такъ и рвется рука къ перу, и пропасть статей въ головѣ и, казалось, сейчасъ бы написалъ".

Конецъ твоего письма меня не порадовалъ и безпокоитъ. Ты хочешь устроить планъ освобожденія крестьянъ въ своемъ имѣніи. Это прекрасно; злишься на уродливость и грѣшность крѣпостнаго состоянія, это славно; но прибавляешь: „мое желаніе переходитъ чуть чуть не въ лихорадочное состояніе; жена моя еще усиливаетъ его, а ка-

пельки-то камень пробиваютъ“. Здоровъ ли ты? Не разстроенъ ли чѣмъ нибудь? Пожалуйста будь здоровъ, столько же сколько ты всегда бодръ. Обнимаю тебя крѣпко на крѣпко.

VII.

(Конецъ 1855).

Ты меня вѣроятно или уже считаешь въ Питерѣ или бранишь за медленность и за нетвердость въ словѣ; но я ничѣмъ не виноватъ. У меня уже укладывались въ дорогу, какъ вдругъ пошли дѣти болѣть и не разомъ, а одинъ за другимъ. Хотя, слава Богу, у нихъ и несерьозныя были болѣзни, но вопервыхъ, ты знаешь, что я самъ ихъ медикъ; а во вторыхъ, нельзя же мнѣ было больныхъ оставить въ деревнѣ однихъ? Вѣрь мнѣ, это мнѣ такъ досадно самому и даже болѣе чѣмъ досадно, что и сказать не могу; тѣмъ болѣе досадно, что ружье мое давно готово и вполнѣ оправдало мои ожиданія. На сто саженей оно вѣрно до невѣроятности: на 300 саженей оно разбило совершенно небольшой щитъ; на версту оно пробиваетъ на вылетъ четырехъ-вершковую доску и свободно еще пробиваетъ вершковую доску на полторы версты. Такъ оно исполнило все, чего я хотѣлъ на счетъ стрѣльбы, а въ отношеніи вѣса даже превзошло мои ожиданія. Весь вѣсъ $22^1/_2$ ф. Чего же лучше? И по этому суди, что мнѣ самому нетерпѣливо хочется въ Питеръ.

Мнѣ такъ больно, что я еще не могъ исполнить того, что̀ считаю своею обязательною попыткою въ Петербургѣ, что я на сей разъ ничего не стану говорить объ нашемъ предположеніи на счетъ журнала. Успѣхъ Каткова, льготы данныя Университету, все какъ будто обѣщаетъ успѣхъ и намъ; но все это еще очень не вѣрно.

Порадовался ли ты успѣху Муравьева? Я отъ души радуюсь: во первыхъ пора хоть гдѣ нибудь порадоваться какимъ нибудь дѣломъ; во вторыхъ, онъ въ прошлое царствованіе былъ долго подъ опалою и (каковъ ни есть) сохранилъ какую-то независимость отъ двора: его побѣда будетъ многимъ горька на Сѣверѣ. Для Государя новаго это великая выгода: люди бывшіе подъ опалою, или неучаствовавшіе въ системѣ прошлаго времени, находка. Они способствуютъ освобожденію правительства отъ той дрянной камариллы (старой дворни), которая надѣлала столько уже вреда. Я жду оттуда новыхъ вѣстей: не оставитъ же онъ Омера-Паши въ покоѣ.

VIII.

(1856).

Ты такъ меня озадачилъ, любезный Кошелевъ, своимъ письмомъ что просто испугалъ. Вообрази себѣ мальчика, у котораго спросили бы строгимъ голосомъ: „А какъ звали двоюродную тетку Навуходоносора“? Онъ просто бы обмеръ и не вдругъ бы спохватился, что за

нимъ и обязанности такой нѣтъ знать эту двоюродную тетку. Такъ и со мною случилось. „А готова у тебя статья? О чемъ она? И если не готова, то скоро ли изготовишь? Ужъ мы печатаемъ и тебя ждемъ". Мнѣ сначала и въ голову не пришло, что это таже двоюродная тетка Навуходоносора, и что я вовсе не обѣщалъ статьи и отъ тебя ни слова не слыхалъ, поэтому и не думалъ и предмета не имѣю и т. д. Всего этого я не придумалъ, а просто перепугался какъ виноватый. Что̀ дѣлать? О чемъ писать? А тутъ я говѣлъ; а тутъ навязались на меня спазмы желудочные прелюбопытные (и которые стоили бы описанія, да ты въ этомъ толку не понимаешь), насилу началъ я отъ нихъ отдѣлываться, и при этомъ статья. Съ горя написалъ къ Редактору Р. Б. письмо, которое и посылаю тебѣ. Годно, хорошо; не годно, брось. Я половину ужъ написалъ, какъ догадался, что я собственно въ просакъ попалъ и напрасно перепугался, и имѣлъ полное право писать къ Кошелеву, что редакторъ Р. Б. на меня предъявляетъ искъ незаконный; но ужъ дѣло было начато: лучше кончить. Такъ я и сдѣлалъ, а нѣсколько лишнихъ дней потерялъ по вышесказаннымъ причинамъ, тѣмъ болѣе, что спазмъ желудочный приходилъ ко мнѣ именно въ обычное время моихъ занятій. Хороша ли статья, не знаю; но думаю, что какъ по важности и общей занимательности предмета, такъ и по нѣкоторому исповѣданію убѣжденій, она для перваго номера пригодна. Суди и ряди! Если и въ печку бросишь, не опечалишь; я же теперь особенно утѣшенъ тѣмъ, что узналъ дѣйствіе Алумины въ нѣкоторыхъ формахъ желудочныхъ спазмовъ.

На вопросъ твой, скоро ли въ Москву, я почти готовъ отвѣчать пріѣздомъ; но все дорога держитъ. Хотѣлось бы саннаго пути. Кромѣ того лечу здѣсь занесенную ко мнѣ въ деревню гнилую горячку съ пятнами. За Тулой и въ Тулѣ отъ нея смертныхъ случаевъ довольно. Слышно ли объ ней въ Москвѣ, или это мѣстное явленіе? Впрочемъ это меня не задержало бы: у меня Загряжскій такой искусный Amanuensis, что я на него полагаюсь вполнѣ. Просто жду снѣга. Между нами, надежды на будущій урожай весьма не блистательны, не отъ засухи, какъ думаютъ, а отъ холодныхъ дождей сейчасъ послѣ посѣва, которые залили и сгноили его. На дняхъ узналъ я, что въ сосѣдствѣ одинъ баринъ выдумалъ сушилку для хлѣба: въ сутки отъ 72 до 87 четвертей (разумѣется, не въ снопахъ); расходъ дровъ— кубическая сажень осины или другаго плохаго матеріала слишкомъ на 20 дней, т. е. на 1500 четвертей. Вѣдь это дѣло очень хорошее. Увѣряютъ, будто бы это зерно всходитъ и годно для посѣва, что̀ уже невѣроятно; но дешевизнь, какъ ты видишь, необычайная; ½ копѣйки серебромъ на четверть при дорогихъ дровахъ (7 р. 50 к. сер. сажень), и при этомъ никакой механической силы и устройство легкое. Это заслуживаетъ полнѣйшей справки. Если окажется правдою, то замѣть: Глѣбовъ выдумалъ свой великолѣпный змѣевикъ, а сушил-

ку выдумалъ Новосельскій. Оба псовые охотники. Изъ этого слѣдуетъ польза псовой охотой для изощренія ума, и объясняется превосходство Англіи по хозяйству сельскому, такъ какъ Англичане великіе fox-hunters. Вотъ, какъ видишь, новое открытіе въ психологіи.

IX.

(Петербургъ, Мартъ 1856).

Любезный Кошелевъ! Я, не смотря на твое первое письмо, не сталъ бы тебѣ писать ничего, если бы не получилъ твоего втораго письма. Оно писано подъ вліяніемъ нѣсколько раздраженнымъ, но объ этомъ при свиданіи; а вотъ покуда здѣсь до сихъ поръ ничего я не сдѣлалъ и думаю, что ничего не сдѣлаю. Послѣ тебя, дѣло не двинулось равно ни на волосъ. Н—въ очень хорошъ, очень милъ, и только. Я нѣсколько подозрѣваю, что Д. его ставитъ въ уголъ, когда онъ зашалится: по крайней мѣрѣ таково мое впечатлѣніе. Вотъ положеніе, какъ я понимаю. Можетъ быть, съ насъ снимутъ запрещеніе, но что толку? Мы останемся подъ страшнымъ присмотромъ, и малѣйшее слово живое будетъ прихвачено. Отказъ въ журналѣ или нашъ отказъ отъ журнала не значитъ ничего. Это насъ не срамитъ; но если насъ будутъ тщательно обезцвѣчивать и лишать всякаго вкуса и содержанія, мы потеряемъ всякое значеніе въ мірѣ людей мыслящихъ и погибнемъ навсегда или покрайней мѣрѣ надолго. Поэтому я и рѣшился дѣйствовать прямѣе и идти на проломъ: отдалъ Н—ву свою статью (за которую съ меня взята подписка) и сказалъ: или она должна быть позволена, или мнѣ ихъ милость ни на что не нужна. Нынче я отъ него получу отвѣтъ. Чтобы ты могъ понять взглядъ здѣшнихъ пошляковъ на наше направленіе, скажу тебѣ только то, что Н—въ жаловался мнѣ на Кирѣевскаго. „Кирѣевскій мнѣ писалъ, и вообразите: онъ проситъ разрѣшенія и въ тоже время объявляетъ, что онъ нисколько не хочетъ измѣнить своего взгляда и образа дѣйствій и выраженій". Я тутъ его перебилъ, будто не понимая его: «Конечно, Кирѣевскій смѣшно оговаривается; онъ долженъ васъ знать и знать, что ваше превосходительство убѣждены, что человѣкъ не мѣняетъ убѣжденіе какъ рубашку, и что честный человѣкъ говоритъ, какъ думаетъ.» Вообрази его физіономію при этомъ. Впрочемъ, мы очень хороши, а дѣло не подвигается. Нуженъ ultimatum рѣзкій, и по крайней мѣрѣ, если его примутъ, то мы сколько нибудь можемъ надѣяться, а безъ этого рѣшаться ни на что нельзя. Мое требованіе на счетъ моей статьи достигаетъ этой цѣли.—Теперь положеніе вдвое труднѣе, чѣмъ прежде. Послѣ мира (на который всѣ согласились кромѣ графа Д. Н. Блудова, который ведетъ себя какъ будто по заказу К. С. Аксакова), двѣ дороги: или поправлять скверное впечатлѣніе большимъ расширеніемъ предѣловъ нашей умственной жизни, или безумно заупрямиться въ войнѣ противъ народности. Государь за первый

путь; весь дворъ (т. е. сильные) за второй, который вѣроятно и восторжествуетъ. Въ обоихъ случаяхъ нужно рѣзкое опредѣленіе, которое я и стараюсь вызвать. Если оно будетъ неблагопріятно, намъ слѣдуетъ отказаться отъ всего — и пережидать.

Я вездѣ въ Русскомъ платьѣ. Когда пріѣду, разскажу тебѣ все. Скандалъ былъ страшный, но я выдержалъ, хотя знаютъ, что я заказалъ фракъ на случай. Когда у меня спрашиваютъ, отъ чего я не надѣваю фрака, уже готоваго, я отвѣчаю: „чтобы не подумали, что Россія меня уступила вмѣстѣ съ берегами Прута". Прощай покуда.

X.

(Іюнь 1856).

Я къ тебѣ не писалъ, любезный Кошелевъ, послѣ нашей общей потери. Какая тяжелая, какая неожиданная! Кирѣевскій не только намъ былъ дорогой другъ: онъ былъ для Бесѣды (въ этомъ я разумѣю не одинъ печатный журналъ) необходимымъ дѣлателемъ. Его спеціальность не имѣетъ другаго представителя; да если бы и имѣла, то не найдется такого, который бы имѣлъ его особенныя, свойственныя ему одному достоинства. Знаешь ли, что когда мнѣ сказали объ его смерти (это сказано мнѣ было при входѣ въ домъ, на возвратѣ изъ Смоленской губерніи), послѣ перваго потрясенія, мнѣ тотъ часъ пришелъ въ голову ты, его старѣйшій другъ. Какъ вынесъ ты этотъ ударъ? Онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ тебя поразить, что, судя по твоему письму къ Самарину, ты какъ будто былъ особенно бодръ и веселъ. Я долго не могъ опомниться. Какъ то вынесетъ Авдотья Петровна и бѣдный Петръ Васильевичъ *), который такъ давно хвораетъ? Нынче въ ночь я ѣду къ нимъ: раньше не могъ, потому что говѣлъ. Какая-то особенная судьба Ив. В. Кир.! То цензура и власть царская останавливали его: то теперь смерть, и всякій разъ на половинѣ труда. Какое-то также особенно строгое испытаніе нашему направленію: какъ будто опытъ нашего терпѣнія и постоянства. Рѣдѣетъ кругъ нашъ, жизнь обращается для каждаго какъ будто въ воспоминанье. Подвигъ становится все строже и строже. Видно, такъ надобно.

Посылаю тебѣ на судъ приписку, которую предлагаю сдѣлать къ статьѣ. Если понравится, утверди и напиши Филиппову. Я экземпляръ посылаю прямо къ нему для скорости. Если что̀ не понравится, мѣняй, марай и дѣлай какъ лучше знаешь. А приписка необходима. Когда я приписывалъ къ біографіи Меткальфа, не думалъ я объ этой припискѣ.

---

*) А. П. Елагина—мать И. В. Кирѣевскаго, а Петръ Васильевичъ—братъ его.

XI.

(Ноябрь 1856).

Отвѣчаю тебѣ по первой почтѣ, любезный Кошелевъ: скорѣе этого отвѣчать нельзя. Программа, по моему мнѣнію, должна оставаться таже, но прилагаю коротенькое вступленіе, которое было бы полезнымъ. Не знаю, понравится ли оно тебѣ. Ты замѣтишь, что я между прочимъ сказалъ объ обозрѣніяхъ политическихъ. Думаю, что такое слово (если оно пропустится) можетъ быть полезнымъ при теперешнемъ нападеніи на нихъ. Что за колпакъ этотъ В.! Самъ участвуетъ въ журналѣ и самъ его рѣжетъ и чертъ знаетъ почему? Нѣтъ ни поводовъ къ подозрѣнію, ни жалобъ отъ Министерства Иност. Дѣлъ, ни жалобъ отъ кого бы то ни было, ни отклоненія отъ программы (въ чемъ виноватъ Вѣстникъ), ровно ничего. Положимъ, что канцелярія или секретарь просто желаютъ получать на водку (въ чемъ я почти убѣжденъ съ Черкаскимъ); да вѣдь онъ читаетъ же самъ, что̀ подписываетъ и можетъ сказать имъ, что они врутъ. Просто гадко! Смотри ты самъ не очень этимъ волнуйся. Св. поручилъ мнѣ (и право очень серьезно) оберегать тебя отъ волненія: онъ, что вы ни говорите и какія глупости онъ ни дѣлаетъ, истинный другъ. Онъ меня тронулъ, говоря о насъ и о тебѣ въ особенности. Поводомъ къ разговору были крайне дурныя извѣстія о Петрѣ Васильевичѣ. Ты пишешь, что ему легче, а Л. И. Поповой писали, что его пріобщили; только не знаю, которое извѣстіе новѣе. Очень боюсь за него, и ты знаешь, что съ самой смерти И. В. я не ожидалъ, чтобы Петръ вынесъ горе *). Грустно будетъ, если онъ умретъ, хотя собственно плодовъ отъ его письменной дѣятельности ждать нельзя, но онъ имѣетъ на свой округъ замѣчательное вліяніе. Чудная и чистая душа.

И такъ смотри не волнуйся даже глупостями В. Если нельзя будетъ писать обозрѣнія, то мы тоже самое можемъ ввести въ другія формы и можемъ быть дать имъ еще болѣе строгое значеніе.

XII.

(Іюнь 1857).

Бесѣда вышла 27-го, и съ великимъ эффектомъ. Спрашиваютъ, откуда у насъ такъ силы прибыло. Не въ примѣръ, дескать, лучше прошлогодней. Серьезно, это общій отзывъ. Но главный герой Черкасскій. Отъ него всѣ въ восторгѣ, называютъ единственнымъ публицистомъ нашимъ, а въ Англійскомъ клубѣ прибавляютъ, что онъ публицистъ-философъ. Безъ шутки, ни одна статья не имѣетъ и въ половину успѣха равнаго его статьямъ. Многіе предпочитаютъ его вторую статью первой, съ чѣмъ я конечно не согласенъ, но говорю тебѣ чужой отзывъ. Вообрази себѣ, что послѣ тебя я въ своей брошюрѣ вдругъ какъ бы

---

*) П. В. Кирѣевскій скончался въ Ноябрѣ 1856.

запнулся. Пробовалъ, выходила размазня; отдохну, попробую еще, опять тоже. На силу на дняхъ одолѣлъ догматическую часть такъ, что самъ я вполнѣ доволенъ и, кажется, всѣ вы будете довольны. Ясно, строго и вполнѣ ново по изложенію. Ты посмѣешься этой самолюбивой откровенности или откровенному самолюбію; но признайся, что въ такой работѣ, если хоть мало мальски недоволенъ, лучше ужъ не пиши. Теперь я и брошюрку подвигаю, и Соловьева обдѣлываю. Не прогнѣвайся, что выдетъ крутенько. Формы будутъ совершенно вѣжливы, а содержаніе не совсѣмъ пріятно.

Все разлетѣлось изъ Москвы. Я послѣдній изъ нея выѣзжаю по всегдашнему моему обычаю: меня уже взяла тоска по деревнѣ.

„Молва" идетъ успѣшно. Подписка хватила за 600 человѣкъ. Между тѣмъ ни одной почти нѣтъ статьи, сколько нибудь отзывающейся на современную, дѣйствительную молву. Вообрази, что я редакторамъ долженъ былъ напомнить, что надобно же что нибудь сказать по случаю (весьма грустному) смерти Иннокентія, о которой ты вѣроятно уже знаешь. Пастырь не пастырь, а все таки крайне замѣчательный человѣкъ, и смерть его нельзя не считать потерею и пройти молчаніемъ.

Блудова на дняхъ проѣзжала. Везетъ хартію крестьянамъ. Спасибо ей отъ души.

XIII.

(Августъ 1857).

Письмо твое, любезный Кошелевъ, пришло ко мнѣ въ весьма грустное для меня время. Оно застало меня въ то время, когда я изъ Москвы перевозилъ въ деревню гробъ матушки. 24 Іюля скончалась она не болѣзнію, а истощеніемъ силъ; за нѣсколько дней выѣхала она изъ Москвы, доѣхала до Подольска и возвратилась назадъ безъ всякой нужды. Потомъ были у нея спазмы, и она вызвала меня изъ Донкова черезъ эстафету. Я пріѣхалъ; она уже оправилась и снова со мною собиралась. Такъ продолжалось 10 дней, послѣ которыхъ она угасла. Два раза пріобщалась она и соборовалась за нѣсколько дней до кончины. Страданій кромѣ послѣдней ночи не было. Голова была свѣжа, мысль и всѣ интересы жизни во все время кромѣ предсмертнаго дня, въ которомъ слабость дошла до крайнихъ предѣловъ, а едвали она дѣйствительно ожидала смерти. Признаюсь, и я себя долго обманывалъ; видѣлъ, какъ она слабѣетъ и все еще надѣялся. Грустно, что ея уже нѣтъ; не говорю объ ней какъ о матери моей или даже какъ о женщинѣ истинно и глубоко добродѣтельной, но говорю какъ о добромъ и почтенномъ образчикѣ прежней эпохи. Много ли женщинъ или мужчинъ среднихъ лѣтъ, а подавно молодыхъ, въ которыхъ такъ сильно развиты были интересы серьозно-религіозные, политическіе и общественные? Въ ней безспорно отражалась эпоха крѣпкая, Екатеринин-

ская, съ лучшей ея стороны. Духовное ея существо не было ни разварено (отъ 1800 до 1825), ни придавлено (отъ 1825 до 1855). Мнѣ очень грустно и немножко странно, что некому меня дома бранить. Кажется бы много далъ, чтобы опять слышать тѣ комплименты, которыми иногда она меня такъ щедро надѣляла. Дѣти очень жалѣли о своей бабушкѣ, и потеря ея будетъ чувствительна. Но правду сказать, можно ли было ожидать еще долгой жизни послѣ 87 лѣтъ? Прѐдѣлъ человѣческой жизни для нея не былъ положенъ слишкомъ тѣсно; да и горестей ей было удѣлено немало.

Твое письмо очень меня порадовало: оно писано въ добромъ духѣ и даетъ хорошія вѣсти о тебѣ самомъ. Между прочимъ меня очень порадовало то, что мы такъ низко пали въ глазахъ Европы: пусть она равняетъ насъ хоть съ Ангальтъ-Бернбургомъ! Для насъ же здоровѣе во всѣхъ отношеніяхъ, а наше время придетъ, и ужъ не такое какъ прежде. Но для этого нужно, чтобы развилась у насъ внутренняя жизнь, не такъ какъ теперь. Я свою долю въ Бесѣду внесъ. Аксаковская статья также вѣроятно готова: трезвонъ Соловьеву будетъ полный. Поблагодаритъ и не забудетъ. Я къ Елагину писалъ, чтобы онъ своихъ Венгровъ непремѣнно высылалъ. Б. какъ будто обошелся. Безсоновъ хлопочетъ помѣститься въ типографію Синодальную въ Москвѣ: и для него было бы хорошо, и типографія выиграла бы много. Ее теперь ревизуютъ и всю раскасировали. Изъ Петербурга вѣсти весьма хороши: дай Богъ здоровья и успѣха Александру II-му! Муравьевъ ѣздитъ по Россіи какъ гроза: лихорадка и другая болѣзнь такъ и трепятъ всѣ палаты и всѣхъ чиновниковъ его вѣдомства *). Съ крестьянами хорошъ и восхищается ихъ умомъ и смысломъ. Что-то Богъ дастъ впередъ?

Ты знаешь, что Иннокентій умеръ и что на его мѣсто назначенъ Дмитрій, нашъ Тульскій. Какъ я радъ, что объ его прощаніи съ Тулою не будетъ ничего въ газетахъ! Это такъ было хорошо, искренно и трогательно, что стыдно было бы видѣть это вмѣстѣ съ прочими вѣстями о прощаніяхъ съ обожаемыми начальниками. Весь городъ подвинулся отъ мала до велика, и провожали его карету за нѣсколько верстъ пѣшкомъ; а въ Соборѣ рыданія были общія. Находитъ же человѣкъ отзывъ хоть бы и у насъ! Я съ нимъ много говорилъ о Болгарахъ: вѣдь теперь онъ долженъ объ нихъ печься. На него, кажется, можно надѣяться.

Не переговоришь ли ты съ Брокгаузомъ объ изданіи моей третьей брошюры и о переводѣ ея на Нѣмецкій языкъ? Но надобно будетъ какъ нибудь переслать переводъ въ Москву въ рукописи, или уже не перевести ли въ Москвѣ? Дней черезъ десять я ее кончу. Она мнѣ много

---

*) Это былъ достопамятный объѣздъ, произведенный министромъ государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьевымъ.

труднѣе досталась противъ первыхъ, и я уже не вижу, чтобы можно было къ ней прибавить. Я смотрю на нее какъ на конецъ моей работы по этой части, т. е. по отношенію къ Риму и къ Реформѣ. Развѣ втянутъ въ полемику, но этого я не ожидаю.

Пригвозди Безобразова! Мнѣ за него жаль, что онъ не съ нами.

XIV.

(Въ исходѣ 1857).

Множество разныхъ разностей задержало мою Французскую работу; но она почти кончена и, кажется, тебя удовлетворитъ. Былъ у меня нашъ Парижскій священникъ, и я очень радъ, что съ нимъ познакомился. Онъ мнѣ говорилъ о моихъ двухъ брошюрахъ, и вотъ между прочимъ отзывъ, который кажется мнѣ, долженъ быть вѣренъ.- „Нельзя сказать, говоритъ онъ, чтобы онѣ подѣйствовали и въ комъ нибудь произвели убѣжденіе, но они рѣшительно произвели страхъ въ томъ смыслѣ, что кто ихъ читалъ (изъ иновѣрцевъ), потомъ рѣшительно избѣгаетъ спора. Многіе мои знакомые изъ Католиковъ, съ которыми въ прежнее время у меня бывали пренія, теперь вовсе отъ нихъ отказываются, а если къ нимъ начнешь приступать, то отвѣтъ одинъ: „Eh, monsieur! On peut tout prouver avec un certain abus de la logique [1]). Одинъ сказалъ мнѣ: L'Orient vous a transmis le don du sophisme [2]). Болѣе же ничего ни отъ кого я добиться не могъ".—Отзывы Протестантовъ также нестерпимы; но все равно. Логическую основу положить нужно, и я не думаю, чтобы я даромъ работалъ. Остальное, если Богу угодно будетъ дать дѣлу успѣхъ, пойдетъ отъ цѣлой жизни и отъ ея разнообразныхъ явленій; только бы тѣже начала выражались и во всѣхъ явленіяхъ. Пріѣзжай, любезный Кошелевъ. Нужно составить планъ кампаніи зимней и дѣйствій будущаго года.

Нужно намъ достать Майкова: его огромный трудъ показываетъ, что въ человѣкѣ есть сила [3]).

XV.

(1858).

Сегодня по утру твой эстафетъ меня разбудилъ въ половинѣ 8-го и немножко напугалъ. Прочитавъ, хотѣлъ было опять соснуть, да не тутъ-то было. Жаръ и мухи не позволили. Поэтому всталъ, принялся за перо и, не смотря на многіе вольные и невольные перерывы, исполнилъ урокъ. То ли я писалъ и такъ ли? Не знаю. Держался твоихъ наставленій, старался выразить мысль посильнѣе и въ тоже время крайне умѣренно. Объ успѣхѣ ты можешь судить лучше меня, вовсе

---

[1]) И, сударь, съ извѣстнымъ злоупотребленіемъ логики можно все доказать.

[2]) Даръ софизма переданъ вамъ отъ Востока.

[3]) Говорится объ Аполлонѣ Александровичѣ Майковѣ и его книгѣ: «Исторія Сербскаго языка».

непривычнаго къ офиціальной перепискѣ. Самый запросъ не совсѣмъ для меня неожиданъ. Я былъ у графа Толстаго въ Пб. два раза; онъ у меня разъ, и другъ друга не заставали; но видѣлъ NN въ ужасѣ, и онъ говорилъ мнѣ объ еще бо̀льшемъ ужасѣ своего начальника. Я за это его побранилъ; но видѣлъ, что толку не будетъ. Ему Толстой поручилъ было написать возраженіе; онъ говорилъ, что ему и больно нападать на Бесѣду, да и едва ли гдѣ помѣстятъ возраженіе его. Я ему совѣтовалъ опять таки помѣстить въ Р. Бесѣдѣ. Онъ разговоръ замялъ; но, какъ я уже сказалъ, выражалъ сильнѣйшій испугъ и раздраженіе. Бесѣда вышла не за долго; изъ Царьграда, очевидно, никакихъ еще вѣстей быть не могло, и всѣ эти росказни объ Михаилѣ какомъ-то и о гнѣвѣ патріарха должны быть чистѣйшею выдумкою. Сердится наша іерархія и особенно нашъ графъ А. П. Толстой, котораго Греки кругомъ обошли. Какъ бы они не надѣлали каши и бѣды неисправимой! На статью нашего Берлинскаго священника, который мнѣ дано экземпляровъ двадцать, отвѣчать нечего. Что̀ ихъ дразнить? Ты видишь, что Нѣмцы на него вовсе не обратили вниманія: это явно изъ самой брошюры, а намъ только можно порадоваться полному согласію Грека Аѳинскаго, человѣка духовнаго и просвѣщеннаго, съ нами. Быть можетъ, онъ и съ моими брошюрами знако̀мъ и не безъ пользы ихъ читалъ. Въ возраженіи на него нашего священника, кажется, есть косвенный намекъ на меня. Вѣдь онъ прежде хотѣлъ мнѣ возражать, да не рѣшился. Богъ съ нимъ! Голова некрѣпкая, да и ученость небольшая. Кстати, не слыхалъ ли ты о судьбѣ моей третьей брошюры? Мнѣ бы очень нужно знать, напечаталъ ли ее наконецъ Брокгаузъ? Письмо и объясненіе ты бы ужъ долженъ получить завтра къ обѣду; но такъ какъ со станцій нѣтъ эстафетовъ, а нужно послать изъ Тулы, ты пожалуй получишь мое писаніе не прежде Пятницы поутру.

Смерть Иванова для меня просто ударъ, и жестокій ударъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ онъ мнѣ сталъ до̀рогъ въ тѣ два или три раза, въ которые я его видѣлъ. Это былъ святой художникъ по тому смиренному отношенію къ религіозному художеству, которое составляло всю его жизнь. Статью начатую придется всю передѣлать. Иное написать можно о живомъ, иное о мертвомъ. А вѣдь ужъ противъ него были сильныя интриги и, можетъ быть, оскорбленное чувство сдѣлало его воспріимчивѣе къ болѣзни. Милъ Петербургъ, нечего сказать!

Напрасно ты просишь меня о Бесѣдѣ: развѣ я не понимаю всей ея важности? Все что̀ могу, то сдѣлаю. Покуда вы на службѣ земской, а все таки ты бы непремѣнно долженъ порядкомъ стянуть съ Черкаскаго: годъ цѣлый гулялъ, и теперь до Сентября ничего не будетъ дѣлать. Его обозрѣнія были бы крайне для Бесѣды необходимы, или что нибудь въ этомъ родѣ. Я не знаю, когда его увижу, да и меня онъ не послушаетъ. Толкни его письменно.

XVI.

(Октябрь 1859).

Вѣроятно ты уже слышалъ, любезный Кошелевъ, какъ я умудрился вылетѣть изъ тарантаса на охотѣ и какъ отлично я себѣ вытянулъ жилы вертлуга. Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ я лежу почти постоянно: это очень тяжелая болѣзнь, которая многихъ оставляла хромыми на всю жизнь; такихъ я знавалъ. Надѣюсь, что омеопатія не дозволитъ ей такой вольности со мною; но я все еще сильно хромаю, и особенно съ трудомъ сижу. Боль теперь уже небольшая, но постоянная; впрочемъ, кажется, могу расчитывать на полное выздоровленіе.

Отъ души радуюсь, что ты въ Питерѣ и въ дѣятельности: тебѣ это нужнѣе хлѣба, а твоя дѣятельность непремѣнно полезна и добра. Бѣднаго Самарина свалила было излишняя ревность: слава Богу, говорятъ, онъ оправился и поѣхалъ весело за границу. Избави насъ Богъ отъ такой потери! Только нынче получилъ я письмо, которое меня успокоило, а то я все время мучился страхомъ за него и горемъ за всѣхъ насъ. Скажи Черкаскому мою душевную благодарность; кажется, онъ его спасъ. Еще разъ скажу, радуюсь за тебя, что ты въ Комитетѣ, и радуюсь, что не въ Ростовцовскомъ: ты свободнѣе.—Исполнилъ ли ты намѣреніе свое заграницею? Вѣроятно нѣтъ, а то было бы слышно. А я не утерпѣлъ: досадно стало, что дѣло усложняется и портится безъ нужды; я и написалъ письмо (въ первыхъ числахъ Августа) къ Якову Ивановичу.

Разумѣется, онъ его получилъ; но пошло ли въ прокъ, не знаю. Посылаю тебѣ копію; тому уже два мѣсяца, какъ оно писано. Я знаю, что во многомъ ты со мною несогласенъ; а все таки прошу тебя, сдѣлай одолженіе, пусти его въ ходъ. Я глубоко убѣжденъ, что путь мною предлагаемый есть лучшій и даже единственный. Если отъ васъ будетъ зависѣть, не давайте путать внутреннее устройство міровъ. Стыдно, право, нашему умному и дорогому Б., что онъ подписалъ такую, съ позволенія сказать, дребедень. Ужасно затягиваетъ эта административная мудрость, точно въ омутъ: закружитъ, да и утопитъ. Вся эта регуляризація, все это абсолютное большинство никуда не годятся. Выдумывать напередъ казуистику не слѣдуетъ: пусть вопросы возникаютъ на практикѣ, а сомнительныя сходки очевидно должны разрѣшаться; если самъ міръ не разрѣшитъ, то третьями или, по моему, временнымъ княземъ, выбраннымъ ad hoc. Но и это будетъ рѣдко случаться. Комитетъ поступаетъ съ крестьянами, какъ неразумные воспитатели, которые, чтобы предупредить дѣтей отъ разврата, даютъ имъ его подробнѣйшее описаніе. Опасность родится отъ излишней предосторожности, и положеніе, созданное Комитетомъ объ мірскихъ сходкахъ, убьетъ самую сходку. Аксаковъ *), при своемъ лиризмѣ, правъ, и

*) Константинъ Сергѣевичъ.

болѣе практиченъ, чѣмъ практики. Не должно заковывать жизни, когда ее только пробуждаешь: дай ей просторъ и жди ея собственнаго ума. Въ Москвѣ одинъ баринъ по системѣ Галя дѣлалъ дѣтямъ своимъ желѣзные колпаки со всѣми шишками добродѣтели и разума. Изъ пяти трое умерли, а двое вышли дураками. Это фактъ. Зачѣмъ же Б. хочетъ повторить тотъ же опытъ надъ мірами? Я такъ люблю Б., что мнѣ больно было видѣть его имя подъ этими протоколами. Впрочемъ я очень понимаю всю трудность связать жизнь обычную съ жизнію законною и, разумѣется, не прихожу съ Конс. С. Акс. въ негодованіе; но нахожу его правымъ въ принципѣ. „Господа, играйте ближе къ натурѣ!" какъ говорилъ Еропкинъ, когда хитрили и мудрили въ вистъ.

XVII.

(Май 1860).

Здѣсь былъ Самаринъ, который расказывалъ про борьбу съ Панинымъ и, кажется, рѣшительную побѣду Комисіи. Должно быть, ихъ работы кончатся въ первыхъ числахъ или къ половинѣ Іюля; но въ тоже время слышно, что * . . . все болѣе и болѣе склоняется къ выкупу; только не знаютъ, какъ приступить къ дѣлу. Я хочу предложить слѣдующія предварительныя мѣры, которыя облегчили бы выкупъ и всякую добровольную сдѣлку между помѣщикомъ и крестьянами.

1-я. Открыть банки снова для залога и перезалога имѣній.

2-я. Такъ какъ для этого нѣтъ денегъ, то получать будутъ четырехъ-процентными серіями. На нихъ охотниковъ окажется множество, потому что пропасть сдѣлокъ остановилось за невозможностью закладывать. Но рынокъ никакъ не будетъ заваленъ, а проценты будутъ обезпечены тѣми имѣніями, которыя закладываются, и слѣдовательно государственный долгъ не прибавится ни на волосъ.

3-я. Серіи эти будутъ приниматься въ подушныя и при продажѣ казенныхъ земель и имуществъ, но не при откупныхъ уплатахъ, ни при штрафныхъ. Въ частномъ оборотѣ курсъ вольный. Впрочемъ положеніе объ нихъ должно быть одинаково какъ и о прежнихъ серіяхъ, которыя и теперь берутся съ преміей.

Это мѣра при теперешнихъ обстоятельствахъ будетъ имѣть то послѣдствіе, что почти всѣ незаложенныя имѣнія заложатся, а государству не будетъ ни гроша убытка, и не потребуется ни копѣйки денегъ. Обороты страшно усилятся по той простой причинѣ, что ни одной серіи не пойдетъ въ ходъ, которая не была бы дѣйствительно нужна и что всѣ онѣ будутъ ничто иное какъ заемъ не правительственный, но частныхъ людей, обезпеченный правительствомъ.

4-я. Объявить, что переводъ казеннаго долга, по добровольному согласію, на крестьянъ при такой-то мѣрѣ земли (разумѣется не свыше 2 д., кромѣ угодьевъ) не встрѣтитъ никакого затрудненія.

Смѣшно въ этомъ упираться: у крестьянина, какъ у помѣщика,

двѣ руки да двѣ ноги, да сверхъ того усадьба, земля и круговая порука, а подушныя съ процентами (3, 85) менѣе мѣщанской повинности.

Эти мѣры разрѣшать весь узелъ скорѣе, чѣмъ какія бы то ни было многосложныя операціи и выдумки. Прибавь еще, что, кромѣ серій, нежелающіе закладывать имѣніе могутъ получать листы безпроцентные на покупку казенныхъ земель, и имѣніе будетъ считаться заложеннымъ только по покупкѣ этихъ земель.

Что̀ скажешь, любезный Кошелевъ, объ этихъ предложеніяхъ? Казалось бы, что за ихъ пользу можно ручаться; я ихъ посылаю въ Питеръ и прошу отвѣта отъ Черкасскаго, Бунге и Милютина. Сообщи мнѣ свое мнѣніе, чтобы, если нужно, что нибудь измѣнить и пополнить.

К. С. Аксаковъ сдѣлался опять очень боленъ, но кажется это только жестокая и дурнокачественная лихорадка, отъ накопленія желчи. Я ожидалъ для него этой болѣзни.

XVIII.

Москва, 3 Августа 1860.

Пишу тебѣ изъ Москвы, покуда лошадей закладываютъ. Пріѣхалъ я въ Москву на четыре дня, пробылъ шесть; пріѣхалъ по дѣламъ, между прочимъ нужно 10,000 сер. на обороты; денежный рынокъ таковъ, что условія бѣшеныя; придется иначе обернуться. Это я говорю, чтобы сказать только о состояніи денежнаго рынка и о послѣдствіяхъ запертаго банка. Вобще я утверждаю, что движимый капиталъ просто составилъ заговоръ противъ Россіи вообще, и наши государственные люди служатъ ему орудіемъ, не воображая того. Къ твоимъ словамъ о незнаніи и наукѣ прибавлю, что невѣжу не то обманешь, не то нѣтъ, а ученыхъ непремѣнно. Одна изъ причинъ моего пріѣзда—Б. Я у него былъ почти всякій день, настроивая на выкупъ. Онъ просилъ у меня письма къ Ростовцову и вообще согласенъ съ нами, но вѣдь это размазня: достанетъ ли твердости что нибудь отстоять и что нибудь опровергнуть, сомнѣваюсь. Пожалуй, теперь много значитъ Поповъ*); ты бы съ нимъ переписался. Я старше ему пріятель, чѣмъ ты; но ты въ этомъ дѣлѣ болѣе можешь отъ него добиться толку. Изъ словъ самаго Б. боюсь, что онъ въ кодификаціи наплететъ путаницу, набивая юридическими формами то, что̀ должно быть совершенно свободнымъ. Такъ напр. цѣлая большая глава о формахъ найма работниковъ въ деревняхъ вмѣсто самыхъ простыхъ сдѣлокъ. Это тебѣ къ свѣдѣнію.

Аксаковъ съ половины Августа ѣдетъ за границу; кажется его Варвинскій спасъ отъ смерти. Ивану С. была въ Хорваціи просто овація или, лучше сказать, рядъ овацій. Гдѣ онъ теперь, неизвѣстно; удалось ли что въ Бѣлградѣ, неизвѣстно.

*) Александръ Николаевичъ, служившій во II-мъ отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Я тебѣ въ Бесѣду ничего еще не писалъ. Въ деревнѣ начну немедля. Отъ чего не писалъ? Переводилъ Павла Апостола съ оригинала: къ Галатамъ и къ Ефесеямъ. Самъ очень доволенъ; кто читалъ, всѣ очень довольны, а въ Православномъ Обозрѣніи, кажется, не рѣшатся напечатать, чтобы не оскорбить Синода. Придется печатать въ Лейпцигѣ, а какъ это обидно! Просто ножъ острый, но что же дѣлать? Павла всего переведу, не могу отстать и право думаю сдѣлать очень хорошую вещь. Во многомъ я отъ всѣхъ переводовъ отхожу и надѣюсь, что во многихъ случаяхъ возстановилъ истинный смыслъ.

Прощай, дорогой и милый другъ.

Это письмо есть предпослѣднее передъ кончиною А. С. Хомякова. Самое послѣднее письмо есть чисто дружеское и дѣловое оно опубликованію не подлежитъ.

А. К.

Письма А. С. Хомякова къ Ю. Ѳ. Самарину.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Для полнаго уразумѣнія этой переписки необходимо объяснить, хоть въ немногихъ словахъ, тѣ взаимныя отношенія, въ какихъ находились другъ къ другу Хомяковъ и Самаринъ съ К. С. Аксаковымъ. Оба послѣдніе были значительно моложе Хомякова. Хомяковъ родился въ 1804 г., К. С. Аксаковъ въ 1817, а Ю. Ѳ. Самаринъ въ 1819 (стало быть въ 1843 г., которымъ помѣчено первое изъ нижеслѣдующихъ писемъ, Хомякову шелъ 40-й годъ, а Самарину 24-й). Въ 1839 г. Аксаковъ и Самаринъ (оба кандидаты Московскаго Университета), до того времени почти незнакомые другъ съ другомъ, согласились готовиться вмѣстѣ къ экзамену на магистра». Дружно и горячо принялись они за работу: вмѣстѣ читали Гегеля (преимущественно «Логику»), вмѣстѣ же прочли всѣ памятники Русской словесности, древней и позднѣйшей до половины XVIII вѣка, изучали лѣтописи, старинные граматы и акты. Оба горячо любили Россію, для обоихъ Православіе было семейнымъ преданіемъ и достояніемъ, и оба же были жаркими почитателями Германскаго философскаго мышленія и литературы. Но когда предъ молодымъ, пытливымъ умомъ, изощреннымъ искреннею любовью, раскрылся цѣлый новый, своеобразный, невѣдомый имъ дотолѣ міръ Русскаго народнаго духа и жизни, съ своими еще неизслѣдованными тайниками, они съ увлеченіемъ, съ восторженною радостью привѣтствовали его, будто обѣтованную землю. Они, казалось (да и дѣйствительно), обрѣли наконецъ почву для безпочвенной, блуждавшей дотолѣ Русской мысли; они нашли, или думали что нашли, полное оправданіе своимъ «непосредственнымъ» сочувствіямъ. Но полнымъ для приверженцевъ Гегелева діалектическаго процесса могло быть только философское оправданіе; а потому Гегель же и послужилъ на то, чтобъ объяснить, санкціонировать обрѣтенную ими новую истину, доказать ея всемірно-историческое значеніе. Быстро, на первыхъ же порахъ, была сдѣлана попытка построить, на началахъ же Гегеля, цѣлое міросозерцаніе, цѣлую систему своего рода «феноменологіи» Русскаго народнаго духа съ его исторіей, бытовыми явленіями и даже Православіемъ. Эта попытка, собственно относительно Русской исторіи, выразилась отчасти и въ магистерской диссертаціи К. С. Аксакова о Ломоносовѣ, дописанной имъ въ 1844 году (см. мое предисловіе ко 2-му тому его сочиненій). Самаринъ же

выбралъ себѣ предметомъ диссертаціи Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, какъ проповѣдниковъ.

Блистательно сдавъ экзаменъ въ Февралѣ 1840 года, оба магистранта, оба друга, ставши почти неразлучными, явились въ Московскомъ обществѣ смѣлыми и рьяными провозвѣстниками новаго ученія. Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что въ этомъ товариществѣ мысли и пропаганды, творчество мысли, страстное къ ней отношеніе, рьяность проповѣди принадлежали собственно К. С. Аксакову. Онъ былъ не только философъ, но еще болѣе поэтъ (не въ смыслѣ только стихописанія), и строгій логическій выводъ, даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ, почти всегда упреждался въ немъ какимъ-то художественнымъ откровеніемъ. Добываемое анализомъ, изученіемъ, всецѣльно овладѣвало всѣмъ его существомъ, являлось въ немъ уже синтезомъ: его убѣжденія не оставались при немъ, но проникали всѣ изгибы его нравственнаго бытія, переходили немедленно въ жизнь, въ дѣло, или—при ограниченности поприща для «дѣла»—въ неустанную, повсюдную проповѣдь: все это съ такою полнотою искренности, съ такою внутреннею силою, для которой никакія уступки, никакія сдѣлки съ дѣйствительностью, ни даже соображенія съ условіями современности, не были возможны. Шумно огласились Московскія литературныя гостиныя необычайными для нихъ, пылкими его рѣчами, и хотя онъ скоро прослылъ за «чудака», «фанатика», человѣка «съ крайностями» и «идеалиста» (послѣднее конечно не безъ основанія), однакоже дѣйствіе его рѣчей было тѣмъ сильнѣе, что рядомъ съ нимъ появлялся всюду, какъ человѣкъ съ нимъ вполнѣ солидарный,—Ю. Ѳ. Самаринъ, спокойный, воздержный, во всеоружіи свѣтскихъ приличій и самообладанія, чей блестящій и саркастическій умъ хорошо былъ извѣстенъ Московскому обществу.

Природа Самарина была совершенно противоположна природѣ К. С. Аксакова. Если Самарину недоставало творчества и почина, то онъ превосходилъ своего друга ясностью, логическою крѣпостью и всесторонностью мысли, зоркостью аналитическаго взгляда. Его требованія въ мышленіи были несравненно строже; его логики не могли подкупить никакія сочувствія и влеченія. Онъ не только ничего не принималъ на вѣру, но, въ противоположность своему другу, былъ исполненъ недовѣрія къ самому себѣ и подвергалъ себя постоянно аналитической провѣркѣ. К. С. былъ рожденъ ораторомъ и говорилъ лучше, чѣмъ писалъ. Самаринъ никого не увлекъ, подобно ему, художественностью и страстностью рѣчи; но, доведя мысль до совершенной отчетливости, онъ выражалъ ее въ устномъ и письменномъ словѣ съ такою точностью и прозрачностью, въ такой неотразимой послѣдовательности логическихъ выводовъ, что это составляло красоту своего рода: подобнаго ему въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ въ Россіи, не было другаго и едва ли скоро будетъ.

Тѣмъ не менѣе, сблизясь съ К. С. Аксаковымъ, когда ему, т. е. Самарину, было только 20 лѣтъ, онъ былъ увлеченъ своимъ старшимъ другомъ, болѣе его надѣленнымъ творческимъ талантомъ, художественностью и силою чувства, и года два находился, какъ говорится, подъ вліяніемъ послѣдняго. Затѣмъ, ставъ зрѣлѣе, натура Самарина съ прирожденною ей трезвостью ума предъ-

явила свои права; между ними (какъ видно изъ ихъ переписки и къ крайнему огорченію К. С—ча) возникли не несогласія, но споры, свидѣтельствовавшіе, что Самаринъ не удовлетворялся для себя умственнымъ процессомъ своего друга и выходилъ на самостоятельный путь внутренняго развитія.

Въ обществѣ, въ которомъ они появились вмѣстѣ въ 1840 г., встрѣтили они Хомякова, и эта встрѣча была рѣшающимъ событіемъ въ ихъ жизни. Онъ превосходилъ ихъ не только зрѣлостью лѣтъ, опытомъ жизни и универсальностью знанія, но и удивительнымъ гармоническимъ сочетаніемъ противоположностей ихъ обѣихъ натуръ. Въ немъ поэтъ не мѣшалъ философу, и философъ не смущалъ поэта; синтезъ вѣры и анализъ науки уживались вмѣстѣ, не нарушая правъ другъ друга, напротивъ — *въ безусловной*, *живой полнотѣ своихъ правъ*, безъ борьбы и противорѣчія, но свободно и вполнѣ примиренные. Онъ не только не боялся, но признавалъ обязанностью мужественнаго разума и мужественной вѣры спускаться въ самыя глубочайшія глубины скепсиса, и выносилъ оттуда свою вѣру во всей ея цѣльности и ясной, свободной, какой-то дѣтской простотѣ. Онъ презиралъ вѣру робкую, почіющую на бездѣйствіи мысли и опасающуюся анализа науки. Онъ требовалъ лишь, чтобъ этотъ анализъ былъ доводимъ до конца. Когда и какъ совершился въ немъ этотъ духовный и умственный процессъ, рѣшительно неизвѣстно: въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, когда его другъ Кирѣевскій еще издавалъ «Европейца», міросозерцаніе Хомякова было, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, положительно тоже, что и въ 1860 г., въ годъ его смерти. Всегда общительный, неутомимый посѣтитель всѣхъ интеллигентныхъ сборищъ, онъ однакоже не былъ проповѣдникомъ, и, строго говоря, до встрѣчи съ Самаринымъ и К. С. Аксаковымъ, въ своемъ образѣ мыслей оставался почти одинокимъ *). Онъ никогда никому не навязывалъ «вѣры», и никогда не выставлялъ ее въ себѣ на показъ, какъ ни била она въ немъ жизненнымъ ключомъ,—а занимался въ обществѣ діалектическими спорами: то съ отрицающими вѣру раціоналистами, то съ псевдовѣрующими и съ изувѣрствующими, обличая первыхъ путемъ логики и анализа въ несостоятельности раціонализма, а вторыхъ въ несостоятельности ихъ основаній вѣры, въ ихъ внутреннемъ противорѣчіи. Отъ этого у многихъ онъ прослылъ человѣкомъ не только безъ вѣры, но и безъ всякихъ убѣжденій!

Встрѣча съ Самаринымъ и съ К. С. Аксаковымъ была и для Хомякова полна плодотворныхъ послѣдствій. Молодые люди отважно вступили въ бой съ этимъ атлетомъ діалектики (какъ называлъ его, кажется, въ своихъ воспоминаніяхъ Герценъ). Года два слишкомъ продолжались споры, все тѣснѣе и крѣпче, но по-

---

*) Хотя И. В. Кирѣевскій къ концу 30-хъ годовъ и измѣнилъ свое направленіе, но это измѣненіе совершилось не подъ воздѣйствіемъ, по крайней мѣрѣ не подъ прямымъ воздѣйствіемъ Хомякова, а инымъ путемъ (какъ объяснено въ біографіи Кирѣевскаго, помѣщенной въ изданіи его сочиненій). Какъ ни высоко цѣнилъ Хомяковъ его философскіе труды, между ними не было той крѣпкой связи единомыслія, какая установилась, какъ сказано будетъ дальше, между Хомяковымъ, Самаринымъ и К. С. Аксаковымъ.

степенно сближая противниковъ. Впрочемъ споръ шелъ не о значеніи народности вообще и Русской по преимуществу, не о духовной сущности и отличіяхъ Русскаго народа отъ Западной Европы и пр. и пр., а по преимуществу объ отношеніи философіи къ религіи и о Православіи, оправдываемомъ или выводимомъ молодыми людьми изъ началъ Гегеля. Философскія оправданія, на которыхъ они было успокоились, оказались несостоятельными. Хомяковъ раскрылъ имъ свое ученіе о Церкви, расширилъ ихъ собственную точку зрѣнія, исправилъ и поставилъ построенную ими теорію на новыя основы. «Я съ вами болѣе согласенъ чѣмъ вы сами», часто говаривалъ Хомяковъ К. С. Аксакову. Въ послѣднемъ впрочемъ это освобожденіе отъ оковъ Гегеля произошло безъ особенной внутренней борьбы: Гегель какъ-бы потонулъ въ его любви къ Русскому народу. Самъ онъ, подъ однимъ своимъ стихотвореніемъ «Къ идеѣ», посвященнымъ Ю. Ѳ. Самарину и писаннымъ въ 1842 г. съ эпиграфомъ: «Es existirt Nichts als Idee», лѣтъ черезъ 10 сдѣлалъ такое примѣчаніе: «Въ это время увлекала меня Германская философія, нисколько не заслоняя земскаго дѣла, которому въ служеніе хотѣлъ я принести философію и которому принесъ ее потомъ въ жертву. Жертва была законна. Выраженіе будетъ вѣрнѣе, если я скажу, что живой голосъ народный освободилъ меня отъ отвлеченности философской. Благодареніе ему.»

Иначе, разумѣется, долженъ былъ произойти этотъ переворотъ въ Самаринѣ. «Голосъ народный» не могъ заглушить въ немъ совѣсть мыслителя. Долгія ночи проводилъ онъ уже не въ спорахъ, а въ бесѣдахъ вдвоемъ съ Хомяковымъ, домогаясь отвѣта мучительнымъ вопросамъ, вызваннымъ новою работою мысли и тѣмъ внутреннимъ раздвоеніемъ, о которомъ и свидѣтельствуетъ первое письмо. Это же письмо свидѣтельствуетъ о близости, которая установилась между 40 лѣтнимъ Хомяковымъ и его молодыми друзьями. Нѣкоторые изъ старыхъ его пріятелей полушутливо, полусерьезно упрекали его въ измѣнѣ, даже въ томъ, что онъ «льститъ молодому поколѣнію...» Этотъ союзъ—духовный, душевный, умственный и нравственный—скоро огласился во всемъ тогда интеллигентномъ и литературномъ мірѣ, какъ особый «толкъ» или сектантство, пріобрѣлъ немало молодыхъ адептовъ, привлекъ и многихъ старыхъ друзей, при всемъ разнообразіи личныхъ характеровъ и несогласіи въ нѣкоторыхъ частностяхъ, къ единству общаго направленія, - къ общей работѣ Русскаго народнаго самосознанія, однимъ словомъ положилъ основаніе «славянофильству». Это прозвище, данное въ насмѣшку Петербургскою литературою, которымъ обзывали во время оно приверженцевъ Шишкова и князя Шихматова, мало по малу утвердилось и, по общему признанію, уже заняло мѣсто въ исторіи Русскаго общества какъ почетное наименованіе.

Ив. Аксаковъ.

Письма А. С. Хомякова къ Ю. Ѳ. Самарину.

I.

1843 г. Сент. 15.
С. Богучарово.

Любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ!

Письмо ваше отъ 26 Сентября меня очень обрадовало, не смотря на тяжелое расположеніе духа, въ которомъ оно писано. Благодарю васъ за то, что вспомнили и исполнили свое обѣщаніе писать; радуюсь, что свободное время у васъ не даромъ пропало. Содержаніе вашего письма было для меня не неожиданно. Вы, можетъ быть, вспомните нашъ разговоръ съ вами и Аксаковымъ *), когда я вамъ обоимъ обѣщалъ внутреннюю борьбу и даже пророчилъ, что она начнется у васъ прежде, чѣмъ у него. Въ его природѣ болѣе мечтательности и, не въ гнѣвъ ему буди сказано, женственности или художественности, охотно уклоняющейся отъ требованій логики. Вы за дѣло принялись мужественно, сознавшись въ своемъ внутреннемъ раздвоеніи. Я этого ожидалъ, но признаюсь, не такъ скоро. Богъ знаетъ, чѣмъ кончится раздвоеніе сознанное; но хорошо, что оно сознано. Несознанное можетъ вѣкъ продолжаться, и при немъ примиреніе невозможно.

Человѣкъ не имѣетъ права отступиться отъ требованій науки. Онъ можетъ съ утомленія закрыть глаза, насильно на себя наложить забвеніе; но послѣдующій за этимъ миръ есть гробъ повапленный, изъ котораго не выйдетъ никогда ни жизни, ни живаго. Если онъ разъ созналъ раздвоеніе между наукою (анализомъ) и жизнью (синтезомъ), ему остается одинъ только исходъ—въ самомъ анализѣ, ибо синтезъ самъ себя повѣрять не можетъ. Вѣрны ли положенія науки? вотъ вопросъ. То есть, строго ли вѣренъ былъ самъ себѣ анализъ? Отъ этой повѣрки зависитъ возможность примиренья. При вашей откровенности съ самимъ собою и отчетливости въ мысляхъ, я совершенно увѣренъ въ окончательномъ выводѣ. Наука не вѣрна себѣ до сихъ поръ, смѣшивая признанное съ сознаннымъ и (не смѣйтесь) страдая постоянно тѣмъ недугомъ, въ которомъ она упрекаетъ мистикамъ. Это бросается въ глаза у Шеллинга, за котораго вы и заступаться не станете; это мнѣ кажется яснымъ въ Гегелѣ въ противуположеніи сознаннаго Seyn съ непосредственнымъ Seyn, изъ котораго первое выходитъ съ характеромъ отрицанія въ видѣ Nichts, и которое непозволительно потому, что сознанное противуполагается законно только сознанному. Иначе отношеніе (какое бы оно ни было) носитъ опять только характеръ признаннаго и не должно имѣть мѣста въ наукѣ сознанія. Впрочемъ это только между прочимъ. Найдете еще многое и многое, чтó не уйдетъ отъ васъ и вполнѣ возвратитъ вамъ

*) К. С. Аксаковъ, котораго и слѣдуетъ разумѣть всякой разъ, когда въ письмахъ встрѣчается имя «Аксаковъ».

свободу жизни, уличивъ во лжи чрезмѣрныя притязанія науки—анатоміи духа.

Я не знаю судьбы вашей диссертаціи [1]). Желаю ей добра и успѣха потому, что нахожу въ ней много истины и даже готовъ защищать ее противъ васъ. Едва ли вы теперь къ ней справедливы; если же и справедливы, то она тѣмъ важнѣе мнѣ кажется. Въ ней нѣтъ любви откровенной къ Православію. Да наука и не требуетъ любви. Въ Православіи вы видите только сторону отрицательную, его антагонизмъ съ другими ученіями, и въ этомъ-то безпристрастномъ взглядѣ проявляется тѣмъ сильнѣе его внутренняя гармонія, какъ обличеніе дисгармоніи другихъ ученій. Это единственное право науки на жизнь. Тайникъ жизни и ея внутренніе источники недоступны для науки и принадлежатъ только любви. Отъ того-то вашъ трудъ, искренній или нѣтъ въ смыслѣ Православія внутренняго и духовнаго, представляетъ по моему мнѣнію выводы по большей части истинные и искренность ученаго, хотя и не искренность вѣрующаго, которой требовалъ Кирѣевскій [2]). Для меня вашъ трудъ дорогъ и полагаю, былъ бы полезнымъ, если бы могъ быть извѣстенъ; можетъ быть, полезнѣе внѣ Россіи, чѣмъ у насъ.

Мимоходомъ говорите вы о взглядѣ Гегеля на одинъ изъ основныхъ фактовъ Христіанства. Вы съ нимъ не соглашаетесь или, лучше сказать, признаете взглядъ его несогласнымъ съ ученіемъ Церкви. Вы совершенно правы. Но Гегель виноватъ не въ дурномъ толкованіи, а въ дѣтской довѣрчивости, съ которою онъ принялся толковать о текстѣ такъ, какъ этотъ текстъ ходитъ давно по философскимъ школамъ, т. е. въ усѣченномъ видѣ. Французы, Англичане, Нѣмцы уже разсуждали немало о древѣ познанія и постоянно оставляли въ сторонѣ прибавку: добра и зла. Съ этимъ связывается нашъ давнишній споръ съ вами. Простите, если повторю уже сказанное мною; но, кажется, оно было сказано не при васъ, а при Аксаковѣ и Бобарыкинѣ [3]). Изъ двухъ человѣковъ одинъ знаетъ про свѣтъ только то, что онъ свѣтитъ, а другой расказываетъ вамъ всѣ законы преломленія, раздробленія, отраженія лучей и т. д. Изъ двухъ говорящихъ о любви одинъ знаетъ только слово любить, а другой объясняетъ всѣ дѣйствія любви такъ ясно, что можно вывести безошибочно, какъ любящій поступитъ въ данномъ случаѣ. Вы скажете, что вторые гораздо лучше знаютъ свѣтъ и любовь, чѣмъ первые. Такъ. Но великій знатокъ свѣта—слѣпорожденный профессоръ, а знатокъ любви—чортъ. Знаютъ-ли они? Оче-

---

[1]) Дѣло идетъ о диссертаціи: «Стефанъ Яворскій и пр.» Въ это время она была уже написана и представлена Самаринымъ Университету. Изъ трехъ частей диссертаціи только одна дозволена была въ печати и была предметомъ диспута.

[2]) Иванъ Васильевичъ, извѣстный ученый и философъ, умеръ въ 1856 г. Полное собраніе его сочиненій издано въ 1861 г.

[3]) Николаѣ Николаевичѣ.

видно менѣе первыхъ. У нихъ знаніе внѣшнее, у тѣхъ знаніе внутреннее, гораздо полнѣйшее, не смотря на отсутствіе логическихъ опредѣленій. Дерево знанія есть во всякомъ случаѣ миѳъ о знаніи добра и зла посредствомъ закона какого бы то ни было. Жизнь непосредственная, инстинктивная, не была опредѣлена для существа разумнаго. Законъ проявляетъ свободу. Свободное нарушеніе закона открывало дверь познанія также, какъ и свободное исполненіе; но въ одномъ случаѣ человѣкъ получалъ положительное знаніе зла и узнавалъ добро какъ отрицаніе; въ другомъ на оборотъ. Вы видите дальнѣйшее развитіе. Знаніе же, какъ знаніе логическое, не имѣетъ ничего общаго съ знаніемъ добра и зла. Истинно же знаемъ мы только то, въ чемъ живемъ и чѣмъ живемъ. Ошибка Гегеля (оставляя въ сторонѣ усѣченіе текста) происходитъ отъ односторонняго и школьно-гордаго понятія о знаніи вообще. А по правдѣ, смѣшно подумать, какъ ученые съ одной стороны и хвалители невѣжества съ другой, по разнымъ причинамъ, старались пріучить и отчасти пріучили людей понимать расказъ Моисея объ законѣ въ смыслѣ болѣе или менѣе справедливой сатиры на знаніе.

Какъ-то мы увидимся? Въ какой точкѣ пути вашего найду я васъ? Дай Богъ, чтобы вы поскорѣе получили предчувствіе внутренняго примиренія, если еще не примиреніе полное. Но позвольте дать вамъ совѣтъ. Не оставляйте себя безъ труда, кромѣ труда, который вы теперь предпринимаете для уясненія собственной мысли. Трудъ посторонній будетъ для васъ отдохновеніемъ и облегчитъ главную умственную работу. Прощайте, до свиданія, которому я еще срока назначить не могу. Еще вѣроятно пройдетъ мѣсяцъ, а можетъ быть и съ хвостикомъ: дороги совсѣмъ уже не существуютъ.

P. S. Какой бы ни былъ вашъ теперешній или будущій выводъ изъ полнаго изученія науки, не жалѣйте о подвигѣ мыслителей, какъ будто пропавшемъ даромъ. Правда, все это могло бы и не быть, какъ могла бы и не быть исторія; но сѣмена, посѣянныя давнымъ давно, должны дать плодъ, и не даромъ пропадаетъ трудъ того, кто приближаетъ время спѣлости.

II *).

Очень трудно мнѣ отвѣчать вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, потому, что во всемъ почти согласенъ съ вами. Нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ я не согласенъ, взяты уже другими. Если время позволитъ,

*) Числа и года не обозначено, но оно очевидно писано не за долго до диспута Ю. Ѳ. Самарина, бывшаго 3-го Іюня 1844 г., и служитъ вѣроятно отвѣтомъ Самарину на приглашеніе принять участіе въ публичномъ ученомъ спорѣ. Однакоже, сколько намъ извѣстно, Хомяковъ не выступилъ на диспутѣ оппонентомъ, да едва ли бы и могъ выступить по недостатку времени.

я думаю на васъ напасть за то, что вы ставите въ упрекъ Стефану отсутствіе сочувствія съ вопросами современными и эти сочувствія ставите въ похвалу Ѳеофану. Стефанъ не могъ говорить противъ Реформы, ибо она дѣлалась во имя разума; а Ѳеофанъ могъ говорить противъ старовѣровъ, ибо они дѣйствовали во имя Церкви—слѣдовательно Церковь обязана была отъ нихъ отречься. Также Ѳеофанъ въ похвалу Петру говоритъ, что онъ епископовъ хотѣлъ простосердечныхъ. Изъ этого выходитъ: не ученость, а полнота духовная нужна Христіанину; ибо Христіанство не наука и наукообразнымъ быть не можетъ. Слѣдовательно онъ вполнѣ Православенъ. Такъ и его богословія названа полемика. Изъ этого также видно, что положительнаго богословія онъ не принимаетъ, а только отрицательное. Поэтому, собственно Протестанства въ немъ нѣтъ.

III [1]).

Октября 10-го (1844 г.).

Ваши письма меня очень утѣшили. Я не боялся за васъ Петербурга: онъ представлялъ по моему мнѣнію только одну, такъ сказать, механическую опасность. Общество, служба, пріятели, театръ и пр. могли расхватать у васъ время такъ совершенно, что на себя остались бы только часы сна и обѣда. Вы эту опасность знали и слѣдовательно должны были ея избавиться легко, выгородивъ себѣ часть дня въ полное и неприкосновенное владѣніе. Другая опасность, вѣрованіе въ какую бы то ни было существенность службы, въ какую бы то ни было практическую пользу (разумѣется не для себя, а для другихъ) для васъ не существуетъ. Я знаю примѣръ, что люди добросовѣстные, съ душою доброю и благородною, были обмануты этимъ призракомъ: они повѣрили и погибли. Но это время прошло. Даже истые Петербургеры уже опомнились; а вамъ, узнавшимъ Русь и Русскую жизнь и ея отношенія къ механизму бумагоправленія до вступленія въ великую Петербургскую фабрику, ошибка была невозможна ни на минуту. Что же оставалось? Обаяніе общества и его успѣховъ? Объ этомъ и думать нечего при такомъ обществѣ. Вотъ что я думалъ, когда вы поѣхали; а все таки весело слышать отъ васъ, что именно все сбылось по моимъ предположеніямъ, что вы человѣкъ свободный по прежнему, что вы трудитесь и что мы увидимъ плоды этого труда.

Когда кончите свой Новогородскій подвигъ [2]), не замедлите при-

---

[1]) Послѣ блистательнаго диспута, Самаринъ, въ началѣ Августа того же 1844 года, отправился въ Петербургъ на службу. Его личное намѣреніе было избрать себя ученое поприще, но онъ повиновался въ этомъ случаѣ желанію своего отца.

[2]) Самаринъ занимался тогда исторіей Новгорода и началъ писать изслѣдованіе о Князѣ и Вѣчѣ.

слать и дайте позволеніе имъ воспользоваться. Первая просьба моя, вторая Валуева *). Да скажите: разбирая лѣтопись, не замѣтили ли вы слѣдъ Запада въ Новгородѣ? Мнѣ вліяніе Запада явно (въ равнодушіи религіозномъ, въ знакомствѣ съ Нѣмецкими загами о Дитрихѣ и т. д.); но замѣтно ли оно въ остаткахъ юридическаго быта? Намеки были бы драгоцѣнны. Они должны находиться въ послѣдней эпохѣ Новгорода: въ первой ихъ искать нельзя. Еще любопытно бы было знать отношенія Новгорода къ области. Имѣли ли областные жители право гражданства полное? Вопросъ очень важный. Нѣтъ ли намековъ для разрѣшенія его? Если области не имѣли полнаго права гражданства, то паденіе Новгорода объясняется легко. Впрочемъ я думаю, по общему ходу Русскихъ обычаевъ, что области не были унижены, а что города находились только въ подчиненности, т. е. семейной. Новгородъ былъ господинъ не въ смыслѣ слова господинъ—владыка, а въ смыслѣ „господинъ—батюшка“. Виноватъ за эту страницу Погодинскаго слога.

Еще веселѣе мнѣ отъ другаго вывода, который я позволяю себѣ сдѣлать изъ вашего письма. Для васъ не прошло еще время борьбы и не наступило примиренье. Оно вамъ по прежнему кажется невозможнымъ. Такъ и должно быть. Оно невозможно, покуда хоть одна препона остается, покуда логическій міръ не отдѣлится въ мысли совершенно отъ міра жизни и факта, покуда онъ не познается какъ законъ отношеній, т. е. внѣшній. Придетъ непремѣнно время, когда вамъ представится онъ въ своей ограниченности и когда вы будете негодовать на гордость его притязаній точно также, какъ вы теперь уже негодуете на притязанія формализма общественнаго въ его стремленіи подчинить себѣ живую свѣжесть вольной жизни, наприм. когда Киселевъ (чтобы ему ни дна, ни покрышки) замѣняетъ нестройную сходку правильною балотировкою. Каково? По истинѣ, народы дикіе любятъ порядокъ! Покуда еще не наступило примиреніе, мнѣ весело и болѣе чѣмъ весело видѣть, что механическій процессъ, которому подверглась ваша жизнь въ Петербургѣ, приноситъ добрые плоды. Вамъ становится яснымъ, что воля человѣка имѣетъ великое вліяніе на его мышленіе даже тогда, когда оно повидимому старается удержаться въ предѣлахъ необходимой, неуклончивой логики. Вы совершенно правы и даже вѣроятно въ отношеніи къ самому себѣ; но не судите себя

*) Дм. Александр. Валуевъ, племянникъ Хомякова по женѣ, молодой человѣкъ высокихъ чистыхъ стремленій, полный любви къ наукѣ, скончавшійся въ слѣдующемъ, 1845 году. Онъ успѣлъ издать при жизни два сборника „Историческій“ и „Симбирскій“, помѣстивъ въ послѣднемъ большое самостоятельное свое изслѣдованія, цѣнное и досихъ поръ „о мѣстничествѣ“. Кромѣ того ему принадлежатъ брошюра „о Христіанствѣ въ Абиссиніи“, и онъ же издавалъ „Библіотеку для воспитанія“, при содѣйствіи Хомякова, П. Г. Рѣдкина и многихъ ученыхъ. См. ниже письмо Хомякова объ его смерти.

слишкомъ строго и не обвиняйте совершенно свою волю. Вспомните пожалуйста, мои слова передъ вашимъ отъѣздомъ и какого добра я ждалъ для васъ отъ Петербурга. Постоянныя занятія въ области чистаго умозрѣнія дѣйствуютъ на мысль, какъ усиліе что нибудь вспомнить. Не вспомнишь, покуда не поѣдешь съ собаками или не пройдешься пѣшкомъ. Кромѣ того жизненный законъ проявляется не только въ выводахъ философскихъ: онъ дѣлается явнымъ изъ законовъ исторіи, изъ художества, изъ права, изо всего, что есть. Всѣ эти выводы, которые вамъ являлись отдѣльными, покуда вы критически изучали всякій предметъ отдѣльно, сольются для васъ въ одну общую гармонію, въ одинъ общій выводъ освобожденной жизни. Видите, какъ хорошо я разсуждаю о пользѣ вашего отсутствія; а едва ли вы повѣрите, какъ оно мнѣ досадно, какъ мнѣ часто хочется высказать вамъ мысли, которыя мнѣ безпрестанно приходятъ при чтеніи, при разговорахъ и пр:, именно вамъ: не потому только, что вамъ они были бы понятнѣе, чѣмъ кому либо, но и потому, что вы болѣе всѣхъ выражаете общую потребность человѣческаго ума въ нашъ вѣкъ, потребность мысли умиренной. Знаете ли, что мнѣ просто стало досадно, когда вы въ своемъ письмѣ вспомнили объ нашихъ прошловесеннихъ бесѣдахъ?

Кстати, взглянувъ на эти строчки и увидѣвъ слово художество, я вспомнилъ, что С. продолжаетъ питать гнѣвъ противъ меня и жаловался на меня Кирѣевскому.

„Вообразите, онъ говоритъ, что Баварская церковь въ Византійскомъ стилѣ просто-пастишь! Не понимаю, какъ цензура пропустила". Это его подлинныя слова. Сколько грѣховъ прикрываются такою милою наивностью!

Велика нелѣпость указа предлагаемаго Панинымъ *). Въ немъ высказывается совершенное незнаніе не только историческаго, но и современнаго міра. Впрочемъ давно уже можно ожидать какого нибудь подобнаго предложенія. Аристократическая партія ростетъ и крѣпнетъ съ нѣкоторыхъ лѣтъ и разумѣется, какъ на ноги станетъ, такъ родитъ намъ какую нибудь новую организацію государства. Таково правило всѣхъ партій въ Россіи... Государственный Совѣтъ Россіи существующей не признаетъ, или признаетъ ее только географически существующею и вѣчно хочетъ ее организировать. Собраніе и Сводъ Законовъ были въ его глазахъ только статистическою работою, какъ перепись или кадастръ. Для нашего невѣжества они казались услугою оказанною подданнымъ, упрощеніемъ судопроизводства; въ глазахъ Совѣта они были справкою. „Мы знаемъ пространство и народонаселеніе области: надобно узнать, какими она законами управляется".

*) О какомъ проэктѣ графа Панина (министра юстиціи) идетъ здѣсь рѣчь, неизвѣстно. Кажется, объ ограниченіи для чиновниковъ права пріобрѣтенія дворянскихъ населенныхъ имѣній.

Жаль, что вы не пишите, кто возражалъ. Возраженіе о будущемъ раздорѣ между чиновникомъ-властью и дворяниномъ (почетнымъ дармоѣдомъ) очень дѣльно и вѣрно; но любопытно, что никому въ голову не пришло возражать святостью самаго факта, неприкосновенностью обычая и исторической жизни. Вѣчная революція такъ безусловно признана за законъ, что никому и не вздумается выразить сомнѣніе въ ея законности. Зная мои мнѣнія, вы можете вообразить, какъ предложенный указъ мнѣ пріятенъ; но съ другой стороны я вижу въ немъ только лишній промахъ безъ большихъ послѣдствій, досадный и едвали вредный. Жизнь свое возметъ. Убавка покупщиковъ на дворянскія мнѣнія и покупщиковъ самыхъ важныхъ, чиновниковъ - воровъ (единственныхъ соперниковъ вора - купца) уронить цѣну имѣній. Требованія Экономіи Политической заставитъ отдѣлить права на землевладѣніе отъ правъ дворянскихъ, и скоро останется голый миѳъ, который умретъ незамѣченный никѣмъ. Слово дворянинъ перейдетъ въ разрядъ такихъ словъ какъ „разныхъ орденовъ кавалеръ", годныхъ только къ расширенію подписи подъ дѣловыми бумагами, но ничего незначащихъ. А все таки очень досадно.

Я поневолѣ нынѣшній годъ рано пріѣхалъ въ Москву и остался безъ осени и безъ охоты. Многіе еще въ городъ не пріѣзжали. Я продолжаю свою многолѣтнюю работу и кромѣ этого написалъ только одну пьесу стиховъ, вѣроятно не имѣющихъ быть напечатанными. Исповѣдь Русскихъ. Она вызвана досадою на П. Вас. Кирѣевскаго [1]). Литературнаго движенія мало. Погодинъ и Кирѣевскій торгуются объ Москвитянинѣ, но нѣтъ почти надежды на успѣхъ. Съ одной стороны желаніе получить прибыль, хоть и умѣренную, но вѣрную; съ другой робость и тайное желаніе найти предлогъ для бездѣйствія. Досадно. Шевыревъ хорошъ, какъ и всегда (вы знаете, что я говорю безъ шутки): ревностенъ и готовъ къ дѣятельности. Страннѣе то, что Павловъ [2]) сильно принимается за литературный интересъ; а все таки едва ли что нибудь удастся. У насъ здѣсь, какъ вы знаете, Италіянская опера; очень недурна: голоса хорошіе и богатый репертуаръ, а театръ-пустыня. Не понимаю этого отсутствія интереса; но не знаю, надобно ли жалѣть объ этомъ или нѣтъ, и хорошо ли музыкальное воспитаніе публики посредствомъ Италіянской оперы съ ея чисто-женскимъ характеромъ?

---

[1]) Петра Васильевича, роднаго брата Ив. В—ча, извѣстнаго собирателя Русскихъ пѣсенъ и безусловнаго поклонника Русской старины, обладавшаго въ тоже время обширнымъ Европейскимъ образованіемъ. Поэтъ Языковъ называлъ его великимъ печальникомъ о Русской землѣ. Стиховъ Хомякова подъ названіемъ «Исповѣдь Русскихъ» въ печати не имѣется; вѣроятно здѣсь разумѣются стихи: „Не говорите-то былое", вызвавшіе отвѣтъ К. С. Аксакова. См. Р. Архивъ 1879, I, 218.

[2]) Николай Филипповичъ, извѣстный авторъ Ятагана и другихъ повѣстей.

Теперь вотъ нѣсколько сплетней: Давыдовъ [1]) похитилъ протоколъ объ вашемъ диспутѣ и сгоряча въ этомъ признался, за что его Нахимовъ [2]) назвалъ виртуозомъ. Причина похищенія — самолюбіе. оскорбленное тѣмъ, что вы у него не были. — Глинко-Коптевская фаланга [3]) меня такъ огласила безбожникомъ, что одна дѣвица, встрѣтившая меня случайно на вечерѣ, говорила, уходя, хозяйкѣ: Mais il n'a rien dit de si horrible [4]). Она воображала меня апокалиптическимъ дракономъ, разѣвающимъ пасть только для хулы. Въ Тулѣ я прослылъ развратникомъ. Удивительное счастіе на репутацію домашнюю: за то за границею меня утѣшаютъ лестными эпитетами, какъ наприм: elend und eckelhaft [5]), что̀ вмѣстѣ взятое составляетъ довольно пріятное сочетаніе разныхъ славъ.

Первая часть Валуево-Рѣдькинской Библіотеки для дѣтей вышла. Пожалуйста хвалите и распространяйте. Аксаковъ готовитъ туда статью: Князь Д. М. Пожарскій [6]). Обѣщаютъ Жуковскаго и Гоголя. На васъ надѣемся. Дѣло истинно-доброе.

Прощайте покуда. Мнѣ весело слышать, что вы сошлись съ Веневитиновыми, съ княземъ Вяземскимъ; весело не столько за васъ, сколько за нихъ. Это хорошія и чистыя души, требующія поддержки. Все тотъ же ли голосъ у А. О., пріятный и вредный какъ Италіянская опера, и таже ли способность понимать и не сочувствовать? Я ее люблю и не виню: Петербургъ можетъ творить только Петербургское. Октяб. 10 дня.

P. S. Знаете ли, что недавно напечатана рукопись Лейбница, до сихъ поръ скрываемая Нѣмцами, гдѣ онъ себя признаетъ чистымъ Славяниномъ и объявляетъ антипатію ко всему Нѣмецкому? Это славное пріобрѣтеніе для Славянъ.

Окончательная насмѣшка судьбы надо мною: И. И. Давыдовъ и Терновскій [7]), прочитавъ Ѳ. Ивановича въ Дѣтской Библіотекѣ [8]), объявили, что они мнѣ сочувствуютъ. C'en est fait, mon malheur passe mon espérance.

Кирѣевскій взялъ Москвитянина [9]). Важная новость. Если будетъ издавать, мы на васъ надѣемся, и вы насъ конечно не посрамите.

---

[1]) Иванъ Ивановичъ, профессоръ Русской Словесности и деканъ словеснаго факультета.

[2]) Инспекторъ студентовъ.

[3]) Глинка Ѳеодоръ Николаевичъ; Коптевы братья. См. въ моемъ предисловіи о томъ, какъ многіе разумѣли въ обществѣ Хомякова.

[4]) Но онъ ничего не сказалъ такого страшнаго.

[5]) Жалкій и наводящій тошноту.

[6]) Статья осталась ненаписанною.

[7]) Проф. Богословія въ Университетѣ.

[8]) Статья Хомякова, въ Библіотекѣ для воспитанія, Валуева изданія.

[9]) Ив. Вас. Кирѣевскій принялъ на себя редакцію Москвитянина на 1845 г.

Бѣдный Поповъ [1]) въ Университетѣ не находитъ мѣста. Онъ вамъ кланяется. Узнайте, пожалуйста, не найдется ли ему каѳедры въ Университетѣ Петербургскомъ или Академіи Художествъ, или гдѣ нибудь по части просвѣщенія. Жаль будетъ, если и ему придется бросить науку. Прощайте. Читали ли La Russie envahie par les Allemands [2]), и дѣлаетъ ли она шумъ?

IV [3]).

До сихъ поръ я еще не отвѣчалъ вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, на ваше письмо ко мнѣ и къ Аксакову; во первыхъ потому, что узналъ слишкомъ поздно про одну оказію, а во вторыхъ потому, что на многое иначе нельзя было отвѣчать какъ черезъ нѣсколько недѣль. Временная буря прошла. Ея истинная причина была не въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ того или другаго изъ насъ, а въ появленіи нѣсколькихъ статей за границею объ „mouvement slave“ и „mouvement moscovite“. Истинной опасности не было до сихъ поръ, и если ничто не перемѣнится, ея и не будетъ; но при проснувшихся подозрѣніяхъ можно добиться неосторожностью до опасности. Между тѣмъ нелѣпая строгость цензуры, особенно къ Москвитянину [4]), была единственнымъ слѣдствіемъ всего Петербургскаго перепуга; да и тутъ не знаю, не происходила ли отъ давняго и личнаго мнѣнія *** Статья моя объ желѣзныхъ дорогахъ подверглась столькимъ мытарствамъ, что она не попадетъ въ 1-й нумеръ, а отложена до втораго и пропущена только по усильнымъ стараніямъ и просьбамъ. Чуть чуть не послалъ я ее въ Петербургъ, не смотря на протестъ Константина Сергѣевича.

Положеніе наше уяснилось во многомъ. Мы въ одно время и признаны (полиціею, Отечеств. Записками, Библіотекой для Чтенія) и

---

[1]) Александръ Никол. Поповъ, тогда даровитый магистръ Московск. Университета, блистательно защитившій въ томъ же 1844 г. свою диссертацію о Русской Правдѣ. Не получивъ мѣста въ Университетѣ, онъ перешелъ на службу въ Петербургъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ напечаталъ въ Р. Архивѣ изслѣдованіе о 1812 г. Скончался 16 Ноября 1877.

[2]) Извѣстная брошюра Вигеля.

[3]) Писано въ самомъ началѣ 1845 году въ отвѣтъ на письмо Самарина къ Хомякову и К. С. Аксакову, въ которомъ, передавая возрѣніе Петербургскаго общества и правительства на славянофильство, Самаринъ просилъ ихъ быть осторожными въ рѣчахъ и письмахъ, чтобы не подавать повода къ напраснымъ недоразумѣніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, открыто выражавшееся сочувствіе Русской народности, мнѣніе о необходимости принимать въ соображеніе въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики истинные національные интересы, призваніе Русской мысли къ самостоятельной работѣ въ сферѣ науки и т. п., сочтены были тогда многими за опасное новшество: доносовъ было не мало Точно также враждебно отнеслась къ Славянофиламъ и „либеральная“ литература, но преимуществу Петербургская.

[4]) Въ это время, по уговору съ М. П. Погодинымъ, редакція Москвитянина перешла въ руки Ив. В. Кирѣевскаго, при участіи Хомякова и всего круга его друзей; но выдано было только три книги, и затѣмъ Москвитянинъ опять перешелъ къ Погодину.

не сосланы. Это выгода великая и неоспоримая: руки развязаны для всякаго осторожнаго дѣйствія. Публика, читая, будетъ понимать то, чего бы не поняла безъ этихъ коментаріевъ и слуховъ. Цвѣтъ или, лучше сказать, общій очеркъ мысли опредѣлился, вниманіе пробуждено. Всякій высказанный принципъ получаетъ новую важность. Теперь надобно и должно высказывать принципы, и чѣмъ болѣе они будутъ высказываться, тѣмъ яснѣе будетъ, что они ни для кого не опасны, что они не новое что нибудь, не налагаемое нами на общество, но безсознательно въ немъ живущее, и что они до сихъ поръ составляли лучшую часть нашей умственной жизни. Надобно показать всѣмъ, что они (т. е. принципы) также далеко отъ консерватизма въ его нелѣпой односторонности, какъ и отъ революціонности въ ея безнравственной и страстной самоувѣренности; что они, наконецъ, составляютъ начало прогресса разумнаго, а не безтолковаго броженія.

Шевыревъ (ктобы изъ васъ ожидалъ отъ него такой удали? я самъ ожидалъ не вполнѣ) сдѣлалъ подвигъ великій: онъ опредѣлилъ многое и опредѣлилъ съ каѳедры [1]), опредѣлилъ публично, въ услышаніе трехъ сотъ слушателей, съ тѣмъ глубокимъ убѣжденіемъ, съ тою смѣлостію и съ тою теплою любовію, которыя ему свойственны. Его изложеніе могло бы, разумѣется, быть лучше; но оно не дурно, иногда очень хорошо и поправляется со дня на день. Его успѣхъ по моему мнѣнію, превосходитъ успѣхъ Грановскаго [2]). Успѣхъ Грановскаго былъ успѣхомъ личнымъ, успѣхомъ оратора; успѣхъ Шевырева—успѣхъ мысли, достояніе общее, шагъ впередъ въ наукѣ. Это истинный успѣхъ профессора. Даже явное несогласіе большинства (вы видите, что я не обманываю себя) есть торжество. Это поднятые вопросы, это недовѣріе, это критика, переходящая въ умственную жизнь публики. Другая и не менѣе важная выгода та, что, при уясненіи самихъ вопросовъ, мнѣніе каждое могло счесть своихъ послѣдователей или, по крайней мѣрѣ, людей склонныхъ къ нему. Ряды нашихъ друзей оказались необычайно рѣдкими и дружина ничтожною. Весь Университетъ, или почти весь (это все равно) держится другой стороны. Публика не держится покуда никого, но колыхается и должна пристать куда нибудь. Покуда большинство глядитъ къ Западу. Но это ничего не значитъ: правы будутъ тѣ, которые сильнѣе, прямѣе и постояннѣе станутъ ее пробуждать отъ ея умственной апатіи. Надобно только сохранять вполнѣ нравственное достоинство и безусловную, безстрастную чистоту во всѣхъ дѣйствіяхъ, и тогда нападенія Давыдова, который теперь уже сталъ насъ называть гнусными, Новосильцова [3]), который объявляетъ себя другомъ просвѣщенія и порядка и

---

1) С. П. Шевыревъ читалъ въ это время публичныя лекціи о древней Русской словесности.

2) Грановскій въ первый разъ читалъ публичныя лекціи въ 1844 г. въ началѣ.

3) Въ то время Московскій вице-губернаторъ.

врагомъ Славянъ и безпорядка, и даже Краевскаго, который подводитъ насъ подъ первые два пункта, обратятся намъ же въ пользу. Мы же должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы, и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полотья есть дѣло не только Русское, но и всемірное [1]. Эта мысль одна только можетъ дать силу и постоянство.

Чтò съ вами, т. е. чтò съ вашими трудами? Увидимъ ли, услышимъ ли ихъ? Дайте свое имя въ Москвитянинъ хоть подъ эфемерною статьею. Насъ немного, и каждый обязанъ сказать хоть слово. Вѣроятно, никто въ Петербургѣ не получаетъ здѣшнихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Достаньте ихъ хоть изъ министерства и отъищите статью Панова [2] о лекціяхъ Шевырева и пустите ее сколько можно въ ходъ. * ея не пропустилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Она слаба и слабо писана, но она имѣетъ смыслъ и важность, особенно по вопросамъ современнымъ и потому, что непропущеніе ея показываетъ, каковъ гнетъ * цензуры. Впрочемъ она и не безъ достоинства. Статья Кирѣевскаго, въ Москвитянинѣ, о движеніи литературъ Европейскихъ, вещь превосходная и Европейской важности. Въ библіографіи его же статьи очень хороши, хотя цензура ихъ окромсала безбожно.

Прощайте, дайте знать о себѣ и не забывайте Москвитянина. Отъ васъ самая малая статья будетъ дорогà, потому, что она будетъ оживлена мыслію. Это не помѣшаетъ большимъ трудамъ, только чтобы глаза не болѣли, какъ у меня. Сказать ли вамъ, какъ я благодаренъ за ваше письмо? Оно и до сихъ поръ служитъ нѣкоторымъ memento mori нашему общему другу [3]. Будьте здоровы и не забывайте.

V.

28 Февраля 1845. Москва.

Только нынче поутру узналъ я, что вечеромъ можно къ вамъ писать, а я говѣю: времени мало, и глазъ болитъ. Поэтому и не могу вамъ многое писать. Благодарю за письмо, какъ и всегда, за друже-

---

[1]) Обращаемъ особенное вниманіе читателей на эти знаменательныя, пророческія слова, писанныя 35 лѣтъ тому назадъ, когда водруженное Хомяковымъ и его друзьями знамя Русской народности не насчитывало и десяти человѣкъ приверженцевъ. Никто изъ нихъ не дожилъ до жатвы, да и теперь до жатвы далеко. Не совершенъ и еще неизмѣримо-дологъ тягостный трудъ полотья!

[2]) Пановъ, Вас. Алексѣевичъ, родственникъ Валуева и, какъ онъ, Симбирскій помѣщикъ, тогда еще очень молодой человѣкъ, кандидатъ Моск. Университета, сопутствовавшій Гоголю въ 1841 г. въ поѣздкѣ по чужимъ краямъ, посѣтившій также Славянскія земли. Объ этомъ посѣщеніи онъ издалъ брошюру. Онъ же былъ издателемъ Московскихъ Сборниковъ 1846 и 1847, органовъ Славянофильскаго направленія. Скончался, кажется, въ 1851 году.

[3]) То есть предостереженіемъ для К. С. Аксакова быть воздержнѣе въ рѣчахъ.

скую память; но какъ благодарить за статью [1]), не знаю: такъ она меня обрадовала и утѣшила. Конечно, это еще не статья, а только очеркъ статьи; ее печатать нельзя (да вы и сами не хотите), не потому только что она не додѣлана, но и потому что ее поймутъ превратно и сочтутъ похвалою тому, чему она дѣйствительно произноситъ строжайшій приговоръ. Все это, я думаю, и вы знаете не хуже насъ; но статья чудная и по строгости многихъ выводовъ, и по истинѣ взгляда, и по необычайно-живому выраженію мысли во многихъ мѣстахъ. Я съ вами совершенно согласенъ, также и Аксаковъ и кое-кто еще, напр. братья Елагины [2]). Я согласенъ, можно сказать, до радости: такъ мнѣ весело видѣть такое торжество въ результатахъ, къ которымъ мы стремимся порознь и по разнымъ путямъ мысли. Это показываетъ, какъ мало произвола у насъ въ основахъ мысли, и какъ мало страсти или тайныя желанія имѣютъ надъ нами власти. Весело мнѣ видѣть, какъ вы остаетесь вѣрными умственному труду и его строгимъ требованіямъ; ибо въ Петербургѣ труднѣе было, чѣмъ въ Москвѣ дойти до тѣхъ результатовъ, до которыхъ вы дошли: видѣть всю отвратительность злоупотребленій принципа и все таки признать принципъ, это точно нравственный подвигъ. Съ вами многіе или не согласны, или согласны въ половину; въ половину Поповъ, Валуевъ, Пановъ, кажется Погодинъ, который впрочемъ не былъ при чтеніи; совсѣмъ несогласны Кирѣевскіе. Но всѣ эти несогласія болѣе имѣютъ корень въ возмущенномъ сердцѣ, чѣмъ въ разумѣ. Доказательство то, что они вполнѣ признаютъ отрицательную часть и слѣдовательно должны бы принять и весь выводъ, да силъ не достаетъ.

Впрочемъ общее начало вашей статьи не совсѣмъ прилагается къ Исторіи Русской и едва ли гдѣ нибудь прилагалось вполнѣ къ какой нибудь Славянской Исторіи. Понятіе о князѣ жило болѣе какъ законъ, какъ требованіе, чѣмъ какъ историческій фактъ. Во всякомъ случаѣ вотъ какъ мнѣ представляется схема Русской Исторіи. Скажу кратко, потому что спѣшу. Частные князья прежнихъ, до-историческихъ временъ, можетъ быть осуществляли идею о Князѣ (князья Древлянскіе, Радимичей и т. д.), можетъ быть и нѣтъ; но Варяги уже этой идеи не осуществляли, особенно для Сѣверной Руси. Они были явленіемъ внѣшнимъ, военнымъ, по условію на Сѣверѣ и въ замѣнъ Казаръ на

---

[1]) Это статья о Князѣ и Вѣчѣ. Она не была напечатана.

[2]) Василій и Николай Алексѣевичи, родные братья Кирѣевскихъ по матери, Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной. Н. А. Елагинъ, издатель „Бѣлевской Вивліоѳики“, содержащей въ себѣ Бѣлевскую писцовую книгу, † 11 Февраля 1876. Василій Алексѣевичъ (старше Николая) скончался 11 Іюля 1879 г. Это былъ человѣкъ обширныхъ свѣдѣній, дарованій и мысли всегда самобытной. Къ сожалѣнію онъ мало писалъ и еще меньше печаталъ, но все имъ напечатанное было замѣчательно. Его статьи были напечатаны въ Русской Бесѣдѣ, въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древн. и въ Бесѣдѣ, изданіи С. А. Юрьева.

Югѣ. Но требованіе жило, и законъ стремился къ проявленію. Такъ Великій Князь ростетъ въ значеніи, поглощаетъ удѣлы и переходитъ въ Цари. (Точно также и въ Сербіи). Такъ какъ то̀ нормальное отношеніе, котораго требованіе жило, предполагаетъ полную независимость лица и полную его связь съ свободнымъ обществомъ, то очевидно оно осуществляется только при сильномъ и цѣльномъ обществѣ; иначе лицо изъ свободнаго переходитъ въ произвольное. Русь распадается внутри себя (доказательства: Расколы, Годуновъ, Салтыковъ, какъ требователи просвѣщенія и пр.). Вотъ моя схема; какъ объ ней скажете? Во всякомъ случаѣ извините мой Погодинскій слогъ.

Вы уже вѣроятно слышали о диспутѣ Грановскаго. Неловкостей была бездна: Бодянскій и Шевыревъ попались въ просакъ. Грановскій защищался слабо. Р. осрамился въ пухъ. Лавры всѣ пожалъ И. И. Давыдовъ: передернулъ весь факультетъ какъ колоду, всѣхъ надулъ и всѣхъ утопилъ волнами академическаго краснорѣчія. Впрочемъ симпатіи народныя и студентскія выразились ярко и несомнѣнно. Вечеромъ NN потиралъ руки и говорилъ у Васильчиковыхъ: les Slaves sont battus.

Затѣмъ прощайте. Дайте что нибудь въ Москвитянинъ, хоть безъ имяни. Рекомендую вамъ во 2-мъ нумерѣ мою статью объ охотѣ. Горжусь ею. Объ Тургеневѣ (И. С.) есть статья, котораго автора вы сейчасъ угадаете: кажется, въ цѣломъ мірѣ онъ одинъ можетъ говорить о Тургеневѣ серіозно *). Прощайте: ячмень на глазу мѣшаетъ писать.

VI.

Іюня 23-го 1845 г.

Хорошо осрамилась наша Москва, любезный Юрій Ѳеодоровичъ: не умѣла таки сохранить журналъ. Погодину были дѣланы съ нашей стороны всѣ возможныя уступки; наконецъ, даже рѣшались отягчить будущій годъ кредитомъ въ десять тысячъ и сохранить ему пай въ сборѣ сверхъ тысячи подписчиковъ. Онъ не пошелъ ни на что. Кирѣевскій также отказался рѣшительно, не смотря на всѣ моленія, не смотря на ревность нѣсколькихъ купцовъ (вещь особенно дорогая для Кирѣевскаго), предлагавшихъ денежное обезпеченіе, и даже на мнѣніе всей семьи (кромѣ жены и брата П. В. К.), сказавшей ему безъ обиняковъ, что для него отказаться отъ журнала и отказаться отъ всякой умственной дѣятельности все равно. Я еще не видалъ 5 и 6 № Москвитянина; говорятъ, что они порядочны, но на долго

---

*) Это статья К. С. Аксакова, подписанная Имрекъ. Въ то время Тургеневъ еще не издалъ Записокъ Охотника, въ которыхъ, можно сказать, впервыя обнаружилась сила его таланта.

это идти не можетъ: онъ долженъ рухнуть. За что приниматься послѣ этой неудачной попытки, не знаю; а что непремѣнно надобно и должно что нибудь предпринять, это для меня несомнѣнно, и надеждъ терять не слѣдуетъ. Всѣ отказываются отъ участія въ Москвитянинѣ. Я этого нисколько не охуждаю; онъ дѣйствительно не заслуживаетъ поддержки, но мнѣ еще нужно написать двѣ статьи, и я на дняхъ принимаюсь за одну изъ нихъ. Разумѣется, ужъ это не ради журнала, а потому только, что хочу досказать недосказанное. А многое надобно досказать; боюсь только жолчи своей, которая безпрестанно раздражается невѣжествомъ и нелѣпостями съ одной стороны и Европейскимъ обезьянствомъ лучшихъ людей, такихъ людей, которымъ слѣдовало бы идти съ нами за одно. Досадно, когда видишь, что Загоскинъ (хоть онъ и славный человѣкъ) за насъ, а Грановскій противъ насъ: чувствуешь, что съ нами за одно только инстинктъ (ибо Загоскинъ выраженіе инстинкта), а умъ и мысль съ нами мириться не хотятъ. Еще досаднѣе, когда видишь, что пробужденное въ насъ сознаніе нисколько не останавливаетъ безсмыслицу.

Я знаю, что все перемелится и будетъ мука, что всѣ ошибки исправятся силою жизни, что писанное у насъ не такъ сильно, какъ живое; а нельзя безъ горя видѣть, какъ безпрестанно увеличиваютъ уже существующую порчу и какъ это дѣлаютъ съ самыми благими намѣреніями, просто вслѣдствіе совершеннаго незнанія Руси. Указъ о производствѣ въ дворяне *), внушенный мнимымъ аристократизмомъ Петербурга, соединяетъ въ себѣ всѣ условія для укрѣпленія разрыва уже существующаго, для увѣковѣченія начавшейся борьбы. Конечно онъ не будетъ въ исполненіи своемъ такъ дуренъ, какъ можно бы было предполагать по его логическимъ послѣдствіямъ; но при всемъ томъ онъ дѣлаетъ величайшій вредъ. Я не говорю ни о нарушеніи справедливости въ отношеніи къ людямъ, уже бросившимъ лѣтъ двадцать жизни своей для полученія колежскаго асесорства и слѣд. дворянства, ни объ увеличеніи взяточничества, ни объ уменьшеніи капиталовъ могущихъ обращаться въ поземельную собственность, и слѣд. объ уменьшеніи самой цѣнности дворянскихъ имѣній; ни объ убіеніи духа въ солдатахъ; но меня грустно поразило одно обстоятельство, котораго ни въ Москвѣ, ни въ Питерѣ не замѣтишь: это увеличившееся мгновенно чванство всѣхъ моихъ деревенскихъ сосѣдей. Они просто распухли отъ гордости. Ихъ всѣхъ произвели въ статскіе совѣтники, они стали вдвое дворянственнѣе противъ прежняго, вдвое далѣе отъ недворянскаго міра, и эта гордость переходитъ въ жизнь и перейдетъ въ наслѣдство. Между тѣмъ она обращается только противъ низшихъ:

---

*) Указъ о томъ, что потомственное дворянское достоинство (съ правомъ владѣнія крѣпостными людьми) пріобрѣтается чиновниками, не дворянами по происхожденію, лишь съ чиномъ статскаго совѣтника, а не колежскаго асесора, какъ было прежде.

высшій, т. е. власть, т. е. чиновникъ, все также страшенъ, все также имѣетъ право преклонять ихъ статско-совѣтническія головы. Мнѣ жаль, что не рѣшились наши друзья напечатать вашу статью объ Тарантасѣ [1]). Можетъ быть, они и не должны были ее отдавать Погодину; но въ ней такъ много истиннаго и такъ много противъ современнаго, что ей слѣдовало быть напечатанною. Я это говорю особенно по поводу чиновника. Лѣстницу сдѣлали длиннѣе, но смыслъ ея не только не измѣненъ, но утвержденъ. Въ будущей своей статьѣ я намѣренъ былъ сказать тоже самое, что̀ вы сказали, и вы не прогнѣваетесь, если я намѣренія своего не измѣню. Будетъ ли напечатана ваша статья, или нѣтъ, все равно: такія вещи должны быть не только высказываемы, но повторяемы. Вѣрьте, что мнѣ не хотѣлось бы мѣшаться въ эту современную дѣятельность, и что мнѣ сто разъ веселѣе бы было догматизировать въ такъ называемой Семирамидѣ [2]) о древностяхъ, языкахъ и т. д.; но движеніе жизни увлекаетъ въ другія занятія, не смотря на собственное горе и на горе Абиссинца-Валуева. Такъ напр. меня втянули въ переписку съ Пальмеромъ [3]). Предметъ этой переписки (если вамъ извѣстно его печатное письмо ко мнѣ) безспорно такъ важенъ, что я и не могу роптать на необходимость продолжать ее, но пользы большой не ожидаю и досадую особенно на то, что имя мое тутъ примѣшано. Мнѣ хотѣлось бы лучше оставаться безъимяннымъ въ этомъ дѣлѣ. Болѣе бы было свободы, болѣе смѣлости и, можетъ быть, болѣе даже пользы, когда бы устранены были всѣ невольныя притязанія личности. Между тѣмъ я чувствую и глубоко убѣжденъ, что должно продолжать и что споръ религіозный заключаетъ въ себѣ всю сущность и весь смыслъ всѣхъ предстоящихъ намъ жизненныхъ споровъ. Вопросъ объ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ есть безъ сомнѣнія единственный истинно-всемірный вопросъ нашего времени.

Моя къ вамъ просьба: нельзя ли достать въ Питерѣ описаніе машины, изобрѣтенной прошлаго года Французомъ Андро, для движенія по рельсамъ посредствомъ сжатаго воздуха? Я ее знаю только по догадкамъ, но не знаю, какъ впускается сжатый воздухъ въ двигающій механизмъ; а въ Москвѣ ничего не достанешь. Въ Питерѣ это должно быть или при Корпусѣ Путей Сообщеній, или при Уни-

---

[1]) Статья Самарина „о Тарантасѣ гр. Соллогуба“ напечатана въ Московск. Сборникѣ, изд. Пановымъ, 1846 г.

[2]) Такъ называлась у друзей въ шутку работа Хомякова надъ всемірною исторіей, изданная послѣ его смерти въ двухъ томахъ.

[3]) Англійскій ученый богословъ, который, признавая неправильность Англиканской церкви, искалъ первоначально сближенія съ церковью Греко-восточною, а потому и вошелъ въ переписку съ Хомяковымъ (котораго впослѣдствіи нѣсколько стихотвореній было имъ переведено на Англійскій языкъ). Позднѣе Пальмеръ, отправившись въ Римъ, сдѣлался католикомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ издалъ обширное изслѣдованіе о нашемъ патріархѣ Никонѣ.

верситетѣ. Если вамъ не слишкомъ будетъ хлопотливо, то постарайтесь достать. Мнѣ бы оно было нужно. Въ Англіи уже предложены тѣ употребленія сжатаго воздуха, которые я предсказалъ въ статьѣ о желѣзныхъ дорогахъ [1]). Ни журналисты, ни публика наша этого не замѣтили.

Я живу теперь въ деревнѣ. Погода славная, житье легкое и веселое. На дняхъ были мнѣ двѣ радости: изъ пяти выстрѣловъ я попалъ три раза въ цѣлковый на разстояніи пятидесяти шаговъ. Вы, какъ стрѣлокъ, это оцѣните. Вторая радость: я открылъ несомнѣнное свидѣтельство о житьѣ Славянъ на Кавказѣ въ IV-мъ вѣкѣ послѣ Р. X. Этимъ разрѣшаются многія историческія задачи.

Прощайте, будьте здоровы, веселы и дѣятельны.

VII.

1845. Дек. 17.

Вотъ ужъ полтора мѣсяца, какъ я собираюсь къ вамъ писать въ отвѣтъ на ваше письмо, но горькія заботы меня заставляли откладывать со дня на день. Вы знаете, какъ онѣ кончились. Изъ нашего круга отдѣлился человѣкъ [2]), котораго ничто мнѣ никогда не замѣнитъ, человѣкъ, который мнѣ былъ и братомъ, и сыномъ. Этотъ ударъ былъ для меня невыразимо тяжелъ; но, отвлекая себя отъ личнаго чувства, я могу сказать, что эта потеря невознаградимая для насъ всѣхъ. Его молодость, дѣятельность, чистота, миротворящая, хотя ни въ чемъ не уступающая, кротость нрава и, наконецъ, его совершенная свобода и независимость отъ лицъ и обстоятельствъ, все дѣлало его драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ сотрудниковъ въ общемъ дѣлѣ добра и истины. Богу угодно было, чтобы такая прекрасная жизнь рано кончилась; но къ счастію Валуевъ много началъ, и начатое имъ, я надѣюсь, не пропадетъ, а продолжится. Тысячу разъ благодарю я васъ за ваши хлопоты о дозволеніи перевоза тѣла его въ Москву. Намъ отрадно будетъ его имѣть около себя, ибо всѣ мы теперь или позже, а принадлежимъ Москвѣ, какъ мѣсту нашей умственной дѣятельности, да и ему прилично лежать въ Москвѣ: онъ ей принадлежалъ, ибо есть такія направленія и такой характеръ мысли и жизни, которыя теперь нигдѣ кромѣ Москвы невозможны. Мѣсто ему назначаемъ мы въ Даниловскомъ монастырѣ возлѣ Венелина. Кажется, такъ всего лучше. Какое-то духовное сродство и безъ сомнѣнія единство цѣлей существовало между ними, не смотря на великія разницы въ жизни и чистотѣ. Вы конечно сочувствуете моему горю; но никто не можетъ вполнѣ оцѣнить, что я въ Валуевѣ потерялъ и какъ

---

[1]) Напечатана въ Москвитянинѣ, въ началѣ 1845 года.

[2]) Дм. Александровичъ Валуевъ.

много я ему обязанъ былъ во всѣхъ самыхъ важныхъ частяхъ моей умственной дѣятельности. Во многомъ онъ былъ моею совѣстію, не позволяя мнѣ ни слабѣть, ни предаваться излишнему преобладанію сухаго и логическаго анализа, къ которому я по своей природѣ склоненъ. Если что нибудь во мнѣ цѣнятъ друзья, то я хотѣлъ бы, чтобы они знали, что въ продолженіи цѣлыхъ семи лѣтъ дружба Валуева постоянно работала надъ исправленіемъ дурнаго и укрѣпленіемъ хорошаго во мнѣ.

Вы видите, что я теперь не совсѣмъ способенъ отвѣчать на ваше письмо, т. е. дать вамъ совѣтъ и мнѣніе: послѣ потери Валуева мнѣ кажется, что я легко могу увлечься эгоистическимъ желаніемъ приближать къ тому мѣсту, гдѣ самъ живу, тѣхъ людей, съ которыми связанъ глубокимъ сочувствіемъ и дружбою. Поэтому, если вы это замѣтите въ моемъ совѣтѣ, помните, что я самъ себя оподозрѣлъ. Вамъ, разумѣется, надобно выѣхать изъ Петербурга, но куда? Всего бы лучше, если бы можно на годъ или болѣе заграницу; но по вашему письму это, кажется, совершенно невозможно. Мой совѣтъ выбрать (если уже въ Москву нельзя или можно только съ какою нибудь невозможною секретарскою должностію) одну изъ ближайшихъ губерній. Мнѣ кажется, намъ всѣмъ надобно быть довольно близко другъ отъ друга. Насъ слишкомъ мало, чтобы намъ расходиться по бѣлу-свѣту. Еще нуженъ намъ фокусъ, въ которомъ сосредоточивалась бы наша мысль, согрѣвая взаимно другъ друга, укрѣпляя наши личныя силы и устремляя ихъ къ одному направленію. Лучинки разрозненныя горятъ да и гаснутъ: вмѣстѣ связанныя они передаютъ огонь цѣлому костру. Ни мы сами, ни Россія еще не дошли до той степени, въ которой разрозненіе и разсѣяніе наше по ея лицу могло бы быть полезно, возбуждая просвѣщеніе и мысль въ разныхъ точкахъ ея великаго пространства. Для изученія же Россіи пункты ближайшіе къ Москвѣ далеко не хуже другихъ, ибо теперешняя сила и жизнь Русская принадлежатъ исключительно Великой Руси, и если вы думаете, что Кострома или Вологда важнѣе Тулы и Рязани (въ чемъ я не по спорю), то съ другой стороны пустынность этихъ областей дѣлаетъ ихъ изученіе невозможнымъ для человѣка, котораго должность привяжетъ къ одному мѣсту. Изъ областей не Велико-Русскихъ я могъ бы еще похвалить развѣ Харьковъ, какъ узелъ будущаго сращенія мысли Мало-Россійской съ Великою Русью. Конечно лучше и несравненно лучше всего было бы житье въ Москвѣ и служба по просвѣщенію, т. е. Университету, но воля вашихъ близкихъ противъ этого, и слѣдовательно говорить нечего . . . . . Что же дѣлать? Во первыхъ, не унывать; во вторыхъ, трудомъ внутреннимъ, который требуетъ мало времени и всегда возможенъ, замѣнить невозможный трудъ внѣшній. Пожалуйста не забывайте, что Баконъ былъ канцлеромъ, а въ васъ я предполагаю довольно силы, чтобы сохранить себя вездѣ и во всѣхъ

обстоятельствахъ крѣпкимъ и неприкосновеннымъ; а какъ подумаю, о многомъ и многомъ надобно-бы съ вами поговорить! Не будете-ли вы въ Москвѣ зимою? Еще совѣтъ, и важный: берегите свое здоровье, которое я считаю совсѣмъ не богатырскимъ. Говорятъ, бѣдный И. В. Кирѣевскій очень боленъ. Дай Богъ, чтобы онъ поправился, или чтобы слухи объ немъ были преувеличены. Прощайте. Когда будете писать, дайте вѣсть и о Поповѣ. Какъ нашъ другъ разрядѣлъ!

Вы знаете уже и о смерти Тургенева [1]). Жаль и его. Много милаго, добраго и любящаго было въ его душѣ. Его Европейское сплетничанье было не безполезно и не безъ достоинства; а любовь его къ такимъ людямъ какъ Неандеръ и др., показываетъ, какъ сильно въ немъ было сочувствіе со всякою духовною жизнію, хотя самъ онъ не могъ никогда углубиться въ себя.

VIII.

Апрѣля 6-го (1846 г.)

Поздравляю васъ съ наступающимъ и, когда письмо дойдетъ, уже наступившимъ праздникомъ. Надняхъ получили мы вѣсть объ васъ отъ Чижова, и вѣсти все хорошія, какъ вы въ Питерѣ все держитесь Московскихъ обычаевъ и пр. и пр. Одно грустно, что все таки въ Питерѣ. Я было за васъ порадовался, что вы оттуда выбираетесь хоть въ Чухляндію настоящую [2]), а теперь опять кажется не то выходитъ. Хоть комитетъ вашъ и устроенъ по Чухонскимъ дѣламъ, да совсѣмъ не то дѣйствовать на мѣстѣ, видѣть своими глазами, бороться съ наличными страстями, наконецъ, дѣлать самому справки, или дѣйствовать издали, по бумажнымъ донесеніямъ, по чужимъ справкамъ, нападать на заглазныя страсти и заглазныхъ людей и заступаться также за людей, которыхъ отъ роду не видывалъ. Все это дѣло мертвое и холодное, и скучное; добро бы было легкое и сопряжено съ большимъ досугомъ, а этого и ждать нельзя. Такъ что мы можемъ радоваться вѣстямъ объ васъ, но не за васъ, потому что положеніе ваше крайне не завидно. Терпи казакъ, хоть и атаманомъ не будешь.

Впрочемъ за всѣмъ тѣмъ я не увѣренъ, совершенно-ли безъ пользы пропадаетъ ваше время въ Петербургѣ [3]). Разумѣется, что тамъ ни прозелитовъ мысли, ни истиннаго сочувствія искать не должно (это было бы дѣтскою мечтою); но твердость высказанныхъ убѣжденій и вѣрность этимъ убѣжденіямъ въ жизни, во сколько она отъ насъ

---

[1]) Александра Ивановича.

[2]) Т. е. въ Ригу. Самаринъ, прослуживъ около года въ Сенатѣ, перешелъ на службу въ М-во Вн. Дѣлъ помощникомъ дѣлопроизводителя въ открытомъ тогда комитетѣ по устройству Лифляндскихъ крестьянъ, и предполагалъ отправиться въ Ригу, откомандированнымъ къ вновь назначенному генералъ-губернатору Е. А. Головину.

[3]) Самаринъ въ письмѣ своемъ къ Хомякову горько сѣтовалъ на безплодность своего пребыванія въ Петербургѣ.

зависитъ, могутъ быть не совсѣмъ безплодными. Если другаго плода не будетъ, то уже какое-то невольное уваженіе къ мысли, даже скрытое иногда подъ личиною самодовольной насмѣшки, можетъ родиться хоть въ нѣкоторыхъ и приготовить ихъ къ будущему сочувствію. Въ васъ довольно смѣлости, чтобы выговаривать мысль явно, довольно твердости, чтобы устроивать свою жизнь по нормѣ, которая вамъ кажется лучшею; сверхъ того, въ васъ столько воздержности, что вы не на каждомъ шагу будете разбрасывать мысль, слѣдовательно есть возможность нравственнаго дѣйствія, хоть я убѣжденъ, что изо всѣхъ почвъ въ мірѣ, за исключеніемъ можетъ быть Вѣнской, самая неблагодарная почва Петербургская. Да по правдѣ (и съ позволенія Аксакова) неужели наша Московская почва не только хороша, но хоть сколько нибудь сносна? Неужели это не совершенная пустыня въ нравственномъ и даже умственномъ отношеніи? Понимаете ли ту глупость, которая поздравляетъ васъ (какъ это недавно случилось со мною) при пятидесяти свидѣтеляхъ, на вечерѣ и съ самою наивною благонамѣренностью, съ глупымъ движеніемъ Галицкихъ дворянъ [1])? Что̀ же здѣсь могутъ понять, когда не понимаютъ, что между всѣми мыслями общественными или политическими Запада и моими убѣжденіями столько же симпатіи, сколько между чортомъ и ладономъ? Это меня взбѣсило потому, что тутъ открылась передо мною цѣлая бездна неисповѣдимой глупости. Впрочемъ, разумѣется, я отвѣчалъ очень умѣренно и только спросилъ (зная уже про реакцію крестьянъ): „А вы всѣ что̀ по этому случаю намѣрены дѣлать?“ Отвѣтъ: „Какъ мы? Да намъ-то какое дѣло!“ На это я возразилъ: „Есть пословица: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится; а я прибавлю: громъ грянетъ, а дворянинъ все таки не перекрестится!“ На это послѣдовали помахиванія головами и взгляды, полные необыкновенно глубокомысленной тупости. Вы видите, что здѣсь или въ Питерѣ утѣшеніе почти одинаково, съ тою только разницею, что здѣсь менѣе гнусныхъ явленій общественной роскоши и самодовольства, и болѣе свободы для умственныхъ трудовъ; но, право, была бы воля, будетъ и возможность труда, и тѣмъ болѣе силы въ трудѣ, чѣмъ болѣе онъ вырывается изъ подъ внѣшняго гнета.

Собою я отчасти не доволенъ. Двѣ статьи, одна для Сборника [2]), другая для Библіотеки для Воспитанія: вотъ все что я сдѣлалъ, кромѣ весьма небольшихъ прибавокъ къ своему постоянному труду. Впрочемъ кое-что въ розысканіяхъ историческихъ подвинулось, и поэтому я только отчасти недоволенъ, но каюсь въ лѣни. Курсъ Грановскаго [3])

---

[1]) Извѣстное движеніе Польскихъ дворянъ, вызвавшее реакцію со стороны крестьянъ, или возстаніе противъ помѣщиковъ (даже рѣзню), чѣмъ и воспользовалось Австрійское правительство къ своей выгодѣ.

[2]) Для Московскаго Сборника 1846 г.

[3]) Грановскій снова читалъ рядъ публичныхъ лекцій.

слабъ, и публика холодновата. Изложеніе мѣстами очень хорошо и доходитъ до высокаго, художественнаго эффекта своей необычайной простотой; но изслѣдованій никакихъ, мыслей никакихъ, кромѣ взятыхъ на прокатъ, и отъ этого все вмѣстѣ какъ-то вяло и безжизненно. Лекціи Шевырева выходятъ, первыя пять вышли; онѣ выдерживаютъ чтеніе гораздо лучше, чѣмъ я ожидалъ. Книга будетъ хороша и занимательна, и полезна. Филаретъ благословилъ его за нее образомъ: представьте радость Шевырева!

Не знаю, слышали вы, что въ изданіи Сборника встрѣтилось замедленіе. Панова мать умерла, и онъ поскакалъ въ Симбирскъ; впрочемъ ждемъ его скоро назадъ.

Скажите Попову [1]), что я съ нимъ заочно христосуюсь, а не пишу потому, что онъ давно знаетъ, каковъ я корреспондентъ; но скажите ему и очень грустную вѣсть, которой онъ еще можетъ быть не знаетъ: Алексѣй Андреевичъ Елагинъ [2]) кончилъ ударомъ. Это страшная потеря для семьи и истинная потеря для друзей. Въ этомъ человѣкѣ, повидимому грубомъ и неотесанномъ, много было теплоты чувства и ума. Попову вѣрно будетъ тяжела эта вѣсть.

Прощайте, будьте здоровы. Жена моя вамъ кланяется и тѣмъ дружественнѣе, что слышала, что вы постились по-московски.

IX [3]).

Изъ письма вашего къ К. А. Свербеевой вижу, что братецъ вашъ [4]) вѣроятно поѣдетъ въ чужіе края и поэтому спѣшу писать къ вамъ о порученіи, которое мы желали бы дать ему. Спросите его, согласится ли онъ взять на себя это порученіе? Покойный Д. А. Валуевъ нашелъ Греческую рукопись (кѣмъ писанную, Грекомъ или другимъ какимъ Православнымъ, неизвѣстно), содержащую въ себѣ изложеніе Православнаго ученія, и везъ ее въ чужіе края съ намѣреніемъ напечатать, находя ее весьма замѣчательною. Къ ней придѣлалъ онъ маленькое предисловіе по-латыни, и вся рукопись составила бы около двухъ печатныхъ листовъ [5]). Мы, то есть здѣшніе друзья Валуева, желали бы

---

[1]) Александру Николаевичу, перешедшему уже на службу въ Петербургъ.

[2]) Мужъ Авдотьи Петровны Елагиной и отецъ Василія и Николая Елагиныхъ.

[3]) 1846 года.

[4]) Братъ Юрія Ѳед. Самарина, Михаилъ Ѳедоровичъ, отправился по болѣзни за границу и тамъ скончался.

[5]) Эта Греческая рукопись—мистификація. Дѣло шло объ извѣстномъ трудѣ Хомякова, напечатанномъ во II-мъ томѣ его сочиненій подъ названіемъ: „Опытъ катихизическаго изложенія ученія о церкви“. Впрочемъ на рукописи стояло другое названіе: „Церковь одна“. Въ секретъ, кажется, былъ посвященъ только одинъ Валуевъ: вѣроятно онъ же или кто-нибудь по его заказу перевелъ ее на Греческій языкъ, съ цѣлью напечатать въ Аѳинахъ или за границей. Она нѣсколько времени ходила по рукамъ въ Москвѣ въ рукописи съ Русскимъ текстомъ, выдаваемымъ за переводъ, и даже

исполнить его намѣреніе и напечатать рукопись, которая въ Россіи можетъ встрѣтить цензурныя затрудненія, а въ Германіи можетъ или принести пользу или по крайней мѣрѣ обратить на себя вниманіе. Если Михаилъ Ѳедоровичъ остановится на пути своемъ черезъ Германію хоть дней пять или шесть въ какомъ-нибудь изъ книжныхъ городовъ, онъ могъ бы отдать рукопись въ печать безъ дальныхъ хлопотъ. Еще бы лучше было, если бы онъ велѣлъ сдѣлать къ ней Нѣмецкій переводъ, но это не необходимо. Книгопродавцу (такъ какъ изданіе дѣлается не изъ барышей) можно предоставить до сорока процентовъ, а объ употребленіи остальныхъ денегъ онъ получитъ отсюда назначеніе отъ Панова. Если Михаилъ Ѳедоровичъ согласится принять на себя эти хлопоты, онъ сдѣлаетъ намъ истинное одолженіе, и мы поспѣшимъ выслать къ нему и рукопись, и деньги нужныя на изданіе. Пожалуйста увѣдомьте насъ объ согласіи или отказѣ братца вашего и напишите объ этомъ или К. А. Свербеевой или Панову, потому-что я на дняхъ уѣзжаю въ деревню.

Сборникъ [1]) готовъ и скоро выйдетъ. Полагаю, что на него подниется буря немалая. Онъ бы вышелъ уже недѣли двѣ тому назадъ, но ваша статья о Тарантасѣ удостоилась долгихъ сомнѣній со стороны С., также какъ статья Линовскаго [2]), и возставила противъ себя Голохвастова. Однакоже все прошло съ неслишкомъ большими пожертвованіями. Впрочемъ у насъ все похоже на застой, и только замѣтно, что Западъ свирѣпѣетъ болѣе и болѣе каждый день противу лицъ Восточныхъ. На обѣдѣ у Грановскаго Герценъ учинилъ въ этомъ явное признаніе въ отношеніи ко мнѣ, объявивъ, что любитъ меня за то, что я имѣю сочувствіе ненависти. Забавно то, что они предполагаютъ въ насъ свои чувства; еще забавнѣе, что признаются. Съ другой стороны слышно, что Грановскій какъ будто начинаетъ сомнѣваться въ правотѣ своего направленія, и что Соловьевъ почти готовъ поворотить оглобли. Если бы эти двое отстали, что же у нихъ останется? Зачѣмъ нѣтъ здѣсь ни васъ, ни Попова? Надобно и непремѣнно надобно выработывать всѣ мысли, всѣ стороны жизни, всю науку. Надобно передѣлать все наше просвѣщеніе, и только общій,

---

самые близкіе друзья не знали настоящаго автора. Говорятъ, покойный митрополитъ Филаретъ не дался въ обманъ и, признавъ ее вполнѣ замѣчательною, выразилъ однакоже мнѣніе, что она писана не Грекомъ и не лицомъ духовнаго званія, а свѣтскимъ (вѣроятно по оригинальности нѣкоторыхъ мыслей и по своеобразію пріемовъ, чуждыхъ нашей, оффиціальной, богословской школѣ). Впрочемъ, кажется, черезъ годъ секретъ раскрылся. Причина, почему Хомяковъ скрывалъ свое авторство, понятна. Ему нужно было узнать мнѣніе свободное отъ всякаго предубѣжденія въ пользу или противъ его имени, да и не хотѣлось въ дѣло такого рода вмѣшивать невольныя притязанія личности. Сличи выше письмо VI-е, стр. 319.

[1]) Московскій Сборникъ 1846 г.

[2]) Профессоръ Политической Экономіи.

постоянный и горячій трудъ могутъ это сдѣлать. Насъ очень мало, и мы всѣ врознь.

А. О. все еще здѣсь гоститъ. Она умна, мила, она понимаетъ многое такъ какъ никто можетъ быть въ обществѣ не понимаетъ; но къ несчастію она только гостья въ Москвѣ. Я хочу сказать не о томъ, что она никогда не будетъ здѣсь жить, но о томъ, что она никогда не будетъ здѣшнею.

Попову буду писать вскорѣ. Скажите ему, что я было принялся живо за свою работу, но съ недѣлю перервалъ ее за глазною болью. Послѣднее, чѣмъ я занялся, исторія Меровинговъ, представило мнѣ бездну новаго. Этотъ, повидимому, глупый періодъ представляетъ бездну новыхъ выводовъ и содержитъ въ себѣ, какъ въ зародышѣ, исторію почти всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Какъ много еще надобно сдѣлать! Впрочемъ наука пойдетъ. Скажите, подумайте, какъ взяться за искусство. Меня наша школа доводитъ до отчаянья, хоть идетъ она и недурно для безтолковой публики.

Прощайте, будьте здоровы и не слабѣйте въ трудахъ.

X [1]).

Петербургъ, Мая 30. 1847 г.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и не находя мѣста въ Штеттинскомъ пароходѣ, я рѣшился ѣхать въ дилижансѣ на Ригу и слѣдовательно былъ въ полной увѣренности видѣться съ вами и поговорить о многомъ и многомъ. Вотъ почему я и не писалъ къ вамъ. Вышло иначе. Уговорили меня, и отчасти доводами весьма дѣльными, что мнѣ надобно ѣхать на Любскомъ пароходѣ и что я избѣгну великихъ хлопотъ, а особенно избавлю жену отъ трехъ или четырехъ дней самой скучной и непріятной дороги. Эта причина меня принудила рѣшиться: для болѣзней нервическихъ всего хуже мелкая скука и мелкія непріятности; я обязанъ ихъ избѣгать для жены, для которой совершаю свое путешествіе. И такъ мы еще не увидимся теперь.

Письменно много не скажешь; но хоть нѣсколько словъ скажу вамъ въ отвѣтъ на ваше письмо и кое о чемъ еще. Во первыхъ, объ вашихъ статьяхъ [2]). Въ Москвѣ ихъ печатать негдѣ кромѣ Москвитянина, въ Петербургѣ не слѣдуетъ. Въ Москвитянинѣ онѣ пропадутъ, а этого опять не должно допускать; слѣдовательно остается ихъ или печатать отдѣльною брошюркою, или напечатать въ Москвитянинѣ съ тѣмъ, чтобы экземпляровъ сто были отпечатаны отдѣльно. Какъ

[1]) Для укрѣпленія здоровья своей жены, сильно потрясеннаго смертію племянника—Валуева и роднаго брата,—Языкова Н. М. (поэта), Хомяковъ отправился съ нею на нѣсколько мѣсяцевъ за границу. Въ это путешествіе онъ посѣтилъ Англію и былъ принятъ въ Оксфордѣ съ большимъ почетомъ. Надо замѣтить, что онъ говорилъ и писалъ поанглійски, какъ Англичанинъ.

[2]) „О мнѣніяхъ Современника“, напечатано въ Москвитянинѣ 1847 г.

рѣшитесь? Объ статьяхъ самихъ я почти готовъ сказать, что онѣ во мнѣ оставили нѣкоторое чувство досады: у васъ столько силъ противъ такой слабости, что бой какъ будто бы едва законенъ. Съ другой же стороны вспоминаешь, что такова слабость всѣхъ нашихъ противниковъ и что эта слабость нисколько не ручается за нашъ успѣхъ; ибо къ ихъ пошлости пристаетъ или лучше сказать ее вдохновляетъ пошлость всеобщая нашего читающаго, аки бы думающаго міра. Необходимость этой борьбы съ умственнымъ безсиліемъ въ числительной силѣ внушаетъ грусть и досаду. Статьи превосходны по изложенію, по мыслямъ, по добросовѣстности и строгости анализа; но кто пойметъ ихъ вполнѣ, не смотря на ихъ ясность? А надобно, непремѣнно надобно ихъ напечатать. Я говорю: необходимо надобно, потому что въ первый разъ въ нихъ выставлены съ нашей стороны опредѣленные тезисы, и слѣдовательно полагается начало положительной наукѣ, и мы выходимъ изъ того повидимому отрицательнаго направленія, въ которомъ намъ попрекаетъ безтолковость нашихъ читателей. Съ своей стороны я можетъ быть васъ упрекну только въ излишнемъ уваженіи къ одному изъ противниковъ, къ Никитенкѣ; но вы его, кажется, нѣсколько любите и кромѣ того, безстрастіе и даже снисходительность, можетъ быть, необходимы, особенно при излишней страстности одного изъ нашихъ ратоборцевъ. Первую вашу статью оставилъ я у Аксакова; вторую получилъ садясь въ дилижансъ, не могъ съ нею разстаться и привезъ сюда къ Попову, который доставитъ ее, куда скажете. Кстати надобно будетъ, кажется, или выкинуть, или измѣнить слова объ Никитенкѣ, что онъ самоучка. Едва ли можно входить въ такую подробность, тѣмъ болѣе, что вы его далеко не безусловно хвалите. Кажется, легко на это намекнуть не выговаривая вполнѣ; совершенно выкинуть трудно, потому что вы связываете эту идею съ его характеристикою. Рѣшите, пожалуйста поскорѣе, что̀ дѣлать съ вашими статьями. На новый Сборникъ надѣяться нельзя, да и критика въ Сборникахъ запрещена. Журналъ будетъ или нѣтъ, неизвѣстно. Здѣсь видѣлъ я Чижова. Онъ совершилъ ускоренное путешествіе отъ границы сюда съ провожатыми, потомъ получилъ квартиру на 12 дней съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и столомъ [1]); наконецъ, уѣхалъ въ Малороссію, получивъ почти благодарность отъ Его Величества, который объявилъ себя его цензоромъ впередъ. Слава Богу! Онъ писалъ, и Государь прочелъ его и, разумѣется, видѣлъ, какъ неосновательны всѣ подозрѣнія. Увы! О многихъ, кажется, этого сказать нельзя. Малороссіянъ повидимому заразила политическая дурь Досадно и

[1]) Ѳ. В. Чижовъ путешествовалъ по Славянскимъ землямъ; возвращаясь, онъ, вслѣдствіе доноса Австрійскаго правительства, былъ арестованъ и привезенъ жандармами въ Петербургъ, гдѣ былъ помѣщенъ въ III-мъ отдѣленіи и подвергнутъ допросу. См. рѣчь о немъ въ засѣданіи Слав. Общ., помѣщенную въ 1-й книгѣ, Русскаго Архива 1878 года.

больно видѣть такую нелѣпость и отсталость. Когда общественный вопросъ только поднятъ и не только не разрѣшенъ, но даже и не близокъ къ разрѣшенію, люди, повидимому умные, хватаются за политику! Это похоже на Одоевскаго съ его пріютами. Не знаю, до какой степени было преступно заблужденіе бѣдныхъ Малороссіянъ [1]; а знаю, что безтолковость ихъ очень ясна. Время политики миновало. Это Кирѣевскій напечаталъ тому ужъ два года, а люди все толкуютъ про старыя дрожжи. Право, книги печатаются не для чтенія. Впрочемъ я имѣю полную причину такъ думать: здѣсь пріятели мнѣ доказали это, говоря со мною о моихъ статьяхъ. Всего человѣка три прочли ихъ, да и тѣ почти ничего не поняли. — Петербургъ выросъ въ великолѣпіи, въ громадности размѣровъ, въ художественномъ безвкусіи (здѣсь только и художниковъ, что Витали), въ пустотѣ и пошлости. Сначала на меня напалъ смѣхъ при видѣ всего, потомъ досада, потомъ грусть; но видно первое чувство лучше: въ послѣдніе дни я нашелъ нѣкоторое утѣшеніе. Очевидно, не только прежнія направленія теряютъ силу въ мнѣніи, но иногда слышится отзывъ Москвы, безсознательный, затерянный во всякомъ вздорѣ или даже скрываемый самолюбивыми оговорками, но все-таки слышится. Не должно слабѣть. Наше дѣло—борьба нравственная, а въ такой борьбѣ побѣда покупается не днями, а годами труда и самоотверженія. Если бы Христіанство было понято, у насъ не было бы борьбы. Въ Берлинѣ увижу, понимаетъ ли его Шеллингъ и Неандеръ, или могутъ ли его понять; не знаю только, найду ли Шеллинга; не на водахъ ли онъ?

Вы изъ Москвы вѣроятно имѣли извѣстія часто. Кирѣевскій былъ при смерти, теперь выздоравливаетъ. Аксаковъ драму свою довелъ до пятаго дѣйствія, и много чуднаго и великолѣпнаго далось ему его глубокою любовію къ народу. Соловьевъ обѣщаетъ славнаго дѣятеля въ Исторіи, какъ вы сами знаете, по его диссертаціямъ, и еще болѣе бы увидѣли изъ его разговоровъ. Все покуда хорошо. Что-то будетъ съ журналомъ? Онъ очень и очень нуженъ. Завтра сажусь на пароходъ. Три мѣсяца проживу на чужбинѣ. Въ Сентябрѣ надѣюсь васъ видѣть въ Ригѣ, если только все совершится по желаніямъ.

XI [2]).

Еще нѣтъ и мѣсяца, любезный Юрій Ѳеодоровичъ, какъ я пріѣхалъ въ Москву, получилъ письмо ваше, а ужъ мы получили одинъ, а можетъ быть и два урока практической мудрости, которые должно намъ имѣть въ виду для всѣхъ своихъ дѣйствій. Вы спрашиваете, не раз-

---

[1]) Извѣстная исторія въ Кіевѣ, за которую пострадали, каждый въ свою мѣру, Шевченко, Кулишъ, Костомаровъ, Аѳанасій Марковичъ и другіе.

[2]) По всей вѣроятности въ половинѣ 1848 г.

дѣляю ли я вашего мнѣнія о томъ, что можно и должно намъ дѣйствовать за одно съ *. или, напротивъ, не думаю ли, какъ другіе, что никогда съ нимъ дѣйствовать не должно. Кажется мнѣ, ни того ни другаго мнѣнія принимать нельзя. Второе мнѣніе по мнѣ совершенно безразсудно; его даже и опровергать не для чего: такъ невозможно держаться его въ практикѣ кому нибудь, кромѣ чистыхъ Западниковъ. Но и первое, т. е. ваше, можетъ быть принято только съ ограниченіями. Положимъ, что Павловъ или Погодинъ нынче такого-то мнѣнія: вы рады его поддержать; надеждъ вамъ дается много; вы ѣдете туда-сюда справляться, какъ проектъ исполняется; не успѣли вы доѣхать до недалекой Риги, а уже мнѣніе пріятеля измѣнилось вслѣдствіе страха или интриги; обѣщанія берутся назадъ, и вамъ хоть въ воду броситься, если вы на пріятеля надѣялись. Вы были въ Москвѣ; на васъ, какъ слышу, косились немало; съ злостію ловили ваши слова, и пр. и пр. Отъ чего? Отъ того, что вы дѣйствовали хоть и по совѣсти (въ этомъ вамъ отдаютъ справедливость), но также и въ смыслѣ того же многосулящаго пріятеля, который, на этотъ случай, былъ противникомъ Западной стихіи, хотя и не противникомъ истинной Европейской мысли. Чтожъ? Выдержанъ ли планъ? Додѣлывается ли дѣло? По всему видимому и слышимому нѣтъ: смыслъ всѣхъ порученій измѣненъ, и отъ васъ готовы отказаться, оставя на васъ нареканія и гнѣвъ общества. Положимъ, что вамъ до мнѣнія этого дряннаго общества дѣла нѣтъ; но по крайней мѣрѣ эти уроки практической мудрости, данные въ такой короткой срокъ, показываютъ, какъ мало можно полагаться на вышерѣченнаго пріятеля. И такъ думать объ дѣйствіи съ нимъ за одно просто невозможно; для этого надобно бы было, чтобы у него было мнѣніе какое нибудь, а этого-то и нѣтъ. Но именно потому, что у него мнѣнія нѣтъ, и можно, во первыхъ, дѣйствовать на него; во вторыхъ помогать ему въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ согласенъ съ нами. Развѣ онъ не запутанъ, какъ и все общество? Развѣ отчасти не страдалецъ, какъ и всѣ мы? Я вамъ это могу сказать; иной бы разсмѣялся надо мною: я имѣю къ нему состраданіе. Смотрѣть на него, какъ на союзника, нельзя; онъ на это слишкомъ безхарактеренъ, но пользоваться имъ для пользы общей должно, когда онъ случайно стремится къ добру. Часто можетъ случаться, что онъ пройдетъ даже далѣе чѣмъ хотѣлъ, и одинъ шагъ можетъ быть задаткомъ будущихъ. Но въ этомъ во всемъ одно условіе: сохранить свою независимость и не обращаться въ мертвое орудіе въ рукахъ пріятеля. Дѣло возможное. Вы видите, что я раздѣляю ваше мнѣніе и даже вполнѣ, хотя сначала оговорился, какъ будто не вполнѣ. Оговорка относилась къ безусловной формѣ, въ которой представленъ былъ вопросъ, а согласіе—къ вашему истинному мнѣнію. Еще одна причина оговорки: маленькая досада, которую вы мнѣ простите. Мнѣ показалось, будто бы въ вашемъ письмѣ есть что-то похожее на обманутыя

надежды, и что вы обращаетесь къ пріятелю потому, что немножко сердиты на общество и на его глупость. Это было бы не совсѣмъ справедливо. Пріятель немного чѣмъ толковѣе, если и толковѣе общества, и точно также можетъ обмануть, что̀ онъ и постарался доказать въ недавнее время; а съ другой стороны умственная шкура общества не совсѣмъ такъ непроницаема, какъ вы думаете. Вы спрашиваете: не вижу ли я, что наши статьи намъ же повредили? Я вамъ скажу, и да и нѣтъ. Но тутъ опять вопросъ становится сложнымъ, и объ немъ пришлось бы говорить слишкомъ долго. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ, которое я и Попову писалъ. Мысли и моды очень другъ на друга похожи въ отношеніи къ обществу: онѣ имѣютъ значеніе авторитета. Успѣхъ мысли и моды измѣряется не числительно. Числительный успѣхъ есть часто признакъ упадка: платье перешло отъ двадцати герцогинь къ сотнѣ тысячъ гризетокъ, а герцогини ужъ надѣваютъ новое. Есть умственныя герцогини,—и глядя, на нихъ, мы не можемъ сказать, что мы въ упадкѣ, тогда какъ видимый успѣхъ Запада у насъ явно ограничивается горничными. Потомъ Наполеонъ былъ совершенно правъ: повтореніе есть рѣшительно самая сильная изо всѣхъ фигуръ краснорѣчія. Повторите и убѣдите. Любовь глубокая, истинная, терпѣливая (не смотря на порывистыя проявленія) получила свою награду въ Аксаковѣ. Его драма [1]) ѐсть награда ему самому; но надобно помнить, что онъ художникъ и что его дѣйствіе истинное можетъ быть только художественнымъ. Это дѣйствіе велико, но не достаточно. Теоретическому сознанію отъ него пойти трудно: у него анализъ слишкомъ въ зависимости отъ внутренняго синтеза, и это очевидно для всѣхъ, и во всѣхъ это возбуждаетъ недовѣріе. Напр. его Православіе, хотя искреннее, имѣетъ характеръ слишкомъ мѣстный, подчиненный народности, слѣдовательно не вполнѣ достойный. Опять же Аксаковъ невозможенъ въ приложеніи практическомъ. Будущее для него должно непремѣнно сей же часъ перейти въ настоящее, а про временныя уступки настоящему онъ и знать ничего не хочетъ; а мы знаемъ, что безъ нихъ обойтись нельзя. Уступки въ началахъ непозволительны, онѣ губятъ самыя начала; но никакое начало съ другой стороны не можетъ проявляться въ совершенной чистотѣ и безпримѣсности. Христіанство само только указало на свой законъ въ Іерусалимѣ въ первые дни Апостольской проповѣди и отступилось отъ своей строгой формы для того, чтобы быть возможнымъ въ свѣтѣ и чтобы мало по малу въ теченіи вѣковъ подвинуть свѣтъ. Я говорю о комунистическомъ началѣ церковнаго общества. Можно даже утверждать, что всякое начало, которое способно проявиться въ жизни безъ всякой уступки, просто не сто̀итъ и проявленія. Поэтому намъ непремѣнно предстоитъ двоякая дѣятель-

[1]) «Освобожденіе Москвы въ 1612 г.».

ность, на которую я смотрю, какъ на положительную обязанность: дѣятельность наукообразнаго изложенія теоріи (съ полемикою), какъ бы общество ни встрѣчало это изложеніе холодно и тупо, и дѣятельность практическаго приложенія, какъ бы оно ни было затруднительно и перехвачено всякими препятствіями. Наша эпоха, можетъ быть, по преимуществу зоветъ и требуетъ къ практическому приложенію. Вопросы подняты, и такъ какъ это вопросы историческіе, то они могутъ быть разрѣшены не иначе какъ путемъ историческимъ, т. е. реальнымъ проявленіемъ въ жизни. Для насъ Русскихъ теперь одинъ вопросъ всѣхъ важнѣе, всѣхъ настойчивѣе. Вы его поняли и поняли вѣрно *). Давно уже ношусь я съ нимъ и старался его истинный смыслъ выразить елико возможно ясно. Спасибо вамъ за то, что вы попали на ту юридическую форму, которая выражаетъ этотъ смыслъ съ наибольшею ясностью и отчетливостью, именно на существованіе у насъ двухъ правъ одинаково крѣпкихъ и священныхъ: права наслѣдственнаго на собственность и такого же права наслѣдственнаго на пользованіе. Въ болѣе абсолютномъ смыслѣ въ частныхъ случаяхъ право собственности истинной и безусловной не существуетъ: оно пребываетъ въ самомъ государствѣ (въ великой общинѣ), какая бы ни была его форма. Можно доказать, что это общая мысль всѣхъ государствъ, даже Европейскихъ. Всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ. По исторіи Старой Руси можно, кажется, доказать, что таково было значеніе даже и княжеской собственности, — по крайней мѣрѣ поземельной. Наша собственность (пользованіе въ отношеніи къ государству) есть собственность въ отношеніи къ другимъ частнымъ людямъ, и слѣд. къ крестьянамъ. Ихъ право въ отношеніи къ намъ есть право пользованія наслѣдственнаго; дѣйствительно же оно разнится отъ нашего только степенью, а не характеромъ и подчиненностью другому началу — общинѣ. Таково отношеніе юридическое, вышедшее изъ обычая или создавшее обычай, и кто хочетъ этому отношенію нанести ударъ, тотъ хочетъ возмутить всѣ убѣжденія, всю сущность народа, а теперь только объ этомъ и хлопочутъ. Не позволительно намъ молчать и, признаюсь, я ожидаю отъ васъ изложенія этого начала. Нельзя вамъ высказать эту мысль пе-

*) Вопросъ крестьянскій. Въ качествѣ помощника дѣлопроизводителя при комитетѣ по устройству Лифляндскихъ крестьянъ, Самаринъ составилъ историческую записку о „мѣропріятіяхъ“ по этому устройству, и въ заключеніи выразилъ мысль о нераздѣльности крестьянъ съ землею и о возстановленіи права Лифляндскихъ крестьянъ на землю. Однимъ словомъ здѣсь (еще въ 1846 г.) впервыя логически формулована мысль, проведенная впослѣдствіи во всѣ его сочиненія и наконецъ въ дѣло,—т. е. мысль объ освобожденіи крестьянъ не иначе какъ съ землею. Вѣроятно онъ сообщилъ эту записку въ свое время Хомякову, и именно ее и разумѣетъ Хомяковъ въ въ своемъ письмѣ. Записка напечатана во 2-мъ томѣ сочиненій Самарина.

чатно въ ея реальной формѣ; но вы можете это высказать въ теоретическомъ отношеніи, и у васъ есть предлогъ. Отвѣчайте Кавелину, разумѣется не отвѣчая ему, а пользуясь только имъ какъ вызовомъ къ дальнѣйшему развитію и покажите (это необходимо), что юридическая антиномія разрѣшается, какъ антиноміи во всякомъ живомъ фактѣ, только самою жизненностію факта и можетъ разрѣшаться въ будущемъ только духовнымъ тождествомъ собственниковъ и владѣльцевъ. Если же собственники не рѣшатся на это, то они, становясь въ прямой враждѣ съ другимъ болѣе строго-историческимъ правомъ, должны напередъ раскланяться съ своимъ правомъ. Вы видите, что я не отвѣчаю на одинъ изъ вашихъ вопросовъ: не успѣлъ; но, позволяя себѣ вамъ дать совѣтъ, отчасти показываю, какъ я понялъ этотъ вопросъ. Покуда прощайте.

P. S. Читали ли вы статью Бѣляева въ Москвитянинѣ о поземельномъ правѣ въ Россіи? Она не полна, но вѣрна.

XII.

Марта 1-го (1849 г.)

Правда ли нѣтъ ли, а говорятъ, что сраженіе проигранное вами въ Ригѣ противъ *., любезный Юрій Θеодоровичъ, еще не совсѣмъ невозвратно погубило дѣло, и что теперь есть надежда возобновить войну съ большими надеждами на успѣхъ. Таковъ здѣсь слухъ, не знаю на чемъ основанный, и я ему очень порадовался бы, если бы могъ ему вѣрить. Великое дѣло эта Остзейская борьба: важная сама по себѣ и по началамъ, которыя другъ съ другомъ сражаются, она получила еще бо̀льшую важность отъ обстоятельствъ, и исходъ ея можетъ отчасти служить образцемъ того, чего намъ приходится ждать во всякомъ другомъ случаѣ, гдѣ встрѣтились бы тѣже обстоятельства и тѣже начала [1]). Очевидно, правительство въ отношеніи къ своимъ матеріальнымъ выгодамъ почти въ дѣлѣ не заинтересовано, и такъ оно не могло и не можетъ пользоваться тою простою опекою разсудочнаго расчета, которою болѣе или менѣе, вѣрно или не вѣрно, управляются его дѣйствія... Покуда являлись на сцену только мѣстные интересы или даже интересы сословные въ противорѣчіи противъ начала обобщающаго (какъ въ началѣ спора), рѣшеніе было не трудно: такими интересами у насъ не дорожатъ. Но въ дѣло вмѣшались другія силы, именно силы общества. Все общество, во всей цѣлости своихъ притя-

---

1) Слухъ былъ совершенно ложенъ. Въ первыхъ же числахъ этого мѣсяца Ю. Θ. Самаринъ, вслѣдствіе доносовъ со стороны своихъ Остзейскихъ антогонистовъ и Русскихъ ревнителей Остзейскихъ привилегій, о распространеніи имъ въ публикѣ своихъ превосходныхъ Рижскихъ писемъ (въ рукописи), былъ посаженъ въ крѣпость, откуда впрочемъ вскорѣ былъ выпущенъ съ повелѣніемъ ѣхать на службу въ Москву. Но въ Москвѣ на службѣ его не оставили, и послѣдовало новое повелѣніе ѣхать на службу въ Симбирскъ.

заній на Европеизмъ и на просвѣщеніе, почувствовало или почло себя затронутымъ, отъ Св. и Жуковскаго до самыхъ недосягаемыхъ кружковъ: оно вступило въ бой, и дѣло приняло другой оборотъ. *. явился уже не представителемъ правительства, но чиновникомъ общества, имѣющимъ силу отъ власти, но въ тоже время способнымъ и къ той глухой оппозиціи противъ власти, которая всегда скрывается въ нашемъ полу - европейскомъ бонъ - тонѣ. Дѣло наше, въ противуположность этому общественному направленію, получило значеніе простой правды, направленія духовнаго и народнаго. Олимпу пришлось выбирать между этими двумя направленіями, которыя безсознательно онъ самъ въ себѣ заключаетъ. Сперва перевѣсъ былъ на сторонѣ общества, теперь говорятъ о новомъ переломѣ. Справедливо ли это или нѣтъ, не знаю; но знаю только то, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ былъ бы для меня очень утѣшительнымъ пророчествомъ: ибо вся наша возможная дѣятельность должна быть ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ столкновеніемъ съ обществомъ. Чтò бы ни вышло изъ этой борьбы, а вы видите теперь, что вамъ въ Сибирь уѣзжать не приходилось. Я очень понимаю то чувство унынія, которое поневолѣ овладѣваетъ человѣкомъ, попытавшимся дѣйствовать и почувствовавшимъ почти невозможность дѣйствія; но нашъ мотто теперь долженъ быть въ Русской пословицѣ: дѣла не дѣлай, да отъ дѣла не бѣгай.

Конецъ прошлаго года и начало нынѣшняго показали намъ, что никогда нельзя угадать, чтò откуда возмется. Примѣръ великолѣпнѣйшій этой истины находится въ Окружномъ Посланіи [1]) и въ той тревогѣ, которая поднята имъ въ нашемъ духовномъ мірѣ. Кто ждалъ такого явленія? Кто повѣрилъ бы, что инстинктъ церковной истины дойдетъ до такого яснаго сознанія въ духовенствѣ мало просвѣщенномъ и глубоко-испорченномъ внѣшними обстоятельствами и своею схоластическою наукою? То, чтò мы говорили между собою и чего никто не смѣлъ и не могъ сказать или напечатать явно, высказывается во всемірное услышаніе: самое анти-іерархическое ученіе (разумѣя іерархію по Западному) проповѣдуется высшими іерархами нашей Церкви, и такъ просто, съ такою несомнѣнною увѣренностью, что кромѣ добровольно слѣпаго, всякій, слышащій слово, долженъ мгновенно увидѣть всю внутреннюю и свободную жизнь Православія. Это очень важно для насъ; надѣюсь, что это будетъ еще важнѣе для Запада, во сколько тамъ еще есть люди ищущіе правды. Я объ этомъ пишу Пальмеру. Истина духовная, разъ допущенная и сознанная, не

---

[1]) Окружное Посланіе восточныхъ патріарховъ въ отвѣтъ папѣ Пію IX, изданное въ Русскомъ переводѣ нашимъ св. Синодомъ, отдѣльною книжкою въ 1850 г. черезъ два года по его появленіи въ подлинникѣ. См. выше письмо къ А. И. Кошелеву; стр. 278. Въ немъ говорится между прочимъ, что «у насъ ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести что либо новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть тѣло Церкви, т. е. народъ».

ограничится и не можетъ ограничиться одною только областью догматики. Вѣра имѣетъ въ себѣ силу необходимо охватывающую всю жизнь; признаніе народа церковнаго хранителемъ истины, чѣмъ-то цѣлымъ и духовно-живущимъ, и погруженіе самой іерархіи въ народъ повлекутъ за собою другія послѣдствія не только въ жизни церковной, но и въ жизни общественной и гражданской; наконецъ, самый фактъ Окружнаго Посланія и проявленіе вселенства спокойнаго, самоувѣреннаго и живаго въ минуту всеобщей разрозненности и борьбы, подѣйствуютъ какъ весьма сильный толчокъ въ сферѣ духовной, хотя разумѣется, что мы не должны ждать отъ него мгновенныхъ послѣдствій, какъ отъ журнальной статьи или правительственной мѣры во Франціи. Вообще мы не можемъ ничего ожидать скораго, ибо всегда должны помнить, что борьба наша не въ крови и плоти. Тѣ, которые посвятили себя великому и всемірному труду Христіанскаго воспитанія (а внѣ этого труда мы и значенія никакого не имѣемъ), тѣ прежде всего должны быть терпѣливы. Скажите это пожалуйста Ивану Сергѣевичу [1]): онъ это забываетъ, забываетъ въ прекрасныхъ стихахъ, а все таки забывать не должно.—Не знаю, какъ взяться за хлопоты по извѣстному вамъ исповѣданію [2]). Надобно что нибудь сдѣлать у Филарета, да боюсь испортить.

Помня обѣщаніе данное вамъ въ деревнѣ, я записалъ кое-что въ программѣ у Александра Николаевича [3]). Чувствую, что этого мало и слишкомъ мало, и что изъ этого малаго еще менѣе можетъ пойти въ дѣло; но что же дѣлать? Мы не привыкли думать, и отъ того и придумать не умѣемъ. Польза по крайней мѣрѣ та, что все таки мы можемъ быть не безполезными другъ другу и наводить другъ друга на иную незамѣченную стежку. Что̀ одинъ замыслитъ, то другой домыслитъ. Главное дѣло у насъ: не вводить и не предлагать прямо и практически полезное, но пробуждать, уяснять или вводить нормы, согласныя съ правдою и истиннымъ Христіанствомъ.—Вотъ вамъ еще маленькій намекъ. Въ программѣ упомянулъ я объ expropriation forcée въ отношеніи къ крѣпостнымъ художникамъ [4]), Нормою кажется надобно бы поставить слѣдующее: правительство не можетъ давать того, чего само не имѣетъ. Разумѣется этотъ considérant остается при насъ; но такъ какъ умственныя и нравственныя силы лица̀ не принадлежатъ

---

[1]) Аксакову.

[2]) Разумѣется та статья, которая выдавалась прежде за переводъ съ Греческой рукописи. Была мысль испросить у митр. Филарета разрѣшенія для напечатанія ея, но кажется оставлена.

[3]) Попова.

[4]) Помнится, былъ какой-то случай, что правительство хотѣло выкупить у помѣщика замѣчательнаго художника изъ крѣпостныхъ; помѣщикъ заломилъ страшную цѣну, и возникъ „юридическій вопросъ“ объ „отчужденіи собственности“ этого рода и о нормѣ вознагражденія.

праву принудительному (правительство можетъ отъ меня требовать, чтобы я былъ солдатомъ, но не полководцемъ), очевидно помѣщикъ можетъ получить отъ правительства только физическую нормальную силу крѣпостнаго человѣка; а представленіе ея передъ закономъ есть въ своемъ maximum рекрутъ. И такъ свыше рекрутской квитанціи (кромѣ случая особыхъ издержекъ со стороны помѣщика) никакого требованія быть не можетъ. Это правило, безъ сомнѣнія, пригодится при многихъ законахъ, а при какихъ, вамъ въ Питерѣ виднѣе.

Еще: пожары нынѣшняго года причинили убытки неимовѣрные. Полиція вездѣ оказалась недостаточною по собственному ея сознанію; временная полиція была введена отъ обывателей и пр. Въ городахъ пристанныхъ, каковы Самара, Елецъ, Козловъ и др., также и въ сильноторговыхъ, должно бы ввести постоянную констабельную полицію отъ жителей, весьма немногочисленную, безплатную, никому не подсудную, съ своими центрами, гдѣ разборъ проступковъ словесный и совѣстный. Наказанія, т. е. исполненіе наказаній, поручается казенной полиціи, но судъ городовой. Мундировъ нѣтъ, кромѣ гривны на шеѣ; служба очередная понедѣльно, начальники по выбору отъ каждой части города на годъ, а они уже чередуются. Эта мѣра, покуда еще невозможная въ губернскихъ городахъ и почти безполезная въ большей части уѣздныхъ, была бы очень полезною въ уѣздныхъ складочныхъ и торговыхъ, гдѣ великій полицейскій разбой, а полиціи все таки нѣтъ. Она же могла бы быть и приготовительнымъ опытомъ для введенія городовой полиціи въ большемъ размѣрѣ. Ее бы надобно представить въ видѣ опыта, обѣщающаго экономическія выгоды.

Я опять принялся довольно крѣпко за свою работу, и меня это веселитъ. Пожалуйста пишите Аксакову, чтобы онъ трудился. Онъ сдѣлалъ кое-какія весьма остроумныя и важныя открытія въ первомъ періодѣ нашей Исторіи, которымъ онъ до сихъ поръ не занимался.

Чтеніе драмы графа Сологуба *) было не безъ успѣха; конецъ не годится никуда. Система ложная, но разговоръ живъ во многихъ мѣстахъ и вѣренъ. Скажу съ Аксаковымъ, что талантъ явенъ, но убитъ пустотою Петербургской жизни. Отъ этого у него раскольники гадкіе и смѣшные пискуны: здѣсь они не таковы, а у Сологуба они списаны съ Петербургскихъ мѣнялъ-скопцовъ.

Слухи объ Славянахъ въ Австріи идутъ страшные, будто они проданы Австріею. Правда или нѣтъ, не знаю; но я боюсь, какъ бы ихъ не погубили, хоть не навсегда, да опять на неизвѣстный срокъ.

Эманципаціонные разговоры здѣсь въ сильномъ ходу, и дѣло подвигается впередъ въ общемъ мнѣніи, если можно что нибудь назвать у насъ общимъ мнѣніемъ. Кошелевъ много помогаетъ, какъ человѣкъ признанный практическимъ.

---

*) „Стрѣлецкій бунтъ“.

Объ Москвѣ сказать вамъ нечего. Общее неудовольствіе г. губернаторомъ [1]). Признаютъ въ немъ пашу честнаго и благороднаго, но крайне необразованнаго и окруженнаго самымъ гнуснымъ гаремомъ, такъ что выходитъ гадость на гадости.

Меня Поповъ очень было озадачилъ моими ошибками въ правописаніи; я не признаю въ себѣ даже и возможности такихъ ошибокъ. Вы объяснили ихъ, и вотъ мое оправданіе: *Не*сколько не имѣетъ ничего общаго съ нѣкій, нѣкоторый. Эти два слова имѣютъ корнемъ Санскр.: эка, экатара, а Санскр. э у насъ соотвѣтствуетъ почти всегда буквѣ *ѣ*. Несколько содержитъ въ себѣ чистое отрицаніе. „Много ли было тутъ народа?" Крестьянинъ отвѣчаетъ: „Да несколько, баринъ". Таково же мнѣніе и Шевырева.

XIII [2]).

6 Авг. (1852 г.).

Какъ благодаренъ я вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, за ваше письмо! Какъ давно прямой вѣсти отъ васъ не имѣлъ и какъ пріятно было ее получить! Но за то, какъ ужъ и не во время попали ваши похвалы моей твердости! Письмо ваше я получилъ при самомъ отъѣздѣ въ Смоленскую деревню. Не знаю, слыхали ли вы, какое чудное мѣсто эти Липицы, какъ они, можно сказать, ненаглядно-хороши? Катя любила ихъ еще болѣе моего; она говаривала, что не отдала бы ихъ за Ричмондъ, который за границею нравился ей болѣе всего. Много я тамъ сдѣлалъ посадокъ при ней, но еще болѣе въ послѣдніе три года, въ которые ей не удавалось тамъ быть, и всѣ удались, и я думалъ ее обрадовать ими неожиданно потому, что она обо многихъ не слыхала. И все принялось, и все разрастается! Невѣроятная тоска напала на меня. Я старался не поддаваться, работалъ усердно, упрямо; ничто не помогало. Сердце не хотѣло отъ нея отступиться и передать ее иной высшей жизни. Долго длилась эта борьба, наконецъ миновалась; но никогда я не испытывалъ такъ сильно того, что можно назвать ревнивымъ эгоизмомъ любви: ибо горе было на перекоръ разуму и всѣмъ его убѣжденіямъ. Слава Богу, прошло. А письмо ваше обрадовало меня и по другой причинѣ: оно напомнило мнѣ письмо, которое давно уже получилъ я отъ васъ, совершенно неожиданно, въ минуту, когда вамъ яснѣе стали выказываться ваши внутреннія требованія. Мы его перечитывали вмѣстѣ нѣсколько разъ, и она взяла его къ себѣ на сохраненіе и очень имъ радовалась. Многое въ нынѣшнемъ напомнило мнѣ прежнее письмо. Да, я могу сказать, что я точно по-

---

[1]) Гр. Закревскимъ.

[2]) Въ Генварѣ этого года Алексѣй Степановичъ лишился своей, нѣжно любимой жены, Екатерины Михайловны, урожденной Языковой, родной сестры поэта-Языкова.

работалъ въ это время: и Семирамиду двинулъ впередъ значительно, и статью написалъ для Сборника, хотя существованіе самаго Сборника подвергается еще немалому сомнѣнію [1]). Прежде меня взялъ бы смѣхъ, если бы такое сомнѣніе существовало,—такъ неразумно всякое подозрѣніе на счетъ этого изданія; но теперь беретъ досада или, лучше сказать, горе. Когда жизнь потеряла свою чисто-личную прелесть и когда только то, что̀ можетъ быть полезнымъ, осталось доступнымъ: тогда грустно, что нельзя пользы приносить; а какую же пользу можемъ мы принести, если намъ нельзя будетъ другихъ людей наводить на добрый путь, тогда когда все сбиваетъ всѣхъ на ложныя дороги? Объ моей статьѣ и ея содержаніи вы уже вѣроятно слышали. Она отвѣтъ Кирѣевскому, и отчасти можно назвать её оправданіемъ современнаго противъ Старой Руси, не какъ лучшаго, но какъ законнаго и въ этомъ смыслѣ высшаго вывода изъ дурныхъ началъ, таившихся въ старинѣ. Безусловно-хорошею современность себя признать не можетъ; но ясно, что если она въ себѣ не сознаетъ хорошаго и дурнаго, она можетъ также впередъ пойти по дурному, какъ и по хорошему пути, ибо она не можетъ не идти какъ нибудь. Дурное начало, взятое ею изъ старины или то, что̀ дѣлало хорошее дурнымъ, она должна исключать изъ своей мысли, чтобы хорошее могло приносить плоды. Поэтому статья моя, чисто-историческая и нисколько не касающаяся прямо-современныхъ вопросовъ, могла бы быть полезною особенно въ томъ отношеніи, что она совершенно безстрастна и могла бы успокоить сдавленныя, но непогаснувшія страсти. Грустно, если не пустять въ ходъ изданія, которое принесло бы непремѣнно добрые плоды. Теперь пишу другое, для кого? Не знаю, хотя очень знаю, для чего. Это въ родѣ Исповѣданія Вѣры, или лучше сказать введенія въ исповѣданіе. Оно содержитъ отвѣтъ на обвиненія дѣлаемыя Православію и указанія на его характеръ, въ противуположности съ характеромъ Запада [2]). Думаю, по общему отзыву слышавшихъ, что въ ней много новаго. Даже Свербѣевъ хвалитъ. Скоро ее кончу, и опять за Семирамиду. Вотъ моя словесность. Жизнію своею доволенъ ли я? Нѣтъ; но кажется, что я не совсѣмъ такъ плохъ и слабъ, какъ былъ и боялся

---

[1]) Въ 1852 г. выданъ Московскій Сборникъ и изготовлялся къ изданію Сборникъ на 1853 г., въ которомъ и должна была быть помѣщена статья Хомякова. Но Сборникъ, представленный въ цензуру въ полномъ составѣ въ рукописи, былъ запрещенъ и удержанъ. По личному объясненію, данному издателю, онъ запрещенъ, „не столько за то, что̀ въ немъ сказано, сколько за то, что̀ умолчено"... Вмѣстѣ съ симъ состоялось повелѣніе: всѣмъ главнымъ участникамъ Сборника: Аксаковымъ, кн. Черкасскому, Хомякову, Кирѣевскимъ не иначе печатать свои статьи, какъ проведя черезъ Главное Управленіе Цензуры въ Петербургѣ (что̀ равнялось запрещенію); кромѣ того всѣ они отданы подъ полицейскій надзоръ. Эти мѣры были отмѣнены въ началѣ 1856 г., при новомъ царствованіи.

[2]) Здѣсь разумѣется Французская статья Хомякова: отвѣтъ г. Лоранси. Она была напечатана за границей, и въ Русскомъ переводѣ вошла во 2-й томъ его сочиненій.

снова сдѣлаться; но все еще лѣнивъ, лѣнивъ, и напряженіе тяжело. Другое дѣло у меня хорошо ладится: это уничтоженіе барщины. Даже неожиданно удалось сдѣлать сдѣлку, гдѣ и думать не могъ—въ Смоленской губ: съ двумя деревнями. Тутъ очень ясно оправдалась мысль Кошелева о нравственной пользѣ хозяйства. Сдѣлка вышла возможною вслѣдствіе удачнаго хозяйственнаго оборота, и какъ это меня порадовало и какъ это порадовало бы ее!

P. S. Я и забылъ вамъ сказать, что я пишу проѣздомъ черезъ Москву, отправляясь въ Тулу, а что медлилъ отвѣчать потому, что хотѣлъ писать черезъ васъ къ Княжескому *); но для этого жду отвѣта Кошелева, который еще не пишетъ.

Вы въ мірѣ богословов. Скажите имъ мою догадку, отчасти сходную, отчасти несходную съ св. Максимомъ Исповѣдникомъ. Я всегда предполагалъ въ первой части „Отче Нашъ" особенный смыслъ, и вотъ мнѣ кажется нѣкоторое объясненіе его. Павелъ говоритъ, что Духъ называетъ Бога отцомъ (Авва-отче); Ириней говоритъ: Духъ кладетъ вѣнецъ на божество, называя Отца отцомъ, и Сына сыномъ. Въ Символѣ, какъ и вездѣ, Сыну приписывается царство. И такъ „да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое и пр. значитъ: „да будешь прославленъ, какъ начало Духа имянующаго, да будешь прославленъ, какъ Отецъ Сына царствующаго и да будешь прославленъ какъ Самосущее и Самоначальное лицо, источникъ всего." Какъ вы думаете? Мнѣ кажется, это дѣло.

XIV.

Сентября 1-го 1852 г.

Посылаю вамъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, 200 рубл. сер. для бѣднаго Княжескаго. Объ миссіонерахъ Русской мысли грѣхъ сказать, чтобы они обогащались, какъ говорятъ объ Англичанахъ. Въ барышахъ не будешь съ нашею проповѣдью. Бѣдный Княжескій! Сколько лишеній, сколько заботъ, трудовъ и пожертвованій, а какая же награда? Ни сочувствія, ни уваженія. Много-много, если кто нибудь взглянетъ на него съ тѣмъ сострадательнымъ почтеніемъ, которое внушаютъ юродивые. Впрочемъ болѣе или менѣе мы всѣ въ этомъ похожи на Княжескаго съ тою только разницею, что мы еще находимся подъ подозрѣніемъ злоумышленности. Признаться должно, что постороннему зрителю, неспособному понять ту неволю, въ которой убѣжденія держатъ душу человѣка, мы всѣ должны представлять характеръ довольно комическій. Иногда эта мысль приходитъ мнѣ въ

*) Болгаринъ Княжескій, бывшій учителемъ въ своей странѣ и едва ли не первый изъ Болгаръ, появившійся въ Московскомъ обществѣ. Онъ пріѣзжалъ, чтобъ познакомиться съ Россіей, завязать сношенія съ обществомъ и найти поддержку для изданія Болгарскихъ книгъ для Болгарскихъ школъ.

голову и освѣжаетъ меня смѣхомъ, хоть разумѣется не совсѣмъ веселымъ. Аксаковъ вѣроятно нашелъ бы мало утѣшенія въ ней, но для меня она не совсѣмъ безполезна и способна придать мнѣ терпѣнія и крѣпости. Я вполнѣ понимаю того Австрійскаго солдата-Словака, котораго колотили палками за то, что онъ высунулся изъ фрунта и который хохоталъ подъ палками. Били, били, наконецъ, утомившись, спросили: „чему же ты хохочешь?"—„А какъ же не хохотать? Вѣдь изъ фрунта то высунулся не я, а сосѣдъ мой". Въ дѣтствѣ меня забавляло незаслуженное наказаніе, и я часто не хотѣлъ оправдываться, чтобы не лишаться своего внутренняго смѣха. Сознаюсь однако, что теперь во мнѣ менѣе противъ прежняго способности находить утѣшеніе въ комизмѣ, и часто беретъ досада и нетерпѣніе. За то, можетъ быть, болѣе противъ прежняго чувствуется потребность идти впередъ неослабно, и увѣренность, что убѣжденіе истинное сдѣлается общимъ, и что скажутъ спасибо даже многіе изъ тѣхъ, которые по простому непониманію сгнетаютъ насъ, еще болѣе на зло себѣ, чѣмъ намъ. Князь Львовъ отставленъ отъ цензорства, какъ слышно, не за пропускъ „Записокъ Охотника" Тургенева, но какъ предполагаютъ—за Сборникъ [1]). Жаль, что мы лишаемся хорошаго и разумнаго, и благонамѣреннаго цензора, но онъ конечно не пропадетъ. Думаю, что дѣло обошлось не безъ *., хотя Коссовичъ и распинается за него; вѣдь наивность Санскритолога извѣстна, и онъ не можетъ видѣть ничего дурнаго въ главнокомандующемъ пяти сотъ тысячъ книгъ, особенно же въ человѣкѣ, который купилъ для храненія въ Москвѣ все древлехранилище Погодина; впрочемъ, за это и всякій скажетъ спасибо.

Когда-то мы съ вами увидимся? Богъ вѣсть. А очень хотѣлось бы прочесть вамъ и статью, которую я далъ для Сборника, и которой вѣроятно никто изъ современниковъ не увидитъ въ печати, и Французскую статью, которая, какъ я вамъ сказалъ, служитъ какъ будто введеніемъ въ „Исповѣданіе Вѣры". Я думаю, она могла бы быть очень полезною; она чисто-полемическая противъ Западныхъ исповѣданій, особенно же противъ Католицизма Если бы была какая нибудь возможность ее напечатать, я бы очень радовался; но разумѣется не могу имѣть на этотъ счетъ никакой надежды, а между тѣмъ Пальмеръ, возвратясь изъ Греціи, огорченный и раздосадованный, попалъ въ настоящую осаду. Римляне очень ловко повели нападеніе и просятъ только одного: „Съѣзди въ Римъ! Ты былъ въ Петербургѣ, Аѳинахъ и Царьградѣ; справедливость требуетъ, чтобы ты побывалъ въ Римѣ". А ужъ только попадись онъ, такъ конечно онъ живымъ не выѣдетъ, развѣ Католикомъ [2]) Я къ нему пишу, но не могу надѣяться на успѣхъ, тогда когда всѣ тѣ, которые обязаны бы были содѣйствовать доброму дѣлу, ревностно стараются объ его неудачѣ.

---

[1]) Т. е. за Московскій Сборникъ.

[2]) Такъ и вышло.

XV.

11-го Декабря (1853 г.).

На сей разъ пишу вамъ только нѣсколько строкъ. Пріѣхавъ на дняхъ изъ Ивановскаго, узналъ я про ваше горе [1]) и не могу вамъ не сказать, что я глубоко и отъ всей души ему сочувствую. Болѣе сказать нечего; но я былъ бы не покоенъ въ душѣ, если бы этого вамъ не сказалъ. Много новыхъ заботъ и вѣроятно много новыхъ и можетъ быть не совсѣмъ легкихъ обязанностей должно вамъ будетъ принять теперь на себя; но вы имѣете силу со всѣмъ справиться, а мы всѣ рождены дѣйствовать по силамъ въ томъ кругѣ, въ который насъ Богъ послалъ. Всякій стоитъ на высшей службѣ, и Богъ вамъ поможетъ во всякомъ добрѣ. Будьте здоровы и крѣпки.

Отъ Пальмера получилъ на дняхъ письмо: брошюра печатается въ Парижѣ, по величайшему его содѣйствію и хлопотамъ, въ отвѣтъ на Laurentie.

XVI [2]).

Съ Богомъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, на новый нежданный путь. Новое время возвращаетъ насъ къ древности, когда служба государственная не дѣлилась еще на гражданскую и военную. Да будетъ воинъ вооруженнымъ гражданиномъ! Съ Богомъ! Мнѣ письмо ваше было только отчасти неожиданнымъ (помните, что вы почти ожидали этого выбора), но впечатлѣніе было очень странно. Грустно мнѣ было, да и не совсѣмъ грустно. Вашей жизни слѣдовало какъ-то пройти черезъ какое нибудь потрясеніе, чтобы выйти еще свѣжѣе и крѣпче. Отъ того-то на васъ въ послѣднее время и набѣгалъ не совсѣмъ законный сплинъ. Ваше письмо въ отношеніи ко мнѣ слишкомъ дружески-пристрастно. Мнѣ самому какъ-то сдается, что я свое дѣло въ общественной жизни почти отдѣлалъ, и поэтому мнѣ особенно хочется видѣть васъ всѣхъ крѣпкими и добрыми. По моему мнѣнію Богъ помогъ намъ, посредствомъ самыхъ неожиданныхъ обстоятельствъ, пробить ту вѣковую стѣну, за которую забили въ Россіи все земское начало; но въ пробитую брешь пройдете отчасти вы, а вполнѣ послѣдующіе за вами. Мои сверстники, также какъ и я самъ, дойдемъ только до гребня, если дойдемъ. Вотъ какъ говоритъ разсудокъ, а все таки я признаюсь, что самое пристрастіе вашей дружбы ко мнѣ меня тронуло и обрадовало. Что̀ еще сказать

[1]) Кончина Ѳ. В. Самарина, отца Юрія Ѳедоровича (род. 10 Авг. 1784, ум. 26 Нояб. 1853).

[2]) Лѣтомъ 1855 года Ю. Ѳ. Самаринъ поступилъ, по избранію, въ Симбирское ополченіе офицеромъ.

вамъ о вашемъ новомъ поприщѣ? Отъ души желаю, чтобы ни вамъ, ни И. С. Аксакову [1]) не быть подъ пулями; но мнѣ весело и очень весело, что вы такъ охотно идете на это дѣло. Берегите здоровье, сближайтесь съ кѣмъ только можно. Простите мнѣ, если теперь напомню вамъ давнишній упрекъ. Вы слишкомъ легко пренебрегаете людьми, конечно не людьми, какими ихъ Богъ дѣлаетъ, а людьми такими, какими ихъ дѣлаетъ общественная глупость. Не пренебрегайте и тѣми. Сѣйте гдѣ можно и сколько можно; гдѣ взойдетъ, того никто не возмется сказать. Время дѣла земскаго. Война внѣшняя должна породить миръ внутренній. Вѣрьте мнѣ, я вамъ идущимъ завидую. Ополченіе не армія, и если есть что нибудь мнѣ въ ополченіи не нравящееся—такъ это ополченіе дворцовыхъ стрѣлковъ. Всѣ ими радуются, и дѣйствительно прелесть на видъ; но это не то, что̀ нужно, это — jeunesse dorée, какое-то исключительное и аристократическое явленіе. Всѣ пляшутъ и поютъ порусски, но слишкомъ много пляски и пѣсни: тутъ нѣтъ думы народной; какъ будто Карловы кавалеры. Но и то правда, все это такъ молодо, что пожалуй иначе и быть не можетъ. За всѣмъ тѣмъ отсутствіе серьозности въ нихъ едва ли не происходитъ отъ отсутствія мѣстной стихіи. Сбродное можетъ быть всегда немного ненравственно. Кто у васъ начальникомъ? Благонадеженъ-ли? Кто дружинный? Можно ли будетъ добиться бороды? Всѣ эти мелочи важны.

Ваше порученіе на счетъ ружей [2]) хотѣлъ я исполнить тотъ часъ, но не скоро добьешься толка. Ныньче опять посылалъ, еще отвѣта не имѣю, а завтра самъ вторично ѣду въ Тулу и постараюсь переговорить съ начальникомъ завода -Самсоновымъ. Его очень хвалятъ; но я предупреждаю васъ, что надежды мало. Заказовъ бездна. Если назначутъ слишкомъ дальній срокъ, то я не рѣшусь заказывать. На всякій случай отвѣчайте мнѣ по теперешнему письму, чтобы времени не терять для заказа; а мое ружье все еще не готово [3]), хотя Гольтяковъ и увѣряетъ, что онъ пробовалъ его на 1200 шаговъ въ полподъема прицѣла, да ему вѣрить нельзя. O for an hour of Dundee! говоритъ старый горецъ въ арміи Mar'а. О хоть на двѣ недѣли Суворова въ Крыму! Pelissier просится, чтобы его побили, а мы вездѣ зѣваемъ, страшимся и теряемъ пушки. Боюсь, какъ бы не дозѣвались до сильнаго пораженія, и этотъ страхъ и все волненіе этой борьбы мѣшаетъ всякому разумному труду. Легче, сто разъ легче быть на мѣстѣ. Жаль и болѣе чѣмъ жаль, что мнѣ не удалось васъ видѣть. Письмо ваше меня не застало, и все таки я бы успѣлъ къ вамъ прокатиться; но здѣшніе, разсудивъ, что мнѣ нужно доставить письмо

---

[1]) И. С. Аксаковъ также поступилъ въ Серпуховскую дружину Московскаго ополченія.

[2]) Самаринъ просилъ Хомякова заказать нѣсколько десятковъ штуцеровъ для своей роты.

[3]) Хомяковъ самъ изобрѣлъ особое ружье.

поскорѣе, послали ко мнѣ нарочнаго. Нарочный со мною разъѣхался, и письмо ваше обратно изъ Данкова пришло только подъ Покровъ; а хотѣлось бы сказать вамъ тысячу вещей, о которыхъ писать нельзя. - Прощайте покуда. Будьте здоровы. Да сохранитъ васъ Богъ! Матушка вамъ поручила сказать, что она за васъ молится.

Князь Львовъ снова назначенъ цензоромъ.

XVII.

Окт. 17-го 1855 г.

Хлопоталъ я объ вашемъ порученіи немало, любезный Юрій Ѳедоровичъ, и совсѣмъ было потерялъ надежду исполнить его; вдругъ вчера получилъ при семъ прилагаемое письмо отъ начальника завода, и, уже не ожидая вашего отвѣта, чтобы только не терять времени и добраго случая, я рѣшился объявить свое согласіе, потому что вся разница въ цѣнѣ 9 р. сер.; а вещи вѣроятно гораздо лучше исполнены, чѣмъ обыкновенные штуцера. Я увѣренъ, что вы мое рѣшеніе одобрите. Въ отвѣтъ Самсонову я только поставилъ слѣдующее условіе: или мою браковку, или отвѣтственность завода за вѣрность и бой на 900 шаговъ по меньшей мѣрѣ. Объ доставкѣ къ вамъ я еще съ Самсоновымъ переговорю, а вы увѣдомьте меня, куда доставить.

Имѣете ли вы извѣстіе, куда именно васъ назначаютъ? Да напишите мнѣ поподробнѣе о составѣ дружины, т. е. офицерахъ и начальникахъ: все это мнѣ крайне хочется знать, чтобы сколько нибудь обрисовать себѣ вашу будущую жизнь. И. С. Аксаковъ уже теперь близокъ къ непріятелю, и не диво, если онъ на дняхъ будетъ участвовать въ дѣлахъ. Странная высадка около Кинбурна. Зимовать тутъ, кажется, нельзя, потому что лиманъ замерзаетъ; подняться по Бугу или Днѣпру и напасть на Николаевъ, кажется, вовсе невозможно. Какая же цѣль высадки? Мнѣ кажется, что у Англо-Французовъ намѣреніе отъ Кинбурна двинуться къ Перекопу съ Сѣвера, одновременно съ такимъ же движеніемъ съ Юга изъ Евпаторіи. Дай-то Богъ! Хоть мало-мальски будь смысла у нашихъ, и тогда ихъ можно будетъ уничтожить. Вѣдь до сихъ поръ въ глупостяхъ очередовались, а по моему соображенію очередь за ними, и Pelissier по своему характеру, если ужъ сдѣлаетъ глупость, сдѣлаетъ ее въ крупныхъ размѣрахъ. Слухи о смѣнѣ Горчакова и о назначеніи его военнымъ министромъ идутъ довольно сильно.—Вы, знаете, что я неожиданно попалъ въ переписку съ А. О. Смирновой по поводу статьи о Польшѣ *); знаете также, что я корреспондентъ неусердный; по думаю, что совершенно разрывать не должно, особенно, если мнѣ придется ѣхать въ Питеръ. Многое обѣщаетъ сильныя перемѣны. Я не говорю о томъ, о чемъ

*) Эта статья была доставлена А. О. Смирновой для передачи въ высшія сферы. Она не напечатана.

теперь всѣ говорятъ, о смѣнѣ Клейнмихеля. Но для меня важнѣе мелкія примѣты. Замѣтили ли вы въ Моск. Вѣд. въ статьѣ о Грановскомъ [1]) похвалу ему какъ общественному Русскому человѣку? Похвала эта была совсѣмъ несправедлива въ отношеніи къ нему; но очень важно то, что это смѣли сказать и напечатать. Царство Николая кончилось. Бѣдный Грановскій! Вы вѣрно о немъ пожалѣли. Мнѣ очень жаль его, хоть и знаю, что онъ себя пережилъ и что въ нихъ, даже въ лучшихъ, нѣтъ ничего такого, что̀ бы отвѣчало требованіямъ Россіи, особенно современной. Но жаль въ немъ прекраснаго таланта, благороднаго сердца, и любви къ просвѣщенію и способности согрѣвать другихъ. Жаль добраго врага. Его въ Вѣдомостяхъ помянули хорошо, и это весело видѣть; но забавно видѣть и ту хитрость, съ которою они своей партіи даютъ общественное значеніе, такъ сказать, исключительное. Конечно въ общественномъ значеніи Погодинъ Грановскому не чета.

Досадно и очень досадно, что годъ такъ для меня скверенъ въ хозяйствѣ. Приходится еще посидѣть въ деревнѣ, а хотѣлось бы въ Москву и похлопотать кое о чемъ въ дѣлѣ общемъ. Кошелевъ сильно возится съ журналомъ [2]). Нынче я отъ него объ журналѣ получилъ письмо. Что-то изъ всего движенія выйдетъ, а двигаться надобно.

XVIII.

(1855 г.).

У насъ съ вами, любезный Юрій Ѳедоровичъ, на счетъ штуцеровъ вышла, можетъ быть, катавасія, хотя можетъ и то быть (я даже это думаю), вы будете результатомъ довольны. Вы помните, что вы мнѣ писали: „не хлопочите уже о штуцерахъ; можно ихъ имѣть сколько угодно по 14 руб. сер. (что̀ между прочимъ едва ли справедливо; за эту цѣну можно только имѣть продороженныя ружья, которыя похуже) и пр.“ Я, уже закупивъ 30 штуцеровъ, стукнулъ себя по лбу, вскрикнулъ ай! и бросился къ начальнику завода. Вотъ дескать такъ и такъ: „Отъ заказа не отказываемся; но если можете, безъ потери для завода, сбыть ихъ кому другому, мы рады“. А между тѣмъ я все таки ихъ буду пробовать. Пробовалъ не разъ; здѣсь пробнаго станка нѣтъ (какова еще дикость!), а пробуютъ съ руки. Я повыучился стрѣлять и пріобрѣлъ нѣкоторую славу; но штуцерами я далеко не былъ доволенъ и тѣмъ болѣе желалъ оные сбыть. Думаю и вы также. За всѣмъ тѣмъ я уже отказаться не могъ, тѣмъ болѣе, что уже работали надъ пятью новыми. Вдругъ письмо отъ Шишкова (знакомый Аксакову):

---

1) Умершемъ 4 Октября 1855 г.

2) А. И. Кошелевъ хлопоталъ тогда о дозволеніи издавать Русскую Бесѣду, которую началъ издавать съ 1856 г. Новое царствованіе, какъ весна, обновило тогда всю Русскую жизнь, и все зацвѣло надеждами.

уступите вами заказанные штуцера! Я радъ-радехонекъ и сей-часъ далъ знать заводскому правленію. Въ тотъ же день получаю я отъ васъ письмо, что вы деньги высылаете на 25 штуцеровъ, а вскорѣ и извѣщеніе изъ Серпухова (куда по ошибкѣ онѣ адресованы), что деньги получены на мое имя. Я не видалъ тутъ никакой причины отказаться отъ своего согласія на передачу Шишкову: 1-е, потому, что вамъ они, кажется, не очень то нужны (и я васъ считаю въ этомъ совершенно правымъ); 2-е, потому, что ихъ больше, чѣмъ требуется; 3-е, потому, что я ими далеко не доволенъ. Деньги же отдамъ въ Москвѣ вашей конторѣ, такъ какъ я туда на дняхъ буду. Надѣюсь, что вы этимъ будете довольны, хотя все таки тутъ нѣкоторая произошла катавасія. Впрочемъ ничьего имени кромѣ своего я не вмѣшивалъ. Объ своемъ же штуцерѣ скажу вамъ просто чудеса. Всѣ расчеты мои оправдались. Во первыхъ, Гольтяковъ далъ ему такую вѣрность, что на 400 шаговъ онъ у меня два раза сряду безъ промаха попалъ въ сухую ивку или лозинку въ $4\frac{1}{2}$ вершка толщины [1]); во вторыхъ, на версту пробиваетъ четырехъ-вершковой щитъ на вылетъ, и пуля еще уходитъ въ неизвѣстныя страны. Мятели помѣшали до сихъ поръ его испытать далѣе версты, но по всѣмъ вѣроятностямъ изъ него можно будетъ стрѣлять по астрономическимъ выкладкамъ изъ Перекопа въ любую сторону Крыма, гдѣ бы ни былъ непріятельскій лагерь! Каково будетъ положеніе Пелисье? Впрочемъ честь и слава Гольтякову, не смотря на медленность работы: онъ очевидно ею дорожилъ. Разумѣется штуцеръ въ 23 фунта вѣсу не для стрѣльбы съ руки, а съ хорошихъ подсошекъ съ подушкою, чтобы удержать отдачу, впрочемъ не изъ рукъ вонъ сильную. Вотъ мой успѣхъ по военному дѣлу. Будетъ ли успѣхъ въ Питерѣ по военному вѣдомству? А по вѣдомству министерства просвѣщенія успѣха нѣтъ, какъ вы уже вѣроятно знаете и какъ я отчасти ожидалъ. Намъ еще не отказали [2]), но и не разрѣшили, и очевидно желаніе есть отказать, между тѣмъ какъ Каткову разрѣшено. Предлогъ, по которому Кошелевскій журналъ признается неблагонадежнымъ, тотъ, что Кошелевъ связался съ людьми опальными, между тѣмъ изъ этихъ опальныхъ двое Аксаковыхъ допущены въ объявленіи отъ Каткова [3]). По этому собственно боятся только духа журнала, который будетъ нами опредѣленъ, а статьи наши могутъ быть допущены въ изданіяхъ осредне-соливающихъ нашу кислоту. Но чего же просить отъ Н. и Д? Что-то скажетъ Питеръ? Не скрываю, что у меня надеждъ мало. Гильфердингъ прислалъ мнѣ два экземпляра моей второй брошюры [4]). Про-

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ. Вѣроятно какая нибудь описка.

[2]) Въ изданіи Р. Бесѣды.

[3]) Въ объявленіи объ изданіи Русскаго Вѣстника въ числѣ сотрудниковъ названы „Аксаковы“.

[4]) Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ, молодой пріятель Хомякова, только въ 1852 окончившій курсъ въ М. Университетѣ. Вторая Французская богословская статья

тивъ Французскаго изданія опечатокъ многонько, но изданіе хорошо. Не скрою, что мнѣ особенно было весело прочесть примѣчаніе о рабствѣ. За границею ея не читаютъ, хотя она во всѣхъ мѣстахъ. Вопросъ Восточный надоѣлъ, а по заглавію думаютъ, что она о вопросѣ Восточномъ. Я думаю, что если бы знали, что она чисто-богословская, читали бы и того меньше. Гильфердингъ совѣтуетъ перевести и напечатать для Славянъ. Жаль денегъ, а едва ли это не обязанность хоть испытать. Какъ вы думаете?

XIX [1]).

Ждали мы васъ, ждали, любезный Юрій Ѳедоровичъ, а теперь вамъ и ѣхать сюда нельзя. А какъ вы были бы здѣсь нужны [2])! Вы меня знаете; знаете, что я не совсѣмъ диѳирамбическаго расположенія, какъ нашъ общій другъ, и нелегко поддаюся увлеченіямъ; но все же долженъ признаться, что время довольно живое. Одинъ обращикъ даже и то, что объ моей поѣздкѣ въ Питеръ напечатана въ le Nord шутовская статья. Очевидно, наша общественная жизнь получаетъ какое-то новое значеніе. На долго ли? Къ добру ли? Это вопросы, которыхъ рѣшеніе предоставлено времени; но слава Богу, что хоть до вопросовъ дожили. Кошелевъ утопаетъ въ радости, не успѣваетъ все перехлопотать; Аксаковъ нѣсколько подгулялъ и съ Сакенскаго обѣда [3]) не совсѣмъ протрезвляется, а Погодинъ просто пьянъ и наслаждается своимъ пьянствомъ. Разумѣется, во всемъ этомъ много излишества, и скажу болѣе, много опасности для самой чистоты и трезвенности мысли; но все таки не безрадостно видѣть это оживленіе; тѣмъ болѣе, что во многихъ оно пробудило охоту къ занятію серьозному и дѣльному. Чудная вещь, вообразите: еще Бесѣда не выходила, а ужъ бесѣды въ Москвѣ сдѣлались по прежнему крикливы съ одной программы. Что же будетъ, когда она выйдетъ въ силѣ? Западъ сначала очень къ ней казался благосклоннымъ; но была ли это только маска или недолговѣчная добродѣтель, а ужъ теперь перемѣнилось; впрочемъ, К. и другіе порядочные изъ нихъ говорили мнѣ въ Питерѣ: „мы съ вами несогласны и не будемъ согласны, а это признаемъ: отъ васъ только мо-

---

Хомякова, напечатана была не въ Парижѣ, какъ первая, а въ Лейпцигѣ въ 1855 г., но также какъ первая была недозволена ко ввозу въ Россію.

[1]) Писано, вѣроятно, въ Апрѣлѣ 1856 года.

[2]) „Дочитавъ письмо, увидите, что не нужны". Приписка подъ страницей самого Хомякова.

[3]) Обѣдъ, данный въ Москвѣ начальнику Севастопольскаго гарнизона графу Сакену, на которомъ К. С. Аксаковъ провозгласилъ тостъ „за общественное мнѣніе", принятый съ шумнымъ, единодушнымъ восторгомъ. Это считалось тогда истиннымъ завоеваніемъ, чѣмъ-то необычайнымъ, и чтобъ провозгласить подобный тостъ потребна была отвага К. Сергѣевича! Письмо Хомякова живо характеризуетъ эту эпоху обновленія и возрожденія послѣ тридцатилѣтняго удушья.

жетъ услышаться первое серьозное слово; намъ оно рѣшительно не дается". Вслѣдствіе этого ли убѣжденія или отъ чего другаго, Современникъ (котораго первые нумера истинно славные) зоветъ къ себѣ въ критики рѣшительнаго Славянофила, Григорьева [1]). Впрочемъ еще есть другое объясненіе: не выдумали ли Петербургскіе политики, что такъ какъ ужь нельзя избавиться отъ славянофильства, такъ нельзя ли сдѣлать свое, ручное, въ противуположность нашему-дикому? Slavenophilismus ad usum freilinarum. Замѣнить натуральную оспу коровьею. Какъ вы думаете? Господи, сколько бы хотѣлось вамъ разсказать, и эффектъ произведенный дерзостью моего зипуна въ Петербургскихъ салонахъ, и пугливую дружбу Норова [2])... Впрочемъ это все комеражи; а гораздо серьознѣе, какія статьи намъ даютъ въ Бесѣду и что за сокровище мои филологическій комаръ, обратившійся въ пчелку златую и принесшій изъ путешествія своего истинныя сокровища, напр:—письмо современника о великомъ князѣ св. Владимірѣ и Печенѣгахъ!!! Другое, его собственное письмо о Лузичахъ, просто чудо [2]). А сказать ли вамъ всю правду, хоть не лестную? Были бы вы и И. С. Аксаковъ здѣсь, я былъ бы очень, очень радъ; а что васъ обоихъ здѣсь нѣтъ, я едва ли не болѣе еще радъ. Во первыхъ, за васъ: поохотьтесь на Волжскомъ разливѣ, вѣдь это чудо, дохните тихимъ воздухомъ степей, право будетъ вамъ веселое воспоминанье; а потомъ, за васъ обоихъ и за насъ. Вамъ скучненько, и это хорошо. Здѣсь ходитъ маленькій хмѣль, отъ котораго трудно отбиться (самъ я боюсь, вполнѣ ли я свободенъ, и даже нѣтъ ли слѣдовъ его въ моемъ письмѣ; о другихъ и говорить нечего). Вы, И. С. Акс. и И. В. Кирѣевскій въ деревнѣ. Я думаю, вы насъ отрезвите, когда подъѣдете. Средства не затемнили бы намъ цѣли, той тихой, строгой, исторической, можно сказать, святой цѣли, которая была намъ ясна въ тишинѣ посланнаго намъ испытанія, не огневаго, а сгнетающаго, — ледянаго. Я отчасти предвидѣлъ теперешнее искушеніе и осенью писалъ объ немъ къ К. С. Аксакову съ текстомъ: „нѣсть наша брань къ плоти и крови и пр." Онъ, разумѣется, соглашался и теперь соглашается, но на дѣлѣ удержу ужъ нѣтъ. Эпиграфы наши хороши. Одинъ вамъ извѣстный, предложенный Аксаковымъ: „только кореньемъ дерево крѣпко и пр:" [3]) а другой отъ Филиппова [4]): „Господь дастъ благость, и земля дастъ плодъ свой". Страшно подумать, что надобно поворотить и откуда! Какой пропѣть канонъ по

---

[1]) Аполлона Александровича.

[2]) Подъ „комаромъ" Хомяковъ разумѣетъ здѣсь А. Ѳ. Гильфердинга, имѣвшаго очень тонкій голосъ. Отъ проѣзжалъ лѣтомъ по Славянскимъ землямъ.

[3]) „Только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?" Изъ окружнаго посланія патріарха Гермогена. Одинъ только этотъ эпиграфъ и былъ принятъ редакціей Бесѣды и стоялъ на всѣхъ ея 20 томахъ.

[4]) Тертія Ивановича, теперь товарища государственнаго контролера.

каянія, какое нужно упорство воли, строгость занятій, жаръ любви, и какъ мы всѣ привыкли жить, какъ живется. Счастливы тѣ, которые этого не видятъ или, видя, не падутъ духомъ. Будьте здоровы и не скучайте, а любуйтесь на Божій міръ, да пишите что нибудь передъ нимъ и передъ собою. Не шутя, я жду отъ васъ отрезвленія для насъ.

Въ Пит. уже слишкомъ 400 проэктовъ эманципаціонныхъ и просятъ болѣе и болѣе. Тутъ много утѣшительнаго, хотя ужъ по числу сочувствующихъ, хотя бы въ самыхъ проэктахъ и мало было толку.

XX [1]).

Письмо ваше, любезный Юрій Ѳедоровичъ, уже не застало вашей статьи. Она вмѣстѣ съ моею отправлена была къ Бартеневу, впрочемъ съ оговоркою, что вы, можетъ быть, пришлете другой экземпляръ съ измѣненіями. (Вѣдь вы мнѣ такъ въ Москвѣ говорили). Впрочемъ она такъ хороша, что кажется и мѣнять нечего. За свою статью боюсь гнѣва Кошелева: скажетъ, слишкомъ зла. Я всячески старался быть вѣжливымъ, но какъ-то самому сдается, что за вѣжливость мою спасибо не скажутъ. Шеншинъ [2]), который былъ у меня 28 числа, вашимъ письмомъ нѣсколько оскорбился. Будто бы онъ въ пессимизмѣ недоросль! Увѣряетъ, что не хуже вашего можетъ все видѣть въ самомъ мрачномъ видѣ; а по правдѣ онъ довольно бодръ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ черезъ чуръ крѣпко засыпаетъ подъ чтеніе пріятельскихъ статей, что я испыталъ, когда читалъ его женѣ отрывки изъ брошюры, еще не конченной по милости Соловьева, но уже близкой къ концу. Въ ней очень много новаго, и я надѣюсь, что Нѣмцы, читая ее, не разъ приставятъ указательный палецъ къ концу носа или ко лбу въ самомъ глубокомъ раздумьи.

Дмитрій [3]), къ крайнему удивленію всѣхъ рясоносцевъ, поступилъ на мѣсто Иннокентія. Необычайное повышеніе. Ему же поручится Болгарское дѣло [4]). Я объ немъ уже говорилъ и нашелъ большое сочувствіе. Намъ, можетъ быть, можно будетъ сильнѣе за это дѣло приняться, чѣмъ прежде. Дмитрій не эгоистъ, какъ его предшественникъ. Любопытна одна подробность смерти Иннокентія. Онъ выѣзжалъ, хотя чувствовалъ себя не хорошо и принималъ гостей. Сидѣлъ у него Стро-

[1]) Лѣтомъ 1857 г.

[2]) Николай Васильевичъ, бывшій во время войны адъютантъ военнаго министра, и въ этомъ званіи исполнившій опасное порученіе: переодѣтый рыбакомъ пробрался онъ на лодкѣ въ Бомарзундъ уже окруженный непріятелемъ, чтобъ передать повелѣнія Государя. Въ памяти всѣхъ его друзей сохранился свѣтлый, симпатичный образъ этого чистаго, благороднаго человѣка. Онъ скончался въ 1858 г., когда только что начались работы въ Петерб. Губернскомъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, въ которомъ онъ принялъ самое горячее участіе. Его біографія въ Р. Архивѣ 1864.

[3]) Тульскій епископъ, нынѣ архіепископъ Волынскій.

[4]) Т. е. церковное дѣло Болгаръ съ Греками.

гановъ вечеромъ, и разговоръ шелъ обыкновенный. Вдругъ ударили въ колоколъ ко всенощной въ его крестовой церкви. Онъ обратился къ Строганову: „Слышите? Ударили къ панихидѣ“. — „Что вы, ваше преосв., это ко всенощной“.—„Нѣтъ, это къ панихидѣ: звукъ очень пріятенъ“. Это былъ какъ будто минутный бредъ. Затѣмъ онъ съ гостьми простился, прилегъ спать и кончилъ.

Аксаковъ проклинаетъ Молву: хотя подписка идетъ хорошо, но вражда кипитъ, журналы ругаются, и это его разстроиваетъ. Я отчасти этому радъ. Его premier Moscou объ общественномъ мнѣніи очень не дуренъ или лучше сказать, просто хорошъ, и очень смѣлъ. Пошлите хоть что нибудь въ Молву. Я туда маленькіе вклады посылаю.

Отъ стараго Гильфердинга получилъ письмо. Сынъ его славную выкинулъ штуку въ Сараевѣ: взялъ всякія рекомендательныя письма отъ филологовъ къ своимъ со-консуламъ и теперь, подъ предлогомъ лингвистики, получаетъ отъ нихъ всякое содѣйствіе. Вотъ каковы мы филологи! А что я открылъ? Какое сокровище! Я сообщаю Аксакову: процессъ составленія Греческаго medium и Латинскаго депонента. Каково!

XXI.

Октября 3-го (1858 г.)

Sumas
Historiae Senatus Anglici temporibus Tudor quolibet autore librum.
Misce fiat cum
Historiae Germaniae seculo XVII-mo.
Recipe paginam pro dosi [1]).

Вотъ любезный Юрій Θедоровичъ, лѣкарство для васъ, за которое ручаюсь. Мы живемъ и дѣйствуемъ въ современной исторіи и, забывая исторію, требуемъ не-историческихъ явленій. Я глубоко понимаю и чувствую ваше чувство; думаю, что оно то самое, которое выражено мною въ пьесѣ, можетъ быть самой личной изо всѣхъ мною писанныхъ (словъ не помню, но прошу Бога послать пророка и дать людямъ уши для слушанія его). Дурно бы было, когда у насъ не было бы этого чувства; не хорошо, когда этому чувству мы позволяемъ преобладать. Медленнаго явленія жизни міровой не довольно для насъ. Давай Господи чуда! Изъ темнаго гноища Цареградской патріархіи вышло слово вдохновеннаго Христіанства [2]); изъ цвѣтнаго гноища Петербургской ямы вышло слово, вызывающее милліоны на свободу и на жизнь умственную: это чудеса. Мало! Давай Господи чудесъ по нашему рисунку, и людей для пониманія этихъ чудесъ, и для вос-

[1]) Возми книгу, какого нибудь автора исторіи Англійскаго сената временъ Тюдоровъ, вели смѣшать съ исторіею Германіи XVII вѣка, принимай каждый разъ по страницѣ.

[2]) Намекъ на окружное посланіе патріарховъ, см. выше.

пріятія ихъ въ свои сердца! Вѣковая апатія, со дня на день усиливавшаяся, должна исчезнуть въ одинъ мигъ?! Привычки, устарѣвшія или лучше сказать, уматорѣвшія и въ тоже время еще питаемыя всѣмъ современнымъ строемъ, должны быть брошены разомъ?! На всѣхъ язвахъ должно вдругъ нарости румяное тѣло?! Возможно ли? Правда, пророкъ говоритъ: „ты очистишь меня, и проказа моя ссыплется съ членовъ моихъ какъ мука, и плоть моя выйдетъ изъ-подъ нея румяна, какъ плоть новорожденнаго младенца“ (что-то въ этомъ смыслѣ: подлинныхъ словъ не помню); но такое личное обновленіе не принадлежитъ обществамъ. Простите меня, что я такъ рѣзко вамъ отвѣчаю, но вы сами пишете о себѣ, какъ о больномъ, а болѣзнь ваша моя болѣзнь: это вы конечно знаете безъ всякихъ отъ меня увѣреній. Въ васъ, говорите вы, есть чувство саморазложенія, вѣрю; но кромѣ того знаю, что это чувство обманчиво и что его начало—недостатокъ вѣры въ силу правды. Не въ правдѣ сомнѣваетесь вы, а въ ея силѣ; и это сомнѣніе ростетъ у васъ въ то самое время, когда вы напрягаете всѣ свои личныя силы на ея службу въ данномъ, теперешнемъ случаѣ. Разумѣется это сокрушитъ хоть кого; но гдѣ же право на сомнѣніе? „Magna est veritas et praevalebit“*), сказано давно и сказано навсегда. Горько, тяжело современное; но говорю съ полнымъ безпристрастіемъ. Тѣло, оголившееся отъ мазей, которыми его смазывали или штукатурили, далеко еще не такъ гнусно, какъ я ожидалъ. Правда, общество пляшетъ, дворянство играетъ въ карты, чиновникъ крадетъ, попъ мѣняетъ каноны на гривенники; да вѣдь это дѣлали всегда; разомъ не перемѣнишься. И тогда, когда придетъ Сынъ Человѣческій, развѣ не тоже онъ найдетъ? Міръ, плетущійся по своимъ привычнымъ колеямъ. Изъ чего же биться? Если бы вы не полагали лучшаго возможнымъ, если бы вы нигдѣ его не видали на землѣ: вы не приходили бы ни въ негодованіе, ни въ уныніе, когда вы не видите его въ Россіи. Правда, это лучшее только сравнительно лучше и разумнѣе; но къ нему обязаны мы стремиться, и оно будетъ достигнуто. Надежда также обязательна, какъ вѣра и любовь. Горькое чувство современныхъ болѣзней и особенно безчувственности больныхъ къ своимъ болѣзнямъ въ васъ теперь особенно сильно. Думаю, что это приписать можно двумъ причинамъ: во первыхъ, двумъ ударамъ поразившимъ насъ почти одновременно и, правду сказать, это такіе два удара, которые не легко перенести (смерть Шеншина меня съ ногъ сбила); во вторыхъ, силѣ, съ которой вы, къ великой похвалѣ вашей, обратились къ труду. Если съ трудомъ не ростетъ надежда, онъ гнететъ человѣка, и дурное, противъ котораго борешься, кажется съ каждымъ днемъ и грознѣе, и хуже. Но я не могу повѣрить, чтобы въ васъ надежды не было; мнѣ кажется только,

*) Велика истина и превозможетъ.

что въ васъ надежда подавлена нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Невольно забываете вы, что та борьба, въ которую мы вступили, есть только отрывокъ не только вѣковой, но и вѣчной борьбы, на которую осуждено человѣчество, и что въ каждую эпоху побѣда правды отхватываетъ отъ лжи такія маленькія лехи, что современники ихъ почти не замѣчаютъ: только наростаніемъ составляютъ они что нибудь важное. Я скажу болѣе: плохо дѣло, когда эпоха радуется какому нибудь великому пріобрѣтенію; того и смотри, слѣдующимъ придется дорого за него поплатиться. Только медленно и едва замѣтно творящееся полезно и жизненно; все быстрое идетъ къ болѣзнямъ. Пусть будутъ балы вечеромъ и молебны поутру, какъ прежде, бѣга и скачки; пусть все идетъ своимъ путемъ или хоть безпутіемъ. Дѣло общественное совершится съ успѣхомъ. Я радуюсь малой пробужденности общества (полной летаргіи не признаю). При теперешнихъ умственныхъ данныхъ бо́льшая пробужденность пугала бы меня: она была бы явленіемъ лихорадочнымъ. Строй общественный долженъ быть приложеніемъ внутренней жизни народовъ къ ихъ жизни внѣшней, но готова ли внутренняя жизнь къ проявленію? Воспитана ли она? На сколько въ ней зрѣлости? Вспомните ее за 25 лѣтъ. Вы, Акс., Кир., Кошелевъ и всѣ мы, были ли возможны? Недавнее время воспитало насъ, а мы очевидно опередили другихъ, и такъ—все дѣло въ воспитаніи. Мы передовые; а вотъ правило, котораго въ исторіяхъ нѣтъ, но которое въ исторіи несомнѣнно: передовые люди не могутъ быть двигателями своей эпохи: они движутъ слѣдующую, потому что современные имъ люди еще не готовы. Развѣ къ старости иной счастливецъ доживетъ до начала проявленія своей собственной, долго носимой мысли. Разумѣется, люди во власти (какъ Петръ) составляютъ исключеніе; но и это даже сомнительно, ибо и они дѣлаютъ не то что хотятъ въ смыслѣ положительномъ, а успѣхъ ихъ по преимуществу выражается въ фактическомъ отрицаніи. Мы (я возвращаюсь къ состоянію общественнаго здоровья, которое можно видѣть изъ частныхъ случаевъ) мы еще счастливы. Добро пробивается сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. То невольное признаніе, которое нашего милаго Шеншина призвало къ дѣлу *), Кошелева, Черкасскаго, васъ, развѣ оно ничего не значитъ? Или это безсознательно? Утвердительно говорю, что оно вполнѣ сознательно; это очень ясно изъ рѣчи говоренной Государемъ Московскимъ предводителямъ. Неужели не важно то обстоятельство, что имя ваше и Кошелева сдѣлались притчами, привлекая или отталкивая, по всей Великороссіи? Я знаю это не по догадкѣ, а потому что было говорено громко десятками на выборахъ. Конечно наши выборы были не хороши, но гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать. Напр. Бѣлевскій уѣздъ выбралъ трехъ самыхъ отъявленныхъ

*) Т. е. по устройству крестьянъ.

эманципаторовъ, Елагина Н. А., Черкасова и Павлова, брата Верейскаго предводителя; и много другихъ обстоятельствъ было весьма успокоительныхъ. Прямыхъ дѣйствій мы не видимъ или мало отъ нашихъ усилій, но косвенныхъ и въ тоже время несомнѣнныхъ мы не можемъ отрицать. Посмотрите напр. на одно. Кокоревъ [1]) причисленъ къ намъ, и намъ попрекаютъ Кокоревымъ, и заставляютъ его крѣпче за насъ держаться. Кокоревъ беретъ огромный откупъ, и какое же его первое дѣйствіе?—Уничтоженіе откупа. Вотъ дѣло государственное, проходящее Богъ знаетъ какимъ неправильнымъ путемъ изъ области нравственной (а не правительственной) теоріи въ практику и обѣщающее огромное развитіе. Поглядите въ даль: общины признаны какъ необходимость, а дворянство удержано. Увидите непремѣнное послѣдствіе: ихъ придется связать временною формою попечительства (вѣроятно избирательною), и нравственная связь возникнетъ. Я ее считаю необходимою теперь для придачи силы общинѣ, которая въ попечителѣ получитъ единство и смѣлость противъ своихъ собственныхъ негодяевъ, которые ее пугаютъ угрозою пожаровъ или порчъ и т. д. Все это повлечетъ опять полную перемѣну судовъ и администраціи. Очень важно отстраненіе уѣздныхъ губернаторовъ [2]); кажется, оно вѣрно, а это была страшная попытка упирающагося дисциплинаризма. Правда, всѣ перемѣны пойдутъ какъ будто случайно, какъ будто на удачу; но дѣйствительно онѣ будутъ связаны между собою логикою тайной несознанной теоріи, и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ охватятъ самый важный, до сихъ поръ неприступный и неколебимый, но уже теперь встревоженный міръ духовенства. Мы съ вами еще увидимъ хлѣбъ въ краскѣ, хоть зеленей еще настоящихъ не увидимъ.

Какъ горько мнѣ вспомнить о Шеншинѣ! Что-то въ его смерти мнѣ напоминаетъ смерть Валуева. Области ихъ внутренней жизни, т. е. ихъ стремленій, были разныя. Одинъ, чисто-отвлеченный, другой чисто-практическій; но въ обоихъ какая-то младенческая чистота и преданность дѣлу. Не знаю, то ли вы чувствуете; но мнѣ кажется, что я выразилъ бы ихъ отношеніе къ намъ Французскимъ словомъ: c'étaient les enfants de la famille. Въ Валуевѣ было гораздо болѣе самодѣятельности и иниціативы, область его была шире; но мысль моя невольно сближаетъ обѣ потери. Не легка и смерть Иванова; но онъ, слава Богу, уже совершилъ великое, и я увѣренъ, что для художества онъ не умеръ. Мы другъ друга очень полюбили; по крайней мѣрѣ за себя-то я ручаюсь: я и теперь безпрестанно вижу его большіе, задумчивые глаза, всегда что-то разглядывающіе въ себѣ или внѣ себя, но чего въ окружающихъ предметахъ не было. Они странно мнѣ

[1]) В. А. Кокоревъ жилъ тогда въ Москвѣ, гдѣ очень сблизился съ Погодинымъ, чрезъ котораго и познакомился со многими изъ лицъ такъ называемаго „Московскаго направленія“.

[2]) Былъ проектъ учредить губернаторовъ по уѣздамъ.

напомнили при первой встрѣчѣ глаза схимника Амфилохія, котораго я видѣлъ въ дѣтствѣ въ Ростовѣ. Странно сплетается духовный міръ при всей кажущейся разрозненности.

Вы требуете отъ меня философскихъ писемъ: я въ долгу и собираюсь свой долгъ выплатить. Кромѣ того Кошелевъ требуетъ разбора Гогоцкаго [1]); это идетъ прямо къ дѣлу. Разумѣется, я разбора писать не могу, но напишу по случаю Гогоцкаго. Я уже цѣлый мѣсяцъ стараюсь уяснить себѣ задачу и самую точку отправленія. Трудно и головоломно, но уже принимаюсь за перо. Только Веневитиновъ и Комаровскій [2]) найдутъ меня темнымъ, какъ они мнѣ объявили въ Петербургѣ.

Прощайте покуда, любезный Юрій Ѳедоровичъ; будьте здоровы и бодры. Охотьтесь при этомъ, если можно и дайте нѣкоторыя минуты физической жизни: я думаю, это необходимо. Я дѣлаю любопытные опыты по земледѣлію. Одинъ очень удался, постараюсь обобщить его результатъ.

Что за уморительная исторія вашего Самарскаго перепуга [3])? Московск. Вѣдом. ее напечатали, не воображая, какой это великолѣпный памятникъ для исторіи. Гдѣ же были помѣщики? Становой и станціонный чудныя лица, но попъ просто совершенство. Я въ него влюбился. Вѣдь онъ прямо выскочилъ изъ среднихъ вѣковъ; онъ видитъ опасность и не относится къ властямъ, а просто, какъ пастырь, зоветъ вооруженныхъ Христіанъ-казаковъ. Наивная и трогательная каррикатура Гермогена. Въ этомъ смѣшномъ явленіи есть много хорошаго in der Potenz.

XXII.

Письмецо это доставитъ вамъ Дмитрій Сергѣевичъ Арсеньевъ, братъ Ев. С. Шеншиной, славный человѣкъ и во многомъ, если не ошибаюсь, напоминающій нашего милаго Николая Васильевича. Онъ

---

[1]) Философскаго лексикона Гогоцкаго, профессора Кіевскаго Университета.

[2]) Алексѣй Владиміровичъ Веневитиновъ, братъ поэта, другъ дѣтства А. С. Хомякова; графъ Комаровскій, Евграфъ Евграфовичъ.

[3]) Исторія въ томъ, что въ одномъ изъ восточныхъ уѣздовъ Самарской губ. крестьяне двухъ сосѣднихъ селъ подрались между собою на сѣнокосѣ, заспоривъ о межѣ. Побитые, удаляясь, похвалились, что „нагонятъ въ отместку Орду“. Эта угроза смутила побѣдителей, и призракъ идущей Орды до такой степени овладѣлъ ихъ воображеніемъ, а равно и всего околотка, что все населеніе, съ дѣтьми, женами, стариками, съ возами, нагруженными домашнимъ добромъ, двинулось къ Самарѣ. Вѣсть о нашествіи Орды произвела всеобщую панику, которой отдались не одни крестьяне, но даже нѣкоторыя помѣщицы, а одинъ изъ священниковъ послалъ, кажется, приглашеніе къ Уральскимъ или Оренбургскимъ казакамъ явиться на защиту. Болѣе 40 тыс. человѣкъ спасающагося отъ Орды населенія появилось у самой Самары, и едва-едва удалось губернскимъ властямъ успокоить ихъ и убѣдить возвратиться во свояси.

вамъ передастъ бумаги отъ сестры, бумаги весьма интересныя, и вѣроятно будетъ васъ уговаривать принять немедля приглашеніе въ Питеръ [1]). Я думаю, что на это и уговаривать нечего. Вамъ нельзя не ѣхать. Съ вами будутъ Милютинъ, Соловьевъ [2]), князь Черкасскій въ одномъ отдѣленіи. Не замедлите пожалуйста. Меня при этомъ радуетъ, что я васъ скоро увиду и что знаю, что вы ѣдете уже на настоящее дѣло: это отрада послѣ нашей неудачи въ другомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ Парохода. Пришлось отказаться отъ этого, почти необходимаго изданія и отъ новаго, весьма заманчиваго имени — Славянскій Вѣстникъ [3]). Мнѣ было это странно досадно и сверхъ того грустно...

Кошелевъ не назначенъ въ Комитетъ: это, просто возмутительно. Какъ объяснить это со стороны Ростовцова? Просто уступкою озлобленію общему и отсутствіемъ поддержки со стороны придворныхъ эманципаторовъ; Ростовцеву хотѣлось его призвать, но онъ не рѣшился. Надобно будетъ выдумать средство дѣлу пособить. Его это огорчитъ, и мнѣ за него больно, тѣмъ болѣе, что независимое содѣйствіе посредствомъ журнала [4]) затрудняется съ каждымъ днемъ.

---

[1]) Т. е. приглашеніе въ составъ Редакціонной Комисіи по крестьянскому дѣлу.

[2]) Яковъ Александровичъ, бывшій потомъ членомъ Учредительнаго Комитета въ Варшавѣ и скончавшійся въ званіи сенатора.

[3]) Было предположеніе издавать газету Пароходъ или Славянскій Вѣстникъ, котораго отвѣтственнымъ редакторомъ былъ бы Ѳ. В. Чижовъ, а дѣйствительнымъ И. С. Аксаковъ. М-во Ин. Дѣлъ признавало тогда сближеніе съ Славянами и такое изданіе полезнымъ, даже нужнымъ въ политическихъ видахъ, и само предлагало начать подобное изданіе.

[4]) Александръ Ивановичъ Кошелевъ, независимо отъ Р. Бесѣды, издававшейся на его счетъ, при первомъ появленіи знаменитыхъ рескриптовъ дворянству, положившихъ начало работамъ по эманципаціонному дѣлу, предпринялъ изданіе „Сельскаго Благоустройства", исключительно посвященнаго этому дѣлу. Онъ же былъ и редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ этого превосходнаго журнала, поставившаго и разъяснившаго много вопросовъ и содѣйствовавшаго разрѣшенію задачи. Въ томъ же журналѣ помѣщались статьи братьевъ Самариныхъ, кн. Черкасскаго и другихъ. Журналъ издавался въ печати всего 1858 г. и частью въ 1859 г. Съ открытіемъ Редакціонныхъ Комисій онъ прекратился.

Изъ писемъ Хомякова къ Марьѣ Сергѣевнѣ Мухановой.

I.

Жаль, что теперешніе безпорядки въ церкви Константинопольской и Греческой могутъ подать поводъ къ дурнымъ толкованіямъ; особенно жаль, что духовенство въ Греціи, кажется, суется въ дѣла политическія. Дай Богъ, чтобы я ошибался; а мнѣ что-то кажется, будто и бунтъ Майны идетъ отъ духовенства. Трудно людямъ умѣть понимать Христіанскій долгъ; но есть слово, которое можетъ насъ утѣшить: „не спитъ, стражаяй Израиля“.

С. Липицы
Іюля 9 д.

II.

Очень вамъ благодаренъ за Англійскій журналъ. Дѣйствительно, статья о Пальмеровыхъ брошюрахъ для меня была очень любопытна и тѣмъ болѣе любопытна, что добродушный Англичанинъ мнѣ послалъ два экземпляра своего сочиненія. Разумѣется, я этихъ двухъ экземпляровъ не получалъ и не получу. Я радъ, что послалъ ему свою Французскую книжечку (о которой скажу мимоходомъ, нѣтъ ни слуху, ни духу): она можетъ ему быть не безполезною. Многое и многое еще нужно имъ объяснять, а у насъ заткнуты рты. Такъ видно Богу угодно; но еще надобно всѣ пути перепробовать, прежде чѣмъ отступиться отъ дѣла полезнаго. Еслибы я зналъ содержаніе брошюръ Пальмеровыхъ, я бы въ письмѣ къ нему доказалъ ему, что онъ еще слишкомъ снисходителенъ къ Латинству въ богословскомъ отношеніи. Надѣюсь, что если только моя книжечка выйдетъ въ свѣтъ и вызоветъ возраженіе, я еще буду имѣть случай высказать имъ все. Авось! Грустно какъ-то: погода ужасная, которая сама по себѣ ничего, но наводитъ уныніе, когда общій неурожай, двойное рекрутство безъ войны и холера подаютъ поводъ къ горести разумной. Холера меня просто сердитъ. Столько опытовъ доказали мнѣ всю сравнительную ничтожность этой болѣзни (напр. на дняхъ я лечилъ и вылечилъ больнаго, имѣющаго всѣ признаки періода смертельнаго, отъ черныхъ пятенъ на лицѣ и

полнаго отсутствія пульса до оледенѣлаго языка и закатившихся глазъ): и нельзя остановить холеры, потому что не позволяютъ дѣйствовать. Эта невозможность быть полезнымъ, при многихъ данныхъ для пользы людской, напоминаетъ мнѣ самые тяжелые сны моего дѣтства и производитъ впечатлѣніе ужаснаго кошемара на яву.

III.

(1855).

Я очень передъ вами виноватъ: все собирался къ вамъ послать журналъ и писать, да отлагалъ посылку и поэтому отлагалъ и письмо. Я точно виноватъ, да вы же меня и наказали подозрѣніемъ, будто бы я нѣсколько посѣтовалъ на ваше замѣчаніе о второй моей брошюрѣ. Вѣрьте мнѣ: я говорю не о формѣ вашего выраженія, которое не затронуло бы даже самаго раздражительнаго самолюбія (а его во мнѣ нѣтъ); но всѣ ваши замѣчанія для меня драгоцѣнны. Я могу съ ними иногда не соглашаться, но я отъ васъ не слыхалъ такого, объ которомъ не пришлось бы задуматься. Ваша критика есть одолженіе для всякой, не совсѣмъ пустой головы. Такъ и теперь. Я не только понялъ вашу дружбу въ томъ, что вы мнѣ сообщаете замѣчаніе, съ которымъ вы согласны и которое очень для меня важно, но я понялъ и справедливость самой критики. Самъ я перечелъ свою брошюру и не могъ не сознаться, что впечатлѣніе, которое она должна производить на Русскаго читателя, можетъ быть не совсѣмъ выгоднымъ для меня. Почему? Вотъ вопросъ, который вы во мнѣ возбудили. Нападеніе на Протестанство въ обѣихъ книжечкахъ весьма сильно, и думаю даже едва ли было когда нибудь сильнѣе выражено, а впечатлѣніе имѣетъ въ себѣ что-то Протестантское. Мнѣ кажется причина та, что я у Православнаго отнялъ не только Папу, но и всякую замѣну Папства (Синодъ ли, монахъ ли, или духовникъ, или что бы то ни было). Я выставилъ свободу не только какъ право, но еще какъ обязанность, и въ этомъ я считаю себя правымъ: но я не сказалъ ни слова о предѣлахъ свободы Христіанской и въ этомъ себя подвергъ осужденію. Иные будутъ меня обвинять потому, что боятся быть свободными; другіе потому, что имъ лѣнь быть свободными; но не совсѣмъ мною будутъ довольны и тѣ, которые, не боясь и не лѣнясь быть свободными, чувствуютъ, что эта свобода не безусловна. Вы меня не обвиняете, но вамъ за меня больно, что книга не такъ прочтется какъ слѣдуетъ. Я въ этомъ чувствую и вашу любовь къ дѣлу Церкви, и вашу дружбу ко мнѣ, и тѣмъ живѣе чувствую недостатокъ, — не книги самой (которая имѣетъ цѣль полемическую), но своего труда. Его надобно пополнить. Вы въ этомъ совершенно правы. Я буду ждать и искать случая, который бы далъ мнѣ поводъ къ новому объясненію: но я надѣюсь, что вы меня оправдаете въ моемъ убѣжденіи, что именно

надобно ждать случая и что безъ него трудно надѣяться на вниманіе современныхъ намъ читателей въ вопросахъ, къ которымъ они къ несчастію слишкомъ равнодушны. Надѣюсь также, что въ Москвѣ еще позволите мнѣ изустно возвратиться къ этому предмету. Въ Christian R. есть любопытная статья, возраженіе на Wilberforc'ову защиту Папства. Чудное дѣло человѣкъ и особенно Католикъ! Какъ можно такъ без божно лгать, такъ безсовѣстно повторять уже изобличенные обманы? И въ тоже время думать (и вѣроятно отъ души), что эта ложь, этотъ обманъ служатъ правдѣ и Богу!

Не радуютъ извѣстія изъ Севастополя: много тамъ льется дорогой крови и безъ плода и безъ пользы.

IV.

(Осень 1877).

Не знаю, какъ благодарить васъ за вашу дружбу и сочувствіе. Покойная матушка душевно любила и уважала васъ; она дорожила вашимъ расположеніемъ, и всякое посѣщеніе ваше было для нея праздникомъ. Вы это знаете; знаете также, что и жена моя умѣла васъ цѣнить, но едва ли можете знать, до какой степени она цѣнила вашу дружбу. Ради этихъ двухъ покойницъ и ихъ чувствъ къ вамъ, когда я буду въ Москвѣ, вы мнѣ позволите привезти къ вамъ внучку одной и дочь другой и попросить васъ, чтобы вы приняли ее въ свое доброе расположеніе. Это было всегдашнимъ желаніемъ и надеждою матушки.

Тяжела мнѣ моя послѣдняя потеря, можетъ быть болѣе, чѣмъ я самъ думалъ. Ея лѣта, ея со дня на день слабѣющее здоровье заставляли меня ожидать ея кончины, и ожиданіе должно бы повидимому притуплять до нѣкоторой степени самую горесть; но въ матушкѣ была еще такая живость чувства и мысли, что, казалось, смерть еще не такъ близка и что сперва отзовется ея приближеніе на умъ и сердце, а потомъ только возметъ она всѣ свои права. Вышло не такъ. Тѣло разрушилось, а душа до послѣдняго дня сохраняла всѣ свои силы. Разумѣется, я не говорю о послѣднихъ уже часахъ; но за сутки съ небольшимъ она разсуждала о дѣлахъ домашнихъ, о строеніи церкви *), о судьбахъ Россіи, какъ и прежде въ полномъ здоровьи. Много настрадалась она въ жизни, и тяжело было ея поприще, прежде чѣмъ она пришла къ отдыху; но и не безполезна была эта жизнь и много добрыхъ воспоминаній связано съ нею. Она, смѣю это сказать, была благороднымъ и чистымъ образчикомъ своего времени, и въ силѣ ея характера было

*) Марья Алексѣевна Хомякова въ 1812 году дала обѣтъ построить церковь въ благодарность за избавленіе отъ Французскаго нашествія и всю жизнь употребляла на церковное строеніе свои сбереженія; великолѣпная церковь достроена ея внуками уже въ наше время: въ 1878 году она освящена.

что-то принадлежащее эпохѣ болѣе крѣпкой и смѣлой, чѣмъ эпохи послѣдовавшія. Что до меня касается, то знаю, что во сколько я могу быть полезенъ, ей обязанъ я и своимъ направленіемъ, и своею неуклончивостію въ этомъ направленіи, хотя она этого и не думала. Счастливъ тотъ, у кого была такая мать и наставница въ дѣтствѣ, а въ тоже время какой урокъ смиренья даетъ такое убѣжденіе! Какъ мало изъ того добраго, что есть въ человѣкѣ, принадлежитъ ему? И мысли по большей части сборныя, и направленіе мыслей заимствованное отъ первоначальнаго воспитанія. Что же его-то собственно?

На дняхъ кончилъ я свою третью брошюрку, которая мнѣ далась съ немалымъ трудомъ. Вопросы затронуты всѣ, которые только могъ я придумать для строгаго опредѣленія отношеній Церкви къ Богу, къ своимъ собственнымъ чадамъ и къ кажущемуся историческому развитію ея. При этомъ постоянное сопоставленіе двухъ ея отличительныхъ свойствъ, крайней свободы и совершеннаго единства, въ противуположность Протестанской свободы и Римскаго единства. Что-то изъ этого будетъ? Въ Германіи до сихъ поръ нѣсколько объявленій газетныхъ о первыхъ двухъ, ни одного возраженія или разбора; но по нѣкоторымъ отзывамъ видно, что они озадачены. Журналъ Repertorium говоритъ: „Книга стоитъ отвѣта, но совѣтуемъ возражателямъ приняться за дѣло, сильно обдумавъ свои возраженія. Она похожа на укрѣпленія Севастопольскія, и ея легкимъ боемъ не возьмешь. Во всякомъ случаѣ должно признаться, что Россія крѣпка не одними вещественными силами". Это лестно, но мнѣ бы хотѣлось настоящихъ отвѣтовъ: тогда лучше можно бы ихъ пронять. Добьюсь ли этого третьею брошюрою? Дѣла много, а я къ несчастію и лѣнивъ и разсѣянъ другими дѣлами. Дай Богъ помощниковъ! Но къ несчастію такъ трудно Русскому человѣку проснуться да взяться за работу, такъ мало еще людей желающихъ духовной и мысленной жизни, что иногда руки отпадаютъ. Одно утѣшеніе смотрѣть, какъ дубы тихо ростутъ. Можетъ быть такъ и надобно для крѣпкаго роста.

Когда будете опять въ Москвѣ (вѣдь нынѣшняя осень хоть кого выживетъ изъ деревни) не познакомитесь ли вы съ духовнымъ путешественникомъ — Англичаниномъ S. Arthur Stanley? Говорятъ, очень замѣчательный человѣкъ; привезъ ко мнѣ письмо, но едва ли мнѣ удается съ нимъ видѣться: вѣроятно онъ уѣдетъ до меня.

Получ. 29 Марта 1848 г.

Письмо Хомякова къ Лондонскому священнику Е. И. Попову.

Милостивый государь Евгеній Ивановичъ.

Помните ли вы или нѣтъ Русскаго путешественника, который имѣлъ счастіе познакомиться съ вами прошлаго года, въ Августѣ мѣсяцѣ? Если уже и забыли, все таки будьте такъ добры—не сердитесь за то, что онъ теперь письменно навязывается вамъ на память: ему смертельно не хочется, чтобы вы его совершенно забыли.

Оставивъ Лондонъ, гдѣ мнѣ было во многихъ отношеніяхъ такъ хорошо и отрадно, гдѣ я находилъ такъ много добраго и поучительнаго, побывалъ я въ Парижѣ, который я уже издавна зналъ, но не любилъ. Жена моя порадовалась тамъ на картинную галлерею, а города также не полюбила. Лондонъ ей испортилъ Парижъ. Слава Богу, что васъ судьба не призвала въ этотъ городъ. Грустна бы вамъ была въ немъ жизнь: не нашли бы вы въ немъ никакого сочувствія, ничего серьезнаго и достойнаго обратить на себя вниманіе человѣка понимающаго достоинство человѣческое. Все мелко и какъ-то размельчаетъ душу. Потомъ, черезъ Бельгію, въ которой я убѣдился, что Католицизмъ мало по малу вытѣсняется такъ называемымъ либерализмомъ, т. е. равнодушіемъ религіознымъ, переѣхалъ я опять въ Германію; поскучалъ нѣсколько дней въ Берлинѣ, въ которомъ не нашелъ ни Шеллинга, ни Неандера, и воротился сухимъ путемъ на святую Русь.

Кажется, мнѣ путешествіе принесло нѣкоторую пользу, не столько въ томъ отношеніи, что я узналъ многое мнѣ неизвѣстное (особенно въ Англіи), сколько въ томъ, что, отдѣлившись на время отъ своего домашняго, я могъ опять взглянуть на домашнее освѣженнымъ глазомъ и съ бо́льшимъ безпристрастіемъ. Петербургъ обратилъ первое мое вниманіе. Для человѣка, прокатившагося по Европѣ, очень разительна въ Петербургѣ вся нелѣпость его притязаній быть городомъ Европейскимъ. Даже въ вещественномъ смыслѣ онъ уже и потому не Европейскій городъ, что ровно ничего въ немъ нѣтъ для удобствъ житейскихъ. Все въ немъ дорого, въ три раза дороже дорогаго Лон-

дона, и все неудобно: нѣтъ ни одного порядочнаго трактира не только Англійскаго, но даже Московскаго. Вонь, грязь и безпокойство. Въ умственномъ отношеніи другое дѣло. Я думаю и даже увѣренъ, что нигдѣ нѣтъ общества просвѣщеннѣе Петербургскаго; но это просвѣщеніе своего рода. Оно ограничивается однимъ пониманіемъ. Все понимаютъ, ничему не сочувствуютъ. Такое просвѣщеніе грустнѣе невѣжества. Администрація идетъ своимъ ходомъ, своимъ отчасти канцелярскимъ, отчасти государственнымъ ходомъ; торговля идетъ своимъ ходомъ; наука (въ тѣсномъ смыслѣ заучиванія чужихъ знаній и мыслей) своимъ ходомъ, а общество не идетъ совсѣмъ. Умственное праздношатаніе, сопряженное съ насущнымъ удовлетвореніемъ житейскихъ потребностей, вотъ и все. Для послѣдняго есть Россія, которой соки притягиваются къ Петербургу; для перваго — Европа, которой умственныя произведенія туда же приливаютъ для праздныхъ досуговъ лѣнивой мысли. Торговля есть въ Петербургѣ, но онъ не торговый городъ; есть наука, но онъ равнодушенъ къ наукѣ и такъ далѣе. Петербургъ есть совершеннѣйшій дармоѣдъ въ цѣломъ мірѣ. Правительственные люди, которыхъ я тамъ видѣлъ и изъ которыхъ я многихъ уважаю, внушили мнѣ глубокое состраданіе. Я, проѣзжій, имъ сочувствовалъ; а то, что окружаетъ ихъ, не сочувствуетъ нисколько ни трудамъ ихъ, ни цѣлямъ. Очень странное положеніе. Наконецъ, воротился я въ свою Москву, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ. Я право гордъ Москвою, и, странно сказать, я чувствую въ ней какое-то родство съ Лондономъ и Англіею, не смотря на то, что нѣтъ между ними никакого видимаго свойства. Теперь начался Великій Постъ, и онъ мнѣ напоминаетъ Англійское Воскресенье; но у насъ выраженіе духовности въ жизни торжественнѣе, полнѣе и разумнѣе (ибо праздникъ не долженъ бы глядѣть постомъ). Встрѣчаю своихъ знакомыхъ раскольниковъ и вспоминаю, какъ я слышалъ не далеко отъ Беркелей-Сквера поученіе какого-то бродящаго диссидента, окруженнаго толпою слушателей изъ простаго народа. Въ обоихъ мѣстахъ религіозный интересъ хоть и дурно направленъ, но очевидно серьезенъ и живъ, т. е. люди вѣруютъ или по крайней мѣрѣ искренно желаютъ вѣрить. Наконецъ, въ обществѣ есть довольно сильная умственная дѣятельность. Недавняя перемѣна въ начальствѣ Университета была происшествіемъ для города не потому, чтобы у этого начальства были значительныя связи, а потому, что общество дорожитъ Университетомъ и его успѣхами. До сихъ поръ не умолкаютъ вопросы, конечно мелкіе, объ общественной благотворительности, о богоугодныхъ балахъ, о нравственномъ вредѣ отъ баловъ для дѣтскаго возраста, о неприличіи общественныхъ увеселеній во время поста и т. д. Конечно болѣе или менѣе это явленія неважныя, но все-таки они свидѣтельствуютъ о требованіи вопросовъ нравственныхъ и о желаніи участвовать въ нихъ. Есть и дѣятельность литературная, хоть безъ сомнѣнія

недостаточная, но хорошо направленная и исходящая отъ безкорыстной любви къ правдѣ и добру. Между прочимъ недавно вышла весьма дѣльная статья Шевырева въ оправданіе его лекцій о Русской словесности противъ нападковъ Надеждина; Москвитянинъ сталъ выходить исправнѣе прежняго; въ Петербургѣ молодые люди, вышедшіе изъ здѣшняго Университета, стали издавать журналъ Сѣверное Обозрѣніе въ духѣ нашего направленія; обѣщаютъ газету въ томъ же смыслѣ и пр. Конечно, такая дѣятельность все еще мелка; люди здѣшніе не Пальмеры, но должно принимать въ соображеніе особенности положенія и обстоятельствъ. Важно не количество явленій, а направленіе; и это-то направленіе можно смѣло похвалить. Сколько людей, сколько обществъ порадовалъ я разсказами про Англію, про ея духовную жизнь, про ея теперешнее стремленіе! Съ радостію могу сказать, что я встрѣтилъ особенное сочувствіе въ нашемъ пастырѣ Филаретѣ. Онъ спросилъ у меня, между прочимъ, знаю ли я васъ, и на мой утвердительный отвѣтъ онъ сказалъ, что считаетъ особеннымъ счастіемъ ваше пребываніе въ Лондонѣ въ теперешнее время. Я вамъ это сообщаю потому, что знаю, что и вы не можете быть равнодушны къ отзыву такого человѣка. Важность его дѣятельности и общее къ нему уваженіе возрастаютъ съ каждымъ годомъ. За всѣмъ тѣмъ не скрою, что много и другаго проявляется безпрестанно, что у насъ идетъ борьба и борьба не легкая; да вѣдь такова общая судьба человѣчества. Есть по крайней мѣрѣ надежда на успѣхъ, а этого нельзя сказать ни объ одной землѣ въ Европѣ, кромѣ Англіи; да и Англія не устоитъ безъ помощи отъ насъ, т. е. отъ того Божественнаго начала, которое Провидѣнію угодно было поручить Россіи.

Извините меня въ томъ, что я взялъ смѣлость приложить здѣсь письмо къ любезному нашему Пальмеру и не откажитесь доставить его и взять трудъ прочитать.

Жена моя и дѣти просятъ вашего заочнаго благословенія. Надѣюсь, что вы не откажете въ немъ и вашему преданному А. Хомякову.

Февраля 21 дня
1848.

Если вы будете такъ добры, что вздумаете отвѣчать, то адресъ мой: Москва, у Николы въ Пескахъ, на Собачьей площадкѣ, собст. домъ. Алексѣю Степ. Хомякову.

Письмо Хомякова къ С. Т. Аксакову.

(Мартъ 1853).

Дѣло затѣваете вы весьма доброе, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳѣевичъ, и не только я мысль вашу нахожу прекрасною, но и всячески готовъ ей содѣйствовать прямо какъ соучастникъ изданія, и косвенно какъ вербовщикъ соучастниковъ. Время для меня строгое, и занятія ему должны соотвѣтствовать; но я понимаю пользу добраго и невиннаго удовольствія, и считаю дѣломъ хорошимъ все то, что̀ можетъ возвращать человѣка къ удовольствіямъ, сдружающимъ его съ природою и отрывающимъ его отъ той вялой жизни, въ которой тонетъ наше общество. Англійскій журналъ, весьма серьезный, говоритъ: „если въ человѣкѣ нѣтъ хоть искры спортсмена, въ немъ природа искажена не только физическая, но и духовная". А религіозный журналъ Оксфордскій замѣчаетъ, что изъ Университета Оксфордскаго много вышло не только людей замѣчательныхъ по наукамъ или государственному правленію, но еще и по дѣлу проповѣди и ученія богословскаго, что они же отличались и строгостью нравственной жизни, а это все онъ приписываетъ развитію гимнастики, кулачнаго боя, охоты и катанья на лодкахъ. Имѣя такіе авторитеты, я въ полномъ правѣ предполагать, что и охота во всѣхъ ея отрасляхъ должна имѣть немалое вліяніе на доброкачественность жизни. И вправду, сравните румяный ликъ двадцатилѣтняго юноши, возвратившагося, скажемъ хоть, съ пороши, съ блѣдною фигурою его ровесника, просидѣвшаго за лото и протаскавшагося въ маскарадѣ: какъ-то невольно вѣришь, что молодость лица обозначаетъ такую же молодость и свѣжесть души. И такъ по всѣмъ соображеніямъ считаю участіе въ вашемъ изданіи дѣломъ истинно-хорошимъ и готовъ къ услугамъ. Что-то скажетъ цензура? Это другое дѣло, а объ успѣхѣ сомнѣваться нельзя.

Третьяго дня сгорѣлъ Б. театръ и человѣкъ, какъ кажется, за двадцать; въ томъ числѣ и дѣтей до̀вольно. Вечеромъ въ М. театрѣ, по приказанію изъ Петербурга (по телеграфу), были живыя картины: только зрителей не было. Кто говоритъ, что случай, кто другое; но вотъ что мило. Человѣкъ было погибалъ, охваченный пламенемъ на крышѣ. Маляръ, перекрестясь, влѣзъ по жолобу съ веревкою и спасъ

погибающаго. Народъ плакалъ и накидалъ ему денегъ въ шапку рублей 200 сер. Тутъ адъютантъ Закревскаго подошелъ и позвалъ его къ графу, разумѣется, для награды. Бѣдный герой завопилъ: „помилуйте, за что меня къ графу, я ничѣмъ не виноватъ". А народъ кричитъ: „не дадимъ его въ полицію" и пр. Насилу уговорили ѣхать. Это разсказываетъ тотъ самый адъютантъ, который повезъ героя къ градоправителю.

Кстати: Хижина Дяди Ѳомы строжайше запрещена. Павлова допрашивали съ увѣщаніемъ и грозятъ большою грозою. Главная вина—запрещенныя книги.

Письмо Хомякова къ Евгеніи Сергѣевнѣ Шеншиной.

(По кончинѣ ея супруга, 1858).

Вы у меня спрашиваете совѣта, дорогая Е. С., о томъ, что̀ вамъ дѣлать и чему посвятить жизнь свою, а я и не отвѣчалъ, и не умѣю отвѣчать. Никогда, кажется, не съумѣешь придумать такого совѣта для другаго, и еще менѣе придумаетъ мужчина для женщины. Что̀ дѣлать въ жизни?—Знаете, это все равно что сказать:—чѣмъ святить жизнь свою для будущей? Кто на это отвѣтитъ для другаго? Пусть ухо прислушивается къ голосу Бога въ сердцѣ своемъ — а отвѣтъ будетъ; и во всякомъ сердцѣ розно Богъ говоритъ, смотря по тому на что онъ создалъ каждаго человѣка, такъ или иначе поставилъ его въ такихъ, или иныхъ обстоятельствахъ, и наложилъ на него такой или иной крестъ.— Слава Богу, я слышу, что вы не дождались чужихъ слѣпыхъ совѣтовъ, а настроили уже отчасти жизнь и совершенно душу на подвигъ жизненный, святя свое горе покорностію и служеніемъ тѣмъ человѣческимъ, Христіанскимъ сочувствіямъ и попеченіямъ, которыя наполняли сердце покойника, никогда не умирающаго для васъ. Черезъ васъ продолжится его дѣятельность къ добру въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, но можетъ быть тѣмъ съ большею и болѣе проникающею силою. Великое утѣшеніе для мысли то, что добрый не умираетъ даже на землѣ: въ немъ есть сила переживающая, укрѣпляющая тѣхъ, которые имѣли счастье любить его.

Сами вы знаете, какое пережилъ я горе, или лучше сказать въ какомъ горѣ живу. Пережить горе настоящее нельзя, да и не дай Богъ; но мнѣ часто въ утѣшеніе приходитъ чувство и ясное сознаніе того, чѣмъ и какъ многимъ внутри себя обязанъ я моей покойной Катенькѣ, и часто слышатся мнѣ внутренніе упреки за то, что я далеко не разработалъ и не разработываю все наслѣдство духовнаго добра, которое я получилъ отъ нея. Дай Богъ вамъ свой подвигъ совершить лучше моего.

О кончинѣ Хомякова.

(1860).

Письмо сосѣда - помѣщика.

23-го Сентября въ 8-мь часовъ утра пріѣхалъ ко мнѣ посланный съ извѣстіемъ, что Алексѣй Степановичъ заболѣлъ холерой. Я на скоро захватилъ съ собою лекарства, которыми довольно успѣшно лечилъ въ околодкѣ и съ тяжелымъ предчувствіемъ на сердцѣ поскакалъ въ Ивановское. Въ 9-ть часовъ я взошелъ въ комнату къ больному. Онъ лежалъ лицемъ къ свѣту, а потому страшные слѣды болѣзны съ разу бросились мнѣ въ глаза. „Что съ вами, Алексѣй Степановичъ?" спросилъ я у него, стараясь придать моимъ словамъ и твердость, и спокойствіе. „Да ничего особеннаго: приходится умирать. Очень плохо. Странная вещь! Сколько я народу вылечилъ, а себя вылечить не могу". И все это было сказано слабымъ, едва внятнымъ голосомъ, свойственнымъ всѣмъ холернымъ. Но въ этомъ голосѣ не было и тѣни сожалѣнія или страха, но глубокое убѣжденіе, что нѣтъ исхода. Лишнимъ считаю пересчитывать, сколько десятковъ разъ я его умолялъ принять моего лекарства, послать за докторомъ и слѣдовательно сколько разъ онъ отвѣчалъ отрицательно и при этомъ самъ вынималъ изъ походной гомеопатической аптечки то *veratrum*, то *mercurium*. Дня два передъ роковымъ 23-мъ числомъ, Алексѣй Степановичъ уже страдалъ разстройствомъ желудка; не обращая вниманія на этотъ недугъ, онъ ѣздилъ 21 въ Лебедянь, 22-го былъ въ полѣ, а въ ночь съ 22-го на 23-е до двухъ часовъ писалъ письма. Въ 3-мъ часу онъ легъ спать и приказалъ человѣку приготовить къ утру горчишникъ, собираясь ѣхать со мною въ засѣданіе Лебедянскаго Общества *). Въ шестомъ часу онъ разбудилъ людей: болѣзнь разразилась въ полной силѣ. Въ 9-ть часовъ, когда я пріѣхалъ въ Ивановское, главные припадки нѣсколько уменьшились, оставивши по себѣ всѣ признаки отчаяннаго положенія: изнуренное лице, холодный потъ, сильно измѣнившійся голосъ, неимовѣрную слабость. Около часу пополудни, видя, что силы больнаго утрачиваются, я предложилъ ему собороваться. Онъ принялъ мое предложеніе съ радостной улыбкой, говоря: „очень, очень радъ". Во все время совершенія таинства, онъ держалъ въ рукахъ свѣчу, шопотомъ повторялъ молитву и творилъ крестное знаменіе. Спустя нѣкоторое

*) Сельскаго Хозяйства.

24*

время, онъ принялъ нѣсколько капель моего лекарства, вмѣсто цѣлой рюмки, которую я ему предлагалъ. Часа въ три, при усиліи встать съ постели (хотя насъ трое его поддерживали), онъ впалъ въ сильный обморокъ. Ошибочно принявши это за агонію, я попросилъ священника читать отходную. Мнѣ кажется, что этого онъ и не слыхалъ и не замѣтилъ; ибо, очнувшись минутъ черезъ десять, онъ меня увѣрялъ, что крѣпко заснулъ. „Не нужно ли вамъ мнѣ передать чего нибудь? Богъ милостивъ, вы выздоровѣете, но выздоровленіе ваше будетъ продолжительно". — „Не могу говорить", отвѣчалъ онъ мнѣ. „Очень тяжело". Разумѣется, послѣ этого отвѣта я уже не сталъ его безпокоить и тревожно ждалъ, что̀ Богъ дастъ. Часовъ до шести не было замѣтно особенной перемѣны. Въ началѣ 7-го часа, безпрестанно прикладывая руку къ его рукѣ, къ его ногамъ, я вдругъ замѣтилъ, что они сдѣлались легче и влажнѣе. Немедленно стали мы его растирать сильнѣе прежняго и обложили горчишниками. Черезъ полчаса теплый потъ пробился на бокахъ, на шеѣ и на спинѣ; ноги согрѣлись; пульсъ, совершенно исчезнувшій съ самаго утра, началъ показываться. Однѣ только руки оставались холодными, какъ ледъ. Все, какъ будто, шло къ лучшему, и я началъ надѣяться. Въ это время жена моя прислала узнать о здоровьи Алексѣя Степановича. Я хотѣлъ отойдти отъ постели, но онъ меня удержалъ и спросилъ, куда я иду. „Посылаю добрую вѣсточку. Слава Богу, вамъ лучше".—Faites-vous responsable de cette bonne nouvelle: je n'en prends pas la responsabilité *), сказалъ онъ, почти шутя. „Право хорошо; посмотрите, какъ вы согрѣлись, и глаза посвѣтлѣли".—А завтра какъ будутъ свѣтлы! Это были его послѣднія слова. Онъ яснѣе нашего видѣлъ, что всѣ эти признаки казавшагося выздоровленія были лишь послѣднія усилія жизни. Въ $7^1/_2$ часовъ дыханіе его стало тяжко. Я не спускалъ съ него глазъ. Въ $7^3/_4$ вечера его не стало, а за нѣсколько секундъ до кончины, твердо и вполнѣ сознательно, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

---

*) Эта добрая вѣсть на вашемъ отчетѣ; я не принимаю за нее отвѣтственности.

Изъ воспоминаній графини А. Д. Блудовой.

Одна остроумная Француженка сказала какъ-то: „Il y a longtems qu'un vieux Juif (царь Соломонъ) a dit qu'il n'y a rien de nouveau sous le soleil". Я вспомнила эти слова, перебирая разныя бумаги, между которыми попались мнѣ прилагаемыя страницы, написанныя много, много лѣтъ назадъ. Это воспоминаніе о разсказахъ моего отца про одно происшествіе въ Англіи того времени, когда онъ былъ тамъ совѣтникомъ посольства.

Намъ всѣмъ кажется теперь чѣмъ-то новымъ, почти неслыханнымъ, то̀ общее политическое броженіе, которое охватило почти всѣ страны Европы, подъ именемъ соціализма и комунизма, и составляетъ рядъ преступленій, рядъ безумныхъ покушеній къ водворенію безумнаго безпорядка (ибо новымъ порядкомъ нельзя серьезно величать политическія и общественныя измышленія этихъ господъ). Намъ кажется новымъ это броженіе умовъ; но, собственно говоря, новы только формы — а это броженіе, эти властолюбивыя мечтанія однихъ, эти человѣколюбивыя теоріи другихъ, и это несчастное Панургово стадо, которое вѣритъ, и увлекается, и падаетъ въ бездну преступленія и страданія, и эти неповинные, принесенные ими въ жертву за то только, что они считаютъ себя вольными мыслить и чувствовать иначе, нежели тѣ свободолюбцы, которые любятъ свободу только для себя и своихъ страстей,—все это не ново, все это въ частности всегда проявлялось, но приняло громадные размѣры съ Французской революціи 93-го года и съ тѣхъ поръ періодически вспыхиваетъ по всему пространству Европы, которой въ Россіи, къ несчастію, еще не отучились подражать; а она, наша наставница Европа, кричитъ, что вотъ Россія гибнетъ, Россія разрушается внутреннимъ разложеніемъ своего народа! Прилагаемыя страницы служатъ напоминаніемъ, что подобное политическое броженіе существовало въ самую блистательную эпоху нынѣшняго столѣтія, послѣ блестящихъ побѣдъ соединенной Европы надъ властелиномъ континента Наполеономъ I-мъ, послѣ прекрасныхъ порывовъ самоотверженности и подъятія духа, общаго у всѣхъ народовъ, но особенно у Русскаго, Испанскаго и Прусскаго, и когда Англія стояла во главѣ борьбы противъ злѣйшаго врага своего и врага всякой независимости, какъ личной, такъ и государственной. Впрочемъ

Англійское правительство тогда играло туже роль какъ нынче. Воспользовавшись Русскою силою, чтобы сломить Наполеона, оно, на всѣхъ конгрессахъ, вредило сколько могло Россіи и, поднявъ высоко знамя освобожденія народовъ отъ зависимости Французской, тутъ же прикрѣпляло Восточныхъ Христіанъ за худшимъ тиранствомъ Турокъ, предавъ Сербовъ и Грековъ рѣзнѣ Магометанъ, отказываясь даже допустить на конгрессъ депутатовъ Греческихъ, умолявшихъ о защитѣ; Венецію съ Далмаціей выдало Австріи, и даже портъ, завоеванный Русскими и Черногорцами (портъ Катаро), переданъ былъ Автрійцамъ. По истинѣ „il y a longtems qu'un vieux Juif a dit qu'il n'y a rien de nouveau sous le soleil!"

Но въ самое время этого всемогущества Англіи и торжества ея интересовъ за ея границами, —дома, у себя, гдѣ конечно нельзя было жаловаться на стѣсненіе свободы, Англійское правительство очутилось лицемъ къ лицу съ бунтами и заговорами — безцѣльными и безтолковыми, но которые немало задавали заботъ и возбуждали опасеній. Это было какое-то моральное повѣтріе, какая-то душевная болѣзнь, прилипчивая какъ нынѣ. Всѣ государства ею пострадали, всѣ должны были употребить героическія лекарства противъ болѣзни; — но всѣ выздоровѣли, слава Богу. Будемъ надѣяться, что и теперь кончится благополучно, хотя очень и очень тяжело переживать такіе кризисы, и нужны весьма искусные и энергичные врачи противъ такой заразы.

Отецъ мой былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ еще при графѣ Каподистріи, и мы отправились туда всей семьей съ кормилицей, съ нянею, горничной и лакеемъ Русскими, по тогдашнему способу путешествій, такъ что мы, маленькія дѣти, оставались въ совершенно Русской средѣ, куда бы ни переѣзжали *), а къ тому мы были слишкомъ малы, чтобы обращать вниманіе на окружающее. Посломъ Русскимъ въ то время былъ графъ (впослѣдствіи князь) Ливенъ. благоразумный, благовоспитанный человѣкъ, съ хорошими преданіями дипломатическими, но оставался совершенно въ тѣни передъ умомъ, красотою, дѣятельностью и энергичнымъ характеромъ жены. Такъ она затмѣвала его и до конца, когда оба были старые люди, и я познакомилась съ ними въ Петербургѣ. Хотя черты ея заострились и морщины показались на худощавомъ лицѣ; хотя, увидавъ ее въ лавровомъ вѣнкѣ на одномъ балѣ, Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ воскликнулъ: „c'est une vieille médaille de Petrarque animée": все же у нея была замѣчательная грація и какое-то привѣтливое достоинство, вмѣстѣ съ оживленнымъ разговоромъ, въ которомъ видѣлись и желаніе нра-

*) Хомяковъ какъ-то въ разговорѣ сказалъ мнѣ однажды: „Поколѣніе, воспитанное при Екатеринѣ, хотя и оканчивало свое воспитаніе въ Парижѣ и имѣло весь лоскъ и остроуміе Французскихъ изящныхъ кружковъ, было, однако, окружено въ дѣтствѣ Русскимъ простонароднымъ элементомъ и не отрывалось отъ родной почвы. Иностранныя няньки съ самаго рожденія ребенка нынче отчуждаютъ его отъ родины".

виться, и увѣренность въ успѣхѣ, и привычка Цезаря: прійти, взглянуть и побѣдить. Въ Лондонѣ она была одна изъ законодательницъ моды, одна изъ самодержавныхъ повелительницъ, — исключительно-отборнаго кружка *Almak's*. Знаменитость самая популярная того времени, Велингтонъ, желѣзный герцогъ, былъ у ея ногъ, и многіе говорили, что она посолъ настоящій, а что князь Ливенъ только „супругъ посольши". Представителемъ безцвѣтнаго тогдашняго министерства Англійскаго, вообще не популярнаго въ своей иностранной политикѣ, былъ извѣстный лордъ Кастельре (Лондондери), который относился, какъ всѣ министры иностранныхъ дѣлъ Англіи, почти безъ исключенія, довольно холодно къ Россіи, а въ отношеніи къ восточнымъ дѣламъ—враждебно; но въ это время эти дѣла оставались на заднемъ планѣ, и отъ нихъ отпугивали, смѣшивая законныя стремленія Христіанъ въ Сербіи и Греціи съ заговорами и тайными обществами Италіи, въ объятія которыхъ они бросались: ибо правительства, къ которымъ они взывали о помощи, ихъ отталкивали. Но въ народѣ Англійскомъ и въ кружкахъ средняго образованнаго общества, въ то время еще много оставалось сочувствія къ Россіи и къ героямъ отечественной войны, а Кастельрей былъ самый непопулярный министръ. Георгъ IV-й былъ еще принцемъ-регентомъ (во время сумашествія отца своего Георга III-го) и не былъ любимъ. Въ первой молодости онъ былъ красавецъ, остроумный, обворожительный, поклонникъ красоты, и искусствъ, и артистовъ, идолъ литературной опозиціи, и страшный кутила. Но взглядъ его на честность и достоинство, не только царское, но человѣческое, былъ черезъ чуръ снисходительный, и почтенія немного къ себѣ внушалъ принцъ Валлійскій; а когда пришлось управлять краемъ, то онъ увидѣлъ, что веселые собутыльники, даже самые даровитые, не въ состояніи составить ни партіи, ни министерства, и наносный либерализмъ его исчезъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его популярность, которая собственно и существовала только въ маленькомъ блистательномъ кружкѣ безъ серьезнаго значенія. Таково было положеніе дѣлъ, когда умалишенный король Георгъ III скончался.

Отрывокъ изъ записокъ моихъ.

Послѣднее время пребыванія нашего въ Лондонѣ, было ознаменовано смутами и заговорами по всей Европѣ и даже въ свободной, богатой, цвѣтущей Англіи. Это положеніе, которое составляло родъ эпидеміи, или моральнаго повѣтрія, огорчало батюшку именно потому, что онъ истинно желалъ преуспѣянія разумной свободѣ и считалъ преступленіемъ всѣ тѣ выходки или тайные замыслы политическихъ партій, которыя отталкиваютъ честныхъ дѣятелей отъ такого дѣла, для успѣха котораго должно, или нужно, употреблять недостойныя средства. Таково же было возрѣніе славнаго Каннинга, одного изъ

величайшихъ министровъ Англіи, таково возрѣніе Кавура, истинно государственнаго человѣка Италіи,—а всѣхъ троихъ (Кавура, Каннинга и отца моего), одни только люди крайнихъ партій могутъ не признавать за искренно-либеральныхъ людей. Но за то они были **государственные умы**, **трезвенно** желающіе и ищущіе развитія и блага своего отечества. Во сколько батюшка сочувствовалъ народнымъ движеніямъ Христіанъ, стремящихся спасти свою народную независимость и вѣру отъ ужасовъ Турецкаго гнета, во столько ему казались отвратительными и безумными волненія партій въ Англіи, гдѣ недовольствовались открытыми, законными путями для достиженія какой нибудь частной реформы, или во Франціи, гдѣ возставали противъ разумнаго и либеральнаго правительства (Людовика XVIII), какого еще не знавала Франція до тѣхъ поръ, и гдѣ бѣшенство опозиціи доходило до хладнокровнаго убійства, какъ напримѣръ герцога Беррійскаго. Когда спросили у его убійцы, Лувеля, что̀ увлекло его къ такому гнусному дѣлу, онъ отвѣчалъ: „Мои мнѣнія и чувства".

Какія же эти мнѣнія и чувства?

„Мое мнѣніе, что всѣ Бурбоны тираны и въ тоже время злѣйшіе враги Франціи".

— Почему же выбрали особенно герцога Беррійскаго, изъ всего семейства?

„Потому что онъ младшій членъ этого семейства и одинъ, который могъ бы оставить потомство этому, враждебному Франціи, роду" *).

Между тѣмъ умирающій герцогъ, когда король пришелъ къ нему, собралъ послѣднія силы, чтобы сказать: „Государь! Простите человѣка, который нанесъ ударъ. Нѣтъ сомнѣнія, что должно быть я его чѣмъ нибудь обидѣлъ, хотя, видитъ Богъ, самъ не знаю какъ".

Въ Испаніи, въ Италіи, тайныя общества дѣйствовали такимъ же оружіемъ, и наконецъ въ самомъ Лондонѣ $^{12}/_{24}$ Февраля 1820-го г. вышло объявленіе слѣдующаго содержанія: „Столица одержима величайшей тревогою, извѣстившись объ открытіи отчаяннаго заговора противъ государства. Правительство издало въ прошлую полночь слѣдующее приказаніе: „Поелику Артуръ Тистельвудъ (Thistlewood) обвиненъ „въ государственной измѣнѣ и тоже въ намѣренномъ убійствѣ Ричарда „Смитерса, симъ предлагается награжденіе въ 1000 фунт. стерлинговъ „тому человѣку или тѣмъ людямъ, которые откроютъ и арестуютъ или „способствуютъ къ открытію и аресту сказаннаго Артура Тистель„вуда; и будетъ имъ выплачено награжденіе оное, лордами-коммиса„рами Казначейства Его Величества, когда онъ будетъ взятъ и за„ключенъ въ одну изъ тюремъ Его Величества. И симъ предостере„гаются всѣ, и каждый, да не принимаетъ и не даетъ у себя укры„вательства сказанному Артуру Тистельвуду: ибо всякій виновный въ

*) Буквально изъ допросовъ Лувеля.

„ослушаніи сему запрещенію, самъ сдѣлается виновнымъ въ государ-„ственной измѣнѣ“. Подписалъ: „Сидмутъ“ [1]).

На другой же день Тистельвудъ былъ взятъ, и въ газетахъ объявлено:

„Нынѣ открыта публичная подписка для награжденія полицейскихъ „офицеровъ за ихъ ревность, дѣятельность и неустрашимость, оказан-„ныя ими при взятіи заговорщиковъ, въ сѣновалѣ въ Кэто - стритъ „(Катоновой улицѣ). Въ этотъ же день, въ королевской церкви „Сентжемскаго дворца, было отлужено торжественное молебствіе благо-„дарственное съ проповѣдью, сказанною епископомъ Оксфордскимъ. „Присутствовали: Герцогъ Іоркскій, графъ Батгурстъ и проч., и проч. „члены Министерства и Совѣта“.

„11-ть человѣкъ было арестовано 25-го Февраля. Изъ нихъ 8 были „признаны виновными въ государственной измѣнѣ и перевезены въ „Tower (Лондонскую башню), скованные по три человѣка вмѣстѣ. По-„томъ скованные же опять, но каждый особо, перевезены въ Ньюгетъ, „каждый съ 3-мя полицейскими въ повозкѣ съ нимъ, и съ отрядомъ „Лейбъ-Гвардіи (Life Guards), въ одну шеренгу по обѣимъ сторонамъ „повозки. Народу было много на улицахъ, но не было ни малѣйшаго „знака участія или сожалѣнія къ нимъ. Тистельвудъ помѣщенъ въ „особой маленькой келіи съ каминомъ въ ней, который ему позво-„ляется топить. Днемъ одинъ офицеръ неотлучно находится съ нимъ „въ келіи, ночью два офицера смѣняютъ другъ друга. Другіе 7-мь всѣ „въ одной комнатѣ; съ ними тоже неотлучно находится одинъ офи-„церъ днемъ, а двое ночью“.

Это было вскорѣ послѣ смерти умалишеннаго короля Георга III-го, скончавшагося $^{17}/_{29}$ Генв. 1820. Какъ замѣчаютъ тогдашнія Англійскія газеты, восшествіе на престолъ Георга IV-го нельзя было считать новымъ царствованіемъ, потому что онъ уже 8 лѣтъ управлялъ Англіей подъ именемъ принца-регента. Неудовольствіе было общее [2]). Оно высказывалось то на Сѣверѣ Англіи, то въ Ирландіи; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доходило до открытыхъ бунтовъ, которые были наказываемы приговоромъ и повѣшеніемъ зачинщиковъ, хотя ничего важнаго, ни многочисленнаго не было нигдѣ предпринимаемо. Смертная казнь въ Англіи, была тогда еженедѣльнымъ, если не ежедневнымъ событіемъ, и ходили смотрѣть на нее, какъ на обыкновенное публичное

---

[1]) Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

[2]) Каннигъ и Пальмерстонъ имѣли незначительныя мѣста въ этомъ министерствѣ, однако были оба не безъ вліянія, очень молодые, а Пальмерстонъ считался счастливымъ красавцемъ въ обществѣ, но неспособнымъ къ дѣламъ. Цѣлое же министерство было безцвѣтно. Вотъ что писалъ батюшка про Англійское министерство: le mot „faiblesse les peint sous tous les rapports; faiblesse de caractère, de talent, de crédit, et „même de confiance dans leurs propres forces“ (Слово слабость идетъ къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ; слабость характера, слабость дарованій, кредита и даже слабость увѣренности въ собственныхъ силахъ).

зрѣлище, гдѣ народъ толковалъ о томъ, прилично ли шелъ на плаху, христіански-ли умиралъ повѣшенный, вслушивались въ его рѣчи и послѣднюю исповѣдь (dying words and confession), толковали и критиковали какъ игру актера въ трагедіи; словомъ, висѣлица для Англичанъ была что-то въ родѣ гладіаторской арены Римлянъ, и не встрѣчалось у нихъ того мягкаго Христіанскаго чувства Русскаго человѣка, которое потрясаетъ его душу ужасомъ при видѣ смертной казни. Нѣсколько Казанскихъ крестьянъ, присутствовавшихъ при разстрѣляніи Антона Петрова въ Безднѣ, цѣлую недѣлю ѣсть не могли, и мѣсяца два спустя, всякій разъ, какъ припоминали объ этой казни за столомъ, не могли продолжать обѣда; Англичанинъ же преспокойно, прямо съ мѣста казни въ Old-Bailey, шелъ къ себѣ и плотно завтракалъ недожаренной кровавой говядиной, не чувствуя никакой тошноты (no squeamishness), хотя и разсуждалъ о послѣднихъ конвульсіяхъ *). Однако настоящій тайный заговоръ политическій, въ самомъ Лондонѣ, произвелъ необыкновенный эффектъ; но публика показала больше сочувствія полиціи, которая открыла заговорщиковъ, нежели жалости къ приговореннымъ. Въ характерѣ Англійскомъ, исполненномъ въ высшей степени уваженія къ закону и законности, преступникъ противъ закона есть общій врагъ, и всякій спѣшитъ изобличить его и выдать на казнь. Междоусобная война за Стуартовъ прекратилась лѣтъ 30 или 40, и политическіе преступники не пользовались уже ни сочувствіемъ, ни жалостію въ народѣ, хотя министерство было весьма не популярно, а частная жизнь принца-регента не внушала ни почтенія, ни любви. Даже Емметъ и лордъ Едвардъ Фицжералдъ, не смотря на поэтическія личности обоихъ, и на то, что они возставали за привилегіи Ирландіи, не успѣли возбудить интереса ни въ комъ, кромѣ своихъ земляковъ, — поэтѣ Томасѣ Мурѣ и другихъ Ирланцахъ. Достойные, если не потомки, то воспитанники и преемники Римлянъ, Англичане сотворили себѣ кумиръ изъ идеи государства, и никакія всесожженія человѣческихъ жертвъ предъ нимъ не смущаютъ ихъ; мы еще недавно видѣли это во время Сипайскаго бунта въ Индіи. Въ Англіи на заговоръ Тистельвуда смотрѣли просто какъ на гнусное преступленіе, и самые рьяные радикалы, стоявшіе во главѣ сильной оппозиціи, не думали смягчать вину приговоренныхъ, а только хотѣли воспользоваться случаемъ, чтобы напасть на министерство, и славный тогда, по ярости своей оппозиціи, алдерманъ (одинъ изъ гласныхъ или головъ города) Вудъ (Wood) придрался къ тому, что былъ принятъ первый доносъ отъ одного изъ за-

---

*) У меня, пяти-лѣтней дѣвочки, осталась память, и въ памяти удивленіе и недоумѣніе: какъ это наша Англійская служанка (Housemaid), молоденькая, краснощекая блондинка въ синеватомъ фартукѣ, съ засученными до красныхъ здоровыхъ локтей рукавами, съ такимъ нетерпѣливымъ желаніемъ просила отпустить ее на повѣшаніе того или другаго вора, или убійцы (это очень часто), какъ у насъ просятся на качели или на ярманку.

говорщиковъ Едвардса, и сталъ выговаривать министрамъ въ Парламентѣ за то, что они употребляютъ шпіоновъ (agents provocateurs), стараясь доказать, что Едвардсъ (который оставался съ заговорщиками послѣ своего доноса на нихъ, для того чтобы слѣдить за ихъ планами) будто бы увлекъ другихъ и даже самъ задумалъ и началъ весь заговоръ, дабы выдать потомъ товарищей. Вудъ основалъ это обвиненіе на одной изъ попытокъ Тистельвуда, съ начала его процесса, когда онъ думалъ этой уловкой отклонить отъ себя вину зачинщика; однако самъ онъ вскорѣ отрекся отъ этого показанія, котораго нельзя было поддержать: — такъ сильны были доказательства противнаго.

Оппозиціи не хотѣлось выпустить изъ рукъ такого случая обвинять министерство въ нечистыхъ дѣйствіяхъ, но алдерманъ Вудъ уронилъ себя въ общемъ мнѣніи такой попыткой, неслыханной въ Англіи и точно недостойной. На дворѣ тюремнаго замка Ньюгетъ, въ то время когда уже вели Тистельвуда на казнь, пока снимали съ него оковы, алдерманъ Вудъ подошелъ къ нему, говоря, что желаетъ предложить ему вопросъ. Тистельвудъ согласился выслушать и отвѣчать, и алдерманъ спросилъ его про Едвардса. Онъ отвѣчалъ такимъ образомъ, что совершенно опровергнута была возможность смотрѣть на Едвардса, какъ на агента правительства для завлеченія другихъ въ заговоръ. Не смотря на это, Вудъ сдѣлалъ еще попытку обвинить министерство въ Парламентѣ и поднять общій вопросъ объ употребленіи шпіоновъ; но онъ и его партія были совершенно разбиты, и тогдашній генералъ-прокуроръ (attorn general) и славный Каннингъ, тогда еще молодой, но блистательнѣйшій ораторъ Нижней Палаты Парламента, одинъ изъ великихъ государственныхъ людей Англіи, особенно сильно упрекали Вуда. Генералъ-прокуроръ говорилъ: „Я знаю случаи, когда, послѣ приговора виновныхъ въ ужасающихъ преступленіяхъ, благонамѣренныя и добродушныя особы, желая уничтожить и малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ справедливости приговора, старались склонить ихъ къ добровольному признанію своей вины; я слыхалъ и о такихъ примѣрахъ, что добрые люди старались даже въ послѣднія предсмертныя минуты обратить на путь раскаянія и сдѣлать менѣе недостойными явиться передъ своимъ Творцемъ и Судіею такихъ преступниковъ, которые, какъ Тистельвудъ, до своего послѣдняго часа, опровергали истины Христіанства; но нынѣ въ первый разъ — и надѣюсь, на милость Божію, въ послѣдній,—слышу, чтобъ кто либо искалъ свиданія съ приговореннымъ, на самомъ пути его къ казни, для того чтобы закидать его пустыми вопросами изъ мелкихъ цѣлей партіи“!

Каннингъ въ свою очередь сказалъ: „Подучилъ-ли кто почтеннаго „алдермана, я не знаю, или онъ самъ отъ себя дѣйствовалъ; но всѣмъ „извѣстно, что, въ послѣднюю, грозную минуту передъ казнію, онъ „дерзнулъ искушать умирающаго преступника, соблазнять его возмо-

„жностью повторенія лжи, выдуманной имъ въ началѣ суда. Какой добрый ангелъ удержалъ Тистельвуда, не могу сказать; но онъ устоялъ „противъ искушенія; — однако не алдерману можно сказать спасибо „за это! Самому Тистельвуду мы обязаны, что не запутаны теперь въ „парламентскомъ преніи о его предсмертныхъ словахъ, высказанныхъ „для увѣренія въ томъ, что̀ уже было доказано какъ ложь. Еслибъ „отвѣтъ Тистельвуда былъ таковъ, какъ можно было бъ ожидать въ „его обстоятельствахъ, что̀бы вышло, господа? Лживое показаніе из„мѣнника было бы возведено въ священное завѣщаніе истины, изъ „устъ умирающаго мученика"!

Изъ арестованныхъ 24-го Февраля, восьмеро были признаны государственными преступниками: пятеро изъ этихъ заговорщиковъ Катоновой улицы (какъ ихъ прозвали) были казнены 1-го Мая послѣ болѣе двухъ-мѣсячнаго заключенія въ Тоуерѣ во время слѣдствія и суда.

Вотъ какъ разсказанъ этотъ заговоръ въ Сборникѣ разныхъ свѣденій историческихъ, официіальныхъ и неофиціальныхъ, за 1820-й годъ, выдаваемыхъ въ то время въ Лондонѣ въ концѣ каждаго года, *Annual Register*:

„Этотъ заговоръ былъ одинъ изъ самыхъ гнусныхъ и вмѣстѣ самыхъ нелѣпыхъ, о которыхъ упоминаетъ исторія. Конечною цѣлію была полная революція, измѣненіе образа правленія, а ближайшее стремленіе: убійство всѣхъ министровъ. Заговорщики были малочисленны, низкаго происхожденія, безъ образованія, безъ средствъ, безъ дальновидности. Они полагали (и въ этомъ не ошибались), что довольно 20 или 30 отчаянныхъ негодяевъ, чтобы составить шайку въ состояніи избить всѣхъ членовъ министерства; а озлобленіе ихъ невѣжественныхъ умовъ, ослѣпленныхъ завистью и мщеніемъ, обольщало ихъ надеждою, — если удастся ихъ кровавый замыселъ, — овладѣть властію и правленіемъ земли. Зачинщикъ этого заговора былъ Артуръ Тистельвудъ. Онъ родился въ Линкольнширѣ 1770 года; отецъ его былъ управляющимъ имѣніемъ одной древней фамиліи въ сосѣдствѣ Горнкастеля. Въ первыхъ годахъ отрочества онъ былъ отданъ на воспитаніе къ одному изъ лучшихъ учителей Англіи для приготовленія его въ землемѣры (Landsurveyor). Но онъ въ послѣдствіи отказался отъ этой карьеры и на 22-мъ году поступилъ штабсъ-капитаномъ въ одинъ изъ полковъ милиціи; вскорѣ онъ женился на молодой дѣвушкѣ фамиліи Брюсъ изъ Іоркшира, съ имѣніемъ приносящимъ ей до 300 фунтовъ (1800 рубл.) доходу. Онъ оставилъ милицію и поступилъ въ линейный полкъ, съ которымъ и отправился въ теченіе войны въ Америку; тамъ скоро подалъ въ отставку и, получивъ паспортъ во Францію, пріѣхалъ туда скоро послѣ паденія Робеспіера. Онъ связался со многими революціонерами Французскими, присвоилъ себѣ ихъ ученія и чувства, и послѣ Амьенскаго мира, воротился въ Англію, гдѣ со-

шелся съ невольными и своего отечества: съ тѣхъ поръ, какъ видно, вся жизнь его сосредоточилась на изысканіи средствъ къ низверженію нашего образа правленія. Хотя онъ конечно съ радостію видѣлъ неудовольствіе, распространившееся въ большей части Англіи около конца 1819-го года, кажется однако, что онъ мало принималъ участія въ уличныхъ безпорядкахъ и не сближался съ тѣми демагогами, которые ихъ причиняли. Возбуждающія къ народнымъ волненіямъ рѣчи, или писанія, такъ мало имѣли вѣсу для него, что онъ считалъ Гунта (Hunt) и Коббета орудіями министерства; въ его глазахъ кровопролитіе и убійства казались единственно вѣрными доказательствами любви къ отечеству".

„Онъ постепенно собралъ около себя нѣкоторое число людей такихъ же отчаянныхъ, какъ онъ самъ, отыскивающихъ также случая погубить министровъ. Ингсъ (Ings) мясникъ, Тиддъ и Брунтъ (Tidd and Brunt) башмачники, и цвѣтной человѣкъ (т. е Негритянскаго происхожденія), именемъ Давидсонъ, сдѣлались его главными повѣренными. Послѣ смерти короля, собранія заговорщиковъ повторялись дважды въ день и съ ясно обозначенной цѣлью. На одномъ изъ нихъ было предложено воспользоваться похоронами короля (когда бо́льшая часть войска былабъ въ Виндзорѣ у тѣла), чтобы стараться овладѣть столицей; но они отказались отъ этого плана, потому что онъ не повелъ бы къ непремѣнному истребленію министровъ. Наконецъ, 19 Февраля они рѣшили, что, за истощеніемъ своихъ денежныхъ средствъ, не имѣютъ возможности долѣе откладывать своего дѣла и что въ слѣдующую Среду должно убить министровъ, каждаго у него на дому. Отъ 40 до 50-ти человѣкъ были назначены въ убійцы, а два особые отряда заговорщиковъ должны были въ тоже время захватить двѣ пушки, стоящія въ Греуз-ин-ленъ (Grau's Inn lane) и шесть на артиллерійскомъ плацѣ. Городскую Думу (Mansion House) должно было объявить Дворцемъ Временнаго Правленія; должно было штурмовать Банкъ немедленно и зажечь Лондонъ съ разныхъ концовъ. Во Вторникъ (на канунѣ назначеннаго дня) одинъ изъ заговорщиковъ, Едвардсъ, который уже за нѣсколько дней передался правительству и служилъ лазутчикомъ, увѣдомилъ Тистельвуда, что именно на другой день въ Среду, долженъ быть министерскій обѣдъ у лорда Гаробей (Harrowby), президента министровъ. Это извѣстіе измѣнило ихъ планъ."

„Такъ какъ давно не было такихъ обѣдовъ (по случаю траура), сказалъ Тистельвудъ, конечно изъ министровъ и членовъ министерства „будетъ 14 или 16 человѣкъ, и это великолѣпная оказія перерѣзать „ихъ всѣхъ за одно".

„И такъ рѣшили, что одинъ изъ заговорщиковъ понесетъ письмо къ лорду Гаробей. Какъ скоро отворятъ дверь, чтобы впустить его, шайка заговорщиковъ должна была вломиться въ домъ за нимъ; пока нѣкоторые изъ нихъ схватили бы прислугу лорда, другіе должны были

броситься въ комнату, гдѣ сидѣли министры, и убить ихъ всѣхъ безъ милосердія. Особенно же было приказано принести въ мѣшкѣ головы лорда Сидмута (министра внутреннихъ дѣлъ) и лорда Кастелерея (министра иностранныхъ дѣлъ). Двое изъ заговорщиковъ должны были тотчасъ же отправиться въ Кингъ-стритъ и бросить ручныя гранаты въ сѣновалъ кавалерійскихъ казармъ, между тѣмъ какъ остальные должны были участвовать въ прочихъ дѣйствіяхъ, по устроенному заранѣе плану. Они разсчитывали на сотню съ чѣмъ-то человѣкъ всякаго сброду, готовыхъ на всякій разбой,—которыхъ они подговорили дѣйствовать съ ними за одно въ критическую минуту.„

«Но предполагаемыя жертвы заговорщиковъ уже были предупреждены. Кромѣ Едвардса, который уже за нѣсколько времени передался правительству, другой человѣкъ именемъ Гайдонъ (Hidon), котораго Тистельвудъ хотѣлъ завлечь въ заговоръ, наканунѣ назначеннаго дня (во Вторникъ), остановилъ лорда Гаробея въ Сентжемскомъ паркѣ, гдѣ онъ ѣхалъ верхомъ и подалъ ему письмо съ извѣщеніемъ, что шайка убійцъ готовится умертвить его лордство (his lordship) и остальныхъ членовъ министерства во время обѣда. Графъ Гаробей, хотя этотъ человѣкъ не былъ ему знакомъ, выслушалъ однако все что̀ онъ ему передалъ словесно, кромѣ письма, и поспѣшилъ совѣщаться съ своими товарищами. Министры рѣшили не принимать никакихъ мѣръ, которыя бы могли удержать или испугать злодѣевъ, потому что тогда не имѣлось бы доказательствъ ихъ виновности, и они могли бы въ послѣдствіи совершить подобное злодѣйство, съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Приготовленія къ обѣду продолжались у лорда Гаробея до 8 часовъ вечера, хотя обѣдъ былъ отказанъ».

«Между тѣмъ отрядъ полицейскихъ констебловъ былъ отправленъ въ Cato-street, гдѣ долженъ былъ встрѣтить подкрѣпленіе изъ отряда Колдстримъ-гвардіи (Coldstream Guards). Около 8 часовъ полицейскіе вошли въ старую конюшню, гдѣ было мѣсто сборища и влѣзли по лѣстницѣ (ladder) въ сѣновалъ, гдѣ и нашли заговорщиковъ уже готовыхъ отправиться на исполненіе своего замысла. Старшій полицейскій приказалъ имъ именемъ закона сдаться въ руки полиціи. Смитерсъ, одинъ изъ констебловъ, вышелъ впередъ, чтобы захватить Тистельвуда, который прокололъ его насквозь шпагою. Смитерсъ палъ мертвъ на мѣстѣ, а Тистельвудъ бросился мимо его, и успѣлъ скрыться, потушивъ свѣчки, такъ что въ потемкахъ нѣсколько изъ его сообщниковъ бросились внизъ по лѣстницѣ, а полицейскіе преслѣдовали ихъ какъ могли въ темнотѣ. Въ это время показался запоздалый военный отрядъ, и человѣкъ 9 было схвачено. Въ теченіи двухъ слѣдующихъ дней и Тистельвудъ, и всѣ главные заговорщики были взяты».

«27-го Марта, послѣ судебнаго слѣдствія, билль (bill) обвиненія въ государственной измѣнѣ былъ объявленъ ему и другимъ 11-ти заключеннымъ. 17 Апрѣля онъ былъ представленъ суду. Главный свидѣтель

противъ него былъ одинъ изъ заговорщиковъ именемъ Адамсъ. Послѣ 3-хъ дневнаго суда (trial) онъ былъ объявленъ виновнымъ въ заговорѣ, съ цѣлью возбудить бунтъ противъ короля, и въ началѣ дѣйствія по сему намѣренію. Ингсъ, Брунтъ, Тиддъ и Давидсонъ судились потомъ и признаны виновными. Остальные шестеро сами сознались виновными. Одинъ изъ нихъ, который, какъ оказалось, взошелъ въ заговоръ, не зная его истинной цѣли, былъ прощенъ. Для другихъ пятерыхъ приговоръ на смертную казнь былъ смягченъ, и они сосланы на всю жизнь на поселенія (или на каторгу, не знаю, что собственно transporta'tion значитъ). 1-го Мая Тистельвудъ и главные четверо сообщниковъ его повѣшаны на обыкновенномъ мѣстѣ казни въ Ольдъ-Бейлей Old-Bailey), хваляся до конца тѣмъ, чего они хотѣли достигнуть, и сожалѣя только о неудачѣ, безъ всякаго раскаянія въ своемъ гнусномъ преступленіи. Со стороны толпы народа не было никакихъ знаковъ участія къ казненнымъ."

„Въ сѣверныхъ провинціяхъ Великой Британіи общее неудовольст „віе, на которое разсчитывалъ Тистельвудъ, выказывало себя сильнымъ „волненіемъ, которое доходило до незначительныхъ бунтовъ въ нѣко„торыхъ мѣстностяхъ. 2-го Апрѣля, въ Гласковѣ (Glasov), проклама„ція была наклеена на стѣнахъ: въ ней объявлялось, что издана она „комитетомъ для организаціи Временнаго Правленія; въ ней говори„лось въ видѣ предисловія о Магнѣ Чартѣ (Великой Хартіи) и биллѣ, „о правахъ (bill of rights); потомъ объявлялась борьба, которая гото„вилась къ достиженію равенства правъ для всѣхъ, и вызывали народъ „въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи выйти на арену и произвести ре„волюцію силою оружія.»

„Весь Гласковъ взволновался; страхъ овладѣлъ всѣми до такой „степени, что фабрики остановились, и никто не смѣлъ оставить дома. „Но энергическія мѣры правительства и сильные отряды милиціи и „войска скоро возстановили порядокъ. Нѣсколько разбоевъ кое-гдѣ „были прекращены, и только одна была попытка на вооруженное со„противленіе въ сосѣдствѣ Гласкова, по дорогѣ въ Фалкиркъ (Falkirk) „на возвышеніи, называемомъ Боннимуиръ (Bonnymuir), гдѣ маленькая „партія радикаловъ, вооруженныхъ чѣмъ попало: пистолетами, винтов„ками, кольями, засѣли за каменной оградой, убили одну лошадь и „ранили одного офицера и трехъ солдатъ кавалерійскаго отряда, по„сланнаго противъ нихъ. Изъ нихъ самихъ много было тяжело ранен„ныхъ, а 19 взято въ плѣнъ. Множество людей, обвиненныхъ въ рас„пространеніи неудовольствія противъ правительства, было арестовано. „Чрезъ нѣсколько дней волненіе совершенно утихло. Рабочій классъ „воротился къ своимъ занятіямъ, и опасенія, возбужденныя имъ, бы„ли забыты всѣми, кромѣ преступниковъ, ожидающихъ въ тюрьмахъ „справедливой кары закона".

„Къ концу Іюля и къ началу Августа (черезъ три или четыре „мѣсяца) обвиненные въ государственной измѣнѣ были отданы на „судъ особой коммиссіи, которая засѣдала въ тѣхъ графствахъ, гдѣ „были совершены преступленія (т. е. смуты). Большое число обви„ненныхъ приговорены къ смертной казни, но приговоры были смягчены „королемъ для всѣхъ, кромѣ троихъ. Одинъ давно занимался возбуж„деніемъ къ бунту народа; другіе два участвовали въ стычкѣ Бон„нимуирской. Ихъ казнь произвела на зрителей болѣе грустное, но за „то менѣе отвратительное впечатлѣніе, чѣмъ Тистельвуда и его сообщ„никовъ: ибо Шотландскіе бунтовщики умерли въ раскаяніи и чув„ствахъ глубокой религіозности, не хвастаясь, подобно заговорщи„камъ Катоновской улицы, чувствами и побужденіями, которыя уни„жаютъ человѣка до уровня животныхъ“.

Таковъ отчетъ Англійскаго Сборника о происшествіяхъ 1820 года. Здравый смыслъ, чувство законности и крѣпкое монархическое чувство спасли Англію отъ періодическихъ переворотовъ ея сосѣдки Франціи.

Говоря вообще, двухъ-годовое пребываніе отца моего въ Лондонѣ имѣло большое и благотворное вліяніе на него. Его умъ былъ слишкомъ развитъ, его смыслъ слишкомъ здравъ и воспитаніе въ дѣтствѣ слишкомъ Русское, чтобы позволить ему рабски поклоняться иностранному и дать овладѣть собою тому пристрастію къ какому бы то ни было иностранному строю жизни, которое слишкомъ у насъ обыкновенно. Онъ видѣлъ и существенные недостатки Англійскаго правительства и Англійскаго народа, и неприменимость къ Россіи правленія и привычекъ Англійскихъ; но онъ умѣлъ цѣнить и перенять или присвоить себѣ то, чтó находится истинно и безусловно похвальнаго и полезнаго въ Англіи. Онъ говаривалъ, что, въ противоположность необузданности Французскаго понятія о свободѣ, онъ выучился почитать и любить тò вольное поклоненіе закону, которое характеризуетъ Англичанъ; онъ вынесъ изъ Англіи, искренне всюду имъ примѣняемое, уваженіе къ человѣческому достоинству и къ правамъ частныхъ лицъ, равно какъ и къ правамъ общимъ государства и народа. Но онъ не разлюбилъ народа своего, не отсталъ даже отъ родныхъ обычаевъ, хотя полюбилъ еще болѣе прежняго опрятность, чистоту и удобства жизни въ домашнемъ быту. Въ Англіи укоренилось его желаніе освобожденія крестьянъ, которое было поколеблено мнѣніемъ Карамзина о невозможности въ тò время примѣненія великаго начала Христіанскаго братства къ нашему крѣпостному праву. Онъ вынесъ, для себя собственно, обильный источникъ высокихъ и чистыхъ наслажденій въ знаніи Англійскаго языка и постоянно занимался литературою Англійскою. Онъ говорилъ, какъ Хомяковъ: „Англія тѣмъ такъ хороша, что она своеобразна и не годится въ образцы никому“.

Яицкое войско до появленія Пугачова

VIII [1]).

Генералъ Потаповъ, прибывъ на Яикъ, тотчасъ же приступилъ къ производству слѣдствія; но дѣло, вопреки его желанію, затянулось. Наконецъ, послѣ длинныхъ проволочекъ, арестовъ и допросовъ обвиняемыхъ казаковъ и старшинъ, Потаповъ пришелъ къ тому выводу, что казаки народной партіи дѣйствительно правы; что нѣтъ никакой возможности оправдать атамана и старшинъ. Въ этомъ смыслѣ онъ донесъ Коллегіи, предоставивъ окончательное рѣшеніе дѣла на ея усмотрѣніе; а самъ, вслѣдъ за доношеніемъ, отправился въ Петербургъ. В. Коллегія рѣшила: атамана Бородина и его сторонниковъ старшинъ лишить занимаемыхъ ими должностей и чиновъ и впредь ни на какія должности не выбирать; сверхъ того взыскать $^1/_3$ удержаннаго ими у казаковъ жалованья, 3,387 р. 49-ти коп., казаковъ же, сдѣлавшихъ ложный доносъ, наказать плетьми. Въ половинѣ Декабря 1765 г. состоялся Высочайшій указъ [2]), въ отвѣтъ на доношеніе генерала Ивана Потапова. Объявленіе войску конфмирмаціи надъ виновными поручено было премьеръ-маіору Казанскаго драгунскаго полка Новокрещенову, который въ это время находился въ Яицкомъ городкѣ и производилъ перепись казаковъ, такъ неудачно или, скорѣе, недобросовѣстно начатую Путиловымъ и Кротковымъ. Вмѣсто Андрея Бородина, указъ предписываетъ выбрать «вольными и согласными голосами» троихъ кандидатовъ и донести о нихъ въ В. Коллегію, а завѣдываніе различными дѣлами въ войскѣ, до выбора и утвержденія новаго атамана, поручить выбраннымъ изъ старшинъ и казаковъ, согласно указу, данному на имя войска въ Февралѣ 1765 г.; всѣ судныя дѣла подлежали рѣшенію этихъ выборныхъ; дѣла же общія, касавшіяся интересовъ всего войска, обсуждались въ Войсковомъ Кругу. Присутствовавшимъ въ Войсковой Канцеляріи старшинамъ и состоявшимъ при нихъ писарямъ, толмачамъ, повѣреннымъ, канонерамъ, кузнецамъ и сторожу, а также священноцерковнослужителямъ, какъ членамъ «домосѣдной команды», удержанное жалованье приказано выдать и впредь каждогодно изъ вѣсовыхъ и поведерныхъ сборовъ выдавать: протопопу 60 р., священникамъ по 30 р.,

---

1) См. выше стр. 203.

2) Въ Ур. в. архивѣ № 67.

дьяконамъ по 25 р., псаломщику и пономарю по 10 р., звонарямъ и сторожамъ по 8 р.; да, кромѣ того, на содержаніе и ремонтъ церквей въ годъ 100 р. на каждую, при чемъ священники обязывались записывать всѣ расходы по церкви, включая сюда покупку вина и свѣчъ, въ особыя приходорасходныя книги, которыя велѣно выдать изъ Войсковой Канцеляріи и, по прошествіи года, повѣрять ихъ. Народная партія, какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла, сильно была недовольна тѣмъ, что въ числѣ домосѣдной команды находились, кромѣ атамана и членовъ Войсковой Канцеляріи, писаря, толмачи, канонеры, кузнецы, сторожа, и проч. Казаки называли такой составъ домосѣдной команды нововведеніемъ атамана Бородина и указывали на то, что всѣ эти лица получаютъ доходъ отъ занимаемыхъ ими мѣстъ и, кромѣ того, наровнѣ съ прочими казаками пользуются правомъ рыболовства. Но по слѣдствію оказалось, что вышеозначенныя лица числились въ домосѣдной командѣ и раньше [1]), и потому указъ 15 Декабря 1765 г., ссылаясь на прежній составъ домосѣдной команды, предписываетъ войску выдавать «денежное награжденіе» изъ домосѣдной суммы всѣмъ тѣмъ лицамъ, замѣчая при томъ, что одними доходами отъ своей службы содержать себя они не могутъ, а отлучаться на рыболовство и другіе промыслы не имѣютъ времени, да и недолжны, чтобы не было остановки въ дѣлахъ. Далѣе указъ съ точностію опредѣляетъ количество баграчей [2]) для атамана, старшинъ и прочихъ лицъ; подтверждаетъ издавна существовавшій у казаковъ валовой сѣнокосъ [3]); запрещаетъ самовольную рубку лѣса; грозитъ плетьми тѣмъ, которые, состоя въ домосѣдной или резервной командѣ, своевольно отлучатся изъ города на какіе-либо промыслы; строжайше воспрещаетъ всѣ частные презенты «знатнымъ персонамъ», для которыхъ сбирали иногда съ казаковъ лошадей, тулупы, кибитки и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, указъ касается и облюбленной казаками «наемки», или права нанимать за себя на службу другаго: «При всякихъ отъ войска командированіяхъ» (читаемъ въ указѣ) «наряды въ службу отнынѣ впредь старшинамъ и казакамъ чинить поочереди, не обходя никого, для того, чтобы всѣ казаки воинской службы практику дѣйствительно знать могли и годными къ службѣ были». Мы уже знаемъ [4]) что Неплюевъ, проэктируя очередную службу, дозволялъ нанимать вмѣсто себя и другаго, если очередь доходила до такихъ казаковъ, которые, имѣя большія деньги, занимались торговлей, промыслами и т. п., или которые нужны были въ войскѣ, какъ мастеровые. Указъ 15 Декабря

---

[1]) Напримѣръ при атаманѣ Ильѣ Меркурьевѣ, на котораго и ссылается указъ.

[2]) Т. е. число работниковъ на багренномъ рыболовствѣ: войсковому атаману 4, войсковымъ старшинамъ по 3, старшинамъ, войсковому дьяку и протопопу по 2, войсковымъ есауламъ, повѣреннымъ, писарямъ, толмачу, попамъ и дьяконамъ по одному, казеннымъ караульщикамъ двоимъ одного.

[3]) Валовой сѣнокосъ существуетъ и доселѣ въ Уральскомъ войскѣ. Хозяйственное правленіе заранѣе назначаетъ время сѣнокоса и количество рабочихъ для генерала, полковника, старшины и т. д.; казаки отправляются въ луга, и каждый коситъ тамъ, гдѣ ему угодно. Прежде всего каждый казакъ старается сдѣлать, какъ можно больше, обкосъ, чрезъ который уже никто не можетъ перейти съ своей косой; все сѣно, или трава въ обкосѣ, принадлежитъ сдѣлавшему обкосъ

[4]) Смотр. выше гл. IV-я.

1765 г. также допускаетъ наемку, но только въ случаѣ болѣзни или отлучки изъ войска. Атаманъ и старшины обязывались два раза ежегодно осматривать служащихъ казаковъ, ихъ оружіе, лошадей и т. п., и вести точные списки всѣмъ служащимъ съ обозначеніемъ, кому сколько лѣтъ отъ роду, кто сколько лѣтъ числится на службѣ [1]; въ этихъ же спискахъ велѣно отмѣчать выбывшихъ изъ службы, а самые списки чрезъ каждыя пять лѣтъ представлять въ В. Коллегію. Въ случаѣ особенныхъ и экстренныхъ командировокъ, когда требовался вполнѣ надежный и исправный командиръ, указъ предписываетъ: «не взирая на очередь, командировать, по распоряженію войсковаго атамана и старшинъ, а не по выбору войсковому; ибо до сего казаки начальниковъ себѣ выбирали такихъ, которые слабы и попустительны и дѣлаютъ единственно то, что̀ казакамъ угодно» [2]. Запрещая всякіе денежные сборы съ казаковъ, кромѣ добровольно принятыхъ на себя войскомъ [3], указъ 15 Декабря требуетъ, чтобы пошлинныя деньги за Гурьевскіе учуги, рыбныя ловли и т. п. уплачивались изъ остатковъ кабацкихъ, вѣсовыхъ и соляныхъ доходовъ, и только въ случаѣ недостатка денегъ, допускались сборы; но «тѣ сборы располагать безъ излишества, съ согласія всего войска, наблюдая общую пользу»; собранныя деньги сначала должны быть записаны въ приходъ, а потомъ уже въ расходныя книги; общественные войсковые приговоры объ этихъ сборахъ велѣно хранить въ Войсковой Канцеляріи вмѣстѣ съ другими дѣлами. Окладное жалованье казаки должны были получать чрезъ сотниковъ подъ особую росписку: удерживать жалованье ни подъ какимъ видомъ не дозволялось. При производствѣ въ чинъ, атаманъ и старшины обязывались строго соблюдать постепенность [4] и «дальше есаульскаго чина не награждать», и то съ общаго войсковаго приговора, а о прочихъ велѣно представлять въ В. Коллегію, «а собою отнюдь не производить».

Изъ дѣлъ Уральскаго войсковаго архива [5] видно, что Яицкое войско, по указу Сената и опредѣленію В. Коллегіи, ежегодно получало 70 пудъ пороху и пропорціональное этому количество свинцу; изъ этого количества каждый казакъ долженъ былъ получать полфунта пороху и «свинцу на то число по препорціи». Въ 1762 г. казакъ Копѣечкинъ и его товарищи подали въ В. Коллегію доношеніе, въ которомъ заявили, что атаманъ Бородинъ «изъ отпускаемаго пороху и свинцу на каждаго человѣка по полуфунту не ежегодно дачу производитъ, а куда онъ его употребляетъ, неизвѣстно». На слѣдствіи

[1]) Въ старину казаки служили иногда очень долго, такъ, напримѣръ, Осипъ Бѣлоусовъ, бывшій въ 1680—1690 г. войсковымъ атаманомъ, показалъ полковнику Захарову, что онъ «служилъ въ казакахъ семьдесятъ шесть лѣтъ, начавъ службу съ 20 лѣтняго возраста». См Ур. В. 1869 № 23, 11.

[2]) § 16 указа.

[3]) По контракту 1752 г. казаки обязались вносить въ казну за учуги и рыбныя ловли 4692 р. $69^1/_3$ к. ежегодно и 754 р. 10 к. за таможенный и кабацкій сборы, а 1 Янв. 1759 г. войско добровольно приняло на себя соляной сборъ за 5003 р. $84^1/_2$ к.

[4]) Изъ десятниковъ—въ сотники; изъ сотниковъ въ есаулы; изъ есауловъ въ старшины; изъ старшинъ въ войсковыя старшины.

[5]) См. № 70-й, стр. 15. Сличи. Чт. Общ. Истор. и др. Росс. 1859, 3, стр. 107.

Бородинъ объяснилъ, что до 1755 г. включительно онъ выдавалъ каждому казаку пороху по полуфунту, «а въ томъ году сдѣлалось Башкирское замѣшаніе [1]) и продолжалось до 1757 г., отъ которыхъ (Башкиръ), также и отъ степныхъ народовъ имѣлась немалая опасность, и потому, для приведенія ихъ въ спокойствіе, командированнымъ командамъ дано изъ принятаго на 1755 г. пороху и свинцу по полуфунту, а на 1756 по фунту, а оставшимъ при домахъ дачи не было, сберегая оный (порохъ) для нечаяннаго непріятельскаго нападенія» [2]). Такъ какъ порохъ, отпускаемый Бородинымъ, не былъ записанъ въ приходо-расходныхъ книгахъ, то слѣдственная коммиссія сообщила о томъ В. Коллегіи, которая, въ отвѣтъ на это, предписала [3]): «Порохъ и свинецъ въ добромъ присмотрѣ содержать и въ расходъ, который назначенъ по приложенной при семъ табели, употреблять съ вѣрною запискою, а въ иной (расходъ) и на продажу отнюдь не употреблять. Ежели-жъ тотъ порохъ отъ долговременнаго лежанія и сырости придетъ въ негодность, въ такомъ случаѣ оный для переправки отсылать въ ближайшія вѣдомства главной артиллеріи пороховые заводы, а куда именно, о томъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи чрезъ посланный къ оному войску указъ дать знать»; достальной же порохъ и свинецъ содержать на экстраординарные случаи; а притомъ начальникамъ надъ командами наблюдать, дабы изъ отпущаемыхъ съ ними пороху и свинцу ни одного патрона напрасно и не въ принадлежащіе расходы употребляемо не было, а по возвращеніи, если остатокъ патронамъ случится, отбирать и, сколько отобрано будетъ, записывать въ приходъ».

Такимъ образомъ, по указу 15 Декабря, казаки должны были отбывать службу по очереди, а не по найму, какъ было до этого времени; начальники командируемыхъ отъ войска отрядовъ могли быть назначаемы и безъ согласія войска, по личному усмотрѣнію атамана и старшинъ.

Казаки народной партіи, и безъ того озлобленные противъ старшинской, теперь вооружились еще болѣе, такъ какъ указъ прямо отдавалъ ихъ въ руки противниковъ: атаманъ и старшины назначали командирами отрядовъ тѣхъ, которые были съ ними за одно и потому уже не любы казакамъ. Новокрещеновъ, получивъ указъ, сообщилъ о томъ атаману и старшинамъ; виновные не замедлили подкупить маіора, чтобы онъ дѣйствовалъ въ ихъ пользу. Вслѣдствіе этого, Новокрещеновъ объявилъ только ту часть конфирмаціи, въ которой говорилось о казакахъ, сдѣлавшихъ ложный доносъ; другой же, гдѣ рѣчь шла объ атаманѣ и старшинахъ, подкупленный преміеръ-маіоръ не хотѣлъ прочитать, вопреки желанію и просьбамъ народа, узнавшаго уже о сдѣлкѣ Новокрещенова съ старшинской партіей. Наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ со стороны народа, Новокрещеновъ приказалъ казакамъ собраться къ нему на домъ для выслушанія рѣшенія В. Коллегіи; но когда казаки собрались, маіоръ, вмѣсто чтенія конфирмаціи, по совѣту и просьбѣ старшинъ, начинаетъ увѣщевать ихъ,

---

[1]) Бунтъ Батырши Алѣева.

[2]) Уральск. в. арх., № 70, стр. 15 и 16.

[3]) См. тамъ же № 67, стр. 10 и 11.

чтобы они успокоились и выбрали въ атаманы дьяка Кретина, креатуру старшинской партіи.

Между казаками, собравшимися совершенно съ иною цѣлію, начался шумъ, ропотъ, а болѣе смѣлые отважились упрекать Новокрещенова въ явномъ обманѣ и несправедливости. Новокрещеновъ донесъ въ В. Коллегію, что казаки бунтуютъ и указа В. Коллегіи не слушаютъ. Коллегія командировала на Яикъ генералъ-маіора Черепова, вручивъ ему громоносный указъ о безпрекословномъ повиновеніи законамъ и начальству. Череповъ, въ сопровожденіи отряда драгунъ, является на Яикъ и даетъ приказаніе немедленно собрать Казачій Кругъ. Раздался знакомый казакамъ звукъ набатнаго колокола, приглашавшій ихъ въ собраніе. Набатный колоколъ умолкъ. Казаки собрались къ квартирѣ Черепова. Генералъ выходитъ на крыльцо и начинаетъ читать указъ; но казаки видимо не интересуются содержаніемъ указа и стоятъ одаль. Череповъ, замѣтивъ это, прерываетъ чтеніе и приглашаетъ казаковъ подойти ближе къ периламъ крыльца, на которомъ онъ находится; но казаки будто не слышатъ и остаются на своихъ мѣстахъ. Череповъ повторяетъ приглашеніе, наконецъ, требуетъ,—казаки не повинуются. Взволнованный Череповъ приказываетъ драгунамъ сдѣлать залпъ въ собравшуюся толпу народа. Драгуны не заставили себя ждать: раздались выстрѣлы, одни изъ казаковъ съ отчаяннымъ крикомъ грянулись на землю, чтобы больше не вставать; другіе были жестоко ранены и, обливаясь кровью, ползали и стонали подлѣ убитыхъ [1]); оставшіеся въ живыхъ совершенно обезумѣли отъ такой неожиданности, еще не бывавшей дотолѣ на Яикѣ. Рѣшительный генералъ приказалъ убрать убитыхъ, развести по домамъ раненыхъ и тутъ же, подъ угрозою драгунскихъ пуль, заставилъ казаковъ дать подписку, что они указъ слышали и болѣе не будутъ упорствовать ни въ чемъ. Такой рѣшительный и неожиданный шагъ заставилъ казаковъ присмирѣть, впрочемъ не надолго. Казаки не только не были удовлетворены, но еще болѣе озлобились противъ старшинской партіи, за несправедливость которой имъ теперь пришлось поплатиться. Покуда, впрочемъ, Череповъ былъ на Яикѣ, казаки съумѣли скрыть свое недовольство и озлобленіе; но лишь только грозный генералъ уѣхалъ, какъ уже была готова новая жалоба въ В. Коллегію. Между тѣмъ, 17 Февраля 1776 г. изъ В. Коллегіи послѣдовалъ указъ, которымъ «наикрѣпчайше подтверждено, дабы онаго войска всѣ старшины и казаки прежнія ихъ между собою несогласія оставили и предали забвенію и жили другъ съ другомъ дружелюбно, исполненіе и повиновеніе чинили по посланнымъ отъ В. Коллегіи граматамъ во всемъ непремѣнно, подъ опасеніемъ за самое малое неисполненіе жесточайшаго по указамъ штрафа» [2]). Но казаки, получая указы, почти ихъ не читали; они по прежнему стояли на своемъ и требовали удовлетворенія, осаждая В. Коллегію въ лицѣ своихъ депутатовъ и челобитчиковъ. Наконецъ, 3 Мая того же года, В. Коллегія постановила, чтобы казаки безъ дозволенія и паспортовъ, выдаваемыхъ изъ Войсковой Канцеляріи, не смѣли никуда отлучаться, кромѣ

[1]) См. Чт. Общ. Истор. и древн. Рос. 1859, 3, стр. III.
[2]) См. въ Ур. в. арх. № 70, стр. 6.

предѣловъ войска, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, о чемъ и велѣно было объявить въ Войсковомъ Кругу «съ таковымъ при томъ изъясненіемъ: ежели кто нужды свои или собственныя имѣть будетъ до В. Коллегіи, тѣ-бъ безъ всякаго опасенія требовали паспортовъ отъ Войсковой Канцеляріи, которой, разсматривая ихъ надобности, въ Коллегію, зачѣмъ кто отпущенъ, рапортовать» [1]).

Вскорѣ послѣ этого, именно 15 Мая, подтвержденъ указъ объ очередной службѣ и предписано командировать изъ Яицкаго войска 500 казаковъ на службу въ Кизляръ, подъ команду находившихся тамъ полковниковъ Суворова и Кроткова. Старшинская партія, воспользовавшись этимъ случаемъ, начинаетъ тѣснить своихъ противниковъ, назначая ихъ на службу не въ очередь. Казаки, раздраженные безнаказанностію и обидами старшинъ, отказываются идти въ походъ.

Дѣятельность слѣдственной коммиссіи, почти безвыѣздно находившейся въ Яицкомъ городкѣ, усложнилась. Чтобы положить конецъ жалобамъ и волненію казаковъ, правительство въ Іюлѣ 1767 г. назначило исправляющимъ должность атамана капитана гвардіи Чебышева который, явившись въ Яицкій городокъ, не замедлилъ удовлетворить давнишнему желанію народа: онъ собралъ казаковъ въ кругъ и прочелъ сохранявшуюся доселѣ въ тайнѣ конфирмацію В. Коллегіи надъ виновными старшинами, чѣмъ съ перваго же раза произвелъ благопріятное впечатлѣніе на казаковъ. Замѣчая, что новый атаманъ внимательно выслушиваетъ жалобы народа и старается во всемъ быть справедливымъ, казаки успокоились и мало-по-малу сроднились съ мыслію о наступленіи лучшихъ порядковъ въ войскѣ. Когда вѣсть о смѣнѣ атамана Бородина разнеслась по Киргизской степи, то султанъ меньшей орды писалъ Русскому канцлеру: «Нѣкоторыя просьбы [2]) наши приняты, Андрей Бородинъ отставленъ, чѣмъ я много доволенъ; но слышу, будто полученъ изъ В. Коллегіи указъ быть атаманомъ одному старшинѣ изъ команды мужика и пришельца, атамана Могутова; но Яицкое войско, съ зачатія Яицкаго городка отъ 40 казаковъ, выбирало атамана всегда между собою. Казаки за великую себѣ обиду и поруганіе будутъ считать, если ихъ отдадутъ въ команду Могутову; да и братъ мой, и я, и весь Киргизъ-кайсацкій народъ будутъ этимъ недовольны. Я, услыша о разореніи Яицкаго войска и о горькихъ слезахъ его, не могъ не донести вашему сіятельству, дабы оное войско удовольствовано было» [3]). Канцлеръ, получивъ это письмо изъ рукъ двоихъ Яицкихъ казаковъ, препроводилъ его къ Императрицѣ, которая на немъ написала: «Отъ оныхъ казаковъ мнѣ подана челобитная, въ которой прописываютъ нарушенія ихъ правъ, и я о семъ уже писала къ президенту; только сумнительно весьма, что Киргизцы объ нихъ просятъ» [4]). В. Коллегія, 23 Октября 1768 г. предписала войско-

---

[1]) См. тамъ же, стр. 12 и 13

[2]) Султанъ предъ тѣмъ просилъ канцлера, нельзя ли смѣнить Бородина и на его мѣсто позволить Яицкому войску выбрать добраго и умнаго человѣка.

[3]) Исторія Россіи, Соловьева, т. 25, стр. 296.

[4]) Тамъ же, стр. 297.

вому атаману и всему Яицкому войску, чтобы «впредь отпусковъ казакамъ, яко военно-служащимъ, для ихъ собственныхъ нуждъ, въ отдаленныя мѣста безъ позволенія полеваго командира чинено не было» [1]).

Между тѣмъ, Чебышевъ, заручившись довѣріемъ и уваженіемъ войска, предложилъ казакамъ выбрать изъ среды себя, вмѣсто смѣненнаго Бородина, новаго атамана и въ помощники къ нему новыхъ старшинъ. Казаки только того и ждали и немедленно приступили къ выборамъ. Но Чебышеву, при его добросовѣстности и ловкости, не доставало одного, чтобы окончательно усмирить казаковъ и поселить въ нихъ довѣріе къ закону,—именно: серьезнаго взгляда на дѣло, при которомъ бы онъ могъ принести существенную пользу и казакамъ, и правительству. Лишь только выбранъ былъ новый атаманъ Петръ Тамбовцевъ, Чебышевъ тотчасъ же отправился въ Петербургъ, поручивъ Тамбовцеву взысканіе штрафа съ виновныхъ старшинъ и удержаннаго ими у казаковъ жалованья. Съ отъѣздомъ Чебышева, казаки лишились всякой надежды на рѣшеніе дѣла мирнымъ путемъ. Тамбовцевъ, расчитывая, что ему выгоднѣе примкнуть къ старшинской партіи, не хотѣлъ исполнить въ точности порученій Чебышева: онъ взыскалъ съ виновныхъ старшинъ только самую незначительную часть удержаннаго у казаковъ жалованья, къ уплатѣ же остальной части, равно какъ и къ взысканію штрафа съ виновныхъ старшинъ, не предпринималъ никакихъ мѣръ [2]). Войско также было недовольно и тѣмъ, что В. Коллегія опредѣлила взыскать съ старшинъ не 10,162 р. 46½ коп., а только треть этой суммы, предписавъ при этомъ взыскивать штрафъ «съ такой предосторожностью и разсмотрѣніемъ, чтобы отъ единовременнаго взысканія въ бѣдность и неимущество придти не могли, а расположить то взысканіе, смотря каждаго имущество, по срокамъ». Казаки народной партіи, къ которой принадлежалъ и Тамбовцевъ до избранія его въ атаманы, теперь подверглись обидамъ и притѣсненіямъ со стороны ими же выбраннаго атамана; старшинская партія, съ которой Тамбовцевъ бралъ взятки, пользовалась открыто его покровительствомъ. Не смотря на то, что многіе изъ старшинъ лишены были, по конфирмаціи В. Коллегіи, старшинскаго достоинства и правъ выбора на какія-бы-то-ни было служебныя мѣста, Тамбовцевъ никогда не наряжалъ ихъ на службу рядовыми казаками, а давалъ имъ мѣста походныхъ атамановъ или назначалъ полковыми командирами. Все это, разумѣется, не могло нравиться войску, но до времени оно кое-какъ крѣпилось. Въ началѣ 1769 г., войско просило Тамбовцева, чтобы порохъ былъ выдаваемъ по прежнему «въ раздѣлъ и никогда не отбирался», какъ требовалъ того указъ 15 Декабря 1765 г. Тамбовцевъ, 31 Марта 1769 г., сдѣлавъ въ этомъ смыслѣ представленіе въ В. Коллегію, указавъ на то, что «войско Яицкое состоитъ на самомъ пограничномъ мѣстѣ, почему каждому казаку ни въ какія отлучки, хотя бъ которыя случились и не въ команды, а въ другія и недальныя мѣста, то есть, на

---

1) Ур. в. арх., № 70, стр. 14.

2) См. выписку изъ Оренб. секретной коммиссіи объ Емельянѣ Ив. сынѣ Пугачовѣ въ Чт. Общ. Истор. и др. Росс., 1859 года, кн. 3, стр. 111.

рыбные промыслы, и за сѣномъ, и за дровами, безъ ружей и безъ пороха и свинца ѣздить невозможно» [1]) и пр. В. Коллегія не согласилась на это, что еще болѣе озлобило казаковъ противъ атамана, котораго казаки заподозрили въ томъ, что дѣйствуетъ по указанію старшинъ, вопреки интересамъ войска. Въ началѣ Августа того же (1769) года собранъ былъ Войсковой Кругъ, въ которомъ Тамбовцевъ объявилъ, чтобы каждый сотникъ командировалъ изъ своей сотни семнадцать человѣкъ для составленія резервной части войска, и представилъ ихъ списки въ Войсковую Канцелярію. Сотникъ Ив. Кирпичниковъ тутъ же, въ присутствіи атамана и старшинъ, заявилъ, что казакамъ «очередное командированіе тягостно и несносно, и чтобъ быть имъ во всякихъ командированіяхъ и посылкахъ съ найму и изъ подмогъ, какъ до сего происходило» [2]). Атаманъ требовалъ, чтобы командировка происходила, согласно указамъ, по очереди и приказалъ разослать всѣмъ сотникамъ особые письменные «ордеры»; но сотники не приняли этихъ «ордеровъ», сказавъ, что «они люди нерегулярные и имъ письменныхъ приказовъ посылать не подлежитъ, ибо и безъ того исполнять могутъ». Тамбовцевъ четыре раза собиралъ казаковъ въ кругъ; но казаки стояли на своемъ и просили, чтобы имъ позволено было отправить «нарочныхъ» съ челобитьемъ въ В. Коллегію. Атаманъ и старшины, уступая желанію народной партіи, согласились выбрать нѣсколько заслуженныхъ и нештрафованныхъ старшинъ и казаковъ и отправить ихъ въ В. Коллегію въ легкой станицѣ. Но представители интересовъ народной партіи просили, чтобы съ челобитьемъ отъ войска были отправлены сотники: Кирпичниковъ, Бѣляевъ, Матросовъ, и Казаркинъ на своемъ коштѣ; когда же атаманъ на это возразилъ, что Кирпичникова, какъ человѣка штрафованнаго и подозрительнаго, и его товарищей, какъ уже бывавшихъ въ станицахъ, послать нельзя: то сторонники народной партіи единогласно заявили, что они, кромѣ Кирпичникова и его товарищей, посылать никого не желаютъ. 20-го Августа явился въ Войсковую Канцелярію священникъ Живетинъ и доложилъ присутствующимъ, что сотникъ Кирпичниковъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ и просилъ подписаться, а къ чему, того не сказалъ; но что онъ, Живетинъ, отказался.

Чтобы удостовѣриться въ показаніи Живетина, присутствующіе отправили къ Кирпичникову старшину Колпакова, въ сопровожденіи одного есаула и нѣсколькихъ казаковъ. Посланные, вернувшись въ Канцелярію, сказали, что «они, пришедъ къ нему Кирпичникову въ домъ, застали сидѣвшаго за столомъ Выровщикова парня и передъ нимъ нѣсколько писемъ; но ко взятью ихъ онъ Колпаковъ имъ Кирпичниковымъ не допущенъ, а объявилъ: хотя-бъ самъ атаманъ пришелъ, то-бъ онъ тѣхъ писемъ и ему не отдалъ». Вслѣдъ затѣмъ вытребовали въ канцелярію Кирпичникова, который показалъ, что онъ «хотя письма и писалъ, точію не иныя какія, а только о своихъ службахъ, и они-де до В. Коллегіи не тайно, но явно посылаютъ съ каждой сотни по одному че-

[1]) Ур. в. арх., № 70, стр. 19—21.

[2]) См. рапортъ В. Канцеляріи въ В. Коллегію, отъ 11 Августа 1769 г. Ур. в. арх., № 70, стр. 1.

ловѣку». Между тѣмъ, въ Войсковую Канцелярію явились нѣкоторые изъ казаковъ согласной стороны и показали, что «сотники ходятъ и собираютъ подписки и посылающимся на путевые расходы собираютъ же съ каждаго человѣка по пятидесяти копѣекъ».

Въ то время, какъ шли допросы и расспросы Кирпичникова въ Войсковой Канцеляріи, казаки: Петръ Герасимовъ, Семенъ Матросовъ, Иванъ Кладъ и Баранка-Калмыкъ, не испросивъ позволенія у полеваго генералитета и пашпортовъ у Войсковой Канцеляріи, уѣхали тайно изъ города, въ сопровожденіи своихъ товарищей, съ намѣреніемъ пробраться въ Петербургъ. Узнавъ объ этомъ, Войсковая Канцелярія обратилась въ В. Коллегію съ просьбой, что «ежели означенные казаки явятся, то за самовольное ихъ отъ команды отлученіе, и за невзятье пашпорта, и за непочтеніе Войсковой Канцеляріи учинить, чему они достойны». Въ Ноябрѣ того же года, В. Коллегія сообщила Войсковой Канцеляріи, что 2 Октября «впущены были въ присутствіе В. Коллегіи войска Яицкаго сотники Тимоѳей Севрюгинъ, Ѳедотъ Марковцевъ да казаковъ десять человѣкъ и словесно объявили, что они отъ войска Яицкаго безъ дозволенія начальниковъ ихъ и не просясь у полеваго генералитета, по общему согласію прочихъ казаковъ, отлучились самовольно въ С.-Петербургъ для прошенія объ отмѣнѣ командированія на службу казаковъ по очереди, а о бытіи имъ такъ, какъ напредь сего командируемы бывали, съ найму и изъ подмогъ, и чтобъ ихъ отъ принятія для обученія въ стрѣльбѣ пороха по двѣнадцати патроновъ на каждаго человѣка уволить, а опредѣлить положенный порохъ въ раздѣлъ каждому отдавать». Сотникъ Севрюгинъ и его товарищи заявили В. Коллегіи, что они просились въ Петербургъ у войсковаго атамана и присутствующихъ при немъ старшинъ, но что имъ было отказано, почему они и отлучились самовольно, впрочемъ, съ вѣдома и согласія войска. В. Коллегія снова подтвердила всѣ прежніе указы объ очередной службѣ, объ отпускѣ и употребленіи пороха, о послушаніи казаковъ своимъ командирамъ и т. п.; но это подтвержденіе было не первое и, какъ увидимъ, не послѣднее.

Въ то время, какъ казаки, несмотря на всѣ указы и предписанія, такъ упорно отстаивали свои прежнія права службы, въ головѣ князя Потемкина созрѣвала мысль о сформированіи особаго казачьяго легіона, въ составъ котораго должны были войти части отъ всѣхъ казачьихъ войскъ, въ томъ числѣ и отъ Яицкаго. Императрица одобрила эту мысль, и вотъ въ Москвѣ начали формировать «Потемкинскій легіонъ». 28 Декабря 1769 г. В. Коллегія получила высочайшій указъ, который въ Апрѣлѣ слѣдующаго 1770 г. препровожденъ былъ и къ Яицкому войску. «Учредить мы повелѣли Московскій легіонъ, при которомъ казацкой командѣ быть отъ войска нашего Яицкаго; того ради оному войску выбрать изъ старшинъ и есауловъ 10, изъ сотниковъ и десятниковъ 18, изъ казаковъ 300, писаря одного да въ трубачи и цирульники изъ казаковъ къ тому способныхъ 5, а всего 334 человѣка, людей молодыхъ, здоровыхъ и во всемъ исправныхъ и состоянія хорошаго, а особливо старшинъ, есауловъ, сотниковъ и десятниковъ, и такихъ, кои напредь сего и противъ непріятеля въ сраженіяхъ бывали, и

при нихъ лошадей прочныхъ и къ службѣ годныхъ» [1]) и пр. Съ этою цѣлію бригадиръ Густавъ Петровичъ Баннеръ командировалъ на Яикъ особаго штабъ-офицера, квартирмейстера Глѣбова, который и долженъ былъ произвести, при содѣйствіи казаковъ, выборъ легіонеровъ. Войско обязано было снабдить выбранныхъ деньгами на проѣздъ до Симбирска и вручить штабъ-офицеру именные списки легіонеровъ съ обозначеніемъ ихъ службъ и походовъ противъ непріятеля, а женамъ и дѣтямъ выбранныхъ въ легіонъ В. Коллегія опредѣлила: «имѣть отъ войска баграчи для рыбной ловли, по ихъ обыкновенію, противъ мужей своихъ, по положенію, вполы, дабы они, въ отсутствіи оныхъ, нужны претерпѣвать не могли, на которые съ вѣрною въ Канцеляріи Войсковой запискою и дать имъ билеты за войсковою печатью» [2]). Командированный Баннеромъ штабъ-офицеръ Глѣбовъ явился въ Яицкій городокъ и долженъ былъ лично убѣдиться въ томъ, что различные планы, создаваемые въ кабинетѣ, не всегда выполнимы на практикѣ. Народная партія на Яикѣ всегда зорко и неусыпно оберегала старинные обычаи и права своей общины, защищая ихъ до послѣдней капли крови. Тоже сдѣлала она и теперь. По плану Потемкина, легіонеры должны были брить бороды [3]), носить особую форму и имѣть регулярный строй. Между тѣмъ Яицкіе казаки, какъ истые раскольники, бритье бороды всегда считали за величайшее нечестіе [4]), а регулярный строй-нарушеніемъ прежде дарованныхъ имъ привиллегій, сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ выраженіи одного официальнаго документа «служить Яицкому войску казачью службу по своему обыкновенію, а впрочемъ ни въ чемъ невредиму состоять и въ другія команды не брать.» Указъ, какъ мы видѣли, требовалъ, чтобы изъ яицкаго войска командировано было въ легіонъ 334 чел.; тоже самое число, но только солдатъ показано было померšими отъ безвременнаго командированія изъ Оренбурга, по требованію генерала Чере-

---

1) Указъ полученъ на Яикѣ 26 Апрѣля 1770 г. См. въ Ур. в. арх., № 34, стр. 1.

2) Это теперешнія печатки. См. тамъ же, стр. 2.

3) Н. I. Желѣзновъ говоритъ, что «между Яицкими казаками злые люди распускали нелѣпые слухи, что имъ будутъ брить бороды и что всѣхъ ихъ обратятъ въ драгуны, или гусары» и проч. (См. Уральцы, ч. II, стр. 317). Очевидно, что покойный бытописатель края не зналъ объ этомъ распоряженіи правительства: бритье бородъ было обязательно для всѣхъ легіонеровъ, по распоряженію правительства; но потомъ какъ увидимъ, пришлось освободить отъ этого Яицкое войско, какъ потомъ освободить его и отъ легіонной службы.

4) Между Уральскими казаками существуетъ преданіе. Яицкій казакъ Трифонъ Новинсковъ, бывшій въ экспедиціи Бековича-Черкасскаго, рѣшился бѣжать изъ Хивинскаго плѣна. Нарядившись муллой, онъ отправился въ путь чрезъ Киргизскія степи. Когда Киргизы приступали къ нему съ разспросами, то ловкій казакъ, разглаживая свою большую, сѣдую бороду, начиналъ глубоко вздыхать и, поднимая взоръ къ небу, шепталъ: «Алла, Алла! бисмелла». Киргизы, не узнавъ въ немъ Джанкъ-Уруса (Яицкаго казака), приняли его за благочестиваго масульманскаго странника (хаджи) и съ почетомъ сопровождали его отъ одного аула до другаго. Въ проѣздъ Петра Великаго въ Персидскій походъ, Новинсковъ представленъ былъ Государю на Волгѣ и на его вопросъ, какъ онъ спасся изъ плѣна, отвѣчалъ: «Бородушка спасла меня, Ваше Величество»! Новинсковъ подробно разсказалъ Государю о своемъ путешествіи чрезъ степи; выслушавъ его, Петръ сказалъ: «Исполать тебѣ, старинушка! Не даромъ я пожаловалъ васъ, Яицкихъ казаковъ, бородой—умѣете пользоваться и ею». Помолчавъ съ минуту, Государь сказалъ: «Будь отселѣ не Новинсковъ, а Бородинъ»!

пова. для усмиренія Яицкаго войска. а въ присланной къ казакамъ грамотѣ было сказано. что съ виновныхъ взыщется «толикое же число людей». Казаки, считая въ смерти 334 чел. солдатъ виновными старшинъ и думая, что отъ нихъ вмѣсто этихъ-то солдатъ и требуютъ 334 челов. въ легіонъ, уперлись и говорили, что требуемое число людей должны поставить старшины и ихъ партія [1]). Вскорѣ распространилась молва, что правительство намѣрено набрать изъ казаковъ гусарскіе эскадроны. на подобіе драгунскихъ полевыхъ командъ. Казаки, безъ вѣдома атамана, рѣшили послать отъ себя депутацію въ Петербургъ, которая должна была испросить увольненія отъ легіонной службы и разузнать, на сколько были справедливы слухи относительно преобразованія ихъ въ регулярныя войска. Депутатамъ вручена была особая челобитная. Графъ Чернышевъ, предсѣдатель В. Коллегіи, поступилъ съ присланными отъ войска казаками, какъ съ возмутителями: имъ обрили бороды и отправили на службу въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ: всѣ они ушли съ дороги и пробрались тайно въ Яицкій городокъ. Между тѣмъ, 4 Мая Войсковая Канцелярія поручила войсковому старшинѣ и дьяку Матвѣю Суетину распорядиться о командировкѣ въ легіонную службу старшинъ и казаковъ въ числѣ 334 ч. Суетинъ 8 Мая [2]) явился къ походному атаману Красноярскаго форпоста Мусатову, вручилъ ему ордеръ «о бытіи всѣмъ въ послушаніи» и потребовалъ собранія Войсковаго Круга. Походные есаулы Казаркинъ и Чертороговъ, по распоряженію Мусатова. сообщили о томъ войску: спустя два часа, казаки собрались въ Кругъ. Суетинъ, объявивъ казакамъ настоящую цѣль ихъ собранія, прочиталъ имъ Высочайшій приказъ о снаряженіи ихъ въ легіонную службу. Казаки отвѣчали, что они «волю Ея Императорскаго Величества исполнить готовы и во всемъ послушаніе и командированіе учинить должны,» при чемъ сотники Гороховъ, Сѣтчиковъ и Портняшкинъ, которымъ было поручено произвести наборъ отряда, заявили, что они указу не противны, но чтобы имъ дали «съ тѣхъ указовъ и грамотъ для потолкованія войску копіи». Суетинъ на это отвѣчалъ, что они могутъ получить подлинные указы и грамоты. Когда Суетинъ началъ говорить казакамъ, что они должны снарядить легіонный отрядъ безъ всякихъ замедленій и упорства, казаки зашумѣли; восемь человѣкъ (Каргинъ, Чумаковъ, Толкачевъ, Горячкинъ, Свіягинъ, Чиповъ, Сеншлевуевъ и Ульяновъ) выступили впередъ и заявили, что «они указамъ не противны», но что все изложенное въ этихъ указахъ касается не до нихъ казаковъ, а до старшинъ, старшинскихъ дѣтей и тѣхъ изъ сотниковъ, которые, по конфирмаціи В. Коллегіи, лишены чиновъ. При этомъ казакъ Чумаковъ высказалъ желаніе просить Государыню объ отмѣнѣ формированія легіонной команды; «понеже у насъ». говорилъ Чумаковъ, «еще съ начала бытія нашего такихъ нарядовъ, какъ нынѣ чинится, не бывало.» Суетинъ замѣтилъ, что, прежде нужно исполнить волю Государыни, а потомъ, если угодно, могутъ подать и прошеніе. Чумаковъ и Толкачевъ заявили. что войско намѣрено отправить въ

---

[1]) Чт. общ. Истор. и Др. Рос. 1859 г., кн. 3, стр. 111-я.

[2]) Донесеніе Суетина въ В. Коллегію отъ 14 Мая. См. въ Ур. в. арх., № 34, стр. 3 и д.

Петербургъ съ этимъ прошеніемъ 300 чел. казаковъ и обѣщались дать положительный отвѣтъ не ближе вечера. Суетинъ согласился и всѣ грамоты вручилъ казачьимъ депутатамъ «для понятія всему войску», какъ онъ выразился самъ. Въ шестомъ часу по полудни казаки снова собрались въ кругъ, на которомъ большинство, во главѣ съ Чумаковымъ, заявило, что они всѣ съ головы-на-голову пойдутъ до Ея Императорскаго Величества, а казакъ Емельянъ Чижевъ (какъ доносилъ потомъ Суетинъ) говорилъ, что онъ (Суетинъ) пріѣхалъ ихъ раззорять, а не командовать, и при томъ Чижевъ настаивалъ, чтобы казаковъ допустить до плавни. На послѣднее желаніе казаковъ Суетинъ соглашался только въ томъ случаѣ, если они составятъ общій приговоръ о командировкѣ въ легіонную службу потребнаго числа казаковъ и, подписавъ этотъ приговоръ, обяжутся привести его въ исполненіе тотчасъ же, по возвращеніи съ рыболовства [1]). Войсковой атаманъ Тамбовцевъ, получивъ отъ Суетина доношеніе объ упорствѣ казаковъ, постарался раздуть это волненіе еще больше: онъ началъ дѣлать допросы, подвергать казаковъ жестокимъ наказаніямъ и сообщилъ это въ преувеличенномъ видѣ предсѣдателю В. Коллегіи, графу Чернышову. Квартирмейстеръ Глѣбовъ распорядился послать противъ бунтовавшихъ казаковъ одну пѣхотную роту съ пушкой; но получилъ за это выговоръ отъ В. Коллегіи, а роту велѣно было возвратить на свое мѣсто [2]).

Въ началѣ Іюня 1770 года, Оренбургскій генералъ-губернаторъ получилъ указъ «всѣхъ тѣхъ ослушниковъ, которыхъ именамъ реэстръ здѣсь прилагается, буде они въ упрямствѣ останутся, взять тотчасъ же подъ караулъ, а между тѣмъ наистрожайше приказать, чтобъ помянутый выборъ изъ Яицкаго войска легіонной казачьей команды учиненъ былъ безъ малѣйшаго отлагательства, съ противниками же будетъ поступлено по всей строгости законовъ безъ малѣйшей пощады.» Между тѣмъ аресты и пытки казаковъ продолжались по прежнему: нѣсколько человѣкъ было замучено до смерти; «до 400 человѣкъ (говорится въ челобитной войска 15 Янв. 1772) довольное время подъ карауломъ содержалось, чрезъ что жены и дѣти ихъ лишились всякаго пропитанія и принуждены были скитаться по міру». Но казаки продолжали отстаивать свои вольности и бороду; трудно было сформировать и отрядъ на смѣну 68 престарѣлыхъ и раненыхъ казаковъ, находившихся въ Кизлярѣ, подъ командою генералъ-маіора Демедема. Среди народной партіи явились новыми коноводами сотники: Казаркинъ, Азовсковъ, Портновъ, Краденовъ, Маркобуевъ, Абрамичевъ, Изюмкинъ и казаки: Петровъ, Митрясовъ, Ларшинъ и Кладъ. Изъ каждой сотни протестовавшихъ казаковъ взято было по два человѣка; но арестованные начали бѣгать, находя пріютъ у своей же братіи-казаковъ и усиливая общее неудовольствіе народной Яицкой общины. Волненіе приняло болѣе широкіе размѣры; казаки не хотѣли идти на севрюжье рыболовство. Опасаясь, чтобы это не отозвалось вредно на экономическомъ благосостояніи всего войска, начальство было вынуждено освободить всѣхъ арестованныхъ. Между тѣмъ,

[1]) Арх. Ур. в., по опис. № 34, стр 3—8.

[2]) Арх. В. Кол. связк. 24. См. Ур. в. ар. № 4. Копія съ указа В. Коллегіи отъ 4 Іюня 1770 г. № 487.

недовольная партія отправила въ Оренбургъ сотника Шапошникова и казака Ив. Ерофеева, которые должны были испросить себѣ здѣсь подорожную для проѣзда въ Петербургъ, въ качествѣ депутатовъ отъ войска; но депутаты были задержаны въ Оренбургѣ, какъ отлучившіеся отъ войска безъ должнаго отпуска. По окончаніи севрюжьяго рыболовства, согласная партія представила отъ себя въ нарядъ 48 челов., снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ; противная же партія настаивала, чтобы войску позволено было послать просьбу въ Петербургъ, дабы удержать за собою право служить по прежнему казачьему обыкновенію, а не по штату, и выбрать бы въ ту команду атамана изъ походныхъ старшинъ, при чемъ казаки тутъ же выбрали депутатомъ старшину Якова Колпакова, который, войдя въ кругъ, заявилъ, что онъ долженъ служить, согласно волѣ Государыни. Сотникъ Сѣтчиковъ, указавъ на Колпакова, замѣтилъ: «когда онъ по штату служить хочетъ, то видно старшины сами о томъ просили; только мы служить желаемъ по прежнему казацкому обыкновенію, а не по штату». Тоже подтвердили и прочіе коноводы, а за ними и казаки. Начались увѣщанія казаковъ, но ни къ чему лучшему не привели: дѣло дошло до драки, зачинщики которой сотники: Сѣтчиковъ, Кирпичниковъ, Краденовъ и 14 чел. казаковъ были арестованы; другимъ удалось убѣжать. Арестованные, въ примѣръ и угрозу другимъ, были наказаны плетьми; но это не только не успокоило казаковъ, а раздражило еще болѣе. Чтобы лишить народную партію главныхъ агитаторовъ, рѣшено было сотника Кирпичникова и его товарищей отправить въ Оренбургъ. Отправили туда ихъ 30 Іюля, подъ присмотромъ старшины Ѳедора Митрясова и одного унтеръ-офицера, съ конвоемъ изъ форпостныхъ казаковъ. Когда арестованные прибыли въ Генварцевскій форпостъ, находящійся въ 70 верстахъ отъ Уральска по большой Оренбургской дорогѣ, форпостные казаки, въ числѣ 100 человѣкъ, ночью на 2-е Августа, отбили арестованныхъ, которые всѣ побросались на лошадей и ускакали въ степь; поймать успѣли только двоихъ сотниковъ Чеботарева и Севрюгина, а прочихъ хотя и нагнали, но схватить не могли, такъ какъ они находились подъ защитой значительнаго отряда вооруженныхъ казаковъ. Чеботаревъ и Севрюгинъ были представлены въ Оренбургъ *).

Полевой генералитетъ, вслѣдствіе представленія Яицкой Войсковой канцеляріи, вошелъ въ соглашеніе съ Оренбургскимъ губернаторомъ объ отправленіи на Яикъ изъ Оренбурга особаго оберъ-офицера, для наблюденія за поведеніемъ казаковъ, при снаряженіи смѣнной команды въ Кизляръ къ генералъ-маіору Демедему. Но, не смотря на всѣ увѣщанія прибывшаго изъ Оренбурга оберъ-офицера, согласныхъ старшинъ и оберъ-квартирмейстера Глѣбова, казаки не унимались. Рейнсдорпъ 3 Августа донесъ В. Коллегіи, что въ Кизляръ оказалось возможнымъ отправить только 10 человѣкъ изъ старшинской партіи, а изъ его доношеній, отъ 8 и 30 Сентября того же (1770) года, видно, что потомъ, въ добавокъ къ прежнимъ 10 казакамъ, набрано было еще 58 чел. изъ

*) Рапортъ Рейнсдорпа въ В. Коллегію отъ 24 Авг. 1770 г. Ст. въ Ур. в. арх., № 37, стр. 18. Рапорты его же отъ 8 и 30 Сент., тамъ же стр. 19 и 20.

ослушниковъ, которыхъ заковали въ кандалы и, подъ конвоемъ форпостныхъ казаковъ, отправили въ Гурьевъ: откуда ихъ, въ случаѣ упорства, должны были проводить до назначеннаго мѣста уже Гурьевскіе казаки. Но лишь эти 58 казаковъ были выведены за городъ, какъ конвойные отказались вести ихъ дальше и сами помогли имъ разбѣжаться; осталось только трое [1]). Не менѣе выказали упорства казаки и при снаряженіи отряда въ Моздокъ. Четыре раза давалось приказаніе собраться казакамъ въ Кругъ: но напрасно и уныло гудѣлъ набатный колоколъ: казаки не внимали его звукамъ и всѣ разбѣжались по хуторамъ. Старшинская партія, наконецъ, вынуждена была была отправить въ Моздокъ изъ своей же среды 93 чел., присоединивъ къ нимъ еще 9 казаковъ, находившихся въ арестантской.

Такимъ образомъ, волненіе среди казаковъ усиливалось и, наконецъ, обхватило все форпостное казачество. Наступила пора сѣнокоса: казаки не хотятъ и думать о сѣнокошеніи; ихъ принуждаютъ,—не слушаютъ. Войсковая Канцелярія, 5 Августа, доноситъ о томъ Оренбургскому губернатору, прося его совѣтовъ и указаній. Рейнсдорпъ, 10 Августа отвѣчалъ Войсковой Канцеляріи: «Инаго теперь предписать я не нахожу, какъ только когда противная войска Яицкаго сторона, по безпокойству ихъ и непослушанію, сѣнокошеніе производить не хотятъ, слѣдовательно и добра себѣ не желаютъ, то и остаться могутъ при томъ ихъ упрямствѣ»[2]). Войсковая Канцелярія въ томъ же рапортѣ сообщила Рейнсдорпу о желаніи народной партіи, чтобы арестованные и содержавшіеся подъ карауломъ казаки были освобождены, на что губернаторъ отвѣчалъ, что надо ждать резолюціи изъ В. Коллегіи, «а мнѣ такого ихъ желанія удовольствовать неможно» [3]). Между тѣмъ, сотникъ Портновъ и нѣкоторые изъ казаковъ явились въ Петербургъ и подали въ В. Коллегію жалобу отъ лица войска. 2 Сентября тогоже (1770) года состоялся именной высочайшій указъ, которымъ предписывалось: 1) присутствующихъ въ Войсковой Канцеляріи старшинъ, если они положеннаго на нихъ Чебышевымъ штрафа не заплатили, отрѣшить и выбрать вмѣсто нихъ другихъ; 2) казаковъ въ удержанномъ жалованьи удовлетворить: 3) содержащихся подъ карауломъ казаковъ, по причинѣ командированія въ легіонъ, освободить, а сотнику Портнову съ товарищи объявить, что «наше Императорское Величество отъ единаго милосердія ихъ всемилостивѣйше прощаетъ» 4); «подлинно-ли Яицкіе казаки нынѣшнимъ лѣтомъ до рыбной ловли не допущены и чрезъ то приведены въ несостояніе къ платежу соляныхъ денегъ, и кто тому виною, В. Коллегіи приказать изслѣдовать и нашему Императорскому Величеству представить»: 5) войсковую сумму счесть и впредь ежегодно считать; 6) бывшаго войсковаго старшину Ивана Логинова изъ ссылки возвратить». Сотникъ Портновъ и его товарищи были отправлены въ Яицкій городокъ на ямскихъ подводахъ, подъ присмотромъ подпоручика Домнина, для чего выдано ему изъ Коллегіи 560 р. 97 коп.; деньги эти велѣно потомъ съ казаковъ взыскать и отпра-

[1]) См. въ Ур. в. архивѣ, № 37, стр. 19—20 и д.

[2]) Ур. в. арх., № 34, стр. 14.

[3]) Тамъ же стр. 18.

вить въ Оренбургъ, въ Коммиссаріатскую Коммиссію, для причисленія къ общей воинской суммѣ, и донести о томъ въ В. Коллегію. Сибирскому губернатору, генералъ-маіору Чичерину посланъ былъ указъ объявить находившемуся тамъ въ казакахъ Логинову высочайшую милость и, выдавъ ему пашпортъ, препроводить его на Яикъ. Для окончательнаго прекращенія споровъ между казаками командированъ гвардейскій капитанъ Дурново; въ тоже время командовавшему войсками Оренбургскаго округа, генералъ-маіору, Ивану Кириловичу Давыдову съ нарочнымъ генераломъ отправленъ былъ приказъ о немедленномъ выѣздѣ изъ Оренбурга въ Яицкій городокъ [1]). Давыдовъ долженъ былъ взять съ собою находившихся въ Оренбургѣ подъ арестомъ казаковъ и, по прибытіи на Яикъ, какъ ихъ, такъ и содержавшихся тамъ подъ карауломъ сотниковъ и казаковъ освободить, въ силу указа 2 Сентября 1770 г. и потомъ приказать присутствующимъ въ Войсковой Канцеляріи «того же часа учинить нарядъ» къ генералъ-маіору Баннеру. Замѣчательно, что новый составъ легіонерной команды разнился отъ того, который былъ предписанъ указомъ 28 Декабря 1769 г. [2]): теперь отрядъ легіонеровъ долженъ былъ состоять изъ походнаго атамана, одного есаула, шести старшинъ, трехъ подпрапорныхъ, шести сотниковъ, двѣнадцати десятниковъ, одного писаря и 300 казаковъ, а всего изъ 330 человѣкъ. «Всей той командѣ быть съ перемѣною по два года (говорится въ указѣ), такъ чтобы перемѣняемы они были чрезъ два года по половинному числу; въ трубачи-жъ и цырульники какъ нынѣ не командировать, такъ и впредь не посылать; и какъ въ войскѣ Яицкомъ казаки и прочіе чиновные люди по ихъ обыкновенію, многіе бороды не брѣютъ, то оную казацкую команду въ томъ и не принуждать, а оставить на ихъ волю» [3]). Такимъ образомъ, правительство само нашло нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки казакамъ, позволивъ и легіонерамъ носить бороды, а потому не видѣло настоятельной надобности и въ цырульникахъ; но почему уничтожены трубачи, намъ неизвѣстно. Между тѣмъ Баннеръ, какъ главный командиръ Московского легіона, 5 Сентября извѣстилъ атамана Тамбовцева, что отправленные отъ Яицкаго войска въ легіонъ 53 человѣка находятся уже въ Москвѣ и произведены въ соотвѣтствующіе ихъ званію армейскіе чины: походный атаманъ Яковъ Колпаковъ—въ капитаны, есаулъ Василій Тамбовцевъ—въ поручики, есаулы Θедоръ Ранневъ и Никифоръ Пазаровъ—въ прапорщики, сотники и десятники—въ унтеръ-офицеры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Баннеръ увѣдомляетъ атамана, что десять человѣкъ легіонеровъ уволены имъ на Яикъ, по ихъ просьбѣ, «для исправленія домашнихъ нуждъ.»

Народная партія, не смотря на позволеніе носить бороду и на включеніе уже нѣкоторыхъ казаковъ въ Московскій легіонъ, по прежнему осаждала пра-

---

[1]) См. въ Ур. в. арх., № 34, стр. 20—22.

[2]) По этому указу, легіонная команда отъ Яицкаго войска должна была состоять изъ 10 старшинъ и есауловъ, изъ 18 сотниковъ и десятниковъ, изъ 300 к., писаря, изъ 5 чел. трубачей и цырульниковъ, а всего изъ 334 ч. См. выше.

[3]) Ур. в. арх., № 34, стр. 21.

вительство своими просьбами о совершенномъ увольненіи Яицкихъ казаковъ отъ легіонной службы. Неудачи прежнихъ челобитчиковъ не сдѣлали войско сговорчивѣе; казаки снарядили и отправили новую депутацію, которая покончила всѣ хлопоты по снаряженію легіона: депутатамъ какъ-то посчастливилось пробраться къ самой Императрицѣ, которая 7 Декабря того же (1770 г.) указала: «Войска Яицкаго сотники и казаки, собравшись многочисленнымъ числомъ, неоднократно просьбами своими насъ утруждали. За таковое ихъ дерзновеніе хотя они и заслуживаютъ неупустительному наказанію; но изъ единаго нашего монаршаго милосердія въ таковомъ ихъ поступкѣ всемилостивѣйше прощаемъ и, снисходя на ихъ просьбу, увольняемъ ихъ вовсе отъ легіонной команды, куда ихъ и впредь не наряжать, а притомъ повелѣваемъ нашему вѣрноподданному войску Яицкому по всѣмъ посылаемымъ въ войско изъ нашей В. Коллегіи, какъ изъ главнаго правительства, громотамъ и указамъ чинить непремѣнное исполненіе, и службу свою отправлять по ихъ прежнему обыкновенію, нашей же В. Коллегіи повелѣваемъ представить намъ, для опредѣленія въ легіонную команду, вмѣсто Яицкихъ казаковъ, другихъ» [1]) В. Коллегія 10 Декабря того же года отправила высочайшій указъ объ освобожденіи казаковъ отъ легіонной службы, на имя атамана Тамбовцева и всего Яицкаго войска; Баннеру предписано, чтобы онъ находившихся въ легіонѣ Яицкихъ казаковъ, сотниковъ и старшинъ, наградивъ заслуженнымъ жалованьемъ и снабдивъ на проходъ до Яика провіантомъ и надлежащимъ количествомъ денегъ, въ счетъ войсковой суммы, отпустилъ въ ихъ жилища, казенныя же вещи у нихъ отобралъ, а посланнаго въ Яицкій городокъ штабъ-офицера «за недостававшимъ еще въ легіонную команду числомъ казаковъ» оттуда возвратилъ. Тотъ самый Чернышевъ, который велѣлъ обрить бороды первымъ депутатамъ Яицкаго войска, явившимся къ нему съ просьбой о легіонной службѣ и отдать ихъ въ солдаты въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ, долженъ былъ первый подписать указъ, освобождавшій Яицкое войско отъ легіонной службы: такова, видно, сила исторической необходимости. Войсковые депутаты Севрюгинъ и Герасимовъ получили и копію съ указа, освобождавшаго Яицкое войско отъ легіонной службы [2]). Въ этой копіи, между прочимъ, говорилось: «снисходя на ихъ (казаковъ) просьбу, увольняемъ ихъ вовсе отъ легіонной команды, никуда ихъ и впредь не наряжать»; въ подлинномъ же указѣ было написано: «увольняемъ ихъ вовсе отъ легіонной команды, куда изъ онаго (войска) и впредь не наряжать.» Еслибы указъ ограничивался только этимъ содержаніемъ, то изъ копіи съ него, врученной Яицкимъ казакамъ, слѣдовало бы ясно, что Императрица освобождаетъ казаковъ отъ всѣхъ воинскихъ повинностей; но указъ, какъ бы въ предотвращеніе могущихъ произойти недоразумѣній, гласитъ дальше: «и вѣрноподанному намъ войску Яицкому повелѣваемъ по всѣмъ, посылаемымъ въ оное изъ Коллегіи, грамотамъ и указамъ чинить непремѣнное исполненіе». Слѣдовательно, Коллегія могла требовать нарядовъ войска во внѣшнюю службу, и войско обязывалось исполнять ихъ; что же касается самаго порядка коман-

---

[1]) См. въ Ур. в. арх., № 57, стр. 3.

[2]) Указъ 7 Дек. 1770 г. П. С. З., т. XIX, № 13,538. Сіи въ Ур. в. Арх., № 57, стр. 3.

дировокъ, то въ указѣ, какъ бы въ угоду казакамъ, замѣчено довольно неопредѣленно: «службу свою отправлять по ихъ прежнему обыкновенію» [1]). Освобождая Яицкое войско отъ легіонной службы, Екатерина II была дальновиднѣе графа Чернышова, приказавшаго обрить бороды Яицкимъ казакамъ-депутатамъ: осенью 1770 года, когда войско отправило вторую депутацію, Калмыцкій ханъ Убаша, кочевавшій на лѣвомъ берегу Волги, въ низовыхъ степяхъ Астраханской губерніи, рѣшился, при наступленіи зимы, бѣжать совсѣмъ народомъ въ Китай. Чтобы удержать Калмыковъ, необходимо было обратиться за содѣйствіемъ къ Яицкому войску, оберегавшему восточную границу при - Яицкихъ степей. Вотъ почему всякая внѣшняя командировка изъ Яицкаго войска, простиравшагося въ это время до 4610 человѣкъ [2]), въ описываемую пору былабы не умѣстна. Въ концѣ Ноября 1770 года, подъ видомъ предосторожности отъ Киргизовъ, Убаша приказалъ Калмыкамъ выступить въ урочище Рынъ-Пески, откуда отправленъ былъ пятитысячный отрядъ къ Волгѣ, съ цѣлію забрать имущество хана, его женъ, дѣтей, скотъ, а также и остальныхъ Калмыковъ съ ихъ семьями и имуществомъ. На пути къ Волгѣ, Калмыки захватили въ плѣнъ капитана Дудина и 25 Волжскихъ казаковъ, жившихъ въ степи для усмиренія возникавшихъ между Калмыками безпорядковъ. Уходя съ береговъ Волги, Калмыки произвели грабежъ и рѣзню людей, а многихъ захватили въ плѣнъ. Въ первыхъ числахъ Декабря, они дошли до Узеней, гдѣ и остановились на нѣкоторое время, сожидая и собирая свои силы. Здѣсь Калмыки застали 60 чел. Яицкихъ казаковъ, которые ловили рыбу въ Камышъ-Самарскихъ озерахъ, принимающихъ въ себя рѣки Большой и Малый Узени. Калмыки владѣльца Окдона захватили казаковъ въ плѣнъ; но нѣкоторые успѣли спастись бѣгствомъ и явились въ Яицкій городокъ, гдѣ 11 Января 1771 г., на допросахъ въ Войсковой Канцеляріи, показали о своемъ плѣнѣ и бѣгствѣ отъ Калмыковъ. Между тѣмъ, полковникъ Кишенскій, состоявшій у Калмыцкихъ дѣлъ, донесъ Астраханскому губернатору и въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, что Калмыки двинулись съ своихъ кочевьевъ за Яикъ. Въ началѣ Января 1771 г., Калмыки были уже на берегахъ Урала. Изъ рапорта Яицкой Войсковой Канцеляріи, отъ 30 Января 1771 г., видно, что движеніе Калмыковъ не было безпорядочнымъ и поспѣшнымъ: [3]) авангардъ ихъ со-

[1]) А. С. Пушкинъ въ своей „Исторіи Пугачевскаго бунта» говоритъ, что указъ о снаряженіи казаковъ въ легіонную службу полученъ на Яикѣ одновременно съ указомъ о преслѣдованіи Калмыковъ, и что Яицкіе казаки рѣшились не идти въ погоню за Калмыками до полученія отвѣта на свою челобитную. Между тѣмъ, указъ о преслѣдованіи Калмыковъ состоялся 25 Января 1771 года, а 10 Декабря 1770 г. Яицкое войско было уже освобождено отъ легіонной службы. Ошибку Пушкина повторилъ и г. Рябининъ въ своемъ „Историческомъ очеркѣ“.

[2]) Кромѣ малолѣтковъ. Смотри рапортъ генералъ-маіора Давыдова въ Коллегію отъ 11 Марта 1771 г.

[3]) Смотри объ этомъ уходѣ Калмыковъ изъ Россіи статью Бергмана: „Versuch zur Geschichte der Kalmüken Flucht von der Wolga“ (Bergman's Nomadische Streifereien unter den Kalmüken, von der Wolga. Riga 1804, Th. 1, стр.—139 246) См. также переводъ съ Китайскаго Липовцева въ Сибирск. Вѣсти. 1820 г., ч. XII, стр. 168—188; въ Уральск. в. Вѣдом. за 1868—1869 г., ст. Юр.—к. „Бѣгство Калмыковъ въ Катай въ 1771 г.“ Слич. Левшина, Нефедьева и отца Іоакинфа.

стоялъ изъ десяти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ нойоновъ Шіоренга, Бамбора и Гунги; по бокамъ шли отряды въ пять тысячъ человѣкъ каждый; предводителемъ праваго фланга былъ нойонъ Акунъ-Абуша, а лѣваго Церихъ-Делиха, сынъ Бамбора; въ аріергардѣ шли прочіе Калмыки съ женами, дѣтьми, имуществомъ и скотомъ, подъ предводительствомъ самого Убаши.

Яицкіе казаки, которые могли бы перерградить путь Калмыкамъ за Уралъ, узнавъ о движеніи ихъ, оставили свои форпосты и заперлись по крѣпостямъ, Калмыковой, Кулагиной и другимъ. Прибывъ на берега Урала, Калмыки сожгли опустѣвшіе форпосты, захватили оставленный казаками скотъ и 20 Января, перейдя безпрепятственно чрезъ Уралъ, между Яицкимъ городкомъ и Калмыковской крѣпостью, направились къ р. Эмбѣ. Между тѣмъ, 24 Января 1771 г., когда Калмыки были уже въ Киргизской За-уральской степи, въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ состоялась секретная промеморія объ измѣнѣ хана Убаши: требовалось принять немедленно должныя мѣры противъ Калмыковъ. На слѣдующій же день въ В. Коллегіи готовъ былъ секретный указъ къ губернаторамъ Оренбургскому, Сибирскому и Астраханскому, и въ тотъ же день поскакали курьеры въ Оренбургъ, Астрахань и другія мѣста. Въ указѣ, врученномъ курьерамъ, говорилось, чтобы воинскіе начальники «крайнѣйше старались, сколь и гдѣ возможно будетъ, чинить надъ означенными бунтовщиками Калмыками поискъ, вездѣ ихъ разбивать, назадъ обращать и имущество истреблять, табуны отгонять и въ полонъ ихъ, а наипаче лучшихъ чиновныхъ людей и ихъ дѣтей, брать, стараясь, сколько будетъ возможно, захватить самого намѣстника ханства» [1]). У насъ тогда шла война съ Турціей, которая, не смотря на геройство и даровитость Русскихъ полководцевъ, стоила значительной потери людей; поэтому бѣгство Калмыковъ могло потребовать чрезвычайнаго напряженія силъ и представить немаловажныя затрудненія для правительства [2]). Изъ указа В. Коллегіи, отъ 25 Января 1771 г., видно, что правительство особенно опасалось, чтобы бѣгство Калмыковъ не послужило поводомъ къ возмущенію прочихъ инородцевъ, подвластныхъ Россіи. «Сія измѣна (говорится въ указѣ) и удаленіе въ степи Калмыцкихъ войскъ подаетъ причину къ разсужденію: не вознамѣрятся ли иногда воспользоваться симъ случаемъ обитающіе въ томъ краю и окрестные разные народы и не покусятся ли сдѣлать на границы наши нападенія, почитая оныя чрезъ то ослабѣвшими, чего, по легкомыслію ихъ, съ основаніемъ опасаться можно. При малѣйшемъ ихъ къ тому покушенію не только сдѣлать имъ твердый и чувствительный отпоръ, но и показать имъ такой видъ, что измѣна сія и вовсе ни въ какое уваженіе не поставляется».

Оренбургскому губернатору, генералъ-маіору Рейнсдорпу, и командовавшему войсками Оренбургскаго округа, генералъ-маіору Давыдову, В. Коллегія пред-

[1]) Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 9, стр. 3.

[2]) Свѣдѣнія о числѣ бѣжавшихъ Калмыковъ сводятся къ цифрѣ 70,000, но здѣсь разумѣются только вооруженные Калмыки, или вообще способные носить оружіе; если же присоединить сюда женщинъ и дѣтей, то число бѣжавшихъ будетъ отъ 250 до 350 т. чел., полагая отъ 4—5 душъ въ каждомъ хотонѣ. См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 5, стр. 10.

писали: 1) всѣ крѣпости по Яику держать готовыми къ оборонѣ; позаботиться о безопасности жителей края и предупредить ихъ о могущихъ быть побѣгахъ Калмыковъ; 2) для поемки калмыковъ командировать все Яицкое войско, нѣкоторое число Башкирцевъ и нѣсколько эскадровъ изъ драгунскихъ полковъ, стоявшихъ въ Оренбургской губерніи, присоединивъ къ нимъ нѣсколько гарнизонныхъ ротъ; кромѣ того, велѣно организовать особые отряды, давъ каждому по одному или по два орудія; 3) Калмыковъ предписывалось «вездѣ разбивать, имущество *) ихъ истреблять» и т. п. Расчитывая на опытность Рейнсдорпа и Давыдова, В. Коллегія предоставляла имъ полную свободу дѣйствій, которыя окажутся наиболѣе сообразными съ мѣстными условіями края и времени. Къ сожалѣнію, ни Рейнсдорпъ, ни Давыдовъ не съумѣли оправдать довѣрія: распоряженія Рейнсдорпа были или несвоевременны или же совсѣмъ невыполнимы; въ Давыдовѣ, отличавшемся недостаткомъ распорядительности, Калмыки нашли не противника, а помощника своимъ намѣреніямъ. Давыдовъ, въ то время, какъ въ войсковой Яицкой Канцеляріи допрашивали плѣнныхъ казаковъ, бѣжавшихъ съ Узеней находился въ Яицкомъ городкѣ; слѣдовательно, онъ не могъ не знать о бѣгствѣ Калмыковъ. Проживая здѣсь съ Ноября 1770 г., онъ долженъ былъ знать и о томъ, что казаки побросали въ это время свои форпосты и скрылись по крѣпостямъ. Кромѣ того, Рейнсдорпу за годъ до этого было уже извѣстно по слухамъ намѣреніе Калмыковъ удалиться въ Китай, о чемъ, безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ сужденіе и съ Давыдовымъ, въ распоряженіи котораго находились регулярныя войска края. И все таки, Давыдовъ 28 Января, когда Калмыки были уже во ста верстахъ отъ мѣста переправы черезъ Уралъ, писалъ въ В. Коллегію, что онъ ни откуда, даже отъ полковника Кишенскаго, никакихъ извѣстій объ измѣнѣ Калмыковъ не слыхалъ и увѣдомленъ объ этомъ только три дня тому назадъ.

Калмыки, перейдя безпрепятственно Уралъ, все болѣе и болѣе углублялись въ степь, и Давыдовъ приказалъ командировать противъ нихъ 1300 Яицкихъ казаковъ при 4 орудіяхъ, подъ начальствомъ старшины Митрясова; но вскорѣ разнесся слухъ, что Убаша намѣренъ напасть на крѣпости и разрушить Яицкій городокъ, почему Давыдовъ отмѣнилъ первоначальное распоряженіе: половинѣ «сикурса» Митрясова онъ приказалъ остаться въ городѣ и, кромѣ того, присоединить къ нему эскадронъ драгунъ и сотню казаковъ изъ Илецкой станицы. Давыдовъ серьезно опасался за Яицкій городокъ, въ которомъ, какъ доносилъ онъ въ В. Коллегію, было 36 пушекъ и при нихъ 13 канонировъ, но и «лучшіе изъ нихъ заряжать не умѣли. Ханъ Убаша, дѣйствительно, думалъ напасть на Яицкій городокъ и Калмыковскую крѣпость; но нойонъ Бамборъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди Калмыковъ, воспротивился намѣренію хана, почему переправа чрезъ Яикъ обошлась безъ кровопролитія и гибели Калмыковъ; въ противномъ случаѣ, еслибы намѣреніе Убаши

---

*) Имущество Калмыковъ состояло преимущественно въ скотѣ. Предположивъ, что каждый хотонъ увелъ съ собою одну лошадь, одну корову или одного быка, и только пять овецъ или козъ, окажется, что Калмыки увели изъ Россіи minimum полмилліона головъ скота, а извѣстно, что между ними были и такіе, которые имѣли по тысячѣ однихъ лошадей.

осуществилось, Яицкіе казаки, поставленные въ необходимость защищаться, разбили-бы этихъ полувооруженныхъ кочевниковъ и принудили вернуться назадъ. Если казаки, узнавъ о движеніи Калмыковъ, бѣжали съ форпостовъ въ крѣпости, то это произошло не отъ трусости, а отъ тѣхъ неурядицъ и смутъ, которыя раздѣлили войско на два враждебныхъ лагеря. По уходѣ Убаши въ степь, на правомъ берегу Урала, вблизи Калмыковской крѣпости, оставалось до 15000 Калмыковъ, которые, при первой возможности, также должны были перейти за Уралъ и присоединиться къ главному отряду Убаши, согласно его приказанію. Въ числѣ этихъ 15000 Калмыковъ, шесть или семь хотонговъ принадлежало нойону Асорхаю, двоюродному брату владѣльца Дундука. Чтобы преградить имъ путь за Уралъ, Давыдовъ, стараясь поправить свою ошибку, отправилъ противъ нихъ 730 Яицкихъ казаковъ, подъ начальствомъ Митрясова. Асорхай, опасаясь вступать въ бой, написалъ трогательное письмо [1]) къ Рейнсдорпу, прося его защиты, какъ главнаго начальника края, причемъ старался убѣдить губернатора, что онъ вынужденъ былъ прикочевать къ Яику, опасаясь смерти за неповиновеніе отъ руки хана Убаши. Рейнсдорпъ отвѣчалъ Асорхаю, чтобы онъ не безпокоился и Яицкихъ казаковъ не опасался, а какимъ образомъ вернуться ему на прежнее мѣсто кочевокъ, пусть спроситъ о томъ Астраханскаго губернатора, который имѣетъ на этотъ счетъ особое предписаніе. Въ знакъ своей дружбы, губернаторъ прислалъ нойону въ подарокъ двѣ головы сахару и два фунта чаю. Получивъ письмо и подарокъ Рейнсдорпа, Асорхай заявилъ рѣшительно, что онъ драться съ казаками не намѣренъ и, по требованію Митрясова, отдалъ знамя и оружіе подвластныхъ ему Калмыковъ, прочіе же Калмыки хотѣли прорваться за Уралъ силою. Митрясовъ вступилъ съ ними въ битву и, несмотря на значительное неравенство силъ, разбилъ Калмыковъ на голову: 200 чел. было убито, 250 взято въ плѣнъ и отведены въ Яицкій городокъ, куда были доставлены и трофеи побѣды: 125 копій, 50 ружей, 25 сайдаковъ, 20 сабель и 3 знамени [2]). Въ добычу казакамъ досталось: 5000 барановъ, 700 головъ рогатаго скота, 650 лошадей и 130 верблюдовъ.

Между тѣмъ Давыдовъ, донося объ этой побѣдѣ и стараясь оправдаться въ своей оплошности, писалъ въ В. Коллегію, что если бы намѣреніе Калмыковъ было извѣстно ему заблаговременно, то онъ, вмѣстѣ съ губернаторомъ, употребилъ бы самыя дѣйствительныя мѣры къ прегражденію имъ пути за Уралъ. Далѣе Давыдовъ старался убѣдить В. Коллегію, что теперь осталось только одно средство: просить содѣйствія Киргизскихъ султановъ, Нурали-хана и командовавшаго войсками на Сибирской границѣ, генералъ-маіора Шпрингера. Давыдовъ, между прочимъ, предлагалъ такой планъ дальнѣйшихъ дѣйствій: съ Яицкимъ войскомъ, «коего болѣе 2500 человѣкъ набрать нельзя», онъ устремится въ погоню за Калмыками; на перерѣзъ пути ихъ выйдутъ изъ Сибири войска Шпрингера, да «Нурали-ханъ, если захочетъ, можетъ что нибудь сдѣ-

---

[1]) См. въ Ур. в. архивѣ, № 37-й, 5. Асорхай въ своемъ письмѣ къ Рейнсдорпу, отъ 12 Февр. 1770 г., называетъ Митрясова (Алексѣя Ивановича) благоразумнымъ человѣкомъ.

[2]) Всѣ эти трофеи побѣды Яицкихъ казаковъ В. Коллегія приказала отправить въ Оренбургъ.

лать» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Давыдовъ, силясь во что бы ни стало, оправдать себя, старается обвинить въ побѣгѣ Калмыковъ Яицкое войско. Чтобы преградить Калмыкамъ путь въ степь, необходимо было, по мнѣнію Давыдова, немедленно и тайнымъ образомъ отправить команду Яицкихъ казаковъ къ мѣсту переправы Калмыковъ чрезъ Уралъ «чего (замѣчаетъ генералъ), по причинѣ Яицкаго народоправства, сдѣлать было нельзя». «Въ Яицкомъ войскѣ», говоритъ онъ, «всякая командировка чинится чрезъ набатный колоколъ, съ общаго войсковаго приговора, съ объясненіемъ настоящей о командировкѣ причины, и наймами, а не нарядомъ по очереди; такой порядокъ медлителенъ, и при немъ никакой тайности быть не можетъ. Въ разсужденіи того, весьма нужно въ томъ войскѣ отмѣнить: первое, чрезъ набатный колоколъ сборъ, а второе—съ общаго ихъ войсковаго согласія командировки, а чинить бы оныя чрезъ отдаваемыя чрезъ атамана или Войсковую Канцелярію приказы и нарядомъ казаковъ по очерѣди, а не наймомъ» [2]). Ссылаясь на грамоту В. Коллегіи 15 Декабря 1765 г. о замѣнѣ наемки очередной службой, Давыдовъ проситъ В. Коллегію сдѣлать распоряженіе объ отмѣнѣ Яицкихъ народныхъ обычаевъ по отбыванію воинской повинности, а производить командировки по очереди и наряду и, въ особенности, «безъ колокола». Давыдовъ также не забылъ упомянуть въ своемъ доношеніи и о томъ, что носятся слухи о намѣреніи Калмыковъ штурмовать Яицкія крѣпости, и что онъ, въ виду этого, распорядился командировать на помощь Митрясову еще 1000 казаковъ, главное же начальство надъ казаками, съ придачею къ нимъ нѣсколько регулярнаго войска и 3 пушекъ, онъ поручилъ полковнику фонъ-Бейерну. Отправивъ свое доношеніе въ В. Коллегію, Давыдовъ тотчасъ же выѣхалъ изъ Яицкаго городка въ Оренбургъ, умолчавъ о томъ, что на берегахъ Урала собралось еще около 10000 Калмыковъ, которые были намѣрены уйти въ степь по слѣдамъ своего хана Убаши. Несмотря на всѣ ухищренія и усилія Давыдова свалить всю вину въ уходѣ Калмыковъ на Яицкое войско, В. Коллегія сдѣлала строгій выговоръ распорядительному и энергичному генералу; въ указѣ къ Давыдову, отъ 18 Февраля, послѣдовавшемъ на его доношеніе, между прочимъ, говорилось, что Коллегія «съ сожалѣніемъ усматриваетъ», что Калмыки застали Яицкую линію въ такой расплохъ, какого Коллегія не ожидала. Сдѣлавъ строжайшій выговоръ Давыдову за то, что онъ «не употребилъ никакихъ мѣръ къ воспрепятствованію побѣга Калмыковъ», В. Коллегія, относительно порядка командировокъ на службу въ Яицкомъ войскѣ, замѣчаетъ, что «резолюція дана будетъ впредь». Поставляя на видъ Давыдову, что для удержанія Калмыковъ достаточно было бы одного эскадрона, съ храбрымъ и находчивымъ начальникомъ во главѣ», Коллегія выражаетъ свое неудовольствіе по поводу несвоевременнаго выѣзда Давыдова изъ Яицкаго городка, гдѣ его присутствіе было наиболѣе необходимо [3]).

---

1) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 7.

2) Рапортъ въ В. Коллегію 29 Января 1771 года.

3) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., №№ 7 и 15 й.

Въ Мартѣ того же года, Давыдовъ снова отправился въ Яицкій городокъ, гдѣ ему предстояло принять участіе во внутренней борьбѣ Яицкаго войска.

Между тѣмъ, нойонъ Асорхай и два зайсанга отправлены были въ Яицкій городокъ аманатами; Калмыки оставлены на зимовку въ Яицкихъ предѣлахъ, а отъ нойоновъ и зайсанговъ отобрано клятвенное обѣщаніе, что они будутъ служить вѣрно и безпорочно, «какъ вѣрнымъ рабамъ и вѣрноподданнымъ быть надлежитъ». Изъ числа Калмыковъ, принадлежавшихъ Асархаю, 54 изъявили желаніе креститься и принять Православіе, почему ихъ тотчасъ же отправили къ бригадиру фонъ-Фегезаку, который долженъ былъ препроводить ихъ по крещеніи въ Ставрополь.

Въ началѣ Марта, когда Давыдовъ снова отправился изъ Оренбурга на Яикъ, ханъ Убаша достигъ р. Эмбы, гдѣ и расположился станомъ съ своими Калмыками. Въ силу указа Военной Коллегіи, состоявшагося 25 Января 1771 г., надлежало нарядить команды для преслѣдованія бѣглецовъ и заставить ихъ вернуться на прежнія мѣста своихъ кочевьевъ. Съ этою цѣлію Давыдовъ приказалъ полковнику фонъ-Бейерну, съ «нѣсколькими регулярными», взять 1000 казаковъ и двинуться въ Калмыковскую крѣпость, откуда, принявъ начальство надъ отрядомъ Митрясова, выступить со всѣми войсками въ погоню за Калмыками [1]). Но Бейернъ не могъ выступить въ походъ, потому что Яицкіе казаки отказались идти, ссылаясь на то, что въ степи въ это время нельзя найти для лошадей подножнаго корма, и что лошади, при существующей гололедицѣ, могутъ перепортить себѣ ноги. Чтобы склонить казаковъ къ походу, Рейнсдорпъ старался подѣйствовать на нихъ возможностью легкой наживы, на счетъ Калмыцкаго скота и имущества; по его словамъ, теперь казакамъ предстояла такая служба, лучше которой и желать невозможно, потому «наипаче, что они притомъ и не безъ авантажу будутъ [2]), ибо при сопротивленіи Калмыковъ, могутъ имущество ихъ брать въ добычь». Но сколько Рейнсдорпъ и Давыдовъ ни старались «возбудить войско Яицкое на подвиженіе противу Калмыковъ, «токмо то наше стараніе»,—писалъ Рейнсдорпъ въ В. Коллегію,—«было тщетно: ибо оное войско, недѣль съ пять продолжая разные свои протексты, напослѣдокъ почти точно отказалось, что въ походъ не пойдетъ» [3]). Причиною такого упорства казаковъ, безъ сомнѣнія, была та давнишняя ненависть народной партіи, которую она питала къ старшинской.

Между тѣмъ, атаманъ Тамбовцевъ, получивъ приказаніе о нарядѣ казаковъ, приказалъ ударить въ набатъ; вскорѣ собрался Казачій Кругъ, въ которомъ Тамбовцевъ и объявилъ о предстоящей командировкѣ для преслѣдованія Калмыковъ, ушедшихъ въ степь. При этомъ Тамбовцевъ сообщилъ, что походнымъ атаманомъ назначается старшина Яковъ Колпаковъ, полковники также будутъ изъ старшинъ, прочихъ же чиновъ предоставлено было выбирать казакамъ самимъ, кого захотятъ. «Казаки, въ томъ же кругу»,—какъ писалъ

---

1) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 15.

2) Рапортъ его въ В. Коллегію отъ 9 Марта 1771 г.

3) 21 Марта 1771 г., рапортъ Рейнсдорпа въ В. Коллегію.

Давыдовъ Рейнсдорпу, «объявили съ великимъ крикомъ и негодованіемъ, что къ тѣмъ выбраннымъ изъ старшинъ начальникамъ въ команду не пойдутъ, а дали бы какъ атамана, такъ и всѣхъ прочихъ самимъ имъ выбрать изъ казаковъ» [1]). Во время общаго шума и крика, сотники Герасимовъ и Севрюгинъ, которые принесли изъ Петербурга копію съ указа, освобождавшаго Яицкое войско отъ легіонной службы, приблизились къ Тамбовцеву, въ сопровожденіи казака Матросова и, подавъ вышеозначенную копію, просили прочитать ее вслухъ, что̀ атаманъ и исполнилъ. Мы уже знаемъ, что въ копіи, вмѣсто «куда» было написано «никуда» [2]); поэтому лишь только Тамбовцевъ успѣлъ прочесть: «увольняемъ ихъ вовсе отъ легіонной команды, никуда ихъ и впредь не наряжать», какъ толпа снова зашумѣла и ропотъ увеличился, такъ что атаманъ долженъ былъ прекратить чтеніе врученной ему копіи. Севрюгинъ, Герасимовъ и Матросовъ замѣшались въ толпѣ и тотчасъ же бѣжали изъ города. Между тѣмъ Тамбовцевъ распорядился, чтобы ему принесли изъ Войсковой Канцеляріи подлинный указъ; но когда Тамбовцевъ началъ его читать, казаки, выслушавъ слова «службу свою отправлять по ихъ прежнему обыкновенію», снова заглушили голосъ своего атамана и тотчасъ же приступили къ выбору должностныхъ лицъ «по ихъ прежнему казачьему обыкновенію»: походнымъ атаманомъ назначенъ былъ казакъ Максимъ Выровщиковъ, который былъ присужденъ В. Коллегіей къ ссылкѣ въ Сибирь, но потомъ былъ прощенъ и возвращенъ домой. Затѣмъ были выбраны прочіе военные чины.

Старшинская партія, во главѣ съ Тамбовцевымъ, не хотѣла принять этого выбора казаковъ и, опираясь на указъ 15 Декабря 1765 г. объ очередной службѣ, назначила сама походнымъ атаманомъ, вмѣсто Колпакова, старшину Андрея Витошнова, а въ полковники старшинъ: Кадырова, Митрясова и Филимонова; всѣ эти избранныя лица находились въ составѣ Войсковой Канцеляріи. По набатному колоколу снова былъ собранъ казачій кругъ, въ которомъ и заявлено о выборѣ новыхъ лицъ; затѣмъ казакамъ приказано приступить къ выбору есауловъ, сотниковъ и рядовыхъ. Казаки кричали «нелюбо, не можемъ сего принять!» Вмѣстѣ съ тѣмъ, народная партія потребовала отъ старшинъ уплаты себѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья за пять предшествовавшихъ лѣтъ и заявила, что, раньше удовлетворенія ея желанія, ни одинъ казакъ въ походъ не пойдетъ. Войсковая канцелярія, 11 Марта, донесла о неповиновеніи казаковъ въ Слѣдственную комиссію, находившуюся почти безвыѣздно въ Яицкомъ городкѣ, со времени доноса казака Карташева. Казаки несогласной партіи: Максимъ Выровщиковъ, Яковъ Ходинъ, Кузьма Носовъ, Савелій Ѳоминичихинъ и другіе подали челобитную генералъ-маіору Давыдову, что «войсковой атаманъ голосовъ ихъ не принимаетъ, а назначаетъ самъ, не по праву, на всѣ должности». Давыдовъ, въ отвѣтъ на челобитную казаковъ, приказалъ: бьющихъ челомъ заковать въ кандалы и посадить подъ

---

[1]) Смотр. его письмо къ Рейнсдорпу отъ 12 Марта 1771 года.

[2]) См. выше. Въ указѣ значилось: „увольняемъ ихъ отъ легіонной службы, куда (а въ копіи—никуда) ихъ и впредь не наряжать“.

караулъ. Вслѣдъ затѣмъ, велѣно собрать третій кругъ и снарядить команду въ погоню за Калмыками; но казаки, собравшись въ кругъ, стояли на своемъ: они, какъ и прежде, заявили, что покуда жалованья имъ не дадутъ—не пойдутъ. Старшины настаивали на своемъ, казаки протестовали; поднялся страшный крикъ, шумъ; главные представители народной партіи, болѣе смѣлые, какъ, напримѣръ, казаки: Алексѣй Каршинъ, Степанъ Павловъ, Иванъ Горячкинъ, Емельянъ Чемевъ, Ѳедоръ Логиновъ, Иванъ Толкачевъ и сотникъ Петръ Краденовъ,—были схвачены, закованы въ кандалы и отправлены подъ караулъ Коллегія, узнавъ объ ослушаніи казаковъ и о дерзости нѣкоторыхъ изъ нихъ, рѣшившихся «на подложное включеніе рѣчей» [1]) въ копіи съ Высочайшаго указа, 30 Сентября предписала Давыдову: «если обстоятельства нынѣшняго вашего управленія не позволятъ вамъ самимъ въ Яицкомъ городкѣ найтиться, то пусть генералъ Рейнсдорпъ командируетъ въ оный городокъ одного регулярнаго чиновника, которому, вмѣстѣ съ капитаномъ Дурново [2]), и велѣно было произвести дознаніе, кто именно виноватъ «въ ослушаніи» и и кто во «включеніи подложныхъ рѣчей»; слѣдственное дѣло приказано представить въ В. Коллегію, указавъ, какимъ наказаніямъ должны были подвергнуться виновные.

Давыдовъ и Дурново, не ожидая полковника, тотчасъ же по полученіи указа, принялись сами за новыя дознанія и новые аресты казаковъ не согласной партіи. Число арестованныхъ съ каждымъ днемъ возрастало, а дѣло изслѣдованія шло туго: казаки, привыкшіе ко всякимъ мытарствамъ, стояли дружно за свое дѣло и ловко скрывали виновныхъ. Наконецъ, число арестантовъ увеличилось до того, что слѣдователи вынуждены были нанять для нихъ особое частное помѣщеніе, куда и была переведена большая часть арестованныхъ казаковъ. Во время пересылки арестантовъ изъ одного мѣста въ другое, сотникъ Краденовъ и казаки Портновъ, Свіягинъ, Чемевъ и Силкинъ, не смотря на то, что были въ кандалахъ, успѣли скрыться въ густой толпѣ собравшагося народа и бѣжать изъ города, при содѣйствіи своей же братіи казаковъ.

Между тѣмъ, слѣдственная комиссія сдѣлала запросъ Войсковой Канцеляріи относительно удовлетворенія казаковъ жалованьемъ, на что Давыдовъ получилъ отвѣтъ, что 2583 казакамъ выдано жалованье за два года, по расчету, въ количествѣ 4323 р.; 21; коп. остальные 2027 человѣкъ не взяли денегъ «изъ упрямства», хотя имъ и было предложено получить въ жалованье 3356 р. 96 коп. что же касается жалованья за остальные три года, то, по распоряженію Оренбургской губернской канцеляріи. оно зачтено войску въ недоимку за лежащіе на немъ откупа.

Вскорѣ казаки услыхали давно знакомый имъ голосъ набатнаго колокола и снова собрались въ кругъ. Здѣсь прочитанъ былъ имъ отвѣтъ Войсковой Канцеляріи; но казаки, попрежнему, мало внимали чтецу и требовали выдачи всего жалованья сполна. Войсковая Канцелярія, служившая представительницею и

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о замѣнѣ слова „куда“ словомъ „никуда“.

[2]) Капитанъ гвардіи Дурново былъ главнымъ дѣятелемъ въ Слѣдственной Комиссіи, находившейся въ Яицкомъ городкѣ.

проводникомъ старшинскихъ интересовъ, заявила, что, еслибы было выдано казакамъ все жалованье, то каждому досталось бы не болѣе двухъ рублей, такъ какъ съ каждаго казака слѣдовало удержать сборы въ откупа. Считая ничтожною эту сумму, Войсковая Канцелярія указываетъ на доходы Яицкаго казака: «съ перваго багренья, нынѣшнею зимою, каждый казакъ получилъ по 5 р., а съ послѣдняго по 10 и болѣе рубл.; ходившіе въ походъ съ Митрясовымъ брали «въ подмогу» по 10 р. да отъ походу получили «авантажу» по 8 р., сверхъ того согласной сторонѣ дается подмоги по 10, р., на эти деньги,—«замѣчаетъ Канцелярія,»—можно управиться и даже лошадь завести, а лошади есть у всѣхъ [1]. Изъ этого видно, что Войсковая Канцелярія, служившая ширмою старшинской партіи, разсуждала такъ: 2 р. деньги небольшія, и каждый казакъ безъ нихъ легко можетъ «управиться», а потому ихъ не стоитъ выдавать. Само собою понятно, что Канцелярія хорошо знала, что если удержать по 2 р. у 4610 казаковъ, то получится сумма не ничтожная.

Въ своемъ рапортѣ Рейнсдорпу, Войсковая Канцелярія, указавъ на вышеозначенныя частныя обстоятельства, приводитъ и общія обвиненія народной партіи: «Казаки несогласной партіи (говорится въ рапортѣ) того не восчувствуютъ, что отъ Ея Императорскаго Величества пожалованы такою привиллегіею, которая противу прочихъ мѣстъ несравненна: рыбными и звѣриными ловлями и всякими угодьями, которыя сочиняютъ каждому казаку доходу въ годъ по сту рублевъ, изъ чего происходитъ одно непослушаніе и противность, и какъ по указамъ исполненія не чинятъ, такъ старшинъ не почитаютъ да и самого войсковаго атамана ни въ чемъ не слушаютъ, содѣлываютъ по своимъ прихотямъ, а именно: 1) по указу 1740 г. [2]) велѣно отправлять командировки по очереди, но они исправляютъ все наймомъ; 2) по грамотѣ В. Коллегіи, 27 Февраля 1770 г., сотникъ Кирпишниковъ съ товарищами оказались ослушниками въ неподачѣ о службахъ своихъ вѣдомостей, о чемъ велѣно вашему превосходительству слѣдовать и ежели окажутся виновными, то штрафовать и на службу послать безъ очереди; однакожъ ваше превосходительство къ тому не приступали, и эта грамата осталась безъ исполненія [3]); 3) велѣно послать людей въ легіонную службу, но это не исполнено; 4) по указамъ не дѣлали смѣны пятисотной Кизлярской команды, также не командировано въ нынѣшнемъ году противъ Калмыковъ; съ одной только согласной стороны отправленъ, со старшиною Митрясовымъ, отрядъ 221 человѣка [4]). Таже сторона отправила людей въ легіонъ и дала каждому легіонеру подмоги отъ 130 до 150 р., а въ Кизлярскую команду давала по 80 и по 100 р. Всѣми этими

---

1) Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 16.

2) Войсковой Канцеляріи въ этомъ случаѣ вѣрнѣе было бы сослаться на указъ 15 Декабря 1765 г.

3) Войсковая Канцелярія считаетъ Рейнсдорпа какъ-бы неисполнителемъ указовъ, въ чемъ выше обвиняетъ несогласную партію казаковъ.

4) Давыдовъ командировалъ 730 чел., но пошли только 221 человѣкъ.

нарядами и платежами согласные [1]) приведены къ крайнему раззоренію и отягощенію». Какъ напримѣръ упрямства казаковъ несогласной партіи, въ рапортѣ замѣчено слѣдующее: «два канонира, Иванъ Головановъ и Никифоръ Ѳофановъ, пришедъ къ войсковому атаману, объявили, что имъ отцы и матери идти въ походъ благословенія не даютъ, потому что пушки на лафеты, а картечи съ зарядами по новому штату подѣланы, за которыя ихъ непристойныя слова хотя плетьми и сѣчены, однакоже скованы и подъ караулъ посажены» [2]).

Давыдовъ 25 Марта донесъ въ В. Коллегію, что онъ приказалъ нарядить 1800 казаковъ и выступить въ походъ въ 24 часа: но казаки не послушались. Изложивъ далѣе подробно всѣ обстоятельства, происходившія въ Яицкомъ войскѣ, по случаю наряда въ погоню за Калмыками, Давыдовъ замѣчаетъ: «Итакъ по всѣмъ вышеописаннымъ обстоятельствамъ и по извѣстнымъ уже мнѣ развратнымъ ихъ правамъ, также по затвердѣлому ихъ упрямству, грубости и невѣжеству, привесть ихъ, Яицкихъ казаковъ, въ послушаніе, кромѣ законной строгости, невозможно» [3]). Къ доношенію Давыдова приложенъ и «рапортъ согласной стороны», въ которомъ эта сторона проситъ сдѣлать ей «какое либо удовольствіе».

Между тѣмъ волненіе казаковъ народной партіи не только не ослабѣвало, а напротивъ, усиливалось еще болѣе. Слѣдственная коммиссія и старшины растерялись и совершенно не знали, что дѣлать и какъ прекратить тотъ хаосъ, который царилъ въ войскѣ. На казаковъ протестующей партіи напалъ какой-то отчаянный азартъ; они никого и ничего не хотѣли слушать и дѣйствовали, какъ говорится, очертя голову: «семь-де бѣдъ—одинъ отвѣтъ». Въ Мартѣ того же года составленъ былъ заговоръ, съ цѣлію перерѣзать всѣхъ старшинъ и ихъ приверженцевъ [4]); назначенъ уже былъ и день для этой рѣзни; но, благодаря перебѣжчикамъ изъ народной партіи, заговоръ былъ открытъ, и снова начались экзекуціи, аресты и допросы «съ пристрастіемъ» Казаки не унимались. Военная Коллегія находилась въ такомъ же затрудненіи, какъ старшины и слѣдственная коммиссія; на всѣ доношенія Давыдова Коллегія отвѣчала: «приказываемъ строжайше изслѣдовать». Не лучше пошло дѣло и послѣ Давыдова, который былъ отозванъ изъ Яицкаго городка и опредѣленъ въ Бѣлгородъ губернаторомъ, а на его мѣсто былъ назначенъ генералъ-маіоръ фонъ-Траубенбергъ, который 30 Декабря 1771 года и прибылъ изъ Оренбурга въ Яицкій городокъ.

(Окончаніе будетъ).

---

[1]) Къ согласной партіи въ войскѣ, какъ видно изъ рапорта, принадлежали почти исключительно казаки станицъ Илецкой и Сакмарской; всѣхъ согласныхъ казаковъ было 400 ч.

[2]) Головановъ и Ѳофановъ послѣ были занесены въ списокъ мятежниковъ.

[3]) Уральск. В. Вѣд. 1869 г. № 16.

[4]) Изъ указа В. Коллегіи, отъ 16 Іюня 1771 г., видно, что заговоръ былъ открытъ казакомъ Иваномъ Ягановымъ, которому потомъ обрили бороду и сослали въ Сибирскій корпусъ въ солдаты. Ягановъ показалъ, что заговорщики, въ числѣ 1000 чел., хотѣли захватить пушки и пороховой выходъ и перебить всѣхъ казаковъ согласной партіи, начиная съ атамана, равно какъ и ихъ сторонниковъ изъ регулярной команды.

Письмо Суворова къ князю Потемкину.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь!

Съ наступающимъ Новымъ годомъ вашу свѣтлость всенижайше поздравляю.

Истекающій годъ я прожилъ въ деревнѣ, при нѣкоторыхъ войскахъ, въ ожиданіи отъ вашей свѣтлости особой мнѣ команды, какъ я обыкновенно командовалъ дивизіею или корпусомъ. Особливо, милостивый государь, ваканція мнѣ по дивизіямъ Брюсовой и Репнина: въ сторонѣ первой я имѣю деревни; но все равно, свѣтлѣйшій князь, гдѣ бы я отъ высокой милости вашей свѣтлости особую команду ни получилъ, хотя въ Камчаткѣ.

Въ праздности купилъ я 92 души подъ вексель, который въ два года выплачу. Оставилъ на Кубанѣ экономіи больше 100.000, и по краткому времени на 4 мѣсяца мѣсячныхъ. Вотъ мое корыстолюбіе. Подъ Копыломъ командовалъ не Эклисовъ, а Ник. Рахмановъ, который въ поле съ полкомъ, съ поля съ батальономъ. Противъ его одного года я во всю мою службу столько людей не потратилъ, и сочинялъ на меня пасквильи.

Служу я, милостивый государь, больше 40 лѣтъ и почти 60-ти лѣтній. Одно мое желаніе, чтобъ кончить высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познанія свѣтскихъ наружностей. Препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ нимъ привыкать. Наука просвѣтила меня въ добродѣтели; я лгу какъ Эпаминондъ, бѣгаю какъ Цесарь, постояненъ какъ Тюренъ и праводушенъ какъ Аристидъ. Не разумѣя изгибовъ лести и ласкательствъ къ моимъ сверстникамъ, часто неугоденъ. Не измѣнилъ я моего слова ни одному изъ непріятелей, былъ счастливъ потому, что я повелѣвалъ счастіемъ.

Успокойте духъ невиннаго предъ вами, въ чемъ я на страшномъ Божіемъ судѣ отвѣчаю, и пожалуйте мнѣ особую команду... Исторгните меня изъ праздности; но не мните при томъ, чтобъ я чѣмъ, хотя ма-

лымъ гр. Иваномъ Петровичемъ [1]) недоволенъ былъ, токмо что въ роскоши жить не могу. Въ чужіе краи... тоже праздность.

Уповаю на высокую милость вашей свѣтлости и буду по гробъ мой съ глубочайшимъ почитаніемъ,

Свѣтлѣйшій князь,
Милостивый государь,
вашей свѣтлости всенижайшій слуга,
Александръ Суворовъ.

Ч. 10 Декабря
1784 года.
С. Ундолъ. [2])

Любопытное письмо это печатается съ подлинника, сохранившагося у Валерія Николаевича Лясковскаго.

Письмо князя П. А. Вяземскаго къ К. С. Аксакову.

(1857)

Народная молва вамъ приписываетъ Молву, любезнѣйшій Константинъ Сергѣевичъ, или по крайней мѣрѣ передовую батарейную статью ея, которая, подъ заглавіемъ „Москва", палитъ и жаритъ изо всѣхъ орудій Къ сожалѣнію моему, я уже былъ вынужденъ сдѣлать замѣчаніе цензору, разсматривающему эту газету за нѣкоторыя неумѣстныя выходки имъ одобренныя. Нынѣ обращаютъ снова мое вниманіе на № 20 и 21-й, а именно на мѣста, въ которыхъ говорится о вольномъ трудѣ и о трудѣ невольномъ и о вольномъ и невольномъ туалетѣ.

Позвольте мнѣ теперь отнестись прямо къ вамъ съ нѣкоторыми замѣчаніями.

Историческій, наслѣдственный вопросъ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи есть, безъ сомнѣнія, вопросъ, надъ которымъ призадуматься можно и который каждаго благомыслящаго человѣка долженъ озабочивать. Но вы сами согласитесь, что это вопросъ щекотливый и жгучій, и потому самому правительствомъ изъятый изъ среды вопросовъ, предоставленныхъ гласному печатному сужденію и журнальной полемикѣ. Вопросъ сей взяло правительство на свое рѣшеніе и, такъ сказать, подъ свою отвѣтственность. Слѣдовательно не для чего, вопреки извѣстнымъ и положительнымъ распоряженіямъ его, вскользь и побочно, поднимать его отвлеченными и риторическими фразами, въ которыхъ нѣтъ никакихъ новыхъ поясненій и доводовъ и не пріиски-

---

[1]) Салтыковымъ. Точки въ подлинникѣ.

[2]) Владимирской губерніи нынѣ станція Нижегородской желѣзной дороги.

вается ключа къ открытію ларчика, который вовсе не просто открывается. Упованіе на водворенье вольнаго труда—утопія, которая можетъ сбить съ толку трудящихся. Большая часть труда особенно того, который совершается въ потѣ лица, есть трудъ по нуждѣ, а вовсе не изъ доброй воли. Трудъ есть наказаніе свыше человѣческому роду и слѣдствіе первороднаго грѣха. Спросите у вольныхъ работниковъ Англіи и Франціи, что̀ думаютъ они о своемъ вольномъ трудѣ, который запираетъ ихъ часовъ на 12 и болѣе въ сутки въ душныя фабрики, чтобы выработать себѣ и дѣтямъ своимъ кусокъ насущнаго хлѣба. Спросите этихъ вольныхъ работниковъ, во что обходятся имъ и чѣмъ для нихъ кончаются ихъ grèves, когда вздумаютъ они возвысить заработную плату свою. Нечего смотрѣть вамъ въ Америкѣ на Негровъ. И въ вольной Англіи бѣдные люди совершаютъ невольничій трудъ потому, что ручной, физическій трудъ есть почти всегда и вездѣ неволя. Вводить въ искушеніе несбыточными мечтаніями и эффектными фразами меньшую братью грѣшно и ужъ вовсе неправославно.

Послѣ того смѣшно перейти къ туалетному вопросу; но цензура вооружена и телескопами, и микроскопами. И въ этомъ вопросѣ, какъ онъ ни малъ, есть своя относительная важность. Частными предписаньями высшаго начальства, такъ называемая Русская одежда не допускается равно всѣмъ сословіямъ. Сей вопросъ офиціально или полицейски рѣшенъ. Здѣсь уже не мѣсто выводить печатно, чего желаютъ Славянофилы въ вопросѣ объ одеждѣ. Во первыхъ, смѣшно признавать за собою прозвище, которое на смѣхъ пущено было въ ходъ Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ въ Буяновѣ. Но это въ сторону. Дѣло въ томъ, что, во избѣжаніе соблазна и безпорядка, остается покориться распоряженію полиціи. Это—обязанность каждаго благоразумнаго человѣка. Иначе дѣлаешь оппозицію, и какую? Совершенно ребяческую, неприличную взрослымъ людямъ. Все это говоритъ вамъ не товарищъ министра, а человѣкъ, которому минуло 65 лѣтъ, который почти весь свой вѣкъ, хорошо или худо, провелъ съ перомъ въ рукѣ, который уважаетъ всякое честное убѣжденіе, хотя не всегда съ нимъ соглашается. А потому я позволяю себѣ говорить вамъ откровенно. Если вы, въ пылу убѣжденій своихъ, не хотите оберегать себя и ту частичку благоразумной свободы, — все въ мірѣ относительно— которою нынѣ пользуются печать и журналистика: то мы, хладнокровные и присяжные зрители и цѣнители того, что̀ печатается, должны, изъ любви къ литературѣ, изъ сочувствія и уваженія къ званію писателей, оберегать васъ отъ васъ самихъ и отъ недоброжелателей вашихъ въ особенности и литературы вообще. Сдѣлайте одолженіе, во имя Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, заколотите нѣсколько нескромныхъ пушекъ на вашей батареѣ. Берите примѣръ съ главныхъ нашихъ учителей. Поле для подвиговъ вашихъ остается еще обширное

и многоплодное. Воздержитесь, ради Бога, отъ пальбы въ заповѣдныя мѣста. Спросите батюшку вашего: онъ страстный охотникъ, но и онъ вамъ скажетъ, что охота имѣетъ свои законы, свои ограниченія. Въ чужихъ дачахъ охотиться не дозволяется, а тѣмъ паче въ казенныхъ. Аминь. Надѣюсь, что вы все сказанное мною примите какъ оно было сказано, то есть съ любовью и добродушіемъ.

Душевно вамъ преданный
Князь Вяземскій.

Лѣсная дача, 10 Сентября 1857 г.

въ 1880 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА",

(ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ),

ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ,

будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1879 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ **двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ „Педагогической хроники"**. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою **12** р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Семейное чтеніе** *(отдѣлъ для дѣтскаго чтенія)* выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10** р.

II. **Воспитаніе и обученіе** *(отдѣлъ для родителей и воспитателей)* выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ **„Педагогической хроники"**, выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **5** р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою" содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.). *„Педагогическая хроника"* даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: **Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа"** (адресъ почтамту извѣстенъ), — съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отечества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель *К. Краевичъ.*

РУССКІЙ АРХИВЪ
1880.
(годъ осмнадцатый).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1880 года въ Москвѣ и въ Петербургѣ съ доставкою на домъ, равно и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Ермолаевскую Садовую, въ домъ Баженовой, въ Главную Контору Русскаго Архива. Въ Петербургѣ можно подписываться на Невскомъ, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Въ означенныхъ мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1877, 1878 и 1879 годовъ; остальные годы вышли изъ продажи.

Долговременный опытъ доказалъ намъ, что ежемѣсячная срочность изданія не легко совмѣстима съ строгою выдержкою, необходимою въ работахъ исторіографіи, которая требуетъ продолжительныхъ сличеній, сопоставленій, справокъ и подтвержденій. Кромѣ того, въ настоящее время въ рукописныхъ запасахъ Русскаго Архива накопилось нѣсколько большихъ статей, изслѣдованій, записокъ и другихъ историческихъ бумагъ, обнародовать которыя раздробительными тетрадями было бы неудобно.

Поэтому, въ 1880 году Русскій Архивъ будетъ выходить въ томъ же объемѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ первыя семнадцать лѣтъ, но не ежемѣсячными выпусками, а цѣлыми книгами, которыя будутъ появляться безсрочно.

Составитель и издатель Русскаго Архива
Петръ Бартеневъ.

„Русскій Архивъ" будетъ выходить въ 1880 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879. 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина.
1879.

О подпискѣ на 1880 годъ

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛАХЪ

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА"

Журналъ этотъ удостоенъ Высочайшаго покровительства ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ; рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ. Духовно-Учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ, и Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библіотекъ Военныхъ Гимназій и Прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Съ нынѣшняго 1880 года наступаетъ второе десятилѣтіе редактированія нами журналомъ «**СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА**».

Въ теченіе этого времени, на сколько позволяли намъ силы, мы старались честно и добросовѣстно исполнять возложенную на насъ обязанность и, кажется, частью достигли этого, судя по одобрительнымъ отзывамъ многочисленныхъ читателей нашихъ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, редакція журнала «**СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА**» стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желаніями подписчиковъ и строго слѣдуя программѣ каждаго отдѣла.

Мы старались **ОТДѢЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ** сдѣлать, повозможности, на столько разнообразнымъ, чтобы онъ, по своему содержанію и изяществу, могъ служить чтеніемъ **ДЛЯ ВСЕГО СЕМЕЙСТВА**, что намъ удобнѣе всего было сдѣлать сравнительно съ другими изданіями въ этомъ же родѣ, потому что форматъ книжекъ и объемъ ихъ болѣе всего подходитъ для этой цѣли.

ВЪ ОТДѢЛѢ ДЛЯ ДѢТЕЙ мы помѣщали такія статьи и разсказы, что не только могли заинтересовать читателя, но и принести ему пользу, какъ нравственную, такъ и научную.

Съ будущаго же 1880 года, мы нашли для себя возможнымъ давать, въ видѣ приложенія къ отдѣлу для **Семейнаго Чтенія**—*образцы различныхъ рукодѣлій*.

Къ отдѣлу для дѣтей будутъ прилагаться *образцы занятій и игръ*.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла* «**Семейныхъ Вечеровъ**» будетъ безплатно разослана, въ видѣ преміи, *хромолитографированная картина*.

Изъ Записокъ Николая Степановича Ильинскаго.

О существованіи Записокъ Н. С. Ильинскаго было заявлено въ печати еще въ 1861 году. Графъ М. А. Корфъ пользовался ими и на стр. 52-й извѣстнаго своего труда «Жизнь графа Сперанскаго» приводитъ изъ нихъ небольшое извлеченіе, но ничего не говоритъ о самихъ Запискахъ и о томъ, до какихъ поръ довелъ ихъ Ильинскій. Рукопись, по которой печатаются теперь его Записки, получена нами отъ библіографа В. И. Саитова. Она содержитъ пропуски и обрывается на полусловѣ, но и въ этомъ неполномъ видѣ Записки Ильинскаго представляютъ интересъ и заслуживаютъ быть напечатанными.

Скажемъ нѣсколько словъ о ихъ авторѣ.

Николай Степановичъ Ильинскій родился въ 1759 или 1760 году въ Вологдѣ. Въ 1767 году семья его переѣхала на житье въ Петербургъ. Разсказомъ о путешествіи изъ роднаго города въ столицу оканчивается первый отрывокъ печатаемыхъ теперь Записокъ. Далѣе слѣдуетъ большой перерывъ, и мы должны почерпать свѣдѣнія о личности Н. С. Ильинскаго изъ другихъ источниковъ. Изъ аттестата, выданнаго ему Комерцъ-Колегіею 26 Іюня 1781 года, видно, что онъ вступилъ въ службу изъ приказныхъ въ 1771 году, 4 Ноября копіистомъ. Въ 1781 году 7 Мая произведенъ въ губернскіе секретари и по представленію Я. Е. Сиверса опредѣленъ къ дѣламъ въ Псковское намѣстничество. Въ аттестатѣ, выданномъ Ильинскому 31 Декабря 1795 года Псковскимъ гражданскимъ губернаторомъ Н. Беклешовымъ, говорится, что совѣтникъ Псковской Казенной Палаты Николай Ильинскій, служа въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ Псковскаго намѣстничества, отличался особеннымъ усердіемъ и сверхъ своей должности исполнялъ разныя другія порученія. Такъ въ 1792 и 1794 годахъ Сенатъ командировалъ его въ Усть-Каму и Нижній Новгородъ для доставки въ Псковскую губернію соли. Благодаря усердію и честности Ильинскаго, казна сберегла въ первый разъ до 50,000 р., а во второй до 117,000 р. Въ концѣ 1795 года Ильинскій перешелъ на службу въ Петербургъ. О жизни его здѣсь мы узнаёмъ изъ его Записокъ, которыя съ небольшимъ перерывомъ обнимаютъ все царствованіе Павла I. Вслѣдствіе упомянутаго перерыва Записки за это время представляютъ двѣ части. Послѣдняя изъ нихъ начинается разсказомъ объ отношеніяхъ Ильинскаго къ П. Х. Обольянинову. Въ поясненіе къ этому мѣсту надо сказать, что Ильинскій навлекъ на себя неудовольствіе генералъ-прокурора, отказавшись отъ должности правителя его канцеляріи. Обольяниновъ же по своему характеру былъ способенъ сильно оскорбить человѣка, навлекшаго на себя его гнѣвъ. При Александрѣ I-мъ Ильинскій служилъ въ ко-

мисіи для составленія полнаго собранія законовъ, былъ юрисконсультомъ при министерствѣ юстиціи и скончался въ царствованіе Николая I-го въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Научившись въ дѣтствѣ кое-какъ читать и писать, Н. С. Ильинскій старался впослѣдствіи восполнить свое образованіе и любилъ заниматься литературою. Писаніе стиховъ обратило на него вниманіе Державина, и, хотя самъ Ильинскій называетъ изъ скромности свои стихи глупыми, но надо отдать ему справедливость: они не хуже многихъ другихъ того времени, изобиловавшаго стихоплетами. Въ произведеніяхъ Ильинскаго господствуютъ два основные мотива: патріотизмъ и религіозное смиреніе. Таковъ характеръ и его Записокъ.

Съ именемъ Н. С. Ильинскаго въ нашей литературѣ извѣстны слѣдующія произведенія:

1) Историческое описаніе города Пскова и его древнихъ пригородовъ съ самаго ихъ основанія, заключающее въ себѣ многія достойныя любопытства происходимости, составленное изъ многихъ древнихъ лѣтописцевъ, надписей, записокъ и Россійской исторіи Николаемъ Ильинскимъ. 6 частей въ 8. Ч. I СПБ. 1790 г.; ч. II. СПБ. 1793 г.; ч. III. СПБ. 1793 г.; ч. IV въ Нижнемъ Новѣ-Градѣ 1794 г.; ч. V и VI СПБ. 1795 г.

2) Въ память славному мужу Нижегородскому купцу Козьмѣ Минину. Въ листъ 1 нен. страница. Начало стихотворенія:

„На мѣстѣ томъ стоя, гдѣ Мининъ погребенъ“ и т. д.

Внизу подпись: «Въ Нижнемъ Новѣградѣ 1794 года, Іюня 20 числа». На это стихотвореніе Ильинскій смотрѣлъ, какъ на патріотическій подвигъ и долго носился съ нимъ. Отдѣльно напечатанное онъ поднесъ Екатеринѣ II при слѣдующемъ прошеніи: «Всемилостивѣйшая Государыня, великодушная мать отечества! Нижегородскій купецъ Козьма Мининъ, оказавшій въ самыя опасныя для Россіи времена монаршему Вашего И. В. престолу безсмертную услугу, и погребенный въ Нижегородскомъ катедральномъ соборѣ, не имѣетъ не только памятника, ниже надписи. Я, восхищаясь великодушнымъ его подвигомъ, старался возобновить сію память составленіемъ слабыхъ стиховъ, которые пріемлю дерзновеніе поднести Вашему И. В. со всеусерднѣйшимъ моленіемъ, не соизволите ли, Всемилостивѣйшая Государыня, ознаменовать безсмертное свое великими дѣяніями въ вѣкахъ царствованіе сооруженіемъ сему славному мужу памятника, да, взирая на оный, души, чувствующія преданность къ священнѣйшей Вашего И. В. особѣ и отечеству, во всякихъ случаяхъ ревновать ему будутъ». Затѣмъ Ильинскій поднесъ свои стихи епископу Нижегородскому Павлу, отослалъ ихъ въ Нижегородскую Думу и 50 экземпляровъ въ тамошнее Главное Народное Училище для раздачи ученикамъ. Наконецъ, онъ перепечаталъ ихъ при слѣдующей книгѣ:

3) Описаніе жизни и безсмертнаго подвига славнаго мужа Нижегородскаго купца Козьмы Минина, выбранное изъ историческихъ преданій Николаемъ Ильинскимъ. Въ СПБ. при губ. правленіи 1799 г. въ 8, стр. 78. Источникомъ для этой компиляціи служилъ Ильинскому Голиковъ. «Да проститъ меня (гово-

ритъ авторъ описанія) отличный и трудолюбивый сочинитель Дѣяній Петра Великаго, что я выбралъ точными словами изъ собранныхъ имъ къ тѣмъ Дѣяніямъ дополненій все сіе описаніе». Это сочиненіе Ильинскаго перепечатано въ книгѣ: «Житіе Франца Яковлевича Лефорта Россійскаго генерала и описаніе жизни Нижегородскаго купца Козьмы Минина». Въ СПБ. при губ. правленіи 1799 г. въ 8, стр. 2 нен, и 144. Житіе Лефорта, помѣщенное въ этой книгѣ безъ имени автора, принадлежитъ И. Виноградову и вышло въ Петербургѣ въ томъ же 1799 году отдѣльно.

4) Мысли о человѣкѣ, въ 4-ку, 6 нен. стр. Въ началѣ посвященіе: «Михайлѣ Александровичу Ладыженскому».

„Прими, любезный другъ, даръ сердца откровенна,
„Усердіемъ къ тебѣ и дружбой прилѣпленна...

Внизу подпись: «Николай Ильинскій». Это, можетъ быть, то самое сочиненіе, которое означено у Сопикова подъ № 6,362: «Мысли о человѣкѣ, соч. Н. И. СПБ. въ 4-ку.

5) Изображеніе человѣка въ стихахъ, соч. Н. Ильинскимъ. СПБ. въ 4, безъ года. Такъ значится у Сопикова подъ № 4,476, на экземплярѣ же Петербургской Публичной Библіотеки имя автора означено въ концѣ буквами Н. И.

Можно думать, что Ильинскому же принадлежатъ два произведенія, очень рѣдкія, которыхъ мы не нашли въ доступныхъ намъ Петербургскихъ библіотекахъ:

1) На взятіе Очакова, стих. соч. Н. И. во Псковѣ СПБ. 1790 г. въ 4. Соп. № 7,291.

2) Разныя стихотворенія, соч. во Псковѣ Н. И., а напечатанныя другомъ его В. С. въ 4. Безъ года и мѣста изданія. Сопик. № 11,537. Подъ буквою С, можетъ быть, скрывается Соколовскій, другъ Ильинскаго и сослуживецъ его во Псковѣ. Но Соколовскаго звали Андреемъ. Не ошибка-ли это у Сопикова?

Алексѣй Круглый.

Воспоминанія моей жизни.

ВОЛОГДА.

Родился я въ городѣ Вологдѣ, и должно полагать (ибо вѣрной записки не осталось) въ 1759, но не позже 1760, Ноября 27, предъ восхожденіемъ свѣта, во время заутрени.

Родители мои были Степанъ Ѳедоровичъ, бывшій тогда пѣвчимъ при преосвященномъ Іосифѣ Вологодскомъ и Бѣлозерскомъ [1]), и Татіана Алексѣевна [2]). Ихъ же родители, а мои дѣды, находились священниками: Ѳедоръ при церкви св. Пророка Иліи, и Алексѣй при церкви св. Богоявленія Господня.

Фамилія наша издревле была не Ильинскихъ, но Шафрановыхъ, а перемѣнилась по случаю бытности родителя моего для обученія въ Вологодской семинаріи; а какъ отецъ его и мой дѣдъ находился при церкви Иліи Пророка, то ректоръ, префектъ и учители называли его всегда по церкви Ильинскимъ; такую фамилію дали и при увольненіи изъ Семинаріи.

Дѣдъ мой по матери, священникъ Алексѣй, скончался прежде замужества моей родительницы. Она и братъ ея, а мой дядя, Евстратій Алексѣевичъ Свистуновъ, остались сиротами. Съ ними же осталась и бабка ихъ, а моя прабабка, Анна Ивановна, почтеннѣйшая, любезнѣйшая старица: она трудами своими въ малолѣтствѣ ихъ воспитывала. Къ тому же великія пособія дѣлалъ имъ прежде бывшій преосвященнѣйшій Пименъ [3]), изъ почтенной фамиліи Кондоиди. Онъ велъ святую жизнь и былъ весьма благотворителенъ. Съ того времени и донынѣ вся Вологодская епархія почитаетъ его какъ бы святаго. Онъ погребенъ въ соборѣ при входѣ, на правой рукѣ; на

---

[1]) Іосифъ II-й Золотой былъ епископомъ Вологодскимъ съ 16 Декабря 1761 года до своей смерти, 25 Декабря 1774 г. О немъ см. Н. Суворова „Описаніе Вологодскаго каѳедральнаго Софійскаго собора", М. 1863, стр. 67—69. Также Филарета „Обзоръ Русс. дух. литературы". Черниговъ 1863 г. т II. стр. 95, № 48.

[2]) Умерла въ Петербургѣ въ 1800 году, 13 Августа и погребена на Смоленскомъ кладбищѣ.

[3]) Въ спискѣ Вологодскихъ архіереевъ, погребенныхъ въ Софійскомъ соборѣ (Н. Суворова. Описаніе Вологод. каѳ. Соф. соб. стр 65—66 значится: „Пименъ II, Савеловъ, рукоположенъ 1740 года, Іюня 29. Скончался въ 1753 году, Мая 26 дня, и погребенъ въ Соф. соборѣ, на правой сторонѣ, на третьемъ мѣстѣ"). Въ его эпитафіи сказано: „Жаль (т. е. сожалѣніе) по себѣ оставилъ немалу въ народѣ."

гробницѣ его есть портретъ, и рѣдкій изъ приходящихъ не служитъ по немъ панихиды.

По выдачѣ родительницы моей въ замужество, братъ ея, а мой дядя, Евстратій Алексѣевичъ, по окончаніи обученія въ Семинаріи, отправленъ въ Москву въ Заиконоспасскую Академію для усовершенствованія въ наукахъ. По выпускѣ оттуда, помнится, въ 1768 году, вступилъ въ статскую службу и былъ Правительствующаго Сената во второмъ департаментѣ канцеляристомъ.

Домъ родительницы, въ которомъ я родился, стоялъ на большой улицѣ, идущей къ собору, противъ церкви Покрова Богоматери, на углу, въ переулкѣ. Онъ ничто иное былъ, какъ хорошая крестьянская изба. На большую улицу были два слуховыя окошка, а третье на дворъ. Печь большая, и отъ нея палати, или настилка вверху до половины избы, гдѣ можно было спать и сидѣть во время морозовъ; внизъ отъ печи былъ сходъ, или такъ-называемый голбецъ, по которому сходили въ нижнія кладовыя, гдѣ хранились всѣ съѣстныя и разныя домашнія вещи. Назади, на дворъ была свѣтлая горница съ двумя окнами и стеклянными переплетами. Она была чистая, съ лавками около стѣнъ и столомъ и служила вмѣсто нынѣшнихъ гостиныхъ. Между переднею избою и сею горницею были сѣни довольнаго пространства, и въ нихъ чуланы, въ коихъ ставили сундуки съ платьемъ, посуду и прочее, что̀ было получше. Посуда, сколько помню, вся деревянная и нѣсколько оловянной. Тутъ же хранились и церковныя книги, оставшіяся послѣ дѣда. Изъ сѣней былъ выходъ на крыльцо, довольно высокое; на дворѣ стояли два сарая и коровникъ; огородъ былъ небольшой и низкій; въ немъ садили капусту, огурцы, морковь, рѣдьку, бобы и проч. Въ сосѣдствѣ, назади по переулку, стояла изба, и въ ней жили самыя бѣдныя женщины, промышляющія, сколько помню, студенью. Я къ нимъ черезъ огородъ бѣгивалъ, онѣ меня кормили, и я видѣлъ множество костей говяжьихъ, лежащихъ на ихъ дворѣ.

Почтеннѣйшая прабабка моя Анна Ивановна умѣла шить рукавицы, шапки такъ-называемыя тогда для крестьянъ «малахай», опушенныя изъ бараньихъ и другихъ разнаго рода овчинокъ. Она покупала старые суконные камзолы, кафтаны и прочее, изъ нихъ выкраивала и прибивала гвоздиками для шапокъ на деревянный болванъ и потомъ, также выкраивая и подбивая овчинами, послѣ сшивала. Рукавицы же разныхъ мѣръ изготовляла просто, безъ прибивки. Съ симъ маловажнымъ товаромъ рѣдкій день не выходила на рынокъ—такъ называлось мѣсто близъ гостиннаго деревяннаго двора, въ коемъ сходился простой народъ, какъ въ Петербургѣ на толкучій рядъ. Сидя тамъ, продавала и изъ полученныхъ денегъ всегда почти притаскивала на салазкахъ, или приносила съѣстные припасы, а для меня и брата пряники, ягоды и прочее. Сими-то неусып-

ными трудами питаемы были родительница моя и мы съ братомъ; ибо родитель нашъ, бывъ пѣвчимъ, получалъ весьма малое жалованье и чуть-ли не шесть рублей въ годъ.

Помню, какъ я безъ нея срывалъ съ болванчика сукно и изрѣзывалъ ножницами и портилъ изготовленное. Она часто прятала отъ меня въ сундучекъ и запирала, но за то отъ меня доставалось болванчику, если попадались мнѣ гвоздики.

Въ темныя ночи, вмѣсто свѣчъ, приготовляли изъ березовыхъ дровъ, привозимыхъ ею, лучину, укрѣпляли такъ-называемый свѣтецъ и зажигали, а чтобъ уголье не падало на полъ, то подъ нимъ поставляли съ водою судно, подобное желѣзной сковородкѣ.

Помню, какъ приходящія къ ней изъ разныхъ мѣстъ старушки и пріятельницы ночевали у насъ и, сидя на палатяхъ, сказывали разныя старинныя происшествія и сказки о домовыхъ, о привидѣніяхъ, о богатыряхъ, о колдунахъ, о кладахъ, въ землѣ скрытыхъ, и какъ ихъ узнавать и доставать; о разбойникахъ на дорогахъ, особливо о знатномъ разбойникѣ Аникѣ, на могилѣ котораго въ лѣсу крестъ и всякій проѣзжающій бросаетъ по прутику, такъ что великій бугоръ накопился; о ходящихъ мертвецахъ, и худомъ и добромъ поведеніи въ знакомыхъ семействахъ, о несчастіяхъ, о недородѣ хлѣба, о дешевизнѣ или дороговизнѣ припасовъ, о погодахъ и о разныхъ случаяхъ, бывшихъ при посѣщеніяхъ, дѣлаемыхъ воеводами, секретарями и приказными; напослѣдокъ, о монастыряхъ, о святыхъ мощахъ, о чудотворныхъ образахъ. И чѣмъ которая изъ нихъ была старѣе, тѣмъ больше брала преимущества въ разсказываніи слышанныхъ ею древностей, былицъ и небылицъ. Особливо помню старушку, называемую Каптелиною, которая прихаживала изъ погоста, въ коемъ была деревянная церковь свв. Кирика и Улиты. Послѣ уже я узналъ въ Петербургѣ, что это было село графа Мусина-Пушкина, отстоящее отъ Вологды въ трехъ верстахъ.

Помню, какъ меня прабабушка водила съ собой лѣтомъ въ то село въ одной бѣлой рубашкѣ съ поясомъ и босикомъ. Когда я въ первый разъ во время праздника шелъ туда съ нею чрезъ гостиный дворъ и увидѣлъ ворота, на которыхъ святые образа были въ серебряныхъ ризахъ, рамы, равно какъ и столбики ихъ вызолоченные, сіе меня такъ удивило, что она меня почти насильно отвлекла отъ зрѣнія.

Помню, какъ, придя предъ то село, которое стояло и съ церковію на горѣ, увидѣлъ я рѣчку, называемую Шограшъ и въ ней кругленькіе, разноцвѣтные камешки или плитки. Вошедъ въ рѣчку, я столько ихъ набралъ въ подолъ рубашки, что едва прабабушка уговорила нѣкоторые бросить, но послѣ обѣда паки я ушелъ набирать ихъ; меня сыскали и не могли уговорить, чтобъ я не несъ ихъ съ собою въ Вологду; они тогда употреблялись во время игры

въ бабки, вмѣсто такъ-называемыхъ битокъ, иногда свинцомъ наливаемыхъ.

Помню, прабабушка и родительница водили меня лѣтомъ въ такъ-называемый убогій домъ, стоящій за городомъ на большомъ полѣ. Туда собирался почти весь городъ, и архіерей или архимандритъ отправляли тамъ поминовеніе и закрывали землею тѣла, въ одну яму въ теченіе одного года собранныя. Это были такія тѣла, которыя на дорогахъ и въ разныхъ мѣстахъ собирасмы были; нѣкоторые лишались жизни отъ мороза, отъ убійства, отъ болѣзненныхъ припадковъ и прочее, но у которыхъ ни родственниковъ, ни пріятелей не было, и даже чьи они были совсѣмъ неизвѣстно. Тутъ продавались разныя дѣтскія игрушки, но болѣе всего обычай былъ изготовлять изъ глины подобіе птичекъ, коихъ внутренность наливали водою, и, гдѣ надобно было быть хвосту, тутъ губами можно было дѣлать свистъ; отъ волненія воды происходилъ изрядный шумъ. Цѣлое поле наполнено было ребятами, и всякій почти имѣлъ глиновый свистокъ. Мнѣ теперь нестолько пріятны придворная музыка и маскарадъ, какъ тогда сіе зрѣлище и поле, занимаемое въ лучшихъ нарядахъ почти всѣмъ въ городѣ народомъ.

Помню, какъ прабабушка водила меня пѣшкомъ за рѣку Вологду въ Прилуцкій монастырь. Эта дорога, около трехъ верстъ простирающаяся, весьма меня занимала; ибо красота природы первое и живое впечатлѣніе во мнѣ сдѣлала, и я воображалъ, что весь тутъ міръ заключается. Пришедши къ монастырю, я еще болѣе удивился церковному украшенію и одеждѣ монашеской и особливо когда прабабушка показывала мнѣ гробницы святыхъ, тамъ почивающихъ подъ спудомъ Дмитрія Царевича [4]) и Игнатія.

Помню, какъ я былъ лѣтомъ за рѣкою въ приходѣ Богоявленія и обѣдалъ у родственниковъ изъ духовнаго состоянія. Увидя садъ съ яблоками, пришелъ я въ восхищеніе и, хотя весьма много мнѣ ихъ давали, но не было пріятнѣе, какъ сорвать самому: едва изъ сада меня выгнали.

Помню, какъ пріѣзжалъ изъ деревни съ женою помѣщикъ Кушелевъ, иногда ночевалъ у насъ. Онъ былъ мнѣ крестный отецъ и привозилъ разной провизіи и гостинцевъ, и какъ это было рѣдко, то я даже запамятовалъ имя его и отчество.

Помню, какъ, видя часто съ крыльца своего колокольню церкви Казанскія Богоматери, всѣ на ней колокола и звонаря благовѣстящаго, я рѣшился на крыльцѣ устроить такую же колокольню. Изъ

---

[4]) Спасо-Прилуцкій мужской 2-го класса монастырь находится въ пяти верстахъ отъ города Вологды, на лѣвомъ берегу рѣки Вологды. Въ соборномъ храмѣ находятся мощи не Димитрія царевича, а преподобнаго Димитрія Прилуцкаго Чудотворца, основателя этого монастыря. (И. Пушкаревъ. Описаніе Вологод. губерніи. С. Пб. 1846, стр 101—102).

чего она состояла? Изъ разбитыхъ бутылокъ, разныхъ черепковъ, гвоздей, пуговицъ и всякаго звенящаго вздора; я ихъ лыками и мочалами укрѣплялъ къ брусу, который держалъ кровлю.

Помню, какъ я съ ребятами въ рубашкѣ и босикомъ даже въ грязь, лѣтомъ и зимою, игрывалъ на улицѣ въ бабки и ходилъ по берегу рѣки предъ соборъ и тамъ изъ стариннаго каменнаго зданія выламывалъ изъ печи изразцы, на которыхъ были изображенія синей и красной краской.

Помню, какъ, увидя у мальчика такъ-называемый изъ бумаги змѣй съ трещотками, пущенный въ воздухъ на ниткѣ, съ мочальнымъ хвостомъ и, не находя у себя бумаги, забрался я въ чуланъ и тамъ въ тишинѣ взялъ изъ сундука церковную переплетенную съ застежками книгу, выдралъ два листа съ черною и красною прописью и, сдѣлавъ изъ того подобный змѣй, вышелъ на улицу спускать его по вѣтру. Прабабушка увидѣла изъ окна и закричала: «Ахъ! смотри-тка, Татьянушка, онъ изъ чулана уноситъ книги. Надобно запереть и не пускать его». Когда я пришелъ въ горницу, подрали меня за волосы, а чуланъ заперли. Ежели бы не прекратили симъ моего удовольствія, то я для ребятъ всѣ бы книги вытаскалъ.

Прабабушка любила меня и всегда клала спать съ собою, особливо лѣтомъ на полу, въ задней свѣтлой горницѣ. Она всегда имѣла у себя на поясѣ четки, сплетенныя изъ кожанныхъ ремешковъ, на которыхъ отмѣчены были по десяти рубчиковъ и между каждымъ десяткомъ толстый рубецъ. Она, имѣя ихъ въ правой рукѣ, молилась утромъ и вечеромъ и считала по рубчикамъ, сколько простыхъ и земныхъ поклоновъ сдѣлать должно. Часто она просыпалась ночью и, вставъ безъ огня, молилась Богу по симъ четкамъ, клала земныхъ поклоновъ иногда по сту, иногда по двѣсти и болѣе. Я также ночью часто просыпался и молча видѣлъ и слышалъ молитву ея. Когда она приходила ложиться и заставала меня неспящаго, всегда говорила: «Что ты глядишь, сынъ, не спишь? Спи хорошенько!» и укрывала меня одѣяломъ.

Не забылъ я и того времени, когда на соборную церковь кресты поднимали. Я глядѣлъ тогда изъ краснаго окошка, которое было къ собору. Часто при вечерней зарѣ, когда солнце за соборъ заходило, я въ задумчивости смотрѣлъ на сіе прекрасное зрѣлище, смотрѣлъ и спрашивалъ у прабабушки, какимъ образомъ солнце удаляется и восходитъ, дѣлая и другіе разные вопросы. Она всегда, какъ благочестивая, отвѣтствовала мнѣ, что сіе Богомъ устроено, что Онъ на небѣ всѣмъ управляетъ и всѣмъ благодѣтельствуетъ, что надобно Ему прилежно молиться, въ извѣстные дни содержать постъ, быть кроткому, смирному и слушать съ почтеніемъ старшихъ.

Въ одномъ домѣ, недалеко отъ нашего, скончался знакомый пріятель и, кажется, духовнаго званія. Матушка меня взяла съ собою навѣстить плачущихъ жену и дѣтей. Я, вошедъ въ горницу, увидѣлъ мертваго на лавкѣ, покрытаго шерстянымъ ковромъ и на ногахъ колошики или туфли. Не видавъ прежде мертвыхъ, смотрѣлъ я и удивлялся, не могши понять, какимъ образомъ человѣкъ, недавно ходившій и говорившій, лежалъ безъ движенія. Долго мнѣ послѣ сего было напоминаніе даже и во снѣ о чудномъ для меня по тогдашнему малолѣтству происшествіи, а колошики изъ мыслей не выходили.

Прабабушка и родительница въ вечера зимніе часто пряли нитки, ихъ сучили и дѣлили на пряди, послѣ клали въ огородъ на траву для бѣлѣнія. Когда ихъ разматывали, давали мнѣ держать на обѣихъ рукахъ и вили въ клубки. Часто я запутывалъ, а послѣ съ клубковъ таскалъ нитки для спусканія бумажныхъ змѣевъ.

Родительница особенно занималась плетеніемъ на круглой подушкѣ кружевовъ. Къ каждой ниточкѣ привязана была коклюшка и на каждой навито столько нитокъ, сколько можно было вмѣстить на пространствѣ, вынутомъ между головкою (sic) коклюшки. Тутъ же употреблялось множество булавокъ на подушкѣ для раздѣленія узоровъ. Часто я коклюшки отрывалъ и иногда перемѣшивалъ, такъ что прятали отъ меня и завязывали подушку съ коклюшками.

Нерѣдко видѣлъ приходящихъ изъ полиціи за разными взысканіями и хотя маловажными, но тогда по бѣдности многозначущими. Прабабушка всѣмъ отвѣтствовала, хлопотала, заботилась и платила. Предъ домомъ была мостовая деревянная, и во время осени заставляли очищать грязь: прабабушка часто сама очищала, ибо не было ни одного работника, а матушку отъ сего, по молодости ея, избавляла.

Едва помню и одинъ только разъ видѣлъ, какъ дѣдъ мой священникъ Ѳедоръ былъ больной: лежалъ на печкѣ и едва съ оной слѣзалъ, въ бѣлой рубашкѣ и порткахъ. Когда, гдѣ онъ скончался и какимъ образомъ дочери его, родныя сестры родителя моего, Аграфена и Дарья, помѣстились въ наше семейство, не знаю. Прабабушкѣ умножилось тогда заботы, хлопотъ и излишнихъ попеченій. Одинъ Богъ ее поддерживалъ.

Изъ Вологодской Семинаріи выучившіеся студенты, иные уже женатые, употреблены были преосвященнымъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Они пріѣхали въ Петербургъ, и трое изъ нихъ: Вознесенскій, Бараковскій, Ключаревъ, опредѣлились въ Комерцъ-Колегію. Они, какъ товарищи моему отцу, писали о своемъ прибытіи и довольномъ по тогдашнему времени жалованьѣ. Отцу моему захотѣлось имъ послѣдовать, но преосвященный долго не отпускалъ, потому что отецъ мой имѣлъ хорошій голосъ, бывъ пѣвчимъ;

но когда по многимъ убѣжденіямъ и хлопотамъ уволили и его, онъ въ 1766 году уѣхалъ въ Петербургъ, опредѣлился въ туже Комерцъ-Колегію, оставя всѣхъ насъ на Вологдѣ и, кажется, болѣе года были мы въ разлукѣ, пока прабабушка рѣшилась продать домъ, помнится, только за тридцать рублей, и со всѣми нами ѣхать въ Петербургъ.

Въ теченіи сего года я и братъ мой Петръ Степановичъ были прежде въ кори, а потомъ въ сильной оспѣ, ибо тогда не знали еще нынѣшняго прививанія. Помню, какъ мы оба лежали на лавкѣ и выздоравливали; когда на лицѣ чесалось, сдирали у себя до крови кожу, и насъ прабабушка и родительница бранили и даже навязывали на руки тряпицы, чтобы не могли ногтями испортить лицо. Еще были у обоихъ насъ струпья на головѣ; отъ великой чесотки или золотухи у меня сдѣлалась рана на ногѣ, и выходила матерія. Эта рана, кажется, спасала меня во всю жизнь отъ тяжкихъ болѣзней. Братъ мой былъ всегда меня здоровѣе и тучнѣе [5]; объ немъ же говорили, что родился въ счастливой оболочкѣ или сорочкѣ, а обо мнѣ предвѣщали, что по худости и слабости въ тѣлѣ ненадеженъ и не проживетъ долго. Но всеблагій Богъ сохранилъ меня, и я пережилъ всѣхъ; ибо рѣдко кто, кромѣ прабабушки, до 75 лѣтъ изъ родныхъ моихъ дожилъ.

Забылъ сказать, что матушка обоихъ насъ кормила своею грудью, и помню, когда братъ Петръ сосалъ ее, то я изъ шалости, подходя, вырывалъ сосецъ изъ губъ его, и онъ сему смѣялся.

Сколько упомнить могу, кушанье у насъ было простое, безъ тарелокъ и въ общей деревенской чашѣ; болѣе всего употребляли щи съ говядиною, а въ постъ съ рыбою, холодную окрошку изъ говядины или рыбы съ лукомъ и чеснокомъ. Лукъ, а особливо чеснокъ, весьма я любилъ; когда въ деревянной толкушкѣ раздавятъ его, я съ сокомъ клалъ на ломоть хлѣба. Грузди, рыжики и другіе грибы всегда употреблялись лѣтомъ свѣжіе, а зимой прабабушка привозила грибы сухіе связками на веревочкахъ; грузди же и рыжики на зиму изготовлялись соленые. Съ того времени и теперь

---

[5]) Петръ Степановичъ Ильинскій умеръ въ Петербургѣ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ недалеко отъ А. Ѳ. Бестужева. На одной сторонѣ монумента надпись: „Въ память любезнѣйшаго супруга, чувствительнѣйшаго отца и друга присныхъ своихъ дѣйств. ст. сов. и кавалера Петра Степановича Ильинскаго, родившагося 1762 года Іюня 28 дня и преставившагося 1815, Мая 27 дня, соорудили сіе надгробіе горестная супруга и осиротѣвшіе десятеро дѣти его“. На другой сторонѣ стихи, вѣроятно сочиненные братомъ:

„Смерть алчна изъ тебя извлекши жизни силу,
Едва съ тобой и насъ не вовлекла въ могилу,
Тогда бы кончилось мученье наше вдругъ;
Но мы еще живемъ въ твое воспоминанье,
Живемъ на тяжку скорбь, на слезы и стенанье,
Доколѣ нашъ съ тобой не съединится духъ.“

люблю грузди и рыжики, которыхъ на Вологдѣ множество, и рыжики бываютъ столь мелки и столь черны, какъ икра. Ко двору и на продажу въ Петербургъ доставляютъ ихъ въ бутылкахъ: во всей Россіи нигдѣ нѣтъ столь хорошихъ и столь мелкихъ. Вмѣсто конфектовъ, о которыхъ мы и понятія не имѣли, были лучшія закуски: морковь, бобы, горохъ, особливо лѣтомъ въ стручьяхъ; хрѣнъ употребляли съ холоднымъ, а горчицы совсѣмъ не знали.

Чрезъ годъ по разлукѣ съ родителемъ отправились всѣ зимою въ двухъ повозкахъ или кибиткахъ и, кажется, въ 1767 году. Морозы и снѣга тогда были великіе, и отъ разбойниковъ большая опасность, такъ что, приставая на ночлегъ въ деревню, извощики выбирали не только хорошія и смирныя селенія, но даже и въ самыхъ деревняхъ лучшихъ и добрыхъ хозяевъ, другихъ же миновали, сказывая, что и сами хозяева тутъ опасны. Лѣса были превеликіе, дороги узкія, и помню, какъ я, лежа въ кибиткѣ, возводилъ глаза на небо, и, видя превысокій лѣсъ, покрытый весь инеемъ, дивился. А еще....

.... Невы, на Петербургской сторонѣ, противъ маленькаго дворца, Петромъ Великимъ построеннаго, и гдѣ послѣ построенъ отъ конторы каменный, запасный для хлѣба магазейнъ, и теперь существующій. Третіе находилъ я удобнымъ на берегу Фонтанки, близъ нынѣшняго новаго моднаго, чугуннаго моста, въ Коломнѣ; но въ томъ мнѣ отказано, для того, что купцы желали имѣть его для своей постройки и, кажется, не безъ подарковъ тогдашней полиціи. Четвертое находилъ я удобнымъ на берегу же, противъ самаго Таврическаго дворца, гдѣ и теперь существуетъ отъ рѣки каналъ. Въ семъ мѣстѣ помѣщалось до тысячи семисотъ сажень. Мѣсто сіе, принадлежащее дворцу, позволилъ Государь занять; для того, что онъ помѣстилъ во дворецъ конную гвардію, а лошадей ихъ не только въ конюшни дворцовыя, но и въ самый садъ. Изъ дворца были вынесены всѣ лучшія украшенія и приборы, и рѣдкія деревья изъ той галлереи, гдѣ и теперь есть таковыя же, вынесены были въ садъ и, стоя безъ надзора и поливки, всѣ пропали. Кругомъ сего отведеннаго мѣста, какъ и около двухъ на острову и на Петербургской Сторонѣ, отъ конторы сдѣланы были деревянные заборы, и построено въ каждомъ по одному маленькому домику для житья, пріему и отпуску дровъ комиссаромъ и вахтеромъ. Заготовленіе дровъ производилось подрядомъ при торгахъ, въ конторѣ дѣлаемыхъ и утверждаемыхъ, смотря на выгодность цѣнъ, или отряженіемъ надежныхъ комисаровъ на самыя тѣ мѣста, гдѣ дрова для сплавки сюда приготовляются, съ тѣмъ чтобы для задатка продавцы привозили къ магазинамъ, но съ такимъ условіемъ, чтобы дрова были

березовыя хорошія, съ прибавленіемъ одной ольхи не болѣе третьей части. Цѣна въ мою бытность состояла — сажень печатная съ лучшею кладкою въ 3 рубля 40 копѣекъ и въ 3 рубля 50 копѣекъ. Въ теченіе моего управленія, не съ большимъ годъ, казна получила за всѣми расходами чистой прибыли 31,700 рублей. Отпускъ былъ въ магазинахъ по билетамъ, даваемымъ покупщикамъ отъ конторы и не болѣе одному, буде съ семействомъ, на мѣсяцъ двухъ сажень, дабы не было въ одни руки перекупу. На запасныхъ дворахъ принимались дрова и клались какъ обыкновенно рядами, отпускъ же дѣланъ былъ кладкою каждой сажени въ станокъ деревянный, помѣщающій одну сажень. Хотя кладка ихъ позволялась тѣмъ, кто купилъ, но по зимнему холоду извощикъ или лакей рѣдкій хотѣлъ укладывать порядочно; отъ того у комисаровъ были довольные остатки, сколько для себя, такъ и для продажи. Мнѣ они однажды предлагали, чтобъ я бралъ для расхода своего сколько надобно, ибо имъ убытку не будетъ; но я не только не хотѣлъ симъ пользоваться сколько по совѣсти, а и потому, что, ежели который начальникъ заодно съ подчиненными коснется казеннаго, то подчиненный захочетъ преступить всѣ предѣлы и, растратя казенное, будетъ послѣ показывать, что и самъ начальникъ его тоже дѣлалъ, что̀, какъ я выше описалъ, было и въ Псковской Казенной Палатѣ, когда вицегубернаторъ Брылкинъ началъ брать деньги у казначея Харитонова, а онъ также бралъ на покупку деревень, а послѣ при слѣдствіи и утратѣ показалъ, что Брылкинъ и тѣ бралъ, которыя самъ Харитоновъ истратилъ, почему Брылкинъ принужденъ все заплатить и лишиться мѣста и чести.

Во время службы въ конторѣ случались многія непріятности, между прочимъ слѣдующія.

Павелъ I установилъ комисію объ устроеніи С.-Петербурга. Въ ней присутствовали: наслѣдникъ престола великій князь Александръ Павловичъ, военный генералъ-губернаторъ графъ фонъ-деръ-Паленъ, генералъ-провіантмейстеръ Обольяниновъ и еще правитель дѣлъ ея пріятель мой, служившій со мною во Псковѣ, статскій совѣтникъ Николай Петровичъ Рязановъ. Онъ имѣлъ отличныя спобности. Его родитель былъ предсѣдателемъ въ Иркутской Уголовной Палатѣ и былъ подъ слѣдствіемъ во время суда надъ генералъ-поручикомъ Якобіемъ [6]), подозрѣваемомъ въ возмущеніи и разныхъ злоупотребленіяхъ, а послѣ Рязановъ былъ оправданъ. Молодой Рязановъ ѣздилъ въ Иркутскъ для свиданія съ отцемъ и тамъ познакомился съ домомъ Курскаго купца Шелехова, открывшаго Алеутскіе острова и торговлю на нихъ; полюбилъ его дочь Анну Григорьевну и,

---

[6]) Иванъ Варѳоломеевичъ Якобій, генералъ-поручикъ, генералъ-губернаторъ Иркутскій, былъ подъ судомъ по обвиненію, что онъ возбуждалъ Китайцевъ къ войнѣ съ Россіей.

чтобы совершить желаніе о бракѣ съ нею, два раза туда же ѣздилъ. Соверша бракъ, пріѣхалъ онъ съ нею сюда и былъ послѣ оберъ-прокуроромъ въ первомъ департаментѣ Сената. Онъ, узнавъ всѣ обстоятельства отъ тестя, старался учредить Американскую торговую компанію, которая и учреждена въ 1799 году при пособіи и брата моего, служившаго въ Комерцъ-Колегіи. При Александрѣ I подалъ онъ проектъ о торговлѣ съ Японіею и о посылкѣ туда посольства. Онъ самъ назначенъ посломъ, и везъ его на корабляхъ г. Крузенштернъ. О непріятномъ тамъ пріемѣ и прочихъ обстоятельствахъ извѣстна публика изъ изданныхъ путешествій г. Крузенштерна [7]). Съ нимъ поссорился и Рязановъ и принужденъ былъ ѣхать въ Петербургъ сухимъ путемъ и на дорогѣ скончался. Онъ меня любилъ, и я его. Помню, какъ я съ нимъ прощался и далъ свое о Псковѣ описаніе въ библіотеку на островѣ Кадьякѣ. Жена его и онъ у меня бывали, но когда она скончалась, то онъ съ горести предпріялъ проектъ путешествія въ Японію [8]).

Контора о запасныхъ магазейнахъ состояла подъ главнымъ начальствомъ сей комисіи. Между членами часто бывали распри и неудовольствія, о коихъ я слышалъ отъ Рязанова. И вотъ что случилось. Купецъ Фроловъ, торгующій дровами и бывшій въ покровительствѣ бывшаго любимца государева г. Кутайсова, выведеннаго послѣ въ графское достоинство, пожелалъ поставить дрова на запасъ. Г. Обольяниновъ далъ предложеніе, чтобъ сдѣлать съ нимъ торги и условія. Надобно было взять отъ него залогъ, но не было, да и онъ самъ казался ненадежнымъ, а притомъ еще просилъ впередъ 1500 рублей. Хотя торги и условія сдѣлали, но представляли формально Обольянинову, что безъ залога контора вѣрить не можетъ. Но для Кутайсова комисія велѣла, и для того, заключивъ контрактъ, деньги ему выдала, а дрова онъ началъ привозить весьма негодныя. Я, осмотря первыя барки, принимать комисарамъ запретилъ. Онъ жаловался Кутайсову, а тотъ прислалъ его къ г. Обольянинову. Я объяснилъ сему послѣднему, что дрова весьма худы, что̀ послѣ и онъ узналъ; велѣлъ мнѣ къ себѣ придти и меня, взявъ въ карету, привезъ къ графу Палену, гдѣ засталъ оберъ-полиціймейстера и самого Фролова. Паленъ, узнавъ отъ меня, что принять не могу ибо останется на моемъ отчетѣ, велѣлъ оберъ-полиціймейстеру Фролова привести къ намъ въ контору и поступить съ нимъ....

---

[7]) Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5 и 1806 годахъ по повелѣнію Е. И. В. Александра Перваго, на корабляхъ Надеждѣ и Невѣ подъ нач. флота кап.-лейт. Крузенштерна. 3 ч. С. Пб. 1809—1813.

[8]) О Н. П. Рязановѣ (р. 1764 у. 1807) см. Сочиненія Державина изд. ак. Гротомъ. ч II. стр. 476—477. Также статью г. Сгибнева: „Рязановъ и Крузенштернъ“ въ Древн. и Нов. Россіи 1877 г. т I, № 4, стр. 385—392.

Пріѣхавши домой въ горести и уныніи, разсказалъ я женѣ своей, которая приняла то съ скорбію и слезами. Пріѣхавшій ко мнѣ братъ меня уговаривалъ и обще съ женою моею склоняли меня, чтобъ я искалъ прощенія и милости; но я, рѣшившись единожды, послалъ къ Обольяновскому (sic) письмо, сколько я съ семействомъ моимъ безвинно огорчаюсь и сколько пріязнь и дружба его меня обманули. Съ другой стороны, разсуждая теперь хладнокровнѣе, самъ чувствую, что онъ, бывъ въ крайности, не столь былъ виноватъ въ сердечномъ расположеніи: взявъ на себя столь важную должность, ему, конечно, необходимо нуженъ былъ для пособія надежный, честный, умный и знающій его нравъ человѣкъ. На другой день послалъ я формальное прошеніе въ запасную контору объ увольненіи меня отъ должности. Прошеніе сіе при представленіи послано было къ нему. Тутъ открылось его добродушіе, и что онъ не по злобѣ или прихоти со мною поссорился, а единственно по твердой на меня надеждѣ въ поручаемомъ дѣлѣ. Онъ прислалъ съ курьеромъ по утру записку, въ которой просилъ, чтобъ я забылъ прошедшее и прошеніе мое взялъ назадъ. Нечего было дѣлать, какъ послѣдовать его совѣту: ежели-бъ я еще поупрямствовалъ, тобъ могъ сдѣлать изъ него себѣ ежели не врага, то, по крайней мѣрѣ, равнодушнаго къ моему тогдашнему незавидному состоянію человѣка. Прошеніе я взялъ и явился къ нему. Онъ принялъ изрядно и сказалъ, что ежели я не могу принять той должности, то на первый случай помогъ бы ему разсмотрѣть тѣ важныя и неоконченныя дѣла, которыя ему г. Беклешовымъ сданы были. Беклешовъ накопилъ ихъ потому, что онъ сколько по важности, а болѣе что̀ касалось до сильныхъ фамилій, не хотѣлъ, какъ кажется, правдивымъ ихъ окончаніемъ навести на себя ненависть. Болѣе мѣсяца я ихъ разсматривалъ и съ моими мнѣніями подавалъ ихъ. Слава Богу, кончилось хорошо; а по одному дѣлу о оставшихся послѣ епископа Моисея бриліантовыхъ жалованныхъ вещахъ, сходно съ мыслями моими, изданъ законъ, по коему кромѣ тѣхъ вещей, кои относятся къ церковнымъ утварямъ изъ совершенно... прочія отдавать наслѣдникамъ. Директоромъ канцеляріи на мѣсто Аверина [9]) опредѣлилъ онъ статскаго совѣтника Безака [10]); потомъ, простирая ко мнѣ свое доброе расположеніе, принялъ сына моего въ свою канцелярію, и по предложеніямъ его, даннымъ Сенату, произведенъ онъ въ титулярные совѣтники, а потомъ и въ колежскіе асесоры менѣе нежели въ четыре мѣсяца. По просьбамъ моимъ сослуживецъ мой во Псковѣ Соколовскій [11]) произведенъ въ стат-

[9]) Петръ Ивановичъ, братъ болѣе извѣстнаго Аверина, Павла Ивановича, о которомъ см. книгу Н. В. Сушкова „Московскій Университ. Благородн. Пансіонъ" М. 1858, стр. 9.

[10]) Павелъ Христіановичъ Безакъ р. 28 Сент. 1769 у. 10 Іюля 1831 г. О немъ Г. Н. Геннади Справочн. Словарь о Рус. писателяхъ. Берлинъ. 1876.

[11]) Андрей Ивановичъ Соколовскій по Мѣсяцослову 1795 г. надворн. совѣтникъ, служащій въ 3 и 4-й винной и соляной экспедиціи совѣтникомъ.

скіе совѣтники и вице-губернаторы Минскіе. Титулярный совѣтникъ Карамышевъ, намъ знакомый, въ колежскіе асесоры. Прапорщикъ Василій Ивановъ Семевскій по доносу за вступленіе въ откупъ подъ именемъ другаго... избавленъ отъ бѣды и почти ссылки. Бывшій во Псковѣ губернаторомъ братъ г. Беклешова Николай Андреевичъ писалъ въ сіе время ко мнѣ каждую почту, не надѣясь остаться на мѣстѣ по причинѣ государева гнѣва на брата его. По просьбѣ моей, изъясняющей, что лучше и врагамъ дѣлать добро, утушилъ онъ гнѣвъ Государя, и послѣ Беклешовъ былъ уже сенаторомъ.

1800 года во все лѣтнее время Государь расположился жить въ Гатчинѣ. Обольянинову назначено жить тамъ же, а только пріѣзжать сюда одинъ разъ въ недѣлю. Квартиру, столъ для него и для канцеляріи положено имѣть отъ Двора. Обольяниновъ, объявя мнѣ о семъ, просилъ моего совѣта, кого ему взять изъ канцеляріи туда съ собою для всѣхъ переписокъ и сочиненій именныхъ указовъ, рескриптовъ и прочаго; изъяснялъ, что ему нуженъ не только способный, но и честный человѣкъ, любящій хранить тайны царскія. Я, познакомясь въ канцеляріи съ чиновниками и замѣчая о свойствахъ и способностяхъ ихъ, не нашелъ лучшаго какъ статскаго совѣтника Сперанскаго, ученаго, знающаго языки и удаленнаго отъ приказныхъ крючкотвореній, и потому совѣтовалъ ему взять его туда. Онъ, согласясь на сіе, сказалъ, что и для переписки на бѣло нуженъ столь же честный и надежный молодой человѣкъ, дабы не могло прежде времени открыться того, чего вѣдать другимъ было не должно. Я сказалъ, что сынъ мой, ему уже съ малыхъ лѣтъ извѣстный, конечно, къ сему будетъ способенъ. Онъ взялъ и его. Съ сего времени сынъ мой жилъ въ Гатчинѣ вмѣстѣ съ г. Сперанскимъ на коштѣ царевомъ. Имъ дана была особая карета, въ которой они оба единожды въ недѣлю съ г. Обольяниновымъ сюда пріѣзжали, помѣщая еще въ карету и собачекъ жены Обольянинова, какъ охотницы до сихъ животныхъ. Во Вторникъ, каждую недѣлю, когда они пріѣзжали, я бывалъ (у Обольянинова), ибо всегда для меня кабинетъ его былъ отверстъ. Онъ вышелъ въ такую силу и уваженіе, что не только военный губернаторъ, графъ Паленъ, но и всѣ высшіе военные, статскіе и дворцовые чиновники къ нему пріѣзжали, наполняли цѣлую залу и его выхода ожидали. Даже великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи бывали, ибо ему поручена была сверхъ статской и военная часть подъ нѣкоторый, хотя и формальный, но сильный надзоръ. Каретъ на площади противъ его дома было столько, что какъ бываетъ при дворцѣ во время торжественнаго дня. Тутъ тоже грѣшный видѣлъ суету мірскаго величія и, выходя отъ него изъ кабинета, почитался важнымъ человѣкомъ; но впрочемъ сердце мое далеко было отъ безумной гордости, ибо всегда обладала мною какая-то застѣнчивость и склонность къ простому, чистосердечному

и смиренному обращенію. Изъ Гатчины не одинъ разъ отъ имени его писалъ ко мнѣ Сперанскій, прося нужныхъ свѣдѣній по древностямъ, по проектамъ и замѣчаніямъ. Я, что̀ могъ и зналъ, туда доставлялъ. Съ сыномъ моимъ былъ мальчикъ для прислуги и часто посылался въ кухню царскую за кушаньемъ, кофеемъ, чаемъ и прочимъ. Во время пребыванія Государя запрещено было свободно ходить около дворца по саду; но мальчишка по глупости, взявъ въ салфетку кушанье, пошелъ мимо нижняго этажа, гдѣ Государь сидѣлъ... его Анны Петровны, дочери князя Лопухина [12]. Государь тотчасъ велѣлъ спросить, чей мальчикъ и какъ смѣлъ тутъ ходить. Сыну моему была-бъ бѣда, еслибъ Обольяниновъ не защитилъ и не объяснилъ, что онъ сдѣлалъ сіе отъ глупости и что будетъ наказанъ. Вотъ какіе бывали случаи опасные!

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1800 года бывшій въ Уложенной Комисіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Полѣновъ подалъ прошеніе объ отставкѣ съ пенсіономъ и, какъ та комисія состояла тогда у Обольянинова въ полномъ вѣдомствѣ, то онъ доложилъ Государю, и послѣдовалъ высочайшій указъ, чтобъ Полѣнова уволить съ полнымъ жалованьемъ по 2000 рублей, а меня помѣстить на его мѣсто. Г-нъ Обольяниновъ о семъ увѣдомилъ меня особымъ письмомъ, присланнымъ съ курьеромъ. Я съ семействомъ благодарилъ всеблагаго Бога за милосердіе Его, крайне обрадовался и началъ забывать мои горести, питаясь лучшею надеждою, тѣмъ болѣе, что я вмѣсто 1000 рублей получать буду 2000 р.

Въ теченіе сего лѣта происходили многія пріятныя и непріятныя обстоятельства.

Вошедъ въ зало, увидѣлъ я г. Сперанскаго въ ботфортахъ съ обрѣзанными на концахъ сапогами со шпорами и завернутыми назади фалдами. Я думалъ, что онъ вступилъ въ военную службу, но вмѣсто сего открылось, что Государь велѣлъ такимъ образомъ одѣваться всѣмъ статскимъ, начиная отъ копіиста. Странно было видѣть бѣдныхъ людей, бродящихъ со шпорами, перемѣняющихъ мундиры и не имѣющихъ почти нужнаго хлѣба. Въ тоже время отъ Обольянинова поручаемы мнѣ были разныя комисіи. Нѣсколько могу вспомнить.

Первое. За Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ была въ замужествѣ Марина Осиповна, изъ фамиліи Закревскихъ. Онъ за долгое время до кончины своей подалъ прошеніе императрицѣ Екатеринѣ II, чтобъ все недвижимое его имѣніе по кончинѣ его оставалось во владѣніи жены его; чтобъ она въ раздѣлѣ его между дѣтьми поступила съ такою же точно властію, какъ бы онъ живъ былъ; ей же собственно по смерть владѣть 12 тыс. душами, и кажется, съ правомъ

[12]) Дочь князя Петра Васильевича Лопухина, любимица Павла I, род. 8 Ноября 1777 г. у. 25 Апрѣля 1805. (Росс. Род. Книга, ч. II, 62).

продать и заложить. Въ прошеніи семъ изъяснена была и побудительная причина, заключающаяся въ томъ, что, какъ Монархинѣ самой извѣстно о его роскошной и неумѣренной жизни, а отъ того и накопленіе долговъ, то еслибы жена его хозяйствомъ и усердіемъ его не подкрѣпляла [13]), то-бы ничего не могло остаться: а потому, поставляя свидѣтельницею саму Монархиню, долгъ полумиліона поручилъ выплачивать ей же, женѣ своей. Екатерина II все сіе конфирмовала, дала о томъ Сенату указъ, а Сенатъ предписалъ всѣмъ тѣмъ губернскимъ мѣстамъ, гдѣ имѣніе состояло. Сынъ его и ея, Александръ Львовичъ, бывъ при дворѣ Государя въ особой милости и, какъ видно, согласясь съ братомъ Дмитріемъ и сестрами, вздумалъ для роскошной своей жизни лишить мать свою права, дарованнаго Екатериною, подалъ прошеніе Государю и искалъ, чтобы раздѣлить имѣніе по закону. Государь согласился и отдалъ прошеніе Обольянинову, съ тѣмъ чтобъ разрѣшено было по закону. Обольяниновъ, получа сіе повелѣніе, далъ знать Маринѣ Осиповнѣ, съ тѣмъ, что онъ для сего раздѣла пришлетъ довѣреннаго и честнаго человѣка. Она, услышавъ сіе, чрезмѣрно оскорбилась и опечалилась до того, что совершенно занемогла. Обольяниновъ меня призываетъ и поручаетъ сдѣлать сей раздѣлъ вмѣсто его мнѣ. Я пріѣзжаю къ Маринѣ Осиповнѣ и прошу ее дать мнѣ полное свѣдѣніе о количествѣ всего оставшагося послѣ мужа ея имѣнія. Она мнѣ отдаетъ опись всему оному, и я, написавъ раздѣлъ по закону, не зная о конфирмаціи Екатерины II-й, показываю Обольянинову. Онъ, его утвердя, велѣлъ съѣздить для подписки къ Маринѣ Осиповнѣ, а потомъ и къ дѣтямъ ея. Между тѣмъ Александръ Львовичъ, узнавъ о семъ порученіи, присылаетъ ко мнѣ чиновника, чтобъ я съ нимъ повидался, и что онъ можетъ по силѣ своей у Государя сдѣлать все, чего я пожелаю. Я отвѣчалъ, что занятъ дѣлами и что быть не могу, ибо я всегда отдалялся отъ случаевъ по моей застѣнчивости и несклонности къ искательству. Привожу раздѣлъ къ Маринѣ Осиповнѣ, нахожу ее лежащею въ постели и, когда я, сѣвъ возлѣ ея, прочелъ раздѣлъ, по которому и ей самой назначалось съ небольшимъ только 200 душъ, то она вздохнувъ со слезами сказала: «Я слышала, батюшка, о васъ, что вы человѣкъ добрый и честный и что, конечно, вы неизвѣстны о положеніи, сдѣланномъ покойнымъ моимъ мужемъ и утвержденномъ Государынею. И такъ могу ли я вамъ открыться и надѣяться, что вы, по пріязни къ Петру Христофоровичу [14]), меня защитите въ столь силь-

---

[13]) Державинъ говоритъ про Л. А. Нарышкина, что „супруга его управляла домашнею экономіею, а онъ получалъ отъ нея на шалости и на покупку всякаго вздору не болѣе, какъ по рублю на день“ (Соч. Держ., изд. ак. Грота, т. I, стр. 733.

[14]) Т. е. Петру Хрисанѳовичу (Обольянинову).

ной горести и оскорбленіи отъ сына моего неожидаемомъ?» Я, услыша сіе, удивился и началъ ее просить, чтобъ мнѣ показала положеніе ея мужа. Она мнѣ отдала подлинный Сенатскій указъ на имя мужа ея съ прописаніемъ конфирмаціи и съ приложеніемъ списка съ поданнаго отъ него прошенія. Прочтя все то, я ей сказалъ, что, ежели бы я о семъ зналъ, то никогда бы не приступилъ къ раздѣлу, и что, видя теперь саму истину, не совѣтую ей подписывать (хотя она и готова была) сдѣланнаго мною раздѣла, и обѣщался, взявъ съ собою тотъ указъ, убѣждать Обольянинова, чтобъ онъ доложилъ о семъ Государю, и что Государь отмѣнить конфирмацію матери его, яко самодержавной и яко родительницы его, не долженъ и не имѣетъ права: ибо изъ одного сего случая родится множество тяжбъ и начнутъ опровергать всѣ конфирмаціи Екатерины II-й, ссылаяся на одинъ сей примѣръ, и что Государь самъ будетъ въ затрудненіи и покажетъ себя не только непочтительнымъ сыномъ предъ публикою, но даже выходящимъ изъ предѣловъ власти своей, которая, хотя и самодержавна, но основана на существѣ законовъ, а не на одной его волѣ. Притомъ я изъяснилъ, что Марина Осиповна отъ сей несправедливости и наносимаго оскорбленія дѣтьми ея заболѣла и со слезами ищетъ защиты. На все сіе Обольяниновъ мнѣ отвѣчалъ, что о прежней конфирмаціи Государь знаетъ и что воли его перемѣнить уже не можно. Я, услыша сіе и отдавая въ руки его написанный раздѣлъ, сказалъ, что никакъ не хочу участвовать въ такомъ несправедливомъ и беззаконномъ дѣлѣ, въ коемъ Государь, яко сынъ, идетъ противъ своей матери Императрицы, а Александръ Львовичъ, также яко сынъ, озлобляетъ живую свою мать и не соблюдаетъ почтительнаго долга къ умершему своему отцу, облагодѣтельствовавшему его воспитаніемъ и всѣмъ достояніемъ, даже и впредь ожидаемымъ; и потому просилъ я Обольянинова, чтобъ онъ поручилъ сей раздѣлъ кому-либо другому вмѣсто меня. Онъ, крайне оскорбясь, говорилъ, что не наше дѣло о семъ судить, а дѣлать, что велятъ. Но я возражалъ, что его долгъ есть остеречь Государя и не допускать до такихъ несправедливостей; а какъ въ сіе время вошелъ въ кабинетъ служащій тогда въ его канцеляріи статскій совѣтникъ Климъ Гавриловичъ Голиковъ [15]), то я отдавая бумаги, сказалъ, что нѣтъ лучше и способнѣе человѣка на сіе дѣло, какъ онъ, г. Голиковъ, а я отъ сего совершенно отрицаюсь. Нечего было дѣлать. Обольяниновъ взялъ отъ меня бумаги, отдалъ Голикову, а я отвезъ къ Маринѣ Осиповнѣ данный ею мнѣ указъ, и успокои-

15) Н. И. Гречъ въ своихъ Запискахъ (Русск. Архивъ 1873 г., кн. I, стр. 288) говоритъ, что у Безака были два экспедитора, ст. совѣтники Сперанскій и Клементій Гавриловичъ Голиковъ, преданный безсмертію Ильинымъ въ лицѣ подъячаго Клима Гавриловича Поборина, въ драмѣ его: „Великодушіе или Рекрутскій Наборъ“.

валъ ее тѣмъ, что я отъ раздѣла отказался, а поручено сіе другому. Чрезъ мѣсяцъ послѣ сего читалъ я указъ, данный Сенату о раздѣлѣ по законамъ, а не по конфирмаціи Екатерины II-й. Отъ сего оскорбленія, кажется, вскорѣ скончалась и Марина Осиповна, дама, какъ я примѣтить могъ, умная и почтенная. Вотъ что̀ дѣлаютъ страсти...

По кончинѣ Павла I-го дѣло сіе, по просьбѣ (тетки) ихъ Анны Никитичны Нарышкиной [16]) по Высочайшей волѣ Александра I-го разсматриваемо было въ Совѣтѣ, и я читалъ голоса, поданные согласно съ моими мыслями. Въ нихъ сказано, что ежели всякій государь, вступая на престолъ, отмѣнять будетъ законы, указы, конфирмаціи и награды прежнихъ государей, то̀ Россіяне ни въ чемъ увѣрены быть не могутъ; ибо личность и собственность лишатся права, поколеблются всѣ основанія государственныя, умножатся не только тьмы тяжбъ, но и всѣ семейства, разрушая предковъ своихъ завѣщанія и положенія, возмутятся и разстроятся. А за симъ вообще государственный внутренній миръ и тишина удалятся, оставя между всѣми одну только ненависть, зависть, корыстолюбіе, недоброжелательство, а затѣмъ разореніе, ссоры, распри, доводящія до истребленія другъ друга. Впрочемъ, государь Александръ I, находя себя въ затрудненіи отмѣнить бабки своей конфирмацію и указъ родителя своего, хорошо написалъ къ Аннѣ Никитичнѣ, чтобъ она, видѣвъ его затруднительное положеніе, постаралась примириться, и что онъ къ сему миру и самъ будетъ споспѣшникомъ [17]). Благодарю Господа Бога, что Онъ меня тогда вразумилъ и удалилъ отъ зла.

Теперь могу обратиться къ тому, о чемъ выше писалъ, т. е. къ отказу моему отъ должности директорской. Не былъ ли бы я подчиненностію связанъ и не долженъ ли былъ повиноваться во всѣхъ подобныхъ и, можетъ быть, болѣе несправедливыхъ случаяхъ? И такъ, ежели я не получилъ возвышенія, богатства и всякихъ почестей, то, по крайней мѣрѣ, спокоенъ совѣстію и не стыжусь предъ людьми и Богомъ въ злоупотребленіи моихъ дарованій и обязанностей. Лучше малое праведнику, паче богатства грѣшныхъ многа. Все то, что̀ я неправедно и беззаконно въ жизни сдѣлалъ, и теперь меня мучитъ, хотя не опасаюсь гражданскаго суда и не боюсь преслѣдованій; но совѣсть есть гласъ живаго Бога, обличающаго въ самой внутренности, не могущей утишить волненія кромѣ покаянія и милосердія Божія. Напротивъ, ежели что̀ я сдѣлалъ справедливо, помогъ или услужилъ кому, всегда веселитъ сердце и даетъ надежду снискать благость Господню. Счастливъ бы я былъ, еслибъ слѣдовалъ всегда совѣсти, не укорялъ бы самъ себя въ порокахъ, сла-

[16]) Анна Никитична Нарышкина, урожденная Румянцова, двоюродная сестра Задунайскаго, была за-мужемъ за Александромъ Нарышкинымъ, братомъ Льва.

[17]) Это достопамятное письмо напечатано въ Р. Архивѣ 1877, I, 145.

бостяхъ и беззаконіяхъ. Но нельзя уже перемѣнить прошедшаго! Описывая мою жизнь и случаи съ нею сопряженные, я какъ бы вновь живу въ прежніе мои годы и прохожу тѣже трудности и тѣже чувствованія, какими я былъ обладаемъ. Лучшая наука есть опытъ.

Второе. Вдова старыхъ лѣтъ, жена генералъ-поручтика (забылъ фамилію), жившая въ Боровицкомъ уѣздѣ, пріѣхала сюда и по бѣдности жила на содержаніи портомойки въ прачешномъ дворцовомъ домѣ. Она подала Государю прошеніе на пасынка своего инженеръ капитана, показывая, что онъ присвоилъ ея имѣніе и цѣлую пустошь и, что, не давая на содержаніе, она терпѣла совершенную бѣдность. Государь велѣлъ разсмотрѣть сіе Обольянинову, съ нею объясниться и удовлетворить, буде справедливо жалуется, а между тѣмъ велѣно было выслать сюда инженеръ-капитана. Обольяниновъ поручилъ мнѣ сіе вмѣсто себя, и я ѣздилъ въ прачешный домъ, нашелъ старуху въ бѣдномъ положеніи и, отдавая справедливость прачкѣ за призрѣніе, отобралъ бумаги, въ чемъ состояла ея претензія. Инженеръ - капитанъ явился въ трепетѣ къ Обольянинову, а онъ его прислалъ ко мнѣ. Я, видя его боязнь и трепетъ, уговаривалъ, чтобъ не убоялся, а объяснилъ мнѣ истину не утаивая. Сравнивая то и другое, я находилъ, что онъ не правъ, но и старуха требовала лишняго и, какъ онъ увѣрялъ, что и содержаніе давалъ ей хорошее, поѣхали мы вмѣстѣ къ ней, и изъ обоюдныхъ объясненій я согласилъ, чтобъ онъ ей пустошь отдалъ и, ежели не хочетъ она жить у него, давалъ ей на содержаніе, а чтобъ сіе было вѣрно, то совѣтовалъ сдѣлать отъ крѣпостныхъ дѣлъ запись. Они оба согласились, и я сказалъ о семъ Обольянинову. Онъ доложилъ Государю, который былъ доволенъ и велѣлъ утвердиться записью. Немедленно я съ инженеръ - капитаномъ пріѣхалъ въ Гражданскую Палату и просилъ надсмотрщика, чтобъ написалъ запись; но онъ и смотрѣть не хотѣлъ, отзываясь недосугами. Я принужденъ былъ войти въ присутствіе и когда сказалъ, что на это есть воля Государя, Обольяниновымъ объявленная, то въ минуту началась тревога: велѣли писать тотчасъ запись, и надсмотрщикъ уже отложилъ свои недосуги. Въ тотъ же день (запись) совершена, и инженеръ-капитанъ взялъ старуху съ собою. Послѣ, когда онъ бывалъ въ Петербургѣ, посѣщалъ меня и благодарилъ, что я избавилъ его какъ-бы отъ погибели и что безъ дальнихъ слѣдствій согласилъ къ миру. Онъ воображалъ, что за малую неправду накажется или сошлется въ Сибирь. Правда, что при Павлѣ I многія открыты несправедливости и обиды, дана многимъ защита; но чрезмѣрная строгость наводила ужасъ, и многіе отъ страха рады были отдавать соперникамъ, что ни захотятъ. Особливо взятіе въ домахъ чрезъ полицію благородныхъ особъ и высылка изъ деревень много наносили бѣды, сколько тѣмъ, кого бра-

ли, но болѣе женѣ, дѣтямъ и роднымъ, кои отъ страха поражались болѣзнями, а иногда и смертію. Послѣ хотя и оправдывались взятые, но уже зла нанесеннаго исправить было не можно.

Разныя происшествія, на память мнѣ приходящія, случившіяся, въ тоже время.

1. При вступленіи Павла I на престолъ приказано было, чтобъ во всѣхъ городахъ шлагбаумы, будки, мосты, верстовые столбы, ворота, заборы и всѣ, гдѣ бы ни было, деревянныя перила, рѣшетки и проч. выкрасить черною и бѣлою краскою чрезъ полоски. Я, бывъ тогда во Псковѣ, увидя сіе, какъ бы предчувствовалъ сердцемъ моимъ, что ничто другое, какъ погребальное одѣяніе для всей Россіи, ибо во оной послѣ мертвыхъ всегда таковую одежду носятъ. Я тогда же полагалъ въ мысляхъ моихъ, что сіе есть предзнаменованіе какой нибудь ужасной непріятности и бѣды.

2. Когда я увидѣлъ въ Петербургѣ, что новый Михайловскій замокъ покрываютъ красною краскою, то тогда же сердце мое говорило, что сіе необыкновенное и ни на какомъ зданіи не бывалое украшеніе предвѣщаетъ непріятное происшествіе.

3. Въ Петербургѣ надобно было выходить изъ кареты, сходить съ дрожекъ и саней, когда Государь изволилъ ѣхать по той улицѣ, гдѣ проѣзжать должно. Отъ сего происходили смѣшныя и жалкія сцены.

Искренній мой пріятель Тимоѳей Ивановичъ Можайскій служилъ оберъ-прокуроромъ во временныхъ департаментахъ, занимающихъколежскія на острову зданія. Къ нему за оберъ-прокурорскій столъ посаженъ былъ одинъ богатый чиновникъ, пріѣхавшій изъ деревни. У него былъ экипажъ богатый и одежды на дворовыхъ людяхъ хорошія. Можайскій ѣхалъ съ нимъ въ саняхъ по берегу Фонтанки и, увидя, что по тротуару идетъ царская фамилія, остановились и, вышедъ изъ саней, шубы скинули, положили въ сани, а сами стояли до тѣхъ поръ, когда прошла царская фамилія. Они примѣтили, что Государыня и дочери ея оборачивались и смѣялись, и потому Можайскій съ товарищемъ думали, что на самихъ ихъ примѣтили что нибудь непристойное, но оборотясь къ санямъ увидѣли, что кучеръ ихъ отъ испуга лежалъ въ шапкѣ и рукавицахъ ничкомъ, на корячкахъ за санями. Они ему сказали, чтобъ вставалъ, спрашивая: почему шапки не скинулъ и лежалъ на землѣ? Онъ отвѣчалъ имъ, (что), увидя въ первый разъ царскую фамилію и слыша, какъ кучеровъ наказываютъ за неучтивость, со страху забывъ скинуть шапку, бросился въ знакъ почтенія на дорогу, оставя сани и лошадей безъ присмотру.

Одинъ чиновникъ, ѣхавшій въ каретѣ и увидя Государя, разбилъ стекло въ каретѣ, чтобъ приказать кучеру остановиться, а потомъ изъ дверцевъ такъ поспѣшно бросился, что, не попавъ на подножку, упалъ въ грязь въ мундирѣ и шпагѣ. Знакомый мнѣ Псковской помѣщикъ зимою ѣздилъ въ большихъ пошевняхъ и, чтобъ не вы-

ходить, прятался подъ большою полостью или ковромъ, которымъ покрыты были всѣ пошевни.

Дѣвица горбатая и отъ того росту самаго низкаго, родная сестра жены бывшаго въ Академіи Художествъ вице-президентомъ Чекалевскаго, вышедъ изъ кареты, стала у самой подножки. Государь, смотря издали, почелъ, что она на подножкѣ сидитъ. Сочтя сіе за неучтивость, велѣлъ ее взять подъ арестъ, гдѣ она ночь ночевала, и на другой уже день, когда Государю объяснили, что она имѣетъ горбъ и оттого издали казалось, будто бы сидитъ на подножкѣ, была выпущена. Сколько же подобныя церемоніи дѣлали безпокойства и страха! Когда бывало Екатерина II ѣхала по городу, то весь народъ бѣжалъ къ ней смотрѣть и кланяться, а сіе время всякій старался гдѣ нибудь скрыться, чтобъ не видѣть Государя. Вотъ какая различность въ чувствованіяхъ отъ излишнихъ прихотей и отъ признательности къ благотворительному сердцу!

4. На срединѣ Невскаго проспекта велѣно было зимою садить деревья около тротуара. Рыли ямы и, чтобъ землю согрѣть, клали и зажигали въ ямахъ дрова и по согрѣтіи земли уже сажали. Въ сіе время одинъ Англичанинъ, идущій пѣшкомъ въ бѣлой Англійскаго сукна шинели, увидя ѣдущаго Государя, снялъ шинель и, какъ ее положить было некуда кромѣ грязной дороги, то онъ, стоя, одною рукою сзади шинель держалъ за собою, но часть шинели попала въ грязную яму и вся перепачкалась. Поелику всякій скидавалъ и клалъ за собою на дорогѣ или гдѣ на выѣздахъ изъ двора шубы, шинели и сюртуки, то пока Государь проѣзжалъ, часто мошенники уносили, и сыскать было некогда.

Кучерамъ, ѣдущимъ мимо дворца, велѣно было скидывать шапки, и они принуждены были, скинувъ ихъ, держать въ зубахъ, а руками править лошадей.

Въ первый день Мая 1800 года велѣно было гулянье сдѣлать въ Лѣтнемъ саду въ виду Михайловскаго зáмка и ѣздить въ каретахъ по проспектамъ садовымъ. Прогуливавшимся велѣно быть безъ шляпъ. Одинъ чиновникъ, не видавшій никогда Государя, огорченный домашними непріятностями и склонный къ меланхоліи, пришедъ въ садъ, ходилъ по аллеямъ рано по утру. Государь, вышедъ въ одномъ офицерскомъ сюртукѣ и видя, что чиновникъ шляпы не скидываетъ, велѣлъ его отвесть въ крѣпость, но послѣ, узнавъ о его незнаніи и огорченіяхъ, приказалъ освободить.

Всѣ подобныя для публики и народа стѣсненія и огорченія, кажется, происходили не столько отъ нрава Государя, сколько отъ наговоровъ приближенныхъ къ нему и отъ клеветы, будто бы народъ его не любитъ и не почитаетъ. Сколько трудностей и бѣдствій для Монарха, сколько осторожностей! Рѣдкій человѣкъ согла-

сится быть на сей высокой степени: сколько она снаружи ни завидна, но внутренность наполнена всегда страхомъ.

Я въ одинъ день зимою съ острова ѣздилъ на саняхъ къ покойному брату, жившему на Пескахъ, гдѣ теперь съѣзжая. Возвращаясь отъ него, лишь только въѣхалъ на Аничковъ мостъ, увидѣлъ ѣдущаго напротивъ меня Государя. Я, остановясь на правой сторонѣ проспекта и скинувъ шубу, стоялъ предъ санями въ мундирѣ, башмакахъ и чулкахъ. (Тогда всѣмъ статскимъ велѣно было отъ нижняго до высшаго быть всегда въ мундирѣ извѣстной формы и покрою). Государь, увидя, что на лѣвой сторонѣ вышли изъ саней двѣ дамы и стояли также, какъ и я, остановясь говорилъ имъ: «Извольте, сударыни, сѣсть въ сани и ѣхать», и когда онѣ сдѣлать сего при немъ не посмѣли, то весьма громко сказалъ: «Извольте сѣсть! Я безъ того съ мѣста не поѣду». Онѣ, слыша сіе, въ страхѣ принуждены были сѣсть и ѣхать. Проѣзжая мимо меня, на низкій поклонъ мой онъ, взглянувъ милостиво, проѣхалъ. Я, надѣвъ шубу, лишь только сѣлъ и хотѣлъ ѣхать, какъ кучеръ мой, оглянувшись назадъ, увидѣлъ, что Государь, поворотясь, ѣхалъ сзади меня. Я вскочилъ, сбросилъ шубу и паки всталъ испугавшись, но онъ проѣхалъ мимо и, взглянувъ милостиво, улыбнулся.

Въ 1800 году въ Твери былъ губернаторомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Игнатій Антоновичъ Тейльсъ, котораго мы съ Обольяниновымъ видѣли еще вице-губернаторомъ при Екатеринѣ II. Въ Мартѣ мѣсяцѣ сдѣлалось въ Твери, отъ запора въ Волгѣ льда, великое наводненіе, и Тейльсъ умнымъ распоряженіемъ спасъ отъ смерти многихъ людей и сохранилъ отъ утраты все казенное. Государь предъ праздникомъ Пасхи прислалъ ему орденъ Мальтійскій съ пенсіономъ по 2000 рублей серебромъ. Велика была награда, велика была радость и восхищеніе Тейльса; но между тѣмъ недовольный имъ Тверской городничій или полицмейстеръ донесъ Государю, что Тейльсъ во время провожденія чрезъ Тверь пѣшкомъ колодниковъ, лишенныхъ чиновъ и дворянскаго званія, генерала отъ инфантеріи князя Сибирскаго [18]) и генерала-лейтенанта Турчанинова, велѣлъ имъ отвесть получше квартиру, лѣкарю, снявъ съ ногъ ихъ желѣза, поврежденныя отъ нихъ ноги сколько можно полѣчить и перевязать пластырями. Государь, сочтя сіе, что Тейльсъ волю его считаетъ неправою, послалъ тотчасъ курьера и велѣлъ его привезть въ чемъ только застанетъ, не медля ни минуты. Въ самый праздникъ Пасхи онъ былъ приведенъ въ одномъ мундирѣ въ домъ г-на Обольянинова для отдачи въ крѣпость, ибо дѣло сіе почиталось по тайной экспедиціи. Обольянинова дома не было, а

---

[18]) Князь Василій Ѳедоровичъ Сибирскій генералъ кригсъ-комиссаръ съ товарищемъ Турчаниновымъ отправленъ былъ въ 1800 году пѣшкомъ въ Сибирь.

дежурилъ покойный мой сынъ. По приводѣ Тейльса курьеромъ въ зало, сынъ долженъ былъ дать курьеру росписку, что его принялъ. Тейльсъ, ходя по залѣ и спрашивая о фамиліи моего сына, когда услышалъ, что онъ мой сынъ, и какъ Тейльсъ знакомъ со мною былъ въ Твери, обрадовался и спрашивалъ о моемъ здоровьѣ. На другой день я рано по утру пріѣхалъ къ Обольянинову и, увидя Тейльса въ залѣ въ самомъ скорбномъ и уныломъ положеніи, упрашивалъ его, чтобъ не безпокоился и не отчаявался; ибо мы съ Обольяниновымъ, помня въ бытность нашу въ Твери его ласки, будемъ стараться извлечь изъ несчастія. Какъ я имѣлъ свободный входъ въ кабинетъ, то увѣрялъ его, что сей же часъ просить объ немъ буду. Вошедъ въ кабинетъ, я просилъ Обольянинова и желалъ знать, за что онъ взятъ и привезенъ; но Обольяниновъ говорилъ, что онъ самъ не знаетъ, ибо курьеръ посланъ былъ безъ вѣдома его, что онъ весьма жалѣетъ и не знаетъ, можетъ ли ему помочь; впрочемъ, помня его ласки, онъ будетъ искренно стараться, сказывая мнѣ, что весьма трудно оправдывать того, на кого Государь гнѣвенъ, и что надобно въ удобный и веселый часъ сказать и упрашивать о милости. Онъ тогда же къ Государю поѣхалъ и, узнавъ изъ доноса полицмейстера о причинѣ, возвратясь, дѣлалъ вопросы Тейльсу, и когда сей оправдывался, что лѣченіе и пособіе Сибирскому и Турчанинову дѣлалъ только изъ человѣколюбія и состраданія, а отнюдь не въ тѣхъ мысляхъ, чтобъ о судѣ Государя разсуждать неправедно, то Обольяниновъ при хорошемъ случаѣ о семъ доложилъ, и Государь Тейльса помиловалъ, наградивъ чиномъ тайнаго совѣтника съ помѣщеніемъ въ сенаторы. Вотъ положеніе жизни человѣческой, и какими онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ нечаянными опасностями и бѣдами! Тейльсъ обрадованъ былъ до безконечности неожидаемою наградою, а послѣ такъ былъ оскорбленъ, что не радъ былъ и сей наградѣ, а желалъ остаться въ самомъ простомъ званіи и бѣдности. Правду написалъ Сумароковъ о человѣкѣ:

Покинешь матерню утробу—
Твой первый гласъ есть горькій стонъ,
И отходя отсель ко гробу,
Отходишь ты стеня и вонъ.
Предписано то смертныхъ части,
Чтобъ ты прошелъ бѣды, напасти
И разны міра суеты;
Вкусилъ бы горесть ты и сладость,
Печаль, утѣху, грусть и радость,
И все бы то окончилъ ты [19]).

6. Въ одно утро Обольяниновъ, возвратясь отъ Государя, приказалъ написать письмо къ Тобольскому губернатору съ изъявле-

[19]) Собр. сочин. А. Сумарокова. М. 1781. ч. I. стр. 220—221. Ода на суету міра.

ніемъ Высочайшей воли, чтобъ сосланнаго въ Сибирь за какія-то смѣлыя и вольнодумческія мысли чиновника, извѣстнаго всѣмъ Коцебу, возвратилъ немедленно въ Петербургъ, снабдивъ его хорошимъ экипажемъ, постелью и всѣмъ чѣмъ нужно для дороги, и отправить съ симъ письмомъ курьера, который туда поѣхалъ. И какъ возвращеніе Коцебу описано имъ самимъ публично [20]) то я прибавлю только то, что я тогда за вѣрное слышалъ о странной и нечаянной причинѣ сего возвращенія. Коцебу между множествомъ театральныхъ пьесъ написалъ на Нѣмецкомъ языкѣ года за два маленькую пьесу «Лейбъ-кучеръ». Сію пьесу перевелъ на Русскій языкъ во время ссылки Коцебу чиновникъ Краснопольскій, служившій въ Комерцъ-Колегіи. Она была напечатана и представлена въ театрѣ. Государь на другой день у бывшихъ въ театрѣ спросилъ, какія піесы были представляемы. Ему расхвалили сію маленькую о лейбъ кучерѣ піесу. Государь прочелъ ее и вспомнилъ, что Коцебу изобразилъ и украсилъ собственный Государя благодѣтельный поступокъ, и потому, перемѣня мысли о Коцебу, велѣлъ его тотчасъ возвратить съ тѣмъ, чтобъ по возвращеніи, какъ и сâмъ Коцебу пишетъ, поручить ему описать новый Михайловскій замокъ, въ который Государь тогда уже переѣхалъ. О поступкѣ Государя я тогда за вѣрное слышалъ вотъ что. Когда Государь въ началѣ царствованія велѣлъ приковать у дворца ящикъ для вкладки въ оный всѣхъ прошеній, какія подданные желали ему подать для испрошенія милостей и проч., тогда онъ, бывъ часто при разводѣ войскъ, у дворца принималъ и самъ лично такія же прошенія. На Васильевскомъ острову жилъ у одного мастероваго Нѣмца старикъ Нѣмецъ же и весьма бѣдный, одолженный содержаніемъ только мастеровому. Онъ прежде, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, служилъ при Петрѣ III при дворцовыхъ конюшняхъ. Случилось зимою везти ему для прогулки въ саняхъ сына его и наслѣдника престола Павла I. Онъ нечаянно наѣхалъ на сугробъ или кучу снѣжную и, опрокинувъ сани, Пâвла I вывалилъ въ снѣгъ, и хотя ничего вреднаго не произошло, но по кончинѣ Петра III онъ былъ отставленъ безо всего. У мастероваго, также весьма недостаточнаго, была уже взрослая дочь Катерина, и хотя полюбила одного молодаго Нѣмца, но отецъ сего послѣдняго запрещалъ ему жениться единственно по бѣдности ея отца. Старый кучеръ все сіе видѣлъ и скорбѣлъ о добромъ семействѣ, не въ силахъ будучи помочь. Онъ узналъ, что Государь принимаетъ лично просьбы и что болѣе всего награждаетъ тѣхъ, которые служили при родителѣ его. Рѣшился онъ идти на площадь дворцовую и зимою въ морозъ пришелъ въ

---

[20]) „Une année mémorable de la vie d'Auguste de Kotzebue". Новый переводъ 1879 г. Самъ Коцебу иначе разсказываетъ о своемъ освобожденіи.

одномъ ветхомъ сертукѣ, въ нитяныхъ чулкахъ и въ треугольной запачканной шляпѣ. Государь по окончаніи развода примѣтилъ, что и онъ приближается къ нему, но боится и не смѣетъ приступить. Государь приказалъ его привесть и, принявъ написанное кое-какъ прошеніе, изъясняющее, что онъ служилъ при его отцѣ и что безъ всякаго пенсіона терпитъ бѣдность, Государь велѣлъ привести его во дворецъ и оставить въ комнатѣ предъ самымъ кабинетомъ. Когда возвратился, призвалъ старика, распросилъ его обо всемъ и когда тотъ по простотѣ, доказывая истину бытія его кучеромъ, признался, что онъ самый тотъ, который возилъ Государя малолѣтняго и вывалилъ изъ саней въ снѣгъ, — «А, сказалъ Государь, я это очень помню, и мнѣ тѣмъ пріятнѣе сдѣлать тебѣ добро». Потомъ началъ старика спрашивать о его товарищахъ по конюшнѣ, сколько они послѣ его въ теченіи тридцати пяти лѣтъ возвышены и сколько каждый получалъ жалованья, самъ изволилъ записать и исчислить, что̀ ему, старику, слѣдуетъ въ сравненіи съ ними получить за все то время, около семнадцати, а съ процентами 21000 рублей. Въ тотъ часъ призвалъ камердинера и велѣлъ принесть къ себѣ сію сумму асигнаціями и, вложа оную старику за пазуху, сказалъ, что ежели ему еще что̀ будетъ надобно, то бы приходилъ къ нему не опасаясь. Старикъ съ деньгами и восторгомъ возвратился къ мастеровому и отдалъ дочери его Катеринѣ на приданое 10000 рублей, сыгралъ свадьбу, увѣнчалъ желаніе молодыхъ несчастливыхъ, и остальныя отдалъ мастеровому въ благодарность за его объ немъ попеченіе и долговременное на коштѣ своемъ содержаніе. Коцебу, узнавъ сей милостивый поступокъ, раскрасилъ его въ своей піесѣ, которая доставила ему свободу изъ ссылки. Я, что̀ слышалъ, то и пишу, не ручаясь за истину; ибо я говорю только слышанное. Сколь непостижимы судьбы Господни и сколь неизслѣдованны пути Его въ Провидѣніи о насъ бѣдныхъ смертныхъ! Кто могъ вообразить, (что) чрезъ тридцать пять лѣтъ старикъ, и еще виновный въ неосторожности при ѣздѣ, получитъ такую награду и сдѣлаетъ счастливыми два семейства? Бѣдные больше всего полагаются на Бога и болѣе сохраняютъ вѣру и честность; а потому заключить должно, что семейства мастероваго, равно какъ и старика кучера, были благочестивы и добры, за что Господь Богъ низлилъ свою милость совсѣмъ нечаянно и неожидаемо.

7. Когда Государь жилъ уже въ Михайловскомъ за̀мкѣ, дошла до него дерзновенная просьба или бумага по дѣлу князя Несвицкаго. Написалъ ее, какъ послѣ открылось, надворный совѣтникъ Данилевскій. Я видѣлъ, какъ онъ, пришедъ въ страхѣ къ Обольянинову, говорилъ мнѣ, что онъ уже третій разъ призывается невинно, по бумагамъ, никогда имъ неписаннымъ. Я его ободрялъ, чтобъ онъ

не боясь объяснился. По выправкѣ открылось, что онъ при князѣ Куракинѣ и при Беклешовѣ точно былъ призванъ и оправданъ. Сдѣлана была о семъ записка, и когда Обольяниновъ доложилъ Государю, что Данилевскій третій разъ призывается и трепещетъ невинно, и что Данилевскій, писавшій просьбу и сію бумагу, скрылся и уѣхалъ въ Тверь, Государь, ходя по комнатѣ, говорилъ: «Жаль мнѣ, что честный человѣкъ столько разъ тревожится напрасно», и, спрося о его чинѣ, велѣлъ произвесть въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а чтобы впредь удобнѣе различить двѣ почти одинакія фамиліи, то «въ память того, что я перебрался для житья въ замокъ, дать указъ Сенату о названіи его впредь Михайловскимъ-Данилевскимъ» [21]). Обольяниновъ, возвратясь отъ Государя, говорилъ мнѣ, что онъ, когда не бываетъ растревоженъ и въ спокойномъ духѣ, то открывалъ всегда доброту души и желалъ всѣмъ дѣлать добро, такъ что, изливая одну милость, спрашивалъ, не нужно ли еще прибавить къ наградѣ. Но когда бывалъ разсерженъ и унылъ, тогда всякій докладъ казался ему сомнительнымъ, особливо о какомъ-нибудь преступленіи и дурномъ поступкѣ молчать было должно, ибо въ горячности могъ усугубить наказаніе. По сему судя, добрые при немъ люди могли, избирая благопріятное время, дѣлать много добра; а злые и мстительные, пользуясь неблагопріятнымъ временемъ, наносили бѣды и несчастія даже на невинныхъ. Государь есть тотъ же человѣкъ, какъ и всѣ мы смертные; требовать отъ него божескихъ совершенствъ не можно. Петръ Великій въ одномъ указѣ сказалъ, что онъ не ангелъ, а человѣкъ, и всего проникнуть и во всемъ успѣть не можетъ. Проходя долгое теченіе жизни, я по истинѣ узналъ, что всякій государь никогда не желаетъ намъ зла и что ежели мы терпимъ и бѣдствуетъ, то сами отъ себя и отъ злыхъ своихъ прихотей и дѣяній. Возьмемъ, напримѣръ, тяжебныя дѣла. Двое соперниковъ дѣлаются врагами и никогда не хотятъ примириться. Послѣ тотъ или другой жалуются на неправосудіе и Государя; но можно ли всю внутреннюю и враждебную во всей Россіи войну прекратить? Она возраждаетъ ежеминутно..... и загрузила всѣ присутственныя мѣста своею враждою. И такъ намъ должно обратиться на самихъ себя и, обратя сердца наши къ вѣрѣ и чистому покаянію, не только прекратить вражды, но еще и врагамъ своимъ дѣлать добро. Тогда будемъ спокойны, исчезнетъ всякій ропотъ, и увидимъ ясно, что всему злу причина мы сами, а не Государь и присутственныя мѣста. Узнаемъ, что Государь, обремененный тьмами дѣлъ и заботъ, не

[21]) Иванъ Даниловичъ, дѣйств. ст. сов., старшій директоръ Заемнаго Банка, отецъ извѣстнаго военнаго писателя, получилъ отъ императора Павла 20 Февраля 1801 года дозволеніе именоваться Михайловскимъ-Данилевскимъ, съ распространеніемъ этой фамиліи на его потомство (Русск. Родосл. книга, т. II, Спб. 1876, стр. 103; Русск. Старина, т. VII, стр. 103).

можетъ, по ограниченности силъ, всего проникнуть и во все войти. Мы желаемъ, чтобъ онъ всѣ тяжбы наши и всѣ наши чувствованія такъ зналъ и такъ чувствовалъ, какъ мы; но возможно ли сіе, когда и два брата, рожденные отъ однихъ родителей, имѣютъ нравы, поступки и чувствованія совсѣмъ другъ другу противные?

Г. Обольяниновъ познакомился чрезъ меня съ братомъ моимъ Петромъ Степановичемъ, былъ къ нему расположенъ и дѣлалъ добро. Князь Гаврила Петровичъ Гагаринъ [22]), будучи министромъ комерціи, узнавъ, что Обольяниновъ ко мнѣ расположенъ, желалъ со мною познакомиться. Я у него не одинъ разъ былъ. Посредствомъ его братъ, служившій подъ начальствомъ его въ Комерцъ-Колегіи, произведенъ въ 1800 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ у него въ довѣренности; даже, предъ кончиною Государя, по случаю разрыва съ Англіею и когда Государь велѣлъ арестовать Англійскіе корабли съ ихъ грузами, посланъ былъ въ Кронштадтъ для выгрузки ихъ, дабы послѣ, выведши ихъ на рейду, сжечь. Обольяниновъ по просьбѣ моей убѣдилъ князя Гагарина, чтобы доложилъ Государю о другѣ моемъ статскомъ совѣтникѣ Петрѣ Дмитріевичѣ Вонифатьевѣ, бывшемъ въ Кяхтѣ по Китайскому торгу директоромъ, и онъ по докладу Гагарина въ 1800 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Гаврило Романовичъ Державинъ знакомъ мнѣ сдѣлался посредствомъ брата, который, во время Екатерины II и когда Державинъ былъ президентомъ Комерцъ-Колегіи, служилъ подъ его начальствомъ. Онъ былъ человѣкъ добродушный, расположенъ былъ къ обоимъ намъ хорошо, а ко мнѣ особенно за то, что я писалъ свои глупые стихи. Онъ даже прислалъ при письмѣ своемъ на разсмотрѣніе мое свою трагедію, помѣщенную въ его сочиненіяхъ. Во время Павла I случилось какое-то неудовольствіе (на) казначея Алексѣя Ивановича Васильева, и Державинъ опредѣленъ на мѣсто его. Помню, какъ послѣ полудня г. Васильевъ въ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ принесъ въ домъ Обольянинова отчетъ за все время его бытности и, похаживая по залѣ, былъ въ великомъ уныніи и огорченіи. Но послѣ открылось, что все взведенное на него Государю было несправедливо.

Зять бывшаго со мной сослуживцемъ Михайла Михайловича Протопопова, г. Дольскій служилъ секретаремъ и довѣренною особою у г. Кутайсова, жилъ во дворцѣ и имѣлъ у себя драгоцѣнныя вещи,

---

[22]) Писатель, ум. 1807 г.

которыя разнымъ особамъ жалованы были отъ Государя. Онъ, узнавъ пріязнь мою съ Обольяниновымъ, желалъ со мною познакомиться и склонялъ меня взять партію г. Кутайсова; но я, бывъ несклоненъ къ исканіямъ, все то отвергалъ; однакожъ случай заставилъ быть у него во дворцѣ. Тесть брата моего, Василій Ивановичъ Севриковъ служилъ комисаромъ при дворцовомъ водочномъ заводѣ; ему хотѣлось чина колежскаго асесора, и сіе зависѣло отъ Дольскаго, но онъ отзывался, что ежели я у него не буду, то и чина не будетъ. Братъ и невѣстка убѣждали меня посѣтить его и попросить. Надобно было ѣхать. Когда я вошелъ въ его комнаты, то онъ показывалъ мнѣ всѣ бриліанты и сокровища, у него хранящіеся. Я видѣлъ, что всѣ почтенные люди снискиваютъ чрезъ него много. Угощеніе было избыточное, и Шампанское вино лилось такъ какъ вода. Онъ заставлялъ чиновниковъ высшаго класса ползать по полу на корячкахъ, а въ случаѣ невыпитія бокала лилъ Шампанское къ нимъ за пазуху; ѣздилъ съ женою въ великолѣпномъ экипажѣ, словомъ, роскошествовалъ на счетъ двора, сколько хотѣлъ. По просьбѣ моей чинъ Севрикову данъ, но я въ тѣсную связь съ г. Дольскимъ вступить не могъ, какъ по недостатку, такъ и по несклонности къ разсѣянной жизни. Послѣ кончины Государя онъ былъ въ худомъ положеніи и принужденъ былъ со страху отдавать назадъ все то, что̀ онъ бралъ, бывъ въ..... наконецъ уѣхалъ въ деревню и помѣшался въ умѣ [23]). Вотъ какія послѣдстія бываютъ за неумѣренность, пышность, надменность и пустыя наши прихоти! Свѣтъ сей такъ, какъ трагедія и комедія: можно изъ происшествій, въ немъ бываемыхъ, научиться добру и худу, и къ чему каждый себя расположитъ.

Г. Обольяниновъ и жена его желали, чтобы я съ женою часто у нихъ бывалъ за обѣдомъ и на вечерахъ; но мы, сколько по недостатку, а болѣе по непривычкѣ и несклонности, рѣдко бывали. Тутъ видѣли, что всѣ первостепенныя особы въ государствѣ, а между прочими и графъ Зубовъ, ихъ часто посѣща̀ли и искали покровительства и защиты отъ неудовольствія на нихъ Государя. Но когда миновался годъ, то миновались посѣщенія, лесть и уваженія, только лицемѣріемъ наполненныя. Таково тогда было, таково бываетъ и ны-

23) Вѣроятно, это тотъ самый Дольскій, о которомъ написалъ Державинъ:

Боскапфъ, Лаба и Дольскій
Сходны, какъ съ братомъ братъ:
Рѣшилъ бы лишь Шешковскій,
Кто больше плутоватъ.

(Соч. Державина, изд. акад. Гротомъ, т. III, стр. 501).

нѣшнее обращеніе. Единый только всеблагій Богъ истинно постояненъ, истинно милосердъ и никогда не оставляетъ любящихъ Его, а прочее все одна тѣнь и суета.

Въ теченіи одного года Обольяниновъ получалъ весьма часто отъ Государя отличные подарки, какъ то: табакерки съ бриліантами, фарфоровые и серебряные сервизы и другія рѣдкія вещи, которыя, какъ онъ послѣ сказывалъ, сгорѣли въ Москвѣ и цѣнились до 120,000 рублей. Онъ тогда же получилъ чинъ генерала отъ инфантеріи и Андреевскую ленту, словомъ, пользовался отличными знаками благоволенія. Впрочемъ онъ былъ вѣренъ Государю, честенъ во всемъ и не употреблялъ во зло довѣренностію его, не забывалъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ и, буде возможно было, помогалъ имъ. Познакомившійся съ нимъ въ Рыбинскѣ........... г. Даклосъ, человѣкъ честный и хорошій, получилъ посредствомъ его мѣсто директорское въ Банкѣ. Ежели бы я не любилъ своей свободы, былъ не столько застѣнчивъ и имѣлъ склонность къ подлымъ исканіямъ, могъ бы въ сіе время получить много; но и теперь о семъ не раскаеваюсь и благодарю милосерднаго Бога, хранящаго меня досель и терпящаго грѣхамъ моимъ. Все я видѣлъ, все наскучило, и теперь остался въ желаніи моемъ одинъ только Богъ.

1801 года, Марта 12, пробудился я рано по утру и видѣлъ по улицамъ особенное движеніе народа. Изъ дворовыхъ людей начали проговаривать, что Государь скончался. Я не вѣрилъ и запретилъ распространять слухъ. Сынъ мой пошелъ въ домъ Обольянинова къ своей должности. Скоро возвратясь оттуда, сказалъ, что у дома Обольянинова гвардейскій караулъ, и никого въ оный не пускаютъ, самъ онъ дома не ночевалъ, а взятъ подъ арестъ въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ до утра и пробылъ, освобожденъ по приказу великаго князя Константина Павловича и ѣздилъ оттуда къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Между тѣмъ великій князь Александръ Павловичъ возведенъ на престолъ, и поутру приводили уже къ присягѣ въ придворной церкви. Я поѣхалъ часу въ 12 къ г. Обольянинову. Онъ при мнѣ пріѣхалъ отъ Императрицы въ великомъ смущеніи и уныніи; говорилъ мнѣ: «Кто могъ думать, что сіе случится?» Но я возразилъ, что прежде времени надо было остерегаться и видѣть, что отъ излишней строгости, волненія и возмущенія въ страстяхъ всего ожидать можно и что тѣ, кои искали въ немъ, лишь только льстили. Впрочемъ самый сдѣланный ему арестъ и отсылка въ ордонансъ-гаузъ свидѣтельствуютъ о его вѣрности и честности. Поелику онъ былъ генералъ-прокуроръ и въ великой силѣ, то, опасаясь, чтобы не сдѣлалъ противнаго возмущенія, надобно было лишить его всѣхъ силъ. Въ третій или четвертый день онъ долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ Москву, а мѣсто его заступилъ паки Беклешовъ. Въ Москвѣ въ первые годы...... не узнали его качества. Много онъ терпѣлъ презрѣнія и

упрековъ отъ всего дворянства, которое все непріятное, бывшее при Павлѣ I, относило на него. Даже запретили ему быть въ собраніи дворянскомъ; наконецъ, примирились, выбрали губернскимъ предводителемъ, и государь Александръ (удостоилъ) 1-й степени св. Владиміра. Онъ въ 1813 году былъ въ Петербургѣ, посѣщалъ меня и жену мою больную и сказывалъ, что купилъ село за 150,000 рублей близъ Дмитровска [24]), употребя почти столько же на его украшеніе. Переписка дружеская была между нами съ отъѣзда его въ Москву. Сестра его родная Марья Хрисанѳьевна имѣла здѣсь каменный домъ въ Фурштадской улицѣ, въ коемъ жилъ послѣ и дядя ея Михаилъ Философовъ. Скажу теперь о своей непростительной винѣ. Во Псковѣ и здѣсь я дѣлалъ ей всякія услуги, совѣты и пособія, какія только могъ. Когда жена моя скончалась и тѣло лежало на столѣ, она пріѣхала посѣтить меня и просить объ однихъ своихъ хлопотахъ. Я былъ въ совершенной горести и растревоженъ непріятными случаями; не только я отказался, но и наговорилъ много непріятнаго, въ чемъ теперь раскаеваюсь. Съ сего времени она прекратила посѣщенія, и братъ ея г. Обольяниновъ писать пересталъ; но и тутъ, кажется, я же виноватъ передъ ними, не отвѣчая ни на одно письмо о ходатайствѣ объ одномъ чиновникѣ.

Вижу, что много излишностей и посторонностей въ описаніи моей жизни помѣщено; но какъ я пишу собственно для себя и для препровожденія скучнаго времени, то простительнымъ считаю воспоминаніе и неважныхъ происшествій. Описывая ихъ, переселяюсь въ прошедшее время и чувствую почти тоже, что и тогда чувствовалъ; словомъ, воспоминаніями живу....... въ началѣ моей жизни, сколь она ни худа и незавидлива.

О службѣ моей въ комисіи о составленіи законовъ.

Въ малолѣтствѣ ученъ я былъ старухою, женою дьячка, первоначально азбукѣ, потомъ Часослову и Псалтири. Вотъ все мое ученіе! Писать и читать училъ меня самъ родитель, и то тогда, когда ему удавалось. Съ такимъ плохимъ основаніемъ могъ ли бы я воображать, что буду знать въ правовѣдѣніи и участвовать въ составленіи законовъ для толь обширной имперіи, какова Россія? Но милосердный Богъ...... власть сущая и изъ ничтожества посаждаетъ съ князи людей своихъ. На что взирая и я въ малолѣтствѣ, съ почтеніемъ, страхомъ и трепетомъ, до того послѣ благостію Господнею достигъ, какъ говорится, самоучкою. По 12 рублей въ годъ опредѣленъ я былъ въ Комерцъ-Колегію. По кроткому, застѣнчивому и смирному нраву, бывъ съ матерью, двумя братьями и сестрою

---

[24]) Т. е. близь города Дмитрова, Московской губерніи.

меньшими въ совершенной бѣдности, я радъ былъ тогда вмѣсто надменнаго мечтанія и тому, буде добрый человѣкъ или товарищъ мой меня обласкаетъ и, какъ говорится, приголубитъ. Изъ первоначальнаго жалованья, въ 24 рубля въ годъ состоящаго, какую могли бы нанять квартиру, какое имѣть кушанье, могли бы пить чай и кофе, могли бы имѣть порядочную одежду? Воображая то время и сравнивая съ нынѣшнимъ, благодарю всеблагаго Господа, сохранившаго меня доселѣ, помогавшаго мнѣ и руководившаго своею благодатію. Служа въ Колегіи и стараясь прилежностію привлечь къ себѣ вниманіе, меня начали часто посылать въ архивъ за дѣлами и книгами, въ коихъ переплетали ежегодно съ начала учрежденія Колегіи указы, поручали пріискивать изъ нихъ нужные къ предметамъ, о которыхъ дѣла производились. (Видя), какъ отличены другіе товарищи за труды и вниманіе, я началъ имъ подражать до того, что каждую недѣлю, дежуря въ Колегіи, я послѣ полудня бралъ указныя книги, читалъ ихъ и слышалъ отъ старшихъ меня и даже отъ сторожа Старкова, бывшаго въ дальнихъ походахъ разныхъ при Петрѣ Великомъ и при пріемникахъ его, происшествія хорошія и непріятныя и напечатлѣвалъ ихъ въ своей памяти, искалъ въ указахъ описанія ихъ, а особливо кто и за что наказанъ или сосланъ въ ссылку. Отъ сего началась во мнѣ какая-то страсть къ законамъ. Когда (случалось) получить въ Колегію изъ Сената экземпляры манифестовъ, постановленій, указовъ и всякаго рода....... трактатовъ, я всячески старался выпросить себѣ экземпляръ. Страсть сія доводила меня до того, что началъ выдирать изъ указовъ книгъ экземпляры въ архивахъ, собирая лишніе, или себѣ присвоивать. Даже одинъ разъ, ночуя у секретаря моего Потоцкаго, вытащилъ изъ шкапа его экземпляры о казни Пугачева. Вотъ мое истинное признаніе, и вотъ до чего доводитъ всякая излишняя страсть, хотя бы она въ существѣ своемъ и клонилась къ доброму. Правда, совѣсть меня начала мучить, и я, собравъ въ кучу вырванные изъ книгъ экземпляры, положилъ паки въ архивъ, облегчая сіе мученіе совѣсти. Къ сей страсти о познаніи законовъ присовокупилось еще и сильное побужденіе. Тогда генералъ-прокуроръ князь Вяземскій окончилъ было въ Комисіи Уложенія собраніе законовъ, и изъ нихъ составлены были выписки или экстракты по роду и по матеріаламъ существъ законовъ, а равно и по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, начиная съ Сената и Синода. Всѣхъ книгъ было болѣе пятидесяти. Князь Вяземскій поднесъ ихъ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II. Она, какъ я тогда слышалъ, по прилежномъ ихъ разсмотрѣніи и предвидя, что не можно ей было заниматься по случаю войны, бунтовъ и другихъ затрудненій, сказала ему, что до сочиненія и изданія Уложенія............... она полагаетъ сіе собраніе выписокъ напечатать и разослать по Имперіи.

Но князь Вяземскій по долгомъ размышленіи докладывалъ ей, что, по настоящему невѣжеству простаго народа и даже по недальнему образованію самого дворянства, можетъ изданіе навлечь разные толки, умножить ябеды и какъ ему, такъ и ей не дастъ покоя жалобами, ссылаясь на выписки изданныхъ законовъ, которые, будучи не очищены и часто одинъ другому и объ одномъ предметѣ противорѣчащими, нанести многія затрудненія и.......... Государыня, предполагая прежде образовать губерніи, потомъ дворянство и купечество, рѣшилась оставить собраніе выписокъ безъ публики. Но тогда не только всѣ вельможи, но и знатные люди и даже всѣ президенты, члены и секретари желали имѣть сіи выписки, удобныя къ познанію правовѣдѣнія и къ лучшему пріиску всякаго....... а потому и начали отдавать для переписки ихъ приказнымъ, имѣющимъ свободные часы, платя за тетрадь, имѣющую восемь полулистовъ, по 20 и 25 копѣекъ. Я, бывъ въ недостаткѣ и имѣя еще и склонность къ познанію законовъ, много переписалъ сихъ тетрадей. Тоже дѣлалъ и братъ мой, и мы оба до того плѣнились сими познаніями, что цѣлыя большія книги для себя списали, сидя день и ночь. И теперь у меня есть: 1) о уголовности; 2) о гражданскихъ правосудіяхъ; 3) о недвижимыхъ имѣніяхъ и проч. Въ тоже самое время, служивъ въ Комитетѣ съ колежскимъ секретаремъ Михайлою Дмитріевичемъ Чулковымъ, который собиралъ въ архивъ его всѣ комерческіе законы, которые изданы во многихъ томахъ, у меня хранятся. Послѣ чего онъ началъ собирать всѣ вообще Россійскіе законы, которые изданы въ пяти большихъ томахъ, подъ именемъ Словаря Чулкова.......... сего собранія и для переписки жили у него служащіе въ Колегіи и въ его экспедиціи состоящій канцеляристъ, Александръ Ивановичъ Рагозинъ, который былъ мнѣ пріятель и о трудахъ Чулкова сказывалъ. Все сіе еще болѣе меня побуждало питать свою страсть, но я не могъ ни къ чему приступить безъ наученія, разсѣянъ по молодости и занятъ должностію. Вдругъ открылось мнѣ подобное упражненіе. Секретарь Потоцкій, у котораго я былъ въ экспедиціи, видя уваженіе къ Чулкову, рѣшился похвастать президенту, графу Воронцову, что онъ можетъ скоро собрать всѣ законы и изъ нихъ сдѣлать краткое извлеченіе. Графъ согласился, и секретарь мой въ перепискѣ, пособіи въ собраніи и сдѣланіи алфавита употребилъ меня. Много я трудился, и ежели труды мои не сдѣлали пользы, то по крайней мѣрѣ умножили мое познаніе о законахъ. Кончилось все сіе смѣхомъ: Потоцкій вмѣсто алфавитовъ велѣлъ мнѣ навязать къ бѣлой бумагѣ родъ ярлычковъ и на каждомъ ярлычкѣ написать о чемъ какой законъ, и тѣ ярлычки снизу и сверху между листовъ приклеить клеемъ, и поелику на одной страницѣ упоминались разнаго сродства законы, то и ярлычковъ сихъ прикрѣплено было столь много, что книга казалась сни-

зу и сверху испещренною подобно крыльямъ птичьимъ и такъ разстроеннымъ, что болѣе затрудненія надобно было пріискать и перечесть ярлычки, нельзя узнать уже..... гдѣ найти какой законъ. Вотъ какія тогда были выдумки, и вотъ какое шествіе было къ законовѣдѣнію! Теперь хорошо умничать, когда и по исторіи, и по законамъ Россійскимъ все собрано; но когда было все въ разстройкѣ и какъ бы въ какой темнотѣ, тогда не скоро выпутался изъ дикаго лабиринта. Въ тоже время послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы каждое присутственное мѣсто въ государствѣ съ начала учрежденія своего собрало всѣ инструкціи, указы, уставы и разнаго рода пополнительныя, хотя бы и не публикованныя, постановленія, и доставили въ Сенатъ и, какъ кажется, для пополненія всѣхъ собранныхъ въ Комисіи Уложенія законовъ. По сему случаю также и я по своему повытью долженъ былъ собирать законы и указы, списывать ихъ и отдавать для составленія по колежскимъ законамъ книги изготовленныя для Сената. Всѣ сіи случайности какъ бы наполняли мои свѣдѣнія, и я уже считался въ Колегіи изъ знающихъ. Имѣвъ же отличную память (которая теперь почти потеряна), я зналъ по описаніямъ архивнымъ, особливо по указнымъ книгамъ, много разъ въ рукахъ моихъ бывшимъ, гдѣ что̀ въ одну минуту пріискать; ибо любопытство заставляло, ища одного дѣла или указа, прочитывать и другіе совсѣмъ посторонніе. Наконецъ, какъ я выше писалъ, въ 1781 году опредѣленъ я губернскимъ секретаремъ въ Псковскую губернію и пріѣхалъ туда съ изряднымъ собраніемъ законовъ. Тамъ упражненія уже были не о комерческихъ предметахъ, а о вотчинныхъ, то есть о недвижимыхъ и движимыхъ имѣніяхъ, о гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. На первый случай затруднительно для меня было, но подъ руководствомъ покойнаго моего дяди Евстратія Алексѣевича Свистунова, совѣтовавшаго мнѣ читать прежде всего старыя о томъ тяжбы и дѣла для познанія ихъ хода и порядка, тогда и въ Псковѣ сдѣлался я какъ будто бы знающимъ превосходнѣе многихъ человѣкомъ. Правда, я сколько можно, старался и прилежалъ. Случалося же такъ, что меня прикомандировывали къ другимъ дѣламъ за отлучкою или по болѣзни моихъ товарищей: я вездѣ рылся, вездѣ выписывалъ и умножалъ по всѣмъ тѣмъ предметамъ мое собраніе; а когда опредѣленъ былъ членомъ въ Казенную Палату, въ которой служилъ около 12 лѣтъ, то старался узнать съ самаго начала всѣ о казенныхъ доходахъ, расходахъ и сохраненіи ихъ постановленія, выписывая ихъ для себя и увеличивая мое собраніе, такъ что я и въ Палатѣ почитался по знанію ихъ почти первымъ свѣдущимъ, и всѣ резолюціи Колегіи почти одинъ давалъ я на докладныхъ реестрахъ своею рукою. И какъ я привыкъ уже съ малолѣтства пробуждаться рано и прежде всѣхъ въ семействѣ, то и въ Палату приходилъ ранѣе всѣхъ. По прибытіи же вице-губернатора и прочихъ членовъ, у ме-

ня уже всѣ резолюціи за прошедшій день окончены, а иногда даже и журналъ изъ нихъ переписанный былъ готовъ. И такъ труды мои утѣшали меня по крайней мѣрѣ тѣмъ, что я пользовался отъ подчиненныхъ уваженіемъ и любовію, а отъ начальниковъ почтеніемъ и признательностію, до того (sic), что я, бывъ членомъ въ Казенной Палатѣ, занимался разсматриваніемъ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, представленныхъ изъ Уголовной Палаты съ своими рѣшеніями для представленія съ мнѣніемъ губернаторовъ Сенату. Часто и почти всегда важныя и скораго исполненія требующія дѣла поручаемы мнѣ были губернаторами, и я сверхъ своей обязанности отправлялъ ихъ съ возможною справедливостію по законамъ и по совѣсти. Много было хлопотъ и непріятностей по дѣламъ уголовнымъ, особливо когда находили рѣшеніе Палаты несходнымъ съ законами, послабительнымъ или отяготительнымъ. Губернаторъ членамъ выговаривалъ и обращалъ, а мнѣ отъ нихъ доставались нѣкоторая ненависть и недружелюбіе. Впрочемъ, какъ всѣ они были люди добрые и знали, что я судилъ безпристрастно, то послѣ забывали непріятность и сохраняли ко мнѣ нѣкоторое почтеніе и любовь.

Въ 1798 году, какъ я описалъ выше, со всѣмъ собраніемъ законовъ пріѣхалъ я въ Петербургъ и въ 1800 помѣщенъ членомъ въ Комисію о составленіи законовъ. Она состояла тогда подъ начальствомъ генералъ-прокурора Обольянинова. Членами тогда въ ней находились: тайный совѣтникъ Иванъ Сергѣевичъ Ананьевскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Григорьевичъ Пшеничный, а младшій былъ я, а начальникомъ архивы колежскій, а потомъ статскій совѣтникъ Гавриловъ. Собраніе и составленіе законовъ раздѣлено было такимъ образомъ: г. Ананьевскій собиралъ законы вотчинные и гражданскіе съ судопроизводствомъ, г. Пшеничный о казенномъ интересѣ всякаго рода законы, а мнѣ досталась уголовная часть, также съ судопроизводствомъ уголовнымъ. Чтобы наше собраніе было кому разсматривать и удостоивать (sic), то опредѣлены были сенаторы: князь Гаврила Петровичъ Гагаринъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Θедоръ Михайловичъ Колокольцовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Съѣзжались всѣ они и мы, какъ члены Комисіи, одинъ разъ въ недѣлю въ домѣ г. Обольянинова, а чаще у г. Колокольцова, какъ старика и старшаго по производству въ чинѣ. Въ первое собраніе положено было прежде всего заняться проектомъ о сокращеніи канцелярскаго порядка, начиная съ Губернскаго Правленія. Составить сіе поручено собственно мнѣ, и я, по собраніи всѣхъ возможныхъ свѣдѣній и также сообщенныхъ отъ г. Державина, представлялъ и читалъ собранію каждую недѣлю по одной или по двѣ главы, выслушивая и записывая примѣчанія всѣхъ чиновъ и наконецъ общія положенія о каждой статьѣ или предметѣ. Такъ продолжалось до Апрѣля 1801 года. Ког-

да уже я окончилъ судопроизводство по губернскимъ правленіямъ и особенно назначилъ, какія особенныя свѣдѣнія, планы, описанія, карты, исторію каждаго города губернскаго и уѣзднаго, словомъ, статистическія извѣстія, Правленіе имѣть у себя обязано . . . . велѣла мнѣ переписать особенно на многіе списки и отдать каждому члену по одному, дабы онъ могъ уже подробнѣе войти въ разсмотрѣніе и потомъ объявить свое мнѣніе. Члены мѣшкали разсмотрѣніемъ, а я ожидалъ за трудъ свой награды; но вдругъ кончина императора Павла I-го погребла и мой трудъ, оставя неутвержденнымъ и потомъ забытымъ. Вспомнилъ я теперь, какъ въ одномъ общемъ нашемъ собраніи члены разсуждали о пользѣ трудовъ въ составѣ (sic) законовъ. Князь Гагаринъ, бывъ умнымъ и веселымъ человѣкомъ, сказалъ: «Въ самодержавномъ правленіи, гдѣ Государь дѣлаетъ, что̀ хочетъ, трудно утвердить законы. Вотъ, говорилъ онъ, сегодня мы поднесемъ Государю, онъ утвердитъ, а завтра тоже самое отмѣнитъ. Это мы видимъ сами теперь ежедневно; и такъ, прибавилъ онъ, напрасно слишкомъ силиться въ безполезномъ трудѣ, подверженномъ ежечасной перемѣнѣ».—Больно было сердцу моему слышать такое разсужденіе умной и взысканной особою милостію отъ Государя особы.

Такъ кончилось дѣйствіе Комисіи при Павлѣ I, а при вступленіи на престолъ Александра I поступила она подъ начальство г. Беклешова. Онъ мало или почти ничего не занимался, а только отличилъ себя тѣмъ, что изъ канцеляріи своей всѣхъ тѣхъ, кои опредѣлены были Обольяниновымъ, исключилъ и прислалъ въ Комисію для помѣщенія, въ томъ числѣ прислалъ и сына моего. Вотъ какъ другъ другу мстили! Беклешовъ вѣрно полагалъ, что Обольяниновъ хотѣлъ также выгнать его канцелярію, о чемъ я выше писалъ, то и онъ, вступя на мѣсто его, на самомъ дѣлѣ также показалъ.

Въ началѣ 1802 года опредѣленъ особенный для нея начальникъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. Онъ съ самаго начала осмотрѣлъ наши упражненія и во время еще двухъ своихъ посѣщеній обозрѣвалъ все то, что̀ прежде у насъ сдѣлано и собрано было. Я старался сколько возможно не только собрать всѣ уголовные законы, но, читая и покупая разныя относительно юриспруденціи книги, выписывалъ изъ нихъ все то, что̀ до собранія моего принадлежало; даже составилъ изъ законовъ и изъ всѣхъ собранныхъ бумагъ полныя . . . . по матеріямъ и главамъ, приложа при каждомъ выписки изъ иностранныхъ законовъ для соображенія съ Русскими и для узнанія, чего въ нихъ недостаетъ. Тутъ были выписаны Китайскіе, Персидскіе и даже Турецкіе и Татарскіе. Словомъ, сколько для хорошаго познанія моего, а болѣе искренно усердствовалъ я, чтобы при бытности моей составилось полное Уложеніе. Перебирая и перечитывая всю архиву

Комисіи, не оставилъ извлекать любопытнаго и нужнаго изъ сепаратныхъ указовъ и рѣшеній сенатскихъ, а также изъ поданныхъ при Екатеринѣ II мнѣній и голосовъ депутатовъ, собранныхъ при прежней Комисіи. Между прочимъ нашелъ я сочиненіе изъ всѣхъ Россійскихъ законовъ по 1775 годъ, въ коемъ показаны всѣхъ родовъ казни, наказанія, ссылки, штрафы и прочее. Рѣшился я оное пополнить также изъ всѣхъ законовъ, изданныхъ съ 1775 по 1805 годъ. Въ семъ пополненіи показалъ я не только наказанія и штрафы, но даже пени до самаго легкаго выговора, означа, за что и по какой причинѣ каждое налагалось. Изъ всего сего составилась книга, любопытная тѣмъ, что изъ нея видно, судя по казнямъ и наказаніямъ, сколько грубъ былъ Россійскій народъ и сколько время отъ времени при каждомъ государѣ умягчался. Можетъ быть, и самая жестокость прежнихъ законовъ дѣлала его таковымъ; ибо примѣтно, что по изданіи человѣколюбивыхъ законовъ не было уже столько важныхъ преступленій. (При) заведеніи же народныхъ училищъ и распространеніи во всей Россіи просвѣщенія посредствомъ устроенія губерній по новому учрежденію, вездѣ нравы начали перемѣняться, суевѣріе и грубые обычаи, колдовство, волшебство и прочія глупости истребляться. Изъясня все сіе подробнѣе въ особомъ предисловіи или введеніи, собраніе сіе подалъ я графу Завадовскому. Онъ благосклонно принялъ, и съ того времени во все время начальство было ко мнѣ благосклонно.

Я отступлю нѣсколько къ стороннимъ обстоятельствамъ и случаямъ.

1. Въ 1803 году учреждены министерства. Генералъ-прокуроромъ или министромъ юстиціи опредѣленъ г. Державинъ. Ему примѣтно желалось присоединить Комисію о составленіи законовъ подъ свое начальство, такъ какъ она прежде всегда была въ полномъ вѣденіи генералъ-прокурора. Тогда въ Комисіи осталось неоконченныхъ дѣлъ, поступившихъ изъ Сената, болѣе 20. Дѣла сіи были казусныя, то есть такія, на которыя или не было закона, или стекались такіе случаи, кои разрѣшить трудно, и потому Сенатъ ихъ оставилъ въ Комисіи съ тѣмъ, чтобъ она по каждому сдѣлала свое мнѣніе и внесла обратно. Державинъ, узнавъ о семъ, началъ какъ бы понуждать Завадовскаго, а наконецъ прислалъ и письмо, изъясняя медленность Комисіи. Завадовскій весьма былъ недоволенъ и огорчась прислалъ за мною. Я, пришедъ, нашелъ его въ смущеніи, ибо ему не хотѣлось признать Комисію виновною въ медленности и не желалъ, какъ бы подсудимый, объясняться съ Державинымъ. Я, прочитавъ письмо, сказалъ графу, что онъ напрасно безпокоится, что отвѣчать легко можно съ нѣкоторымъ еще обвиненіемъ Сената и самого Державина: ибо, сколько мнѣ извѣстно, дѣла, оставшіяся не оконченными, не есть казусныя, а только отъ разногласія сенаторовъ остановившіяся и такія, на разрѣшеніе которыхъ есть и за-

коны. Онъ былъ радъ и, вопрося меня, точно ли я въ томъ увѣренъ, что они таковы, дабы послѣ не быть въ стыдѣ, приказалъ мнѣ написать на такомъ основаніи отвѣтное письмо къ Державину. Я на другой день принесъ, и онъ, нѣкоторыя мои слова смягча, велѣлъ переписать, оставаясь весьма довольнымъ. Державинъ уже болѣе не писалъ, а дѣла съ мнѣніями Комисіи скоро внесены были въ Сенатъ.

2. Какъ я привыкъ пробуждаться рано, то и къ графу Завадовскому, хотя рѣдко, но когда надобность настояла, пріѣзжалъ въ 9 часовъ. Часто я заставалъ его спящимъ, а онъ пробудясь, когда докладывалъ ему камердинеръ о пріѣздѣ моемъ, спрашивалъ, давно ли я ожидаю. Такъ не одинъ разъ бывало. Наконецъ въ одинъ день, говоря со мною въ кабинетѣ, онъ меня спросилъ, почему я такъ рано пріѣзжаю. Я отвѣчалъ, что, съ малолѣтства служа, съ самыхъ нижнихъ чиновъ привыкъ уже къ тому. «Вы, конечно, и жизнь ведете аккуратную, а не такъ какъ я», говорилъ онъ. «Мы и вчѐрась съ княземъ Лопухинымъ почти всю ночь проиграли въ карты». Спрашивалъ еще, въ которомъ часу я обѣдаю, ужинаю и ложусь спать. Я отвѣчалъ, что обѣдаю не позже 2 часа, ужинаю въ 9 и въ 10 часовъ ложусь, читаю непремѣнно около часа. Пробуждаюсь не позже 6, а иногда въ 5. «Вы, батюшка, хорошо располагаете жизнью, а мы въ суетѣ и разсѣяніи сами себя разстраяваемъ», примолвя притомъ, что кажется, рано обѣдать во второмъ часу; но я, исчисляя съ пятаго по второй часъ, доказалъ, что по таковому бдѣнію противу тѣхъ, кои пробуждаются въ десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ, я еще могу сказать, что обѣдаю позднѣе тѣхъ, кои обѣдаютъ въ шестомъ часу. «Правда, батюшка, правда ваша!» Вотъ какъ разговоры бывали съ добрымъ и почтеннымъ симъ начальникомъ.

3. Державинъ, какъ догадываться можно, стремясь, чтобы Комисія къ нему отошла, докладывалъ Государю, что нужно сдѣлать постановленіе о сокращеніи канцелярскаго порядка въ Сенатѣ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, но Государь высочайше повелѣлъ составить подъ предсѣданіемъ его особый изъ господъ сенаторовъ комитетъ. Вдругъ присылаетъ ко мнѣ Державинъ, чтобъ я былъ къ нему. Я, не зная о семъ ничего, явился, и онъ, хваля мои способности, началъ приглашать, чтобъ я въ семъ комитетѣ былъ правителемъ дѣлъ. И какъ я изъяснялся, что бывъ членомъ Комисіи и подъ другимъ начальствомъ, не могу принять сей обязанности; но онъ, убѣждая меня, говорилъ, что я буду не такой правитель, какъ въ прочихъ мѣстахъ, но почти равный членъ, засѣдая вообще съ нимъ и сенаторами, а только, чтобъ дѣла текли подъ моимъ смотрѣніемъ. Я соглашался не иначе, какъ ежели графъ Завадовскій позволитъ мнѣ къ тому приступить. На другой день бывъ у графа, изъяснилъ ему искренно все то и увѣрялъ, что я никакъ не искалъ сего самъ собою, а только по убѣжденію г. Державина, а чтобы

графъ не почиталъ меня подлымъ искателемъ мимо его другихъ путей къ уваженію на службѣ. «Нѣтъ, батюшка, отвѣчалъ онъ мнѣ, я знаю ваши свойства и никакъ сего не мыслю, а ежели вы желаете добровольно пособить комитету, въ его упражненіи, то я вамъ позволяю». Въ комитетѣ семъ были членами кромѣ Державина сенаторы: Ѳедоръ Михайловичъ Колокольцовъ, Петръ Ивановичъ Новосильцовъ, Осипъ Петровичъ Козадавлевъ, Иванъ Сергѣевичъ Ананьевскій. Каждую недѣлю по одному дню съѣзжались, и я составлялъ журналы съ замѣчаніями. Продолжалось сіе болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Теперь обращаюсь паки къ Комисіи Уложенія.

Государь Александръ I при вступленіи на престолъ освободилъ изъ ссылки многихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и колежскаго совѣтника Александра Николаевича Радищева. Онъ по рекомендаціи графа Александра Романовича Воронцова опредѣленъ былъ членомъ въ Комисію. Потомъ находящійся въ отставкѣ статскій совѣтникъ Иванъ Даниловичъ Прянишниковъ и наконецъ надворный совѣтникъ Борисъ Михайловичъ Салтыковъ.

Радищевъ учился въ Пажескомъ корпусѣ, былъ камеръ-пажемъ, служилъ при дворѣ, отставленъ секундъ-маіоромъ, въ 1779 году. опредѣленъ асесоромъ въ Комерцъ-Колегію, послѣ товарищемъ или помощникомъ статскому совѣтнику Далю [23]), управляющему Санктпетербургскою и Кронштадскою таможнями, ежегодно отъ Государыни награждался деньгами, а потомъ и чиномъ надворнаго и колежскаго совѣтника. Въ 1788 году написалъ онъ извѣстное публикѣ сочиненіе «Путешествіе изъ Санктпетербурга въ Москву». Въ немъ кромѣ сатирическаго есть много и хорошаго, показывающаго доброту его сердца, не терпящаго злоупотребленій. Но какъ онъ тутъ коснулся жестокимъ образомъ правленія почти тиранскаго и прихотливаго, особенно на счетъ управляющихъ областями вельможъ и неправосудія, то сіе почтено.......... оскорбленіемъ императрицы Екатерины II, которая тѣмъ болѣе огорчилась, что она дѣлала ему много добра и желала, чтобъ онъ заступилъ самое мѣсто Даля. За сіе-то по суду лишенъ онъ былъ чиновъ и сосланъ въ Сибирь, гдѣ, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ, не только не былъ стѣсняемъ работою или чѣмъ другимъ, (но) даже каждый день могъ ходить на свободу; содержаніе имѣлъ хорошее, ибо ему доставляли отсюда дѣти и пріятели, кажется, изъ масонской секты, которая прежде и помѣщалась въ его домѣ; книгами же и другими пособіями снабжалъ его графъ Воронцовъ. При вступленіи его въ Комисію онъ хотѣлъ занять нижнее противъ меня мѣсто, но я ему самъ уступилъ старшинство, уважая его лѣта и достоинства. Съ того времени былъ онъ ко мнѣ хорошо расположенъ. Въ одно время я его спрашивалъ,

---

[23]) См. Русск. Стар. т. VI, статья Н. П. Барсукова: „А. Н. Радищевъ“.

что̀ его убѣдило написать такое сатирическое сочиненіе противъ правительства? Онъ отвѣчалъ, что одна правда и что ежели я читалъ изданное при Петрѣ I и напечатанное при...... сочиненіе Пуффендорфа «о должностяхъ человѣка и гражданина», то, конечно, въ немъ видѣлъ, сколько желалъ Петръ Великій истины и самъ старался сію книгу напечатать. Правила въ ней хотя не сатировъ (?), но изображеніе должности и обязанности государя, вельможъ, судей, такъ что, читая ихъ и соображая настоящее правленіе, всякій найдетъ тоже, что̀ нашелъ и онъ; и такъ книга его напрасно сочтена оскорбленіемъ. Впрочемъ онъ, какъ я примѣтилъ, мыслей вольныхъ и на все взиралъ (съ) критикою. Когда разсматривали мы сенатскія дѣла и писали заключенія, соглашаясь съ законами, онъ при каждомъ заключеніи, не соглашаясь съ нами, прилагалъ свое мнѣніе, основываясь единственно на философскомъ свободомысліи. Ходилъ онъ часто къ графу Завадовскому и, какъ послѣ я слышалъ, искалъ, чтобъ дано ему было 15000 рублей на поправку разореннаго состоянія. Между тѣмъ написалъ и Комисіи такое мнѣніе, что она должна быть поставлена почти вмѣсто Сената и для составленія лучшихъ и твердыхъ законовъ требовать не только о производствѣ дѣлъ отчета, но и о всѣхъ приходахъ и расходахъ казенныхъ. Графъ, какъ я послѣ слышалъ, наскучивъ его требованіями и мыслями подобными прежнимъ, не только отказалъ ему въ желаемомъ, но еще сказалъ о томъ графу Воронцову, его рекомендовавшему. Сей, призвавъ его, жестоко выговаривалъ и что если онъ не перестанетъ писать вольнодумническихъ мыслей, то съ нимъ поступлено будетъ еще хуже прежняго. Онъ, пришедъ отъ графа на квартиру свою, бывшую въ Семеновскомъ полку, и ходя безпрестанно по комнатѣ въ сильномъ огорченіи, наконецъ въ вечеру выпилъ цѣлый стаканъ крѣпкой водки, которая внутренность его растерзала, и онъ поутру послѣ жесточайшихъ мученій скончался. Вотъ чѣмъ кончилась жизнь человѣка способнаго и добраго, но напитаннаго вмѣсто религіи, требующей покорности, повиновенія и смущенія, одними правилами свободомыслія и желающаго поставить одинъ только свой разумъ прямымъ правиломъ, вмѣсто закона Божія и гражданскаго. Ему казалось все недостаточнымъ (sic) вниманія, всѣ обряды, обычаи, нравы, постановленія глупыми и отягощающими народъ. Конечно, судьбы Божіи для насъ неисповѣдимы, много можно найти несправедливаго, много излишняго, много тягостнаго; но если самъ Творецъ все сіе терпитъ или попускаетъ, то какимъ образомъ намъ слабымъ смертнымъ принимать на себя Его суды и какъ бы вмѣсто Его дѣйствовать своими ничтожными силами къ исправленію того, что̀ намъ не нравится? Говорятъ многіе, особливо̀ нынѣ, что одно просвѣщеніе все исправить можетъ, но Францiя не была ли

просвѣщенное государство до революціи? И что же открыла въ нѣдрѣ своемъ прежде сокрытое? Одни сумасбродныя постановленія, одно разореніе, убійство, кровопролитіе и гоненіе всѣхъ честныхъ людей. Въ Россіи государь Александръ I болѣе всѣхъ прежнихъ государей старался о просвѣщеніи, но послѣ кончины его открылось, что самые тѣ молодые люди, учившіеся въ установленныхъ имъ мѣстахъ, были первые возмутители, умышляющіе на жизнь его и на разрушеніе всего государственнаго порядка. А послѣдній Польскій бунтъ не показываетъ ли той же буйности и разврата, хотя и тамъ было просвѣщеніе, и завели возмущеніе не дураки, но умные, только развращенные въ сердцахъ своихъ.

Прянишниковъ также весьма часто ходилъ къ графу Завадовскому по привычкѣ къ искательству вмѣсто упражненія по должности. По прошествіи года началъ просить себѣ отставки и чина; но графъ, отзываясь, что онъ въ статскіе совѣтники произведенъ при отставкѣ и что никакихъ еще трудовъ по должности не показалъ, въ желаемомъ отказалъ. Прянишниковъ пришелъ отъ него въ Комисію столь печальнымъ, что даже плакалъ. Я, услыша отъ него причину сему случаю, утѣшалъ, что со временемъ графъ его наградитъ, но онъ съ огорченіемъ хотѣлъ выдти прежнимъ чиномъ. На другой день надобно мнѣ было идти къ графу. Нашелъ его въ кабинетѣ весьма веселымъ и даже удерживалъ меня, чтобъ я посидѣлъ, разсказывая о разныхъ неизвѣстныхъ мнѣ происшествіяхъ, особливо о Мальзербѣ, писавшемъ въ защиту Французскаго короля, сколь онъ былъ честенъ и какъ ревностенъ къ патріотическому. Я, видя доброе графа расположеніе и найдя благопріятный случай, разсказалъ ему вчерашнее происшествіе и что Прянишниковъ по случаю отказовъ въ отчаяніи. Онъ мнѣ изъяснилъ, что Прянишниковъ ему наскучилъ, какъ частыми посѣщеніями, такъ и просьбами недѣльными. Я началъ изъяснять, что, какъ Прянишниковъ желаетъ чина себѣ въ отставку всегдашнюю отъ службы, то чинъ сей не будетъ въ обиду для служащихъ и что графъ, будучи добръ, не захочетъ отпустить подчиненнаго съ огорченіемъ. Онъ всталъ и, положа мнѣ руку на плеча, говорилъ: «Вы, батюшка, говорите, какъ добрый и честный человѣкъ; но мнѣ надобно соображаться съ правдою». Послѣ сего я еще началъ убѣждать, такъ что, наконецъ, онъ сказалъ: «Ну, быть такъ! Соглашаюсь лучше уволить его съ удовольствіемъ, нежели съ печалію. Доложу Государю». Въ самомъ дѣлѣ, на третій день послѣдовалъ Высочайшій указъ, сходный съ желаніемъ Прянишникова. Но я ему, при поздравленіи, о моемъ ходатайствѣ не говорилъ, радуясь по совѣсти, что счастливый случай доставилъ мнѣ сдѣлать добро своему товарищу. Хвала да будетъ единому Господу вселенныя: Онъ—всему причина и источникъ всякаго добра.

Салтыковъ при императрицѣ Екатеринѣ II-й, кажется, съ Полянскимъ [26]) былъ посланъ для усовершенствованія въ наукахъ во Францію. Жилъ два года, какъ онъ мнѣ самъ сказывалъ, у г. Волтера, напитался его мыслями и правилами и также, какъ Радищевъ, рѣдко соглашался съ мыслями нашими по комискимъ дѣламъ и заключеніямъ. Изъ Москвы за какія-то порочныя дѣла и взятіе лишнихъ процентовъ былъ сосланъ, послѣ возвращенъ и опредѣленъ въ Комисію. Онъ написалъ двѣ книжки напечатанныя: «Умъ безъ разума бѣда» и еще «Горе разуму безъ ума». Былъ человѣкъ не глупый, но приверженный къ свободомыслію Французскому, выписывалъ много изъ указныхъ книгъ; но какъ онъ, такъ Радищевъ и Пряничниковъ, никакихъ особыхъ частей для составленія Уложенія не имѣли и упражнялись на полной свободѣ [27]).

[26]) Полянскій, Василій Ипатьевичъ. О немъ много говоритъ Добрынинъ въ своихъ Запискахъ (Русск. Старина, т. IV, 1871 г.).

[27]) Борисъ Михайловичъ Салтыковъ былъ одинъ изъ пяти сыновей сенатора и президента Камеръ-Колегіи Михаила Михайловича Салтыкова отъ брака его съ дочерью барона Петра Шафирова. (Росс. Родосл. книга кн. Петра Долгорукова ч. II, стр. 75, № 95 и стр. 76 № 123). По словамъ Н. В. Сушкова Борисъ Михайловичъ до открытія гимназіи при Моск. университетѣ, т. е. до 26 Апрѣля 1755 года учился въ пансіонѣ лютеранскаго пастора Литкена (Москов Унив. Благородный Пансіонъ etc. М. 1858, стр. 8); затѣмъ поступилъ въ Университетскую гимназію. 6-го Марта 1757 года въ Университетѣ происходилъ актъ, на которомъ былъ устроенъ диспутъ на Французскомъ языкѣ изъ Права Естественнаго между учениками, приватно учившимися у профессора Дильтея, Борисомъ Салтыковымъ и Петромъ Безобразовымъ. Имъ возражали на тезисы профессоры и посторонніе ученые изъ присутствовавшихъ; бойкостію отвѣтовъ эти ученики изумили собраніе (Исторія Московск. Университета С. Шевырева М. 1855, стр. 28). 15-го Іюня 1757 года директоръ Университета И. И. Мелиссино, отправляясь въ Петербургъ, взялъ съ собою въ награду за успѣхи и прилежаніе для представленія куратору И. И. Шувалову двоихъ студентовъ и лучшихъ учениковъ дворянской гимназіи. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Борисъ Салтыковъ. „Для лучшаго ободренія и поощренія учащагося юношества въ наукахъ“ императрица Елисавета Петровна пожаловала представленныхъ ей учениковъ чинами. Борисъ Салтыковъ произведенъ былъ въ армейскіе прапорщики (тамъ же, стр. 48). Молодые люди, достойно кончившіе курсъ, возбуждали участіе въ Шуваловѣ. Прапорщикъ Борисъ Салтыковъ былъ имъ отправленъ въ 1761 г. въ Женеву съ жалованьемъ 350 р. отъ Университета для продолженія ученія. Салтыковъ былъ посредникомъ въ сношеніяхъ Шувалова съ Вольтеромъ по случаю сочиненія симъ послѣднимъ Исторіи Петра Великаго: онъ привозилъ Вольтеру письма, историческіе матеріалы, чай и Русскіе мѣха отъ Шувалова. Изъ устъ молодаго человѣка Вольтеръ любилъ слушать восторженныя похвалы своему Русскому Меценату, какъ онъ называлъ его. Салтыковъ изображалъ Вольтеру прекрасную душу Шувалова, высокій и благодѣтельный его характеръ, любовь къ искусствамъ и покровительство всегда готовое дарованію. Къ Салтыкову иногда прибѣгалъ Вольтеръ съ вопросами въ затруднительныхъ мѣстахъ Исторіи Петра Великаго (тамъ же, стр. 85—86). Впослѣдствіи благодарный ученикъ Московскаго Университета благотворилъ мѣсту своего воспитанія (тамъ же, стр. 118 и 441). Изъ Записокъ А. Т. Болотова видно, что въ 1774 году Б. М. Салтыковъ жилъ въ Москвѣ. Болотовъ характеризуетъ его такъ: „чтожъ касается до меньшого брата Бориса, то составлялъ онъ особу бойкую и хитрую и имѣлъ умъ острый и проницательный“. Отношенія братьевъ Салтыковыхъ къ княгинѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Бѣлосельской, въ которыхъ, надо думать, Борисъ Михайловичъ игралъ главную роль, вызвали слѣдующее сужденіе о немъ Екатерины II: „Что же касается до княгини Бѣлосельской, то вы (писала Екатерина

Мы трое: Ананьенскій, Пшеничный и я, собирая законы по тѣмъ частямъ, о коихъ я выше сказалъ, ожидали распоряженія и правилъ на сочиненіе изъ собранныхъ матеріаловъ общаго уложенія, но графъ Завадовскій мѣшкалъ и не давалъ никакого намъ повелѣнія или наставленія. Я весьма сему удивлялся. Государь, видя недѣйствіе его, спрашивалъ причины, отчего такая медленность происходитъ. Завадовскій принужденъ былъ написать и подать Государю написанный самимъ имъ любопытный меморіалъ, въ которомъ изъяснилъ онъ множество Россійскихъ законовъ, разсѣянность ихъ, трудность привести въ единый составъ и что духъ ихъ весьма несообразенъ съ настоящимъ просвѣщеннымъ уже временемъ; что достиженіе къ совершенному законодательству идетъ почти вѣками, и въ доказательство сего представилъ, что одна императрица Елисавета Петровна уничтожила смертную казнь, тогда какъ всѣ просвѣщенные народы и теперь въ законахъ своихъ сей казни не исключили. Меморіалъ сей прилагаю здѣсь. Послѣ сего чрезъ нѣкоторое время графъ Завадовскій отъ начальства надъ Комисіею уволенъ, а поручено ему было Министерство Просвѣщенія. Онъ былъ человѣкъ добрый, честный, кроткій и при всемъ своемъ умѣ не гордый и не надменный. Въ одно время, когда онъ жилъ на дачѣ по Петергофской дорогѣ, позвалъ всѣхъ насъ къ себѣ обѣдать и чтобъ мы были безъ мундировъ. Я

М. Н. Волконскому) можете дать ей знать, что я, находя ее непреклонну возвратиться къ мужу ея въ домъ, то предаю ее законамъ, и въ семъ я, конечно, болѣе буду смотрѣть на справедливое исполненіе оныхъ, нежели, чтобъ милосердіемъ неумѣстнымъ захотѣла потачку сдѣлать молодымъ людямъ въ развратномъ житьѣ, о чемъ вы не оставите ей дать выразумѣть, дабы она излишне не надѣялась на басни ея совѣтодателей г-дъ Салтыковыхъ, которые сами весьма плохаго поведенія, чего она уже почувствовала, ибо вмѣсто Александра она уже заплатила 9000 р., кои онъ истратилъ изъ академической суммы, Борисъ же нигдѣ не уживается. (Осмнадцатый Вѣкъ, кн. I, стр. 94).

Какъ писатель, Б. М. Салтыковъ извѣстенъ слѣдующими произведеніями: 1) Очевидное ученіе о содержаніи чиселъ, соч. г. Песталоція, пер. съ Нѣмецкаго, 5 частей. СПБ. 1806 г. (Соп. № 8031).—2) Любезному и почтенному незнакомцу отвѣты на два вопроса, помѣщенные въ Сентябрѣ 1806 года въ журналѣ „Любитель Словесности". СПБ. 1806 г. (Соп. № 7972, Плав. № 6377).—3) Доказательство тому, что умъ безъ разума бѣда и объ установленіи новой школы Россійской въ пользу государственныхъ училищъ, которая неминуемо должна превосходить всѣ прочія школы Европейскія. СПБ. въ тип. Ак. наукъ. 1807 г. (Смирд. № 1123. Соп. № 3225. Приведено большое извлеченіе изъ книги).—4) Дополненіе къ доказательству о томъ, что умъ безъ разума бѣда. СПБ. 1807. (Соп. № 12,891).—5) Весьма нужный и полезный совѣтъ родителямъ, учителямъ и студентамъ педагогическихъ институтовъ. СПБ. 1807. (Смирд. № 1437. Соп. № 11046).—6) Разсужденіе о причинѣ малыхъ успѣховъ въ наукахъ нравственныхъ, объ усовершенствованіи теоріи законодательства и пр. СПБ. 1808. (Плав. № 2088). — 7) Планъ публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ. Этотъ проектъ былъ составленъ Б. М. Салтыковымъ въ 1766 году, но оставался въ рукописи и напечатанъ въ 1861 году въ Библіограф. Запискахъ т. III, стр. 70—80.

Статей о Б. М. Салтыковѣ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ. Его біографія, приготовленная для біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго Университета, осталась неизвѣстною для публики. (Рус. Архивъ 1867, стр. 1179).

пріѣхалъ, но товарищи мои не были. Онъ столь благосклонно меня принялъ, какъ бы коротко знакомаго ему человѣка. Самъ водилъ меня по дачѣ, разсказывая многое, достойное вниманія. Когда я пришелъ къ нему въ послѣдній разъ благодарить его за благосклонное со мною обращеніе, онъ одинъ былъ въ кабинетѣ и на благодарное мое изъясненіе сказалъ: «Я весьма вами доволенъ. Вы весьма ревностно и хорошо отправляли свою должность». Провожая меня изъ кабинета въ другую комнату и простясь, вдругъ воротился и, остановя меня, началъ говорить: «Я надѣюсь, что вы, батюшка, дивились, что я въ теченіи многаго времени ничего не сдѣлалъ для законодательства и какъ бы оставлялъ сіе порученіе безъ вниманія».— Я отвѣчалъ, что я, не зная сему никакой причины, полагалъ, что онъ приготовляетъ что либо важное и полезное для руководства нашего.—«Нѣтъ, батюшка, говорилъ онъ, препятствуетъ сему другой случай. Я васъ люблю, надѣюсь на вашу скромность и рѣшаюсь открыть вамъ то, чего другому не скажу. Вы служили при дворѣ?»— Когда я отвѣчалъ, что совсѣмъ не служилъ, то онъ продолжалъ: «слѣдственно вы не можете знать тамошнихъ дѣяній и всѣхъ оборотовъ; а я, говорилъ онъ, знаю дворъ весьма хорошо. И такъ открываю вамъ мое предчувствіе, что Государь нашъ еще молодъ, неопытенъ и окруженъ безпрестанно молодыми и военными людьми, и ему некогда заниматься толь важнымъ дѣломъ, каково законодательство, которое едвали, какъ я примѣчаю, въ царствованіе его и кончиться можетъ». Говоря сіе, положилъ онъ свои руки на мои плеча и, цѣлуя меня, повторилъ о моей скромности, пожелавъ мнѣ здоровья и успѣха во всемъ.

Забылъ я прежде написать: Государь далъ ему печатный экземпляръ Прусскаго Уложенія, и Комисія для перевода его платила переводчикамъ за каждый листъ извѣстную сумму; но переводъ сей остался неоконченнымъ, ибо не сыскалось тогда столь хорошо знающаго, чтобы перевести законы, имѣющіе особые термины и техническія выраженія. Самые лучшіе и переводящіе всякія книги кромѣ законовъ отрекались отъ послѣднихъ. Покойный сынъ мой знаетъ (?) Нѣмецкій языкъ довольно, перевелъ, но также не столь хорошо, какъ бы надобно было.

Послѣ сего Комисія поступила подъ начальство Гаврила Романовича Державина. По представленію его Государь изволилъ произвесть Ананьевскаго въ тайные, а меня въ статскіе совѣтники. Наконецъ, на мѣсто г. Державина опредѣленъ князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Онъ весьма мало занимался ею, и мы оставались безъ всякаго руководства. Я, видя, что и то, что̀ мы въ особомъ прежде упомянутомъ комитетѣ о сокращеніи канцелярскаго порядка сдѣлали, оставалось какъ бы погребеннымъ, размышляя, находилъ, что медленность въ теченіи дѣла и причины неправосудія

происходили не столько отъ порядка канцелярскаго, какъ отъ самаго неустройства и (не)сходства вновь учрежденныхъ министерствъ съ постановленіями о Сенатѣ и о губернскихъ мѣстахъ, и что малое, даже скудное, жалованье доводитъ до лихоимства и что всему этому виною само правительство и, изобразя справочныя цѣны на всѣ жизненные припасы и матеріалы съ начала 1763 года, когда Екатериною II установлены были штаты, доказалъ, что, дабы сравнилось нынѣшнее жалованье съ тѣмъ, надобно прибавить всякому чиновнику почти впятеро противъ 1763 года; и потому, хотя и дерзко, написалъ, что, ежели бы правительство приводило къ присягѣ человѣка, чтобъ онъ никогда не пилъ и не ѣлъ, и онъ бы принялъ такую въ невозможности клятву, а послѣ несохраненіе ея начали бы наказывать, подобно сему и чиновника, опредѣляя на скудное и невозможное для содержанія его жалованье, правительство, допуская къ клятвѣ, можетъ ли за лихоимство по самой справедливости наказывать, когда оно само видѣло, что исполнять ему той клятвы невозможно? Сверхъ сего показалъ я, сколькими милліонами народа чрезъ военное пріобрѣтеніе увеличилась Россія съ 1763 года. По умноженіи же народа умножились тяжбы и дѣла, но Сенатъ остался въ прежнемъ положеніи и жалованьи; кромѣ того, что и самое существо дѣла такъ перемѣшано. что одинъ департаментъ дѣлаетъ то, что̀ другому принадлежало. Все сіе въ подробности изобразилъ я въ пространной запискѣ, которая здѣсь особо прилагается, и подалъ князю Лопухину. Князь прочиталъ и, видя справедливость, подалъ Государю докладъ, чтобы существующіе тогда для рѣшенія старыхъ дѣлъ, временные Сената департаменты, установить вѣчными и присоединить къ составу общему. Чрезъ сіе послѣдовало новое образованіе, и какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ прибавилось по два департамента, но жалованье положено тоже, что̀ было и въ 1763 году. Впрочемъ дѣла, перемѣщенныя согласно съ моимъ мнѣніемъ, переданы изъ одного департамента въ другой по принадлежности. Вотъ чѣмъ кончился комитетъ о канцелярскомъ порядкѣ.

Прежде я забылъ, а теперь вспомнивъ, долженъ упомянуть, что бывшій въ томъ комитетѣ сенаторъ Козадавлевъ, видя, что собраніе толкуетъ только объ однихъ какъ бы отрывкахъ, открылъ свое мнѣніе, чтобъ лучше прежде всего поручить мнѣ написать общій проектъ, а потомъ уже по оному трактовать о удобствѣ и неудобствѣ теченія дѣлъ. Я недѣли въ двѣ, ночи въ три написалъ сей проектъ, но сдѣлалъ непростительную ошибку; ибо мимо г. Державина отдалъ его прежде просмотрѣть г. Козадавлеву. Державинъ, узнавъ сіе, весьма былъ недоволенъ, и я тогда же узналъ свою ошибку и, хотя для исканія награды лучше бы мнѣ было подать прежде Державину, но я.......... думалъ, что Державинъ, обреме-

ненный болѣе всѣхъ дѣломъ, не столько можетъ войти, сколько Козадавлевъ. Вотъ простосердечіе до чего доводитъ! И хотя ошибка сія была невинна и ничего худаго для меня не произвела, но и добра никакого не сдѣлала; ибо Державинъ, бывъ какъ бы оскорбленнымъ, не сталъ уже ревностно заниматься, откладывалъ еженедѣльныя собранія, а наконецъ и совсѣмъ проектъ мой былъ оставленъ безъ разсмотрѣнія. И такъ, по пословицѣ, труды и подвиги брошены подъ ноги. Часто я въ послѣдствіи моей жизни по должностямъ подвергался подобнымъ ошибкамъ, болѣе отъ того, что, не занимаясь искательствомъ подлымъ и усердствуя къ должностямъ, открывался тѣмъ, коихъ считалъ умными и усердными, а между тѣмъ сильные всему тому мѣшали и пренебрегали. Изъ сихъ опытовъ я поздно узналъ, что, ежели подчиненный хочетъ снискать что-либо, то прибѣгай съ трудами, хотя не къ умному и усердному, но болѣе сильному человѣку: онъ, трудъ его присвоивъ себѣ, хотя не наградитъ, но и зла дѣлать не будетъ. Такъ какъ и князь Лопухинъ о преобразованіи Сената сходно съ моими мыслями подалъ докладъ отъ себя, и Государь, конечно, его благодарилъ, а мнѣ и спасибо не сказано. Вотъ какая наука въ свѣтѣ и чему подверженъ чиновникъ трудящійся, усердствующій, но не имѣющій покрова и защиты.

Въ 1804 году, живущій и служащій въ Лифляндіи надворный совѣтникъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ [28]), учившійся правовѣдству въ Германіи, началъ переписку съ сенаторомъ Козадавлевымъ, показывая свою способность и искательство на составленіе законовъ для Россійской имперіи. Въ сіе же время былъ въ довѣренности у Государя дѣйствительный камергеръ Николай Николаевичъ Новосильцовъ. Онъ былъ племянникъ графу Александру Сергѣевичу Строгонову, воспитывался съ малолѣтства вмѣстѣ съ Государемъ, а потому и жилъ во дворцѣ. Ему поручаемы были всѣ дѣла отъ Государя. Козадавлевъ, какъ исключительный (?) человѣкъ, съ нимъ познакомился, рекомендовалъ ему Розенкампфа, возбудилъ въ Новосильцовѣ мысль заступить начальство надъ Комисіею. Государь, желая совершить уложеніе, опредѣлилъ въ помощники князю Лопухину Новосильцова съ тѣмъ, чтобы сей болѣе всего занимался Комисіею. Написанъ былъ докладъ Государю, въ коемъ изображены были упражненія Комисіи съ начала ея учрежденія по настоящее время, представленъ штатъ съ раздѣленіемъ законоположенія на части, назначены были рефендаріи, редакторы съ ихъ помощниками,

[28]) Баронъ Густавъ Адольфъ фонъ-Розенкампфъ, р. 6 Января 1762 г. въ Лифляндіи, ум. 16 Апрѣля 1832 г. въ Петербургѣ (Recke und Napiersky Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexicon). Онъ былъ товарищемъ Козадавлева по Лейпцигскому университету. Оцѣнка дѣятельности Розенкампфа какъ юриста по составленію собранія законовъ сдѣлана у г. Карновича въ Русск. Старинѣ, т. X, стр. 415—416. Козадавлевъ тоже Нѣмецъ.

многое число переводчиковъ; ибо Розенкампфъ не зналъ не только Русскаго языка, но и говорить по-русски съ великою нуждою только могъ. До конфирмаціи сего штата, о коемъ мы не знали, въ одинъ назначенный день князь Лопухинъ съ Новосильцовымъ пріѣзжаютъ въ Комисію, осматриваютъ всѣ наши упражненія и, не упоминая о готовимой ими перемѣнѣ, уѣзжаютъ. Мы ожидаемъ лучшихъ наставленій, но вмѣсто того докладъ со штатомъ конфирмуется, и данъ Сенату указъ, чтобы всѣхъ насъ уволить съ пенсіонами по смерть: Ананьевскому по 1.000 рублей, Пшеничнаго и меня по 750 рублей, а Салтыкова по 500 рублей.

Сія неожидаемая перемѣна поразила меня чрезвычайно; ибо я, безъ хвастовства скажу, усердствовалъ и трудился болѣе другихъ. Розенкампфъ назначенъ старшимъ рефендаріемъ, вторымъ—надворный совѣтникъ, нынѣ тайный совѣтникъ, Яковъ Александровичъ Дружининъ; опредѣлены также многіе изъ Нѣмцевъ и Французовъ, а малая часть изъ Русскихъ. Первое упражненіе новой Комисіи состояло въ томъ, что разосланы ко всѣмъ губернаторамъ и въ присутственныя мѣста вопросы, какимъ порядкомъ у нихъ производятся дѣла и по какимъ точно законамъ? Вопросы сіи ясно показывали, что тѣ, кои ихъ писали, совсѣмъ не знали Русскихъ законовъ и судопроизводства и были подобно младенцамъ, когда они, приходя въ нѣкоторый разсудокъ, вопрошаютъ нянекъ и матерей своихъ о всѣхъ предметахъ, имъ встрѣчающихся. Публика тогда же заключила, что отъ сихъ людей не только законоположенія, но и ничего ожидать не можно. Князь Лопухинъ, видя довѣренность Новосильцова у Государя, показывалъ наружное только благопріятство, соглашаясь на всѣ выдумки Новосильцова, и сей послѣдній, хотя былъ добрый и умный человѣкъ, но не бывшій ни при какихъ должностяхъ и не учась юриспруденціи, соглашался также на все то, что̀ Розенкампфъ ни представитъ. Вотъ начало новой Комиссіи! Я былъ тогда въ крайнемъ положеніи. Семейство мое состояло изъ жены, сына, дочери и еще воспитанницы Катерины.... переѣхавши изъ дома Турчаниновыхъ въ седьмую линію въ домъ Евдокимовыхъ, состоящій на Васильевскомъ Острову противъ Гостиннаго двора. За одну квартиру платить было должно 600 рублей. Сынъ уже былъ женатъ и служилъ въ канцеляріи генералъ-прокурора, но по малому, изъ 700 рублей, жалованью содержать себя съ женою не могъ, а жилъ со мною и на моемъ содержаніи. Цѣлые семь мѣсяцевъ я бѣдствовалъ и горевалъ, подавалъ на Высочайшее имя не одинъ разъ прошеніе князю Лопухину и Новосильцову о прибавкѣ мнѣ пенсіона, но не могъ сыскать вниманія и милости. Наконецъ объявлено мнѣ, что я могу вступить къ должности въ новую Комисію и что пенсіонъ мнѣ назначенный будетъ производиться сверхъ жалованья. Жена моя плакала и внутренно чрезмѣрно сокрушалась и,

кажется, отъ сей горести тогда началась у ней неизлѣчимая болѣзнь въ самой груди, называемая ракомъ. Нечего было дѣлать, надобно согласиться, но прежде показать свою способность. Познакомился я съ рефендаріемъ Дружининымъ, который былъ правителемъ канцеляріи у Новосильцова, часто къ нему ходилъ и ѣздилъ. Благодареніе Богу! Онъ Новосильцова и князя упросилъ о принятіи меня, а для испытанія далъ мнѣ вопросы или маргиналы о законахъ разныхъ Европейскихъ народовъ, и противу ихъ каждый редакторъ по своей части долженъ былъ отвѣтствовать выписками изъ подлинныхъ Россійскихъ законовъ, дабы по собраніи всего такимъ способомъ узнать недостатокъ или полноту нашихъ законовъ, а потомъ уже приступить къ составленію общаго уложенія. Я, получа отъ Дружинина вопросы, болѣе мѣсяца собиралъ законы объ опекахъ и попечительствахъ, написалъ не только подробные отвѣты со включеніемъ законовъ, но даже сдѣлалъ такія примѣчанія, которыхъ нѣтъ ни въ вопросахъ, ни въ законахъ. Въ Комисіи было все то разсматриваемо и найдено, что, буде и всѣ редакторы такимъ образомъ отвѣчать будутъ, то скоро можетъ окончиться составъ. Доложено было Государю, и Его Величество повелѣть соизволилъ опредѣлить меня редакторомъ съ жалованьемъ по 2.500 рублей, пенсіонъ же получалъ я сверхъ того. Поблагодаря князя, Новосильцова и особенно Дружинина, помогавшаго въ моей крайности, явился я къ Розенкампфу. Онъ жилъ въ казенномъ домѣ, купленномъ для Комисіи на Литейной, въ которой и теперь помѣщается канцелярія Государя по законной части [29]). Послѣ сего Розенкампфъ, видя, что прочіе редакторы познанія о законахъ и судопроизводствѣ не имѣютъ, началъ давать мнѣ вопросы или маргиналы по всѣмъ частямъ. 1) я собралъ уголовную часть съ судопроизводствомъ; 2) гражданскую съ судопроизводствомъ; 3) вотчинную или о недвижимыхъ и движимыхъ имѣніяхъ съ изъясненіемъ, какимъ образомъ сіи дѣла производятся отлично отъ прочихъ; 4) собиралъ я сверхъ того по всѣмъ случаямъ законы и дѣлалъ множество примѣчаній и отвѣтовъ, такъ что въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ болѣе двадцати книгъ составилось. Всѣ они за подписаніемъ моимъ ежегодно представляемы были Государю; для перевода ихъ на Нѣмецкій языкъ, дабы Розенкампфъ могъ имѣть объ нихъ понятіе, трудилось до десяти переводчиковъ. Денегъ на жалованье и на расходы Комиссіи употреблялось великое количество. Удивительно было смотрѣть, какъ человѣкъ, не знающій Русскаго языка, его законовъ, обычаевъ и нравовъ, опредѣленъ былъ къ составленію законовъ величайшей въ свѣтѣ Имперіи! Полезно или неполезно сіе было, но надобно было повиноваться. Розенкампфъ, какъ

---

[29]) Нынѣ домъ II-го Отдѣленія.

искательный человѣкъ, производимъ былъ скоро въ колежскіе, въ статскіе и дѣйствительные статскіе совѣтники, кромѣ ежегодныхъ подарковъ и пенсіи въ 2000 рублей и кромѣ того, что онъ жилъ въ казенномъ домѣ съ дровами, свѣчами и со всѣми даже на прихотливыя затѣи издержками. Я же трудясь оставался безъ вниманія, бывъ статскимъ совѣтникомъ и членомъ Комисіи, принужденъ подчиниться надворному совѣтнику, терпѣть и сносить иногда непріятности. Богъ меня подкрѣплялъ и давалъ мнѣ усердіе и силу доказать познаніе мое, чрезъ что снискалъ противу всѣхъ нѣкоторое уваженіе. Впрочемъ, въ теченіи восемнадцати лѣтъ Розенкампфъ научился Русскому языку: говорить, читать и писать. Хотя онъ былъ трудолюбивъ и зналъ Нѣмецкую юриспруденцію, но при всякомъ проектѣ, не смотря на собранные мною законы, всегда писалъ изъ духа Нѣмецкихъ, а не нашихъ законовъ, и всѣ его собранія и большая часть проектовъ его составлялась о правахъ Нѣмцевъ и иностранцевъ, прибывшихъ въ Россію. Словомъ заключить, что и начальники не обращали вниманія на мое собраніе и никогда ни слова въ теченіи двадцати лѣтъ не говорили, худы или хороши Русскіе законы. Государь, желая снабдить Комисію всѣми достаточными свѣдѣніями, купилъ большую библіотеку и, кажется, заплатилъ до 50,000 р. Изъ нея множество книгъ похищено или пропало отъ небреженія: ибо всякій бралъ, чтò хотѣлъ, безъ росписки и безъ счету. Даже многія мои собранія изъ законовъ взяты были другими и не сысканы, отъ того что въ Комисіи совсѣмъ не сохранялся порядокъ и болѣе походило на ученую школу, нежели на мѣсто присутственное; а опредѣленіе и перемѣны чиновниковъ и болѣе всего иностранцевъ были весьма частыя, чины давались и жалованье производилось за ничто; даже, наконецъ, приняты были двое изъ мастеровыхъ съ фальшивыми атестатами отъ Дерптскаго университета, называвшихъ себя въ восьмомъ классѣ (послѣ отрѣшены и разжалованы). Домъ почти каждый годъ переправлялся, и починочная сумма отпускалась сверхъ штата. Ежелибъ вдругъ купить бумаги, сургуча, перьевъ, карандашей и прочихъ матеріаловъ на такую сумму, какая въ двадцать слишкомъ лѣтъ издержана, то-бъ верхняго этажа для помѣщенія всего этого едва-ли-бъ достало. Куда же все это дѣвалось и чтò написано? Осталось только около пятидесяти книгъ моего содержанія собранія, но изъ тѣхъ многія растеряны и растасканы, такъ что я иногда и въ другой разъ доставлять былъ долженъ. Опредѣлены были изъ ученыхъ кореспонденты, живущіе въ отдаленныхъ городахъ и за-границею съ жалованьемъ безъ всякой пользы, такъ что я строчки не видалъ, чтобъ они къ составу законовъ доставили.

Въ 1806 году Розенкампфъ убѣдилъ князя Лопухина и Новосильцова учредить при Комисіи юнкерскую школу. Государь на сіе

соизволилъ. При одномъ испытаніи приглашенъ былъ и я. Князь говорилъ учителямъ, что они могутъ заимствовать познанія о Россійскихъ законахъ изъ собранія, сдѣланнаго мною. Послѣ при совершенномъ открытіи Государь, весь его штатъ, министры, Синодъ, Сенатъ и всѣ знаменитые чиновники собрались въ Комисію. Въ школѣ говорена предъ Государемъ рѣчь о пользѣ ученія законодательства и какіе отъ того для отечества могутъ произойти плоды. Въ одной комнатѣ Комисіи поставлены были два стола и на нихъ положены были книги, прежде подносимыя Государю, заключающія собранія мои изъ законовъ по даннымъ маргиналамъ. Новосильцовъ, располагаясь ко мнѣ весьма хорошо, прежде прибытія Государя сказалъ, чтобъ я, когда Государь изъ школы выйдетъ, стоялъ возлѣ его, Новосильцова, и отъ него не отходилъ. Государь, выслушавъ рѣчь, вышелъ и сѣлъ противъ стола, на которомъ были книги и, каждую посмотря, обратился ко мнѣ, спросилъ съ милостивымъ благоволеніемъ: «Это вы собрали? Я доволенъ трудомъ вашимъ. Скажите теперь, можно ли изъ сего вашего собранія составить Уложеніе?» Я съ благоговѣніемъ доносилъ, что легко можно сдѣлать, кромѣ нѣкоторыхъ недостатковъ на разрѣшеніе.......... случаевъ, которые однакоже я дополнялъ частными рѣшеніями, бывшими о сихъ случаяхъ, и что я по вопроснымъ маргиналамъ для совершеннаго отвѣта извлекать былъ долженъ изъ многихъ Россійскихъ законовъ по частямъ, дабы составить полный отвѣтъ. Когда же въ Уложеніи извлечено будетъ изъ многихъ законовъ одинакое положеніе, то множество ихъ уничтожится, и Уложеніе вмѣсто сихъ обширныхъ книгъ заключится въ одной небольшой книгѣ, но достаточной на рѣшеніе всѣхъ дѣлъ и случаевъ. Государь, выслушавъ меня и вставъ съ своего мѣста, сказалъ Новосильцову и князю: «Зачѣмъ же теперь останавливаться, когда все собрано? Прошу приступить къ сочиненію Уложенія». Выступая на середину комнаты, Государь изволилъ вслухъ сказать: «Ильинскому за труды и усердіе орденъ 2-й степени св. Анны». Все сіе видѣли и слышали первостепенные военные чиновники, министры, сенаторы, митрополиты, архіереи и множество другихъ отличныхъ и ученыхъ чиновниковъ, такъ что не только та зала, гдѣ былъ Государь, но и другія комнаты наполнены были. Я поклонился Государю, благодаря за милость. Государь, подошедъ къ Лопухину, паки посмотрѣлъ на меня съ благоволеніемъ, спросилъ у князя, гдѣ Циммерманъ, служащій у насъ же въ Комисіи редакторомъ. Когда Государь шелъ съ Лопухинымъ и всѣмъ собраніемъ въ большую комнату, гдѣ заготовленъ былъ великолѣпный завтракъ, то Новосильцовъ, обратясь къ сослуживцамъ моимъ, стоящимъ еще въ той комнатѣ, гдѣ сидѣлъ Государь, сказалъ имъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: «Вотъ Господь видитъ, что ежелибъ г. Ильинскій не трудился и не собралъ сихъ книгъ, то бъ Го-

сударю нечего было и показать, отъ того, что всѣ вы не показываете равнаго усердія». Потомъ повелъ меня въ ту комнату, гдѣ былъ завтракъ, на которомъ выпилъ за здоровье Государя бокалъ Шампанскаго. Тогда всѣ обращали на меня любопытные взоры, и любочестіе мое утѣшалось тѣмъ, что въ сей день я одинъ какъ бы угостилъ Государя пріятнымъ для сердца его трудомъ и составилъ предметъ торжества. Товарищи мои не были завистны.......... а князь Лопухинъ, видя публично доброе ко мнѣ отъ Новосильцова расположеніе, не такъ-то пріятно глядѣлъ на меня, думая, что я сего искалъ; но я не только не искалъ ничего отъ Новосильцова, но и въ мысляхъ моихъ не полагалъ другаго, какъ только усерднѣйшимъ образомъ споспѣшествовать трудами и всѣми познаніями столь полезнѣйшему для отечества дѣлу, искренно желая скораго окончанія. Послѣ сего и когда Государь публично приказалъ дать мнѣ орденъ, я надѣялся, что князь или Новосильцовъ, написавъ рескриптъ и за подписаніемъ Государя, пришлютъ ко мнѣ съ орденомъ немедленно; вмѣсто того ожидая мѣсяцъ, ожидая другой и третій, ордена не получилъ. Новосильцовъ, увидя меня, спросилъ, почему я безъ ордена. Я отвѣчалъ, что не имѣю. «Вы бы попросили князя, говорилъ онъ, я къ нему послалъ рескриптъ для подачи къ подписанію». Отвѣчалъ я, что мнѣ просить стыдно уже тогда, когда Государь самъ велѣлъ дать. «Хорошо, сказалъ Новосильцовъ, я князю скажу». Но и послѣ сего прошло пять мѣсяцевъ, а ордена я не получилъ. Между тѣмъ князь Лопухинъ спросилъ сына моего, служившаго у него въ канцеляріи: «отецъ твой имѣетъ ли какой орденъ»? и, получа въ отвѣтъ, что не имѣю, замолчалъ, и сіе сдѣлалъ онъ для того, дабы дать мнѣ знать, что безъ подлаго у него исканія я получить ничего не могу, хотя Государь велѣлъ и хотя бъ Новосильцовъ былъ ко мнѣ расположенъ. Вотъ какой случай былъ со мною, и вотъ какъ уважаютъ Государя сильные вельможи! Я, услыша отъ сына о вопросѣ князя, не захотѣлъ къ нему идти просить, а молчалъ и терпѣлъ. Когда прошелъ годъ и князю надобно было представить Государю о дачѣ орденовъ другимъ чиновникамъ по своей канцеляріи и Сенату, то нельзя уже было ему меня пропустить, и онъ въ числѣ прочихъ отъ него рекомендованныхъ включилъ и меня, и я по полученіи ордена принужденъ былъ ѣздить къ нему на дачу и благодарить его, какъ бы за милость отъ него полученную; милость же и благоволеніе, Государемъ публично оказанныя, и обращеніе почелъ въ ничто, и онъ на дачѣ мнѣ, хотя не совсѣмъ ясно, говорилъ, подавая знать, чтобъ я держался только его. Никто сему происшествію не повѣритъ, ибо можно ли отмѣнить публичную волю Государя, и еще не только при публикѣ, но и при любимцѣ его Новосильцовѣ объявленную? Съ сего времени хотя я собиралъ и дѣлалъ съ обыкновенною поспѣшностію, но, увидя, что все дѣй-

ствуютъ однѣ интриги и подлость, я началъ приходить въ какое-то равнодушіе и холодность, не ища ничего ни у князя, ни у Новосильцова. Между тѣмъ Розенкампфъ рѣдкій день у нихъ не бывалъ, а я по полугоду не заглядывалъ въ ихъ комнаты.

Здѣсь включу старый, но любопытный случай, касающійся нѣсколько и до моей службы. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ сюда изъ Пскова, былъ я у г. Державина. Къ нему пришелъ бывшій здѣсь губернскимъ прокуроромъ Харламовъ съ... запискою и родословною по дѣлу о имѣніи жены его изъ роду Еропкиныхъ. Державинъ, разсматривая, читая и говоря съ нимъ, когда я молчалъ, вдругъ относится ко мнѣ, говоря: «Ты, Ильинскій, служа въ губерніи, конечно, знаешь вотчинныя дѣла. Посмотри съ ними и скажи истину, какъ ты находишь сіе дѣло»? Я прочелъ записку и, разсматривая родословную сказалъ, что, ежели онѣ написаны праведно, то жена Харламова имѣетъ неоспоримое право на имѣніе, оспариваемое другими соперниками. Державинъ, выслушавъ мои доказательства о существѣ на таковые случаи нашихъ законовъ, далъ Харламову слово, что онъ, какъ сенаторъ, будетъ въ пользу его защищать. Съ сего времени дѣло сіе лѣтъ около пяти продолжалось и мнѣ въ теченіи его совсѣмъ было неизвѣстно. Однажды надобно мнѣ было идти къ Новосильцову во дворецъ. Тамъ я засталъ знакомаго мнѣ генералъ-рекетмейстера Бороздина, бывшаго послѣ сенаторомъ; въ кабинетѣ же у Новосильцова былъ государственный казначей или министръ финансовъ Голубцовъ. Новосильцовъ, его провожая, пригласилъ Бороздина. Съ нимъ онъ долго говорилъ, а я оставался въ ожиданіи выхода Бороздина. Новосильцовъ, прощаясь съ нимъ, пригласилъ меня. Я увидѣлъ на столѣ разложенныя бумаги и родословныя о дѣлѣ Харламова. Новосильцовъ сказалъ, что ему нужно со мною посовѣтоваться и чтобъ я, просмотря родословную, существа дѣлъ, заключеніе Бороздина, сходно съ которымъ данъ былъ и указъ Сенату за подписаніемъ Государя, увѣрилъ его, справедливо ли онъ согласился съ Бороздинымъ и поднесъ Государю указъ для подписанія. Съ перваго взгляда я вспомнилъ тотъ случай, который былъ у г. Державина и, разсмотря вновь, нашелъ, что заключеніе Бороздина и указъ данъ неправедно. «Ахъ, Николай Степанычъ, говорилъ Новосильцовъ, я положился на знаніе Бороздина, а теперь вотъ сколько просьбъ вступило отъ жены Харламова». Она прислала къ Государю, къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и, помнится, къ великому князю Константину Павловичу. Государь на каждой изъ нихъ отмѣтилъ своей рукою, чтобъ Новосильцовъ разсмотрѣлъ внимательно и немедленно доложилъ Его Величеству. Отдавъ мнѣ всѣ бумаги и всѣ прошенія, Новосильцовъ велѣлъ мнѣ сдѣлать выписку изъ законовъ и чтобъ я съ ними пришелъ въ 12 часовъ на другой день въ Комисію, а онъ, между тѣмъ, велитъ Розенкампфу и другимъ редакторамъ, Нѣмцу и

Французу, приготовить такія же выписки изъ законовъ иностранныхъ о подобномъ же случаѣ. На другой день мы собрались. Новосильцовъ пріѣхалъ и, когда выписку мою и доказательства выслушали, нашелъ, что я говорю правду и что во всѣхъ законахъ полагается тоже самое. Новосильцовъ, видя, что произошла великая ошибка и что перемѣнить уже даннаго Высочайшаго указа не можно, доложилъ Государю, чтобы для лучшей достовѣрности приказалъ разсмотрѣть все дѣло Государственному Совѣту. Совѣтъ, находя заключеніе мое правильнымъ, а указъ не на законѣ основаннымъ, сдѣлалъ секретный журналъ, съ котораго копія у меня есть и при семъ прилагается, заключая, что именнаго подписаннаго указа отмѣнить уже не можно: потому что, буде одинъ указъ отмѣнится, то........ которые, дабы дѣламъ будутъ оспариваемы, а чрезъ сіе поколеблется самая основа государственнаго правленія, а собственность каждаго подвергнется вновь тяжбамъ и спорамъ, и потому не благоугодно ли будетъ Государю указъ оставить въ своей силѣ, а жену Харламова, лишившуюся чрезъ сіе имѣнія недвижимаго, удовлетворить по оцѣнкѣ деньгами. Государь изволилъ на сіе согласиться. По оцѣнкѣ открылось, что надобно было заплатить около ста тысячъ рублей. Совѣтъ, получа оцѣнку, паки чрезъ секретный журналъ докладывалъ Государю о выдачѣ сей суммы, и Государь далъ указъ, помнится, своему кабинету. Вотъ что дѣлаетъ незнаніе, неспособность чиновника, а, можетъ быть, и злоупотребленіе по корысти! Сколько государство терпитъ отъ того вреда и сколько терпятъ частные люди! Харламова послѣ того встрѣчалась со мною, благодарила за справедливость, но между тѣмъ недовольна была выдачею столь знатной за 225 душъ суммы. Правда, что она должна была напрасно продолжать тяжбу около пятнадцати лѣтъ и терпѣть убытки, кои въ оцѣнку имѣнія не поступили.

Новосильцовъ, по сему или по другому какому неизвѣстному мнѣ со стороны Государя неудовольствію, сосланъ былъ изъ дворца и жилъ на квартирѣ въ Луговой-Миліонной. Онъ человѣкъ былъ добрый и умный. При дядѣ его Александрѣ Сергѣевичѣ Строгоновѣ, который былъ директоромъ Академіи Художествъ, находился статскій совѣтникъ Александръ Өедоровичъ Бестужевъ, который былъ со мною весьма друженъ, жилъ близко меня въ академическомъ деревянномъ домѣ. Человѣкъ очень умный, ученый и добрый, Новосильцову преданный.

Отступя отъ настоящаго о Комисіи повѣствованія, скажу одно происшествіе.

Государь съ Кочубеемъ, Новосильцовымъ и другими ѣздилъ по губерніямъ, отъ Польши пріобрѣтеннымъ. Пріѣхавши въ Минскъ, гдѣ были губернаторомъ Карнѣевъ, а вице-губернаторомъ мой пріятель, служившій со мною въ Псковѣ, Соколовскій, Государь при-

гласилъ ихъ къ столу и между прочимъ спрашивалъ, почему тамъ продается соль дорогою цѣною. Соколовскій доносилъ, что въ губерніи по разнымъ городамъ разная цѣна соли. Государь (не зная), что тамъ соль не Русская, а привозная изъ за границы, почелъ, что прибавленіе цѣны назначенной въ Россійскихъ губерніяхъ есть злоупотребленіе и корысть, велѣлъ г. Соколовскаго безъ всего отставить отъ должности. Конечно, что и сверхъ сего, по нападкамъ губернатора, много на него насказано было за то, что онъ имѣлъ справедливое сердце, мѣшалъ корыстоваться. Узналъ я о сей отставкѣ изъ указа, даннаго Сенату; а Соколовскій, не зная о судьбѣ своей, ко мнѣ не писалъ. Однако, судя о таковомъ непріятномъ случаѣ, я просилъ Бестужева, чтобы узнали отъ Новосильцова, за что Соколовскій отставленъ и, какъ онъ ему отвѣчалъ, что за неправедную продажу разными цѣнами соли, то я объяснилъ, что сіе происходило по законному постановленію, для того, что соль не Русская и продается не по одинаковой цѣнѣ, а во что каждый пудъ обойдется. Просилъ я Бестужева, чтобъ онъ изъяснилъ, сколь неправедно поступлено съ Соколовскимъ и, какъ бѣдный человѣкъ, то хотя..... пенсіонъ испросилъ. Новосильцовъ, чувствуя все сіе, доложилъ Государю, и дали указъ о производствѣ (Соколовскому) пенсіона. Соколовскій, не зная ни объ отставкѣ своей, ни о пенсіонѣ, узналъ уже тогда, когда я извѣстилъ его обо всемъ случившемся. Я благодаренъ былъ Бестужеву за помощь моему беззащитному и несчастному пріятелю, а болѣе благодарилъ всеблагаго Бога, давшаго мнѣ случай обрадовать Соколовскаго.

Бестужевъ прежде служилъ въ артилеріи и при Екатеринѣ II, въ послѣдней Шведской войнѣ, былъ жестоко раненъ. Онъ издавалъ вмѣстѣ съ (И. П. Пнинымъ) «Петербургскій Журналъ», который подарилъ мнѣ съ надписью своей руки и еще «Правила о воспитаніи воинскаго юношества». Нравственность......... хорошей....... старался воспитывать отлично. Онъ былъ при строеніи Казанской церкви, и подъ его надзоромъ выливались всѣ бронзовыя украшенія, какія есть въ той церкви. Онъ мнѣ разсказывалъ, что, когда надо было привезти и поднять на мѣсто внутри церкви гранитныя колонны, то иностранцы просили 17000 рублей, но Россійскіе крестьяне подняли посредствомъ воротовъ за 1800 рублей, а чтобы колонны не разбились, они окружили ихъ, какъ пеленами, въ толстыя деревянныя пластины. Вотъ какъ опытъ научаетъ самыхъ простыхъ людей! Бестужевъ скончался въ (Петербургѣ) [30], гдѣ и памятникъ его на

[30]) Годы рожденія и смерти этого писателя въ словаряхъ называются различно. (См. Геннади Справочный Словарь, Берлинъ 1876 т.). На памятникѣ его, на Петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ, въ третьемъ разрядѣ, недалеко отъ церкви, значится: род. 1761 года, Ноября 24 дня, скончался въ 1810 Марта 20 дня.

Смоленскомъ кладбищѣ, близъ моего брата. Сыновья его: Николай, Александръ и......... и почти всѣ при мнѣ родились. Перваго же во флотѣ лейтенантомъ...... и писали весьма хорошо разныя піесы, издаваемыя въ публику, такъ что пришли въ уваженіе Но, какъ видно, возмечтали о своемъ мысленномъ богатствѣ и вступили въ общество возмутителей, открывшееся послѣ кончины Александра I. Первые два сосланы въ Сибирь, а третій, кажется, въ Грузію. Часто я видалъ, что глупый и развращенный наслѣдникъ богатаго имѣнія пропадаетъ отъ того, что не умѣетъ имъ управлять, а также видалъ, что молодые люди, успѣвшіе въ ученіи и снискавшіе (?) отличные таланты, всегда мечтаютъ о себѣ болѣе, нежели должно и, почитая всѣхъ другихъ глупыми, отъ богатства своего мысленнаго также пропадаютъ; а все сіе проистекаетъ отъ того, что религію и нравственность молодые люди пренебрегаютъ и, отвергая ее, вмѣсто нравственности управляются одними буйными страстями.

На мѣсто Новосильцова, помнится, въ 1806 году опредѣленъ помощникомъ министру юстиціи князю Лопухину дѣйствительный статскій совѣтникъ Сперанскій, о которомъ я выше писалъ и который расположенъ былъ ко мнѣ хорошо и до того, что я одинъ разъ по утру, еще до опредѣленія его помощникомъ, зашелъ къ нему въ домъ поздравить съ полученіемъ ордена св. Анны первой степени, онъ, разговаривая со мною....... о многомъ, сказалъ: «Я многихъ почитаю и люблю, но къ тебѣ въ высшей степени благоговѣю и уважаю». Сіе онъ говорилъ, помня, какъ я отрекся отъ........ канцеляріею Обольянинова, и онъ, Сперанскій, съ прочими остался не только не отрѣшеннымъ, но еще приближеннымъ къ особой и отличной довѣренности отъ Обольянинова.

Сперанскій, обозрѣвъ всѣ упражненія по Комисіи, написалъ особое распоряженіе и новый штатъ съ изображеніемъ обязанностей чиновниковъ. Мнѣ назначено начальство надъ архивомъ и управленіе экономическое по содержанію дома и комискихъ приходовъ и расходовъ. Многіе чиновники исключены, а другіе прибавлены; въ числѣ ихъ принятъ бывшій професоръ, а нынѣ тайный совѣтникъ Балугьянскій. Для лучшаго и поспѣшнаго сочиненія проекта къ Уложенію, Государемъ прикомандированы были четыре сенатора, въ числѣ ихъ умный человѣкъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Алексѣевъ. Въ сіе время я подалъ особое мнѣніе съ приложеніемъ духовныхъ и гражданскихъ законовъ, чтобъ наслѣдственное имѣніе послѣ отца или матери братьямъ и сестрамъ дѣлить по ровной части, а не такъ какъ теперь дается сестрамъ только четырнадцатая часть, доказывая между прочимъ, что таковое постановленіе сдѣлано было въ прежніе вѣка по той причинѣ, что чиновникамъ жалованья штатскаго не было, а давались помѣстныя земли на содержаніе и отправленіе военной и гражданской службы, которыя тре-

бовали большихъ издержекъ, особливо военная, для чего мужескій полъ и получалъ почти все наслѣдственное имѣніе; нынѣ же, когда чиновники получаютъ жалованье, не нужно уже держаться прежняго закона, и что сестры, какъ слабый полъ, болѣе имѣютъ нужды, особливо съ дѣтьми, въ имѣніи обильномъ. При томъ же братья, женясь на достаточныхъ дѣвицахъ, могутъ увеличить свои части; сестры, получа равную съ ними часть, снискать хорошихъ мужей. Паче же всего чрезъ сей равный раздѣлъ утвердится любовь между родными, истребится ненависть и зависть.........., правду лишать сестру равной части, когда она, въ случаѣ смерти брата или въ небытіи его, получаетъ все наслѣдственное имѣніе и владѣетъ имъ на равномъ правѣ съ мущиною. Сей мой голосъ былъ принятъ, но не уваженъ во всей силѣ, какъ изъ проекта послѣ усмотрится.

У меня былъ помощникомъ надворный совѣтникъ Энгельсонъ; я прочиталъ почти всю архиву и не оставилъ ни одной бумаги безъ любопытнаго взора. Архива описана подъ моимъ надзоромъ по алфавиту и приведена въ возможный порядокъ. По экономической же части былъ я въ затруднительномъ положеніи, ибо казначеи опредѣлялись по случаю и много злоупотребляли; особливо расходы на бумагу, сургучъ, перья и прочее увеличивались и, хотя я не иначе отпускалъ какъ по требованіямъ или роспискамъ тѣхъ чиновниковъ, коимъ они были нужны, но видѣлъ, что требованія ихъ были несправедливы, пресѣчь же не было въ моей власти. Князь Лопухинъ не расположенъ былъ къ Сперанскому, а Розенкампфъ прибѣгалъ болѣе къ князю, и тѣмъ (такъ?) сдѣлались надъ Комисіею начальники въ чувствованіяхъ и усердіи несогласны. Въ одно время лѣтомъ нужно было заготовить дрова на весь годъ. Вызваны были желающіе, но просили дорого. Я старался сыскать дешевлѣ и чтобъ дрова были хорошія. Одни согласились поставить выгодно, и я настоялъ на покупкѣ; но, видя, какое на то недѣйствіе и медленность, напослѣдокъ узналъ, что дрова, хотя хуже и дороже, но привезены изъ Холма, отъ брата князя Лопухина, слѣдственно и принять ихъ желали, въ угодность князю. Мнѣ бороться было нельзя, и я, дивясь сему пристрастію, получилъ приказаніе ихъ принять и деньги выдать. Вотъ какія пристрастія бываютъ изъ самой неважной вещи! Какъ же заключать о большихъ для казны поставкахъ и подрядахъ? Я усиліемъ своимъ лишь болѣе князя огорчилъ, нежели сдѣлалъ пользы для казны, себѣ же пріобрѣлъ одну ненависть. Г. Розенкампфъ, не посовѣтуясь со мною, рѣшился напечатать отъ имени Комисіи все мое собраніе законовъ. Я, не зная ничего о семъ, услышалъ, что нѣсколько листовъ уже напечатано. Надобно мнѣ было идти наканунѣ новаго года къ князю. Онъ, принявъ меня не очень благосклонно, вдругъ съ огорченіемъ сказалъ: «Что̀ у васъ за печатаніе заводится?»—Я отвѣчалъ, что ничего о

семъ не знаю. «Какъ не знаешь, когда Розенкампфъ мнѣ говорилъ, что и ты согласенъ?»—Я, отрекаясь отъ сего, увѣрялъ его, что поистиннѣ не знаю, и что публиковать то, что̀ единственно собрано для матеріаловъ къ составленію законовъ, не слѣдуетъ; ибо возродится многое сомнѣніе о существѣ настоящихъ законовъ, особливо по сдѣланнымъ мною объ нихъ примѣчаніямъ. — «И слѣдственно, говорилъ князь, что Розенкампфъ собственно для своихъ выгодъ сіе дѣлаетъ?»—«Не знаю и сего», сказалъ я. Но онъ велѣлъ мнѣ объясниться съ Розенкампфомъ и, когда я сему послѣднему пенялъ, что онъ напрасно увѣрилъ князя о моемъ согласіи и что сорбанія моего такъ, какъ оно есть, въ публику издать не должно, рѣшилось сіе тѣмъ, что князь запретилъ.

Въ сіе время подалъ я Сперанскому проектъ, здѣсь прилагаемый, о населеніи изъ крестьянъ вмѣсто рекрутскихъ наборовъ и чтобъ они служили не болѣе пятнадцати лѣтъ, подобно бывшимъ Украинскимъ полкамъ. Онъ доложилъ Государю, а сей велѣлъ населить прежде въ одной изъ Польскихъ губерній два баталіона. О пользѣ сего населенія сказывалъ мнѣ самъ баталіонный командиръ; но случившійся въ Старой Русѣ въ прошломъ году бунтъ и ужасныя кровопролитія показываютъ, что и самое населеніе отъ злоупотребленія чиновниковъ можетъ быть вредно.

Другой проектъ я подалъ такой, чтобъ согласить Государя положить въ банкъ особую сумму сто тысячъ рублей на сто лѣтъ. По приложенному мною исчисленію, здѣсь прилагаемому, одними процентами накопились бы многіе миліоны для бѣдныхъ и страждущихъ; но сіе оставлено безъ уваженія.

Въ 1810 году, при новомъ образованіи Государственнаго Совѣта и всѣхъ министерствъ по изданному тогда же учрежденію, г. Сперанскій по согласію съ княземъ внесъ Государю сочиненную имъ первую часть Уложенія. Государь возвѣстилъ о семъ публикѣ особымъ манифестомъ и отдалъ ту часть на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и какъ сіе сдѣлано и напечатано безъ моего свѣдѣнія, то я просилъ Сперанскаго снабдить меня экземпляромъ, который онъ и прислалъ. Я разсматривая судилъ по началу, что все сіе написано не изъ Русскихъ законовъ и о такихъ маловажныхъ предметахъ, которые должно бы было помѣстить развѣ въ концѣ Уложенія. Когда Совѣтъ приступилъ къ разсмотрѣнію и тоже увидѣлъ, что̀ и я, началъ требовать отъ Сперанскаго и Розенкампфа на каждую статью Россійскихъ законовъ, изъ которыхъ точно составить велѣно было Уложеніе. Трудно было имъ отвѣчать. Г. Сперанскій просилъ меня, чтобъ противъ каждой статьи подвелъ Россійскіе законы. Хотя съ крайнимъ затрудненіемъ, но долженъ былъ симъ заниматься, подводя иногда многіе законы подъ......... одной статьи. Все это ихъ не оправдало. Члены Совѣта, и именно гг.

Мордвиновъ, Шишковъ и Трощинскій, написали превеликіе голоса, изъясняя, что это почерпнуто изъ Наполеонова Уложенія и совсѣмъ противно духу Россійскихъ законовъ и даже по граматической словесности недостаточно. Трощинскій же заключилъ, что первая часть Уложенія написана такъ, чтобъ, возмутя море, утопить одну муху. При семъ случилась и для меня новая непріятность и безпокойство. Г. Философовъ, о коемъ я упоминалъ выше, былъ членомъ Совѣта. Онъ, видя, что Уложеніе составляется изъ иностранныхъ, а не изъ Русскихъ законовъ, ѣздилъ самъ къ Государю и лично о семъ докладывалъ съ тѣмъ, что, какъ Розенкампфъ Нѣмецъ и другаго вѣроисповѣданія, то, чтобъ Государь приказалъ вмѣсто его быть мнѣ при докладѣ въ Совѣтѣ. Я, не зная о семъ ничего и не видясь болѣе осьми лѣтъ съ г. Философовымъ, вдругъ получаю записку отъ племянницы его, а родной сестры г. Обольянинова, Марьи Хрисанѳовны Симоновой, чтобъ я побывалъ у ея дяди, который имѣетъ до меня крайнюю надобность. Пришедши къ нему и услыша о происшествіи, я началъ ему пенять, что онъ, не сказавъ мнѣ, докладомъ своимъ Государю навелъ мнѣ хлопоты; ибо г. Сперанскій и Розенкампфъ подумаютъ, что я ищу имъ непріятностей, и хотя онъ увѣрялъ меня, что сіе сдѣлано имъ по совѣсти, по долгу службы и для моего счастія, но я, вышедъ отъ него, пришелъ къ г. Сперанскому, сказывая все то и что я не только дѣломъ, но ниже мыслію не участвовалъ и что съ г. Философовымъ восемь лѣтъ не видался, и потому просилъ.............

Яицкое войско до появленія Пугачева *).

ГЛАВА IX.

По конфирмаціи Военной Колегіи, состоявшейся въ 1765 г., атаманъ Бородинъ и пятеро старшинъ: Ив. Акутинъ, Мартемьянъ Бородинъ, Кириллъ Филимоновъ и Ив. Логиновъ, какъ мы уже знаемъ, были приговорены къ лишенію чиновъ и права выбора въ какія бы то ни было должности и штрафованы, съ обязательствомъ уплатить войску удержанное ими жалованье, а казаки Петръ Копѣечкинъ и Осипъ Ивановъ за ложный доносъ подлежали наказанію плетьми [1]). Новокрещеновъ, какъ извѣстно, привелъ въ исполненіе только вторую часть этой конфирмаціи, какъ бы въ подтвержденіе пословицы: «доносчику — первый кнутъ». Чебышевъ, какъ мы видѣли, убѣдилъ казаковъ избрать себѣ новаго атамана, и казаки избрали Петра Тамбовцева, которому Чебышевъ и поручилъ взысканіе съ виновныхъ старшинъ штрафа и удержаннаго у казаковъ жалованья. Съ дѣйствіями Тамбовцева мы уже знакомы. Дурново и его новый содѣятель генералъ фонъ-Траубенбергъ пошли по стопамъ своихъ предшественниковъ на этомъ пути: будучи въ началѣ представителями различныхъ партій, они скоро соединились вмѣстѣ и стали дѣйствовать за одно съ старшинской партіей. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ они не приступали къ взысканію штрафа съ виновныхъ и отдѣлывались только обѣщаніями. Между тѣмъ, новоизбранный атаманъ Тамбовцевъ и члены Войсковой Канцеляріи не переставали тѣснить и обижать арестованныхъ и неарестованныхъ казаковъ народной партіи. Казаки обращались за справедливостію къ слѣдователямъ; но Дурново и фонъ-Траубенбергъ, держа руку старшинъ, всѣ жалобы недовольныхъ и обижаемыхъ казаковъ принимали за дерзость и своевольство. Казаки рѣшились искать защиты въ Петербургѣ, куда и былъ отправленъ челобитчикомъ казакъ изъ Татаръ Килбай Алкуиновъ. По прибытіи въ столицу, Килбай представилъ челобитную, написанную на Высочайшее имя, генералъ-маіору Стрекалову. Въ челобитной казаки просили, чтобы «учинено

---

*) См. выше.

[1]) См. въ Урал. в. арх. показанія войсковаго судьи Василія Трифонова по описи № 85, стр. 52. (Изъ дѣлъ аудит. экспед., связка за № 492, стр. 206 на оборотѣ).

было подтвержденіе гвардіи капитану Дурново о скорѣйшемъ изслѣдованіи по прежнему ихъ челобитью» [2]). Но въ то время, какъ Алкунновъ находился еще въ Петербургѣ, казаки снарядили новую депутацію, которая на этотъ разъ состояла изъ семи сотниковъ и тринадцати казаковъ. Во главѣ этой депутаціи находился извѣстный коноводъ казаковъ, сотникъ Ив. Вас. Кирпичниковъ, наказанный предъ тѣмъ плетьми за ложный доносъ на старшинъ и сосланный на годъ не въ очередь на службу въ Гурьевъ [3]). Вмѣсто пачпортовъ и подорожной, депутаты были снабжены особымъ «вѣрительнымъ письмомъ отъ міру», на имя графа Орлова и графа Воронцова; въ этомъ письмѣ казаки просятъ «оказать депутатамъ отеческую милость и милостиво о войскѣ Яицкомъ заступить и посланныхъ повѣренныхъ не оставить» [4]).

Депутаты отправились изъ Уральска, вскорѣ послѣ Пасхи 1771 г. и прибыли въ Петербургъ къ началу Іюня. По прибытіи въ столицу они первоначально обратились съ своей челобитной къ графу Захару Григорьевичу Чернышеву, но Чернышевъ челобитной не принялъ. Тогда казаки пробрались до самой Императрицы. Екатерина взяла отъ нихъ челобитную и передала ее на разсмотрѣніе генералу Кузьмину. Въ ожиданіи резолюціи депутаты прожили въ Петербургѣ болѣе полугода (съ 6 Іюня по 28 Декабря 1771 года); но резолюціи никакой не послѣдовало. Оставивъ въ столицѣ сотника Горохова и при немъ пятерыхъ казаковъ, остальные 14 человѣкъ, снабженные отъ графа Орлова на имя Дурново письмомъ, отправились на Яикъ, куда и прибыли 9 Генваря 1772 года. Письмо Ив. Григорьевича Орлова служило имъ вмѣсто пачпортовъ, и казаки были пропускаемы на всѣхъ заставахъ безъ задержки, какъ они потомъ сами показали на допросахъ. Во все время полугодичнаго пребыванія этихъ депутатовъ въ сѣверной столицѣ, Яицкое войско, какъ потомъ показалъ народный ифоновъ, находилось «въ тишинѣ и спокойствіи, и никакихъ непотребныхъ несогласій не было» [5]). Когда депутаты явились къ себѣ домой, сотникъ Кирпичниковъ, ставшій во главѣ недовольной партіи, тотчасъ же передалъ письмо графа Орлова капитану Дурново; послѣдній тутъ же распечаталъ и прочиталъ письмо графа, но ни слова не сообщилъ Кирпичникову о его содержаніи. Между тѣмъ атаманъ Тамбовцевъ и старшины, присутствовавшіе въ Войсковой Канцеляріи, узнавъ о пріѣздѣ Кирпичникова, тотчасъ же послали къ нему старшину Бородина и войсковаго дьяка Суетина, въ сопровожденіи нѣсколькихъ

---

2) Тамъ же, стр. 37.
3) Тамъ же, 18 и 19.
4) Тамъ же, 17.
5) Тамъ же, 46.

казаковъ, которымъ дано приказаніе арестовать Кирпичникова. Жена Кирпичникова, увидѣвъ изъ окна Суетина и Бородина, заперла двери своего дома и не хотѣла впустить посланныхъ, говоря, что ея мужа нѣтъ дома; Бородинъ и Суетинъ не повѣрили и приказали казакамъ ломать двери. Кирпичникова, видя насиліе, начала кричать; поднялся шумъ, гвалтъ; на крикъ скоро сбѣжались сосѣди и проходившіе мимо казаки, которые стали уговаривать старшинъ, чтобы они оставили Кирпичникову въ покоѣ, и когда старшины ихъ не послушались, собравшаяся толпа начала упрекать ихъ въ своевольствѣ и насиліи. Старшины, не вытерпя укоризны, завели съ толпой брань; толпа не уступала; наконецъ, дѣло дошло до драки. Чтобы прекратить ее одинъ изъ старшинъ обнажилъ саблю и приказалъ схватить тѣхъ изъ казаковъ, которые буянили больше другихъ. Казаки послушной или старшинской стороны бросились съ арканами на своихъ противниковъ; двоимъ изъ нихъ накинули на шею петли и на арканахъ повели ихъ въ Войсковую Канцелярію, по приказанію и подъ прикрытіемъ Бородина и Суетина. Вѣсть о происшедшемъ въ домѣ Кирпичникова и о насиліи старшинъ тотчасъ же разнеслась по всему городу; народная сторона, сильно возмущенная и глубоко оскорбленная такимъ поступкомъ, заволновалась. Нѣкоторые изъ казаковъ этой партіи рѣшились выместить свою злобу на своей же братіи—казакахъ, которые вели арестованныхъ на арканѣ. Когда старшинскій казакъ Копѣечкинъ, сдавъ арестованныхъ, вышелъ на улицу, казаки бросились на него, надѣляя безжалостно пинками и оплеухами, и почти полумертваго притащили его въ Толкачеву избу подъ караулъ. Сбѣжавшіеся на шумъ казаки рѣшили, что «отмщеніе произведено правильнымъ образомъ», и тутъ же положили отправить къ Дурново депутатовъ съ жалобою на старшинъ и просьбою объ освобожденіи изъ подъ ареста уведенныхъ на арканѣ казаковъ, Копѣечкина же — не освобождать до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено ихъ желаніе; депутаты также должны были напомнить Дурново и о дѣлѣ, по поводу удержаннаго у казаковъ жалованья. Дурново, выслушавъ депутатовъ, приказалъ ихъ арестовать и потребовалъ отъ казаковъ освобожденія Копѣечкина изъ подъ ареста; но казаки, озлобившись еще болѣе, грубо отвѣчали присланному отъ Дурново, что они не выпустятъ Копѣечкина до тѣхъ поръ, пока не будутъ освобождены изъ подъ ареста «войсковые» [6]) казаки [7]).

На слѣдующій день, прибывшіе изъ столицы депутаты собрались въ Толкачеву улицу, которая съ этого времени дѣлается сборнымъ пунктомъ казаковъ для переговоровъ, а изба казака Толкачева и

---

6) Т. е. казаки, стоявшіе за интересы всего войска.

7) См. Чтен. Общ. Истор. и Др. Росс. 1859 г., кн. 3, стр. 112 и 113.

его дворъ получаютъ значеніе какъ бы Земской Думы или Войсковой избы. Лишь только явились сюда депутаты, какъ ихъ обступили со всѣхъ сторонъ. На распросы любопытныхъ депутаты отвѣчали, что кромѣ письма графа Орлова къ Дурново, о содержаніи котораго они не знаютъ, новаго ничего не привезли; что резолюціи на челобитную войска еще никакой не послѣдовало, почему они и оставили въ Петербургѣ сотника Горохова и при немъ пять казаковъ. Затѣмъ одинъ изъ депутатовъ, Романъ Котятовъ, по приказанію Кирпичникова, какъ главнаго представителя интересовъ народной партіи, прочиталъ во всеуслышаніе копію съ указа Воен. Колегіи, въ силу котораго бывшій атаманъ Бородинъ и шестеро вышеозначенныхъ старшинъ лишались своихъ должностей и обязывались уплатить штрафъ и возвратить удержанное у казаковъ жалованье.

Траубенбергъ, узнавши о собраніи казаковъ, отправилъ къ нимъ старшину Ив. Логинова и одного изъ находившихся при немъ офицеровъ, чтобъ они уговорили казаковъ разойтись и впредь не собираться; но казаки требовали своего, при чемъ Кирпичниковъ заявилъ, что если «они удовольствованы не будутъ, то бы поступить «воинскимъ отпоромъ». Наконецъ, послѣ различныхъ споровъ и совѣщаній, казаки разошлись; это было 10 Января, на другой день по возвращеніи депутатовъ изъ Петербурга. На слѣдующій день Толкачева улица положительно заперлась народомъ; на этотъ разъ сюда собрались и старики, и малолѣтки. Траубенбергъ снова присылаетъ сказать казакамъ, чтобъ они разошлись и что въ случаѣ упорства въ нихъ приказано будетъ стрѣлять, что уже и пушки заряжены. Казаки не слушаютъ, продолжая совѣщаться; наконецъ, было рѣшено, если имъ снова откажутъ въ удовлетвореніи, дѣйствовать «воинскимъ отпоромъ». Вслѣдъ затѣмъ, всѣ единодушно положили отправить къ слѣдователямъ священника Михаила Васильева, нахоходившагося въ это время въ своемъ домѣ. Войско отправило къ нему особое письмо съ священникомъ соборной церкви Ильею Поляновымъ, въ сопровожденіи казаковъ Аѳанасья Гладова и Григорія Жигалина. Впослѣдствіи, при допросахъ, священникъ Васильевъ показалъ, что войско просило его въ этомъ письмѣ идти къ Дурново и убѣдить его, чтобъ онъ удовольствовалъ войско жалованьемъ; прежнихъ старшинъ, какъ виновныхъ и штрафованныхъ, замѣнилъ другими, съ согласія и одобренія всего Яицкаго войска; чтобы Дурново, въ силу указа Военной Колегіи, взыскалъ съ виновныхъ старшинъ положенный на нихъ штрафъ; выдалъ народу Мартемьяна Бородина и войсковаго писаря Матвѣя Суетина; возвратилъ войсковую сумму и самъ бы явился въ народное собраніе. Священникъ Васильевъ, уступая желанію и просьбамъ народа, отправился къ Дурново, который, прочитавъ ему копію съ указа Императрицы, приказалъ возвратиться къ народу, въ сопровожденіи повѣреннаго Ба-

хина. Сей послѣдній долженъ былъ объявить казакамъ, чтобъ они, въ силу присланной изъ Военной Колегіи грамоты о снаряженіи въ Кизляръ пятисотенной команды, приходили въ Воен. Канцелярію по двое и по четверо для записи, при чемъ получатъ и жалованье. Что касается старшины Бородина и писаря Суетина, то Дурново, считая ихъ невинными (перваго потому, что онъ штрафъ заплатилъ, а послѣдняго потому, что на него никогда не было жалобъ) отказался ихъ выдать, не пожелалъ и самъ идти въ народное собраніе, а приказалъ всѣмъ разойтись и подобныхъ сборищъ «напредь не чинить». Такой отвѣтъ Дурново еще больше ожесточилъ казаковъ, особенно сотниковъ, ставшихъ во главѣ недовольной партіи. Траубенбергъ, узнавъ объ этомъ, призываетъ къ себѣ свящ. Васильева и отправляетъ вмѣстѣ съ нимъ, для увѣщанія казаковъ, старшину Өедора Митрясова и Сакмарскаго атамана Донскова; но казаки отвѣчали, что «болѣе пересылаться не будутъ», а сотникъ Краденовъ присовокупилъ: «на зачинающаго Богъ!» Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, казаки еще разъ сдѣлали надъ собой усиліе и рѣшились послать свящ. Васильева уже въ послѣдній разъ съ тѣмъ, чтобъ онъ передалъ Дурново, что, если онъ не уступитъ ихъ просьбѣ, то они всѣ пойдутъ на него и на его регулярную команду съ оружіемъ и будутъ «бить до смерти».

Настала роковая минута. На площадяхъ города, вокругъ церквей, подлѣ городскаго валу, въ домахъ и на улицѣ шли самыя рѣшительныя совѣщанія; наканунѣ еще этого дня многіе, не смотря на Январскіе морозы, провели всю ночь на улицѣ въ совѣтахъ и соглашеніи относительно образа дѣйствій, въ случаѣ рѣшительнаго отказа Дурново въ удовлетвореніи просьбы народной партіи. Въ то самое время, какъ священникъ Васильевъ отправился въ послѣдній разъ къ Дурново, войско стало приготовляться къ кровавой драмѣ. На этотъ разъ Яицкіе казаки, какъ можно заключить по многимъ даннымъ, были глубоко убѣждены въ правотѣ своего протеста; это убѣжденіе всецѣло раздѣляло съ казаками и ихъ духовенство, которое всегда происходило изъ казацкой же среды. Утромъ этого дня отставной казакъ Михаилъ Усъ, бывши на базарѣ, встрѣтился съ главнымъ составомъ протестующей партіи и съ депутатомъ ея священникомъ Васильевымъ; послѣдній зналъ, что Усъ, возвращаясь домой, долженъ идти мимо дома священника Кирсановской церкви Степана Аөанасьева, почему и просилъ его, чтобы онъ зашелъ къ священнику Аөанасьеву и пригласилъ его отслужить молебенъ, по желанію всего народа. Усъ въ точности исполнилъ порученіе Васильева и проводилъ священника Аөанасьева до Кирсановской церкви, гдѣ послѣдній и отслужилъ молебенъ, чтобы Богъ даровалъ побѣду народу надъ врагомъ его [8]).

[8]) Тамъ же, стр. 35.

Отправляя священника Васильева въ послѣдній разъ къ Дурново, казаки, вѣроятно, были уже увѣрены въ отказѣ Дурново, и потому вслѣдъ за нимъ же направились къ атаманскому дому и къ Войсковой Канцеляріи, слѣдуя разными улицами, гдѣ кому было удобнѣе: одна партія, человѣкъ въ 300, подъ предводительствомъ сотниковъ Петра Краденова и Данилы Безлокотнова, направилась по Ульяновой улицѣ, а сотники: Ив. Портновъ, Семенъ Иртикѣевъ, Логинъ Шапошниковъ, Азовсковъ, Герасимовъ и др. отправились съ своими отрядами по Большой улицѣ и по другимъ, выходящимъ на Большую улицу [9]). Каждый казакъ несъ комиссіонерамъ по подарку: кто дубину, кто палку, а кто саблю и т. п. Главный коноводъ казаковъ сотникъ Кирпичниковъ, опасаясь быть захваченнымъ, остался въ домѣ Толкачева. Вся мятежническая шайка, выключая его, да отставныхъ казаковъ и малолѣтковъ, состояла болѣе, чѣмъ изъ 3000 человѣкъ, какъ впослѣдствіи показалъ на допросахъ сотникъ Котятовъ [10]). Будучи глубоко увѣрены въ правотѣ своего дѣла, казаки стали подъ знамя церкви во главѣ передовыхъ отрядовъ шли образа и хоругви, въ сопровожденіи облаченнаго въ ризы духовенства, при оглушительномъ гулѣ народа и звонѣ церковныхъ колоколовъ. Дурново и Траубенбергъ какъ бы уже ожидали этого: еще съ вечера предыдущаго дня они постарались собрать регулярныя войска, присоединивъ къ нимъ и казаковъ согласной или старшинской партіи, ружья и пушки были заряжены, а въ Оренбургъ былъ отправленъ курьеръ съ вѣстью о мятежѣ среди казаковъ. Отправленный къ Дурново священникъ Васильевъ не успѣлъ еще дойти до мѣста расположенія регулярной команды, какъ начались драки; испуганный священникъ спрятался въ черную избу, находившуюся при В. Канцеляріи, и просидѣлъ тамъ до конца перестрѣлки [11]). Мятежники разсыпались по дворамъ и другимъ безопаснымъ мѣстамъ, откуда, какъ изъ засады, удобнѣе было производить стрѣльбу, которая продолжалась около получаса. Наконецъ, канониры были убиты, пушки отняты, Траубенбергъ изрубленъ, Дурново жестоко раненъ и спасенъ отъ вѣрной смерти двумя казаками, изъ которыхъ одинъ легъ на него, а другой защитилъ ему голову. Тамбовцева изрубленнаго вытащили на дворъ и еще у живаго разрѣзали грудь и вырвали сердце; нѣсколько старшинъ и казаковъ согласной партіи было перебито, растерзано и изранено; оставшіеся въ живыхъ отведены подъ караулъ для допросовъ и произнесенія надъ ними народнаго суда впослѣдствіи; колодники изъ казаковъ всѣ были освобождены. Когда въ домѣ атамана не осталось живыхъ враговъ,

---

9) Тамъ же, стр. 23 и 35.

10) Тамъ же, стр. 42.

11) Тамъ же, стр. 82.

казаки бросились грабить дома ненавистныхъ имъ старшинъ. Цѣлый день продолжалась народная месть, и только къ вечеру толпы стали рѣдѣть, и разсвирѣпѣвшіе казаки, обрызганные кровью своихъ братьевъ, разбрелись по домамъ, утоливъ накипѣвшую въ теченіи долгаго времени на душѣ неукротимую, болѣзненную злобу [12]). Вечеромъ въ тотъ же день, какъ были убиты Траубенбергъ и Тамбовцевъ, собранъ былъ казачій Кругъ и выбраны народные судьи. Выборъ палъ на безграмотнаго шестидесятилѣтняго казака Василья Трифонова, на тридцатилѣтняго Терентія Сенгилевцева и Ив. Лабзнева, замѣненнаго потомъ семидесятилѣтнимъ старикомъ Яков. Ив. Неулыбинымъ. Чтобы судить о томъ, кому ввѣряло Яицкое войско себя и свои интересы, приведемъ свѣдѣнія объ этихъ лицахъ.

Василій Семеновъ Трифоновъ находился на службѣ уже 45 лѣтъ и принадлежалъ къ числу челобитчиковъ на войсковыхъ старшинъ, за что, по наказаніи плетьми, былъ сосланъ не въ очередь на службу въ Гурьевъ-городокъ. При отъѣздѣ въ Петербургъ Кирпичникова, Трифоновъ былъ арестованъ и посаженъ, по приказанію атамана Тамбовцева, подъ караулъ, откуда во время бунта и былъ освобожденъ.

Терентій Петровъ Сенгилевцевъ, имѣя отъ роду 30 лѣтъ и 15 лѣтъ состоя на службѣ, наказанъ и штрафованъ не былъ, умѣлъ читать и писать.

Яковъ Ивановъ Неулыбинъ, прослуживъ 23 года въ войскѣ, за пьянство былъ удаленъ, по приказанію Неплюева, на р. Кинель, въ Черкаскую Слободу, откуда въ 1770 году, вслѣдствіе ходатайства атамана Тамбовцева, былъ возвращенъ въ Яицкій городокъ. Спустя полтора мѣсяца, Неулыбинъ, по прошенію, былъ снова отпущенъ въ Черкаскую Слободу на полтора года. По истеченіи означеннаго срока Неулыбинъ не хотѣлъ возвратиться и оставался здѣсь безъ паспорта, чему жители Черкаской Слободы нисколько не препятствовали [13]) Пьянство сдѣлалось болѣзнію Неулыбина, отъ которой безсильны были излѣчить палки и плети, нерѣдко сыпавшіяся на спину несчастнаго казака, по приказанію начальства. Во время бунта Неулыбинъ находился въ Черкаской Слободѣ; Трифоновъ и Сенгилевцевъ отправили къ нему нарочнаго съ приглашеніемъ явиться въ Яицкій городокъ, куда Неулыбинъ и прибылъ на Вербной недѣлѣ Великаго поста. Войско тотчасъ же предложило ему занять мѣсто присутствующаго Лабзнева, который былъ отправленъ отъ войска въ С.-Петербуръ, въ качествѣ повѣреннаго,

---

[12]) Убитыхъ въ этотъ день было 60 чел.: генералъ 1, офицеровъ 2, рядовыхъ 6, атаманъ 1, старшинъ 4, казаковъ 40, артилеристовъ 6; а ранено 39 чел. рядовыхъ 18, казаковъ 20 и 1 офицеръ. Изъ этихъ цифръ видно, что больше всего пришлось поплатиться казакамъ (40 убито и 20 ранено).

[13]) Тамъ же, стр. 63.

съ Дурновымъ [14]). Но Неулыбинъ, выбранный въ народные судьи 15 Марта 1772 г. «впредь до времени», не долго оставался и здѣсь: спустя 6 недѣль онъ былъ за пьянство отрѣшенъ и на день арестованъ въ В. Канцеляріи, а на его мѣсто былъ выбранъ Никита Каргинъ. Впрочемъ, надо замѣтить, Неулыбинъ, не смотря на его неисправимое пьянство и неоднократные аресты, безпрепятственно продолжалъ посѣщать В. Канцелярію, и нерѣдко имѣлъ вліяніе на рѣшеніе общественныхъ вопросовъ своими совѣтами.

Такимъ образомъ Трифоновъ, Сенгилевцевъ, Лабзневъ и потомъ Неулыбинъ стали во главѣ народной партіи. Вечеромъ того же дня, въ который убиты Тамбовцевъ и Траубенбергъ, былъ написанъ и подписанъ слѣдующій приговоръ войска: «Войско Яицкое, сотники, десятники и рядовые казаки, согласно выбрали въ Канцелярію въ присутствующіе, ради правленія по войску всякихъ текущихъ дѣлъ, войсковыхъ повѣренныхъ: Василія Трифонова, Терентія Сенгилевцева и Андрея Лабзнева, которымъ въ томъ правленіи и быть впредь до времени. Къ сему приговору» и проч. [15]) (Дальше слѣдуютъ подписи). На другой день, по выборѣ судей, собранъ былъ казачій Кругъ, который единогласно постановилъ: предать смерти нѣкоторыхъ изъ усерднѣйшихъ угнетателей народа и послать въ Петербургъ депутатовъ съ объясненіемъ и оправданіемъ происшедшихъ безпорядковъ. Трифоновъ тотчасъ же отправился къ раненымъ солдатамъ для допросовъ, отъ чего произошло случившееся замѣшательство [16]). Между тѣмъ казаки: Петръ Погадаевъ, Сидоръ Невзоровъ и Степанъ Толкачевъ, предводительствуемые сотникомъ изъ Калмыкъ Бариномъ Жумутовымъ, неожиданно ворвались въ В. Канцелярію, схватили содержавшагося здѣсь подъ арестомъ дьяка Суетина за волосы, поволокли его въ Кругъ, гдѣ на несчастнаго дьяка посыпались кулаки, пинки, палочные удары и т. п. выраженія народной мести. Трифоновъ, проходя въ это время мимо, началъ было уговаривать разозлившихся казаковъ, но увѣщанія не подѣйствовали: казаки прогнали своего выборнаго [17]). Суетинъ былъ убитъ и брошенъ близъ В. Канцеляріи. Вечеромъ того же дня Жумутовъ, по совѣту другихъ, явился съ лошадью къ трупу Суетина, положилъ его въ сани и отправился на р. Чагалъ, впадающую въ Уралъ около самаго города. Здѣсь Жумутовъ, распоровъ животъ убитаго дьяка, бросилъ трупъ въ воду. При допросахъ Жумутовъ показалъ, что разрѣзать животъ убитаго дьяка посовѣтовалъ ему казакъ Толкачевъ, который далъ для этой цѣли и свой ножъ. Домъ Суетина былъ раз-

---

14) Тамъ же 14.
15) Тамъ же 14.
16) Тамъ же 48.
17) Тамъ же, 47.

грабленъ и разломанъ такъ, что жена и дѣти Суетина, оставшіяся въ живыхъ, не могли въ немъ жить [18]). Но не одному Суетину пришлось сдѣлаться жертвою народной мести; не было пощады и другимъ, особенно писарямъ, какъ сторонникамъ старшинской партіи. Писарь Михаилъ Токаревъ, въ первый же день народной мести, былъ избитъ до полусмерти; но къ счастію его, былъ отнятъ свящ. Васильевымъ, который взялъ Токарева къ себѣ, гдѣ онъ и пробылъ двѣ ночи. Писарь изъ Калмыкъ Сабузя Іюгюновъ былъ арестованъ въ избѣ казака Толкачева. На третій день послѣ учиненной катастрофы, сюда явилось 9 казаковъ изъ Калмыкъ, во главѣ съ тѣмъ же Жумутовымъ и, схвативъ Іюгюнова за волосы, потащили на Толкачевскій взвозъ, гдѣ пинками, кулаками и палками добили несчастнаго писаря и, спровадивъ трупъ его за Старицу [19]), объявили о томъ женѣ Іюгюнова [20]). Убійцами Суетина, Іюгюнова и нѣкоторыхъ другихъ были слѣдующія лица: Шайда Малайчъ, Бунгулъ Ашикаевъ, Чебукъ Чагаевъ, Ивашка Тангутовъ, Козьма Обоевъ, Жамба Царгинъ, Ниша Бердинъ, Харцага и Лозангъ Демба. Всей этой шайкой заправлялъ, какъ мы видѣли, сотникъ Жумутовъ.

Въ то время какъ Калмыцкая шайка звѣрски лишала жизни войсковыхъ писарей, другіе бросились грабить кабаки, отданные на откупъ отставному старшинѣ Осипу Иванову; домъ этого старшины былъ разстрѣленъ изъ пушекъ, и самого Иванова, какъ сторонника согласной партіи, притомъ находившагося во время рѣзни въ отрядѣ Траубенберга, казаки избили до полусмерти и едва живаго бросили въ тюрьму, заковавъ въ «ручные и ножные кандалы», гдѣ онъ и находился около пяти мѣсяцевъ, покуда не освободилъ его генералъ Фрейманъ, отправленный, какъ увидимъ дальше, изъ Оренбурга съ войскомъ для усмиренія мятежа. Во время своего заключенія Ивановъ неоднократно былъ приводимъ въ войсковой Кругъ, гдѣ его не разъ приговаривали къ смерти; но Ивановъ каждый разъ спасался деньгами, «которыхъ,—говоритъ онъ,—вымучили тѣ злодѣи безъ малаго 3000 рублевъ, кои я, по крайнему ихъ принужденію, для спасенія своей жизни, занималъ у разныхъ людей на векселя, о чемъ отъ самыхъ тѣхъ злодѣевъ и росписки имѣю» [21]). Между тѣмъ сотники: Кирпичниковъ, Портновъ, Артикѣевъ, Аржановъ, Азовсковъ, Герасимовъ, Краденовъ и нѣкоторые другіе, какъ представители народной партіи, потребовали отъ выборныхъ судей, чтобы

---

18) Впослѣдствіи домъ этотъ велѣно было исправить для семейства Суетина. См. ордеръ полковника Бѣлова, отъ 10 Сент. 1772 г. Ур. в. арх., № 50, стр. 5.

19) Прежнее русло р. Урала, находящееся ближе къ городу.

20) Тамъ же 43 и 44.

21) Смотри выписку изъ прошенія Иванова о пожалованіи ему чиновъ въ Ур. в. арх. № 72, стр. 8 и 9.

виновники бунта, атаманъ Бородинъ и шестеро старшинъ, принесли повинную и поклялись подъ присягой въ томъ, что они будутъ дѣйствовать впередъ за одно съ войскомъ. Вслѣдствіе этого, виновники мятежа были приведены къ присягѣ, конецъ которой заключался въ слѣдующемъ: «Клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Его Св. Евангеліемъ съ войскомъ Яицкимъ быть во всемъ обще, никого ничѣмъ не уличать и всѣ прежнія ссоры предавать забвенію, жить спокойно при нихъ, ссоръ не вчинять и другъ на друга не челобитовать, и ежели я отъ старшинъ и казаковъ съ прежней старшинской малой части или съ большой половины, безъ общаго согласія, въ С.-Петербургъ съ просьбами самовольно поѣду и, въ нарушеніе здѣшняго общаго покоя и согласія, какія просьбы производить буду, за то поступать со мною по законамъ, въ чемъ цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь» [22]).

Въ тоже время Яицкое войско получило письмо изъ Малой Киргизской Орды отъ Дусали Салтана, который является защитникомъ Мартемьяна Бородина, одного изъ виновныхъ старшинъ.

Прося пощадить жизнь Бородина, Дусали обѣщается ходатайствовать за войско предъ Императрицей и, указывая на ея войско и милости, между прочимъ замѣчаетъ: «Сіе (т. е. жизнь Бородина) для нашего Киргизъ-Кайсацкаго народа ни мало не потребно, какъ только для васъ надобно будетъ; а хотя вы его и убьете, то вашъ же Русскій умретъ, а не нашъ Киргизецъ» [23]). Но войско и безъ просьбы Дусали рѣшилось простить виновныхъ и, приведя ихъ къ присягѣ, снова принять въ составъ своей общины, не избирая, впрочемъ, на почетныя должностныя мѣста. Вообще казаки народной партіи постарались теперь замѣнить прежнихъ должностныхъ лицъ, болѣе или менѣе солидарныхъ съ старшинской партіей, новыми, которыя по преимуществу являлись поборниками народныхъ интересовъ. Такъ, 16 Января состоялось постановленіе объ удаленіи отъ службы Гурьевскаго атамана Ѳедора Бородина, походнаго атамана на нижнихъ форпостахъ Нефеда Мостовщикова и полковника Витошнова; на ихъ же мѣста, по общему войсковому приговору, опредѣлено командировать Савелья Ѳоминичихина — походнымъ атаманомъ, Аѳанасья Перфильева—полковникомъ, а въ Гурьевъ атаманомъ Андрея Чапова; всѣмъ этимъ лицамъ, вмѣсто багренья, положено выдать: Ѳоминичихину—34 р., Перфильеву и Чапову—по 33 р., о чемъ и было сообщено войсковому повѣренному Бахину [24]).

Между тѣмъ, вѣсть объ убійствѣ атамана Тамбовцева и генерала Траубенберга распространилась очень быстро. П. И. Рычковъ,

---

22) Тамъ же.
23) Тамъ же 10—12.
24) См. тамъ же, стр. 15.

извѣстный бытописатель Оренбургскаго края, жившій въ то время въ Оренбургѣ, чрезъ недѣлю послѣ этого событія, писалъ академику Миллеру: «Яицкіе казаки, по многимъ своимъ прежде бывшимъ дерзостямъ, до такой отважности дошли, что бывшаго у нихъ въ городкѣ генералъ-маіора Михаила Михайловича фонъ-Траубенберга (человѣка честнаго и добраго) съ нѣсколькими офицерами и съ частію его команды убили до смерти. Вы легко можете понять, какія по сей причинѣ могутъ быть въ здѣшней сторонѣ вновь движенія. Сіе случилось 12 [25]) числа сего мѣсяца» [26]). Оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ, какъ человѣкъ крайне нерѣшительный, на первыхъ порахъ ограничился только тѣмъ, что послалъ о случившемся доношеніе Императрицѣ и, въ ожиданіи отвѣта, завязалъ съ войскомъ переписку, увѣщавая казаковъ успокоиться и водворить порядокъ. 21 Января Рейнсдорпъ получилъ отъ Яицкаго войска особый рапортъ, въ которомъ казаки писали, что они «учинили такой поступокъ не инаково, какъ въ свою оборону».

25 Января на Яикѣ былъ полученъ указъ, которымъ повелѣвалось: 82 человѣка прогнать сквозь строй тысячнаго полка по двѣнадцати разъ, непокорныхъ разослать по разнымъ мѣстамъ, оставивъ при городѣ только тѣхъ, которые были сторонниками согласной партіи» [27]).

Принимая въ соображеніе то, что указъ этотъ былъ полученъ войскомъ на 12-й день послѣ убійства Тамбовцева и другихъ, нужно думать, что онъ не былъ отвѣтомъ на донесеніе Рейнсдорпа по поводу Январской рѣзни, а относится къ предшествовавшимъ донесеніямъ Дурново и Траубенберга; на донесеніе же Рейнсдорпа послѣдовалъ указъ только 26 Марта, который и былъ полученъ на Яикѣ 27 Апрѣля въ числѣ 30 печатныхъ экземпляровъ [28]). Указъ этотъ велѣно было обнародовать, чтобы «войско Яицкое, очувствуясь и пришедъ въ прежнее подданническое повиновеніе, выдало самыхъ главныхъ зачинщиковъ и нарушителей покоя». Въ случаѣ упорства казаковъ, указъ угрожалъ войску «праведнымъ Ея Императорскаго Величества гнѣвомъ, вмѣсто пощады и милосердія».

Выслушавъ указъ, войско тотчасъ же приготовило двѣ челобитныя: одну на имя Государыни, а другую на имя Наслѣдника Престола, вел. кн. Павла Петровича. Содержаніе этихъ челобитныхъ [29]) почти одинаково. Изложивъ вкратцѣ причины мятежа, казаки говорятъ, что они вынуждены были обороняться, когда по нихъ былъ открытъ

---

[25]) Изъ дѣлъ Ур. в. ар. видно, что рѣзня въ Яицкомъ городкѣ была и 13 числа.

[26]) Пекарскій: „Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова“, стр. 132.

[27]) Ур. в. арх. по опис. № 85, стр. 87—89.

[28]) Арх. Ур. войска по опис. № 86, стр. 1—8 (изъ дѣлъ ауд. экспед. связка 492, стр. 52 и 53).

[29]) См. копію съ этого указа въ Уральскомъ в. а. № 10.

огонь, и что они сами не желали начинать драки. Въ заключеніе первой челобитной, казаки писали: «Мы, войско Яицкое, всѣ предаемся въ Высочайшее Вашего Величества соизволеніе и, припадая къ освященнымъ Вашего Величества стопамъ, слезно просимъ показать къ намъ, всеподданнѣйшимъ и всенижайшимъ рабамъ, Высочайшее матернее милосердіе и монаршую милость, чтобы мы отъ праведнаго гнѣва были избавлены и не лишились до конца» [30]). Въ челобитной же къ великому кн. Павлу Петровичу войско проситъ, принимая во вниманіе его прежнія службы, «отечески заступить и помилосердовать», чтобы не постигъ его праведный гнѣвъ Императрицы. Надобно замѣтить, что казаки и раньше уже постарались принять съ своей стороны нѣкоторыя мѣры, чтобы смягчить нѣсколько ожидаемое ими наказаніе. Въ началѣ Февраля того же года, они отправили сотника Азовскова и казака Ив. Клида въ Казань къ преосвященному Веніамину съ рыбою и икрою, стараясь расположить его въ свою пользу и прося уволить ихъ отъ духовныхъ росписей [31]). Въ началѣ Марта войско послало отъ себя двоихъ депутатовъ съ презентомъ къ Оренбургскому генералъ-губернатору Рейнсдорпу [32]), а въ началѣ Мая войсковой повѣренный и народный судья Трифоновъ, въ сопровожденіи пяти сотниковъ, отправился въ С.-Петербургъ «для отданія отъ войска рыбнаго поклона». Въ случаѣ недостатка на расходы денегъ, Трифоновъ и его спутники были уполномочены на заемъ, въ счетъ войска, и снабжены довѣреннымъ письмомъ. Словомъ,—рыба и ея продукты, составляющіе и доселѣ оплотъ экономическаго благосостоянія Яицкихъ казаковъ, являются въ данномъ случаѣ благовиднымъ предлогомъ къ тому, чтобы отворить себѣ входъ къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ и имѣть возможность попросить ихъ «защитить войско отъ праведнаго гнѣва Императрицы». Между тѣмъ Рейнсдорпъ 12 Марта писалъ Яицкому войску, въ отвѣтъ на его рапортъ отъ 21 Января, слѣдующее: «Къ крайнему моему прискорбію, принужденъ я отъ разныхъ персонъ получить жалобы, что при томъ случаѣ не только убивство, но и грабежъ разнымъ вещамъ и деньгамъ учиненъ, а у кого что̀ взято, о томъ явствуетъ въ приложенныхъ при семъ реестрахъ. Слѣдовательно, сей поступокъ и не значитъ обороны, но изъявляетъ самое злодѣяніе, тѣмъ наипаче, что, при отпускѣ Алексѣевской команды, оное войско отважилось и бывшія при той командѣ съ ея амуницеею пушки у себя удержать». Предлагая казакамъ возвратить награбленныя ими деньги и вещи, а также немедленно доставить отнятыя пушки, Рейнсдорпъ поясняетъ: «пушки-жъ мнѣ

---

30) 30 Апрѣля 1772 года.

31) Тамъ же 16.

32) Арх. Ур. в. по опис. № 85, стр. 87.

для того скоро надобны, что я имѣю ихъ на сихъ дняхъ, въ угодность даннаго мнѣ отъ Государственной В. Коллегіи повелѣнія, отправить съ двухсотною Алексѣевскою командою ко второй арміи въ Полтаву» [33]).

Вскорѣ Оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ получилъ высочайшій указъ [34]) слѣдующаго содержанія: «Уже съ давняго время [35]) войско Яицкое, будучи подущаемо нѣсколькими неспокойными и общему благосостоянію завидующими своими казаками, зачинало быть въ развратѣ и сколько ни старались мы оказанными ему милостьми и снисхожденіемъ вывесть его изъ заблужденія, все наше о томъ попеченіе было однако тщетно. Наконецъ, позабывъ вѣрноподданическую свою должность и ослѣпясь злостнымъ и превратнымъ тѣхъ вредныхъ людей истолкованіемъ нашихъ собственныхъ указовъ, нетокмо оказало оно явное непослушаніе, но и дерзнуло на богомерзкое убивство начальствующаго въ той сторонѣ войсками нашего генералъ-маіора Траубенберга, войсковаго своего атамана и другихъ, также на увѣчье и задержаніе отправленнаго къ нимъ отъ лица нашего гвардіи нашей капитана Дурнова, а при всемъ томъ, управляясь понынѣ самовольнымъ и незаконнымъ образомъ, пребываетъ въ такомъ еще несообразимомъ мнѣніи, якобы исполнило оно симъ ужаснымъ и ненавистнымъ поступкомъ наше соизволеніе. Сколь все сіе ни заслуживаетъ справедливой строгости нашего правосудія; но мы, руководствуясь всегда человѣколюбіемъ и матернимъ нашимъ о подданныхъ попеченіемъ, думаемъ, что не все войско Яицкое, но самая маленькая его часть была виною толикаго зла и что протчіе вовлечены были или по своей простотѣ, или жъ по незнанію истиннаго своего блага. Въ семъ мнѣніи и убѣгая, чтобъ невинные не претерпѣли вмѣстѣ съ преступниками и щадя пролитіе невинной крови, заблагоразсудили мы употребить еще умѣренность и чрезъ васъ увѣщевать: первое, чтобъ они отстали отъ скрывающихся между ими злодѣевъ, употребившихъ всуе имя наше, поколебавшихъ тѣмъ общую тишину и затмившихъ убивствомъ начальниковъ свою славу всегдашней вѣрности и послушанія, коею войско Яицкое столь много отличалось. Мы надѣемся, что они, видя такое монаршее наше о нихъ благоволеніе и узнавъ ложь и собственные виды у своихъ обольстителей, очувствуются и, пришедъ въ прежнее подданническое повиновеніе, выдадутъ сами главныхъ зачинщиковъ и нарушителей ихъ покоя. Если же и за симъ войско Яицкое останется въ своемъ жестокосердіи и упорствѣ, тогда неминуемо уже повлечетъ оно на себя

---

[33]) Ур. в. арх. № 37, стр. 27 и 28.

[34]) Смотр. копію съ указа 26 Марта 1772 г. въ Уральск. в. арх. № 10.

[35]) На копіи помѣчено: „съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ Оренбургскихъ казаковъ полковникъ Андрей Углецкой“.

праведный нашъ гнѣвъ, вмѣсто ожидаемаго имъ отъ насъ милосердія и пощады. Для лучшаго и общаго о семъ въ войскѣ Яицкомъ свѣдѣній повелѣваемъ вамъ тамъ обнародовать сей нашъ указъ и пребываемъ вамъ впротчемъ Императорскою нашею милостію благосклонны».

ГЛАВА X.

Объ убійствѣ атамана Тамбовцева, генерала фонъ-Траубенберга и другихъ въ Оренбургѣ узнали очень скоро; но Рейнсдорпъ почему-то медлилъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ для подавленія бунта. «Что особенно отличало Рейнсдорпа отъ другихъ тогдашнихъ дѣятелей, замѣчаетъ Мордовцевъ, такъ это-то, что онъ постоянно терялся и дѣйствовалъ невпопадъ» [36]). Отсутствіе прозорливости, непониманіе окружающихъ обстоятельствъ, недостатокъ энергіи во всѣхъ мѣропріятіяхъ—вотъ тѣ отрицательныя качества, которыми отличался Рейнсдорпъ, правитель огромнаго края [37]). Понятно, что при такихъ качествахъ главнаго начальника трудно было надѣяться на скорый и благопріятный исходъ Яицкаго замѣшательства; чтобы справиться съ возникавшими тогда на каждомъ шагу затрудненіями, нуженъ былъ человѣкъ талантливый, рѣшительный и энергичный. Въ Мартѣ отправленъ былъ изъ Москвы на почтовыхъ генералъ-маіоръ Фрейманъ съ одною гренадерскою ротою Великолуцкаго пѣхотнаго полка, а вслѣдъ за нимъ артилерія.

Между тѣмъ, наступила распутица, дороги сдѣлались непроходимыми, и лишь въ исходѣ Мая мѣсяца посланы были изъ Оренбурга войска, въ числѣ 3000 человѣкъ [38]), подъ начальствомъ генералъ-маіора Фреймана, для наказанія виновныхъ и возстановленія порядка. Казаки, узнавъ объ этомъ, рѣшились защищаться. Первое извѣстіе о выступленіи отряда Фреймана привезъ въ Яицкій городокъ Илецкій казакъ, Никита Ерзиковъ. Войско, собравшись въ Кругъ, рѣшило просить помощи у Киргизскаго хана Нурали и Айгуванъ-Салтана. Мулла Абрешитъ, по приказанію войсковыхъ старшинъ и по просьбѣ казаковъ, написалъ два письма, которыя и были препровождены въ степь къ Нурали-хану и Айгуванъ Салтану съ Татариномъ Кулбаемъ Алкуиновымъ, состоявшимъ на службѣ въ Яицкомъ войскѣ около 25 лѣтъ. Впослѣдствіи, на допросахъ, Абрешитъ и Алкуиновъ показали, что войско въ этихъ письмахъ просило Нурали и Айгувана о выдачѣ плѣнныхъ, между прочими о выдачѣ трою-

---

[36]) См. его статью: „Русскіе дѣятели половины прошлаго вѣка и Пугачевъ" въ Отечеств. Зап. 1868 г. № 10.

[37]) Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 7.

[38]) Пекарскій: „Жизнь и литер. переписка П. И. Рычкова", стр. 133.

роднаго брата народнаго судьи Сенгилевцева и о выдачѣ казаковъ, захваченныхъ Киргизами съ нижнихъ форпостовъ; представитель же народной партіи, сотникъ Кирпичниковъ, заявилъ, что онъ и сотники: Иванъ Портновъ, Семенъ Артикѣевъ, Андрей Азовсковъ, Иванъ Герасимовъ, Петръ Краденовъ, съ согласія всего войска, просили написать Нурали и Айчувакъ Салтану о подачѣ помощи противъ Фреймана. Показанія Кирпичникова подтвердили сотникъ Краденовъ [39]) и народный повѣренный Трифоновъ [40]). Сенгилевцевъ [41]) показалъ согласно съ составителемъ писемъ, а Неулыбинъ [42]) заявилъ, что письма дѣйствительно были написаны, но содержаніе ихъ ему неизвѣстно. Отправляя въ степь Алкуинова, войско дало ему въ проводники пять челов. плѣнныхъ Киргизъ и послало въ подарокъ два ведра вина [43]), 300 ручекъ листоваго табаку [44]), три пары осетриныхъ спинокъ [45]) и нѣсколько калачей [46]), приказавъ все это раздѣлить пополамъ между Нурали и Айчувакъ Салтаномъ.

На слѣдствіи Абрешитъ показалъ, что отъ Нурали получено было три письма, изъ которыхъ въ одномъ ханъ жалуется на атамана Тамбовцева и его сторонниковъ - старшинъ; проситъ взыскать съ сына атамана Меркульева Василья за 20 лошадей, отнятыхъ имъ у Айчувака, и съ сотника Семена Тамбовцева за убійство нѣсколькихъ Киргизъ и угонъ лошадей; вмѣстѣ съ тѣмъ Нурали приноситъ жалобу на старшину Нефеда Мостовщикова, нерѣдко будто бы угонявшаго у Киргизъ скотъ. Что касается другихъ двухъ писемъ, то Абрешитъ отозвался, что онъ не можетъ припомнить ихъ содержанія.

Спрошены были Кирпичниковъ и Трифоновъ, которые показали, что Нурали-ханъ обѣщался выслать 10,000 человѣкъ Киргизъ, на помощь казакамъ противъ отряда Фреймана; но не сдержалъ своего обѣщанія и вмѣсто 10,000 человѣкъ прислалъ только двоихъ плѣнныхъ казаковъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Киргизовъ, изъ которыхъ каждый получилъ отъ казаковъ въ подарокъ по ведру вина и по три лошади [47])

Между тѣмъ извѣстіе, привезенное казакомъ Ерзиковымъ, вскорѣ подтвердилось рапортомъ есаула Гавріила Сергѣева, находившагося въ Иртецкомъ форпостѣ. Сергѣевъ доносилъ, что Фрейманъ намѣ-

---

[39]) Тамъ же, 36.
[40]) Тамъ же, 48.
[41]) Тамъ же, 58.
[42]) Тамъ же, 64.
[43]) Такъ показали Трифоновъ и Сенгилевцевъ, Алкуиновъ же говорилъ, что вина ему было дано одно ведро.
[44]) Трифоновъ и Сенгилевцевъ показали только 100 ручекъ.
[45]) По показанію Алкуинова.
[46]) По показанію Краденова.
[47]) Тамъ же, 40.

ренъ уже переправиться черезъ рѣку Иртекъ и слѣдовать дальше къ Яицкому городку со всѣмъ войскомъ. Казаки, собравшись въ Кругъ, рѣшили отправить двухъ казаковъ, Максима Кабаева и Ив. Ерофѣева разузнать, на сколько справедливо доношеніе Сергѣева. Посланные, вернувшись, подтвердили извѣстіе Ерзикова и рапортъ Сергѣева. Въ слѣдъ за тѣмъ отъ Фреймана отправленъ былъ въ Яицкій городокъ офицеръ, который, явившись въ городъ, потребовалъ выдачи виновныхъ; но казаки отвѣчали, что они всѣ виновны и выдавать кого-либо не будутъ, съ чѣмъ посланный и вернулся къ Фрейману. Лишь только выѣхалъ изъ города посолъ Фреймана, какъ казаки собрались въ Кругъ и положили еще разъ навести справки о мѣстонахожденіи Фреймана. На этотъ разъ войско снарядило особый отрядъ, состоявшій изъ 20 человѣкъ верховыхъ казаковъ, и поручило его распоряженію вновь избраннаго полковника Пономарева, который, въ случаѣ перехода Фреймана черезъ р. Иртекъ, долженъ былъ немедленно донести о томъ войску. Прибывши въ Генварцевскій форпостъ, Пономаревъ узналъ, что отрядъ Фреймана устроилъ черезъ рѣку Иртекъ мосты и уже переправляется на другую сторону, чтобъ идти дальше къ рѣкѣ Ембулатовкѣ. Пономаревъ, сообщивъ о томъ войску, самъ остался въ Генварцевскомъ форпостѣ, въ ожиданіи выступленія казаковъ.

По полученіи извѣстія отъ Пономарева, казаки собрались въ Кругъ и единогласно рѣшили выступить противъ Фреймана всѣмъ войскомъ, оставивъ въ городѣ по два человѣка изъ десяти. Главнымъ распорядителемъ похода былъ избранъ судья Трифоновъ, а походнымъ атаманомъ Иванъ Ульяновъ, которому отъ Сенгилевцева дана была подробная инструкція, какъ поступать по отношенію къ Фрейману. Сотники и рядовые казаки обязались подпискою, что они будутъ стараться только о томъ, чтобы не допустить Фреймана въ Яицкій городокъ, а «дерзновенно противъ него генерала-майора не будутъ поступать» [48])

Предъ самымъ выступленіемъ изъ города, все войско выразило желаніе, чтобы священникъ Васильевъ соборнѣ съ другими отслужилъ молебенъ.

Изъ слѣдственныхъ допросовъ по этому дѣлу видно, что свящ. Васильевъ дѣйствительно служилъ молебенъ, вмѣстѣ съ соборными священниками о покореніи и преодолѣніи враговъ Яицкаго войска. Свящ. Васильевъ также показалъ: «къ присягѣ бывшихъ мятежническихъ старшинъ и всѣхъ сотниковъ и десятниковъ, которыхъ числомъ было человѣкъ до 40, ко кресту и Св. Евангелію, взятому мною изъ Петропавловской церкви, я приводилъ съ тѣмъ, чтобъ оному войску всѣ судьи, сотники и десятники были послушны и

---

[48]) Тамъ же, 59.

что̀ оное войско ни похочетъ, и дѣлать ничѣмъ не отговариваясь; но на то присяжнаго листа написано не было» [49]).

По совершеніи молебна и присяги, казаки, во главѣ съ Трифоновымъ, подъ командою атамана Ульянова и 18-ти сотниковъ, двинулись въ путь къ рѣкѣ Ембулатовкѣ, гдѣ долженъ былъ соединиться съ ними и полковникъ Пономаревъ съ своимъ конвоемъ. Въ аріергардѣ отряда слѣдовала артилерія при канонирахъ Максимѣ Лелековѣ, Никифорѣ Фофановѣ и Ив. Головановѣ [50]), начальство надъ которыми было ввѣрено сотнику Петру Краденову. Прибывъ на р. Ембулатовку, главный отрядъ соединился съ конвоемъ полковника Пономарева.

Собравшись въ Кругъ, казаки положили отправить къ Фрейману для переговоровъ есаула Аѳанасья Перфильева, сотника Никифора Любина и казака Андрея Курбетева. Депутаты должны были передать Фрейману, чтобъ онъ дальше не шелъ, такъ какъ отъ войска послана къ Ея Императорскому Величеству челобитная, на которую ожидается отвѣтъ [51]). Фрейманъ отвѣчалъ, что онъ, въ силу даннаго ему отъ Оренбургскаго генералъ-губернатора приказа, долженъ идти въ Яицкій городокъ и требовать виновниковъ смерти генералъ-майора фонъ-Траубенберга, атамана Тамбовцева и другихъ и если остановится, то не болѣе, какъ въ 15 верстахъ отъ города [52]). Депутаты вернулись къ отряду, въ сопровожденіи сержанта Мѣшкова, который, передавъ казакамъ отвѣтъ Фреймана, потребовалъ его именемъ выдачи виновныхъ, присовокупивъ, что имъ дается послѣднее время на размышленіе. Казаки объявили, что виновные содержатся уже подъ арестомъ; но что они желаютъ, чтобы Фрейманъ не ходилъ въ ихъ городъ [53]). Мѣшковъ направился къ отряду Фреймана, а казаки начали собираться въ Кругъ съ цѣлію окончательнаго рѣшенія, какъ поступить, въ случаѣ упорства Фреймана. Но и въ этотъ разъ казаки не придумали ничего новаго: они по прежнему стояли на томъ, чтобы преградить дальнѣйшій путь Фрейману къ ихъ городку. Вслѣдствіе этого было рѣшено, какъ только Фрейманъ двинется съ занимаемаго имъ мѣста, употребить всѣ силы и средства, лишь бы не допустить его къ рѣкѣ Ембулатовкѣ, находящейся верстахъ въ 60 отъ города; полковникъ Пономаревъ, какъ бы стараясь воодушевить другихъ, замѣтилъ при этомъ, что Фрейманъ долженъ почесть за счастіе, если ему удастся изъ Ембулатовки напиться водицы [54]). Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что на этотъ разъ

---

49) Тамъ же, 84.
50) Тамъ же 51.
51) Тамъ же 51.
52) Тамъ же 72.
53) Тамъ же 27.
54) Тамъ же 52.

не всѣ были согласны съ рѣшеніемъ Круга: нѣкоторые прямо заявили, что они шли не воевать, и даже обязались подпискою,— «дерзновенно вооруженною рукою противъ воли Монаршей не идти», и что, въ случаѣ упорства Фреймана, лучше отступить. Особенно энергично отстаивалъ это мнѣніе казакъ Гулчихинъ, котораго «на страхъ другимъ» атаманъ Ульяновъ приказалъ бить плетьми и привязать къ колесу, что̀ тотчасъ же и было исполнено. Избитый Гулчихинъ цѣлую ночь оставался привязаннымъ къ колесу, у котораго, вѣроятно, продержали бы его и дольше, еслибы положеніе его не возбудило состраданія въ другихъ, тѣмъ болѣе, что нашлось еще нѣсколько человѣкъ, вполнѣ солидарныхъ съ Гулчихинымъ. Сотники Простовъ и Бочкаревъ и казаки Макарычевъ, Турыбаринъ и Пустобаевъ заявили, что они вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе Гулчихина и что немало найдется и другихъ казаковъ, которые того же мнѣнія. Гулчихинъ хотя былъ отвязанъ отъ колеса, но большинство не хотѣло слѣдовать благоразумному совѣту меньшинства и рѣшилось дѣйствовать оружіемъ. На другой день, завидѣвъ приближавшійся отрядъ Фреймана, казаки перешли чрезъ Ембулатовку и пошли на встрѣчу отряду съ намѣреніемъ вступить въ бой. На четвертой верстѣ своего пути, казаки замѣтили, что изъ отряда Фреймана выѣхалъ офицеръ, въ сопровожденіи 10 человѣкъ, и направился прямо къ нимъ. Это былъ конвой для переговоровъ, на встрѣчу которому былъ посланъ полковникъ Пономаревъ, также въ сопровожденіи 10 чел. казаковъ. На требованіе пословъ Фреймана—отступить, казаки отвѣчали, что они лучше всѣ помрутъ на р. Ембулатовкѣ, а въ городъ его не пустятъ. Послы повернули лошадей и быстро понеслись къ своимъ отрядамъ. Настала роковая минута. Вотъ со стороны Фреймана грянулъ выстрѣлъ изъ пушки, другой, третій; казаки, какъ опытные и ловкіе наѣздники, разсѣялись въ разныя стороны и начали окружать отрядъ Фреймана. Съ праваго и лѣваго крыла выѣхало по 200 человѣкъ и завязали перестрѣлку сначала изъ ружей, а потомъ и изъ пушекъ... Между тѣмъ Калмыки, находившіеся въ лѣвомъ крылѣ казаковъ, въ тоже время зажгли степь. По травѣ пошелъ огонь, взвился клубомъ дымъ, въ воздухѣ по временамъ проносились отчаянные крики раненыхъ и слышались тяжелые предсмертные стоны умирающихъ. Кровавая драма началась. Съ утра до вечера продолжался упорный бой; наконецъ, казаки отступили и переправились за р. Ембулатовку. Изъ отряда Фреймана было убито до 30 человѣкъ и 8 взято въ плѣнъ, изъ числа же казаковъ убитыхъ не было; только двое слегка были ранены и убито двѣ лошади. Все это происходило 3 Іюня 1772 года въ день Св. Троицы. На слѣдующій день изъ отряда казаковъ поскакалъ гонецъ съ извѣстіемъ о случившемся въ Яицкій городокъ; 8-мь плѣнныхъ Оренбургскихъ казаковъ также были

отправлены въ городокъ, при особомъ рапортѣ [55]), въ которомъ главный начальникъ казачьяго отряда, судья Трифоновъ, между прочимъ, говоритъ: «Паки просимъ пожаловать священникамъ побить челомъ, дабы оные за православный народъ всѣ сіи дни помолебствовали, чтобъ Господь намъ помогъ одолѣть противника нашего». Вмѣстѣ съ тѣмъ Трифоновъ просилъ, чтобы въ Гурьевъ непремѣнно былъ отправленъ гонецъ съ приказаніемъ взять пороху и свинцу, и чтобъ съ нижнихъ форпостовъ командировано было нѣсколько вооруженныхъ казаковъ, для увеличенія отряда [56]). Народный судья и повѣренный Сенгилевцевъ, остававшійся въ городѣ, въ тотъ же день отвѣчалъ: «въ Гурьевъ городокъ для взятія пороху и своду съ форпостовъ казаковъ сего жъ числа отправленъ нарочный казакъ Максимъ Кабаевъ, и священники обнародованно молебствіе производятъ; Оренбургскіе казаки, яко и досмотрщики всѣ, содержатся подъ карауломъ, о чемъ вамъ вѣдать и о своихъ происшествіяхъ давать знать» [57]). Изъ слѣдственныхъ допросовъ Сенгилевцеву видно, что пороху было затребовано по 3 пуда на каждую пушку, а свинцу и ядеръ половинное число. Сенгилевцевъ также показалъ, что прапорщикъ Филатовъ, вмѣстѣ съ лошадью былъ арестованъ и содержался подъ крѣпкимъ карауломъ, чтобы онъ,—замѣчаетъ Сенгилевцевъ,—о семъ у насъ происходимомъ не могъ куда дать знать [58]).

Между тѣмъ, Фрейманъ подступилъ уже къ р. Ембулатовкѣ; казаки снова выступили на встрѣчу, и опять завязался упорный бой, длившійся съ утра до полденъ. Наконецъ, казаки, вопреки самоувѣренности полковника Пономарева, не только должны были напоить Фреймана и его отрядъ Ембулатовской водицей, а сознать, что имъ въ концѣ концевъ не устоять противъ его артилеріи и придется отступить въ городъ, гдѣ уже успѣли разнестись страшные слухи, что Фрейманъ выжжетъ весь городъ бомбами. Вслѣдствіе этого, почти всѣ жители Яицкаго городка, забравъ женъ, дѣтей и имущество, переправились за р. Чаганъ, протекающую съ западной стороны городка; иные уѣхали на Камышъ-Самарскіе озера и Узени, другіе въ Бударинскій форпостъ. Собравшись въ Кругъ, казаки положили отправить 1000 чел. въ Петербургъ съ повинною къ Императрицѣ; но охотниковъ набралось только 300 челов., которые, во главѣ съ сотникомъ Кирпичниковымъ, и отправились въ столицу, дорогою чрезъ р. Иргизъ. Въ тоже время бывшій атаманъ Андрей Бородинъ и шестеро виновныхъ старшинъ были освобождены, по желанію народа,

---

55) Тамъ же, 2 и 3 (39).

56) Рапортъ подписанъ за Трифонова писаремъ Ив. Герасимовымъ, а за Ульянова—Ив. Разскащиковымъ.

57) Тамъ же 4 и 5 (40).

58) Тамъ же 61.

изъ-подъ ареста, и Андрей Бородинъ [59]) былъ отправленъ съ поклономъ къ Фрейману отъ войска, чтобы онъ генералъ-маіоръ городъ не жегъ. Въ случаѣ отказа со стороны Фреймана, казаки рѣшились бѣжать въ Астрабадскій лѣсъ или Хиву [60]). Фрейманъ, опасаясь, чтобы казаки, подъ вліяніемъ такой молвы, не оставили своихъ домовъ, отрядилъ впередъ себя команду, которая и должна была разувѣрить казаковъ въ несправедливости нелѣпыхъ слуховъ и удержать ихъ въ городѣ. Когда авангардъ Фреймана явился въ городъ, казаки, находившіеся за р. Чаганомъ, почти всѣ перебрались въ свои дома, кромѣ только тѣхъ, которые уѣхали въ Бударинскій форпостъ и на Узени. Между тѣмъ Фрейманъ отправилъ особый конвой въ погоню за депутатами, изъ которыхъ поймано было только 20 человѣкъ, прочіе разбѣжались.

Мулла Абрешитъ, узнавъ о приближеніи къ городу Фреймана, не зналъ, куда ему скрыть отвѣтныя письма изъ Киргизской степи; наконецъ, по совѣту своей матери, Гульбанъ Кильметевой, онъ завернулъ ихъ въ пологъ и спряталъ въ погребъ къ муллѣ Мустаго, опасаясь, чтобы эти письма, въ случаѣ пожара, не сгорѣли [61]).

Вступивъ въ Яицкій городокъ, Фрейманъ приказалъ арестовать главныхъ предводителей народной партіи, и отправилъ ихъ въ Оренбургъ, гдѣ была учреждена особая слѣдственная Комиссія, подъ предсѣдательствомъ полковника Неронова. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь списокъ главныхъ коноводовъ народной партіи, отправленныхъ Фрейманомъ въ Оренбургъ; вотъ ихъ имена и фамиліи:

СОТНИКИ.

Иванъ Кирпичниковъ, Иванъ Сѣтчиковъ, Петръ Краденовъ, Семенъ Артикѣевъ, Ѳедотъ Морковцевъ, Андрей Азовсковъ, Максимъ Изюмниковъ, Даніилъ Абрамовъ, Логинъ Шапошниковъ, Иванъ Портновъ, Василій Гороховъ, Иванъ Герасимовъ, Тимоѳей Севрюгинъ, Михаилъ Чеботаревъ.

ДЕСЯТНИКИ.

Иванъ Кузнецовъ, Ермолай Ходинъ, Ильмасъ Кизекѣевъ, Ѳедоръ Свіягинъ.

КАЗАКИ.

Петръ Герасимовъ, Савелій Ѳоминичихинъ, Яковъ Ходинъ, Григорій Силкинъ, Козьма Носовъ, Максимъ Выровщиковъ, Емельянъ Чимевъ, Алексѣй Ларшинъ, Иванъ Горячкинъ, Степанъ Толкачевъ,

---

59) Тамъ же, 75. Показаніе Пономарева.

60) Тамъ же стр. 76.

61) Тамъ же.

Андрей Портновъ, Ѳедоръ Логиновъ, Василій Трифоновъ, Степанъ Павловъ, Семенъ Матросовъ, Иванъ Голованова, Никифоръ Фофановъ, Степанъ Рѣчкинъ, Григорій Алферовъ, Матвѣй Гордѣевъ, Степанъ Кашечкинъ, Петръ Погодаевъ, Козьма Хромовъ, Григорій Плотниковъ, Тимоѳей Люба(винъ), Андрей Легошинъ [62]).

По слѣдамъ этихъ 44 человѣкъ, Фрейманъ старался найти и тѣхъ, которымъ на первый разъ посчастливилось скрыться на хуторахъ и уметахъ [63]). Число арестованныхъ казаковъ все увеличивалось и, наконецъ, возрасло до того, что въ тюрьмахъ Оренбургскихъ не доставало мѣста, почему вынуждены были разсадить ихъ по лавкамъ гостиннаго и мѣноваго дворовъ. Прежнее казацкое правленіе было уничтожено и замѣнено комендантской канцеляріей. Въ Мартѣ 1773 г. состоялось постановленіе В. Коллегіи, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Войсковой Канцеляріи и войсковому Кругу, которые по Высочайшему Ея Императорскаго Величества указу уже и отрѣшены, не быть навсегда, а учредить тамъ Яицкую Комендантскую Канцелярію, опредѣля коменданта чина полковничья (съ принадлежащими къ нему по гарнизону, также и потребными по гражданству чинами и на содержаніе ихъ суммою), которому и быть надъ всѣми находящимися тамъ воинскими чинами и войскомъ Яицкимъ главнымъ командиромъ; въ присутствіе жъ съ ними въ ту канцелярію, для управленія по войску Яицкому всѣхъ дѣлъ и распорядковъ, опредѣлить хорошаго состоянія трехъ войсковыхъ старшинъ [64]). Главное начальство, по распоряженію Рейнсдорпа, поручено было подполковнику Симонову, а въ товарищи къ нему назначены: войсковой старшина Мартемьянъ Бородинъ и старшина Мостовщиковъ, должность же экзекутора возложена на одного изъ оберъ-офицеровъ [65]); въ видахъ предосторожности, въ непосредственное распоряженіе Симонова даны двѣ легкія полевыя команды и нѣсколько Оренбургскихъ казаковъ [66]).

Между тѣмъ, въ Оренбургѣ шли допросы виновныхъ «съ пристрастіемъ»; тюремныя избы, гауптвахты, подвалы домовъ переполнялись арестантами; палачи уставали работать; около ста тридцати человѣкъ умерщвлены среди страшныхъ пытокъ: нѣкоторыхъ четвертовали, другихъ повѣсили ребромъ за крючья, иныхъ растыкали по кольямъ; тысячѣ казакамъ отрубили носы и уши [67]). Слѣдствіе затянулось почти на цѣлый годъ. Многіе изъ казаковъ разбѣжались

---

62) Ур. в. арх., № 37, стр. 29—31. Списокъ или реестръ виновныхъ подписали: г. м. Фрейманъ и адъютантъ Шумадковъ.

63) Уметъ—постоялый дворъ въ степи.

64) См. въ Арх. Инсп. Деп. Кн. № 141, л. 116. Ур. в. арх., № 22, стр. 16—22.

65) См. доношеніе Рейнсдорпа отъ 24 Августа.

66) Пушкинъ, Исторія Пугачевскаго бунта.

и скрывались у своей же братіи по отдаленнымъ хуторамъ и уметамъ. Такъ, 21 Марта 1773 года, было публиковано о 53-хъ казакахъ, скрывшихся изъ Яицкаго городка; въ публикаціи говорилось, что если означенные казаки явятся добровольно и не позже 3-хъ мѣсяцевъ со дня публикаціи о нихъ, то всѣ получатъ прощеніе и снова будутъ опредѣлены въ Яицкое войско на прежнихъ правахъ казака [68]). Знали ли объ этой публикаціи казаки, находившіеся въ бѣгахъ, и, если знали, внимали-ли ея голосу, намъ неизвѣстно;—несомнѣнно только то, что въ Яицкихъ казакахъ въ это время не было ни малѣйшаго довѣрія ни къ начальству, ни къ разнымъ обѣщаніямъ и публикаціямъ о прощеніи и дарованіи лучшихъ дней. Въ Іюнѣ слѣдствіе, производившееся въ Оренбургѣ надъ виновными, было окончено и конфирмовано, а въ началѣ того же (1773) года въ Яицкомъ городкѣ «учинена экзекуція» [69]). Зачинщики бунта наказаны кнутомъ и заклеймены; около 140 челов. сослано въ Сибирь; менѣе виновныхъ били плетьми и отдали въ солдаты; остальные прощены и приведены ко вторичной присягѣ.

Теперь, казалось, все было кончено: виновные наказаны и сосланы въ Сибирь, остальные дали новую присягу въ своей вѣрности престолу и отечеству, въ городѣ возстановилось спокойствіе, казаки какъ-бы примирились съ своимъ положеніемъ. Но все это не предвѣщало лучшаго будущаго: спокойствіе среди Яицкаго войска было фальшивое, наружное и потому непрочное. Между тѣмъ, обстоятельства внутри остальной Россіи, какъ-бы нарочно, складывались такъ, что не далеко было до новаго и болѣе важнаго бунта на берегахъ привольнаго Яика и по крѣпостямъ Оренбургско-Яицкой линіи.

Заводскіе крестьяне, угнетаемые работами и обижаемые заводовладѣльцами, не разъ уже открыто выражали свое недовольство. «До того дойдемъ,—говорили Масленскіе и Барневскіе крестьяне,— что сами себя треть перерѣжемъ или сгоримъ, какъ раскольники Исетскаго дистрикта» [70]). Въ теченіи времени съ 1760 по 1764 годъ протестъ заводскихъ крестьянъ въ восточной полосѣ Россіи достигъ такихъ размѣровъ, что правительство вынуждено было усмирять ихъ вооруженною силою, подъ наблюденіемъ и руководствомъ князя Вяземскаго и А. И. Бибикова. Бунтовщики хотя и были усмирены, но покорность ихъ была вынужденная, основанная на пуляхъ и пикахъ Донскихъ казаковъ, да на солдатскомъ

---

[67]) Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 16. Сличи очеркъ Рябинина.

[68]) Ур. в. арх., № 50, стр. 2.

[69]) См. Чт. Общ. Истор. и др. Росс. 1859 г. кн. 3, стр. 115.

[70]) См. „Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ въ 1760—64 гг.“ статью В. Семевскаго въ Вѣст. Евр. 1877 г., № 1.

штыкѣ. Понятно, что эти еще недавніе бунтовщики, при малѣйшемъ поводѣ, готовы были снова взволноваться.

Другой ненадежный элементъ Оренбургскаго края составляли раскольники, которые также не прочь были воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы встать въ опозиціонное отношеніе къ правительству, утратившему, по ихъ понятіямъ, «древнее благочестіе». — Въ тоже самое время Оренбургскій край переполнялся ссыльными конфедератами мужескаго и женскаго пола. Въ Январѣ 1773 г., ихъ считалось уже около тысячи человѣкъ въ Оренбургскомъ краѣ, особенно много было конфедератовъ и конфедератокъ въ Уфѣ и Оренбургѣ [71]). Ксендзы Лисянскій, Франковскій и Коленда начали въ Уфѣ пропагандировать свое ученіе и публично, безъ дозволенія начальства, отправлять католическое богослуженіе; шляхта нашла самый радушный пріемъ въ домахъ помѣщиковъ, обучая ихъ дѣтей иностраннымъ языкамъ, музыкѣ и танцамъ. Сдѣлавшись педагогами и танцмейстерами, конфедераты скоро вкрались въ довѣріе Русскихъ семействъ и, завлекши въ свои сѣти молодыхъ женщинъ, старались чрезъ нихъ распространять свои политическія тенденціи, направленныя противъ существовавшаго въ Россіи порядка и строя государственной жизни. Изъ дѣлъ Тургайскаго областнаго архива, между прочимъ, видно, что конфедераты не ограничивались одной помѣщичьей семьей, а старались проникать и въ нисшіе слои общества. Запасшись разными подарками: кольцами, перстеньками, сережками и т. п. вещицами, они посѣщали дѣвическія посидѣлки или вечеринки, принимали участіе въ играхъ Русской молодежи и нѣкоторыхъ изъ простодушныхъ дѣвушекъ заманивали въ свои сѣти, представляя имъ, въ какомъ тяжеломъ положеніи находятся ихъ отцы и братья, работая на своихъ деспотовъ-заводчиковъ и землевладѣльцевъ. Вообще конфедераты пользовались большой свободой: одѣвались въ свои кунтуши, чемарки, конфедератки, ходили по городу и домамъ нерѣдко вооруженные саблями и пистолетами [72]). Не говоря уже о томъ вредномъ вліяніи, которое конфедераты могли имѣть на Русское общество, они старались пробудить недовольство къ правительству и въ инородческомъ населеніи края, и безъ того склонномъ къ постояннымъ волненіямъ [73]). Такимъ образомъ, правительство, переселяя конфедератовъ съ Запада на Востокъ, и не подозрѣвало, что оно само приготовляло благопріятную почву для бли-

---

[71]) Прочіе конфедераты были поселены въ Бузулукѣ, Бугульмѣ, крѣпостяхъ: Чернорѣченской, Татищевой, Разсыпной, Нижнеозерной, Илецкой, Переволоцкой, Губерлинской, Верхне-Яицкой и друг. См. въ Уфим. Губ. Вѣд. за 1874 г. статью Р. Г. Игнатьева: „Конфедераты въ Уфѣ въ 1772 г.“.

[72]) Уфим. Губ. Вѣд. 1874 г. № 20.

[73]) Нѣкоторые говорили, что генералъ Бибиковъ, — этотъ энергичный и ловкій усмиритель Пугачевцевъ,—былъ отравленъ конфедератами. См. От. З. 1868 г., № 10, 461.

зившейся Пугачевщины. Можно не безъ основанія предположить, что нѣкоторые изъ ссыльныхъ конфедератовъ знали и о знаменитой княжнѣ Таракановой, имѣвшей связь съ Польшей и Іезуитами и появившейся въ описываемое время на Югѣ Европы, съ правами на Русскій престолъ. Между тѣмъ, свирѣпые палачи, ихъ плети и кнутъ, позорныя клейма, страшныя пытки, эшафотъ, глаголи, висѣлицы и горькія неудачи глубоко и крѣпко засѣли въ казачьихъ головахъ, не давая покоя ихъ озлобленному сердцу. Казаки тайно сбирались по отдаленнымъ хуторамъ и уметамъ, вспоминали здѣсь свои Круги и казачьи вольности, а иногда, какъ бы въ утоленіе своей злобы, говорили: «То ли, братцы, еще будетъ! Такъ ли мы тряхнемъ Москвою» [74]). И вотъ, въ это-то самое время когда все было готово къ принятію новаго самозванца, Яицкіе казаки узнали, что въ ихъ предѣлахъ появился загадочный человѣкъ. Видѣвшіе его говорили, что это былъ уже пожилыхъ лѣтъ мужчина, отличавшійся хорошимъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, средняго роста, съ темнорусыми волосами на головѣ, усахъ и такою же въ просѣдь бородою; смуглое, рябоватое лицо, небольшой орлиный носъ, шрамъ на лѣвомъ вискѣ, черныя брови, сѣрожелтоватые глаза, огненный взоръ и грозный голосъ придавали всей фигурѣ этого загадочнаго лица какую-то наглую рѣшительность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то странное величіе и привлекающую энергію; что-то смѣлое, сильное и зловѣщее проявлялось во всѣхъ словахъ этого человѣка. То былъ Донской казакъ Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ, ставшій во главѣ недовольныхъ подъ именемъ Петра III, человѣкъ, который, не принесши никакой пользы никому, погубилъ болѣе 100,000 народа и, выжегши сотни деревень, селъ и городовъ Русскихъ, далъ въ свое оправданіе слѣдующій отвѣтъ: «Богу было угодно наказать Россію чрезъ мое окаянство. Прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою.... прости, народъ православный» [75])!

В. Н. Витевскій.

---

[74]) Пугачевъ впослѣдствіи показалъ: „Казаки умильно просили меня, чтобъ идти въ Москву, что̀ я къ удовольствію ихъ обѣщалъ“. Слѣдовательно, казаки дѣйствительно желали „тряхнуть Москвою“, и желаніе ихъ едва не осуществилось: Пугачевъ повернулъ отъ Оссы на Казань. Высланныя противъ него войска были разбиты, Казань взята и выжжена. Предъ нимъ лежала открытая дорога на Нижній, Москву и Петербургъ. Москва съ часу на часъ ждала самозванца. Петербургъ также. Екатерина была не спокойна въ своемъ дворцѣ. Въ Москвѣ до 80,000 народа, большею частію, оборванцевъ, дворовыхъ людей и всякой сволочи, ожидали Пугачева. Полиція ничего не могла сдѣлать. Волненіе было всеобщее. По почему Пугачевъ не пошелъ на Москву, которую такъ легко было взять, это остается тайной. См. Bemerkung etc. 232. Сл. Отеч. Зап. 1868 г, № 10, 475.

[75]) На Уралѣ до сихъ поръ сохранились нѣкоторыя преданія о Пугачевѣ; одно изъ такихъ преданій, показывающее, какъ казаки смотрѣли на Пугачева, было сообщено мною IV Археологическому Съѣзду, бывшему въ Казани, въ Августѣ 1877 года. Въ 1878 г, оно было переведено на Французскій языкъ А. Рамбо и напечатано въ „Revue Historique“ (t. VII, Juillet — Août 1878. Paris) „Traditions populaires dans la Russie orientale sur l'insurrection de Pougatchef, un récit inédit sur le faux Pierre III“. стр. 371—379.

Генералъ Круковецкій *)

Qualis grex, talis rex.

Въ исторіи приходится, сплошь да рядомъ, встрѣчаться съ такими доводами, въ силу которыхъ тѣ или другія народныя бѣдствія, какъ напр. война, голодъ, моръ и вообще многоразличныя невзгоды человѣчества, почти всецѣло взваливаются на одну дѣйствующую личность или же на какое нибудь сопоставленіе обстоятельствъ. Козломъ отпущенія является тутъ такая подтасовка лицъ и событій, что только послѣдующимъ поколѣніямъ приходится разоблачать нелѣпость подобныхъ самоодуреній. Такіе пріемы свойственны въ особенности народамъ, страдающимъ недостаткомъ самостоятельности или же и совсѣмъ утратившимъ таковую. Для самоубаюкиванья и замаскировки истинныхъ болячекъ, въ подобныхъ случаяхъ, пускаются въ ходъ самыя неразборчивыя соображенія. То напр. нѣсколько алчныхъ сосѣдей, какъ бы по командѣ, бросаются на разлагающееся (отъ совершенно другихъ причинъ) государственное тѣло; то опять появляется супостатъ, который, лишь магическою силою сребренниковъ, сбиваетъ съ пути долга излюбленнѣйшихъ патріотовъ-избранниковъ. Хороши, значитъ, и избирающіе, и избранники:—каковъ попъ, таковъ и приходъ! При этомъ, разумѣется, забываются хотя бы и такіе напр. простые вопросы: отчего же это продолжаютъ существовать, по тысячѣ лѣтъ, десятки мелкихъ владѣній и даже отдѣльныхъ вольныхъ городовъ? Почему именно на извѣстныя только народности накидываются враги, вооруженные, зачастую, даже такимъ не смертоноснымъ оружіемъ, каковы рубли?

Подобной Крыловской кумѣ было бы далеко полезнѣе поискать гангрены въ собственномъ организмѣ.

Если столь умышленное умолчаніе о собственномъ недугѣ вызываетъ только презрительную улыбку здоровыхъ членовъ другихъ государственныхъ семей, то къ какому же практическому результату могутъ привести всѣ расточаемыя по этому поводу фарисейскія сѣтованія и уловки, имѣющія цѣлью присыпать песочкомъ собственное ничтожество?

Нижеприводимый «Отчетъ о служеніи генерала Круковецкаго» служитъ нагляднымъ доказательствомъ, до чего можетъ дойти желаніе умыть руки въ омутѣ своихъ же прегрѣшеній. Не отрицая даже виновности Круковецкаго, все

*) Графъ Янъ Круковецкій, Варшавскій генералъ-губернаторъ мятежнаго правительства въ 1831 году президентъ Польши, род. въ 1770 году, извѣстенъ былъ въ молодости многочисленными поѣдинками, позднѣе храбростью на службѣ Наполеону. По взятіи Варшавы онъ отвезенъ былъ на жительство въ Россію, потомъ помилованъ и умеръ въ Варшавѣ въ 1850 году. П. Б.

же остается открытымъ вопросъ: чѣмъ онъ хуже своихъ сотоварищей, предавшихъ его столь безцеремонно на поруганіе толпы? Быть можетъ, только послѣдующее время доставитъ намъ болѣе положительныя данныя, уясняющія предосудительную дѣятельность бывшаго Польскаго вершителя судебъ, которыми онъ орудовалъ, какъ говорится, безъ году недѣлю.

Упомянутый отчетъ помѣщенъ въ весьма рѣдкомъ теперь номерѣ «Варшавскаго Всеобщаго Дневника» отъ $^{8}/_{20}$ Сентября 1831 года, вышедшимъ, стало быть, всего двѣ недѣли послѣ взятія Варшавы. Хотя документъ этотъ и написанъ отъ третьяго лица, тѣмъ не менѣе, судя по изложенію, его слѣдуетъ приписать самому генералу Круковецкому. Около полувѣка минуло со времени самаго возстанія, и теперь можно съ полнымъ безпристрастіемъ отнестись къ человѣку, дѣятельность котораго, почти изо дня въ день, представляется имъ самимъ на судъ современниковъ и потомства.

И мы, Русскіе, не можемъ безучастно относиться какъ къ личности генерала Круковецкаго, такъ и къ его дѣятельности, зеркаломъ которой представляется его же собственная исповѣдь. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Круковецкій, имѣвшій личное свиданіе съ фельдмаршаломъ Паскевичемъ, въ исторической корчмѣ Вольскаго Предмѣстья Варшавы, обвиняется, ни болѣе ни менѣе, какъ въ томъ, что онъ былъ подкупленъ Русскими. Этимъ пріемомъ имѣлось въ виду убить уже не двухъ, а цѣлыхъ три зайца: 1) умалить геройскіе подвиги нашихъ войскъ при взятіи штурмомъ Вольскихъ укрѣпленій; 2) набросить тѣнь подкупа на наше нравственное достоинство и 3) отвести глаза отъ цѣлаго ряда прискорбныхъ событій, подорвавшихъ возстаніе въ самомъ его корнѣ.

Не даромъ же слышится еще и до сихъ поръ народная Польская прибаутка: «Круковецкій-воякъ продалъ Варшаву за троякъ».

М. Сернс-Соловьевичъ.

Отчетъ о служеніи генерала Круковецкаго.

(Переводъ съ Польскаго).

Такъ какъ злые, или же незнакомые съ дѣломъ, люди позволяютъ себѣ распространять разнаго рода небылицы и клевету на бывшаго предсѣдателя народнаго правительства, то прежде изданія болѣе пространнаго сочиненія съ документами, поясняющими его дѣйствія съ 15 Августа по день 8-го Сентября *), необходимо вкратцѣ освѣтить передъ публикой весь ходъ дѣла.

Въ ночь 15 Августа, когда никакая власть не останавливала убійствъ, подстрекаемыхъ патріотическимъ обществомъ и клубомъ офицеровъ безъ службы, ген. Круковецкій, какъ бывшій Варшавскій

*) Счетъ по новому стилю.

губернаторъ, осмѣлился броситься въ разъяренную толпу, прекратилъ кровопролитіе и возвратилъ спокойствіе столицѣ. Лишь около двухъ часовъ по полуночи, когда уже окрестности Замка, Краковскаго Предмѣстья и сосѣднихъ улицъ были свободны отъ толпы, онъ получилъ назначеніе на званіе губернатора.

Утромъ 16 числа потребовалъ онъ отъ главнокомандующаго помощи для обузданія новыхъ насилій и, не получивъ таковой, 17 числа утромъ отправился лично въ главную квартиру на Чистомъ и представилъ необходимость подкрѣпленій Варшавскаго гарнизона пѣхотными полками, вслѣдствіе чего, въ тотъ же день, два требуемыхъ полка вступили въ столицу.

Того же 17 числа, около 3-хъ часовъ по полудни, ген. Круковецкій, выбранный предсѣдателемъ правительства Царства, ограниченнаго въ то время одною квадратною милею, принялъ это бремя съ рѣшимостью человѣка готоваго противостать всѣмъ ударамъ, лишь бы спасти, если возможно, уже расшатанный и близкій къ крушенію корабль.

18-го числа онъ велѣлъ представить себѣ рапорты о всѣхъ военныхъ запасахъ, провіантѣ, имуществѣ и собрать свѣдѣнія о духѣ, оживлявшемъ войска. Убѣдившись изъ рапортовъ, что въ магазинахъ было провіанта только на 11 дней, а фуража всего лишь на нѣсколько дней, онъ созвалъ, 19 числа, военный совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ. Въ немъ приняли участіе: вице-предсѣдатель правительства Нѣмоевскій, исправляющій должность главнокомандующаго Малаховскій, генералы: Дембинскій, Уминскій, Ромарино, Прондзынскій, Хржановскій, Сѣравскій, Рыбинскій, Колачковскій, Лубенскій, Левинскій, Скржинецкій и генералъ Бемъ, въ то время еще полковникъ. Совѣтъ былъ собранъ для рѣшенія, который изъ трехъ поданныхъ проэктовъ признанъ будетъ самымъ полезнымъ. Голоса всѣхъ членовъ этого совѣта, написанные ихъ собственною рукою, находятся въ рукахъ ген. Круковецкаго.

Трое подали голоса вступить въ сраженіе, а именно: ген. Круковецкій, Хржановскій и Рыбинскій; двое оставить Варшаву (генералы Дембинскій и Сѣравскій); остальные требовали обороны Варшавы и высылки двухъ отдѣльныхъ корпусовъ на правый берегъ Вислы.

Въ слѣдствіе большинства голосовъ, высланъ былъ корпусъ ген. Ромарино въ Подлясское воеводство для истребленія корпуса ген. Головина, въ которомъ было вмѣстѣ съ войсками ген. Розена не болѣе 11-ти тысячъ, почему онъ и могъ быть легко уничтоженъ нашимъ корпусомъ, значительно превышавшимъ его числительностью. Генералъ же Лубинскій высланъ былъ въ Плоцкое воеводство для очищенія онаго, уничтоженія шанцовъ и мостовъ въ Нѣмавѣ, а также и для пресѣченія Русскимъ войскамъ сообщеній съ Пруссіею.

Кромѣ уничтоженія корпуса Головина, главною задачею экспедиціи Ромарино было снабдить столицу и войско, оставленное для ея обороны, провіантомъ. Можно ли было сомнѣваться, даже на минуту, чтобы оставленныя здѣсь 35 тысячъ войска, не считая народной гвардіи и того народа, который, казалось, только дышалъ жаждою боя и негодовалъ на самую мысль о переговорахъ, чтобы все это оказалось недостаточной силой?

Хотя движеніе Ромарино не было столь быстро, какъ бы этого слѣдовало ожидать, хотя лишь отчасти, и то уже подъ Мендзержицомъ, онъ затронулъ корпусъ Головина и Розена, а въ послѣдствіи, безъ нужды, потерялъ нѣсколько дней подъ Брестомъ, которымъ не могъ овладѣть; но все же онъ освободилъ Подлясское воеводство, чѣмъ далъ возможность гражданскимъ властямъ сдѣлать раскладку о доставленіи столицѣ провіанта.

Когда непріятель началъ дѣлать подъ Горой приготовленія для переправы черезъ Вислу, генералу Ромарино, ежедневными курьерами, посылались предписанія приближаться къ столицѣ, не для защиты оной (такъ какъ оставленной тамъ силы было достаточно), но только для того, чтобы онъ не былъ отъ нея отрѣзанъ, въ случаѣ если бы непріятель массою перешелъ Вислу.

Соединеніе генерала Крейца съ главной арміей (чему, не смотря на всѣ маневрированія, въ Плоцкомъ воеводствѣ, не было возможности воспрепятствовать) и возраставшее стѣсненіе Варшавы ежеминутно заставляли ожидать настоящаго штурма На этотъ случай предсѣдатель правительства велѣлъ представить себѣ планъ обороны, объяснить всѣ подробности оной. Онъ нашелъ всѣ пункты хорошо защищенными, съ достаточными резервами, для нихъ назначенными. При этомъ исправлявшій должность главнокомандующаго и другіе командующіе генералы удостовѣряли, что служба исполняется съ большимъ усердіемъ, въ особенности ген. Бемомъ; что первая линія валовъ, состоящихъ подъ его командою, можетъ смѣло держаться 24 часа, особенно при такомъ числѣ запасныхъ орудій, какое у него было заготовлено. И такъ, предписавъ лишь соблюдать большую осторожность и воспретивъ вечерніѧ отлучки, ген. Круковецкій занялся своими дѣлами по должности предсѣдателя правительства, вполнѣ обнадеженный данными завѣреніями о безопасности столицы.

Тѣмъ временемъ движенія ген. Ромарино и Лубинскаго (которые, освободивъ два воеводства, обезпечили снабженіе столицы провіантомъ) убѣдили фельдмаршала*) въ новой энергіи правительства, чтò и склонило его сдѣлать первый шагъ для прекращенія кровопролитія. Высланный предсѣдателемъ совѣта министровъ, ген. Прондзын-

*) Т. е. Паскевича.

скій привезъ условія весьма выгодныя въ нашемъ положеніи. Онъ представилъ ихъ Совѣту въ присутствіи предсѣдателя, Сената и маршала Сейма. За принятіе ихъ подали голоса: предсѣдатель правительства, предсѣдатель Сената, министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ финансовъ; противъ принятія, съ требованіемъ отвоеванія Польши въ давнихъ ея границахъ, подали голоса вице-предсѣдатель правительства, исправлявшій должность главнокомандующаго, маршалъ Сейма, министры: вѣроисповѣданій, военный, юстиціи и иностранныхъ дѣлъ. И такъ большинство перевѣсило, и новыя обсужденія касались лишь формы отвѣта, при чемъ умѣренное мнѣніе опять должно было уступить неумѣренному.

Сентября 4-го дня, по изготовленіи редакціи отвѣта, согласно мнѣнію большинства, предсѣдатель правительства предсказалъ, что, получивъ таковой, фельдмаршалъ можетъ искать исхода борьбы лишь оружіемъ, и съ этою мыслью тогда же, въ полдень, не только приказалъ быть въ полной готовности къ битвѣ, но и самъ лично счелъ необходимымъ убѣдиться, все ли на своемъ мѣстѣ.

Сентября 5-го дня онъ предписалъ исправляющему должность главнокомандующаго возобновить приготовленія для обороны и удостовѣриться, насколько на нихъ можно было разсчитывать. Съ полученіемъ же, съ Обсерваторіи, рапорта о движеніи цѣлой Русской арміи онъ поѣхалъ лично удостовѣриться, все ли было готово къ слѣдующему дню, въ продолженіи котораго онъ съ увѣренностію ожидалъ штурма. Послѣ этихъ распоряженій и завѣреній въ успѣхѣ уже не было дѣломъ предсѣдателя защищать лично шанецъ № 54, взятый при слабомъ сопротивленіи. Не его также обязанностію было наблюдать, двигаются ли баталіоны для подкрѣпленія шанца на Волѣ, предназначенные въ помощь ген. Совинскому. Это, какъ предметъ прямой исполнительности, было дѣломъ генерала Дембинскаго, подъ командою котораго находился и этотъ шанецъ вмѣстѣ съ резервами, предназначенными въ помощь Совинскому. Наконецъ, исправляющій должность главнокомандующаго находился лично въ этихъ мѣстахъ. Въ день 6-го Сентября предсѣдатель правительства не уклонялся однакоже отъ долга, неразлучнаго съ обязанностями предсѣдателя. Онъ былъ и на полѣ сраженія, гдѣ, уже за нѣсколько дней, назначилъ для своей главной квартиры шанецъ № 73, чтобъ оттуда распоряжаться всѣми атаками. Этотъ пунктъ былъ имъ избранъ по той причинѣ, что, на основаніи военной тактики, самаго сильнаго удара всего болѣе слѣдовало ожидать въ самомъ слабомъ мѣстѣ, каковымъ и были окрестности Мокотова.

Сентября 6-го, послѣ взятія шанцевъ №№ 54, 57 и главнаго около Вольскаго костела, въ Совѣтѣ Министровъ было рѣшено написать фельдмаршалу о сообщеніи условій, на основаніи которыхъ онъ уполномоченъ Монархомъ войти въ переговоры съ Польскимъ на-

родомъ, съ каковымъ порученіемъ и былъ отправленъ генералъ Прондзынскій. Привезенный отвѣтъ фельдмаршала заключался въ приглашеніи предсѣдателя правительства на свиданіе, на форпостахъ, 7-го Сентября, въ 8 часовъ утра.

Послѣ разговора 7-го Сентября въ 8 часовъ утра съ фельдмаршаломъ Паскевичемъ, генералъ Круковецкій, не обладая полномочіемъ для заключенія договора (что̀ выговорено Сеймомъ въ 4-й статьѣ послѣ перемѣны правительства 17-го Августа того года) привезъ условія онаго, предложенныя фельдмаршаломъ, каковыя и сообщилъ оффиціально Совѣту Министровъ, предсѣдателю Сената и маршалу Посольской Палаты для полученія постановленія Сейма.

Пріостановка военныхъ дѣйствій разрѣшена была лишь до 1-го часу полудня.

Получивъ сообщеніе отъ предсѣдателя правительства, Соединенныя Палаты, состоявшія изъ ген. Прондзынскаго, военнаго министра Моравскаго и министра внутреннихъ дѣлъ Глищинскаго, отсрочили засѣданіе и уполномочили Круковецкаго принять всѣ мѣры, какія онъ признаетъ сообразными въ настоящихъ, нетерпящихъ отлагательства, обстоятельствахъ.

Когда громъ орудій опять возобновился, Круковецкій не получилъ еще на бумагѣ означеннаго постановленія, переданнаго ему ген. Прондзынскимъ только на словахъ, по распоряженію сеймоваго маршала. Слѣдовательно безъ означеннаго постановленія, предъявленнаго въ установленной формѣ, дѣйствія его не имѣли бы законной силы. Не желая навлечь на себя большой отвѣтственности, въ виду серьезной опасности, угрожавшей городу и всей странѣ, Круковецкій подалъ Сейму прошеніе объ отставкѣ, которое и было передано на руки статскаго совѣтника Игнатія Шимановскаго. Сей послѣдній сообщилъ таковое секретарю Посольской Палаты, такъ какъ члены, не порѣшивъ ничего окончательно, разошлись съ тѣмъ, чтобы опять собраться въ 4 часа.

Такая потеря времени, въ столь рѣшительную минуту, равно какъ и желаніе остановить уже ненужное кровопролитіе, побудили ген. Круковецкаго выслать Прондзынскаго къ фельдмаршалу съ предложеніемъ пріостановить бой, такъ какъ формальности для представленія ему окончательнаго отвѣта не могли быть такъ скоро исполнены. Слѣдовало предвидѣть, что сеймовыя палаты, къ 6-ти часамъ вечера, пришлютъ предсѣдателю полномочіе для заключенія условій.

Ген. Прондзынскій не видѣлся съ фельдмаршаломъ, который въ это время уже былъ раненъ, и возвратился съ ген. Бергомъ, привезя отвѣтъ Великаго Князя, уполномоченнаго вести переговоры. Въ отвѣтѣ сказано, что бой не можетъ быть остановленъ, пока условія не будутъ подписаны; но предоставлена однакоже возможность переговариваться во время военныхъ дѣйствій. Ген. Бергъ, прибывшій съ

этою цѣлью во дворецъ въ 5 часовъ, не мало былъ удивленъ, не заставши тамъ предсѣдателя, уполномоченнаго соотвѣтствующимъ постановленіемъ. Вскорѣ затѣмъ возвратился изъ Посольскихъ Палатъ статскій совѣтникъ Шимановскій съ заявленіемъ, что палаты не принимаютъ отставки предсѣдателя правительства и что, напротивъ, просятъ, чтобы въ столь критическую минуту онъ посвятилъ себя, какъ и до сихъ поръ, общественному благу.

Круковецкій, вынужденный опять остаться предсѣдателемъ правительства, отправилъ ген. Прондзынскаго въ Посольскія Палаты для сообщенія отвѣта Великаго Князя, увѣдомляя ихъ и о прибытіи ген. Берга съ цѣлью окончить переговоры.

Прондзынскій вскорѣ возвратился въ сопровожденіи депутаціи Посольскихъ Палатъ, состоявшей изъ пословъ Малаховскаго и Либишевскаго, которые объявили письменно, что Палаты, почти единогласно, уполномочиваютъ предсѣдателя правительства вести переговоры съ непріятелемъ. Когда же, часъ спустя, Соединенныя Палаты прислали Круковецкому постановленіе, извѣщающее его, что онъ имѣетъ право вступить въ переговоры, съ цѣлью положить конецъ борьбѣ, Круковецкій измѣнилъ препровожденныя ему непріятелемъ статьи и вручилъ ихъ ген. Бергу, съ заявленіемъ, что отъ нихъ ни въ чемъ не отступитъ, при чемъ приложилъ письмо на имя Государя Императора, которое просилъ представить послѣ принятія статей. Въ означенномъ письмѣ онъ взывалъ къ отеческому сердцу Монарха объ исцѣленіи всѣхъ бѣдствій нашего отечества, удрученнаго столькими несчастіями.

Когда ген. Бергъ не согласился отвезти эти статьи, такъ какъ они существенно разнились отъ привезенныхъ, предсѣдатель придалъ ему Прондзынскаго для заявленія, что, въ случаѣ непринятія оныхъ, Польское войско будетъ обороняться въ городѣ до послѣдняго человѣка.

Послѣ обѣда отъ обоихъ генераловъ боевой линіи получались все болѣе и болѣе печальныя вѣсти, и въ то именно время, когда предсѣдатель былъ увѣдомленъ, что непріятель, овладѣвъ уже главнымъ валомъ, подвигалъ свои колонны, возвратившійся съ переговоровъ полковникъ Бреанскій донесъ, что по возвращеніи Берга атака непріятеля была остановлена. Когда это случилось, и по городу разнеслась вѣсть, будто бы непріятель былъ отбитъ, маршалъ Островскій подошелъ къ предсѣдателю правительства, ожидавшему возвращенія Прондзынскаго съ донесеніемъ, и объявилъ ему, что собравшіеся во дворцѣ послы приглашаютъ его для предъявленія имъ статей предполагаемаго договора. Предсѣдатель, не имѣя копіи означенныхъ статей, которая не могла быть снята безъ потери дорогаго времени, и къ тому же необязанный, по закону, лично являться въ Палату, отказалъ маршалу въ удовлетвореніи этого желанія.

Спустя четверть часа, маршалъ возвратился съ заявленіемъ, что Палаты не желаютъ вступать въ переговоры и что предсѣдатель, подавъ прошеніе объ отставкѣ, лучше всего удовлетворитъ ихъ намѣреніямъ. Предсѣдатель правительства, не имѣя права остановить воли народа, немедленно же вручилъ маршалу это прошеніе, каковое въ продолженіи дня уже было имъ представлено. Получивъ на бумагѣ увольненіе отъ предсѣдательства народнаго правительства (подписанное лишь однимъ сеймовымъ маршаломъ и постановленное не въ комплектѣ, какъ онъ узналъ о томъ на другой день), онъ сѣлъ на лошадь и отправился, со всѣмъ своимъ штабомъ, на Прагу.

Встрѣтивъ на Беднарской улицѣ и на мосту большой безпорядокъ, онъ принялъ дѣйствительныя мѣры для облегченія перехода нашимъ войскамъ на ту сторону Вислы, куда самъ прибылъ въ 2 часа ночи. Едва однакоже генералъ легъ отдохнуть, какъ былъ разбуженъ шефомъ штаба ген. Левинскимъ съ просьбой отъ имени новаго правительства, равно какъ и главнокомандующаго ген. Малаховскаго, чтобы онъ, считая себя еще предсѣдателемъ народнаго правительства, возвратился въ Варшаву для окончанія переговоровъ съ Русскими парламентерами, объявившими, что они уполномочены вести переговоры только съ нимъ. Всѣ эти слова до послѣдняго заключаются въ бумагѣ, данной ген. Круковецкому и подписанной ген. Левинскимъ и полковникомъ Зелинскимъ, новымъ вице предсѣдателемъ правительства.

Ген. Круковецкій, не получивъ вмѣстѣ съ этимъ приглашеніемъ поданной и принятой своей отставки, не изъявлялъ желанія отправиться для веденія переговоровъ и лишь тогда вынужденъ былъ возвратиться въ Варшаву, когда ген. Левинскій объявилъ ему, что, въ случаѣ отказа, на его совѣсть падетъ разрушеніе города и погибель нѣсколькихъ тысячъ жителей. При этомъ онъ завѣрилъ, что помянутая отставка будетъ возвращена ему по прибытіи въ Варшаву, гдѣ его ожидаетъ все правительство съ назначеннымъ въ должность главнокомандующаго ген. Малаховскимъ.

По пріѣздѣ во дворецъ ген. Круковецкій засталъ тамъ парламентеровъ, ген. Прондзынскаго, главнокомандующаго со многими генералами, вице-предсѣдателя правительства, куда онъ пригласилъ также и сеймоваго маршала. Но такъ какъ здѣсь не находилось предсѣдателя правительства и ему не было заявлено, что новый предсѣдатель подалъ прошеніе объ отставкѣ (чѣмъ возвратилъ бы генералу его права на предсѣдательство), равно какъ не было ему возвращено прежде поданное прошеніе объ отставкѣ, то въ подобномъ положеніи онъ счелъ себя лишь частнымъ лицомъ. Вслѣдствіе вышесказаннаго ген. Круковецкій, не принимая на себя отвѣтственности за присвоеніе власти, не могъ протянуть руки для подписи

договора, который былъ сообщенъ имъ вечеромъ Великому Князю; договоръ этотъ, если бы въ то время и былъ имъ подписанъ, то считался бы недѣйствительнымъ, какъ скрѣпленный лицомъ, не имѣвшимъ оффиціальнаго характера. Круковецкій ограничился только тѣмъ, что, при посредствѣ ген. Берга, просилъ Великаго Князя принять подъ свое покровительство городъ Варшаву и имущество жителей.

Тогда только главнокомандующій ген. Малаховскій и новый вице-предсѣдатель правительства, полковникъ Зелинскій, приступили къ заключенію съ ген. Бергомъ военной конвенціи, вслѣдствіе которой, кромѣ прочихъ условій, въ распоряженіе Русскаго войска были предоставлены мостъ и Прага.

Когда ген. Круковецкій, съ адъютантомъ, возвращался на Прагу, онъ былъ остановленъ у моста отрядомъ солдатъ подъ командой офицера, не дозволявшаго ему, по приказанію ген. Ушинскаго, соединиться съ войскомъ. Этотъ отрядъ, согласно приказанію офицера, хотѣлъ стрѣлять въ ген. Круковецкаго, чему воспротивились случившіеся тутъ городскіе обыватели. Предполагая, что означенный отрядъ состоялъ изъ пьяныхъ людей, равно какъ и руководившее ими приказаніе было недѣйствительно или же неправильно понято, ген. Круковецкій послалъ своего адъютанта поручика Пончовскаго къ ген. Ушинскому, отъ котораго получилъ отвѣтъ, что какъ только ген. Круковецкій покажется на другомъ берегу Вислы, то онъ немедленно велитъ его разстрѣлять. Послѣ такого заявленія, поддержаннаго взводомъ войска, стоявшаго у входа на мостъ и заграждавшаго ему дорогу, ген. Круковецкій возвратился въ городъ.

Не въ продолженіи нѣсколькихъ дней, не среди возбужденныхъ внутри и внѣ столицы страстей слѣдовало исправлять зло, начавшееся назадъ тому четыре мѣсяца. Круковецкій зналъ, въ какой крайности принялъ онъ на себя спасеніе уже потеряннаго дѣла. Ему было извѣстно, что солдатъ, со времени Остроленской битвы, постоянно деморализованный и приведенный безъ боя подъ стѣны столицы, изнуренный постоянными большими переходами, не былъ уже оживленъ тѣмъ духомъ, съ которымъ онъ, въ первое время, оказывалъ чудеса храбрости. Предвидѣлъ онъ, по опыту, какая ожидаетъ его судьба, если народъ уступитъ передъ напоромъ силы; но такъ какъ одна лишь крайность заставила его принять опасную власть, то таже самая крайность возродила въ немъ и упованіе на сильную поддержку его рѣшимости представителями народа и членами правительства. Онъ ошибся въ своихъ надеждахъ. Тѣже самые люди, видѣвшіе въ каждомъ благоразумномъ договорѣ измѣну, они же, въ нуждѣ, не соглашаясь заключить мирнаго соглашенія, заранѣе уничтожали плоды онаго. Они попрекали собственною измѣ-

пою обманутаго ими кормчаго, изъ желанія опозорить его незапятнанную сѣдую голову, дабы тѣмъ самымъ прикрыть свой собственный стыдъ и еще разъ обмануть общественное мнѣніе. Но Круковецкому осталась его чистая совѣсть, остались непосредственные свидѣтели его трудовъ и нескрываемыхъ дѣйствій; осталась безпристрастная исторія, которая, основываясь на фактахъ, на документахъ, обнаружитъ истинную причину нашего паденія. Она покажетъ, тотъ ли больше любилъ отечество, кто, убѣдившись въ недостаточности средствъ для отвоеванія всей Польши, желалъ, по крайней мѣрѣ, воспользоваться добротою императора Николая и сохранить Царство Польское съ гарантіями, составлявшими предметъ борьбы, или же тѣ, которые, принимая собственное воображеніе за силу, отвергли вѣрную пользу для того лишь, чтобы не поступиться своими мнѣніями, для осуществленія которыхъ всѣ залоги военнаго успѣха, или совсѣмъ исчезли, или же клонились къ тому.

Не личный разсчетъ руководилъ дѣйствіями генерала Круковецкаго. Лишь положеніе отечества могло вызвать его изъ сельскаго уединенія, куда онъ, получивъ отставку, удалился еще въ Маѣ мѣсяцѣ, куда теперь возвратится съ тѣмъ единственнымъ утѣшеніемъ, что, сколько позволяли его силы, онъ исполнилъ обязанности истиннаго Поляка.

Декабристъ въ Сибири.

Одинъ изъ немногихъ еще остающихся въ живыхъ товарищей Пушкина, С. Д. Комовскій, съ просвѣщенною любовью сохранившій въ своемъ домашнемъ архивѣ нѣсколько цѣнныхъ документовъ относительно перваго періода Царскосельскаго Лицея, недавно передалъ мнѣ нижеслѣдующее любопытное письмо съ правымъ напечатать его.

Ив. Ив. Пущинъ былъ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ Пушкинымъ товарищей. По выпускѣ изъ Лицея онъ поступилъ въ Московскій Надворный Судъ съ тою мыслію, что наши присутственныя мѣста никогда не облагородятся, если ихъ будутъ обѣгать порядочные люди. Вотъ что подало Пушкину поводъ въ первоначальной редакціи извѣстной «Лицейской Годовщины» сказать, обращаясь къ этому товарищу:

Ты освятилъ тобой избранный санъ;
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

При окончательной отдѣлкѣ стихотворенія поэтъ зачеркнулъ эти стихи, но удержалъ другіе, также относящіеся къ Пущину:

Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

Въ Атенеѣ, журналѣ, издававшемся въ Москвѣ, въ 1858 году помѣщенъ былъ чрезвычайно интересный отрывокъ изъ Записокъ Пущина.

Читатели конечно оцѣнятъ всю занимательность печатаемаго здѣсь письма, замѣчательнаго между прочимъ по той простотѣ и тому сердечно-спокойному тону, съ какими авторъ, давно отрезвившійся отъ своихъ юношескихъ заблужденій и умудренный несчастіемъ, изливаетъ свою душу передъ почтаемымъ и любимымъ воспитателемъ.

Я. Гротъ.

Письмо И. И. Пущина къ директору Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгарду.

26 Февраля 1845 г. (Ялуторовскъ).

Вы очень справедливо заключаете, что я доволенъ моимъ пребываніемъ въ Ялуторовскѣ. Насъ здѣсь пятеро товарищей; живемъ мы ладно, толкуемъ откровенно, когда собираемся, что случается не-

премѣнно два раза въ недѣлю: въ Четвергъ у насъ, а въ Воскресенье у Муравьева [1]). Обѣдаемъ, безъ большихъ прихотей, вмѣстѣ, потомъ или отправляемся ходить, или садимся за вистъ, чтобъ доставить нѣкоторое развлеченіе нашему старому товарищу Тизенгаузену, который и старъ и глухъ, и къ тому же, можетъ быть, по необходимости охотникъ посидѣть за зеленымъ столомъ. Прочіе дни проходятъ въ занятіяхъ всякаго рода—и умственныхъ, и механическихъ. Слава Богу, время не останавливается: скоро минетъ двадцать лѣтъ Сибирскимъ разнаго рода существованіямъ. Въ итогѣ, можетъ быть, окажется что-нибудь дѣльное: цѣль освящаетъ и облегчаетъ заточеніе и ссылку. Большаго сближенія съ чиновнымъ людомъ у насъ нѣтъ; но вообще всѣ они очень хорошо понимаютъ насъ и оказываютъ всевозможное вниманіе. Бѣда только въ томъ, что народъ все пустой, и бо̀льшею частію съ пушкомъ на рыльцѣ; это обстоятельство мѣшаетъ и имъ быть съ нами, зная, что мы явно противъ этого общаго обычая. Одна семья, съ которою я часто видаюсь, это семья купца Балакшина. Очень человѣкъ добрый и смышленый; пріятно съ нимъ потолковать и пріятно видѣть готовность его на всякую услугу: въ полномъ смыслѣ слова вѣрный союзникъ, исполняетъ наши порученія, выписываетъ намъ книги, журналы, которые иначе должны бы были съ громкимъ нашимъ прилагательнымъ отправляться въ Тобольскъ, прежде нежели къ намъ доходить. Все это онъ дѣлаетъ съ какимъ-то радушіемъ и пріязнію. Горько слышать, что наше 19 Октября [2]) пустѣетъ: видно и чугунное кольцо [3]) стирается временемъ. Трудная задача такъ устроить, чтобъ оно не имѣло вліянія на здѣшнее хорошее. Досадно мнѣ на нашихъ звѣздоносцевъ; кажется, можно бы сбросить эти пустыя регаліи и явиться запросто въ свой прежній кругъ. Мысленно я часто въ вашемъ тѣсномъ кругу съ прежними вѣрными воспоминаніями. У меня какъ-то они не старѣютъ. Вижу васъ, Марью Яковлевну такими, какъ я васъ оставилъ; забываю, что я самъ далеко не тотъ, что̀ прежде. Оставивъ въ сторону хронологію, можно такъ живо все это представить, что сердце не вѣритъ давности. Скоро я надѣюсь увидѣть Вильгельма,—онъ долженъ проѣхать черезъ нашъ городъ въ Курганъ, я его на нѣсколько дней заарестую. Надобно будетъ послушать и прозы и стиховъ. Не видалъ его съ тѣхъ поръ, какъ на гласисѣ крѣпостномъ насъ собирали—это тоже довольно давно. Получалъ изрѣдка отъ него письма, но это не то, что̀ свиданіе. Вальховскаго біографію мнѣ прислалъ Ма-

[1]) Матвѣя Ивановича.

[2]) Лицейская годовщина.

[3]) Е. А. Энгельгардъ роздалъ такія кольца воспитанникамъ 1-го выпуска въ знакъ прочности лицейскаго союза. Объ Энгельгардѣ см. Р. Архивъ 1872, 1462.

линовскій давно. Спасибо ему, что онъ напечаталъ, но напрасно тутъ слишкомъ много казеннаго формуляра. Я и послѣ смерти доброй моей Марьи не перестаю писать къ Малиновскому и къ его сыну. Кажется, мальчикъ умный и способный. Что-то его ждетъ впереди? Если вамъ лишній мой списокъ письма Сперанскаго, то вы при случаѣ мнѣ его возвратите. Странно, что я не догадался заранѣе, что вѣрно вы давно его читали. Другихъ замѣчательныхъ рукописей у Словцова не оказалось. Были еще письма Сперанскаго о религіи; одно изъ нихъ будетъ напечатано въ Москвитянинѣ. Словцовъ тотъ самый, котораго вы знали во время оно. Прочтите его исторію Сибири, недавно изданную. Слогъ тяжелъ, изложеніе странное, но есть любопытные факты и какой-то свой взглядъ. Трудолюбія въ покойникѣ было много; но мало даровитости.

5-го Марта. Вы все хотите имѣть подробное свѣдѣніе объ Ялуторовскѣ. Право, ничего нѣтъ особенно занимательнаго ни въ политическомъ, ни въ естественномъ отношеніи. Управленіе тоже самое, что̀ и за Ураломъ, съ одною только существенною, коренною выгодою: нѣтъ крѣпостныхъ. Это благо всей Сибири и такое благо, которое имѣетъ необыкновенно полезное вліяніе на край и безъ сомнѣнія подвинетъ ее впередъ отъ Россіи. Я не иначе смотрю на Сибирь, какъ на Американскіе Штаты: богата всѣми царствами природы. Измѣните нѣсколько постановленія, все пойдетъ улучшаться. Спасибо Киселеву, что онъ это понимаетъ, и въ доказательство состоялся въ 1842 году законъ, чтобы не иначе отводить въ Сибири земли подъ разныя заведенія, какъ съ условіемъ обработывать ихъ вольными работниками. Эта мѣра была необходима: многіе хотѣли перевести заразу крѣпостныхъ на Сибирскую почву. Въ несчастныхъ нашихъ чиновникахъ и здѣсь есть страсть, только что дослужатся до кол. ассессора, тотчасъ заводить дворню; но большею частію эта дворня, по смерти кол. ассессора, получаетъ свободу, потому что дѣти не имѣютъ права владѣть, родившись прежде этого важнаго чина. Вообще здѣсь, можно сказать, почти нѣтъ помѣщиковъ; есть двѣ три маленькія деревеньки въ Тобольской губерніи, но и тамъ невольнымъ образомъ помѣщики не могутъ наслаждаться своими правами: стараются владѣть самымъ скромнымъ образомъ. Сосѣдство свободныхъ селеній имъ бѣльмо на глазу. Народъ смышленый, довольно образованный сравнительно съ Россіей, за малыми исключеніями, и вообще состояніе уравнено: не встрѣчаете большой нищеты. Живутъ опрятно, домы очень хороши; ѣдятъ какъ нельзя лучше. Не забудьте, что край наводняется ссыльными: это зло, но оно не такъ велико, при условіяхъ мѣстныхъ Сибири, хотя все-таки правительству слѣдовало бы обратить на это вниманіе. Можетъ быть, оно не можетъ потому улучшать положенія ссыльныхъ, чтобы не сдѣлать его приманкою для крѣпостныхъ и солдатъ. При сцѣпленіи

общемъ въ этой огромной машинѣ, надобно начать съ уменьшенія зла тамъ; тогда и здѣсь будетъ поселенецъ нетяжелъ для старожиловъ. Нельзя же, чтобъ часть населенія того же государства была обречена быть мѣстомъ изверженія тѣхъ, которыхъ не терпятъ въ другой его части. По крайней мѣрѣ слѣдуетъ по справедливости уменьшать вредъ отъ нихъ, давая имъ способы къ обзаведенію. Этого ничего нѣтъ. Мудрено на бумагѣ обо всемъ этомъ толковать. Если бы вы сами сюда пріѣхали, обо многомъ мы потолковали бы. Жаль, что мѣстное начальство ничего не понимаетъ. Одинъ Сперанскій чего-то хотѣлъ для Сибири, но и его предначертанія требуютъ измѣненій и частію развитій; между тѣмъ какъ теперь Сибирское учрежденіе совершенно искажаютъ въ лучшихъ его основаніяхъ. Сенатора *) прислали съ цѣлой ордой правовѣдцевъ; они все очищаютъ только бумаги, и никакой рѣшительно пользы не будетъ отъ этой дорогой экспедиціи. Кончится тѣмъ, что сенатору, котораго я очень хорошо знаю съ давнихъ лѣтъ, дадутъ ленту, да и баста. Впрочемъ, это обыкновенный ходъ вещей у насъ. Пора перестать удивляться и желать только, чтобы наконецъ начали добрые, терпѣливые люди думать: нѣтъ ли возможности какъ-нибудь иначе все это устроить? Надобно надѣяться, что настанетъ и эта пора. Многихъ правовѣдцевъ я видѣлъ; но вообще они мнѣ не понравились: не нахожу въ нихъ того, что меня щекотало въ ихъ годы. Все вообще народъ сонный и ничего нѣтъ увлекательнаго; какое-то равнодушіе въ началѣ пути, равнодушіе непростительное и уставшему нашему брату. Можетъ быть, при короткомъ свиданіи, мнѣ не удалось ихъ раскусить, или мы древностію своею историческою ихъ испугали, хотя мнѣ кажется съ нами-то имъ удобнѣе всего было распахнуться въ здѣшней степи, гдѣ чиновный людъ способенъ только видѣть ихъ неопытность, не подозрѣвая даже образованія залетныхъ ревизоровъ. Увидимъ, какое они сдѣлаютъ на меня впечатлѣніе на возвратномъ пути; нынѣшнюю зиму сенаторъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, долженъ вернуться во-свояси.

21-го Марта. Три дни прогостилъ у меня оригиналъ Вильгельмъ. Проѣхалъ на житье въ Курганъ съ своей Дросидой Ивановной, двумя крикливыми дѣтьми и съ ящикомъ литературныхъ произведеній. Обнялъ я его съ прежнимъ лицейскимъ чувствомъ. Это свиданіе напомнило мнѣ живо старину: онъ тотъ же оригиналъ, только съ просѣдью въ головѣ. Зачиталъ меня стихами до нельзя; по правилу гостепріимства я долженъ былъ слушать и вмѣсто критики молчать, щадя постоянно развивающееся авторское самолюбіе. Не могу сказать вамъ, чтобъ его семейный бытъ убѣждалъ въ пріятности супружества. По моему, это новая задача Провидѣнія, устроить сча-

*) Михаила Николаевича Жемчужникова.

стіе существъ, соединившихся безъ всякой данной на это земное благо. Признаюсь вамъ, я не разъ задумывался, глядя на эту картину, слушая стихи, возгласы мужиковатой Дронюшки, какъ ее называетъ муженёкъ, и безпрестанный визгъ дѣтей. Выборъ супружницы доказываетъ вкусъ и ловкость нашего чудака: и въ Баргузинѣ можно было найти что-нибудь хоть для глазъ лучшее. Нравъ ея необыкновенно тяжелъ, и симпатіи между ними никакой. Странно то, что онъ въ толстой своей бабѣ видитъ разстроенное здоровье и даже нервическіе припадки, боится ей противорѣчить и безпрестанно проситъ посредничества; а между тѣмъ баба бѣснуется на просторѣ; онъ же говоритъ: «ты видишь, какъ она раздражительна!» Все это въ порядкѣ вещей: жаль, да помочь нечѣмъ. Между тѣмъ онъ вздумалъ было мнѣ въ будущемъ Январѣ мѣсяцѣ прислать своего шестилѣтняго Мишу на воспитаніе и чтобъ онъ ходилъ въ здѣшнюю Ланкастерскую школу. Я поблагодарилъ его за довѣріе и отказался. Спасибо Вильгельму за постоянное его чувство, онъ точно привязанъ ко мнѣ; но изъ этого ничего не выходитъ. Какъ-то странно смотритъ на самыя простыя вещи, все проситъ совѣта и дѣлаетъ совершенно противное. Онъ хотѣлъ къ вамъ писать съ новаго своего мѣста жительства. Прочелъ я ему нѣсколько вашихъ листковъ. Это его восхитило; онъ, бѣдный, не избалованъ дружбой и вниманіемъ. Тяжелые годы имѣлъ въ крѣпостяхъ и въ Сибири. Не знаю, каково будетъ теперь въ Курганѣ, куда перепросилъ его родственникъ Владиміръ Глинка, горный начальникъ въ Екатеринбургѣ. Напрасно покойникъ Рылѣевъ принялъ Кюхельбекера въ общество, безъ моего вѣдома, когда я былъ въ Москвѣ. Это было не задолго до 14 Декабря. Еслибъ вамъ разсказать всѣ продѣлки Вильгельма въ день происшествія и въ день объявленія сентенціи, то вы просто погибли бы отъ смѣху, не смотря, что онъ тогда былъ на сценѣ довольно трагической и довольно важной. Можетъ быть, нѣкоторые анекдоты до васъ дошли стороной. Я все говорю и не договариваю, какъ будто намъ непремѣнно должно увидаться съ вами. Ахъ, какое было бы наслажденіе! Думая объ этомъ, какъ-то не сидится. Прощайте. Началъ болтать; не знаю, когда кончится и когда до васъ дойдетъ эта болтовня, лишь бы не было послѣ ужина горчица!

29-е Апрѣля. Грустно мнѣ сегодня присѣсть къ вашему листку, почтенный другъ. Почта привезла мнѣ извѣстіе о новой, горестной вашей потерѣ. Родные пишутъ, что вы похоронили дочь, мать семейства. Побѣжалъ бы къ вамъ вмѣстѣ погоревать, пожать руку вамъ, добрѣйшей Марьѣ Яковлевнѣ. Но между нами обстоятельства и Уралъ. Остается здѣсь просить Бога, чтобы Онъ далъ вамъ силы перенести горькій ударъ. Я знаю, что вамъ досталось въ удѣлъ много бодрости душевной, между тѣмъ она сильно испытуется. Помоги вамъ Богъ на вашемъ трудномъ поприщѣ. Теперь опять прибави-

лось вамъ заботы со внучатами. Эти заботы налагаютъ новую обязанность, облегчаютъ горе и мирятъ съ жизнію, которая врядъ-ли не тяжелымъ дѣлается мила для большей части. Необходимость испытать силы заставляетъ дѣлать усилія—это законъ общій, естественный. Еслибъ мнѣ сказали въ 1826 году, что я доживу до сегодняшняго дня и пройду черезъ всѣ тревоги этого промежутка времени, то я бы никогда не повѣрилъ и не думалъ бы найти въ себѣ возможность все это преодолѣть. Между тѣмъ и это все прошло, и кажется есть еще запасъ на то, что̀ предстоитъ впереди. Радостнаго ожидать трудно, надобно быть на все готовымъ съ помощію Божіею. Вы все спрашиваете о положительныхъ моихъ занятіяхъ. Положительнаго одно, что всегда чѣмъ нибудь занятъ, и что даже время скоро идетъ. Случается кой кому помочь, написать какую-нибудь дѣловую страничку, по которой выходитъ и доброе. Переводами занимался не одинъ разъ; между прочимъ перевелъ еще въ Читинскомъ острогѣ Записки Франклина. Первая часть моей работы, а вторая—Штейнгеля. Кажется, было порядочно, и предисловіе съ посвященіемъ труда вамъ, почтенный другъ. Вы еще въ Лицеѣ познакомили меня съ этой дѣльной книгой. Послали ее и другіе переводы къ одному родственнику Муханова, здѣшняго моего товарища—все кануло въ море: ни слуху, ни духу. Сколько ни справлялся, ничего нѣтъ. Черновую рукопись я истребилъ по случаю бывшаго тогда тюремнаго осмотра. Нельзя было сохранить эту контрабанду: чернила были запрещены. Исторія Паскаля вамъ извѣстна. Я тогда же говорилъ Пушкину [4]), что врядъ-ли будетъ на эту книгу сбытъ; но такъ такъ у него были, при болѣзненномъ моемъ проѣздѣ въ Тобольскъ, черновыя кой-какія тетради, то онъ и сталъ переправлять и дополнять недостающее. Читаю все, что̀ попадется лучшее, другъ другу пересылаемъ книги замѣчательныя, даже имѣемъ и тѣ, которыя запрещены. Находимъ дорогу: на ловца бѣжитъ звѣрь. Малютка Аннушка мѣшаетъ иногда нашимъ занятіямъ, но пріятно и съ ней повозиться. Ей скоро 3 года. Понятливая, неглупая дѣвочка. Со временемъ, если Богъ дастъ ей и намъ здоровья, возня съ нею будетъ еще разнообразнѣе и занимательнѣе. А почтовый день у меня просто какъ въ какомъ-нибудь департаментѣ. Непремѣнно всякую почту пишу и получаю письма. Сношенія съ родными, друзьями утѣшительны. Надобно быть въ Сибири, чтобы настоящимъ образомъ понять эту отраду. Въ эти годы накопилась цѣлая библіотека добрыхъ листковъ, погодно переплетены. Считайте сами, сколько томовъ составилось. Часто заглядываю на эту полку съ усладительнымъ чувствомъ. Судьба меня балуетъ дружбою, мною незаслуженной. Сколько около меня товарищей, которые

---

[4]) Бобрищеву-Пушкину.

лишены даже родственныхъ сношеній: снятые эполеты все уничтожили, какъ будто связи родства и дружбы зависятъ отъ чиновъ и прочихъ белендрясовъ. Жаль тѣхъ, которые не понимаютъ чувства; но больно за тѣхъ, которымъ пришлось испытать эти разочарованія. Съ будущимъ мѣсяцемъ начнемъ копаться въ огородѣ. Только врядъ-ли я буду большой помощникъ Евгенію и Михѣевнѣ, нашей доброй dame du palais. Нога въ жары какъ-то сильно напоминаетъ объ себѣ: заставляетъ сидѣть, поднявши ее вверхъ; а въ этомъ положеніи не годишься въ огородники. Домъ занимаемъ порядочный, вдовы Бронниковой, которая позволяетъ намъ на свой счетъ дѣлать всевозможныя поправки и за это позволеніе беретъ 250 р. въ годъ. Наружность—нѣчто въ родѣ станціи въ Россіи; но расположеніе удобно. Для насъ ничего лучшаго не нужно. Каждому можно быть у себя, и есть мѣсто, гдѣ можно быть вмѣстѣ.

8-го Мая. 4-го минуло вашему Jeannot [5]) 47 лѣтъ, а сегодня онъ справляетъ свои имянины. Гости будутъ самые близкіе люди; но давно ему не удается собрать тѣхъ, кого бы хотѣлось зазвать и безъ большихъ затѣй угостить въ своемъ углу. Бывало, въ Лицеѣ, въ этотъ день, въ столовой, вмѣсто казеннаго чаю, стоятъ чашки, наполненныя кофеемъ съ стопкой сухарей, и вся артель пьетъ съ поздравленіемъ приготовленіе Левонтія Комерскаго. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, пришлось и въ Сибири кормить мороженнымъ. Спасибо добрымъ товарищамъ, жертвуютъ для имянинника цѣлымъ днемъ; а эти дни какъ-то тяжелѣе другихъ: сильнѣе ощущаешь желаніе быть въ прежнемъ кругу. Но этотъ кругъ теперь во многомъ измѣнился; можетъ быть, иного изъ старыхъ знакомыхъ встрѣтишь и во многомъ не узнаешь. Время кладетъ неумолимую свою печать. Въ послѣдній разъ, въ 1825 году, я въ Москвѣ справлялъ Майскіе свои дни; тутъ были кой-кто изъ лицейскихъ и вся magistrature renforcée, какъ называлъ насъ князь Голицынъ, генералъ-губернаторъ Московскій. Сегодня просто хотѣлось напомнить вамъ вашего молодаго питомца, который въ Зауральскомъ краю уже двадцатый разъ имянинникъ. Слѣдовало бы за это долготерпѣніе дать пряжку хоть съ правомъ носить ее въ карманѣ.

Вмѣсто этого объявлено намъ на дняхъ постановленіе Комитета гг. Министровъ, высочайше утвержденное въ Февралѣ, которымъ разрѣшено намъ отлучаться съ билетами изъ мѣстъ водворенія по уважительнымъ причинамъ: живущимъ въ городахъ на 30 верстъ, а живущимъ въ деревняхъ на 50 верстъ, и то на три дня. Совершенно неожиданная милость, поражающая своей оригинальностію. Любопытно бы было знать, кому эта мысль пришла? Я понимаю, что можно сказать: поѣзжайте по уѣзду или по губерніи или, наконецъ,

---

5) Т. е. самому пишущему: такъ, вѣроятно, называли его въ Лицеѣ.

по всей Сибири; а эти разстоянія совершенно въ духѣ гомеопатовъ. Гораздо простѣе ничего не дѣлать, тѣмъ болѣе, что никто изъ насъ не вправѣ этого требовать, состоя на особенномъ положеніи, какъ гвардія между ссыльными, которые между тѣмъ могутъ свободно переѣзжать по краю послѣ извѣстнаго числа лѣтъ пребыванія здѣсь, и даже съ самаго привала получаютъ билетъ на проживаніе тамъ, гдѣ могутъ найти себѣ источникъ пропитанія, съ нѣкоторымъ только ограниченіемъ, пока не убѣдится общество въ ихъ поведеніи. Всѣ эти постановленія напечатаны; повторять ихъ нечего. Давно бы мы здѣсь построили городъ и вспахали землю, если-бъ съ самаго начала насъ поселили въ одномъ мѣстѣ и дали возможность обзаводиться. И то женатые и въ Читѣ, и въ Петровскомъ Заводѣ настроили дома, которые пришлось бросить за безцѣнокъ, да и по городамъ многіе покупали и строили и потомъ бросали. Все это вмѣстѣ въ продолженіи столькихъ лѣтъ было бы полезно краю и на будущее время. Кажется, нечего опасаться, чтобъ мы здѣсь дѣлали пропаганду. Все что остается—это какая-то монументальная жизнь: приходятъ, спрашиваютъ и разсматриваютъ, какъ преданіе еще живое чего-то понятнаго для немногихъ. Видятъ, что люди незлые, ни въ какихъ качествахъ не замѣшаны и въ полиціи не бываютъ. Любопытны атестаціи, которыя даютъ объ насъ ежемѣсячно городничій и волостные головы. Тутъ вы видите невѣжество атестующихъ и, смѣю сказать, глупость требующихъ отъ этихъ людей ихъ мнѣнія о томъ, чего они не понимаютъ и не могутъ понять. Пишутъ обыкновенно: «занимается книгами или домашностію, поведеніе скромное, образъ мыслей кроткій». Скажите, есть-ли какая нибудь возможность положиться на наблюдателей, которые ничего не могутъ наблюсти? Масса принимаетъ за лекарей всѣхъ насъ, и скорѣе къ намъ прибѣгаетъ, нежели къ штатному доктору, который всегда и въ большой части пьянъ и даромъ не хочетъ пошевелиться. Иногда одной магнезіей вылечишь, и репутація сдѣлана, такъ что потомъ насилу можешь отговориться, когда является что нибудь серьезное, гдѣ надобно дѣйствовать съ знаніемъ дѣла, или по крайней мѣрѣ ученымъ образомъ портить и морить. Заболтался. Напоминаютъ, что имянииннику пора похлопотать о предстоящихъ посѣтителяхъ. Въ эти торжественные дни у насъ обыкновенно отворяется одна дверь, которая заставлена ширмою, и романтическій нашъ распорядокъ въ домѣ принимаетъ видъ классическій. Пора совершить это превращеніе. Прощайте.

25-е Мая. Прошли еще двѣ недѣли, а листки все въ моемъ бюварѣ. Не знаю, когда они до васъ доберутся. Сегодня получилъ письма, посланныя съ Бибиковымъ. Его самого не удалось видѣть; онъ проѣхалъ изъ Тюменя на Тобольскъ. Видно, онъ съ вами не видался: отъ васъ нѣтъ ни строчки. А я все надѣялся, что этотъ

молодой союзникъ васъ отыщетъ и поговоритъ съ вами о здѣшнемъ нашемъ бытѣ. Муравьевъ, мой товарищъ, его дядя, и онъ уже нѣсколько разъ навѣщалъ нашъ Ялуторовскъ. Начались Сибирскіе наши жары, которые въ родѣ тропическихъ. Моя нога ихъ не любитъ; я принужденъ былъ бросить кровь и нѣсколько дней прикладывать ледъ. Это замедляетъ дѣятельность; надобно впрочемъ платить дань своему возрасту и благодарить Бога, что свѣжа голова. Бѣда какъ она начнетъ прихрамывать; а съ ногой еще можно поправиться. Бѣдный Михайло тоже нѣсколько разбитъ, только разница въ томъ, что онъ былъ подъ пулями, а я въ крѣпости началъ чувствовать боль, отъ которой сдѣлалось растяженіе жилы, и хроническая эта болѣзнь идетъ своимъ ходомъ. Вылечиваться я и не думаю, а только разными охлаждающими средствами чиню ее, какъ говаривалъ нѣкогда нашъ знаменитый Пешель [6]). Братъ Петръ прислалъ мнѣ «Тарантасъ». Вѣрно вы читали его и согласитесь, что это пріятное явленіе на Русскомъ словесномъ полѣ. Надобно только бросить конецъ вонъ: по моему очень глупъ. Мы просто проглотили эту новинку; теперь я ее посылаю въ Курганъ: пусть Кюхельбекеръ посмотритъ, какъ пишутъ добрые люди легко и просто. У него же, напротивъ, все пахнетъ какимъ-то неестественнымъ, разстроеннымъ воображеніемъ; все неловко, какъ онъ самъ, а охота пуще неволи, и говоритъ, что наше общество должно гордиться такимъ поэтомъ, какъ онъ. Извольте тутъ вразумлять! Сравниваетъ даже себя съ Байрономъ и Гете. Ѣздитъ верхомъ на своемъ Ижорскомъ, который отъ начала до конца нестерпимая глупость. Первая часть была напечатана покойнымъ Пушкинымъ. Вамъ, можетъ быть, случилось видѣть букъ и кикиморъ, которыя дѣйствуютъ въ этомъ, такъ называемомъ, Шекспировскомъ произведеніи. Довольно.

9-го Іюня. Сегодня проснулся въ Лицейской залѣ. Попстерся немного чугунъ на моемъ кольцѣ, но воспоминаніе свѣжо. Мысленно мы вѣрно съ вами встрѣтились; вѣрно вы взглянули на вашъ первокурсный списокъ и помянули живыхъ, мертвыхъ и полу-живыхъ и полумертвыхъ. Нелегко мыслію пройдти разстояніе отъ 1817 по 1845. Я знаю только, что изъ всѣхъ этихъ годовъ, 8 для меня прошли въ свѣтѣ, остальные имѣютъ свои эпохи и впечатлѣнія. Много бы надобно говорить, чтобы все это передать въ порядкѣ. Не достанетъ у васъ терпѣнія читать: слушать, можетъ быть, согласились бы, потому что можете, когда захотите, велѣть замолчать. Какъ нарочно случился сегодня почтовый день; надобно присѣсть къ маленькимъ листикамъ — будетъ всего три: одинъ на Западъ, другіе два

---

[6]) Францъ Осиповичъ, памятный въ преданіяхъ Царскосельскаго Лицея докторъ, большой говорунъ, очень любимый воспитанниками; оставался въ Лицеѣ чуть ли не до 40-хъ годовъ

на Востокъ въ Иркутскъ; около него также разсѣяна большая колонія нашихъ.

21-е Іюня. Не судьба моей болтовнѣ къ вамъ отправиться. Сегодня въ ночь заѣзжалъ Казадаевъ; я, пока онъ здѣсь былъ, успѣлъ сказать нѣсколько словъ братьямъ Михайлѣ и Николаю, а ваше письмо до другаго разу осталось. Михайло прислалъ мнѣ фасадъ новаго дворца въ Конюшенной улицѣ [7]; архитектура оригинальна и хороша; какъ-то они кончили отдѣлку этого огромнаго зданія? Потомъ каково пойдетъ наемъ и уплата процентовъ? Я хотѣлъ нынѣшнее лѣто перестроить баню, но отложилъ это предпріятіе, потому что Польская лотерея мнѣ ничего не вывезла; на нее была маленькая надежда, и она въ числѣ многихъ другихъ покамѣстъ осталась безъ исполненія. Всѣ наши билеты, пишетъ сестра, остались пустыми. Можетъ быть, Казадаевъ съ вами повидается; онъ человѣкъ очень добрый, инспекторствовалъ здѣсь два года по почтовой части, объѣхалъ всю Сибирь и познакомился со всѣми нашими, разсыпанными по огромному пространству.

Весна обѣщала много хорошаго; у насъ перепадали теплые дожди, а потомъ опять обыкновенная засуха. Нельзя еще ничего положительнаго сказать объ урожаѣ: мѣстами, говорятъ, хорошъ; но вообще лучше послѣднихъ годовъ. Овощи огородные у насъ всѣ вообще хорошо родятся; капуста лучшая продается по 5 и по 4 сотня, а картофель по 30 коп. пудовка. Одна рѣпа здѣшняя не вкусна; можетъ быть это отъ грунта земли или отъ дурныхъ сѣмянъ. Ягоды: земляника, лѣсная клубника, немного малины и миліонъ брусники. Я вамъ ихъ назвалъ по порядку ихъ появленія на сцену. Теперь мы ѣдимъ землянику à discrétion. Здѣшній округъ ягодами бѣднѣе другихъ. Въ Тобольскомъ и Туринскомъ кромѣ того есть княженика и морошка. Плоды здѣсь не существуютъ, развѣ только на Исетѣ вишни, и то небольшія и довольно кислыя; хороши только въ вареньи и въ уксусѣ. Въ огородахъ производятъ дыни и арбузы, какъ я уже вамъ говорилъ. Устроивши оранжерею, можно бы все имѣть; но это слишкомъ сложно и не стоитъ хлопотать. Флора здѣшняя, т. е. Западной Сибири, несравненно бѣднѣе Восточной: тамъ и мѣстность, и растительность, и воды совсѣмъ другія. Отъ самаго Томска на Западъ томительная плоскость; между тѣмъ какъ на Востокѣ горы, живописныя мѣста и самое небо темно-голубое, а не сѣроватое, какъ часто здѣсь бываетъ. Климатъ вообще здоровый, сухой. Большихъ болѣзней не бываетъ, только въ сильные жары хвораютъ дѣти, и то не всегда. Ничего особеннаго нѣтъ; по сельскому хозяйству новыхъ системъ здѣсь не существуетъ;

---

[7]) Извѣстный своею обширностью домъ Пущина съ проходными насквозь дверьми, теперь принадлежитъ, кажется, третьему уже владѣльцу.

мужички дѣйствуютъ по старому, какъ отцы и дѣды дѣйствовали: все родится безъ удобренія. Ваша газета [8]) получается только въ Духовномъ Правленіи; нужно, чтобъ кто нибудь изъ крестьянъ въ нее заглядывалъ; они еще не считаютъ нужнымъ читать, но очень заботятся, чтобъ новое поколѣніе было грамотное, и это распространяется повсемѣстно въ Сибири. Жаль только, что наше премудрое министерство просвѣщенія не тѣмъ занимаетъ этихъ парней, чѣмъ бы слѣдовало: имъ преподаютъ курсъ уѣзднаго училища, который долбится и потомъ безъ всякой пользы забывается, между тѣмъ какъ рѣдкій мальчикъ умѣетъ хорошо читать и писать при выходѣ изъ училища. Таже исторія и у васъ; многое и тутъ требуетъ измѣненія, но видно еще не пришла пора.—Пришла пора идти купаться въ Тоболъ. Это одно изъ самыхъ пріятныхъ развлеченій. У насъ есть ванна, но какъ-то плохо устроена. Пришлите мнѣ рисунокъ и разрѣзъ чего нибудь порядочнаго въ этомъ родѣ, чтобъ она была раздѣлена на двѣ половины и была устроена на баркѣ, а не на плоту, гдѣ съ ящикомъ какъ- то неудобно. Можетъ быть, мы весной справимъ новую купальню. Это для всего города пріятно. Одна половина будетъ мужская, а другая—женская. Плавать я не умѣю, хоть въ Лицеѣ насъ учили, и потому я барахтаюсь въ ваннѣ.

12-го Іюля. Надоѣло мнѣ ожидать случая, а вы, я думаю, давно вините меня въ неисправности. Пусть эти листки идутъ прямо въ редакцію Земледѣльческой Газеты. Это гораздо простѣе. Пора вамъ читать мою болтовню; мало толку въ ней найдете, но и поэтому узнаете вашего неизмѣннаго, стараго друга, который дружески, крѣпко васъ обнимаетъ и проситъ привѣтствовать всѣхъ вашихъ домашнихъ и добрыхъ посѣтителей, вѣрныхъ нашей старинѣ. Въ главѣ ихъ вижу Фрицку. Пожмите ему за меня руку и вспомните иногда въ вашихъ бесѣдахъ. Вѣрно вмѣстѣ будете разбирать мою грамотку, которая отправляется подъ фирмою матеріаловъ для газеты, а оныхъ-то въ ней и не обрѣтетъ почтовый редакторъ. Для успокоенія вашей совѣсти надобно вамъ сказать, что всходы были хороши; но бездождіе, почти повсемѣстное въ Тобольской губерніи, не обѣщаетъ обильной жатвы. Страдовать еще не начали, но уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ косятъ хлѣбъ, какъ никуда негодный. Это неутѣшительное извѣстіе. Травы также довольно тощи: Евгеній [9]) не очень доволенъ нашимъ покосомъ; въ награду вчера его такъ смочило, когда онъ оттуда возвращался, что нитки не осталось сухой. Гораздо бы лучше было, если бъ этотъ дождь палъ раньше, и не на него, а на траву, которую мы нанимаемъ на городскихъ лугахъ.

---

[8]) Земледѣльческая Газета, которая долго издавалась подъ редакціей Е. А. Энгельгарда.
[9]) Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій.

Впрочемъ сѣна будетъ довольно для нашихъ двухъ коровъ и для рыжки. Надобно благодарить Бога, что нынѣшній годъ не было падежа на скотъ: лонись (Сибирское выраженіе) пало въ городѣ изъ 800 штукъ рогатаго скота слишкомъ пятьсотъ. Это бѣдствіе часто въ Сибири бываетъ [10]). Есть селенія, гдѣ почти ни одной коровы не осталось. Почти никакихъ мѣръ не принимаютъ къ прекращенію этого зла, да и трудно что нибудь сдѣлать. Заботливый только хозяинъ находитъ возможность убрать свой скотъ, отдѣливши его совершенно отъ другихъ. Мы своихъ сохранили въ прошломъ году: пускали кровь, обливали холодной водой и поили разными снадобьями освѣжающими, для отвращенія воспаленія въ кишкахъ По наблюденіямъ это причина упадка. Не знаю, дойдутъ-ли нынѣшній годъ наши дыни и арбузы. Рано начались холодныя росы, сегодня утромъ просто пахло осенью. Если это продолжится, то врядъ-ли дозрѣютъ на извѣстныхъ вамъ лунькахъ. Однако прощайте, почтенный другъ. Вы, я думаю, и не рады, что заставили меня отъ времени до времени на бумагѣ бесѣдовать съ вами, какъ это часто мнѣ случается дѣлать мысленно. Не умѣю отвыкнуть отъ васъ и добраго вашего семейнаго круга, съ которымъ я сроднился съ первыхъ моихъ лѣтъ. Дайте вѣсть, что благополучно дошли матеріалы нематеріальные.

---

[10]) **Лонись** значитъ прошлаго года.

Изъ воспоминаній графини А. Д. Блудовой *).

Швеція съ 1812 по 1815 годъ.

Въ Стокгольмѣ отцу моему посчастливилось узнать и сблизиться съ одною изъ знаменитостей тогдашней Французской литературы; въ отрочествѣ онъ слушалъ о ней съ такимъ усерднымъ вниманіемъ разсказы своего наставника графа де Фонтенъ. Баронесса Сталь успѣла проѣхать черезъ Россію въ Швецію, по дорогѣ въ Англію, и осталась на зиму въ Стокгольмѣ, увидавъ, что правительство Шведское и кронпринцъ Бернадотъ рѣшительно становятся въ ряду противниковъ Наполеона. Эта замѣчательная женщина, которая наводитъ теперь скуку на насъ въ своихъ романахъ (какъ наводитъ ее, впрочемъ, почти вся сентиментальная беллетристика тогдашняя), была совершенно иная въ своемъ разговорѣ, самомъ натуральномъ, блистательномъ, оживленномъ, безъ всякой изысканности, напыщенности и доктринерства; словомъ она ничѣмъ не походила на героинь своихъ романовъ. Она была очень дурна собою; но ея разговоръ былъ такъ увлекателенъ и, блистая имъ сама, она такъ хорошо умѣла вызывать живость ума въ своихъ собесѣдникахъ, такъ искренно любила остроуміе чужое, что всѣ, знавшіе ее, забывали ея некрасивую наружность и плѣнялись ею болѣе, чѣмъ иной красавицей. Остроумный разговоръ, живой обмѣнъ мыслей, былъ для нея насущною потребностью. «J'étais vulnérable, пишетъ она, par mon goût pour la société... Le plaisir de causer, je l'avoue, a toujours été pour moi le plus piquant de tous.... La conversation a été depuis mon enfance mon plus grand plaisir [1]). Для нея знакомство съ моимъ отцомъ было настоящей находкой, и она скоро сблизилась съ нимъ и моею матерью до дружескихъ отношеній: ежедневно видѣлась съ ними и оставила въ ихъ памяти свѣтлый слѣдъ, который не помрачался никакими непріятными столкновеніями. Странно кажется намъ теперь это преслѣдованіе женщины-писательницы, конечно, но писательницы, ко-

---

*) См. выше стр. 365.

[1]) Любовь къ обществу была моимъ недостаткомъ. Признаюсь, что удовольствіе бесѣды всегда было для меня самымъ завлекательнымъ. Съ дѣтства я всего больше любила разговаривать.

торая однако никакими своими сочиненіями не вызывала на политическій переворотъ, и никогда не вмѣшивалась ни въ какой заговоръ противъ правительства Наполеона. Она ему не льстила, вотъ и все. Она его не хвалила, она была ему лично непріятна, а изъ людей почтенныхъ и блистательныхъ Парижскаго общества многіе сходились въ ея гостинную, которая составляла нѣчто независимое, общественно-нравственное, и эта-то независимость и была чѣмъ-то въ родѣ протеста противъ всемогущества Перваго Консула Республики. Одного этого было достаточно, чтобы вызвать цѣлый рядъ мелочныхъ придирокъ не только къ ней, но и ко всѣмъ ея пріятелямъ, даже къ совершенно безвредной, всѣми уважаемой красавицѣ, Рекамье. Къ такимъ вожделѣннымъ результатамъ привела кровавая буря Французской революціи даже въ то время, когда республиканскія формы еще тѣшили этихъ взрослыхъ дѣтей Французовъ.

Связь г-жи Сталь съ Бенжаменомъ Констаномъ, на котораго ея вліяніе казалось Наполеону сопротивленіемъ ему, уже возстановила его противъ нее, когда онъ былъ Первымъ Консуломъ, а Константъ трибуномъ, и въ опозиціи. Она подѣйствовала тоже непріятно на него одною нѣсколько напыщенною фразой, на какомъ-то публичномъ пріемѣ: «Citoyen Premier Consul, nourrissez l'opinion», сказала она. — «Nourrissez vos enfants, madame [1]), отвѣчалъ онъ, не любя, чтобы женщины говорили о политикѣ.—Извѣстно, что другой молодой женщинѣ онъ какъ-то сказалъ: «Il ne faut pas que les femmes s'occupent de la politique».

«Dans un pays où on leur coupe la tête, Sire, elles veuillent savoir pourquoi, былъ мѣткій отвѣтъ молодой дамы [3]).

Литературная репутація г-жи Сталь заставляла его еще болѣе раздражаться противъ нея, а вліяніе на общее мнѣніе ея кружка, самаго блистательнаго въ Парижѣ, состоявшаго изъ самыхъ благородныхъ и уважаемыхъ людей, казалось ему обидною опозиціей. Наконецъ, когда онъ сдѣлался Императоромъ, онъ далъ полную волю ненависти, особенно послѣ ея книги «L'Allemagne», за то, что она въ ней «ничего о немъ не говорила». Десять лѣтъ мелочныхъ преслѣдованій, запрещеніе жить въ Парижѣ, потомъ изгнаніе изъ Франціи; запрещеніе выѣзжать изъ ея замка Коппе (хотя этотъ кантонъ Швейцарскій не принадлежалъ Франціи); запрещеніе путешествовать по землямъ союзнымъ съ Франціей, запрещеніе въѣзда въ Парижъ для г-жи Рекамье (за то, что она, проѣзжая мимо

---

[2]) Гражданинъ Первый Консулъ, кормите общественное мнѣніе.—Кормите вашихъ дѣтей, сударыня.

[3]) Не надо, чтобы женщины занимались политикою.—Государь, въ странѣ, гдѣ имъ рубятъ головы, онѣ желаютъ знать за что.

Коппе, навѣстила свою пріятельницу и провела у нея два часа); такое же запрещеніе въѣзда въ Парижъ для Матьё Монморанси, и для стараго 78-лѣтняго графа Сенъ-При, бывшаго министра Людовика XVI, единственно за посѣщеніе ея дома въ Коппе; приказаніе Вильгельму Шлегелю, воспитателю ея дѣтей, выѣхать изъ Швейцаріи [4]): все это заставило ее опасаться окончательнаго заключенія, и она, въ началѣ 1812 года, рѣшилась бѣжать въ Англію. Но крѣпостное состояніе всѣхъ Европейскихъ державъ подъ вассальствомъ Наполеона принудило ее пробираться черезъ Россію и Швецію. Женевскій префектъ далъ ей знать, что вездѣ, гдѣ приказываетъ Франція, она будетъ арестована, а вся Германія была покорна Французамъ. Принцы Рейнскаго Союза думали, по крайней мѣрѣ, найти свои выгоды въ этой покорности; но Австрія, по замѣчательному стеченію обстоятельствъ, приносила въ жертву вмѣстѣ и честь свою и выгоды. «Необходимо было ѣхать черезъ Россію», пишетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ, «и я проводила все время свое въ изученіи карты Европы, чтобы бѣжать отъ него; такъ точно какъ Наполеонъ изучалъ ее, чтобъ ее покорить. И моя, также какъ его кампанія, имѣла цѣлію Россію. Эта держава была тогда послѣднимъ убѣжищемъ угнетенныхъ; естественно, что ее-то и долженъ былъ стараться низвергнуть властелинъ всей остальной Европы».

Окруженная полицейскими, которые торопили ее скорѣе выѣхать изъ Австрійскихъ владѣній, она, наконецъ, черезъ Галицію достигла Русской границы. Но война съ Наполеономъ уже начиналась; ожидали Французскаго нашествія на Россію и, пробывъ короткое время въ Россіи, г-жа Сталь черезъ Финдляндію пріѣхала въ Стокгольмъ. Бенжаменъ Констанъ не былъ съ нею. При ней находились Вильгельмъ Шлегель въ качествѣ друга, секретаря, воспитателя сыновей ея и ученаго сотрудника, и chevalier de Rocca, красавецъ собой, впрочемъ, не умный и не глупый, въ котораго она влюбилась въ Швейцаріи, ухаживая за нимъ во время его болѣзни (его нашли раненаго, изнемогающаго у дверей ея дома); она была съ нимъ обвѣнчана тайно, т. е. всѣ знали, что онъ ея мужъ, но она не хотѣла перемѣнять своего имени, прославленнаго по всей Европѣ. Дочь ея Albertine [5]), весьма молодая дѣвушка, любезная, добрая и миловидная, сдружилась съ молодой сестрой моей матери, и оба семейства были безпрестанно вмѣстѣ.

---

[4]) Когда она спросила, почему состоялось такое приказаніе, и что сдѣлалъ Шлегель? ей отвѣчалъ Женевскій префектъ: „Его литературныя мнѣнія вредны; онъ, между прочимъ, въ одной брошюрѣ, сравнивая Федру Еврипида съ Федрой Расина, даетъ предпочтеніе Греческой надъ Французской.

[5]) Въ послѣдствіи замужемъ за герцогомъ де Броль. Мать писателя Альберта Броля.

Отецъ мой былъ тогда повѣреннымъ въ дѣлахъ, а по пріѣздѣ графа Григорія Александровича Строганова, оставался совѣтникомъ посольства, редакторомъ и настоящимъ сотрудникомъ посла. Графъ Строгановъ былъ тоже замѣчательная личность: нъ немъ, какъ во многихъ вельможахъ, выросшихъ подъ конецъ царствованія Екатерины, было, несуществующее нынѣ, смѣшеніе совершенно иностраннаго воспитанія, привычекъ, склада ума, съ чисто Русской чуткостью въ политикѣ, сердечной горячностью къ родинѣ и глубокимъ чувствомъ достоинства Россіи. Въ разговорѣ, въ языкѣ, въ пріемахъ, это былъ представитель либерально-аристократической молодежи Версальскаго двора; въ направленіи политическомъ; въ дипломатическихъ дѣлахъ, это былъ представитель Русскаго Государя и Русскаго народа. «Онъ былъ послѣдній Русскій посолъ въ Константинополѣ», говорили о немъ Славяне еще лѣтъ 20 назадъ; да еще въ такое время, когда сажали пословъ въ Семибашенный Замокъ, съ тѣмъ чтобы, при объявленіи войны, обезглавить ихъ. А во время Крымской войны, въ глубокой старости, ослѣпшій, удалившійся отъ дѣлъ, онъ однажды всталъ, попросивъ руку у одного изъ своихъ гостей, «чтобы проводить слѣпаго», и вышелъ изъ собственной гостинной, сказавъ дерзкому иностранцу, что «онъ не останется въ одной комнатѣ съ посѣтителемъ, который осмѣливается при немъ сказать слово неуважительное про Россію». Наслѣдный принцъ Шведскій, какъ его звали, генералъ Бернадотъ, былъ также лице замѣчательное и блистательное по уму и по военнымъ талантамъ. Батюшка особенно уважалъ въ немъ честнаго политическаго дѣятеля, искренно принявшаго на себя обязанности свои, какъ владѣтель земли, которой онъ отдался всецѣло, какъ второму отечеству. Его разговоръ тоже нравился батюшкѣ, не смотря на нѣсколько смѣшныя простонародныя выраженія и выговоръ южно-Французскій.

Такое же уваженіе за искреннее и добросовѣстное исполненіе царскихъ обязанностей на импровизированномъ престолѣ, въ чужой землѣ, сохранялъ батюшка къ Людовику Бонапарте, королю Голландскому, къ которому нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ ѣздилъ курьеромъ съ Андреевской лентой для старшаго его сына, и который отрекся отъ престола, какъ скоро убѣдился, что отъ него требуютъ пожертвовать Голландіей въ пользу Франціи.

Батюшку вѣнчалъ священникъ весьма умный, образованный и почтенный, Самборскій, бывшій духовникомъ великой княгини Александры Павловны, во время ея замужества за эрцгерцогомъ Іосифомъ, палатиномъ Венгерскимъ. Самборскій и дочь его Анна Андреевна были единственные друзья молодой, царской красавицы, Русской, брошенной среди семейства и круга холоднаго къ ней, или враждебнаго, отчасти изъ фанатизма Латинскаго, отчасти

изъ зависти къ вліянію ея очаровательной наружности. Матушка слышала отъ Самборскаго, что преслѣдованія мачихи эрцгерцога доходили до смѣшныхъ мелочей. Случилось, между прочимъ, что на одинъ народный спектакль Александра Павловна пріѣхала въ ложу, по обычаю, въ брилліантахъ; но брилліанты ея были гораздо болѣе цѣнные и лучше отдѣланные, нежели ея свекрови. Въ залѣ глаза всѣхъ были устремлены на нее съ ласковымъ удивленіемъ. Малодушная свекровь запретила ей надѣвать брилліанты въ театръ; она кротко повиновалась. Но въ слѣдующій разъ, когда она взошла въ ложу съ одними только цвѣтами въ волосахъ, вмѣсто діадемы, ея юная красота была ослѣпительнѣе драгоцѣнныхъ каменьевъ, и шепотъ сдержаннаго удивленія прошелъ въ публикѣ. Бѣдной Александрѣ Павловнѣ пришлось вынести еще непріятности и за это. Словомъ, повторялась, въ дѣйствительности для нея, басня волшебныхъ сказокъ о злой мачихѣ и прекрасной царевнѣ. Не смотря на любовь мужа, она была такъ притѣсняема и несчастна, что Самборскій (не имѣя возможности писать о ней даже съ курьеромъ), рѣшился отправить дочь свою Анну Андреевну съ фельдъ-егеремъ на перекладной въ Петербургъ, дабы довести до свѣдѣнія императора Павла о тяжкомъ положеніи великой княгини. Когда Самборская пріѣхала, она уже не застала Павла I въ живыхъ, а вскорѣ и Александра Павловна скончалась, разрѣшившись преждевременно отъ бремени, вслѣдствіе, какъ думали Самборскіе, всѣхъ огорченій и преслѣдованій, которыхъ она была жертвою. За нею такой былъ плохой уходъ, что она умерла одна, безъ сидѣлки, и когда вошли въ ея комнату, нашли ее мертвой съ рукою на колокольчикѣ, которымъ у нея недостало силъ позвонить. Это послѣднее обстоятельство было мнѣ подтверждено графиней Ревай, которая была при ней фрейлиной и до глубокой старости (когда я познакомилась съ ней) сохранила къ Александрѣ Павловнѣ благоговѣйную преданность и, ради ея, любила всѣхъ Русскихъ и старалась сближаться съ ними.

Ложныя сочиненія И. А. Крылова.

Еще самъ И. А. Крыловъ, въ 1812 году, чистосердечно отрекался отъ одного «литературнаго подкидыша»—довольно колкой эпиграммы на министра А. С. Шишкова [1]). Въ настоящую же минуту приходится отчеркнуть его фамилію еще отъ нѣсколькихъ произведеній, также написанныхъ чужимъ перомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто коротко знакомъ съ «полнымъ собраніемъ сочиненій Крылова», тому, конечно, хорошо извѣстно, что между поэтическими трудами нашего баснописца числятся два стихотворенія, подъ слѣдующими заголовками: «Изображеніе Анеты эскизомъ» и «Похищенные волоски въ перстень» [2]). Съ легкой руки издателя эти произведенія попали на страницы даже лучшихъ біографій Крылова [3]) и послужили удобнымъ матерьяломъ для окраски интимныхъ чувствъ баснописца. Но этого было мало: нѣкоторые библіографы къ двумъ названнымъ стихамъ привязали три новыя стихотворенія, помѣщенныя въ одномъ старинномъ журналѣ и будто бы написанныя Крыловымъ, а именно: «Въ честь дамъ, игравшихъ роли Заиры и Фатимы, въ трагедіи Вольтера», «Хоры на тотъ же случай» и «На мѣстѣ бесѣдки при гробницѣ» [4]). Между тѣмъ всѣ перечисленныя сочиненія не имѣли никакого права пользоваться дорогимъ именемъ Крылова: они были написаны малоизвѣстнымъ авторомъ—Петромъ Матвѣевичемъ Карабановымъ [5]) и напечатаны въ сборникѣ его «Стихотвореній», два раза изданномъ еще при жизни баснописца [6]).—Такой «литературный подмѣнъ», по нашему мнѣнію, произошелъ отъ неудачной разгадки журнальныхъ псевдонимовъ. Какъ извѣстно, въ 1793 году, подъ редакціей Крылова и его друга А. И. Клушина, выходило ежемѣсячное изданіе—«Санктпетербургскій Меркурій». Каждая книжка этого журнала, большею частью, наполнялась разнообразными статьями обоихъ редакторовъ. Такъ первый изъ нихъ, подъ своей полной фа-

---

1) Сборникъ статей, читан. въ отдѣл. Русск. языка и словесности при Академіи наукъ, Спб. 1869 г., т. VI, стр. 274—275.

2) Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова, Спб. 1847 г., т. II, стр. 32—36.

3) См., напримѣръ, статью академика Грота: „Литературная жизнь Крылова", Спб. 1868 г., стр. 47.

4) См. „Историческое разысканіе о Русск. повремен изданіяхъ и сборникахъ", А. Неустроева, Спб. 1874 г., стр. 745.

5) Свѣдѣнія объ этомъ писателѣ можно найти у митр. Евгенія (Словарь свѣтск. пис. М. 1845 г., т. I, стр. 272—273) и г. Смирнова (Истор. Троиц. семин., стр. 525—526).

6) „Стихотворенія Петра Карабанова" Спб. 1801 г. (съ посвященіемъ графу Ѳ. В. Ростопчину). Изд. 2-е, М. 1812 года, ч. I, стр. 185—189.

миліей, помѣстилъ на листахъ «Меркурія» двѣ прозаическія сатиры [7]), два критическіе разбора театральныхъ пьесъ [8]) и вереницу стиховъ [9]). Но, рядомъ съ произведеніями самихъ издателей, нерѣдко печатались труды посторонних авторовъ, главнымъ образомъ—новичковъ въ литературѣ: то были статьи, подъ которыми или виднѣлась стереотипная отмѣтка: «прислано отъ неизвѣстной особы», или значились разные слоги, буквы, цифры и точки [10]). За такими же таинственными подписями скрывалъ свое имя и П. М. Карабановъ: при всѣхъ пяти стихотвореніяхъ, обозначенныхъ выше и напечатанныхъ въ «Меркуріи» [11]), онъ выставилъ нѣсколько точекъ и двѣ послѣднія буквы своей фамиліи (...въ). Издатель же «сочиненій Крылова» и нѣкоторые библіографы, предполагая, что этотъ псевдонимъ маскируетъ имя извѣстнаго баснописца, безъ долгихъ справокъ, причислили названные стихи къ вереницѣ Крыловскихъ произведеній.

Дим. Языковъ.

---

7) „Похвальная рѣчь наукѣ убивать время“ (кн. I, стр. 22—52) и „Похвальная рѣчь Ермалафиду“ (кн. IV, стр. 26—55).

8) „Примѣчанія на комедію: „Смѣхъ и горе“ (кн II, стр. 104—130) и отзывъ о комедіи „Алхимистъ“ (кн. VI, стр. 213—222).

9) Наприм. „Утѣшеніе Анютѣ“ (кн V, стр. 56—63), „Мое оправданіе къ Анютѣ“ (кн. VI, стр. 188—189), „Къ другу моему“ (кн. VII, стр. 3—18), „Ода на случай фейерверка“ (кн. IX, стр. 191—192), „Къ счастію“ (кн. XI, стр. 96—108) и „Мой отъѣздъ“ (кн. XII, стр. 205—208).

10) Большею частію эти загадочныя подписи объяснены г. Неустроевымъ (Историч разыск., стр. 743—746). Къ его разгадкамъ остается лишь прибавить, что „Разсужденіе о г. Попѣ“ (кн. IV, стр. 69—76) и статья: „О Сократѣ“ (кн. V, стр. 150—157)—анонимные переводы И. И. Мартынова, какъ давно уже указалъ г. Колбасинъ (Литер. дѣятели прежн. времени, Спб. 1859 г. стр. 38); „Сатира“ за подписью: „К. Д. Г.“ (кн. VIII, стр. 100—111)—сочиненіе кн. Д. П. Горчакова, перепечатанное съ полнымъ именемъ автора въ „Памятникѣ отечествен. музъ“ на 1827 г.; а стихотвореніе „Къ камину“ съ подписью: „.... нъ“ (кн. XI, стр. 109—119)—первый трудъ В. Л. Пушкина, какъ раскрылъ г. Галаховъ (Историч. христом. нов. періода, т. II, стр. 146).

11) Санктпетерб. Меркурій 1793 г., кн IX, стр. 193—203 и кн. X, стр. 38—41.

ОПЕЧАТКИ

во второй книгѣ Русскаго Архива 1879 года:

стр. 339 строка 5-я сверху: ему нужно—еще нужно.

стр. 352 строка 13 сверху: не нужно словъ «гдѣ же?»

стр 367 строка 31 сверху пане—господине.

стр. 370 строка 36 сверху слышатся палильники—слышатся пасмѣшки

Тамъ же строка 52 Сербъ Тонаковичъ—Сербъ Тонаковичъ.

Стр. 371 строка 6 и 26 колышниковъ—коняниковъ.

Таме же, послѣдняя строка: Щербаловцы—Щербановцы.

стр. 375 пропущены слова: «а вдругъ скажутъ: подписался на бумагѣ и оставайся въ Сербіи».

Въ третьей книгѣ Русскаго Архива 1879 года:

стр. 184 строка 12 снизу: фунту—фрунту.

стр. 191 строка 8 снизу: замѣчалъ—замѣнялъ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1879 г.

(Тетради 9, 10, 11 и 12).

*

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1879 г.

(Тетради 9, 10, 11, 12).

ПРОГРАММА СЕМЕЙНЫХЪ ВЕЧЕРОВЪ.

Отдѣлъ для семейнаго чтенія.

1) Романы, стихотворенія, повѣсти, разсказы, оригинальные и переводные (съ картинами. 2) Біографіи замѣчательныхъ людей (съ картинами). 3) Мемуары, историческіе очерки и путешествія (съ картинами). 4) Популярныя чтенія извѣстныхъ писателей, статьи по части естествознанія, техническихъ искусствъ, музыки и т. д. (съ рисунками). 5) Разборы замѣчательныхъ сочиненій, какъ по Русской литературѣ, такъ и по иностранной, копіи съ лучшихъ картинъ, современныя событія, новыя открытія, библіографія, смѣсь, анекдоты и т. п.

Отдѣлъ для дѣтей.

1) Повѣсти, стихотворенія, разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные (съ картинами). 2) Дѣтство замѣчательныхъ людей (съ картинами). 3) Путешествія въ разсказахъ, статьи по части исторіи священной, отечественной и всеобщей, принаровленныя для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ (съ картинами). 4). Статьи по части естествознанія, техническихъ искусствъ, скульптуры, живописи, музыки, литературы и т. п., принаровленныя для дѣтей (съ картинами). 5) Театральныя пьесы, задачи, ребусы, шарады, логариѳмы, изрѣченія замѣчательныхъ людей.

Въ отдѣлѣ для САМЫХЪ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ будутъ помѣщаться, какъ и прежде, разсказы для дѣтей отъ 5 до 8 лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ дост.	Съ дост.
Полный журналъ (въ 24 кн.)	10 р.	11 р. — »
Отдѣлъ для дѣтей (12 кн.)	5 »	5 » 50 к.
» » сем. чтен. (12 кн.)	5 »	5 » 50 »

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакціи на полный журналъ, уступается 1 р.

Для земскихъ школъ, подписывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кромѣ того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній—за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ,—не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ впередъ.

За всѣ года, начиная съ 1874 г., имѣются полные экземпляры въ изящныхъ переплетахъ съ хромолитографированной картиной.

ЦѢНА:

Семейное Чтеніе . . . . 5 р. — »

Пересылка за 4 фунта, смотря по разстоянію.

Отдѣлъ для дѣтей. . . . . 4 » 75 к.

Пересылка за 4 фунта.

Отдѣлъ для самыхъ маленькихъ дѣтей . . . . 1 » 50 »

Пересылка за 1 фунтъ.

Для всѣхъ, выписывающихъ 6 прежнихъ годовъ разомъ, уступается безъ пересылки:

Въ переплетѣ, вмѣсто . . . . 67 р. 50 коп. за 54 р.

Безъ переплета, вмѣсто. . . . . 54 » » 40 »

За пересылку платятъ отдѣльно, смотря по разстоянію, за 8 фунтовъ каждый полный годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ редакціи журнала «Семейные Вечера», у Семіоновскаго моста, на углу Караванной и Фонтанки, въ д. № 1—2, кв. № 21.

Редакторъ-Издательница **Софія Сергѣевна Кашпирева**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1880

ГОДЪ ОСМНАДЦАТЫЙ

будетъ издаваться въ томъ же объемѣ и на тѣхъ основаніяхъ, какъ и первыя семнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1880 года въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ доставкою на домъ, равно и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Ермолаевскую Садовую, въ домъ Баженовой, въ Главную Контору Русскаго Архива. Въ Петербургѣ можно подписываться на Невскомъ, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

Въ означенныхъ мѣстахъ также можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1877, 1878 и 1879 годовъ; остальные годы вышли изъ продажи.

Долговременный опытъ доказалъ намъ, что ежемѣсячная срочность изданія не легко совмѣстима съ строгою выдержкою, необходимою въ работахъ исторіографіи, которая требуетъ продолжительныхъ сличеній, сопоставленій, справокъ и подтвержденій. Кромѣ того, въ настоящее время въ рукописныхъ запасахъ Русскаго Архива накопилось нѣсколько большихъ статей, изслѣдованій, записокъ и другихъ историческихъ бумагъ, обнародовать которыя раздробительными тетрадями было бы неудобно. Поэтому, въ 1880 году издатель предпочитаетъ печатать Русскій Архивъ не ежемѣсячными выпусками, а цѣлыми книгами, которыя будутъ выходить безсрочно, по мѣрѣ отпечатанія.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.